

Дневники (1915-1925)
О. Бессарабовой

*Хроника
1921 года
в документах*
**М. Цветаева –
Б. Бессарабов**

*Хроника
1921 года
в документах*

*ки' касались суровой тал
ая слабка детских губ.
Финляндия льда - молада
- серебристая, возраста или пер
ливые леса - и, расцвевшие, врее
и провалывались в болота по
ловной - и через две
состит*

Дневники (1915-1925)
**Ольги
Бессарабовой**

Дневники
О. Бессарабовой

М. Цветаева –
Б. Бессарабов

Дневники
О. Бессарабовой

М. Цветаева –
Б. Бессарабов

**Марина
Цветаева –
Борис
Бессарабов**

*Хроника 1921 года
в документах*

Дневники (1915–1925)
**Ольги
Бессарабовой**

Москва
Эллис Лак
2010

УДК 882-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ц 27

Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

В книге использованы материалы Дома-музея Марины Цветаевой

Вступительная статья, подготовка текста, составление
Н.А. Громовой

Комментарии *Н.А. Громовой, Г.П. Мельник, В.И. Холкина*

Художник *В.М. Мельников*

Редакционно-издательский совет:

А.М. Смирнова
(председатель, директор издательства)
Э.С. Красовская
(директор Дома-музея Марины Цветаевой)
Н.А. Громова
Т.А. Горькова
В.М. Мельников

<i>С.В. Федотов</i>

© «Эллис Лак 2000», 2010

© Н.А. Громова. Вступ. статья, подгот. текста, состав., 2010

© Н.А. Громова, Г.П. Мельник, В.И. Холкин. Комментарии, 2010

ISBN 978-5-902152-83-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ольга Бессарабова много лет вела дневник, на страницах которого представлена культурная среда начала и середины XX века. Ее дневники содержат уникальные свидетельства о Леониде и Данииле Андрееве, Павле Флоренском, Владимире Фаворском и др.

Здесь подробно описаны известные московские семьи: Добровых, где рос сын Леонида Андреева Даниил, Бориса Зайцева и Константина Бальмонта, Кудашевых, овдовевшей Татьяны Скрябиной.

Книга состоит из двух частей: материалов из архива Бессарабовых, в которые включены фрагменты писем и дневниковых записей Марины Цветаевой, и дневников Ольги Бессарабовой.

Цветаева и Бессарабов

С молодым красноармейцем Борисом Бессарабовым Марина Цветаева познакомилась в доме доктора Филиппа Александровича Доброва в русский Новый год (то есть в канун 14 января 1921 года). Об этой известной московской семье в своей мемуарной повести вспоминал старший сын писателя Леонида Андреева Вадим:

«Дом Добровых в Москве, — номер пятый по Малому Левшинскому переулку, около самой Пречистенки — это целая, уже давно ушедшая в прошлое эпоха русской интеллигентской семьи — полупровинциальной, полустоличной, с неизбежными “Русскими ведомостями”, с бесконечными чаепитиями по вечерам, с такими же бесконечными политическими разговорами <...>».

Видимо, Цветаева не раз бывала в этом дружелюбном доме в 1920—1921 годах. В эти же годы у Добровых жил Борис Бессарабов. В тот зимний день Борис, вернувшись со службы, застал в комнате Шурочки Доб-

* Андреев В.Л. Детство. М., 1963. С. 102—103.

ровой большую компанию. Среди гостей были Марина Цветаева, Владимир Маяковский, Лиля Брик, Татьяна Скрябина. Вечером Борис пошел провожать Татьяну Скрябину и Марину Цветаеву. Сначала они дошли до дома Скрябиных в Николопесковском переулке. Потом свернули в Борисоглебский, стояли, долго разговаривали — Цветаеву интересовало, кто такие большевики. На прощание она попросила Бориса помочь Татьяне Скрябиной справиться с метровыми кряжами дров, которые ей выделило советское правительство. Бессарабов согласился, он уже делал это для других знакомых. Стал приходиться колоть дрова, а вдова композитора играла ему на рояле, рассказывала о Скрябине.

Борис Бессарабов показался Цветаевой настоящим русским богатырем, а ему, как выяснилось, были хорошо знакомы стихи Цветаевой.

В Борисоглебском Бессарабов стал бывать почти ежедневно. Завязалась пылкая дружба: юноша просиживал у Марины днями и ночами, переписывал красивым почерком «Царь-девицу». Тогда же Цветаева начинает писать, как она выражалась, «в пару Царь-девице» поэму «Егорушка», прототипом которой стал Борис Бессарабов.

В конце февраля он уехал комиссаром с инспекцией на запад к польской границе, а потом, вернувшись в Москву, ушел из многонаселенного дома Добровых к Цветаевой в Борисоглебский переулок. В апреле 1921 года Бессарабов выполнил поручение Марины Цветаевой, которое считал для себя очень знаменательным, — лично передал Ахматовой письмо и иконку, о чем сначала написал сестре в письме, а спустя годы — в своих воспоминаниях.

В доме Бессарабовых Ахматова была любимым поэтом, и Борис незамедлительно сообщает о каждом слове их кумира сестре Ольге. Заметим, что встреча поэта и красноармейца происходит на фоне только что закончившегося Кронштадтского мятежа, в подавлении которого участвовал младший брат Бориса Всеволод, едва там не погибший.

Через несколько месяцев Цветаева охладела к Бессарабову, а вслед за ним и к своей поэме «Егорушка», оттого, видимо, так и не окончила ее.

Летом после тяжело перенесенной малярии Бессарабов демобилизовался из армии. Не желая «второй раз вступать в партию», не прошел партийную «чистку» и, таким образом, выбыл из партии. Его смущало введение нэпа. Он вернулся в Воронеж, где занялся организацией художественных мастерских. Письма и вещи Бессарабова из дома Цветаевой забирала его сестра Ольга Александровна, которая к тому времени уже была в Москве.

Кем же был на самом деле герой цветаевской поэмы «Егорушка»?

Борис Александрович Бессарабов родился в Воронеже 2(14) декабря 1897 года. Его мать, Анна Петровна Косцова, происходившая из семьи рязанских старообрядцев купеческого звания, была домашней учи-

тельницей. Отец работал на железной дороге машинистом, в 1903 году умер от чахотки. В семье было пятеро детей — четыре брата и сестра.

Совсем немного Борис не доучился в Воронежской мужской гимназии. В 1918 году был председателем Союза учащихся в Объединенном совете старост, принял участие в создании Художественной школы. В июле 1918 года ездил в Москву и оказался очевидцем покушения на В.И. Ленина. В сентябре 1919 года Борис Бессарабов вступил добровольцем в Красную армию, где был назначен секретарем военкома 7-й железнодорожной роты. В конце 1919 года он заболел тифом и попал в Харьковский военный госпиталь. Вернувшись в строй после болезни, был назначен на должность секретаря военкома 4-й железнодорожной бригады Южного фронта и отправлен в Саратов, а затем отозван в Москву в штаб железнодорожных войск республики — VI отдел ЦУПВОСО (Центральное управление военных сообщений).

В январе 1921-го Бессарабов познакомился с Мариной Цветаевой, а в конце февраля выехал в качестве комиссара с инспекцией на запад к польской границе с начальником железнодорожных войск республики Скребневым. В первых числах апреля, после Кронштадтского мятежа, приехал в Петроград повидаться с братом Всеволодом. Вернувшись в Воронеж в августе 1921 года, принимал участие в создании Воронежских художественных мастерских. Сохранилась его переписка с художником С. Романовичем. В 1922 году женился на Наталье Рындиной (которая ушла от художника В. Рындина), но в 1935 году они расстались. Н.И. Бессарабова стала известна как главный художник Гжели. Ее работы хранятся почти во всех крупных музеях бывшего СССР.

Борис Александрович Бессарабов дружил с многими художниками — А. Дейнекой, Н. Чернышевым, Б. Иогансоном. С 1925 по 1941 год участвовал в организации многочисленных художественных выставок по всей стране. В 1940 году женился на Ирине Алексеевне Гофф, урожденной Мельгуновой, внучатой племяннице члена IV Государственной думы, воспитаннице Института благородных девиц. В 1941 году Борис Бессарабов был мобилизован в армию, в 1945-м демобилизовался. Жил отдельными художественными заказами. Не имея комнаты в Москве, он построил дачу в Хотькове, где жил до конца своих дней. С 1966 года начал писать отрывочные заметки о Марине Цветаевой, выстраивал план воспоминаний о разных известных людях, с которыми его сводила судьба. Сохранилась небольшая переписка Бориса Бессарабова с Ариадной Эфрон. Умер он в Москве в 1970 году, спустя несколько месяцев после смерти жены.

В середине 90-х годов в музее Марины Цветаевой оказались бумаги Бориса Александровича Бессарабова. Эти документы и ряд ис-

следований стали основой Третьей международной Цветаевской конференции*. Архивных материалов, опубликованных в сборнике, было очень мало: набросок воспоминаний о Цветаевой, черновик письма Бориса Бессарабова к Ариадне Эфрон и его поздние (60-х годов) воспоминания о встрече с Анной Ахматовой в 1921 году". И только спустя пять лет после первой публикации архивных материалов племянница Бориса Бессарабова Анна Степановна Веселовская передала в музей несколько десятков увесистых тетрадей — дневники своей матери, сестры Бориса, Ольги Александровны Бессарабовой.

Если раньше в научном обороте были отдельные документы из архива Бориса Бессарабова, то теперь в фондах Дома-музея М.И. Цветаевой появился объемный и разноплановый Бессарабовский архив, требующий изучения и публикации.

Дневники Ольги Бессарабовой

То, что оказалось под обложками тетрадей, превзошло все ожидания. Аккуратно сшитые, с вклеенными фотографиями и письмами, они начинаются с 1906-го и продолжаются до 1925 года. Во многих тетрадях, кроме записей автора, дневников, вложены или переписаны письма, открытки и фотографии героев повествования. Ольга описывает детство, дом, себя и своих маленьких братьев, жизнь в гимназии, частные уроки матери. Вначале записи носят узкосемейный характер, но с 1916 года их историческая ценность возрастает: появляются целые страницы с описаниями приезда и разговоров Леонида Андреева на даче Добровых в Бутове, жизни московских улиц во время Февральской, а затем Октябрьской революции, возникают известные исторические фигуры.

Провинциальная воронежская барышня Ольга Бессарабова, с 1915 года подолгу жившая в Москве, а после смерти матери переселившаяся в 1921 году из Воронежа в Сергиев Посад, старательно записывала впечатления, разговоры, суждения тех, с кем ей приходилось встречаться или рядом жить. Это были Леонид Андреев, Даниил Андреев, Майя Кудашева, Татьяна Скрябина и Ариадна Скрябина, Борис Зайцев, о. Павел Флоренский, семья художника Владимира Фаворского, а также Мансуровых, Олсуфьевых, Шаховских, Розановых и многих других...

* Поэмы Марины Цветаевой «Егорушка» и «Красный бычок». Третья международная научно-тематическая конференция (9–10 октября 1995 г.) Дом-музей Марины Цветаевой. М., 1995. См. также: *Катаева-Лыткина Н.И.* «Большевик» и Марина Цветаева (Борис Бессарабов как личность и прототип героя стихотворения «Большевик» и поэмы «Егорушка»). С. 8–39.

** В настоящем издании приводятся записи о двух встречах с А. Ахматовой, сделанные непосредственно в апреле 1921 г.

Драгоценная страница тетради — копия ранее неизвестного письма Марины Цветаевой Борису Бессарабову от 31 января/14 февраля 1921 года. Оригинал его Борис долго и бережно хранил, но во время Великой Отечественной войны автограф пропал вместе с другими вещами из квартиры его друга. И только благодаря Ольге, ее аккуратности, нам стало известно содержание письма.

Но тетради с дневником 1921 года в архиве сначала не было. А именно в нем находилось все, что касалось пребывания Бориса Бессарабова в Борисоглебском переулке, в доме Марины Цветаевой. Правда, к другим тетрадям было приложено оглавление, где перечислялись все сюжеты, связанные с Цветаевой и Борисом. Дневник 1921 года надо было непременно найти. После переговоров и поисков Анна Степановна (дочь Ольги Бессарабовой) передала дневник в музей. Эта находка чрезвычайно обогатила цветаевскую биографию. Письма Бориса Бессарабова к сестре, вложенные в хронологическом порядке в объемную тетрадь, где он подробно рассказывает о своей жизни в Борисоглебском переулке, по-новому освещают жизнь Цветаевой в голодном 1921 году. Из этих документов видно, что Борис Бессарабов стал серьезной опорой в ее тяжелом быту. Будучи комиссаром инспекции железнодорожных войск, он совершал поездки с запада на юг по стране. У него был приличный по тем временам паек, которым он делился с Мариной и ее дочкой Алей; в дороге Бессарабов обменивал вещи на продукты, и делал он это не только для Цветаевой, но и для семьи Бориса Зайцева, художника Крымова и семьи Добровых. Борис оказал Марине Ивановне неоценимую услугу: помог выехать из голодного Крыма в Москву сестре Анастасии с сыном. Он сделал для них пропуск, а затем устроил Анастасию на работу в литературный кружок при ЦУПВОСО.

Московский круг общения Ольги Бессарабовой сложился благодаря старшей подруге и наставнице Варваре Григорьевне Малахиевой-Мирович, писательнице, поэтессе, театральному критику. У нее с Бессарабовыми было дальнее воронежское родство, через отчима Ольги и Бориса — Ивана Васильевича Соловкина. Но главное, она нежно полюбила Ольгу, когда та была еще маленькой девочкой, и с удовольствием откровенно перед ней мир литературы, искусства, театра. Именно Варвара Григорьевна внушила Ольге Бессарабовой необходимость вести дневники, а так как их жизнь очень долго проходила рядом, то вся литературная и художественная среда стала для них общей. Варвара Григорьевна привела Ольгу и Бориса в дом своих друзей — Добровых, где рос сначала с бабушкой, а затем с тетей маленький сын Леонида Андреева — Даниил.

В.Г. Малахиева-Мирович родилась в Киеве в 1869 году и прожила долгую жизнь — до 1954 года. С самых юных лет Варвара Григорьевна

(Вава – так называли ее дома) была близко связана с семьей философа Льва Шестова; он делал предложение ее старшей сестре Анастасии, но брак не состоялся. (Возможно, это потрясение вызвало у нее тяжелое психическое заболевание, свои дни Анастасия закончила в 1919 году в клинике для душевнобольных.)

Варвара Григорьевна в начале века работала в беллетристическом отделе журнала «Русская мысль», писала рецензии, очерки, обзоры. В декабре 1909 года она побывала в гостях у Льва Толстого и взяла у него большое интервью. Ее записки «В Ясной Поляне» опубликованы в № 1 журнала «Русская мысль» за 1911 год и в Сборнике воспоминаний о Л.Н. Толстом (М., 1911).

Она же помогла Льву Шестову встретиться с Львом Толстым. Еще в 1900 году Шестов послал писателю свою книгу «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше», и 2 марта 1910 года навещил Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Варвара Григорьевна дружила с Е. Гуро, М. Пришвиным, А. Волынским, Е. Лундбергом. В киевских и петербургских газетах и журналах в начале XX века постоянно выходили ее театральные рецензии, критические статьи о живописи и литературе. Всю жизнь день за днем писала стихи, очень неровные, однако среди них есть те, что составили сборник «Монастырское»*. Среди работ Варвары Григорьевны – перевод с английского (совместно с М.В. Шиком) книги У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» (М., 1910), которую она преподнесла Л.Н. Толстому, когда была у него в Ясной Поляне. Ближайшей подругой В.Г. Малахиевой-Мирович и Льва Шестова многие годы была актриса МХАТа Надежда Бутова.

В 1916 году в Москве Варвара Григорьевна собирала философско-художественный кружок «Радость», куда входили дети ее друзей – Нина Бальмонт, Алла Тарасова, Ольга Ильинская (сестра Игоря Ильинского), Татьяна Березовская (дочь Льва Шестова), Олечка Бессарабова, сын Веры Зайцевой от первого брака Алексей Смирнов (был расстрелян в ноябре 1919 года) и многие другие.

В 1918–1919 годах, спасаясь от голода и Гражданской войны, Варвара Григорьевна, Татьяна Скрябина с тремя детьми и Лев Шестов с двумя девочками оказались в Киеве и поселились в большой квартире Даниила Балаховского (зятя Льва Шестова), уехавшего незадолго до этого за границу. Лев Шестов в это время выступал в Киеве с докладами, лекциями, читал курс истории, древней философии в Народном университете, работал над статьями, вошедшими в сборник «Власть ключей». Однако представители постоянно сменяющихся властей пы-

* Малахиева-Мирович В.Г. Монастырское / Обл. М. Фаворской. – М.: Костры, 1923.

тались выселить и даже арестовать всю компанию. Тогда возникла идея «Скрябинского общества», участниками которого стали называть себя все живущие в этой квартире. Реквизировать квартиру не решались ни красные, ни белые. Осенью 1919 года Лев Шестов с семьей уехал в Крым, а затем через Францию — в Швейцарию. Варвара Григорьевна с Татьяной Скрябиной, потерявшей в результате несчастного случая в Киеве любимого сына Юлиана, отправилась сначала в Ростов, а затем в Москву. Татьяна Скрябина с дочерьми поселилась на Арбате в доме своего покойного мужа, где вскоре умерла от тяжелой болезни. Здесь проходили их встречи с Мариной Цветаевой, их недолгая, но очень яркая дружба.

Все эти сюжеты из дневников и писем Ольги Бессарабовой делают их новым источником в историко-литературных исследованиях. Но не только документальная основа привлекает внимание к дневникам; перед нами проходит жизнь замечательной девушки начала XX века, воспитанной на лучших образцах мировой культуры, исполненной сочувствия и любви ко всем, с кем сводит ее судьба. В 1921 году летом она по собственному почину идет работать санитаркой в холерный барак, чтобы облегчить страдания своих земляков. А ведь незадолго до этого в феврале 1920 года в Воронеже умерла от тифа ее мать. На руках остался тяжелобольной отчим. В самые трагические моменты в Ольге Бессарабовой побеждало безграничное доверие к жизни, она сохраняла стойкую уверенность, что кроме смерти ничего страшного с ней случиться не может.

В 1921 году Варвара Григорьевна и Ольга Бессарабова поселились в Сергиевом Посаде в доме Голубцовых. Тогда там жили Флоренские, Мансуровы, Олсуфьевы, Челищевы, Истомины и др. Варвара Григорьевна преподавала в педагогическом техникуме, а Ольга там училась. Жизнь Ольги круто изменилась в 1927 году, когда она вышла замуж за историка, будущего академика Степана Борисовича Веселовского. Еще в 1917 году под его началом она работала в Московском земском архиве. В те дни Ольга ходила на работу по московским улицам, где видела сначала мартовские демонстрации счастливых и свободных граждан, а затем, в ноябрьские дни, когда город все больше погружался в хаос, на улицах появились совсем другие лица — неодухотворенные, мрачные, злые. Тогда она пришла к Веселовскому, в то время уже известному историку, с очень важным для нее вопросом: «Что же будет с Россией?» Ей надо было понять, как жить дальше, на что надеяться. Он ответил ей поразительно точным и абсолютно безнадежным прогнозом — его ответ Ольга записала в своем дневнике.

В 1927 году совершенно случайно они встретились на Театральной площади возле Большого театра. Степан Борисович предложил

Ольге стать его женой, и она согласилась. С этого времени она полностью подчинила жизнь интересам семьи и делу своего мужа.

В.Г. Малахиева-Мирович, которая не умела в одиночку справляться с бытовыми сложностями, нашла пристанище в доме актрисы Аллы Тарасовой. В годы юности в Киеве ее связывала дружба с гимназической подругой Нилочкой Чеботаревой — Леониллой Николаевной, потом Варвара Григорьевна стала близким другом всей ее семьи. Аллу Тарасову она воспитала и привела в театр. Привязанность к семье Тарасовых была у нее столь велика, что, получив долгожданную комнатушку в коммуналке, она отдала ее их родственнице, а сама жила в квартире Аллы за занавеской на кухне. Но часто ей было нестерпимо оставаться в благополучном тарасовском доме, где она могла услышать в свой адрес какое-нибудь брезгливое слово. И тогда — в старом плаще, стоптанных ботинках — Варвара уходила бродить по Москве в поисках ночлега. Среди тех, кто любил ее и всегда старался накормить и обогреть, были Олечка Бессарабова и семья Добровых.

Семья Добровых, о которой подробно вспоминают Борис и Ольга Бессарабовы, была знаменита в московской литературной среде с конца XIX века. Род Велигорских, к которому принадлежали жена Ф.А. Доброва Елизавета Михайловна и ее сестры Екатерина и Александра, ведется по линии отца от древнего польского дворянского рода, а по линии матери, Ефросиньи Варфоломеевны (Бусеньки), — от Варфоломея Григорьевича Шевченко, троюродного брата Тараса Шевченко, чем он очень гордился.

У Ефросиньи Варфоломеевны было еще два сына — Петр и Павел, с ними юный Леонид Андреев вместе учился в орловской гимназии. Благодаря братьям он попал в дом Добровых, о котором писал редактору-издателю В.С. Миролубову: «...не будь на свете этих Добровых, я был бы или на Хитровке, или на том свете — а уж в литературу не попал бы ни в коем случае»^{*}.

Леонид Андреев стал ухаживать за юной Шурочкой Велигорской. Венчались они 9 февраля 1902 года в церкви Николая Явленного на Арбате. Первым родился в декабре их сын Вадим. Он тоже очень любил дом Филиппа Александровича Доброва, о котором спустя годы писал в мемуарах: «...дядя Филипп по всему складу своего характера был типичнейшим русским интеллигентом, — с гостями, засиживавшимися за полночь, со спорами о революции, Боге и человечестве. Душевная, даже задушевная доброта и нежность соединялись здесь с почти пуританской строгостью и выдержанностью. Огром-

^{*} Литературный архив. Т. 5. М.;Л., 1956. С. 80.

ный кабинет с книжными шкафами и мягкими диванами, с большим, бехштейновским роялем — Филипп Александрович был превосходным пианистом — меньше всего напоминал кабинет доктора. Приемная, находившаяся рядом с кабинетом, после того как расхотелись больные, превращалась в самую обыкновенную комнату, где по вечерам я готовил уроки. В столовой, отделявшейся от кабинета толстыми суконными занавесками, на стене висел портрет отца, нарисованный им самим. На черном угольном фоне четкий, медальный профиль, голый твердый подбородок — Леонид Андреев того периода, когда он был известен как Джеймс Линч, фельетонист московской газеты «Курьер». В доме было много мебели — огромные комоды, гигантские шкафы, этажерки. В комнате, где я жил вместе с Данией, весь угол был уставлен старинными образами — их не тронули после смерти бабушки Ефросиньи Варфоломеевны. В доме, особенно в непарадных комнатах, остался след ее незримого присутствия. Мне казалось, что я вижу ее фигуру — высокую, строгую, властную, медленно проходящую полутемным коридором, в длинном, волочащемся по полу платье*.

Филипп Александрович Добров — уроженец Тамбова, потомственный врач, всю жизнь прожил в Москве и работал в Первой Градской больнице. Его отца пациенты звали не «Добров», а «доктор Добрый». Да и Филипп Александрович полностью отвечал своей фамилии. Этот дом был пристанищем и в дни радости, и дни печали. В голодные годы они давали кров и пищу множеству людей. Для Даниила Андреева, после того как его, новорожденного, забрала к себе бабушка в добровский дом, где его стали растить и воспитывать как родного сына, Елизавета Михайловна Доброва стала «мамой Лилей», а Филипп Александрович — отцом. «Бусенька», к несчастью, умерла, заразившись от шестилетнего внука дифтеритом. Варвара Григорьевна Мирович, месяцами жившая под кровом добровского дома, оказала огромное влияние на подрастающего мальчика. В 1920 году юный поэт познакомился и подружился с Ариадной Скрябиной, которая тоже писала стихи и приходила в гостеприимный добровский дом. В 1923 году в этот дом вошел поэт, переводчик, троюродный брат А. Блока Александр Коваленский, ставший мужем двоюродной сестры Даниила Шурочки Добровой. Коваленский имел огромное влияние на Даниила и какое-то время был его наставником. В дневнике Ольги Бессарабовой перед нами откроются неизвестные страницы детства и взросления Даниила Андреева.

* Андреев В.Л. Детство. С. 103.

Во время Великой Отечественной войны старики Добровы умерли, Даниил ушел на фронт, а от квартиры, которую начали уплотнять еще в середине 20-х годов, осталось всего несколько комнат. Именно сюда Даниил привел после войны новую жену Аллу, которая была спутницей его друга художника Ивашова-Мусатова. Их роман начался еще до войны. Для Аллы была важна литературная слава ее избранника, начались домашние чтения очень «опасного» романа Даниила Андреева о судьбе интеллигенции в 1937 году «Странники ночи». Эти чтения не могли не обернуться катастрофой. Все слушатели романа, а также родственники Даниила Андреева были арестованы. Роковым образом были полностью сметены остатки добровского дома. Забрали супругов Добровых, Коваленских (Александр был закован в гипсовый корсет из-за туберкулеза позвоночника) и многих других.

К сожалению, в список читавших и слушавших его роман, составленный Даниилом Андреевым под давлением следователей МГБ, было внесено и имя престарелой Варвары Григорьевны Малахиевой-Мирович. Только чудом она избежала ареста. Анна Степановна Веселовская рассказывала, что должна была получить копию романа со дня на день, но не успела. Это ее и спасло. Сам же роман «Странники ночи» сгинул в недрах Лубянки. Единственный его экземпляр, спрятанный под половицей лестницы добровского дома, Даниил отдал следователям. В 1948 году Н.И. Гаген-Торн встретила в мордовском лагере Шурочку Доброву, в мемуарах она вспоминала свой разговор с солагерницей:

«— А кто эта, с косами? Москвичка...

— Доброва Александра Филипповна. По делу Даниила Андреева, знаете это дело?

— Ну кто в Темниках про него не слышал!

— Расскажите.

— Даниил Андреев, сын писателя Леонида Андреева, младший. Его мать, “дама Шура”, как назвал ее Горький, умерла родами, и он остался у ее родных, у доктора Доброва. Не из тех ли она Добровых?

— Вероятно.

— Написал этот Даниил роман. За роман сели не только те, кто его читал или слушал, но даже сапожник, который чинил Даниилу ботинки, зубной врач, у которого он лечился, словом, около двухсот человек. Получили от 10 до 25 лет. Я про это слышала еще в тюрьме, а месяца два назад сюда прибыла с 13-го Алла, его жена, работает художницей в КВЧ <культурно-воспитательная часть>.

— По одному делу с Добровой? Как же их соединили?»*

* Гаген-Торн Н.И. Мемория. М., 1992. С. 172.

А.Ф. Доброва-Коваленская не дожила до освобождения, умерла в лагере, ее муж Александр Викторович Коваленский добился разрешения привезти из Потьмы гроб с прахом жены. Урну с ее пеплом похоронили в Добровской могиле на Новодевичьем кладбище.

Сам Даниил Андреев, пройдя Владимирскую тюрьму, был освобожден в апреле 1957 года, будучи уже тяжело больным, умер в Москве 30 марта 1959 года. Вернувшись из лагеря, Александр Коваленский, абсолютно больной, жил на даче уже покойного академика Веселовского в Луцине. Его приютила Ольга Бессарабова.

Незадолго до этого умер С.Б. Веселовский. В конце жизни он был очень одинок. «Вокруг отца существовал какой-то вакуум, отсутствие друзей, коллег, среды, — вспоминает А.С. Веселовская. — Степан Борисович Веселовский скончался 23 января 1952 года в Москве и похоронен на Введенском (Немецком) кладбище. Эпитафией на его памятнике избраны слова из пушкинского «Бориса Годунова»: «Закончен труд, завещанный от Бога»^{*}. Ольга Александровна все последующие годы была погружена в дневники своего мужа (затем она передала их его сыну Борису). Степан Борисович Веселовский вел дневник с перерывами в 1915–1923 годы. Последняя запись — в 1944 году.

После смерти Варвары Григорьевны Малахиевой-Мирович в 1954 году Ольга Бессарабова разбирала ее дневники. На некоторых страницах остались следы ее руки — вымаранные слова, абзацы, иногда целые страницы. Страх был связан как с гибелью всего добровского дома, так и с тем, что в 1947 году ее вызывали на Лубянку, где продержали пять часов, пытаясь выпытать сведения о близких друзьях. Особенно их интересовала личность и окружение художника Владимира Фаворского. Но Ольга Александровна уходила от любых ответов, которые могли кому-либо навредить. Через несколько дней ее сразил инфаркт, а вслед за этим в 1948 году инфаркт случился и у Веселовского. Ольга пережила своего мужа на шестнадцать лет и умерла в 1967 году.

Дневники Ольги Бессарабовой отличаются от традиционной по форме подневной записи одного лица; окончательный текст — результат соединения не только собственных заметок, но и чужих дневниковых записей, писем близких Ольге адресатов, документов, переписки между собой друзей и знакомых. По сохранившемуся разнородно-

^{*} Споров Дмитрий, Шокарев Сергей. Историк Московского государства в сталинской России: к биографии С.Б. Веселовского (1876–1952) // Новое литературное обозрение. 2006. № 78. С. 143.

му материалу, вошедшему в дневники, очевидно, что Ольга Бессарабова хотела создать хронику своего времени. Известно, что в 30-е годы Ольга Александровна предпринимала попытку издать дневники, но безрезультатно.

При публикации перед составителем встала непростая проблема – отобрать наиболее интересные страницы дневника. В подготовке дневников принимали участие многие, кто делал это по велению сердца; новизна материала, литературное дарование и высота нравственных качеств Ольги Бессарабовой привлекли к работе большое количество людей. Выражаем благодарность за деятельное участие в подготовке книги Е. Гращенковой, О. Волковой, Дм. Громову, Т. Тепляковой, за техническую помощь – Г. Датновой, О. Мининой, за советы – Т. Поздняковой, В. Масловскому.

Особенную признательность выражаем дочери Ольги Бессарабовой А.С. Веселовской, а также И.М. Веселовскому, детям Н.Д. Шаховской и М.В. Шика – С.М. Шiku, М.М. Шик (Старостенковой), Е.М. Шик, Дм.М. Шаховскому.

Н. Громова

Часть I

МАРИНА ЦВЕТАЕВА – БОРИС БЕССАРАБОВ

Хроника 1921 года в документах

ВСТРЕЧА¹

С Мариной Цветаевой я познакомился зимой 1920—21 гг. в начале января месяца в семье доктора Филиппа Александровича Доброва². Семья доктора Филиппа Александровича Доброва занимала первый этаж и в подвале кухню и комнату в 2-этажном особняке в доме № 5 по Малому Левшинскому переулку. Квартира просторная, светлая, с высокими потолками, с 9 комнатами в 1-м этаже. Просторная передняя, красиво обставленная: круглый стол, мягкий диван и четыре мягких кресла, обтянутых декоративной тканью с розами, неяркого, блеклого цвета в розовой гамме, на круглом столе со скатертью ковровой ткани немного более яркой, чем мебель.

Из передней, направо, была приемная комната, красиво и строго обставленная. В этой комнате Ф.А. Добров принимал в определенные часы больных, которым, казалось, не было числа. Больные обычно предварительно записывались в доме или по телефону.

Я еще застал частную практику. Она была сильно ограничена против той, что была у Филиппа Александровича до революции. Он был очень популярен и уважаем как доктор, безошибочно ставивший определение болезней, и четко и быстро лечил. Он пользовался неограниченным доверием у очень широкого круга своих пациентов в своей округе Москвы — Пречистенки, Остоженки, Арбата, Поварской со всеми переулками.

Было очень трогательно, что в голодные 1918—22 годы, да и позже в гражданские и религиозные праздники, доктору Доброву неизвестные, любящие его благодарные пациенты передавали

добротные продовольственные подарки. Как правило, безмянные... Окрока, колбасы разных сортов, сливочное и топленое масло, корейка и грудинка, балыки и сельди. И хорошие вина, и шампанское включительно. Вся семья так и не могла установить, кто же это делал с наилучшими пожеланиями. Откуда это... подносилось семье, так и не удалось выяснить. Делалось это молниеносно. Звонок. В открытую дверь просовывались корзины и букеты цветов или цветы в горшках. Эти подношения делались к пасхальным дням, к Рождеству и к Новому году, но были подношения и к 1-му Мая и к годовщине Октября.

Выше среднего роста, сутуловатый, с бородкой клином, пушистыми усами, как бы небрежно подстриженными, блондин. Характерный жест для Филиппа Александровича – поглаживание бородки книзу и реже – поглаживание усов. Голос низкий, приятный, баритональный. Густые брови и ресницы подчеркивали серо-голубые, глубоко сидящие глаза.

Филипп Александрович или принимал больных, или сидел за письменным столом – читал или писал. В его поездках на трамвае он был всегда с книгой. Он как-то сказал мне, когда мы с ним ехали в трамвае, что он, разъезжая по Москве к больным, изучил несколько европейских языков, и это дало ему возможность собрать много иностранной литературы, а главное, читать ее в оригиналах. Походка у Филиппа Александровича мешковатая и плавная, почти без подъема ступней от земли, но быстрая. Смех был заразительным и раскатистым, и смеялся он всегда громко, но как-то всегда в меру, не навязчиво и не надоедно. Он очень любил юмор, и смех был свойствен его природе. Мягкие красивые руки – музыкальны. За роялем он совершенно преобразался. Филипп Александрович, помимо медицинского факультета Московского университета, окончил Московскую консерваторию по классу фортепиано. Он дружил с замечательным пианистом Игумновым, часто бывавшим у Филиппа Александровича, и они садились за рояль и играли иногда целыми вечерами в четыре руки. Когда они сидели за роялем, в доме была тишина и неполный свет. Филипп Александрович был одним из популярных врачей Москвы. Он был среднего роста, широкого и плотного сложения с перевесом к полноте. Лицо не-

много одутловатое, даже когда Филипп Александрович прихорашивался, то усы и борода у него были в особом, можно сказать, художественном беспорядке.

Он приходил усталый после посещения многих больных, редко пропускал день или вечер, не проиграв ряда любимых произведений. У него был очень широкий круг знакомых среди музыкантов, писателей (и т.д.), например С.И. Щукин.

Жена доктора – Елизавета Михайловна (рожд. Велигорская)³ – сестра жены писателя Леонида Андреева, Александры Михайловны⁴, вела большую и тяжелую работу по хозяйству дома, жившего большой, открытой жизнью для широкого круга людей.

Александр и Александра – Саша⁵ и Шурочка⁶ Добровы – сын и дочь Добровых.

Шурочка, Александра Филипповна, блестяще кончила курс студии Художественного театра, но когда был ее дебют, выяснилось большое несчастье: она стала страдать боязнью сцены и навсегда покинула сцену, не начав работать в театре. В семье и в личной жизни Шурочки это обстоятельство обернулось в неизбывное и большое, и непоправимое горе.

Шурочка была очень экзотической внешности и не избегала косметики. Она была похожа на египтянку и это подчеркивала в своих туалетах. В годы Первой мировой войны ее портрет написал художник Федор Богородский⁷ (впоследствии академик) в манере «Бубнового валета»⁸ (Ф. Богородский был камер-юнкером).

Шурочка, познакомившись с моей сестрой Олей,⁹ сильно к ней привязалась и болезненно переживала отъезды Ольги в Воронеж или по месту своей работы. Позднее к 1920 г. в семье появилась Эсфирь Пинес¹⁰ – предельно бесцеремонная и в высшей степени нахальная.

Саша – Александр Филиппович – высокого роста, пропорционального сложения, очень красивый. Кончив гимназию, был студентом ВХУТЕМАСа¹¹. Кончил архитектурный факультет.

Саша был ловеласом и избалованным широким кругом красивых молодых женщин – балерин, актрис. Некоторых его поклонниц я знал. Затем его послали на строительство города Магнитогорска.

Как член семьи в доме Добровых жил племянник Елизаветы Михайловны, сын ее сестры, Даниил Андреев¹², Даня, как мы его все звали. Он учился в школе и очень рано начал писать стихи. Он дружил с часто бывавшей у Добровых Ариадной Скрябиной¹³, дочерью композитора. Они были одноклассники, и Ариадна тоже писала неплохие стихи и рассказы. Мы взрослые порой слушали, устраивая читки их произведений.

У Добровых при мне бывали часто: писатель Борис Зайцев¹⁴ и его жена Вера Алексеевна¹⁵, другом дома была артистка Художественного театра Надежда Сергеевна Бутова¹⁶, человек очень религиозный.

У Добровых за вечерним чаем, я познакомился с писателем Борисом Зайцевым и его женой Верой Алексеевной, женщиной весьма решительной и экспансивной, любившей юмор и часто употреблявшей не только острое словцо. Все говорили, что для другой женщины многое то, что она позволяла себе в обществе, не прошло бы без осуждения, а Вере Алексеевне многое было дозволено по ее удивительно живому и подвижному характеру. Она была полной противоположностью своему мужу. Он был человеком замкнутым, неразговорчивым и флегматичным. Он был немного ниже ее ростом, шуплого телосложения, с небольшой светлой бородкой и небольшими усами. Они жили в одном из переулков Арбата.

С семьей (Добровых) (я и сестра) знакомство произошло через нашу «тетку» Варвару Григорьевну Малахиеву (Мирович)¹⁷ по линии нашего отчима¹⁸. Она занималась переводческой работой и писала бесконечное количество, множество стихотворений, кажется, никогда не печатавшихся.

К Добровым я пришел с письмом от Ольги, моей сестры, к которой вся семья Добровых относилась очень дружелюбно.

Вернулся домой из штаба ЦУПВОСО и попал к вечернему чаю. За столом Елизавета Михайловна сказала, что мне, видимо, будет интересно зайти к Шуручке. У нее сейчас гости: Владимир Маяковский¹⁹, Лиля Брик, Марина Ивановна Цветаева²⁰ и Скрябина Татьяна Федоровна²¹, вдова композитора Скрябина.

Я вошел в комнату Шурочки, очень уютную и благоустроенную. Обставленную с большим вкусом в изысканном восточном египетском стиле. Комната была большая (около 30 м), вся в коврах.

Комната Шурочки была второй по коридору от приемной Ф.А. Два больших окна выходили во двор и упирались в окна флигеля, отстоявшего от дома не более чем в 5—7 метрах. У флигеля с палисадником был небольшой цветник.

Я вошел в комнату Шурочки... по комнате двигаться было трудно — она была заполнена людьми, удобно разместившимися на коврах, которыми был застлан весь пол, и присутствовавшие опирались на расшитые подушки... Шурочка меня представила как брата своей лучшей подруги...

В комнате были: Владимир Маяковский... около него пристроилась Лиля Брик, с которой я его встречал на улицах Москвы, Марина Цветаева. Тут же была очень милая темноглазая маленькая Татьяна Федоровна Скрябина...

Марина Цветаева прочла свое стихотворение, посвященное В. Маяковскому²². Когда она его закончила, то Маяковский, приподнявшись с подушки и упершись одной рукой в ковер, другой стал как бы выталкивать гантели и проревел громко: «Поэты града Московского, к вам тщетно взываю я — не делайте под Маяковского, а делайте под себя!»

Затем он почтительно повернулся в сторону Марины Ц., сидевшей на тахте у левого окна, затянутого тяжелой красивой шторой, спадавшей почти до самого пола, и сказал: — а к вам Марина Ивановна — это не относится. За стихотворение — спасибо!

Затем М. похлопал себя по левому брючному карману и достал довольно большой пузырек с притертой пробкой. Постучал этот пузырек о ладонь и открыл пробку. В пузырьке был белый порошок. Затем он маленькой ложечкой достал на кончик этого белого содержимого и стал нюхать. — Так ведь это ж кокаин! — подумал я. Несколько человек, мне незнакомых, тоже понюхали из этого пузырька Маяковского и я вышел из комнаты вместе с Мариной Цветаевой и Т.Ф. Скрябиной, которых просила проводить Шурочка, на что я охотно согласился.

Сначала мы проводили Т.Ф., а затем пошел проводить М.Ц. и т.к. это было еще не очень поздно, то я принял ее приглашение и зашел к ней в дом.

Я еще толком не представлял, что, собственно говоря, представляет собой московская поэтесса Марина Цветаева, но, судя по тому, как встретил ее стихотворение Владимир Маяковский – правда, без энтузиазма, но доброжелательно, – я понял, что это серьезная поэтесса. В скором времени Марина Цветаева написала стихотворение «Большевик», которое посвятила мне²³.

Оно почти не носит отвлеченный характер и передает некоторые факты, с которыми пришлось большевику столкнуться в жизни.

Дело в том, что семье вдовы Скрябина Наркомпрос²⁴ устроил отпуск березовых дров, но они представляли собой метровые кряжи диаметром до 70–80 см²⁵ <???.> Как топливо они были очень ценные, но лежали во дворе нетронутые. В семье Скрябиных некому было разделать эти березовые кряжи. Об этом мне сказала Т.Ф. и Марина, и я, конечно, согласился помочь. У соседей раздобыл клинья, колуны, кувалду, ножовку и быстро, но с трудом раскроил эти дары леса и Наркомпроса.

В стихотворении «Большевик» и нашло отражение это дело с дровами²⁶.

В середине февраля 1921 г. меня включили в инспекцию жел<езно>дор<ожных> войск по IV отделу ЦУПВОСО при Р.В.С.Р.²⁷ для проверки и инструктажа по полит<ической> части ж<елезно>д<орожных> войск, дислоцированных на западе.

В дорогу я получил от Марины Цветаевой письмо, помеченное так: «31 русское января 1921 года»²⁸.

*Марина Цветаева – Евгению Ланну*²⁹

*18-го русск<ого> января 1921 г. <31 января н.ст.>*³⁰

18 л<ет>.³¹ – Коммунист. – Без сапог. – Ненавидит евреев. – В последнюю минуту, когда белые подступали к Воронежу, за-

писался в партию. — Недавно с Крымского фронта³². — Отпустил офицеров по глазам.

Сейчас живет в душной — полупоповской полуинтеллигентской³³ к<онтр>-р<еволюционной> семье (семействе!) рубит дрова, таскает воду, передвигает 50 пуд<овые> несгораемые шкафы, по воскресениям чистит Авгиевы конюшни (это он называет «воскресником»), с утра до вечера выслушивает громы и змеиный шип на сов<етскую> власть — слушает, опустив глаза (чудесные! Зхлетнего мальчика, к<отор>ый еще не совсем проснулся) — исполнив работу по своей «коммуне» (всё его терминология!) идет делать то же самое к кн. Ш-ским³⁴ — выслушивает то же — к Скрябиным — где не выслушивает, но ежедневно распиливает и колет дрова на 4 печки и плиту, — к Зайцевым и т.д. — до поздней ночи, не считая хлопот по выручению из трудных положений знакомых и знакомых-знакомых.

— Слывет дураком. — Богатырь. — Малиновый — во всю щеку — румянец — вся кровь взыграла! — вихрь неистовых — вся кровь завилась! — волос, большие блестящие как бусы черные глаза, <не дописано>

Косая сажень в плечах, пара — до нельзя! — моей Царь-Девице³⁵.

Необычайная — чисто 18 летняя — серьезность всего существа. — Книги читает по пять раз, доискиваясь в них СМЫСЛА, о к<отор>ом легкомысленно забыл автор, чтит искусство, за стих Тютчева

«Нет, своего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-земля!»

в огонь и воду пойдет, любимое — для души — чтение: сказки и былины. Обожает елку, церков<ные> службы, ярмарки, радуется, что еще есть на Руси «хорошие попы, стойкие» (сам в Бога не верит!)

Себя искренно и огорченно считает скверным, мучается каждой чужой обидой, неустанно себя испытывает, — всё слишком легко! — нужно труднее! — а трудностей нет, — берет на себя все грехи сов<етской> власти, каждую смерть, каждую гибель, каждую неудачу совершенно чужого человека, помогает каждому с

улицы, – вещей никаких – всё роздал и всё раскрали! – ходит в холщевой рубахе с оторванным воротом – из всех вещей любит только свою шинель, – в ней и спит, на ногах гэтры и полотняные туфли без подошв: – так скоро хожу, что не замечаю – с благоговением произносит слово «товарищ», и – главное! – детская беспомощная, тоскливая иступленная любовь к только что умершей матери.

Наша встреча. – Мы с Т<атьяной> Ф<едоровной> у одних ее друзей. Входит высокий красноармеец. Малиновый пожар румянца. Представляется и – в упор:

– «Я коммунист-большевик. Можно мне слушать Ваши стихи?» – «А Вы любите стихи? – Пожалуйста» – «Я читал Ваши стихи о Москве. Я Вас сразу полюбил за них. Я давно хотел Вас видеть, но мне здесь сказали, что Вы мне и руки не подадите.» – ? – «П<отому> ч<то> я – коммунист.» – «О, я воспитанный человек! Кроме того, («невинно) к<оммунис>т – ведь тоже человек?» – Пауза. – «А о каких стихах о Москве Вы говорите?» – «О тех, что в Вес<еннем> Сал<оне> Поэтов³⁶, – кремлевские бока.» Я: – «Гм...» – Пауза. – «А что Вы в них любите?» – «Москву».

Он: – «Как мне Вас звать? Здесь Вас все зовут Марина...» – Кто-то: «Когда с человеком мало знакомы, его зовут по имени и отчеству.» Я, с захолонувшим сердцем – насильно: – «Отчество – это самооборона, ограда от фамильярности. – Зовите меня как Вам удобнее – приятнее...»

Он: – Марина – это такое хорошее имя – настоящее – не надо отчества...

Пошел меня провожать. Расстались – Ланн, похвалите – у моего дома³⁷. На следующий день у С<кря>биных читала ему Царь-Девуцу. Слушал, развалился у печки, как медведь. Провожал. – «Мне жалко Царевича, – зачем он всё спал?» – «А мачеху?» – «Нет, мачеха дурная женщина».

– У подъезда – Ланн, хвалите! – расстались.

На след<ующий> день (3^{ья} встреча – всё на людях!) кончала ему у меня Царь-Девуцу. Слушал, по выражению Али, как Зхлетний мальчик, к<отор>ый верит, п<отому> ч<то> НЯНЯ САМА ВИДЕЛА. На этот раз – Ланн, не хвалите! – тоже расстались у подъезда, – только часов в 8 утра.

Ночь шла так: чтение – разговор о Ц<арь>-Д<евице> – разговор о нем – долгий. – Моя бесконечная осторожность – настороженность – чтобы не задеть, не обидеть: полное умолчание о горестях этих годов – его ужас перед моей квартирой – мое веселье в ответ – его желание рубить – мой отказ в ответ – предложение устроить в Крым – мой восторг в ответ.

Его рассказ о крымском походе – как отпускал офицеров (ничего не знал обо мне т.е. о С<ереж>е!) – как защищал женщин – бесхитростный, смущенный и восторженный рассказ! – лучший друг погиб на белом фронте. – Часа в два, усталая от непрерывного захлебывания, ложусь. – Через 5 мин. сплю. Раскрываю глаза. – Темно. – Кто-то, чуть дотрагиваясь до плеча: – «М<арина> И<вановна>! Я пойду» – «Борис!» – Спите, спите! – Я, спросонья: – «Борис, у Вас есть невеста?» Была, но потеряна по моей вине. – Рассказ. – Балерина, хорошенькая, «очень женственная – очень образованная – очень глубокая... и такая – знаете – широ-о-окая!» – Слушаю и в темноте кусаю себе губы. – Знаю наперед. – И, конечно, знаю верно: у балерины, кроме мужа, еще муж, и еще (всё это чуть ли не благоговейным тоном), но Б<орис> ей нужен п<отому> ч<то> он ее не мучит. Служит ей 2 года (с 16-ти по 18 лет!) и в итоге видит, что ей нужны только его – ну... «некоторые материальные услуги...» Расстаются.

Потом – хождение по мукам: мальчик стал красавцем и к<оммуни>стом – поищите такого любовника! –

И вот – в вагоне – на фронте – здесь на службе – всё то же самое: только целоваться! А в это время умирает мать. –

Ланн! Я слушала и у меня сердце бешенствовало в груди от восторга и умиления. А он – не замечая, не понимая, вцепившись железными руками в железные свои кудри – тихо и глухо: – «Но я гордый, Мариночка, я никого не любил».

Курим. – Стесняется курить чужое. – «О, погодите, вот скоро я загоню шубу...»

Тогда Вы мне подарите сотню папирос 3го сорта?

Вам – 3го сорта?! –

Глаза, несмотря на полнейшую темноту, загораются так, что мне – в самом мозгу – светло.

– «Почему нет? Здесь же всё - 3го, кроме меня самой.»

Часа 4, пятый. Кажется, опять сплю. – Робкий голос: – М<арина> И<вановна>, у Вас такие приятные волосы – легкие! – Да? – Пауза – и – смех! – Но какой! – Ради Бога, тише! Алю разбудите! – Что Вы так смеетесь? – «Я дурак!» – «Нет, Вы чудесный человек! Но – всё-таки?» – «Не могу сказать, М<арина> И<вановна>, слишком глупо!» – Я, невинно: – «Я знаю, Вам, наверное, хочется есть и Вы стесняетесь. Ради Бога – вот спички – там на столе хлеб, соль на полу у печки, – есть картофель.» И – уже увлекаясь: – «Ради Бога!» Он, серьезно: – «Это не то». Я, молниеносно: – «А! Тогда знаю! Только это безнадежно, – у нас всё замерзло. Вам придется прогуляться, – я не виновата, – советская Москва, дружок!»

Он: – «Мне идти?» Я: – «Если Вам нужно». Он: – «Мне не нужно, м<ожет> б<ыть> Вам нужно?» Я, оскорбленно: – «Мне никогда не нужно.» Он: – «Что?» Я: – «Мне ничего не нужно – ни от кого – никогда.» – Пауза. – Он: «М<арина> И<вановна>, Вы меня простите, но я не совсем понял.» – «Я совсем не поняла.» – «Вы это о чем?» – «Я о том, что Вам что-то нужно – ну что-то, ну, в одно местечко пойти – и что Вы не знаете, где это – и смеетесь.»

Он, серьезно: – «Нет, М<арина> И<вановна>, мне этого не нужно, я не потому смеялся.» – «А почему?» – «Сказать?» – Немедленно! «Ну, словом (опять хохот) – я дурак, но мне вдруг ужжасно захотелось погладить Вас по голове». Я, серьезно: «Это совсем не глупо, это очень естественно, гладьте, пожалуйста!»

Ланн! – Если бы медведь гладил стрекозу, – не было бы нежнее. – Лежу, не двигаясь.

Гладит долго. Наконец – я: «А теперь против шерсти – снизу вверх, – нет, с затылка, – обожаю!» – Так? – Нет, немножко ниже – так – чудесно! – Говорим почти громко. – Он гладит, я говорю ему о своем делении мира на два класса: брюха – и духа.

Говорю долго, ибо гладит – долго.

Часов пять, шестой.

Я: – «Б<орис>, Вы наверное замерзли, – если хотите – сядьте ко мне.» – Вам будет неудобно. – Нет, нет, мне жалко Вас,

садитесь. Только сначала возьмите себе картошки. — М<арина> И<вановна>, я совсем не хочу есть. — Тогда идите. — М<арина> И<вановна>, мне очень хочется сесть рядом с Вами, Вы такая славная, хорошая, но я боюсь, что я Вас стесню. — Ничуть.

Садится на краюшек. Я — ГАЛАНТНО — отодвигаюсь, врастаю в стену. — Молчание. —

— «М<арина> И<вановна>, у Вас такие ясные глаза — как хрусталь — и такие веселые! Мне очень нравится Ваша внешность».

Я, ребячливо: — «А теперь пойте мне колыбельную песню» — и — заглывая уголек: — «Знаете, какую? — Вечер был — сверкали звезды — на дворе мороз трещал... Знаете? — Из детской хрестоматии...» (О Ланн, Ланн!)

— Я не знаю. — Нудругую, — ну хоть Интернационал — только с другими словами — или — знаете, Б<орис>, поцелуйте меня в глаз! — В этот! — Тянусь. — Он, радостно и громко: — Можно?! — Целует, как пьет, — очень нежно. — Теперь в другой! — Целует. — Теперь в третий! — Смеется. — Смеюсь.

Так, постепенно, как — помните в балладе Goethe: *Halb zog sie ihn, halb sank er hin...**

Целует легко-легко, сжимает так, что кости трещат. Я: — Б<орис>! Это меня ни к чему не обязывает? — «Что именно?» — «То, что Вы меня целуете?» — М<арина> И<вановна>. Что Вы!!! — А меня?» — «Т.е.?» — М<арина> И<вановна>, Вы непохожи на др<угих> женщин.» Я, невинно: «Да?» — М<арина> И<вановна>, я ведь всего этого не люблю.» — Я, в пафосе: «Б<орис>! А я — ненавижу!» — «Это совсем не то, — так грустно потом.» — Пауза. —

— «Б<орис>! Если бы Вам было 10 лет...» — Ну? — Я бы Вам сказала: — «Б<орис>, Вам неудобно и наверное завидно, что я лежу. Но Вам — 16 л.?» — Он: — «Уже 18 л.!» — «Да, 18! Ну, так вот.» — «Вы это к чему?» — «Не понимаете?» Он, в отчаянии: — «М<арина> И<вановна>. Я настоящий дурак!» — «Так я скажу: если бы Вы были ребенок — мальчик — я бы просто на просто взяла Вас к себе — под крыло — и мы бы лежали и веселились — невинно!» — М<арина> И<вановна>, поверьте, я так

* ...Гёте: Влекла ль она, склонялся ль он... (Пер. А. Фета.)

этого хочу! – «Но Вы – взрослый!» – «М<арина> И<вановна>, я только ростом такой большой, даю Вам честное слово партийного...» – «Верю, – но – Поймите, Б<орис> Вы мне милы и дороги, мне бы не хотелось терять Вас, а кто знает, я почти уверена, что гораздо меньше буду Вас – что Вы гораздо менее будете мне близки – потом. И еще, Б<орис>, – мне надо ехать, всё это так сложно...»

Он – внезапно как совсем взрослый человек – из глубины: – «М<арина> И<вановна>, я очень собранный.»

(Собранный – сбитый – кабинет М<агеров>ского – Ланн!..)

Протягиваю руки.

Ланн, если Вы меня немножко помните, радуйтесь за меня! – Уж который вечер – юноша стоек – кости хрустят – губы легки – веселимся – болтаем вздор (совершенно не понимает шутки) – говорим о России – и всё как надо: ему и мне.

Иногда я, уставая от нежности:

– «Б<орис>! А может быть?» –

– «Нет, М<арина> И<вановна>! Мариночка! – Не надо! – Я так уважаю женщину – и в частности Вас – Вы квалифицированная женщина – я Вас крепко-крепко полюбил – Вы мне напоминаете мою мамочку – а главное – Вы скоро едете – и у Вас такая трудная жизнь – и Я хочу, чтобы Вы меня ХОРОШО помнили!»

Марина Цветаева – Евгению Ланну³⁸

22го русск<ого> января 1921 г. <2 февраля>

– По ночам переписываем с ним Царь-Девуцу. Засыпаю – просыпаюсь – что-то изрекаю спросонья – вновь проваливаюсь в сон. Не дает мне быть собой: веселиться – отвлекаться – приходить в восторг.

– «Мариночка! Я здесь, чтобы делать дело – у меня и так уж совесть неспокойна – всё так медленно идет! – веселиться будете с другим!»

— Ланн! — 18 лет! — Я на 10 лет старше! — Наконец — взрослая — и *другой* смотрит в глаза!

Я знаю одно: что так меня никто — вот уже 10 лет! — не любил. — Не сравниваю — смешно! — поставьте рядом — рассмеетесь! — но тоже чувство невинности — почти детства! доверия — упокоения в чужой душе.

Меня, Ланн, очевидно могут любить только мальчики, безумно любившие мать и потерянные в мире, — это моя примета.

Ланн! — Мне *очень* тяжело. — Такое глубокое молчание. — Ася в обоих письмах ничего о нем не знает — не видала год. Последние письма были к Максу, в начале осени.

— *Этого* я не люблю — смешно! — нет, очень люблю — просто и ласково, с благодарностью за молодость — бескорыстность — чистоту.

За то, что для него «товарищ» звучит как для С<ережи> — Царь, за то, что он, несмотря на «малиновую кровь» (благодаря ей!) погибнет. — Этот не будет прятаться.

— «И чтобы никто обо мне не жалел!» почти нагло.

— Ланнушка! (через мягкое L!) равнодушный собеседник моей души, умный и безумный Ланн! — Пожалейте меня за мою смутную жизнь!

Пишу Егорушку — страстно! — Потом где-то вдалеке — Самозванец — потом — совсем в облаках — Жанна д'Арк.

Живу этим, — даже не писаньем, — радугой в будущее! — Ланн, это мое первое письмо к Вам, жду тоже — первого.

Прощайте, мое привидение — видение — Ланн!

*Аля — Евгению Ланну*³⁹

Москва, 22го русск<ого>. января 1921 г. <2 февраля>

Милый Евгений Львович!

У нас есть знакомый — Борис. Русский богатырь. Вечно заспанное лицо. Большие черные глаза, упорный лоб, румянец — русский, лицо — луна, медвежьего роста. Один раз я сказала про его башмаки: — «Посмотрела наверх — подумала, что боль-

шевик, посмотрела вниз, поняла, что человек.» Черты лица, несмотря на румянец, тонкие. Если бы его сделали маленьким, лет 4^{ек}–5^{тн} ничего странного бы не было. – Дитя. – Деятельно занялся нашими окказиями. – М<арина> прочла ему Царь-Девуцу. Когда дело доходило до самой Ц<арь>Д<евуцы>, он выдавался вперед, как будто бы там ему встречалось тысяча препятствий. Разгорался, как в тяжелой болезни, глаза горели как вымытый хрусталь. Волосы – лес. Безумно вдохновенен. Понимает всё. Говорит Г по-деревенски (смесь Г с Х). Ходит в рубашке с женским вырезом. Панталоны – юбка. Туалета своего не стыдится. Смех короткий, прерывающийся как кашель. Иногда, когда задумывается, лицо каменной статуи, на к<отор>ую дунула Вечность. Глаза его тогда смотрят через всё. Он великан, стыдящийся своих мускул. Сейчас вечер. М<арина> пишет Егорушку. Лампа тускло горит и режет глаза. Б<орис> недавно ушел. Он переписывал Царь-Девуцу под диктовку Марины. Наверное это письмо дойдет. Не решаюсь написать скоро, п<отому> ч<то> скорости помеха – сов<етское> передвижение. Наверху играют одним пальцем солдаты. Их печальный интирницинал доносится скрипом до ушей. – Много писем послано Асе с надеждой на почту или на человека. – Где-то скребются мыши, скрипят лестницы, растапливаются печки. – Мрачная тишина. –

Милый Е<вгений> Л<ьвович>! Сейчас утро. Дописать вчера письмо не успела. Тихо шипит гаснущий огонь. Маринина папироса всё время поджигает волосы. (Дурная примета.) Вчера ночью Б<орис> переписывал Царь-Девуцу под диктовку (сон!) Марины. Милый Б<орис>! Говорит чистой русской речью, сидя на диване, на к<отор>ом сидели когда-то Вы. Поклон Вашей жене. М<ожет> б<ыть> мы уедем и тогда пришлем Вам прощальное письмо под названием «Последний день Трущобы».

М<арина> сейчас говорит мне смешные куски из «Егорушки». – Е<вгений> Л<ьвович>! Если у Вас будет сын, то назовите его Егорушкой, в честь Марининой поэмы, а если дочь – то в честь Марининой жизни (Марининой лучшей поэмы) – Мари-

ной. — Прабабушка Скрябиных, когда Б<орис> приходит с топором, вздыхает — «что рубит-то — хорошо, да уж лучше бы без топора как-нибудь... А то — всё думается — рассердится.» <...>

Марина Цветаева — Борису Бессарабову⁴⁰

31-го русского января 1921 года. <31/12 февраля>

Борюшка!

Вот Вам занятие на дорогу: учитесь читать почерк так же как душу — тогда нам с Вами никогда не расстаться.

Борюшка, *такого*, как Вы у меня еще никогда не было.

— Помню Ваш первый приход — в упор: — Как мне Вас называть? — «Марина, какое хорошее имя, не надо отчества...».

— Умник и смелое существо.

— И мой ответ — и удивленный и одобряющий: — «Зовите как Вам удобней — как Вам приятней».

Борис, мне легко с Вами. Наша последняя встреча — пробный камень. Если бы я могла отойти от Вас — то только сегодня — не знаю, в каком часу утра. Но я не смогла — не отойду — я помню Ваш голос и Ваши слова — Вашу тихую — потом — нежность. Над Вами и мной один закон: наши собственные человеческие недра.

Вы добры — и творчески добры: доброта как очарование, доброта — как сила. И поэтому — Борис — умоляю не будьте выучным животным для Ш<аховс>ких и К (это — я — говорю!!!) — они этого не поймут, для них доброта — выгода и скупость, пошлите их <к> черту — в их родовые поместья — на том свете!

Человек, который может пользоваться Вами — дурак и подлец.

Дурак — ибо от Вас можно взять несравненно больше, чем силу Ваших рук, — то, что я беру: душа! —

Подлец — ибо из добровольного открытого дара делает Вам же невылазный долг.

Думайте о своей душе, Борис, не разменивайтесь на копейки добрых дел недобрым людям, единственное наше дело на земле — Душа.

Я знаю, что Вы широки: Вам ничего не жаль – на всех хватит (знаю, ибо я такая же! Но мне вчуже обидно: Вам, Боренька, цитирую Царь-Девуцу – не ковры расшивать, а дубы корчевать.

Встреча с Вами имеет для меня большое моральное значение: лишнее подтверждение главенства человеческого закона над всеми другими – людскими! – вера в человеческое бескорыстие, в любовь «Не во имя свое – мы одной породы, только я гибче Вашего и во мне больше горечи».

– Нужно же, чтобы первый человеческий человек, которого я встретила после С<ергея> был к<оммуни>ст!

О Вашем к<оммуни>зме, Боренька, клянусь Богом – та же история, что с Ш<аховс>кими.

Вам дан величайший дар в руки, – живая душа! – а Вы отдаете ее в никуда, тысячам, которых Вы не знаете и отдаете не по вдохновению – выйдя на площадь – или – лбом вперед – в бой! – а по приказу, по повестке, катясь по наклонной дороге – по расшатанным рельсам – чужих слов и воли!

Я понимаю: идти мимо дому где пожар – и бросаться, я понимаю: идти мимо дому где нет пожара – и зажечь! – но сам – один – на свой страх и совесть – без обязательства завтра и послезавтра – и так до окончания дней – тушить и поджигать.

Борис, Вы творческий человек, Вы должны быть один.

Вы скажете: Вас любят, в Вас верят. Но кого? – Кому? – к<оммуни>сту или человеку в к<оммуни>сте? Ах, Борис, любовь и вера при Вас останутся.

Хочу от Вас самого большого: упорного труда не во имя свое (шкуры!) а во имя Его (Духа!). Чтоб он один был над Вами Царь и Бог.

– Хочу от Вас одиночества – роста в молчании – вечных снегов Духа!

Милый мой мальчик – (простите за прорывающееся материнство, – но так очаровательно 28-ми лет от роду иметь 24-летнего сына! и такого роста еще! – Горжусь!) – милый Борюшка! – вижу как Вы читаете мое письмо: Ваш ослепитель-

ный — отвесом — лоб с крупным бараньим завитком (классический большевистский вихор! — и вихрь!) — и недоуменно — напряженно — сжатые брови.

Вы ничего не понимаете — немножко злитесь — и ничего не слышите вокруг.

Не злитесь! — осилив мой почерк, Вы осилите весь Египет с его иероглифами.

<Приписка для сестры Ольги Бессарабовой>: «Письмо Марины не дописано и без подписи.

Это письмо очень хорошо проясняет основы наших отношений».

Марина Цветаева — Евгению Ланну¹

Москва, 2 февр<аля> 1921 г. Сретение <15 февраля>

<...> А хотите слово — ко мне — Бориса?

— Марина, ведь Вы — Москва... (Пауза)... странноприимная!

(Из моих стихов: Москва! Какой огромный

Странноприимный дом!..)

— Ланн, поздравьте меня! Мальчик выходит из партии. — Без нажима — внимательно — человечески — о, как я знаю души! — защищая евреев (он — ненавидит!) — оправдывая *popshalamment** — декрет о вывозении наших народных ценностей за границу — шаг за шагом — капля за каплей — неустанным напряжением всей воли — ни один мускул не дрогнул! — играя! — играючи!!! — и вот — сегодня: бунтарский лоб, потупленные глаза, глухой голос: — М<арина>! а я выхожу...

Я, у печки, не подымая глаз: — «Б<орис>, подумайте: выйти — легко, вернуться — трудно. Количественно Вы много потеряете: любовь миллиардов...»

* Небрежно (фр.).

Сейчас поздний вечер. Жду его. — Хотите подробности? Однажды вечером я очень устала, легла на диван. Он сидел у письменного стола, переписывал. Наспех — кое-как — прикрываюсь тигром, уже сплю.

И вдруг — чьи-то руки, милая медвежья забота: сначала плэд, потом тигр, потом шинель, всё аккуратно, — (привык к окопной жизни!) там вытянет, здесь подоткнет.

И я, молниеносно: — Любит!

— Никто, никто, никто, кроме С<ережи>, сам по своей воле меня не укрывал, — за 10 л. никто! — Я всех укрывала.

А этот — после 3хлетия фронта, митингов, гражданской, вселенской и звериной ярости — сам — никто не учил...

Мне от него тепло, Ланн, мне с ним благородно, люблю его по хорошему — в ответ — благодаря и любуясь, — это настоящая Россия — Русь — крестьянский сын.

Ах, если бы та армия была: командный состав — Сережа, нижние чины — Борис!

Недавно он был — на парт<ийной> конф<еренции> — в селе Тушине (самозванческом.)

— Там, Маринушка, и земля такая — громкая!

— Некультурен. — Недавно при мне Игумнова, игравшего Шопена, спросил: — Это Вы свое играли? (На деревенское г — х)

И тот, сначала уязвленный: «У меня своего, вообще, нет, — Бог миловал!» — и, всмотревшись: — «Эх Вы, богатырь!» <...>

Мне сегодня очень весело: от Егорушки⁴² — Вашего письма — и оттого что Б<орис> придет.

Аля его нежнейшим образом любит, — как серафим медведя⁴³ например. Серафим крылат, но медведь сильнее.

Так она никого из моих друзей не любила. — Не ревнует (Вас ревновала бешено!) — встречает, ликуя: — Борюшка! Из этого заключая, что я его не слишком, а он меня очень — любит.

(Не окончено.
Не отправлено.)

*Марина Цветаева – Евгению Ланну*⁴⁴

Москва, 9 русск<ого> февр<аля> 1921 г. <22 февраля>

<...> Ланн, я могу жить без вас! – Ланн, я чудесно – чудо-действенно! – живу без Вас.

Знаете слово обо мне моего Бориса:

– «Марина, Вы ведь создаете героев!» – (без пафоса, между прочим, как вещь, самое собой разумеющуюся.)

На бумаге или между двух рук моих – мне всё равно – я живу, окруженная теми, кем должна быть.

Так, Ланн, Вы никогда не возьмете себя обратно.

Видимся с Б<орисом> каждый день.

Крутой вопрос: – «М<арина>! Мы гибнем. Должен ли я уходить из партии?»

– Вы, если я не ошибаюсь, вступили в нее, когда белые были в трех верстах от Воронежа?

– Да.

– П<отому> ч<то> все рвали партийные билеты?

– Да.

– Вы верите?

– Ни во что, кроме нашей гибели. – М<арина>! Скажите слово, и я завтра же выезжаю в Т<амбов>скую губ<ернию>. Но – мы гибнем, Марина!

– «Борис, я люблю, чтобы деревья росли прямо. – Растите в небо. Оно одно: для красных и для белых».

Ланн, судите меня.

Но Ланн, говорю Вам, как перед Сережей, – я НЕ МОГЛА иначе. – Не мое дело подвигать солдата на измену – в ЧАС ГИБЕЛИ.

Пишу Егорушку. В нем сущность Б<ориса>: НЕВИННОСТЬ БОГАТЫРСТВА. – Борение с темной кровью. Там у меня вол-

ки, змеи, вещие птицы, пещеры, облака, стада, – весь ХАОС
современной Руси! Дай мне Бог дописать эту вещь, – она меня
душит!

Мне хорошо с Б<орисом>. Он ласков, как старший и как
младший. – И мне с ним ДОСТОЙНО. Мы с ним мало смеемся,
это меня умиляет. – «Б<орис>, Вы не понимаете шуток!» – Я не
хочу их понимать! – Скоро он приведет мне одного своего това-
рища – очень русского и очень высокого ростом. Приведет на
явную любовь, знаем это оба и молчим. – Этот меня не обокра-
дет ни на щепотку радости! –

Аля его обожает: ей по сравнению с ним – тысячелетие. Если
бы Вы видали их вместе! Благостный и усталый наклон ее голо-
вы и потерянный взгляд – и его малиновую кровь – рядом!

Да, еще одно слово ко мне Бориса:

– Я не хочу, чтобы Сергей – там – слишком нас проклинал!
(Говорил о необходимости устроить мою внешнюю жизнь.)

И еще – глубокой ночью, слышу сквозь сон:

– У меня две вещи на свете: Революция – и Марина.

(УС<ережи>: Россия – и Марина! – Точные слова.) – «И моим
последним словом будет, конечно, Марина!» <...>

Марина Цветаева – Борису Бессарабову⁴⁵

Москва, 15^о русск<ого> февраля 1921 г., вторник

– День отъезда –

Борюшка! – Сыночек мой!

Вы вернетесь! – Вы вернетесь потому что я не хочу без Вас,
потому что скоро март – Весна – Москва – п<отому> ч<то> я
ни с кем другим не хочу ходить в Нескучный сад, – Вы, я и Аля –
п<отому> ч<то> в Н<ескучном> с<аду> есть аллея, откуда, ви-
ден, как солнце, купол Храма Спасителя, п<отому> ч<то> мне
нужен Егорушка – и никто другой!

Б<орис> – Русский богатырь! – Да будет над Вами мое из-
вечное московское благословение. Вы первый богатырь в моем
странноприимном доме.

— Люблю Вас. —

Тридцать встреч — почти что тридцать ночей! Никогда не забуду их: вечеров, ночей, утр, — сонной яви и бессонных снов — всё сон! — мы с Вами встретились не 1го русск<ого> янв<аря> 1921 г., а просто в 1ый день Руси, когда все были как Вы и как я!

Б<орис>, мы — порода, мы — неистребимы, есть еще такие: где-н<и>б<удь> в сибирской тайге второй Борис, где-н<и>-б<удь> у Каспия широкого — вторая М<арина>.

И все иксы-игреки, Ицки и Лейбы — в пейзах или в островерхих шапках со звездами — не осияют нас, Русь: Б<ориса> — М<арину>!

Мое солнышко!

Целую Вашу руку, такую же как мою. Мне не страшно ни заноз ни мозолей, — я просто не замечаю их! — Лишь бы рука держала перо, лишь бы рука держала такую руку, как Ваша!

Чуть вечерет. — Скоро Вы. — Скоро отъезд.

Заработают колёса. Вы будете улыбаться. И я улыбнусь — в ответ. Я не буду плакать. Я привыкла к разлуке. — Всё мое — при мне! И вся я — при Вас!

Дружочек, забудьте все наши нелепые выдумки, мои дурные сны, Ваш на них ответ.

Всё это — ересь. — Я не Вам верна, а себе, — это вернее. И верная себе, верна Вам, — ибо не Вы, не я, — Дух, Б<орис>! — Наш богатырский дух!

Никогда не забуду: темный бульвар, мой рассказ о Егории — скамейка — спящая Аля — раскинутые крылья шубы. (Где-то она?! Спаси ее Бог, равно как ее хозяйина!)

Спасибо Вам, сыночек, за — когда-то — кусок мыла, за — когда-то — кусок хлеба, за — всегда! — любовь!

И за бумагу, Борюшка, и за тетрадоочки, и за то, как их сшивали, и за то, как переписывали Ц<арь> Девицу, — и за то как будили и не будили меня!

Спасибо за скрипящие шаги у двери, за ежевечернее: Можно? – за мое радостное: Входите.

Я затоплена и растоплена Вашей лаской!

И за ночь с 17^е на 18^е февраля – спасибо, ибо тогда прозвучали слова, к<отор>ые – я до Вас – слышала на земле лишь однажды.

Вы – как молотом – выбили из моего железного сердца – искры!

До свидания, крещеный волчек! Мой широкий православный крест над Вами и мое чернокнижное колдовство.

Помните меня! Когда тронется поезд – я буду улыбаться – *знаю* себя! – и Вы будете улыбаться – *знаю* Вас! – И вот: улыбка в улыбку – в последний раз – губы в губы!

И, соединяя все слова в одно: – Борис, спасибо!

Марина.

Б. Бессарабова
Поездка с инспекцией⁴⁶

1. Штаб желе<зно>дор<ожных> войск Республики (VI отд<ел> ЦУПВОСО) Культурно-инструкторский отдел – инспектор.

– Поездка моя с инспекцией на запад к польской границе – секретарем инспекции. Комиссар инспекции – тов. Савин. Негорелое. Польские шпионы в форме Красной Армии.

Митинг в жел<езно>дор<ожном> полку: – «Да что там много говорить! Надо короче!..» – «Кто за Ленина?! (лес рук) – «Кто за Троцкого?!» ни одной руки). – «Ясно, товарищи!..» – Так поставил вопрос секретарь партячейки полка – красноармеец железнодорожных войск Республики по вопросу о роли профсоюзов.

На этом же митинге по текущим вопросам вел ответы комиссар полка венгерец (фамилии его не помню, но очень хороший товарищ).

Красноармеец: Тов<оварищ> комиссар, вот вы говорили, что с бабами надо вести себя аккуратнo и не трогать девушек, но что бабы нужны для здоровья нам здоровым мужчинам-бойцам.

Как же быть нам, тов<арищ> комиссар? Ведь для встречи с женщиной я должен прослужить два-три года, чтобы заработать на одну встречу, да и того не хватит?... А?..

Комиссар: «...Так, так... тут вот выступал тов<арищ> красноармеец насчет здоровья и бабы... Так я тебе отвечу, товарищ красноармеец: — Ты должен быть мутр и найти себе Маруська — шену бесплатно!..» — общий взрыв смеха, добродушного, веселого. — «Вот так наш комиссар!» — раздались одобрительные голоса красноармейцев.

Борис Бессарабов — Ольге Бессарабовой⁴⁷

26 марта. Москва — Воронеж

Дорогая Олечка!

На этих днях вернулся от запада, куда мы ездили с инспекцией. Объезжали почти весь западный фронт. Были в нейтральной полосе с Польшей, Литвой, Эстонией. Видели представителей всех этих молодых «Царств».

Поездка была очень интересной. Очень рад твоим и Володиным письмам, но, к сожалению, я их получил за несколько часов до отъезда и не мог написать ответа при всем желании. Рад, что нашел от тебя весточки, когда вернулся в Москву.

Рад, что у Вас с Володюшкой⁴⁸ все обошлось благополучно, так как сезон был упущен из-за отсутствия соответствующих связей, а кое-как сбывать не хотелось.

С моим приездом в Воронеж — не клеилось, и я невинно вас обманывал, хотя все время это было почти реально.

Последняя версия о нашей поездке с инспекцией в Воронеж более вероятна, чем прошедшие. Она может осуществиться в течение этих двух-трех недель — не в начале, а в конце срока.

Ты спрашиваешь меня, дорогая Олечка, «не запутался ли я», «как живет у Добровых» и т.п. и «вскользь замечаешь об «улыбке Кана»⁴⁹ о твоём предположении — не влюбился ли я в кого!?»

Отвечу по порядку:

1. Никому — ничего! — все благополучно, чему я сам бесконечно рад.

2. У Добровых мне стало душно, особенно после скандала с Эсфирью и, наконец, мне надоело «быть без угла» в Москве и вникать в нужды бытовой жизни, чуждых мне в большинстве своем людей. От Добровых скоро уйду, но об этом пока никому не слова.

3. Буду жить в квартире любимой, бесконечно хорошей Марины Цветаевой и, главное, что меня больше всего радует в этой перемене, это – отдельная комната и полная свобода. Будет много времени, и женщина, которая меня понимает. По-настоящему у нас с ней хорошие отношения, и это ни в каком случае не нужно мыслить как «связь».

Мариночка мой любимый друг в моей жизни, и я рад, что у меня отношение к ней имеют прямую связь с мамочкой. Мариночка исключительный Человек и поэтесса. У Мариночки есть изумительная дочка – Алечка – 8-милет – тоже Поэтесса. Исключительный «ребенок-взрослый». В своем письме, которое она дала мне на дорогу – пишет: «Борис! Коммунизм и другой, *нашизм*, – это все ничто! – Есть только Русь и не Русь!» К Пасхе ждем сестру Марины – Асю. Тоже исключительная женщина с исключительным сыном 7 или 8 лет. Олечка! Они настоящие люди! Они мне помогли найти мой путь в Москве. Этим я обязан исключительно ей, дорогой Мариночке, и косвенно дому Добровых.

В первый же день моего приезда, я отправился к Люде⁵⁰. Видел ее мужа – очень хорошее первое впечатление. Люду я позвал к Добровым. Косвенно узнал, что она им не понравилась, чему я очень и очень рад, так как настоящие люди «нашей породы» вряд ли могут им нравиться и главное они сами слишком дикое впечатление производят со своим до одури рассказом «о спиритизме», «каких-то духах»⁵¹. Еще и еще раз радуюсь своему уходу от них, и что им не нравятся такие люди, как наша Люда. Она очень обрадовалась, когда увидела меня именно таким. По-настоящему удивлялась легкомысленной оценке меня Виктором и Валей⁵². – Боже! Как они мне все противны, особенно «щебечущий» Виктор. Не на шутку он интеллигентный верхогляд с блинообразной физиономией, размазня, способная наступить на душу и даже не почувствовать это. Об этом поговорим подробно.

С Людой мы впервые так говорили в эту встречу. Она стала очень интересная!

Что-то она напишет обо мне. Олечка! Она тоже настоящий человек. Целую крепко. Борис.

Борис Бессарабов — Ольге Бессарабовой⁵³

12 часов ночи 28/29 марта 1921 (получ.) 4.4.21

<Сверху>: Сегодня 29-го марта получил предписание выехать в Питер для инспектирования Петроградской школы военно-железнодорожных специалистов⁵⁴.

Сроком — до 6-го апреля включительно. Могу быть в Петрограде и все выясню о Всеволоде, убит он или жив⁵⁵.

Дорогая сестра Олечка! Сегодня получил от тебя письмо от 23.3.1921, где ты пишешь о Всеволоде.

Боюсь говорить о своих предчувствиях в тревожные эти дни Кронштадта⁵⁶, когда я сам был на Западном фронте...

Странно, но у меня борются две радости: 1) что Всеволод очень готов был умереть героем, и 2) что он пал — героем!

В сторону лирические отступления! В среду, не позже четверга, на этой неделе еду сам в Питер и узнаю все сам. 95% за то, что Всеволод жив, т.к. я получил от него открытку, написанную им... правда, — от 10-го марта, во время дежурства в штабе Отряда особого назначения. Не может быть, чтобы так скоро мог выяснить тов. Смирнов, что Всеволод убит, и опустить открытки на следующий день, после его похода на Кронштадт. Открытки те, наверное, были опущены случайно, может быть, даже им самим. Открытка от 10-го марта 1921 года опущена в Питере (видно по штемпелю) — 24 марта с/г. Весь этот материал крайне противоречив, и думаю, я убежден, что Всеволод... жив!

Олечка! Дорогая моя сестра! Я очень устал гореть как солома. Все уже отдано, что можно отдать. Хочется работать — учиться!

Недели через полторы-две приеду в Воронеж с комиссией Желвойск Республики для инспектирования Военно-железнодорожных, что на Петровском спуске против Петровского сквера (в б. Александровском женском учил<ище>.)

<Сверху>: Узнал точно – в первых числах мая, или приеду один вскоре после Питера, смотря по результатам.

Это предположение о поездке наиболее правдоподобно, чем все остальные.

О причинах моего месячного молчания писать в этом письме не хочу. Могу сказать только одно, что жизнь у меня была полной, и в результате я пришел к твердому решению заниматься живописью. Первым начну заниматься с художником Николаем Петровичем Крымовым⁵⁷.

Атмосфера для моей работы вне службы будет очень удобная.

Об этом подробно напишу после Питера с радостной вестью о Всеволоде.

Весь дом Добровых переполошился. Все думают, будто Всеволод жив. Одна Елизавета Михайловна несколько раз перекрестилась, что я заметил совершенно случайно, и <вычеркнуто> вздохнула: – «За что?!»

«За III Коммунистический Интернационал!» – твердо прочел я ответ Всеволода.

Филипп Александрович твердо уверен в том, что Всеволод жив:

– Если Всеволод умер, – он умер героем!

– Он был чистый светлый юноша....

– Он шел бескорыстно за идею...

– Честное гибнет в самый ужасный момент...

– Всеволоды с той и другой стороны отдают жизнь под Кронштадтом, а вожди – Ленин – отрекаются от Коммунизма – к свободе торговли – за что бились Кронштадтцы! –

Вот, дорогая Олечка, все в основных чертах, что говорилось по поводу полученного мной от тебя письма.

Валя верит, что Всеволод жив, и говорит, что когда она в своем письме читала Елизавете Михайловне о Всеволоде, то Ел<изавета > Мих<айловна> очень настороженно сказала:

– Валечка, а что-то Борис наш не похож эти дни сам на себя?!

Дорогая сестра Олечка! Этому причины другие... Я ни в чем, ни перед кем не запутался, но многое пришлось переживать за последние месяцы...

Об этом подробно будем говорить. Пока же знай, что не стоит себя тревожить мыслями о Всеволоде до моих достоверных ве-

стей привезенных из Питера. Олечка, дорогая моя, нам ведь всем нужно сняться.

Целую крепко, Володю, папу и тебя. Твой Борис.

<Сверху>: В Питер еду 30 или 31 марта. Пробуду в поездке не больше недели, значит подробное известие могу написать тебе не раньше, чем 6–7-го апреля 1921 года. Получишь письмо не раньше 10–11 апреля. Крепко целую тебя дорогая моя сестра, Олечка, любящий тебя брат Борис.

Борис Бессарабов. Анна Андреевна Ахматова
1-я встреча⁵⁸

4-го апреля 1921 г. я зашел в «Дом Искусств», что на Мойке, 54⁵⁹, и узнал в канцелярии адрес А.А. Ахматовой⁶⁰. Под вечер я пошел передать ей письма от Марины и Алечки, но не застал ее дома и решил зайти позже.

Часов в 11 вечера я стоял около двери кв<артиры> Ахматовой и, убедившись доносившимися до меня разговорами, что она дома, я тихо постучал в дверь.

— Вы твердо убеждены, что это письмо мне? Заходите, пожалуйста... Это письмо от Марины Цветаевой из Москвы? Подождите здесь, а я пойду прочту. (Анна Андреевна вышла с письмом в соседнюю комнату, а я остался в первой и внимательно ее рассматривал.)

В левом углу ярко горел камин, и возле него у стола сидел глубокий сутуловатый старик и женщина в темно-серой кофточке и синей юбке. Камин золотил лицо. Она глубоко втягивала дым папиросы и оглядывала меня очень внимательно.

Через несколько минут вошла Анна Андреевна.

— Письмо довольно большое, и я решила его дочитать потом, а за иконки Вы поблагодарите Марину и Алечку и, если можно, то зайдите за ответом завтра. Вы приехали из Москвы и виделись с Мариной и Алечкой? Она большая теперь стала? Ты знаешь, Валя, мне привезли письма от Цветаевой — поэтессы, помнишь, которая прислала мне одиннадцать стихов, и от ее 8-летней дочери.

— Помню. А Вы приехали из Москвы? Ну что там делается? Вы давно оттуда? Вы, может быть, присядете? Вот Валя... Я Вас

тоже не знаю... Вот это моя подруга Валерия Сергеевна Срезневская!⁶¹

Шилейка⁶² привстал и подал мне руку, заглянув на меня одним глазом исподлобья.

Я опустился в глубокое кожаное кресло, правее от Шилейки. Вы коммунист? (С моим ответом Шилейка вышел в смежную комнату, медленно и молча. Анна Андреевна опустилась в его кресло и предложила мне стакан горячего кофе.) Валерия Сергеевна закуривала вторую папиросу – вслед.

– Я Вас долго разыскивал, Ан<на> Андр<еевна>, но решил во что бы то ни стало разыскать и выполнить поручение.

– А Вам долго пришлось искать? да как Вы меня нашли, ведь меня разыскать очень трудно, тем более моего этого адреса почти никто не знает? Это приятно, что Вы так внимательны, я рада полученным письмам и особенно иконкам.

– Мне Марина Ивановна говорила, что Вас найти трудно, и мне это тем приятнее было поручение. Она очень хотела, чтобы всё получили в сохранности, особенно ее беспокоила судьба иконок. Она Вас очень любит,

Ан<на> Андр<еевна>:

– Я очень рада... А вы знаете, Бор<ис> Ал<ександрович>, что мы с ней ни разу не виделись и знакомы за глаза. Это удивительно, но приятное знакомство. Я ее очень хотела бы видеть.

– Марина Ивановна мне об этом ни разу не говорила, и я был в полной уверенности, что Вы прекрасно знакомы, хотя и об этом она тоже ничего не говорила.

– А Вы, Бор<ис> Ал<ександрович>, с ней давно знакомы?

– С декабря прошлого года.

– А Вы сюда приехали зачем и надолго ли?

– Официально – инспектировать Шк<олу> воен<нно>-ж<елезно>д<орожных> спец<иалистов>, а неофициально увидеться с братом, раненным под Кронштадтом. Приехал я сюда на несколько дней, но, наверное, осенью приеду в Питер совсем, т.к. одна случайность меня очень обрадовала и, возможно, делает из москвича – питерца.

– Вот как... москвичам или любящим Москву – Питер обычно не нравится... Какая же это случайность?

— Сам Питер меня заворожил и потом Российский Институт Истории Искусств⁶³. Я попал туда сегодня днем и думал пробыть там не больше 10 м<инут>, и остался на целых 2 часа. Меня институт поразил своей тишиной, людьми и постановкой дела. Мне очень понравилась программа занятий по вопросу, который меня интересует, тем более, что изучение в этом институте поставлено на академический лад, что можно заключить по программам.

— Ах, как это приятно. Я очень люблю этот институт. Меня приглашали туда работать, и я немного там работала. Это лучшее учебное заведение по подбору людей, там очень приятно работать. Я рада, что Вас тянет такая работа, Бор<ис> Ал<ександрович>.

— А как же Вы хотите совместить партию и институт, ведь это небо и земля!

— Погружение в институт для меня будет началом разрыва с партией — фактическое, т.к. внутренний разлад у меня теперь слишком велик, и я не вынесу его без фактической работы в области, которая мне дороже всего остального!

— Анна! А сколько времени, ведь пора идти, т.к. задержат наши коммунары. Вы знаете, что у нас военное положение? Можно ходить только до часу. Ну, до свидания, милая Анна!

Вал<ерия> Серг<еевна> и Ан<на> Андр<еевна> бережно целуются.

— Я Вас провожу, а патрулей я не боюсь, т.к. у меня «волчий билет» в кармане. До свидания, Ан<на> Андр<еевна>.

— Бор<ис> Ал<ександрович>, завтра я Вас жду. Заходите, а я приготовлю письма Марине и Алечке. До завтра...

Анна Андреевна проводила нас по длинному коридору до выходной двери и, еще раз поцеловавшись с Валерией Сергеевной, она напомнила мне, что завтра вечером меня будет ждать.

* * *

Какая изумительная Анна Андреевна! Я счастлив, что ее увидел. Я очень люблю ее стихи, и они меня во многом воспитали.

— Вы не разочаровались в ней живой?

До головокружения очарован ее образом, ведь она изумительный человек. Она принадлежит к тем, кого раз увидишь, — забыть невозможно. Это бывает редко.

— Да, я Анну очень люблю, она очаровательный человек. Я ее знаю с детства, ведь мы с ней лучшие подруги — росли вместе.

Валерия Сергеевна — очаровательная женщина. Она была вправе говорить все. У нее был «страшный суд» над нами — юношеством.

— Где вы, русская молодежь? С кем вы? Чем вы заняты?.. Что вы смотрите на умирающую Россию? Ведь вы губите все то, что нами вращивалось жизнями. Сколько великих русских умов, вышедших в мировую науку и культуру, погибло и гибнет от ваших заблуждений. Почему наши русские дети гибнут с голоду, а сын Зиновьева и его жена не могут жить даже в особняке, потому что там сыро, а необходимо им — дворец, ведь сын и жена правителя! И кого же? Просто жида, нисколько не связанного с нашей культурой, которому наплевать на всех, Вас и нас. Ведь жида всегда жидами останутся. А вот мы идем от Анны... Вы видели ее второго мужа? Ведь это знаменитый, известный всему культурному миру, и у нас, и за границей, ассиролог! А он загнан этими жидами в подполье, без куса хлеба сидит всегда и не может оправиться от туберкулеза, который получил от сырости. Чем он хуже жиденка Гришки Зиновьева, купающегося в молоке, харкающих кровью матерей и жен рабочих. Ведь они вас клянут! Ведь вы все преступники!

Я хочу от вас, русского юношества, трезвости и готовности исполнить свой Святой долг! Вы должны уйти из этой заразы жидовского цинизма!

Мы дошли, Бор<ис> Ал<ександрович>. Вы знаете что? Пойдемте-ка я Вас покажу своему мужу⁶⁴. Мне очень хочется, чтобы Вы его посмотрели, а он — Вас и чтобы Вы посмотрели, как я живу, чтобы Вы не думали, что во мне говорит зависть к кипам, устроившим себе пир во время чумы.

— Вот, Вячеслав, я привела Бор<иса> Ал<ександровича> показать тебе. Он приехал из Москвы, и мы сейчас пришли от Ан<ны> Андр<еевны>. Он привез ей письма от Цветаевой-поэтессы — помнишь, что Анне написала 11 стихов.

Мы в это время мы долго жмем друг другу руки и в упор смотрим в глаза и в начале улыбки превратились в радостный смех, с которым мы прошли прямо в столовую пить чай и ужинать. И просидели до 4¹/₂ ч. утра. На сон мне Вал<ентина> Серг<еевна> сказала.

– Я глубоко верю, что вы кончите нашими баррикадами.

2-я встреча с Анной Ахматовой⁶⁵

5 апреля 1921 г. Петроград

Мне было очень интересно, смогу ли я встретиться с Анной Андреевной не только как с поэтессой, но и как с человеком. Мне было интересно заглянуть в ее душу и ощутить ее во всю ширь.

Меня значительно смущало отсутствие во мне знаний литературы и поэзии, и очень пугало, если это послужит препятствием к нашей встрече. Меня успокаивало только одно, что во мне есть то, что многие не умеют отдать своему собеседнику – это свою душу и свое внимание к душе собеседника.

С этими мыслями я подошел к дверям кв<арти>ры Ан<ны> Андр<еевны>.

– Войдите! (Ан<на> Андр<еевна> лежит в неглубоком кожаном диване в левом углу комнаты слева от двери. В большой яркой шали, она приподнялась, облокотившись на левую руку и поздоровавшись со мной, опять прилегла на парчовую подушку.)

– Извините, Бор<ис> Ал<ександрович>, – я сегодня устала и решила прилечь отдохнуть. Хорошо, что Вы пришли. А я Вас ждала немного раньше.

(Комната была залита светом заходящего солнца, и желтые лучи его падали через большое окно прямо на Ан<ну> Андр<еевну> и глубокое кресло, стоявшее у столика перед диваном, в которое я тихо опустился.)

– Ан<на> Анд<реевна>, а я вчера был у Срезневских и познакомился с очаровательным Вяч<еславом> Вячесл<авовичем>. Знакомство наше было преинтереснейшим. Валер<ия>. Сергеевна решила, что меня нужно показать Вяч<еславу> Вяч<еславовичу>. Мы разговаривали до 4-х час<ов> утра, и я остался у них ночевать. Мне больше всего понравилось в конце

нашего разговора заключение Валерии Сергеевны – она пришла к заключению, что я кончу «нашими» баррикадами.

– Как же это случилось? Валя мне даже не позвонила об этом. О чем же вы говорили и как все это произошло?

Я кратко передал наши разговоры и все, что было.

– Да! Валя всегда очень увлекается разговорами на эти темы. Ее интересуют все события, и она горячо и открыто спорит с профессорами-коммунистами о тех несурзацах, которые происходят с нашей страной.

– Я из разговора с Вал<ерией> Сер<геевной> вынес впечатление, что питерские женщины относятся к событиям и судьбе России очень серьезно и зрело, как настоящие Граждане. Это, по-видимому, характерно для Питера, единственного русского европейского города. В Москве или мне не приходилось встречаться с такими женщинами, или их просто нет. Москвитянки к событиям или равнодушны, или обывательски волнуются – правда, тоже за судьбы России, но это как-то несобранно, по-московски.

– Да! Вы, пожалуй, правы. Здесь в Питере просто больше гражданственности, чем в Москве. А что, Валя Вам говорила что-нибудь обо мне?

– Говорила, но очень мало и сдержанно, несмотря на мое большое желание на эту тему с ней поговорить. Мне было бы это очень приятно, тем более что я очень близко принимаю жизнь каждого культурного человека в этот бесчеловечный век. Ведь теперешние дни, как никогда, обнажили людей. Тяжесть жизни сдернула со всех маску и открыла настоящую сущность каждого. Все стали полулюди-полузвери, полунечто, а настоящих людей, настоящего человека очень трудно встретить.

– Д...а... Вы правы, Бор<ис> Ал<ександрович>, меня многое сначала очень сильно поражало в людях, сначала я не верила мифической метаморфозе, но убедилась в этом – в людях, которые мне были близки и дороги, которым я верила. Все настолько очерствели и изменились, что становится очень грустно. А Вам Валя ничего не говорила про моего мальчика? Ведь у меня есть сын, 9 лет, и я его не видела вот уже четыре года... Он живет в Казанской губернии⁶⁶ в семье моего первого мужа – Гумилева. Вы его знаете? Я очень хотела бы видеть

своего сына, но мне очень тяжело подумать о том, что он может меня даже не узнать. Ведь это может случиться? Это так тяжело... А Гумилев — удивительно черствый человек, он живет здесь в Петербурге и ни разу ко мне не зашел⁶⁷. Я его как-то встретила, и мы очень сухо поздоровались, и он ни слова не произнес о нашем сыне.

Марина Цветаева — С.М. Волконскому⁶⁸

Ночь со среды на четверг 31/13 на 1/14 марта-апреля 1921 г.

Дорогой С<ергей> М<ихайлович>, живу благодаря Вам изумительной жизнью. Последнее что я вижу, засыпая и первое что я вижу, просыпаясь — Ваша книга.

Знатели Вы, что и моя земная жизнь Вами перевернута? Все с кем раньше дружила — отпали. Вами кончено несколько дружб. (За полнейшей заполненностью и ненужностью.) Человек, с которым встречалась ежедневно с 1го января этого года — вот уже больше недели, как я его не вижу*. — Чужой. — Не нужно. — Отрывает (от Вас). У меня есть друг: Ваша мысль.

Вы сделали доброе дело: показали мне человека на высокий лад.

<....> Суббота, — 9^{тый} — по новому — час. Только что отзвонили колокола. Сажу и внимательно слушаю свою боль. Суббота — и потому что в прошлый раз тоже была суббота, я невинно решила, что Вас жду.

Но слушаю не только боль, еще молодого к<расноармей>ца (к<оммуни>ста), с которым дружила до Вашей книги, в к<ото>р>ом видела и Сов<етскую> Р<оссию> и Св<ятую> Русь, а теперь вижу, что это просто зазнавшийся дворник, а прогнать не могу. Слушаю дурацкий хамский смех и возгласы, вроде: — «Эх, чорт! Что-то башка не варит!» — и чувствую себя оскорбленной до заледенения, а ничего поделать не могу.

* Как это тогда (11 лет назад) много казалось — неделя.

О Боже мой, как страшна и велика власть человека над человеком! Постоянное воскрешение и положение во гроб! – Ничего не преувеличиваю, слушаю внимательно, знаю: если бы Вы сейчас вошли (к<оммуни>ст только что получил письмо от товарища и читает мне вслух: «Выставка птицеводства и мелкого животноводства...» Это товарищ его приглашает на Пасху.) <Фраза не окончена>

*Борис Бессарабов – Ольге Бессарабовой*⁶⁹

16 апреля 1921 г. Москва

Дорогие вы мои братья и сестра Олечка!

Сегодня решил всеми правдами и неправдами выбраться в Воронеж 20-го апреля; думаю, в этот день вы получите от меня эту весточку – «простынь». 21-го или 22-го буду уже с вами, т.к. поезд идет не больше 30 часов.

Жду той минуты, часа, дня, когда мы все четверо соберемся вместе, без дорогой, для нас всех, любимой мамочки. В годовщину ее смерти – я любил одного человека, и эта любовь была тем дорога, что она имела прямую связь любви с мамочкой.

Всеочка видел, между прочим, ее в Москве, слушал за Москвой-рекой, на Пятницкой улице, ее стихи. – Это живая Русь, а ведь я русский до дна моей души. Всеочка произвел на Мари-ну очень хорошее впечатление, а «Пятницкая улица, что за Москвой-рекой» от него без ума⁷⁰. Мне бы очень хотелось, чтобы мы все были, жили и росли вместе, но жизнь иначе устраивает нашу судьбу.

Хорошо бы хоть несколько дней побыть вместе, подвести итоги, вспомнить нашу неразлучную, во всех нас сущую Мамочку, и разъехаться опять до следующего свидания. Думаю, что эта встреча наша будет иметь громадное значение в нашей жизни. Я приеду к вам, дорогие мои, не «потерявшимся в волнах истории», руль своей жизни, своей души держу крепко. Он привел меня к крепким берегам и прямому руслу – учиться! Работать! Знать! Быть! Вот, вот, что так долго искалось и нашлось. Терять больше время нельзя ни в каком случае. Нужно добиться того, чтобы мы все через 4–5 лет встретились с высшим образова-

ем, и тогда наша мамочка будет ближе всего с нами. Мы ее почувствуем, как никогда. Нас эта будущая встреча, с мамочкой в нас, благословит нас на нашу творческую жизнь, на наше бытие. Все мы постараемся закрепить ее на вечность среди и этого мира. Самое любимое наше достижение мы будем посвящать нашей неповторимой, изумительной мамочке. *Всевочка пойдет* в мир техники, и при упорном труде, при изучении всего необходимого по-настоящему – будет талантливым инженером-изобретателем.

Володюшка уже учится, работает по-настоящему и возрождает нашу Русь в с<ельско>-хозяйственной жизни. Его ждет и сторожит история, ведь и она хитрая штука, любит упорную работу и глубокое изучение всех ее причуд и метаморфоз.

Борис – *пойдет* в Мир Искусства, при огромной любви к нему, будут открываться по пути к прекрасному, все драгоценные места, думы, книги и все, что живет по-настоящему и не умирает, – напишет историю Души – искусства – человека.

Олечка – уже может критиковать и любить все самое ценное, настоящее; имеет дело с лучшим в жизни нашей – с философией души. Ей помогут делать это – собой – братья, люди, жизнь и «Мамочка-Цель». Ведь только подумать! Через четыре года нам уже будет много, много лет! Всево – 24; Володе – 26; Боре – 27; Оле – 28.

Я рад, искренно счастлив, что мы, еще не оформленные, не проявившие себя, имеем возможность встречаться с лучшими людьми в жизни и что мы среди них не «обухи» в воде, а корабли и плывем к «Мамочке-Цели», а она прекрасна!

Мы будем непременно делать, из года в год, в наш «слет» – итоги работы и достижений.

Всева – *нам* будет рассказывать о своей личной работе-учебе, о своих личных открытиях и о том, что делается в Мире техники во всем мире. *Володя* – *нам* будет рассказывать о состоянии своих достижений и что делается в этой области во Вселенной.

Борис *нам* будет рассказывать о вечности прекрасного, о достижениях своих в нем, и о том, что приходит и придет в вечность в настоящую и будущую эпохи.

Олечка *нам* будет рассказывать о думам человеческих, их росте, возрождении, умирании и воскресении; о своих достижениях в познании истины.

Вот интересно, что мы преподнесем через четыре года нашей дорогой «Мамочке-Цели».

Думаю, что мы будем сильными, счастливыми, увидя ее в нас, во весь ее рост, во всю ее могучую, – богатырскую ширь.

* * *

Дорогие братья Всевошка и Володюшка!
Дорогая сестра, Олечка!

«Наш путь тяжел, наш путь далек,
А Небо, все чернеет...
Спешим, друзья, на Огонек!
Он путников – согреет!»

Найдите любимую молитву нашей любимой Мамочки – «Живые в помощи Вышнего!».

В один из наших вечеров – почитаем, перепишем и обменяемся, вместо карточек – подписями под молитвой – любимой Мамочки. В Москве я долго искал путь моей жизни и через исключительную встречу, исключительную любовь к Марине Цветаевой – я свой путь нашел, но не в Москве, а в Питере.

По возвращении из Воронежа или осенью я, наверное, буду там. Если поеду летом, то буду упорно работать в библиотеке, чтобы войти в него раньше формального поступления. Мой будущий институт с 4-х годичным курсом называется очень красиво, – породному... – «Российский Институт Истории Искусств».

В Питере был не напрасно! Познакомился с Анной Андреевной Ахматовой и ее вторым мужем профессором ассирологом – Шилейкой. У нее же познакомился с изумительной женщиной Валерией Сергеевной Срезневской, которую я пошел провожать от Ахматовой, и, когда довел до ее дома, то она сказала, что очень хочет показать меня своему мужу. Он был тоже превосходный человек. Вячеслав Вячеславович, между прочим, профессор Питерского Университета и старший врач Университетской клиники.

Был у тетки Веры Алексеевны Зайцевой (жена писателя Бориса Зайцева). Она старая генеральша – очень породистая⁷¹ – и сказала, что будет очень и очень рада, если я у нее буду бывать.

Вот уже три места, где я смогу бывать в отдых от работ. — Очень этому рад.

Целую крепко Вас, дорогие мои. Скоро увидимся. Ваш брат — Борис.

Из воспоминаний Анастасии Цветаевой⁷²

Май 1921

После моего расставанья с Мариной прошло три с половиной года. Когда наша письменная связь упрочилась, она прислала мне через ехавшего в мои края (друга и поклонника ее стихов, служившего в Красной армии) Б.А. Бессарабова письмо с вызовом меня в Москву на работу, машинописный сборник стихов 1917—1921 годов. «Юношеские стихи»⁷³, мне посвященные, переправленный на старую орфографию (красными чернилами ее рукой) — и пуд белой муки — продать — на дорогу... <...>

Май 1921 года. Путь, загражденный раньше Гражданской войной, был свободен, но ехать мне с восьмилетним сыном пришлось девять суток. Ехали в теплушке вместе с другими, кому посчастливилось достать пропуск. Но мой пропуск был дан прямо до Москвы, а по пути, в Мелитополе, как сообщили слухи, требовали добавочного. Нас могли высадить — и куда бы мы делись, сорвавшись с места и не доехав до своего? Миг был страшен. Зажав в руке бумагу с магическим, словом «Москва», я пригнулась за ворохом багажа, прижав к себе сына, фонарный луч, шаривший по головам, скользнул мимо нас, мы облегченно вздохнули: беда миновала. Москва — наша! <...>

21—22 мая (в Николин день?) мы подъехали к Москве.

Поезд остановился за Рогожской заставой. Как помню я этот час! Ливень и то, как в просвете меж его струй блеснула искра купола Храма Спасителя, и снова его заволочло, и как мы чудом, на отложенные для этого гроши, наняли ломовика, в Москву ехавшего, и, взгрузив на него наш жидкий багаж (все, что могли поднять наши четыре руки, — остальное из уцелевшего скарба было брошено у друзей), — мокрые до нитки, мы въехали в еле видимую за струями ливня Москву.

Может быть, вспомнилось бы детство и отрочество, въезды осенью из Тарусы на знакомые улицы с золочеными вы-

весками кренделей у булочных и трактиров Садовой, но ливень, обращавший улицы в реки, отбивал память.

<...> ...Комната совсем темна (это идут те минуты, которые Пушкиным: «...заря сменить другую спешит, дав ночи – полчаса...»).

Лежим, глаза в ночь. Марина говорит, я слушаю:

<...> ...Борис Бессарабов (он не застал тебя, жаль), – ну, ты его тут увидишь – юный, мужественный, а румянец – детский, или, как бывает у девушек, «кровь с молоком». Настоящая русская душа! Так ко мне привязался! Красноармеец. Как понимает стихи! Друг. Все сделает, что, увидит, нужно. Редкий человек».

Из воспоминаний Бориса Бессарабова Инспекция в Закавказье. Лето 1921 года

Состав инспекции: начальник – начальник жел<езно>дор<ожных> войск Республики – тов<ариш> Скребнев, комиссар инспекции – я, главный инженер – Соловьев. Инспекция размещалась в мягком салонном вагоне. В моем распоряжении было два купе – служебное и бытовое. Скребнев был с своей женой.

Маршрут инспекции:

Ст<анция> Лозовая⁷⁴. Я был занят шифровкой срочного донесения в Москву. Вагон с инспекцией передвигали по путям. Задвинули в гущу мешочников. Стук в купе. Товарищ Скребнев: «Тов<ариш> комиссар, срочно Вам надо заняться с толпой, окружающей нашу инспекцию, если хотите, чтобы мы уцелели...» Быстро спрятал шифр и пошел к выходу. Открыл дверь. Необозримое море разъяренной толпы мешочников, мужчин, женщин с детьми, братишек-матросов и армейцев в разных формах. Со мной на пороге, лицом к лицу, встретился невероятных размеров великан – братишка-матрос с гранатами за поясом. Я дал ему знак, чтобы он вошел в вагон. Привел его в свое служебное купе. Объяснил ему, что мы – инспекция по очень важным делам, и что этот вагон – наш временный дом на колесах, и что я как комиссар отвечаю за жизнь каждого из членов инспекции. Заполнить народом вагона я не имею права – меня расстреляют. Я могу лишь уступить свое личное купе четверем человекам – двум матерям с грудными детьми.

Братишка-матрос пришел в восторг и со словами одобрения пошел к выходу. Появившись на пороге вагона, он сделал энергичный жест рукой. Толпа затихла. Я сказал ему, чтобы он посадил близ стоявших к вагону 2-х женщин с детьми. Он молча взял ребенка у ошеломленной женщины и передал мне в руки. — Где твое барахло?.. — Вот, вот и вот... — указывает рукой мать. Матрос быстро перевалил через свое плечо несколько мешков и всунул в вагон женщину. Рядом с этой женщиной была другая мать с ребенком и мешками. Матрос точно повторил свою операцию на глазах у замолкшей толпы. — «На этом, товарищи, баста!.. — прогорланил матрос. — Тут едет очень важная комиссия военных».

К моему удивлению, вся эта суета смирила исстрадавшуюся, доведенную до отчаяния разношерстную толпу людей. Они все, как я узнал от моих пассажирок, по 1,5–2 месяца не могут уехать из этого проклятого места.

Я тут же вызвал военного коменданта станции и приказал немедленно подать состав товарных вагонов и часть пассажирских, стоявших на путях станции для отправки людей. Строго приказал, чтобы в ближайшие дни все люди были отправлены со станции и чтобы все пути были свободны от мешочников.

Эти приказания я отдал при обступившей нас большой группе матросов и армейцев. Матросу-великану я дал указание, чтобы он подобрал надежных ребят и проследил посадку людей без скандалов и драк.

Наш вагон был отправлен в назначенный срок — минута в минуту. Еще мы не уехали, а на третьем пути был уже сформирован состав из товарных и полуразбитых классных вагонов и шла посадка людей. За несколько минут до отхода поезда на Ростов, к которому был прицеплен наш вагон, ко мне в купе осторожно постучали. Вошли три матроса и доложили мне, что посадка произведена в полном порядке: сначала были посажены женщины с детьми и их имуществом, а затем сели братишки и армейцы — всего около 3.000 человек, в тесноте, да не в обиде! Остались люди на север, а южан посадили почти всех. Они мне сказали, что сами они сядут в следующий поезд — на север и что они проследят подачу вагонов и посадку в таком же порядке, как и в первом составе, на каждый вагон будут распределены надежные, хоро-

шие ребята. Матросы пришли в невероятный восторг, когда узнали от посаженных женщин, что они приняли горячие ванны с душем и искупали своих детей. Матросы крепко-накрепко жали мне руку, прощаясь со мной.

Военный комендант, допустивший такой беспорядок на крупнейшей узловой станции, был мной сознательно поставлен под контроль матросов, обвешанных гранатами. В пути от наших спутниц до Ростова мы узнали, что матросы и армейцы собирались забросать гранатами наш вагон-салон с зеркальными чистыми стеклами, вызывающими ярость и раздражение измучившихся людей, застрывших на станции под открытым небом. Обо всем этом я доложил шифром в штаб VI-го отдела ЦУПВОСО в Москву.

* * *

Проснувшись рано утром, я вышел из своего служебного купе и, стоя у окна, любовался восходом солнца. Вскоре из купе вышла одна из наших пассажирок, оказавшаяся учительницей. От нее я узнал, что другая наша пассажирка – мать маленьких детей, оставленных дома на попечение бабушки. Муж у нее погиб на фронте и что она везет продукты, чтоб не погибнуть с голоду. Она домашняя хозяйка.

Поговорив о прекрасной заре, о ее муже – командире в Красной Армии, о трудных условиях жизни в годы заканчивающейся гражданской войны, казалось, что все вопросы исчерпаны. Моя собеседница много говорила о том, что они очень мне благодарны за благородный и человеческий поступок и что они не знают, как и чем меня отблагодарить. Она вдруг тихим грудным, низким голосом говорит мне: – «Вы меня не обидите, если подойдете ко мне как к женщине, и что она ни в коем случае не будет это рассматривать как нехороший поступок с моей стороны, а наоборот, ей как женщине и матери ребенка хочется меня отблагодарить большим женским чувством за мою помощь им. Я ответил ей, что об этом больше говорить не нужно, т.к. я не считаю возможным, относясь к ней с большим уважением, принять ее предложение, как женщины и матери, попавшей в большую беду,

и что при других обстоятельствах я бы никогда не отклонил возможность близости с ней, т.к. она как женщина исключительно обаятельная.

Она долго и внимательно посмотрела мне в глаза своими большими очень красивыми серыми и умными глазами.

– Да, я Вас понимаю. Какой же Вы – хороший, товарищ комиссар. Я Вам очень благодарна за такое глубокое уважение ко мне – женщине и матери ребенка. Желаю Вам от всей души удачной и счастливой, счастливой жизни.

На этом мы распрощались и разошлись по своим купе.

* * *

За утренним завтраком жена Начжелвойск Скребнева, поздоровавшись со мной, вдруг неожиданно заплакала и тихо вспомнила свою дочь Галину, похороненную нами в Пензе осенью 1919 года:

– Вот, Борюшка, жили бы вы с Галинкой, как голубочки. Ведь я слышала весь ваш разговор с нашей пассажиркой-учительницей. Вы очень благородно и правильно поступили. Не каждый смог бы воздержаться от той возможности, которую она Вам, так ласково, предлагала. Ведь она очень интересная и молодая женщина.

* * *

Наши пассажиры сошли с поезда. Одна на предпоследней остановке до Ростова, а другая, учительница, сошла на станции Ростов <-> н<a-> Д<ону>.

Борис Бессарабов – Ольге Бессарабовой⁷⁵

4 июня 1921. Москва

Дорогая Олечка!

С твоей первой весточкой из Воронежа после моего отъезда я встретился с большой радостью.

Сначала начал писать тебе в ответ деловое, но мне это показалось тяжелым и так просто понятным: могу сказать одно, что в эти ближайшие 2–3 недели все, что необходимо Вам вышлю.

Для всего этого я предпринимаю целый ряд решительных мер, и как только будет результат, то может быть, я появлюсь, сам в Воронеже на день, два или же с надежной оказией вышлю.

Вчера был у Николая Петровича Крымова (художник, выставляется в «Мире Искусства») и говорил с ним о том, что я хочу работать, что это является для меня теперь вопросом жизни или смерти моей.

– Я тоже, Борис Александрович, пришел к такому же состоянию, ведь надоело же: за три года не написал ни одного этюда с натуры. Мне хочется слиться с полем, зеленой рощей и избой крестьянина-художника, который любезно мне предложил у него остановиться, в «Красном углу» даже сидеть, но со своим «хлебом и солью», которых у меня нет. Ехать думаю все равно, так как я не хочу уже зависеть от денег: должен был за 10 проданных вещей получить полтора миллиона, но все они там проворовались и опечатали не только кассы, но и мои картины.

– Николай Петрович, есть ли надежда на изменения к лучшему в ИЗО? (отдел Изобразительных искусств).

– Несомненно есть. Это все сделано оппозицией, футуристической шайке. Их долго хотели разоблачить, но они очень ловкие люди. Эта оппозиция со здоровыми планами, которые дадут возможность существовать всем талантливым художникам... Говорят, что инициатор всего этого нового начинания, очень энергичный человек, да и художник сносный, некто Китилис⁷⁶. Заниматься же я Вам посоветую, Борис Александрович, с художником Синезубовым⁷⁷. Он хороший рисовальщик и живописец. Вы ведь знаете его работы?

– Да! Видел на выставке в 1919 году и очень понравилось.

– Так вот он не только хороший портретист и мастер, он – душа-человек! Да, да, Борис Александрович, он исключительный человек, и с ним вам будет очень хорошо работать. Ведь он очень талантливый художник, хотя ему всего 26 лет.

Ридаль⁷⁸ сел за рояль и играет скрябиновские вещи. Сижу и пишу тебе дальше в кабинете Филиппа Александровича. Музыка... «Ноктюрн».

– Вы знакомы, Борис Александрович, с моей женой?

— Вот какой ты, Коля... мы только что с Борисом Александровичем разговаривали... встретились, и он меня проводил на Б. Левшинский, он шел к нам. Ты знаешь, Борис Александрович говорит, что я его напугала вопросом — почему он думает, что ему нужно заниматься и что выйдет ли из него художник, так как ведь сейчас все хотят заниматься искусством? А кто же еще хочет заниматься? Д. ведь такой флегматичный, у него ничего не вышло с театром и здесь ничего не получится.

— Катя!⁷⁹ Ты совсем не права... Ведь, я же 20 лет только начал учиться, а Сезанн начал писать сорока лет с лишним, после того как он бросил директорствовать в банке.

Ридаль — музыка, Скрябин. «Равель», соната 1 часть.

На Мусатова⁸⁰ махнули рукой и выгнали из училища Живописи, Ваяния и Зодчества.

Люди не чувствуют своего пути иногда очень долго, но потом сразу берутся и дают много хорошего. Возьми ты меня, когда я поступил в высшее техническое, а когда я учился в реальном, я и не думал о красках, а вышло иначе! Ты совсем не права...

С Синезубовым я буду говорить в ближайшие дни и позволю Вам о результатах. Думаю, что все устроится, так как он сильно нуждается в хлебе, иногда по 3 суток ничего не ест, весь извелся бедняга.

— Борис Александрович, от Вас звонит телефон?

— Да!

— Я Вас очень попрошу позвонить к Вульф по №... и спросить от моего имени, заказывать ли оба лекарства, за которые в аптеке просят 25 000 рублей?

«Вешние воды» Рахманинова.

— Какой все это ужас... ведь у них нет таких денег....

— Хорошо! Я сейчас же позвоню, как вернусь домой.

— Я вам очень советую, Борис Александрович, заниматься летом, а с осени поступайте в мою мастерскую... поработаем вместе!

«Христос Воскресе» музыка Рахманинова, слова Мережковского.

– Как я счастлив, Николай Петрович. Я весь горю... да! Все остальное не мое... мне не нужно ничего, кроме красок...

– Мне, Коля, кажется, что у Бориса Александровича будет все удачно...

«Благословляю Вас, Леса» Чайковского.

– Да! У меня есть Вера.... Мне хочется попытать силы... Хочу работать, только скорее!...

«Мы сидели с тобой у заснувшей реки» музыка Чайковского.

– Да! Работайте. Работайте, Борис Александрович, ведь надоело уж ничего не делать...

– Да! Все мне надоело и партия и фронт...

– Конечно, это дело не Ваше, Борис Александрович. Я страшно в Вас разочаровалась, когда об этом услышала. Искусство человек променял, и на что же?!

«Для берегов отчизны дальной» музыка Бородина.

– Да! Это хорошо, Борис Александрович, что вы отходите от всего этого к искусству... Оно вам даст очень много... Я вас вполне понимаю. Вы вполне правильно говорите, что вся эта работа очень опустошает и выбивает из колеи. Вот я тоже моталась по мастерским, но это меня даже увлекло, а эти собрания, бесчисленные регистрации, комиссии... нет терпения! Вот уж три года!

– Я тоже за вас очень рада....

«Пророк» Римского-Корсакова, слова Пушкина.

– Я рад, буду работать упорно. Мне нужно школу, краски, люди, искусство. Все остальное выжжено....

– Да! Большое счастье, большая радость быть с людьми искусства... Я выросла и живу среди них и умру...

«Это было давно» музыка Кельберг.

– Большое вам спасибо за все. Я очень рад, что пришел к Вам, Николай Петрович и Екатерина Николаевна.

— Я тоже очень рад, Борис Александрович, что вы зашли. Заходите к нам.

— Он целый год собирался и... только теперь пришел... Приходите, Борис Александрович. Мы будем очень рады...

— По телефону я сейчас же позвоню. До свидания....

В ночь с 6 на 7.

Пусть не удивляет тебя, дорогая Олечка, это письмо, написанное под музыку. Я не подгасовывал, а просто сидел и писал, и когда Ридаль кончал играть, он говорил, что он играл и чья эта вещь.

Занятно то, что вышло в некоторых случаях странное совпадение по смыслу разговора-письма.

В тот же день мы с Арсением⁸¹ пошли к артистке Воронежской оперы, к Школьским, и там она пела «Христос Воскресе» и другие вещи, совпавшие так же. Я окончательно обалдел и радовался. Арсений тоже был в хорошем настроении.

С этим письмом я посылаю тебе копию с письма Марины ко мне, но попавшее мне случайно, и она об этом не знает. В книге, которую мне дала читать Ася — свою вещь: «Королевские размышления», изданные в 1915 году⁸², принадлежащей Марине, с надписью Асе.

В таких случаях, а он один в моей жизни, я не считал возможным не прочесть его. Мой фатализм — оправдание! Копию его я шлю для этого, чтобы ты окончательно убедилась в Марине и ее отношении ко мне с первых наших встреч.

Отдавать его подожду до отъезда и думаю, что она оставит его у меня.

Вот копия письма моего к Анне Андреевне Ахматовой.

Ночь с 6 на 7 июня 1921. Москва

Дорогая Анна Андреевна!

Вскоре после приезда из Питера в Москву, я отправился в командировку и вернулся только на этих днях.

Очень сержусь на обстоятельства, что они не дают возможности сделать целый ряд вещей, так необходимых теперь любимым людям.

В конце будущей недели, наверно, поедем с инспекцией в хорошие места: Украину, Крым, Кавказ и Закавказье и вернемся к первым числам августа. Думаю, что на этот раз обстоятельства сложатся весьма благоприятно, и я по приезде в Москву отправлюсь в Питер на несколько дней.

С большой радостью вспоминаю те часы, которые провел у Вас.

Вы такая: увидишь раз – не забудешь. Помню Ваши излучистые глаза – скорбь... Все Ваше лицо, изумительные руки. Помню Ваш грудной голос и очаровательные стихи...

Вы – сказка!

В Москве по дороге нашел Ваш «Подорожник»⁸³.

Я признаю и люблю «Исповедь»⁸⁴ во всех проявлениях. Она – основа Жизни, радость! Тем сильнее, чем больше и глубже исчерпывает настоящее... Ваши стихи – Исповедь!

За Ваши стихи особенно: «Когда о горькой гибели моей» и «На шее мелких четоков ряд»⁸⁵ – Ваш! Ваше Имя – моей любимой мамочки...

Буду по-настоящему рад Вашей весточке, пишите о себе, мне можно... Просить я не умею, не могу, но буду очень благодарен, если Вы пришлете несколько своих стихов, которые Вы больше любите. Хорошо бы до отъезда... в путь!

Привет Валерии Сергеевне.

Адрес: Пречистенка, Малый Левшинский, дом 5, квартира 2.

Ваш Бессарабов.

Олечка! Тебе шлю «Подорожник».

Дорогая Олечка! Я буду с тобой откровенным и буду тебе писать не только о моем донжуанстве, но и то, что меня волнует во всей жизни моей.

Я буду писать тебе о каждой интересной встрече и, если тебе не скучно, в разговорной форме. Буду присылать тебе копии писем любимых и интересных людей ко мне и свои к ним.

Олечка! Вот мои любимые женщины:

- 1) мамочка,
- 2) моя сестра Олечка,

- 3) Марина,
- 4) Анна Андреевна,
- 5) Вероника⁸⁶,
- 6) Верочка,
- 7) Олечка К-кова.

Самые дорогие из них — ты и Марина.

Очень благодарен тебе за строчки о Веронике. На этих днях напишу ей огромное послание о Москве, о Государственном Институте Ритмического воспитания⁸⁷, о книгах по ритмике, о себе.

Если она будет в Воронеже, то скажи ей, что я ее очень прошу написать мне. Теперь же, так как я могу уехать. Ей-то письмо до отъезда напишу и с дороги писать буду, а вот она, чувствую, оплошает и устроит так, что до августа месяца ничего не буду о ней знать.

На этих днях Елена Дмитриевна (сотрудница политчасти) ЦУПВОСО, подарила мне сборник посвященных мне стихов. Очень слабые. <...> Если захочешь, то прочти их Веронике и скажи, что как все это маскарадно и просто скверно написано. И несмотря на то, что она не отсылала мне писем и не давала этих стихов, я все это знал и видел — не скроешь. Отдав эти стихи мне, она совсем меня потеряла и не сможет взять ничего, даже простой ласки.

Извини меня, дорогая Олечка, за такое огромное послание. Это своего рода исповедь и, пожалуй, исчерпывающая за этот короткий промежуток времени.

Пиши побольше о себе, о Володюшке. Передай ему от меня горячий привет. Если он меня не понял и не воспринял, то дай ему прочесть или прочти сама эти письма, и я думаю, что он поймет меня и не будет, может быть, меня строго осуждать.

Олечка! Отослала ли ты письмо Коле⁸⁸, и если нет, то немедленно его пересылай на мое имя, а я уже пошлю его дальше.

Если приехала или придет Леля Поляновская⁸⁹, то передай ей от меня привет и скажи, что я очень жалею, что не смогу увидеть ее.

Целую крепко тебя, дорогая сестра Олечка.

Твой Борис.

Ариадна Эфрон – Эмилю Миндлину⁰⁰

15 февраля 1966 г.

Милый Эмиль Львович, посылаю Вам несколько выписок (обещанных!) из своей детской тетради 1921 г. <...>

«Борис заболел малярией, и его забрала к себе Ася. А у ней в это время жил Э.Л. Миндлин. Мы поменялись. Ася получила Бориса, а мы Эм. Львовича. Он начал жить у нас. Он был страшно бестолков. Когда Марина просила его вымыть кастрюльку, то он просто вытирал ее наружную копоть. Скоро Борис вернулся в свое прежнее логово. Я помню одно большое событие из жизни Э.Л. Это его пиджак. Он как-то вздумал продать его на рынке за 200 или за 250 т. Часа через два он вернулся... но увы... с пиджаком. С тех пор он стал каждый день ходить на рынок и все убавлял и убавлял цену. По ночам Б. и Э.Л. разговаривали и мне мешали спать. Борис учился у Э.Л. писать стихи. И написал три стиха. Борис все время писал заявления, а Э.Л. переписывал Звезду Землю⁹¹. Он извел почти все наши чернила, а Борис Марину – чтениями и: “как лучше?”. Я помню, как Борис устроил Э. Льв. службу на Разгуляе⁹². И Э.Л. ходил только в два места – на Разгуляй и к Львову-Рогачевскому⁹³. И когда он принимал уходную осанку, то я всегда спрашивала утром: “Вы на Разгуляй?” или вечером: “Вы к Льв<ову>-Рог<ачевскому>?” Его любимое место было у печки. У него всегда все выкипало и подгорало. Главное его несчастье были брюки. Он каждую минуту их штопал; лоскутов не хватало. Из-за них он в гостях сидел в пальто, хоть бы там была жара».

«Еще немного о ночах, “которые даны в отдых”. Как только Э.Л. пошевеливался в постели, бодрствующий Борис начинал задурять того стихами. Один стих был про бронировочный век, другой про красный октябрь. Э.Л. всегда ночью кричал и думал, что тонет. Это время обыкновенно выбирал Борис для чтения стихов. Миндлин, напуганный мнимой бурей, опровергал стихи. Утром он выслушивал их заново и должен был вежливо хвалить».

«Наши гости скоро уехали. Сперва уехал Борис на извозчике с чемоданом и непродолжающимся Репиным. После его

отъезда мы пошли на рынок за грибами усладить отъезд Миндлина. Мы его хотели проводить. Скоро настал этот день. В четверг 5-го выйдя из дома. Э.Л. нес свою корзинку, я — полку. Мы проводили Миндлина до Лубянской площади. Подошли к углу, и Марина купила Мин<длину> два кармана яблок и отдала ему последние 20 тысяч. Мы поцеловались, и поцеловались еще раз и еще раз. Мы его перекрестили, и он пошел. Пошли и мы».

Вот Вам, милый Эмилий Львович, кусочки тех дней — на память (но не для печати!) Благодаря этим отрывкам Вам, верно, еще что-н<ибудь> вспомнится из тех баснословных времен!

Борис Бессарабов — Ольге Бессарабовой

6 июня. Москва

Дорогая Олечка!

Сегодня в ЦУПВОСО решалась судьба моего лета, и может сложиться дело так, что я могу поехать в командировку с инспекцией Жел<езнодорожных> Войск республики во главе с Начальником Жел<езнодорожных> Войск республики и мной, так как если я поеду, то с полномочиями Военкома Жел<езнодорожных> Войск республики. Основной наш маршрут намечается через Украину, Крым, Кавказ и Закавказье. Обратное ехать будем через Воронеж. Командировка предполагается недели через полторы, две до начала августа.

В тот же день, когда это выяснится окончательно, я напишу тебе об этом письмо.

Этой командировки я очень хочу, так как она с большим избытком обеспечит мне зиму, и я смогу по-настоящему помочь и Вам.

Недавно у меня был разговор с Елизаветой Михайловной о моем житье у них, и мы пришли к заключению, что отношения у меня со всеми живущими в доме после эпопеи с Эсфирью и Шурочкой изменились и разлад не отходит, а наоборот углубляется.

Другой разговор через несколько дней был для меня мало понятным: Елизавета Михайловна вдруг сказала на отъезд Виктора, что она этому очень рада и не может себе представить,

как это я уйду от них, «мой второй сынок»... Мне этого не хочется, и будет очень жаль.

Марина мне передала, что Татьяна Федоровна в «Шурочкином возмущении» рассказывала ей о том, что «нам всех приходится содержать». Никто ничем не помогает. Борис же поселил в доме сумасшедших коммунистов: Ридалья и Малоченко⁹⁴ (они у нас только спят в совершенно пустой комнате).

У Марины сейчас содом: приехала сестра Ася с сыном Андрюшей. Марине очень трудно, она превратилась в загнанного зайца, и у нее все время болит голова, так что она не может даже работать и делает, что попадает под руки. Марину я понимаю до мелочей и очень к ней внимателен, больше не через нее, а через реальности по отношению к Асе с устройствами на пайки и прочее. Марина это тоже чувствует и у нее проскальзывает внимание ко мне, но очень пассивно, так как она меня не совсем еще и не до конца понимает, и с головой увлечена сейчас кн. С. Волконским (теоретиком театра).

На днях был у Марины и сказал, что я от Добровых ухожу и мне нужна комната или угол. Это до Марины дошло. Она понимает, что лучшего «квартиранта» она себе не найдет, и очень тепло, но очень осторожно и символично подчеркивает, что у нее полная свобода от быта и для роста души. Нужна выдержка в таких вещах, и я думаю, что Вам, Борис, будет хорошо. Я даже и заботиться умею.

Вчера был долгий разговор с Асей. Я рассказывал ей о себе. Говорили о ней и о Марине и о коренных различиях в них. Ася несет крест – судьбу в других – себе, Марина в людях – для себя. Марине очень везет в людях, и ее по-настоящему любят. Начиная с Алечки и Сережи (ее мужа)... Асе не везет в людях и даже в отношении к ней сына: «Я знаю, что Андрюша никогда не бросится ко мне на шею поласкать меня, когда я плачу, а Алечка чутко ласкает Марину в малейшем ее волнении».

«Марина – Алечка». «Ася и Андрюша».

Ася с большой горечью рассказывает о том, что Марина ее совсем не понимает и не хочет этого, и слушает ее крайне рассеяно. «А я ради Марины бросила всех своих людей в Крыму, в этом мой крест... Мы с Мариной жить под одним кровом не можем»...

Вчера же Ася и Марина после моих рассказов о письме к тебе под музыку Ридаля, захотели слушать музыку, и мы решили пойти к приват-доценту Школьскому⁹⁵, слушать Ридаля, сольное пение сестры Школьского....

Зашли с Арсением к Цветаевым, но у Марины очень болит голова и она без аспирина не хочет идти и в случае, если он будет – пойдет. Я и Ридаль отправились «вне пространство», искать аспирин. Арсений говорил дорогой, что это все «безнадежное предприятие»... Зашли в первую попавшуюся советскую аптеку, где стояли аптечно-белые женщины, и на вопрос их, что мне нужно, и на ответ, что у них аспирина нет, я раза три сказал: «Поймите Вы меня, что мне очень нужен аспирин!» – после этого они полопотали на каком-то тарабарском язычке и одна из них отозвала меня в сторону и, приготовляя два порошка сказала: «Вот видите, у меня душа еще не очерствела»...

– Я очень и очень этому рад... удивительно хорошо...

– И я рада, Вы счастливы, что я сегодня дежурная.

– Аспирин есть! Чудом достал!

– Чудная реплика этой женщины – «душа еще не очерствела». Правда, Ася?

– Да! Это замечательно....

У Школьских в начале оживление, а потом Марина замкнулась и твердо сказала, что им скоро нужно идти, а потому они хотят музыки. Болтовня Марину доканывает. Марина слушает музыку, иногда просыпается, оживляется и просит играть еще. Все просят Марину читать стихи... Марина читает только четыре стиха. Изумительно замкнуто, хорошо, напевает их. Школьские в восторге и очень звали заходить к ним. Особенно младшая сестра – Бор<иса> Ал<ександровича>. непременно заходите. Я буду очень счастлива.

Сегодня из ЦУПВОСО зашел к Марине и рассказал о предполагаемой поездке. Асе отдал суп из ЦУПВОСОВской столовой по четырем карточкам необедающих. Марина позвала меня к себе, легла на диван и просит достать аспирина.

– У меня, Борис, страшная головная боль!

– Я Вас понимаю, по-настоящему, я все вижу. Аспирина постараюсь достать еще.

– Борис, прикройте дверь и накиньте крючок... Ах, Борис! У меня болит голова... у нас содом... Алечку я отправила с Зайцевыми на дачу на один месяц... Что дальше будет – я не знаю, но больше я так не могу... Ася не понимает, что она страшно болтает о совершенно мне не интересных вещах. Мы с ней никогда не могли жить вместе. Асе нужен свой круг людей, который ее будет слушать... Она пишет груды и сжигает... недавно сожгла свои записки за десять лет. Я совсем обалдела, Борис. Я Вам говорю все. Я не могу дальше так... Я понимаю, что, живя с людьми, превращаемся в должника и отдать, отплатить нечем....

– Мариночка! Я Вас понимаю. Я хотел Вам сказать... Скажу: Я нужен Вам. Мне нужно расти в тишине – молчание. Вам нужна тишина-молчание. Это лучшее отношение людей – это абсолютное понимание друг друга. Нам жить вместе легче, чем <...>. В этом – все! Асю же мы устроим с пайками и комнатой, и все будет очень хорошо... Я понимаю Вас, Мариночка... Я Вам нужен!

– Милый Борюшка!

Пришла Ася.

– Борис! Завтра к десяти часам утра нужно занести рукописи Зайцева к издателю <...>, возьмите это на себя. Зайдите к Скрыбиным, они у них, вот записочка Татьяне Федоровне. Запишите адрес издательства.....

Из дома вышли с Мариной вместе, она к зубному врачу, я – домой.

Борис.

Не иду, а лечу.... Лестница, Пречистенка, М. Левшинский – Дома.... Телефон – поручение выполнено!

М. Левшинский, еще переулок Кривоарбатский, Б. Николо-Песковский и наконец Борисоглебский переулок.

– Извините, что поздно зашел, но необходимо Вас предупредить, Анастасия Ивановна, что я за Вами зайду завтра в 11 ч<ас> 30 мин или 12 час., и мы пойдем в ЦУПВОСО в клуб и Вы с заведующим пойдете к председателю правления клуба и поговорите с ним о «литературной студии».

– Хорошо, Борис Александрович. А о чем с ним говорить?

— О том, что вся работа будет зависеть от состава людей, которые запишутся в эту студию. Она может быть или лабораторной учебной или более творческой — все от уровня.

— Да, это верно. Я была сегодня в Вольной Литературной Академии на беседе Бердяева о Достоевском. Они посвятили уже несколько вечеров. Это очень интересно. Я с большим удовольствием была там.

Олечка! Ридаль и Малоченко могут уехать сегодня. Собирались ехать во вторник, прохвосты....

Буду бесконечно жалеть о том, что я не смогу тебе с ними же отправить писем, которые бы тебе обрисовали в жизни те трудности, которые приходится испытывать в Новой моей Москве.

Об этом вслед за ними по почте и с оказиями.

Борис Бессарабов — Ольге Бессарабовой

11 июня 1921

«Живые в Помощь Вышнего!»

из молитвы, которую любила моя дорогая мамочка.

Дорогая Олечка!

Сегодня вырешился вопрос о моей поездке с инспекцией на Украину и Кавказ. Условия поездки великолепные: едем в салонном вагоне 1 класса. Каждому члену инспекции по отдельному купе для жилья, общая столовая и купе для совещаний инспекции. К сожалению, не имею возможности сообщить тебе всего нашего маршрута, но все же могу сказать, что мы побываем в Харькове, Ростове, Армавире, Баку, Тифлисе, Кутаиси, Кисловодске и прочее и прочее. На обратной дороге заедем в Воронеж, потом еще в два места и затем в Москву.

В Воронеж заедем в последних числах июля или первых числах августа, и все устроится великолепно. Призываю Вас, мои дорогие, к терпению, а я сделаю все, что будет в моих силах.

Скажи в шутку папе, что Борис говорит — папа, ведь умник у меня, когда-то говорил, мол, что летом можно ходить и босиком или в лаптях... Вот, Олечка, ирония и досадная и смешная.

Я этой поездке страшно рад, дорогая Олечка, она мне даст, наконец, устроить и себе Москву, которую мне хочется, и помочь Вам и любимому человеку.

Я окончательно решил перебраться от Добровых, и буду жить у Марины и иметь наконец-то отдельный угол, даже целую комнату. Я очень рад, что в этом доме я буду принят, как человек, что ты можешь смело заключить из письма Марины, правда, мне не отосланного, но которое ей «примечталось».

Марина немного опьянена перспективами благополучной зимы и, главное, тем, что Алечка будет сыта и в тепле.

В нашей новой коммуне обеспечен «лад», потому что я по-настоящему люблю Алечку, а с Мариной мы оба чудачки....

Дорогая Олечка! И ты сможешь приехать ко мне в Москву и отдохнуть от ежедневного стона и <...> Ивана Васильевича. Рад, что сможет побывать в Москве и Володюшка и увидеть настоящую Москву, начиная с Марины и Алечки и кончая куриными и кроличьими царствами.

Буду рад и Веронике, если она сможет приехать в Москву от своей ботаники и борьбы с вредителями и заглянуть в Государственный Институт Ритмического воспитания хотя одним глазком.

Постараюсь с дороги послать тебе несколько весточек.

Неприменно возьму с собой бумаги и красок, и буду рисовать, и писать каждую свободную от дел и сна минуту, а их у меня будет много.

Ридаль уехал вот уж как неделю назад, а от тебя я не имею никаких весточек. Жаль, что и Вероника ничего не написала, так как из друзей-женщин в Воронеже мне наиболее дороги ты и Вероника.

Анне Андреевне то письмо, копию которого я прислал тебе, не отослал. Пошлю завтра немного измененное и, если успею, то перепишу его тебе дословно.

Мариночке можешь за это время написать, постарайся обо мне поменьше и лучше первое письмо пусть вызовет ее на ответ тебе, из которого ты многое увидишь или хорошего или плохого.

Будет жалко, если я не успею написать весточку Веронике и нашему Володюшке – они оба прекрасны, но не видят друг друга. Хорошо бы им встретиться в их житейском и разном пути.

Мне очень интересно, заходил ли к тебе кто-нибудь из моих маяков: Верочка, Олечка и прочие. Они все как-то тянулись к тебе, особенно Верочка.

Между прочим, Ридаль не приветствовал перспективу моего перехода из дома Добровых к Цветаевым – из огня, да... Это, конечно, все чепуха, так как я знаю себя хорошо и при цыганской душе не запутаюсь!

Целую тебя крепко,
дорогая Олечка,
Борис.

Борис Бессарабов – Ольге Бессарабовой

15 июня 1921. ст. Скопин

Моей дорогой сестре Олечке посвящаю

«Путевые заметки».

«Живые в Помощи Вышнего!..» из молитвы, которую любила дорогая наша мамочка.

Глава 1, из которой видны итоги моих отношений к любимым людям.

Содержание:

1. Маруся Ростовцева⁹⁶,
2. Вероника,
3. Марина,
4. Елизавета Михайловна,
5. Сестра Олечка,
6. Братья Володюшка и Всевошка,
7. Люди и я.

Маруся Ростовцева.

Накануне моего отъезда я получил от дорогой сестры Олечки письмо, где она сообщает о смерти Вероникиной мамы от холеры и пишет о Веронике и ее вопросах, «трижды» о моем адресе.

Я понял значение моего письма к ней и о той роли, которую оно может иметь для нее.

Вечером пошел к Марусе Ростовцевой, чтобы взять точный адрес Мити Марченко⁹⁷ и подробно узнать о Веронике, и об отношениях, которые были у нее и у умершей ее мамы.

Маруся пришла домой следом за мной, когда я уже собирался уходить и неприветливо повидавшись со мной, она принялась разговаривать с каким-то человеком об устройении в санатории родной сестры Бориса Леонидовича Шингарева, которую привезла с собой из Воронежа.

После этого разговора она обратилась ко мне и спросила, зачем я пришел.

Говорили с ней о Мите Марченко, она в нем совершенно разочаровалась. Он стал очень скверный, просто карьерист, а не человек. Ей хочется потом узнать, какое впечатление произведет на меня Митя, так как я его хорошо раньше знал.

Говорили о Веронике. Она мне рассказал подробно о ней и об их отношениях с мамой, которая оказалась Марусиной тетей Сашей. Маруся очень удивилась, что мы с Вероникой виделись всего лишь три раза.

– А я думала, что Вы давно знаете друг друга.

Она нашла, что мне необходимо написать Веронике и что это может послужить к хорошему исходу из ее оцепенения, в которое она попала с момента, когда узнала о смерти своей мамы.

Маруся внимательно прислушивалась к тому, что я говорил, и у нее очень часто загорались глаза.

– Борис, а как я рада, что встретились с Вами. Это так неожиданно для меня. Вы такой хороший. Да! Вы прекрасный, редкий человек!

Мне захотелось Марусе рассказать о Марине и Олечке и Добровых, так как я внутренне был сосредоточен всецело на Марине, и внешне связан с Добровыми.

– Борис! Раз Вы сами говорите, что у Марины Ивановны ничего нет и там ребенок, а у Добровых все есть, и сыр, и масло, и колбаса... Вы и не думайте иначе... Все оставьте у Марины Ивановны. Вы внутренне будете абсолютно правы!

Мне страшно была нужна в эти минуты дорогая сестра Олечка, но ее заменила Маруся, она самоотверженно пошла на эту роль и сумела то, что может сделать только чуткая женщина.

Вопрос, внутренне для меня решенный, разрешился окончательно, и с другим человеком, который нашел все правильно.

Все материальные блага на полтора месяца командировки — паек, хлеб, сахар, мясо, я оставил на имя Марины. Оставил доверенности и на жалованье и на разницу, и на дрова и прочее и прочее. Это Мариночку очень устроит.

Маруся под конец разговора разгорелась совсем. Она хотела, чтобы я сидел «еще и еще», угощала горячим чаем, но мне предстояло еще увидеться с Николаем Петровичем Крымовым и писать Веронике письмо.

Мы очень трогательно распрощались и решили бывать друг у друга, когда я приеду в Москву. Маруся пожелала мне в дорогу всего лучшего и еще раз обрадовалась вслух, что меня встретила.

Маруся очень выросла и стала интересным и настоящим человеком.

Маруся первой встречей со мной стала мне дорогим человеком.

Борис Бессарабов — Ольге Бессарабовой

12 августа 1921

Дорогая Олечка!

Как ужасно быть от дома в 15 м<инут> хоть бы и не заглянуть в него. Неужели ты будешь на службе?!

Мы продвигаемся в Москву сквозным поездом, который стоит на ст<анции> Воронеж не больше 40 минут и уходит от поезда я не имею права, т.к. отстать — это будет слишком большая история. Пиши вслед по новому адресу:

Поварская. Борисоглебский пер., д. 6, кв. 3, мне.

Что нового у нас дома, что со Всеволодом и его адрес, если он его переменял. Пиши о Веронике.

Я не знаю, живы ли вы?! Если ты дома, то сейчас же иди на станцию и спрашивай вагон № 613 с комиссией ЦУПВОСО, а там военкома Бессарабова.

Как приеду в Москву, то сейчас же отошлю тебе десятки посланий по всем вопросам.

Ну и рок же! Ведь мы должны были остановиться в Воронеже не меньше, чем на сутки, но экстренный вызов Москвы все испортил.

Целую Вас всех крепко, крепко.

Олечка, не задерживай весточек. Получила ли ты от меня письма из Ряжска, Харькова, Ростова? Получила ли письма Воронежские?

Целую. Обнимаю крепко. Твой Борис.

12 августа 1921 года

Воскресенье

Борис Бессарабов – Ольге Бессарабовой

14 августа 1921 г.

Москва

Дорогая Олечка! До Москвы добрались благополучно. Ехать было очень весело. Я очень жалел о том, что слишком церемонился со своими спецами и сразу не усадил всех своих ребят в свой вагон. Встреча в этом переезде от Воронежа до Москвы с Максимовым и Романовичем⁹⁸ как будто бы реально ставит вопрос с моим откомандированием и демобилизацией для работы по своей специальности. Они меня считают тем человеком, без которого их компания не жизненна и может погибнуть, ничего не сделать из заветных мыслей и мечтаний.

Через пять дней они возвратятся из Петрограда и примутся за мое откомандирование и проведение в жизнь того проекта, который был нами намечен в вагоне.

Решено ехать в Батум для организации там Художественных Государственных Мастерских. Если состоится наша поездка в Батум, то это, имей в виду, связано с хорошими материальными последствиями для каждого из нас, т.к. там можно хорошо заработать.

Подробное письмо об этом – по возвращении этой компании из Питера в Москву.

Все до конца обдумано, и все свои люди и родные будут хорошо обеспечены. С юга возможно будет присылать продукты. Если все это выйдет, то, значит, через 3 недели я сам буду в Воронеже. Эта неделя многое должна нам с тобой рассказать о нашем будущем.

О тебе: или Москва, или Батум, или Америка.

Обо мне: Художественные – или Москва, или Батум, или Воронеж.

1) О Москве – до встречи с Варварой Григорьевной. Она на днях приедет в Москву.

2) О Батуме – до выяснения дел коммуны.

3) Об Америке – до выяснения вопроса в американском или английском консульстве и в Наркоминделе.

О папе – до выяснения с тобой. Все это разрешится в 3–4 недели. Жди. С первой же оказией вышлю 100 000 руб. на текущую жизнь.

Приехал в дом Марины. Очень хорошо встретились. Марина получила письмо от Сережи (своего мужа). Ей необходимо не позже, чем через месяц, выехать к нему. Хлопочем в Наркоминделе. Возможно, что Марина поедет со мной в Батум и, конечно, с Алечкой. Для дальнейшего следования необходимо... Этот месяц, вернее, его вторая половина и 1-ая половина сентября – исключительные по своему размаху – коренные перемены в жизни всех нас. Я очень рад за Марину. Ты и я дадим ей письмо к Коле, чтобы он ей немного помог до написания целого ряда книг, что ей даст много денег и славы.

14 августа 1921 г.

Радуюсь и за тебя, дорогая Олечка, что наконец-то ты сошла с «сундучка», и для меня в твоём прекрасном пути открылись широкие перспективы – вплоть до твоего отъезда к Коле хоть на полгода или месяца на три. Буду рад, если вы к нему поедете с Мариной – она знает языки.

Это письмо – летучее. Завтра и все эти дни большие весточки. Давай этот месяц доведем переписку до того, чтобы было ощущение разговора.

Татьяна Федоровна очень больна, и приходится опасаться за ее жизнь. Завтра зайду к ним и встречусь с Чабровым⁹⁹ и возьму письма от тебя и Александры Федоровны. Зоя умерла?!!!!!¹⁰⁰ Да... От Всевы два письма. Очень за него рад. Пишу ему прекрасную весточку. Целуй Володюшку – ему я тоже напишу весточку.

Скажи Веронике, что я жду от нее вестей – ведь она мне не написала ни одной строчки и даже слова... Ей тоже напишу.

Целую крепко тебя, дорогая моя сестра, Олечка. Володя и Всева – «к Маме-Цели». Я и ты – готовы тоже к ней. Собирайся же, сестра, к новой жизни.

Твой Борис.

Борис Бессарабов – Ольге Бессарабовой

15 августа 1921 г. Москва

Понедельник

№ 2

Москва

Дорогая сестра Олечка!

Москва – Русь – самое прекрасное, а моя сестра Олечка всего прекраснее! Вот тебе мой короткий ответ на все письма твои, которые я сегодня получил еще из двух источников (Чабров и Сашенька).

Как прекрасно, что ты наконец-то сошла с своего сундучка. Я этому рад, как самому прекрасному, что может быть в моей жизни. Ты реально теперь со мной готова начать цыганскую жизнь. Я верю твоей решимости – ты у нас одна! Хочу сегодня тебе сказать вот что:

Возможно, что я дней через шесть, семь поеду в отпуск в Воронеж – в том случае, если Батум отпадет и, наверное, приеду, если он вырастет, через три недели и остановлюсь в Воронеже тоже не меньше, чем на неделю, и помогу тебе переехать в Москву или решим ехать вместе в Батум.

Если Батума не будет, то мой приезд через неделю или полторы (7–10 дней) обеспечен и мы, ликвидировав с тобой все ненужное в Воронеже и закупив продукты, отправимся в отдельной теплушке в Москву и заберем папу. Комнату я приготовлю или остановимся у одной моей приятельницы (не Марины – есть еще) и подыщем себе комнату через все мои связи и будем жить или все вместе, или, если папа будет очень мешать, устроим его в санаторий какой-нибудь.

А жить нам с тобой по разным комнатам не имеет никакого смысла.

Володю мы заберем проветриться на неделю и подкрепиться в денежном отношении, т.к. это будет возможно – сама догады-

вай. Я же всю свою наличность тоже пушу в оборот — золото и на эти деньги тоже купим в Воронеже или уездах — продовольствие. Денег у меня может быть с таким намерением приблизительно около 300—350.000 руб. И продав ряд ненужных нам для Москвы предметов — мы сможем обеспечить себя на несколько месяцев, считая, конечно, пайки и наши заработки.

Вот, дорогая сестра Олечка, самый реальный план о нашей жизни — а Батуме, без меня Москва, Америка, пока мифическая радость и желания.

Сейчас я рад этому плану больше, чем всем остальным — он реальнее и возможнее всех мечтаний. Я разыщу тебе прекрасную работу — для души и ни в коем случае для заработка (если совпадет — хорошо! а нет — и не нужно). А мы обернемся с тобой превосходно, да еще и другим будем помогать.

Писать тебе буду каждый день до выяснения с Батумом, давай быстро обсудим этот проект.

Олечка, милая, я чувствую, что я больше не могу без тебя, ведь вожусь же я все с чужими, забывая не только о вас, но и о самом себе, а я этого дальше так не хочу.

Прекрасные брат и сестра устроят у себя такой цветник людей, что энергия не только удвоится, она утысячится, и я уверен — все будет — и хлеб, и крупа, и масло, ведь бывало же все это для чужих, правда прекрасных, но я хочу делать все для самой прекрасной — своей сестры — Олечки!

Ведь я расту не от Марины, не от коего десятка моих донжунских походов, а только от тебя, моя золотая, сказочная сестра. Ты мой прямой воспитатель и никто другой. Теперь — все для тебя!

Крепко целую, обнимаю бережно сказку — Олю.

Твой Борис.

Борис Бессарабов — Ольге Бессарабовой

Вторник. Ночь. 16-го августа 1921 г. Москва

Дорогая сестра Олечка! Продолжаю письмо № 2.

Если мы едем в Батум без тебя, я не еду. Мы там пробудем не больше года и через 6 мес<яцев> приедем в Москву и Пи-

тер с экскурсией. Если я еду в Батум, то в роли уполномоченного Наркомпроса, а ты будешь моим секретарем или заведующей библиотекой по изобразительным искусствам Батумских Художеств Свободных Государственных Мастерских¹⁰¹. Оттуда, – будь уверена, мы с тобой сможем помочь и Володе, и Всеволоду, и папе как ниоткуда иначе. Береги ковры, береги шаль, береги золото, какое осталось. Все это вырастит само собой. Этот год в Батуме сделает из меня художника, из тебя самую прекрасную сказочную Олечку во всем мире, и такими мы через год, или позже, вернемся в Москву, и нам все – не будет страшно!..

Буду зарабатывать – много плакатами, в театрах, в журналах, в календарях в разные годовщины...

Я верю, что с тобой я вырасту огромным художником, побью рекорд! – ведь ни у кого нет такой прекрасной сестры!

Олечка! Правда, как реально теперь для нас и то и другое, и Москва, и Батум. Мы с тобой вместе мир завоюем, все лучшие люди будут с нами.

Это, Оля, не бред, а то, что у меня растет с каждым днем, с каждым твоим письмом. Жди же, Олечка, от меня ежедневно вестей. Не бойся ни за что на свете! – «Живые в помощи вышнего!..».

Целую, жму твою руку, лучшей из Женщин. Твой брат Борис.

Борис Бессарабов – Ольге Бессарабовой

Вторник. Ночь. 16-го августа 1921 г. Москва

(О Москве)

1) Марина счастлива от большого числа продуктов, которые я ей поменял на тряпки. Ждет эту неделю разрешения вопроса о себе: с Наркоминделом и Марусей Ростовцевой (через нее буду хлопотать).

2) о «Батумской коммуны»

3) и если мы едем в Батум и перебираемся с тобой через 2–3 недели в Москву, – моих проводов на юг – вот такая будет 1-я okazия для подкрепления «нашего с тобой Московского Дома». Ах, Олечка! Как прекрасно жить! Иметь такую прекрасную сестру! Пришла Марина. С вечера, посвященного воспоминаниям

А. Блоку. Настроение у нее прекрасное. Марина — решимость! Марина — творчество! Рассказал Марине о том, что написал тебе, о наших планах и возможности нашего приезда из Воронежа в Москву — жить! Остановимся у Марины в большой комнате. О разговоре подробно завтра, сейчас ложусь спать. Поздно. О нашем вечере — вдруг с порожками — тоже напишу.

Целую крепко тебя, дорогая Олечка. Наша энергия и подъем скоро доедут до тебя самым реальным образом. Вижу и тебя, решившую делать большие расстояния, радующие людей и больше всего и всех твоего брата-рыцаря.

Крепко жму твою прекрасную руку — прекрасной из сестер. Твой брат Борис. Марина настойчиво укладывает спать. Ложусь. Олечка, уже рассвет.

Твой Борис.

Борис Бессарабов — Ольге Бессарабовой

Вторник

16 августа 1921 года Москва

Все написанное в весточках № 2 и 3 о нашем будущем подтверждаю. Написал Всевожке весточку — ему она понравится. Имею очень мало времени. Доклады о поездке, ожидание из Питера коммуны и бивуачный быт моей жизни этот день укоротили намного. Пиши же, Олечка, не задерживай вестей. Отвечай скорее на мои твердые решения о совместной нашей жизни.

Оля, я только сейчас вспомнил, как прекрасно мы написали друг о друге — ведь это же дает полную гармонию, что наш дом «мой и твой» будет самый прекрасный.

Олечка, я мечтаю о нашей тихой встрече. Ведь ты по-настоящему уже внесешь в мой быт прекрасные книги, чего не может сделать ни один человек, даже Марина, хотя она человек от литературы.

Мы с тобой будем ходить на все интересные литературные вечера, будем их устраивать у себя.

Пиши же, дорогая, всех прекраснее, моя сестра Олечка.

Целую. Жму твою руку прекрасней всех движений!

Твой брат Борис.

Борис Бессарабов – Ольге Бессарабовой

17 августа 1921 г. Москва

Дорогая Олечка!

Ты, наверное, уже ощущаешь мою бешеную энергию, не смотря на мое нездоровье (последствия малярии)¹⁰².

Она у меня увеличивается с каждым днем от той определенности ближайших перспектив и в твоей, и в моей жизни.

Как хорошо, что так удачно все совпадает. Я наконец-то буду работать по живописи, а ты сошла с своего «сундучка».

Сегодня говорил с Военным Комиссаром, от которого многое зависит (все) в смысле моего откомандирования и демобилизации, и он, спросив меня – устраивает ли меня это – сказал, что недели через 1½– 2 он мне поможет выбраться из армии. Вот тебе уже шаг к реализации наших планов не в мечтаниях, а наяву!

Теперь со дня на день жду Романовича и Максимова из Питера для выяснения вопроса с Батумом.

Сейчас написал письмо Келларенку¹⁰³. Ты знаешь, он тоже необходимый человек в моей жизни, и главное то, что и я ему слишком нужен – он сбился с своей дороги и его только я смогу поставить на рельсы, т.к. у него нет второго меня, а с остальными он официален. Ведь только я могу ругательски ругать Володьку, и он не сердится – знает, что я созидаю.

Жду первой же оказии выслать тебе денег на текущую жизнь.

Жму твою руку – сестры и прекрасной из женщин.

Целую.

Твой брат Борис.

Борис Бессарабов – Ольге Бессарабовой

Среда

17 августа 1921 г.

Москва

Дорогая Олечка!

Я – весь в будущем днях, а потому не пишу о сегодняшних в смысле моего быта. Могу сказать одно, что он бивуачен до крайней степени и, если бы не эти перспективы, то я ни на минуту бы не остался в таких условиях.

Марина своеобразно рассчитывает на мою энергию и любовь к ней «в вечных снегах Духа»¹⁰⁴ во всех отношениях. Где осуждение — там много неправды, поэтому я не осуждаю и мои, только потому, что это мои отношения. Я самоотверженно и легко шагаю через много нелепостей и чувствую себя прекрасно. Ведь у меня нет и здесь минорного тона, и я не теряю дали горизонта — себя и сестры и братьев, а на остальных мне наплевать. Пусть пользуются пока я с ними, а изменить себя я не смогу, да и не вправе. Скоро — ты.

Борис.

Борис Бессарабов — Ольге Бессарабовой

17-го августа 1921 г.

г. Москва

Дорогая Олечка!

Т.к. жизнь я считаю только сказкой, где все бывает и смерть, и рождение, добро и зло, огонь и вода, — все это бывает в ней не только прекрасно, но и невыразимо и непостижимо в своих началах и концах.

Я не унываю, может быть, мы с тобой-то вместе и до них доберемся, а пока я, желая только утвердить наши общности духа, который начал и во мне и в тебе существовать по воле «Ордена высшей решимости».

Своим бытием мы все время искали, ищем и будем искать, но последнее с сегодняшних дней только вместе и никаких иначе, и для того чтобы убедить тебя самыми сокровенными мыслями, никого не осуждая или в целесообразности этого, я решил свою и твою жизнь в настоящем переложить в «Сказку живых» на «Заколдованном Сундучке»¹⁰⁵ и посвящаю ее Прекраснейшей из прекраснейших женщин — дорогой сестре «Дон-Бориса», — Волшебной Олечке.

В ней ты увидишь, как я сосредотачиваю все свое внимание теперь на тебе и себе и не по дням, а по часам отказываюсь

от «Радости других»,

«Горя — людей»,

«Тоски — других».

В ней ты увидишь всю «прелесть» «вечных снегов Духа» и «роста в молчании»¹⁰⁶.

Как мне давно нужно было это сделать, чтобы испытать все до конца.

Ведь путь прекраснейшего и великого – Воли и творчества – в пытливости! Вот она-то меня через мою творческую волю и привела только к «Прекраснейшей из прекраснейших» – сестре Олечке.

Целую. Твой брат Борис.

Борис Бессарабов – Ольге Бессарабовой

Лето 1921 года 17 августа.

Заколдованный сундучок

Сказка живых. В частях.

Среда. Город Москва.

Посвящается прекраснейшей из

Прекраснейших женщин дорогой сестре

Дон Бориса, Волшебной Олечке.

Лежит донжуанище на «сомовском» диване, пропитанном насквозь копотью и серой пылью, в разрушенной из разрушенных комнат – наследие от создавшего хранилище для копий с произведений изящных искусств античного мира и прекрасных древностей глубокого Востока¹⁰⁷.

В этой комнате я провел 3 московско-советских зимы¹⁰⁸ с маленькой печкой «Крошкой» и маленькой дочкой Алечкой, великой хитрости и ума женщина, все побеждающая своим неотразимым, сказочно-баснословным духом-дыханием, которым она все ей ненужное беспощадно отбрасывает и все ей нужное собирает вокруг себя и это означает «вечные снега духа», «с ростом в молчании», так как иначе матерью данные уши для того, чтобы слышать оглохнут от зычного, деспотически-повелительного тона, а это тоже означает ни что иное, как воспитание тех, кто по ее же воле и настоятельной необходимости, вошел в ее жизнь. Это только для тех бывает от кого «дрогнуло железное сердце» Марины.

В этой комнате, на маленькой печке «крошке» варится из отрубей месиво в кастрюльке, которая не видала даже «советской

чистоты» вот уже скоро, как четвертый год. Это горячее месиво перекладывается в такие же древние по виду кастрюльки, немного меньшего размера и похожие на прекрасных крабов из хранилища древностей глубокого Востока, созданное отошедшим отцом Марины же.

И вот из крабов подобных кастрюль, в «вечных снегах духа» и в «хвалебном молчании» кушают нектар немногим доступный «23 летний сын 28 летней матери» и 8-летняя дочь, не мнущая слез лабиринта – сероглазая Ариадна. «Это могут, есть только люди искусства, и все очень хвалят», такое, как уважаемый людьми мира искусств поэт, прибежавший в Красную Московию из Красного Крыма 24-летний Эмиль¹⁰⁹, ничего не евший в двухнедельное свое путешествие, хотя и без княжеского титула и не 75 лет.

Насытившись метаморфозного кушанья, человек искусства – донжуанище, на ложе вечности, с расстегнутым поясом и всем, что мешает плодотворной деятельности «пищи для немногих», лежит и видит своими спокойными, но беспомощными глазами по своему крову той комнаты, где уже жила 3 зимы, дышащая Марина. И видит три больших, почерневших от копоти двери, маленькую печку «крошку», примостившуюся на полу около нарядного мраморного камина, тоже почерневшего от копоти и пыли. А вместо полка, где нашла бы себе место вся крабоподобная посуда, лежит на полу и служит иногда хранилищем не только случайно в нее залетевшей золы от печки, но и такого же серого пепла и пожелтевших окурков, от выкуренного фимиама.

Лежит донжуанище, пишет еще на том же диване и думает, мысли у него путаются от головной боли, и он никогда от роду ее не имевший, прогоняет ее разгорающейся энергией для небольшой «сказки живых», на «заколдованном сундучке» для прекраснейшей из прекраснейших женщин, дорогой сестры «Дон-Бориса», который только молчанием дождался великого размаха – прыжка с «заколдованного сундучка» волшебной Олечки.

Самое прекрасное и великое в яви – это воля и творчество! Только воля и творчество могут создать прекрасное и великое. Вот на какой путь привел «заколдованный сундучок» Дон Бо-

риса и прекраснейшую из прекраснейших женщин – волшебную Олечку.

Путь прекраснейшего и великого – Воли и Творчества – в пылкости! Или в творческом искании!..

Борис Бессарабов – Ольге Бессарабовой

Четверг. 18-го августа 1921 г. Москва

Дорогая Олечка!

Сегодня, завтра или послезавтра жду новых друзей из Питера. Мне крайне интересно, смогли ли они заразить моим огнем остальных членов «Батумской Коммуны». В числе ее – Гоги, Наташа Табах, Танечка Семынина, Рындин¹¹⁰ и др.

В Москве я не боюсь – будем действовать вместе, а Питер, что скажет, не знаю.

Я очень рад затишью этих нескольких дней – все взвесил, все передумал.

Преимущества остаются за Батумом – прекрасная природа Кавказа, Черное море, Батумский Пальмовый бульвар, катер «Чарох». Огромные комнаты с окнами во всю стену, т.к. там нет зимы, возможность поставить первоклассно экономическую сторону жизни – а от этого самое главное – полная возможность *работать*.

Завтра отправлю в наш коренной парк в г. Торжок чертежи ящика для красок и мольберта и скоро все это получу в готовом виде.

Преимущества Москвы: Москва! Всева – к нам на Рождество из Питера, Володя – из Воронежа, и мы все вместе.

Люди, книги, музеи, галереи, выставки, театры, художественные мастерские – все, что попадет в наш горизонт, но суровая зима, рассеянность прямой задачи – работы по живописи из-за быта, м.б., из-за холода и т.д.

Батум же, я с уверенностью могу сказать, — нам обеспечит, если будем живы и здоровы, весь будущий год Москвы настолько, что мы все будем заняты исключительно работой.

Сейчас иду в ЦУПВОСО — служить — досидеть до 4-х часов.

Целую. Твой брат Борис.

Борис Бессарабов — Ольге Бессарабовой

23 августа. Москва

В ночь с 22 на 23 августа у меня был большой подъем энергии, которая временами за эту неделю совершенно исчезала, в связи с моим расстройством во всех смыслах, на почве малярии, которую я вывез с Кавказа.

23 августа день был спокойный, и его тишина особенно была приятна в комнате, в которую я перебрался на несколько дней для выздоровления и отдыха. Ее смело можно назвать «комнатой отдыха», так как весь дом и она расположены в прекрасном месте у Москвы-реки, что недалеко от церкви..... и 6-го Ростовского переулка¹¹. Хотя она со стороны реки и на 4 этаже — все же попасть в нее нетрудно с противоположной стороны — всего лишь 12 ступенек. Это оттого, что дом построен по крутому обрывистому берегу.

К вечеру я вышел прогуляться после трехдневного лежания и хотел опустить письма Олечке, но натолкнувшись на подпись: Без оплаты за заказные 1250 р., закрытые 250 р. и открытые 100 р. — письма не опускать, за неимением марок и этой неожиданной новости, я не исполнил намеченного.

Вернувшись, домой я застал гостей — Марину, Алечку и Эмиля Миндлина, они пришли в честь дня рождения Андрюши — сына Аси¹², которая героически взялась мне помочь в регулярном питании.

Пришла еще бывшая квартирантка той комнаты, где я остановился — крайне занятое существо. Провинциалочка маленького уездного города Орловской губернии, которая в разговоре со мной, говоря о том, что ей не приходилось сталкиваться с «внутренностью мужчин, а только с внешностью и что попадались красивые и задавали такие же вопросы после умных —

любила ли я кого-нибудь». Жалкое и трогательное существо. Ничего из нее не выйдет – сапог и гроб...

Появилась в мою комнату и Марина с папиросой в руке и, по обыкновению, забыла спички. Я предложил ей часть своих и сказал, что я предполагал отсутствие сегодняшней вечер спичек у всех и потому купил коробку во время прогулки. Марина говоря, что эту заботу она принимает во имя ее, и я не успел оглянуться, как не оказалось всей коробки спичек и весь вечер прикуривал у нее, а под конец к ночи они подарили мне 9 спичек и ободранную коробку.

Был торжественный чай с пирогом с капустой и тремя тортами, состряпанными накануне вечером в кухне на квартире у Марины и достряпанными на примусе в нашем доме над Москвой-рекой, где и Ася с Андрюшей такие же временные гости, как и я, так как они здесь расположились на время отъезда квартирохозяев в Сибирь. За столом был разговор на злобу дня. По традиции в доме Цветаевых в день рождения, герою дозволяется все, что бы он ни придумал, этот разговор связан с воспоминаниями Марины и Аси. Андрюша в этот день ничего особенного не делал и, против обыкновения, спрашивал разрешения для каждого своего «вольного шила». По предложению Марины, смысл этого дня был сделан волшебным для каждого из присутствующих, и каждый мог пожелать чего бы он хотел вообще.

Марина: Хочу освобождения всех политических заключенных!

Эмиль: Хочу обеспечить себя на всю жизнь пирожными!

Провинциалочка: Хочу сделаться поэтом!

Я: Хочу, чтобы день свободы для меня превратился в дни Свободы для всех и навсегда!

Ася: многозначительно и незначительно захлебываясь промывчала и от своей демагогической религиозности не нашла ничего подходящего для этого дня.

Разговор перешел к путям ребенка в возрасте 9 лет. Начались споры и «конкретные» доказательства. Здесь присутствовали две матери 8-летней дочери и 9-летнего сына. Они решили, что у Андрюши больше всего склонность к балету, чуть ли не от пеленок. Мне после многобурливого, захлебывающегося

предисловия Аси о чувстве, что она родила от мужа Бориса и что я, как отец, рассуждаю на эту тему, противно и тоскливо было, что бы то ни было говорить.

Марина начала читать последнюю картину из «Лозена»¹¹³ — вещь, которую я целиком слышал 2 раза. Вещь прекрасная! После этого все распрощались и пошли готовиться ко сну.

ИЗ ЗАПИСЕЙ БОРИСА БЕССАРАБОВА

У Н.П. Крымова

23 августа 1921 г. Москва

— Здравствуйте, Бор<ис> Ал<ександрович>! Я, знаете ли, расположился было уснуть... Целый день возился с этюдами, все вставлял их в рамы. Вы очень похудели и изменились — к лучшему. За табак и орехи очень благодарен. Прекрасный табак! Прекрасные орехи!

— Да! Я был все эти дни нездоров, все последствия малярии, которая в несколько приступов расстроила мое здоровье.

— Ну, как Кавказ? Какое от него впечатление?

— Внешнее впечатление, от природы его, прекрасное! Все остальное чепуха и гадость. Политическая неразбериха, спекуляция, дороговизна. Деньги, деньги и деньги! Все этим пропитано. Теперешний Кавказ — бессмысленная чека и вино, женщины и деньги... Поездка была утомительной, хотя ездили очень удобно. Всего за два месяца проделали 9.500 в<ерст>. Интересно бы подсчитать, сколько стоило это удовольствие республике по новому тарифу. Нас было 7 чел<овек>, а мы занимали целый пульмановский вагон 2-го класса.

— Да!.. А вот я два раза успел побывать в Звенигороде. Вот мне повезло, Бор<ис> Ал<ександрович>! Первый раз я поехал и пробыл там с неделку и написал два этюда и только вернулся оттуда, мне подвернулся на них покупатель, один еврей заплатил мне за один 750.000 р. За другой — 300.000 р. И даже не торговался! Неприятно продавать таким людям свою работу. Вы знаете, я пошел к нему на дом дополучить деньги и невольно поинтересовался судьбой моих этюдов. Комната у этого еврея

какая-то бивуачная, он, должно быть, крупный спекулянт и ворочает большими делами, т.к. совершенно не смотрит в глаза, как большой преступник.

Ух, какая противная и страшная у него рожа... Я поискал глазами по комнате этюды и увидел их на дальней стене от двери и когда я подошел к ним ближе, то и остолбенел. Представьте себе, он повесил их один над другим, а вокруг обвесил открытками и фотографическими карточками. Вы представляете всю эту гадость?! Один этюд он вынул из моего хорошего багета и вставил в черный с золотыми розами и не разберешь, еще чем! Вот прохвост... Ну уж зато я сейчас же уехал и писал этюды с 3½ ч. утра и до 12 ч. ночи. Все время писал. Один раз даже писал при луне, вот посмотрите – церковка. Жалко, не успел дописать. (Н.П. взял эту вещь со стола и поставил на пол к притолоке двери, выходящей в переднюю из столовой).

А вот эти сараи я писал на утренней заре, как раз в тот момент, когда появляются первые лучи, это не больше, чем на 5–7 минут, солнца. Ведь не успеешь оглянуться, а оно уже и выкатилось. Приходилось не думать уж о точности и форме. Приходилось улавливать, так, раз-два, только успеваешь развести краску!.. А Вы знаете, Бор<ис> Ал<ександрович>, почему вышли эти сараи с правой стороны один над другим? Ведь я ошибся и залез слишком высоко, и пришлось писать этот же сарай ниже. И Вы верно говорили, что получается впечатление бугорка и что на нем гнездятся сараи. Ну, а каково пролился луч! А?..

А вот это же место, только я забрался правее, и сараи остались слева и я написал избу по вечерней заре. А смотрите, какая разница в красках. Какой разный тон освещения – утром и вечером. А какое утром небо светлое, а вечером совсем синее. А вот яблони. Посмотрите, какая мелкая зелень! А правда, похожа на яблочко? Это ранним утром, когда солнце уже поднялось. А вот это дерево, луг и лес я писал днем в сильную жару, правда, как отдает жарким днем?

Я Вам сейчас принесу одну вещь, ее уже Катя реквизировала себе... Это после хорошего крупного дождя, когда солнце начинает закатываться. Смотрите, как все вымыто! И вот это же место днем, как все пыльно, серо...

А вот эту вещь я <нрзб> для вот этой картины <нрзб> я врал в тоне. Тут у меня почти все синее, а на самом деле, ишь какой тон.

А здесь я наврал, нужно сделать избу темнее, видите; если закрыть, получается совсем иное впечатление. Ведь солнце было отсюда! (Н.П. прикрыл стену слева, ярко освещенную солнцем — ладонью правой руки.) Да! Надо пройтись новой краской <нрзб>. Ведь мне везет. Я <нрзб> тон, иногда неладится <нрзб>, у которого я жил там, он <нрзб> Училище Живописи и Ваяния и никогда <нрзб>. И ведь он, безусловно, это понимает, а бьет-ся все время и от этого страдает.

А Вы знаете, Бор<ис> Ал<ександрович>, что Синезубов теперь начал писать <нрзб> пишет! Он говорит теперь, что собирается прочесть лекцию в <нрзб> «Кто не пишет правильно, как чувствует и как видит, тот не <нрзб> писать». Вот до чего дошел от своих кривых ваз и стульев. Наконец-то меня послушал, и как он рад, и начал писать, писать! Талантливый художник!

А ведь верно бы, Бор<ис> Ал<ександрович>, устроить выставку. Вы правильно говорите, что это помимо всего остального может послужить рекламою для покупателей. Но ведь это, должно быть, большая возня! Нужно помещение, разрешение. Хотя вот Жуковскому¹⁴ разрешили, правда, в пользу голодающих, но выставка будет. Разве в Мир Искусстве выставить. Там мне дадут отдельную комнату. Ведь я написал 35 этюдов.

— Здравствуйте, Бор<ис> Ал<ександрович>.

— А знаешь, Катя, Борис Александрович говорит, чтобы я устроил свою выставку. Правда, хорошо бы?

— Ну куда уж там тебе.

— Но ведь Жуковский устраивает...

— То Жуковский... И Вам нравится вот эта вещь, Бор<ис> Ал<ександрович>? Правда, какая прелесть! Как чувствуется только что прошедший дождик? А вот эта, Бор<ис> Ал<ександрович>... А вот утро...

А вот еще, Бор<ис> Ал<ександрович>, я писал рожь, успел захватить клочок, да и тот не закончил <нрзб>. Нет, а хорошо выставку сделать, Катя.

— Вот поезжай, еще поработай, тогда сделаешь, ведь будет интереснее...

– Да, вот Бор<ис> Ал<ександрович>, если подвернется покупатель, значит, еще успею съездить. Хорошо бы еще поработать, а то денег нет ничего... А хорошо у них... Отдыхаешь за все время, ни пайков, ни Смоленского, знай, работай.

– Катя! А вот Бор<ис> Ал<ександрович> собрался ехать в Воронеж, хорошо бы масла... Ведь по 10–12 тысяч фунт!

– Вот бы Бор<ис> Ал<ександрович>, я Вам очень была бы благодарна. Эх, сейчас побегу займу денег.

– Да подожди, он через неделю едет, куда спешишь. Ты вот квартиру ему достань, ведь он придет с сестрой, Ольгой Александровной и им хорошо бы две комнаты...

– Надо будет узнать. Ты знаешь, вот хорошо бы было у этих... Там есть одна комната, они ее потому и уступят. Да, и вот у этих-то тоже может быть комната, даже две.. Вот жалко, Бор<ис> Ал<ександрович>, Вы раньше-то, а то к нам бы в ту большую, а то живет дама, не художник, не наша...

– Да, он уж какую <...> у нас еще тогда в первый день, но ее как раз заняли.

– Да, но я пойду, Бор<ис> Ал<ександрович>, с комнатой мы уладим.

– Бор<ис> Ал<ександрович>, а вот эту вещь на продукты моей матери, она золотая, в ней 103 <нрзб> золота, это дамское зеркальце. Хотя бы <нрзб> 300.000 р., и на них <нрзб> продукты, а то она у меня голодает.— Бор<ис> Ал<ександрович>, <нрзб> эскиз. Вот здесь кусты <нрзб> и еще что-нибудь, вот здесь маленький <...> и согнутая над ним береза.

Интереснее всего здесь вот это место около куста. Видите, лавочка и сидит на ней <нрзб>. Не то он ее изучает не то целует. Ну, там посмотрите.

А как хорошо, Бор<ис> Ал<ександрович>, что я успел тут снять размеры всех рам. Эх, вот у меня в одной комнате, загляните сюда, вот видите какая рама, вот написать такую большую вещь. Эх, еще бы съездить и поработать, а затем писать. Теперь мне хватит работы.

Вот я встретил Грабаря¹¹⁵ и сказал: «Игорь Антонович, я вернулся из Звенигорода с этюдов. Привез работы, заходите посмотреть». Отнекался, как будто бы занят, много дел, надо бежать. А ведь они уже не видели моих новых работ вот уже три

года, и почему это они знают, что у меня нет хороших вещей. Да, выставка нужна... Тогда-то все наши министры придут, очень по обязанности, по службе заняты.

Борис Бессарабов – Ольге Бессарабовой

27.08.21. Москва

Дорогая Олечка!

Пришел к Чаброву и застал Талю Березникову¹¹⁶. Она собирается уходить через пять минут, но я, кажется, уговорил ее посидеть для меня еще 10 минут.

Сейчас у нас будет решающий разговор о «Батумской коммуне», но это пусть тебя не пугает, так как я решил выехать в Воронеж¹¹⁷ в среду или четверг на той неделе, и мы с тобой решим все вопросы о нашей жизни на этот год.

Я твердо решил с этого моего приезда к тебе – с тобой не расставаться, и если бы ты почему-нибудь <не> захотела ехать в Батум, то я, несмотря на безумное преступление по отношению ко всей коммуне, включая и Чаброва, и Марину, и Алечку, тоже не поехал бы.

Это должно подтвердить мою твердость и верность по отношению к тебе – ты для меня теперь все! Вот тебе документальное подтверждение, которое было заслушано Мариной, Асей и поэтом Миндлиным.

Сестре

В жизни, скованной <...>
Ты сохранила графику линий
В блеске омута с глубокой ветхостью
Они зовут глазами лилий.
В их тишине и ясности
Открываю страждущий путь
Далекой тесной зеркальности
И ты про нее забудь

В нем твоя речь прекрасная
Мыслью светлой мир озаряешь! (озаришь?)

И душа людей неясная
Будет расти, как ты говоришь.

Слышу поступь твою беспокойную
К людям живым, чтобы жить!
И мысль мою вдохновенную
Счастьем с тобою быть.

Мы души скрестим как шпаги
И смело пойдем творить...
А в судьбах живых, как Маги
Будем с тобой ворожить.

23 августа 1921 год. Москва

Марина хвалит этот стих как документ, и ей понравились некоторые строки и выражения, особенно:

«Слышу поступь твою беспокойную
К людям живым, чтобы жить»

и

«Мы души скрестим, как шпаги»...

об этой строке она сказала, что они прекрасны для начала нового стиха – это открывает перспективы для меня. Она рассердилась и <...> о «счастье с тобою быть». Ей и М<индли>ну понравилось второе стихотворение, которое я им прочел, посвященное Гогену. Особенно конец.

Гогену

Пробуждение
На заре седых Веков
Лаской золотого Солнца
Ты проснулся.
Негой света открылись
Пространства земли,
И ты потянулся
К знойному запаху финика.

25 августа 1921 год. Москва.

Вот то, что во мне выпирает независимо от меня, но я не придаю этому никакого значения, так как это сейчас происходит из-за отсутствия мастерской и красок.

Очень рад буду с тобой увидиться «на страждущим пути», на которой ты сошла как русский богатырь после многолетнего сидения. Мы с тобой прекрасно совместимся. Думаю, что в Воронеже я буду в пятницу или субботу на той неделе, — значит через неделю, и мы с тобой все решим. Все от нас, а не мы от всего! Правда прекрасна!

Писем от тебя со дня приезда еще не имею. Жму руку прекраснейшей из прекраснейших женщин — моей дорогой сестры Олечки.

Твой брат Борис.

Тая досидела спокойно, так как я ей сейчас напишу записку коменданту.

Марина Цветаева — Илье Эренбургу¹¹⁸

Москва 21 р<усского> Октября 1921 г.

<...> Документы свои я, очевидно, получу скоро. К<оммунист>, к<оторый> снимал у меня комнату (самую ужасную — проходную — из принципа!) уехал и не возвращается. Увез мой миллион и одиннадцать чужих. Был мне очень предан, но когда нужно было колоть дрова, у него каждый раз болел живот. У меня было впечатление, что я совершенно нечаянно вышла замуж за дворника: на каждое мое слово отвечал: «ничего подобного» и заезжал рукой в лицо. Я все терпела, потому что все надеялась, что увезет: увез только деньги. — Ваших я не трогаю, оставляю на последнюю крайность! <...>

Из Сводных тетрадей Марины Цветаевой¹¹⁹

Егорушку из-за встречи с С.М. В<олконским> не кончила — пошли Ученик и всё другое. Герой с которого писала, верней дурак, с которого писала героя — омерзел.

14 дек<абря> 1921 г.

– С кого ж как не с дурака – сказку? Во всяком случае, дело не в дурости героя. Не в дурости героя, а в слынувшей дурости автора. (Помета 1932 г.)

Из дневника Ольги Бессарабовой

29.04.22.

Была у Марины Цветаевой. Изячно и строго одетая. Комната ее опрятна, вся в коврах. Любезно обещала собрать вещи и архив Бори – я приду за ними потом. Алечка, ее девочка – из худенькой большеглазой феи превратилась «в толстого сына Кайзера», по словам матери. Скоро Марина уедет за границу. У нее уже есть заграничный паспорт и все, что нужно. Скоро выйдет ее новая книга «Царь-Девница». Эту вещь в рукописи (написанной рукой Бориса под диктовку Марины) прочла мне Майя Кудашева¹²⁰. Стихи «Царь-Девницы» местами хороши, но общее впечатление от книги отвратное. А сама она наполовину ведьма, и слишком женщина, до какой-то неловкости, – хочется отдышаться... Взбалмошна, декоративна, с какими-то сдвигами – что бы то ни было, она талантлива и умна. О ней говорят нехорошо. Но мало ли что говорят вообще? Встретиться где-нибудь на нейтральной почве, поговорить с ней (послушать ее) было бы интересно, но я не хотела бы жить с ней по соседству, ни дружить с ней.

11 мая 1922 года – отъезд Цветаевой за границу.

*Из дневника Ольги Бессарабовой*¹²¹

20.05.22

Последнее письмо Коли с адресом – нашла в пачке писем Бориса у Марины Цветаевой. Послала письмо Коле и адрес его братьям, папе, Зине.

Часть II

ДНЕВНИКИ ОЛЬГИ БЕССАРАБОВОЙ

1915

14 сентября 1915. Москва

...Все время остро чувствую Москву, сердце России. Как-то случайно проходили мимо Иверской часовни поздно ночью (вероятно после театра). Я и Коля¹ случайно вышли в Иверские ворота с Красной площади, смотрели на огни Москвы-реки, на автомобили, трамваи, ресторан Мартыничка (подземный); смотрела на московские лица, одежды, рада была свету фонарей... и вдруг, в ярком этом свете, в оживленной и суетной сутолоке элегантной Москвы — толпа баб перед закрытыми дверями Иверской часовни. Двери серебряные с золотым крестом. Одна женщина поет, импровизирует, за ней каждую фразу повторяют остальные. Похожим напевом народных причитаний-плачей говорят детские простые слова: «Матушка, защити нас!», «Заступница, спаси Россию!», «Укрой, защити и помилуй братьев, отцов, мужей и сыновей...», «Матушка, покончи войну». Иногда такие просьбы и моления прерываются молитвами, вроде, «Живые в помощи Вышнего». Ни слез, ни плача. Лица тихие, знающие, что молитва их слушается самую Матерью Бога. (Не могу отделаться от странного впечатления, какой-то интимности обращения к Богородице этих женщин, интимности их отношения к ней, как живой, слушающий их.)

Сегодня у Добровых² опять будет «спиритическая мистерия». Какое прекрасное лицо Шуры Добровой³. Там же будет и Коля, и художник Константинов⁴. У него золотые легкие волосы и золотая большая борода. А сам молодой, и не то Тагор, не то Распутин. (Вообще какой-то утрированно русский, я таких еще и

не видела, и в то же время — и парижская широкополая шляпа, и какие-то доисторические темы, и не русские краски, о нем говорят, что он очень своеобразный и тонкий мастер и что у него «великолепная палитра».)

У меня пять стран в Москве.

1) Дети и работа в Очаге Жуковой на Остоженке⁵, недалеко от Пречистенских ворот.

2) Университет Шанявского⁶, Массалитинова⁷ и люди ее круга. Очень интересно.

3) Вавочка и круг ее знакомых. (Литературно-художественно-философский и еще что-то такое не очень разберу.)

4) Дом Добровых.(Сердце Москвы)⁸.

5) Кунсткамера родичей моей сотрудницы в Очаге, зав<еду-ющей> хозяйством.

Такой глухой провинции не отыщешь и на краю света. Ах, Москва!

Удивительная комната Шуры Добровой. Комната Шехерезады, вероятно, была хуже, у нее не было портретов <нрзб>, Уайльда и Бодлера. И радуги ярко-темных красок ковры, цветной шелк, материи, подушки. Сказочное, прекрасное лицо Шуры, болезненное, с какой-то тенью лица Арсения⁹, красивый, стройный и очень высокий Саша, золотая борода Константинова, Коля, хозяйка дома — Елизавета Михайловна¹⁰, по временам «сбегающая от гостей» к нам, в комнату Шуры (у нее легкие молодые движения, и вся она стройная, и изящная, и крепкая, как дубочек). Был еще и отец Арсения, муж¹¹ сестры Елизаветы Михайловны, похож на военного врача в отставке, холостяка из арцыбашевской «Ревности»¹², но он же и открытая русская душа, и юмористический, милый умный человек. Серьезно и важно говорит нелепости и выходит очень забавно.

В споре о наших будущих спиритических собраниях Коля недопустимо резко и решительно сказал: «Не допущу твоего участия». Я, конечно, моментально включилась в наши будущие субботы.

Константинов сказал про меня очень хорошо Шуре (она передала мне потом, потому что это хорошее, а не сплетня. Сплетня — значит на вред, неприятное и злое). А у меня он вдруг спро-

сил: «А какая степень родства между вами и Николаем Григорьевичем?» — «Он двоюродный племянник моего отчима. Сын сестры мужа отчимовой сестры». Константинов потер ладонью макушку и примял свою золотую копну на голове. Вот уж и не стоило того!

15 ноября 1915. Москва

Трамваи протестуют против закрытия Государственной Думы¹³. (Стоят на улицах.) Слухи, страхи, острое и напряженное ожидание чего-то, что должно быть. Иногда кажется, что на свете много-много душевно больных, сдвинутых.

Вчера была в особняке Морозовой в Религиозно-философском Обществе¹⁴. Лев Шестов читал доклад о «Ключах Истины»¹⁵, что временами то те, то другие убеждаются (и других тянут за собою, иногда мечом и огнем) в том, что именно в их головах и руках ключи истины. И сменяются эти ключи, очень разные, из века в век. Говорил он очень ярко, учено и сам будто сжигался огнем.

Очень утомляюсь. Нельзя так работать.

17 ноября 1915. Москва

На лекции Бальмонта «Волшебство в поэзии»¹⁶. Он и сам вроде колдуна.

Днем была у Массалитиновой. Николай Алексеевич — «метатель диска» здесь в Москве. У Массалитиновой вдруг поняла, что красота совсем не в красивости. А нечто само по себе и может быть совсем не в «красивой» (хорошенькой) форме. Почти что-то от мопса есть в строении лица Массалитиновой. Но умных ли чудесных ее глаз, от другого ли чего, я не могла отвести глаз от нее. Это очарование у нее каким-то образом и по комнате разлито, самые простые вещи, книги, фотографии, — все нравится, все особенное, как бы ей одной свойственное. Что же это такое, такое непохожее на Воронеж? Москва! Культура! Умная женщина. Живая работа. Творчество. Одаренность. Недаром Люда¹⁷ так восхищалась ею в Воронеже. Посмотрела бы она ее здесь, в ее окружении. Как бы я хотела вырвать, унести Люду в Москву из Воронежа и даже, пожалуй, из ее сре-

ды. Я говорю не о ее семье, конечно, ее семья — это все равно, что ветка, от которой листок уже оторвался. Не листок, которому умереть, а семя, которое, конечно, умнее выберет почву и вырастет большое-пребольшое. Нет, не боюсь за Люду. Ее даже и политика не затарантит. Вот ее лицо люблю. И красота и ум, и женственная прелесть. Хотела бы очень видеть ее голову в скульптуре. В ней есть что-то от Джеммы в «Оводе» Войнич.

23 ноября 1915. Москва

«Детский Очаг», в сущности, ужасное учреждение в такой постановке работы в нем (для руководительниц). Вечерами только из упрямства мчусь в Университет Шанявского. И так хочется отдышаться от всего педагогического, что чрезвычайно дорожу (увлекаюсь очень, вот бы папа был недоволен такими бесполезными вещами), люблю слушать лекции Дживилегова «История Итальянского искусства»¹⁸, послушаться не могу. И по мере возможности слушаю лекции по литературе, искусству, о поэтах (и поэтов).

Завтра у Добровых увижу Леонида Андреева. Он близкий их родственник. На сестрах Вилегорских женаты доктор Добров и Леонид Андреев. Жена Леонида Андреева, Александра Михайловна¹⁹, умерла, когда родился Даня²⁰, а Елизавета Михайловна, жена Доброва, вырастила сына своей сестры и Андреева.

26 ноября 1915. Москва

Шурочка с влажными глазами говорила о том, как не доставало меня в Сочельник вчера. Уж она сама себе читала вслух Кальдерона. И первый раз в жизни я сама, своими глазами увидела, как слезы на глазах могут быть украшением и красотой не только духовной, но и просто красотой (эстетически). Да и вообще-то Шура вся — красота, а это только мелочь, так вот, на глаза попало.

Арсений очень изящен в новом своем темном костюме с английской своей головой с прибором и странным лицом. В глазах его светились (нет, не светились, а отражались) свечки моей

елки. Весь он не очень-то живой и настоящий. Заэстетился. Это (даже не он, а это) – тонкий, перетонкий, переутонченный, воспринимательный эстетический аппарат. Ничего не создает, не сделает, не напишет. А если и напишет, то ни за что на свете не поверю, что сам сочинил, создал. Только отражение. Немного страшновато даже, ведь это же человек! Силуэт Бердслея!²¹

Шура, Арсений и Федор Константинович пришли к нам с выставки «Мир искусства»²². Шурочка очень красива. Прекрасное лицо у нее, и вся она прекрасна. Борода Константинова так и золотится на весь дом. Шура так красива, что я совсем не заметила, в чем и как она одета. Кажется в черном «простом» шелковом платье, очень открытом.

Михаил Владимирович²³: «Филипп Александрович вчера произвел на Вас впечатление своей речью? Произвел? Когда встали сегодня? Когда легли вчера? А как, не поздно?»

Я: «Раскрыть бы все окна, двери, потолок».

Михаил Владимирович: «Чтобы впустить Радость жизни?»

Я: «Не надо о ней. Не знаю».

Вавочка²⁴: «Я понимаю иногда футуристов в их исканиях новых слов. Кажутся такими неполными, неточными слова: “любовь”, “страдание”, “радость жизни”, “счастье”».

Наталья Дмитриевна²⁵: «Может быть, потому, что не чувствуешь, что имеешь право говорить об этом?»

Михаил Владимирович: «Ольга Александровна имеет».

Наталья Дмитриевна: «В детстве около ушей вьется много прописных истин. Иногда уже взрослым человеком такую глубину поймешь в какой-нибудь, давно уже известной. Как что-то новое. Много теряется от частого бутафорского повторения».

Вавочка: «Да, я вот не могу произнести “Радость жизни”».

Михаил Владимирович: «А у Лиса²⁶ она звучит в голосе».

Я: «Ой, не надо говорить об этом!»

Михаил Владимирович: «Я говорю вполне серьезно. Вполне искренно».

Такое близкое, такое человечески хорошее сказали что-то глаза Натальи Дмитриевны, когда она уходила после этого разговора. Когда уходил Михаил Владимирович, мне хотелось поцеловать его тихонько, как Вавочку или маму, когда после не-

1915 год

домолвки что-нибудь станет ясным и понятным. Он, вероятно, почувял и очень добро два раза пожал обе мои руки.

Я уже хотела ложиться спать. И вдруг как-то стало нужно пойти к Вавочке попрощаться на ночь еще раз. Она сидела в кресле как-то очень одна. Я тихонько примостилась на диване, поближе к ней, и мы потихонечку долго разговаривали о чувстве неизбежности, о молодости, о детстве Вавочки, о 1905 году....

Вдруг телефон. «Да, это я, Михаил Владимирович. Мы разговариваем у Вавочки, очень хорошо у нас сейчас. Я и Вавочка. Больше никого. Спокойной ночи. Хорошо». Я ушла спать. Была очень рада, что он позвонил Вавочке.

27 декабря

Объявление Михаила Владимировича на стене о том, чтобы я не забывала о хине, порошках, температуре и прочих долгах.

Очень слаба я, заснула только перед вечером (после совершенно бессонной ночи).

1916

Москва, 1916 год, январь

(Малая Дмитровка, Успенский пер., д. 6, кв. 3. Дом Коса-
говской)

7 января

Разговор с Вавочкой о Христе, о Боге, о Дьяволе, о мысли, об откровении, о свете и тьме. О да Винчи, Ренане, Ницше, о Тагоре, Джеймсе¹, Уитмене, о Владимире Соловьеве, о рациональном и религиозном («Религиозный опыт – особый план» *Stredo ad absurdum*).

Михаил Владимирович потом по телефону назвал меня – за все, что я говорила, – а ему рассказала Вавочка – назвал меня еретиком и каинитом². (В средние века была такая секта, и я о ней слыхом не слышала.) Сказал еще, что «все это Лис извлек из собственного хаоса».

8 января

С Вавочкой – о дневниках, о значении дневников по смерти пишущих – через какое-то время. Вавочка признает дневники только те, в которых отражаются опыты и пути духовного роста, размышления. (Толстой, Амиэль³, Ларошфуко. – Да, и еще такие книги, как «Исповедь Руссо», или уже исторические мемуары, написанные для истории своего времени, со-

бытий, — значит, вы не признаете дневников и записей просто людей — если они не писатели, философы, историки? А как же с записями просто людей, не писателей и не философов, но которым интересно записать о том, что они видят, слышат, о том, чему рады, о том, что им кажется интересным знать, видеть, рассказать?

— Сырой материал, фиксация текущих дней — кажутся мне скучными.

Потом я думала о дневниках и всяких записях. Почему так привлекают старинные мемуары, письма, записи «о текущих днях», бытовые, всякие (конечно, если они написаны не скучно, а интересно). И описательная часть о том, что видит и слышит человек и что случается в его и окружающей жизни, мне, кажется, тоже может быть не только интересна, но и нужна кому-нибудь (и писателю, и историку, и читателю просто).

Пусть каждый пишет, если пишет, что и как хочет. И не только «этапы и пути духовного роста» (или распада?), но и о том, что видели глаза и слышали уши, о том, что было, и даже как это было. Нет и быть не может общих правил для частных дневников. Все зависит от того, кто и как пишет дневники. И получается интересно или совсем не интересно, если даже говорится о больших людях и событиях, а у автора нет ни глаз, ни уха, ни верного отражения.

Мне так нехорошо, что заговорили о клинике. Михаил Владимирович: «Лис, говорят, вы лжепророк и еретик, что это такое? Лис оживел и сияет, как заря!»

17 января

Книги последних недель: Вернон Ли, Муратов, Метерлинк, Лев Шестов, Горнфельд, Зелинский⁴, «Оправдание добра» Владимира Соловьева (А зачем же его оправдывать?)

Наталья Николаевна Кульженко⁵, подруга юности Вавочки — «знаменитая киевская красавица», — теперь она просто молодая красивая пышная женщина с нежным цветом лица; живет на свете только благодаря непрерывному лечению искуснейших докторов в России и за границей, в Швейцарии, в высокогорных санаториях. У нее почти нет легких. Она ска-

зала, что я — Астарта Россетти⁶. Только не английская, а русская Астарта — и даже не я сама — а мои глаза, брови, волосы и рот.

Я лежала и молчала. Было больно шевелиться. Евгения Сергеевна Смирнова⁷ сказала, что овал моего лица, а вернее еще — выражение лица — из Ренессанса, Беато Анжелико⁸. Федор Константинович (художник с золотой бородой) уточнил: не Ренессанса, а прерафаэлитов — Михаил Владимирович принес «Лукоморье»⁹ с девушкой-купчихой Кустодиева на обложке. Сидит под фикусом в розовой баске: «Это ваш портрет, Лис, в будущем», Коля-Николай Григорьевич сказал, что губы мои, и нос, и главное, глаза у меня — Боттичелли — не то что похожи, а напоминают. А сама я «тургеневская какая-то, опоздала родиться», а в тургеневское время была бы более понятна».

Дома в детстве считали меня флегматичной, в гимназии — «не от мира сего», в брневской деревенской школе «как будто из далеких стран неведомая птица».

Да, каждый видит то, что умеет или придумал. Михаил Владимирович еще как-то сказал, что живу я «в четверть внимания». Вряд ли это похоже на комплимент.

В квартире Надежды Сергеевны Бутовой¹⁰ живем — Варвара, я, горничная Катя и студентка медичка Леночка Михайлова. Надежда Сергеевна не в Москве, — она в санатории, после тяжелой болезни. Леночка в истерической напряженности самоуничтожения. До странности тягостна ее доброта, желание «быть хоть чем-нибудь полезной». Жаль ее очень. Картавит. Была бы очень красива, если бы не странное выражение лица — испуганное и какое-то загнанное, — как будто каждую минуту готова она разрыдаться.

Я очень устала лежать, встала, надела халат, чулки. Чувствовала себя невесомой, казалось, что стоит поднять руки, и я взлечу, как во сне. Два месяца лежания и диета сами по себе могли бы извести живого человека, а уж с моими болями и прочим — и того хуже.

Я, стоя на месте, сделала несколько движений руками, приговаривая — «это — танец белых крыльев», «это — танец Изоль-

ды», «это — танец просто так». Два-три шага туда, сюда, концы кос взяла в руки — раскинула руки, подняла вверх. Вот и все.

Но получился переполох, разросшийся чуть не в ссору. Вавочка полушутя сказала по телефону в дом Добровых: «Что делать, Лис танцует!» Коля (брат Вавочки, Николай Григорьевич, так испугался, что не шутя возопил в ответ: «Связать ее!» — и громы и молнии, так, что я слышала его возгласы по телефону. Волосы мои были только что вымыты водкой, распушились — девать некуда — и очень зазолотились. «Не волосы, а грозовая туча» (Михаил Владимирович). Когда я разделала волосы и стала причесывать на две косы, из-под гребешка сыпались искры и суховато потрескивали! Смотрели и удивлялись.

Шурочка Добрава увлечена переводом стихов Бодлера («Цветы зла») ¹¹. «Сидит над стихами 24 часа в сутки». Завтра приедет и прочтет мне свои переводы.

Вавочка устала. После долгой и очень тяжелой болезни Надежды Сергеевны Вавочка не успела отдохнуть, а тут еще и я заболела. — Ах ты, Господи...

24 января Москва — Воронеж

В.Г. Мирович — В.Ф. Малахеевой¹²

Дорогая моя мамочка, пишу воскресным утром, снаряжаясь в церковь. Иду к «Нечаянной Радости». Надежда Сергеевна просила отслужить панихиду по Сереже¹³ (сыну Льва Исааковича Шестова). Лис вчера чувствовал себя опять лучше. Нарядился в ажурную кофту, убрал косы по-геленджицки (Леля знает как — каждая коса заложена кругами на уши — каждая закрывает половину головы), объявил, что он здоров, и в больницу не за чем ехать. Однако скоро пришел в изнеможение и уснул. Ей совсем нельзя вставать, но даже Филипп Александрович, во внимании к ее 19 годам и живости характера разрешил изредка делать отступления от лежачего режима. Передайте Анне Петровне¹⁴, что выяснилось вчера вечером окончательное помещение Лиса к Филиппу Александровичу так как все другие клиники переполнены ранеными. Во вторник — среду — Лис будет перевезен туда. Целую. В.

30 января. Москва – Петроград
О. Бессарабова – В. Виткович¹⁵

Валя, я тебе пишу часто. Лежу смирно (живу теперь в царстве и в веке Шекспира). Вдруг в комнату входит моя настоящая живая мама. Вот удивление. Я почему-то испугалась и присмирела. (Испугалась, конечно, не маму, а факта ее приезда, я ведь знаю, как ей трудно оторваться от семьи.) Очень рада мамочке! Она соскучилась, и вот приехала. Побудет со мною три дня. Я почему-то очень ослабела. Не приехала ли мама в связи с предстоящей операцией? Аппендицит, кажется не сложная и довольно обычная операция, маме издали это показалось страшнее.

31 января

Мамочка и Вава ходили по церквям. Принесли мне красный воздушный шар. Мне они нравятся и летают у меня частенько. Мама посмеялась на это – «От ветра искры гаснут, Огонь горит сильнее», прочла я у Шекспира.

Ветра, ветра! Если я искра, пусть и погасну, а если огонь, – пусть будет ветер сильнее, и пусть будет все что бывает в жизни.

От брата Николая письмо из Японии¹⁶. Очень интересно.

Что это ты такая трусиха, Валечка? Ты говоришь со мной так (в письмах), как будто спешишь успеть сказать все самое нежное, я совсем не так уж больна. Слабость от долгой диеты и лежания. У меня аппендицит, несколько осложненный, его не сразу разгадали, потому что был ряд необычных симптомов и явлений, – писать об этом очень скучно. Ну, а если бы пришлось и умереть (а это не обязательно) – так что же суетиться? Это устраивается само собой, без нашего согласия. И зачем думать о том, чего еще нет, а есть на свете так много чудесно интересного. Ты не бойся, я не так уж больна, чтобы могла быть речь о смерти. Теперь именно, как никогда, почему-то я живу, вся как бы пронизанная солнцем. От всех добрых, дружественных флюидов ко мне – от людей, от жизни, от близких и от чужих (и ни за что, ни про что, а просто так) – м<ожет> б<ыть>, и есть это ощущение солнца, – его тепла и света, и животворящей силы. И это только субъективно кажется, что это изнутри – у меня одной только это

ощущение тепла, света, радости. М<ожет> б<ыть>, — ясное отражение всего доброго, что направлено ко мне от всех вас, моих дорогих, и даже от посторонних людей. А, в крайнем случае, Валечка — естественнейшая в мире вещь — когда-нибудь умереть. И лучше умереть молодой и счастливой, чем недвижимой, отжившей старухой, которой тяготятся, м<ожет> б<ыть>, даже и самые близкие и любящие люди. Я так люблю жизнь, что и умереть не страшно. Доверяю жизни и смерти, — всему свое время.

1 февраля

С утра оделась во все черное. Такая легкая прозрачная шелковая кофточка, — мама сшила ее сама. Хочу быть здоровой. С утра Вавочка и Михаил Владимирович поехали в подмосковный какой-то красивый монастырь. Я отворила дверь на звонок Михаила Владимировича. Он очень удивился, что я встала, и обрадовался. Он изумился, что я «совсем взрослая». Сказал, что за эти два месяца я очень изменилась, и как-то вся выросла, и похудела, и стала совсем взрослая. Когда я лежала вся в белом, он совершенно искренно забыл, что я уже не девочка, да еще эти косы по плечам, а когда встала, оделась, я оказалась вон какая высокая. М<ожет> б<ыть>, я и подросла?

Завтра будет консилиум. Филипп Александрович привезет Готье¹⁷ и Ребриха или Алексинского¹⁸, и они вместе решат, нужна ли мне операция.

«Скажи маме, Лисик, скажи ей от себя, чтобы она не брала тебя в Воронеж» — «Лис? Когда? Зачем? С какой стати? Кто это придумал?!» (Михаил Владимирович)

И тут что-то «замяли разговор». Когда я сказала, что домой надо было бы ехать, если бы клиника не поставила бы меня на ноги, — вдруг все разбежались в разные двери, — кто куда. А потом эту тему мне так и не удалось поймать за хвост.

Отшучивались, что все разговоры о болезни предоставили трем жрецам медицины. А вот пришел и Коля-Николай Григорьевич. В комнате топилась голландская печка, собрались все около, очень уютно. Я попросила погасить яркую лампу, и стало еще уютнее. Коля обещал покатать меня на санях «по всей Москве, куда захочешь», — просил меня не сердиться за теле-

фонную грозу. ... «Но ведь ты сама виновата, ты же знаешь, как опасно»... И мы опять чуть не поссорились. Я сказала, указывая на огонь печки: «Коля, а помнишь, когда я была маленькая, и бывала нездоровая, а ты»... — Да, да, сказку про «Беленькую козочку» (Коля моментально смягчился и утеплился.)

«И где это ты родилась такая»... — Хорошая? — «Ах, вот Лисенок-то! Настоящий Лис, нет, я хотел сказать, ну да, вот, такая, Лисик, хорошая» (у него блеснули влагой глаза).

1 февраля. Москва — Петроград

О. Бессарабова — В. Виткович

Вчера оторвался красный воздушный шар. Я рванулась за ним (и даже не вся я, а только руки быстро протянула к шару). Рядом у моей постели сидел Коля, а в ногах кровати стоял Михаил Владимирович. Коля испуганно и очень крепко взял меня за плечо и усадил, хотя я и так сидела. Я сказала тихо, что я возмущена до глубины души. И отвернулась к стене. Михаил Владимирович молча (и очень осторожно, так, что я не заметила), привязал воздушный шар к одной из моих кос, и прядь волос (кончик косы) затанцевала вверх, — было так смешно.

А потом когда Михаил Владимирович начал читать вслух правила о телефоне, — с очень забавными комментариями о том, что из-за меня приходится иногда вести по телефону разговоры на недозволенные темы, — Вавочка вдруг вмешалась: «Миша, это не подлежит упоминанию». А я так начала краснеть, что спрятала лицо и совсем притихла.

Мне очень неприятно, что я иногда веду себя, как девочка. Терпеть не могу наивности и всякое кисейное — но иногда получается, что я веду себя как будто девочка.

А Михаил Владимирович на это очень серьезно и спокойно сказал, что это очевидно без всякого «как будто». Мне стало очень печально. Потом они все втроем шутили, разговаривали весело, забавно, а мне все было грустно, или я устала, м<ожет> б<ыть>, хорошо, что не заплакала. Михаил Владимирович уже без шуток говорил, что нередко в людях бывает противоречивое смешение возрастов. В некоторых случаях Вам 12 лет, в других — чудесные Ваши 19 лет, а есть области, где Вы много и нео-

жиданно старше своих лет. И что это совсем не плохо, а очень хорошо, даже очень хорошо (Коля смешно – потому что совсем серьезно поддакивал, молча, кивая головой).

Я ничего не строила из себя нарочно, но было мне очень печально, не знаю, почему. М<ожет> б<ыть>, с утра была весь день очень усталая – тоже ни почему.

Михаил Владимирович привязал длинную и крепкую нитку к шару и очень хорошо дал его мне. Раза три прощался, просил, пожалуйста, не сердиться на него ни за какие шутки. Доброта от него идет широким, горячим таким человеческим потоком. Пятого февраля решится его военная судьба.

Коля после его ухода говорил мне очень хорошее, такое, что слова его могли бы быть очень – иметь очень большое значение в жизни – моей или другого какого-нибудь человека, но не знаю, почему. Я рассказала тебе больше о детском воздушном шаре. И почему-то все, что Коля говорит, я слышу как-то вообще, а не сама по себе – именно я. Это трудно объяснить, объективно как-то слышу – как будто это ко мне самой не относится, а просто так, «вообще» хорошо.

3 февраля

Мамочка именинница. Вчера она была в Художественном театре на «Вишневом саде» и в Камерном на «Женитьбе Фигаро»¹⁹. Красочно, ярко, великолепно выразительно пластически, мимически, талантливо рассказала о «Женитьбе Фигаро». Осталось впечатление, что я сама видела этот спектакль в театре, со всеми оттенками игры актеров – зрительное и эмоциональное впечатление, и пластическое. Вавочка потом сказала: «Вот откуда у Лиса изобразительный дар слова и жеста». Надежда Сергеевна это очень отметила в ней. А Шура Добрава говорит, что студия Станиславского безвозвратно заграбастала бы Олечку, если бы она попалась им на съедение – театр глотает людей без остатка, до самой смерти.

Вавочка и Михаил Владимирович привезли мне охапки веток сосны, елок с большими шишками, можжевельник и тую, две лубочных картинки и пять старинных икон – древних и очень интересных. В монастыре крестьяне обменивают двухсотлетние

иконы на румяных святых Екатерин, Богоматерей и Угодников. Из этих — замечательные две иконки: Иоанн Креститель (изящество, тонкость, краски; Иоанн, вещий, таинственный). И другая — на одной дощечке четыре миниатюры — изображения Богоматери — «Утоли мои печали», «Утешение сердец», «Взыскание погибших»²⁰. Одна из них в восточном тюрбане, тщательно и тонко выписаны переплетенные пальцы рук. Эта икона очень старая и написана с большим мастерством.

Кому в жизни понадобилось с такой любовью выписывать эти четыре аспекта Богоматери Утешительницы? И что предшествовало этому желанию художника или заказчика? Чудесная первая (или последняя) страница исторического романа.

Солнечный денек сегодня. Мама и Вавочка ходили по Москве. Мама и сама побывала — где успела — за эти дни, и Вавочка захотела показать ей свои любимые места Москвы. Принесли кустарные игрушки, подарки для Воронежа, всякие «гостинцы». Ради маминого именинного дня устроили праздничный обед. Я рада была за маму, о маме, самой маме, но сама ничего не поела, — и не хотела ничего. Устала очень.

4 февраля

А сегодня в Америке именинник мой брат Николай. Вспомнил ли он об этом? Мы-то его очень вспомнили.

Завтра у меня консилиум. И завтра же решат вопрос о военной службе Михаила Владимировича.

Мамочка вымыла мне голову. Волос оказалось что-то уж невероятно много — так они распушились. «Золотой плащ, развеянный ветром. У Лиса волосы замечательно красивы». «Я закрою глаза, не буду смотреть, причесывайтесь спокойно. Можно с вами поздороваться? Я очень рад, что вижу вас такой блестящей и здоровой. Когда прихожу — боюсь увидеть вас суровой и безмолвной» (Михаил Владимирович).

Мамочка уехала вчера вечером. У меня опять начались острые боли в кишечнике, и висок мой убивает и затемняет свет Божий. Боль так остра, что я о ней не говорю, а то получается лишняя суета и тревога. А суеты не надо ни в коем случае. Даже тем более.

4 февраля. Москва – Воронеж

В.Г. Мирович – В.Ф. Малахиевой

С отъездом Анны Петровны Собачья Тропка опустела и стихла. Лис лежит с закрытыми глазами. Поднялись боли в кишечнике, поднялась температура. Консилиум назначен на завтра в 9 часов. О результате напишем. Еду брать ванную к Смирновым, не хочу допускать печеночных недоразумений. Кстати о печенке: сделали по рецепту Анны Петровны кашу с этим органом, всем понравилось, но как будто уж слишком сытно. Целую. Жду откликов.

5 февраля

Днем потихоньку выбралась из дома (на улице очень кружилась голова) и снялась в фотографии с зеркалами, которая называется странно: «Я в пяти позах» — от нас она очень близко, в двух шагах от Страстного монастыря на Тверской. Домой шла тихо, еле вошла на невысокую нашу лестницу, несколько ступенек. Забавный человек-фотограф так умеренно хвалил косы, что я боялась, что он их потрогает на ощупь — вот чудак. «Снимайте быстрее, у меня кружится голова, и мне надо вернуться домой, пока нет домашних дома». Человек присмирел, начал было усаживать меня по-своему, а я ему: снимайте так — лицо будет видно? — Да, да, да четыре аспекта на одной карточке». (Лицо — в отражении двух зеркал под прямым углом, а аппарат снимает в спину — в затылок.)

Я села и не пошевелилась. «Теперь еще раз сниму, это для себя, для витрины, если вы разрешите — смотрите на эту розу, опустите на нее глаза, ах, какие же косы — их будет десять кос. Вот и будет не портрет, а частокол из кос. Он еще что-то говорил, но я уже не слушала. Мне было только добраться домой. Домой вернулась вовремя и никому не сказала о неразрешенном своем выходе из дома. Лежала потом очень-очень смиренно. Квитанцию положила в конверт и подписала — «Взять фотографии — (дату и адрес) — и положила в свою папку для писем, где чистая бумага и конверты с марками.

Доктор Ребрик на консилиуме сказал тихо Филиппу Александровичу (но я слышала), что я очень нервная особа, но отнюдь не истеричка, что у меня никаких грубых психических черт и что я очень кроткая привлекательная девушка, немнительная, и жизнерадостная, и терпеливая. Ребрик завтра примет меня в свою клинку. Ребрик — такой ученый, важный человек, а сам застенчивый, и платок поднял мне, смутившись и не очень ловко. Я его ничуть не боялась.

Филипп Александрович думает, что у меня аппендицит, осложненный чем-то на нервной почве, и еще что-то латинское на нервной почве с кишечником. Я не поняла иероглифа латинского слова, но прекрасно поняла, что это и составляет предмет тревоги близких обо мне. В латинских звуках запомнила словечко (пищу его русскими буквами) — «ТБЦ» — (tbc?) — туберкулез кишечника? Странно, я думала, что туберкулез бывает в легких или в горле.

Суетиться не надо — не надо лишних тревог моим дорогим. И как много у меня дорогих мне людей, любимых, милых, самых любимых!

7 февраля

В.Г. Мирович — О. Бессарабовой в клинику

Мой маленький Лис, пришли мне записочку, чтобы знать, как отразилось в тебе то новое и по символам такое трудное и важное, что таят в себе вещи и флюиды больницы. Знаю, что ты молодец, не ищешь в жизни легкого, не прочь от самого трудного. Все-таки мне было так сильно грустно, так сжалось сердце, когда твоя фигурка, такая маленькая в большом коридоре, затерялась в конце его. Меня заставили просидеть в приемной больше часа. Едва не растерзал свирепый от тяжелых впечатлений вепрь — фельдшер. Но я спаслась от него, проскользнув в дверь, когда он рычал в отдаленном углу (он не хотел меня выпускать). Потом я стояла на ветру в ожидании трамвая до половины девятого и все боялась, что он (вепрь) выскочит и потащит меня в приемную. В результате у меня температура. Боюсь, что она помешает приехать к тебе завтра. Если бы Ребрик разрешил свидание до 6 часов (Филипп Алекс<андро-

вич> говорит, что это вполне возможно, то завтра к тебе приехал бы Михаил Владимирович, а я в это время пила бы аспирина). Напиши в записочке, что тебе можно, чего хочется. Привезу. Пока додумалась до одних альбертиков» (печенье), но они далеко не гостинцы, а с той же линии aspirini-tanalini.

Без тебя на Собачьей Тропке так пусто и уныло, и вообще пусто. Веди себя примерно, чтобы начальство поскорее отпустило тебя на Собачью Тропку.

Таля²¹ тебе кланяется, Катя тоже. Я была в церкви. Там лучше всего думается о том, о чем под старость необходимо подумать — о спасении души, и не души Мировича, а душ всех до единого, прежде нас бывших, и еще не рожденных в веках. Целую тебя.

Забыла прибавить самое главное: остановилась вчера у витрины фотографии под чеховским заглавием: «Я в пяти позах»²² и слышу, как маленький офицерик говорит: «Вот это так косы!» И вижу: пять Лисов и 10 великолепных хвостиков. Где от них квитанция? Надо их выкупить с витрины. В.

12 февраля

У меня в жизни теперь — счастливая светлая полоса. Операция будет через две недели. От людей не только от моих близких, любимых, но и от других, посторонних, со всех сторон, чудесно ощутимое светлое тепло, внимание, сочувствие. Ни за что, а просто так. Разве что у всех людей в жизни так?

Физическую боль я умею отделять от себя и не сгибаюсь от нее. Больно, и пусть. А я веду себя так, как будто боли нет. Ну, когда уж очень остро — молчу, закрою глаза как будто задремала (говорить тогда трудно). Иногда просто пережду, а иногда и как-то переупрямлю боль. А когда совсем уж плохо — что же суетиться? Лежу тихонько.

19 февраля

О. Бессарабова — В.Г. Мирович из клиники

...Огромное окно из коридора в небо — драгоценный синий камень. В глубине его — трепетные огни. Синий час! Такой же синий час бывает и очень рано утром, перед рассветом.

Я очень богата. У меня дни, ночи, совершенно мои. Наталья Дмитриевна (Шаховская) принесла мне живые крымские подснежники. Вся наша палата стала похожа на весну.

Сегодня я особенно увидела, какая прелестная Наталья Дмитриевна. Не красивая, а прекрасная. Это от ее глаз так освещается ее простое, как будто обыкновенное лицо с большим умным и кротким лбом Мари Болконской. Ни одну женщину в жизни я не могу вспомнить более подходящую к облику Мари Болконской.

20 февраля

Острая боль. Острая, острая боль. Солнце, душистая почка тополя в ласковом письме Надежды Сергеевны Бутовой, и ее стихи о весне, в лесу, с деревьями на поляне. Письма Вавочки, Лели Полянской и моей Вали Виткович.

21 февраля

Сегодня «Прощеный День» — День прощения. Люблю этот праздник. Не могу вспомнить — кого бы мне простить? Прошу простить меня всех, кому хоть нечаянно и не нарочно когда-нибудь от меня было больно, нехорошо, неприятно. И прощаю всех, кто в будущем, если оно будет, сделает мне какую-нибудь боль, беду, огорчение, зло.

Были у меня — Вавочка и Коля. Принесли возможные и невозможные баловства, и больше всего обрадовали меня большие ветки — целый сноп веток мимозы. Вся палата любовалась ими, вот были все рады! «Такие букеты приносят только женихи». «Он ваш жених?» — Нет, это просто Николай Григорьевич. — Родственник? — Да, да. Троюродный племянник мужа сестры моего отчима.

23 февраля

Клиника... Удивительно, каждое утро кажется мне, что сегодня совершенно новый день, и все (вся жизнь вообще) — начинается сначала (и навсегда). Каждое утро — как первое утро мира! Очень хорошо, что здесь такие огромные окна. Всегда приветствую мои синие часы — в сумерки перед вечером и перед рассветом. Эти синие часы — мои — (эти строчки выбрала я, как главное, чем жилось в клинике. Подробности клиниче-

ской жизни сберець не пожелала, хотя к ним и принуждали в письмах мои корреспонденты).

26 февраля из клиники

О. Бессарабова – В.Г. Мирович

Вавочка... Родная моя Вавочка, жалко заснуть, – не хочется уступить сну такое ясное хорошее состояние. Вот она, Радость жизни, когда пришла ко мне. Хорошо жить, не страшно и умереть. Крепко целую Вас, Колю, Михаила Владимировича, Наталью Дмитриевну, дом Добровых и всех. Лис.

27 февраля

В.Г. Мирович – О. Бесарабовой в клинику

Ночь перед операцией. Мой Лисик, мое любимое дитя, я с тобою все время, и вечером, и теперь ночью и буду с тобою в час операции. Нельзя желать близким трудного. Но на чью долю оно выпадает, тот избранник... Ты хотела от жизни – как ее первого и высшего дара – Познания. И она ответила тебе благосклонно, открыв кратчайший путь, который ведет через тесные врата – боли и терпения. Родной мой, я так верю, что путь твой – ввысь, вдаль, и что недаром даны тебе и эти врата. Обнимаю тебя со всей любовью. Буду у тебя около трех часов. Христос с тобой. В.

5 марта

В.Г. Мирович – О. Бессарабовой в клинику

Милый Лисик, вот ангелы, зовущие к пробуждению, когда душа засыпает или никнет после излишнего экстаза. «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши?»²³ На пятой неделе послушай это в Субботу – в Успенском соборе. Обнимаю. В.

7 марта

Вавочка на день уехала в санаторий Крюково – к Над<еж-де> Серг<еевне> Бутовой. Коля был вчера со всяким баловством и цветами, вчера была Наталья Дмитриевна. Ох, как хочется побегать.

8 марта. Москва – Ялта

В.Г. Мирович – Н.С. Бутовой

...«Все, что вне церкви, как-то мало касалось меня в это время. Приехали из Киева Леонилла Николаевна Тарасова²⁴ и мальчишки (ее). Она взяла в свои руки хозяйство, за что я ей очень благодарна.

Катя тоже довольна, что, наконец, настоящее хозяйство и пасха, и кулич, и окорок, как у людей.

Аллочка²⁵ очень хорошо сдала свою Дездемону, ее все «старшие» хвалили. Сейчас с Леонидом Николаевичем иду к Льву Исааковичу (Шестову). Он устраивает мне какую-то работу в «Утре России»²⁶. А без этого я пошла бы на паперть, так как доходы Михаила Владимировича прекратились, он больше не служит, отпуск дан еще всего на месяц.

23 марта

Шурочка Доброва сейчас целовала по телефону кого-то за 300 верст – в Нижнем Новгороде. Софья Александровна Зеgebардт (сестра Филиппа Александровича) долго играла на рояле. Она кончила консерваторию – играет на органе, на фисгармонии – хорошая музыкантша. Потом она стала рассказывать об африканских и австралийских растениях, животных, о морских чудовищах, о людоедах. Всем этим она увлекается больше, чем ее сыновья-школьники. Удивляется, что люди не замечают чудесного – его так много в жизни. А разве не чудо – хотя бы аромат цветка, цвет травы, птицы? Радует сердце, когда видишь таких людей, как Филипп Александрович, его сестра. О Филиппе Александровиче рассказать трудно. Доктор Добров! В этих двух словах – прекрасная человеческая жизнь. О нем можно бы составить сказание – трудно и в сказке рассказать и пером описать – Дом Добровых, Елизавета Михайловна – странно сказать о ней: дама, жена доктора, мать Шуры и Саши – о ней понятнее для меня было бы сказать: Москва, м<ожет> б<ыть>, и Россия, сердце России, сердце Москвы. Что-то похожее – несколько в другом плане – похоже на впечатление, какое бывает у меня от лица, глаз и вообще от мамы моей.

В связи с ними, такими женщинами, теплее, яснее, ближе — понятия и ощущения — «Родина», «Моя страна», «Родина-мать» — что-то такое «самое главное», «настоящее».

Ссорюсь с Колей из-за ужасных забот обо мне. Я неправа, несправедлива к нему, но это не утешает. И Шура делает страшные глаза над каждым моим движением, не дает самой стул передвинуть, но это только трогает, иногда смешит, что так много шума из-за ничего. А на Колю сержусь, раздражаюсь, обижаюсь на него.

Дом Добровых, со всеми своими коврами, книгами, цветами, хрусталем, мировыми темами, спорами, именами и разговорами — царство элоев (пока еще не только танцующих, а еще работающих).

Обеды, чай, завтраки и внеочередные всякие сливки, кефиры, квасы из экзотического гриба в сладком чае, — все это незримо, неслышно, опрятно готовится, подается, убирается морлоками²⁷ нижнего этажа — Настасьей, Леночкой, Юзефой, и несколькими безымянными текучего состава, кого пригревает не только верхний этаж, но и подвал (кухня и комнаты с окнами на улицу и во двор).

Там они как-то беспрерывно что-то варят, жарят, приготавливают, разогревают, прихоложивают льдом. Только эти морлоки пока еще не догадываются — есть элоев и даже дружественные к ним, утепленные человечностью семьи доктора Доброва.

В доме Добровых нет ни некрасивой «случайной» вещи — начиная со стола, где каждая чашка красива как цветок (и все разные; хозяйка дома не любит сервизов — они заполняют огромный буфет), каждая хрусталинка «Баккара» — и кончая служебными бытовыми вещами в кухне. А мебель — книжные шкафы, диваны, ковры и все в доме — все такое добротное, красивое, удобное, каждая вещь драгоценного набора.

8 апреля

Четверг в Успенской церкви (в Успенском переулке на М. Дмитровке, рядом с владением Косаговской, где стоит домик с мезонином, в котором живет Надежда Сергеевна Бутова и Вавочка и в котором я жила до операции) — в церкви с Вавочкой и Михаилом Владимировичем. Михаил Владимирович,

очень бледный от духоты или от усталости, прислонился виском к темной кованой железной двери церкви у выхода и закрыл глаза. Голова его, черты лица, выражение — напомнили что-то древнее — мученическое — из первых веков христианства. С него можно было бы писать мученика, пророка, Христа, если бы было принято изображать Христа похожим на еврея. Обычно его пишут более светлым и общенациональным. Облик Михаила Владимировича очень напоминает Иоанна Крестителя Александра Иванова²⁸. Вавочка как-то нарисовала Иоанна Крестителя — он похож на Михаила Владимировича, сходству с Крестителем на картине Иванова мешают волосы, вместо гривы на картине совершенно гладкая прическа.

В Страстную Пятницу с Шурочкой в Храме Христа Спасителя (у Пречистенских ворот, которых нет). Раньше по кольцу бульваров в Москве была стена — меньше, т.е. ниже Кремлевской, но крепкая и массивная с воротами на площадях. После 1812 года и пожара Москвы — стены этого кольца убрали, а с ними исчезли и ворота. Так называются до сих пор воротами — просто площадь, на которой след ворот простыл больше ста лет тому назад.

Нас поразило великолепное мистериальное зрелище «Танца со свечами», как определила Шура, сложные ритмические, с поклонами, передвижения крест-накрест, вокруг и всячески — хождения множества священников с зажженными очень высокими свечами, как факелы. Священники со свечами с головы до ног были залиты золотом, широкими золотыми — до полу — одеждами из золотой парчи и их золотые митры сверкали драгоценными камнями. Кроме священников в митрах и золотых дьяконов (больших, с гривами волос), было много юношей, также с большими свечами, которые стаями, ходили и кланялись — ритмично, плавно, очень стройно без суеты и путаницы. Все юноши отобрано красивы, как рынды царей в старину.

Прекрасный хор, тысячи молящихся, золото, золото, драгоценные камни, множество огней — люстры, лампы, свечи, огни и отсветы огней в золоте, серебре, в камнях и в разноцветных стелах. Великолепное зрелище. Язычество! О Христе как-то и не вспоминалось, хотя вся служба была посвящена Ему, и имя Его повторялось все время.

В субботу у Заутрени в маленькой церквушке Арбатского переулка с Шурочкой, Елизаветой Михайловной, Полиной и Розой Дунаевскими (Роза сестра Полиночки — ее фамилия — Волга). Я еще без руля и без ветрил, как в челноке без паруса и весел. Дни солнечные, я здорова, но тоска от междупланетного положения между небом и землей. Шурочка и Елизавета Михайловна берегут меня как какое-то сокровище, а я места себе не нахожу от печали и сказать об этом нельзя.

18 апреля

За светлым, громадным чайным добровским столом и весь вечер после чая — говорили об искусстве, творчестве, о картинных галереях и коллекциях у нас и за границей, о художниках прошлых веков и современных.

Интересно и много рассказывал о Париже и его художниках Федор Константинович Константинов, художник с золотыми волосами и большой золотой бородой. Были еще художники — Федя Богородский²⁹, футурист. Признает стихи только Маяковского. Нервный, длинноволосый, некрасивый, с твердыми и матовыми (без взгляда) глазами. Невысокий, тонкий, со стальными мускулами, очень сильный. После войны окончит университет, и только после университета — займется живописью всерьез, на всю жизнь. На днях привезет законченный портрет Шуры. Презирает «буржуазную культуру». Говорят, что он талантлив, это возможно, но я не хотела бы, чтобы с ним дружили близкие мне (ну, братья и их друзья) — ни молодежь, ни девушки. Лучше — подальше (в жизни).

Сережа Предтеченский — совершенно другой. Хочет крепких жизненных рамок, каркаса, «заново сделанного». «Даже хотя бы и юнкерского училища, черт его возьми». Хотя бы «даже и там отдышаться от футуристов, кокаинов и всего прочего». Все, что есть, и все, чего нет, — проходит через него остро и глубоко (Федя по всему скользит на лыжах, иногда срывается и кувырывается). Сережа умен, наблюдателен. Куда бы он ни попал и с кем бы он ни повелся, сам он настоящий, и к нему есть доверие. Федя — несколько кривое отражение Сере-

жи, весь по верху, котильонный резиновый чертик «уйди, уйди», но может и очень раздуться и уплотниться, как шар.

Думала о братьях, о Воронеже, о молодежи, с которой водятся братья. <....> Как они ненавидят все, что выдвигается хоть на вершок из общего уровня. <...> Что-то сделает с вами жизнь, война, и особенно то, что будет после войны? В памяти сейчас вереницы сверстников моих и моих братьев.

Жаль, что не умею писать. Так хотелось бы просто, ясно, верно, широким кругозором просто рассказать о жизни и судьбах ряда людей на протяжении 30–40–50 лет – пока хватит у меня глаз, ушей и рук. Но для этого надо быть, не милой Олечкой, а настоящим человеком. Есть во мне что-то задуманное, но недоконченное. Вроде благого намерения, которым, м<ожет> б<ыть>, и ад мостится. Ну, м<ожет> б<ыть>, и не ад, но как это сказать? Есть материал, но что из него получится – неведомо.

18 мая

О. Бессарабова – В. Виткович

Летом буду жить на даче под Москвой в семье доктора Доброва. Буду заниматься с маленьким Даней (8 лет, сыном писателя Леонида Андреева). Даниил – сирота, остался без матери в момент рождения и вырос в семье Добровых. Первая жена Андреева – Александра Михайловна Велигорская – родная сестра Елизаветы Михайловны Добровой – матери Шурочки. А осенью буду учиться на историко-филологическом факультете на Высших Женских курсах Полторацкой³⁰ – в Москве.

3 июля. Бутово

Ходили в далекие цветочные моря по зеленым дорогам, говорят, что это Потемкинские дороги, для Екатерины II сделанные.

Солнце рвало и прожигало единственную на небе огромную тучу, как щит, старающийся закрыть солнце.

Туча, облако – темное, края его золотые, а в середине – раскаленные, красные и золотые горны – кратер Молоха, пещера Прометея³¹. Вернулись домой через «окно» – березовую рощу с прямой бесконечной аллеей. Шли всю дорогу по высо-

кому зеленому цветочному валу, среди бескрайних полей клевера, ржи, и чего-то ярко-зеленого. Осимь? Леонид Николаевич (Андреев) и Филипп Александрович (Добров) много, чудесно рассказывали о лесах, полях и реках России, Германии, Италии и Финляндии. О горящем озере, о голубых пещерах, о высоких горах и дальних морях. Никто и цветов не рвал.

Вспоминали юность, первые рассказы Леонида Николаевича, где писал, где читал, где пил, где весело жили, где танцевали, кого бранили, кого любили и как встречались, первые шаги Бальмонта, Брюсова и других. Над ними больше всего хохотали, но не меньше и лаяли, рычали, плевали и ругались, как кто умел и ухитрялся. Об Александре Блоке Леонид Николаевич говорил, как влюбленный, со страхом и преклонением безусловным. «Видел его однажды около Невы, на набережной. Он был очень задумчив и грустен. Я готов был подбежать к нему, как обожающий гимназист, но не решился. Не посмел. Не захотел спугнуть его тишины».

Оглянувшись кругом, остановились и помолчали. Эта минута была, м<ожет> б<ыть>, самая хорошая в прогулке. И потом тихонечко пошли, и только некоторое время спустя, Леонид Николаевич медленно и очень хорошо (просто, любуясь каждым словом) сказал вслух стихотворение Бальмонта «Есть в русской природе усталая нежность»³².

Потом сказал, что это так хорошо, что он завидует Бальмонту в этом стихотворении и жалеет, что не он сам написал его: «Многое из своего отдал бы я за одно это стихотворение».

Жалко было возвращаться в дом. Смотрели на луну в поле. Елизавета Михайловна пошла домой распорядиться ужином. Шурочка и Леонид Николаевич остановились на меже, а я пошла далеко по меже, прямо на луну, а рожь высокая, над головой. Будто море.

Леонид Николаевич любит романы Золя, Бальзака, Дюма, Мопассана. Хорошо вспоминали о Фениморе Купере, Брет Гарте, Майн Риде, Стивенсоне, Вальтер Скотте, Диккенсе. Говорили о войне, о Христе, об Антихристе. «Христианство побеждено этой войной», сказал Леонид Николаевич с такой силой убежденности, что у меня как-то буквально упало сердце — физически больно.

Потом Шура очень забавно рассказала мне о декламации Леонида Николаевича во ржи про змею³³: «Подвинься ближе, смотри в глаза» и т.д. И громогласно комментировала (мы были одни в балконной комнате, и никто нас не слышал). Ох, не могу повторить, совсем нецензурно, но очень смешно. Сконфузила Шурочка своего дядюшку Леонида. Но Шура заставила и его самого рассмеяться, изобразив тут же, на меже, его декламацию со своими комментариями. Недаром она была студийкой Художеств<енного> театра. Леонид Николаевич рассмеялся и жалобно запросил пощады: «Пощади старого, красавица, это ты змея, а не я...».

9 июля. Бутово

Налетела и пронеслась гроза с тяжелыми тучами, чуть покропила. Зацепила нашу рошу самым легким краешком крыла.

Опять все вместе ходили гулять, очень далеко, по шоссеиной дороге, через сказочно красивое имение, залитое душистой мелиссой, по красным дорожкам из толченого кирпича вокруг пруда. Красива голова у Леонида Николаевича. И как он удивительно говорит, рассказывает. Я первый раз в жизни слышу такого блестящего, сверкающего рассказчика. Видно, что в семье Добровых он легко и свободно дышит, как среди самых дружественных, близких, родных ему людей, но более праздничных для него, чем свои домашние. Полная свобода и простота отношений вместе с радостью давно не видавшихся близких людей. А за этим, вернее — вместе с этим, как он замучен, мрачен и раздражен, раздерган — будто окружен и даже уже пойман, не знаю чем, судьбой, что ли.

Филипп Александрович искренно, естественно, как бы ступевывается в его обществе, вот удивительный человек. Ведь он и, по правде, не чувствует, что сам он гораздо больше, значительнее и крупнее Леонида Николаевича, как человек он — главное, а Леонид Николаевич показался мне человеком одержимым, большим своим талантом художника писателя, причем сам он не вырос вместе с талантом, а будто несет его, как тяжелую ношу, и замучился. Талант его будто тяжел ему, и пьет из него человека, это все трудно рассказать, но жаль его безысходно, и наверно знаешь, что ничем и никто не может тут помочь. Он как лист, оторванный осенью от дерева.

Несколько раз он так омрачался, в нем как из вулкана пары и лавы вырывались вспышками — не озлобления даже, а мрачного отчаяния (в разговоре о войне, о стране, «о положении дел», и о литературе).

Но мягко, незаметно — то один, то другой его собеседники отводили его в другой план, и он сам рад был передышке в дружелюбном солнечном тепле и свете дома Добровых. Леониду Николаевичу тяжело в Бутове. Здесь он жил, и очень счастливо, с первой женой Шурочкой Велигорской (матерью его сыновей — Димы³⁴ и Дани, сестрой Елизаветы Михайловны), и каждое дерево, каждый шаг здесь, все напоминает ему Шурочку.

И войну, и все «глупости или измены» в стране он остро и беззащитно близко к сердцу принимает и не приемлет, как свою личную драму, трагедию, и живет так, как еще жив человек с содранной кожей или заживо сгорающий на костре.

И еще мне показалось, что в нем есть или возникает неуверенность, «как отзовется о нем теперешнее и будущее новое поколение». За обедом и вечерним чаем я не решилась сказать хотя бы самые общие фразы на эту висящую в воздухе тему. Его старший сын Дима (лет 13—14) не так красив, как Даня. Молчаливый, замкнутый, всегда исчезающий из дома сразу после еды, с утра до вечера где-то бродит и гуляет один по Бутову и кругом, старается вспомнить, уловить светлую тень покойной матери (она рано умерла). Настороженный зверек.

22 июля. Бутово

Шурочка увлечена переводами Бодлера, для него она в полгода овладела французским языком и теперь почти свободно переводит его стихотворения в прозе и «Цветы зла». Заботится главным образом о точности перевода — чтобы лучше услышать его на его языке.

Во время бури и перед грозами поле ржи похоже на море. Волны ржи мечутся туда-сюда — в рост человека. В эти минуты я бегу в рожь, далеко по меже, и золотые волны то закрывают меня с головой, то открывают всю, до ног. Отставка Сазонова³⁵. Казнь Кезмента³⁶. По утрам жду газеты и сразу прочитываю их.

Что станется в жизни с Даней Андреевым? Теперь этот восьмилетний изящный и хрупкий мальчик, замечательное дитя,

необычайно одаренное. Чудесное личико, живое, красивое, умное. Берегут его как зеницу ока. Дима (старший) замкнутый, молчаливый, издали мне кажется умным и многое замечающим. У Добровых никогда не говорят о его мачехе, и это в их семье, как «молча обмененный взор» — «общий приговор».

26 июля

Сейчас было чудесно. С северо-запада по ясному светлому небу через весь его купол перекинулся огромный дракон — сплошная длинная извилистая туча — «девятый вал» — цунами. А за драконом надвигалась громадой без формы высокая грозная стена ливня, живая «тьма Египетская».

Осины всхлопотались, рожь растерялась и не знала, куда деться, торопится, мечется, не знает, как быть. А лес за рожью налево — приготовился к буре, как полк титанов, как войско допотопных чудищ с бронированными спинами. Весь лес повернулся спиной к дракону, выставил щиты, наклонил головы в шлемах и ждет. Но буря прошла мимо нас. Был только холодный скучный дождь. Филипп Александрович вдруг рассердился, вскипел: «Промочил все до основания, напакостил, подлец и исчез». В красной нашей гостиной — французомания — Бодлер, Готье³⁷, Верлен, Метерлинк, Гюисманс³⁸, Верхарн, Сюлли Прюдом³⁹. Даня презирует все существующие в мире языки (их надо учить, и они «маловыразительны») и изобретает свой, новый, с исключениями, спряжениями и очень выразительными австралийскими окончаниями. Иногда звуки и слова «должны сопровождаться мимикой и жестами».

Считается, что Даня немножко занимается со мной — но урок этот настолько необременительно легкий и под разными предлогами часто пропускаемый и заменяемый то тем, то другим (прогулка, общие игры), что, кажется, «урок» этот придуман нарочно, чтобы мне свободнее было жить на даче летом. Кста-ти и чтобы Даня не отвык от занятий.

От туч темно, зажгли лампы. Ходили «упорные дачники, во что бы то ни стало» — ходили встречать Елизавету Михайловну из Москвы. Небесный Дракон и его шлейф оставили после себя мокрую траву, грязные аллеи, холод и полные канавы грязной воды.

Вдруг Шурочка оглядывается назад и от ужаса спокойным тоном говорит, не повышая голоса: «Мама, посмотри, что там Данька выделывает».

А Даня из канавы каким-то образом вылетает вверх, перевертывается в воздухе и опять погружается — садится в канаву. Торчат две руки, две ноги и голова. Все в полном молчании и оцепенении. Летим на помощь. Он уже стоит посреди аллеи и, расставив ноги и руки (пальцы веером), захлебывается, чихает, кашляет одновременно.

Сняли курточку, закутали в мягкий плащ и айда домой почти бегом. Дома вымыли раба Божия горячей водой, надели на него все сухое и чистое, и он сошел в гостиную горд, но скромно. Он было очень огорчился: «Кажется ножик в канаве позабыл», но ножик оказался в кармане штанишек.

В награду за его полет ему дали «утешающее» — малину с молоком, конфеты и еще что-то. Когда мы провожали Леонида Николаевича и целовались с ним на прощание, дачники смотрели на него, как на гуляющую гору Магомета. Кто-то сказал: «Целуются». Мы не могли удержаться от смеха, когда Саша комментировал: «И на задних лапах ходит». Шурочка сердилась, что «смотрят, как дикари», а я заступилась — смотрят, потому что есть на что посмотреть, и если бы совсем не смотрели, было бы нехорошо. Ведь это живой Леонид Андреев, а не книжка! Леонид Николаевич засмеялся, потом серьезно, очень крепко без улыбки поцеловал всех провожающих. Он утепился, посветлел и оттаял среди своих давних друзей — какой-то частью своего существа — где отражается его молодость, память о жене, глубокие корни жизни.

А почти весь он, и почти все время он беспросветно мрачен — без надежды и без будущего. Это очень страшно, так страшно, что и жалеть его не смеешь, только боишься за него, о нем. Он был рад побыть в семье Добровых, был растроган, отдышался как-то, но это передышка, а потом ему как будто суждено бежать без остановки до самой смерти.

И еще Филиппу Александровичу не нравится что-то в каких-то неясных слухах или сплетнях о газете, в которую «втягивают ловкачи» Леонида Николаевича. В чем там дело — я не знаю. Заметив, что разговор о газете остро тревожен, я ушла из комнаты и увела Даню.

1917

1 января. Москва – Воронеж
В.Г. Минович – О. Бессарабовой

С Новым годом, Лисик родной мой – и да будет все, что будет! Все великое, все роковое все, что стоит называть жизнью совсем, все ведь не от нас. Наше дело только уметь не сломиться и претворить, преобразить приходящее извне в опыт расширяющейся любви к миру и Богу, т.е. к Богу, а потом к миру.

Так думаю я, а ты, милый Каинит, наверное, иначе думаешь. Но я верю, что ты придешь к тому же, что и я – и не через мои убеждения, а через жизнь, через муку ее, через боль свою и близких, через столкновение с Роковым в собственном сердце мировом.

Только любовь, только покорность (и не рабская, а в ощущении Бога, как Света и первоисточника своей души). И только отсюда – и «радость», и «помощь».

Я соскучилась о тебе, детка. С умиленностью душевно прочла о «съестных припасах», ну разве я неправа, говоря, что ты опекаешь меня? Я тебя в теории, а ты меня на практике. И все-таки не спеши приезжать. Я хочу, чтобы ты отдохнула до розовости, до блеска в глазах, до бесстрашия перед трамваями, до жажды всего трудного, что есть в Москве.

Как-то ты там встретила Новый год? Гадали? Я на этот раз какое-то неудачное гадание выдумала, поэтому заочно никому не гадала.

У Добровых под Новый год было хорошо, хоть и грустно мне было без семьи моей московской (не говоря уж о воронежской,

о Воронеже я очень тоскую на праздниках). Но не хватало также и Михаила Владимировича (он должен был, чтобы не огорчать родителей, на Арбат из церкви идти). И Николая не хватало, и тебя, детка, не хватало очень. У Тани¹ моей (нарцисса) пили мы вино и что-то говорили и незаметно до трех часов праздновали. А потом была такая нежная белая прохлада снегов и маленькие тусклые звезды по небесным рекам между домами. Презирали они наши праздники и войны и все наше игрушечно малое, что завели люди на земле вместо великого, для чего завели их — образ и подобие Божье.

Из девочек моих видела раза три Машеньку² и раз Березовских³ и Таню Галицкую. Это не были собрания, а так, отрывочки празднества чего-то, довольно неудачные. Нет, собираться люди должны только для некоего соборного делания, иначе такая обидная пустота остается в душе.

Был у меня сегодня Федор Константинович. Он выставил на «Мир искусства» «Песнь Пана»⁴, о ней были краткие отзывы, отметили его искания. Ты успеешь еще его увидеть, выставка будет весь январь открыта. На столе у меня цветочки, сгоревшие от удушающего отопления (хоть форточка теперь день и ночь открыта у меня). Бегония малиновая и альпийская фиалка. Елочка поблескивает, подарили ее Лиля⁵ с Таней, и вчера мы с Михаилом Владимировичем приодели ее какими-то бусинками и дождем. Тебя ждет подарочек с елки — конвертики, разрисованные.

Спасибо, что заходишь к моей маме, почитай ей что-нибудь из того, что сама читаешь. Или из «Русских ведомостей»⁶ статьи.

Обнимаю тебя, Лисок. Набирайся сил. Пишешь ли для нас что-нибудь? Будь здорова. Маме и всем привет.

1 января. Москва — Воронеж

В.Г. Миревич — В.Ф. Малахиевой

Дорогая мамочка, вот и прожит первый день Нового года. Накануне я была в церкви с Михаилом Владимировичем, потом он пошел к родителям, а я к Добровым. Там было празднично. Все меня встретили с бокалами вина, елка до потолка сияла огнями, птицы и рыбы стояли на столе (и вареники с вишнями). Пировали до трех часов. А Николай был дежурный в эту ночь.

С вечера я отнесла ему фруктов и шоколаду. Пришел сегодня во втором часу, посидел с часок, попил чаю и поехал к Смирновым, где и посейчас находится. Хочется спать после вчерашнего кутежа. От друзей моих грустные вести — Поля тяжело больна, в клинике. Константин Прокофьевич⁷ тоже в лечебнице. Женя Тарасов⁸ 10-го на позиции едет. Тале⁹ хуже, она в Ялте одна. Целую тебя крепко, всем привет.

5 января. Москва — Воронеж
В.Г. Мирович — О. Бессарабовой

Сразу пришли четыре твоих письма, Лисик. Значит, правда, адресуешь их не на Одессу. Застали меня твои письма с обвязанной головой и с грелкой на печени. Печень от грелки после дня лежания пришла в себя, а зубы приводить в себя будет сегодня Ильинский¹⁰, — иду через час на Остоженку. Теперь кончилось «еду», надо всюду «иду» применять — давка на трамваях усилилась праздниками.

Вчера очень твое отсутствие ощущала во время лежания (и душевно и нервами), с Фросиной опекой так худо болеть. А Михаил Владимирович как раз больше полудня был занят, — добывал билеты и провожал жену товарища. Вечером пришли Таня, Лиля¹¹ и Федор Константинович. А я так устала, что никому не была рада. Зажгли елочку, скушали конфеты, которые с собой принесли, и уехали. Остались со мною ландышки, и так странно их весеннее дыхание при замороженных окнах и обвязанной голове.

Вот и конец праздников. Голодная кутя. У меня это будет в буквальной смысле, — после чинки зубов несколько часов ведь нельзя есть.

Николай хочет сегодня провести вечер у Добровых, последний раз елку будут зажигать. А я проведу, верно, в постели; сторожить меня приедет Михаил Владимирович, хотя, когда болит зуб, лучше всего гордое одиночество.

Что мать моя? Твоя? Леокадия Васильевна?¹²

Ученицы еще не появились. Я могу заняться с ними не два, а хоть и двадцать два раза, а ты, пожалуйста, отлежись и подкормись, как следует.

Приехала вчера Аллочка, сияющая, хоть жениха и отозвали на фронт¹³. Но с ней «Зеленое кольцо», «Чайка» и «Снежная королева»¹⁴ и сказочное царство творчества и Славы и молодости.

Лисенок, неужели ты не привезешь никакого реферата? Это меня огорчит. Я усталее тебя и то собираюсь написать нечто. Была у меня Чита. Я присмотрелась к ней и думаю включить ее в нашу «Радость», она очень своеобразна, в ней много Сибири, Азии, и к тому же она — поэт.

Когда пойдешь на «тот берег», поцелуй мою слепенькую маму, скажи, что ей буду писать завтра, после того как повидаюсь с ее Вениамином.

Из слухов (для матери Варвары сообщение), что если Думу распустят, то в Москве учредится Боярская Дума и начнет управлять Государством.

Оле Ильинской¹⁵ сделали операцию. Пока все благополучно.

8 января. Москва — Воронеж

В.Г. Мирович — О. Бессарабовой

Лисик, пишу по поручению Николая¹⁶, он просит привезти фунта два малоросс<ийской> колбасы на твои денежки, которые он тебе немедленно отдаст.

Расскажи на том берегу, что сегодняшней день, вторую половину, Николай жил у меня. Обедали вместе (мой чай, его котлеты и пирог, которым снабдили его на уроке), потом был Константинов и Таня. Зажигали елочку. Было хорошо. Потом он чертил свои чертежи, потом отдыхал у меня на диване, сейчас только 11 ч<асов> 30 минут ушел. Ему осталась только одна репетиция, нетрудная, 17-го. Все время теперь у них идет на походы и обучение, как обучить солдат. Описывал, как красива зимняя природа за городом в ночных походах при свете прожектора. На этой неделе два ночных похода. Морозы стали мягче, и походами Николая не тяготится, если только не посылают на разведки по пояс в снег. За неприбранную тужурку на него наложили три наряда и лишения отпуска, но фельдфебель заступился, сказал, что это образцовый юнкер, и кару сняли.

Лисик, почему не звонят из Марьиной Роши? Целую тебя. Будь здорова. Отдыхай.

12 января

Наш мирный разговор прервался приходом Вавочки. Оказалось, что Николай Григорьевич был голоден, как может быть голоден юнкер, отпущенный в отпуск к сестре за благонравие, но от пищи материальной он отказывался, довольствовался пищей духовной.

После ужина мы втроем пошли к Ильинским. Олечка уже встала после операции, жалуется, что ее забинтованная голова все еще кружится. Ее брат Игорь-*enfant terrible*^{*}. Николай Григорьевич говорит, что он очень талантлив, и если будет работать, как Пушкин, то его одаренность выведет его из дебрей «свободного воспитания» (кажется, у Свентицкой)¹⁷.

Ночевала у Вавочки.

Машенька Полиевктова¹⁸ выходит замуж за норвежца Томаса Кристенсен. Вот и улетит в Норвегию одна из моих подруг по «Кружку Радости».

13 января

Машенька Полиевктова приехала вечером. В пламенной шелковой кофточке, вся изменившаяся и красивая, Томас увезет ее на год в фьорды, потом в Христианию¹⁹. На фьордах 6 недель не заходит солнце. Когда придет зима, они уедут оттуда, Маша «не хочет без солнца» (и вся улыбнулась). Он студент в Христиании. Его диссертация о русской литературе. Машенька и он будут работать вместе. Пригодится и реферат Маши о Тютчеве, который она читала нам в «Кружке Радости». Все, что говорит и делает Маша, восхищает его. Маша сердится: «Что же так – все хорошо – без разбора?». Они знакомы два месяца. Первая встреча была на лекции Льва Исааковича Шестова «О Вячеславе Великолепном» (Вячеславе Иванове, поэте, и его стихах)²⁰.

Маша рассказывала, как они объявляли родным о своем решении жениться. К матери его – Китти Кристенсен (теперь Екатерине Федоровне Киселевой) явились в 11 часов вечера,

^{*} Испорченный ребенок (фр.).

когда она легла уже спать, и, не дав ей одеться, все ей рассказали. Она сказала, что ждала этого. «А мы очень удивились, почему она догадалась, мы ведь сами не знали».

Татьяна Алексеевна²¹, мать Маши, ничего не могла понять, как они не рассказывали ей.

«Мама, я выхожу замуж за Томаса». — «Ничего не понимаю». Потом вдруг начала объяснять норвежцу, что у них, лютеран, это просто, по-граждански, а у нас, у православных, это же брак, таинство, и т.д. и что развод — это трудное, сложное и тяжелое дело. Томас сначала не понял «развод», потом очень обиделся, что заговорили о разводе еще до их свадьбы, и ничего тоже не мог понять: «Мы оба — замуж выходим!» Кое-как сговорились: «У нас, когда женятся, это... это муж и жена, а не развод».

Вера Алексеевна (Зайцева, жена писателя Бориса Зайцева, сестра матери Машеньки) услышала об этом от старших. Встретила Томаса и Машу на улице, и стала его целовать, и быстро говорить.

«Вы должны быть, конечно, счастливы. Вы не могли рассчитывать, Маша такая чудная!» — и жала его «две руки», и еще поцеловала его. Когда они расстались, Томас совершенно серьезно сказал Маше:

— Твоя тетушка, должно быть, очень русская.

А тете Саше Андреевой²², старушке, они объявили так. Вошли к ней трое: Маша, Томас и один из братьев Бруни²³, Александра Алексеевна здоровалась с Бруни, а Маша и Томас в один голос сказали: «Тетя Саша, я выхожу замуж». «За меня, за меня» — поспешил добавить Томас (вот с таким жестом рук, направленных к сердцу), так тетя Саша растерянно смотрела на всех троих.

Когда Томас и Маша бывают вместе, все тревоги старших улетают и сменяются улыбками. Томас уверяет, что для него «все решилось в первый вечер еще на лекции» и что он хочет «властвовать жизнь Маша». «Маша» у него выходит неповторимо для русского языка — не «ш» и не «ш», а нечто около того и другого, — «Маша». Уходя, Машенька застенчиво сказала Вавочке: «Константин Дмитриевич сердится, говорит, что не видит, чему тут радоваться». К.Д. Бальмонт, у которого дочь Нина²⁴, уже Машина подруга, и женатый на второй жене Елене²⁵, хоть Екатерина Алексеевна²⁶ и жива, и живет у себя, где и сам Константин Дмитри-

евич живет. И ведь он совсем старый, а Маша совсем молодая. Вот чудак – влюблен в Машеньку. Пришло же ему это в голову!

Вечером собрались у Вавочки – я, Аллочка Тарасова, Лиля Шик и Таня Лурье; пошли все вместе к Новикову, писателю, Ивану Алексеевичу²⁷. Он прочел нам свою пьесу «Ночной гость». Вся пьеса отталкивается (но все время напоминает и невольно сравнивается) с «Тот, который получает пощечины» Леонида Андреева. И если та написана широкими мазками, масляными красками и еще освещена яркими прожекторами, «Ночной гость» написан пастелью или акварелью, тонкой кисточкой или перышком. Начало сильно, глубоко забрано, но потом – «шесть полных ложек сиропа с деревянным маслом» – определила Таня Лурье. Эта резкость (на улице, далеко от дома писателя) – и какая-то правда была, неожиданна и поразительна при ее воздушно-красивом, цветочно-нежном и кротком лице. Жаль, что сироп запоминается и топит всю вещь. И умно, и страшно, и тонко, но все в сиропе! В пьесе есть такая фраза (она всем запомнилась и понравилась): «Одну женщину можно целовать, другую любить, а о третьей мечтать».

– Да, можно. Но противновато (опять Танечка).

Больше всего понравилась и заинтересовала меня жена Новикова красавица Ольга Константиновна²⁸. Вся какая-то жемчужная, воздушно-голубая и совсем как будто молодая девушка, и так странно, что у нее есть большие дети. Во всех отношениях она показалась мне интереснее своего мужа, умнее, породистее, тоньше, значительнее, хоть она и просто жена писателя, а он сам писатель. У нее – все настоящее и драгоценное, а в нем – мешает какой-то тоже сироп, и смотрит не так, а нарочно как-то, и все на кого-то похоже (как не сама статуя, а гипсовый слепок). – Ну, это, может быть, так показалось случайно.

У них все очень уютно, изящно – такой хорошо устроенный кусочек Москвы в тихом переулке.

Хорошо слушающие лица были у Тани Лурье и у розовой Алочки Тарасовой. А Лиля такая светская и элегантная девушка, что как-то не известно – слышала она что-нибудь или просто спокойно и красиво сидела. Но на улице оказалось, что она все прекрасно слышала и очень остроумно в лицах изобразила чуть-чуть-чуть шаржируя, и получилось очень забавно.

Я как будто оступилась, расставаясь с Машенькой. Она мне была самой милой из девочек «Кружка Радости», а уж какие там есть хорошие девушки. Последнее с Машенькой собрание будет у нее — это будет «девичник». На этот раз мы ничего читать не будем, просто соберемся, побудем вместе «в честь Маши» и попрощаемся. Я как-то не осмеливаюсь осознать, что мне ее жалко, ведь все хорошо. Третьего февраля свадьба Маши, и в тот же день Мария Кристенсен уедет в Норвегию.

14 января 1917 года ночевала опять у Вавочки. У нее была Софочка Фрумкина — будущий член нашего Кружка. Ей всего 16 лет, но она уже самостоятельно путешествовала за границей и живет «как хочет» в противовес своей очень буржуазной семье. У нее почему-то «свое собственное» состояние. Ей очень трудно в своей семье, она думает, что в нашем Кружке есть живые люди. У нее вид изящной самостоятельной женщины. На еврейку она совсем не похожа — скорее на русскую миловидную купчиху, нос совсем уже русский, мило круглый, задорный. Она из тех некрасивых изящных женщин, которые всегда всем нравятся. В прическе, в одежде, в красивых руках, в манере держаться — сходство с портретом Марии Башкирцевой²⁹ (художницы, автора записок). Башкирцева красивее Софочки, и вся в большем масштабе. Интересно, что потом выйдет из этой маленькой будущей женщины? Сначала она была очень сдержана, даже почти чопорна. Ушла — как будто совсем другой человек — приручилась.

Шурочка Доброва по телефону позвонила мне к Бальмонт, чтобы после «Грузинского вечера»³⁰ я пришла ночевать к ней. За чаем у Бальмонт был Леша Смирнов (сын Веры Алексеевны Зайцевой)³¹ и Бруни, с которым сегодня случился анекдот.

На улице старый генерал принял его за солдата и дал ему сверток донести до трамвая, дал гривенник на чай, взглянул: «Э-э— ты кем был до службы?». «Окончил (забыла какой, с пышным названием) корпус, был старшим библиотекарем Императорской Публичной библиотеки (в Петербурге). Бруни, рассказывая это, встал из-за стола по-военному и сказал это так, как требует этого его военная одежда — отчетливо. У него красивая голова, хороший лоб и весь какой-то блистательно стройный и элегантный, картинный молодой человек. Я потом спросила Ниночку:

«Бруни художник пушкинского времени — его семьи?». — «Да, кажется дед»³².

После чая все вместе поехали на «Вечер Грузии» Бальмонта³²: Екатерина Алексеевна, Томас, Машенька и Анечка Полиевктова³³, я и Нина Бальмонт. Константин Дмитриевич приехал после. В петличке у него были свежие ландыши. Константин Дмитриевич читал отрывок своего перевода поэмы грузинского поэта Шота Руставели о витязе в барсовой шкуре и другие стихи. Для меня открылась новая страна с древней культурой — чудесная и сказочная. Весь вечер был как блестящий солнечный поток льющегося золота, как краски павлиньего хвоста, пение птиц, как сонмы летающих колибри. Если Руставели в русских стихах и обальмонтился — вероятно, это неизбежно — (если перевести на грузинский язык Пушкина, Бальмонта — грузины узнают фабулу стихов, а не музыку их, а может быть, и образы будут уже грузинские, а не пушкинские — русские), но хорошо, что Руставели, его чудные образы, краски, герои и красавицы дошли до нас в такой музыкальной форме. Очень интересно (красиво, — ох, умеет Бальмонт!) было о самом Руставели, его времени, о царице Тамаре. Вот страна, вот краски, вот солнце! Боже мой, как мало я знаю на свете!

На вечере было много грузин. Они были очень приветливы к Бальмонту. Во время перерыва Константин Дмитриевич подошел к нам в партер. Приняв меня за Нину (он близорук), он довольно больно (и очень даже) помотал меня за плечо. Я побоялась шевельнуться. Он положил свою руку на мою голову, я выпрямилась. «О-о, простите, я думал это Нина! У Вас электрические волосы — искрятся!»

Томас увез Машу после перерыва. Ей было почти дурно от инфлюэнцы, оттого, что она сегодня ударилась головой об лед. Когда ехали на вечер, Томас не пустил Машу на трамвай, куда мы все уже вошли, и они пошли пешком. Анечка вслух рассудительно сказала: «Какой же это жених, что не пускает Машу на трамвай?» Нина была тоже недовольна, а Екатерина Алексеевна (высокая, седая, еще очень красивая, вот уж верно: «Перелетная лань и византийская царица» — это о ней, — с видом догадавшейся девочки сказала совершенно серьезно: «Это они, чтобы вдвоем идти пешком». А у трамвая — ушки стали на макушке.

Весь трамвай глаз не спускал с седой красавицы и с чудного лица и головки Анечки. «Златоперстая Эос богиня»³⁴, шутя, сказала о ней Вавочка. Она похожа на итальянского ангела Ренессанса. Ее очень полюбил художник Константинов и в будущем хотел на ней жениться, но мамы и все тетки почему-то «пришли в ужас», — ведь она еще девочка. Да ведь вырастет же когда-нибудь! В живых картинах Константинов сделал ее итальянской Мадонной в золотой раме, говорят, Аня была поразительно хороша, и все узнали Мадонну, какую хотел напечатать художник.

У Добровых был Сережа Предтеченский. У него давно умерла мать, отец ходит по белу свету не то странником, не то просто бродит. Два брата убиты на войне. Он очень умный и немного будто злой. Но ум позволяет ему быть таким, каким он хочет быть. Я его ничуть не боюсь. Дураки мне всегда страшнее и кажутся опаснее для жизни, чем злые умные люди. И ко мне он очень добр, ни разу не рассердился. А о многом говорит очень сурово и резко. Рассказывал о Чугуевском юнкерском училище³⁵, о лагерях, о мерзком обычае «цуканья» (новичка ставят в дурацкие положения, смеются над ним, травят — испытывают характер и волю), о разных породах юнкеров. «Неприспособленные» — погибают, «рассуждающие» — мученики, «мрачные». Из этих категорий некоторые вешаются и стреляются, а большинство делаются самыми жестокими. О юнкерах — «пистолетах». Образец юнкера пистолета — Федя Богородский. Федя — поэт, художник-футурист, любитель сильных ощущений. Чтобы изучить цирковой мир — на время сделался кем-то в цирке (кувыркался или что-то такое), да чуть там и не застрял навек. Некоторые его приключения напомнили мне Стендаля-Бейля. Теперь он так объюнкерился, что в лазарете его стриженного не узнала его собственная мать. Он носил прежде длинные волосы, как Ленский. И вместе с волосами с него сошло прежнее, и совершенно искренно увлекся «пистолетством».

«Все доводит до совершенства» юнкер-пистолет — это приблизительно «comme il faut»* юноши Толстого, но с военными хватками. Николай Григорьевич — «мрачный юнкер».

* Здесь: приличный (о манерах) (фр.).

Серее надоело все московское до тошноты. Поскорее хочется на фронт. Там хорошая встряска — вытрясает все лишнее.

— Серее, а я очень люблю Москву. Не нарадуюсь на Москву.

— Вы в оазисе, а судите о пустыне. Вы Москву еще и во сне не видели, Олечка.

— Покажите мне Москву.

— Если бы Вам кто-нибудь показал Москву, ту, от которой меня тошнит, я бы его застрелил. А оазис Москвы — все эти ваши премьеры, концерты, лекции, музеи с галереями и генеральными репетициями и вернисажами. — Вы знаете...

— Вы имеете в виду Хитровку?

— Нет, Олечка. Совсем наоборот.

И он резко убрал со спинки дивана руку, по которой скользнула моя коса. Левая коса лежала на двух диванных подушках, прислоненных к стене. Это Шура любовалась на «бронзовую змею на подушках».

13 января. Москва — Воронеж

В.Г. Миревич — В.Ф. Малахиевой

Мамочка, спасибо, родная, за чулки и за снеди родительские. Вчера был шумно-радостный день из-за приезда Лисиного. Прочла со слезами в душе твои слепенькие строчки, за них больше всего спасибо. Лис много рассказывал о вас с Лелей и о своем берегу, о братьях. Тут же ворочал свои отъездные пакеты Константинов, он вчера уехал в свое село Красное. Михаил Владимирович помогал ему в упаковке, все кормились лепешками и колбасами.

А потом пришел унтер-офицер с заявлением, что был в походе, отпущен не в очередь за хорошее поведение и страшно хочет есть. Накормили и его все из той же кошницы и двугривенный передали. Еще раз он говорил, что очень будет хлопотать об устройении на февраль в Воронеже. В 9 часов всем семейством мы пошли к Ильинским, где встретили нас плеском радости. Оля с обвязанной головой, но уже сидит и мечтает о танцах. Напоили нас всех чаем с вареньем и на дорогу дали два хлебца ржаных (в Москве из-за них хвосты на три версты, и кто может, печет хлеб дома).

Сегодня обновила с удовольствием чулки. 12 градусов мороза. А мне вечером с моими Лилями, Танями и Лисами идти далеко на чтение одной пьесы, к писателю Новикову — это один из моих старых друзей, недавно он женился на жене и двух детях ее — одному 10, другой 4 года.

Рада я Лисику, как детищу родному, и он от радости ночевать у меня остался, и сегодня никуда не пошел.

Целую, мамочка, тебя и Лелю, а 15 копеек за здоровье твоих глазок первому слепенькому отдам. В.

15 января

«Кружок Радости»³⁶. Собрание 11-е у Ильинских. Таня Березовская (дочь Льва Исааковича Шестова) прочла о «злой радости».

Запись о вечере — пишет сама Таня:

«Были — Оля (Бессарабова), Аллочка (Тарасова), Нина (Бальмонт), Таня (Балицкая), Таня (Березовская), Оля (Ильинская), Софочка (Фрумкина) и Варвара Григорьевна (Мирович).

1. Мелкое злорадство жизни от скуки и одиночества. Онегин, Печорин.

2. Злая радость шекспировского Ричарда III.

3. Злая радость Яго (Отелло).

Злая радость как источник несчастий человеческой жизни. Злая же радость вытекает часто из равнодушия. Совершенный тип злой радости — Яго. В нем нет раскаяния до самого конца трагедии. Говорили о радости своей победы и о радости чужого поражения. Первая опаснее и соблазнительнее, так как из этого материала созданы герои.

За Онегина и Печорина девочки горячо заступились. Таня и ее сестра Наташа воспитывались в Швейцарии, «о русской литературе судят объективно», — ей объяснили осторожно, что не только объективно, но и беспочвенно, напомнили об уме Онегина и Печорина, Чацкого из их среды (декабристы). Об условиях общественной и политической жизни в России того времени, о неприкаянности их на своей почве в России, о неиспользованных жизнью и «службой» их силах и талантах и т.д. Мне очень понравилось, что, несмотря на горячность разговоров, никто никого не за-

дел — так дорожу дружественным общим тоном отношений девочек! Мнения разные, но можно и не драться! Софочка умненько и выжидательно посматривала на всех. Держит себя очень спокойно.

16 января

Днем были разные мелкие неудачи. Опоздала купить билеты на лекцию Гершензона³⁷, не отыскала нужных карт мрачному юнкеру, неудачно переменяла книги в библиотеке для Вавочки. Устала от неудач и от досады.

Но сегодня же была и большая радость. На курсах своих (Полторацкой) слушала лекцию профессора Ильина³⁸ о Гераклите. Очень понравился Гераклит и его Текучесть (*Panta rei* — все течет). И нравится слушать Ильина больше всех других профессоров. Умный, широкий кругозор, над головой нет крышки и нет тяжеловесности Шамбинаго³⁹, Голубцова⁴⁰, Орлова⁴¹. Шамбинаго имеет большой успех у курсисток, а я не могу серьезно слушать его пафос. Ильин говорит блестяще, умно и свободно и ни на кого не смотрит.

Ему не до девочек. «Чтобы понять Гераклита, нужно сойти со своего ума». Он не боится таких вольностей, они не мешают ему и не путают ни его самого, ни слушательниц. Легко дышать. Не пропускаю ни одной его лекции. Забыла, кто это рассказал мне о какой-то работе Ильина о Гегеле (философе). Гегель очень умный. Но из его философии можно сделать два совершенно противоположных вывода. Нет, не так. Его «диалектику» можно применить как консервативному, так и революционному уму и деятелю. И из изучающих Гегеля вышли и те, и другие, и все они — гегельянцы. Но это скучно. Заранее голова болит от тех и от других. Интереснее уж сам Гегель, — и все равно не сумею точно повторить.

19 января

Вот уйдут морозы, и мой ледяной теремок будет чудесной рабочей комнатой. Я так часто ночую у Вавочки на диване (на троих годится, не то, что для меня одной), потому что трудно спать в моем «холодильнике», как зовет его Вавочка. Я живу в

доме Косаговской, возле Страстного монастыря — по Успенскому пер. с Малой Дмитровки, в квартире Надежды Сергеевны Бутовой. Сад усадьбы Косаговской — смежен с садом Страстного монастыря и из окна моего мезонина — посреди Москвы неожиданно видишь как будто лес. Дом с другими постройками — как музейная старинная усадьба — возможно пушкинских времен. Тишина, чистота, нарядный очень утепленный важный дворник, горничные в кружевных фартуках, кружевных белых наколках или повязках вроде чепчиков — кружева стоят, как кокошники, вероятно, их крепко крахмалят. Все это в центре грохочущей Москвы — странно, но очень приятно своей тишиной.

У Машеньки Полиевктовой, будущей fru Кристенсен, на свадьбе будут белые, шитые золотом и с золотыми каблуками туфельки. Сейчас же уедут на фьорды и жить будут в маленьком домике, где ждет их его няня, пожилая норвежка. Через год уедут в Париж. Маша будет первое время — «единственная неграмотная норвежская подданная». Немного боится норвежских женщин.

«С норвежцами справиться легче». Там все такие светлые и белые («белобрысые» — тихонько приговаривает Ниночка Бальмонт), что Маша со своими черными бровями (высокие, крылатые полукруги-дуги, тонкие и очень красивые) и темной шелковой косой покажется им совсем восточной женщиной, хотя она и очень беленькая (матово-бледная), а не яркая, как грузинки и армянки. В самый первый вечер знакомства (на лекции Шестова о «Ключах истины»). Томас научил Машу говорить одну норвежскую фразу, не переводя ее. И просил много раз повторить ее для чистоты и правильности произношения. Перевод таков: «Когда придет весна, мы поженимся и уедем в далекую Норвегию, во фьорды». Я рада была видеть Машеньку гостьей в своем теремке и слышать от нее все то приятное и дружеское, что она сказала — и о нашем «Кружке Радости», и о Вавочке, и обо мне. Юность ее прошла очень печально и замкнуто в Институте, в детстве и отрочестве девочки считали ее некрасивой. «Я и была дурнушкой», — говорит Машенька. «Не дурнушкой, а скромной, Золушкой», — сказала я. Маша вспыхнула и сказала, что и Томас как-то сказал ей это — в разговоре с Тат<ьяной> Алекс<еевной>, когда она сказала раз, что из трех дочерей в детстве Маша была менее красива, чем старшая Оля и младшая Аня. «Это вы не

видели. Я сразу увидел, что Маша самая красивая девушка в России, в Москве. Она красивее Золушки».

Маша сказала, что в «Кружке Радости» ей всегда было интересно, что думаю и скажу я и Варвара Григорьевна о том или другом (и еще сказала очень приятные мне вещи — я рада, почему и мне она милее и интереснее всех девочек в Кружке).

Шурочка Доброва вся расцвела и потеплела, и весь дом заулыбался и еще более уприветился от сегодняшних гостей в доме. Утром довольно сердитая Шурочка, одеваясь, потихоньку приговаривала: «Сразу видно друзей из провинции! К завтраку утреннему явились в 10 часов утра! Весь мир еще спит!»

Друзья эти — старички, муж и жена, откуда-то с юга (вроде с Киева), встретились с Добровыми через 20 лет. Они самые первые пациенты доктора Филиппа Александровича Доброва — милые, милые, похожие друг на друга, грустно почему-то и тепло на сердце и в доме всем стало, как если бы в гости пришли Афанасий Иванович с Пульхерией Ивановной или Филемон и Бавкида⁴².

Михаила Владимировича заставили смотреть в окно, пока переодевалась Вавочка и причесывалась я. Потом заметили стеариновое пятно на суконном черном сарафане Вавочки. «Вычистите меня ножом, как рыбу!» Какая красивая Вавочка!

В юнкерское училище, что у Арбатских ворот, с олимпом богов на фронтоне, отнесла письма и фрукты. А Коля и сам пришел к нам. Он был очень рад мне, я нарочно надела гимназический фартук на черное платье и не заложила косу.

«Все такая же бронзовая, темного золота, все такая же большая, тяжелая и пушистая. Золотое руно». «Это — весь Воронеж, все твое детство, Лисенок». И Коля был весь вечер какой-то настоящий, а не этот стриженный юнкер. Ах, Боже мой, какая это нелепость — человеку в 35 лет, настоящему уже ученому — «полиглоту» стать юнкером вместе со студентами — почти мальчиками, его товарищами по Университету. Его толстую, такую домашнюю и кафедральную (профессорскую) фигуру совершенно нехорошо совмещать с его отвратительно военно-машинным духом всего, что там, на Арбатской площади. Хочется утащить Колю оттуда, вывести за руку. Мне его очень жалко, но даже подумать вслух этого нельзя. И он был немного смешон, если бы

не был так спокоен и умен. Даже юнкера и всякие какие-то там «дядьки» их, его не «цукают».

24 января

Вавочка упала на улице и ударилась головой. Домой едва дошла сама, легла спать, а через полчаса начался жар и бред. Пузырь с ледяной водой на голову, к ногам грелку. Всю ночь бредила лиловыми пожарами светов.

Первые два дня телефонные запросы со всех концов Москвы и тревога о Вавочке не отпускали меня от телефона и очень мешали. Теперь я уже сама звоню по 4-м телефонам, а от них уже справляются о здоровье Вавочки другие.

Мои денежные дела пока никакие, может быть, упадет на голову урок или что-нибудь другое. Образуется!

1 февраля. Москва – Воронеж

В.Г.Мирович – В.Ф.Малахиевой

Дорогая мамочка, сегодня двойной праздник – выпуск Николая из Александровской каторги в офицерское звание и поступление на место Лиса.

Николю чествовали парадно – выдвинули письменный стол на середину, сгребли все книги и игрушки, накрыли белым одеялом и поставили на нем ливерную колбасу, халву, печенье и шоколад-миньон. Был кроме меня и Лиса Михаил Владимирович.

Николя приехал в золотых эполетах при сабле, офицер-картинка, с иголки. Не верит чувству свободы, взволнован и рад, как гимназистка с дипломом. И мы рады – пройден такой трудный экзамен жизни.

Выедет он 6-го. На 4-е Алла устроит ему кресло почетное в Художественном театре.

Для производства сестре отделил частицу своих богатств и обещал билет офицерский, членский – это в Москве как Ноев ковчег во время потопа. Когда нигде нет ничего, там можно и керосин, и муку, и башмаки, и чулки достать – членам общества.

А Лисик получил важное место при Архиве Земского Союза⁴³, и теперь он младший архивариус. Будет получать 100 руб-

лей и еду, работать от 11 до 5, с правом перестановки часов, когда будут очень нужные лекции. Остальные будет готовить дома и держать весной экзамен. Лисик беденький расцвел — он был очень обескуражен потерей урока.

Николай эти дни будет с нами — ему Ольга Ивановна предложила ночевать в столовой.

Голова моя оправляется от встряски. Эта ночь была уже легче от прежних, а днем я совсем в здоровых живу и сегодня даже выходила за покупками.

Целую крепко тебя и Лелю.

Всем привет. В.

3 февраля. Москва — Воронеж

О. Бессарабова — А.П. Соловкиной

С днем ангела, дорогая мамочка. Как я рада, что ты у нас такая красавица и молодая.

Моя мама лучше всех!

Первый раз в этом году я одна в тихой теплой большой комнате и хочу написать домой большое и толковое письмо, мамочка, и вы все, мои родные.

Вавочку из ее комнаты в одном из тихих Арбатских переулков увезла к ее друзьям, Смирновым, в их огромный дом на Басманной⁴⁵ — для тишины и без телефонии на три дня, чтобы она отдохнула. Ее комнату на эти три дня занял Николай Григорьевич, до отъезда домой в Воронеж. Он весь день по делам, визитам, трамваям, и не знаю где, и я царствую пока здесь в Вавиной комнате. В теремок свой уеду поздно вечером, так как надо приготовить Коле что-нибудь на ужин. Он попросил меня быть хозяйшечкой на ужине. Привела в порядок всю Вавину комнату, все ее рукописи, книги, стихи, письма и вещи. Стол выдвинула почти на середину, накрыла белой скатертью, поставила цветы, надела белый гимназический фартук и сажу-посиживаю и вот пишу это письмо.

Вавочка очень устала. Отправить бы ее в санаторий, убрать бы телефон, разговоры и многое из ее жизни. Почти вся жизнь в разговорах. Вообще все на свете здесь, в Москве, какие-то усталые, утомленные и туго-туго завинченные на последнюю за-

рубку. Стукнуть неосторожно — и дзииинь, как пружина в часах, когда перекрутишь ключик. Не знаю о чем это я — вообще о здешних людях, московских. У нас в Воронеже в этом смысле лучше, легче дышится.

Была у меня сейчас Аллочка Тарасова. Принесла мне билет в Художественный театр. Это вероятно Коля устроил мне. Аллочка похожа на ручеек — тихая, скромная. Учится все, учится, и все что-то по часам делает — то надо, туда надо. Кефир, гимнастика и то, и это, как первая ученица в классе. Надежда Сергеевна говорит, что из нее выйдет большая актриса, потому что она «умеет работать», а «все остальное у нее есть».

После Аллочки примчался Коля на два часа раньше срока. Мы решили, что я останусь ночевать здесь, а он устроится на диване в гостиной у хозяйки. Ольга Ивановна Судакевич очень любезно сама предложила это, когда мы обсуждали, как нам уладить так, чтобы мне не идти сегодня домой. (Она не чужая, а родственница Добровым. Она жена брата Елизаветы Михайловны Добровой — Велиегорского, но почему-то называется Судакевич.) Эти дни он будет в «бешенных» трамвайных, магазинных, театральных, портняжных, прощальных, визитных всяких делах, а я вот и побуду здесь эти дни и не пойду в свое морозное царство.

Вот так толковое письмо! Пока писала, 12 раз подошла к телефону, он все справлялся о Вавочке. Я говорю одно и то же, с небольшими комментариями, что Вавочка у Смирновых на Басманной, что доктор запретил звонить ей три дня подряд. Все страшное прошло, теперь ей нужен только покой и отдых.

Коля не пошел в театр! Он сказал, что я так красиво убрала комнату, что ему не хочется отсюда уходить.

— Коля, я очень возгордилась! Я так старалась убрать!

Он очень, очень сильно поцеловал меня, так, что уж чересчур. Я сказала, что так уж и ни к чему, больно, так и на свете не бывает. Он рассмеялся, а потом как-то очень расстроился и испугался, и вообще. Я его всячески приютила, устроила чай и ужин, развеселила и успокоила чудесно. Он сердился на себя, а я его подразнила и сказала, что ведь я же так и хотела, чтобы он поцеловал меня как-нибудь необыкновенно, и мне было бы очень печально, если бы только сидели и попивали чай. Я же сама под-

задорила — вот видишь и коса, и фартук твой любимый — это чтобы понравиться, честное слово! Ты совсем не виноват!

— Ты берешь вину на себя?

— А разве вина? Ничутьки — это все очень хорошо устроено, это не ты сам выдумал, это все отлично устроено. Только мы никогда не будем говорить об этом. Хорошо!

Он опять начал горевать. А я опять:

— Пожалуйста, не думай пустяки и не горюй. Если бы я была маленькая, а я ведь 20 лет живу на свете. Все понимаю. Только не знаю, почему мне как-то не до того. До сих пор меня еще никто не целовал, как следует, да и ты, наверное, не как следует, ишь какой вояка, точно на войне разбушевался. Знаешь? Все эти мальчики и художники, и политики — все они просто товарищи братьев. Разве могли они сравниться с моими великими возлюбленными: Леонардо да Винчи, Себастьяном ван Сторком и другими. Их у меня набралось уже ожерелье, на такой золотой нитке, очень хорошее ожерелье. И не думай, что я так уж горжусь этим ожерельем, я, наверное, знаю, что ничего нет хорошего, что в 20 лет я, по правде сказать — дурак дураком.

Он сказал, что во мне еще не проснулась женщина. Но мне скучно стало об этом.

— Я уже об этом слышала.

— От кого?

— От Володи Ярового⁴⁶, но я и слушать не стала, мало ли что ему взбредет в голову, лучше бы учился получше и не мучил бы свою мать своими выходками.

Потом весь вечер прошел очень дружно. И Коля был настоящий, очень нежный, веселый и хороший. Совсем развеялись всякие его воинственные наклонности. Он было нахохлился, когда я ему сказала, что это все противное юнкерство, потом очень рассмеялся и говорил, что совсем ничего общего нет.

Да, да. Так, так. И все-таки он успел сказать мне (хотя я и закрывала ему рот ладонью), что он тоже дурак дураком и что если он когда-нибудь женится, то только на мне. И ни на ком другом, «ни за что на свете».

— Да, мне будет 100 лет, когда ты соберешься, и я буду уже Наинной на пенечке⁴⁷.

Он крепко схватил обе мои руки в одну и очень больно сжал. Потом оттолкнул и сказал:

– Ну, пора спать – спокойной ночи. Все-таки прости меня, Лисенок.

24 февраля

Весь терем мой пропитался, пронизался солнцем.

Заметила, в этом году, что хорошие концерты, интересные постановки театров (особенно генеральные репетиции), интересные лекции, вернисажи выставок – посещаются одним сравнительно небольшим, определенным кругом людей. Очень многие лица мне как бы знакомы, хотя я и не знакома лично с ними, но я их часто вижу и многих запомнила и узнаю.

На улицах я их не вижу. А на хорошо выбранных вечерах все они одни и те же (главный костяк толпы). Что за странность? Ведь Москва такая большая, людей как песка на дне морском. Сережа Предтеченский говорил, что я живу в оазисе Москвы и людей вижу, живущих в этом оазисе. Неужели так тонок слой людей, которым нужны «все эти прекрасные вещи», как говорит Сережа? Неужели нельзя как-нибудь устроить, чтобы в жизнь и быт народа (всей моей страны) впитались и вошли бы «все эти прекрасные вещи»? Интересно, как с этим обстоит за границей – в Европе и Америке? В Америке, вероятно, не очень было бы мне приятно, мне кажется, что там больше развлекательно, чем интересно. Но и там, вероятно, есть оазисы.

26 февраля

О. Бессарабова – Б. Бессарабову

Борюшка, даже и при «строгом и ясном стиле» твоих будущих писем – пиши мне обо всем, что для тебя интересно и обо всем, что тебе придет в голову. Я признаю эвритмию⁴⁸ (науку о жесте), о которой так интересно говорит Андрей Белый, но люблю и слово. Многоточия и междометия в письмах можно отставить.

Краски, мрамор, карандаш – жизнь? Да что ты! Это одна из радуг жизни. Претворимая в жемчужину, которая дороже бо-

гатств. Искусство – Борюшка, ты можешь создать жемчужину, может быть – ожерелье из жемчужин, если ты сам и жизнь позволит тебе работать... В тебе есть, несомненно, художник.

Я была в «Мире искусств» и в «Московском салоне». Я подробно писала тебе об этом. Получил ли ты мой отчет об этих двух выставках?

Теперь я собрала в часы и продала свое развеянное время от 11 ч. утра до 5 ч. вечера за 135 рублей и обед. И какой-то там паек, то есть возможность (право) покупать в особенном магазине продукты, которые вообще трудно достать. Сама я, конечно, не буду с этим возиться, а Добровы рады и будут там покупать. Я очень рада, что это им понадобится и пригодится. Это еще как-то там не устроено, но «скоро будет». На лекции свои на курсах буду ходить три раза в неделю. Заниматься, учиться буду вечерами и ранним утром (от 6 ч. все вечера в моем распоряжении). Служить в Архиве Всероссийского Земского Союза начала 15-го февраля. На трамвае 15 минут, пешком – 40 минут, смотря по погоде. Служба недалеко – возле Лубянки, на Мясницкой. А я живу возле Страстного монастыря, в теремке у Надежды Сергеевны – по-прежнему. И работа, и деньги, и пайковая книжка («Как ключ к Сезаму» – сказала Елизавета Михайловна Добрава) – все это нечаянно устроилось через близких друзей Вавочки. Наталье Дмитриевне Шаховской кто-то позвонил, не знаю, откуда, она – мне и Вавочке, я куда-то, и разговор на Арбате на очень высоком этаже в кабинете с кожаными жуткими креслами и книжными полками со всех сторон до потолка, с человеком, у которого чудесный лоб и глаза. Вот все и устроилось. Мы говорили не больше пяти минут.

На Рождество вместо удивительной Жар-птицы, которую ты ждал, оказался просто усталый Лис?

Сегодня с Шурой Добровой в Университете Шанявского была на лекции Валерия Брюсова о микенской культуре⁴⁹. Дух захватывало. Немецкий ученый Шлиман вздумал найти Трои (гомеровскую, ее считали мифом). Шлиман с детства уверовал в Троию и через огромные трудности, нищету, смех и непризнание ученых и всякие неудачи все-таки разыскал развалины Трои. Нашел под землей несколько слоев города (городов?) на том месте. Он думал, что Троя – самый древний, самый нижний слой,

и зарылся слишком глубоко, и не знал, что открыл он не только свою возлюбленную Троя, но и древнейший, чем Троя, — город Микены. Со всеми остатками микенской эгейской культуры и со всеми будущими сдвигами в своей науке. А Троя была ближе к поверхности, повыше Микен. Весь мир ахнул, развел руками и убедился Фома неверующий, что и сказки, и сны имеют душу и тело. В 20 веке до Рождества Христова! женщины-модницы одевались так: кринолины, корсеты, парики с локонами, пудра, косметика, высокие каблуки и даже мушки! Придворные кавалеры, как версальские <нрзб> при Людовиках в Париже. После рассказа о Микенах, об Атлантиде Брюсов читал свои стихи о Микенах — лабиринте-дворце (Город-дворец). Сложил руки на груди, как на врубелевском портрете, побледнел страшно, глаза полыхали — нельзя было глаз отвести от его лица — и начал говорить стихи. У меня голова кругом пошла и от Микен, и от Брюсова, от воплощенных снов, от «отодвинутого полога ночи» и сказочной яви. Брюсов, как колдун, заморозил огромный зал.

Шурочка Доброва оделась «поскромнее» — в черную суконную амазонку — длинное закрытое платье с узкими рукавами и высоким воротником. Но в этом платье она, почему-то, оказалась даже ярче, чем в своих экзотических газовых и шелковых платьях необычайных сочетаний цветов (на ярко-оранжевом шелке — лиловый газ, на красноватом шелке — зеленый газ, зеленые шелка цвета озими — зеленой яркой травы, ярко-желтый, ярко-лиловый и всех цветов радуги всякие там ее домашние кимоно и манто — такие она носит дома). В толпе она была как микенская, а вернее египетская, царевна.

Я заметила, что когда мы шли по коридорам Университета, все головы встречных и окружающих попутных потоков толпы как по команде обращались на нее — все без исключения.

Шура очень красива. Сердится, когда замечает какой-нибудь уж очень «разинутый рот» на нее.

Чудные темные ее косы до колен просто высоко заложены над головой и вокруг головы: их так много, что получается, что-то вроде тиары. Она очень стройна и изящна, высокого роста. Кажется выше, чем есть, от стройности и манеры держаться. Ослепительной белизны и нежности кожа, без всякой пудры и

косметики, кроме ярко покрашенных губ. Черные тонкие, «крылатые» брови над светло-серыми (часто зелеными) глазами. На очень тонком, как бы выточенном, лице с выразительным профилем, с легким изящным подбородком, тонким очерком овала лица и гладким прекрасным лбом — крупный очень яркий рот. Просто заложенные косы на этой голове кажутся не то тиарой, не то короной. Когда она заплетает косы на ночь в две косы до колен — превращается в живую шаманскую царицу. Когда сидит на круглом мягком кресле (как его назвать? — круглая мягкая табуретка) перед зеркалом, волосы волной лежат на ковре вокруг нее, закрывая ее как плащ. Причесываться ей приходится всегда стоя (расчесываться и заплетать косы). Никогда не носит шерстяных платьев, только шелковые — тонкие и мягкие, а летом — полотно. В городе всегда в бархатных черных туфлях на каблуках, а летом в простых туфельках совсем без каблуков — тоже мягких из материи.

27 февраля

Вчера было 12-е собрание «Кружка Радости» у Бартрам⁵⁰.

Были: Алла (Тарасова), Аня (Полиевктова), Нина (Бальмонт), Лида (Случевская), Маргарита (Селиванова) — зовем ее «Чита», она приехала из Читы, Нина (Слюз-Залесская), Стана (Бартрам), Таня (Березовская-Шестова), Оля (Ильинская), Маня (Розенблюм), Софочка (Фрумкина), Оля (Бессарабова) и Варвара Григорьевна (Мирович).

Вавочка прочла свой доклад: «Пути женской души».

1. Храм Астарты (жрицы Астарты, Суламифь, Кармон).
2. Шатер Рахили (материнство, Наташа Ростова, княжна Мария Болконская).
3. Храм Весты (весталки, Жанна Д'Арк, Святая Тереза, Святая Екатерина, суфражизм).
4. Храм Люцифера (Куинджи из «Персифаля», женщины Достоевского, Гедда Габлер).
5. Храм Неведомого бога (женщины Гамсуна, Ибсена).
6. Храм Афродиты Простонародной (флирт, Крейцера Соната).
7. Храм Единого Избранника (Офелия, Дездемона, Гретхен).

8. Храм Афродиты Урании небесной (Беатриче, Лаура, Виттория Колонна).

9. Путь одиночества, страдания, боли.

10. После прочтения Чита быстро и импульсивно выбрала – «Шатер Рахили» – самый лучший храм!»

Нина Бальмонт серьезно подтвердила:

– Хорошо в шатре Рахили. Мне больше всего нравится (Ниночке 16 лет).

Нина Залеская (Слюз):

– Я хотела бы во всех храмах понемножку?

Ниночка говорит очень мало, тихо. Когда скажет что – будто сама себе – подумает вслух. Милый голос, кроткое лицо, очень скромно и просто одета, очень маленькие ножки и руки. Общий облик диккенсовской девушки, но поумнее и с неожиданно неподходящими к ее внешнему виду мыслями, выраженными всегда очень кратко и законченно.

Говорили о плоти. Плоть не может быть «нечистой». Это, безусловно, выдумки несчастных калек духовных, а может быть, и физических. Не хочу допустить, что плоть – только «дрова, горящие для горения и роста духа и души», – как сказала Варвара Григорьевна в докладе. Плоть имеет свои права на существование и так проста. Нельзя разделять плоть и дух, как свет от тепла огня. Все чисто, если только не пачкать нарочно или от беды какой-нибудь. А все остальное – беда, болезни – ненастоящее (это я говорила).

– Я то же самое сказала сегодня маме, не так точно, но об этом же. А она сказала, что я ничего не знаю, а когда вырасту – многое пойму, – горячо сказала Нина Бальмонт.

Вавочка:

– А монахи в монастыре? Там святые слова говорятся и поются такою духовною плотью, что уж и, правда, хоть святых выноси!

– А – а, так....Ну, хорошо! Плохо, когда плоть без духа. Но что уж как особенное исключение – в обычной жизни вряд ли это так уж часто. Может быть, в монастыре неправильная жизнь?

Лида Случевская о Люцифере:

– Служение Люциферу – такое же, как и служение, Богу, является показателем напряженного горения духа, как и там.

Если это служение злу, только потому, что оно отрицательное, злое — так это болезнь и неинтересно даже. Мне кажется, что каждый поклонник Люцифера, как и Бога, в конце концов, приведет свою душу к чистоте и добру. (Об эксперименте над душой, чувством. Поза, темное, бесплодное, опустошающее самого экспериментатора.)

О Дон Жуане.

— Мотылек — от цветка к цветку. — Нина Залесская.

— Дон Жуан — экспериментатор. Если допустить, что он производил свои опыты над душами для какого-то своего испытания, знания, для чего бы то ни было — чудовищно, эгоистично, гадко. Он научился чему-то там и оставил? Как гадко! Надо признать самоценность души, а не как материал для своих изысканий. — Лида Случевская.

Отличили Дон Жуанов — мольеровского от байроновского и от пушкинского. Дон Жуан Пушкина искал вечно женственного.

— Так значит, Офелия, Дездемона и другие их сестры не могли бы изменить? — Аллочка Тарасова.

Я записала, конечно, не все, что и о чем говорилось. Записала случайные и, может быть, даже не главные вехи разговоров, а какие подвернулись под руку во время записи

В столовой Бартрам за огромным круглым столом ярким и белым — 13 девичьих лиц, как венок. Вавочка сказала, что она случилась сегодня тринадцатой и не считается. Мы все встали из-за стола, как по команде (это было очень смешно, и все рассмеялись), и не хотели садиться за стол, если так. Мы не желали принять это «не считается» даже в шутку. Мама Станы Бартрам (хозяйка дома) очень приветливая и милая, сказала:

— Девочки, я буду разливать чай, я четырнадцатая. А после чая, к сожалению, мне надо уйти — садитесь спокойно.

Усаживались заново, договаривали о Дон Жуане, об искании, о творческом горении и о том, что у поэтов и художников такие многогранные и жадные сердца.

На столе был большой круглый торт, золотой мед, золотое и красное варенье, черные сухарики и изящные ломтики черного хлеба. И крепкий душистый чай, как янтарь. Снежная скатерть и яркий мягкий свет.

О Леше Смирнове (сын Веры Зайцевой). Он добивается участия в нашем кружке. Вавочка предложила высказаться всех сидящих за столом. Нина Бальмонт, Аня Полиевктова и я подали за него голоса — остальные не возражали. Потом о Коле Зеленине⁵¹, Надежда Сергеевна давно уже хотела ввести его в наш кружок и даже устраивала у себя собрание наше, он тогда читал свой доклад о «Сне молодого ученого». О Коле Зеленине почему-то все сразу засмеялись (немного сконфуженно) и ничего не сказали. Так была снята и отстранена его кандидатура. Нина Бальмонт не утерпела и начала было говорить что-то недовольным тоном, но Вавочка шутливо спросила ее, как она думает, какое это варенье? — и опять все засмеялись.

Было как-то особенно молодо, живо и празднично на сердце у всех. Неужели это от круглого стола? Все разговаривали то группами, то вместе, но шумно в комнате не было. Какой-то особенно удачный был этот вечер.

Чита, Маргарита Селиванова, из Читы-города — сибирячка, курсистка. К нам ввели ее Бальмонт. Не знаю, как попала она к ним. Почему-то Чита обедала в столовой с Константином Дмитриевичем и его третьей женой (Еленой, Еленой, Еленой)⁵². Обеды не дома, чтобы не возиться с хозяйством, а в ресторанной столовой («чтобы каждый обед был праздником»). Вот так праздник. Мне дома гораздо больше нравится, хотя я никогда в ресторане и не была, но была в студенческой столовой — это не праздник, а толчея и народу много и только и хочется поскорее отделаться и уйти. Обеды Читы с Бальмонтом и его женой прекратились после экстравагантного заявления Читы вслух за одним из этих обедов, да еще с какими-то друзьями за столом, что она не может видеть, как ест Бальмонт:

— Поэт, а сам ест, смотреть не могу — противно. И жует, и глотает.

Друзья очень развеселились. Константин Дмитриевич «приподнял брови, но возгордился», но обеды все-таки прекратились. Теперь она обедает в университетской столовой. Чита — с маленькими тугими косичками, как у деревенской девочки, очень гладко причесанная, похожая на китайского божка или на сибирского (если такие бывают), очень миловидна и экзотична. Говорит удивительные вещи и так забавно, что все кажется очень милым.

— А я сегодня видела похороны первого разря-ада! — сказала так, будто видела шествие царя Соломона во всей его славе или царицу Савскую.

— Чита, куда вы мчитесь?

— На Театральную площадь, там, говорят, бунт, казаки с нагайками, все по-настоящему.

— Чита, слушаете лекции? (на курсах)

— Куда там! Я в очередях за хлебом стою. Квартирная хозяйка посылает.

Очарована была Бальмонтом, а потом вслух объявила, что в нем развиты животные инстинкты и она не хочет «обращать на него никакого внимания», «мало ли, что стихи хороши, а человек никуда не годится». Очень сердится на него, за то, что он «присвоил» одну строчку из ее стихотворения: «Моя любовь — синеватая тень».

— У него получился красивый сонет, а строчка-то моя.

Варваре Григорьевне она сказала строго и серьезно (в присутствии Михаила Владимировича):

— Я не желаю встречаться с Бальмонтом, он бессовестный — не поймешь, какая у него настоящая жена: Екатерина Алексеевна или Елена. Знаете, это как называется? Дво-е-же-нец!

За столом заговорили о Петербурге. Маня рассказывала об убитых и раненых, об отказе солдат стрелять в народ. Это говорилось в семье Мрозовского⁵³, кажется, родственника Мани.

Протопопов⁵⁴ передел полицию в солдат и поставил их к пулеметам. А казаки окружили толпу плотным кольцом и не дали, не позволили полиции стрелять в нее, защитили. Офицер (ну там — не знаю, а старший этих казаков) застрелился.

В гвардейских полках был запрос офицерам, пойдут ли стрелять в народ? Все ответили отрицательно, а один сказал: — «Я пойду, потому что я присягу дал. Но дорогой пушу себе пулю в лоб». Если это и выдумки, то они показательны.

Алла вся холодеет. Алексей Петрович в Царском, гвардеец⁵⁵. Он говорит ей, что их прислали с фронта, «в случае чего». Членов Гос. Думы останавливали толпы женщин и кричали: «Хлеба! хлеба!»

Когда мы шли от Бартрам по тихой Поварской и совсем безлюдным снежным переулкам — было как-то особенно дружно и

хорошо — не хотелось расставаться, когда все постепенно расходились — каждый в свою сторону. Почти все девочки живут в этом районе Москвы — между Поварской и Остоженкой.

У порога дома, где живет Вавочка, я сказала как-то безотчетно: «Мне кажется, замкнулось сегодня вечером какое-то кольцо времен». И смутилась очень от этого своего «подумания вслух», но Вавочка удивилась и сказала: «Странно, у меня такое же ощущение».

Как хороша снежная тихая Москва — спящий город. (Было уже поздно, переулки были безлюдны.)

27 февраля

За обедом в столовой Всероссийского Земского Союза (где я работаю в библиотеке и Архиве Союза) мой сосед по столу, корректный господин, сказал вслух, ни к кому не обращаясь:

— Дума распушена. Не хотят отдать ей в руки продовольственный вопрос. Четыре гвардейских полка выступили за Думу, заняли арсенал. Отовсюду слухи, как пожар и потоп, летят, бегут, расползаются.

Горничная Катя, подавая чай, сказала мне:

— В Воронеже на две трети выпал кровавый снег, говорят.

— Снег?

— Да, не к добру этот снег!

— Катя, кто сказал Вам это?

— Дворник.

28 февраля

Тьма-темь сияющего народа. Костры и крылья красных флагов над толпой. Народ и солдаты кричат друг другу:

— Да здравствует русская армия!

— Да здравствует русский народ!

И готовы обниматься. Солдаты на Тверской вдруг запели:

— Раскудря, кудря, кудрява голова! — и так весело и дружно, что толпа запела с ними. Пели все «кудря», а это значило — «все хорошо».

Речи говорили с крыльца Думы, и было слышно на всю площадь — так было тихо. Я прошла очень быстро. Надо было не опоздать на работу. Как не хотелось идти в Архив, ужасно! В толпе, я слышала, говорили, что не надо допускать никаких погромов, не надо ничего ломать и разбивать и, если это где случится, то только по провокации или по глупости.

...Огромная напряженность ожидания, всеобщность, бодрость, легкие быстрые походки (честное слово — крылатые — легкие, чудесные человеческие лица.

Шурочка Доброва пошла на Воскресенскую площадь «для сильных ощущений» (смеется) и «потому, что не могла сидеть за печкой». Саша пошел с ней, потому что сестра идет, и он ничего не боится. Саша гимназист с колокольню ростом. Елизавета Михайловна (их мать) пошла с ними.

— Не могла дураков этих одних отпустить — погибать, так вместе, да и интересно, — комментировала Шура по телефону «похождение семейства».

С утра нигде ни одного полицейского. Без трамваев в городе непривычно тихо, извозчики берут раз в семь дороже. Весь день не было слухов ни о каких столкновениях и пальбе. Что будет завтра? От Москвы, от толпы общее ощущение праздника, какого еще не было на свете. Вот тебе и кольцо времен! Сегодня только на Мясницкой около нашего Союза (около Лубянки, бывшая Сибирская гостиница) кто-то сломал трамвай и начал ломать рельсы ломом. Толпа со свистом и хохотом прогнала ломальщиков:

— Хотят напакостить. Гоните провокаторов и дураков! От кого и кому ломаете?!

Комиссия общественного спасения организывает из учащихся и частных людей добровольцев — народную милицию. Бабы в очередях толкуют:

— Булочные громить нипочем не позволим.

Один господин позвал извозчика без всякого оттенка в голосе:

— Извозчик, свободен?

А извозчик говорит:

— Надо сказать господин извозчик, а не извозчик.

— Господин извозчик, свободен? — юмористически и нагло переспросил седок.

Извозчик не понял насмешки и чудесно ухмыльнулся. Я вскипела гневом на господина за пренебрежение к простодушию дурака и на извозчика за глупость. Почему-то меня больно ранила эта сценка.

В Архиве я была очень обескуражена и огорчена, что некоторые архивные дамы совсем не разделяли моего сияния по поводу всего, что происходит. Пришлось смиренно сидеть и штемпелевать самую толстую на свете архивную книжищу. Вот не хотелось, вот уж было не до того! Едва дождалась конца занятий, летела через ступеньки лестницы как невесомая.

1 марта

Горничная Катя в кружевной стоячей своей наколке и фартуке таинственно сообщила, что дома напротив спрятался Протопопов – министр. И плачет:

– Жалко Протопопова. Дрожит, небось, хоть и министр, а человек. Жалко народ – ну, как стрелять будут? Жалко солдат: каково им в своих-то стрелять?

На Тверской толпа и конные солдаты (казаки?) бросали вверх шапки, кричали:

– Да здравствует русская армия, ура!

Люди смеются, кричат, радуются, многие и не знают, о чем, просто так, волна подхватывает, вот как меня. Все мои, все родные, все – это мой народ и я – народ. Это очень хорошо. Солнце яркое-яркое, снег звенит и искрится.

На Воскресенской площади у Городской Думы конных встретили белыми носовыми платками, – как белые голуби взлетели над толпой. Я случайно шла рядом с самым первым конным всадником. Я заметила, что у передовых солдат перед каждым эшеленом (или ротой, как это про конных сказать? – они ехали стройно, такими группами, отделяясь небольшим пространством от последующий, такой же стройной группы) у передних линий конных всадников в руках были красные бумажные флажки, похожие на елочные детские. Вероятно, под рукой не оказалось красной материи. На Воскресенской площади, где в море толпы были красные факелы флагов⁵⁶.

Из архива Веселовский⁵⁷ (наш главный в Архиве и Библиотеке) в два часа сходил в Думу и потом рассказал нам всем. Вчера вечером в Думе собралось много офицеров, которые приняли на себя заботу о порядке на улицах и среди солдат. И с утра сегодня (я это сама видела) учат народ, как строить цепь, ходить в порядке — рядами с перерывами, чтобы можно было переходить, кому нужно, на другую сторону улицы и ходить всем по правой стороне. Получаются спокойные реки — потоки толпы, не давка и толкучка. И все слушаются весело и охотно. Лица праздничные, иногда чудесно серьезные. По примеру Петербурга ведется запись офицеров на «честное слово»: 1) за новое правительство; 2) за старое; 3) нейтрален. Говорят, что нейтральные расходятся по домам, «старых» учитывают как-то (в списках, вероятно?), а «новые» организовываются, собирают солдат под командование — «руководство», говорят и ждут, как и что будет дальше. Спасские казармы брошены офицерами и кем-то оказались заперты. Эстафета в Думу: «Освободите нас, примыкаем к Думе». На Воскресенскую площадь явилось несколько жандармов. Один из них был такой радостный и так широко улыбался, что одна из женщин с шуткой дала ему свой красный шелковый платочек. Он прицепил его в петличку и смеялся вместе с толпой (рассказывала Леночка).

В Думе идут выборы. Из намеченных 140 кандидатов «Комиссии Общественного Спасения» выбираются ответственные члены.

В реку Язу толпа сбросила жандармского полковника, который приказал было солдатам стрелять в народ.

Вчера из Петербурга пришли вести. Их начали печатать в типографиях газет. В последний момент полиция арестовала и листки, и печатников. Царь — неизвестно где. Бубликов издал второй приказ по железным дорогам. Призывает (и приказывает) железнодорожникам «служить народу». Железнодорожное движение в порядке.

В Петрограде получены телеграммы Брусилова⁵⁸ и Рузского⁵⁹. Оба признают новое правительство (Государственную Думу). Алексеев⁶⁰ молчит. И его диктаторство, якобы данное ему царем, повисло в воздухе. Часа в три прислана телеграмма Родзянко⁶¹ к городскому голове Москвы Челнокову⁶²:

«Старого правительства не существует. На улицах порядок восстановлен. Министр Внутренних Дел арестован. Власть принял Временный Комитет Государственной Думы под моим председательством. Войска признали новую власть. Предложил Мрозовскому подчиниться, возложив всю ответственность за возможное кровопролитие, на его голову. Родзянко».

Каждое слово этой телеграммы врезалось в память и в жизнь — как резцом в мрамор.

В Москве не выходит не одной газеты. К 12 часам в городе останавливаются все трамваи, телефоны бездействуют. Приходят страшные слухи об убийствах в Петрограде⁶³.

3 марта

Днем, утром, под вечер — праздник праздников, головокружительный взлет, немислимо было не быть на улице. Казалось, слышишь, как бьется сердце народа. Или это мое сердце? Какое-то всеобщее дыхание — легко дышать. Что будет потом — будет потом. А сейчас — чудо, революция без крови, все новые войска, красные флаги, из Петрограда все новые чудесные вести о Думе, о порядке, о войсках, о народе, о народной милиции. Все лица прекрасные, и именно красные, красные флаги нужны и красные ленты. Вся Москва на улице. Легко и просто говорили незнакомые, как будто все сразу вдруг узнали друг друга и не осталось больше незнакомых. Один рабочий или не знаю кто — одет бедно, но очень опрятно, спокойным горячим от улыбки голосом сказал мне: «Ходи, милая, автомобиль идет».

Везли взятых из тюрьмы политических заключенных на большом грузовом автомобиле. Никогда не забуду. Один из них — белый как бумага, стоит в автомобиле; его бережно поддерживает офицер и другой человек. Он кланяется и плачет, слезы, молча — ручьем. Очень старого генерала (шинель на ярко-красной подкладке) вели под руки две дамы. Он дряхлый, весь серебряный, весь чисто-начисто умытый и такой сияющий, что ему смеялись ласково навстречу. И я тоже не могла удержаться от улыбки и засмотрелась на эту группу — пожилая дама, очень важная и ласково, снисходительно улыбающаяся, а молодая (может быть, внучка), влюбленная в деда и умиленная. В петлице ге-

неральской шинели — пышный красный бант. Старичок такой, вроде декабриста. Народоволец? Интересно, кто он, этот старичок?

А к вечеру, позднее, толпа на улице стала невыносима и поистине ужасна. Я не узнала этого города, этих людей. Это не Москва. Это та Москва, которую ненавидит Сережа? Не праздничность, радостно и светло растворяющая в себе днем всех, всех и все и вся, а праздность и какая-то пряная одурелость. И улыбаются уже не теми улыбками, а так, что не хочется видеть. Гуляют, потому что много народу. У некоторых лица жуликов, то есть, вероятно, у жуликов должны быть такие лица, и не смотрят, а высматривают. Всплыло, и как будто не могла стряхнуть слово — «блудливые», стало как-то мутно и тошно даже. Противные некрасивые были лица, когда вели мимо под конвоем милиции переодетых в штатское городовых. И у этих городовых лица неприятные, но человечески испуганные, а у толпы — глумливые. Улюлюканье, злые гримасы, непристойные замечания. И противно видеть лица женщин, когда говорят о бывшей царице. У мужчин при этом лица просто сердитые, суровые, даже злые и это не противно. И походка у толпы не та — «крылатая», а уже «слоняющаяся». Ох! Скорее бы все на дорогу, на свою колею стало. За работу, за работу! А то развеется все чудо этих дней. Нельзя ни минуты быть такими праздными. Или это я устала? Стало тошно, как от запаха крови в мясной лавке, или так, вероятно, пахнет на бойне. Рассказать об этом не умею — это не о запахе говорю, а о чем-то похожем на это в моральной плоскости, от общего ощущения и впечатления от толпы.

Начали появляться группы милиции с повязками на руках. С автомобилями люди говорят: «Завтра все на работу. Теперь все наше. Все лежит на нас. Все должны помнить обо всем сами». «Здесь неурядица — что будет на фронте?». И всякие воззвания о порядке, о работе, о самообладании.

В газете утром⁶⁴ — о регентстве Великого князя Михаила Александровича, об отречении государя⁶⁵. Улицы имеют уже почти деловой вид, несмотря на многолюдство. Как пойдут трамваи — Москва будет как Москва, войдет в свои берега, уже новые, но свои. Скорее бы!

А вот сейчас (в Архив) пришел кто-то из Думы и сказал, что Государь отрекся уже за себя и Цесаревича, а Михаил отрекся и от регентства. Люди говорят об этом двумя основными тонами: «Слава Богу. Хоть бы они там все поотрекались, крови будет меньше». И так: «Что же теперь будет, как же теперь будет?»

Открытка брату Борису в Воронеж

<На открытке – «Ангел последний» Н.К. Рериха⁶⁶>

Встретила Революцию, как все десять Дев Неразумных⁶⁷ – без светильника знания. Но не побежала никуда за маслом, взяла, да и зажглась сама, три дня горела, а теперь масла не хватает. Хочу знать, знать, понимать все. «De omni re scibili et quibusdam aliis»*.

Среди 13 девочек нашего общества («Кружка Радости»), кажется, возникает дело, на которое мало жизни и не жаль отдать ее этому делу. Напишу (о беспризорных детях).

Не возись с копиями своих рисунков.

В понедельник Вавочка поедет в Звенигород на несколько дней.

Привет папе, гражданам Володе и Всеве, и Борису, и мамочке.

Лис.

4 марта

Вчера встретила на Мясницкой процессию трамвайных, может быть железнодорожных, кондукторов. С ними много простых женщин. Красные флаги. «Вставай, подымайся, рабочий народ!». Голоса бабьи – резкие, высокие, горловые – как частушки поют. В общем, стройном визге получилось что-то, имеющее свое право, но хочется, чтобы они поскорее добились бы своих прав и поскорее замолчали бы. Это надо не так разудало петь. Подошла к ним поближе, лица у всех серьезные, твердые, сосредоточенные. Идут в порядке, торжественно, как будто вроде молятся – как это ни странно сказать. Так могли бы молить-

* Обо всех вещах, доступных познанию, и о некоторых других (лат.).

ся в средние века, если бы пришлось пением, коленками и грудью прогонять дьявола за черту города. Что-то грозное, бабье было в этих большею частью немолодых, женщинах. Ничего смешного в них не было. Встречные рабочие говорят: «Браво, бабы!» – ласково и снисходительно, и без тени насмешки. А пенсне и очки улыбаются. Видеть не могу этих улыбок! Они как кайма на лицах! И сердилась я, что все-таки что-то комическое было в этом шествии и пении. Это еще не найденная форма явления, имеющего по существу большое значение – еще не знаю, какое и о чем это все. Я рассказала об этом шествии у Добровых за столом и прибавила: «Ненавижу ухмыляющихся». Фил<ипп> Александрович неожиданно горячо и хорошо поддержал меня.

Вавочка на Тверской встретила небольшую процессию рабочих. На красном – белым: «Долой помещиков!», «Земля народу!». Демонстранты двух типов. Одни – суровые (это хорошие), другие – с лицами, какие могли бы быть у погромщиков и громил, пришедших в гостиную с твердым намерением бить зеркала и с убеждением, что ничего за это не будет. И впечатление от этой толпы рабочих совсем другое, чем от другой группы, несшей лозунги: «Долой войну» и что-то о земле тоже. У этих был вид фанатиков, верующих в свою правоту, право и требования и вообще как-то шире и идейнее. А в той толпе – «Долой помещиков», было что-то чрезвычайно конкретное и ничуть не дальше мечты об автомобиле, об этой шубе, об этой шапке, о женщине, о куске жизни. Стать буржуазией, а там хоть потоп. И были отсюда крики и окрики: «Шапки долой!». Этим приказаний не было прежде – шапки сами летели вверх, когда шли солдаты, когда несли: «Армия и народ!», или везли политических из тюрьмы. «Долой войну!» – выплывало при мне два раза, но толпа моментально рвала и мяла в клоки плакаты. Крики, гнев, свист: «Изменники! Предатели!»

Мне кажется, что «долой войну» относится вообще к войне, чтобы не было войн вообще на свете. Это война – войне. Но может ли быть такое? И как быть с этой войной?

Вавочка рассказала о работе Натальи Дмитриевны и Михаила Владимировича (Шик) в какой-то Исполнительной комиссии. Михаил Владимирович третью ночь не спит дома, что-то разгружает, организывает, снабжает кого-то продовольстви-

ем. А Наталье Дмитриевне кротким голосом, очень тонким, как невероятно честный, молоденький околоточный, говорит о каких-то директивах, получениях, номерах и бумагах. Вавочка хотела было помочь работать там, но у нее от слов «директивы» и «номера» разболелась голова и она ушла поскорее.

Нина Бальмонт все эти дни паче всех обычаев суровой дисциплины и воспитательных мер и норм — отпущена на свободу. Она в упоении своих 16 лет носится по Москве везде, где надо. На ней где-то что-то красное, она была в Думе, какие-то там «гласные» и офицеры дали ей «много денег», чтобы она добыла булок и яблок. И она все время что-то доставала, устраивала, наполняла грузовик продуктами (не сама, а только распоряжалась). Умолила какого-то булочника продать ее автомобилю все булки и вовремя прилетела-подкатила на «революционном автомобиле» домой с Виндавского вокзала. Эта быstroногая революция была отпущена «совсем одна» первый раз в жизни. Вся верна себе. Во всех своих движениях и делах.

Ночевала у Вавочки. У нее были гости — мать и дочь Ильинские. Мать добрая, умная серебряная дама, очень своеобразная. А девушка — тиха, мила, но как будто сидит где-то в розовой ватной и очень душистой пудренице.

Трамваи еще не работают. Рельсы их безнадежно скрыты под снегом. Сегодня я с крайним напряжением воли вошла в берега работы в Архиве. В такие дни (третий день подряд) штемпелевать и нумеровать дела, журналы, бумаги какие-то! Ох! Штемпелевала с энергией достойной лучшего применения и сама не поверила количеству груд, прошедших сегодня через мои руки.

5 марта. Воронеж — Москва

Б. Бессарабов — О. Бессарабовой

Воскресенье. Вечером.

Дорогая Олечка! Поздравляю тебя с новым (будущим) порядком в государственном управлении, но ни за что со старым. Довольно! Все сломлено, по крайней мере, у нас в Воронеже.

2-го и 3-го марта была усиленно расставлена полиция, и появилось несметное число жандармов и конных стражников на улице.

3-го марта вышел номер «Воронежского телеграфа» с примечаниями об искажениях смысла телеграмм. Была в воздухе какая-то подавленность. Все ходили и показывали пальцами на сытых животных полиции, коней и всадников.

4-го марта, суббота — для Воронежа очень знаменателен этот день. Утром уже все были на стороне нового правительства, а жандармерия и полиция обезоружена и арестована.

Ночью приехал поезд из Петрограда, с какими-то уполномоченными и отрядом, вооруженных солдат, которые сейчас же арестовали жандармов, а после и всю полицию. Много смешно рассказывают об этом, и я сам видел.

Утром я сидел и учил историю (отвечать), но пришел папа, и задыхающимся, хрипящим от радости голосом сказал, что арестованы жандармы, полиция и все стражники, и принес известие о телеграммах от Рузского и Брусилова и номер газеты «Русского слова», которую конфисковали сначала жандармы и полиция. Мы сейчас же вслух начали читать и прочли газету с начала до конца. Газету от 2-го марта! (А ты новости нам пишешь старые.)

Наш Воронеж от Москвы не отстает! У нас милиция — студенты, гимназисты, семинаристы, все ходят с винтовками, с саблями; ночью, несмотря на метели, стоят на постах.

Без четверти 10 часов, Шурка Плуталов принес телеграмму об отречении Николая «Мы Николай Второй...», и я сейчас же с этой телеграммой побежал к Полянским, затем к Марченко, а от них в С.х. Институт к профессорам и студентам. Потом к Сапоцким. Но все смотрели косо на мою телеграмму, и внутренне трепетали от радости, а через два с половиной часа, то есть в 12.30, появился манифест об отречении Михаила.

На улице большое движение, толпы народа; солдаты, офицеры, студенты, гимназисты, штатские (но не было купцов), все это представляло яркое красивое сочетание цветов и материи. Серая солдатская шинель и каракуль, гимназическая шинель и тулупы мужиков, служащих с разинутыми ртами: «Что там пишут?»

Да! Воронеж очень даже перешел на сторону Нового правительства, и стал свободен, совсем свободным городом от полиции. Вечером в Хлебной Бирже был ученический «Митинг»! Митинг, гражданка!

Говорили свободно, толкли воду в ступе, но говорили свободно о войне и мире, об ученической организации и прочее. Но довольно необузданно, шумно вела себя толпа, и я выступил на трибуну, стал, и пришлось кричать, так как было в зале шумно, и шумно страшно. «Долой с трибуны» – кричали одной даме, которая выступила, чтобы сказать, что мы еще не совершеннолетние и что «Вы не задавайтесь невозможными для вас задачами, как-то: о пропаганде солдат, о положении дела и прочее...»

Когда разнесся мой громогласный голос, толпа затихла и дико громко раздалась мои слова:

– Говорите, товарищи, о свободе слова, и не даете свободно говорить, не уважаете мнение противника, не уважаете самих себя, производя такой шум! – Но недолго была тишина, через три минуты опять был гвалт. Согнали с председательского места профессора Розанова (один из старшин «Семьи и Школы»), который сказал, что он не разрешит говорить о войне и мире; его сразу и согнали, и заорали многие: «Марченко!»

Его недолго пришлось упрашивать, и он, поблагодарив за оказанную честь, открыл митинг. За весь вечер пришли к тому, что нам, учащимся, нужно организовать, и решили, что нужна комиссия и по два в нее представителя от каждой гимназии, включая женские.

Кончился митинг в 11.30, и я и Володя пошли быстрым шагом домой. Была метель, но милиционеры все стояли на постах.

5-го утром я отправился к Саноцким и видел много курьезного на улице: серьезные, детски напыщенные физиономии милиционеров-юношей, бутылки от вин, найденные студентами в Московской части, и еще многое другое. Ведь полиции старой у нас совершенно нет, а если и есть старые, то вытягиваются перед студентами и «едят глазами» начальника охраны города Воронежа Кашаурова (присяжный поверенный Городской Думы). 58-й и 59-й батальоны были на параде и перешли на сторону Нового правительства. Народу на улицах было несметное число. В два часа был назначен ученический митинг в театре, но вышел народным, выступали на трибуну и солдаты, рабочие, и гимназисты, и вчерашняя дама, которую опять прогнали с трибуны несмолкаемым криком и свистом.

Говорили наперебой, артист Никулин⁶⁸ был выбран председателем и умолял хоть немного разгрузить ложи, балконы и галерку, чтобы они не обвалились, и тогда только начался митинг.

От вступительной его речи весь театр стонал восторгами и одобрениями.

Выступали старые революционеры 1905 года, умеренные и крайние, даже и солдаты, из которых один сказал: «Выбирайте, граждане, в Учредительное собрание социал-революционеров и социал-демократов». Один говорил прямо о Республике, но ни один не забывал добавить или вставить: «Встаньте, товарищи рабочие к станкам; солдатам по казармам, и на защиту свободы; купцам торговать, а не набивать карманы, а вам, молодежь, учиться!»

Говорили и за, и против Михаила Александровича. Кричали: «Долой Романовых!», и все это я слушал, и все это как сон. Да, Воронеж свободен.

Строчки Некрасова («Бессильная Русь») Никулин передал так: «Ты и всесильная, ты и свободная, матушка Русь!» Нескончаемые аплодисменты и одобрения. Затем вышел рабочий и сказал: «Представитель от завода» (оказалось, сбегал) – и говорил хорошо, закричал благим матом: «Да здравствует Россия с социал-демократическим строем!» Театр затрепетал, зашумел рукоплесканиями, но Никулин стал на трибуну рядом с оратором и что-то ему говорил, но тот неумолимо бил себя в грудь и, как маг и чародей, потрясал рукой своей.

Наступило молчание, и Никулин попросил очистить хоть немного балконы, а то дальше не будет митинга, а с балконов кричали: «Рабочего! Оратора!» – и т.д. Но выступил другой рабочий и уличил первого, что тот не представитель от рабочих и от завода, а что сам вот выборный от всех рабочих города Воронежа и приглашает взрослых в «Амфир» (кино), кто хочет его слушать.

О решении рабочих на сегодняшнем митинге, чтобы привлечь в «Амфир» хоть половину народа, во избежание обвала театра. Занавес был закрыт, взрослые стали выходить, а учащиеся остались, но Никулин минут через пять вышел и сказал, что ученический митинг назначен в 6 часов. Но на него я не пошел, переутомился от новостей и ощущений и, во-вторых, отпустил маму к Полянским.

Движение, телефон, водопровод, телеграф, поезда — все это исправно действует. Не было ни одного случая, каких-нибудь беспорядков или схваток. Рабочие хотят просить, чтобы на время совершенно прекратили продавать спирт.

На вечернем митинге учащиеся решили, что нужно заниматься и учиться, не приходиться и повторять старое, а никак не новое; так почему же будут страдать те, которые отдают долг свой Родине.

Вот, Олечка! А у вас в Москве, наверное, никаких митингов нет, тем более ученических. Еще раз поздравляю тебя с новым государственным строем. Почувствовала, выросла, наконец, Россия выросла на крови и слезах матерей, отцов, братьев и сестер, выросла и растет единоклюмием и верой в своих представителей народных — Думу; растет, живет, упивается свободой, дышит свободой, и хорошо, хоть и полусвободная, потому что до сознания в душе, в мозгах еще ни у кого не дошло, что свобода уже полная, и невольню каждый после тысячелетнего плена еще полусвободен! Я сужу по себе. До сих пор вижу, и как Америку открываю, что мы свободны, что свобода полная! Но этот чудный звук, слово «свобода», глух в сердце моем, чересчур крепко уж мы были не свободны и, если бы сразу вполне услышали бы и поняли это, то, пожалуй, и ослепли бы от вдруг (после темноты) засверкавшего звука «свобода», сверкает как ослепительный бриллиант.

Олечка, если я обрываюсь, не кончаю мысли, то это только потому, что я ослеп, я глух сейчас чувством и сознанием, и только упиваюсь вот сейчас словом «свобода». — Это самое дорогое на свете! (на свете).

Завтра в гимназии в случае разгильдяйства я скажу ученикам, что во имя свободы надо теперь же учиться, заниматься (как можно больше), что мы юношество, мы будущие России, мы фундамент, не были бы слабым умом, не были бы гнилы, а брались бы за дело (свое, сейчас) и кончали бы его, а там гуляй смело и помогай Родине. (Надо потерпеть еще старорежимную школьную скамью, и не бросать, а хорошо ее прикончить, закончить во имя свободы!)

6-е марта. Утро. Газеты еще не получаем, а купить не успел, так как еще не выходил. Олечка! Ты пиши нам не о новостях, а о настроении в Москве. Все новое мы узнаем из газет, а настроение не попадает в газеты, и очень нам интересно.

Сейчас яркое, чистое, светлое солнце, иное, чем вчера, солнце свободы.

Ай, да 27 февраля, ай, да 1 марта, ай, да февраль и март! Сегодня ученический митинг в 7 часов в Бироле, а вчера постановление учащихся было засвидетельствовано несколькими десятками подписей о том, чтобы дальше ничего не проходили, а повторяли старое, и дадут это председателю директоров Бекеневу⁶⁹. Посмотрим, что ответит этот чиновник-карьерист, возвысившийся нашими кровью и потом. Что-то начальство наше ученическое помалкивает и не думает, кажется, препятствовать. Сегодня вечером пишем тебе письмо на листке от Совета Рабочих Депутатов на обороте. Смысл этого листка также свидетельствует о единодушии и сознании рабочего класса, которое будет работать в единении с комитетом общественных организаций в деле устройства городской жизни и прочее. Да! Важно: Совет Рабочих Депутатов будет защищать интересы всех рабочих. Видишь, что у нас. А у Вас?

Будь здорова, дорогая Олечка. Да здравствует свободная Россия! Ай, да Российская земля! Ну, будь здорова, свободная гражданка, будь вечно свободная Русь!

Кланяйся Шуручке и Саше и скажи ему, что у нас на митингах, несмотря на присутствующих, молчащих преподавателей, громят их, громят старый гимназический тошнотворный строй.

Борис.

8 марта

О. Бессарабова — А.П. Соловкиной

Милая мамочка, как вы все, родные мои? Получили ли вы, все мои письма о чуде трех дней Москвы — 28 февраля, 1 марта, 2 марта и все другие? Как все прошло, в Воронеже и как прошла Революция в нашей семье? Кто республиканец, кто монархист? Ты республиканец? Как дела всех моих анархистов, художника Бориса, изобретателя и политика Всеволода, и ученого агронома Владимира? Здоров ли папа, рад ли он республике?

Приветствую всех вас, граждане, маму, папу, братьев.

Мои дела: Архив, занятия к экзаменам в мае и текучесть жизни, была и много раз еще буду на всяких митингах, ничего на них не говорю, но от волнения каждый раз теряю голос!

От волнения и от сочувствия к ораторам, часто противоположным. Часто вижусь с Вавочкой и с Добровыми. Их дом — великолепный резонатор с чистыми отзвуками всех голосов жизни.

Очень люблю весь добровский дом, с головы до ног, и всех, кто в нем, особенно Шуру, Филиппа Александровича, Елизавету Михайловну и Данилу (Даню) — он еще маленький.

8 марта. Москва — Воронеж

В.Г. Мирович — А.П. Соловкиной

Посылаю Вам, родная, как историческую достопримечательность, Лисины неотосланные письма. Она, конечно, истребила бы их, но так как они касаются такого огромного важного момента, они ей самой будут впоследствии дороги.

Сохраните их, а ей о них пока не пишите, она о них позабыла.

В Москве пока спокойно, в Петербурге — нет. Бушуют солдаты и рабочие, селятся вырвать власть у Временного правительства. Бог даст, обойдется.

Нужна культурная работа, необходимо поскорее-поскорее осведомить людей, простые обывательские массы поймут, в чем их благо, их опасность, их права и обязанности. Хочу принять в этом участие — организовалось такое издательство.

Вот уже неделя со дня отъезда Михаила Владимировича, как мы живем с Лисиком вместе. Она энергично приходит с вечерних лекций с блистающими глазами. Готовится в то же время к курсовым экзаменам.

Я еще не теряю надежды попасть в Воронеж — уж очень о слепенькой старушке моей и маленьком брате соскучилась.

Солнце, ручьи, капель, — а у Вас? Напишите мне о том берегу. А эту весточку им сообщите, и Лисины памфлеты прочитайте. Они интересны как записки очевидца. И в них только одна неправда — «что я обедаю».

10 марта. Воронеж — Москва

О. Бессарабова — В. Бессарабову

Гражданин и брат Володя, расскажи мне про свои семейные и общественные дела. Какие газеты читаются в нашем

доме? Я собираю все, что выходит из летучих Известий Рабочих Депутатов, «Вперед», «Соц. Демократ». Есть ли все это у вас? Володя, напиши, не надо ли тебе денег? Немножечко я смогу выслать тебе. На улицах и площадях много крымских белых подснежников. Привет всем гражданам нашего дома и <нрзб>. Оля

10 марта

Завтра «Кружок Радости» соберется у Бальмонт. Они живут в старинном доме в одном из Арбатских переулков⁷⁰, и потолок у них со сводами, просторно и очень красиво. По-старинному нерасчетливо просторны огромные пространства прихожих – проходных служебных комнат, толстые невероятно стены, глубокие ниши окон.

Теперь нас уже 16 человек. Иногда будем принимать почетных гостей – гастролеров, если они захотят прочесть или рассказать нам что-нибудь интересное. Своих рефератов при гостях читать не будем. Наши рефераты о радости во всех, у всех народов, у всех, доступных нашему чтению, поэтов. Собираем ее во всех веках у всех народов и рассказываем свои находки остальным. При гостях свои рефераты не будем читать, тогда развеялась бы главная прелесть наших собраний, полная свобода мнений, дружелюбность. Никто никого не связывает, а общение наше только раскрывает и вызывает нас из наших хаосов и довольно еще туманных зеркал мысли, слов, образов. Это наше собрание будет «О текущем моменте». Прошрое собрание, так вышло само собой – нас всех закружила лирика Революции, весь вечер сам по себе пролетел во впечатлениях, рассказах, тревогах, в чувстве значительности и необъятности того, что происходит, чувстве ответственности, радости, страха, горя, тревог и надежд. Захлебнулись в эмоциях (а некоторые и в сантиментах, плавающих в груди) и с грустью и стыдом установили, что никаких отчетливых представлений и понятий обо всем, что совершается и что все это значит, нет ни у кого. Пришли все к решению – прежде всего, учиться получше и по возможностям и силам участвовать активно в жизни, в теперешних событиях и делах. Как кто сумеет и сможет.

...Необходимость не распускаться. Очевидная скудость (не скудость, а поражающее полное отсутствие!) знаний у нас в общественной, экономической и политической жизни страны. Учиться, учиться, учиться! Я подумала, как заслуженно презирала бы нас всех Люда моя Дембовская — с 5-го класса гимназии уже член Кружка, а потом и партийный работник.

Вавочка назвала нам ряд книг, которые необходимо прочесть, чтобы знать самую первоначальную азбуку политической жизни страны. Ах, ах, вот и оказались Девы Неразумные!

Наверно и Алеша Смирнов не захотел бы бывать с нами, недаром он говорил у Добровых, и у Бальмонт: «Если бы я увидел думающих девушек! Хоть бы одну! Ведь это мир бы перевернулся! Я не смеюсь, я горячо и искренно хочу этого!» Эх, если бы показать ему мою Люду. Я еще рада, что она не столько «думающая девушка» и умница, и не только «активный работник», или как это там называется, «партийный работник», но и красива она очень, так, что никак к ней нельзя бы применить пресловутый насмешливый синий чулок. Ей, прекрасной, не мешают стриженные волосы.

Много занимаюсь, готовлюсь к экзаменам. Недели полторы почти совсем не умею спать.

Это плохо, надо это перебить, а то стану слабонервной бабышкой, избави Бог от этой гадости.

Прочла в Кружке:

Растерявшийся лирик Фалалей.

Встретила революцию, как Дева Неразумная, без светильника. Первые три дня никуда не побежала за маслом, взяла и сама зажглась. Но вот теперь нет горючего материала. Ничего не знаю, с трудом разбираюсь в значении событий. Очень мало значат, а может быть, и ничего не значат, «сантименты, плавающие в груди». В горючем материале моего существа нет ни истории, ни философии, ни мистики революции. Никаких сведений, есть только лирика и эмоции — о, ну их совсем. Воздуху! Воздуху! Довольно лирики. Хочу знать, самые простые факты, события, какую-то связь событий, корни, источники и русла. И не так эстетно, беспредметно и «вообще» знать, знать, как вопиял недавно <нрзб> в реферате о «Радости Познания», а жить, делать, работать. Делать хоть что-нибудь самое простое,

но нужное для жизни. Ничего по-настоящему не знаю, ни о жизни, ни о людях, ни о том, что происходит. Все как-то за тысячи верст от настоящего и в отражениях. Хорошо, если еще в чистых зеркалах — а то иногда и в кривых, выпуклых и вогнутых. И во всем этом такая духота, что сил нет. Уцепиться не за что. Лирика? Это даже не соломинка, а так просто. Мое созерцательство могло бы еще оправдаться, если бы лирика эта давала бы стих, но ведь без знания и понимания и без примитивных сведений не получилось бы стихов и у Пушкина.

Не знаю, хочу мира или войны. Лирически, не хочу войны, никому и нигде, во веки веков, но это нежелание войны ничего не стоит, почему, я не знаю, как и что надо сделать для этого.

Сломать бы все государства и жить бы людям по-человечески, а не бронированными нейтралитетами, всегда и все более готовыми к войне. И все, со всех сторон, говорят и думают, что хотят мира, а сами всегда дрались, дерутся и будут драться. Нейтралитеты, готовые вспыхнуть от ничего, потому что разбухли.

Не могу понять, что это люди все борются. Мало, что ли, земли и неба? И машин не люблю.

Чуть ли на Луну уже летят, а сами не доросли и до зверей. Звери кажутся иногда лучше и мудрее людей.

Перечитала эту страницу, стораая от стыда. До чего рот набит кашей, до чего безграмотна!

Сумею ли выбраться из дебрей невежества? И все-таки, что же нам, таким, как я, делать теперь же, потому что нельзя терять ни минуты! Хорошенько, добросовестно делать очередные свои дела.

Тому, кто учится, учиться работать, помогать семье, что придется. Тогда только и не погибнет наша страна. А то соседи устроят из нас колонии.

14 марта. Воронеж — Москва

А.П. Соловкина — О. Бессарабовой

Оля, дорогая ты моя деточка! Спрашиваешь — кто мы? Республиканцы или еще кто? Иван Васильевич ярый республиканец. Мы от него не отстаем, но с более неопределенными мыслями. Уж очень что-то Русь-матушка захлебнулась своей свободой. Толкуют у нас ее и вкривь, и вкось, как кому Бог на душу

положит. Тревожно что-то на душе. Газеты же меня положительно приводят в бешенство. Ну что, скажи, пожалуйста, так безумно и не вовремя долго возиться с этим Распутиным? «Раннее Утро» (мы его ухитрились выписать на 3 месяца с 1-го марта) даже оповещает, что «Темные силы», т.е. жизнь Распутина, запечатлены на экране⁷¹.

Что это, Оля, психоз, что ли, или опять злостное издевательство над русским человеком, или уж я не знаю, что.

18 марта. Воронеж – Москва

А.П. Соловкина – О. Бессарабовой

Не могу, родная моя, оставить тебя и сегодня без вести. По правде, говоря, не могла все время писать, потому что душа какая-то израненная. В одно и то же время клики: «Свобода народа», с расцветшими (красными бантами) петлицами – это 15 марта, и призраки выползающего дракона – беспорядка изо всех прорех не созревшего для этой свободы люда. Я уж и в «Амбир» бросилась Холодную с Полонским доглядеть и вернулась оттуда в таком нервном напряжении, что просто беда. Показывали «У камина»⁷². Анонсировали его ровнешенько два месяца. Воронежская публика, как стая голодных волков, бросилась на это зрелище, благо, подвизались три звезды: Полонский, Холодная и Максимов. Входящая и выходящая публика столпилась у выхода в какую-то зыбкую глыбу, и дошло до окриков из уст одной бабы – истерического глота:

– Вот вам ваша свобода! Не дадут людям пройти! Воровство везде поднялось, страсть что такое!

Дома я накинулась на нашего офицера. Ведь никто не хочет, мол, принять участие в водворении порядка, хотя бы офицеры, прущие в этой же толпе, догадались хоть цепь устроить. Коля на меня сорвался прямо-таки наскоком:

– Что это вы выдумали, чтобы офицеры вам порядки наводили? Что же сама публика-то не навела его? Офицерам в пору дисциплину удержать в войске, а они – порядок!

Я замолчала и подивилась, что это наш прапор озверел. Ведь он прослушал, что офицеры наступали на «крепость» в рядах публики. Я им командование в руки, а он – караул: в войске дис-

циплина ускользает. Поняли люди друг друга. Поистине – революция.

15-е марта я просидела дома: детвора удрала «ура кричать». Мы с учениками начали заниматься. Вдруг мимо нас что-то уж очень весело поезд попыхивает. Бросились к окну, и я едва не разревелась от какого-то громадного душевного наплыва, подъема, окрыления: на паровозе впереди два громадных настобурченных красных флага, точно два громадных крыла. Это был поезд рабочих из Отрожек. Народу в вагонах уйма. Лица у всех восторженные. Господи, как преображает лица людей духовный подъем! И положительно все расцвечены красными бантами, 2–3 вагона средних полны людей с обнаженными головами, уж, видимо, и шапки помешали – все давит, в пору из себя выскочить и испариться. Я была близка к истерике, радостной, чрезмерно радостной. Мальчики сорвались. Володя дорогой шинель надевал. Всева с красным бантом ушел и пришел в 10 часов вечера: заделался сборщиком с кружкой. Собирали на памятник «Жертвам Революции». Ведь он у нас и в числе милиционеров побывал! Иван Васильевич бурчит, что мое воспитание вконец испортило детей.

– Уж ко всякой бочке гвоздем, всякую дыру стараются собой заткнуть. – У нас грызня по-прежнему гражданствует. Теперь что-то по-новому. Видно, революция и тут подшучивает.

Иван Васильевич ругательски ругается, а мы хором откусываемся. Как бы у нас в доме не столкнулась революция с контрреволюцией, боюсь, и насторожилась.

Что-то, Оля, родная моя, принесет нам каждый будущий день нового существования государства. Делается стыдно за себя, что сидишь, как таракан, в щели, и не участвуешь ни в каком общественном деле. Теперь как-то грешно по углам засиживаться.

Что с тобой, моя дорогая, почему ты висишь на ниточке? Что за причина? Напиши, голубка, тебе и мне легче будет. Как идет подготовка к экзаменам? И какие будешь держать? Какова твоя работа в Архиве? Что делаешь?

Нет, не могу, Лисик, чтобы не описать тебе впечатления, какое произвело возвращение сборщика на «Памятник жертвам Революции» на Ивана Васильевича.

– Смотрю я, – говорит Иван Васильевич (была у Полянских), – лезет в дверь черт – не черт! В меховой шапке, утыкан-

ной красными значками. Поперек груди красная полоса, с красной большой трубой, и в руках ящик и бомба! Если бы у меня в руках был револьвер, то я стрелял бы!

Оказывается, Всева и тут переборщил. Уж для чего он утыкал шапку, Господь его знает. Красная полоса поперек груди — это красная лента с объявлением, на что сбор идет. Красная большая труба — красная толстая бумага для отрезывания билетиков, в случае если бы нарезанных не хватило. Ящик — большая коробка с булавками и билетиками — значками для продажи. А так испугавшая Ивана Васильевича бомба — кружка.

Словом, террорист ввалился, чтобы производить расправу над мирными жителями. И этот террорист оказался распремокрехоньким, голодным и полувиноватым. Утром опять не слава Богу, Маша слышу, говорит:

— Вот, вот, всегда, чтоб Всева так делал!

Оказалось, он в духовку поставил вымокшие ботинки, а на плиту — брюки. На плите же стояло ведро с дождевой водой. Он на это ведро ухитрился повесить брюки, напялил их, а концы спустил над духовкой для просушки. И вот за ночь брюки напитались водой из ведра до последней степени. Марья Мартыновна выжимала их и приговаривала: «Так, так.....» На благо объявились летние Володины, а то хоть в кальсонах щеголяй. Теперь его брюки торцом торчат от грязи — пересохли. Целую вас крепко — крепко. Буду отправлять письмо.

26 марта. Петроград — Москва
*В.Г. Мирович — А.В. Романовой*⁷³

Дорогая моя, завтра напишу Вам, есть ли надежда для меня уехать. М<ихаил> очень хочет моего приезда в Киев. Но раньше я должна в Воронеж. На первый день Пасхи хочу быть с матерью и Николаем. Бог знает, трудно ли это.

Так жестоко затруднен каждый шаг в жизни, столько нагромождено препятствий, даже к хлебу насущному. Материально-го бедствия (от бездействия исходящего) не испытываю, но прислуга у нас часто не выдерживает хвостов за молоком, хлебом и т.д., и если бы не Евгения Петровна Ильинская, и Добровы, и Бальмонт, я бы часто голодала. Благодаря им голодов-

ка реже, но тягостна эта жизнь с полуприживаниями. Целую, пишете. Пишите сюда, письма, если уеду, Лис, мой опекун, будет аккуратно пересылать.

В.

27/9 марта / апреля

Для отпуска Николая Григорьевича на Пасху в Москву отправила ему в Воронеж условную телеграмму: «Сестре хуже, выезжай немедленно. Лис».

Днем была в Торговых рядах на Красной площади. Стекло-ное небо. Скучно. Такая затея должна быть грандиозна и ослепительно нарядна или прозрачна, а так нехорошо.

С 5 до 8 часов в продовольственной лавке Всероссийского Земельного Союза за пайком для Добровых с Еленой Энгельгардт, — с мешками, окороками, корзинками и множеством продуктов. На минуту вырвалась из этого ада и купила нарциссы, сразу отдышалась, даже усталость прошла. Пропустила со всем этим очередное собрание «Кружка Радости», но очень хотелось, чтобы Добровы получили этот паек. Собрание было у Случевских «О моменте и о религии». Вавочка заранее обещала мне подробно рассказать о собрании, чтобы я записала и как будто бы побывала там.

Новенькая — Женя Бирукова⁷⁴ — хорошенька и фарфоровая, чуточку с формальными мыслями и фразами говорила о «Родине».

Новенькая — Лида Случевская⁷⁵ — огненно-рыженькая, Снегурка и Белоснежка, как елочная куколка, призывала к служению народу и кооперации.

Софочка Фрумкина серьезно, настойчиво и компетентно говорила о необходимости теперь же, не теряя времени, взяться за ликвидацию «Хитрова рынка»:

— Не поверю в революцию, пока существуют Хитровки. Они везде и за границей есть. И тут не только частная инициатива, а государственная, народная в большом масштабе нужна.

Ниночка Бальмонт, сидя на полу, на ковре со всей серьезностью 16 лет:

— Об ответственности момента только сию минуту начала думать. И не знаю, что еще думать.

Леся Рерберг (подруга по гимназии Жени Бируковой и, кажется, Лиды Случевской) молчаливо, но как-то очень активно слушала. Живые, слушающие глаза, похожа на Би-Ба-Бо⁷⁶.

По вопросу о корнях чувства ответственности Таня Березовская (дочь философа Льва Шестова) сказала, что корни эти со дня рождения в воспитании. Надо быть очень внимательными к воспитанию детей — братьев, сестер и своих детей, когда они будут.

Таня Галицкая (после болезни пришла первый раз, бледненькая еще), говорила, что это все не имеет корней и не может внедряться и насаждаться. С чувством ответственности родятся, или его просто нет.

Вавочке «очень не хватало» меня и Машеньки. Именно в нас двоих есть нечто дружественно уравнивающее все острые противоположности мнений и при «ярчайшем освещении вопросов с разных сторон никогда не бывало элементов, лично остро колющих» и т.д. Вавочка сказала еще очень приятные и радостные вещи о некоторых свойствах Машеньки и моих и, что, может быть, и на вечере этом несколько отозвалось, что было сразу несколько новеньких, и каркасной огнесольности не было («мед, огонь и соль собранья»).

Машенька и Томас Кристенсен в Христиании. Маша <нрзб> дома Христиании. Томас работает в редакции норвежской газеты. Вавочка недовольна, что у такой милой и прелестной Машеньки муж похож на «сахарную голову».

О динамике лица.

Есть лица предстоящие (Таня Лурье):

Сидящие (Аня Полиевктова, несмотря на лучезарную ее классическую итальянскую красоту блондинки);

Стоящие (в поле, в церкви), (Таня Галицкая);

Стоячие, как застывшая жидкость на тарелке или в пруду (Оля Ильинская);

Стремительно бегущие (Нина Бальмонт);

Мерцающие (Маша Полиевктова) и являющиеся, бодающиеся, нюхающие, говорящие, поющие, слушающие, уходящие и другие.

Эти определения пришли в голову Вавочке как раз во время прений, и она половину не слышала, что говорилось, вообще была как-то рассеяна. Я сказала, что люди разные сделаны, как

будто из разного материала: есть люди из дерева, из слоновой кости, воска, глины, чернозема, мрамора, резины, ваты, папье-маше, из бархата, шелка, из каши, жемчуга, золота и серебра, из снега, огня, воды, булыжника и т.д.

Мы с Вавочкой увлекались определением многих знакомых таким образом — определяли души людей цветом: синяя, красная, розовая, золотая, белая, черная, серая, пестрая, радужная, клетчатая и т.д. Есть и полосатые, и с крапинками, и цветочками, и с черными, кровавыми и сальными пятнами.

Людей можно определить и линиями — графически, и формой, и звуком, и художественными образами картин, стихов, мелодий и прочее.

Я рассказала, что это увлекало меня в гимназии, и мы опять увлеклись этой игрой. Так Вавочка и не вернулась больше к рассказу о собрании нашего кружка.

1 апреля

В Страстной четверг с Шурочкой и Филиппом Александровичем были в Храме Христа Спасителя, на чтении 12 Евангелий на разных языках. Это было красиво и великолепно как зрелище. Мы взяли с собой текст службы и следили по нему за богослужением. Каждое слово оживало. Никогда еще в жизни я не слышала так этих знакомых слов — беспреградно, всем существом. Как глубоко удивляют меня изыскания о том, был или не был Христос, как историческое лицо, и какого Он «естества» был. Если Его и не было, то его очень хорошо придумали и примечтали, значит, человечеству глубоко понадобился такой образ — величайший, высокого света, чистоты и славы. Я не знаю более прекрасного образа, человечество вложило в него (или узнало в нем) все лучшее в мире, на свете. Митра, митраизм⁷⁷ — одни и те же символы, что и в христианстве? Тем лучше, значит, эти символы нужны человечеству. Мне скучно и не нужно как-то слушать умствования об этом, обо всем было.

Не было. Если не было, все равно надо было бы придумать.

Страстная пятница. 5 часов утра. В Храме Христа Спасителя была с Шурой, Сашей, Елизаветой Михайловной и Вавоч-

кой. Сережа Предтеченский собрался и пошел было с нами, но с полдороги вдруг ушел от нас. Что-то он все нервничает.

Слушала феерически обставленные чтения о Христе и о душе христианской и поразительно поэтический и глубокий «Плач Богоматери». От глубины, красоты, правды образов ощутила весь мир — есть! И то, что вне мира — есть! Верую, Господи! Не помешала мне и феерия зрелища в храме. Дьякини, или кто там, вопили голосами невероятно и неправдоподобно. Зачем это? Ужасно мешали, читали бы просто и лучше бы слушали, что читают. Поразительная сила и красота образов.

Выходя из Храма, увидела утреннюю зарю и Москву, всю озаренную. Это поразило меня как чудесное явление. Посадила Вавочку на извозчика, чтобы она доехала домой спокойно. За ее санями всю дорогу почему-то бежала неоседланная очень красивая лошадь. Извозчик хотел отвести ее в милицию. Она взвилась на дыбы и «исчезла, как выдумка Гофмана». Вавочка испугалась ее.

У заутрени были в Храме Христа Спасителя над Москвой-рекой. Долго слушали колокольный звон и смотрели на освещенную Москву.

1 апреля <продолжение>

Вчера были чудесные сумерки. В кабинете Филиппа Александровича на диване у стены с картинами Константинова «Рай» — Шурочка, Елизавета Михайловна, Сережа Предтеченский и я. Говорили, как можно говорить только в сумерки: без лампы, особенными голосами, о метелях, о море, о волнах в поле, о религии, язычестве, о христианстве. Ждали ночи — идти в церковь. Елизавета Михайловна ушла. Телефон часто отзывал Шурочку. Сережа тихонечко сидел, не шевелился:

— В сумерках руки светятся. Слышите?

— Благовест?

— Да. А ведь и правда в сумерках руки светятся, я удивилась, когда Сережа указал на это.

Шура потом сказала, что он буркнул ей: «Запутался я, не разбираю».

Мне кажется, что он влюблен в Шуру. А может быть, вообще как-то задет и встревожен женственностью, молодостью (своей) – вообще, а не кем-то особенно (если так может быть).

Мне он как-то сказал:

– Смотрю, вы каждый раз другая. Прошлый раз вы были совсем другая. Как хорошо к вам идет ваше имя – Олечка. Именно О-леч-ка – это очень хорошо.

От Сережи я первый раз от постороннего лица услышала вопрос обо мне и Николае Григорьевиче, то есть он спросил о степени родства и оборвал вопрос на полуслове. Я сказала:

– Троюродный племянник мужа сестры моего отчима, но это неважно, Николай Григорьевич все равно, что моя рука, я его не отделяю от всего, что было в моем детстве.

4 апреля

Коля приехал на 4 дня. Очень рад мне. У Заутрени в Храме Христа Спасителя – я, Вавочка, все Добровы, и Володя, и Коля Митрофановы (родственники Добровых) – воронежские наши гимназисты. Володя, кажется, моложе на год-два моего старшего брата Николая.

В храме очень много народу, тесно, много солдатских шинелей, свечей. И где-то – недосыгаемое ни слуху, ни зрению – богослужение. Вдруг резкий серебряный, какой-то нездешний крик. Ни на что на свете не похоже, легкий, серебряный, вверх летящий крик. Женщины в платках все вдруг начали плакать, я с удивлением почувствовала, что и я едва удерживаюсь от слез, а Шура неожиданно резко сказала вполголоса:

– Ох, уж эти мне истерички!

Она сказала это о кликуше. Филипп Александрович объяснил мне, что это нервное заболевание.

Фейерверки, огни свечей, тепло и темно было. Звон колокольный. Долго, молча от красоты, смотрели на освещенный Кремль, на Москву-реку. Окаменевшие века, сказочная красота, огни, отраженные в реке. Несколько мгновений отменилось как-то время. Я вспомнила (почувствовала) все прошлые заутрени, вёсны, свежесть ночи, звоны, и не только те, что сама видела и жила, но и вообще – прежние, и даже будущие. Это

было очень большое и хорошее (космическое?) ощущение. Нет слов, чтобы рассказать о нем. Все есть, было и будет! Какая высь в душе просторная. Невыразимое ощущение неповторимости (вот, вот, вот!). Как бьется сердце эти мгновения, может быть, придется и потом видеть и слышать Москву на заре с этими же или с другими.

Странно, что в таком поместительном, большом, удобном доме Добровых всего только семь комнат (не считая двух комнат для прислуги и огромной кухни). В одном кабинете Филиппа Александровича могло бы поместиться четыре просторные комнаты. Надо непременно описать этот самый дорогой для меня дом в Москве. Их дом кажется мне очень московским домом — в Малом Левшинском, на Пречистенке. Я люблю все эти переулки и улицы — от Поварской до Остоженки. Эту часть Москвы, включая и бульвары: Пречистенский и Никитский, и Тверской до памятника Пушкину, против Страстного Девичьего монастыря, я знаю лучше, чем всю остальную Москву.

7 апреля

В Киев к Михаилу Владимировичу уезжает Вавочка. Уезжает на фронт Сережа Предтеченский. Уезжает Николай Григорьевич.

Сегодня ночью он был почти моим мужем. Ну, не так уж страшно, конечно, но он был очень рад мне. Ему стало нехорошо, я хотела помочь ему, успокоить, а он сказал, чтобы я ушла, а то ему очень плохо. А когда я хотела уйти, он сам же не отпускал.

— Коля, мне последнее время трудно с тобой и хочется спрятаться от тебя, чтобы ты спрятал меня от себя самого.

Он затих. Я рассказала ему о детских своих фантазиях, о нем и о мамочке, о том, что я жалею, что мама не была счастливой. Оба ее замужества ужасны, и мне так жаль, что вы оба недопоняли, что, может быть, вы любили друг друга.

— И твое теперешнее внимание ко мне — ты сам этого не понимаешь — это твое недовыплащенное отношение к маме, перекинулось на меня. И ты меня очень любил в детстве. А меня большую ты совсем не знаешь, я еще и сама не знаю себя. Но я не мама, и было бы только несчастье, если бы ты запутался вот в

этом моем «золотом руне», как ты называешь мои косы, и во всем таком.

Он задумался так глубоко, что и не заметил, как я ушла.

9 апреля

Шура Доброва. Трудно и тяжело, когда долго не видимся. Быть вместе — радостно, хорошо, надо. Растем в присутствии друг друга. И ничего друг от друга не ждем и не требуем. Я очень люблю Шурочку.

Вавочка (Варвара Григорьевна) — самый близкий мне человек, вне определений, вне возраста.

Николай Григорьевич — на особом положении. При близости, почти страшной, он совсем не знает меня. И все детство я пряталась внутренне от него, хотя он очень баловал и любил меня. Не хотела с ним говорить даже о книгах, которые он же прекрасно выбирал мне для чтения. И я не умею помнить и думать о нем. Я как-то уж очень привыкла к нему, как к какому-то аксессуару своего детства. «Это и ужасно» — как-то подумал он вслух, не давая себе отчета в своих словах.

Проводила Колю в Воронеж. Он попросил меня проводить его на вокзал, в вагон и чтобы никого больше не было. Он был очень растроган, трогателен и добр. Он все-таки готтентот.

— Я хочу, чтобы все твое было моим — и время, и мысли, и жизнь. Вот уеду и поймешь, что меня нет. Хочу, чтобы ты меня запомнила, Лисенок, на всю жизнь, и знаю, что никогда не будет этого.

— Забыть тебя и о тебе — все равно, что забыть о своем детстве.

— Да, да, не правда ли? Но тут он вспомнил какие-то строки из «Цыган»: «Кто сердцу юной девы скажет, люби одно, живи одним»⁷⁸.

Мне его жаль, и не только речь о фронте и скомканной войной его судьбе, а так просто жаль.

И я промолчала шутку — не шутку, а то, что подумалось в ответ на эту строчку стихов. Никто и не скажет, все равно без толку — люблю все на свете.

Шура о Сереже Предтеченском:

— Ох, уж эти мне дружеские отношения! И что за рок проклятый, всегда кончается одним и тем же!

Не спали ночью трое – Шурочка от сердцебиения, от невралгии, а Саша тихонько всю ночь что-то переставлял и двигался по всей комнате.

Говорят больше всего о Ленине в Петербурге, об охране, о грядущем наступлении, о письмах Лоллия Львова⁷⁹ в «Русских Ведомостях». Сережа сказал мне, что Ленин совсем не плохой, а самый лучший, «самый настоящий», как вы говорите Олечка.

О политике, о власти, об устройении жизни страны, но ясно даже и мне, что самодержавие, монархия уже дожила и только доживает. Но, наверно, стране очень трудно менять свою кожу, как бы она ни была умна, мудра. Во всех случаях и во все времена, мне кажется, что политика должна быть для людей, а не люди для политики. Хуже всего, когда умные и волевые люди начинают делать политику и тащить в свой рай, придуманный всегда более или менее хорошо и стройно в своих схемах, тащить за уши в свой рай огнем и мечом, не мытьем, так катаньем. Сережа заинтересовался и смеялся, немного удивлялся.

...На что христианство – уж лучше и выше учения и нет пока, а как окровавили, загромоздили, уполитиковали его люди. И кто же? Именно самые рьяные убежденцы, фанатики. Не так веришь, не так думаешь – иди на костер. Не сами на костер шли, чтобы спасти свою глупую душу, а насильно жгли людей живых, чтобы, видите ли, душу их спасти!

10 апреля

Устала. Нет ни желаний, ни воли – устала. Нет ни прошлого, ни будущего – только бы отдохнуть. Только Борюшка, брат, радуется своими письмами. Господи, не отнимай творческое его горение до самой его смерти.

Я с трудом (умом, памятью) заставляю себя знать, что близкие мои, по правде, наяву существуют. Все кажется призрачным. Странное неизъяснимое чувство недомогания, и как будто не мое собственное недомогание – всей моей страны. Может быть, так чувствует себя змея, когда приходит срок менять ей свою кожу? Говорят, змеи как-то ухитряются менять свою кожу (как чулок)? Как это странно и забавно, я видела сухую змеиную кожу, как

чехол, как чулок. Очень тонкий, суховатый, полупрозрачный с узором, сделанный как будто из мягкого целлулоида или слюды, только очень мягкой и эластичной – вроде шелка. Что это такое? Неужели же это всего-навсего просто невралгия и реакция после стихийного пожара впечатлений и всяких «революционных эмоций». Если это так, то это смешно и даже стыдно, так как я сама ничего же еще не сделала – ни для революции, ни для жизни. Сережа шутя как-то сказал, что я очень интуитивна и чутка и что при мне нельзя думать что-нибудь грубое и злое, ну и вообще на эту тему.

17 апреля

Боря, надеюсь, что ты никогда не будешь политиком? Ты слишком опьяняешься (теперь опьянен трезвостью) и совсем другой породы, не политической. Боря, ты прежде всего и во всем художник. Политиков «наития» терпеть не могу. От них только разбалывается голова и увеличивается сумбур и у меня – в представлениях о жизни, а может быть, и в жизни. До сих пор я видела и слышала людей, только опьяненных политикой (да и те все разговорщики, а не деятели), опьяненных, как спортом, азартом и всем тем, что опьяняет людей. А в политике, кроме всяких там интуиций и сердец, прежде всего, нужен ум, понимание, ориентация, воля и деятельность. Настоящие политические деятели где-нибудь на свете да есть же, должны быть, и может быть, их-то время как раз и приходит. Но я не видела, не знаю еще этой породы людей. Сережа? Он говорит немного, но даже и молчит умно. Интересно, если бы все пожелания и планы политиков были бы уже осуществлены, чтобы они делали? Может быть, в них большое место занимает сам процесс борьбы, суета борьбы, побед, всяких устроений и достижений. Ну, а потом что? Но мне лучше об этом не говорить, саму тошнит от бесполовости и непроходимой – охти, ох мне, бедной! – просто глупости. Вот моя Люда Дембовская – вот она политической породы человек. И голова на плечах, и сердце, и глаза человечьи. Безоглядная прямолинейность и жестокость, если ей что покажется «должным», «нужным», «полезным», «целесообразным».

23 апреля

В «Кружке Радости» прочла свой реферат «О молчании».

25 апреля

Рассеивает мою жизнь мое трехдомье. Считается, что я живу в теремке, в мезонине квартиры Бутовой. Вавочка, как коршун (чтобы не сказать — курица), сторожит, чтобы я обедала каждый день. И я почти всегда обедаю у нее. Она артистически сочиняет сама вкусные блюда и часто сама удивляется удачам, так как комбинации в них почти всегда фантастические и невероятные. И вообще стало необходимым нам видеться ежедневно. Когда не вижу ее дня два, как-то уходит из-под ног почва. Да и она ленится готовить для себя одной.

И еще — дом Добровых. Субботние ночевки обязательны и не отменены, но помимо них ночую и бываю часто.

Ах, бежит время, течет, а я веду прекрасные разговоры о прекрасном и не прекрасном! Что-то глубоко неверное в этом, а ведь так живут почти все, без исключения, мои знакомые.

Успенский переулок на Малой Дмитровке. Надежда Сергеевна Бутова. В мезонине над ее комнатами живу я. Дом — не дом, а целая усадьба Косаговских, старинная усадьба с садом, дворовыми каменными постройками, воротами, обширным двором, флигелями и отдельной дворницкой. Сад смешан с садом Страстного Девичьего монастыря. Крохотная прихожая со всем, что придумано на свете, чтобы удобнее раздеться, и все так удобно и красиво, что кажется, будто ничего лишнего и нет.

Большая комната переполнена (и все очень удобное и отменно красивое) мягкими, очень большими и удобными креслами, книгами мировых классиков, книгами по искусству, философии, монографиями художников. Много прекрасно сделанных репродукций (фотографий) изо всех на свете картинных галерей — больше всего итальянского ренессанса: Джиоконда, Данте и Беатриче, Галатя, — в красивых итальянских резных деревянных рамах. Кустарные очень красивые ковры, панно, скатерти, салфетки, паласы. Большое зеркало. Много кустарных вещей и вещиц, кресла, лампа, очень красивая посуда.

На всем печать хозяйки, и все вещи не случайные, а интимно связанные с ней и со всеми другими. Кругом много цветущих цветов в плосках и срезанных — в вазах. Во все времена года — сирень, ландыши, гиацинты, цикламены, нарциссы, желтофиоли, хризантемы, розы. Рядом — спальня чистейшая и вся беленькая, почти пустая, с кроватью, столиком и стулом. И еще, прямо из прихожей — проходная комната в кухню и дверь на лешенку, в две комнатки мезонина. В этой проходной — все, что требуется для туалета, умывания и одевания.

Наверху, в моем теремке, большое, почти во всю стену окно в сад, кровать, у окна стол и стул, корзинка с бельем. Книги на полках и на столе и накрытые простыней одежды на плечах и на вешалках на стене. На окне всегда цветы в кувшине.

Все жилище Надежды Сергеевны добротное, дорогое, изящно и удобно и как будто и просто той простотой, о которой много и обдуманно заботятся, так что она стала уже изысканной и почти уже оранжерейной. Тишина, даже и когда бывают гости, а гости всегда кажутся, а может быть, так и есть всегда — «самые лучшие друзья».

Очень чистенькая, нарядная, с белыми фартуками и наколкой на голове, незаметная, тихая, но очень ловкая горничная Катя. Даже дворовая мохнатая собака, огромный дворник в белейшем фартуке — все чисто-начисто, чинно и спокойно. Никаких венков и портретов в ролях, как всегда бывает в рассказах об актрисах и их комнатах, никакого «артистического беспорядка». Чистота и порядок почти монастырские, но на всем и во всем — печать человека артистического мира искусства, вкуса, творчества.

26 апреля

В религиозно-философском обществе доклад о. Павла Александровича Флоренского «Религиозное будущее в России»⁸⁰. Флоренский говорил о грядущем матриархате, о женственном начале духа русского народа, о неизбежной анархии, через которую неизбежно пройдет страна, о спасении через нее. Авось. Остроумно, с неслышанным мною в жизни блеском и изяществом мысли и ума, и шуточки (и очень серьезно), сказал об этом коротеньком кодексе народной мудрости.

Бердяев. О падении последнего священного царства⁸⁰, о разложении государства и церкви, об освобождении церкви от государства, которое и разложило ее. Расцвет плоти церкви в прошлом, расцвет духа — в будущем.

Господин в смокинге сзади меня прошипел своей даме:

— Говорит о церкви, как о стареющей женщине, да еще язык показывает — выходит недурно.

У Бердяева тик — высовывается язык, и приподнимаются высоко брови, и судорога лицевых мускулов делает как бы маску усмешки Трубецкой: «При разрушении царства мира сего — создается и расцветает строительство Дома Божьего духа, Точка опоры над землей. Вознесение Христа, Рождение Христа было, когда Римское владычество было уже изжито... Падение Рима — святой Августин. Татарщина — святой Сергей Радонежский. В 14 веке, когда рушилось государство, расцветает искусство зодчества и иконописи (Андрей Рублев). В моменты разрушения старого — зиждется новое... Говорил искренно, просто, сильно, хорошо. Поверила и ему самому, и тому, что он говорил.

О. Сергей Соловьев (племянник философа Владимира Соловьева, родственник Андрея Белого, родственник Александра Блока — все они двоюродные братья, не знаю, через кого, двоюродные и троюродные, кажется через бабушку). Сергей Соловьев — священник и поэт. В молодости очень символист.

Сергей Соловьев. «О монашестве, о послушании, об Афоне, о благообразии покойника в первый день...».

— Противновато, — прошипел опять смокинг сзади.

«...О расцвете и возрождении тела, как тела Адама до грехопадения».

Я не поняла ни его самого, ни того, что он сказал, и вероятно, от моего непонимания мне и был неприятен его какой-то очень уж церковный тон и лексикон. Он говорил «не своим голосом», а от церкви как будто, может быть, он молод для этого тона. Очи его (правда, красивые) все время — горé. На люстру все время смотрели его очи, аки на Афонское некое сияние. Дамы в креслах и на стульях вдруг все стали, как ковыль в степи под ветром. Ну, это я напрасно сержусь, он тут и ни при чем. Дамы кого угодно могут скомпрометировать своим вниманием. Они мне помешали выслушать его, я рассердилась на это, а попало ему.

Андрей Белый «Дух и плоть. Абстракцию и материю. Все разделяют. А абстракции нет и материи нет. Есть одно — конкретная мысль, она-то и должна возродиться. Возродиться, возродиться должна!» И не сел, а как бы провалился в люк, так вдруг сел на свой стул. Я не позволила себе открыть рот, но сумела, почти не оборачиваясь, взглянуть на шипящий смокинг. А смокинг-то и не шипел, удивился и не успел даже прошипеть.

Мне показалось, что Андрей Белый недовспомнил, о чем и что хотел сказать, оборвал на полувскрике. К крайнему своему неудовольствию, я вдруг вспомнила кликушу в церкви у заутрени. Но у той ее вскрики были как бы из глубины веков — народное, женское, человеческое, бабье горе, а этот — не знаю. Может быть, ассоциация с его «Серебряным голубем»⁸², с летающими движениями его рук, локтей, головы, плеч, чуть ли не ног — во время речи. Двигался он чрезвычайно и выразительнее, чем говорил. Не заметила, во что он был одет, но впечатление осталось, что во фраке каком-нибудь. Черное и белое, вполне корректное, но странно острое, взметающееся, как зигзаги и хвостики со всех сторон, треугольные какие-то изломы и взлеты, немного рассыпавшиеся и беспокойные, вроде футуристских сломанностей Пикассо.

Булгаков об анархии и женственности. Очень учен, а до самого себя не добрался. Цитатами засугробился и так и не выгребся из них, а цитаты все умные, все кстати, и интересные, и из Вл<адимира> Соловьева, и из Достоевского, и из Блока, и из Белого, и из еще кого-то. А о женственности говорил не о той, что Флоренский, а какой-то другой. И все, что он говорил, говорил мимо темы, около и вокруг того, о чем хотел, да так и не сказал — не вывезла кривая!

И уж совсем нелепый один и совсем лохматый и как-то набок дергающийся высоким отрывистым голосом напровыкликивал со странными паузами, остановками и промежуточными какими-то звуками в речи (не знаю его имени): «Вот нас все играют. Но страшен сон, да милостив Бог. Пока совершаются таинства, благоухают мощи и горят лампы — все благополучно. Ничего нет страшного, чтобы ни было, хоть потоп. Вспомнил я слова хлыста (какого-то не помню) — не сшил Бог человека: дух и плоть — два этажа, а лестницы меж ними нет». И уже совсем что-то забормотал. Его терпеливо дослушали, и никто не отозвался.

Богородский: «Любите, друг друга...» И тут как-то потом разыграл фугу с вариациями на эту тему – искусно и затейно, радуясь, что складно выходит узор. И своим искусством говорения совсем загромоздил эту чудесную, ясную суть слова и дар самого Христа.

Француз, очень плохо по-русски говоривший, симпатичный толстяк, очень представительный. «Мужичок постоит за себя – говорит вам Достоевский. – Не надо анархии! Зачем, почему радуетесь анархии? Идите в народ. Вы ему нужны. А то он без вас обойдется. О, я не хочу обидеть почтенное собрание. Я только хотел сказать – зачем радуетесь анархии? Не надо анархии! Нигде тогда и собираться нельзя, как здесь. Анархия – не хорошо. Плёхо!». И рассказал «русский миф» из Сибири о мальчишке, превращавшемся в веревку, в топор, в розу, при попытках крестить его. Окрестили розу. В купель. Окрестили. Новорожденный опять стал маль-шик. И сказал: хорошо, что окрестили розу. Будет радость, все образуется, всякая беда, измена, кровь, и будет радость – новая жизнь.

Со мной сидел художник Константинов с золотой копной волос и большой золотой бородой. Я едва удержала его от гневной вспышки. Он очень сердился весь вечер – рычал и просто бранился на всех говорящих (кроме Трубецкого и Флоренского).

– Разве Вы не видите, Олечка, что они все с ума сошли, о чем и что они говорят? И до каких пор будут разглагольствовать, говоруны проклятые. Если бы я не сидел рядом с вами, я бы им задал – разругался бы истошно, ах, говоруны заумные!

30 апреля. Москва – Воронеж

О. Бессарабова – А.П. Соловкиной

Вчера писала тебе, мамочка, сумбурно.

Сейчас утро, 11 часов.

Весь мой теремок напоен солнцем и колокольным звоном Девичьего Страстного монастыря. А солнце – в окно, а окно во всю стену – в сад. Сад за окном «в предчувствии зеленого» – все деревья и ветки их уже не зимнего цвета, а особенного весеннего. Солнце заливает все.

Иду сейчас со всем домом Добровых и с очень многими знакомыми (несколько лож и много отдельных кресел — все со знакомыми) на симфонический концерт с Рахманиновым⁸³. Концерт устроен для «народа». Будет «Поэма экстаза» Скрябина. Рядом с нашей ложей будут ложи Бальмонта, Зайцевых. В концерте будут участвовать (своими стихами) и Бальмонт, и Андрей Белый, и будет петь певица Кошиц⁸⁴ и многие другие.

Мы — я и Шурочка — не захотели сидеть в ложе со всеми и сели в креслах подальше от знакомых. Рахманинов опоздал, его долго ждали, он приехал откуда-то из другого города. А когда его ждали, были разные очень хорошие выступления, и много пела Кошиц. И все-таки все ждали Рахманинова. Жаль, что некогда сейчас записать о концерте.

Не знаю, какого «народа» я ждала на этом концерте, а увидела всю ту же, обычную и такую знакомую концертную, вернисажную, лекционную и театральную публику. Много и незнакомых людей, но многих я узнала в лицо, все-таки поразительно тонок слой этой (может быть, очень отобранной) публики. На улице их редко, почти никогда, не видишь, а как хороший концерт или премьера — вот они все и налицо, вот они и тут как тут.

Острые этих дней — «Война до победного конца» и «Долой войну». Я категорически не могу разобраться в этих двух антиподах. Знаю лично людей вполне культурных и умных, готовых подраться, поругаться, вцепиться в горло друг другу, так они страстно убеждены в этих крайних противоположностях. И я в ужасе от того, что я по очереди соглашаюсь то с той, то с другой правдой, особенно когда говорильщики умны, красноречивы и искренни, а теперь, как нарочно, много таких, и все разные. Довольно, довольно с меня всех этих стихийных эмоций! Я хочу знать наверно! Вот Люда сумела бы мне все рассказать. Политически я вполне безграмотна, и это приводит меня в отчаяние. Одним чувством, что война — ужас и что ее не должно быть, ничего не устроишь ни в голове, ни в жизни, ни в мире. Настоящих политиков, для которых теперешнее время — вопрос жизни и смерти и дело всей их жизни — прошлой, настоящей и будущей, я чту, уважаю и жалею. Но мне важнее, каковы эти сами люди, а к

какой они партии принадлежат, мне, почему-то, всегда кажется несущественным. Если бы Люда Дембовская перестала быть коммунисткой, хотя представить себе этого невозможно, я все равно верила бы ей самой. А есть такие — как будто во всем и правы, а хочется поскорей прогнать их и от народа, и от дела.

Я перестала выносить разглагольствующих, даже и очень умно. От них может быть больше вреда, чем от таких даже, как я, я хоть мешать не буду тем, кто будет что-то нужное делать.

Как-то я случайно попала в огромную толпу, под сень знамен с лозунгами: «Долой Временное правительство», «Долой милюковщину», «Долой войну» и другие. Мне было не до знамен, я была захвачена лицами, голосами этих людей. Множество рабочих с крепкими грубо сколоченными лицами, с резкими ртами и подбородками, с длинными руками, хриплыми голосами говорили и требовали разные вещи, хотя и были по виду одинаковые, то есть похожие все друг на друга чем-то, очень их объединяющим (труд? тяжелый физический труд?). Наверно, такими «одинаковыми» кажемся мы, европейцы, — китайцам, а нам все китайцы более или менее похожи «на китайцев». Вот, что я слышала в этой толпе — яростно, страстно, во весь голос: «Долой Совет Рабочих Депутатов! Он куплен!», «Да здравствует Совет Рабочих Депутатов! Подкупленных уберем, а Милюков всех сам продаст! Долой Милюкова!»⁸⁵, «Если изменим Временному правительству, обесчестим себя и Россию перед всем миром!», «Мир не лыком шит, разберет кто прав, а кто бесчестный!». Были и женщины иступленные, страшные, смешные, кричали, визжали и то целовались с ненастоящими дамами, то вопили: «Долой буржуазию! Долой шляпы!». Но потом совсем смолкли голоса за Временное правительство, и толпа увеличилась, сплотилась и как-то стала дружнее, стройнее и грознее. Я ничего ни у кого не спрашивала. Я растворилась и как бы впитала в себя эту толпу и поверила, и решила для себя окончательно: все так и надо, все переварится, перебродит, все образуется. Внимательно всмотрелась в лица. Не-ет! Неправильно была устроена жизнь, если могла сформировать такие лбы, уши, скулы, руки, спины и ноги. Некоторые были похожи на части машин, а глаза-то у них человеческие. Так пусть же они и устраивают жизнь по-своему и пусть добьются всего, что по правде нужно всем на свете! Пусть

они ошибаются, и будут делать промахи, но пусть они сами строят свою и вообще человеческую жизнь. И с ними, а не против них, будут те люди из культурного слоя, каких вырастила моя страна и народ наш, как на перегное, ценные, «хорошие» цветы, деревья, растения. И те, кто поможет им, вот таким рабочим и их поколениям вырасти в людей — настоящие хорошие люди. Право строить свою жизнь — право народа, а не тонкого слоя малой горсти, не той стайки, что слушает стихи, музыку и смотрит на вернисажах и в музеях прекрасные вещи и говорит о прекрасном. Интересно, будет ли в жизни когда-нибудь, чтобы все, что дает лучшего человечество, было доступно народу, всему народу, ну, большей части народа, а не до смешного маленькой его горсточки.

Да. Но количество — это еще не качество. И может ли количество переходить в качество?

Не знаю, возможно, ли устроить, чтобы был свободный выбор народа? Может быть, при всех режимах правит всегда все-таки та или иная группа, отобранная группа людей, которые должны родиться, чтобы быть вождями и правителями или пройти какие-то очень суровые пути — колбы и реторты жизни... Не знаю, как рассказать. Но правителем не только надо и можно «сделаться», но и родиться им — в семье ли пастуха или в порфире — это уже несущественно.

Я пробывала в этой толпе часа два или больше. Попала в нее случайно, проходя мимо по Тверской, мимо бывшего дома губернатора, что против памятника Скобелеву. Запомнила их лица, голоса, движения, хотела понять их, почувствовать их жизнь. И странное головокружительное было ощущение, что вот эти люди, большая часть из них вряд ли даже грамотные, а многие, как гротески (отштампованные трудом и нуждой), что они и есть настоящие люди, гротески — это только преходящая форма, из которой можно быстро вырасти. И вот они что-то там свое понимают во всех этих делах (о рабочих каких-то там часах, правах и о многом другом), а я как с луны свалилась.

И еще слишком живо во мне было впечатление от вида рядной концертной толпы, которую я и Шура видели какими-то «заново открытыми глазами» — вот как я сегодня смотрела на

эту толпу. И как много грустного, как много мы увидели такого, чему мы совсем не были рады! Особенно мужчины! И как ни странно, именно наиболее вымытые и солидные и были «не такие?».

Я просила Шурочку и сама все смотрела, где «люди настоящие», она показывала мне, а я — ей, мы делали это не грубо, а очень осторожно и сдержано. И отбирали и я, и она, конечно, не по внешней красоте и красивости, а очень-очень внимательно и строго. И я была рада и поражена, как много мы увидели «настоящих людей» (и среди старших, и взрослых, и среди молодежи), и очень много красивых и с хорошенькими лицами и глазами — красивые люди, московские люди, русские люди и много и нерусских, но московские все люди.

Но как же неправильна жизнь, что вот тут же, в этой же Москве, оказывается гораздо больше, чем этих отобранных элов, гораздо больше совсем непохожих на элов — тоже люди! Может быть, более люди, чем так понравившиеся мне привлекательные хорошенькие девушки и женщины — цветы, бабочки, пчелки, а иногда и зеленые шпанские, а то, может быть, и просто навозные, далеко не безвредные, мухи и моль, и прожорливые стрекозы (крылья у них, что и говорить — красивые), жуки, трутни, шмели и всяких пород добродушные, милые, домашние животные и люди, папаши и мамыши. Среди них и крупные и мелкие хищники, отполированные драгоценные и бутафорские камни и вещички декоративные.

Когда я на работе (во Всероссийском Земском Союзе, в отделе Архива и Библиотеки) рассказала обо всем этом Лоллию Ивановичу Львову, он заинтересовался и заискрился, слушая. Сказал, что я очень интересно рассказываю — образно и талантливо. И сказал мне серьезно, что, стоя в этой толпе более двух часов, я участвовала в демонстрации (кого-то против кого-то) — это я уже не запомнила и сразу соскучилась.

— Хотят, чтобы не было Временного правительства: — он.

— Хотят настоящего? Ну и пусть будет не временное, а настоящее, какое нужно правительство.

— Так-то так. Да какое правительство «настоящее?» Вот в чем вопрос.

— А пусть вот эти самые люди и устроят, и выберут, и дадут, и позовут сами тех, кому они доверяют, у кого больше воли,

ума, силы и справедливости. Много будут ошибаться и много портить? Что же делать, если предыдущие поколения не сумели устроить жизнь.

Лоллий Иванович смеялся, что я большевичка. Я попросила его рассказать про большевиков, он рассказал.

— А можно спросить у вас: вы кто, если говорить по партийной классификации, или как это?

— Я — кадет.

— Теперь расскажите про кадетство (он рассказал).

— Жаль.

— Что жаль? Что я — кадет?

— Нет, вы очень хороший кадет, даже слишком хороший. Я жалею, что тут же или где-нибудь и не сейчас, а среди знакомых нет у меня такого же умного, грамотного, то есть я хотела сказать, культурного, да еще такого же обаятельного большевика. Ведь вы хоть и говорили «объективно», но говорили о кадетах и о кадетстве как кадет, хотя вы и Лоллий Иванович, а о большевиках и о большевизме я хотела бы услышать с их точки зрения.

Он назвал было мне какие-то книги.

— О, нет, я не хочу читать, мне трудно, не хочется, скучно читать, я еще не умею сама думать об этих вещах. Может быть, если бы я выслушала хорошего, такого же хорошего большевика, как вы — кадет, может быть, я и выбрала бы ту или другую правду. Ах, не нравится мне все это, уж очень далеко от жизни выросли все мои знакомые девушки, мои подруги, друзья, сама я — девушка из народа, но живу в стране элоев, не совсем людей — морлоков не знаю, а людей мало знаю. Элои?

Лоллий Иванович задумался:

— Это суровая оценка, но есть и люди здесь, Ольга Александровна. Замечательные люди.

— И вы элой, Лоллий Иванович. Вас я даже побоялась бы увидеть среди этой толпы с плакатами «Долой войну».

— Почему?

— Даже вопроса быть не может, почему — это ясно и верно.

— А вы не боялись?

— Нет, я даже не подумала, что они меня заметили — я просто девушка.

Тезисы моего реферата «О молчании» в «Кружке Радости»:

Царство Молчания Эдгара По;
 Молчание Метерлинка;
 Молчание Леонида Андреева;
 Моя сказка о Молчании;
 Молчание — промежуток, небытие, остановка;
 Жизнь побеждает Молчание;
 В жизни безмолвствует все, что перенасыщено жизнью;
 Экстаз радости, горя, скорби в зените своем — молчит;
 Молчание лечит, успокаивает, возрождает, творит, живет;
 Если бы убить Молчание — жизнь стала бы невыносима;
 Молчание — лучшая страна для счастливых и единственная —
 для скорбных, разбитых, усталых, поверженных;
 О высоте взлета и глубине падения;
 Понятие о высоком и прекрасном, о низком, подлом;
 А где царство Молчания? И там и здесь — потому что зенит и
 глубина Молчания в двух началах: в Добре и в Зле⁸⁶.

Доклад мой вышел живой, по живости участия всех, кто был, видно было, что все темы, затронутые мной «дошли» до всех и всколыхнули в каждой их мысли, воспоминания и ощущения, и представления. Жаль, что тогда я не успела записать тот вечер. Теперь не хочу писать издали, чтобы не спутать и не ошибиться. Мне удалось втянуть в воспоминания о Молчании, важном и значительном в жизни, и почти все рассказали интересные моменты.

Итог вечера: Да, все самое важное, самое главное — в Молчании: и творческие процессы, и зарождения идеи, и все дела, и все явления жизни.

А помните, как замечательно заканчивается драма Пушкина «Борис Годунов» — когда на площади объявляют народу о смерти Годуновых и о воцарении Дмитрия?

«Народ безмолвствует».

1 мая. Москва — Воронеж

О. Бессарабова — Б. Бессарабову

Вчера была в цирке на симфоническом концерте «для народа» с участием Рахманинова и ряда самых крупных звезд арти-

стической и поэтической Москвы. Весь цирк был заполнен буржуазнейшей публикой. С «Поэмы экстаза» Скрябина галерка понемногу, тихо, но довольно быстро ушла. В общем, затея «народного концерта», то есть «концерта для народа», не удалась. «Поэма экстаза» мне показалась трудной, в ней или совсем нет солнца, или слишком его много, то есть для земли она многопланетна. После этой поэмы чувствовала себя совсем разбитой. А обычно музыка окрыляет.

Дома у Добровых с Филиппом Александровичем в Шурину комнату бурно ворвалась другая «поэма экстаза» – политика. Но эту штуку я и совсем не люблю. Поволновались, покричали, устали еще больше. Шурочка, «чтобы очистить комнату от политики», ухватилась было за стихи, но случайно наткнулась опять на какие-то экстатические – у Андрея Белого и у Брюсова еще больше.

Рассмеялись. Решили, что на сегодня довольно экстазов. И рано легли спать.

Дом Добровых кажется мне прекрасным, волшебным резонатором, в котором не только отзываются, но и живут:

Музыка – самая хорошая (Бетховен, Глюк, Бах, Моцарт, Лист, Берлиоз, Шопен, Григ, Вагнер). Русские и иностранные, разные, но все хорошо выбранные вкусы играющих и слушающих.

Стихи на всех языках, всех веков и народов, и конечно же лучшие, самые драгоценные, а плохим в этот дом и хода, и дороги, и углей нет. События. Мысли. Книги. Отзвуки на все, что бывает в мире, в жизни.

Жаль, что не умею, вряд ли сумею рассказать, как хотела бы и как было бы очень нужно, рассказать о добровском доме и о прекрасных его обитателях и хоть о некоторых его гостях.

Добровский дом – Москва! Сережа Предтеченский говорил: «Нет, не Москва, а оазис в Москве. Да и весь круг ваших знакомых».

4 мая. Москва – Воронеж

В.Г. Мирович – А.П. Соловкиной

Родная моя, вернувшись из санатория, куда ездила на четыре дня навестить Таню Лурье, а кстати, и передохнуть от всего мос-

ковского, я застала дома Вашу открыточку, а Лисик принес мне и Ваше большое письмо. Примите за них удвоенную благодарность. Я истосковалась без вестей за это время — Бог знает, что приходило в голову: Николая нашего нет в живых, матери тоже, а Вы не решаетесь об этом сразу сообщить и т.д. Вы спрашиваете, нужно ли прислать и что именно. В Москве самый тягостный из недостатков питания — это, конечно, отсутствие хлеба, муки пшеничной. Нет также ни гречневой крупы, ни пшена, ни масла. Часто нет молока. Часто ни за какие деньги нет мяса. Многие уже задумали переезд в места более или менее отдаленные (те, конечно, кто может по условиям денежным и служебным). Бегут на Урал, на Кавказ, в Самарканд, в Сибирь, в Японию даже. Я, как видите, уезжать пока не имею решимости, голод мне менее страшен, чем вагонная давка. Если достану плацкартный международный билет на этой, на той недели или еще на дальнейшей — сейчас же выеду. Если достану — в Воронеж. Не достану на Воронеж, буду доставать на Киев. Мои переводческие дела уже определились, месяца на три я могу уехать из Москвы. Город же начал меня удручать немилосердно — и грохот его, и телефоны, и пыль, и суета, и голодовка, и разговоры, и паника.

Жаль мне будет очень расстаться с Лисом. За этот год окрепла наша древняя связь с ней, мне странно представить свой обиход без ее глаз, голоса, вопроса и без моего вмешательства во все, что с ней творится. Когда я приехала сегодня после пяти дней разлуки, Лис встретил меня радостными слезами, милый. И я ощущаю мою комнату, когда она здесь, не жильем старого холостяка, а какой-то маминой спальней, где мамой поочередно бывает то Лис, то я.

За последнее время Лис окреп духом, отстоялся от всего, что нанеслось бурей событий на всех нас, стал ровнее, старше, увереннее. По службе ей дали ответственные дела, и она этим гордится. Службу свою она любит, там хорошие люди большой интеллигентности и к ней хорошо и серьезно относятся.

Дорогая моя, по Вашему письму к Лисику, вижу, что колесница истории порядком придавила и Ваш дух. «Да не смущается сердце Ваше и да не устрашается»⁸⁷. Все граждане переживают сейчас невроз — хорошо, если отупение, многие — почти отчаяние. О Вас не сомневаюсь, что Вы с Вашей живою душой,

жизненную богатой натурой, до глубочайшей старости сумеете сохранить нужную для жизни стойкость и упругость. И после упадка Вас всегда будет ожидать подъем до последнего перевала — он же высшая точка подъема.

Обнимаю Вас крепко. Снесите при случае мой привет тому берегу. Мамочке скажите, что ей буду завтра — послезавтра писать. Все это время, вернее весь этот год, я пишу маме, вообще в Воронеж, не менее трех раз в неделю. Письма, по-видимому, пропадают. Меня больно встревожило то, что пишете о возврате денег, посланных матерью Насте. Завтра же наведу справки и немедленно напишу маме.

О Лисике можно не тревожиться за хлеб насущный. Союз последний начнет голодать. И своих голодающих сумеет эвакуировать в провинцию, в случае чего. Затем — Добровы на лето остаются в городе, так что она не будет без уюта и призора сердечного.

5 мая. Москва — Воронеж

О. Бессарабова — А.П. Соловкиной

Было сегодня последнее собрание «Кружка Радости» (до зимы следующего года — весной и на лето все разъедутся). Подводили итоги прошедшего года, наметили темы рефератов на лето. Намечена форма, колея жизни «Кружка» на будущий год, когда члены его съедутся в Москву со всех сторон. Но большая часть вечера ушла на анархизм, который мне вздумалось взять под свое покровительство. Не скромно? Авось обойдется, анархизму до меня никакого дела нет — не обидится! Анархиста чуть не растерзали, но подружились с ним больше, чем за весь год на все благоразумные темы.

За чаем и дорогой в тихих переулках и по Поварской расшались, хотелось бегать. Мы и побегали по Поварской. Вавочка удивилась — как быстро и легко мы все умеем бегать. В переулочке встретили разносчика с белыми гипсовыми домиками с цветными окошечками из папиросной бумаги, со свечками внутри, очень нарядные, наивные и веселые домики. Их хорошо ставить под елку на Рождество, как было у нас с Вавочкой подделкой. Я, Вавочка, Нина Бальмонт, Аня Полиевктова и еще

две девочки купили у старика домики, он был рад, доволен, сказал: «Ах вы, пташечки мои милые, налетели, вот и отпустили старика».

Вчера я видела Стаалья⁸⁸, бывшего политического эмигранта, он теперь вернулся в Россию. Очень интересный человек, лобастый с коротким носом, рыжеватый, очень корректно одетый. Он жил в Лондоне, бывал подолгу и в Париже, и в Италии, и «по всем Европам, черт бы их взял, соскучился о России». Теперь он Прокурор Судебной Палаты – это важное и ответственное дело, кажется, самое главное в юридическом мире. Прокурорство его ему очень некстати, оно «прихлопнуло его здесь, как муху» и равносильно его разорению. «Погиб» он «во цвете лет и ума, как женщина, у которой закружилась головка от прекрасных глаз Керенского»⁸⁹. «Каюсь, я был невменяем».

Все, что говорил Стааль, и даже не то, что говорит, а как говорит даже грубоватые выражения – сверкающе блестит от злости, ума и какого-то внутреннего фейерверка, таланта, умения сказать, он, вероятно, от природы актер, и его адвокатские выступления, вероятно, как симфонические концерты слушаются. Стааль жаловался, что он попался как мальчишка.

– На Керенского чуть не молятся истерички или народ, я еще и разобрать не успел, черт разберет все это в вашей России. Были случаи (сам видел!), когда Керенскому целовали руки дамы, мужчины, все, кто стоял близко.

– И ты? – вскипел было Филипп Александрович.

– Нет, до этого я еще не дошел. Но видел своими глазами. Он очень истощен и слаб. За его жизнь бояться. От душевных рукопожатий на фронте у него что-то вроде паралича руки, и остроумный доктор его сделал ему повязку, чтобы уберечь от рукопожатий. Голова, может быть, у него и не отвалится на ответы на приветствия.

В цирке Чинезелли⁹⁰ на первомайском митинге после его речи было такое полоумие:

– Черт бы всех побрал! В хорошем смысле, – быстро поклонившись в сторону дам, сказал Стааль, как бы извиняясь за резкость. – Да, надо было как-нибудь разрядить атмосферу.

– Граждане, споем «Марсельезу», – сказал Керенский и, увлекаясь, начал дирижировать левой рукой. Параличную благо-

разумно держал в повязке. После «Марсельезы» весь цирк был уже совсем невменяем, в полном исступлении. Керенский вошел в свою ложу и, как барышня, — в обморок! У него туберкулез, одной почки нет, в другой нефрит живет, как в огне — весь горит. И сам горит, и других зажигает. Надолго ли его хватит? От обморока Керенского поднялся страшный переполох, и когда его привели в сознание, Стааль сказал ему, что от одних ухаживаний можно уходить на тот свет.

— А вы возьмите прокурорство, мне это очень нужно, — сказал Керенский томно.

— Тут я и погиб. Ахнуть не успел, а тот уже благодарит. Ахнуть не успел, а на него медведь надел. А теперь вот и огрызаюсь, как собака — рыжий пес!

Стааль много рассказывал за обедом о Франции, об Италии, об Англии. Об отношении к войне в этих странах. Во Франции в каждой семье война — личное дело. Один французский корпус — почище нашей «дикой дивизии». Корпус этот не оставляет раненых немцев и, когда кто-нибудь из него попадает к немцам, — стреляется сам. Корпус этот был сформирован в каком-то маленьком французском городке (там так принято). Городок этот потом заняли немцы и выбросили корпусу плакат: «Corps de coquille» (корпус рогоносцев). Можно себе представить, что было с французами. И во все продолжение войны, как только этот корпус принимал участие в сражениях, немцы всегда выбрасывали перед ним плакаты: «Корпус рогоносцев».

Керенский — изумительный оратор. Он так владеет толпой, и чем больше толпа, тем лучше. Один легкий жест руки, и мгновенная глубокая тишина. С первого же мгновения приковывает к себе внимание всех, он может говорить без голоса, шепотом, почти беззвучно и все всё слышат.

За обедом высокая красивая жена Стааля⁹¹ (на серовском портрете она не похожа и груба, а наяву она царственна, стройна и красива спокойной пластической красотой головы, лица, шеи, всей фигурой) сказала двум своим детям, очень здоровым, румяным подросткам — дочери и сыну: «Спойте эту песенку английскую, и что-то буркнула по-английски». Оба они ели что-то, и, не положив ложек на стол, в ту же секунду, как две куклы, открыли яркие ротки (с великолепными зубами) и, ничуть не сму-

щаясь, звонко, ладно и очень весело пропели песенку в три куплета, без улыбки, без смущения, как от мухи отмахнулись, а после песни враз преспокойно доели вкусное блюдо (сладкое что-то, я забыла). Это было очень забавно и мило. Ни мать, ни отец не улыбнулись, дети тоже. Девочка белокурая, темноглазая, очень хорошенькая, мальчик голубоглазый красавец. Какие-то совершенно картинные дети. Они с матерью успели осмотреть всю старинную Москву, Кремль и наперебой рассказывали, какие стили, века и зодчие отразились там и здесь.

У девочки в Лондоне в ее «комнате» остался рояль из розового дерева, сверхъестественная какая-то мебель и прочее, девочке едва 12–13 лет.

Вряд ли эта семья останется в России, мать, кажется, уже решила «поскорее увезти детей отсюда» и «вытащить отсюда мужа». Она молчалива, умна, приветлива.

Говорят в Москве с гордостью и любовью о черноморцах «Коалиционное министерство — последняя ставка». Нервы напряжены у людей запредельно. Все, кого я вижу, как с ободранной кожей. Трудно. Идут, приходят, уже пришли огромные, невообразимые по величине и глубине сдвиги в жизни страны. Масштабы — неизмеримы и невообразимы. «Мы просто и откровенно еще не понимаем, что мы, спящие, проснулись через тысячу лет уже в совсем другом мире» (Филипп Александрович). Как будут потом вспоминаться эти окрыленные надеждой фантастические дни? Когда все, что было, уже отошло, а все, что будет, еще не пришло? Каждый день — огонь, солнце, потом что идет за ними? Образовываются новые горы, затопляются материки, зацветают пустыни и пустеют города и страны, казавшиеся незыблемыми навеки. Теперь уже нет тех, кого винили и кого называли «они». Теперь и хорошее, и плохое — свое, народное. Как-то справится народ?

«Все еще только начинается».

15 мая

Головин Монастырь. Овальный пруд... Весну увидела первый раз за эти два года. Устала от воздуха и золотого неяркого солнца после часа в лесу. Тихонько дошла до кельи монастыр-

ской гостиницы и часа два без движения тихо лежала. Устала от воздуха. А сейчас и не верю, что есть усталость на свете. В такой-то денек? Не может быть! Как хорошо и глубоко отдохнула я за эти два часа!

Долго ходили с Вавочкой по лесу. Взяли у леса несколько веток с сережками и почками. Ветка с тяжелыми зелеными гроздьями сережек, как литая. Избыток силы, права на жизнь. А поправившись мне своей красотой, и избытком, и полнотой жизни, — умерла? Ведь я ее отломил от дерева. Вавочка сказала сейчас, когда я писала о ветке, неподалеку от нее, на бревне.

— Сорвать ветку с дерева не страшно, а цветы рвать не люблю. Дерево не гибнет без ветки, это все равно как человек дарит час общения.

— Как улыбку?

— Да.

В овальном пруду опрокинутое небо и деревья, береза живет там со всем солнцем на листочках. И мы, и все на своих планетах вверх ногами, головой в бездну, вниз. Если на землю смотреть со стороны, как на мячик, подброшенный вверх.

Корни деревьев — ноги наши, нижние слои гор — фундаменты домов, на земле, внизу прикреплены, держатся за землю, а вершинами, головами — нигде, в бездне голубой.

А-ах, хорошо как! И не испугалась.

Из первоцветов и совсем золотых пятилистных цветов сделала венок. Теперь поняла, что желтый, золотой цвет, свет — радость. Пишу сейчас, и сбоку, над глазами желтые, золотые, от солнца светящиеся, просвечивающиеся, прозрачные цветы, и оттого так все и хорошо на свете.

Три дня тому назад была последняя пригоршня зимы, ведьмы злой. Буря, метель. Сломлено множество огромных деревьев. Вот сейчас сижу на березе — буреломе. Была она высокая до неба, старая, нарядная, полная жизни. А теперь — длинная-длинная, и скоро умрет.

Сейчас пойдем в парк, побудем там часа три, на паровичке, в Москву, домой.

Через парк ехали вчера вечером, большие пруды, широкие прямые аллеи. Здесь и там остатки грота, ваз, лестниц. Петровско-Разумовская Академия, целое царство.

Дворец, здание полукругом, аллеи от лестниц под окнами. Недалеко Головин монастырь, сам по себе не интересный. Выбрали его для прогулки потому, что ближе других загородов, и ночевать в нем и опрятно и недорого.

Архивариус Лоллий (какое андерсеновское и гофмановское звание, да и имя его тоже) ездил в Петербург на кадетский съезд, что-то там соображать и обсуждать, и решать о чем-то аграрном. Ездил и Дмитрий Иванович Шаховской⁹², отец Натальи Дмитриевны. Их поезд почему-то остановился в дороге, недалеко от железнодорожного моста. Мост над рекой. У реки леса, небо лесное, месяц. И соловьи, целые потоки соловьев.

«Мы были поражены и изумлены, что все это еще есть... Как ушли мы все от всего этого, О, Господи».

23 мая. Москва – Воронеж

О. Бессарабова – А.П. Соловкиной

Мамочка, чудесный денек сегодня. Голубое, белое, золотое все. И я в белом батистовом платье с розовыми крупными горохами, они очень бледно-розовые и величиной с медный пятак. Платье с очень широкими двумя оборками на юбке и с очень большим красивым белым воротником, завязанным на груди, как косынка. Платье прекрасно сшитое, похоже на старинное, и очень красивое на мне.

Два дня Троицы прошли головокружительно. Шура и Саша Добровы, Володя Митрофанов⁹³, Полина Дунаевская (очень красивая женщина, подруга Шуры) и ее сестра, хорошенькая и очень яркая Роза Волга, ходили на уличные митинги, в цирк на митинг врачей, беженцев из плена. Были два раза в толпе, где собирали драгоценности, и деньги на какой-то заем в распоряжении Временного правительства. Сборщики хохотали, как сумасшедшие. Шура клянется, что это самые остроумные жулики. Филипп Александрович:

– Да, что-то очень уж по минински-пожарски.

Ходили, слушали, спрашивали, отвечали, возражали. Одного прогнали за то, что большевик. И напрасно, у него хорошее лицо, но очень уж молод – видно, что гимназист. Я вдруг невероятно вскипела:

– Не смейте прогонять! Пусть идет сам!

Мальчик был еврей. Лица у толпы были злые. У двух — отвратительные и страшные. Шурочка поскорее увела меня. На бульварах и площадях множество летучих митингов, кружков, объяснителей.

Обе ночи совсем под утро возвращались пешком по тихим краям Пречистенки, совсем сонные и безголосые. От усталости ноги вялые и от голода бока впалые, как у трех медведей в сказке. Устраивали маленькие ужины, вернее завтраки, так как было уже утро. Делились хриплыми впечатлениями с уже встающими Филиппом Александровичем и Елизаветой Михайловной и поскорее ложились спать в тихой комнате Шуры. Все портреты в Шуриной комнате глазам своим не верили, откуда это мы явились утром? А на портретах — Байроны, Шелли, Бодлеры, Гофманы, Андерсены, Вагнер, Бетховен, Лист, Паганини, старинная важная бабушка, Шура сама.

С Елизаветой Михайловной был у меня большой разговор о России, о Времени, о том, что есть, было, будет. Она верит, что народ и страна наша не погибнут. Но будет много катастроф, жертв и бед. Неисчислимо и неизмеримо.

Летом в доме останутся только Елизавета Михайловна и Филипп Александрович и две прислуги. Если бы я уже не взяла себе комнату на даче вместе с Ниной Залесской, я жила бы летом в комнате Шуры. На дачу перееду сегодня, в крохотную комнату с новыми сосновыми стенами, пахнущими смолой. За комнату мы платим 100 рублей в месяц с двоих. Говорят все кругом, что в июле неизбежны кризисы и крахи — продовольственные, финансовые, транспортные, военные и всякие другие (какие же это еще бывают кризисы?).

Придумывали, шутя на работе, кто что взял бы с собою, если бы всем сразу пришлось бы вдруг идти из Москвы, куда глаза глядят, как беженцам из Западного края. Лоллий Иванович — две французские книжки и словарь.

— Почему две?

— А я не дочитал еще первый том.

Я бумаги, конверты и карандаши, Шура надела бы спортивные шаровары и так далее.

На даче напишу письмо, а это просто так. Крепко целую мальчиков. Господь с тобой, родная моя мамочка.

Оля.

27 мая

Все нужно раздать. Оставить самые необходимые вещи, белье, одежду, книги. Хочу жить на даче это лето, среди чужих людей, чтобы видеть поменьше и, главное, для тишины. Устаю от количества лиц и разговоров кругом. Как бы не утопили Россию в разговорах. Тягостное ощущение призрачности и зыбкости всего на свете. Терялось чувство реальности бытия, как бы забывала своих близких и любимых, не могла вспомнить отчетливо их лица. Архив казался совсем нереальным, каким-то выдуман-ным местом с ненужными делами. А менее всего реальна сама я, ощущение какой-то почти растворяемости. Если это не просто невращения, а какое-то неосознанное участие современницы своего времени и жизни своей страны. Я не умею сказать, как-то физически чувствую, разрушаются какие-то основы, устои, уклады жизни одного строя (лада, порядка, ох, как сказать точнее?) и пока еще не вижу или даже не начну сама действовать, что-то делать, хотя бы самое простое, но нужное для жизни, пока не начну участвовать в создании «нового порядка и уклада», вот и кружится голова.

Неустойчивое равновесие. Я знаю, чувствую, чую, что жизнь наша, моего окружения в моем времени сорвалась со своих дорог и путей и потеряно чувство равновесия. И чтобы не очутиться по ту сторону сознания, надо как можно спокойнее, добросовестнее, лучше, и теперь же, сразу, делать очередные дела, какие пододвигает жизнь.

28 мая

Подосинка — дачное место, недалеко от Косино.

Через поле лесом пошли погулять в монастырь, Святое озеро, кладбище, Райский сад, храм. Великолепный древний образ Михаила Архистратига⁹⁴. Заходило солнце. Разлилось в нестерпимо красном разливе света, как овеществленный трубный звук. Не было ничего зловещего. Торжественное празднество солнечного заката.

Последняя неделя в Москве вся целиком ушла на ночные летучие митинги и дневные заботы о даче, о переезде и устроении.

Вавочка в Злодиевке, под Киевом⁹⁵. Разговор с Натальей Дмитриевной Шаховской о бесплодно ушедшем годе, о растрате на впечатления. Я очень много «брала от жизни», а мне надо еще просто учиться.

Поклонение или критическое отношение к Керенскому у женщин часто переходит в кликушество, выражается клинически ярко. Я понимаю, что в человеке, в вожде можно воплотить судьбу страны, но этот господин с жестами мне что-то не нравится. Знает ли он сам, наверное, что именно нужно теперь нашей стране?

5 июня. Москва — Воронеж
О. Бессарабова — А.П. Соловкиной

Мамочка, милая, я была в большом упадке, нервном, физическом. Ты не бойся, ничего страшного и болезненного нет. Просто утомление от многообразных впечатлений, не очень-то переваренных. Сама не устроена внутренне, и все кругом кажется не таким как надо, а каким именно — не знаю. Я не могу найти своего места и пространства в своем времени. Кажется, что делаю все что-то не то, что нужно, все не главное, а случайное. Не смейся, мамочка, я слышу тяжкие шаги Истории по жизни страны. «Грядущие события отбрасывают тень».

Особенно мне было трудно 25 июня, когда пришлось подавать свой голос за какую-нибудь партию. Я нарочно ходила с Шурой, с Добровыми и нашими друзьями по ночам на летучие митинги и слушала всяких агитаторов — говорителей, каждый говорил за свою партию, никто никого не останавливал. Кто хотел, говорил, а мы, вот такие, как я и Шура, слушали во все уши. Я слушала очень внимательно, хотела серьезно выбрать, за какую партию подавать. И не один-два раза, а много раз слушая противоположно говорящих ораторов, находила правыми и тех, и других, под конец стала даже плакать и перестала слушать, ну их всех. И я не то что отдала свой голос, а выбрала ту партию, за которую горой стоит один из всех, кто воображает, что если сделать все в стране так, как желает и мечтает, и предполагает сделать его партия, то все образуется, все будет хорошо и правильно. И когда я перестала барахтаться и бороться со своим неве-

дением и невежеством (читать политические программы невыразимо скучно, программы эти не азбука начальная, а уже итоги больших знаний из тех областей жизни и отношений, о которых у меня нет даже представления, что они существуют), так вот я уже почти совсем махнула рукой на все это, что меня мучило, как вдруг, не знаю почему, я ясно поняла, что мне нужно самое простое. Может быть, оно для таких людей и есть самое верное и нужное: хорошо делать очередные дела, какие пододвинет мне сама жизнь и жизнь близких, дорогих мне людей. И если весь мир со всей своей культурой летит в бездну войны и всего, что они за собой ведут, то я не хочу цепляться за благоразумные какие-то клетки и просто включаю себя во все, что происходит. Я не настолько слаба (или сильна), чтобы быть только современницей, зрительницей и созерцательницей жизни. Я не хочу быть критикующим наблюдателем и оценщиком. Я просто человек и буду делать все человеческое. Мне как-то очень захотелось просто жить не для выдумок человеческих, а для жизни.

Ох, не умею думать. Но все-таки. Вот все горюют, что «пропала Россия», что надо бежать куда глаза глядят. А мне кажется, если и разлагается та или другая форма государства, то народ, люди, душа человеческая, ведь не привязана же к форме своего государства. Вроде как змея меняет кожу. Переболеет, а потом и живет, может быть, даже помолодевшая.

Да. А как же ушедшие культуры и цивилизации прошлых веков, тысячелетий, стран, все эти Египты с Ассириями, Микенами, Римами, Афинами? Не знаю. Как-нибудь да устроено же все это и связано одно с другим. Все течет.

А пока что, кроме работы моей в Архиве — вот около дачи баба не справляется со своим огородом, а мужа у нее нет и много детей — вот и помогаю ей, как умею.

Вот видишь, мама, какая у тебя дочь-то мудрая дева. Ну и пусть. Хоть и блудная дочь (это в Новом Завете и у Рембрандта такой сын есть), а разыскала свое «хорошее». Надо просто жить. И ни за что на свете никуда из своей страны не хочу уходить. Если бы даже и представилась возможность. Теперь-то и интересно жить в моей стране и, если не участвовать самой, то хоть посмотреть, как это все тут устроится, образуется. А может быть, и мне придется что-нибудь делать кроме заработка и верхогляд-

ства, и слушания разговоров. Надо просто жить, учиться, работать, когда нужно что-нибудь делать. Вот и все. Не охать. Не развеиваться. Помочь, кому нужно. Вот тебе помочь, чтобы братья кончили гимназию и пошли бы дальше учиться. А они окрепнут, станут на ноги, и ты отдохнешь, мамочка. Папа очень неумело, грубо и неловко, но, может быть, и верно, по существу, пытается «доказать свою правоту», что тебе трудно жить так и что-то надо изменить в корне в нашей жизни.

14 июня

В Архив пришла «объятая ужасом».

По Мясницкой улице с вокзала шла медленно и внимательно смотрела на встречные лица.

И не видела ни одного ясного, спокойного, свободного человеческого лица, какое должно быть у всех людей. Все, все — не свободные, все покорные: трудом, нуждой, грубостью, суетой, деньгами, фатовством, трамваями, сутолокой, заботами. Ни одной улыбки, ни одного взгляда не сумела я увидеть в таком множестве лиц. Невидящие лики. Или это я слепая? Что именно нужно мне было увидеть? Меня как-то напугало, что из множества людей (от начала до конца Мясницкой) никто, ни один человек не взглянул ни на небо (утро чудное, как торжественный праздник), ни на землю — все бегут, бегут, бегут, как муравьи. А посмотрела в спину толпе — и спины то какие-то одинаковые, у каждого на плечах — своя заботушка, и бегут, бегут, бегут, как муравьи.

17 июня

— Ольга Александровна, скорее выходите замуж — это очень приятно. В супружеской сцене даже ссора хороша. Так приятно потом примириться: — дачная моя хозяйка, Леонтина Игнатьевна, мешаночка, очень хорошенькая, цыганского облика. — Когда была в девушках, я ни за холодную воду, а теперь вот и замуж вышла, а суп варю, да еще на спиртовке.

У нее было множество поклонников, а Шурик — «идейный милиционер», по выражению его жены. Возможно, что милиционер, вероятнее, что не только милиционер, он идейный, но

вряд ли доброкачественный гражданин, а Шурик был ревнив как черт и очень страдал по ней, и она его пожалела.

Ложатся спать очень рано, в 10 часов. Я была сначала очень огорчена, но сама привыкла засыпать так рано, стенка тонкая, и надо очень тихо и очень быстро заснуть, чтобы не мешать Леонтине Игнатъевне и Шурику за стеной. Они ничего не говорили, но я чувствовала, что они тайно ждут, чтобы мы поскорее заснули. Я поскорее гашу свет и сразу засыпаю. Это мне не вредит, а на пользу, и я покорилась обстоятельствам. Вот и отдохну за лето, я вставать стала раньше и легче, чем прежде, когда засыпала поздно.

Да воздух чистый, да езда в архив и обратно (стараюсь всегда у открытого окна вагона).

Леонтина Игнатъевна мила в своем простодушии и женских своих хитростях. Про своих приятельниц, которых я не знаю, говорит такие невозможные вещи и таким ясным голосом, что я научилась слушать ее голос и смотреть на нее, не вслушиваясь в ее рассказы. Она очень удобная рассказчица, болтает без умолку, совсем не требует реплик. В общем, вышло так, что мы друг другу не мешаем и Леонтина Игнатъевна прощает снисходительно все мои «странности».

— Неужели же не скучно гулять одной, молодой девушке? Неужели у вас нет поклонников?

О том, что у меня нет зеркала, Леонтина Игнатъевна рассказывает всем своим знакомым и однажды прибавила:

— И представьте, хорошенькая барышня, и не какая-нибудь эксцентричная.

Вообще в доме нашем процветает добродетель в лице дам, а зло где-то наказывается посредством «идейного милиционера». Он начальник какой-то части Москвы или «главный милиционер в Москве».

— И следовательно, только мне Шурик не велел вам говорить это, он сказал: «Барышни очень хорошие, я доволен, что без меня ты будешь в их обществе, ты их не отпугивай, ничего про меня не говори».

К крайнему моему удивлению, кротчайшая моя Нина произвела на Леонтину Игнатъевну и ее мужа впечатление «эксцентричной барышни». Я так и не добилась расшифровки этого иероглифа в устах Леонтины Игнатъевны, так как в общепри-

нятом смысле слова, определение Нины «эксцентричная» к ней подходит меньше, чем всякое другое. Ниночка очень скромна, добра, умна, с задатками трагической, несчастливой, судьбы в будущем. Не умею представить себе ее счастливой, и это очень жаль, так как Нина редкостно хороший человек, с глубоким чувством долга, ответственности, правды.

5 июля

Вчера Шурочка рассказала о странной своей ночи с 29-го на 30-е июня.

Эсфирь Пинес⁹⁶ – в мужском костюме. Ночная чайная, за столиком компания шулеров. Шура думала, что это актеры представляются шулерами, а Эсфирь засмеялась и сказала:

– Да что вы! Самые настоящие шулера! Эта чайная – их сборное место. С ними и Жанна-наводчица – красивая женщина и еще какие-то люди с жаргонными названиями.

– А Эсфирь, кто же там?

– Не знаю, вероятно, как и я – случайная гостья (она дочь врача), Эсфирь, случайная знакомая Саши, сказала Шурочке, что интересно посмотреть ночную чайную. Шурочка и пошла посмотреть. Вот так, брат Саша! Знакомит сестру со случайной знакомой. Странно, что она всех знает там, в этой чайной.

– Да, мне тоже это показалось странным.

– Шурочка, а она случайно не из их компании или не сестра ли для этих ночных бабочек? А вы, может быть, сослужили случайно службу или как это там – украшение, вроде цветка в петлице?

Шурочка засмеялась:

– Ну, какое же я украшение?

– А может быть, не цветок, а какая-нибудь «приманка»?

– Ну что вы – мы выпили по чашке чая и ушли.

Эсфирь – дочь зубного врача, живет в очень буржуазной семье. Служит где-то, на работу ходит в женском платье, а обычно в мужском. Она не похожа на переодетую женщину, стройна, изящна. Голос и манеры, женственного юноши. Когда здоровается с женщинами, встает.

Странное и тяжелое впечатление от вчерашних лиц, голосов толпы. Таких не было во всех прошлых чудесных митинговых

ночах. Также вот тогда терялись, растворялись, а может быть, и просто не показывались, а сейчас будто выползли со всех сторон и представились, что они люди. Может быть, это от тени впечатления от рассказа Шуры о ночной чайной. Когда она рассказывала, она невольно артистически показывала их (у Шуры тонкая и очень выразительная мимика).

Тогда были страстные фанатики, путаники, патриоты, социал-революционеры, социал-демократы, конституционные демократы, большевики, меньшевики, длинноволосые юноши и стриженные женщины с резкими и хриплыми голосами, жеста-ми. Все были заняты, задеты событиями, речами. А вчера, празд-ная, жадная до зрелищ и до острых ощущений, какая-то голод-ная или опустошенная (душевно) толпа. Вдруг мне показалось, что от толпы идет запах тления и какие-то темные эмоции. Как будто расплескалось на город что-нибудь такое, похожее на со-биравшихся в ночной чайной.

На Никитском бульваре запомнился один мертвенно-корич-невый старик без волос и без ресниц с бриллиантами на руках, весь подтянутый корсетом, слишком выпрямленный, окружен-ный четырьмя юношами. Юноши ярко покрашенные, один очень набелен, без румянца, но с очень яркими губами – почти черными от краски, с завитыми волосами.

– Шура, что это такое? Скорей домой. Не хочу видеть этих всех людей.

Страшно было видеть нескольких людей с острым блеском расширенных глаз (бывает так, кажется, от кокаина), атмосфера острой жадности и праздности.

– Шурочка! Это не чернь, это сток какой-то! Скорей домой, скорей!

Мы, еще не заметив перемены облика толпы, увлеченные ка-ким-то разговором, сели отдохнуть на стулья в середине Твер-ского бульвара, немного в стороне от потоков людей. Там, где мы сели, никого не было, так как стулья почему-то были плат-ные. Через 2–3 минуты со мной рядом сел кто-то в военной форме (лица его я не видела), звякнул шпорами, положил руку на спинку моего стула и буквально промычал, три раза под-ряд:

– М..м..м.

Не оглянувшись, не заторопившись, не прерывая разговора, — мы в ту же секунду поднялись и ушли. Он остался сидеть. Тут-то мы и оглянулись по сторонам и не узнали толпы.

— Оля, это не похоже, что будут митинги, пойдем домой скорее.

В начале Никитского бульвара какой-то господин нервно сказал:

— Возьмите меня с собой, можно мне проводить вас?

Я ему ответила негромко:

— Нет, спасибо, пожалуйста, не надо.

— Спасибо? Простите великодушно.

Меня так насмешил испуг этого чудака, что Шура укротила меня, и мы помчались почти бегом. Да я не хотела смеяться, чтобы не обидеть его, хотя и было смешно.

Душно, пыльно. И количество, количество людское, копошиться, толчется, кишит в тесноте, духоте и напряженности какой-то. Мне вдруг стало непереносимо жаль всех, всех их — все дети своих матерей, все люди. Никого не боюсь, бедняги, и больше ничего. Значит, никого уже на свете нет, если подходят к чужим людям, к женщинам.

17 июля

Шурочка сказала мне как-то после длинного разговора обо всем на свете:

— Меня поражает, Олюшка, ваша чистота, это не от наивности, вы очень интуитивны и верно воспринимаете суть вещей, незнакомых вам. Да я не знаю, можно ли вообще наивность неведения назвать чистотой. Но в вас именно чистота, настоящая чистота.

— Шура, а что такое чистота? И что такое грязь? Все может запылиться, загрязниться, и все на свете может очиститься и переплавиться. Только бы хватило любви, творческого движения. А так что-то приостанавливается, так и затягивается ряской, тиной. Может начаться и гниение.

Федор Константинович (художник Константинов) как-то долго разговаривал со мной. Я больше слушала и спрашивала об Андрее Рублеве, о гневе святом и злобе-зле. Архистратиг Михаил (если представить художнику, как написать его) — молния,

огонь, пламя, меч огненный, сам — гнев. Иоанн — очистительный огонь перед пришествием Бога, когда нужно отмести все ненужное, лишнее.

Сказал мне свой стих, сочиненный при рождении его сына Игоря, «Два древа». И стих его, как древние вирши, явление из тьмы времен. В средние века не миновать бы ему костра. Спасают теперь его краски и полотна. Говорили о грехе. Я не понимаю этого понятия или чувства. Что это, аморализм или то, что Шура называет чистотой, не знаю по правде. Грех — это все «не такое», «не по правде», всякая ущербность. Что же тогда и страдания — грех? Нет, что-то не так.

В один из вечеров Федор Константинович, Филипп Александрович (Добров) и я, и Шура путешествовали (как будто) по Италии. В Неаполе Шура покинула нас и уехала в Египет за приключениями. Филипп Александрович взял отпуск на 2 месяца и с помощью гида Федора Константиновича спешил все основательно осмотреть. Федор Константинович стал рассказывать, что и где на что посмотреть, и что видел он сам, и что он запомнил на всю жизнь.

Я мешала быстрым переездам из города в город дорожными приключениями. Некоторые удались очень. Я заботилась об их краткости (3—4—5 фраз), неожиданности и невероятности и, главное, полной несоответственности приключений с характером путешественника. Я была замешана в политический заговор Федора Константиновича, заставила дать бал посланникам всех стран Филиппа Александровича, случайно раскрыть грандиозное мошенничество и спасти банк Италии.

Путешествия начались с разговора о Рублеве, Рафаэле, Рубенсе, Тициане, Микеланджело, да Винчи, Тинторетто и Рембранте. Филипп Александрович был в ударе. О чем бы он ни заговорил, чего бы он ни коснулся, все так и искрилось. С изящнейшим юмором он сказал в ответ на вопрос вымышленного сановника в Италии — кто он? «Я — эклектик».

Удивительное у него лицо. Лоб, глаза, освещение лица, это — человек. Легко дышать, люблю видеть его за роялем. Унесется в свои какие-то страны, все ему нипочем. Вот такой человек как Филипп Александрович, прекрасный доктор с нелюбимой им медициной, с недопроявленным композиторством, с книж-

ными шкафами, на всех <нрзб> (а на шкафах – химеры), с праведным бесплодным гневом у себя за чайным столом, со всем своим дилетантством – для меня ценнее в жизни вообще, чем блестящий устраиватель и деятель, прокурор – Стааль. Стааль как-то сказал: «Люблю Филиппа. Он всегда прав... за этим столом». И как только сказал он эту злую фразу – сразу вдруг оказался просто злым лобастым гномом и совсем уж не таким уж чудом-юдом. Он и Керенскому поддался, а Керенский и сам кажется мне не очень-то настоящим. И многие люди, хоть и треск, и блеск вокруг них, а они всего только – кажутся.

А Филипп Александрович – со всеми свойствами и недостатками – настоящий, подлинный человек. Редкостная полноценность, ум, доброта, широта кругозора и глубина <нрзб> Леонид Николаевич (Андреев) – о Филиппе Александровиче и о Павле Малянтовиче (адвокате) сказал так: «Черт бы их побрал. Слушал я их, смотрел на них. Павел – великолепно отшлифованное в дорогой оправе стекло. А этот (Филипп Александрович) – чистейший бриллиант, чистейшее золото, а штаны у него потрепанные, и подтягивает их, черт эдакий». Когда на это все засмеялись, а я живо согласилась, и еще сказала – это очень верно, – по правде. Леонид Николаевич хитро взглянул на меня и забавно подмигнул, как заговорщик. Он был тогда такой милый и веселый, что я пересела к нему поближе: «Браво, bravo, Олечка!» Леонид Николаевич в тот вечер был очень оживлен и ярок, все, о чем он говорил, было интересно и особенно интересно было, как он говорил, и все было умно, и шутки, и вранье.

После нашего путешествия по Италии, когда Филипп Александрович и Федор Константинович бросили свой якорь в своих спальнях, я и Шура улетели на крыльях «Северной Симфонии» Андрея Белого⁹⁷. Шура читала мне вслух. У нее чудесный, глубокий и низкий голос, люблю ее слушать. И нравится мне, что она не декламирует. Под впечатлением «Северной Симфонии» живу четвертый день. Шуру поразила фраза: «И проснулась в нем вся бездна угасших козлований» и особенно встреча рыцаря с сестрой после смерти.

Шурочка волнуется, когда ждет звонка от Эсфири. Почему-то тревожно за Шуру.

<?> июля

На вокзале. Жду дачный поезд. Носильщик говорит другому:
– Контрреволюция – это просто буржуазия, и делу конец.
Не будет ее, не будет и контрреволюции.

– Другая народится.

– Да, другая, ты правду сказал. Другая, наша, не контрреволюция, а совсем новая, наша.

Наталья Дмитриевна (Шаховская) прочла мне письмо Вавочки с тревожными вопросами обо мне, и о моем молчании. Я рассказала Наталье Дмитриевне о своем теперешнем «просто жить», о себе, о Вавочке, о том, что мне показалось, что даже хорошо, что Вавочка поехала в Киев, мне показалось, что ей нужно как-то изменить колею жизни, хоть на время. В августе мне может быть удастся съездить к ней в Киев.

Со светящейся нежностью Наталья Дмитриевна сказала, что я похожа на Вавочку как дочь, что я интуитивна. (Забавно, что последнее время несколько человек упомянули это слово обо мне, – по разным, иногда не ясным мне поводам.)

Духовная, внутренняя красота заливает, светится и насыщает все существо Натальи Дмитриевны. При ее очень как будто обыкновенной (некрасивой) внешности она прекрасна. Красивыми у нее были только глаза, но ими освещено все ее лицо, весь ее облик. Мария Болконская без всяких поправок. Она решила ликвидировать свою московскую (и вообще городскую) жизнь. Она «уйдет в кооперацию» (я постеснялась спросить, что это такое!). Это отодвигает ее научно-исторические работы, но ей это необходимо. «Надо сызнова творить народную культуру». Научный социализм провалился и пришел, так называемый «утопический социализм» – кооперация, община, ячейка – душа кооперации, «снизу». Для научной работы будет по временам приезжать в Москву, а не тратить все свое время и всю жизнь на бесплодную сутолоку городской жизни. Интересно, что такой антипод моей Люды Дембовской (Люда коммунистка, Наталья Дмитриевна – глубоко религиозный человек) – говорит лексиконом Люды. Ясно мне, что они несовместимы, хоть и живут как будто так, что и для той, и для другой все эти «кооперации сни-

зу», научные и утопические социализмы, понятные и очень важные вехи жизни — и их собственной, и жизни народа. Наталью Дмитриевну очень люблю, конечно же, и Люду. А они вряд ли могли бы не только дружить с друг с другом, но было бы бес тактно даже знакомить их. Может быть, я не права... Но если бы они столкнулись, Наталья Дмитриевна, вероятно, отошла бы с дороги, а Люда, может быть, и устранила бы ее с дороги, если бы Наталья Дмитриевна замешкалась.

А что мне теперь нужно? Москва, курсы. Учиться, для заработка работать в архиве и библиотеке Всероссийского Земского Союза. Это вполне обеспечивает мне учиться самостоятельно и даже помогать маме, «жить просто» более собранно, чем в прошлом году, больше заниматься, раньше ложиться спать, раньше вставать, сократить круг встреч и впечатлений.

С Вавочкой буду переписываться, но если она на зиму останется в Киеве, это, может быть, и хорошо для нее. Мне почему-то кажется, что Москва была бы трудна ей. Не представляю почему, но так. Мне, может быть, будет и трудно внешне, а внутренне свободна и более собрана. Ну, посмотрим, послушаем не только себя, но и жизнь, — что она еще скажет и что продиктует.

Наталья Дмитриевна начинает сызнова жизнь. Я не стала расшифровывать, что именно это значит, но поцеловала ее кротко и нежно и сказала — в добрый час. Дай вам Бог счастья и радости.

Михаил Владимирович где-то под Галичем. Он попал в полосу стратегического отступления, не в самый ад. Последнее его письмо было бодрое и светлое. Пишет, что в армии кончились траурные дни и чувствуется творческое начало, повеяло новым духом.

Когда Наталья Дмитриевна говорила о Михаиле Владимировиче, руки у нее были, как трепетные птицы. Если бы поймать птичку и если бы она наверно знала, что ей не опасно и не больно, все-таки она боится и у нее сердце бьется — само не знает, от чего. И была Наталья Дмитриевна вся такая свежая, милая, что показалась мне прекраснее всех красавиц на свете. Завтра утром она принесет мне свою книжку о свободе совести. Она съездит на дачу, а потом — работа и жизнь.

У Шуры — Эсфирь. Шура познакомила нас. Жаль, что мне сейчас же надо уехать, я зашла попрощаться перед отъездом.

– Мы еще увидимся, – сказала я Эсфири.

– Надеюсь, мы часто будем встречаться, – отвечала она.

Не знаю, добра ли, умна ли Эсфирь. Но не это важно в ее существе. Четкая, ловкая, изящная. Почему-то не показалось, не показалось странным, что она в мужском костюме. На одну секунду было чем-то очень неприятно, что она напомнила «Вакха» да Винчи и еще портрет Ван Дейка (мужской портрет). Но это было так неприятно, что я в ту же секунду забыла это. Шурочка потихоньку застывала и таяла. Эсфирь – толчок к жизни. Хорошо это или плохо для Шуры? Если этот странный толчок тыкнет Шуру к жизни – хорошо. Если от жизни – плохо.

«От ветра искры гаснут, огонь горит сильнее» (это у Шекспира). – Сохрани Бог Шурочку. Она сошла с мертвой, какой-то остановки. Куда придет, куда выйдет? Почему-то все-таки тревожно. Надо еще посмотреть, что это за явление – Эсфирь.

20 июля

Шуре плохо. Галлюцинации, кошмары, какие-то все сны наяву. Когда она говорила об этом мне и своему отцу, доктору Филиппу Александровичу, говорила об отчетливом и остром сознании, что это все болезненные и нервные явления. Ни на секунду не теряет сознания, этой грани.

Я зашла к Добровым ненадолго, по дороге домой. Шура вышла ко мне из ванной с намыленной головой, в чалме из полотенца.

– Олюшка, мне очень плохо, физически плохо, может быть, понадобится полечить нервы, вы не бойтесь, это все поддается лечению, я не распускаюсь.

Шла пешком с Пречистенки до Рязанского вокзала. Небо в каменных берегах домов – голубая текучая река с облаками. Елизавета Михайловна поехала на вокзал, встретить Марию Александровну Сутырину. Мария Александровна очень больна, уже смертельно.

21 июля

После службы, в Архиве Земского Союза на даче в Подосинке копаю картофель в огороде одной соседки. А в Москве

слушаю стихи Блока, Сологуба, Гумилева, Андрея Белого, Ахматовой, Пушкина и Лермонтова. Жаль, что Шура не любит Гумилева – у него очень хорошие стихи. Шурочка читает мне все, что она, или я, или Филипп Александрович находим прекрасного порознь. Стихи и картошка в чужом поле – это совсем не декадентствующая барышня, вроде северянинских всяких Лиль и Нелль: «В будуаре напудренной Нелли, где под пудрой – молитвенник, а на ней – Поль де Кок»⁹⁸. Боже мой, какая двухвершковая дребедень и пошлость, как мог так замусориться человек, поэт с, несомненно музыкальным даром стиха? Какой-то прилавок с парфюмерией! Федор Константинович как-то сказал: «Все эти Бальмонты, Северянины...». Я его чуть не стукнула! Заступилась за Бальмонта. Да, стихи, картофель, архив – вся жизнь. После дачи буду жить, кажется, с Ниночкой, у Залесских – ее родственников.

25 июля

Почти до утра не спали мы трое – Шурочка, я и Эсфирь. Под утро я заснула почти, в полусне слышала, как Эсфирь сказала Шуре очень тихо: «Прекрасная девушка – вся, как голубой хрусталь». Шура была горячо рада, она боялась, что мы не понравимся друг другу. А Эсфирь – я как-то не подумала, что она человек, а «это явление», толчок с мертвой точки Шуры. В этом смысле приветствую ее в жизни Шуры, хоть и не понимаю, как этот мальчишка, хоть она и женщина, ухитрился быть толчком к жизни. Что-то он – не то схитрил, не то попритчился.

26 июля

А вот люди говорили, что любовь – это половое чувство. При чем же тут пол? Вряд ли это так уж существенно, то есть бывает, конечно, очень важно, но может быть и так просто. И еще – иногда противопоставляют любовь и страсть. Ну, это, пожалуй, и может иногда быть противопоставлено, но горе тем, у кого это противопоставляется....

Умна ли, добра ли Эсфирь? Не знаю. Разве спрашивается это от стихий? Она кажется мне каким-то стихийным существом,

вроде эльфа, к какому не применяемы понятия добра и зла. Вряд ли применимо к ней и понятие — «доброкачественна». «Недоброкачественна», возможно, не знаю. Может быть. Можно сказать: «Пламенная Эсфирь». Кстати, Эсфирь, Эстер по-русски — звезда. Да, звезда, но и звезды бывают всякие. Если это имя — ее настоящее имя. Мне иногда кажется, что она персонаж из карнавала в полумаске и что она только «кажется», попритчилась. Довольно трудно разъяснить это смутное впечатление. Я так и сказала, что я рада, что она появилась в жизни Шуры, хотя и не могу понять, что она сама по себе человек, а не какое-то явление. Я воспринимаю ее через Шуру — как бы какое-то ее свойство.

Васса Ивановна — владелица дачи, в которой я и Нина снимаем комнату у дачников Вассы Ивановны, говорит в злую минуту моей дачной хозяйке Леонтине Игнатьевне: «Это что за дачники такие, задаром норовят жить? У вас все гости, малина, какао, в гамаке ноги задравши лежат! Мои куры яйца теряют, наверно, вы их подбираете — больше и некому! Ишь, ловкие какие!» (Руки в боки, красивая седая голова, голос павлиний). В добрую минуту — мне: «Моей дочке 16 лет было, когда она замуж за барина вышла. Мы люди богатые, Клара у меня — красавица. Тут в Подосинках весь полк по ней с ума сходил, я поскорее и устроила ее: чего же этому товару залеживаться, еще дожدهшься беды какой. Он дворянин такой, ничего, человек хороший. Чудак, стеснялся приданное брать. Бери, бери, говорю, не будь дураком-то. А она теперь замужняя женщина, что хочешь, то и делай теперь!»

Мария Игнатьевна — беженка латышка, маленькая и толстая, кудрявая, как болонка, с очень красивыми глазами и забавно коротеньким носиком. В Архиве сказала мне вдруг: «Знаете, Ольга Александровна, все — люди, и судьба, и жизнь, мне кажется, балует вас больше, чем вы заслуживаете, то есть заботитесь об этом. Я не колкости говорю, а серьезно. Вы как-то и не замечаете внимания к себе, как будто так и должно быть. И странно, что это и составляет вашу привлекательность и прелесть».

Милая моя Ниночка Слюз (Залесская) вернулась из Москвы удрученная. Купила изящные туфли за 60 рублей и смотрит на них сконфуженно. Видела умирающую корову и около нее плачущих баб. Видела захудалого, какого-то всего ошипанного

будто, солдата («затертого жизнью и войной»). Начала в вагоне газету читать — дезертиры, жестокость, ужасы всякие. «И показалось, что нет праздника в жизни».

— Есть, Нина.

— Где?

— В жизни. Не знаю сейчас, где, но есть наверно.

— Вот в тебе — есть, Олечка.

Ниночка очень изящна. Вот уж — доброкачественный человек. И до чего милое лицо и как женственна вся, но какая-то неизбежная тревога, наверно, как бы испуг какой-то в глазах. Если бы маме моей побыть с ней некоторое время — как бы выпрямилась, отогрелась, расцвела бы Ниночка. Мне кажется, ей как-то очень одиноко в жизни. Почему-то боюсь спросить ее о ее семье.

1 августа. Киев — Москва

В.Г. Мирович — О. Бессарабовой

Вот и уехал Николушка, маленький брат, который не хотел учить немецких слов и, наказанный, в шелку просовывал ухо и слушал Закон Божий. Уехал на фронт, на то, чем стал теперь фронт — не поле чести, а поле бесчестия и поражения и с фронта, и в спину для офицеров.

Он говорил о тебе за те два часа, какие мы провели вместе. Говорил: «Лису не по силам Москва». Скажи мне, так ли это? Может быть, не Москва, а что-нибудь другое, и города тут ни при чем. Но если правда Москва не по силам и легче в Воронеже, не бойся, Лисик, решений, которых другие не одобряют, и может быть, даже ужаснутся. Если только веришь своему чувству. А если оно не говорит ничего, а просто трудно жить — надо терпеть. Везде трудно.

Я думаю о Воронеже, с нежностью о матери, с желанием облегчить ей разлуку с Николаем и со знанием, что ничего хорошего из моих этих намерений не выйдет.

Если ты ответишь мне сейчас же — пиши еще на <М. Триполи? нрзб>. А если замешкаешься — Деловая 6; квартира Тарасовых, Киев. Сегодня еду в Злодиевку после 10 дней города, ждала Николу 10 дней, а он приехал на два с половиной часа.

От Михаила Владимировича были вести от 20-го. Жив. Душевно измучен тем, что делается на фронте.

Как странно, Лис, все же, что ты меня так сильно покинула.

3 августа. Киев — Москва

В.Г. Мирович — О. Бессарабовой

Родное дитя мое, Лис. Твои четыре письма, пришедшие в один день и час, ввели меня в те фантастические горькие и призрачные страны, куда тебя повергла усталость души и нервов и еще какая-то карма.

Слава Богу, что ты выбралась из них, и в высшей степени верен твой критерий «должного» или «нужного» тебе — это реальность, земная реальность, смиренная, черновая, ответственная здесь, на «отмели времен».

Всем нам она нужна, ниспослана как некий урок, чистилище, быть может. И кто не хочет или не может пройти через нее, остался недоовоплощенным, как те бабочки, о которых рассказывала мне некогда Машенька: — они выводили их в комнате, и из хризалид появлялись какие-то бескрылые, с множеством ног и зачатками крыльев уроды. Окрылиться, стать тем, что Данте называет «angelica farfulla» (бабочка Ангел) можно только через строго реальный путь воплощения. Христос, сын Бога живого, был здесь плотником, Лисик.

Детка, я не умею пока поверить, что ты приедешь. Что я увижу тебя. Но мне это не меньше нужно, чем тебе — побыть с тобой. Что же касается до «жить» — я не могу еще, вернее, права не имею решиться на Москву. Ведь у меня доходы такие малые и неверные. Тебе спешу посоветовать — не связывать себя с Залесскими (то есть только в крайнем случае). Пойди поскорее к Бальмонт, там Татьяна Алексеевна с Анечкой, они сняли, верно, квартиру и хотят сдавать комнату. Это мой тебе пророческий совет, главным образом направленный против поселения у Залесских. С твоей экзотической впечатлительностью ты незаметно ежедневно будешь жиреть душой в воздухе Гриши, Густочки и вообще уровня их житья.

Ответь мне поскорее — приедешь ли, а лучше — просто приезжай на Деловую 6; квартира 2, Тарасовых — тебе объяснят, как

добраться до нас пароходом — через три часа будешь на здешних забвенных песках. Приезжай непременно, если только можно.

4 августа. Киев — Воронеж

В.Г. Мирович — А.П. Соловкиной

Родная моя, наконец, от Лисика пришли вести — сразу четыре конверта, туго набитых листочками от разных чисел. В числе вестей есть предположение в первых числах августа быть в Воронеже — в отпуску. Если она уже (против ожидания моего) у Вас, скажите ей, что до 20-го я в Злодиевке, а дальше, может быть, сумею проехать в Воронеж, а что еще дальше, совсем еще не знаю.

Родная, если только будет минута свободная, прошу Вас побывать на том берегу и рассказать мне, как мать перенесла отъезд Николая, не пострадали ли глаза ее от материнских слез. И еще хотелось бы знать, есть ли у нее нужные для осени и зимы запасы топлива и пищи. В сентябре я пришлю ей рублей 50 для этой цели, но может быть, это будет уже позднее подкрепление; на этот случай пусть сделает заем из резервных Николаевых сумм, о которых он говорил, и купит что нужно. Все, кто осведомлен с продовольственным вопросом России, пугают повышением цен и полным оскудением рынка на эту зиму. В Петербурге уже 20 рублей фунт масла и 1 рубль стакан молока. А топлива никакого, и всех, кто не служащий, просят оттуда разъезжаться. Предстоят ужасы демобилизации. Крестьяне зарывают хлеб в землю. А солдаты будут добывать его штыками. Не пощадят и горюдов. Воронежа это, верно, не коснется, а Киева уже коснулось. У нас дезертиры сегодня затеяли стрельбу ночью. Обобрали два ледника.

Итак, дорогая моя, жду от Вас таких картинных и подробных вестей, какими Вы иногда меня балуете. Всем привет и, может быть, до близкого уже свидания.

8 августа

Часов до двух ночи лежала в саду в гамаке. Нина — на скамье возле меня, сначала было — без подушки, я принесла ей подушку, она сконфузилась, как будто это что-то необычное! Гово-

рили о Добре, о Зле, о религии, о Жизни, о Смерти. Нина боится смерти, не понимает и не оправдывает ее, «не согласна умирать, и не согласна, чтобы умирали, да еще и насильно».

– Ниночка, а какая ненужная была бы теснота на земле – если бы все Мафусаилы⁹⁹ от Адама все еще жили бы на свете. (Нина очень смеялась, удивившись этой шутке.)

Долго смотрели на Млечный Путь и падающие звезды. Вспоминали стихи и целые главы Лермонтова. Днем я штопала чулки и белье, а Нина читала мне стихи Сологуба и Бальмонта. Ниночка не любит и «боится» штопки, заплат. Жаловалась, что это необходимо, что это «будни жизни». Будни?! Я поскорее надела белое, все в оборках платье – тонкий легкий маркизет с белыми мушками, попросила Нину сейчас же надеть ее белое платье, посадила ее в гамак, дала ей Сологуба и Бальмонта – на ее выбор и попросила ее читать. Пока она выбирала, что читать, я без позволения принесла все ее белье и все чулки, требующие реставрации, и починила, и заштопала все очень старательно. Ниночка очень хорошо и очень много читала вслух – у нее надломленный, но очень милый тихий голос.

10 августа. Киев – Воронеж

В.Г. Мирович – В.Ф. Малахеевой

Родная моя, сегодня пришло письмо от Миши – спасибо ему за вести о тебе и о вас всех. Он пишет, что ты спрашиваешь о судьбах Жени и Михаила Владимировича. Женя не попал в волну отступления, остался в правом фланге. Некоторое время был в сильных боях, невредим. Он совмещает несколько военных должностей и, несмотря на свою юность, пользуется большим влиянием. Солдаты его обожают. Время от времени приезжает его денщик в Киев со свежими сведениями. От Михаила Владимировича была весть о том, что его произведут очень скоро в августе и что тогда у него будет трехнедельный отпуск.

Как только он проследует из Киева в Москву, я поспешу к тебе, родная. О дальнейшем пока не хочу думать. От этого будет зависеть это дальнейшее, и кочевникам теперь нельзя заранее назначать планы кочевья, особенно при неверных доходах. Завтра еду в Киев, читать театральному Совету пьесу, которую пере-

вела: «Дантон» Роллана¹⁰⁰. Ее приняли в Московском Малом Театре, но с тем, что поставят через год. Хочу попытаться продать в Киеве ее на этот сезон.

Сегодня приехала опять Нелла. Говорит, что в Киеве три дня не будет хлеба. Замучилась с хвостами. У нас хлеб есть, но по 35 копеек фунт — ржаной.

Обнимаю тебя. Привет Лиде и просьба, написать побольше о вашей жизни. Храни Вас Бог.

Во сне видела: упала с неба звезда. Я подбежала к ней и взяла в руки — еще горячую. В руках она, остывая, превратилась в слиток серебра, потом во что-то пористое, и потемнело — вроде пемзы с морского берега.

Эсфирь, оказалось, огорчилась на мой отзыв о ней.

— Я для вас пустое место? Приветствуете и проходите мимо?

— Что же тут огорчаться, Эсфирь. Вы не хуже и не лучше от того, что в своем представлении я не умею вызвать вас из небытия. Это не у вас, а у меня ведь не хватает глаз, и может быть, какой-то клетки в голове.

Эсфирь нездорова, заснула. Шура обо всем рассказала мне, о себе:

— Это последняя ставка.

— Шура, это совсем не последняя, а первая ставка и, возможно, что и мимолетная. Дорога вам Эсфирь?

— Да, очень, очень дорога.

И в молчании кончился наш разговор об этом. Мы на этот раз почти и не говорили, но очень отдохнули и отдышались в молчании. Шура, прощаясь:

— Олечка, милый друг мой, в вашем присутствии я все как-то яснее и глубже вижу — как в магическом зеркале.

11 августа

До Петровки на трамвае ехала с Эсфирью. Среди спин, локтей, небритых подбородков — самый странный для трамвая (нашли место!) разговор.

— Мне очень печально, вы не имеете понятия, как это горестно и страшно для меня — ваше ко мне отношение. Я для вас — отвлеченное понятие, и только через Шуру, а не сама я по себе.

— Да что вы, Эсфирь, живите себе, Бог с вами. В жизни Шуры я вам очень рада.

Я была в белом своем в оборках платье, Эсфирь была учтива, как средневековый паж, хотя и была с портфелем и ехала на работу. Я заметила, что один господин в трамвае с удивившим меня омерзением и больше даже, с гневом, смотрел на Эсфирь. Я прямо посмотрела на него и еще более странна была перемена выражения его лица, глаз — он очень серьезно, тревожно и очень добро, и очень прямо как бы ответил мне. Тут как раз оказалась наша остановка, и мы сошли с трамвая, а он поехал дальше. Эсфирь не заметила его. А он, сделав движение соскочить с трамвая, не соскочил и поехал дальше. Странно как. Мне показалось, что он хотел что-то сказать мне.

13 августа

Эсфирь сидит за одним столом со мной и издали смотрит, что я делаю. Я сказала, что сейчас в Воронеже — пишу туда письма. Она прислушивается к шагам Шуры в другой комнате и перелистывает «Кипарисовый ларец» Иннокентия Анненского¹⁰¹. Шура с почерневшим от боли в печени лицом не раздражается, молчит. Они обе только что пришли из кафе, где были с каким-то приятелем Эсфири. Не случилось ли что-нибудь неприятное в кафе? У Эсфири какой-то очень уж смиренный вид.

Днем решено, что Эсфирь будет жить у Добровых, в комнате Шуры. Предложила сама Елизавета Михайловна, так как положение Эсфири в квартирном отношении почему-то «безвыходно». Я спросила Елизавету Михайловну: «Почему и чем именно безвыходно?». Елизавета Михайловна говорит: «А я и не спросила, Шура так больна, нервна, и ей это приятно, она дружит с Эсфирью, может быть, Шуре будет легче».

Шуру очень беспокоит больное сердце Эсфири. Эсфирь за столом еле сидела, было видно, что ей нехорошо. Шура тревожно несколько раз смотрела на нее и как-то робко. Эсфирь раздражительно, резким движением передала Шуре папиросу. Шура не заметила, кажется, нервности и даже неприличия движения, а ведь оно было как удар хлыста. После чая — я, Арсений, Шура и Эсфирь пошли в комнату Шуры. Я села на низкий широкий подо-

конник. Арсений — на диван Шуры. А Шура подседа к Эсфири на мой диван. Пауза. Телефон позвал Эсфирь. Шура напряженно тиха и очень тревожна. Надо собрать на стол чай. «Ах, как тяжело», — безотчетно сказала Шура и вышла в столовую. Арсений — на диване, а я на окне в полном молчании минут десять. Вошла и легла на диван Эсфирь. За минуту до ее прихода, ушел Арсений, тихо сказав: «Олечка, не уходите ради Бога». Я не ответила ему.

14 августа

Утром Шура рассказала мне, что вчера в кафе было ужасно. Шура и Эсфирь в кафе за столиком пили кофе. Неподалеку сидел со знакомым Г.Г. — знакомый Саши. Г.Г. посмотрел на Эсфирь, потом на Шуру с головы до ног, медленно, очень плохо и улыбнулся. Сказал что-то своему знакомому. В улыбке Г.Г. и во всем его выражении лица было что-то до того отвратительное, непонятно, определенно и непозволительно наглое — не умею даже выразить — наглое, нет, неуважительное, панибратское, подлое какое-то — ужасно, ужасно. Ведь он воспитанный и культурный человек. И не был пьян, что это такое, ведь он знает, что я сестра Саши, как же он посмел, как он мог. Шура едва удержалась от дурноты, едва удержалась на ногах, выходя из кафе. Гадко. Ужасное что-то, как катастрофа. Никто не посмеет сказать маме что-нибудь нехорошее и неприличное обо мне. Мама не позволит и не допустит, если бы и осмелились. Но трудно перенести мысль, что возможны какие-то дурацкие пересуды между собою, за нашей спиной — «у таких родителей — такие дети...». Мне так дорог отец и мама, я настолько уважаю их — мне больно. На все пересуды и суды обо мне мне наплевать всегда, со дня рождения. Но когда задевается отец и мама — невыносимо.

Арсению Шура сказала: «Пока я жива, Эсфирь не будет ходить по чайным и употреблять кокаин».

Ах, что-то темное вьется, не понимаю, в чем дело. Напугал вчерашний знакомый Эсфири. А я и видела его только, когда он прошел через приемную комнату. У него какие-то пыльные и тусклые глаза. И когда он до странности бесцеремонно при мне — вслух обо мне сказал, буквально проходя мимо, как на

улице: «Какие у нее небесные глаза». Я вдруг с удивлением подумала, что было бы очень хорошо – взять крепкую палку и как следует стукнуть его. А может быть, и Эсфирь за то, что в дом вошел этот человек. Кто он – не знаю. Нас не успели и познакомиться, так быстро я ретировалась назад в столовую.

16 августа

Филипп Александрович в кабинете читал стихи Арсению. Елизавета Михайловна встала, почти подбежала ко мне навстречу. Весь дом радуется «возрождению» Арсения. После всех этих ужасов его заболевания – он уже два месяца не прикасался к кокаину и после полутора лет молчания и протрации опять начал писать стихи – очень хорошие. Он весь изменился. Прежние стали глаза, по-прежнему стал добр и внимателен к матери, ко всем близким. Он стал лучше ходить, веселый стал, жизнерадостный. Елизавета Михайловна так за него рада и за его мать (свою родную сестру), что эта радость будто залила все тяжелые огорчения ее самой. Лицо Елизаветы Михайловны светится радостью за Арсения. Может быть Университет, режим жизни в семье, клиническое лечение, служба для заработка в Союзе, может быть, все это поможет Арсению «вернуться к себе», стать на ноги. В таких прекрасных семьях, как семья Елизаветы Михайловны, семья ее сестры Екатерины Михайловны – такие ужасные осложнения и с Сашей, и с Арсением. Саша еще держится, он еще так юн, но уже страшно за него, ему, может быть, предстоит участь вроде Арсения! Боже, какое это страшное бедствие – кокаин и все, что вокруг него.

Эсфирь сказала, что она счастлива, что ее отношения с семьей М. сложились хорошо, слава Богу. Шура говорит, что она хочет быть здоровой, хочет жить. И правда, Шура ожила. Она робка и изумительна, все в ней как зеленая трава весной – пробирается к солнцу.

– Олечка, как вы думаете, я участвую в переменах Шуры? Она была так инертна.

– Да, Эсфирь. Шура была близка к нервному заболеванию, к протрации. И на самой тонкой грани к этому встретились вы, Эсфирь, и сумели толкнуть ее в сторону жизни.

– Может, это могло случиться и как-то иначе, но сумели и смогли – вы. Немного похоже почти на пинок ногой, но – к жизни и это уже хорошо.

– Да, я просто случай.

– Шура уверена, что не случай, а рок. Тем лучше для нее и для вас.

– О да, пусть рок, я и сама верю в это.

Мне пришла в голову очень странная и нелепая мысль: жалко, что Эсфирь женщина, а не мужчина. Если бы это было – было бы все хорошо.

Странно, Эсфирь напоминает Володю Ярового! Как-то по его что-то дрогнет в лице, что-то вынырнет общее в усмешке, в интонации, в выражении глаз, даже в движении рук.

17 августа

Эсфирь любит Шуру, «опьяняется Шурой» (неуместное выражение, но ей свойственное) и «лечится ею от прошлой своей жизни». Я взглянула на нее.

– Лучше не рассказывать?

– А я и не спрашиваю, Эсфирь.

Она дорожит Шурой и всем домом Добровых. Может быть, Эсфирь несколько преувеличивает какое-то там мое «влияние» на Шуру и поэтому так и расстраивалась на мои какие-то слова о том, что «не могу вызвать ее в своем представлении из небытия». Она не выносит ничего, что не похоже на «распростертые объятия» к ней. Может быть, и я тоже, но от «нераспростертых» (как и распростертых, если они чужие) – я просто прохожу мимо, а Эсфирь стремится все претворить в «распростертые объятия». Все замки и печати долой. Может быть, именно такой <нрзб> и нужен был в жизни Шуры. Дай Бог, чтобы она увидела, как добра, как умна и как хороша Шура, и дай Бог, чтобы не попала Шурочка наша из огня да в полымя. Так не хочется, чтобы около прекрасного этого цветка жизни было что-нибудь уродливое, скользкое и липкое, вроде слизняка и пиявки. Они обе думают, что я девочка, а я чувствую себя взрослее их двоих. Я вижу, знаю наверно, что у них будет много, много горя и терний. Почему – это уже не знаю, я никогда не знаю – почему, а просто так кажется, что – так.

Не знают они обе про горе, которое несут друг другу. Шура не знает, Эсфирь, может быть, и знает, но это ей «не так важно» — пока Шура нужна ей, нравится ей. Ничем помочь тут нельзя, вмешиваться во все это невозможно и вряд ли целесообразно. И поэтому — молчание, никаких междометий, советов, разговоров.

19 августа

Что-то я устаю так?

23 августа

По Мясницкой от вокзальной площади — шла пешком на работу — к самому началу Мясницкой.

Вереница солдат с тяжелыми мешками за плечами. Жуткое от них впечатление — согбенные плечи, спины, мешки — тянутся, тянутся много, много. Вспомнила «Прогулку в тюрьме» Ропса, кажется, и «Балладу Редингской тюрьмы» Уайльда¹⁰². Только у этих верениц на согбенных спинах большие, тяжелые мешки — несут, несут, как долю человечью.

Не надо суетиться. До осени ничего не надо менять. Тратить поменьше, соберутся деньги — к осени послать маме. Может быть, съездить домой и с мамой подумать обо всем «самом главном». Надо, чтобы у мамы не оборвались постромки, чтобы мальчики, братья, кончили гимназию. Побаловать папу — читать ему, гулять с ним, может быть, в церковь ходить с ним, все его ультиматумы, вмешательство во все поры жизни молодежи и мамы от безделья, он <нрзб> всю жизнь работать, в крепкой колее работы и отдыха, а теперь эти дни рассыпаются, как песок. Чувствую, что все это важно, во все это нужно вникнуть и это — теперь вот, в этот «отрезок жизни» моей важнее, чем стихи, мудрствования, умствования, разговоры. Так не нужны мне все эти эпизодические чужие дела, заботы, «поцелуй без любви и мечты без денег» Леонтины Игнатьевны, ссоры ее с Вассой Ивановной. Скорее в Москву.

24 августа. Москва — Воронеж

О. Бессарабова — А.П. Соловкиной

Мама, как это ни я, ни кто-нибудь из близких мне, не догадались до сих пор, что я простая девушка, очень простая. Это мне

самой так кажется и я так рада этому. Последние годы (а может быть, и все предыдущие) я жила как будто бездумно и бездумно принимала, а часто и мало замечала богатые караваны даров от жизни и людей и всякие незаслуженные авансы.

Вероятно, у всех людей бывает такое время, когда о них складывается мнение, «общественное мнение» в среде, где они живут, основной тон репутации человека. Меня удивляет и печалит множество совсем разных мнений и представлений обо мне, не чужих, а близких и любящих меня людей (во всех случаях — доброжелательных), так вот, во всех мнениях обо мне — противоречивость, несовместимость, хаотичность разных полностью противоположных определений. Это могло бы радовать как показатель многогранности и разносторонности моего существа. Но дело не в этом. Дело все в том, что никто не догадался о моей примитивной простоте, и каждый видел все, что сумел... Я была, может быть, каким-то зеркалом, более или менее искренно и талантливо отражающим все, что смотрелось в него. И как кто умел и хотел, всякий на свой лад, на свои меры мерил, а меры и весы были очень разные. Кто меня не знал — раскрашивал, как умел, каждый в своем стиле, кто знал и любил — искореняли во мне свои недостатки, и те, кто не любил — отмечали (замечали) во мне свои же отражения.

Мамочка, а я же совсем простая, обыкновенная девушка. И это меня радует, и это моя «база», на которой и вырастет мой колос. Эта моя сущность — простота — может быть, и выпрямит меня, так как меня хоть еще и «не было», как мне кажется, все-таки успела я уже нажать горб, а может быть, и несколько. Из хаоса мнений выявилось два основных течения — со стороны людей, с которыми я считаюсь, течение, в общей сумме не уверенное в наличии во мне творческой силы (с любовью и надеждой, что они ошибаются).

Люди, с которыми я не могу считаться «утверждают» меня преувеличенно. В этом счете исключение составляют два человека: ты и брат Боря. Его вера в меня только поддерживает и окрыляет, а совсем не «само мнит» и не надувает, как воздушный шар, хоть Борюшка и чересчур щедро дает мне всякие авансы в жизни.

Радоваться ли мне тьме «низких истин» или меня «возвышающему обману» — недоразумению предоставляется мне или

кому-нибудь. Все это, конечно, я схематично и грубовато определила.

26 августа

Последняя ночь на даче. Скорее, скорее в Москву.

Да. А вот один очень умный и взрослый человек (Филипп Александрович Добров) сказал обо мне так: «Олечка очень женственна. В ее жизни очень важную роль сыграет удачный или неудачный выбор спутника. Я уверен, что это будет не проходимец, у нее тончайший и верный критерий и чуткость, и восприимчивость к светлой и сильной стороне жизни. А ото всего темного она защищена довольно неожиданной, но непроницаемой броней, пассивным сопротивлением. Это огромная сила — она инстинктивна, неосознанна в ней — тем надежнее!

2 сентября

Ночевала первый раз на новоселье в Москве. Трехпрудный, № 11, кв. 204. Живу в комнате с Ниночкой, у Залесских.

Эсфирь:

— Может быть, вы правда примитивны? Ясность, чистота, красота. Может быть, это-то и поражает, и очаровывает.

Прощание с Надеждой Сергеевной Бутовой, я, когда я увозила свои вещи из ее теремка-мезонина.

— Вы знаете, что я люблю вас? — искренне солгала Надежда Сергеевна (желая, чтобы это было правдой), провожая меня привычно проникновенными глазами, приниженным от почти волнения голосом.

— Да, знаю, — искренно солгала я в ответ, не желая сорвать доброго ее желания, с чуточку дрогнувшим лицом правдивого ответа. Я, безусловно, не лгала нарочно. И она, конечно же. И со сцены зрительный зал Художественного театра был бы доволен. А это все — неправда. Мы прошли мимо друг друга, и в этом нет вины, повода, каких-то причин. В этом есть какой-то отзвук сложных отношений Вавочки и Надежды Сергеевны, таких сложных, что я не пожелала вникнуть. Мне кажется, что На-

дежда Сергеевна не любит Михаила Владимировича, близкого и любимого друга Вавочки. Вавочка совсем не любит самых близких друзей Надежды Сергеевны, относится к трем из них (из тех, кого я знаю) скептически, юмористически, удивляясь, что может быть общего между Надеждой Сергеевной и ими...

Я не люблю безличную христианствующую доброту. А настоящая только у святых или у таких кристаллов, как милая мне Наталья Дмитриевна Шаховская. А у людей вообще, даже и очень большого масштаба – это только благое желание, хорошая устремленность, более или менее удачное «подражание Христу» (ай-яй, на что осмеливаются!), но это еще не сама любовь, как у мамы, у Варвары Федоровны.

Я случайно видела, как она отдавала случайной нищенке узелок с заштопанными чулками и носками и каким-то старым бельем, чисто вымытым, выглаженным и тщательно заштопанным. Она была так хороша, так скромна, так подлинна в эту минуту, что я отступила назад и пришла к ней минут через 10, когда нищенка уже ушла. Я видела – счастливая не самими даже вещами, а тем, как они были ей даны. Так просто! Так хорошо! С таким смущением за их скромность! «Может быть, пригодятся».

Вот и Елизавета Михайловна – вся настоящая и в доброте, и в гневе, и во всей жизни. Мне так жалко Надежду Сергеевну, что как-то нестерпимо больно ее видеть. Ничем помочь нельзя. Может быть, и можно, но не мне, потому что Надежда Сергеевна просто неизмеримо большего масштаба человек. А вернее – теперь помочь ей может только Бог, а не люди. Спаленное грозой дерево, но еще жива какая-то веточка, кусок корня. Я вспомнила ту, еще живую большую березу, с еще зелеными листьями кроны – у пруда Головина монастыря – бурелом вывернул ту березу с корнями, и она лежала уже не высокая, а длинная-длинная и уже обреченная – если не дрова, то на доски.

8 сентября

Григорий Григорьевич Залесский (одаренный, но какой-то ненадежный, в неустойчивом равновесии человек) предложил мне, Нине и Марусе Вальдштейн (сестре жены – Густочки –

Августы Павловны) игру. Он дал три темы, на которые надо было говорить по три минуты.

1) Мысль Бюффона о любви и счастье¹⁰³. Животные в любви счастливы. Моральная сторона любви не есть ли несчастье для человека.

2) Когда Ангелы разделились на светлых и темных¹⁰⁴, один ангел не примкнул ни к тем, ни к другим. И Бог проклял его большим проклятием, чем Люцифера, и иже с ним отпавших от Него – от Бога.

3) Можно ли служить Богу и Маммоне одновременно¹⁰⁵.

Сначала не было в ответах четкой мысли и ясной речи. Девушки сажали цветы красноречия и заставляли слушателей догадываться о том, что они хотели сказать.

Залесский сказал потом, что во мне есть «мудрость Аленушки».

12 сентября

Завтра уеду в Воронеж на месяц – в отпуск. Вчера вечером попрощалась с домом Добровых, любимым моим домом в Москве. Явилась к ним в белом с оборками открытом платье, а на дворе было холодно. Я не заметила погоды, так как была в теплой легкой своей шубке, так красиво сшитой из бабушкиной ротонды.

За чайным светлым столом меня встретила радостное шестирустное приветствие. Я взяла оборки платья кончиками пальцев и ответила всем сразу церемонным реверансом. Платье и реверанс «имели шумный успех». Горячий, крепкий, душистый, золотой, янтарный чай с золотым медом.

Побыли часок все вместе: Шура, Елизавета Михайловна, Арсений, Филипп Александрович, Ольга Яковлевна, Саша (это бывает редко) – и полетела домой пешком через Пречистенский, Никитский и Тверской бульвары. Шла очень быстро по самой середине бульваров, под огненным ожерельем лампочек. Очень люблю это ни с чем не сравнимое ощущение своей легкости и невесомости.

Елизавета Михайловна горячо, нежно несколько раз поцеловала меня и перекрестила, и стояла на пороге освещенной изнутри прихожей двери, и смотрела, пока я не скрылась в Левшинском переулке. Боже мой, какое у нее было доброе, нежное

лицо, доброта, овеществленная в ее лице, глазах, улыбке — буквально как-то излучалась от всего ее облика, от рук, от каждой черточки лица, волос. И это был не «световой эффект» от ярко-го света за ней из передней — там матовые лампочки с мягким, хоть и ярким светом. Это была она сама. Доброта овеществляется — рассказать об этом трудно. Теплота, движение какое-то в четвертом измерении, но, несомненно, явное, осязаемое.

Филипп Александрович после «окончательного прощания» еще два раза зашел к нам, в Шурину комнату, потрогал меня за голову и сказал: «Сегодня Олечка, как невеста, и что Олечка сегодня такая?».

Комната Шуры уже приняла зимний вид. На пол легли сплошь темные и яркие персидские ковры, над диваном появилась темно-красная с цветами бархатная скатерть, все остальное — по-прежнему. Так красивы золотые бубенчики мимозы на темно-синих стенах. Здесь и там в вазах осенние красные ветки, сухая мимоза. Лампочки закрыты лиловым и желтым газом. Лица Бодлера, Шелли, Байрона, Уайльда, Бердслея, Эдгара По, Гофмана, Андерсена и несколько античных снимков по-прежнему взглянули на меня.

На ночь дома читала прелестную старинную 18 века «Книгу любви золотую»¹⁰⁶, в кожаном тисненном переплете с золотыми обрезами. Часто слышу у Залесских имя художника — скульптора — искусствоведа Бакушинского¹⁰⁷. Имя это произносится так, как будто речь идет о редкостной драгоценности или великом произведении искусства. Читала еще «Сад Эпикура» Анатоля Франса¹⁰⁸. Ум отточенный, изящный, французский, острый и блестящий. Не понимаю, как могут находить его «сухим и бездушным». Если в нем нет влаги и тепла, так зачем же и искать их в чеканном серебре, в тонком узоре клинка отточенного кинжала?

15 сентября

Домой не еду. Пришлось остаться до октября. Уступила очередь своего отпуска одной из сотрудниц в Архиве Земского Союза — у нее какие-то семейные катастрофы.

Дни золотые, звонкие, быстрые.

23 октября

Приключение с вещами по дороге из Воронежа в Москву. В Ряжске вышла на перрон и не заметила, как мой поезд со всеми вещами уехал. Дала телеграмму по линии до Москвы и своим, домой в Воронеж. Хорошо, что со мной остались билет и дорожные деньги. Пришлось долго ждать следующий поезд в Москву. В книжном киоске купила «Детские годы Багрова-внука» и «Семейную хронику» Аксакова. Пообедала в буфете и с увлечением читала «Семейную хронику». Какой русский прекрасный, чистый и богатый язык, какая благосеннолиственность спокойного рассказа.

Неприятность приключения совершенно растворилась в миллом Аксакове.

26 октября

Болезнь Шурочки, рассказы ее об Эсфири. Обморок Елизаветы Михайловны. Неудачи Арсения — собирается уехать в Нижний.

27 октября

Разговор с Веселовским Степаном Борисовичем о моем решении уехать в Воронеж, о планах на жизнь, о теперешних событиях, о России. Он очень умный человек. Он похож на картины Рембрандта, чем больше всматриваешься, тем они больше привлекают. В первые моменты он совсем незаметный, очень скромный. В первые дни — красивый и изящный Лоллий Иванович Львов и даже Якушкин совершенно затенили его. Но очень скоро оба отошли на второй и третий план.

Как-то все наши «Архивные дамы» разобрали всех на работе. Я удивилась, как тонко и верно дамы разобрались в свойствах, качествах и значениях малознакомых людей. Самым «главным» оказался Веселовский. Самым красивым — Лоллий Иванович Львов. Все другие дипломы меня не интересовали. Всем несимпатичному Погосскому я заставила дам выдать все-таки диплом высокого образовательного ценза. В Веселовском —

правдивая простота, неожиданная застенчивость и что-то, что со своей стороны вызывает полное доверие.

28 октября

События в Москве.

Шла на работу в Архив пешком по Тверской (живу в Мамонском – Трехпрудном переулке), по Большой Дмитровке, Лубянке и Мясницкой. Всю дорогу читала «Сад Эпикура».

Стрельба, пулеметы, арестованные. Кто же кого же арестовал? На Тверской в трех шагах от меня выстрелил солдат. Я не видела, в кого он стрельнул, я шла тихо, читая «Сад Эпикура». Панически шарахнулся весь тротуар, густо переполненный толпой. «Ти-ше! Спокойнее!» – крикнул офицер особенным командным голосом. Толпа пошла как шла – спокойно до выстрела. Поравнявшись с солдатом, стоявшим у двери с ружьем, я спросила, не закрывая книгу:

– Почему вы выстрелили?

– Буржуев поугагать!

– Да? – И, не оглянувшись на него больше, я пошла дальше, продолжая читать.

Мною овладело странное упрямство и чувство глубокого пренебрежения к дурацкому желанию его «поугагать». Может быть, не дурацкое, а просто прорвался в его психике какой-то назревший нарыв. Мало ли что пришлось ему испытать в жизни. Лицо у него было не озорное и веселое, а нехорошее – глумление и чувство безнаказанности. И что-то было в глазах его вороватых и наглых, что мне показалось, что если бы на него взмахнуть плетью или зонтиком, он выронил бы ружье.

Такие, вероятно, были лица у громил во время еврейских погромов. Такие же, вероятно, были лица в той толпе, которая разорвала в Воронеже студента-революционера в 1905 году, когда он прыгнул через решетку сквера (за ним гнались казаки с нагайками), а толпа схватила его за ноги, и он животом упал на острия железной ограды сквера, его нарочно дернули за ноги, и он погиб. Такие, вероятно, поджигали конюшни и усадьбы, с такими лицами и глазами грабят и убивают, и за, и против – лишь бы грабить и убивать.

Я не знаю, что это происходит теперь в Москве. Царь и его окружение теперь обезврежены, что же теперь-то нам драться? Неужели совсем невозможно сговориться, если не в Учредительном Собрании, то в каком-нибудь другом?

На высоких домах — пулеметы. Из лазарета на Страстной площади сестры милосердия в белых косынках с красными крестами выбежали перевязать каких-то раненых. Их убили, а раненых прикололи. Кто? Кого? Трупы свозятся в комиссариаты. Ни страха, ни паники нет на улицах, ни у «буржуев», ни у «плебеев». Что это — борьба элоев и морлоков? Горе элоям, даже самым «хорошим».

30 октября

Горничная Катя (у Залесских) сказала днем: «Непременно пойду за молоком. Я самолюбивая. Они не смеют стрелять, мне молоко нужно».

На крыше огромного нашего дома — пулеметы. Кто поставил и против кого? Дом этот огромный, занимает два квартала по двум переулкам (угловой). В нем великое множество жильцов. Странно, что на жилом доме — пулеметы. А если противники (белые или красные) на пулеметы ответят пушками — жильцы этой крепости будут теми щепками, которые летят, когда рубят лес. О пулеметах сказала нам горничная Катя, она боится, что пулеметы могут «живых людей убить до смерти».

— А вы кого жалеете, красных или белых?

— Ох, всех, ведь все же живые люди. Ох, Господи! Уж скорей бы чья-нибудь взяла, те или другие — все едино озорники, в живых людей стрелять собираются!

До чего же я неграмотна, вместе с Катей нашей так же великолепно разбираюсь кто прав, кто виноват.

31 октября. 6 часов вечера

Ах, кисельные берега, молочные реки, далеко вы.

Кругом видны из окон зарева, сквозь тяжело занавешенные окна слышны пушечные громы — дрожат стекла. Мы живем на пятом этаже. Женщины и мужчины сидят в домах и не видят

света за шторами, портьерами и стенами, пока не разрушатся сами дома. С 28-го октября с каждым днем все громче шагает по Москве История.

«С падением и разрушением царств земных возникают грады невидимые, Божьи. Расцветают религии, искусства, науки».

Пишу сочинение для брата Володи «Дореформенная Русь». И реформенная, и дореформенная, довоенная и военная Русь, теперь уже, кажется, отошла в века, в прошлое.

Не похожи эти октябрьские дни на февральские. Если те (самые первые) дни были солнечно праздничными, эти строгие, суровые дни «Грядущие события отбрасывают тень».

4 ноября

«Не хотела очевидности. Пошла наперекор здравому смыслу на давно намеченную на это число лекцию Бальмонта в зале Политехнического музея¹⁰⁹. Совершенно пустынный город, вся Тверская до Театральной. Тьма, осколки, битые стекла на тротуарах, штыки. Никто не спросил меня, куда, зачем иду. На Страстной площади (ближе к церкви) печальный, острый и тонкий человек, нервно и как-то странно придыхая, немного задыхаясь, сказал мне, попросил мадмуазель проводить ее. Я пошла быстрее.

— Вы нужны мне. Нужны мне. Но вы смотрите мимо, и не слышите меня.

Я быстро шла, он прошел со мной не более 6–7–8 шагов и отстал. В нем совершенно не было ни наглости, ни навязчивости, ничего «плохого». Может быть, он просто голоден, может быть, ему надо было спрятаться? Не знаю.

6 ноября

В Архиве разговор с Борисом Ивановичем Ивановым о 3000 убитых в Москве, о реальности отвлеченных понятий, о событиях. Здравый смысл, честность и прямота его мысли и речи, как ценный дар жизни мне, а он совсем чужой, незнакомый мне человек, просто сотрудник по работе.

Москва – Воронеж

О. Бессарабова – Б. Бессарабову

В Москве больше 3000 убитых. Живые встречаются, говорят, делятся своими впечатлениями этих дней. Кипят котлы кипучие, горят костры горячие, и много, много дыма, накипи, пепла и горячих углей. События все эти кажутся мне так огромны и значительны, и не как сами по себе, а как начало каких-то еще более важных, трудных и глубоких. Трудно мне вникнуть в реальность и в значение всего, что происходит. Для меня понятнее и реальнее «отвлеченные понятия» – Красота, Добро, Зло, Жизнь, Смерть. Чувствую всех, кто кругом, ореховыми скорлупками и листьями, попавшими в водоворот, в водопад или в море. И теперь самое главное – этот океан, а не отдельные в нем листочки и скорлупки.

8 ноября. Москва – Воронеж

О. Бессарабова – Б. Бессарабову

Не была у Добровых со времени октябрьских дней, ничего не знаю о них.

Слушала «шаги истории» – по Москве. Очень плохо, не нравится мне, что ничего не понимаю и не знаю, чему радоваться, на что махать рукой. Другого и жеста нет, в такие дни!

15 ноября

Михаил Владимирович приехал с фронта с офицерами своего полка за достоверными известиями о своих семьях и о Москве. В провинциальных газетах чуть ли не разрушили уже «всю Москву» и чуть ли не срыли до основания весь Кремль, соборы и дворцы. Так же вести разносят, видимо, сороки на хвосте¹¹⁰.

20 ноября

С Шурой ночной разговор при свечах в канделябрах и бра. Трудно Шуре. Трудно в семье, трудно дому, милому моему добровскому дому. Шуре «уже 25 лет». Духовное одиночество,

несамостоятельность, никаких перспектив. Мысль о неизбежности разрыва с Эсфирью. О жизненных и нежизненных людях. О строителях жизни и о «дубовых листочках» и «скорлупках». Если бы был в Москве Александр Викторович было бы легче. Как бы хотелось ей самостоятельности, и уехать из Москвы. Из семьи? — «Да, Олюшка».

У Шуры поражено второе легкое. Мешает безволие «ликвидировать все это». Варвара Григорьевна пишет: «По смутным слухам, ты в Москве».

В Архиве очень значительный разговор (о событиях, о стране) с Веселовским. Ум, ясность мысли, широкий кругозор, глубина лота. Очень хорошо говорила с красавицей Зоей Евгеньевной Шредер. Она очень нравится мне. У нее скромные манеры. И возможно, что семейные поступки ее почему-то не любят наши архивные дамы. Есть же на свете такие красивые женщины. Бывают ли счастливые женщины с такой красотой?

В квартиру Лоллия Ивановича Львова и Якушкина (они живут, кажется в одном доме) попало 5 снарядов.

Прелестная книга Анатоля Франса «Преступление Сильвестра Боннара»¹¹¹. Люблю его «Сад Эпикура».

«Я испытываю радость добрых и ужас злых».

«Предпочитаю безумию страстей благоразумию безучастности».

«Знание — ничто, воображение — все».

«Ничто не существует на свете, кроме того, что представляют себе. Я существую в представлении. Это и есть существование. Все — мечта, и если никто не мечтает о вас, вас не существует».

«Время, дарованное каждому из нас, драгоценная ткань, которую мы вышиваем, как умеем».

«Конь бледный». Савинкова-Ропшина¹¹².

Художник Константинов живет в студии, жена и дети — в спальне, обедают они в столовой, а гостей принимают в гостиной. Все это происходит в одной крошечной уютной светлой комнатке. У него новые чудесные картины — «Рай» и «Бегство в Египет». «Бегство» — как видение из радуги, когда смотришь на свечу сквозь слезы или сквозь ресницы. Жена его — Лидия

Алексеевна, замужняя молодая женщина, недавно приехала из П<арижа>. Дети прелестные, с золотыми льняными волосами.

22 ноября. Москва – Петроград

О. Бессарабова – В. Виткович

<На открытке из Эрмитажа: Ван Дейк, Вильгельм 2 из Нассау¹³>

Из Москвы уезжаю года на три (домой в Воронеж). Московская моя жизнь, эстетическое дилетантство и меня оно не может убаюкать, буду «просто жить». Братья, мама и я будем «строить жизнь» – вообще и свою, в частности. Я хочу просто жить на свете, и я думаю, что я просто девушка, и я так рада этом! Еду в Воронеж с ясной душой. В голову приходят волнения, смущающие мысли.

29 ноября

Дни мои мерзнут в архиве, ходят по Тверской, что-то едят и пьют, на что-то машут рукой, читают так, как запойные пьяницы пьют. Вечера мои – слушают музыку, умных философов, поэтических Бальмонтов.

7 декабря

Смотрела я на лица на улицах. Вереница изящных женщин. Почти все лица – центр своего мирка, счастья (или несчастья). И даже не «счастья», а удовольствия, которое не видит и не слышит ничего, что теперь рушится, тонет, растет, зарождается. Перестраивается вся жизнь всей стран. А живут люди как ни в чем не бывало. «Пока!»

Вижу необычайные сны – вроде сотворения миров, может быть, похожие на картины Богаевского¹⁴, только с элементами разрушенных до основания, пустых городов – так разрушенных, что не видно, где были улицы, а где дома – где церкви и дворцы, а где лачуги. Грохоты падающих гор (под дирижерскую палочку человека во фраке) – расцветающие пустыни, заново возникающие острова, города. В каком-то малознакомом городе – ишу свою дочь – она уже большая.

8 декабря

О Марфе и Марии, о Себастьяне Ван Строк.

Была у Добровых. Радостная встреча со всем домом. Через Анатолия Каменского¹¹⁵ Шура принимает ангажемент для игры в кинематографе, если она «фотогенична». Изобретает сногшибательные шляпы, сама их выдумывает. И самые дикие идут к ней больше всего. Эсфирь и она в большом затруднении, в своих денежных делах. Шура горит желанием помочь Эсфири и для этого хочет работать.

В доме очень трудно и мучительно. Что случилось с папой? Этот роман – ужас что такое. Все проявилось со дня революции. Муравьева желает удержать возле себя папу и не желает, видите ли, разрушать свою семью! Да что же папа, мальчик-паж, что она, с ума, что ли, сошла?

Я так испугалась за милый мой, любимый – прекрасный дом Добровых! «Маме ужасно трудно. На старости лет, такие испытания!»

Это все просто ужасно.

Сережа Предтеченский очень мрачен. Он ночует сегодня у Добровых. Скоро уедет. Он очень угрюм и мрачен. Мне кажется, что он мог бы просто побить и выгнать Эсфирь. Этого, конечно, не будет, конечно, это не возможно. Очень, может быть, жаль, что... что это невозможно!.. Из-за Шуры, которую берегут. Я не могу понять, что это такое, Эсфирь? А ведь и, правда, она похожа на Вакха да Винчи¹¹⁶ и на портрет молодого человека Ван Дейка. Я только никому этого не сказала, почему это сходство чем-то очень неприятно.

Говорили мы с Шурой, очень серьезно (Шура умна) – о потоке эмоций в это время начала Революции. Во всех «вещах» в жизни отдельных людей, кажется, что во всей Москве, во всей стране какие-то вихри и смерчи, все в каком-то пламенном круге «Пира во время чумы», что-то сорвалось со всех постромок, а что еще не сорвалось, то уже готово сорваться.

Шла через бульвары Пречистенский, Никитский, Тверской. Это мой обычный путь от дома Добровых в Малом Левшинском

переулке до своего домища в Мамоновском и Трехпрудном переулках, на Тверской.

Огни. Спящие на деревьях бульваров черные птицы. Крепкий, звонкий чудесный мороз. Как я люблю зиму и этот звенящий снег, и свежесть, и запах снега, и его белизну, и город, такой чистый и белый.

А ведь есть на свете люди, строители новой эры, новой жизни. Не знаю, еще не видела их, но они должны уже быть на свете. Я так люблю Москву, пусть она, моя Москва, оазис в пустыне, как говорил Сережа. Да. Но не люди этого моего оазиса, строители новой будущей жизни. Вот я уеду из теперешней Москвы. Когда вернусь, не знаю. Чувствую, что когда-нибудь вернусь.

Узнаю ли я Москву? Кто будет жив и каковы мы все теперешние будем? Взрослые состарятся, молодые станут взрослыми, дети будут молодые. Но я не об этом. Все будет другое? Какое? Лучше? Хуже? Сумеет ли новое взять из прошлого (теперь оно еще пока настоящее) лучшее, что в нем есть. А есть, есть, есть много очень ценного. Не Эсфирь с кокаином, не полузаглубленные Саши и Арсений. Сейчас вспоминаю всех, кого бы я попросила «жизнь сберечь» для будущего, для жизни, для страны, для людей.

11 декабря

Не могу отвязаться от навязчивой фразы Уайльда из Саломеи: «Я слышу взмахи крыльев смерти в этом доме»¹¹⁷. Но даже не смерти, а хуже. Да, да, да. Вроде летучей мыши, что-то вьется над прекрасным этим домом. Ради Шуры не хочу додумывать.

Господи, сохрани этот дом. Дай ему мир. Сбереги его. Сбереги его ради стариков будущих (Филиппа Александровича и Елизаветы Михайловны), ради молодости отрока Даниила, ради прекрасного и хрупкого цветка в нем — Шуры.

На звонок мой открыла дверь сама Елизавета Михайловна:
— Я вас ждала, Олюшка, вы позвонили по-своему, я и подумала, что это вы, а вот вы и есть.

Мрачный, все время исчезающий Сережа, слоняется из комнаты в комнату – не находит себе места – помог мне раздеться, был очень добр ко мне, но забыл в ту же секунду.

Для меня вновь собрались на столе чай, мед, чудесный «бутовский хлеб» (как пекли его в Бутове на даче, когда с нами был Леонид Николаевич), испеченный пышной косой с маком, вкусом похожий на просфору. Успокоила Шуру вестью о завтрашних деньгах. Это для Эсфири. Эсфирь придет потом мне в Воронеж – очень скоро, как только выкрутится из своего капкана (какого-то, я не спросила, что за капкан).

Не снег, а весь воздух в каких-то неосязаемых, но видимых сверкающих бриллиантовых россыпях. Так бывает в сильные морозы. Почему-то мне всегда кажется, что это – счастье, радость, общественная радость легко дышать.

12 декабря

Вчера Виктор Константинович¹¹⁸ встретил меня почти одетой. Я немного огорчена, что им я заполнила так много вечеров, моих последних в Москве и вряд ли успею даже на минуту зайти попрощаться со всеми, с кем мне хотелось бы попрощаться.

Виктору Константиновичу хочется на воздух:

– Пожалуйста, пойдите хоть в кинематограф.

Я предложила ему пойти к моим близким друзьям, к Добровым. Там на меня жалуются, что перед отъездом мало и коротко бываю у них.

– Там о вас слышали от меня, и вам будет приятно побывать за белым столом в хорошей семье. Это мой любимый дом в Москве.

– Пошли.

Дома у Добровых застали Шуру, Эсфирь, Сережу, Даню и Ольгу Яковлевну (гувернантку Дани), Филиппа Александровича. Елизавета Михайловна и Саша были в гостях.

Дорогой Виктор Константинович негромко, но очень приятно пел русские песни и одну песенку Вертинского (Вертинского не люблю; он у меня в компании, вроде Северянина). Всю дорогу шутил, говорил быстро и весело, радовался свежести вечера, снегу, зиме. Мы были приглашены в комнату Шуры. Узнав, что

в доме Сережа, я быстро пошла за ним, нашла его в комнате Саши — стоит посреди комнаты и держит книгу каких-то стихов, будто читает. Очень угрюмый. Я его повела к Шуре. Он буркнул угрюмо и невнятно:

— А можно ли туда? А почему бы нельзя? Идем, идем.

Он сел на диване Шурочки и курил все время, зажигая одну папиросу от другой, а потом, крошечную изящную трубочку. Шура укутала Эсфирь в огромное легкое и теплое бабушкино одеяло. И мне дала большой мягкий теплый платок. Я сразу в нем согрелась с мороза.

Говорили о домовых охранах, о политике. Все хотели чаю, все хотели согреться. Сережа был весь вечер в едва допустимом в обществе небытии. Очень нахохлился, угрюмый такой. За чаем Виктор Константинович был неиссякаемым, искристым, как шампанское, источником и фонтаном, золотым снопом живого, веселого разговора о ни о чем и обо всем на свете. Ей-Богу, это уже искусство. Он сумел втянуть в шутки, и смех, и реплики всех, даже совсем отсутствующего и угрюмого Сережу. И о чем бы ни говорили, все превращалось в шутку, как у жонглера. Оживилась и по-детски смеялась даже Ольга Яковлевна.

Когда говорили (и смеялись!) о гипнотезии, об йогах и о деревнях Индии, с какого-то бала пришел огромный красавец — Саша. Очень бледный, с черными кругами под глазами, с тщательным до неловкости пробором. Я никогда не видела Сашу таким неприятным, хотя он был красив даже больше, чем всегда, но чем-то, как это странно, и отвратителен!

Я сама себе не поверила, что такая редкостная красота, может быть неприятной и противной.

— Олечка, я продержусь *comme il faut** не более пяти минут. Я пьян, я просто пьян, не ругайтесь и не смотрите на меня. Я пройду и не пошатнусь, я сумею дойти до двери. Попросите Сережу зайти ко мне на минуту в комнату, он поможет мне. Не смотрите на меня, когда я пойду до двери, а то я непременно пошатнусь.

*Здесь: Как необходимо, как положено (фр.).

13 декабря

Вчера Виктор Константинович, изящно и тщательно одетый (просто и совсем не похоже на Сашу, хотя и Саша в одежде безупречно корректен), Виктор Константинович ждал меня, чтобы вместе идти к Добровым. Он уже готов к отъезду в Воронеж. Теперь все дело стало только за билетами.

Об элоях и морлоках. Об отношении элоев к морлокам, пока морлоки еще не начали есть элоев.

Морлоков – прежде всего надо хорошо кормить. И этим участвовать в превращении человекообразных в людей. Социалисты – элои, кормящие; есть элои борющиеся – в силу кастового и расового неравенства культурных уровней.

Элои – просветители. Элои – мечтатели. Элои всех видов, родов и сортов, элои и морлоки будут всегда и вечно. Глупость вечна, а морлоки дети глупости. Вечны и элои – вечна сила разума, ума.

До войны он страдал от недостатка впечатлений. Его заносило чистым песком, и он как-то начал засыпать потихоньку. Война и встреча с Валеи, и все стало иным – дух захватывает.

У Добровых некоторое (недолгое) время был с нами Федор Константинович Константинов.

За четверть часа разговора Виктора Константиновича и Федора Константиновича поразительно ярко выявились антиподные полюсы их существ. После ухода Федора Константиновича, когда Ольга Яковлевна, Шура и Эсфирь заговорили о Федоре Константиновиче, о его грубоватости, Виктор Константинович был почти резок и не скрыл своего впечатления от Федора Константиновича. Он блестяще остроумно, но удивительно поверхностно окарикатурил, изобразил и комментировал Федора Константиновича. Все были согласны с Виктором Константиновичем и к его гротеску прибавили много и своих штрихов и мазков в том же духе.

Я очень горячо взяла отсутствующего Федора Константиновича под свою защиту. Виктор Константинович – весело извинялся передо мной за то, что он так «разжелудил» художника.

– Но ей-Богу, он сам же дал повод, – и так и сяк, очень, правда, забавно, отшутился.

Виктор Константинович читал свои стихи, Эсфирь свои (это, пожалуй, напрасно сошло все очень приветливо). Елизавета Михайловна была очень приветлива к Виктору Константиновичу. Осталась ночевать. Заснули поздно.

А за всем этим как-то помимо Виктора Константиновича в этот вечер для меня в доме Добровых будто собрались сразу все мои три года Москвы, и я прощалась со всем, что было за эти три года, и как-то совсем забывала и забыла о Викторе Константиновиче. Вспомнила я наши чтения вслух — читала Шура мне и Филиппу Александровичу, когда мы оба дома болели. Елки, праздники, Бутово, просто вечера, Дунаевские, Коля — Николай Григорьевич, Вавочка, Михаил Владимирович, многие друзья, что бывали в доме.

Виктор Константинович так очаровал и заполонил собой всех в доме, что я была рада, мне никто не мешал. А все-таки прав во всем был не Виктор Константинович, а Федор Константинович, но только он утопил свою правду в неотесанной форме всего, о чем он говорил. А Виктор Константинович от всего просто отшутился, ничего не противопоставив Федору Константиновичу.

15 декабря

Прощание с красивой Зоей Евгеньевной Шредер. Она очень смеялась и была тронута, когда я рассказала, какой я мысленно сочинила роман о ней и о С. Б. В. Как ни странно, но у нее даже блеснули слезы, очень мельком, но несомненно.

Прощание с «обыкновенным человеком» — Борисом Ивановичем Ивановым. Умен, ох, как умен, а на вид — такой незаметный! Как мне жаль, что так поздно я его узнала.

Какие антиподы — Виктор Константинович и Борис Иванович! Борис Иванович совсем не декоративен, не ярок, но он умен, значительнее, более подлинный, — и неизмеримо крупнее масштабом человек, чем милый и блестящий Виктор Константинович.

Все-таки он — котильонная звезда. Но он дорог и мил Вале, он Валин муж.

Мама пишет, что у Ивана Васильевича был апоплексический удар, он не может читать, забыл многие слова. Боря, брат, с ним

очень нежен, заботлив, внимателен. Папа очень ждет меня. Ждут меня все мои дорогие в доме — дома, и ждут письма, два от Вавочки и четыре письма от Николая Григорьевича. По тону письма мамы, вижу, что положение папы хуже, чем она говорит в письме.

17 декабря

Параллели, параллели — я оставлю Москву, курсы, работу (вернее — устройство) во Всероссийском Земском Союзе, потому что — все это дилетантство. Еду в Воронеж. Там помогу маме, чтобы три брата, гимназисты, кончили гимназию. Еду домой, чтобы просто жить и чтобы дом у нас был тихий, какой давно мы с мамой хотим устроить, только одной маме очень трудно, а вместе, может быть, будет полегче. Может быть, удастся снять с мамы хоть часть тяжести заработка и ведения дома с такой большой семьей.

Беречь маму и братьев, не облетая одуванчиком на эстетство, дилетантство, всякие там ощущения снега, зорь, и прочего, и всякую суету сует. «Свободной от быта» можно быть, только крепко взяв его в свои руки, так чтобы мы им управляли до того, чтобы он стал не заметным. А не гибнуть в его власти, особенно если он богемен, растрепан и случаен.

И параллельно с нетерпением поскорее вернуться домой, где-то рядом выросло сознание, что именно теперь-то я и подросла для Москвы, теперь я увидела бы в ней больше, более важное и главное, чем я видела ее в эти 3 года.

Вот эти три дня разговоров с Борисом Ивановичем в архиве (он историк, студент университета, работает во Всероссийском Земском Союзе, как и я, для заработка). Мне кажется, что за эти три дня, правда, мы говорили почти все служебное время в эти три дня, благо, почти никого не было в библиотеке. Эти три дня глубоко изменили мою точку зрения на очень многое в жизни.

Я вся занята теперь сборами в Воронеж, прощание с Москвой. Прощаюсь с ней, как с живым существом. Но как же мало я ее знаю! Оазис в пустыне! Прав был тогда Сережа! Я так и не узнала Москвы — той, что за шторами и цветными витринами этого оазиса...

Когда я увижу еще Москву, и увижу ли ее когда-нибудь? Может, это будет через много лет. И я, и Москва будем уже не эти, что теперь.

Я так поглощена и прощением с Москвой, и сборами в Воронеж, что мне трудно сосредоточиться отдельно на Борисе Ивановиче. Но как бы я была ему благодарна, если бы он смог и пожелал еще побыть, поговорить со мной, ответить на все, о чем бы я его спросила, и рассказал бы все, что он сам захотел, и смог бы рассказать. Меня поразил его спокойный умный здравый смысл. Его простота, правдивость, прямота и правота его мыслей, слов. Значит «все это» мне в диковинку? Если бы я не уехала теперь же в Воронеж, я очень попросила бы Бориса Ивановича, может быть, с помощью Веселовского, о котором он говорил так хорошо и которого он послушался бы, — подружить со мною хоть немножко. Сама я, безусловно, подружилась бы с ним и попала бы под сильное его влияние. Если бы, конечно, у него хватило бы охоты и терпения разговаривать со мной. Но ведь он так охотно говорил со мной эти три дня, он даже ждал меня и пожалел, что я могу не прийти (я опоздала на несколько минут, а потом зашла по делу в другой отдел, а не сразу в библиотеку).

Так вот — хоть он и благоустроенный здравый смысл, я — хаос, над которым еще и Дух Божий не носился, он не уклонялся от разговоров со мной.

Наши с ним разговоры в пустой библиотеке, по-моему, были единственным серьезным занятием во всем отделе архива и библиотеки ВЗС. Все остальное буквально переливало из пустого в порожнее. Веселовский почти всегда отсутствует. А когда бывает — в 3—4 часа делает больше, чем весь отдел за всю неделю, а может быть и месяц.

Меня очень привлекает его сдержанная милая простота и необычайно тонкая восприимчивость и отзывчивость, очень неожиданная в нем, если смотреть на него поверхностно.

Борис Иванович удивлялся меткости и верности моих отзывов о многих, кого мы видели здесь в Союзе. Он «не ожидал от меня такой наблюдательности». «А я и не наблюдаю — это же ясно сразу». Он очень добро и умно улыбнулся.

Львов рассказал нам, что Веселовский как-то необычно получил в Университете степень доктора истории (*Honoris causa*).

Эту степень обычно получают, пройдя по предварительным учебным степеням, защитив диссертацию. А Веселовскому присудили звание доктора сразу, за его работу о Сашном письме. Он работал «сам по себе» и сразу получил доктора, как гром с ясного неба. В нем замечательна своеобразность, глубина и широта мысли, свобода мысли. А сам он такой сдержанный, корректный, даже скромный. Он очень просто и спокойно держится, и как будто просто скажет, без всякой нарочности и как будто между прочим, и все такое верное, беспощадно верное и меткое – самую суть вещей. (А у Виктора Константиновича – обо всем на свете, даже о самом большом и важном, – шутка, каламбур, острота). Веселовский не похож ни на кого. Уровень его может сравниться, пожалуй, с уровнем и масштабом только с Филиппом Александровичем и, может быть, с профессором Ильиным (из тех, о ком я сейчас вспомнила.) Но как-то значительнее, почему-то организованнее и стройнее.

Да, я еду в Воронеж очень охотно. Но теперь, если бы я только приехала в Москву, я бы совсем иначе жила бы и училась, и у меня был бы несколько другой круг интересов и людей. Дом Добровых, конечно, остался моим дорогим оазисом.

23 декабря

Завтра – последний день в Москве и у Добровых. Вместе встретим сочельник. Сегодня хороший, тихий вечер в их доме. Филипп Александрович долго играл свои чудесные импровизации на рояле. Очень удивился, когда я сказала, что стихи Лермонтова «За все тебя благодарю я» – обращены к Богу. Филипп Александрович отнес их к женщине и сочинил музыку к ним, имея в виду женщину. Он заставил меня прочесть вслух эти стихи. Я прочла. Он опять очень был поражен, что ему это не пришло в голову. И как эти стихи иначе, все иначе и глубже говорят, если их отнести к Богу! «Вот это так, так! Удивительно!»

Потом он рассказал о своем сне – в чудесном древнем дворце – и ужасе, когда он увидел, что каменный исполин (вроде фараона) встал в то время, когда Филипп Александрович оглянулся на что-то, а за спиной его этот исполин уже не сидит, а стоит. Он кончил. Я спросила:

– Уже конец сну?

– Да, мой друг. Конец. Пора спать. О чем вы думали сейчас? Слушали меня? Что этот полковник Затеплинский интересный человек?

– Филипп Александрович, завтра или когда у вас будет время, пожалуйста, послушайте меня, я вам расскажу о Викторе Константиновиче и об одном таком – Борисе Ивановиче. Мне это очень важно.

Филипп Александрович очень добро и охотно согласился.

– А теперь поздно – спать пора всем.

Шура и Эсфирь моют головы и принимают ванну. Шура почти не отходит от Елизаветы Михайловны и очень к ней внимательна, добра и нежна. Елизавета Михайловна едва не погибла в автомобильной аварии, она очень ослабела, у нее большое сердце.

В кабинете – чудная елка до потолка. По всем столам, диванам и даже стульям комнаты разложены елочные игрушки. Шурочке все чудится, что это последний Сочельник, <когда> они все вместе, вся семья. Она очень нежна с матерью.

Вчера мой отъезд отложен до 25 декабря. Денежные дела (Эсфирь не смогла добыть денег даже на дорогу мне). И «последний Сочельник вместе». Я уже собрала все свои вещи в дорогу. Завтра неприятный день – пойти к дачной летней своей хозяйке за деньгами, которые она должна мне. Она живет в гостинице почему-то и без мужа. И еще занести к Шаховским их книги (брала Вавочка, и кто-то их принес мне домой, чтобы их отнести к Шаховским и взять книги еще чьи-то, у Случевских, и отнести их туда, куда укажут Случевские). Странно, что Случевские сами не отдадут их по адресу. Кажется, что Вавочка не должна была их давать кому-нибудь.

Домой в Воронеж дам телеграмму, что не буду на Сочельник. Там мои огорчатся.

Вчера большой разговор с Филиппом Александровичем.

О бездумьи: эмоции, экстатическое стихийное ощущение ритма жизни.

О праздномыслии: отлив, вялость, отсутствие жизненности.

О чистоте: о чистых и темных инстинктах.

О морали и аморальности: где начинается сознательная своя мораль (может быть, и безнравственность), там кончается аморализм.

Аморализм — стихийность, бездумье, подчиняющееся чистым и светлым инстинктам. (О.А. — несомненно, первая категория аморального человека.) Моральных людей очень мало. Амoralисты — большинство. И большинство второй категории. О людях, проглотивших готовые формы готовой морали и нравственности. О ценности подвига и падения амoralиста — цена одна или, вернее, и то, и другое — не ценно, хотя одно приятнее, другое — неприятно.

Вчера днем шла с Шурой до Охотного ряда. Душа моя шла к Анатолию Каменскому, как на торжище: «Через Каменского, в новое кабаре “Синдетикон”». Кабаре будет сплошь обито ковровыми шалями, и там будут всякие затеи. Еще Шура будет играть в фильме «Калиостро»¹¹⁸, и Саша там будет играть какого-то декоративного персонажа. Его рост, красота могут сделать ему карьеру на экране, если он не дубина.

Ох, ох, ох, как все это не нравится мне, да еще за спиной у Шуры — эта летучая мышь. Что случилось с тобою, милый мой, дорогой дом Добровых?

Вчера была последний раз в Архиве. Все прощались как хорошие знакомые, а не просто сотрудники. Получила много денег, больше, чем думала, раза в три. Пришлось дополучать какие-то надбавки за несколько месяцев, отпускные, еще какие-то. Я не очень запомнила, но мы все обрадовались.

Разговор со Степаном Борисовичем Веселовским. Он одобряет мое решение ехать теперь домой, в Воронеж. Он был очень внимателен и добр. Я вошла к нему в кабинет и спросила:

— Степан Борисович, можно мне поговорить с вами совсем не о деле, а о своих частных делах?

Он посадил меня в важное кресло, был очень внимателен. Сначала я попросила его рассказать мне, что делается теперь в нашей стране и что может быть потом — все это важно мне и для решений моих личных будущих планов. Он считает, что события еще только начинаются. Что лет на 15 вперед началась уже такая ломка и перетасовка, такие штормы и глубокие перемены, каких мы даже представить себе не можем. И если лет через 10–15 мы будем живы, мы, может быть, и не узнаем ни

мира вокруг, ни друг друга — настолько глубокие будут перемены. Они были бы все равно, но совершались бы очень долго, может быть, лет в 100—150, а теперь будут «головокружительные темпы». Пока что-то возникает новое — будет такой разрушительный процесс, может быть, «беспримерный» в истории (по масштабам и значению своему), такие будут бури, в которых многие физически погибнут. Изю всех, кого мы знаем теперь, лет через 10 уцелеют немногие, случайно. На мои молчаливые междометия Степан Борисович улыбнулся:

— Я говорю, как историк.

— А возможно стране избежать потрясений слишком кровавых?

— Да, но слишком дорогой ценой, может быть, и могли бы заставить нас не устранять друг друга, но и превратили бы нас в колонии. Это еще хуже.

Вечером того же дня прощание с Надеждой Сергеевной Бутовой: о религии; о работе жизни; о мудрости жизни; о простоте и сложности; о здравом смысле и об эстетстве. Рада, что хорошо расстались с Надеждой Сергеевной. Дай Бог счастья Степану Борисовичу.

24 декабря. Сочельник

Особое, какое-то космическое чувство ритма жизни. Космос. Мир. Жизнь.

Высокая, стройная, вся серебряная, вся в свечах елка. Саша зажигал огни свечкой, прикрепленной к ручке стека. При его громадном росте он оказывается выше всех норм, только когда рядом с другими людьми, а когда он один, он так пропорционален и красив, что не сразу замечаешь его невероятный рост. Он очень изящно двигается, когда зажигает елку (очень высокую), он сам был похож на эту стройную елку. Подумала, что такая исключительная, редкостная красота обязывает, и о том, как ее можно погубить, исказить, сделать не только неопрятной, но и позорной. Господи, да минует чаша сия этот дом... Хотя бы пока живо прекрасное старшее поколение дома.

Филипп Александрович весь вечер играл Шумана. Чудесно гасли свечи — сами. Мы все дружно и тесно и тихо сидели на диванах, смотрели на елку, на огни свечей.

Последняя свеча пламенем своим спела высокую и трепетную «лебединую песнь» — как будто знала, что на нее все смотрят и ждут последней вспышки. Я напомнила, что так танцевала Коралли умирающего лебедя¹¹⁹. Все согласились, притихли, пока свеча не погасла.

Эсфирь принесла белые гиацинты в своей куртке, чтобы не замерзли. А прекрасные свои волосы Вакха «испортила» короткой стрижкой в парикмахерской, так поздно задержавшей ее.

Внизу у морлоков (в кухне) шли приготовления к Меду и Сочиву.

В шехеризадной комнате Шурочки я читала «Чистилище св. Патрика»¹²⁰, и был разговор о лабиринтах жизни, о ревности, и напряженно слушала Шура звонки входной двери.

В большом стекле «Рая» Константинова сияла вся елка со свечами. Боковые деревья картины были наяву, на полотне за стеклом, а в середине картины отражалась елка, очень ярко. Саша в большом кресле, а мы все на большом и еще на другом диване, слушали Шумана, так хорошо было помолчать. Потом тихонько вспоминали прежние елки, прежнюю жизнь — в молодости и потом:

— Саша, это твоя 18-я елка, — сказала Елизавета Михайловна.

Вспоминали Вавочку, Николая Григорьевича, Надежду Сергеевну. Я была с мамой и братьями.

Тихий, сияющий елкой светлый и дружный вечер. Если бы был здесь Виктор Константинович, было бы, может быть, и веселее (смех, шутки), но весь вечер был бы другой, а не именно этот — такой хороший, запомню его на жизнь, как светлый праздник милого мне дома Добровых.

Дом уже лег спать, часы ритмически отмечают дыхание времени: тик — так, тик — так. Вот уеду в Воронеж, увижу ли когда-нибудь этот милый старинный дом? Что изменится в нем, что в нем останется? Увижу — когда-нибудь, но если и не увижу, всегда буду любить его. И я буду не эта вот, что сейчас — и жизнь, и этот милый дом, и все, кто в нем.

Да. И Москва, и вся моя страна. Вспомнила все, что говорил об этом Степан Борисович Веселовский. Вся моя страна и все мы — накануне больших, сложных глубоких событий.

Это чувство ясное и острое. Я соглашаюсь делить судьбу своей страны, своего народа. Даже если будет очень трудно.

...«Егда вся земля русская поядена мечем гнева Господня, не легколи нам, братия, ныне купно со всеми постродати и чашу ярости Господней испити».

Елизавету Михайловну поразили эти прекрасные слова, она попросила меня повторить их еще раз, третий раз — беззвучно повторила их за мной. Какое спокойное, и скорбное, задушевное у нее было лицо. Хорошее, человеческое.

Записано 8 ноября 1920 года в Воронеже.

Декабрь 1917 Москва

Последние дни в Москве О. Бессарабовой

Шурочке я дала деньги (Эсфири), полученные мною в Архиве Всероссийского Земского Союза. Я была уверена, что Леонтина Игнатъевна, дачная моя хозяйка, милая молодая, обыкновенная дама, отдаст мне 150 рублей, и рассчитывала, что этих денег мне хватит и на дорогу, и на некоторые покупки.

Вещи мои были уже сданы на хранение на вокзале, оставалось только взять билет, носильщика и приехать домой, в Воронеж. Леонтина Игнатъевна по телефону попросила меня прийти к ней за деньгами в меблированные комнаты «Компания», где она временно остановилась в поисках квартиры. Я попрощалась со всеми окончательно. На вопрос Шуры, есть ли у меня деньги на дорогу — сказала, «конечно, есть», она все равно не могла бы в то время достать денег. И я отправилась к Леонтине Игнатъевне в уверенности, что сегодня уеду домой. Виктор Константинович уже уехал в Воронеж. Взять у знакомых я не хотела, чтобы не выдавать Шуру.

Денег у Леонтины Игнатъевны не оказалось «сейчас на руках», она обещала обязательно достать их завтра и предложила ночевать у нее. И короткими отсрочками от утра до дня, и ото дня к вечеру, и от вечера до утра — я пробыла у нее три дня, единственные в своем роде.

Так как я не хотела затруднять Леонтину Игнатъевну столом (обедала на службе во Всероссийском Земском Союзе), а денег у

меня не было, я просто ничего не ела. У меня начала кружиться голова, и я как-то не вошла в курс положения вещей, неотрывно читала «Сад Эпикура» и «Боги жаждут» Анатоля Франса¹²¹. Не буянить же мне было; деньги будут вечером, деньги будут утром, а их, Оля, не было.

У нее бывали какие-то люди, она уезжала с ними, а я почти не показывалась из-за ширм, за которыми стояла кровать ужасных размеров. На ней я сидела тихонечко, и никто не знал, что я там. Раз гости заставали меня в комнате, и Леонтина Игнатъевна как-то мельком знакомила их со мною, никогда не называя ни их, ни меня по имени.

Один раз (это было на третий, последний там день) — пришел какой-то лысый, розовый, очень неприятный старик, когда Леонтины Игнатъевны не было дома (днем). Его впустила девушка, подруга Л.И., которую я приняла сначала за горничную. Она куда-то ушла, а этот господин просто пришел за ширмы, где я читала «Сад Эпикура» и, ничуть не удивившись, что это я, а не Леонтина Игнатъевна, начал тереть руки, как будто от холода и говорит: «Эх-хе-хе, мы сегодня не в духе-хе-хе-хе?». Ему, вероятно, понравился его каламбур «в духе-хе», и он довольно долго смеялся. Я сложила книгу и смотрела на него. У него — блестящий лоб и лысина, и короткие руки. Пальцы так же коротки, как и шея, и похожи друг на друга в поперечных складках и золотистом пухе. Все вместе похоже на мучного червя, только очень толстенького и коротенького. Он опять повторил свою фразу, не зная, что бы сказать еще. Тогда я встала и сказала ему: «Пожалуйста, сюда». Он пошел за мной в комнату. Я посадила его на диван, села на кресло за столиком около дивана, и мы начали разговаривать о Москве и Петербурге. Мне было досадно и скучно, но перед Леонтиной Игнатъевной было неудобно быть неучливой с ее знакомым.

Так мы и сидели с полчаса или даже больше. Потом пришла Леонтина Игнатъевна и почему-то очень смутилась и вся вспыхнула, увидев наш церемонный разговор. Я сказала, что мне надо пойти по делу, что я скоро вернусь, и ушла.

Я решила уехать сегодня же. Пошла на вокзал, выбрала одного насильщика с окладистой бородой и сказала ему, что, чтобы уехать домой, мне надо продать корзину и чемодан, а вещи из

них я положу в наволочки. Он внимательно присмотрелся ко мне и взялся продать. Завязал вещи в наволочку и сказал, что я могу не беспокоиться, корзину он продаст рублей за 15, и я уеду домой благополучно. У него есть своя такая барышня, дочка, учится на курсах и такая же хорошая девочка.

Я пошла к Леонтине Игнатъевне за мылом, полотенцем, гребешком и «Садом Эпикура». Мне очень хотелось не застать ее дома, чтобы уехать спокойно, оставив ей записку, чтобы она не тревожилась, что я достала денег на дорогу. Мне не хотелось ставить ее в неловкое, а себя в неприятное положение заимодавца и несостоятельного должника.

У злополучного Шейлока¹²² кружилась голова, но он стал еще радостнее, действительно не застав Леонтину Игнатъевну дома. Поезд отходил между 11 и 12 часами вечера, и я могла рассчитывать, что я уйду до прихода Л.И. и успею отдохнуть.

Рассказала коротко положение вещей подруге Л.И. (забыла, как ее звать, кажется, Маруся или Настя). Она сначала очень удивилась моему способу выхода из создавшегося положения, потом, когда все поняла, почему-то заплакала. Я не спросила ее о причине слез, и очень устала. Опять начала кружиться голова, я думаю, от голода. Я распустила волосы и легла на диван в комнате Леонтины Игнатъевны. Комната довольно хорошая, светлая, только очень уж неприятно «роскошно» убранная всякими безвкусными дешевыми украшениями; гипсовыми блюдцами с картинками, искусственными цветами в противных вазочках, коврик, зеркала, какие-то все статуэтки из папье-маше и фаянса.

Пришли ранние зимние сумерки. Я стала засыпать и попросила Марусю разбудить меня в 9 часов, а если кто-нибудь придет, то раньше. Маруся тихо сидела в углу в кресле, вдруг стала на колени и на коленях поползла ко мне по ковру и спрятала лицо свое в мои волосы. Волосы свешивались с подушки на диван и на пол. И она рассказала историю своей жизни, плакала, клялась, опять рассказывала, говорила: «...Я как приехала в Москву была такая свеженькая, кругленькая, без одной косточки, на меня и набросились, как псы смердящие...» и т.д.

Все это было до такой степени невероятно, что временами мне казалось, что это сон, что я никак не могу проснуться. Казалось, что никогда уже не выберусь я из этого сна, из этой гостини-

цы «Компания» (или «Франция?»), что носильщик не сумеет продать корзину, что я не смогу сесть на поезд (это было 29.12.17, когда поезда были наводнены солдатами, мешками и вагоны были без стекол). Собрала я быстро и крепко развеянные свои волосы, дала Марусе стакан воды, уложила ее на диван, приукрыла ее потеплее, зажгла лампочку, оделась, поцеловала Марусю и, оставив на столе записку Леонтине Игнатьевне, ушла на вокзал.

Носильщик встретил меня в условленном месте, дал мне билет и вещи, взятые им уже из хранения, и повел меня куда-то на какие-то там четвертые пути, в пустой и еще темный вагон: «Сиди, барышня и нишкни» <молчи>. Я отдала ему сдачу, хотя он и не хотел было брать, поблагодарила его почти без слов, крепко пожав его руки. Он удобно все устроил, посадил меня на верхнюю полку, и я осталась одна в темном пустом вагоне. «Ну, с Богом», — сказал носильщик в окно и ушел.

Тихо. В полной темноте вдруг на смежной верхней полке — зажглась спичка, засветился огонек папиросы, и я успела заметить очерк высокого красивого лба и тонкую кисть руки соседа. Мы молча ждали дальнейших событий.

Потом вагон подъехал к перрону, и в несколько минут через двери и окна в него ворвались мешки, сапоги, брань, ужасные голоса и шапки. Солдаты лезли на полки, на сеточки для вещей и друг на друга. В самые первые моменты папироса в темноте напротив стала часто вспыхивать и как будто нервничать, но молчала. Тогда я тихонечко сказала ей:

— Я переберусь к вам. Можно?

— Да, да, пожалуйста, я хотел и не решился сказать вам. Скорее! — Не успели мы еще разместиться как следует, как вагон был уже переполнен до отказа и на бывшей моей полке уже были плотно прилажены друг к другу три солдата со всем их багажом. «Ух, слава Тебе Господи, и не чаял я в вагон этот попасть», — сказал один из них.

Мы все пять человек заговорили, помогли друг другу разместиться и уже никого не пускали на свои полки. На полочку надо мною и моим соседом уже взобрался шестой пассажир, и на голову мою посыпались с сеточки окурки, куриные косточки, солома и крошки.

— Одна баба на вагон, добро, — душно сказал солдат, который не чаял попасть в вагон. Он же потом в Ряжске сказал вслух:

— Надо нашей барышни оправиться, — и я выбралась из вагона вместе с двумя матросами, нагруженными чайниками и котелками со всего вагона — за водой. Они потом в окно подавали чайники и вместе со мною вернулись в вагон (почти по головам солдат, добровольно подставивших свои плечи для добытчиков воды и для меня — за компанию). У двери нашего вагона стояла грозная и неумолимая стража — два наших солдата покрупнее, она не пустила в вагон ни одного нового человека. Да этого и при всем желании пропустить — нельзя было сделать.

В Ряжске поезд стоял больше часа, и я успела вся вымыться горячей водой с мылом, вытереться чистой простыней, причесаться и отдышаться от вагонного густого воздуха — в дамской комнате было почему-то чисто, тихо и сравнительно мало народу. Это был как оазис среди хаоса, грязи и тесноты кругом. Няня этой комнаты получила от меня за таз, горячую воду и простыню — шелковую кофточку и кружевной платочек. Обе были очень довольны. Косу свою я распустила, расчесала волосы и заплела на висках две косы (ровно до колен), чтобы удобнее было лежать, не путая волос. Шпильки все давно развеялись в вагоне.

Наступал новый 1918 год. Странно было — как во сне. Сосед мой по полочке был очень большой, твердый человек, и было нам тесно и трудно. Я прижалась к стенке, как только могла, и старалась не шевелиться. Он непрерывно курил. Табак был хороший, но это не имело значения, так как весь вагон курил махорку. Кто-то хотел было забраться к нам на полку, но все тот же солдат (весь в веснушках, который говорил про одну бабу на вагон) сказал покровительственно: «Ну уж пусть их!»

Главной моей заботой была свернутая в трубку картина Константинова «Первобытность». Наконец я привязала ее к какой-то перекладине, разорвав на тесемки свой платок.

Ночью среди храпа, во мраке, со световыми мерцающими точками папирос мне показалось, что все это — ад. И нельзя было разобрать, где грешники, а где черти. Все были мучениками.

Бедному соседу моему было, вероятно, не очень-то удобно. Ему и одному было тесно, а со мной и подавно. Он молча курил,

нервничал, но как же мне было быть? Мне до смерти хотелось, чтобы он заснул, тогда я свободнее чувствовала бы себя, но он ни на минуту не заснул. Раза два в темноте, когда он не курил и лежал тихо, я спрашивала еле слышно: «Вы спите?». И он отвечал: «Нет, не сплю». И начинал опять курить, курить. Он устроился так, что из-под опущенных век, почти закрытых, пристально начал смотреть на меня так, что мне стало неловко и некуда было деться.

— Засните, пожалуйста.

— Нет, не могу, — ответил он жестко.

Мною овладело чувство опасности, и я не разбирая, что и как там внизу — спустилась с полки вниз, примостилась на каких-то твердых, угловатых мешках и прислонилась затылком к раме разбитого окна. На колени мои два сонных солдата положили свои головы и спали. Один из них проснулся и испуганно откинулся от меня. Я двумя руками взяла его голову и положила на место. «Спите, спите, родной». Он заснул мгновенно, как ребенок.

Это было на рассвете. Чуть-чуть тусклый, густой рассвет. Дышать было легче, так как большинство пассажиров спало, и дым махорки вытянуло в разбитые окна. Спали люди в самых невероятных положениях, почти навесу, свешиваясь с полок головами и ногами.

Мой сосед с полки — инженер, пристально смотрел на меня, но было мне это уже не страшно, а глубоко спокойно. Я чувствовала, что все солдаты кругом — мои друзья. Это очень трудно объяснить, но это было наверно. Я закрыла глаза и почти спала. У него был красивый лоб и вся верхняя часть лица. Черные, откинутые назад волосы, красивые тонкие руки с длинными пальцами и чистыми ногтями и гладко выбритая резкая челюсть, немного звериная.

Так кончилась моя Москва.

Какое невыразимое счастье домашнего, маминого, братского тепла, радости, нежности, обняло меня, окутало с головы до ног — дома!

В самый первый час я вымылась вся горячей водой, переоделась. И едва перемолвившись и нацеловавшись со всеми в доме — заснула, как убитая на много часов, спала я, кажется,

1917 год

около суток. К моим милым братьям в доме прибавился еще Володя Паньшин, гимназист, брат моей Кати Паньшиной, соученицы по гимназии, одноклассницы. Катя всегда мне очень нравилась молчаливостью, чудными своим русыми косами и синими глазами.

Володя Паньшин — большевик, коммунист. Ушел из миллионерского своего купеческого дома, от очень властного и сурового отца, учится в гимназии и работает в железнодорожных мастерских — для заработка и, вероятно, по партийному заданию. Это выражение я слышала когда-то от Люды Дембовской. Он друг брата моего Бориса, и я встретила его как брата: и своего, и Кати.

Несколько дней мама, братья и «весь тот берег» (Полянские и Малахиевы) ахали, как я похудела и как хорошо, что я жива-здоровая и добралась до дома «через весь этот ад».

Боже мой, как хорошо дома. Как чисто, опрятно убран весь дом. Убирали мальчишки, братья, особенно Боря к моему приезду, перераспределили все комнаты, чтобы всем было удобно и уютно.

Зарок: меньше писать, меньше говорить и как можно лучше делать все очередное, что нужно семье, дому.

Пусть Дом нам будет для всех, кто в нем — Домом Отдыха и Радости.

1918

1 января. Воронеж

Из Москвы с 29 декабря приехала домой в Воронеж в день Нового года по старому стилю. По новому стилю – 14 января.

21 февраля

Всева (брат)¹ – красногвардеец. Ушел из дома, записался в Красную гвардию, чтобы спасти Россию, защитить Родину от немцев. Ему 17 лет. Документы его еще остались в гимназии. Бойскаутские отчеты и деньги еще не сданы. На днях ездил в Острогжск,² на днях ждет отправки «куда-нибудь против немцев». Ездит в бронированном автомобиле пулеметчиком № 1.

Взял с собою карточки мамы, братьев, Ивана Васильевича, мою; нитки, иголки, ножницы, пуговицы и две смены белья <нрзб>.

Володя (брат), гимназист – в ужасе, в отчаянии от «гибели России». Учится жадно и честно, читает, пишет дневник, делает выписки. Дома не отдыхает. Всегда делает что-нибудь необходимое, дает урок гимназисту, ночует у Соловкиных после смерти Николая Васильевича. Страдает от маминого переутомления, от папиной болезни, от Всевиного детского красноармейства, вечного присутствия в доме маминых учеников, от общей атмосферы в мире, в жизни и в семье. Намерен освободить маму хотя бы от части ее работы – уроками, заработком.

Боря (брат) всецело занят общественной жизнью учащихся, своим председательством в Союзе Учащихся и Объединенном

Совете Старост, организаторством, созданием Художественной Школы, устройством секций, лекций, изданием газеты учащихся, «привлечением к работе» кого-то там и многим другим таким. В гимназию после Рождества не ходит. «После сдам все сразу». Знает о необходимости для него «собраться», «вернуться домой», чтобы быть грамотным и самим собой. «Налажу организацию и соберусь крепко». Сегодня у него исчезла папка с материалами для газеты и другими документами Союза Учащихся при очень странных обстоятельствах.

Папе — отчиму Ивану Васильевичу очень трудно, папа очень труден, больной, болезненно режет матушку-правду (в глаза), не может читать (после удара), не умеет слушать длинные фразы, сберег немного слов и путает их, искажает. Все время режет правду и наводит порядки. Во многом прав, но в манере своей топит свою правоту. И быть правым — не значит устроить жизнь.

Мама с утра до вечера с учениками. Вечера — в жутком изнеможении или за шитьем, мытьем или еще чем-нибудь. Тает и никнет, на воздух не выходит. Лифчики и юбка ее запахиваются и делаются все шире.

10 апреля. Москва — Воронеж

Из письма Шуры Добровой — Оле Бессарабовой

...Ужасно тяжелое время было тогда, когда мы расстались. Так все было странно, непонятно, тяжело и неопределенно, на распутье стояла наша семья, все могло быть самое неожиданное, и вот прошло время, и теперь лучше и теплее у нас. Мама не светится. Лицо потеряло ту красоту мученичества, о которой мы говорили с Вами, но стала она еще прекрасней, так как та красота была «страшной», жить с ней было нельзя, а теперь она стала дорогой, милой мамой, которая осталась с нами.

У папы тоже душа проясняется. Он просит Вас передать Николаю Григорьевичу, что он успешно занимается по латыни, но просит его не завидовать ему.

Саша держит последний экзамен в четверг и становится гражданином «славной, свободной российской республики». Перспектива не могу сказать, чтобы очень приятна, но, пожалуй, лучше, чем быть теперешним гимназистом.

...и очень ласковое обо мне от всего дома Добровых и от Шуручки. Эсфирь к ласковым своим строчкам в письме Шуры прибавила и стихи свои:

Не хватает речи торопливой
И духовной странной красоты,
И хрустально-ясной чистоты,
И улыбки беглой и пугливой.
 Это вас, хорошая, родная,
 Часто, часто не хватает нам
 По весенним, ясным вечерам,
 Когда звезды искрятся, мерцают.

7 апреля

Мама: У гроба Лени Праздника (товарища по классу Володи). Убит случайно пьяным красноармейцем в дороге. Без домой мешок картофеля, подумала, как легко умереть. Какие пустяки все житейские перебранки, дела. Мало внимания близким. Только подумать: каждый этот час, быть может, последний.

Вчера Николай Григорьевич:

– Хочешь быть моей женой? Выйдешь за меня замуж?

– Нет.

– Но ты рада мне?

– Да, рада, но это не настоящее. Я тебя не люблю больше всего на свете.

Головокружения, психическая неустойчивость. Все кажется – вот, вот упаду, особенно на лестнице. У заутрени легкое головокружение от свечей, пения, ладана, белых платьев, своего белого открытого платья в оборках, нескольких улыбок и утверждающих взглядов женщин. Была с Николаем Григорьевичем в домовая церкви 1-й Мужской Гимназии. По моей просьбе он переоделся – вместо всего военного с погонами надел прежнюю свою студенческую одежду.

У Бори в петличке был белый цветок. Расцвел у мамы на окне легкими белыми звездами. Мама сама сорвала его и прикрепила в петличку Боре. Боря очень красив – высокий, стройный, яркий, с крылатыми солнечными глазами. (1924 г. Это была последняя заутрени в этой церкви. Ее закрыли, как домовую.)

14 мая

Днем пришли Валя и Виктор Константинович и неожиданно — Володя Митрофанов, двоюродный брат Шуры и Саши Добровых, воронежский бывший гимназист, теперь студент в Москве. Володя приехал из Москвы.

Торжественный чай с тянучками и гоголь-моголь из яиц Володиного хозяйства. Разговоры о Москве, о Рембрандте, аппендиците и о «чем-нибудь». Принесли мне «Белую стаю» («Четки»³ больше люблю).

Мама оживилась с нами. Мне и маме велено идти к горловому врачу, — обе теряем голос от уроков с учениками. У меня пропадает голос от одного их вида. Вероятно, нервное явление, но я очень сержусь на них.

Виктор Константинович очень внимателен и дружелюбен к Володе. Очень рада за Володю. Володя Митрофанов много рассказывал о Москве. В доме Добровых такой прекрасной структуры — Эсфирь — темное пятно. Шурочка и Саша играли в кино, в «Калиостро». Надежде Сергеевне Бутовой очень тяжело, трудно. Phanette (бонна Лурье) оказалась ужасной авантюристкой, жестокой, дерзкой, отвратительной.

Филипп Александрович — «после классической, в романтической полосе» — читает романтиков всех времен и народов на всех языках.

Борис пришел поздно, — сияющий, молодой, сильный. Только что кончился педагогический совет Художественной Школы, организованной им. Он вел собрание. Все, что надо было, «прошло» (проведен как-то там?), он так рад. Он опять верит в молодежь, в себя, в Россию: «Художница Гаева на нашей стороне. Жданов — художник остался на лето. И Бучкури⁴ остался. Раменская подробно расспрашивала историю рождения школы. Эх, уж эти «Любители рисования!». Даже жаль этих взрослых, сидят, как совы. У них три дома! 14 000 рублей! Прекрасно оборудованные классы, и они до сих пор не открыли школы! А теперь спохватились и хотят перетянуть к себе наших учеников и художников, и тогда вся постановка, весь дух Школы Союза Учащихся растворится в этом «обществе любителей

рисования». Но теперь художники на нашей стороне. У нас жизнь, а там рутина».

Он с Боевой⁵ проводил Раменскую в Институт, а потом он проводил Гаеву домой. «Надо во что бы то ни стало приворожить ее к нашей школе».

От Борюшки на меня дохнуло большими перспективами, молодостью. Борюшка и меня как-то вернул к себе, во время и пространство. Живой, ритмичный, сияющий, свободные движения, полный голос, легкое дыхание.

Каждый день, сейчас же после учеников ухожу за город, на час-два, далеко по линии. Хорошо! Земля и небо.

13 июня

Николай Григорьевич «сделал мне предложение» — как сказали бы в старину. Через два дня мы встретимся и окончательно решим это вопрос: «Но я не переменяю образа жизни, буду жить у себя дома, пока мальчики кончат гимназию. А ты — у себя. Ты не будешь вмешиваться в мои житейские заботы».

Он успел сказать мне, что об этом, обо всем мы поговорим, что это такое я говорю? (Люди помешали).

Никогда не забуду его: «А-ах» (когда я вошла в комнату). Я вошла в свою комнату, не зная о его приходе, с распущенными волосами, только что высушенными после мытья головы волосами. Они плащом окружили меня почти до колен, и, правда, как-то «необыкновенно» (как он сказал), золотились и распушились. Руки и волосы пахли пармской фиалкой, это, наверное, и было поводом к тем трем секундам, что ворвались в комнату, как смерч. Я не вспомнилась от гнева (испугалась первый раз в жизни). Но, не успев еще ничего сказать, я увидела его лицо, мне стало нестерпимо жалко его, я очень быстро собрала волосы в узел (он как-то там держался, сам — без шпилек), и, увидев, как К. закрыл лицо руками, я ласково подошла к нему и сказала: «Не надо нам сердиться друг на друга. Нам хорошо же вместе. Прости, что я рассердилась. Посидим тут, помолчим тихонько». (Он был очень рад.) «Позволь мне только заплести косу и зашпилить ее, меня стесняет, что я растрепана». В ответ он поцеловал мне руку и сказал несколько слов. Две фразы. Так

неожиданно прекратилась одна из обычных наших гневных сцен.

14 июня

Отпустила учеников своих до августа. Ночью с мамой долго говорили обо всем на свете. Я сказала маме о нашем плане. Все, что похоже на какое-нибудь устройство супружеской жизни — исключается. Мы просто будем мужем и женой, будем рады друг другу, будем гулять вместе, по вечерам он будет заниматься в моей комнате. А все остальное будет по-прежнему. Я не уйду из дома. Мама только спросила:

— Ты так думаешь?

А Коля читает сказки Эдгара По. Хотела бы слышать голос Шуры Добровой. Как бы она чудесно прочла их! Эдгар По вызвал вереницу демонических ликов — Люцифер Мильтона, Сатана Бодлера, Мефистофель Гёте, Черт Достоевского, Мелкий бес Сологуба, Демон Лермонтова, Врубеля, Мефистофель Антокольского, Дьявол Ропса и Саши Доброва, Вий Гоголя. Когда-то мы с Шурой разобрали, отличили друг от друга все эти тени. Почему это в поэзии эти облики ярче, лучше удались, чем образы светлые? Потому что на светлое, просветленное творчество нужно не поэтическое, а уже религиозное творчество, познание, опыт. (Евангелисты, Екклесиаст, Иоанн Дамасский, Златоуст и др.).

16 июня

Мои «затеи» признаны Николаем Григорьевичем прекрасными, но нереальными и детскими.

— Я во всем этом — между прочим. О самом главном ты и не начала думать. Нужны и средства для отдельного устройства матери и для возможности нам быть вместе. Ты будешь мне необходима все время! Не можем же мы встречаться у тебя дома, как добрые знакомые. Я хочу две или три комнаты, вполне изолированные и от близких, и от чужих людей. В один месяц сделать все немислимо. Дай мне полгода срока, тогда уж ты от меня не...

– Не надо! Ради Бога! Я ничего не хочу! Никаких сроков, никаких устроений!

Что же это все такое? Я не умею дать себе отчета – что это все такое? Как только К. направляет на меня свое внимание, мне хочется убежать – хоть в огонь, хоть в воду, но во что бы то ни стало – убежать. Значит, я его не люблю? Я не знаю... Ведь я же рада всегда видеть его, говорить, быть с ним на людях или без людей, но когда он говорит со мною просто. Но как только приближается «не просто» (я очень хорошо научилась чувствовать это, мгновенно замечаю), я, еще не успевая осознать – уже готова убежать за тридевять земель, сгинуть, исчезнуть из его поля зрения. Раза два-три я пыталась переломить этот ужас (страх, не знаю, что), но не получалось...

...Когда я сказала это: «Может быть, ты здесь не самое главное», он стал целовать меня, не давал договорить. И я почти испугалась, что он почти нарочно закрыл глаза на правду моих слов.

Я дорожу К., я рада, что он со мною, но, Господи, что же это я не расту и не летаю, когда я с ним. Он очень хороший, но он – «вообще». А когда он тянется ко мне, я ничего помимо чувства гибели не умею понять. Я рада, что К. есть на свете. Он такой хороший. Но я не люблю его так, чтобы быть вместе. Ни разу в жизни я не любила так никого. Для меня это отвлеченное понятие...

Борюшка уже начал свою «деловую бесконечность». Володя пишет доклад о хозяйственном отделе Союза Учащихся.

О Москве – слухи о восстании левых эсеров⁶ (Соц. Революц.) Мирбах убит⁷. По-моему – это гадость, злодейство, а не борьба. Борьба (и в ней – на войне, как на войне) между эсерами и большевиками. А зачем же убивать чужого немца? Мне объяснили, что это сделано для того, чтобы большевики не заключили мира с немцами. Значит, убили немецкого посла, чтобы война непременно была бы? Ой, не понимаю, все не нравится. Какая вообще гадость – политика. И как трудно политикам и правителям.

3 июля

Голод. Не недоедание, а просто голод. И все дни с учениками. Мозг как будто выпит и у меня, и у мамы. Вчера приехал

Всеочка. Папы не было дома. Три брата, мама и я побыли вместе — так дружно! Рады были друг другу. Говорили о «Доме отдыха и радости». Папа — диссонанс. Но мы все будем беречь и его и наш «Дом».

Вавочка в Киеве была крестной матерью Михаила Владимировича. Через месяц он женится на Наталье Дмитриевне, и в августе привезут Вавочку в Воронеж.

11 июля

День ангела.

Как трудно встретились Николай Григорьевич и Виктор Константинович! После мама и Володя с удивлением говорили: «Как не понравились они друг другу, особенно вначале!» Это меня искренне огорчило. К ним обоим я очень хорошо отношусь — Виктор Константинович для меня — муж Валечки, а Коля — близкий человек. Всем известно с девятилетнего возраста, что «Олечка — любимица Николая Григорьевича», и к этому привыкли. А о наших «ссорах» и столкновениях, как и нашем «сватовстве» никто и не подозревает (помимо мамы, конечно).

Виктор Константинович почему-то был поражен при виде К. Первые минуты их встречи были до странности неприятны и не ясны мне. Невольная, чуть-чуть резкая нота в голосе К., в его словах — в ответ на шутку Виктора Константиновича о Володином увлечении куроводством. Коля с несвойственной ему горячностью как бы защитил, заступился за Володю (на которого нападения со стороны Виктора Константиновича и не было). Отчетливо замкнувшееся лицо Виктора Константиновича и какое-то движение около губ. Еще одна секунда, и было бы совсем неловкое что-то, но я, не теряя ни мгновения, позвала всех в сад. В саду Виктор Константинович, чуть-чуть суживая веки, смотрел на поезд, и было несколько нервных движений около губ. Первый раз я видела его рассердившимся тоже, по-видимому, без повода. Ничего, конечно, не произошло, на что было бы можно указать. Оба были воспитанные люди и оба «выше среднего уровня». Мне было неприятно, трудно, огорченно. Я встала и пошла по дорожке — три-четыре шага — сорвать ветку. Виктор Константинович заметил это

и подтянул. Еще за чаем, я спросила у них — свободны ли они после чая? «Я рада, потому что давно уже хотела, чтобы вы познакомились друг с другом». В саду быстро подошел к нам Володя (он очень привязан к Коле и восхищается Виктором Константиновичем) и рассказал нам о даче с молоком около третьей будки на линии железной дороги. И мы все пошли туда.

Дорогой Виктор Константинович и Коля интересно говорили, я только слушала, нарочно пододвигая (потихонечку) темы, которые были сродни и тому и другому. Коля ничуть не стал на второй план в этом разговоре (обычно В.К. овладевает почти моно разговором в обществе). Разные они, антиподы, каждый имеет право быть таким, какой он есть. Виктор Константинович больше блещит и сверкает, а Коля больше значит, стоит, весит, все как-то крепче, надежнее, хотя многое и матово просто.

12 июля

На столе у меня вчерашние розы. Белые раскрылись и стали еще прекраснее, а чудесные вчера красные — почернели, загнули лепестки внутрь. Была гроза.

13 июля

Мама сеяла сквозь сито черную ржаную муку, и получился пирог. Он был за вечерним чаем, с вишнями, и даже, о чудо, с сахаром. Сахар принес для пирога Виктор Константинович.

Мама нездорова, лежит с грелкой. Мы с ней вдвоем в доме. Открытые окна, умытые крыши, тихий вечер. В моей комнате много роз и настурций.

3 сентября

Вчера из Ботанического сада принесла сноп золотистых легких цветов — златоцветов. Трудны мне сейчас люди. Хочу покоя, отдыха. Хочу, чтобы в доме не было учеников. Вот и все.

Благословила вчера судьбу, что я и Коля не поженились. Это было бы ужасно. Только подумать: это могло быть. Боже мой, какое счастье, что это не случилось.

Часто бывает у нас Поздняков. Любовно говорит о красивых вещах и своей квартире в доме Перцова⁸. Мать его — большая и очень старая женщина живет в кухне, в доме своего бывшего имения в Воронежской губернии.

Сереза Замятнин⁹ засиделся у нас, заговорился и заслушался. «Каждый раз не хочется уходить».

Володя Келлер¹⁰, Володя Дукельский¹¹ и Сереза Замятнин ждут не дождутся из Москвы Бориса.

Устала я. Мне труден сам процесс жизни. Изнемогаю от всего, что есть, и от всего, чего нет. Я просто физически устала. Отдохнуть бы. Что-то затихло, замерло во мне и так трудно все, что выходит из неизбежного ритма ежедневного житья-бытья. Утомляет меня даже интерес к людям и внимание людей ко мне. Несколько раз во время разговора с Поздняковым о Москве и с Серезей об археологии и о жизни было почти дурно от утомления. Переборолла это и только чувствовала, что бледнеют губы и странная полутьма вползает в дом и кутает лица и руки собеседников. Читать трудно, трудно писать, связать мысли в голове. Трудно бывает просто встать с места, чтобы лечь и заснуть, сижу, хочу спать, и больше получается, не могу собраться с духом, чтобы встать. Это, вижу, тяжело действует на моих близких. И внимание их мучит и раздражает меня.

Мамочка все делает, все готовит, моет, шьет, животворит. От учеников дом избавится только 1-го октября. Это ужасно. Кажется, что когда в доме весь день не будет учеников, все изменится. Мы никогда не бываем дома, в семье. Вечное торжище учебных детских звуков, ног, голосов. Мама не имеет даже свободной изолированной комнаты для занятий. Не понимаю, как она выдерживает эту сутолоку, этот ад. Мне тягостен каждый звук. Я совершенно не считаюсь со своим состоянием, не расплескиваю его кругом. Знаю, что оно временное, что-то непременно произойдет, но назвать его я умею: «Еще надо прожить целый день».

Почему-то вспомнилось сейчас, как в ложе, на концерте Вертинского¹² (где-то сейчас Александр?) (На каком фронте?) Александр воткнул мне в волосы несколько веточек ландышей и в свои два-три стебля, и когда внезапно осветился зрительный зал, он успел одним мгновенным движением смахнуть из своих волос

цветы, а у меня колокольчики ландышей запутались и не могли распутаться. «Ландыш сейчас как жемчуг в золотой паутине». Я улыбнулась над своим смущением и спокойно дернула стебелек, и бубенчики посыпались, — и правда, как скатный жемчуг. Вспомнила этот вечер. Рада. Да. А наутро после этого вечера — застрелилась Нонна Дьякова. Есть люди живые и люди мертвые. Я, как старушка, радуюсь живым и молодым, и, как старушка, жалею мертвых.

17 сентября

Если бы мама не вышла замуж второй раз, я не встретила бы с Вавочкой, не знала бы Николая Григорьевича, не была бы в Москве и т.д., и т.п. Как это странно. Вася Николаев сказал: «Олечка, ваш Володя напоминает мне моего Колю (старшего из моих братьев)».

Странно жить на свете. Будто заблудилась в лесу человеческом и страшно, чтобы пройти — надо ломать и рубить ветки или больно стучаться лбом и стискивать зубы от острых шипов. А корни и ветки отношений и встреч так тесно переплетены, что на чужих ветках и далеких деревьях вдруг расцветает прекрасный, родной цветок.

Росли бы, жили бы люди как растения, не было бы у них ни государств, ни политики, каких-то там социальных строев, ни борьбы.

Ах, милая моя! А ведь и растения тоже все что-то борются, вытесняют друг друга, чтобы самим расти.

Володя Митрофанов сказал: «Шура счастлива, но стала совсем другая. У нее определенный замкнутый круг интересов. Нелюбовь дома к Эсфири не проявляется ради Шуры. В этом доме такой прекрасной структуры — Эсфирь — темное пятно».

Вечером Всева пришел оживленный, яркий. По его словам, он своим реактивом по радиотелеграфу разрушил участок на Западном немецком фронте, потому что известно, что там «циклон». Вспыхнула во мне тревога. Не ложь в нем, а более тяжкое.... И радость видеть его крылатым. Безумные и умные крылья бы-

вают? И устала вдруг, и мозг и нервы заснули, не умела слушать мальчика моего родного. «Всева, тут очень легко, очень опасно вообразить то, чего нет».

Володя приехал из Тулы больной. Заботы о картофельных запасах. Мамочка стирала. Днем были Валя и Виктор Константинович. Я рада, что они заходят часто и без меня. Мама всегда оживает, хоть на минуты прерывает бег в своем колесе.

Часа два мама сидела спокойно и мирно разговаривала с Поздняковым. Только после моей радости этому мамочка простила себе «праздное время» и поэтому небранную посуду и не сшитую мне обувь.

Замученная жизнью, нездоровьем днем засыпает, сейчас маленькая, удивительно красивая. Отдохнет, и сошьем мне туфли вместе. Насильно уложила ее на свой диван, прикрыла ее, усыпила, как ребенка. Потихоньку, беззвучно убрала посуду, чтобы она не проснулась. Такие горы тарелок и прочего мама моет каждый день? Боже мой! Какой стыд! Где же то я была, дорогая Ольга Александровна? Не думала ли ты, что тарелки моются сами? С сегодняшнего дня — это мое дело.

Отнесла Леокадии Васильевне роман Локка. Ей нравится <...>, а главное — печать крупная. «Приноси побольше романов, а то доживать нечем». Жуткие слова эти, потому что сказать их она имеет право...

Варвара Федоровна — умна и интересуется «политикой». Везде и всюду разговоры о трудностях и дорогой цене картофельных запасов. Володя больной поехал в деревню за продуктами — менять на ситец.

Борюшка хочет «домой». Учиться, самоопределиться.

2 октября

Вчера принесла домой алых и золотых веток. Ночью был сильный ветер, смел пыль, высушил колеи. Холодно, ветер.

Повязалась ковровой бабушкиной шалью. И пальто на мне красивое, плюшевое, из бабушкиной ротонды перешито. Мама сказала, что я похожа на морозку, одаренную Дедом Морозом. Тепло, тепло, Морозушко!

У меня и у мамы от голода тоже головокружение, а мальчики, братья физически страдают.

Сегодня к обеду из Института приедут к нам Валя и Виктор Константинович, а я и Наталья Иосифовна из Округа Путей Сообщения (где обе работаем). Нас всех будет ждать горячий пирог. Может быть, Виктор Константинович останется в штабе в Воронеже.

Вчера Николай Григорьевич:

— Можно мне сказать тебе, что я очень соскучился, стосковался о тебе?

— Нет. Слушаю.

Говорили о жизни, о теперешнем времени. Коля говорил:

— Я не хочу, чтобы в мою жизнь врывались заботы о картошке. Я буду зарабатывать больше денег, и все остальное, пусть они сами соображают.

О Леле Полянской, о матери Варваре Федоровне, о сестре Вавочке. Целовал руки и говорил:

— Лис, Лис, милая, хочешь, я напишу Вавочке? Хочешь, я уступлю ей свою комнату? И ты напиши. Позволь мне спросить, скажи мне только это, что ты за последнее время чувствуешь, хоть иногда, что мы не чужие друг другу?

У него темнеют, делаются больше глаза, когда я улыбаюсь в то время, когда он целует меня.

— Я свободна. Одно время моего бытия, да и было трудно. Была тяга к тебе. Теперь давно уже свободно на душе, совсем.

— Я был у вас на днях. Где ты была? Мне сказали, что ты пошла сюда.

— Нет, не сюда.

— Я так хотел видеть тебя, я не мог.

— А я была рада, что ты не застал меня дома. Я не смогла бы не удивиться. И опять не надо. Когда я тянусь к тебе, как цапля, ты как журавль говоришь, как на папке написал: «Господи, верую. Помогите моему неверию. Прости мне, Господи, но как-то сами слова вспоминаются — “блажен, кто верует”...»

Он целовал и тосковал о близости, «чтобы не были чужие, хоть немножечко».

Было мучительно и холодно, пусто на душе.

– Какие у тебя чудные глаза и какая ты... и волосы твои люблю. Я рад, что ты свободна.

– Очень рад? Совершенно свободна!

Он испугался и «не хотел выпустить ее из своих объятий», — как сказала бы Лида Калелейкина, моя подруга по гимназии.

Он довел меня до дома. Мы шли в молчании. И когда он сказал об этом, я смутилась за свое «отсутствие».

«Он был тут не самое главное». О, как хорошо, что мы не вошли в жизнь друг друга. Когда думаю об этом, у меня будто крылья растут. А ведь я очень люблю его, он такой хороший, я дорожу его отношением ко мне (только, чтобы не было одного желания). И странно. Я сама не знаю, в чем тут дело. Ведь мы оба были так нужны друг другу. Но даже при той тяге друг к другу, которая была, мы не могли стать близкими, потому что нет между нами близости духовной. И всегда, всегда у меня была какая-то пружина, чтобы оттолкнуться, уклониться от него, даже, когда сама шла к нему навстречу.

1919

7 февраля

Из дневника Зинаиды Денисьевской

...Сегодня заходили с Николаем Григорьевичем к Олечке Бессарабовой в больницу. Бедной девочке грозит смерть от заражения крови благодаря неудачному вскрытию нарыва под мышкой. Какие у нее большие чудесные глаза, и какая она вся особенная. На меня пахнуло миром духовной жизни, мистики, царством женской души.

11 февраля

Зина Д<енисьевская> вместе с Ник<олаем> Григорьевичем пришла ко мне в больничный мой теремок. Зина условилась со мной о следующей встрече. С первого же взгляда ясно, что она любит Ник<олая> Григорьевича. Вот бы я была рада, если бы они поженились. Ох, ох, пусть бы они поженились!

12 февраля

Из дневника Зинаиды Денисьевской

Вчера несколько часов пробыла после библиотечного заседания у Оли Б<ессарабовой>. Какое-то странное, непонятное чудо для меня — встреча с этой девушкой, девочкой, не знаю, как назвать ее... с этой женской душой. С ней говорится так искренно, так просто, так правдиво, как давным-давно ни с кем не говорилось. Странно и хорошо... С третьей встречи в жизни ока-

залось, что можно говорить друг другу все. В этом есть какое-то внезапное счастье, озаряющее душу.

Мы говорили друг о друге и о Николае Григорьевиче... Как много открылось, и какой простор, светлый и трудный, и властный окружил душу.

Теперь я знаю вот что:

1) Николай Григорьевич не любит Нину.

2) Николай Григорьевич не знает женщину.

3) В нем инстинкт еще не проснулся окончательно, он его не понимает вполне, все его поступки в этой области бессознательны, он органически чист.

4) Ему трудно жить, потому что у него нет любимой женщины. Если он полюбит, он проснется к жизни. Но этого может и не случиться.

И я счастлива тем, что он не любит Нину, что о сценке с Ольгой Алексеевной он с задумчивым удивлением рассказал Оле, что он в действительности таков, каким я сейчас его и представляю, тем, что я могу, оказывается, смело и свободно подходить к нему, не боясь, что я беру что-то чужое.... У меня все умерло завистливое, ревнивое, что было в душе. Осталась какая-то большая радость. Оля, милая Оля, как я благодарна тебе. Странные вещи говорила она вчера, что я представляю собой духовную ценность, что во мне есть женское обаяние. Здесь, я думаю, она ошибается. Но в том, что она говорила о Николае Григорьевиче, о своей попытке оживить его — такая безусловная глубокая тайна. Вчера же вечером я зашла к Малахиевым, передать поручение от Оли, я была голодна, так как не обедала, мне предложили поесть, и я ела и разговаривала со всеми. И в этом факте, что я вошла в его дом и разделила с ним его ужин, для меня есть что-то символичное.

Господи, Господи, благодарю тебя! Если даже все это одна сказка, то она так полна настоящей правды, что предпочитаю ее всяким «фактам». Во мне все сейчас полно светлой радости. Господи, Господи, помоги мне хоть немного озарить и его этим чувством. Пусть не полюбит он меня по-настоящему, пусть даже другая женщина, в конце концов, станет его женою, но все же я молюсь — Великий Боже, избери меня орудием его прикосновения к великому миру любви и счастья.

18 февраля

Из дневника Зинаиды Денисьевской

Вчера пошла к Оле в приемный покой. Нездоровилось сильно. Колебалась долго, идти ли.

Казалось, что делается дурно. Но так хотелось видеть ее, что все-таки пошла. Оказалось, что она уже выписалась. Пришлось возвращаться.

2 марта

Из дневника Зинаиды Денисьевской

Вчера днем зашла к Малахиевым, В<арвара> Ф<едоровна> показала мне открытку от Варвары Григорьевны, и, между прочим, сказала, что какой-то знакомый Оли Бессарабовой болен тифом, и она очень волнуется. Мне сразу стало тревожно, я поняла, кто этот больной. Стало почти страшно за нее. Написала ей несколько слов, попросила передать... Вечером было назначено наше собрание в переплетной. Пошла раньше к 6 часам. Застала у Николая Григорьевича Олю. Обрадовалась ей. Она сейчас же сказала, что кризис миновал. Слава Богу! Я очень боялась, что он умрет. Мы сели втроем на кушетку, Оля положила голову мне на колени, и мы стали разговаривать. Говорили все, кажется, о нас троих. Николай Григорьевич смеялся над нашей дружбой... <...> Но я ужасно благодарна жизни за этот странный час каких-то глубоко искренних разговоров, внезапных откровенностей, намеков. Я смотрела, как Николай Григорьевич шутя клал руку на Олину голову, как она брала его руки в свои, как называл он ее «Лисик» и она его «Коля», и все это было так естественно и просто, что у меня ни разу не мелькнуло даже мимолетной тени ревности или зависти. И его тон, немного возбужденный, и бессознательно горевший в глазах огонек чего-то мужского, и его смех, и радость, и шутки, перемешанные с серьезным по отношению ко всем нам троим — все было такое необычное и такое захватывающее, что я только теперь отдаю себе отчет, что для меня это был час какого-то странного наслаждения им, Олей, Марусей, своей искренностью, своею любовью к нему. Что-то новое, волнующее, обаятельное открывается в нем.

И невольно приходит мысль — не проснулась ли принцесса-любовь к женщине в его душе, тоска по женщине, по женской душе, не определенно к какой-нибудь одной женщине, а вообще.... Слишком определенно сегодня чувствовалось в нем его мужское начало, чего никогда не было раньше. Не чувственность и не страстность, а что-то более высокое, но определенно мужское, в противоположность нам — женщинам. Странно, но хорошо...

...Сегодня впервые он произнес мое имя «Зина», правда, не в обращении ко мне, а к Оле. «Как ты называешь Зинаиду Антонову, Зина?» Смешной и милый! Коля.... Нет, слишком еще странно звучит это слово.

7 марта

После обеда пошла к Оле. Вместе с нею ушли далеко по линии. Зимний день догорал. Везде по снегу ложились голубые и лиловые тени. Неба было много, и оно смотрело кротко и тихо, нежно бледнеющее, странными легкими перистыми облачками. Говорили не о настоящем, а о прошлом, о Москве. Оля вспоминала свое, подмосковные дачи, где она жила у Добровых, лес, луга, полные цветов, внезапный порыв ветра перед грозой, прогулки с Варварой Григорьевной, рыжики, общество Радости. И все, что она говорила, я сейчас же ясно видела, как будто сама там была. Она удивительно верно и хорошо рассказывает. Потом вернулись к ней домой, выпили чаю и пошли в театр. Светил тонкий маленький месяц, но был прикрыт кисеей облаков и казался утомленным.

В театре шло сборное. «Самсоника» — прелестная, смешная комедия, акт из «Мазепы» Чайковского — сцена Кочубея в темнице, потом оркестровая вещь — сюита из балета «Лебединое озеро» и немного пения и танцев.

Все было хорошо. От души смеялась, с наслаждением слушала музыку и пение. С Олей много разговаривали потом друг о друге. Ей трудно. О нем она не может понять, в чем дело. Мешает ли ему посторонняя причина или его собственное бессилие, душевная пустота. Она молится: «Господи, пусть будет женщина, тогда все будет ясно и понятно». И тут же спрашивает: «Но почему он не сказал мне об этом раньше? Я бы не подходила к

нему так близко, и ему не было бы так больно». Бедная моя девочка, не у всех людей есть мужество говорить и слушать правду, это, во-первых, а во-вторых, я лично думаю, что там женщины нет, и что после болезни он возродится духовно и станет силен. До кризиса она ходила к нему, теперь не ходит, написала письмо, что ни о чем не надо говорить, и попросила сестру отдать, когда он совсем будет здоров. И тоскует, тоскует, потому что ведь на самом деле говорить надо, надо до самых глубин все выяснить. Но я верю в то, что все это придет само собою. Оля сильная!

19 марта. Киев – Воронеж
В.Г. Мирович – О. Бессабовой

Милый, милый, любимый детеныш и друг мой, Лис, такой «радостью жизни» одарило меня твое вчерашнее письмо. Бог пусть воздаст тебе за него радостями, удесятеренными и теми, каких чаешь, и нечаянными. Я жила в большом терпении и не подозревала, какой великой тяжестью накопилась на душе тоска и тревога за вас. И только получивши письмо и такое недавнее, от 3 марта, увидела, как я голодала это время и голодала без Воронежа и Москвы, невзирая на то, что Киев добр ко мне. И в последнее время² жизнь моя с 15 января идет в кругу милых лиц – Алла, Леля, Инночка³ – они со мною и наполняют дни мои заботами и старческими радостями, видеть цветение молодости и чем-то ей быть полезной.

Раз в неделю собирается наш Ибсеновский⁴ кружок. Ибсена уже кончили, переходим к Метерлинку. Были хорошие рефераты о быте, о воле, о свободе, о правах и обязанностях личности. Аллочка написала интересно о Гедде Габлер, Таня Березовская (Шестова) о Юлиане Отступнике⁵ – очень умно и уже почти учено, она серьезно занимается философией, слушает лекции в университете и с отцом проходит Шопенгауэра (отец – философ)⁶.

Мило, как все, что она делает, рассказала Наташа свои зеленые соображения о «Строителе Сольнесе»⁷. И всегда мне недо-ставало при этом до грусти тебя и Анечки.

Ты знаешь, она вышла замуж за авиатора, немножко поэта и, кажется, много неврастеника Колю Бруни⁸. Всем от этого было грустно, Аня же сияла.

У Машеньки уже новое дитя. Она в Норвегии. Аллочка собирается в Москву. И все уже упаковано, но вести из Москвы такие, что заставили ее призадуматься и отложить на некоторое время сборы: говорят крыс и собак продают, холод... Она послала телеграмму за 31 рубль, длинную со всякими вопросами в Театр и теперь на чемоданах ждет ответа.

Напиши мне, Лисик, родненький, есть ли возможность переслать маме моей слепенькой денежки, пусть Николай подробно расскажет, как это сделать. Я очень тоскую по маме, вижу ее по ночам. Одно время думалось, что никогда не увижу ее в земной жизни, и такое острое детское горе подступило к сердцу. В общем, известия о смертях звучат для меня иногда как благовест за тех, кто уже на свободе, вырвался из темницы тела, из каторги жизненной. Что еще рассказать тебе о житье моем? Новое в нем — терпение, способность терпения, готовность ко всему. Быть может, новым показалось бы тебе и старость, приосенившая меня своим вьюжным крылом. Человек имеет право в духе жить вне возраста, как нечто, чему «нет места и причины». Но во плоти, в жизни сей его определенно переводят из лагеря в лагерь — сначала это потешный полк, потом конница, потом пехота, потом тяжелая артиллерия, и, наконец, *mortuarii*^{*}, — вот среди них ощущаю и себя.

Здоровье сносно. Только «аппендикс» мешает дальним походам и всенощным бдениям. Может быть, это и не аппендикс, а какой-нибудь поганый гриб разросся (на старости лет это многим полагается). Ты увидишь меня, если суждено увидеться, совсем седенькой и пробирающейся в категорию просвириобразных старушек. Два раза меня определенно посчитали бабушкой. Болтаю с тобой на радостях, а для главного, пожалуй, и места не будет.

Попроси ты брата моего написать, как он смотрит на мой приезд — как только с квартирой разделаюсь и дороги наладятся, — на Пасху или немного раньше, или немного позже, я непременно хочу к маме, я не могу больше выносить глухонемые пространств и времен. Есть ли, где мне главу преклонить

^{*} Обреченные на смерть (лат.).

под отчим кровом? И будет ли возможность заработка — лекции, издательства и т.д.?

Михаил Владимирович обещает приехать в Киев и проводить меня к вам. Но раньше непременно напишите об угле и заработках.

Родная моя, спасибо тебе еще и еще за твое письмо. Пиши мне, не замолкай надолго, походи к маме и Леле и поцелуй их за меня.

У нас сегодня треволнения, слух, что будут отбирать запасы и по-московски назначат голодные пай. Возможно, что и из квартиры прогонят. Уже были массовые выселения из более народных домов.

Привет твоей маме и Ивану Васильевичу. Как его здоровье? А я так и не знаю, чем ты занята, что «главное», и есть ли заработная плата? Читает ли кто-нибудь хоть изредка моей Варваре Федоровне без меня вслух, или она два года живет только бытом, беллетристкой самой жизни в ее ожесточенном реализме...

В.Г. Мирвич. 1919. Киев

Льется свет косой, струистый,
Темно-красный, золотистый.
Льется вечности вино
В этот час в мое окно.

Смотрит вещая София,
Блещут главы золотые,
Древней мудрости венцом
Солнцем, розой и вином.

Пусть вокруг все те же стены
Но закатной перемены
Жизнь на миг и им дана —
Солнце, розы и вина.

27 апреля

Из дневника Зинаиды Денисьевской

Была у Оли, и даже стыдно было за свое оцепенение. У нее сейчас полоса «девятого вала» Эвальда, тоже расставальная

волна. У нее великий дар «отпустить» человека, ей не попутного, не оскорбив его, а даже как-то и приподняв его самого на какую-то чуточку, о которой он и сам не знал в себе. Ее оторванность от интересов обычной жизни, ярко выраженная индивидуальность, «особенность», смелость, доходящая до безрассудства, при обаятельной скромности и неосознанности своей власти над людьми, привлекает к ней людей высокой марки, хотя и с обывательской точки зрения она и кажется «странной». Она — море. Прекрасное, изменчивое, обаятельное и жуткое. В ней необычайно хороша до восхищения ее детская искренность. В ней и тени нет рисовки, раздвоенности, при самых неожиданных в ней, как бы все новых по неожиданности свойств. Она вся такая, какая есть. Она никогда не сможет приспособить себя к чему-нибудь или к кому-нибудь. И это делает ее трогательно-беспомощной в фактической жизни.

Я живу в достаточной мере фантазией, она исключительно ею. Нет, это и не так, она не уклоняется от забот жизни, и когда берется за какие-нибудь дела, делает их хорошо, умело, что всегда кажется удивительным и неожиданным. Что особенно удивляет в ней (и привлекает к ней) — это действительно до странности полное отсутствие в ней зависти, ревности, даже самолюбия. Ей как бы «некогда» испытывать эти обычные человеческие страсти, так полна она потоком более глубоким и более очищенным от мусора и обыденных мелочей, заноз, коряг повседневной человеческой жизни «обыкновенных» людей.

19 мая. Киев — Воронеж

В.Г. Миревич — О. Бессарабовой

Родной, Лисик, много раз сквозь эту глухую стену молчания, какая с марта воздвиглась между мной и Воронежем, пыталась я пробиться с помощью заказных писем. И до сих пор не знаю, доходили ли они до Вас, и не происходит ли эта глухота и немота, от которой так тоскливо порою жить на свете, от безответности Вашей. Нужно ли говорить, как тяжело думать о болезнях и старости того берега, о невозможностях прийти на помощь матери, и лишениях всех близких воронежцев. Сегодня ровно два года, как судьба водворила меня в Киевский круг,

который неразрушим с той поры, точно злыми чарами заколдованный.

Последние две недели живу у Тарасовых, освободилась комната, так как Аллочка с мужем реквизировали себе комнату у Балаховских⁹ (там все расхвачано реквизициями). Хозяева же, Бог весть на каких броненосцах на теплых морях. Скоро мне опять нужно перемещаться, но пока еще не знаю, куда. Представлялась возможность отдельно поселиться в Китаеве — пять-шесть верст от Киева. Но, кажется, это разрушилось безвозвратно. Адресом моим все-таки может оставаться Деловая 6, кв. 2.

Мы сильно сократили уже свои аппетиты и вкусы, хлеб у нас дошел до 17 рублей фунт. Соответственно и все остальное. Распродано кое-что из скарба и спешно сочиняю новую детскую книжку. «Местов» же таким инвалидам, как я, не уготовано, хотя обещания есть блистательные. Возможно, что мне будет заказан перевод истории философии Фуллье¹⁰ — это может прокормить меня с отчислением мамочке в течение полугода. Михаил Владимирович тоже ищет для меня литературных заказов. Он ожидается в Киев со дня на день. У него есть крепкая надежда, что я поеду с ним в Сергиево, куда он и Наталья Дмитриевна зовут меня уже с февраля.

Что и как будет дальше с богохранимым градом нашим, кроме обещания, что дрова возрастут до 10 000 рублей за сажень, ничего верного не предскажешь. С 15 по новому стилю ожидается иноземное иго. Относительно его обыватель вправе применить к себе еврейский анекдот об известном споре саней и телеги, кто из них для лошади лучше. В жизни известных тебе лиц все идет утеснено и сурово, как подобает в горне всемирных катастроф. Наташа Березовская ходит на поденную, на огороды — 200 рублей в месяц, а главное из-за чего ходить — 4 еды в день досыта. У них же в доме две и не досыта, часто без хлеба.

Хотелось бы знать, Лисик, о твоих делах, книгах, чем душа жива. Передай маме (моей), что Леонилла Николаевна часто вспоминает ее и Леокадию Васильевну и говорит, что мечтает еще повидать их и отдохнуть душой в их затишье.

Таня (Березовская) усердно и серьезно держит экзамены. Увлекается Платоном и вообще философией. Алла числится здесь в Народном классическом театре на 2,5 тыс в месяц жалованья, но

пока дали только полжалования, а на другую половину надежды слабы (Константин Прокофьевич третий месяц не получает из госпиталя ничего). Скоро приедет сюда студия Аллочкина¹¹, привезут Снегурочку с Аллой в заглавной роли и «Пир во время чумы». Эти надежды ее окрылили. Она очень томится в Киеве, томится по Москве. А ты, Лисик? Я старый человек, и то мне трудна духота провинциального быта, отсутствие широкого русла, отсутствие воздуха творчества и умственных живых интересов. Для меня лично я, впрочем, вполне представляю такую оторванность от культурных центров, где я себя очень хорошо бы чувствовала, но это должна быть уже настоящая глушь, с монастырем поблизости. Или на полгода — морской берег. Все это стало как долина Тигра и Евфрата — далеко и недоступно.

Леля с Инной хотят пробыться в Одессу к Павлику, и меня зовут, у них там дача и Гастрономическая торговля. Но условия дороги такие сыпнотифозные, удушливо-насекомые и головоломные, что ни я, ни они, кажется, никуда не сдвинемся от тарасовского очага. Леля окончила кинематографическую студию, слушает в другой студии курс, и летом будет играть в детских спектаклях. Очень больна Наталья Николаевна¹². Завтра везем ее в Алекс<андровскую> больницу — у нее такое сильное кровоизлияние из легких, какое она, по словам докторов, едва ли переживет. Кружок наш к лету распался. Ибсена мы кончили и раза три разбирали Шекспира.

Надежда Сергеевна писала мне раза два о Борисе, но я так и не знаю, что он делает в Москве. Еще Надежда Сергеевна писала, что Добровы, Саша и Шура собираются в Воронеж. Осуществилось ли это, и если да, то, как они устроились?

Обнимаю тебя, родной мой Лисик. С нежностью и благодарностью вспоминаю, как терпеливо, кротко и любовно возилась ты с моими немощами наш последний общий год. Прошу также о глухонемом брате моем написать и что слышно об Оскольцах¹³.

5 сентября

Обстрелы, выстрелы. Из дома выходить нельзя. Сшила много кукол для детей прачки, сапожника и других семей, живу-

щих на нашем дворе. Как дети рады были куклам! Одна мать заплакала «от благодарности». Скорбно.

7 сентября

Золотые и солнечные дни. Улицы и многие дома пустынные, вымершие. Еще нельзя выходить на улицу. Обуяла дерзость и из Ботанического сада принесла сноп чудесных осенних веток. Нигде по дороге не встретила ни одной, хотя бы собачьей, души.

Борюшка и Всева на фронте, не известно, где, живы ли?

9 сентября

Из дневника Ольги Бессарабовой

Вчера уехал на фронт Боренька со своим особым железнодорожным дивизионам. Ох, не запомнила название. В доме ничего не было, чем накормить бы его в дорогу или дать с собой.

11 сентября

Вчера фронт белый¹⁴ пришел в Воронеж. Бесперывная пальба, стрельба, буханье всех видов оружия.

В доме очень чисто и красиво от цветов маминых. Запасла много книг. Из дома выходить нельзя. Печей топить нельзя. Никаких продуктов в доме нет. Редкие выстрелы орудий похожи на колокол. Палочные и ременные звуки ружей и суетливое тархтенье пулеметов. Рамы окон звенят и охают. Солдаты, пригибаясь, бегают с места на место, иногда прыгая в ямки. Я не могу понять, кто от кого защищается, кто нападает — они все одинаковые. Как они узнают, в кого стрелять и кого защищать?

Без числа. На ночь.

Чтобы не кричать несколько раз укусила руку. А когда заваривала морковный чай и пролила кипяток на ногу, было хорошо: несколько минут было только физически больно и ни о чем

не помнилось. Красный и белый фронт, убитые, пропавшие, расстрелянные, повешенные

8 октября

Черная чужая собака убила двух кроликов и двух крольчат Володи.

Мамонтов¹⁵ собирается на Москву. Голод. Мама одна ходила в лес за хворостом. Она ушла потихоньку, я не уследила. Никто не отнял. В доме скорбно, голодно, холодно и не-одето.

Приписка 10 октября 1964 года из календаря:

19 октября – День Победы Красной Армии под Воронежем. Начало разгрома Деникина.

«День прошел без числа»

В доме: мама, Иван Васильевич, Володя, Всевоочка и, кажется, я. О Борюшке вестей нет. Три комнаты без стекол – забиты. Живем в кухне и в спальне. В детской – куры. Валя и Шурочка¹⁶ уехали на юг. В городе белые. Голод. Холод. Грабежи. Убийства. Смерть. Паника. Предательства.

Город, который терпит на одной из своих площадей (кажется, в Круглых Рядах) повешенных людей¹⁷, и ходит смотреть на них с женами и детьми. Одна из повешенных – женщина, чекистка.

Во время обстрела дала мамочке пачку старых писем брата Николая, американца нашего, студенческих и позднейших. И мама «была с Колюшкой» несколько дней. А я опять шила куклы для детей на дворе, а одну с прелестной фарфоровой головкой в белом кружевном кринолине оставила себе.

У меня много книг. После итальянского Ренессанса живу в Средневековье.

8 ноября

Мама. Какая в ней моральная сила, красота, высокая простота. Вот когда она встала во весь свой рост. И моменты оце-

пенения. На главной улице (около I Мужской гимназии) лежат два трупа лошадей. Один из них застыл в позе, встающей с земли. Крутая шея, стройные ноги, чудесная грива. Как изваянная пленница в невидимых путах не может подняться. Я в жизни не видела таких красивых живых лошадей. Каждый ее мускул, вся она — дивной красоты изваяние великого художника. Я потеряла чувство времени, смотря на нее.

12 ноября

...«Ритмы управляют миром»...

Пылающие Серафимы. Созидающие Херувимы. Мудрые Элоимы.

Мне кажется, образы этих ангелов, созданы поэтами и художниками в моменты больших катастроф — стихийных и политических.

Чувствую тонкую грань от яви к сну, то есть, не к сну, а ко всем этим представлениям? Может быть, еще, еще немного, и тонкая хрупкая эта грань (сознания?) может разрушиться. Не позволяю себе ни жалоб, ни лени, ни уклонения от очередных дневных дел и обязанностей, начиная с тщательной уборки комнаты, в которой живем — и «личной гигиены», опрятности.

13 ноября

Я и мама боремся с оцепенением, которое сковывает нас после принятия пищи — чечевицы и моркови. Конечно, без соли и без хлеба. О сахаре — даже и в голову не приходит. Чечевицу варим жидкой кашей, морковь — крепким наваром, вроде супа или компота. Натираем сырую на терке. Эй ты, голод! Еще не озверинил нас! Когда кто-нибудь заходит к нам, мама кормит этими яствами на чистой тарелке, на скатерти, с чистыми блестящими приборами. Это ошеломляет гостя иногда до слез. Но почти никто и не бывает — наперечет, кто-то со двора, из соседней, Зиночка.

Мне кажется, что книги (как казалось о картинах в Третьяковке, у Щукина, у Морозова) сами выбирают своих читателей и зрителей.

«День прошел без числа»

1) В доме порядок. Попытка на порядок в кухне — это труднее, там тяжелые вещи и необходимый хлам мебели, как топливо.

2) Маму усадила опять на диван в шали и с письмами Коли (я нарочно попросила ее, пожалуйста, разобрать их по годам, а конверты выбросить, чтобы пачка была компактнее). Обещала маме сделать из старой книжной обложки и цветной тряпочки самодельный переплет для этого драгоценного для нее томика писем Коли. Очень хорошо еще, что Коля писал всегда на опрятной бумаге почтового формата.

«Без числа»

Сделала пышки, морковный суп и вроде каши из чечевицы, разваренное и не очень жидкое. Володя растопил печь и сварил все это. Принес воды два раза, устраивал кроликов. Всю ночь мама стирала белье для солдат красноармейцев — Всева принес из своей части Буденного¹⁸. Ее лихорадит. Весь день почти мама пытается согреться и заснуть.

Погладила и часть белья.

Убрала посуду после обеда и в кухне.

Для кушанья и для мытья посуды самовар ставила льдом: рубила лед на кусочки и растапливала его в самоваре.

Напиленные Володюшкой поленья и доски рубила как будто угли. Сгорает в самоваре очень много, а топливо кончается. Кончаются и все «внутренние ресурсы» топлива. Мама вспомнила: «А конуры?» Володя: «Я с них-то и начал мобилизацию топлива».

Долги. Денег нет. Продуктов нет. Дров нет.

Дом надо бы защитить от ветра. Окна и двери не забиты — без стекол. Вычистить и чистить от кроликов и кур одну из двух комнат. Сшить все, что можно теплое маме, братьям и Ивану Васильевичу. Для этого разобрала сундук со старинными одеждами. Необходимо поставить чугунную (из чугуна) печку в кухне — легче будет готовить обед. Кончится таганок на загнетке печи. И сушить белье будет легче. Мама устроит печку сама в комнатах.

Из носков и верхних частей чулок сделала для мамы чулки и тщательно зашила для нее свою шелковую фуфайку. Мама позволила распорядиться всеми одеждами в сундуке и в шкафах. Надела мамино старинное платье с невероятно пышными, как воздушные шары, рукавами. Это платье очень изящное, светло-серое. Его мама носила в год коронации Николая II, и когда ждала моего появления на свет.

Когда я застегнула бесчисленное множество хитроумных крючков и крючечечков, пряжек и застежек, я оказалась высокой, тоненькой, прямой и старинной молодой дамой. Мама улыбнулась, Володя очень удивился, — как меняет платье внешность человека. «Не только внешность, но и самочувствие женщины, и даже норму ее поведения и манеры говорить», — пошутила я. До чего милое и красивое лицо у Володи. Вот с него можно было бы без всякого грима писать Ангела — грустного и сурового, с его не по возрасту вдумчивостью взгляда.

Отыскала наш чудесный старый атлас цветов, растений, птиц, животных, растений, камней, гадов, насекомых. Возник мир детской нашей жизни. Рисунки Коли на чистой тыловой стороне атласа напомнили фантастические увлекательные рассказы Коли («брехуны»), о приключениях его и братьев в разных странах (и даже веках!). Коля сам был всегда исследователем старых и новых стран и «чудес света» и всегда показывал свои коллекции мне и маме на том острове, где как будто мы с ней жили, а он прилетал «изо всех стран» на изобретенной им самим машине — птице-летуне. Она умела и плавать, и «бегать». В саду нашего теплого, светлого и просторного дома-замка рос и Аленький Цветочек (я любила эту сказку, и Коля учтиво пометил Аленький цветочек в наши «брехуны»).

Когда маме плохо, всегда можно утешить ее чем-нибудь, напомнив о Коле. Письма, вот этот атлас, рисунки, записные книжки. Я и Володя боимся — не заболеть бы мамочке. Иван Васильевич зябнет, сокрушается, непрерывно ноет, стонет, охает, жалуется, и все режет матушку правду, и предсказывает, и предвидит, и заранее говорит.

В голове у меня с утра сегодня «эпоха казней». Смерть всем, кто никому на свете не дорог, у кого нет никого дорогого на свете.

Всева что-то задумчив и мрачен. Тихий, внимательный. Что-то у него есть — непосильно для него трудное. Мальчик мой родной.

Думала сегодня о Вале, о Викторе, о Наталье <Иосифовне>, о Зине, о Николае Григорьевиче, о Вадиме Аркадьевиче, о Толстове, о Борюшке, брате, о бывшей Шурочке и еще о нескольких людях. И про жизнь человеческую думала. Идут, идут большие события, слышим грохот их шагов, слышим и живем в грохоте и тишине разрушений и еще не слышим стука неизбежной стройки, каковы бы ни были разрушения. Но теперешнее. Трудно. Бедная Жизнь, тяжело тебе? Но если ты жизнь, то все процесс роста, смен и перемен? И мы умрем, но и без нас будет жизнь. Живая Жизнь. Хорошо? Хорошо. Так было и так будет. Кто достоин тебя, жизнь, тот сделает Тебя прекрасной, а от остальных Ты и сама избавишься.

Пристально и хорошо вспомнила о Зине.

Окна мои так замерзли, что узор на уцелевшем стекле спутался и покрылся сплошным снегом, который падает на подоконник. Разденусь, укурюсь лисьей шубой и засну. Хорошо бы совсем.

Спокойной ночи, девочки и мальчики. Пусть хоть часок будет всем на свете спокойно.

Нет. Лучше домой, в Среднюю историю к Фридриху Барбароссе — сегодня, кажется. Все эти живые или, может быть, и мертвые люди. Далеко до них добираться — через века и зыбкую неустойчивую призму событий и фактов так называемой «реальной жизни».

Близким — я не очень-то полезна. Далеким — тревожно, путано, беспокойно со мной? И не надо.

Только бы молчать. Не надо ничего.

Руки мои покрылись мозолями и ссадинами, и я совсем не думаю «о своей душе», но толку от этого не много. Мало...

Мама была очень тронута, что я не позволила никому трогать ее письменный стол. В нем я собрала все маминны «сокровища» — письма, ее девичьи дневники (две тетради) — некоторые мелочи, шкатулку с документами и прочее.

3–16 декабря

Из дневника Зинаиды Денисьевской

Зашла к Бессарабовым. Это, по-моему, обреченная на смерть семья. Совершенно невменяемый душевно больной Иван Васильевич; измученная, совершенно выбившаяся из сил и как-то не умеющая практически осуществить свои планы Анна Петровна; Оля — не от мира сего девочка, истинное чудо, существующее в 1919 году в городе Воронеже Советской Российской Федеративной Республики; Володя, замученный тоже до последней степени дровами, водою, заботами о продовольствии и при этом не расстающийся со своими курами и кроликами, очень породистыми, но поедающими все, что он достает для семьи. Всева весь какой-то странный, психически не устроенный, у него <нрзб> автомобиль, который он караулил, и ему грозит расстрел, а он весь простудившийся, в жару....Где-то вдали, в Курске — Борис, а в Америке — Николай. И все они колеблются между гением и умопомешательством, ежедневно строят новые планы, которые никогда не осуществляются, голодают самым фактическим образом и не умеют устроить жизнь иначе. Я с содроганием душевным смотрю на эту семью. И жалко-то мне их до слез, и не знаю, что сделать, как помочь, и в то же время вижу, явно вижу, что все бесполезно, вся причина их гибели лежит в них самих, в их характере, в самом складе их семьи, и каждого порознь. Я очень люблю Олю, но понимаю, что она настолько не пригодна к земной жизни текущего момента, что вряд ли переживет даже эту зиму.

Запись 1958 года

Читаю этот томик. Завтра исполнится 38 лет со дня смерти мамы † 10 февраля 1920 в 7 часов утра. 1959 — 39 лет; 1962 — 42 года; 1963 — 43 года.

23 декабря 1961 года

А вот уже и 41 год прошел. Москва. Мне уже 65 лет. Всева † в 1929, Борис — 63 года. Володя — доцент, ему 62.

1920

23 декабря — 5 января

Из дневника Ольги Бессарабовой

Привезла брата Всеволода из госпиталя, больного сыпным тифом. В бальном зале здания бывшего Епархиального училища, а потом Округа Путей Сообщения¹, лежат больные на кроватях, поставленных сплошь, без промежутков между ними. Промежутки между линиями спинок кроватей, чтобы проходить вдоль них санитарам. На 100 больных одно ведро вместо судна. Больные пьют сырую воду из одной кружки. Каждое утро со двора вывозят возы тел. Дровни эти отнимаются на базаре у крестьян или просто на улице. В утро, когда я приехала за Всевой, со двора госпиталя выехало 11 дровней с наваленными телами умерших, как хворост вдоль дровен, едва прикрыт груз на дровнях одной простыней. Везла на дровнях, дав кучеру-санитару небольшую бутылочку водки. Он вез нас, как дикий татарин в степи, стоя, вертя над головой длинный бич, и гнал лошадей во всю прыть.

Отбирала безделушки для продажи, чтобы купить хлеба и соли. Безделушки продала, и денег получилось довольно много, но соли не купила (ее нет), а хлеба так мало, что дома сказала, что свою долю уже съела. А мама не поверила. Утром, когда осталась одна в доме на несколько минут, показалось, что все это сон. Разве так все может быть?

После принятия пищи телом и мыслью овладевает оцепенение, более тягучее, чем скованность от холода. Холод сковывает, а это похоже на вязкую патоку.

Хорошо бы елочку и несколько свечей

Людам свойственно выть и рычать. Я слышала сама. Это были не сумасшедшие (на базаре). Смогу ли я зарабатывать? Я боюсь и не выношу человеческих лиц.

12/25 января

...Я продержалась до Сочельника. У нас был Светлый ужин ради больного Всева в спальне. К его кровати (маминой пружинной) подставили стол. За ужином вспомнили всех близких и далеких, всех любимых. Мама очень устала и прилегла отдохнуть на «папину кровать». Всева, Володя и я тихонечко разговаривали, чтобы не будить тут же задремавшую мать.

Мы живем в темной спальне. Не стучаемся, потому что все (я, Володя, Всева) лежим в постелях. И одна мама двигается среди нас. У нас бывают фантастические ночи, я и Володя бредим, кто во что горазд. Всева уже перестал бредить, он встает и кое-как помогает маме, но слаб так, что еле двигается. И мамочка сама почти без сил. Сыпной тиф.

13/26 января

Всева, я и Володюшка, (а Боря в Харькове) переболели сыпным тифом.

Только бы мама не слегла до того, как встанет кто-нибудь из нас. Кто сбережет ее тогда? Папа на станции Анна². Планы: Мама – учительница в Рамоне³ или где-нибудь в деревне, а я с ней, пока встану на ноги, потом буду работать вместе с ней. Папа с нами будет жить.

Семья Вали. Зина Денисьевская. Толстов. Семья Жени. Мама святая и живая. Помолодевшее от худобы и прекрасное лицо, отрешенное от всего злого в жизни. Мама – свет и тепло.

(Приписано потом). Я ухаживала за Всевой, который заразился тифом в отряде Буденного. За мной ухаживал Володя. Не помню ничего в течение двух недель – с момента, когда утром на Рождество (по старому стилю) я в черном платье, только что

причесавшаяся на две косы на висках, стояла у кровати своей в столовой. У меня закружилась голова, и я двинулась, чтобы прилечь на кровать, Володя был близко, и я сказала, это я помню: «Накрой, Володюшка, холодно». Потом помню только свой крик (громкий): «Маму, не пускай ко мне! Гони, гони от меня маму! (чтобы не заразить). Потом — какая-то секунда, сейчас же утонувшая, момент: мама в спальне уговаривает меня лечь на папину кровать — здесь чисто, здесь тепло, здесь тумбочка. Я как-то не понимаю, что надо сделать, и опять все исчезло до момента, когда мама подошла ко мне с тарелкой горячего бульона и просила меня съесть хоть ложку: «Возьми, ну не бойся, тут фрикадельки. Это бульон, ты согреешься». Я, вероятно, не хотела или не понимала. Мама заплакала: «Олечка, милая, для меня съешь, съешь за меня». (Так в раннем детстве — за маму, за папу, за Колю, за Борю, за кошку... пока не съедалась тарелка.) Я засмеялась: «За маму, за Цацу, за кошку?» И съела тарелку супа с ложки из маминых рук. Заснула. Это было как эликсир жизни — этот бульон. Володя потом говорил, что с этого дня я пришла в сознание. Где же была я, эти две недели. Или больше?

17/30 января

Из дневника Зинаиды Денисьевской

Приехала Лида Малахиева из Старого Оскола. И там нет никаких вестей о Николае Григорьевиче. Да. Несомненно, его нет в живых.

От Лиды сегодня узнала, что Всева Бессарабов поправился уже от тифа, у Володи миновал кризис, и Оля тяжело больна.

Иван Васильевич куда-то уехал, Анна Петровна одна надывается за всех, и над всеми.

Стало беспокойно на душе, показалось ясно, ясно, что Оля должна умереть. Хотела сегодня же зайти к ним, но была голодна и замерзла. Да и боюсь занести в нашу семью заразу. А возможно все-таки, что на днях зайду.

...В Терновой церкви⁴ — к каждой службе от 15 до 20 гробов; теперь гробы возят на салазках, как сундуки...

2 февраля

Вчера мама принесла воду из колодца на той стороне улицы (через мост). Полчаса она рубила лес, чтобы воду можно было достать. Володя и я еще не встали. Всева только на днях поднялся, слабый. На нем лежала забота о нас троих, о девяти кроликах и 17 породистых курах. Корм сегодня кончился. Денег нет совсем. Чугунную, стоящую на полу печь Всева топит ставнями, бочонком, кухонным столом, корытом и другими горючими материалами. Город дров не имеет, деревня не везет. Вырублена Архиерейская роща, часть Ботанического сада, лесные посадки С<ельско>хоз<зяйственного> Института, Грачиный лес. И почти все заборы и сараи растасканы и сожжены. В теплой комнате, где мы живем, 2–3 градуса ниже нуля. Девичья, детская и моя (бывшая гостиная), забиты. В столовой – 8 градусов.

Живем в темной спальне и не знаем, есть ли солнце днем и месяц ночью. Когда топим чугунок, бывает 4–5–6 градусов тепла. Чугунок разожжен, труба падает на больного Володю, если чурбак положить как-то там вдоль, а не поперек печки, как уверяет Всева мама. Всева и чугунок ухитряются поить и кормить нас.

В доме есть сейчас: 1 фунт белой и 2 фунта черной муки и 2 столовых ложки соли. Завтра кончится бывший петух, погибший за то, что он намеривался уйти из этого мира, где не хватает племенному Лангшану⁵ корма.

Как только встану, отнесу знакомой торговке брошку с жемчугом, кружева и кружевную скатерть – для хлеба, соли и дров. Купим у хозяина Кюи доски от нашего сарая. Соседи обещали дотащить доски до нашего порога.

Я встану, встану завтра. Необходимо деловое: что сделать? Не соберу голову – что же сделать в первую очередь?

1) отобрать вещи для продажи. Сговориться с торговкой (как же добраться до нее?)

2) собрать в одно место, в ящик тумбочки – золото и серебро.

3) вытащить из комода материя и отдать кому-нибудь сшить белье для мамы – чтобы чаще менять ей – прачку не добыть ни за какие деньги, – дров ни у кого нет.

4) Володю удержать в постели и добыть корма. Поручить – добыть за плату за этот труд.

5) Рубцовым отдать комнатные цветы. М<ожет> б<ыть>, хоть некоторые спасти. Многие мамины любимицы уже погибли и держатся – замершие. Панданусы, алоэ, плющ, пальмы трех пород, филодендрон, пирус, араукарии, апельсины, лимоны, олеандра, фикусы и много других – азалии, чай, белые звездочки («фата невесты»), желтофиоли и много других. Луковичные, герань, флоксы.

6) для мамы попросить соседку Попову испечь белые хлебцы из белой нашей муки. Это хорошо, что она есть.

7) из пшена на кофейной мельнице сделать муку и смешать ее с черной мукой для пышек и для супа нам.

3 февраля

Боже мой.

4 февраля

У мамочки не брюшной, а сыпной тиф. Явление Зины.

5 февраля

Мама, мама, мама. Смерть близко.

5 февраля

Из дневника Зинаиды Денисьевской

Была вчера у Оли. Кошмар... В маленькой полутемной комнате, выходящей окнами в коридор, лежат: Володя, Оля и Анна Петровна. Всева только с неделю как встал и единственный двигается.

В комнате чугунок. Во время морозов до –2 градуса. Лежат в шубах, шапках и платках. Есть почти нечего. Одно пшено.

Дров, конечно, нет. Жгут столы, стулья, кадки, доски. Принесла немного муки и пшена. Потом опять сбежала домой принесла кислой капусты, моченых яблок, немного хлеба...

Взяла сшить две рубашки... Они все были рады, что я пришла. А я радовалась, что могу им доставить радость, и чуть не плакала... разве это помощь? Что я могу сделать? Боюсь, что Анна Петровна умрет. Она очень истощена и измучена душевно. И, кроме того, у нее что-то вроде аппендицита. У Оли кризис миновал, но она рано встала с постели, и опять свалилась.

Она очень побледнела и похудела. Живет только своими сказками – о саде, о лете... она тоже может умереть.

Мне не страшно, что я могу заразиться тифом, но не хотелось бы все-таки приносить болезнь в дом.

А впрочем – пусть все идет так, как суждено. Нездоровится. Не то лихорадка, не то инфлюэнца. Температура круглые сутки 37,2.

9 февраля

Эти дни полны каких-то больших переживаний, но оформить их в слова у меня нет ни времени, ни сил...

Утром торопилась, прибираю, готовлю какой-нибудь кисель для Анны Петровны, страшно тороплюсь забежать к ним, потом открывать больницу.

Умерла Леокадия Васильевна Полянская, тетка Николая Григорьевича.

...Захожу к Бессарабовым часто, раза два в день. У Анны Петровны доктор сначала нашел брюшной тиф, но, кажется, на самом деле оказался сыпной.

Она очень слаба и плоха. Оля второй день как встала опять. Через силу двигается, работает, ходит к соседке-торговке, за доктором (сегодня). Холод, голод, физическая слабость. Душа разрывается от бессилия помочь, как следует.

Все эти кисели, супы, сторублевки – все это соломинки, которые стыдно даже бросать утопающим... Ах, Боже мой! Сегодня шла с Олей к доктору, был тихий зимний вечер.

Холодный, с дымно-розовым закатом, с голубым хрустящим снегом. Везде вставали серо-розовые столбы дыма.

Все казалось совершенно нереальным. И мы говорили о том, что нужно делать, если Анна Петровна умрет.

Я рассказывала Оле, как надо обмывать и одевать покойницу... И было такое странное состояние.

Все стало казаться призрачным.

9 февраля

Из дневника Ольги Бессарабовой

Мама слаба. Денег! Доктору, прачке, соли, хлеба и масла.

Вчера со станции Анна папа прислал муку, пшено, мыло. Мамочка почти не обратила на это внимание.

Мамочка слегла 1 февраля (новый стиль).

5 февраля 39,9—40,1 температура;

6 февраля 39,6—40,0 температура;

7 февраля 39,5—39,5 температура;

8 февраля 39,1—39,0 температура;

9 февраля 37,5—38,0 температура;

10 февраля † в 7 часов утра.

10 февраля

Из дневника Зинаиды Денисьевской

Годовщина встречи с Олей. Жуткие дни. Анна Петровна умерла сегодня утром. Не перенесла кризиса.

Накануне я очень спешила, молоко свернулось, и я сварила кисель на сыворотке. Некогда было сделать что-нибудь другое. Но мне было стыдно и на другой день я начала готовить рано, с 10 часов, сварила ее любимым рябиновый кисель, кофе с молоком и понесла.

А Всева, открывая дверь, встретил меня словами: «А мама умерла».

Было странно, жутко и мучительно стыдно за то, что пока она была жива, я не все сделала, что могла бы, раздумывала над тем, что много картошек уйдет на крахмал, что приходится трагить сахар, и т.д. Эх! И весь день вчера было горько, тяжело, стыдно на душе...

Но сегодня неожиданно все изменилось. Как Оля сказала о себе и о мальчиках — «мама нас простила», и меня она «простила»...

Выяснилось три необыкновенных по существу события, хотя простых на первый взгляд.

Почти в тот день, когда я отнесла Бессарабовым 100 рублей, папу встретила Макарова и сказала, что мне надо получить деньги из второй женской гимназии за март 1918 года.

Сегодня я получила их — 350 рублей. Никогда нигде не попадалось нам картофельной муки (крахмал) для киселя.

В ответ на несчастные три ложки, которые я сделала из картофеля и потратила на кисель Анне Петровне, сегодня Редькин предложил купить 17 фунтов картофельной муки.

И, наконец, когда мама приготовила, чтобы отнести им немного керосину, пришел давно уже ожидаемый техник и провел в большую комнату и к квартиранту электричество.

Меня глубоко поразили эти три события. На все, что я для Анны Петровны сделала, я получила в ответ гораздо больше.

И через крахмал я поняла, что она меня «простила».

Вчера у Бессарабовых было очень трудно. Сегодня как-то просветилось. Господи, помоги им, подкрепи их!

...Я сказала Оле, что совершенно запуталась теперь, что в жизни — главное. Люди, дела — все преходяще, все разрушается. Оля сказала: самое главное — вот так прийти, стать, как ты стоишь и говоришь, или так, как мама подошла ко мне с супом, когда я не хотела жить, и вернула меня к жизни... Самое главное — отношение к людям, а не вещи, не дела, не книги...

Не знаю, может быть, Оля и права.

В чем «главное» — в библиотечной инструкции или в моих приходах к Бессарабовым.

Я не знаю сейчас... Только в конце я ни при чем, что-то со стороны руководило мною в последнем случае.

10 февраля

Из дневника Ольги Бессарабовой

1) Разрешение на право похорон. В Волостном Троицком Исполкоме взять паспорт; предъявить его священнику.

2) Разрешение на рытье могилы в Похоронном Бюро.

Удостоверение о смерти от Домового Комитета. Ордер могильщикам.

Комиссару Управления Ю.В.Ж.Д. О.А. Бессарабовой прошение. Прошу Вашего распоряжения на заказ гроба для умершей жены пенсионера Ю.В.Ж.Д. Ивана Васильевича Соловкина-Бессарабова. Удостоверение. Домовой Комитет дома № 11 за Жел<езно>дор<ожным> мостом на Терновой улице удостоверяет о смерти Анны Петровны Соловкиной 10 февраля 1920 года. Председатель – Рубцов. За секретаря – О. Бессарабова.

Секретарем Домов<ого> Комитета была мама.

12 февраля

Продан портсигар за 3000 рублей. Столовый стол – 1000 рублей.

16 февраля

Отдала Поповой все цветы, о которых можно думать, что они еще живы.

Араукарий, туя украсили рамочку – с мамой.

17 февраля

Дезинфекция. Кипяченая вода. Питание.

Отобрать вещи для продажи и для житья. Заплатить все долги. Выкупить золотые вещи у Воронина. Послезавтра 19 февраля – девятый день. Мертвую маму мы схоронили. А живую хоронить не надо. Она с нами, вокруг нас. Во всем хорошем, что есть в жизни, воскрешается, вспоминается, живет мама. Семья осталась, мама в нас, вокруг нас, с нами. Мама разлила по миру себя, свою ласку, заботу, любовь, доброту. Но мамы у нас нет. Господи.

То, что осталось убрать после мамы – ее тело, было как бы не она. Все это как бы отдельно от нее, другое. Но не хотела отойти от этого до последней минуты.

Мама жива в нашей близости, жива в кусочке хлеба, который Володя потихоньку подложил к моей доле.

Мама, которая может поцеловать, позвать, улыбнуться – нет? Господи.

Время, возьми мою голову прохладными руками, какие были у мамы, когда она обнимала руками, — такими теплыми! — Время, не уведи мальчиков, моих братьев, от мамы. Мама, помоги моим братьям.

Оля Бессарабова: написано после поездки <в поселок Анна>.

Письма Попова и Ивана Васильевича мы читали трое — Володя, Всева и я. Немедленно я пошла к Соловкиным и прочла им письма. Они горячо и сердечно предложили поселить папу у них. Коля уступил для папы свою комнату. В тот же день я поехала на станцию Анну. В тонких чулках, в открытых туфлях, с маленьким свертком в руках. Железнодорожники — знакомые папы, устроили меня с первым же поездом в нетопленной теплушке, в которой ехали из госпиталя послетифозные солдаты.

Вагон был набит так туго, что когда втиснули еще и меня, то нельзя было до конца сдвинуть задвижную дверь вагона — пришлось бы отхлопнуть мне одну ногу.

Через 10 минут после отхода поезда стоящие пассажиры как-то утряслись, и я целиком оказалась в вагоне. Дверь задвинули. Был сильный холодный ветер. По какому-то наитию я захватила с собой старые газеты. Солдаты были страшно рады бумаге, и все сразу закурили махорку. Один пассажир умер, и мертвый так и стоял в тесноте, пока его не сняли на остановке. Его смерть и присутствие в вагоне не произвели никакого впечатления на его соседей, вероятно, исключая самых ближайших, к которым он прислонился. Но и они молчали.

До Анны я ехала бесконечно долго. Потеряла чувство времени. И как ни странно, я не устала в дороге. И к Поповым я пришла бодрая и спокойная. Странные прорывы памяти. Я не помню эту дорогу, отдельные только моменты, как задвинули дверь, как рады были курильщики газетам, как стоял мертвый пассажир. Очень смутно помню семью Поповых, радушно встретившую меня. Они берегли папу, как малое дитя, но были рады, что он уедет, они боялись, что он повесится. У Поповых я пробыла несколько дней, не помню — 2—3—4? Папа с самого первого момента встречи всецело покорился мне и был послушен, как малое дитя, не отходил от меня ни на шаг. Я уводила его из

дома гулять как можно больше времени. И мы без конца, без конца говорили все о том же. Он спрашивал, я рассказывала, мы вместе вспомнили о маме.

Он был так поражен смертью мамы, что только на третий день разобрался, что умерла и сестра его, Леокадия Васильевна. Обратная дорога была невероятно удобная, в служебном вагоне, с лежачими местами. Я спала все время. За нами очень ухаживали спутники по вагону. Папа работал на Ю.В.Ж.Д. 42 года, и его знают все железнодорожники, и он в лицо знает всех их. Мы везли с собою продукты, выменянные Поповыми на вещи и одежду.

Все время я не чувствовала усталости, были бредовые, но очень ясные чувства, что мама помогала мне. С вокзала в Воронеже я повела папу прямо к Соловкиным. Багаж наш мы поручили кому-то из вагонной бригады отнести ко мне домой. В первую же минуту папу ввели в его собственную комнату с его собственными вещами, расставленными очень внимательно на всех «тех самых», к которым он привык, местах. После умывания и переодевания — обед. После обеда папа лег на свою пружинную кровать с чистым бельем, как на остров спасения.

Я бесконечно благодарна Соловкиным, всем без исключения, невозможно перечислить множество тончайших оттенков внимания к папе в убранстве его комнаты, со всеми привычными его вещами, и во всем тоне отношения и разговоров.

С крылатым сердцем за папу ушла домой. Мальчики очень рады. Володя еще очень слабый, совсем прозрачный, светящийся скорбью о маме. В Всевожке неожиданно с первых часов после мамы нашла крепчайшую моральную опору, равного спутника, помощника мужественно бодрого, и нравственно сильного.

Папа, как ребенок, попросил у меня позволения поплакать в мое отсутствие. «Что ты! Как же можно! Маме будет тяжело и беспокойно!» Ты молись побольше о ней, и она успокоится. Как захочешь плакать, так и молись. Тут меня поддержала Манечка и Ольга Яковлевна, и папа послушно сказал: «Не буду, не буду, Олечка» и расплакался, по-детски закрыв лицо руками, раскрытыми пальцами. Я чуть было не сорвалась сама, но быстро успокоила папу, и мы еще раз подробно осмотрели все его «хозяйство» — нет, все на месте, ничего не забыли. Я попросила обяза-

тельно что-то такое приладить вот тут к завтрашнему дню, когда я приду. Он будет занят этим делом весь конец дня и все утро. Попросила его разобрать карточки в его шкапулке, этим разбором он займет еще часа 3, Манечка подсказала мне, что у меня нет домашних туфель — на веревочных подошвах. Папа ухватился за все эти дела и пустился в подробности о туфлях, из чего и как их сделать, все материалы оказались налицо...

3 марта

Наросла кора. Сердцевина жива? А м<ожет> б<ыть>, сердцевина умерла и осталась одна шелуха. Шелестит, как листья под ногами осенью.

4 марта

Уложены в ящик книги. Разобрать дом, чуланы, коридоры. А-ох, скорее бы выбраться из этого дома. Навалился Всевочка, еще может остаться с нами.

9 марта

День весны? Свет сумерек, будто разлитый весной.

19 марта

Володя после тифа еще не оправился. М<ожет> б<ыть>, он устроится в деревне инструктором — практикантом-птицево-дом. Это было бы для него спасением, а м<ожет> б<ыть>, и дорогой в жизни.

Золото, заложенное еще при маме за 5000 рублей, стоящее на теперешние деньги не менее 50 000 рублей, вряд ли выкупим. Смутный, темный человек этот священник, говорит, что чекист, и еще что-то такое. Дня через три переедем в очень хорошую, теплую, чистую, светлую и тихую комнату (ее нашел папа для меня). Трудны яркие цвета, краски. Могу смотреть только на черное, тускло-белое, матовое.

Косы после тифа гибнут, вряд ли возможно их не отрезать.

20 марта

От слов «пассажир версты», «пуд версты» разбаливается голова. Лектор Татарчуков удивил ужасно. Искренно увлекается и чуть не радуется на коо-пе-рацию.

Эксплуатация, Статистика, Технология — звучит для меня как: ба-ра-бан, а-бра-ка-добра.

Домой с лекции шла во тьме крошечной через старый Бег по глубокой грязи с водой и клоками нарастающего снега. Ни одной, даже собачьей, души. Темно, сыро на свете. И так много цифр, чисел, предпринимателей и общественных деятелей.

40 дней со дня смерти мамы.

21 марта

Всева собирается на юг, авиатором. Нет сил удержать Всеву. Я, кажется, опять заболеваю. Отдохнуть, уснуть. Маме спокойно?

22 марта

Последняя ночь в доме № 2, на Терновой улице.

23 марта

Уехал в Ростов Всева с авиационной частью, без белья, с куском хлеба и 500 рублей денег. Всева, Всевошка... (я заплакала). «Олечка, куда же ты денешь меня, такого солдатища? Там я и понадоблюсь, и получу специальность. Ты не бойся. Тысячи таких, как я, нужно же родину нашу защищать. Почему же не мне именно? Ты поправляйся, окрепни, успокойся. За Володю не бойся, подавно ему будет хорошо, он знает свою дорогу».

Всевошка так просто и так мужественно говорил и был так добр и спокоен.

Новый адрес: Большая Девиченская № 28, квартира 1. Дом Андреевой.

28 марта

Борюшка приехал с фронта. Он не знал... Случайно застал брата Володю в нашем прежнем доме, вбежал в столовую, уви-

дел наш буфет, кресла, и Володю в столовой. Володя в ту же минуту сразу увел его отсюда.

До Бори дошел слух о маме, но наверное он не знал еще.

20 марта – 3 апреля. Ростов – Москва

В.Г. Минович – Н.С. Бутовой

Родная моя, за 5 минут до отправки оказии пишу, поэтому буду краткой. За эти 9 месяцев молчания Москвы я пыталась несколько раз писать Вам и Михаил Владимировичу. Прежде всего, вот мой адрес: Ростов-на-Дону, Средний проспект, 35б, квартира 20 (Епифановых). Я здесь уже 3 месяца. Из Киева уехала в октябре⁶, гонимая голодом и холодом. Жила до Рождества со Скрябинными в Новочеркасске⁷. Они, между прочим, переселяются в Ростов, что облегчит мне устройство в том случае, если решу устроиться и на дольше здесь.

Ростов – чужбина и пустырь духовный, ссылка и школа смирения⁸. Скоро в Москву собирается Т.Ф. Скрябина и меня зовет с собою. Если немощи позволят, поеду (ненадолго, за работой). Здесь кое-как налаживается заработок, но мне хочется чего-нибудь более подходящего, чем лекции в театре. На это не хватает голоса и здоровья. (Есть далекие театры, а старые нас плохо слушаются.) Из Воронежа нет вестей. Из Киева тоже. Не знаю, живы ли мои близкие. И вот пишу с великим душевным стеснением – живы ли? О московской дороговизне такие жестокие легенды. Пока хватает сил и терпения на то, что Бог дает. Да пошлет Он и милость все снести до конца, и спасти душу для царства нетленного. Передавайте М.В. мой адрес и скажите ему и Наташе⁹, что все у меня цело наше и общее, крепко и свято. Обнимаю. Привет всем, кто уцелел от жатвы смертной.

Москва – Ростов-на-Дону

Н.С. Бутова – В.Г. Минович

Дорогой, дорогой, бесценный друг! ...Слов нет, как рада услышать живой голос Ваш! И так неожиданно принесся он из Ростова! Пытаюсь и я послать Вам хоть словечко. Хотя я как-то

разучилась совсем слушать себя и говорить о себе. Жизнь странная была, чуждая! Точно самых разных людей, случайно собранных, закупорили в огромную бутылку, и все время безостановочно эту бутылку трясут, переворачивают вверх дном и на стороны. Но, вопреки всему, молнии небесные время от времени прорезали не только воздух, но и самые стенки этой темницы. И благодать Бога и доброта людей неизреченны и неисчерпаемы! Как жилось, как болелось, как терпелось, как работалось... Об этом не расскажешь. Здоровье мое ненадежное. Главная ненадежность его относительно работы: всю зиму не работала и сейчас в безделии.

Остатки друзей общих, задержавшихся в Москве, живы: Добровы, Готовцевых¹⁰, семья Шик, Анна Васильевна Романова¹¹ опять живет в Москве, Шура Доброва и Эсфирь живут в Ростове с Вами, Татьяна Алексеевна (Полиевктова) и ее дети живы. Обнимаю Вас, обнимаю. Господь храни Вас. Н. Бутова.

15 апреля. Москва — Ростов-на-Дону

Н.С. Бутова — В.Г. Мирович

Дорогая-родная моя! Недавно я писала Вам в конверте Михаилу Владимировичу и свою записочку. Послала заказной почтой. Но через Добровых есть оказия, и я пользуюсь ею. Посылаю 1000 рублей Михаилу Владимировичу, которые он просит переслать Вам с ожидающейся оказией. Последние дни из Шик никого не вижу. У них заботы: отец Наташи <Шаховской> арестован¹², и прочно. И Гизелла Яковлевна¹³ уже 10 дней сидит в Чрезвычайке. Попала туда случайно: пошла в какое-то учреждение за справкой, а там всех входящих арестовывали. Сидит и когда выпустят? Дети озабочены очень стариками- арестантами. М<ихаил> В<ладимирович> здесь, и Лиля¹⁴ здесь из-за этого живут, но я их не вижу. Г<изелла> Я<ковлевна> все стремится к себе на родину, к сестрам, и все ей никак не удается. Лилия встала на внутренний путь. Не знаю, как судил ей Господь? Удержится она на нем или нет? И он будет лишь одной из форм временного кочевания беспочвенной ее натуры? Где-то Танечка Л<урье>? И что-то с ней бедненькой? Они все за границей. Но за граница эта самая вывела ли ее из ее темницы лабиринтовой? Ведь ей уже 26 лет!

Лиля совсем взрослая, берется за обязанности жизни, и приняла свой удел, и вольно хочет сама насаждать и растить в нем свой сад...

...Сейчас была у меня А.П. Татарина¹⁵ пробегом с одной службы на другую. Замучена по-современному, а мила по-старому. Ожидает рождение внука. Живет с детьми.

Вчера была Елизавета Михайловна Доброва. Принесла: хлеба, масла, сахару, яиц... Они все такие же: от своего рта кусок отнимут, другому отдадут. Она стала еще пламеннее в доброте. А он суров, одинок, желт, сосредоточен (в свободные минутки), в книжке, написал Дане 7 стихотворений прекрасных: элегичное, лиричное, трагичное, пышно-торжественное, прозрачно летящее, звонкое и тихое-тихое. Сочинял их по дороге в больницу пешком, зимой, по сугробам, в рваных сапогах и калошах. У него долго были длинные волосы как у посвященного Иерея, и бороденка жиденькая, длинноволосенькая, и ватные штаны. Но теперь стал более элегантен! Саша хороший, мягкий, но полузаглубленный. М<ожет> б<ыть>, честность его еще и выправит. Инстинкт в нем есть, и здоровый: религиозен, любит книжку, любит искусство. Даниил – чудесный юноша: пишет стихи, пишет рассказы, пишет историю и географию своей планеты и рисует ее карты, портреты королей и вождей. Накрывает на стол, рвет обувь невероятной беготней и из всех блуз и штанов вылезает вон! Нежен к маме Лиле. Поклоняется дяде, дружит с Сашей и со всеми: но самостоятелен и супротивник старшим закоренелый. В творчестве еще виден родственник отцу: размах и сильные слова, а выдержка и почва под словами не всегда-то есть. Растения добровские почти все погибли. Да и у всех, положим, они поумирали. Кошек и собак, как и лошадей, в городе очень мало осталось.

14 ноября расстрелян Леша Смирнов¹⁶, сын Веры Зайцевой. Наташенька¹⁷ – дочка спасает мать от психоза и отчаяния: религией, нежностью, мудростью и режимом жизни.

«Руководство к духовной жизни в вопросах и ответах»¹⁸, замечательная книга! А дух их какой?! Москва за зиму выгорела, как при Наполеоне. Только тогда она пылала костром пред небом, а ныне ее разламывали, расцарапывали, разгрызали и растаскивали по своим углам (каждый замерзающий человек

зверски волок доску, или косяк к себе) и там незримо в нужде, в голоде коптил в печурке на щепках Белокаменной себе какое-нибудь варево!

Собаки выходили в определенное место (к воротам Страстного монастыря, ходил долго желтый огромный полупородистый пес) в определенные часы дня просить милостыню. И им подавали регулярно кусочки — копеечки!

Анна Васильевна с ноября в Москве. Была у меня два раза. Так же скорбна, так же терпелива, так же прощает, так же, не зная ни на что, блистающе заразительно смеется — хохочет. Романов¹⁹ нас, старух, не узнает на улице и в дом не приходит. В быстром кружении мира сего он. Но я не имею права о нем говорить, т.к. я мало теперь его знаю.

Смирновы²⁰: Наташа зиму прожила в Тамбовской губернии на прокорм ездила. «Списывала портреты» с мужиков и девок за хлеб, молоко, кашу... тем и жила.

Женечка жила-маялась здесь, у себя пока, на Старой Басманной²¹, растила свою девочку и тянула тягло жены-матери, служащей в Разлесе²² (на Большой Дмитровке, без трамваев), кухарки, прачки, дровосека, водоноса... у нее остались только глаза и позвонок!

Руки сплошь всю зиму нарывали мелкими хроническими нарывами. И в действительности оставались лишь 2–3 пальца. Марфуша ее уехала в декабре на две недели, а приехала лишь вчера. Умер их отец²³ в январе от паралича сердца. Теперь Женя не служит и, конечно, ей полегче. Если бы не собственные, неотъемлемые у души человеческой крылья, человек за эту зиму стал бы на четвереньки, но они благодатные — нежданно взмахивают и поднимают нас не только над обстоятельствами, испытаниями, а и над самим собой. И у каждого Богом данные свои крылья, сокровенные. Они выводят человека из темницы дверьми заключенными, они ангелов привлекают к себе в самую пещь вавилонскую, они болезнь делают временем блаженства... И у Жени есть свои крылья. Иногда мне кажутся и глаза ее крылатыми.

Что сказать о себе? С июля повышенная температура, с декабря плеврит сухой, трудный. Февраль и март пробродила с температурой 38, потом свалилась с 39. И вот лежу и буду ле-

жать. Филипп Александрович сурово приговаривает к жизни на юге. Но теперь его нет! Да и что значит для меня жить на юге? Пока ничего совершенно я не знаю о себе. Лежу со дня на день. Благодарю Бога за всю Его неизреченную благодать ко мне и людей за их доброту. Жизнь моя вся на иждивении других. Но нечто в ней есть такое хорошее от Бога, что она никогда не чувствуется мной горькой или печальной. Господь дает это нечто не по заслугам моим, не по жизни, не по прошлому, не для будущего созидания житейского... Он дает это мне как мать ребенку грудное свое молоко. Слава Господу! Обнимаю Вас нежно и горячо. Жду очень вестей от Вас о Вас. Н.Б.

19 апреля. Ростов – Воронеж
В.Г. Миревич – О. Бессарабовой

Лис мой, родное мое дитя. Я не смею сказать, что заменю тебе маму. Никто никого никому не может и не должен заменять. Мама так и будет с нами живая вовеки. Но наполовину я была матерью твоей души и хочу, чтобы это стало жизнью. Я приеду совсем скоро, если это в Божьей воле, за мамой и за тобою. У меня есть и теплый угол для вас в Ростове, и работа для тебя, и великая душевная необходимость не расставаться с вами до конца моих дней. Лисик мой родной, мой любимый, помни, что ты мне нужна, как никогда, после твоего сегодняшнего письма. Нужна навсегда. И <вана> Вас <ильевича> мы устроим как-нибудь получше. С ним будут мальчики. А ты со мной. Ведь у меня нет дочери, нет сына. А я тоже стара, хоть у меня еще есть силы для работы, но опора, какую может только молодость дать, нередко бывает нужна мне. Письмо твое разделило мою жизнь пополам. До письма – одна игровая катастрофа. После письма игровая + поток ее, мчащийся уже через мое сердце, через головы близких. Бог поможет дожить нам до свидания. Оно близко, девочка моя любимая. Храни тебя Бог. Зайди к маме моей, уговори ее уехать со мной. Я пишу ей через Зинаиду Антоновну.

А я приеду прямо к тебе. Прилагаю две тысячи. Я тут читаю лекции и на курсах, и в кинематографе для детей. Я привезу маме и для тебя денежек.

В.Г. Мирович – В.Ф. Малахивой

Мамочка, родимая моя, нужно ли говорить, как я потрясена письмом Лиса? Многое я предполагала, но не то, что принесло это письмо. Не сумею тебе описать того чувства вины, боли душевной и праведного суда Божьего над грехом всей моей жизни по отношению к тебе. Если хочешь снять с меня этот грех, обещаю тебе не противиться моему плану, который сумею осуществить, если Бог поможет, не позже, чем на этой же неделе.

Я бы выехала и послезавтра вместе с юношей, который повезет это письмо. Но мне важно получить платную командировку, разрешение хоть на небольшое количество припасов и обратный пропуск для тебя и для меня.

Отдай мне остаток твоей жизни, как я хочу отдать на служение тебе остаток моей. Переезд не будет трудный, я об этом похлопочу. В Ростове мне обеспечена работа, на зиму обеспечено тепло, т.к. здесь останутся Скрябины, которые пользуются всякими привилегиями благодаря имени Скрябина.

Я прокормлю тебя, родименькая, я буду служить тебе, слепенькая моя старушка, как ты служила мне, когда я кормилась на твоих коленях. Помоги нам Бог свидеться. Наташе земной поклон за ее святую доброту.

Голубка, я не в силах ничего больше писать. Иду хлопотать о пропусках, о командировках. Посылаю с этим письмом 2 тысячи. Если можно будет приложить хоть немного белых сухарей, передам вместе с деньгами.

Потерпи еще немного, еще одну недельку, мамочка, мама, и прости.

19 апреля

Отрезаны мои косы. Но ведь они сами погибли, косы, я не виновата. Как тихо порвалась с этими косами та ниточка, которая связывала меня этими косами с тем временем, когда я их носила – косы, заплетенные на висках, ниже колен. А может быть, он и не запомнил этого? Может, все может быть. Все бывает на свете. В парикмахерской косы остались на подоконнике, как бронзовые змеи. Я удивилась сама их блаженству, а ведь

половина их выпала за это время. Хожу, повязанная синим платочком.

25 апреля

У Зины сыпной тиф. Запах камфары. Ночь просидела у постели Зины. Сторожила ее дыхание, движение век.

И много раз возникала заново болезнь мамы. М<ожет> б<ыть>, она звала меня в ту ночь, а я заснула. Она лежала на спине, голова ее сползла с подушек.

Стиснутые зубы. Дыхание. Лицо. Глаза. Взгляд. Рыдание, оставшееся в груди. Пожала мне руку, задержала ее в своей. Ее рукой я благословила Володю, Всеву, себя. Она смутно (не сказала, но я поняла) и я повторяла внятно: Коля, Борюшка, папа, Иван Васильевич, Коля. Я не смогла влить в рот нужное лекарство, зубы были стиснуты. Всева все время слушал то, что могло быть и ее словами – Володя плакал.

Обмыла ее тело, одела ее сама. На столе уже причесала ее мягкие шелковистые волосы. Был мороз, тело замерзло, и на пятые сутки не было никакого признака разложения. Последнюю всю ночь была с нею при зажженных свечах и лампах. В столовой, головою к божнице. Три забитых комнаты, спящие братья в спальне, мороз в доме, утонувшем в полном мраке. И одна эта ярко освещенная комната с белым кружевным столом, цветами, зеленью, коврами и закутанными в белое зеркалами. Любимые мамини старинные чудные кружева я положила на ее плечи и руки, и простое серенькое платье, сшитое ее руками для меня, почти закрылось ими. Я сшила из бархата черного туфли и надела на хорошие, крепкие чулки. Мама была прекрасна. Казалось, ее не коснулась смерть, пока она с нами, еще здесь, не она; то, что от нее еще осталось с нами до завтра.

Зина, птичка моя, лесная зверушка. Сейчас она похожа на индийского божка. Смуглая, маленькая, изящная. Индийский божок. Обрезали ее густые черные волосы.

Ее двоюродная сестра, Вероника, говорила сегодня: «Я говорю с вами так, как если бы я была одна, как в бреду или в молитве. Будто передо мной – хрустальная чаша, в которую я бережно складываю мед благоуханного сада».

«Вы вызываете в человеке — самое его ценное, самое главное, самое лучшее, что в нем есть — без преград, без мути, видишь свое отражение таким, каким задумал Бог». Я ничего не сказала на это ясноглазой девушке — Веронике. Меня глубоко поразило, что другими словами (из другого лексикона), но это же сказал мне когда-то, — Боже мой, как это было давно, — сказал мне один человек в белой больничной комнате Округа Путей Сообщения в те времена, когда у меня были косы такие же большие, как у Вероники, почти до колен.

О, я сумею отчеркнуть от себя «ищущую душу» с короткими, мягкими, толстыми пальцами старика Воронина. Попрошу его благость оставить меня в покое.

26 апреля

Вероника. В сдержанном тихом ее голосе, в фиалковых глазах, как странно, серые с лиловым оттенком глаза, таких я никогда не видала (у Вавочки бывали иногда). Не девочка, а какая-то Раутенделейн²⁴, глубинное волнение юности, еще не знающей ни себя, ни мира. Никакой плесени, пыли, это сама юность. Ее можно было бы взять для изображения Психеи. Нет, не то, Раутенделейн — Женственность. Зина сказала мне, что Вероника любила Николая Григорьевича, и все еще полна этой любовью, фантастической и невоплотимой в жизни. Жив ли Николай Григорьевич?

Когда я была в Долине Многоцветных трав²⁵, тогда деревья были в инее, я видала там Светлого Она. У него был дар движения, благие и грандиозные намерения коммуниста. И попытка помочь мне выздороветь? Сказала о нем, когда это уже не было со мною: Врачу, исцелился сам.

А теперь ничего не сказала бы.

Весенний ветер. Солнце. Зине хуже.

12 мая

О. Бессарабова — брату Володе

Милый мой Кан, я дни и ночи не спала, сторожила дыхание брата Зины. Он умер ночью с 10 на 11 мая. Вчера мы похоронили

его. Странно было и красиво, собралось 7 девушек, и цветами закрыли весь гроб Вани. Зину на руках я носила к нему раз пять. Зина еще не встает, а в доме с ней одна глухая ее мать, на которой лежит весь стол и дом. Отец занят заработком и работой. Через неделю он уедет на 2 недели, и не знаю, как совместить две необходимости, побыть еще с Зиной и отвезти в Ростов Варвару Федоровну к Вавочке. Дальше жить с Варварой Федоровной Наташа не сможет, обе погибнут от голода.

Ах, хорошо бы устроить Зиночку в твоём Терновом! Ее образовательный ценз, хороший ключ и дорога на опытную эту станцию.

Зов Вавочки, Шуры Добровой в Ростов, тяга к ним, и отвращение от Воронежа потянули меня в Ростов. Там моя Москва (ступенька к Москве), живая работа, возможность учиться, жизнь. Там изоляция от всего, что волочится за мной из тяжести прошлой, там все другое.

Но Ростов увел бы меня от братьев, от неба и земли. И от папы.

3–18 мая. Москва – Ростов

Н.С. Бутова – В.Г. Миревич

Родная моя, здравствуйте! Мир Вам и благодать от Бога! Радуйтесь!

На днях, стосковавшись по Вас, я перечитала одно из Ваших писем Киевских и положила его около себя. И в этот же самый день, к вечеру приносят из Театра два Ваши (первые письма) – одно 20 марта, другое 30 марта. Все другие до меня не дошли, вопреки моему горячему желанию получить от Вас весть. Слава Богу, толща молчания прорезана, и я вновь услышала Ваш родной голос. Надеюсь, что и мои к Вам, хоть одно, дойдут письма!

Говорят, что можно посылать и по почте, что письма доходят, но я все еще ишу и жду оказий – гонцов.

Дорогая Елизавета Михайловна была вчера и предупредила об оказии через них. А Филипп Александрович, Деспотиссимо мой, придет сегодня и понесет это письмо к Елизавете Михайловне. Жду Деспотиссимо, чтобы он решил мою судьбу: м<ожет> б<ыть>, разрешит и с температурой 38 ходить, а м<ожет> б<ыть>, прикажет лежать, пока лежать. С температурой 38 еще и ходить

можно, но она взлетает до 38,8 при утомлении, а с такой температурой уже не жизнь, а тяжкий кавардак.

Должна прибавить необходимейшее о себе: жить лежа — чудно! — для души здоровее гораздо, чем жизнь на ногах; и я должна благодарить Господа за нездешнее счастье, которое Он дает мне, посылая болезнь! И милосердная Его Десница кладет меня на перекресток тропинок: нежных, добрых, заботливых душ. Я ныне зимой в плеврите и сейчас болею по-царски! Кроме хлебушка, маслица, яичек, сахарку, приносимых непрерывно людьми, дни мои и ночи наполнены ароматом такой нежной любви и ласки! Точно Розы и Ландыши цветут непрерывно в моих комнатах и не ведают того, что их молчаливое присутствие здесь обеспечивает меня благоуханием райским.

Ах, если бы Вы приехали сюда! Но звать боюсь, боюсь быть эгоисткой и покинуть Вас на чересчур тяжкий железнодорожный путь. Но м<ожет> б<ыть>, Татьяна Федоровна (Скрябина) устроится в международном или командировочном вагоне? Тогда ехать легко (по словам проехавших этот путь) и поезда идут не так уж долго теперь. Да будет воля Господня и на это! Я не могу сообщить Михаилу Владимировичу об этой оказии — у них сломан телефон. Сообщу я о них, что знаю: Гизелла Яковлевна после трех недель заключения освобождена. Перенесла она его бодро; и дома все теперь успокоились. А отец Наташи сидит, и надежд нет на скорое освобождение его. И Наташа, и Михаил Владимирович живут больше в поезде между Посадом и Москвой, чем где-либо «дома». Родные они и вообще бедные люди, бедные! Ветром гонимые, преследуемые, запуганные, унылые, или жадные... и немногие, немногие, истинно уповающие на Господа, живут вопреки бурям, хлябям разверстым, исполнением заповедей Его. М.В. и Наташа из породы таковых людей, и дух их всегда светится, и светит из глаз их, звенит в голосах и в улыбках тихих, терпеливых теплится. Лиля во многом сестра Михаила Владимировича, но и кровная дочь матери своей. Милая, ласковая и умненькая; но есть печальное предчувствие о ней, тоска о ней в глубине сердца; беспочвенна она и бесправна; и там, и здесь. Не верит она себе, а чему-то в ком-то осуществленному уже и ею на время возлюбленному. Но на время и это бедная девочка! И кажется, мне, что окрепнет она по-настоящему, по-

своему окрылится, лишь когда обопрется она прочно о чье-либо мужское — мужнее плечо. Хотя воли у нее и к этому нет; и даже преобладает в ней трогательная готовность одиноко — независимо и сурово — житейски пройти свой здешний путь. И к Театру тяготение еще не отжило в ней. Но театр не зовет ее, не тянется за нею, и вряд ли когда потянется; и в этом таится для нее боль. Ужасный грех совершают руководители театрами и студиями что категорически сурово не говорят человеку правды о нем самом, в глаза ему. Наоборот, разрывая с ним художественную свою связь, освобождаясь от него, говорят ему в полутонах и полунамеках то о каких-то заморских (для него) успехах и ролях, то о необходимости его для искусства. Все это зловреднейший вздор, отравляющий молодые жизни. И чем лучше, чище душа, тем яд этой лжи проникает глубже в их существа. Ох, этот яд эстетики и возможности творчества! Теперь все уже совсем с ума сошли на этом. Как блины в былое время, пекутся театры, студии, с все новыми горластыми плакатами — программами. И как мыльные пузыри, лопаются они, взрывая на воздух народные миллионы. То же и в живописи, и в музыке.

...Мне странно писать Вам письма в казацкий край. Какая сила в современной случайности, перепутавшей так властно все наши дорожки, все пути!

Вы пишете о духовном одиночестве. А не даст ли оно Вам и легкости жизни, освобождения от взаимобязанностей с людьми? Жить всегда в такой ссылке невозможно, а пожить временно, мне чудится, дивно, прекрасно! Особенно, когда нужнее всего человеку пробиться сквозь заросли собственной жизни и выбиться к бессметному простору, ожидающему нас в свои обители ныне и присно...Я верю, что человек еще здесь, во плоти, входит уже в вечное — единое — неделимое на времена и сроки Царство Небесное; и здесь уже в себе самом, для себя самого, и для других творит со всеми святыми и ангелами волю Единого Царя в Его царстве, которое всегда сущее и вездесущее. Одиночество духа мне доселе чувствуется самым верным путем (не окончательным, не единственным) к вратам царства жизни Господней здесь и присно.

И верю я о Вас, что не бесплодна Ваша жизнь в Ростове. Обнимаю Вас. Помогите Вам Господь.

25 мая. Москва — Ростов

Н.С. Бутова — В.Г. Мирович

Дорогой друг мой!

Вчера лишь я получила 2 конверта, адресованных на мое имя от Шуры Добровой. В них оказались письма для других: Михаила Владимировича, Лили, Анны Васильевны, Татьяны Алексеевны > Поливектовой. И мне страничка. Письма для других мне удалось сегодня же переправить всем, кроме Жени Готовцевой, о письме к ней Вы также упоминаете в моей записочке, но его не оказалось. Ваша страничка ко мне, как и предварительные два мартовские письма, мало что мне сказали о Вас, о душе. Они для меня «осколочки». Сначала мне казалось, что они осколочки тех писем, которые до меня не доходят. А сегодня ясно чувствую, что другого письма, целого мне направленного для меня и не писалось. Мне печально стало очень. Но я не прошу ничего иного от Вас, как и ни от кого, чем то, что человек дает мне. И конечно, дарами человеческими нам и определяется наш удел здесь, среди людей. И причина, разумеется, лежит во мне.

Лишь Лиля, со слов Михаила Владимировича, и он сам (случайно пришел сегодня) разъяснили мне немного Вашу жизнь там. Рада очень, что понимаю теперь больше и яснее. Бесконечно больно и тревожно за Варвару Федоровну, и какая мука, что узналось здесь об этом лишь теперь. Как это Лис не сообщил сюда? Ведь из Воронежа сюда постоянно кто-то приезжал всю зиму! Уж что-что, а поделились бы мы все отсюда с Варварой Федоровной и она, б<ыть> м<ожет>, нужды бы не терпела, острой, какую, б<ыть> м<ожет>, несла эту зиму.

Моя мама еще кое-как живет. Отняли у нее ее опору, привязанность ее последнюю и утешение ее — ее приемного сына — Колю. Отняли 17-летнего и угнали на фронт! Как она справляется со всем, даже и не представляю. Одна надежда на Милосердие Божие и Его помощь.

Обо всех знакомых я уже писала Вам с оказией верной. Сообщу коротко еще: Таня с дочкой на дачке у себя, в Тарасовке; им вернули маленькую дачку их. Таня Смирнова-Наумова неизвестно где и жива ли. Пришло лишь недавно известие от знакомых,

что Николенька убит в январе 1920 года. А от Тани самой ни звука до сих пор, хотя из Сочи уже многие получили вести.

Татьяна Алексеевна Полиевктова рвется к Анечке в Хотьково... Свобода храм Иоанна Предтечи, но вырваться не может.

А.А. Андреева живет в Талдоме²⁶, в кухне школьного учителя. Терпела нищету. Теперь ей чуточку будет полегче, но жить будет в Талдоме. Каннабих²⁷ уезжает к своим смирившимся весьма Александром Македонским в Ташкентский Университет профессором. Она <Андреева. — Н.Г.> всю зиму уже жила в санатории для умалишенных и счастлива была! И никого уже не подозревает, так как ее там кормят, там тепло! Ее (вместо людей) преследовали уже холод и голод. Их не было у нее, но миражи их ее преследовали, и она таяла и угасала на глазах. А там живет хорошо, но смирно. А он <Каннабих. — Н.Г.>, так же, как и все мы, голодает, мается из последних сил, голодал зиму в студеной, брошенной хозяйкой квартире без воды и канализации. Вот решил умчаться в далекие края, в тепло!

Получились письма от Льва Исааковича Шестова. Гершензон²⁸ получил из Женевы... Бахи²⁹ привезли. Он и Анна Елизаровна³⁰ там. Девочки во Франции учатся. Им безденежно трудно. Анна Елизаровна изучает итальянский язык, чтобы, сдавши экзамены медицинские в Италии, там и практиковать.

В Швейцарии иностранцы не могут получить никакого заработка. Л.И. пишет, что вся семья Лурье в Париже. Он был у них и жил у них. Подробностей не знаю, но «живут хорошо», пишет он. О здоровье Танечки не пишет. Надо надеяться, что хорошо!

Обнимаю Вас, Господь храни Вас. Адресуйте мне письмо на квартиру. Н.Б.

Сегодня день рождение Танечки Лурье! Поздравляю с праздником.

Р.С. Я послала Варваре Федоровне немного денег — всего 1000 рублей.

3 июня

В тяжком смрадном томлении. Жара. Смрад — отбросами рыбы, чесноком, помойной ямой.

Пришла Пиковая Дама.

Каменный двор кишит и копошится криками детей, женщин, двух граммофонов и несмолкаемыми гаммами двух ролей. Какие-то вопли, звонки, стуки молотка. Кишит, плодится и размножается двор, улица, город. Город сидит на корточках, отлагает нечистоты. Отчего их так много здесь? Каменный, дремучий, смрадный.

Копошится, ворует, высматривает воровскими глазами и дышит пряным, каким-то потным — не знаю, как же сказать? — вожделием. Ни в Москве, ни в Воронеже, ни в провинции, ни в деревнях я не видела столько накрашенных женщин и неправдоподобно наглых мужчин. Или это улицы такие, по которым мне приходится ходить на базар?

Неловко как-то спросить, но я не представляю, как объяснить эту особенность, здесь, а так как я мало знаю этот город, он и кажется мне весь таким. Не удивилась бы, если с неба на него посыпался каменный или, как это там, соленый дождь (соляной столп, жена Лота, это я помню, но нарочно сердито говорю).

Что я видела в Ростове.

Трагический фарс в трех действиях: «На острие ножа», или «На распутье к Богу, к Дьяволу и в Ничто».

Действующие лица:

1) Королева в изгнании. (Екатерина Васильевна Кудашева³¹, урожденная Стенбок-Фермор, потом Толстая. Красавица с серебреными волосами).

2) Старая поэтесса. Будущая монахиня, искушаемая дьяволом. Бродяга (Вавочка. Эту личину она сама продиктовала).

3) Слепая старушка (Варвара Федоровна).

4) Лицо недовоплощенное, со многими возможностями (Лис).

5) Молодой поэт женского рода из «Комара вопиющего». Эфеб с лицом фарфоровой девочки (Женя Бирукова).

6) Злой старик, философ параклектик?? (Николай Васильевич Досекин, художник)³².

7) Люцифер из Совнархоза, в женском образе, в мужских рейтузах и галстуках, Звезда Утренняя (Эсфирь Пинес).

8) Mater dolorosa (Татьяна Федоровна Скрябина).

9) Две будущие красавицы (Ариадна и Марьяночка Скрябины)³³.

10) Эгоистическая мать (Мар<ия> Ал<ександровна> Ш<лё-цер>)³⁴.

11) Молодая дьяконисса (Таня Епифанова).

12) Буденовец. Командир отдельной армии (Лицо историческое).

13) Доктор Шип. (Лицо историческое, называющее себя англичанином).

14) Пиковая дама (Стрелкова).

15) Изгнанники (беженцы): Дама, ее сын камеристка (Нина Всеволодовна, Игорек и няня Аннушка Бируковы)³⁵.

16) Утопленница (Перелешина).

17) Духи: Чуланники. Гнилорыбники. Барбосники. Паутинники. Мухоеды. Свистуны. Барабанники. Свистоплясы. Грамфонники. (Звуки двора колодца – Епифановского доходного дома.)

18) Аннушка снизу. Родоначальница всех слухов.

19) Аннушка сверху. Тиран и деспот кухни и дома.

20) Аннушка – преданная рабыня королевы в изгнании. Немая.

21) Гости:

1) Певица «Гоп мои чары» 44 лет. Псевдоним – Белоконь – Тара.

2) Разоренные фабриканты (Испуганная мать. Удивленная дочь). (Горбенко.)

3) Светская дама из свиты королевы. Торгует на толкучке (Гладкая).

4) Молодая пианистка. Седая от событий. Красавица (Волькенштейн)³⁶.

5) Бывший журналист. Квартальный староста (Волькенштейн)³⁷.

6) Бывший присяжный поверенный, преследуемый фуриями (Шарф).

7) Художник из Политкома, мечтающий о Ростове. Правдолюбец в смазных сапогах (Федор Константинович Константинов).

22 июня. Ростов-на-Дону

Вавочка заболела. Бред. ... «Спутались мысли. А многое стало ясно. Жаль Чернокрыла³⁸. Михаил Владимирович сам все знает. А ты помни, что ты старше многих людей. Только не гор-

дись, а помоги. Хорошо бы, если бы выпустили меня на волю. Мать отвезешь в Оскол к Мише.

Чернокрылу трудно. Пробирается. Непременно пусть лечит горло, ногу. А то будет горловая чахотка. Скажи! Не принимай руки с головы. Руки твои лечат. Лучистые. Или это твои глаза?»

Екатерина Васильевна ушла на квартет Страдивариусов с Массалитиновой.

Вавочка лежала в комнате с балконом. Безмолвная Варвара Федоровна иногда тихо уходила к Вавочке, и ужинали только я и Досекин — старый художник.

Говорили о мудрости и уме, о мысли и ощущении, о «королеве» и о народе. О неточном переводе чувств и ощущений в явь.

Массалитинова приведет к нам живого индуса, мистера Сухраварди³⁹. Он влюблен в Германову (актрису Художественного театра)⁴⁰.

Дождь. А перед дождем сухая гроза. Зарницы, гром. Воздух насыщен электричеством. Пришла Эсфирь, вся мокрая от дождя, который все-таки опрокинулся на город.

Сняла с себя одежды и надела на себя теплый белый купальный халат с капюшоном. Похожа на зловещего, не ангела, а на Иоанна Крестителя или Бахуса да Винчи. Вдруг, не знаю почему, страшно стало за Шурочку. Что это к ней приютилась такая летучая мышь. У нее странно мерцают глаза, как в подвале, или это кокаин какой-нибудь? Бред Вавочки: «Страшное слово: «Мра-мор» Мрамор. «Решето» — скверное слово. А есть такие чарующие слова: кристалл — ...Хорошее, спокойное отчаяние»...

Гершензон: «Мы все ходим готовые ежеминутно для драмы, наша насыщенная страстью душа жадно ищет в мире пищи для своей страсти так жадно, что даже тень вещи способна соблазнить ее, и тогда она мгновенно вспыхивает вся и сгорает в мучительном счастье, одна медленно, другая сразу. Таков закон духа, таков закон любви».

Что-то такое страшное и темное вьется и извивается в жизни Шурочки, и не умею понять, и вокруг жизни Вавочки. Не знаю, это все — не правда, не жизнь, а болезнь и морока...

28 июня. Воронеж

Приехала из Ростова. Ехала сначала на буфере, а сверток свой (в маленькой кружевной наволочке) дала в окно вагона матросу с золотой серьгой в ухе, медальоном на шее и в золотых кольцах.

Через грудь по диагонали пулеметная лента, похожая на «патронташ» папы, когда он ходил на охоту. За плечами ружье, ворот расстегнут, а там густая волосистая шерсть и синий дракон или Змей Горыныч.

У него приподнялись брови. Без улыбки он спросил: «Почему вы дали мне свой узелок?» — «Потому что вы довезете его мне. Вы едете в Воронеж, я слышала, как вы упомянули Воронеж. Там и отдадите мне, а на буфере я его не удержу». Он взял — усмехнулся (без улыбки): «Умная барышня. Довезу». Довез и отдал. Отдавая, блеснул ослепительно белыми зубами. Не доехал поезд и до первой остановки от Ростова, как его остановили конные воины, вроде казаков, и заставили всех нас, кто пристроился в Ростове на буферах, на подножках и на крышах вагонов сойти. У всех были проездные билеты, но мест в поезде не было. Сверхкомплектные пассажиры молча сбрасывали свои грузы на землю и все сошли на землю. Я подошла к одному человеку из поездной бригады: «Я дочь Ивана Васильевича Соловкина, казаки прогнали всех нас с буферов и крыш. Мне надо в Воронеж, домой. Вещей со мной нет, а билет и документы в порядке, здесь (за пазухой)». — «А Иван Васильевич где?» — «Он в Воронеже, я отвезла в Ростов его слепую родственницу к ее дочери».

И я вдруг оказалась в вагоне (в купе) поездной бригады, и мне была предоставлена верхняя полка, с подушкой в чистой наволочке. — «Будьте спокойны, барышня, вас никто до Воронежа не потревожит». Ивана Васильевича, моего отчима, знает вся Ю.В.Ж.Д. — папа работал на ней 42 года. Я нарочно подошла к немолодому железнодорожнику. Ко мне были очень внимательны всю дорогу.

От Всевошки письмо из Москвы.

Валечка и Наталия Иосифовна⁴¹ в Майкопе.

Виктор Константинович в Москве у Добровых. Не один... С Шурой Дзбановской. По слухам кто-то видел Николай Григорьевича в Екатеринодаре. Не верю. Он погиб, вероятно, тогда же

во время уличных боев в Воронеже. Он был в летней фуражке, с ним не было ни денег, ничего. Он вышел посмотреть, что это там делается... И не вернулся. Завтра решится моя судьба.

2 июля. Ростов — Воронеж
В.Г. Мирович — О. Бессарабовой

Золотой мой, маленький, любимый Лис.

Синяя повязка,
Теплые глаза,
Голубая сказка,
Божия слеза.
Где ты?

Я еще ни в каких ни в берегах, ни в нормах, ни в здоровье. И душа моя, верно, так далека от меня, как это только допустимо мировыми законами. Слышу, что носится она широкими кругами по дальним окраинам мира, захватывая новые и новые страны. О них узнаю потом, в жизни, в мыслях, встречах, снах. А м<ожет> б<ыть>, уже и за пределами ее — в царстве, именуемым Mors-Toldt-Morte-Dieth, смерть — как люблю я это слово, какой огромный обет в нем и сила.

Из Москвы приходят письма, два уже от Михаила Владимировича. Его душа засияла, как огромный светильник от прикосновения к моей судьбе. Как прекрасна его душа, Лисик. Другой такой нет на свете. Все провалы моего пути, все бездны, все безумия в одном луче этого Света, который называется его душой, становятся голубой звездной дорогой. В четверг мы, возможно, тронемся в путь, в особом вагоне Гонца (здравоохранения).

Жаль мне Чернокрыла. Он узнал вчера, что у него процесс в легком, и написал мне такое хорошее, такое измученное о себе. Я люблю Чернокрыла — он не разбил алавастрового сосуда⁴² и рано или поздно омоет ноги Христа. А пока зелено-серый, с мрачно горящими глазами заказывает себе галифе и еще не знает, что я уезжаю. Не хочу раньше времени делать больно. Сегодня скажу. Женя написала тебе прекрасное стихотворение. Если успеет, передаст тебе с Лизой Кельм — прилагаю здесь те, что после твоего отъезда родились — их всего 4. Лисик, Лис мой родненький, хочется плакать от того, что ты не со мною и так далеко, и

так тебе будет трудно, и м<ожет> б<ыть>, голодно даже. Ах, сделай все, чтобы уже не покидать меня. Устрой Иван Васильевича. А м<ожет> б<ыть>, его можно будет взять в Сергиево. Напиши на адрес Добровых – Доброву для меня или в Художественный Театр, Н.С. Бутовой, для меня. Николай Васильевич сказал в день отъезда твоего: как, однако, заметно ее отсутствие. И все его поддерживали, всем было странно и грустно и светло от твоего следа.

Тот же день. Вечер. Только что ушел индус, мистер Сухраварди. Хорошо и странно, по-восточному, пропел санскритское приветствие Солнцу – утреннюю молитву на берегу Ганга. Древняя душа запела в гортанных звуках чужого языка. Бронзовый, взгляд издалека, набожный и наивный. Говорили обо многом. Пришла Лида Леонтьева⁴³ и сидела перед ним, как изумленно зачарованный розово-лиловый цветок. М<ожет> б<ыть>, Лида поедет с нами в Москву – туда набирают слушательниц. Вот и завязывается еще карма. У меня такая многокармная душа – донесу ли их.

Екатерина Васильевна и Массалитинова пошли в театр, где она играет. Сейчас придет Николай Васильевич есть виногрет и пить теплую воду. Мать лежит, умиленная подарком Эсфири – икрой. И поминает ее стихи. Они тоже в карме доброй, благополучно разрешающейся до того, что мать все бы ей простила, если бы узнала о ней самое для себя непростимое. Да и теперь знает: «прожигание жизни», и так принимает это, что ни слова о нем.

Лисик, если Чернокрыл переживет меня, помни, не покидай его, бережно, нежно коснись нашего прошлого – пусть вспомнит меня так же чисто, грустно, радостно, мрачно (есть тут все же и тучи, молнии и громы), как я его буду вспоминать. И если кто-нибудь посмеет сказать, что было в его великой страсти ко мне что-нибудь нечистое, подсудное жалкому суду земному, тому скажи: ты нечист сам сердцем и воображением. А Чернокрыл носился за пределами мира, когда его лицо касалось моего.

Лисенок милый, мать просит тебя написать Вале в Екатеринодар, не знает ли она чего о Николае. Его там видели (это наверное) в марте. А в Ростове он был до января. Так близко от меня. О, слепота бранных глаз и уплотненной души. Я 4<-го> была в Ростове в день моего ангела, и не подозревала, что Николай где-то совсем близко.

Совсем поздний вечер. Я одна у Тани за столом. Докучной россыпью сыпется сверху поток пианинных звуков, сквозь них детские визги...

Пришел Чернокрыл. Больной, усталый, хороший. С како-го-то служебного пира. Пошатывается, добр и нежен ко всему живущему. Проводила его и вернулась. Он объявил, что тоже едет в Москву.

Примечание — дай Вале адрес Надежды Сергеевны Бутовой — для сообщения о Николае, осторожно, конечно. А теперь — покойной ночи, дружок маленький, золотой. Господь тебя храни. Я припишу свои стихи на листке Жени Бируковой.

7 августа. Москва — Сергеев Посад

Т.Ф. Скрябина — В.Г. Мирович

Дорогая моя, милая и любимая Варвара Григорьевна. Хочется Вас повидать, а приехать сию минуту не могу, причин много, больше внутренних, чем внешних, смутно у меня на душе сейчас ужасно, поделиться с Вами нужно, но еще не возможно. Скоро, б<ыть> м<ожет>, совсем скоро, смогу это сделать и тогда примчусь к Вам — милый, любимый друг мой.

Сегодня встала в половине седьмого и тихонько, как мышь, прокралась на улицу. Пошла в церковь — обедня только что началась, было мало народу. Мне немного легче стало, и, вернувшись домой, с удвоенным пылом взялась за щетки, щепки и прочее... Будь я в монастыре сейчас, отпросилась бы на работу куда-нибудь на скотный двор или еще куда-нибудь, где труднее, впрочем, самое трудное — это делать то, что велят, большего подвига и нет.

Однако довольно о себе. Милая Варвара Григорьевна, напишите пару словечек, так нужны мне Ваши строки. Крепко целую Вас, родная моя, да хранит Вас Господь. Горячо любящая Вас Татьянашка. Пишу на траурной бумаге, другой под рукой нет — Ничего!

<Комментарии Ольги Бессарабовой>. Варвара Григорьевна и Варвара Федоровна из Ростова приехали в Москву, потом в Сергиев Посад. Варвару Григорьевну позвали — Михаил Владимирович и Наталия Дмитриевна Ш<аховская>.

Варвара Григорьевна, Варвара Федоровна, Лида Леонтьева ехали вместе с семьей Скрябиных в отдельном вагоне. С ними же, кажется, ехала и семья Жени Б. (с братом, матерью и Аннушкой и Таня Епиф<анова>, и Екатерина Вас<ильевна>) с Аннушкой и еще кто-то, Майя Кудашева. Надо спросить об этом, не точно знаю, и все забываю спросить.

19 августа. Сергиев-Посад – Воронеж
В.Г. Мирович – О. Бессарабовой

Лисик мой родимый, здравствуй. Отчего нет вестей от тебя? Вот уже второй месяц, как я в Москве и три дня, четвертый – в Сергиеве. В Москве мы с матерью жили у Добровых (в Малом Левшинском), но почти каждую ночь я проводила на шестом этаже (на Остоженке), где жила Анна Васильевна, или у Надежды Сергеевны. И потому что было душно в Даниной комнате и трудно, трудно с матерью. И п<отому> ч<то> длилось то уродливое, нелепое, великое, смешное и безумно мучительное, что связало нас с Чернокрылом. Где оно теперь? Не знаю. В бреде ли мировых сказок и снов, в притаившейся ли боли сердца или в безудержной возможности, что вырастет «опаленный Серафим» на пороге моей Сергиевской кельи, куда переселяюсь через несколько дней. Сейчас я под кровом Михаила Владимировича. Так было нужно.

Пьем чай, печем лепешки из проса, вечерами лежим с Наташей на одной постельке и вслух думаем и слушаем друг друга, как это, м<ожет> б<ыть>, еще не было в истории женских душ. А впрочем, что мы знаем? Жизнь – необъятное море.

Вот мне приснилось сегодня что долго, долго – год, м<ожет> б<ыть>, я путешествую с Виктором Константиновичем по каким-то северным морям, неразлучно. И спим в одной каюте. И я проснулась (во сне) и бужу его: «Знаете, что мне приснилось? Монахиня или святая со мной встретилась, и я ей всю жизнь рассказала. А она говорит: это все хорошо, но только ведь это были не вы. – Тогда, м<ожет> б<ыть>, и сейчас перед вами не я. – И сейчас не вы. – Так, где же я? – Это еще впереди, – говорит она». В.К. взволновался от моего сна, вскочил; загремел диван, стул, подсвечник, и я проснулась. Надо мной сто-

яла Наташа, светлая, скорбная, розовая от утреннего холодка. Уже час она молола на жерновах просо. А Мих<аил> Вл<ади-мирович> в Москву поехал за матерью.

Матери плохо со мной, Лисик, холодно, душевно голодно, неприятно. О, если бы ты могла приехать. Не смею тебя звать, но жду этого, как великой милости Божией и для меня и для себя.

Ты мне нужна в моей жизни как дитя, совесть, огонек очага и старший друг и опекун. В Сергиеве тебе было бы холодно. Такие благостные нестеровские дали со святыми обителями, леса, холмы. В то же время бывают и концерты, настоящие, с именами, и великолепная библиотека, и вечерние курсы. Служить, конечно, есть где. У Мих<аила> Вл<адимировича> большие связи. Я здесь – заведующий дошкольным отделением (педагогического Института)⁴⁴ и лектор.

Лисик, родненький, любимый, если ты устроишь бедного своего старичка, приезжай не колеблясь. Все материны вещи раздай на трудовые посылки ценные и пришли по адресу, что на конверте, на имя М<ихаила> В<ладимировича> – пуд, на имя Нат<альи> Дм<итриевны> – пуд, и на мое – пуд. Не сразу, а два пуда в один раз, а остальное дня через три. Обнимаю, детка. Привет Зинаиде Антоновне. Отчего она не пишет мне? Пусть Наташа продает что-нибудь, на эти деньги вышлет все. Здесь все нужно. У нас ни тряпок, ни кастрюльки, ни ножа, и покупать не на что. У нас с матерью две комнаты предполагаются, очень просторные в уютном доме старинном. Места для тебя много, и двор, и сад – все зеленое, все какое-то, точно при Алексее Михайловиче⁴⁵ – имя еще древнее.

20 августа. Москва – Сергиев Посад
Т.Ф. Скрябина – В.Г. Минович

Варварушка – сестрица родная. Благослови Вас Бог за добрые строки, они так нужны были мне, и именно сегодня. Скоро приеду к Вам и все, да, кажется, все смогу рассказать, но еще несколько дней придется подождать мне кажется, что душа моя падает в кукую-то глубину страдания, все ниже и ниже падает, но еще не достигла дна, скоро достигнет, и тогда начнет свое

восхождение обратно к свету — хочется, чтобы было именно так. Пока все спускаюсь, и должна пережить все это в одиночестве. Сегодня было столько вестей отовсюду. Ваше письмо утром.

2 письма, очень хороших, от Ариадны, затем приехала с дачи на 1 день Марина, и мне привезли из Киева письмо от Нади Гольденберг⁴⁶ — очень трогательное со многими подробностями о дорогой могилке⁴⁷ — она утопает в цветах, благоухает и вокруг стройного, повитого розами креста своего собирает любящие души. В день годовщины милого отрока собрались многие, прекрасно пели, молились, служил отец Илларион.

20 августа. Москва — Сергиев Посад
Ариадна Скрябина — В.Г. Мирович

Варвара Григорьевна, милая, дорогая. Ваше письмо разорвало мне сердце. Что же делать, если я не могу разорвать моего отношения? Неужели Вы думаете, что если бы можно было так обойтись, я бы пошла на это? Я сделаю все, чтобы смягчить маме этот удар, но уничтожить его совсем нельзя. Варвара Григорьевна, Вы говорите, просить маму, чтобы она отпустила меня в Сергиево. Но ведь это же невозможно, совсем невозможно. Оскорбление от этой просьбы было бы настолько сильно, что она никогда бы не простила меня. Это выйдет, как будто бы я отказываюсь от нее, тем более, что между нами не было ничего такого. Я не могу и не хочу ничего этого.

Одна мысль об Институте⁴⁸ приводит меня в ужас. Мне нужна свободная деятельность. Я уйду в народ. И потом, кроме того, я скоро буду совершать Великую Мистерию, у меня уже много последователей. Что ж такого, что я пострадаю, я очень рада этому так же, как радуюсь, что умру за Русский Народ.

Милая Варвара Григорьевна, простите меня за то огорчение, которое я приношу Вам. Прошу Вас, в эту трудную минуту моей жизни, поддержите меня Вашей дружбой и не разуверяйте меня в том, что я знаю — есть моя доля.

Бесконечно любящая Вас — Ариадна.

Не пишете мне больше в Москву, все равно не успеете. У меня уже все есть.

Ольга Бессарабова со слов В.Г. Миревич

Дочь композитора Скрябина, Ариадна, написала пьесу «Великую мистерию», которую она задумала поставить на Красной площади. Пьеса должна была завершена костром, на котором сгорели бы все добровольно участвующие в ней актеры (ее школьные подруги). Зачем сгореть? Почему?!

«Как протест против страданий человечества».

Едва удалось собрать и направить внимание Ариадны на жизнь семьи, на необходимейшее ее участие, помощь близким: матери, ее сестре, бабушке.

(Ариадне – 14 лет, младшей ее сестре Марине – кажется лет 11)⁴⁹.

Татьяна Федоровна их мать – вторая жена (вдова) композитора Скрябина, красавица, пианистка. Маленький сын ее – Юлиан Скрябин – вундеркинд – музыкант трагически погиб в Киеве⁵⁰, захлебнулся в воде мелкой лужи, упав в нее лицом во время жары.

Мать Татьяны Федоровны – старенькая беспомощная старушка.

31 августа Москва – Сергиев Посад

Н.С. Бутова – В.Г. Миревич

Дорогой мой друг! Адрес мой (и без всяких вариаций!) следующий: Малая Дмитровка, Успенский пер. дом 6, кв. 3. Всякие вариации его вредят корреспонденции, ибо сердят почтальонов. Письма Ваши доходят до меня, очевидно, только чудом.

2 сентября

Дорогая моя! Вы имеете полное основание не только удивляться моему молчанию, но и сетовать на него. Я и сама собою крайне недовольна. Но не могу преодолеть повседневных цепких и вязких делишек, не могу справляться и с усталостью. А самое главное, то, что мне в самой глубокой и тихой любви моей к Вам! совсем не хочется отвечать Вам. Наоборот, мне становится необходимым бросить Вас и отнять у Вас все человеческие

непрочные и временные помощи... Чтобы Вы застонали и за-метались, и завывали бы от своего духовного бедствия. Пока ищете и находите себе наши отклики «маленькие и суетные», Вы в тяжбе с нами и не ищете и не просите себе избавления у Единого Источника Живой жизни. Больше, Вы пересиливаете нас и настаиваете на своем, или, вернее: утверждаете волю владыки своеволий человеческих. А это значит не только идти в смерть самой, а и подводить к ней тайно или явно и других. Он — отец своеволия и смерти, дает нам много соблазнительнейших средств, укрошающих наше рабское ему служение. Он закрывает всячески нам глаза на самих себя, а другим — глаза на нас. А время-то идет, идут дни, и приближается смерть. О, если бы могли умереть от самих себя?! Но мы бессмертны и не уйдем никуда от своей воли и того владыки, какому служили в земной своей жизни и чью волю, значит, исполняли...

Простите меня Христа ради, но я, верю, безусловно, Вашим словам, не верю до конца (в последних письмах Ваших) Вам самой. Вы, говоря о духовно трудном и о желании из него выбраться, и уже как бы признавая причину всему в самой себе, любите себя, любите, если не трудности свои, то причины их в Вас таящиеся. От этого нет в словах Ваших верности. Неизменной — единой правды. И слова Ваши все еще звучат грациозным желанием самой себя. А дело то уже совсем, совсем не в Ваших состояниях, а в том, что бы немедленно приняться за очень запоздавшее свое единое дело. Если, конечно, принять всерьез и Вас, и predeterminedенную человеку необходимость, однажды, сознательно выбрать одно из двух: или волю Люцифера, или благую волю Господа. Или признать Господа Иисуса Христа Сыном Божиим и принять Его заповеди в закон своей жизни (неотступно!), или гордо усомниться в Его Божественности, во всем деле Его искупительной жертвы и еще более гордо утверждать в закон жизни самого себя, или, что то же — закон Сатаны!

Вы пишете, что молиться еще не можете, ибо еще не умягчено сердце Ваше. А как же оно и чем может умягчиться, кроме нашей молитвы к Милосерднейшему Господу? Вот и будем молиться Ему об умягчении окаменелого сердца! И если ему суждено смягчиться, то лишь Господь один и мягкость эту может дать. Он нам дает Благодать на Благодать. Странно и страшно

слушать о том, что мы к Господу можем идти уже с какой-то своей готовностью и не только к причастию, но и на молитву даже! Не с готовностью надо идти, а с готовностью все бросить и пойти за Ним с верой во Всемогущество Его, дающего нам и силы идти, и возможности, и тихий мир свой в дух наш. Мы не хотим верить, мы все еще дерзаем. Проверять и даже не доверять Господу. Ему от этого не хуже, а для нас губительно. Губительно в вечной жизни и мучительно здесь.

Я не умею, я не могу, я не хочу говорить об этом больше. Я могу лишь помолиться Господу о Вас, о том, чтобы, когда пойдете к Нему, Он простер бы к Вам Свои благие руки и средствами, и путями, Ему одному ведомыми, привел бы Вас к вечной счастливейшей Его жизни здесь и в небесах.

Простите меня Христа ради! Я знаю, что хуже меня друзей не бывает. Простите меня!

Меня тронула Ваша заботушка — гостинец. Целую Вас и дорогую слепенькую Варвару Федоровну. Я не смею Вас просить, но Вы, родная, можете почерпнуть много счастья духовного в том, что, пересиливши нечто в себе, ей, старенькой — слепенькой матери дать нужную ей ласку и заботу. И это будет первое простое Божье дело, необходимейшее, которое Он спросит с нас. И неправда (по себе знаю!), когда мы уверены, что не можем матерям давать нужного им. Можем и должны! Обнимаю Вас. Н.Б.

19 октября. Сергиев Посад — Воронеж
В.Г. Мирович — О. Бессарабовой

Родной Лис, наконец, два сразу — кое-что разъясняющие в прошлом и дополняющие бахромку на лампе предыдущего письма. Письма пропадают, вот что разъяснилось, прежде всего. Второе письмо, где пишу об институте, о возможности института для тебя, или не дошли, или тоже пропали. А теперь, пожалуй, уж и поздно было бы, если бы даже удалось пристроить куда-нибудь бедного Ивана Васильевича.

Столько сосредоточенного и все растущего беспокойства о твоей жизни, о твоей жизненной линии и надвигающейся зиме, об одиночестве — прошло за это время через мою душу и разрослось в целую тоску и в определеннейшее желание: хочу жить с Лисом.

Быть по три раза в день вместе. Знать, каковы его сны и реальность. Что-то вкладывать в то и другое. Пить вино понимания, столь редкостное на земле. Видать вместе благодные светозарные далекие Сергиевские дали. Слушать в ненастье дождь и вой метелей (третьего дня они целые сутки бушевали).

Лис, будет ли это?

«Жизнь коротка, грядущее — загадка». Вспомнились стихи. Большая половина пропала по небрежности Эсфири. Она говорит, что будто бы эта половина в Ростове. Но я уже не верю никаким ее словам. В один не прекрасный день я почувствовала, что ложь — ее естественнейшая стихия. Она не знает, что такое правда, и правда с большой буквы ей не нужна. Нужны миги, ощущения, страсти с кой-какими пряными прикрасами. Но в нее, как в превосходнейшего медиума, вселяются огромные силы, чаще, конечно, темного порядка. И трижды была права я, когда говорила: «Но смертный слух твой не узнает, о чем со мной он говорит. Какие бездны отрицает. Какие звезды в них творит». Смертный слух ее и смертный взор прошли мимо моего существа, не видели меня. Схватили частности, некоторые физиологические признаки, сознание попыталось создать какой-то образ — то желанный, то ненавистный, но ничего общего со мною не имеющий. И паутинка, на которой держалось общение (ушедшее благополучно с горючести солнц, столкнувшихся в эфире), разорвалась. Перед этим было душе больно, потому что не сразу убедилась она, что нет никого на том месте, где было видение Чернокрыла.

И когда убедилась, тоже было больно. А сейчас слышу милость Бога в том, что это так. Не хочу больше с ним (с призраком Ростовским) видеться никогда, никак. Из-за этого у Добровых не видала почти в последний приезд в Москву. Шуре тяжело жить. У нее не хватает сил разорвать сети, в каких связала ее Истар⁵¹, Танита, Астарта, Афродита. До завтра, родненький, маленький, золотенький мой Лисенок, спокойной ночи.

Машура в Испании норвежской посланницей (Машенька Полиевктова). Коптилка-лампа отравила меня, шумит голова. Погашу ее (лампу) и уйду в сны.

Лида Случевская⁵² водит исторические экскурсии по Кремлю, она впала в бедность. Нина Бальмонт⁵³ вышла замуж за художника Бруни и доставила на свет его сына.

У Тани Балицкой умер отец и брат от тифа, она в Москве, но ее не видела.

Аня в Харькове, бедствует. Муж болен сыпным тифом. (Аня Полиевктова; муж ее — Бруни, брат мужа Нины Бальмонт.)

...Две недели т<ому> н<азад> пришел ответ на запрос мой в Тр<удовую> Лечебн<ицу>, что Анастасия Григорьевна⁵⁴ скончалась 18 июля 1919 года. Мать еще не знает об этом. Не умею сказать. И сама не вполне понимаю, но уже ощущаю как пустоту, образовавшуюся по эту сторону жизни и восполнение ее с другой стороны, и огромность все сильнее мучающей вины перед всею жизнью сестры и любовь ее. И наша молодость далекая, общая. Великие надежды. Бесконечные сны. Искания Бога. Боль, какой ранили друг друга. Где все это?

Лида Леонтьева поехала с Анной Васильевной Романовой в Яхонтово за яблоками. Целую неделю мы вдвоем с матерью. Мы самая дисгармоничная пара в мире. И бедной матери лучше было бы жить с первым попавшимся полинезийцем или бурятом, чем со мной. А с Лидой они в дружбе, и все раскуривают какие-то крохи махорки вместе.

Наталья Дмитриевна Шаховская уехала на три дня в Дмитров к сестре, Михаил Владимирович в такие дни ужинает у нас и вечера проводит со мною. Но сегодня мне захотелось остаться одной.

Наташа — самое светлое, чистое, ничем не омраченное житейской, никакой ошибкой и неосторожностью явление жизни моей и ангел-хранитель моих нелепых дней, каким ты некогда бывала.

В институте вечерние часы. В трапезной, где три огромные иконы, за столами, где обедали монахи, семинарий мой и рассказывание третьего дня — «Детство и Отрочество» разбирали. «Семинаристки» мои полюбили эти наши собрания. И мне дают они что-то живое, намек на дело. И еще слушали мы все Флоренского — это великий мыслитель, тонкий, глубокий и немного поэт. Читает историю культуры.

Женя Бирукова в Ростове еще, и из Ростова никаких вестей почему-то. Мать сидит в другой комнате недвижимо, как уснувшая большая птица при свете лампы (горное масло). Лисик, пиши чаще. Господь с тобой. Обнимаю тебя нежно.

3 ноября. Воронеж — Сергиев Посад
О. Бессарабова — В.Г. Минович

Буду жить с Вами, Вавочка, но не теперь. Папа не сможет быть один.

Вавочка, в жизни ко мне прикоснулась Радость. Это я наверное знаю. И я не могу жить иначе, как под знаком Радости. Грозен и тяжел бывает лик ее, и он никогда не лжет. Вот — живу с папой, зарабатываю паек и вижу сны. Теперь — это.

О, Вавочка, как бы умом, разумом я ни понимала, что это «вне жизни», «никуда не годится», м<ожет> б<ыть>, это далеко от «делания в духе» и от участия в общей жизни своего времени... Но, если я потянулась «на все другое», то кто же сделает очередное мое дело жизни?

Ах, слов нет. Да и не надо. Какая-то главная правда, один из ликов (это и есть Радость?) все про меня знает, Вавочка, бросить Ив<ана> Вас<ильевича>, теперь такого беспомощного — да это же просто нехорошо. И не надо больше говорить об этом.

Володя, брат — за него не боюсь, он уже пошел по своей дороге (очень трудной, т.к. придется и учиться, и работать).

А о Всеве и о Боре — мучительно до жесткости нет вестей месяцами, как реки в песках, теряются, ныряя под землю, и выныривая в неожиданных краях. И я уже привыкла не знать, где они и что они, и только рада, что живы.

25 ноября. Сергиев Посад — Воронеж
В.Г. Минович — О. Бессарабовой

Лис мой родной, третьего дня я вернулась из Москвы, где жила больше недели. На столе моем в комнате, убранной елками, ковриком и картинами моего приготовления (Лида праздновала так мой приезд), застала на столе возле игрушечной лавры два твоих письма.

Все теплое, легкое, золотистое из крылатых стран Радости, что связывает меня с тобою, обняло меня и ушло со мною в постель, куда я свалилась от московского переутомления.

Я уехала в Москву с вопросом: вернусь ли в Сергиев. Поняла, что надо вернуться, что М.В. осиротеет в мировых пространствах без меня и, вообще, изменится к худшему лицо мира.

И по-новому смотрят на меня плакучие наши березы и старые ели... «подожди немного, отдохнешь и ты»... В Москве я узнала, что ушла на отдых Наталья Николаевна⁵⁵. Помнишь ее золотое убранство головы, бледные бирюзовые глаза, красоту, одиночество, неуменье жить? Все это спит в Киеве на Байковой горе.

Отдыхает и Сережа Кудашев⁵⁶, сын Екатерины Васильевны — уже с января, в Сочи. Она не знает об этом. Не могу измерить, как велико ее горе. Мальчик, единственный, нежно любимый, несчастный в браке. У него был обреченно зачарованный вид. Близка к отдыху Надежда Сергеевна Бутова. Когда я была в Москве, меня не пустили к ней. И она не захотела, не смогла видеть меня. Я это понимаю, но мне грустно, грустно. В грусти этой утешение, что скоро увидимся. Сейчас, когда я пишу это, она, может быть, свободна уже от уз своей исстрадавшейся плоти и тяжелого жребия. Пишу об этом спокойно. Она готова больше нас всех к этой милости — к вести свободы и разрешения земных бремен.

Религиозность ее за последние годы выросла в широкую полноводную реку, которая понесла ее теперь, как хорошо оснащенный корабль к берегам вечности.

В Сергиево переезжает и поступает в институт Шура Дзбановская. Отчасти из-за меня, отчасти из-за наук, больше же всего, чтобы не быть в одном (доме), городе с Валей. Душа ее выросла в этом испытании. Другие стали глаза. Крепко сжаты губы. И нет гнева, нет мелких счетов. Добра и внимательна к Виктору Константиновичу. И оба очень мучаются.

Мне было очень больно в Москве, Лисик, Лисик, пушистый мой, от столкновения с Истар. Я тоскую о чем-то великом, чему она непричастна, о сне, пронизавшем жизнь невыразимой красотой — она же думает, что тоскую от страстей и ревности.

Я очень дружу с Шурой и рада бы всей душой помочь ее освобождению, но сети, в каких она — вековечные. Шуре невыразимо тяжело от неверностей Истар.

Видела Бориса твоего. Не узнала его, так изменился. Говорили с ним о строительстве жизни. Он дитя и фантазер, у него доброе сердце. Собирается в Воронеж. Обнимаю тебя. Пиши.

Итак, ты зачислена в слушательницы. Очередное: прочти в 4-ом томе педагогические статьи Толстого (это мой доклад) и

проконспектируй их. Во вторник – Неточка Незванова. В среду из Евангелия об искушении Христа, легенду о Великом Инквизиторе из Карамазовых, и легенда о Великом Инквизиторе Розанова.

27 ноября. Сергиев Посад – Воронеж
В.Г. Мирович – О. Бессарабовой

Родной, родной мой Лис, письмо твое сейчас упало в серединку сердца моего, как светлая горячая слеза. И согрелось, отстояло что-то жестко больное, какой-то узел возможной гангрены. Милый Лис.

Все утро были чугуны, поленья, тряпки. И самое, метафизически непереносное, от чего я сразу грубею, думаю и схожу с ума – материны разговоры о них, тон разговоров. Потом вины, боль совести, жалость к ней. И так невылазно, каждодневно.

В узелок гангрены это вошло, как крепкая мертвая точка.

Но самая первая и самая мертвая при всей накаленности ее – это образ Люцифера, наше прошлое, гнев, боль, отрицание, удивление души в настоящем и жажда поправить, и дерзкая мечта «о святом, великом, несказанном» (с Люцифером!), и сестринская великая жалость, и разрушающая жизнь томление духа.

И ничего фактического. В фактическом, Чернокрыл давно и безответственно, с ненужной лживостью (Шура все равно все знает) перелетает из алькова в альков, как в Ростове. И так ясно, что он – знак великих, грозных сил, правящих жизнью, отпавшей от Бога, знак, который они чертят на песке. Лис, Лис, Лисик милый. Ты не хочешь полюбить жизнь. Что любитя, как любитя – не от нас.

Но я знаю, что выше снов в Италии, ближе к страшному таинству, называемому жизнью, великая любовь, великая скорбь, жертвенное делание, творческое горение.

И пуста была чаша жизни, не было бы Италии, если бы в муках творчества дни и ночи не возились с красками Рафаэль, Боттичелли, Винчи, Корреджо.

Ах, Лисик, хуже всего, что у Мировича нет красок – какое жадное, всезабвенное охватывает душу при мысли о пальмах,

морях, розах, жемчугах, теснящихся в одну огненную светозарную Славу Жизни – форм, цветов, символов.

Аллилуйя, Аллилуйя – вот что хотела бы написать, если бы была художником.

Бог проходит близко, надо слышать «аллилуйя» (возглас серафимов, когда слышат приближение Бога). И так томится душа моя, точно расстаётся с телом.

Надежда Сергеевна еще не ушла из жизни, но ушла от нас. Никого не хочет видеть.

Был сейчас у меня Мих<аил> Влад<имирович>. Наташа в Москве. Мы с ним решили встать завтра «утру полунощну» в 6 часов утра и пойти в Черниговскую пустынь. Аллилуйя, аллилуйя – Лисик, я положила тебе руку на голову и на сердце. Слышала ли ты?

А теперь дай твои руки, обними мою седую, глупую, ребяческую, дошкольную голову и говори со мной, как сегодня: встречаться и расставаться, уступать и завоевывать, говорить и целоваться, все суета, суета, все суета.

Я не звала Шуру Дзбановскую. И она чуждый мне человек. Но как-то оказалось, что именно я и Сережа с нею. А больше никого и ничего.

4 декабря

Оля Бессарабова

Валя в Москве. В дни отъезда Вали в Москву возникла возможность думать, что Валечка, м<ожет> б<ыть>, будет матерью. Если в день приезда Вали в Москву Шура Дзб<ановская> была еще в доме Добровых, то Валя с вокзала остановилась, вероятно, у Г.Б. Что же это такое, Боже мой.

Отношение Вали и В.К. не дает мне возможности даже раздражаться, разгневаться на него...О, Дай ему Бог всего хорошего! И голову на плечи, прежде всего!

Вавочка пишет о трех смертях.

Умер Сережа Кудашев, умер философ Трубецкой⁵⁷ и умерла Нат<алья> Ник<олаевна> Кульженко, киевская красавица, первая юношеская любовь Николая Григорьевича. И умирает Надежда Сергеевна Бутова. Всевочка уедет сегодня или завтра.

Часть II. ДНЕВНИКИ ОЛЬГИ БЕССАРАБОВОЙ

Вавочке отправляю с ним дневники Насти, письма к Вавочке Шестова, Гуро, Мих<аила> Вл<адимировича> и другие, те, что удалось спасти от печки, когда целую корзину бумаг Вавочки жгла Варвара Федоровна, а я и Зина спрятали что сумели из-под слепых ее властных рук. Это было ужасно... Она заклинала нас страшно, чтобы мы во имя Вавочки и Николай Григорьевича, ради Бога, помогли ей сжечь это все!

Два вечера была у Яровых. Володя пытался продать мамино кольцо, которое Всева повезет на Сухаревку, если папа не продал его сейчас какой-то даме.

1921

20 декабря / 2 января. Москва – Воронеж
В.Г. Минович – О. Бессарабовой

Милый, милый Лис, пишу в добровском доме, в холоде жестоком. Руки стынут, несмотря на синее и рыже-золотое тепло константиновских картин. Все дома. Валя у себя. Нас не тянет друг к другу. Не разберу, что именно, но что-то разделяет нас. Она очень изменилась. Из цветка лотоса сделалась молодой дамочкой. Может быть, эта прическа так меняет ее и какой-то очень ординарный блеск глаз. Эти впечатления еще могут измениться. Даже как-то заранее знаю, что изменятся.

Елизавета Михайловна в кухне, в скорбной и героической стряпне каждого дня.

Филипп Александрович – в стихах и латинских поэмах. Он болел эти дни, сегодня первый раз был на службе. Знаешь ли ты его стихи? Есть очень хорошие.

Даня читает Бранда¹ и рисует какие-то идиллические усадьбы, дома с колоннами, фонтаны, аллеи. Он закончил «Закат Атлантиды» – роман в трех частях². У него тонкое, истонченное лицо, со следами напряженной работы мысли. Шура очень похудела, побледнела, углубляется в терпении, но порою не выдерживает. Красивые руки ее огрубели от сора, углей, холода и всякой грубой работы. Жизнь ее – сплошь черная работа – топка печей в квартире и еще помощь Елизавете Михайловне. Эсфирь больна, все больнее. Она обрилась (от нарывов). Как у Самсона силы ее были в волосах, – теперь она ошипанный воробей. И землянисто-зеленые щеки, и на них тени увядания,

болезни и конца. Мне жаль ее. Но с ней разьединен образ Истар, Тانيتы, Астарот и ушла власть и сила прошлого надо мной. Остались вина, грех, горечь. Беру все это и во имя всего этого сажусь иногда на краешек ее дивана и кладу руку на бритую голову. И в недоумении смотрю в маленькие, черные, чужие, острые мальчишеские глаза. Но через нее прошли через мою душу великие сны, великий грех. И такая карма — связь на веки.

Лисик, родненький, напиши мне, зеленое мое горное озеро, как у тебя пройдут дни Звезды Вифлеемской. Я буду в Сочельник дома, со мной поедет на праздник Анна Васильевна, будем вместе с Михаилом Владимировичем и Натальей Дмитриевной ужинать. Поедем в церковь. А может быть, и не доживем еще до всего этого.

Вот и Борис твой пришел. Я с ним время от времени беседую. Он еще безотчетен, и горизонт его не широк. Но есть добрые семена.

Вернее пласты доброй почвы.

Есть ли у тебя елочка? Мне Михаил Владимирович обещал вырубить свежую елку в утро Сочельника.

Когда же придет к нам твое «Детство»? Мы ставим чеховскую «Детвору», я режиссерствую, Лида, Соня. Задание наизусть «Анчар», «Подражание Корану», один чеховский тип — письменно изложить и один чеховский рассказ — устно, но продумавши его.

Привет — рождественский — Ивану Васильевичу. Пиши, родная.

В.

1 января. Москва — Воронеж

Б. Бессарабов — О. Бессарабовой

Дорогая Олечка! Последние дни я испытываю счастье познавшего необходимость учиться, учиться. Все мои желания и действия сводятся к этому. Так хорошо думать, что через 6—7 месяцев — студенческая жизнь... Мне так хочется аудитории слушающих людей, знания... С жадностью жду времени, когда алгебра, геометрия, физика займут мой мозг, и я начну учиться знать. Ведь это будет, наконец, начало настоящей работы. Буду чи-

тать — классическую литературу, историю, книги по общественной и политической истории страны, по искусству. Институт, зачеты, крепкая колея... Ах, хорошо. Ах, дорваться бы... А затем, Олечка, придет все то, что теперь зарницами вспыхивает и манит в будущем: Искусство, его значение и цель, его история. Все для него! Экономический факультет мне дорог тем, что там я познаю жизнь в ее основах. Все будет понятно и ясно.

Читал сегодня Андреева «Иуду Искарота»³. Вспомнил, какое впечатление произвел этот рассказ на маму.

Дорогая ты моя мамочка, крепко целую неуловимый образ твой, который я ощущаю во всех помыслах моих — учиться. Как хотела этого для нас мама. Теперь эта ее «цель жизни» (для нас!) — моя цель — мама!.. «Мама-цель».

Крепко целую и обнимаю моих дорогих — сестру, брата. Целую папу. Иду сейчас спать. Дорогая моя сестра Олечка. Твой Борис.

25 декабря / 7 января. Москва — Воронеж

В. Затеплинская — О. Бессарабовой

Олечка, неудачи с твоими письмами начинаются и лежат, забываются. Трудно и некогда писать. Сегодня приветствую тебя с большой нежностью.

Празднично в доме. В кабинете большая елка, в столовой на столе наша голубая скатерть; у нас — другая елка, хотя и без украшений. Все чистенько и светло.

Елизавета Михайловна создает праздник. Был ли у тебя Сочельник? Знаю, что думала о нас всех. У нас было очень хорошо, а для Бориса по Вашей традиции была создана специальная пшеничная кутя.

Сегодня, думаю, поняла в чем дело, что происходит с душой. Она ожила, несомненно, вы в эти страшные дни, но еще слишком сильно омертвление, она еще в оковах сна, еще не очнулась совершенно. Трудно оживает душа, еще борются в ней сон с явью, жизнь со смертью и еще неизвестно, кто победит. Надеюсь, верю, что победит жизнь, часто чувствую ее власть над собой, стремление к ней.... Только не умею еще бороться за жизнь. Побеждать оковы сна...

И потом очень трудно создается мой с Виктором брак. Не могу я принять его новые уклоны, и потому что они страшно чужды мне, и потому что рождается в душе страшный протест против возможности принятия его тенденций, как своих. Не могу еще понять, что есть между нами, и что должно быть, и как к этому относиться, и как осуществлять. Но все это дается мне очень трудно.

Ясно для меня, что должна я создать собственную свою жизнь и творить собственную душу. А остальное там увидим, как сложится и как соединиться. Но вот не знаю сейчас, в чем найти для собственной-то души содержание и смысл, и убежище. Чувствую, что хотела бы с головой отдаться чему-нибудь одному, пьяному, дикому, фанатичному. Эх, молиться бы до иступления, истязая себя или пить до потери сознания, или коммунисткой сделаться! Но ни на что из этого не способна! Разве только пить могла бы! Но что же, что и где мне найти для себя? Оля, родная, пиши мне, ради Бога! Мне страшно нужны твои письма. Господь с тобой!

Ох, хо-хах! Оля моя, как мне трудно! Опять, какое страшное напряжение вся жизнь моя! И Господи, чем бы мне опьянить-ся? Куда бы мне убежать, скрыться, сгинуть? Оля, я не принцесса! Стыдно, мучительно мне говорить об этом даже с тобой. Но я не принцесса или у меня какой-то серой пеленой затянуло память обо всем, всех...

Почему, почему ты думаешь, что я принцесса? И теперь принцесса? Господи, нет! Я самое серенькое и никчемное ничто. Во мне не горит ничего, у меня нет ничего, я просто нищая духом. И совсем не нищим духом принадлежит царство Небесное!

В моей нищете — жестокая борьба с Виктором и с домом Добровых. Впрочем, это даже и не борьба, потому что меня совсем не тянет то, что их. Но я не хочу всего этого, мучительно не хочу, во мне рождается страшный протест... Я не могу принять и не хочу.... Но мне нечего противопоставить этому, чтобы уйти в себя, к себе и чувствовать почву под ногами, чувствовать себя твердо, уверенно в чем-то своем.

Вот больше всего мне необходим уголок, где я была бы вполне уверена, где мне было бы тепло, где я нашла бы убежище...

Мне нужно убежище... Олечка. Откуда, откуда мне найти убежище? Я погибаю, Олечка, родная моя, безумно, безумно.

11 января. Тифлис – Воронеж
Л. Дембовская – О. Бессарабовой

Не помню, Оля, когда я тебе в последний раз писала, какие письма отсылала. Забыла сейчас все адреса, растеряла всех родных и знакомых. Больше полгода живу в Тифлисе, и за все время только два письма от Зины.

Не знаю, портится ли у меня настроение, когда начинаю писать письма, или так уж неудачно я пишу их в минуту скверного настроения. Сейчас скверно. Жить, кроме работы, здесь нечем. Театры скверные, в центре города даже погулять негде, а загород далеко или некогда, или в свободное время не хочется терять его все на прогулку. Знакомств, конечно, нет – мы здесь иностранцы враждебного лагеря. Лояльная аполитичная публика скучна, буржуазия смешна и враждебна. Местные коммунисты уже почти все сидят в тюрьмах, несмотря на договор с нами. Доверять боишься почти всем. В смысле информации о всем мире здесь хорошо. Получаем все радио, получаем газеты балканские, турецкие, со всего Кавказа и русские. Когда был Врангель, получали и Крымские газеты – самые смешные и любопытные.

Грузия переживает кризис⁴, ей надо стать или Советской, или Антантовской. И того, и другого меньшевики боятся, склоняются в сторону Антанты, но уверяют нас, что просто нейтральны. Одно время дело дошло почти до войны, но они испугались, сделали некоторые уступки. Теперь опять нахальничают. За это им не дают нефти из Баку. Водопровод не работает почти, трамвай стал, потребление электричества сокращено. Если не дадут нефти, станет еще хуже. Не знаю, что они сейчас решат делать, колеблются, в партии (меньшевиков) расхождения.

Но если бы ты знала, какая это провинция! У них чуть ли не образовывается новая фракция в Учредительное Собрание из-за того, что реквизируют квартиру одного депутата-меньшевика. Была у них сильная оппозиция, дело дошло чуть не до раскола. Во главе оппозиции стоял один министр в отставке. Лик-

видировать оппозицию удалось, предоставив лидеру ее высокий пост, на котором он проводит теперь ту самую политику, которую критиковал. Грузины до смешного самолюбивы и из-за личного оскорбления пойдут на все. Смешного и анекдотического здесь было много.

Пиши мне на Москву. Кончаю. Адрес тот же: Москва, Пречистенка, Еропкинский, д. № 7, кв. 1. Надеюсь в этом месяце выехать в Москву.

Л. Дембовская.

30 декабря / 12 января. Москва – Воронеж
В. Затеplinская – О. Бессарабовой

Не знаю, пишет ли тебе Борис? У него произошел большой сдвиг, который я очень приветствую, это влияние добровского дома. Он оставляет пока свою политическую деятельность, собирается весной поступить в Институт Карла Маркса на экономический факультет⁵. Сейчас вместе с одним товарищем и с одной коммунисткой занимаются математикой, физикой, историей – готовятся к Институту. Он очень много читает, сейчас по случаю драмы с обувью не ходит на службу и имеет в своем распоряжении целые дни. С восторгом слушает, когда в доме что-нибудь читают (иногда Филипп Александрович или Шурочка читают вслух, Борис Зайцев читал свое новое произведение, Вавочка свои стихи).

Марина Цветаева тоже говорит о том, как сильно здесь можно развиваться. Думаю, что и в смысле его политических убеждений произошел большой сдвиг.

Я завидую ему – тому, что он сейчас имеет целые дни, что всегда у него вечера почти свободные, что он так непосредственно может черпать из сокровищниц добровского дома.

А у меня это все опосредственно, осложнено, болезненно запутано.

Я опять совершенно не способна к общению с людьми. Мне очень больно сейчас, что с Вавочкой мы не встретились никак. Она сейчас здесь встречала с нами Новый год, бывает часто. Она очень хороша с Виктором. А мне и это, и очень многое мучительно завидно и трудно, и больно. Вообще попала я в передрагу

и сама не могу распутаться в своей путанице великой. Но, чур – не скулить...

Олечка, родная, мне очень нужна твоя близость, твои письма.

В Вавочкином гадании мне вышло: весною с надежным кормчим к своему Сиону.

Милая моя, милая царевна, Господь тебя благослови.

Целую тебя.

В.

А как бы я была рада и счастлива, если бы ты была тут... Мне очень многое было бы не страшно. И ты мне помогла бы верить в себя.

Посылаю несколько не отосланных и незаконченных писем...

8/21 января. Москва – Воронеж

В.Г. Мирович – О. Бессарабовой

Лисик, Пушистик мой. Скоро неделя, как я живу на диване в Шуриной комнате. У меня болезнь – драконова стрела, а по-русски – прострел.

Шура и Эсфирь служили мне как два ангела смерти павшему на поле битвы. Сегодня я встала. Брожу потихоньку. Думала эти дни много обо всех и обо всем. О тебе, Лисик – если ты сама знаешь, что твоя стихия – вода, ясна необходимость русла и всяких сосудов. Один из них – наша институтская программа. Это я к тому, чтобы ты не подумала, что это совсем не важно.

Русло – тайный выбор и строгая работа духа. Пока руслом у тебя можно назвать решимость не бросать Ивана Васильевича. Верю, все же, что даст тебе жизнь и другие реки. А в общем, они все в одно море – смерти.

Умирает, Лисик, Надежда Сергеевна (Бутова). Великие и ужасные страдания плоти, при виде которых понимаешь всю благость смерти. И она уже совершилась в ней. Она уже не с нами, а далеко. Там, где моя сестра, твоя мама, и мученики, и праведный Иов, и пророки и все, которые прошли через Врата.

В Сергиево поеду не раньше, чем дня через три. Ты напиши туда, Пушистик.

Скажи, дошли ли до тебя прелестные стихи Жени (Бируковой), посвященные тебе (в Ростове).

С Валею у нас не хватает магнитности. Она вне моей орбиты. И это тем страннее, что так стремительно и тепло вошел в орбиту Виктор Константинович. Я мирюсь с ней, с ее прической, шубкой, голосом, поблескиванием глаз в жизни Виктора Константиновича. Но и только. Впрочем, верю почему-то, что будет иначе. Господь с тобой, Лисик.

С Шурой мы стали очень близки. Много о тебе говорили, Шура все повторяла, что ты ей нужна, что она очень хочет тебя видеть. А я тебя не хочу «видеть», — хочу с тобой жить, — утра, дни, вечера и ночью знать, что сверточек мягкий притаился где-то совсем близко. Аминь.

11/24 января. Воронеж — Москва

О. Бессарабова — В.Г. Минович

Вавочка, родная, радость моя, свете вечерние и утренние, синий мой час! (Когда синеют окна перед сумерками и ночью перед рассветом.)

Получила сейчас письмо Ваше от 20.12 из дома Добровых. И такая светлая горячая радость к Вам потоками заструилась от окна, от вещей, от всего, что попадалось на глаза. Я рада, что Вы рассказали о доме Добровых. Будто я побывала в нем и через Вашу призму увидела лица, стены, голоса, обиход и дух дома, так любимого мною. Мне все дорого об этом доме и обо всех, кто в нем.

В день Сочельника я, как всегда, была на работе. Володя, брат пришел из института, с утра приготовил с папой все, что надо было, к Светлому ужину. Мы вдвоем сбегали к белому снежному холмику на Терновом кладбище. Помолчали. Сверкающий звонкий снег. Я прикоснулась к нему рукой и губами. А вечером пришла Зина Денисьевская, папа из церкви принес тонкую восковую свечечку, мы разделили ее на четыре части и на зеленой пышной елке зажгли огни. Через огонь были с нами: мама, братья, Валя, Вавочка, Толстов. И вспоминали всех дорогих и любимых. Иных уж нет, а те далече.

Володя стал красив. У него прелестная мамина улыбка, серые глаза, тонкий очерк лица. Он больше всех из детей мамы напоминает ее. Валю в Вашей призме не узнала — неверное отражение...

13/26 января. Москва – Воронеж
В. Затеplinская – О. Бессарабовой

Сегодня ночью скончалась Надежда Сергеевна (Бутова). А Вавочка ночевала у меня на диване (Виктора нет, он уехал на несколько дней).

Я могла бы с Вавочкой обо всем, всем говорить. А с людьми не могу, потому что все, что у меня сейчас есть, страшно интимно переживается и говорить об этом трудно. Как-то чувствовалось, что назревает и может возникнуть большой разговор, но нужен был какой-то толчок, какой-то вопрос. Она не задала его, мы покрутились, покрутились около чего-то – и пожелали друг другу спокойной ночи...

Мне жаль. С ней мне очень бы хотелось иметь общение.

Олечка, Олечка, как я люблю Виктора. Он светлый и родной мне и дорог и близок без конца. Трудно мне встретиться, оба мы больные и неумелые – мучаем друг друга, он – невольно, не желая, а я и вольно и с досадой иногда. А все-таки это все пустяки и важно одно: любовь чудесная...

Родная моя, пишешь Борису, а мне ни строчки, а мне так нужны письма твои.

Ищу, ищу пути. Не вижу его. Много тропинок в лесу, но все чужие. Готова вступить на тропинку Виктора, пытаюсь. Но не знаю.

И все равно, если приму, это будет мой особый путь, немного – но другой. В самой глубине – кризис. Острый, трудный. На перепутье всех дорог! Что-то готовится, борется, враждует, что-то рождается. Еще не знаю и не вижу, что. А ты меня любишь, царевна моя Оль? Отчего же ты мне не пишешь?

Приехала ли Зоюшка и что она?

Господь с тобою. Пиши мне, пиши. Валя.

20 января/2 февраля. Москва – Воронеж
В. Затеplinская – О. Бессарабовой

Три письма твоих – взволновала глубоко твоя болезнь. Чувствую, что необходимо сделать что-то, сдвинуть с мертвой точки течение твоей жизни, но не вижу конкретных к этому путей. Хотела бы страшно вытащить тебя сюда, здесь посмотреть за тобой, чтобы вела нормальный образ жизни, чтобы

выправилась и пришла к порядку. Как это сделать? Как это сделать? Вся надежда на енотовую твою шубу, но пока не выходит ничего. Надо было бы хорошо обставить Ивана Васильевича, чтобы ты могла спокойно оставить его. Но и здесь не знаю, где тебе устраиваться. Конечно, духовно ценнее для тебя Сергиево, но там очень неважно в смысле житья-бытья — они голодают там.

Здесь в Москве, конечно, гораздо лучше в смысле питания, но менее ценно для ума и сердца. А тебе нельзя отнестись легко к вопросам житья-бытья, ибо после неврастения и малокровия есть ряд дальнейших возможностей.

А как бы я хотела, чтобы ты жила здесь, с нами, как бы ты была мне нужна.

Оль, друг мой, почему, отчего занавеска между тобой и Виктором? Боюсь, что все-таки я в этом виновата, и жаль это мне очень-очень. А у меня в отношении к нему падают «какие-то занавески», все ближе и ближе, все роднее. Я так люблю, Олечка, а это такое светлое, такое чудесное счастье.

Адом Добровых остался мне чуждым. Теплее всех у меня с Елизаветой Михайловной. Остальные, кроме Эсфири и Саши — нравятся очень, но остаются в стороне, далеко. Страшно нравится и тянет к Вавочке. Какие у нее лучистые глаза, — светлые, сияют. Но я опять совершенно не умею с людьми. Я страшно пассивна сейчас с людьми, боюсь сделать хотя бы один шаг. А людям пришлось бы слишком много стен разрушать, чтобы добраться до меня, ну, а это, конечно, не стоит... И поэтому ничего не выходит. Вавочка могла бы мне помочь уяснить себе все и выпрямиться, выправиться. Ах, как меня тянет к ней. А я ведь на перепутье всех дорог. И если бы мне сейчас с Виктором, с мамочкой, с тобой и с Марией Захаровной — маленький совсем скромный дом в деревне с возможностью не заботиться о хлебе насущном, быть абсолютно свободной и уйти в книги, — я уже и программу себе наметила.

Сегодня мягкий, кроткий, бесконечно нежный день. Тихо, тихо и падает снег. И такая радость, такое умиление и нежность и счастье. Олечка моя. А люди, глупые, что-то нагромождают, надумывают, чем-то будто страшно заняты, будто дело делают. Это я на заседании сижу. Страшно обижена одним молодым и красивым инженером — бесцеремонно невежливым и некоррект-

ным. Как мало людей, которые знают, что самое главное (в жизни). Вавочка знает.

Сегодня шла по улице, пьяная от радости, и читала вслух стихи Барышева⁶.

...Не письмо, а бред... Родная, как же поправить тебя? Огорчена очень и тревожусь за тебя.

3 февраля. Москва – Воронеж
В.Г. Минович – О. Бессарабовой

Лис мой, родимый, в ночь с 25 на 26 января скончалась Надежда Сергеевна⁷. Прах ее спит на Новодевичьем кладбище, а где она, никто не знает.

Где мама твоя? Ты пишешь: «Я с нею в общении». Есть ли в этом наша по – эту – сторонняя реальность?

Мне не пришлось проводить Надежду Сергеевну, то есть ее прах на кладбище. В день ее смерти я заболела острым приступом ревматизма и только вчера встала с Шуриного дивана.

Скоро месяц, как я в Москве. И мне странно <страшно?> ехать в Сергиево.

Во время болезни, когда все были заняты вопросом погребения Надежды Сергеевны, Валя очень просто, легко и ласково подошла ко мне с необходимыми и очень скверными наряду с другими обязанностями сиделки. И тут-то я почувствовала ее по-иному, а не в прическе и чуждом очерке лица. Кстати, я поняла, что и очерк от прически и хочу научить ее причесываться по-иному.

Глупости я пишу, Лисенок, про какие-то прически. А в душе нескончаемый шопеновский такт марша: «Не изживешь, не могу изжить, никогда, никогда, и не надо».

У Добрых я больше двух недель. С Шурой нам бывает по-настоящему хорошо, и я рада ее любви. О себе, ты знаешь, боюсь этого слова. У меня что-то другое вместо любви – всегда – пение, музыка, те краски, что на конвертах, и еще «ты еси» и «радуйся». Радость. Я так счастлива, что нашла душу в тебе, которая, как я, понимает, что такое Радость, и помнит, как было в раю. Я пишу про Рай уже 10 стихов. Борис будет переписывать все мое. Тогда и для тебя он рай перепишет.

Вот говорит голос Елизав^еты Мих^айловны: «Несите суп». Сделаю перерыв. Суп кончим, и картофель мятый всем на животную и религиозную радость с крохами мяса. (Пища стала иметь религиозное значение.)

Шура пришла сейчас бледная как Пьеро – трагическая и просветленная. Упал луч пурпурно золотой на елку (еще не убрана елка) и зажглись, как райские цветы, алые бумажки и золотые сетки.

Валя тихо и как-то по-отрочески счастлива, потому что вернулся из поездки В.К. Он что-то рассказывает о крестьянах, волнующихся о картофеле, о буденовцах, бушующих в Екатеринодаре.

Пришла Эсфирь. Мы с ней снова было подошли друг к другу близко и уже по-хорошему, без бури, безбурно и мирно. Но что-то снова пробежало, и я испугалась этого «что-то». А потом она оттолкнула меня от себя отвратительной грубостью по отношению к Шуре, и я ушла от нее на звезду Моир⁸. Мать это время была с Александрой Алексеевной Дзбановской. Ее бережет Михаил Владимирович. Ал^ександра Ал^ексеевна – ангел доброты. А третьего дня туда поехала Анна Васильевна.

Пиши, конечно, на Сергиево. Завтра Михаил Владимирович придет за мной и увезет меня туда.

7 февраля. Сергиев Посад

Добавляю несколько слов уже в Сергиеве, уже не миновать, не миновать Сергиева. Мысленно взываю иногда в безумии: да мимо идет чаша сия.

Лисик, миленький, родненький, в день отъезда получила твои письма, из коих вижу, что ты болен и тяжело. Полежи тихонько, открой какую-нибудь простую книгу. Или святую. Дай отдохнуть душе и нервам. Борис собирается к тебе, все зависит от шубы – продаст ее.

Вчера было рождение Елизав^еты Мих^айловны. Она месила тесто в холодной, прокопченной крысиной кухне, плакала и сбегала потом в церковь, ее единое прибежище. Потеря Надежды Сергеевны для нее огромная утрата.

Мать рассказывает что-то о «маслице», о ржаной муке в виде пряника — и почему, Господи, такая тоска неизбежная. Слышать это — знаю, что это грех не слушать — завидую всем, кто слушает, и не могу, не могу.

Жду работ твоих зачетных. Обнимаю тебя, родная, пиши.

26/8 февраля. Москва — Воронеж
В. Затеplinская — О. Бессарабовой

Начинаю отвечать по порядку на все твои вопросы.

Встаю в 7—7¹/₂, ложусь, в среднем, в час. Мои обязанности: утром встаю раньше всех, ставлю самовар, растапливаю в ванной маленькую печурку, кипячу кофе, разогреваю кашу для уходящих на службу и завтракающих рано. Кончаю все это к 9-ти, когда остается только умыться, причесаться, позавтракать и бежать на службу.

Завтракают в это время Елизав<ета> Мих<айловна>, Фил<ипп> Ал<ександрович>, Виктор и я. Борис всегда позже. Вечером на моей обязанности неизменно моя печка (значит, через день), а часто и еще одна, которую по правилам должен топить Борис, а иногда в сильные морозы и обе в один день. Кроме того, тут часто приходят самовар, картошка, калабажки, еще что-нибудь, так что возни много. Голодна не бываю, вкусного хочется очень, так как питание очень однообразно, и вкусами не балует судьба. С прачкой управляюсь, слава Богу.

Зарабатываю во Всеобуче и собственно не в нем самом, а в комиссии по сооружению Стадиона⁹. Если не знаешь, лень объяснять, что это за гениальное дело и как это нелепо и смешно. Делать абсолютно нечего, но и читать почти не удается, так как все время шум, суета, народ. Это близко — угол Арбата и Кривоарбатского. Холодно там и мерзко.

Живем в той комнате, которая за столовой (кажется, прежняя спальня Елизав<еты> Мих<айловны> и Фил<иппа> Ал<ександровича>). Удобно, вид вполне жилой, уютный, даже красивый. С точки зрения тепла — последнее время держится 5 градусов, сегодня 4. Конечно, страшно неудовлетворительно. Я мучительно страдаю от холода — иногда прямо в каком-то отчаянии. И, во всяком случае, половина жизненной энергии испаряется и поло-

вина нужного и желаемого не исполняется. Изолированности тоже нет, так как комната проходная, хотя и не обязательно. Проходят неизменно в часы приема, но и так ходят, к тому же двери обычно открыты, и у меня часто ощущение проходного двора.

Полы не моют, а метут и изредка натирают (Елиз<авета> Мих<айловна>). Жилые комнаты убираются жильцами, нейтральные — обычно Шурочкой, когда я дома — мной.

Готовит Елизавета Михайловна и часто Кира (Эсфирь), немного помогает и моет посуду одна посторонняя женщина.

Ольга Яковлевна не живет в доме, но заходит очень часто. Ирину я видела пару раз — забыла, что знала о ней.

Прическу не переменяла, хотела было Вавочка мне придумать, да забыла. В чем бываю? Сверх платья вывернутый шерстью наружу мой пестрый лысый мех от шубы, а на ногах особое московское изобретение, нечто среднее между валенками и ботинками из синего яркого бобрика. Красота! Руки очень часто в перчатках, ибо распухли и мерзнут жестоко. Наружностью страшно недовольна. Морда потолстела или просто припухла и подурнела страшно. Уродина такая, что иногда хочется плюнуть на себя в зеркало.

Что раздражает? Холод, холод, холод! Из-за холода — небрежности, неаккуратность в костюме, в комнате, недоделанность дел и т.д. Противная служба, дурацкая и ничего не дающая — неустроенность судьбы в этом смысле. Дерганье по хозяйственным делам, недосыпанье и необходимость, как под ударом железного хлыста, просыпаться и вставать, когда все тело отчаянно протестует — страшно меня измотало.

В театрах почти совсем не бываю, была всего раза 3—4.

Народу в доме бывает, по-моему, немного, почти все одни и те же немногие лица. Смеяться случается, но не часто и не весело. Громко сердиться не даю себе воли, так только иногда потихоньку тяну душу из Виктора, — но право, не часто, — борюсь с этим. Плакать громко — тоже не плачу. Только иногда потихоньку, про себя, без звуков и без движений.

Радость без причины бывает, но причины все-таки есть и две: Виктор и дыхание природы, когда оно коснется меня. Из галерей была только в Морозовской, потому что это три шага, — и то коротко, потому что там не топят и долго выдержать нельзя.

Вход всюду свободный, но холод и отсутствие энергии, и тот факт, что Виктор бывает часто занят и по воскресеньям, удерживает дома.

Переулки между Пречистенкой и Арбатом, переулки позади Музея Александра III до Шереметьевского и по вечерам куски Кремля и отдаленные где-то еще клоки нравятся страшно. Москва старая, Москва колонн и особняков и глубокой старины — очень хороша и понятна. Москва, как современный город — центр ее не нравится совершенно.

Расскажи точно, подробно и определенно, что с твоим здоровьем, что чувствуешь и что находит доктор? У какого ты была? И что рекомендует, и какие перспективы? Очень прошу ответить обстоятельно.

Целую. В.

Приписка Ольги Бессарабовой. (Да самая обыкновенная цинга. Опухоли. Ноги болят. Зубы падают. Слабость.) Но об этом не нужно писать. Надо самой выкарабкаться из засады-болезнь, недочеты. Ведь всем же трудно, нельзя отягощать близких такими своими делами. Хорошо бы достать муку, чесноку, горчицы, соли.

27/9 января/февраля. Сергиев Посад — Воронеж
В.Г. Миревич — О. Бессарабовой

Вчера отослала тебе, родной друг мой и радость моя, Лисик, московское письмо, а сегодня пришло от тебя очень важное послание с выдержками из Валиного письма. Бедная заколдованная принцесса — я не подозревала, что до такой степени все трудно и сложно и под такой Полярной звездой в прохождении ее земном.

Я писала тебе, что внешне разлучившее нас «что-то» в наружности, а может быть, и в судьбе Валиной (я полна была ощущением боли и отверженности Алекс<андры> Алекс<еевны> Дзбановской) сгладилось.

Я и раньше знала, что Валя не то, чем мне кажется. И последние дни я тепло и ласково, хоть и мимолетно, подходила к ней. И раз она спросила: «Можно вас поцеловать?», и меня ранила эта робость и точно бесправность.

В ту ночь, о которой Валя пишет, я тоже ожидала, что она заговорит. Чувствовалось, что ей что-то нужно от меня. И я ждала. Но боялась упредить ее, поторопить, искусственно что-то сделать. И поговорив о пустяках, и помолчавши, пожелали спокойной ночи. Бедное дитя, мне все почему-то было жаль ее последние дни, все казалось, что очень холодно ей во всех смыслах. Но жизнь моя внутренняя из-за кончины Над<ежды> Серг<еевны>, из-за Эсфири, Шуры и Мих<аила> Влад<имировича> так была остра, сложна и трудна, что я была рада и «Драконовой стреле», и тому, что могла лежать недвижимо и на время снять с себя ответственность за жизнь. В следующий приезд — это будет через полторы недели, я пойду к Вале — теперь уж есть тропинка, и думаю, что, наконец, мы встретимся.

В Сергиеве грустно и дико. И Мих<аил> Влад<имирович>, и Нат<алья> Дм<итриевна> на линии гонения судеб. Нат<алья> Дм<итриевна> в Москве, в узилище¹⁰. Мих<аил> Влад<имирович> дома, но тоже с приставленными к нему телохранителями. С ними заходит и к нам. Его, есть надежда, оставят в покое. А Нат<алья> Дм<итриевна> написала книгу о кооперативе не в том духе, в каком это может предрержащим нравится, книгу истребили, а ее и ее сестру ввергли в узилище. Это тем мне грустнее, что я отошла от нее последние месяцы далеко, совсем не виделась. И теперь такое чувство, что, может быть, и не увижусь.

Сегодня день Рога изобилия — съездили с детскими саночками с Лидой Леонтьевой к огороднику, привезли свеклы, кислой капусты, картофеля. Надоело голодать. Едим целое лето печеный картофель и кислую капусту.

О стихах моих: попроси Бориса — он ими заведует. Он сделает тебе копии с тех, какие я отмечу, и пришлет. Попроси Лиду (Малахиеву) выслать подушку и одеяло (пусть застрахует тысяч в 40).

Стихи, Лисик, у Эсфири в Ростове, (а она их дома забыла, кажется номер 35. Угол Романовской и Среднего Проспекта), а фамилия (ее сестры) Нюты — Гельчук Анна Самойловна, она, может быть, разыщет тетрадочку.

Посылаю тебе на память о Над<ежде> Серг<еевне> и обо мне рисуночек, который она любила. Мне вернули несколько моих рисунков после ее кончины.

Я тебя очень целую, Лисенок, Господь с тобой, родненький. Поправляйся, захоти крепости и обновления, — и все придет. Лисик, а ты не голодаешь? А как подошвы?

*Оля Бессарабова. Без даты
(Раздумье)*

Как странно. Вавочка жалела Шуру Дзбановскую, этот кусок жизни грубой и жадной, грубо отнявшую у Вали мужа! А в Вале она умудрилась видеть дамочку с ordinarily поблескивающими глазами.

Виктор, длинно и поверхностно толкующий о Духе и Любви, а где-то около — Валя, мизинца и вздоха которой он не стоит со всеми своими прошлыми и будущими нелепостями легкомыслия и много жадности ко всему, что не около, и еще не отведено!

Валя попала в дом Добровых на еще теплую постель от Шуры Дзб<ановской>, и Виктор не постыдился. Ох...

И Вавочка, спасающая Эсфирь (хулиган, апаш, авантюристка, вывихнутая, аморальная, беда, проникающая в жизнь людей) — и не заметившая Валечку! Ох, ох, Боже мой.

Что это делается в милом мне, дорогом доме Добровых, в каком пожаре, на каких острых гвоздях и ножах мечется Вавочка — как много людей, таких драгоценных, таких богатых душевно, морально, интеллектуально — бродят и хромают на перекрестках и перепутьях, без руля и без ветрил — такими нестройными толпами...

*6/19 февраля. Воронеж — Сергиев-Посад
О. Бессарабова — В.Г. Миревич*

Вы просили, дорогая Вавочка, кусочек моего «быта»?

Шью, чиню, зашиваю белье. Эта работа хорошо собирает человека. Да и нужно.

Каждый день я и папа имеем по две тарелки удручающего, но очень нужного кулеша из пшена и 2 фунта хлеба. Соль водится, это такое благо! Лук кончается, как только успевает появиться, — мало и редко. Масло показывает хвостик в начале месяца. На подошвы обуви змейкой укладываются и приши-

ваются веревочки, называются они шпагат. Совершенно похожие на туфли.

В комнате тепло, душно, очень накурено. Форточку при папе открыть нельзя, — влетит простуда. Считается, что нельзя открывать форточку и без папы, но она обязательно открывается хозяйкой, по моей просьбе, как только папа за порог. А если он застаёт форточку на месте преступления, ему объясняют, что получился «угар от печки», которого папа боится.

Вечерами в смежной комнате, большой, купеческой, с тяжелой мебелью, под светлой лампой три женщины и две девушки шьют, читают, ведут беседы о жизни, житье-бытье, про страсти-мордасти и сны.

Люблю слушать старую хозяйку, старообрядку, умницу и обаятельную женщину из народа. Ее не испортило большое богатство в прошлом и не испугало разорение. На первый взгляд — просто скромная старая женщина в платке и в сарафане. А история любви ее и родственника мужа — неожиданной, благоуханной прелести по чистоте, высоте и глубине — как старинный сказ из Книги любви золотой. Не Лесков, не Тургенев, не Мельников-Печерский — самобытное и необычное. Хорошо. Так все и было — «Человек был своеобразный».

Другая собеседница — «нарядна как бабочка летом, как мальчик кудрявый резва»¹¹ — и кудрява — младшая дочь хозяйки — Серафима — балерина. Я онемела от удивления, видя ее роскошную пышность и блеск. Оказалось, что она была балериной, но, слава Богу, во время замуж вышла, а муж ни в какой воде не утонет, и жене утонуть и споткнуться не даст.

Третья — стареющая, умная, очень болезненная — старшая дочь — московская курсистка, не доучившаяся по серьезной нервной болезни. Остроумная и очень приятная собеседница. Держит в своей власти и воле весь дом, тактична, почтительно мягка с матерью.

Четвертая — невестка, жена младшего сына, красивая как Коонен¹² московская в Саломее или Саламбо¹³. Мещаночка, соученица моя по гимназии, на 2 года старше меня — высокая, стройная, скучает. Берет у меня некоторые книги — сама выбрать не умеет, но моим выбором очень довольна. Книжки все интересные, скучных совсем нет — как это я подбираю их?

И еще изредка бывает персонаж без речей – когда она трезва – но часто выпивши, и тогда пытается рассказать циничный анекдот, так анекдотец, – но категорически отстраняется от рассказа. «Сестра Саша и племянница Маня не велят сказывать анекдоты мои, а вам не велено рассказывать, даже наедине. Разве вот с Серафимой душу отведешь – та меня еще обгоняет – со смеху помираем».

Иногда читаем вслух какую-нибудь общедоступную книжку вроде «Князя Серебряного» (по просьбе папы), «Капитанскую дочку», Эдгара По, новеллы Стендаля, Лескова, Конан Дойля. Утром на работу, вечерами – книги, письма; для папы праздник, если с ним погуляю, или ходим на Терновое кладбище¹⁴ «к маме».

Иван Вас<ильевич> трогательно заботлив и внимателен. Всегда очень опрятен и «в полной форме».

24 февраля. Сергиев Посад – Воронеж
В.Г. Миревич – О. Бессарабовой

Лисик, родимый, золотенький, наш Институт закрыли, и мы сейчас на распутье трех дорог, где верхарновский ветер трубит в черный рог. Слушательницы отрядили делегацию в Москву с просьбой не разрушать пока наше отделение, дать им кончить. Но мало шансов, что их просьба будет услышана.

Завтра и я еду в Москву дня на четыре. От Шуры было письмо, полное любви и бесконечной нежности. Мне захотелось погреться. Я устала от Сергиевских битв. У нас с матерью всегда видимая и невидимая брань. Голубчик мой, Лисенок мой, пушистик. Больше всего я хотела бы сейчас погреться у твоей души. Я так устала, устала. Мать очень обветшала, слабенькая стала. И, пожалуй, тише, чем недавно еще. Когда Лида будет посылать подушку, пусть и наволоку не забудет. О наволоках мать напоминает. А я о реликвиях. Хотела бы лампаду мою зеленую, часы с монограммой моего зайчика.

У Добровых будет свое утомление от бедного чернокрыла. Он невероятно запутался в сетях мира сего и будет стараться меня запутать. Но может быть, Бог не хочет его гибели и поможет мне спасти его. А может быть, и без меня сам спасется. У нас нет уже сопутничества. Но у меня есть обет не покидать его, когда он бу-

дет висеть над пропастью. И Валя над пропастью. Еду к ней. Теперь уже есть к ней путь.

Из Москвы напишу. Снега засыпали Сергиев пушистой пеленой забвения.

Буду ждать письма твоего, мой милый Лис.

Воронеж – Сергиев Посад

О. Бессарабова – В.Г. Минович

(Без даты, ответ на письмо от 24.02)

Вавочка, милая. «Утренняя звезда» уже написана. Но какое же значение может иметь этот бедный гомункул? Как бы было хорошо, чтобы она была как можно подальше от дорогих мне людей. И поскорее.

Шура Дзбановская – я сама не знаю ее. Но по чрезвычайному сдержанному рассказу брата Бориса о полемике в прошлом году – о коммунистах, об интеллигенции, и это в доме Добровых! О грубейших ее репликах и выкриках – непристойных и бешеных. Знаю четыре строчки из ее письма нашей общей знакомой в Воронеже – о Викторе циничные и до странности грубые. Я не захотела слушать дальше; ее подруга хотела рассказать мне все ее письмо, спрашивая меня, знаю ли я В<иктора> К<онстантиновича> и что он за человек. Я сказала, что я мало знаю его, знаю как мужа моей подруги, знаю как человека милого и хорошего, и что фраза Ал<ександры> Ал<ексеевны> больше характеризует ее саму, и могла бы быть сказана о каждом человеке – молодом и красивом. Это фраза не делает ей чести.

– Вас шокирует эта фраза?

– Да, мне неприятно.

Немногие, но очень выразительные «установки» ее, советы, которые она давала своей младшей сестре, прелестной и чистой Ниночке, подруге по классу Вали и моей – советы, поразительные по примитивности, практичности – и опять – грубости. (Что надо для успеха в обществе.) Не хочется вспоминать.

Говорят – она умна, Вы писали, что она добра к Варв<аре> Фед<оровне>. Это хорошо. Но и ее я хотела бы подальше от моих дорогих. Я не была бы ей рада, как жене брата, сына,

кума, свата. Пусть ей будет в жизни хорошо и всячески успешно, но — подалее.

1 марта. Москва — Воронеж
В.Г. Мирович — О. Бессарабовой

Пишу тебе, родной Лисик, в Валиной комнатке за ее столом. У нее холодная и красивая комнатка. До сих пор над письменным столом царит рождественская елочка. А по вечерам несколько зловещий фиолетовый абажур дает особый inferнальный уют. И еще для украшения стоят три моих конверта — последнего мрачно-пожарного творчества.

Валя на службе. В субботу, если будет поезд, она поедет в Майкоп. И мне стало жаль, что она уезжает. Вряд ли она вернется. А у меня завязался росточек нужного с ней отношения, тот, которого ты для нее так желала. В один пасмурный день, когда мы шли вместе по Пречистенке, она вошла в мою орбиту. Немножко как будто мимовольно, но с сознанием неизбежности. Хочешь видеть мою орбиту, ту, где Вы так или иначе любимая, а главное — мне кем-то врученная, знающая и не знающая об этом, идете со мной к цели, мне самой неведомой, но для меня несомненной. И одинокие идут в чьей-то орбите (может быть, прямо в орбите Христа или Люцифера), но все по плану созвездий. Вот как это: я, а вокруг, Лис, Эсфирь, Шура Д<збановская>, Анна Вас<ильевна>, Инночка, Леля, Аллочка, Екатер<ина> Вас<ильевна>, Женя, Таня, Шура, Анечка, Лида, Татьяна Алексеевна, Женя, Таня, Лиля, Мих<аил> Влад<имирович>.

А впрочем, это может быть и не так. И я не всех вспомнила. А те, кто вписан, может быть, уже не со мною вращаются и не со мною идут к Солнцу Солнц.

Иду ли я сама туда? Жестокие сомнения — до Гефсиманского пота овладевают порой духом моим, и кажется ему, что никуда он не идет, а пребывает в падении и отпадении. Но вдруг сомнение настигается сомнением, и острый далекий луч пронизывает смертельно усталую душу. Душу — дух усталости земной не знает. А душа изнемогла до крестного: Эллой, Эллой, Лима савахвани¹⁵.

Ах, милый, милый Лисик, «жалкий я человек» — слова Ап<остола> Павла — чего хочу, того не делаю, а делаю то, чего не хочу. Кто избавит меня от сего греховного тела смерти.

Вчера был здесь Мих<аил> Влад<имирович> до полуночи. Шло горячее собеседование между им и Фил<иппом> Алекс<андровичем> о воскресении телесном, о преобразении плоти, о Христе, о таинствах. Фил<ипп> Алекс<андрович> близок к вере во все это. А Мих<аил> Влад<имирович> в этой вере давно пребывает.

Я же не знаю сейчас во что верю. Встреча ростовская — Эсфирь разгромила храм моего спасения; разгром начался немного раньше — от сомнения в Мих<аиле> Влад<имировиче>, а потом и пошло, и пошло.

И все же — жив Бог, и жива душа моя, хотя такая уже она не прежняя, в каких-то ссадинах и язвах. И, верно, никогда уже не будет носить радужно голубых одеяний, в каких порой себя чувствовала. Не по достоинству был этот наряд.

Маленький мой Лис, тепло ли у тебя, родимый? У Добровых — 6 градусов — предел тепла, и я обмерзла, как те снежные бабы, которых нарочно для этого поливают водой.

Шура болела пять дней. Сейчас встала и уже согбенно трудится над полами и коврами все утро. А Эсфирь в черном трико на кухне. Она вошла в полосу невероятной кротости и какой-то сверхчеловеческой мягкости и нежности ко мне и к Шуре. Мы как-то загадочно и не совсем по-человечески слились для нее в одно. Мне это интересно, но уже не по существу. Меня, кажется, касается только судьба этого существа — боль, гибель, спасение. Обнимаю тебя. Ждет ли меня в Сергиеве твое письмо?

2 марта. Сергиев Посад — Воронеж

В.Г. Минович — О. Бессарабовой

Есть грех, Лисик, нет его в стихиях мира, в царстве природы, там, где «сильфа нежится нагая»¹⁶, мотыльки гонятся друг за другом в море солнечного блеска и где ихтиозавр откусывает голову игуандону. Но везде, где дух выделился из стихии мира и потянулся ввысь к Богу — из любви ли к Нему, из веры ли в закон жертвенности божеской и человеческой (а это во всех религиях, кроме дикарских), везде, Лисик, все, что тянет в «глину,

хаос, бессмыслицу»¹⁷(вопит Ницше) все душа, так или иначе осознает как грех.

«Насекомым – сладострастье Ангел Богу предстоит...»¹⁸

И еще:

«Все мне дозволено, но не все мне полезно» (Апостол Павел).

Мне дозволено было переступить через огненный круг, в который позвал меня голосом Эсфири сам Люцифер. И кто бы мог не дозволить? «Сыны свободны»¹⁹. Но переступление оказалось преступлением против обета души, данного Богу (и человеку). И повлекло за собой клубок злых карм внутренних и внешних. Так-то, Лис.

Лис, вот что просит тебя сделать мать непременно: зайди в квартиру, что рядом с Бутиковым и у каких-то родных какой-то Мар<ии> Станислав<овны> узнай, не добежали ли до них какие-нибудь вести о Николае. Мать очень тебя об этом просит. Ответ адресуй ей лично и напиши ей: а) про твоих; б) про ссоры Вали и Лиды, про Новицких, про Веронику и про всех воронежцев, о каких когда-нибудь слышали. Смешно, Лисик, что ты так ужаснулся неожиданным деньгам. То ли еще забывается и перепутывается. Не говоря уже о том, что теперь 1000 руб<лей> уже не 5, а 3 копейки или 2.

Вот если бы подушку, одеяло и кое-какие материны вещи удалось переслать, было бы хорошо (она тоскует о Николаевых рубахах, которые хотела носить вместо ночных кофт, а их почему то не прислали).

Лис, я пишу в Шуры Дз<бановской> комнате, а теперь она моя. Тишина нерушимая, рядом три сестры старушки, а во дворе коза Дина, на небе месяц и крупные по-весеннему шевелящиеся звезды. Вербка уже распустилась. Мих<аил> Влад<имирович>, уезжая в Москву, прислал мне вербочку и слова, похожие на нее, на звезды и на слезы.

Напиши, получила ли письмо с рыжими цветами (не заказное).

2 марта. Москва – Воронеж

Л. Дембовская – О. Бессарабовой

Получила твое письмо и сейчас же позвонила Добровым. Борис куда-то уехал²⁰, не знаю, куда и надолго ли. Завтра (а может быть, и сегодня) пойду туда и поговорю с Валей.

Уже вторую неделю живу в Москве. В Наркоминделе еще не самоопределилась. Не тороплюсь особенно. Хочу отдохнуть, осмотреться и выбрать работу по себе. Меня не знают и не торопят. Приехала я с Володей Ерофеевым (не помню, писала ли я нашим, и вообще никому не говори). Он уже начинает понемногу работать, а там и я приступлю.

Я теперь уже опять не стриженная Люда, опять с волосами. Вообще многие острые углы уже смягчились, а некоторые еще больше заострились. Если близко сталкиваешься с врагами и они ведет себя активно, то враждебное чувство обостряется. В Грузии я могла назвать несколько имен, кого надо расстрелять, а кого можно оставить. Теперь Тифлис взят нами, но те, наверное, уехали и увезли наших. Там остался один человек, перед чистотой которого, перед его преданностью идее, способностью, готовностью к самопожертвованию, преклоняюсь. Таких теперь мало. В общей массе членов коммунистической партии такие коммунисты встречаются как редкие крупинки золота.

Москва переживает очередной кризис и переживает его очень тяжело. После увеличения пайков и сравнительного продовольственного благополучия новое ухудшение встречается уже скверно. Жду съезда партии, который многое должен разрешить.

Получать билеты в театры еще не устроилась. Это очень трудно. Очереди огромные. Вот и все. Моя личная жизнь уже почти два года счастлива. Не могла себе представить, что так долго можно любить и быть любимой. Упрочения каких-нибудь традиций, прочных уз и узаконений никаких нет, нет сознания, что это должно быть долго, что есть какие-нибудь священные цепи — кроме своего и его желания. И так хорошо.

Не знаю, что делается, как живут наши и почему они не пишут мне. Я им писала, как со мной общаться, но в Тифлис получила только письма, полученные до моего отъезда туда. О смерти Анны Петровны знаю. Для меня это очень много значит. Я ее помню и люблю. Сейчас болен чахоткой (лежит, как лежала Оля) хороший товарищ мой и Володи, которым я даже увлекалась, но любовь к Володе победила. Теперь он болен. Знакомая атмосфера, и так тяжело и больно. Жалко и досадно. Если увидишь Костю Позднякова, скажи ему мой адрес. Мне бы хотелось, чтобы

он мне написал. Как я давно ни с кем не переписывалась! Вообще связь с людьми поддерживается, поскольку видишься с ними или узнаешь от других. Напиши мне обо всех, кого знаешь, о ком знаешь из моих знакомых. С тобой я могу быть немного. Кажется, могла бы быть и дольше, но заботы, мысли о делах и обо всем, что делается, не дают уйти от них. Иногда хочется отдохнуть, подумать просто так, но через минуту начинают копошиться разные соображения, взвешивания, планы, и берут меня всю или, по крайней мере, не дают покоя. В политике все более и более самостоятельно начинаю разбираться, кругозор все расширяется. В этом отношении и Грузия дала много, так как мы имели информацию со всего мира, и особенно из Турции и вообще Ближнего Востока. Только в момент самого крайнего утомления жизнью, в момент потери почти всех сил, я захочу, чтобы жизнь шла мимо меня. Сейчас я не могу в ней не участвовать, тогда я не чувствую, что живу.

Я видела таких разбитых, усталых и выбитых из колеи людей, которым хочется, чтобы в комнате тихо качался маятник и тикали часы. Я не хочу так, для меня это ужасно. Ты не так живешь, но и это не для меня. С тобой я могу быть один момент, — и сейчас же — мне кажется, оторвусь, мне мои повседневные заботы, ежедневные телеграфные сводки и бюллетени будут казаться красивее и ближе.

И все же ты пиши мне, я буду один момент с тобой. Всегда же я тебя помню.

Люда.

Привет Ивану Васильевичу.

3 марта. Сергиев Посад — Воронеж
В.Г. Мирвич — О. Бессарабовой

Письмо провалялось неотосланным — сейчас обещает отнести его на почту Валя. Захотелось приписать несколько слов (Три дня тому назад — это так давно.)

Лисик, ты тоскуешь о маме, родной мой. Эта волна еще не раз придет — и может быть, будет все выше и горячее. Так у меня бывает теперь с сестрой. Но может быть, это же и есть средство единения нашего с теми, кто от нас ушел. Это — и еще — Вера.

«Вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых»²¹.

Когда-то мне был так свойствен этот способ «видения». За встречу мою с Люцифером под зарницами и акациями Среднего проспекта я лишилась этого зрения. И теперь, если оно будет мне возвращено, это будет уже путем еще и еще более накаленных касаний к миру — каким и иду. Знаю, что прав этот мой путь (то есть права Сила им меня ведущая).

Вчера мне привиделся в полусне ужасный гигантский паук, ткущий паутину вокруг Эсфири и всех, кто с ней. И мы все, без имен и лиц, в липкой паутине, а она ходит по дну этого колодца, где мы по нашим телам — в трауре, с джиокондовской улыбкой и выбрасывает на нас из корзины трепещущих гадов. И «мы» все смешаны, переплетены друг с другом. Я не случайно передаю тебе этот сон. Я хочу, чтобы ты знала, что есть эта сторона в моей встрече с падшим Серафимом. Ты все не понимала, почему это «грех». Вот почему.

Милый, милый, «Блажен, кто умер». И когда это со мной случится, не смей говорить — ее нет. Говори: «Вот она, наконец, избавилась от греховного тела смерти. И близка мне, и делает то, что надо, и любит меня как надо».

Обнимаю тебя, родимый, солнышко, вереск мой из садов Эдемских.

6 марта. Москва — Воронеж
В.Г. Миревич — О. Бессарабовой

Лис, Лис, маленький, милый, золотой мой Пушистик. Я тебе только вчера писала, но сегодня захотелось говорить «просто, как в полубреду болезни». Я не очень больна, но жар, простуда, хочется тепла большого платка, малины горячей и тебя рядышком. Ничего этого нет, и взамен берусь за перо, невозможная отвращение к его скрипу, к чернилу и к сидячему положению.

Я сижу у Ан<ны> Вас<ильевны> (Романовой). Стена в моих белых конвертах, и над ними Толстой босиком в лесу — большая гравюра. И как всегда у Анны, по стенам сухие листья, камышинки, ветки разные, елки и мхи. Я здесь, чтобы побыть одной

и не в добровском диком холоде. Здесь тоже не тепло, но не си-
неют руки.

Вчера видела Люду Дембовскую. Худенькая, но похороше-
ла, стала больше женщиной. Обещала еще к нам (ко мне и к
Вале) прийти.

Ах, послезавтра мне ехать в Сергиево, в Сергиево.

В Москве какие-то перекрещиваются токи и заставляют вре-
менами забывать все свое неизбывное. А там наполнены ими
все линии дорог и дорожек, обойных узоров и березовых веток.

Когда я уходила вчера к Анне, Эсфирь лежала в изнеможе-
нии от боли — спина, нога, голова. Время от времени суровая
карма вырывает ее из потока сладострастия и кидает на ложе
пыток. Но она не видит еще в этом нужного знака и не может
принять закона страдания. Но есть у нее один взгляд пробужда-
ющийся, далекий, из-за которого я сижу у ее ложа в таких слу-
чаях и держу руку на ее бритой голове.

Там же осталась ночевать и Шура Дзбановская. Они с Валею
по-хорошему — не как соперницы. Это меня сильно радует.
Везде, где попирается закон борьбы, вырастает подснежник
весны. Преображенной жизни.

Вот кончу письмо, будет половина второго, пойду обедать к
Зайцевым. Они позвали меня, так как у них академический паек.
А Добровым трудно всю эту ораву гостей, какая у них за столом
сидит, прокормить. Теперь уже надо соблюдать дозы — меры и
весы. А у Вас тоже наступает канун голода? В Москве он ясен,
Голубок мой белосизый, Господь с тобой, пиши.

7 марта. Сергиев Посад — Воронеж

В.Г. Миревич — О. Бессарабовой

Милый, милый Лис, в промежутке между кропотливой рабо-
той по психологии и предстоящей через полчаса смиренной тра-
пезой (суп поставлен разогреваться) захотелось поговорить, по-
быть с тобой.

Как странно и бурно и крепко охватывает меня старость. Не
как нечто действующее на дух, но как великое от всей жизни
изнеможение, кладущее на лицо землистые тени и все новые,
новые пряди белых волос в оскуделый покров головы.

Писать тебе для меня стало почти то же, что говорить с собой, но при ком-то третьем, прозрачном, мягком и струящим лампадный свет.

В тебе есть нечто от Оэлла, одного из малых духов, перелезающих порой из гадания моего в жизнь. Так было вчера:

Во сне пришла ко мне Оэлла,
Легка, прозрачна и бела.
Лампадный свет, жемчужно-белый,
Струили мягких два крыла.

И были благостные руки
В касаньях к сердцу так нежны,
Что замолчали злые муки
И улетели злые сны.

И так Оэлле я любила,
Припавши к облачной груди,
И так во сне ее молила:
«Не уходи, не уходи».

Что из души моей замерзшей
Пробился ключ горячих слез,
И узы тления расторгши,
От смерти в жизнь меня понес.

Вчера было рождение слепой старицы Варвары. Она гонела на этой неделе и собрала свою душу и отвлеклась немного от тряпки и приобщилась. Она полуспит сейчас, слабая и кроткая, в соседней комнатке. Лида ушла на целый день, лихо заломив лиловый с черным картуз на копне кудрей. Лида, как вепрь Диониса, и нет у нее линии, идущей к вечному, и другой, роющей глубины, и третьей, строящей дом. Лида многолика богема, с темпераментом, имеющим свойство обращаться в декламаторский талант. Ей место в студии. А с матерью рядом — это грустное зрелище. Вепрь²² бегаёт по общим дебрям (увы, мы все в дебрях), задевая белым клыком (без злобы) то и дело старицу. А старица все ищет тряп-

ку и горько оплакивает, что нет тряпки, есть слепота, и вепрь, и я, непонятная тяжелая карма ее, дочь без дочерности, часто лед там, где жаждет она тепла, и камень там, где ей нужен хлеб. Каждый день жажду я претворить свой лед и камень в тепло и хлеб и так редко, так на пять минут лишь это удастся. Лис, скажи мне, как это совершаешь ты по отношению к своей карме — неужели ни раздражения, ни отчуждения, ни отчаяния?

Тогда я готова помолиться тебе — святой, праведный Лис, исходатайствуй мне эту силу кротости. Обнимаю тебя и иду доставать суп из печки.

10 марта. Москва — Воронеж
О. Бессарабова — В.Г. Мирович
(На письмо от 1—3 марта)

Я поняла о «грешниках», Вавочка. И не испугалась, и уж во всяком случае и не подумала бы отвернуться, если бы увидела «грешника».

А может быть, и хорошо, что разгромлен «Храм Спасения» (если он выдуман). «И душа сбросила с себя голубые одеяния». Может быть, хорошо и это. Ахнула от слов Ваших о грехе. Да где же грех, родная моя Вавочка? Это выдумали люди, — придумки. Наверное, знали — есть на свете беда, болезнь, срыв, отчаяние, слабость, упадок...

Радость! Дай ты мне рассказать, что нет грехов и греха — это же условное обозначение всего, что больно и страшно и бедственно в жизни. Даже сама Смерть и та существует для Жизни, для смены, текучести, движения — вечной юности, заново возникающей жизни — на всем, что уходит в свой срок.

Значит, нет даже смерти как таковой, — она есть, но не сама по себе, а как служанка, а часто и очистительница засоренной жизни. Узорешительница²³ — и как там — очень хорошие есть для нее слова в христианстве, да и у Вас в стихах.

(Умирающим, отходящим умирать больно и мучительно, и мне всех жалко, особенно близких, и когда видишь это... Но бывает, что и отходящие и умирающие оживают, если это только еще болезнь, а не сама уже смерть.)

А Радость и Жизнь знаю — есть на свете. Да и Вы знаете — «Садины и язвы?» Ну, так вот: наряд радужный и голубой был надет не по достоинству. И не надо его. Может быть, без него нужнее, пока не заслужен. Отдайте его Надежде Сергеевне. Прикроется им от боли и слез Елизавета Михайловна. Заработает и светится им Михаил Владимирович; Наталии Дмитриевне он по плечу, к лицу — хорошо заработан и дан ей в дар, и дай Бог ей до конца жизни не изорвать и не запылить его. Пусть укроет, даст прибежище и утешение тем душам, которым он нужен и годится.

Но знаете ли Вы — нужен ли он Вам? Благословите Ветер, что не позволил Вам закутаться в голубую радугу. Радость моя, Вавочка! У меня есть глубокое доверие к жизни и к тому, что все пути ведут к Богу. Склоняю голову перед неведомостью путей Его и к Нему.

11 марта. Воронеж — Москва
О. Бессарабова — Б. Бессарабову

Борюшка, ты не только взрослый, но и хороший человек, с большими возможностями, способностями и большой одаренностью. Ты можешь жить так, как считаешь нужным и желанным. И за свои поступки, желания, выбор дорог и путей жизни ты сам ответственен и волен. Учиться знаниям тебе, как и всем, очень надо. Но не вздумай учиться жить у уходящих и уклоняющихся от жизни. Ты никогда не сумеешь и не будешь безработным — если не ты работу — работа тебя сама найдет. Ты живой человек и не испугаешься своего времени. Как и Володя, брат. И что бы с тобой ни случилось, знай, что я и Володя радости твоей радуемся, а с горем твоим горюем.

Но я еще не спокойна до конца за вас, братьев. Очень большое значение для вас (как и для всех людей) будет иметь выбор женщин, выбор спутницы, если жизнь уже приготовила таких — в будущем. Пусть выбор этот когда-нибудь придет — в добрый и верный час.

Об «уходящих от жизни» — за ними не надо следовать. Уходят? Куда? В нарядные или бедные свои выдумки, или «ко всем чертям» — кувыркаются и копошатся, пока совсем не выдохнутся.

13 марта. Сергиев Посад – Воронеж
В.Г. Мирович – О. Бессарабовой

(28/2 21 года старого стиля. День ангела того, чье демонское имя Эсфирь, а ангельское Кира.)

В этот день падшему Серафиму я обещала быть в Москве. Но нарушила обещание полувольно, полуневолюно. Мать возопила, что часто и надолго уезжаю; сердце ощущает усталость, большую, чем обычно. Лида на пять увеселений каких-то собралась – это задержка. Но кое-что можно было бы уладить и поехать. Но дала слово Мих<аилу> Влад<имировичу>, что не поеду. Это уже «вольное».

Я до сих пор не знаю толком, Лисик, что такое в моей жизни Эсфирь. В этом она недавно меня горько и гневно укоряла. Может быть, ты знаешь? Ты иногда обо мне, больше чем я, знаешь. Напиши.

Иногда это совсем, совсем не человек и ничего общего с человеком не имеющий, странно облекшийся в женскую плоть и мужскую душу – дух. Какой? Порою думаю... порочный, отражение Люцифера, порою – невинное дитя стихий огня и урагана – Элементал²⁴. Иногда – Эльф – нежное шаловливое дитя, забывающее тешиться своим могуществом. А порой вижу в ней человека, человеческую сестру. И тогда страшно ответственности своей за все и подымается требование к ней – «уйди из порочного круга» – и вдруг все станет все равно, что ее касается, и сама она – сон. Лестница Иакова или один из застенок бытия – фантастический и страшный. И часто все это осознаю лишь как изнанку того, что между мною и Мих<аилом> Влад<имировичем>.

Закончилась бы наша земная история, улетел бы и сон о Чернокрыле²⁵. Ах, Лисенок, милый, как все грустно, ущербно, мало, бедно, не то, не так. Верую, что есть иные страны. Была в них, знаю, что в них все по-иному. А здесь все раздробилось, умалилось, исказилось.

Над Институтом стряслись какие-то ревизии, перемены. Едва совсем его не разгромили. Временный перерыв в занятиях. Хотела бы быть в это время в Москве. Но – мать. Я очень тоскую

здесь. Все окрестности чудесные, светлые, благостные приняли значение тоски неизбывной. Вот сейчас светел день; снег похож на обтаявший сахар, тихая, в ангельских перьях лазурь, а душа чуждается этого, томится в своем бреде, закрывает глаза на солнце дневной стороны.

Большая в моей жизни милость Рока — у меня есть своя комната. Комната Шуры — Алекс<андры> Алекс<еевны> Дзбановской. А сама Шура в Москве уже, будет жить у Добровых или у Шик на Арбате. Я ей советовала — на Арбате, в интересах Вали. Самой Шуре Виктор уже не надобен — ни сердцу, ни душе. Она остро пережила отрыв от него. А при этом и особое удивленное разочарование. Но у Виктора может вспыхнуть память о красных заревах, пережитых с Шурой.

Лисик, над кем же это золотые ножницы, приснившиеся тебе? Над Валею? Надо мной? Над Нат<альей> Дм<итриевной>?

Нат<алья> Дм<итриевна> Шаховская далеко от моих стран за трансатлантическим океаном. Но если бы увидела ее, может быть, бросилась бы к ней с нездешней радостью. Она все в заточении. Лишений не терпит. Обхождение мягкое, книги, шитье, пища лучше, чем на воле. Но есть опасение, что еще долго, на все лето, быть может, ее там продержат.

Расскажи, напomini о Радости. Душа о ней забыла. Все какие-то саркофаги вскрываются и «Ворон с кличкой “Никогда”»²⁶. Обнимаю тебя.

Воронеж — Сергиев Посад
О. Бессарабова — В.Г. Мирович

(Отрывок из неотсланного письма. Письмо не было ото-слано, так как показалось автору странным и — не знаю...).

...Эсфирь? В Вашей жизни? Сама по себе конечно же ничего. Она, то есть — это Ваша боль, раненность... И чтобы удержаться на ногах в каком-то равновесии — понадобились и подвернулись какие-то там горячие токи от вихревого движения, верчения этого бесенка, что крутится в этой бедной женщине.

Достаточно бестолково сказала, не правда ли? Но, кажется, верно.

Я не имею злого чувства к ней. Но мне хотелось бы убрать ее подальше из жизни и даже из поля зрения дорогих мне людей. И мне кажется, что если бы я была сейчас в Москве, в какой-то момент я просто взяла бы в руки палку (деревянную, покрепче, а не какую там духовную, вроде огненного меча из стихов), просто палку и сказала бы: «Эсфирь, уходите поскорее и подальше из этого дома и от этих людей».

И если бы она не устроила меня за это – куда Макар телят не гонял – или что-нибудь в этом роде – она ушла бы.

13 марта (продолжение). Москва – Воронеж
В.Г. Мирович – О. Бессарабовой

Мой родной Лис, вот тебе опять ответ из Москвы и Москве. Приехала вчера по делам. Ночевала у Вали в комнате. (В<иктор> К<онстантинович> был еще там же, где Нат<алья> Дм<итриевна>. Сегодня его отпустили, а она все еще там.) Я так устала вчера, что не могла побеседовать с Валею, как этого хотелось. Но все же с час мы провели в настоящем общении. У Вали есть крепнувший внутренний стержень в душе (чего раньше, по-видимому, не было). И я так рада, что ее влечет к себе религиозная область. Она ходит в церковь, и церковь дает ей через «эстетику» (ее слова), что-то нужное и важное, хотя она и «не смеет назвать себя христианкой».

У Добровых я застала какой-то чудовищный развал – внутренний и внешний – было наводнение, лопнули трубы, просырела кухня, измучились, распростудились и ожесточились все. Елиз<авета> Мих<айловна>, как на галерах каторжных, изнывает в ужасной кухне, припадки чуть ли не каждый день – сердечные. Шура очень исхудала, глаза стали огромные. Эсфирь нервна, больна, невыразимо груба на этот раз. Мы с ней встретились в струе взаимного отталкивания. И я рада, что она ушла на целые сутки к Скрябиным.

Другая Шура работает, как негр «в поте лица добывая хлеб», поступила в университет по искусству, в частности по русскому, хочет работать. Фил<ипп> Алек<сандрович> все со своими овидиями, но и он раздражается от всяких слов. Даня один живет в эмпиреях, пишет роман за романом. На затылке у него вихор, как у птицы турухтын. Дружит с Ариадной Скрябиной²⁷, а та

пишет грандиозные драмы и поэмы с убийствами и проклятием ничтожеству мира сего.

Была вчера у Ан<ны> Вас<ильевны>. Она сияет, как никогда – встреча со Христом. И стала кроткой и выносливой. Была у Анечки²⁸, но ее не застала. Узнала только, что к ней приехал муж (Николай Бруни, поэт и священник) полусумасшедший – *mania grandiose*. Тат<ьяна> Алекс<еевна>²⁹ оплакивает их, но Анечка с великим терпением и жалостью, как священную миссию, несет возню с ним.

В квартире Добровых неопишутый беспорядок, перетаскивают вещи в кухню (в этом мокром подzemелье будет столовая, а в столовой будет жить Фил<ипп> Алекс<андрович> и Ел<изавета> Мих<айловна> и Даниил).

Все омрачилось, утеснилось, напряглось до последней ступени. Шура говорит: «Я стала как бомба с динамитом».

А на дворе весна московская, воскресная, ледок, солнце, звоны.

Лисик, Лисик, когда же ты будешь с нами, уже пора. Истекают какие-то сроки. Приедешь когда-нибудь и скажут тебе: «Иных уж нет, а те далече»³⁰, – из тех, кому ты нужна, важна, дорога и мила. И меня не застанешь, если будешь все медлить.

После обеда иду с Мих<аилом> Влад<имировичем> на Новодевичье кладбище к Над<ежде> Серг<еевне>. Так и ты скажешь про меня – но только, вернее – на Ваганьковское. И очень, очень слепа, дряхла стала моя Варв<ара> Фед<оровна>. В Сергиеве голодное житье.

15 марта. Воронеж – Сергиев Посад
О. Бессарабова – В.Г. Мирович

Вавочка, я не хочу жить так, как до сих пор жила. Я не знаю жизни. Я ли тихонько пробираюсь около жизни, она ли протекает мимо? Протестую всем своим существом против любви своей к отражениям жизни, а не к ней самой. Мне кажется, что я еще могу жить настоящей жизнью, а не только ее светом и тенями. Если удастся хоть немного восстановиться физически, я буду работать так, чтобы и моя рука – по мере сил – была в восстановлении жизни моей страны.

Помните ли, Вавочка, сон свой о девочках из «Кружка Радости» еще в те времена, когда мы собирались в Москве, в 1916–17 году? Вы видели во сне, что сидим мы все за круглым столом (может быть, таким, как у Бартрама³¹. Помните, как хорошо было за круглым столом в доме Бартрама? Нас было 13, был янтарный крепкий чай, янтарный душистый мед, ярко-желтое крепкое масло, и черные сухарики, и ярко-красное и золотистое варенье в прозрачных хрустальных вазах? Стол большой, белая скатерть, яркий матовый свет (глазам не больно, а светло), а вокруг стола – венок из девичьих лиц. Это было в самые первые дни – накануне революции 1917 года.

Так про сон: сидели мы будто вокруг стола. А Вы идете вокруг нас и тихонечко говорите каждой: «Вспомни имя». И кладете на стол для каждой зеленую веточку и вереск. Про веточки не помню ясно, может быть, «само придумалось» уже мною, но про «вспомни имя» помню точно. Помните?

Ну, так вот. Я забыла, не могу вспомнить своего имени. В короткие моменты, когда будто просыпаюсь от полусна, многое, почти все – только ранит меня. Вот, например, когда вижу Ваш или Валин, или брата Бориса, брата Всеволода и брата Володи – почерк, иногда ранит звук, заревое облако. Если бы услышала музыку, может быть, заплакала бы.

А про Ивана Васильевича я уверенно и спокойно скажу Вам. Нет, не бывает на него раздражения, не только проявленного, но и тайного. Отчуждения к нему есть ли? Да, мы всегда были очень разные. Но глубокая его скорбь о маме, поразительно просветлившая его самого, и его отношение к жизни, к прошлому, к настоящему, в его отношении к людям, к событиям, к трудностям жизни и ко всему, что прежде вызывало грубые вспышки и нескончаемые комментарии. Его глубокая, какая-то детская и беспомощная привязанность ко мне, трогательные его попытки как-то «скрасить» мою жизнь, тонкое внимание ко мне, на которое прежде он вряд ли был способен. Он всегда был глубоко порядочен, добр. Но общий уровень его развития, раздражительность, грубость, неверность представлений о правде, о мере и весе всего на свете, общий кругозор, а может быть, и нервное и душевное заболевание (временами это бывало несомненно) – все это трудно даже вспомнить теперь, после потрясения его от смер-

ти мамы, в тишине нашей жизни. Я бережно собрала и устроила все его личные вещи так, как он привык, и они у него все целы, все под рукой, — в большом порядке и чистоте, что он очень ценит.

На работе я с утра до вечера. Он так рад бывает мне, когда я возвращаюсь домой. Иногда он начинает давать мне советы, поучать. Очень смеялся, когда я рассказала ему о философе, который в глубокой старости жалел, что не в состоянии еще раз совершить все ошибки своей жизни. Папа поучает меня разными примерами. Тут я неизменно побеждаю его и весело (но осторожно) сбиваю с толка и его самого. Серьезно и заинтересованно спрашиваю: «А он счастлив? А близкие его счастливы с ним? А как ты думаешь, было бы мне хорошо так же и с ними жить? Им так нравится, а я бы плакала от досады и неловкости». Кончается тем, что папа вдруг беспечно машет рукой: «Да, пожалуй, всякий по-своему с ума сходит».

Но все-таки, ты ни на кого не похожа. Разве молодой девушке можно так жить? Одни книги. Надо старика слушать. Вот я тебе говорю... Я слушаю, не перебивая, и всегда мне удается навести его на любимую его тему — воспоминания и рассказы о прошлом. Это я слушаю с большим удовольствием. Иногда мы вместе гуляем, этим он очень дорожит.

После обеда я часа на два ухожу в читальню Кольцовской библиотеки³². Там, в память Николая Григ<орьевича> и Зинаиды Антоновны, и брата Володи, который тоже работал там — мне разрешается заходить за перегородку, — в царство книжных стен и шкафных бастионов до потолка. И я выбираю все, что мне хочется. Там не боятся, что я спутаю книги, — ставлю их на места безупречно точно. В 10 часов папа засыпает спокойно и крепко. Ему не мешает затененная с его стороны моя лампа.

Глубоко рада тишине и опрятности жилища и покою папы со мной. Ведь он заново научился говорить и даже писать. Говорит, что я хотя и «сама еще дура», а научила его «тихо жить, как человек», что я мамина дочь. (Это высшая похвала, а «дура» относится к доверию к людям и к жизни.)

У меня бывают гости. Вероника, кузина Зины (моей, Денисьевской) — прелестная девушка, — сама юность, очень красивая, зеленоглазая, длиннокосяя и грациозная. Очень мила и умна. (Дочь инженера-архитектора, строителя моста³³.) Она лю-

била Колю — Ник<олая> Григ<орьевича>, Вашего брата. Возможно, что была бы его женой. Она же — первая любовь, и даже не любовь, а какой-то «ореол» Володи, моего брата. И сам он — сама юность — он очень милый, Володя, учится и работает, труженик в лучшем смысле слова.

Оля Рубцова — очень молодая девушка, тоже зеленоглазая и двукосая, как и Вероника. Провинциалочка навеки, приходит с большим списком (каждый раз новым) «О чем спросить Ольгу Александровну» и требует немедленного и верного ответа на все мировой важности вопросы. Рассказывает о школе, о людях, о себе, о молодежи, о «будущем». Прошлого еще нет.

Бывает Зинаида Антоновна, Лида Малахиева и ее подружка, студентка Университета, застенчивая красавица цыганка (совершенно русская) — Пашенька. Гости мои приучились говорить негромко, а под наши беседы, а иногда и чтение вслух, папа мирно засыпает и хвалит, какие мы хорошие девушки, бережем старика, и Олечка вам рада, а то ей было бы скучно одной.

Обед готовлю я рано утром, до ухода на работу — всегда одно и то же: 5—6 картофелин, две луковицы, стакан пшена, соль. Все это — с налитой водой — поставить в чугушке на дощечку возле печки. Вот и обед. Варит его хозяйка, когда топит без меня печку.

А когда прихожу домой (в 6 часов), на чистой скатерти на столе стоят уже две тарелки, хлеб, соль. Под серебряными ложками хрустальные подставки. Папа ждет. До конца обеда ни за что не отдает и не показывает мне письма. Только после полевой каши или кулеша я получаю «духовную пищу на десерт».

Я здорова. Быт и окружение мое благообразно, спокойно, мирно. Живем мы в отдельной комнате не разоренной квартиры разоренных, прежде богатых купцов. (Булочники Андреевы.) Они довольны тихими жильцами. Все как будто хорошо. Только вот, все кажется, что Воронеж мой рассыпался в мелкий песок и все выше и плотнее, и все глубже разрастается. Это не Воронеж, конечно, а я сама так живу. Если бы Люда Дембовская была в Воронеже, она сумела бы приспособить меня к какой-нибудь «живой работе» — с детьми ли, с книгами.

Теперь для меня хорошо уже и то, что у меня размеренная спокойная жизнь, есть заработок на нетрудной работе в теплой чистой комнате — в канцелярии военно-продовольственного

железнодорожного пункта и тихая, теплая, светлая и чистая комната с вещами еще мамиными, с папой, книгами, письмами и с молодыми моими друзьями – гостями.

16 марта. Москва – Воронеж

В.С. Затеplinская – О. Бессарабовой

Оля, родная моя, только несколько слов: Виктор арестован накануне нашего отъезда и сидит до сих пор. Забегалась, замotalась, замучилась. Твои письма страшно дороги и нужны.

Борис в командировке на Западном фронте уже 2 недели, вернется через неделю-другую. Благослови нас! Господь с тобой.

19 марта. Воронеж

У меня острая жажда работы мысли, жажда знания, – учебной работы. Больше всего в жизни привлекает меня история культуры человечества. Есть ли такие книги – по истории культуры? Есть ли история цивилизации, истории политической жизни всех стран и народов – очень много. А самого главного – объединяющего всего этого – рассыпанного как горох – нет. Или я еще просто не знаю – малограмотна. Политика, войны – все кажутся мне только фрагментами, главами, отделами Истории Культуры. Истории искусств, религий – тоже фрагменты. Политическая экономика или экономия – что это такое? Даже назвать не умею. Вряд ли это то, что мне нужно – там вероятно много пружин и каркасов, а не то, что мне нужно. Нужнее всего, по видимому, азбука. Азбука, Ольга Александровна, милая Олечка. Где это ты была до сих пор? Не девочка, половина жизни уже прошла, 25 лет. Боже, как это много, а я еще и учиться не доучилась, только какие-то склады – буки-аз-ба.

Интересны мне возникновение, рост, расцвет – и как бы неизбежный потом упадок и разрушение (распад?) народов, стран, государств, цивилизаций – как бы живых организмов, имеющих свои законы рождения, жизни и смерти. Все – смена, перемена, великая Текучесть Panta rei Гераклита... Дух захватывает – «Все течет...». Фантазии. Ощущения. Всякие перевоплощения – сделали меня каким-то перенасыщенным раствором эмоций, впе-

чатлений фантастических и вряд ли верных представлений о жизни.

Хорошо бы этот раствор растворить чистой родниковой водой *знания, работы, участия в жизни* людей, страны, времени. Слишком много эссенций, примесей и солей. Учиться. Может быть, потом и преподавать в школе или даже в Высшем учебном заведении — Институте каком-нибудь.

Я глубоко неграмотна в практической жизни. Случайно попала на диспут. А диспут оказался на тему: «Суд над проституткой»!³⁴ И вот на меня точно с неба свалился и удивил очень «подход» к любви с научной и какой-то почти технической точки зрения. Точнее сказать, я с высоты — не знаю — по-видимому, с высоты нелепого и почти невероятного невежества и невнимания к явлениям жизни — с размаху свалилась в калошу! Села в калошу и опомниться не могу. Где же до сих пор были мои глазыньки, уши, сама я? Если бы лектор и все эти ораторы и диспутанты знали, какие Америки они открывали мне весь час, они не поверили и удивились бы, как и я сама. И как мало знают друг друга даже самые близкие люди. Есть на свете и чудо встреч, и таинство близости, радости, любви. Все есть на свете. И как мало мы знаем — обо всем на свете, и даже о том, что тут же рядом, вокруг.

22 марта. Москва — Воронеж

Л. Дембовская — О. Бессарабовой

Третьего дня был у меня Борис — в тот же день, как приехал из командировки. Своего брата ты примешь. Он стал лучше, чем был. *Его светлые горящие глаза, его рассказы, руки, любовно перелистывающие книгу стихов любимой женщины*³⁵. Все это хорошо. Мы с ним пошли к Добровым, и я пробыла там (только с Борей) до глубокой ночи. Я давно не встречалась с людьми так, чтобы от этого и на другой день улыбаться приятно, приятно вспоминать. Мы с ним будем встречаться. Боря видел несколько минут Володю Ерофеева. Оба понравились друг другу. Знаешь, вот хотя, считая в месяцах, Боря из нас трех самый старший, но он самый молодой, совсем юный и не отлившийся. Его коммунизм не наш с Володей коммунизм, мне он понятен и близок, но далек, и я не хочу так для себя. В Боре так тесно перепле-

тается Коммунизм, Интернационал и Русь. Мне же последняя досадна, я в ней очень уж разочаровалась, переболела душой и знаю, что немцы революцию сделают умнее и организованнее нас. Я бы с удовольствием приняла бы немецких коммунистов организовывать Россию, но знаю, что они не пойдут. А Борис говорит: «Немец не пушу». Он и как коммунист еще не оформился.

О любимой женщине я бы не должна писать, но ты о ней будешь и так знать, а может быть, он вчера уже написал тебе³⁶. В общем, с Борей очень и очень приятно встретиться, мы оба были рады.

Шурочку Доброву я видела в закопченной и покрытой паутиной кухне за столом в шелковом черном жакете — читает тетрадь со стихами и говорит, что последнее время живет под этот ритм. («Цветы Зла» Бодлера.) Это, конечно, все возможно, но в ней это скучно и не живо. Вспоминается старая дева, поющая засохшими губами «Забыты нежные лобзанья»³⁷. Скучно. Живее уж ее мать, готовящая в этой кухне на всю семью и здесь же зашивающая калоши.

В Вале мне очень нравятся четкие и определенные черты лица, но к ней подойти не просто, а мне некогда входить в людей. Даже для Бори я не смогу уделять столько времени (как хотела бы).

Виктор сидит сейчас в тюрьме. Когда я была там в первый раз, мы много говорили. Вернее, он говорил, я слушала и подавала реплики, а Валя сочувствовала ему. Он современный чеховский человек. Теперь есть и более чеховские, не нашедшие себя и своего места в жизни. Из них он довольно жизненный.

С Борей вспоминали вашу маму. Ему очень трудно без нее. Я всегда буду помнить и чтить ее. Другой такой я еще не видела. Вчера видела двух старых друзей эсеров. Как люди они мне близки и дороги, но так далека их настоящая жизнь, далека и враждебна их работа. Хочу, чтобы ЧК их разгромила, пусть арестуют и лично их, я только не хотела бы лично именно с ними сталкиваться не просто за чашкой чая или на улице. Веру Сазонову (тоже с<оциал-> р<еволюционерку>) убили наши. Трудно, но необходимо и неизбежно. До свидания. Начинает болеть голова. У меня была невралгия. Теперь часто болит голова. Читать почти не могу.

Люда.

24 марта. Воронеж – Сергиев Посад
О. Бессарабова – В.Г. Минович

Вавочка! Вот мой сон: висели с неба золотые ножницы и над кем остановятся они, того нить жизни прервется. И вот закачались, чтобы остановиться над головой какого-то близкого мне человека. Во сне я знала, кто он, а наяву забыла.

Ножницы не по своей воле останавливались и перерезывали нити жизни. Но я стала гипнотизировать ножницы, зовя их к себе. (Безмолвно.) Вы, Вавочка, подумали (во сне я знала, что Вы это подумали): «Лис, не от тебя зависят ножницы, ты изойдешь в безумии». Подумали это, а потом другое: «А зачем говорить? От меня ли зависит говорить это?» А ножницы стали качаться сильнее и не остановились над той головой! (В толпе.) И между остриями золотых ножниц и двумя моими глазами возникли токи. И по ним я тянула ножницы от той головы.

<Рассказ о сне повторен в письме по просьбе Варвары Григорьевны.>

25 марта. Сергиев Посад – Воронеж
В.Г. Минович – О. Бессарабовой

Сестре моей Оэлле радоваться. Сон припомнила ясно, как явь. И наяву знаю, что у всякого есть тайное имя. Твое – Оэлла, Валино – Фэано. Мое – не знаю и не могу знать. Мое, я думала, знает Мих<аил> Влад<имирович>. Но теперь усумнилась.

Ах, Лисик, Лисик. Душа и полна и опустошена, как великое пожарище. А полна – чем-то уж, верно, другим, не жизнью.

Весна сломала все льды, размягчила землю. Первая трава острая, робкая и дерзкая. Я шла улицами, полными берез и без одного человека, в светлом сумраке и думала, что 8 или 9 часов, а было 11, и вербы бархатные пушистые в соседнем дворе и крепкой такой траве под ногами говорила: «Ты еси». Они не призраки – милые травы, милые вербы, хотя и нереален мир, хотя и призрачнее призрака полон Минович. Лисик, не бойся того, что порой не живешь. Эти мертвые струи зачем-то нужны. Может быть, для вечного чуда воскресения.

Впервые сегодня мне захотелось убрать мою комнату и выгрести из-под стола три меры проросшего картофеля, оставленного Шурой (для кого-то купленного). Впервые захотелось, чтобы не лежала под ногами эта картофельная роща. И повесила картинки – наследие Над<ежды> Серг<еевны>, выбранное из сокровищницы, завещанной Фил<иппу> Алекс<андровичу>. На ковре над постелью – Христос во гробе и гробница св. Цецилии³⁸. Перед взором – как открою утром глаза Беато Анжеликовский Ангел. Перед письменным столом три цветка, вернее, листья какие-то. И на стене уснувшая фурия, злая, блаженная, неумолимая. Один из волхвов, едущий на белом коне в Вифлеем, и Адам с Евой, изгнанные из рая – в стыде и унижении, а над ними яростный ангел с мечом. А по левую руку мою странный портрет – соединение Мих<аила> Влад<имировича> и Льва Ис<ааковича> Мюнхенской школы. На двери, смежной со старушками-хозяйками, – две египетские фрески. А на входной – своего изделия крестик с венком осенних листьев.

Я была у Жени Смирновой, теперь Готовцевой, в квартире Над<ежды> Серг<еевны>. У нее необычно очаровательная девочка – 2-х лет – широко открытые серые глаза и чудесные брови и вся огненной природы и выдумкой полуэльф, полухерувим.

Мих<аил> Влад<имирович> сегодня уехал в Москву. И мне легче жить на свете, когда он в Москве. Нам надо жить на разных планетах, мир тесен бывает иногда для двух душ слишком близких. Их надо развести под разные Солнца и напоить из Ключа Забвения³⁹.

Лисик, мертвые живы. Живее нас. Это я *знаю*. Такая тишина в Посаде. Господь с тобой.

26 марта. Сергиев Посад – Воронеж
В.Г. Минович – О. Бессарабовой

Вчера отправила тебе заказное с цветами, сегодня вслед за ним идут эти листки, отклик на твое письмо, где об Анне, Вале и Шуре, и о нашем Кружке Радости. Захотелось сразу, пока Лида кипит картофель, откликнуться на него. Оно пришло утром – только я вошла в комнату матери – о, в каком далеком от радо-

сти состоянии, как протянулась рука милой бабы-почтальона и принесла весть, напоминание об Радости.

Лис, Лис, больше всего я хотела бы укрыться с тобою на берегу моря, где-нибудь, где дикие прекрасные скалы и никогда не подходят корабли, кричат чайки, шумит прибой и есть звезды. И есть солнце. Они бывают в Сергиеве редко, редко, на короткий часок. А потом глухие подземные грозы. И лютая тьма. Я уйду отсюда, Лис, Лис. Я не стану здесь жить. Это не мое. Я не могу так долго вне Радости, и я хочу быть лицом к лицу с миром и с Богом, и не на перекладинке полусгоревшего моста, вечно наклоняясь над пропастью.

Нат<алья> Дм<итриевна> – все то же. Но она терпеливо и уже без невроза сносит свою долю и считает, что этот искус был ей нужен, послан свыше. Когда так считаешь, все окрашивается в звездный цвет.

Валя и Шура. Самое радостное, что они совсем не соперницы. И нет мучительной дружбы, и есть нужное расстояние. Но я тоже не советовала Шуре жить под общим кровом, и ей самой не хотелось – и это не бестактность, а фатум. Комнат в Москве нет. Это из той же области, что В.К. привел Валю в ту комнату, где они любили, мучались, плакали, прощались и целовались с Шурой. Не было комнаты – он искал, как и Шура, но не было.

Анна сейчас просветленно и с неожиданным мужеством рвет свои давние, мучительные ржавые цепи и пустые надежды и крепчает и хорошеет от этого внутренней красотой, дурнея и старея внешне. И спокойно выносит лишения, потери, неудачи – чего не умела выносить всю жизнь. Читает Христа и Рамакришну⁴⁰. Между прочим, и ты, Лис, почти «Провозвестие Рамакришны» – Суоми Вивекананды⁴¹, его ученика. Эту книгу и в библиотеке и у тех, кто теософией заинтересован, найдешь. Лисик, мы переходим на серьезное изучение языка и русской культуры. Я беру в свои руки курс и чуть ли не одна дерзаю заместить всех и все. Прочти «Язык и мысль» Поттебни⁴². О языке «Опыт исторического обозрения русской словесности» Ореста Миллера⁴³. А затем ждем и ждем от тебя «Детства».

Из «Радости» я писала тебе, видела Анечку. У нее бедненькое, крохотное, лилипутик-дитя. Сама она стала люиневской

Мадонной⁴⁴. Кротка, глубоко сосредоточенна на своем кресте — ее замужество — крест ее. Нина Бальмонт замужем за другим Бруни, братом Аниного мужа, художником. У нее сын Иван, ему уже год. Все трое живут в Петербурге. Анечка с лилипутитком Михаилом в квартире Бальмонта — у матери. А муж ее в Харькове.

Би-ба-бо — я забыла фамилию — вышла замуж. Лида Случевская водит экскурсии по Кремлю. Вот все обо всех. Обнимаю, еще скоро напишу, пиши чаще.

О. Бессарабова

<Без даты, о письме Бориса>⁴⁵

Дом Добровых. Высокой культуры, прекрасные люди — старшее поколение дома. Я их очень люблю.

А молодежь теперь — на перекрестке всех сквозняков.

Как удивительно, что кроме Фил<иппа> Ал<ександровича>, Елиз<аветы> Мих<айловны> в доме оказались еще два «живых человека» — и оба мне так близки. Валя и брат Борис. И еще — будущий человек юный Даниил.

Остальные все — на распутье всех дорог...

Шурочка моя любимая — в цепких лапах летучей мыши.

Саша — красивый, экзотический, с червоточинкой, от которой может погибнуть, — вечная тревога матери.

Бедный, растерянный, сбившийся с дороги — без руля и ветрил — Виктор. Весла сломаны, течь в днище и с бортов его лодочки, а шторм и ураганы еще не прошли. Изю всех сил стараюсь помнить его доброту, хорошесть и прежде всего, что он близкий и дорогой человек Вале. И со всей своей хорошестью всю жизнь будет делать гвозди, шипы и тернии, по которым всю жизнь будет идти Валечка.

Лучше было бы, чтобы он был богат, славен и счастлив где-нибудь подальше от Вали, — еще до встречи с ней, — где-нибудь в Америке, Африке, во всех Европах, только бы подальше.

30 марта. Воронеж — Сергиев Посад

О. Бессарабова — В.Г. Миревич

Любимые Ваши руки как бы прикоснулись ко мне в зыбучих песках. Всю жизнь, Вавочка, с детства, ждала я нашей с Вами

встречи *вне возраста нашего*: «Говорить с тобой то же, что говорить с собой» — не для меня, а потому что «как же иначе?».

Меня потихоньку затягивал, засасывал песок — медленный и неживой, и я начинала *забывать* все, что любила в мире. И говорю Вам: «Острое отчаяние и только теперь до конца осознанная горечь утраты и невозвратимости — о маме, — вернувшееся ко мне с новой силой, во всей полноте — это уже жизнь и это твоя рука вызвала, вернула мне ее». Мама опять со мной.

«И из души моей замерзшей
Пробился ключ горячих слез».

Эти Ваши строчки, я, как цветы, дарю Вам — обратной волной.

И Ив<ан> Вас<ильевич> оживился, ведь отсутствие трений и нервных вспышек — это еще не живое тепло, а на него у меня какое-то время не было сил. Я папе ничего не говорю о себе, — но во все движения общежития нашего вошло нечто от духа живого. А то я так затихла, что и сама уже забывала, что я живая.

Вавочка, все пройдет. И глухие подземные грозы, и лютые тьмы, и перекладыны над пропастью, и мосты, и «все, что мы звали сердцем своим». А главное ведь кончится же когда-нибудь время, когда «своя своих не познаша»⁴⁶. И каждому из нас — всем — давно уже предстоит выбор, и не в теориях только, а в самой жизни, той или другой стороны. И не надо бежать от всего того, что еще надо пройти. И не надо прятаться по тихим затонам и закоулочкам. Обо всем этом не в письмах говорить... Мы богаты, Вавочка, очень богаты. И у Вас, и у меня есть и друзья, и люди, кого мы любим, и кто нас. А я хочу еще пройти наяву через все, что бывает в жизни — и ничего не боюсь — ни радости, ни грехов там всяких (о чем же все-таки думают люди, когда говорят про грехи?)

Не боюсь и «событий», потому что я хочу жить в своей стране и в свое время, а не сбоку припеку. (Так говорит Ив<ан> Вас<ильевич>.) Пусть будет все, что будет, и чему быть суждено. «Признаю тебя, жизнь, принимаю и приветствую»⁴⁷ («Звонном щита» — не сумела сказать. Щита для защиты и тем более для *нападения* у меня нет. И копыта нет, и меча.) Приветствую и

принимаю глубоким и ясным доверием к жизни. Совсем нет страха перед жизнью. И напрасно (неверно и не нужно) машут рукой умные книжники (а есть и фарисеи) на «мальчиков в кожаных куртках» — вроде Всевы, брата, и брата Бориса. Как бы хотелось мне поговорить — об этом — с целым рядом людей — *разного толка*.

2 марта. Москва — Воронеж
В.С. Затеplinская — О. Бессарабовой

Олечка, лежу в постели, устала от лежания, от кашля. Хочу дышать весной, хочу бывать в одной открытой мною чудесной церковке, хочу ехать скорее в Майкоп.

А вообще хочу начинать новую жизнь. Этот период моей московской жизни был крайне неудачен, и больше нет сил терпеть эту жизнь. Дошло до предела.

Вместо того, чтобы после осознания всех старых ошибок, после нашей драмы, разлуки и крестного пути и подвига любви, встретившись снова, на первое время отойти от всего, отказаться пока от всех других желаний и достижений, изолировать себя, замкнуться в уединении и создавать в нем свою новую общую жизнь, свой брак, — мы не только не приблизились к этому, но все сделали наоборот.

Надо было уйти из этой комнаты, потому что стены ее видели прежний тяжкий кошмар Виктора и не могут, забыв его, благословить новое, светлое... И вот комната стала обоим чужой и противной... И кроме того, Олечка, жизнь, требующую молчаливой, напряженной сосредоточенности, углубления в то, что только двумя людьми создается — в борьбе, жертвах, в отказах от многого своего и приближении к другому — эту жизнь начинать в добровольном доме в почти проходной комнате. Оля, не дико ли это?

Дом особенно теперь насыщен и перенасыщен какими-то своими густыми, пряными, извращенными и враждующими волнами. Он весь кипит, как вода в котле, он напряжен до последних пределов и, кажется, что он может взорваться и разлететься прахом в любую минуту.

Можно ли думать о создании в этом бушующем море того, что требует уединения и тишины, и работы над собой?

Для меня добровский дом сыграл только очень тяжелую роль.

Почувствовав сразу этот вихрь сгущенных волн в момент начала нового пути и в момент глубоких душевных кризисов, я инстинктивно, и сама не поняв, сразу ушла в молчанье, очертила около себя резкий круг и не выхожу за него, потому что знаю, что мне сейчас нельзя вступить в море волн этого дома. Это форма самозащиты — мое молчание. Но эта постоянная напряженная борьба с бешеными волнами и невозможность очертить внешний большой круг, в котором бы оградиться от них совсем и жить своей жизнью, — измучили душу и нервы вконец. Больше совершенно невозможно продолжать эту жизнь. Чувствую, что я уже накалилась до бешенства. Решено уйти из этого дома и устраиваться своей семьей с мамочкой. Но пока я еле дотягиваю последние дни, потому что каждый день даже теперь, когда я лежу в постели, выматывает массу нервов.

Теперь расскажу тебе немножко о доме.

Киру я терпеть не могу. Абсолютно не чувствую в ней ни Люцифера, ни вообще высшей природы. Вижу только постоянную мерзкую комедию, за которую делается стыдно и которая вызывает иногда страшное возмущение. Я даже в ее любовь к Шуре не верю. Каждая неприятная ей мелочь, каждый раз, как кто-нибудь погладит ее против шерстки — повод для начала одной и той же осточертевшей комедии: она объявляет себя больной, делает страдальческий вид и ложится в постель. Шурочка огорчена, взволнована, ухаживает за ней с безграничной любовью и вниманием, тревожится страшно, развлекает ее, забавляет... И неужели она верит этой постоянной комедии?..

Недавно одна хорошая знакомая, которую Кира изо всех сил пыталась оплести своей сетью и о которой думает, что оплела, — сказала ей несколько неприятных фраз по телефону, а потом, она сама рассказывает, ждала, что в этот же вечер или наутро Шура позвонит ей по телефону, что Кирочка заболела. И действительно, так и случилось.

Полежав несколько дней, она встает и сейчас же отправляется таскаться куда-то, пропадает дни и ночи. Возвращается помятая, смиренная, а через несколько дней опять слегла. Паразит, и злостный. Шурочку она опустошает абсолютно.

А ее отношения с Елиз<аветой> Мих<айловой> – сплошная драма. Она хочет не только признания и приятия со стороны Елиз<аветы> Мих<айловны>, но она фактически хочет быть ее Вениаминчиком⁴⁸.

А эта манера держаться избалованным, обожаемым, капризным, но очаровательным ребенком...

Елиз<авета> Мих<айловна> сделала невероятно много в смысле внешнего приятия ее, заботы, внимания, даже ласки. Но внутренне она, конечно, не может ее принять. А ожидания и требования Киры заставляют и Шурочку требовать от матери невозможного и невероятного, и драма постоянная, напряженная и ужасная.

Шура обожает Киру, восхищается каждым ее словом, повторяет каждую ее мысль и шутку, как перл гениальности. Неловко и нехорошо смотреть на такие отношения.

Но какое возмущение вспыхивает иногда, когда особенно остро чувствуется, что на все это нет никакого права, что она совершенно ничтожна. И совсем не Люцифер, а какой-то мелкий бес, мелкий и гаденький.

Отказываюсь понять, что видят в ней, в чем ее чары. Шури-ну слепоту я понимаю – она именно из тех, для кого естественна слепая страсть без всякой меры.

Но почему Вавочка под сильным действием ее чар – вот чего я не понимаю абсолютно. И мне неприятно это за Вавочку.

Елиз<авета> Мих<айловна> героический, измученный и прекрасный человек. Часто восхищаюсь ею, еще чаще глубоко жалею. Вся ее жизнь сейчас – постоянная, напряженная, без отдыха и срока работа, ухаживание за Сашей, который всю зиму болеет и которого она особенно любит, борьба за какие-то позиции в отношении к Кире и Шуре и в то же время ряд тяжелых уступок из страха, что Шурочка осуществит свое желание, о котором говорится постоянно – уедет куда-нибудь. Шурочка совсем не жалеет и не щадит ее. Ухаживание и тревога за Даню, который тоже болеет непрерывно, борьба с хаотическим духом Фил<иппа> Алекс<андровича> и всего дома, борьба со стихийными бедствиями, которые валятся одно за другим: порча водопровода, канализации, обвал потолка, несколько раз за зиму потоп в кухне, порча плиты, отсутствие дров, приближение голода и т.д., и т.д.

**Анна Косцова — мать Ольги
и Бориса Бессарабовых.**
1890-е гг.

О. Бессарабова с матерью.
1904 г.

Дом Гриневой в Воронеже. 1903 г.
*Надпись на обороте: «Здесь умер папа — Александр Федорович
Бессарабов (в средней комнате с тремя окнами)»*

Ольга Бессарабова —
гимназистка. 1913 г.

Борис Бессарабов. 1916 г.

**Владимир
Бессарабов.**
1910-е гг.

**Всеволод
Бессарабов.**
1920 г.

Рисунок Б. Бессарабова. Чернила. 1916 г.

Рисунок Б. Бессарабова. Тушь. 1916 г.

Дом в Воронеже. Рисунок Б. Бессарабова

Чистый переулок.

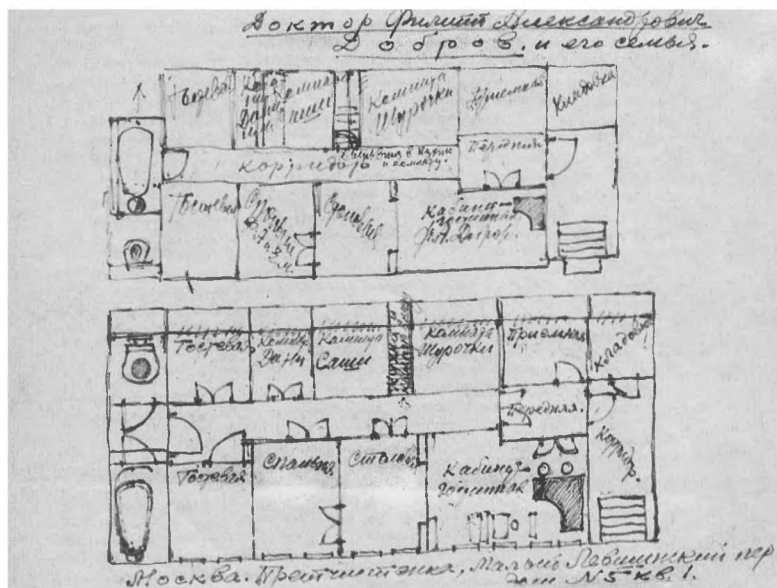
Снимок сделан из Большого Левшинского переуллка. 1912 г.

(А?). Н Андреев, Ф.А. Добров и Даниил Андреев.
Черная речка. 1912 г.

Дом Добровых. Малый Левшинский пер., 5. Не сохранился

**Схема квартиры Добровых в Малом Левшинском пер.
Рисунок Б. Бессарабова**

Ольга Бессарабова с подругой.
Воронеж. 1913 г.

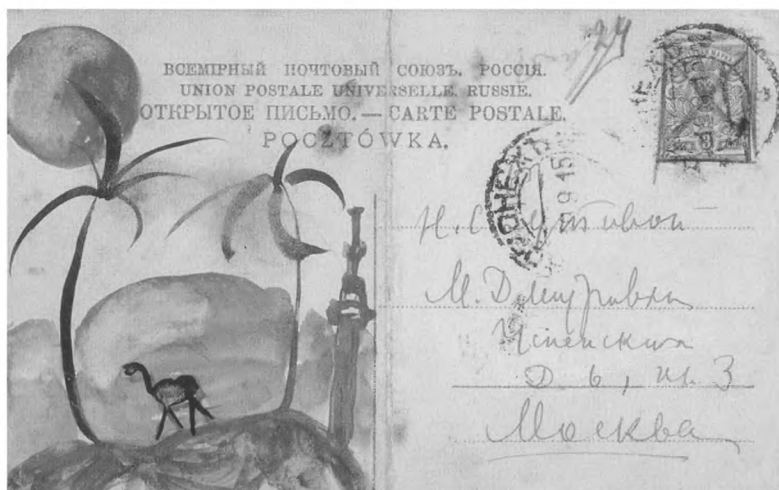
Николай Малахиев.
1919 г.

Варвара Малахиева-Мирович
(на заднем плане) с подругой.
1908 г.

Москва. Малая Дмитровка. 1910-е гг.

Открытка, оформленная В.Г. Малахеевой-Мирович

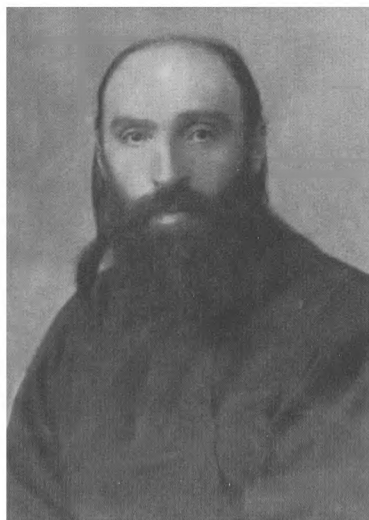
**Зинаида Антоновна
Денисьевская. 1917 г.**

**Надежда Сергеевна Бутова
в роли Варвары Петровны
в пьесе «Ставрогин».
МХТ. 1913 г.**

**Елена (Лиля) Елагина-Шик.
1924 г.**

**Михаил Владимирович Шик.
1926 г.**

**Алла Тарасова в роли Финочки
в пьесе «Зеленое кольцо».**
1916 г.

Дом З.А. Перцовой.
Построен в 1905–1907 гг.

II Студия МХТ, пьеса «Зеленое кольцо».
На заднем плане А. Стахович, А. Тарасова, С. Голлидей

Вид улицы Арбат от ее начала. 1910-е гг.

Ольга Бессарабова. Фото в зеркалах. Москва. 5 февраля 1916 г.

Большая Молчановка. Вид в сторону центра. 1910-е гг.

Арбат. Собачья площадка

Храм Симеона Столпника на Поварской. 1910-е гг.

Т.А. Полиевктова с детьми (слево направо) Анна, Мария, Ольга, на руках Петр. 1910-е гг.

Стоят слева направо: Ольга Полиевктова, Т.А. Полиевктова, Анна Полиевктова, Нина Бальмонт. Сидят: Елена Анненкова, А.А. Андреева, Е.А. Андреева-Бальмонт, А.Н. Иванова, Мария Полиевктова, Константин Бальмонт. 1910-е гг.

Москва. Поварская улица. 1910-е гг.

**Наталья Николаевна
Кульженко. 1899 г.**

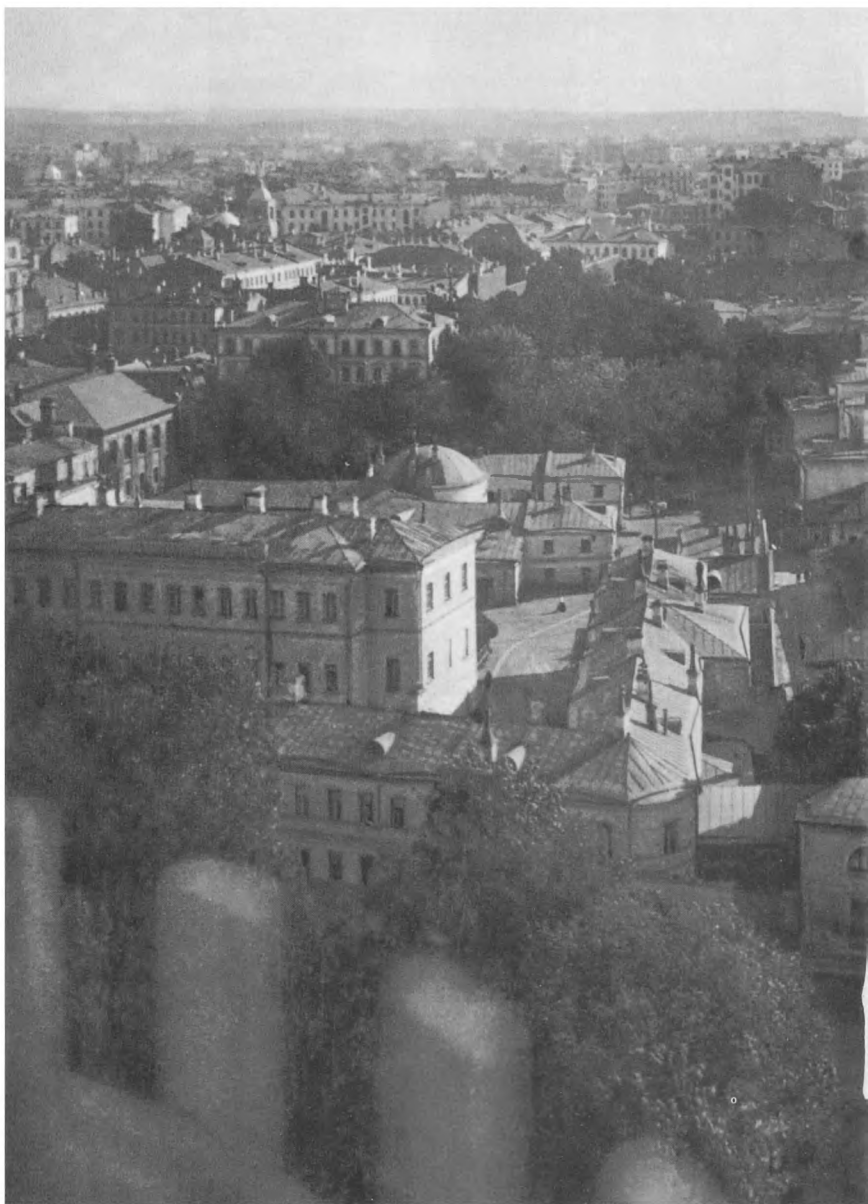
**Майя Кювилье (Кудашева).
1920 г.**

В.К. Затеplinский. 1920-е гг.

Валерия Виткович-Затеplinская.
1917 г.

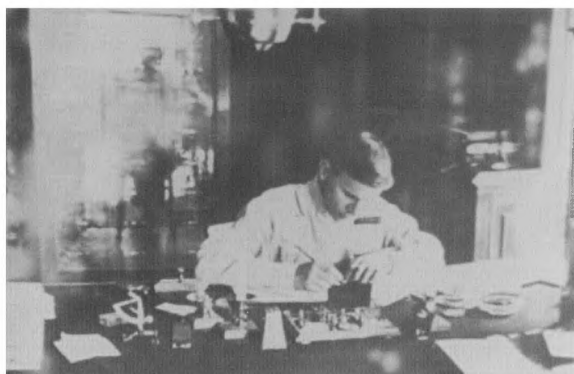
Москва. Снимок в сторону Тверского бульвара,

Никитских ворот и Арбата. Фото 1915–1917 гг.

Памятник М.Д. Скобелеву. Москва. 1912 г.

С.Б. Веселовский. 1910-е гг.

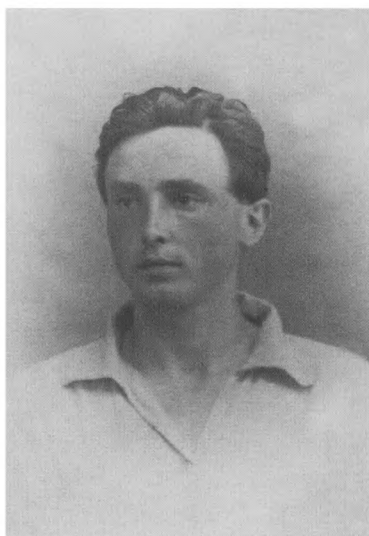
Татяна Скрябина с детьми.
Слево направо Ариадна, Марина, Юлиан. 1916(?) г.

Борис Зайцев. Рисунок К. Юона. 1921 г.

Обложка книги М.Цветаевой.
(М., 1922 г.)
Художник Д.И. Митрохин

Борис Бессарабов.
1919 г.

Анна Ахматова. 1926 г.

Ольга Бессарабова.
1919 г.

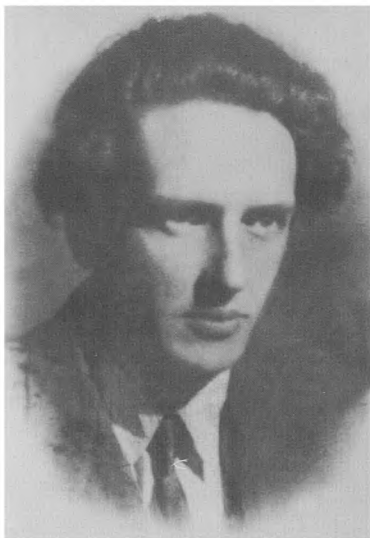
Могила А. Соловкиной, матери Бессарабовых.
Рисунок Б. Бессарабова. 1920 г.

Художники воронежских художественных мастерских.
Сверху слева направо: **Вадим Рындин, Наталья Рындина**
(Бессарабова), **Борис Бессарабов.** *Воронеж. 1922 г.*

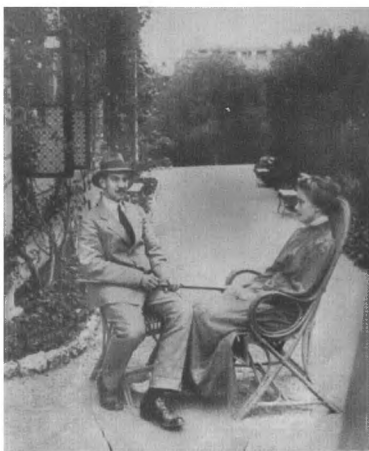
Художники воронежских художественных мастерских.
Слева **С. Романович**, в центре **Борис Бессарабов.** *1922 г.*

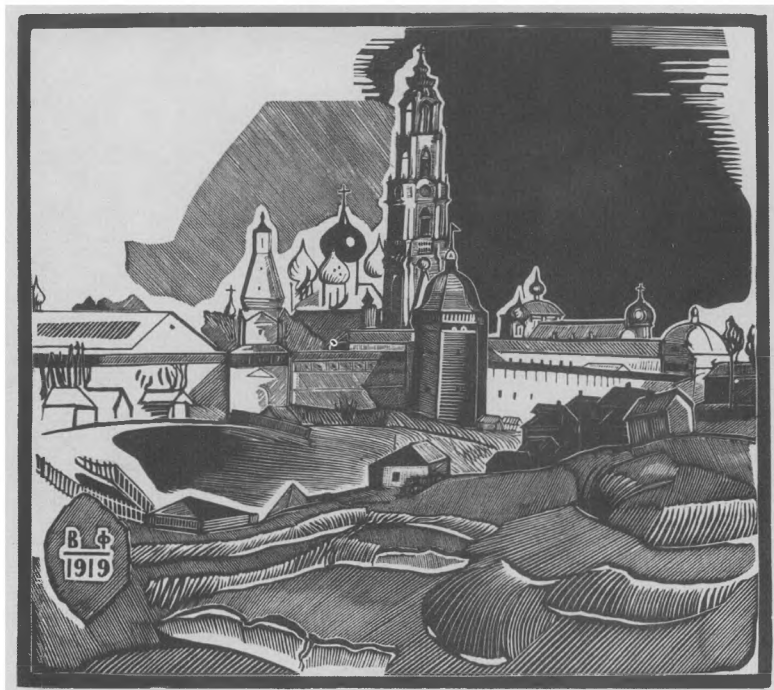
А.В. Коваленский.
1920-е гг.

А.Ф. Доброва.
1920-е гг.

С. Мансуров и М. Мансурова.
1900-е гг.

Троице-Сергиева Лавра.
Гравюра В.А. Фаворского. 1919 г.

Натюрморт. *Гравюра В.А. Фаворского. 1919 г.*

Семья Фаворских в Сергиевом Посаде: слева направо: В.А. Фаворский, жена Мария Владимировна с дочерью Машей, мать Ольга Владимировна, Ваня, Никита. 1920-е гг.

На ступеньках трапезной. Слева направо: М.В. Фаворская, В.Г. Мирович, Л.С. Леонтьева, В центре: Ольга Бессарабова. Сергиев Посад. 1922 г.

**Наталья Дмитриевна
Шаховская (Шик).**
1910-е гг.

**На крыльце дома в Сергиевом
Посаде. Няня, Сережа Шик,
Н.Д. Шаховская (Шик)
и М.В. Шик. 1923 г.**

Лидя Леонтьева и Надежда Розанова.
Сергиев Посад. 1922 г.

**В. Виткович-Затеplinская и О. Бессарабова
в доме в Сергиевом Посаде. 1922 г.**

**Около дома в Сергиевом Посаде.
Слева направо: Лидя Леонтьева, Евгения Бирукова,
Валя Виткович-Затеplinская, Ольга Бессарабова. 1923 г.**

П.А. Флоренский. Силуэт. Художник *Н.Я. Симонович-Ефимова*

Семья Флоренских
на ступеньках дома
в Загорске (Сергиевом Посаде).
Слева направо: мать Ольга
Павловна, теща Надежда
Петровна Гиацинтова, о. Павел,
дочь Мария, сын Михаил,
сестра Юлия Александровна,
жена Анна Михайловна. 1932 г.

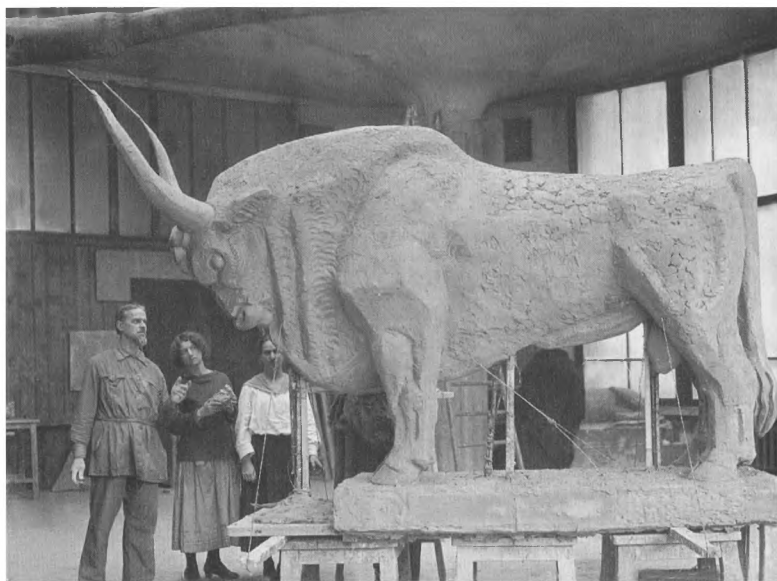
Портрет
П.А. Флоренского.
Художник
Вл.А. Комаровский. 1924 г.

Выпуск педагогического техникума.
Сверху слева направо: **Иван Ефимов, Михаил Шик,**
Ольга Бессарабова. В центре - **Варвара Малахиева-Мирович.**
Сергиев Посад. 1923 г.

И.С. Ефимов и Н.Я. Симонович-Ефимова. 1910-е гг.

И.С. Ефимов в мастерской. Москва. 1923 г.

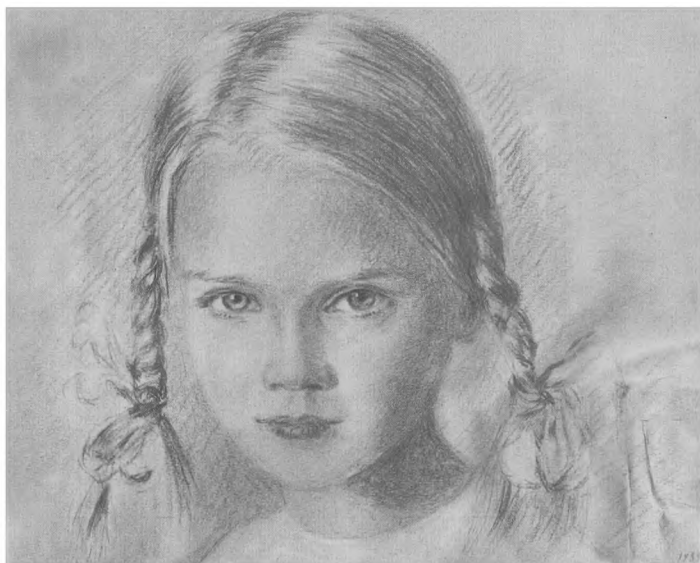
Долгие пруды. *Рисунок Н.Бессарабовой. 1924 г.*

Наталья Бессарабова.
1933 г.

Ольга Бессарабова. 1927 г.

**Анечка Веселовская (9 лет).
Художник С. Романович. Москва. 1939 г.**

Ну, хорошо. Надоело.

Отчего, отчего опять не пишешь? Ты пишешь пару писем в ответ на мои, и потом молчание, и ждешь...

Борис уехал в Питер⁴⁹ третьего или уже четвертого дня — за-была!

С Вавочкой так ничего и не вышло, да и не может выйти. Она сама о себе говорит, что опустошенная она сейчас и разоренная вся. И я чувствую, действительно, что она бедна и скудна и что напрасно ждут от нее царских даров (не для себя только), что не может она дать их сейчас, ибо нет у нее...

Олечка, Господь с тобой!

Твоя идея о Сельскохозяйственном Институте очень нравится. Сама была бы счастлива такой возможностью, но, увы! А для тебя это, по-моему, прекрасно.

Олечка, жду и надеюсь, что продашь вещи. Кстати, я бы хотела продать тысяч на 300. Больше не надо, пока. Половину — продуктами Елиз<авете> Мих<айловне>, половину деньгами мне.

20 апреля. Сергиев Посад — Воронеж

В.Г. Мирович — О. Бессарабовой

Родной мой, Лисик, как сжалось сердце при вести о половинном пайке. Неужели нельзя переменить службу на более хлебную. Постарайся, ради Бога, устроиться в Институте. Ив<ана> Вас<ильевича>, может быть, как-нибудь тоже можно там поместить. Может быть, Володя выхлопочет ему каморку отдельную.

Голод время от времени показывается у нас своим скелетным лицом. День за днем бывает без достаточного питания с отвратительным однообразным варевом из института и подвариванием дома. Мать тоскует тогда по Наташиному куличу «с лучком» и о хлебе былых невозвратимых времен. И всем начинает сниться ветчина, белые булочки, шоколад (горячий) и т.д. Теперь полоса, в которой я могла купить масла, кувшин молока и даже фунт творогу, первый раз за всю сергиевскую жизнь. Получила дополнительные суммы в институте.

Бог с ними, с белыми булками. Ты спрашиваешь, родной, о Мих<аиле> Влад<имировиче>. Мы только что прошли (и не

знаю, прошли ли еще) через опасные провалы, в которые готово было рухнуть все наше извечно нам доверенное, уже полурасплескавшееся, уже многим отравленное. Но еще способное превратиться в источник вод живых. Мих<аил> Влад<имирович> заблудился. Много забыл. Пошел не туда, куда сейчас нужно. Мы попали в тернистые дебри. Мне было очень больно. От непонимания. От чего-то похожего на отречение. От призрака прошлых мук, когда я не умела еще принять Нат<алью> Дм<итриевну> до конца. Она все еще взаперти. Но, может быть, вернется на этой неделе. Я очень жду ее.

У меня на столе вербочки, обрызганные золотом своего цвета.

Я вижу их. Значит мне не так уж больно, не до смерти. Лисик, напоминай мне о радости. Источник ее, конечно, Бог. Преходящее не может быть источником радости. Оно источник ужасов и пустоты. Бог в этих золотых пылинках «волил себя открыть», но больше в страдании, жертве, в погребении и воскресении.

Лисенок, милый, обнимаю тебя крепко и нежно. Мы уже ходим в лес. Я была с девочками моего курса. И буду ходить одна. Как хотелось бы с тобой посидеть в наших скитах, в Вифании, в Черниговском.

23 апреля. Сергиев Посад – Москва

В.Г. Миревич – О. Бессарабовой

Милый друг мой, маленькая сестра моя, Оэлла. Трудно было писать все эти дни, и не в силу своих духовных и телесных немощей, а от горького сознания, что нужны бы тебе сейчас не письма, а приехать, устроить как-нибудь Ивана Васильевича и привезти тебя сюда, где на глазах моих были бы и голод, и болезни, и слезы...

Я ожидала, что Борис что-нибудь устроит в этом направлении, и мне было большим разочарованием увидеть, что ничего. Жду вестей, что, может быть, ты хорошо на ферме устроилась и уже не живешь впроголодь. Пожалуйста, напиши поскорей о внешнем устройении.

У нас с этой стороны тоже сурово все обстоит. Но время от времени бывают полосы повышенного питания.

В здоровье матери поворот к решительному ослаблению. Она гаснет и тает, и сердце сжимается глядеть на это. Плохо мы живем с нею, а мысль о ее смерти, близкой для меня, глубоко больное место. Я тоже хвораю. У меня рука (да еще вдобавок правая) что-то отказывается обслуживать меня. Пишет еще кое-как с трудом и усталостью, и болью, но часто не может поднять ковш с водой.

Лисик, еще мешала мне общению с тобою весть о твоей встрече с Эсфирь, и больно меня поразило, что ты продиктовала ей стихи «Звезду». Я решила не давать их ей. Я вообще не хотела их распространения, не потому что хочу, чтобы думали обо мне лучше, чем я есть. Я всем, кто косвенно или прямо спрашивает о роли Эсфири в моей жизни, говорила только правду. Но для меня это самое больное, мрачное, страшное и загадочное из всего мной прожитого. А Эсфири не хотелось давать, что она ничего не поняла в нашей встрече, видит меня в каком-то уплощенном, упрощенном армянском виде, и в ней я имела дело лишь с Люцифером. Хотела установить сестринские отношения с ней самой, зарождалась в душе и нежность, и терпение. Но облик ее жизни, ее романы сразу с 4-мя жизнями, ложь перед каждой из душ, которых она вовлекала в свой круг, и низкий уровень духовных интересов сделали общий путь невозможным. Эсфирь говорит всем, с кем встречается, обо мне очень худо, но не это плохо, а то, что худое лживо и говорится с расчетом бросить скверную тень на человека.

Обнимаю тебя нежно, девочка моя бедная, любимая.

В.

25 апреля.Сергиев Посад – Москва

В.Г. Мирович – О. Бессарабовой

Читаю матери вслух святые книги. Рядом с постом это утоньшает плоть и отрезвляет дух.

Тишь ароматная – тополя распускаются. Знаю, что за опущенными занавесками разгорелись чудесные апрельские звезды, «дышащие большие и умные» – это из Гейне. С душой поэта, если ему будет даже 100 лет, у них немолчный разговор. Обнимаю тебя. Покойной ночи, Оэлла.

1 мая. Сергиев Посад – Воронеж
В.Г. Миревич – О. Бессарабовой

На конверте будто бы цветут иудины деревья (так они цветут в Крыму). Нет белой краски, не могла сделать получше. Но пополнил шехерезадным воображением своим.

Садится солнце и, заходя (только заходя), глядит из-под берез в мою комнату. Я ее не убирала сегодня, нет сил, и велико отвращение прикасаться к вещам своим, переполненным тяжким сгущенным флюидом. А из церкви доносится: «Святися, святися, Новый Иерусалиме». Там стоит у иконы Сергия Радонежского слепая моя старушка. Она много тише стала. И когда у меня взрывы гнева были, не знаю чего, преисподней моей – лучше всего определить так, она, боясь, что это начало Настинной болезни, кротко, боязливо и как-то сразу умолкает. Все не могу совсем вырвать это злое начало свое – гневливость, строптивость, грубость.

Ты пишешь: неужели есть люди, которые верят в Воскресение во плоти Христа. Мне удивительнее другое, что исчезает, может на долгие века исчезать и меняться в старости, в смерть, в какое-нибудь уродство, переходя образ, облик человека, он, положим, неуловим, дело не в том, что у тебя карие глаза с крупным белком, милый вишневый рот и много волос, а в том, что нашло именно такие оттенки в выражении себя. Я бы хотела, чтобы лицо (как в религии египтян) осталось у каждого свое и по Воскресении, но только в неизреченной «славе», в семь раз прекрасней земной красоты данного типа.

Я не раз представляла себе лица человеческие в этом виде, особенно любимые. Я видела звездноокой красавицей, излучающей снопы звездного сияния, Нат<алью> Дм<итриевну>. Видела прекрасной Pieta Мих<аила> Влад<имировича>, тебя и маму твою корреджиевскими мадоннами⁵⁰. Эсфирь – падшим Серафимом, Елизавету Мих<айловну> – Mater dolorosa⁵¹ и многое другое.

Надоели грачи. Редко запевают уже соловей, а грачи оглушительные, оголтелые заглушают его карканьем. Стала тише духом. Голод, как болезнь, как всякое непостоянное, если он не рвет внутренности, а так. Надежды же и неизбежность завтрашнего дня – хорошая вещь. Лис, сегодня я по маминую по-

ручению зову Лиду Малахиеву к нам на каникулы. Вдруг и ты с ней приедешь. Вот мимо окон ведет мать из церкви Серафим Голубцов⁵², крохотный для своих 12 лет ее водитель, начетчик и певчий, местный. Мне пора идти в голубцовский дом, поить мать чаем и кормить ячной крупой — дар одной слушательницы, а прошлую неделю кормились крапивой...

30 мая. Воронеж

Был и уехал брат Всеволод, точно в воду канул. Он в Петрограде, на корабле «Кречет». Жаждет учиться во что бы то ни стало, хочет и будет учиться.

Был и уехал в Москву брат Борис — и от его появления до сих пор разбегаются круги по воде, солнечные зайчики еще струятся в Веронике, Верочке, Вале, Оле, Наташе, Лиле и имена же Ты их, Господи, веси. Какой-то хоровод девичьих глаз, рук, кос, сердец, а он будто и ни при чем — со всеми ясен, добр. «Как солнце, — сказала Вероника, — не замечает, что его на всех хватает, а ему как-то и некогда самому».

Милый мой брат Борис. Но уехал он, и упали взметнувшиеся силы.

Если только удастся Борису освободиться от обязательной работы, всецело его поглощающей, он будет учиться. «О, как хочется дорваться до учения, самого крепкого, простого учения».

Брат Володя — еле отдышался от триумфов своей работы по организации очередной весенней выставки птицеводства. Он имел успех — личный, вполне заслуженный. Успех его не портит, он крепко оснащается в дальнейшее плавание, сияет юностью, стал очень красивый. Он практикант на ферме Сельскохозяйственного Института. Учится. Выберется, милый!

И от брата Николая пришло письмо из Нью-Йорка. Письмо адресовано на имя мамы в бывшее наше гнездо — на Терновой улице, № 11... Из Америки письмо шло меньше месяца. В письме только справка обо всех нас. Тяжко сказать далекому милому брату, любимому сыну — о маме. Я и папа живем потихонечку. Зарабатываю паек и рада, что братьям не надо заботиться о папе, это их связало бы. А я что-то устала от всего, что есть, и от всего, чего нет...

Вчера 29-го умерла от холеры мать Вероники – родственница Зины Денисьевской. У Вероники на руках осталась маленькая сестра, а Вероника и сама еще девочка. И со всех сторон рассказы о холере, о смерти знакомых и незнакомых, опять чуть ли не целыми семьями, как от тифа в 1919–20 годы.

1 июня. Воронеж

Эсфирь и Елена Феликсовна⁵³ завтра уезжают в Москву (на обратной дороге из Ростова, куда Эсфирь ездила за продовольствием).

Голоса Москвы – Сергиева еще не замолкли. Зовут меня из Воронежа. Письма Вавочки, Вали. Куда-то назначат Виктора из Москвы – в Орел, Екатеринбург, еще куда-нибудь? Хорошо, что уедут они из неустроения московского, может быть, поладят, коль рядом сядут...

Бывший Володя Яровой, теперь до странности чужой и незнакомый, два вечера тому назад хотел поцеловать. Не надо.

Странно. Лицо Володи сделано, чтобы быть красивым. По-ставрогински⁵⁴ яркое лицо, белое, с черными, неправдоподобно черными глазами, бровями, волосами, кроваво-красный рот. Он сделал из своего лица и всего облика маску провинциального победителя сердец. Неприятна и фатовская нарядность его одежд, – или это его яркость делает его одежду нарядной. Герой не моего романа. Я помню его неглупым, но невыносимо трудным мальчиком, который не хотел учиться и вылетал из всех учебных заведений города, куда его устраивала мать.

Может ли из такого неблагодарного и неблагородного материала, из всего этого победоносного выглянуть человеческое лицо?

13 июня. Воронеж

Холерный барак (Железнодорожный)

Вчера пришла сюда на ночь и до утра вошла в курс работы сиделки-няни. Уход за холерными больными крайне несложен. Обязанности сиделки сводятся к тому, чтобы:

1) следить и поддерживать чистоту суден, тазиков, горшков, полов и «уток»;

2) сухость и удобное положение тела больного и его постели;

3) у всех больных должно быть достаточное количество холодной кипяченой воды с мелкими кусочками льда. Воду пьют и лед глотают в неограниченном количестве;

4) раздавать чай и обеды по назначению;

5) делать больным горячие ванны, как только начинаются судороги. Вода как можно горячее, как только можно терпеть.

Сестры раздают лекарства, меряют температуру, делают впрыскивания камфары и физиологического вливания (вода с солью и еще чем-то). Некоторым больным на желудок кладется грелка или лед. Судороги сразу прекращаются от горячей ванны. Как только прекращаются судороги, лица больных делаются детски счастливыми. Во время судорог (при очень сильной боли) все молчат, не кричат совсем, но в глазах — ужас, крепко стиснуты руки, сжатые стиснутые рты разверзаются страшной рвотой. Губы сине-черные, вокруг глаз резкие черные круги, глаза в провалах.

Эта ночь прошла в отчетливой ориентировке в работе и в том, как она исполняется. (Я не дежурила, а только смотрела и замечала все.) С часа ночи до 6.30 часов утра в бараке кроме больных не спала одна я — «новая сиделка». Две дежурные сиделки взяли халаты, расстелили их на полу и, каждая в своем коридоре, заснули на халатах до утра. Я делала все, что могла. К 4 часам утра кончились запас льда и кипяченая вода. Больные были с головы до ног мокры. Сухих простыней не оказалось. «Вобщем к утру сменим». В палатах одного коридора, где была я, пол был сух и чисты все сосуды, а в палатах другого коридора полы были сплошь залиты выделениями, а в самом коридоре на полотняных носилках, на полу, совершенно обнаженная, покрытая мокрым от выделений осенним пальто лежала больная, привезенная в барак в 12 часов ночи. Зою Петрову вечером в барак не приняли, не было места. И повезли ее в фургоне дальше, в городской холерный барак. (А этот — железнодорожный.) У меня не было времени обслуживать и второй коридор, но к этой женщине я подошла.

Ровные блестящие обнаженные зубы и запавшие огромные глаза сказали голосом изнутри, как из бочки: «Няня, согрейте мне ноги, я заплачу вам». Я разбудила сиделку, которая строго

приказала своим палатам ночью «не шумовать», и сказала ей: «Дуня, согреем ванну для новой больной, она заплатит вам». Дуня проснулась. «Да? Мне сиводня семь тыщ перепало. Пойтишь сказать Ивану, что систра приказала беспрременно сичас наколоть дров для ванны, а то больная помирает. Сестра дрыхнет, но Иван в дежурку не сунется». У больной ноги были синие и ледяные, а накрест раскинутые руки висели над полом.

Зоя Петрова умерла в городском бараке (у холодильника) в 2 часа ночи. Не выдержало сердце.

23 июня. Холерный барак

Ночь сегодня. Сторожу сон барака в дежурной комнате. За окнами ливень с шумными порывами ветра. Ветер гудит, стучит крышей, дергает двери.

Слушала тихий говор Ариши: «Батя, сад, братья, мамка. В Усмани жила у двух старых барышень помещиц. Вроде как их дите». Чудесный полевой цветок, колосок ржи. Совсем девочка в свои 19 лет. Кроткое светлое личико нестеровской чернички⁵⁵, без грима была бы чудесной Снегуркой.

Обошла больных. Спят спокойно, лежат удобно, все у всех чисто и сухо, у всех есть вода и лед. Холера утихает. Эти больные — все уже выздоравливающие, новых нет.

Ветер, буря. Кружится голова, слабость — это от бессонницы и крайней диеты за все время работы в бараке.

Ох, ветер — как живые властные демоны.

24 июня. Воронеж — Екатеринбург О. Бессарабова — В. Затеplinской

...Пришла я сюда, Валечка, не на смерть, а на нужную работу. Живу в самом бараке. По правилу я должна жить в общежитии при больнице, где живут сиделки, в специальной постройке, где санитары и сиделки спят все вместе очень тесно и примитивно. По вечерам и поздно ночью бывает там и гармония, и топотание с аккомпанементом поистине ужасных голосов и гомона. И пляс, и вой, и хохот, и скрежет зубовой. В темноте рычат как-то странно, может быть, это шутки?

И я устроилась в каморке в больнице, вероятно, была когда-то там кладовая без окон, но совершенно чистая и отдельная, между двумя коридорами с палатами больных. В каморке — кровать, ночной столик, мешок со сменой белья, тарелка, ложка, гребешок. Дежурство суточное, через двое свободных суток. Но почти все ночи я не сплю, потому что слышу все голоса больных.

В дни отдыха отдыхаю хорошо, сплю почти целые сутки после дежурства. И каждый раз успеваю до сна вымыться с головы до ног и с головой.

Питание скудное. Фунт хлеба и две тарелки тепловатой мути, которую надо же все-таки съесть.

Домой не хожу. Иногда подхожу к окну своего дома и через окно мне передают письма, новости и что-нибудь из мелочей, нужных мне.

Приехала из Петрограда жена Володи Ярового. Он уже на ногах.

Новый наплыв больных.

Неприятная компания «медицинский персонал» в бараке — фельдшера и сестры. Они просто ужасны, не хочется о них говорить. Сиделки и санитары молчаливы, угрюмы и явно боятся своей работы. Почему-то они часто меняются. Побудет партия несколько дней, потом появляются другие, напуганные и очень молчаливые. Когда приходит новая партия, я сама подхожу к ним и говорю: «Я здешняя няня. Вот вам медицинское мыло, мойте руки как можно чаще и не пейте сырую воду. Не ешьте овощей и зелени, не вымытых кипяченой водой. И не бойтесь ничего. Вот сколько тут работаю, и никто из персонала не заболел. Холерой можно заразиться, если не мыть рук и пить сырую воду, есть зараженную пищу. Никогда не ешьте ничего от больных — это самое опасное. Лучше потерпеть от голода, кормят нас здесь очень чисто, но, конечно, не очень сытно».

Один раз один из рабочих (он хотя и пришел с новой партией, но не остался на работу) очень грубо спросил меня: «Ты чего тут говоришь?» Я тут же выдумала и ответила спокойно и негромко: «Я няня здешняя. По просьбе доктора говорю санитарам, как лучше и чище работать, мыть руки, чисто есть, пить

кипяченую воду. И что работать здесь совсем не опасно, если правильно исполнять все наши правила. Вы тоже будете работать с нами? Я вам все расскажу».

— Поменьше разговаривайте с рабочими!

— Да тут и есть почти некогда, не то что разговаривать. Вы в наш монастырь попали, живите по нашим правилам.

— Да нет, я так.

— Лишнего не болтайте. Вы, наверное, большой чудак.

Он усмехнулся и отошел. Странно, что на боку у него наган (в кобуре).

Сиделки. Не могу определить социальную среду, откуда набрали таких странных женщин. Равнодушные. И не только ко всему кругом, но и к себе...

И почему так угрюмы и озлоблены молчаливые санитары? Кто они по профессии? Они показались мне железнодорожными рабочими, но это было бы странно — рабочие очень нужны на своей работе.

25 июня. Воронеж

Холерный барак

Дежурю ночью. Больные в двух моих палатах все обречены на смерть. В двух других — могут быть живы.

С одной ночи, когда был ливень, с воем ветра и стуками ставень, а няни, фельдшер и сестры спали, и бодрствовали только больные и я, и воюющие демоны ветра за окнами, с той ночи я стала терять уверенность, что я выйду из царства холеры.

Ночью смерть косит, косит, косит. Носилки с распростертыми телами несут, несут, несут. Веселый фельдшер напевает и мурлычет во время соляного вливания и вспыскиваний камфары. И фельдшеру этому вдобавок и на ухо медведь наступил, врет во время пения и мурлыкания отчаянно.

Сиделки у мертвых и у пока еще живых — тащат, тащат, тащат все, что можно утащить. И это неизбежно: голодны и допотопны.

Смертный холод молодой женщины прогнала грелками, всю ночь кипятила воду на примусе, так как весь «ночной кипяток» ушел на ванну для больного, привезенного в 2 часа ночи. И я

согревала грелками эту женщину, которую еще можно было спасти, а не того деда, уже обреченного, на смерть.

Сегодня у меня было чудо среди белого дня: горсть душистого чобора.

Рано утром мне дал его Михаил, санитар из рабочих. Я взяла этот чобор в обе ладони, облокотилась на подоконник и приняла лицом к чобору. На несколько секунд опьянела, сошла с ума, забылась. Сказала ему: «Как вы догадались?» «Ды он душистый», — ответил санитар, и зубы его блеснули, как у негра, до самых ушей. А сам-то весь чумазый! Несдобровать этому пареньку. Сиделки народ опасный, ой-ой, какой, а он молод и еще не груб.

Усталость. Голод. Головокружение. Острый недостаток мыла. Мытье полов — труднее всего.

Продала золотое кольцо и фунт хлеба за 3000 рублей и отправила домой в Острогоржск Аринушку. Здесь у нее украли деньги и документы. Она уехала «в Кеев за хлебом, да вот бяда, холера забрала. ...Ой, моя ж родненькая, как же забудешь вас, ой же спасибо тебе. Царица Небесная! Укрой, защити и помилуй, сохрани вас от всяких напастей!» Она еще сказала, что при других сиделках, если что наделаешь по холерной болезни, так лучше бы помереть, а меня она не стыдилась, «сразу видать, что душевно подходишь, как к дитяти».

На перроне подошел Астахов, сын умершего старика. «Мы много говорили о вас с братом. Брат сказал, что когда вы вплотную стукнетесь с жизнью, вы будете тверже и суше, чем те, кто проживет жизнь ни холодно, ни жарко. Здорово можете стукнуться об жизнь. В жизни грязи много».

Я сказала ему, что грязи самой по себе нет, а есть *грязное*, что можно вымыть, вычистить, проветрить и даже переплавить. Только надо очень захотеть, полюбить и делать, а не фантазировать. Все можно переплавить. Только не посматривать на жизнь, а жить и делать то очередное, что она пододвигает. И на всякую работу должны быть *чистые руки*. У юноши глаза были полны слез. Этот чужой незнакомый мальчик смотрел на меня с любовью, как на родного человека.

Прежде мне всегда было трудно с незнакомыми людьми. Теперь так легко, нет преграды между мной и людьми. Все вижу как будто новыми глазами.

Сегодня помогла мужу Рудометовой положить ее тело в гроб. У него не было денег для санитаров и нянь, и никто не помог ему. И когда воз с гробом уехал, Рудометов издала попрощался и поблагодарил меня почти неуловимым жестом головы и руки. Никогда не забуду глубины его благодарности и потрясения — от смерти любимой жены. Он вдвое, а может быть и больше, старше своей жены, моей названной сестры, которая просила меня спасти ее, обнимая руками за шею и целуя. И за то, что я не отодвинулась от нее, она стала мне сестрой. «Вы не боитесь? Я буду жива? Люди остаются живы?» До последней минуты сознания она верила, что будет жива, с моих слов перечисляла мужу все признаки выздоровления, была жизнерадостна и остроумна. Муж был бесконечно внимателен к ней.

Сию на тыловом крыльчке барака, каждый вечер в закатный час у меня передышка, иногда очень короткая. Закаты солнца, зори, зори, зори. Сейчас на золотом оранжевом (Вавочкином — на ее конвертах) поле идут синие: два верблюда, за ними лохматая собачка, и — а-ах! Лев растаял! И выплывает гиппопотам, а за ним и крокодил с разъятой пастью.

Мимо моего крыльчка прошел Михаил, молодой рабочий санитар (что принес мне чобор). Застенчиво, вполуборот, остановился около крыльчка. Я приветливо ему сказала: «Садитесь сюда, отдохните. Смотрите, какой вечер хороший».

И от Михаила я узнала очень важное. Оказалось, что санитары — наказанные рабочие железнодорожных мастерских и депо за какие-нибудь провинности.

— Какие же?

— Пожаловалась наша смена на зверя-мастера.

— И что же?

— Вот и наказали, послали на холеру.

— А девушки эти, наши няни, они кто и откуда?

Михаил покраснел буквально до слез. Шепотом.

— А вы... разве не знаете, Ольга Александровна?

— Нет.

— Да вы ж... лучше не спрашивайте. Они все «такие».

— Их тоже на холеру — в наказание?

Шепотом.

— Да.

Я сказала тихо.

— Я заметила, что санитары очень угрюмые и печальные, но не поняла почему.

— Да мы же здесь все вместо тюрьмы или высылки, мы там вроде забастовки хотели, ну вот и послали образумиться.

— Миша, вы не пейте сырую воду и чаще мойте руки. Подождите, я дам вам медицинское мыло, оно все начисто отмывает, не бойтесь его запаха, оно всю заразу отмывает. И лучше поголодайте, но не берите хлеба, который был в руках у больных. Овощи и всякие ягоды, фрукты ешьте только хорошо вымытые кипяченой водой. Хлеб перед едой хорошо опалить на огне, ну, как опаливают курицу и цыплят.

30 июня. Воронеж

Холерный барак

У доктора нашего произошло кровоизлияние в мозг. Фельдшер, узнав о болезни доктора, проявил дикарскую радость в совершенно отвратительной форме — приплясывал, вопил — каннибал!

Вообще, медперсонал — компания плотная или — как это — теплая, кумовская и циничная. Сиделки совсем какие-то бессовестные, все время сменяются, угрюмые со всеми, а то непристойно веселые и очень свободных нравов. Санитары понятны мне, их присылают сюда в наказание. Некоторые из них быстро дружат с сиделками. Другие отплеваются.

Фельдшера — интересные типы. Еще не отошедшие от земли, но уже нахватавшиеся каких-то вычурных слов и всяких «правов», но не имеющие даже азбучных понятий о каких-либо обязанностях человека, гражданина, работника.

Цепкие, жизненные, хорошо размножающиеся и еще лучше пожирающие друг друга и кто, и что подвернется. Если кто «мешает» — готовы устранить помеху любым способом. Устраиваются во всяких условиях, а если никаких условий нет, устраиваются и без условий. Очень близки к ним и сестры. И странное «свысока» к «простому народу». С какого же высока?

Новый фельдшер — Павел Николаевич — студент-медик, учился в 1-й классической мужской гимназии, знает моих бра-

тьев, трех гимназистов, особенно старшего, Николая. Сказал мне, что весь состав служащих барака решено рассортировать. Я этому рада. Порядки здесь были ужасны. Изменить их я не могла. Я только не участвовала в их нравах, установках и действиях. Они все поверили, что я ничего не вижу, не знаю, не понимаю. И во время моих дежурств не было вопиющих дел и вопиющего неделания.

Не называя никого, ни на кого не указывая персонально, я написала записку и осторожно передала ее на глазах у всех, как Сюзанна графу Альмавиве на свадьбе Фигаро – Павлу Николаевичу: «Пока еще не развеян этот персонал барака, сразу же с первой этой минуты обратите внимание и строго проверьте:

- 1) чистый воздух в палатах;
- 2) кипяченая ли вода подается больным;
- 3) достаточно ли льда, и сколько его запасено на ночь, и разбит ли он на нужные по величине порции;
- 4) запасены ли на ночь дрова и в каком они виде, можно ли ими топить. (На растопку должны быть сухие щепки);
- 5) выстирано ли белье, особенно простыни;
- 6) моется ли ванна после каждого больного;
- 7) кипячение шприцов (это строжайше). И как хотите, но необходимо;
- 8) контроль во время раздачи обедов;
- 9) дезинфекция одежд и постелей;
- 10) дезинфекция суден, половых тряпок;
- 11) принятие вещей и денег пациентов, которых привозят;
- 12) отдельные чашки для питьевой воды. (Они есть, их много, но няни ленятся мыть их и дают пить из одной чашки всей палате);
- 13) громко, строго, много раз указывайте на то, чтобы больные звали нянь всегда, когда нужна помощь».

Еще до подачи этой записки мне предложено остаться на работе в бараке еще на месяц в новом составе работающих в бараке. Но я решила уйти из барака совсем. Холера затихает. Состав новых работников будет набран из студентов-медиков, добровольцев. После эпидемии полагается не распускать работающих в бараках еще месяц – полтора с пайками и полным

содержанием. Для отдыха и пайка я найду более удобное место. Я уже сказала няням и фельдшеру, что уйду, что отец просит меня вернуться домой. Холера уже кончается. В палатах лежат еще выздоравливающие, а новых больных почти не привозят.

Все няни, уходящие с работы, каждая приходит попрощаться со мной. Некоторые пугаются, потом горячо целуют, когда я обнимаю их. Одна заплакала.

12 августа. Воронеж

Промчался с юга Боря в Москву. В Воронеже был всего 40 минут. Мы встретились. Милый мой! Около губ его новые черточки. Резко похудел и очень красив. Домчался ко мне с поезда и еще на пороге сказал: «Иди скорее, проводи меня в Москву, поезд стоит 40 минут». Мы взялись за руки и полетели. На вокзале заметили, что не разняли рук.

1) Ждать из Москвы и из Сергиева Посада документов для переезда моего в Москву.

2) Борюшка, может быть, приедет за папой, чтобы и его устроить в Москве. Это еще не наверное, Борю не хочу собой связывать в Москве. Буду жить и учиться в Сергиеве в Педагогическом Институте на Дошкольном факультете. И там я нужна Вавочке. С Борей будем «в тесном контакте».

После третьего звонка в купе Бори полетели чемоданы, вещи, узлы, свертки. Гога Крутиков⁵⁶, Романович⁵⁷, Максимов⁵⁸, другие художники, жбаны... Они не могли сесть в переполненный поезд, и Борин вагон со «спецами» проглотил их, как кит Иону. Чтобы не помешать им ворваться в вагон, я осталась в вагоне и доехала до первой остановки поезда в Отрожках. Художники опомниться не могли от радости, от удачи. Восхваляли мою «мгновенную ориентацию». Один из них начал что-то объяснять, здороваясь с Борисом, а я на полуслове оборвала его, оглянувшись быстро на Борю и на спецов: «Да скорее же входите, вещи, быстро, скажете все потом!» Один из спецов постарше и Борис засмеялись и быстро помогли художникам войти и принять вещи, поезд уже трогался. Поехали. Первые секунды хохотали все. Я к спецам: «Простите, ради Бога, это нечаянно». Все засмеялись и весело начали распределять людей и вещи. Но мне с Борисом

было ни до кого. И опять, только подъехав к Отрожкам, мы заметили, что все время держались за руки...

От Отрожек — чудесная дорога пешком по полотну железной дороги — на ферму к Володе. Володя смеялся моему рассказу о встрече с Борей и посадке жбанов и чемоданов с художниками, не выпустившими меня из вагона.

Володя понес мне домой хлеб, помидоры, огурцы, печеные груши и яблоки — нагрузился как верблюд, я еле остановила его. Какие мои братья ясноглазые, молодые, красивые, милые мои братья, как и что там Всеочка, как, что и где мой старший брат Николай — в Америке? И где же наша мама. Как бы она была рада видеть сегодня Борю, Володю.

Зина моя Денисьевская ясно и легко «идет к смерти». Почти наверное — сансет <рак> (груди). Ни тоски, ни печали. Ясное и высокое спокойствие. От всего ее существа впечатление, как от угасающей зари.

Потом с заревой по лунной дороге через поля и березовую рощу на несколько минут зашла к Яровым. Встречена была радостно, горячо, влюбленно.

8 октября. Сергиев Посад — Екатеринбург
О. Бессарабова — В. Затеплинской

Вот я в Сергиевом Посаде. Из Воронежа приехала вчера на ночь. Вечер был непроницаемо черный. Ехала на извозчике мимо каких-то развалин, в темноте напоминающих Колизей круглыми своими арками. Это — пожарище, там были, кажется, торговые ряды. Завтра поеду в Москву на два дня. Ничего не боюсь в жизни и люблю все навсегда.

Окно моей комнаты смотрит на дорогу в березовую рощу на краю города — мимо церкви небольшой, богадельни для старушек, немного в гору, мимо небольших домиков с палисадниками. Улица называется Красюковка.

Чудесная вереница высоких плакучих берез. Весь этот край Сергиева — как березовая роща, березы до неба, а домики под ними маленькие, одноэтажные особнячки с садами, воротами и калитками. Непохоже ни на деревню, ни на дачи — домовитее и изящнее. Своеобразное, необычное лицо городка, над которым

царствует сказочно красивый монастырь Сергия Радонежского⁵⁹ — с крепостными стенами, башнями, соборами, колокольнями.

Я еще ничего почти не видела, но от мимолетного первого взгляда на город — весь купол неба над этим краем напоен красотой, которая смотрит и тянется к небу; такой здесь кремль монастырский и березы.

В комнате моей уютная кафельная лежанка. На светлых стенах комнаты с одним окном и двумя дверями золотятся снопы, ветки и букеты многоцветных осенних трав и деревьев. От них вся комната «словно терем расписной, лиловый, золотой, багряный».

И в этой комнате над кожаным диваном уже поселились зайчата моего ковра. Коврик этот работы Над<ежды> Серг<еевны> Бутовой из мешковины, веревочек, легко подкрашенный тускло-зеленой, коричневой и белой красками — так слабо, что видна сквозь краску ткань мешка.

Ясно, как во сне бывает, ясно знаю, что стою на пороге какого-то очень значительного куска времени своей жизни. И чудесное счастье легкого дыхания, внутренней свободы, ощущение бытия и того, что есть вот именно этот момент.

На столик поставила свою икону древнюю старообрядческую, от тех времен, когда появились старообрядцы. Икона переходит от каждой матери к единственной ее дочери. (А у каждой матери сыновей — сколько Бог даст.) Одна древняя бабушка, она была начетчицей в скиту беспоповщинского толка — завещала, чтобы перед иконой этой всегда горела неугасимая лампада.

Бабушка моя, мама, жизнь — благословите меня принять житье-бытье свое, Вавочки, слепой Варвары Федоровны.

Комната Варв<ары> Фед<оровны> смежная с моей через дверь. А Вавочка живет в отдельном доме, очень близко от нас — в горку, через два дома.

Для себя в этой жизни хочу, чтобы Марфа, пекущая о многом, и Мария⁶⁰, умеющая слышать, видеть и понимать — были бы одной женщиной и дополняли бы одна другую, а не противопоставлялись бы во мне.

Начало октября. Москва – Сергиев Посад
Ариадна Скрябина – В.Г. Миревич

Дорогая Варвара Григорьевна, вчера впервые познакоми-
лась с Ольгой Бессарабовой, которая произвела на меня чуд-
ное впечатление. Звала меня в Сергиево, но я, к сожалению,
должна была отказать, так как не могу бросить дом даже на
сутки.

Завтра поеду в санаторию навестить Елену Феликсовну⁶¹ (не
знаю, знакомы ли Вы с ней, наверное, слышали). Представьте
себе, что она поехала в санаторию лечить свои нервы и недели
в три сильно поправилась. Неожиданно приехала к ней Эсфирь,
пробыла с ней час, и в этот час довела ее до такого состояния,
что она повесилась. К счастью, ее успели вовремя снять с петли
и спасли, но теперь она почти в таком же состоянии, что и мама,
жизнь ее в опасности.

Впечатление, которое она произвела на меня, когда я уви-
дела ее после этого, невозможно описать. С тех пор что-то не-
отступно давит меня. Мне хочется умереть, я молю об этом Бога.
У меня такое отвращение к жизни, что трудно справляться с со-
бой. Не знаю, чем заткнуть сердце, чтобы хоть временно не со-
чилось. Ах, если бы я могла стукнуться с этой тварью и отомстить
ей за все, за маму, за Леночку, за себя, раздавить ее как подлое
насекомое. Никакой пощады, никакого прощения. Только месть
могла бы удовлетворить меня. Понимаете ли, я не могу больше
смотреть на это безобразие, на все эти гнусности, не могу. Хо-
телось бы уйти в себя и невозможно, надо все время быть вни-
мательным к окружающему.

У нас все по-прежнему. Маме не лучше, но и не хуже. Ма-
рина меня тревожит, бедненькая, лежит, не может сделать дви-
жения без стонов от боли в боку и груди. О моем здоровье гово-
рить нечего. Целую Вас горячо. Ариадна.

14 октября. Сергиев Посад

В церкви: «Марфо, Марфо, ты печешься о многом... Мария
же избрала лучшую участь...» Я хочу, чтобы была женщина, в
которой были бы гармонически слиты эти две сестры. Во мне

ли, в ком-нибудь, в моей дочери, если бы она у меня была. Не хочу лучшей участи через отречение от земного. «Отложи всякое земное попечение...» Не хочу, не хочу! Господи, я так рада всему земному.

Во мне еще не пробужден дух? Да. И фантазерства много за счет ума-разума. Вообще хаос, никого намека на гармонию.

Сегодня богослужения в домово́й церкви Красного Креста⁶² напомнили мне Катакомбы⁶³. Не видом — церковь светлая, изящная, с красивыми иконами, не по-церковному, — а картинно красивыми — а общим тоном богослужения. Это была не обедня, которую надо «достоять», а мистерия, которая, к сожалению, все-таки кончилась. Чувство времени было утрачено.

Священник, о<тец> <Павел> Флоренский. Служит очень просто, смиренно, «как монах в глухом скиту», но не еще просто, как едва грамотный монах, а уже просто, как мудрец, а может быть, и маг. Или да не посетуют все христиане на свете, — как очень большой актер в очень удавшейся ему роли.

Поют три «сестры милосердия» Красного Креста — Тютчева⁶⁴, Родзянко⁶⁵ и Шауфус⁶⁶.

Одеты они как медицинские сестры, но чем-то напоминают и монахинь, хотя и в белых покрывалах, очень скромно и очень чисто. Но с первого же момента я поняла, что они если из деревни, то из усадеб, а если из города, то не из провинции и даже не из Москвы, а из Петербурга, того, который был до революции, особенно одна — высокая. А в церкви древние богачки и трое посторонних, и я в их числе.

29 октября

Всенощная в церкви Красного Креста. Вечером, освещенная несколькими лампадами и свечами, она еще более чем днем вызвала впечатление Катакомб. И движение рук при словах «Слава Тебе, показавшему нам свет!» было движением и голосом, перенесшим это время во времена Катакомб. Или как-то перекликнулось.

В.Г. Мирович

Златокрылый, нежный, ясноликий,
Ангел Фра Беато Анжелико
Со стены моей, склоняясь, глядит.
Над челом его благословенным
Многозвездный нимб дрожит.

А в руках его бездумно и блаженно
Райской лютни слышится струна.
И не знает ангел ясноликий
Ангел Фра Беато Анжелико
Тьмы беззвездной без надежд и сна.

Я прислала из Воронежа Вавочке четырех ангелов Фра Беато Анжелико (на открытках). Все они с музыкальными инструментами. А этого (большого формата – фрагмент в очень хорошей фотографии из собрания Надежды Сергеевны Бутовой) Вавочка подарила мне. И те, каких я прислала ей, вернулись ко мне, я им очень рада.

30 октября

Перед вечерней я и Вавочка были в лесу, собирали мох – зеленый бархатный и серый, – «кукушкин лен», – положили на подоконники между летними и зимними рамами.

Золотая парчовая земля. Березы с сережками, елки, осины. Скиты, озера, пруды. Осень, небо, холмы и дали – все, все родное, будто знакомое, узнавшее, дождавшееся меня.

После церкви два часа записывала стихи под диктовку Вавочки. Если сразу не записать их, она и сама не разберет свои иероглифы.

Четыре года тому назад в Москве, в «Религиозно-философском обществе», в особняке Маргариты Морозовой⁶⁷ я слышала доклад философа П.А. Флоренского «О религиозном моменте».

В Воронеже в этом году прочла первую и три последних главы его «Столп и утверждение Истины»⁶⁸.

Теперь до меня — с пятого на десятое — отрывочно — доплескиваются до меня его мысли (вехи) — о Времени, Пространстве, теории относительности; о работе его в лаборатории по электричеству (какое-то ВЭИ), о замысле его книги, которую он хотел бы написать — (История культуры), о лекциях его в художественных мастерских в Москве о перспективе и об антиперспективе в иконописи и у старых мастеров.

А вечерами по субботам и в утра воскресений — богослужения его в церкви Красного Креста. Я назвала его «маг, священник, мудрец». И все это объясняется в *Ученом*. Это наяву. А не наяву (а где же?) образ его сливается с Леонардо да Винчи. Хорошо, что он не узнает об этом сближении его облика — в таком частном случае — он, может быть, рассердился бы и был бы недоволен как священник — или просто так.

Да Винчи — образ и белого лебедя на лоне вод, под куполом неба — между верхней и нижней безднами — может быть, был бы ему неприятен.

В эти дни я поняла, что я любила Толстова (строителя Города-Сада, инженера, живого большевика). И это прошло. Еще в последние дни в Воронеже была возможность, все чудо о нем еще было, *могло стать*. Весть о его скором приезде в Воронеж (в самые ближайшие дни) и что он искал меня летом прошлого года (когда я отвозила в Ростов слепую Варвару Федоровну — к Вавочке. Варвара Федоровна, мать моего бывшего жениха — брата Вавочки — Николая Григорьевича после его гибели осталась в городе совершенно одна, в полном одиночестве и беспризорности) — весть эта воскресила все чудо имени его, и одно его слово, одна его шутка могли бы повернуть по-своему все, что зависит от меня (и от судьбы?) в моей жизни.

А теперь его имя — отвлеченное понятие. Как это странно. И грустно. Правда, я знала его мало и недолго.

2 декабря

Утром во время забот над дымной кафельной печечкой Вавочка сказала, что в вагоне в разговоре с Нат<альей> Дмитр<иевной> Ш<аховской> Флоренский спросил ее о родствен-

нице Варвары Григорьевны — кто она, откуда и что делает. Он заметил меня в Красном Кресте.

6 декабря

От 12 до 20¹/₂ часов дня разбирали картофельные дюны в подвале белого дома Олсуфьевых⁶⁹. Все время помнила о Флоренском. Картофель разбирал со мной милый учтивый и кроткий старик Павел Борисович Мансуров⁷⁰. О нем рассказывают, что в молодости он был послан из Петербурга разобрать какой-то спор иконоборцев с нашей церковью. Он поехал, внимательно разобрал и в докладе своем стал на сторону этих — с официальной церковной точки зрения — еретиков. Надо об этом подробнее спросить у Мих<аила> Владимировича. Очень скромный, умный; огромным широким кухонным ножом обрезал крохотные картофельные ростки на очень мелком картофеле. Вид его был трогательно забавен, он был как андерсеновский сказочный старичок, для какого-то андерсеновского волшебства беспомощно подслеповато перебирающий эти картошечки со сливу и даже вишню величиной.

7 декабря

Вавочка рассказала мне со слов Анны Михайловны (жены Флоренского)⁷¹ рассказ о сватовстве и женитьбе на ней Флоренского. Ее брат был другом Флоренского, которого он очень любил. Они поехали к родителям Анны Михайловны. Лес. Мать поцеловала брата. «А со мной?» Она оглянулась на брата, тот улыбнулся и кивнул головой. Она поцеловала. Слезы. Садик. Он назвал ее по имени, и она поняла, что он женится на ней.

8 декабря

Вечер у Мих<аила> Влад<имировича> и Нат<альи> Дмитр<иевны> Ш<аховской>. Читали «Корни идеализма» (о Платоне) Флоренского⁷².

Говорили о Флор<енском> и Сергее Павловиче Мансурове⁷³. С<ергей> П<авлович> идет по пути трезвения, а о<тец> П<авел> Ф<лоренский> — по пути экстазма. Христиане, а очень разные.

А Вавочка и не знает, что весь вечер я берегла ее, чтобы она не оступилась бы и не уронила бы этот вечер. Трудно это рассказать, — но я была как проводник в горах для Вавочки, — и не зная карты спокойных воздушных путей — воздушных путей, ям и провалов — я все время чувствовала близко, рядом — эти воздушные незримые ямы. Вечер прошел как будто легко и просто благодаря новому постороннему человеку (это я). Четыре года назад в Москве они все были очень близкими друзьями. Теперь Мих<аил> Вл<адимирович> стал мужем Нат<альи> Дм<итриевны>. Из Киева, где жила Вавочка с 1917 года, и потом из Ростова они выписали Вавочку в Сергиев Посад, чтобы жить поближе вместе и заботиться о слепой матери Вавочки.

А когда мы шли от них домой, вдруг Вавочка сказала, что она первый раз была у них вот так — в гостях.

Я очень испугалась, но ничего не спросила и не сказала на это.

— А хорошо бы послушать, что говорят трезвенники и экстастики, христиане — они же не враги, а только разные, но все-таки христиане. Я не люблю споров, а тут и споры неуместны, а была бы беседа, наверное, очень интересная...

Вавочка сказала, что все они так заняты, так затружены и загружены ежедневными заботами о хлебе насущном, что трудно представить себе свободные часы для дружеских встреч и бесед. У них у всех едва хватает сил на ежедневный воз забот — едва довозят его на себе. Все они живут на самой грани нищеты. А вот такой вечер — это исключение. Может быть, благодаря тебе, ради твоего приезда, да вот хотелось прочесть это («Корни идеализма»).

Говорили о благообразии быта, о значении ритма в быте правильного и посильного распределения работы, отдыха, сна, питания — скудно или богато обильно оно. Меня очень огорчает, что Вавочка «ненавидит» и «презирает» быт. А я ей говорила, что, если человек не владеет своим бытом до того, что он становится незаметным (потому что он уже сделан, благоустроен и этим уже отодвинут от назойливости и напоминаний о себе). Если человек не овладеет своим бытом (не устроит его сам по-своему), то быт владеет человеком, садится на него верхом и стучает его со всех сторон, и поработает человека именно своей неустроенностью.

Нат<алья> Дм<итриевна> вся заискрилась, просветлела, заинтересовалась и согласилась, но как-то робко, будто оглядывалась на Вавочку. А Вавочка разгорячилась, больше, чем требовалось темой, и я поняла, что тут дело не в быте, а в чем-то, что стоит за ним, — в фоне, может быть, в каких-то пластах жизни, которые задеваются темой о быте, как лопатой задеваются корни дерева, когда дерево это надо вырыть и пересадить.

Вавочка пошла к ним за полчаса раньше меня, но вошли в дом мы почти одновременно — она не успела еще снять пальто в снегу. Гуляла в такую погоду? Дом ведь в 5 минутах ходьбы! Тут я и учуяла «воздушные ямы» какие-то.

11 декабря

Утром. Отпустила Вавочку от дневных забот. Мороз. Я давно уже овладела нехитрой клавиатурой всех ежедневных забот. Вавочка удивляется, что с моим приездом «все это делается как бы само собой». На нее напало «конвертное упоение» — акварелью нарисовала множество чудесных цветов, пальм, закатов и морей с островами на почтовых конвертах и листах бумаги для писем. Такие письма в конвертах с ее рисунками очень приятно и празднично получать. Я собираю эти конверты и с удовольствием отобрала бы их у всех ее корреспондентов.

4/17 декабря

День Святой Варвары.

Вечером сквозь гостей, пирожки, самовары, опрокинутый чугунок с картофелем и прочее — как будто была в церкви и прилизительно шла вместе с ходом вечерней службы в церкви.

Мать Флоренского⁷⁴ была армянка древнего рода. Отец — инженер, строитель железной дороги. В клубе военной академии (в Лавре) ночью случился пожар от загоревшихся электрических проводов. Выгорел весь клуб. (Бывшая домовая церковь Духовной академии.) Сгорело все, что было на чердаке над клубом. А на чердаке был склад книг. Буду собирать как сокровище, все, что услышу о Флоренском. А спрашивать о нем не буду.

1922

20/2 января. Сергиев Посад

Михаил Владимирович: «Время Флоренского делится между семьей, храмом и Огнёвыми»¹.

3 января

Прочла статью Флоренского о Платоне: «Общечеловеческие корни идеализма»² ... Будто смотрится звездное небо в море, а море – в небо. Но не страшно, а легко дышать.

4 января

Таня Епифанова слышала в вагоне, как какой-то полушубок в разговоре о замечательных людях в России, сказал: «В Московском Университете один норвежец, представитель (чего-то там), в своей речи сказал недавно, что со времен Блаженного Августина³ не было человека так глубоко и многосторонне образованного, как один русский ученый и священник, Павел Флоренский. Вот какие люди у нас в России».

4 января. Сергиев Посад — Екатеринбург
В.Г. Минович – В. Затеplinской

С Новым Годом, родная моя Валечка и Виктор. Все эти дни мы с Олечкой живем с Вами почти неразлучно. В сумерки много

говорили о Вас, а когда зажигается «моргасик», Оля неустанно и всячески гадает Вам и вместе и порознь.

Я пишу карандашом, потому что нога позволяет мне провести день в постели, невзирая на предпраздничную суету. Олечка взяла ее на себя. Она делает такие вещи с каким-то вдохновением, и это тем трогательнее, что ей страшно не подходит заниматься домоводством.

После свидания в Москве с братом Борисом она очень ободрилась душевно. Мне очень грустно, что именно Борис может играть такую роль в ее жизни. Я не считаю его плохим, но это как изделие из папиросной бумаги – шуршит, взлетает, пестрит и тут же смято, и точно нет его. Может быть, и сложится во что-нибудь другое, а пока я не понимаю, как это можно серьезно говорить с Борисом и о Борисе. Он для меня 14 <-ти> лет и гораздо юнее Дани.

У Добровых все по-прежнему. Саша совсем расслабил себя кокаином и другими вещами и очень болеет. Я не была в Москве месяца три, поеду на святках, когда получу весть из санатория, что освободилась вакансия.

В этом году Сергиево легче для меня отчасти из-за Оли, отчасти потому, что нашлись какие-то тропинки над безднами. Храни вас Бог, милые. Пишите оба. Обнимаю Вашу головушку, Валечка, Христос с Вами и мир его да сойдет в Ваше сердце. И Вас, Виктор, целую и благословляю.

В.М.

4 января. Сергиев Посад – Воронеж
В.Г. Миревич – З. Денисьевской

Дорогая сестрица Зина, Оля говорит, что у Вас есть дневник за много лет. Она рассказала мне о нем, и он кажется мне не Вашим личным, а общечеловеческим достоянием. Кроме того, я с чисто личным чувством хотела бы прочесть его. Как это сделать? А в будущем, давайте завещаем его Румянцевскому музею⁴. У меня там есть знакомые в архиве.

Олечка последнее время посветлела после встречи с Борисом (о котором очень тревожилась). Дни ее в связи с моей инвалидностью стали очень трудовыми. Но пока у нее есть на них силы, я думаю, такой стаж при ее некоторой психофизической

рыхлости ей даже полезен. Мать на ногах, но жизнь ее горька. С Олей она спокойна и терпима, но на меня она всегда в глухой обиде, и в угнетении, и в постоянном раздражении, которое на меня действует, как серная кислота. Напишите ей несколько строчек, она ими дорожит. Обнимаю Вас

В.М.

5 января

Какие-то вешние токи чую, слышу. Еще тяжело дышать, но пласт вьюжный надо мной уже не монолитный. И не видимой, но ясно ощутимой свежестью проснулась моя «тяжелая застывшая вода под панцирем из голубого льда».

6 января

Сочельник. Оттепель. Снега стали неверными, тальми. Небо голубело по-весеннему. Облака легкие, развевные. Капель! День прошел в радостных праздничных заботах; не устала. Радостно пошла на вечернюю службу в церковь. Там же были Вавочка, Михаил Владимирович, Наталья Дмитриевна и сестра Михаила Владимировича, изящная Лиля, актриса театра Вахтангова, по сцене Елагина⁵.

Вавочке было дурно от духоты и горя. Она сидела на ступеньках выходной лестницы и смотрела на отчетливые силуэты Натальи Дмитриевны и Михаила Владимировича на матовом стекле окна церкви. (Церковь на втором этаже).

— Вавочка, пойдем туда, там мирро.

После мирро она тихонечко ушла домой одна.

Развевались тучи, туманы, облака. Заголубело небо, сгнуло черное лихо, наступившее на сердце. Приняла «на свой счет» благословение и мирро. Я была уверена, что у Бори несчастье, а не гадость.

На елке моей горели свечи с именами братьев, мамы, Валерии, Вероники, Зинаиды, Василия и Павла. На ужине была Лида Леонтьева⁶.

Утром среди забот расцвели стихи Вавочки.

Борис, брат, снял «черный платок» с головы и сердца. Борис, радость моя, брат мой. Сгинет твой «черный ворон». В горной воде своей Борюшка – чистый, светлый, любимый мой брат.

Господи. Не минуй меня бедами братьев моих. Господи. Не минуй меня радостью братьев моих. Господи. Пришли братьям моим смерть вовремя. Господи. А пока они живы, сохрани их и помилуй.

Как я рада за брата Бориса, что у него хватило мужества отчеркнуть от себя все, что связано с В. Яровым. И что я настояла, чтобы Боря поручил ему свои дела с покупкой продовольствия для знакомых в Москве. Боре теперь очень трудно материально. Но я так рада, что Борис не пожелал иметь дело с этим господином. Это все несчастье, а не гадость. А это для меня главное. Если бы Боря не отмежевался от В. Ярового и его компании, он имел бы «большой успех» и запачкался бы на всю жизнь. С точки зрения В. Я., Боря «оказался неожиданным дураком». А я рада и горжусь Борисом. Он не мог писать об этом по почте, и я была не в курсе дела, и эти 2,5 месяца были мне очень тяжелы. Теперь с души упал камень. И мама была бы рада. А Вавочка так и не поняла, и не вслушалась – почему мне стало теперь легко на душе. Это было большое испытание в жизни брата, и он вышел из него с честью. Я очень посетовала на Борю, что он не писал мне не о делах, о которых нельзя было писать, а о себе. Больше месяца он был серьезно болен, и ни он, ни Володя, мне ни слова об этом. Разве так можно. Мы говорили с Борей почти всю ночь. Боже мой, как ему трудно. Теперь он всецело занят выплатой денег, пропавших в афере В. Ярового. А я думала, что В. Яровой – деловой человек, и не подозревала источника, откуда у него обилие плодов земных и все эти хоросанские ковры и прочее.

25 декабря / 7 января

Рождество. Утром в церкви.

Прикоснувшись крестом к личику ребенка, положил руку на золотистую пушистую его головку и улыбнулся (Флоренский). Мать вся расцвела и не смела улыбнуться, и из обыкновенного

женского лица вдруг блеснула более чем красота. Материнство, женственность. Не знаю, но это было чудесно.

Вечером у нас были гости: Михаил Владимирович, Наталья Дмитриевна, Лиля, Таня Епифанова, Лида Леонтьева. Зажгли елку. Лида сказала «Красную панну Иродиаду»⁷ А. Ремизоваи несколько стихов Вавочки. У Лиды чудный голос и чары художника, тонкой актрисы. Говорили стихи и Вавочка, и Лиля.

Гадали. Какой праздник уже в самом ожидании: завтра утром опять в церковь!

8 января

Плясала во сне. Вся в сверкающих черных бусах, вся, как вихрь. И помощница-чародейка, старуха бросала мне гроздь красных ягод, вроде волчьих или калины (краснее), и я ловила их в пляске, а когда опускала руки — из каждой ягоды возникала золотистая змейка и колебалась, стоя на хвосте. Змей становилось все больше, и надо было плясать среди них. Я видела их и осторожна была в своем вихре, а все, кто смотрел на пляску, не видели змей. Все это надо было для какого-то колдовства.

А наяву утром вдруг приехал из Петербурга Всеволод, брат. ...Серебряное и голубое. Даже на кресте голубая эмаль. Почувствовала легкое смущение от присутствия Всева в церкви. В форме матроса Всева стоял спокойный, внимательный. «Мне это чужое, но ты мне дорога со всем, что тебе дорого».

По снегам, по холмам, через лес за елками. Зашли в Черниговский скит⁸. Подземная церковь, освещенная свечами и лампадами, хор монахов, как грубный клич. Очень красивы длинные до полу черные широкие одежды, мантии и покрывала монахов, падающих на плечи с высоких шапок. Монахи стояли рядами друг против друга посреди церкви. Один голос пел стих песнопения, потом все голоса повторяли, как громовое эхо. Не хотелось уходить.

Очень рада Всеве. Не могу насытиться его рассказами, вопросами, разным вниманием его ко мне, к братьям. Очень смущает меня страх и тревога о кормлении его — «продуктов мало».

9 января

Со Всевой — по стенам и башням вокруг Троице-Сергиевой Лавры. Всева смотрел на все, как иностранный турист. Всева очень внимателен ко мне. Рада ему. Большой-пребольшой мой морской волк, бедный мальчик. Мужественно, трезво и очень братски о Борисе: «Я в нем и не сомневался». Завтра уедет в Москву до Нового года, «потому что у вас тут продуктов мало. Не горюй, Олечка, дело житейское».

Днем было много гостей. Наташа Голубцова⁹ (полумонахиня, вся живет в религии, в церкви, живет под руководством старца Алексея¹⁰ из Зосимовой пустыни, Вавочка, Михаил Владимирович и Таня порознь и между собой говорили о Всевиной чистоте. Он всем понравился, все очень внимательны к нему. Я сразу согрелась от этого. Острое горе от невозможности оставить его у себя подольше — «Продуктов мало».

Михаил Владимирович дал записку Всеве к Флоренскому в Москву. Вавочка завтра уедет на месяц в Москву. Всева поедет с ней. Она познакомит его со Смидовичем¹¹, по поводу Всевиного «Атомита»; он весь полон своей идеей о взрывах на расстоянии через какое-то искусственное распадение атомов. «Интератомная энергия».

Он очень большой, тихий, красивый. Глаза яркие, глубокие; красивый голос. От каждого мимолетного внимания к нему окружающих у меня росло сердце. Особенно меня тронуло внимание к нему Наташи Голубцовой — очень нелюдимой и суровой девушки. Всева сам по себе, просто и спокойно забрался к ней в кухню, забрал в свое ведение дрова, воду, печку, самовар.

— Да вы уходите, Наташа. Я вижу, что надо сделать. Я потом позову вас, когда управлюсь. Скажите только, где колодезь. — Вымыл в кухне черный пол до белого блеска, как палубу корабля.

Лида Леонтьева со слов Вари и Нади Розановых¹² о Флоренском: «Он втягивает в какое-то мрачное христианство. Он очень нетерпим и высокомерен. Все делается как-то греховным, а спасение только в церкви. В рукописях Василия Розанова¹³ есть что-то такое страшное — о двуликости его — о Дионисе и чуть ли ни о злом духе. Таня говорила, что и Мансуровы чураются от него, как от злого духа».

Так говорила Коломбина — Лида, чуть-чуть юмористически изображая манеру говорить, смотреть и дышать Тани Розановой¹⁴, и даже «белесые круглые» глаза Вари Розановой и ее рот бантиком. Может быть, большая несправедливость судьбы, что Лида не в студии, не на сцене. Она очень талантлива. Вавочка могла бы сделать что-нибудь для нее через Художественный театр или через Лилю (в Вахтанговском театре). Но вряд ли хватит у нее энергии и внимания. Вавочка вся поглощена своим миром — трагическим, скорбным и живет все время в какой-то внутренней тяжести, борении, горении, порой на самой крайней грани отчаяния. Если не стихи и не конверты, в которые выливается поток ее внутренней жизни, она просто бы сгорела бы давно.

10 января

Проводила на станцию Всеву и Вавочку. Он не позволил нести ей и мне даже вышитый мешочек-сумку. Как изменился, вырос Всева. Легко на сердце от него. Все экзамены его сошли отлично (пятерки). Через 4 месяца он кончит свою Школу подводного плавания. Дал мне прочесть свой дневник и отдал мне все свои не отосланные ко мне письма. Я просила на будущее всегда сразу отсылать мне письма ко мне, и сама буду писать ему. Он другого мира. Но он мой милый и дорогой брат Всеволод.

Шла потом по перрону и по линии железной дороги. И со мною будто были все четыре брата. Четверть часа со Всевой около вагона. Верный и рыцарственный он, как и прежде. Как умно и верно говорил о Борисе, о Володе. Остро почувствовалась мама во всех нас. И мы одновременно, подумали об этом. «Ты сейчас про маму подумала?». — «Да». Он улыбнулся вдруг совершенно маминой улыбкой.

— Я думаю, что она нам всем помогает.

— Не спотыкаться?

— Да, Всевочка, я это и хотела сказать. Вот и Боря в истории с В. Яровым, а летом и я была близка к срыву, наверно, мама помогла...

Поезд уже трогался, мы обнялись. На перроне встретила Флоренского, он торопился, попал на поезд в последнюю минуту.

Горячие светлые слезы падали на морозе льдинками, скапывались по рукаву шубки – веселые, сверкающие на солнце. Скатный жемчуг! Все пронизывающее ощущение серебряного и голубого (там, в церкви, и небо, снег, и еще не знаю что – серебряное и голубое все).

Я рассказала Всева о брате Борисе. Всева все понял с полуслова, умнее, чем Вавочка, которая совсем не придавала значения капкану, который чуть не захлопнулся над жизнью Бориса с моей косвенной помощью. Я указала Боре на «делового человека» В. Ярового. А его дела и удачи оказались просто спекуляцией продуктами питания и дележом барышей с теплой компанией власть имеющих. «Торговали мы недаром неуказанным товаром». Боря сумел отказаться от соблазна позорных «выгод», и не убоился тяжести ответственности за катастрофу с деньгами, которые он дал В. Яровому для покупок.

...Я очень рада. С души упала тяжесть тревоги за Борю, а для Вавочки «все это пустяки, не стоит тревоги, не стоит радости».

К несчастным «мешочникам», меняющим свое достояние на хлеб и часто гибнущим в этих бедственных похождениях и «хождениях по мукам», у меня острая жалость и сочувствие. А к этим бессовестным, использующим свое служебное положение, власть и распоряжающимся вагонами продовольствия, – им все нипочем: и подлоги, и всякие гадости – такое отвращение... Всева понял с полуслова: «Боре трудно будет расквитаться с московскими поручениями, но было бы хуже иначе, если бы все с В. Я “обошлось благополучно”». И к такому важному с моральной точки зрения моменту в моей жизни (о брате) Вавочка небрежна, как к «пустякам». Это от поглощенности своим горем, к которому она так приросла, что если бы она изжила его – это горе, то ей, м<ожет> б<ыть>, и жить было бы нечем.

И поэтому у меня нет суда над нею. И берегу ее, как умею.

31 декабря/13 января. Сергиев Посад

Вечер под Новый год старого стиля.

Приготовила дом, стол, свечи на елку, – жду благословенного гостя. Может быть, и не Флоренский – не знаю. Конечно же не Флоренский.

Тишина в доме горит в голландской печке с кафельной лежанкой, потрескивает сухими дровами. В комнате рядом — «слепая старица Варвара», за окном снега и вечер.

В 11 часов вечера влетела ко мне Лида Леонтьева в костюме Коломбины. Гадали, зажгли свечи, угощала ее чем Бог послал, слушала ее рассказы о ее друге Арлекине и о приготовлениях к завтрашнему вечеру «сумасшедших». Вечер будет у Лиды в комнате, в бывшей монашеской келье, в Лавре (теперь это — общежитие учащихся Педагогического Института и слушателей военной Академии)¹⁵.

Все гости возьмут на себя роль какого-нибудь сумасшествия от любви (манию величия, жажду убийства, перевоплощение и так далее) и проведут свою роль через весь вечер. Весь вечер «построен» на черной, желтой и красной красках: костюмы, стены, освещение.

Звала меня на этот вечер. Я отказалась. Вместе выбрали стихи для ее роли: Коломбина сошла с ума на Времени и будет ловить минуты жизни. Таня Розанова наденет батистовую ночную рубашку до пяток, с длинными рукавами, потому что к ней очень идут такие рубахи, а что-нибудь другое придумать — денег нет. Она «сойдет с ума» на том, что она — дитя и ей все можно спрашивать и говорить вслух.

На елочке моей горело 12 моих огней и 4 огня Коломбины. У нее светлая пушистая голова, красивый голос, быстрая, легкая, подвижная, талантливая — вся, с головы до ног. Умчалась с гороскопами для своих Пьеро с Арлекином. Радовалась желтой атласной юбке, красному платочку на голову. Ах, нет большого красного платка на плечи! Но утешает черное трико...

1/14 января

Всенощная в церкви Красного Креста. Служил какой-то другой священник. Обыкновенный. Но была печаль и почти страх, как будто кошунством была его служба, сама по себе совсем неплохая, как все, все. Будь он в другой церкви, все было бы хорошо, а здесь — каждое слово, каждый жест — не то и не так. (Как Фло-

ренский?) Распадающийся круг богослужения. Но я уверена, что это было не только от усталости монаха и отсутствия контакта с ним хора, но и мое глухонемое отсутствие участвовало в распадении круга богослужения.

1/14 января. Москва – Сергиев Посад
В.Г. Мирович – О. Бессарабовой

С Новым годом и с новым счастьем, милые и бедные мои спутники, мама и Лис. Милые, потому что только в разлуке понимаю, насколько Вы мне милы и дороги, и как не мыслю устройства без вас, и как помню о вас и нуждах ваших, и о моих винах перед старицей Варварой почти ежечасно. А бедные вы, потому что судьба свела вас со мною, одержимой многими бедами. Говорю я это не в переносном смысле, а в самом простом. И ты, мать, об изгнании из меня бесов, молись. Мне с ними труднее, чем тебе со мной. Поверь этому и никогда об этом не спрашивай. И может быть, Бог даст к Новому году нам новую встречу и новый путь.

Лисик, милый, много терпеливый и много кроткий, и ты, как умеешь, обо мне помолись. И перед тобою я виновата.

Новый год встречала в Покровской церкви¹⁶. И сделалось мне плохо в церкви – голова, тошнота, рука. И когда пели многолетие, я сидела на полу у ног каких-то дам и думала по телесному ощущению, что это расставание души с телом.

Потом у Добровых (из чужих только я и Всева были) пили вино, ели громадные крендели, ветчину и т.д., и т.д., и я все время помнила Вашу картофельную диету. Может, просто я поняла значение ее и не хотела бы питаться по-московски, то есть по-добровски. Таня Епифанова питается так, что и картофель не каждый день. На одной американской булке. Анна Васильевна живет хорошо. Двух куриц съела. Дружит со своими кружками. Читает Евангелие, и на душе у нее светло.

Шура и друг ее были вчера здесь. Шура в бальном платье, в сложной прическе, очень сияющая. И друг элегантный, с мертвым лицом. Она тоже похожа на египетскую царевну, временно восставшую из Саркофага. Материально они про-

цветают, то есть могут покупать на Арбате сыр, колбасу и пирожки.

У Тарасевичей¹⁷ все под знаком величайших испытаний. Юлия Львовна почти безнадежна. Тяжко страдает. Злой дух, вселившийся в нее, почти разрушил ее нервы, подъял корни жизни и ведет ее к смерти. Она о себе говорит, как об умершей, и всех считает мертвыми, при этом и стонет, и воет иногда по целым часам. Екатерина Васильевна (Кудашева) в своей вере тверда и светла, и не боится проводить с ней часы.

О Всеве. Через Смидовичей я достала ему рекомендацию к Кржижановскому¹⁸ — начальнику всего электрического дела в России. Он принял его очень хорошо, заинтересовался его проектом и обещал свое содействие для опытов. Как это устроится для него в этой области — определится сегодня-завтра.

Всева донес мои вещи к Добровым, и здесь его очень приветливо приняли и пригласили остановиться. О Боре (гласно) никто больше не вспоминает. А к Всеве очень дружелюбно все отнеслись. Его скромность, сдержанность, юношеская робость, какое-то спартанство и недвижный пламень в зрачках единой мысли, единой линии жизни и воли к деланию жизни создают особое впечатление, выделяющее его из круга обывателей.

Лисик, Новиков предлагает издать «Монастырское»¹⁹. Поэтому прошу тебя тщательнейшим образом выбрать его из общей кутерьмы и передать с оказией на имя Лили. Когда оно будет у нее, я приеду к ним, прокорректирую и передам Новикову.

Пишу в холодильнике, где живет Шура Дзбановская (бывшая приемная комната в доме Добровых). Она еще не приехала. И предложения ей, между прочим, не послали по фалалейским причинам. Филипп Александрович играет что-то переливчатое, далекое от жизни дней. А я то и дело бросаю перо и продаю дрожжи. Вот уже третьи сутки, как я вошла в это дело, иначе Елизавете Михайловне пришлось бы все время бегать по лестнице из кухни к подъезду. А она и с кухней чудом справляется, и сердце, и нервы ее в полном беспорядке.

С Танечкой (твоей Елифановой) вижу часто. Возможно, что она получит место через Балицких в Замоскворечье, в пси-

хиатрической лечебнице. Мы с Марией Евгеньевной затеяли в спешном порядке еще одну детскую книгу.

А сегодня иду к Бромлей²⁰ по поводу постановки моей «Лесной сказки» (про «Бабу – Грабу»). Может быть, что-нибудь из всего этого и выйдет. Пока же у меня для тебя есть 5 фунтов фасоли. Пожалуйста, не экономьте, повторяю это еще раз, и буду повторять все время, если попаду в санаторий. Трудно вынести усиленное питание, когда присные великопостничают. Я рассчитываю, так или иначе, приработать несколько миллионов.

Некоторые ночи я сплю у Анны Васильевны (Романовой) под столом (на матрасе пружинном). Анна Васильевна очень светло настроена – над жизнью, когда человеку уже ничего не хочется по-настоящему (это редкое состояние, и конечно, она из него выйдет). Но сейчас хорошо тем, кто с нею.

Спасибо за тетрадочки. Я записала уже одно стихотворение, увы, далекое от Осанны. Все с того же «Острова Изгнания», откуда пожелай мне поскорее и без возврата отчалить. Обнимаю тебя, поцелуй старицу Варвару.

В.М.

16 января

Солнечное утро, иней. Как еще жива во мне память о Толстове. С такой силой влился ночью поток о нем, что затопил мое «серебряное и голубое» золотом, движением, взлетом и грустью несказанной.

Веночная в доме. 12 молодых девушек, подруг Наташи (и все на нее похожи, хоть сама Наташа и красавица, а они обычные), юношеские голоса ее братьев, прилежный голос Мансурова Сергея Павловича и замысловатые выпады дядька. Голоса девушек чистые, легкие, прозрачные.

Интересная эта семья профессора Голубцова²¹ (отец и мать умерли). Вся молодежь семьи не только религиозная и церковная, но и явно монастырская. Мальчики очень хорошие и неглупые, еще школьники. Старшая, красавица Наташа готовится в монахини.

Комментарии вдовы Мансурова²²**«Почему поселились в Сергиеве?»**

Поселились Мансуровы с Сергиевом Посаде, потому что после февральского переворота (17 год) их друзья и родственники Олсуфьевы купили дом²³ и предложили Мансуровым занять нижний этаж, а в Москве у Мансуровых в это время не было своего угла. С Олсуфьевыми они сжились на Кавказе, в Тифлисе, где Юрий Ал<ександрович> Олсуфьев и С.П. Мансуров работали вместе в Земском Союзе во время войны 1914 года. На такое соединение с Олсуфьевыми было благословение Оптинского старца Анатолия, который знал и тех, и других. «Учеником» Флоренского Сергей Павлович себя называл, но это было гораздо раньше, в 1912–1913 годах, еще до женитьбы Сергея Павловича.

Расхождение с Флоренским было. Флоренский ценил и одобрял замысел труда Сергея Павловича по «агнологии» (выражение Флоренского), но, как я думаю, не зная глубоко все внутренние причины того, как сложилась личная жизнь, сделал по догадке неправильный вывод, на какой путь стал Мансуров, как некое презрение к земле и к жизни <нрзб>.

Несмотря на расхождения, оба они продолжали признавать значительность друг друга. Сергей Павлович считал Флоренского «гениальным», в некоторых случаях давал оценки.

М.Ф. Мансурова

18 января

Мировой знак креста на лоб. Хор пел про то, чему радовались реки и горы. Не уловила текста песнопения, но что-то очень красивое. Попрошу Михаила Владимировича отыскать в книгах это место богослужения.

Таинственный круг богослужения, не размыкаясь, размыкается по окончании богослужения. Невозможно уйти из церкви до конца богослужения. И когда кончается таинственный круг, в котором были все предстоящие, — сомкнувшись, поднимается и истаивает вверх. И уже можно идти домой.

Не люблю опаздывать. Тогда не сразу включаюсь в ритм богослужения, чувствую себя около, будто за оградой.

Мансурову не больше 30 лет. С университетским образованием, из старой артистической семьи. Жена его, Мария Федоровна (урожденная Самарина) похожа на ангела Боттичелли²⁴ — чистое, легкое, светлое, прекрасное лицо. В памяти сейчас ее лицо слито с лицом Примаверы Боттичелли и его же Венеры²⁵ над водой моря, среди раковин. Высокая, тонкая, с прекрасными ушами и руками.

Говорят, что Мансуровы живут под руководством зосимовского старца, и брак их такой, как бывали браки в первые века христианства, когда муж и жена были как брат и сестра.

Сергей Павлович приехал жить в Сергиев Посад как будто после прочтения «Столпа и утверждения Истины» Флоренского, приехал, чтобы быть вблизи Флоренского, чтобы «быть его учеником». И первое время они открыто и быстро шли друг к другу навстречу. Потом — разминулись. Мансуров чем-то нестерпим для Флоренского, и в чем-то Мансуров нестерпим по отношению к Флоренскому.

Не Мансуров, а «люди его толка» говорят, что Флоренский берется и занимается делами, не подобающими священнику. И электричество, и математика, и искусство, и многое другое.

Мансуров молится как простолюдин, прикладывается ко всем иконам перед службой, здороваясь с ними, как с близкими дорогими существами, ходит по богомольям, глубоко и светло религиозен, в общении с людьми очень прост, спокоен и совершенно терпим и ненавязчив. Никаких попыток и никакого желания иметь на кого бы то ни было влияние, но само собою люди поддаются под обаяние его тишины и внутренней силы (какого-то стройного светлого ритма). Ни он, ни его жена никогда ни на кого и ни на что не жалуются.

Софья Владимировна Олсуфьева²⁶ сказала (в подвале во время разбора картофельных дюн), что во всем, что касается учености, — Флоренский авторитетнее, чем кто-либо, может быть, и всей России, но, что касается вопросов веры, то она скорее обратится к какому-нибудь тихому простому монаху, чем к нему.

О Мансурове говорят, что он «нелюдим». Я удивилась этому, потому что у меня о нем совсем другое впечатление. Мне пришлось молотить и веять пшеницу и рожь с ним, с его отцом Павлом Борисовичем, с Михаилом Владимировичем и Натальей Дмитриевной Шик и с мужем и женой Олсуфьевыми.

Так чудесно было живое, льющееся золото зерен, колосьев! Мне хотелось прыгнуть в золотую гору зерен или в золотые горы соломы и зарыться в них с головой, и кувыркаться, и кувыркаться, и вообще как-то потрогать все это.

И изо всех, кто там был, один Мансуров был со мной как заговорщик и всегда сочувствовал, тихонько улыбался и искрился золотыми искорками своих темных коричневых глаз. У него поразительно кроткое лицо, как-то некстати сказать — красивое, потому что оно более чем красивое — замечательное, прекрасное. Одет он всегда небрежно, от случайности и крайней бедности одежды, но руки его изысканно изящны и тонки, и в чем бы и как бы он ни был одет, — он никогда не теряет особенного изящества, такого тонкого и дорогого, какого не может устроить ни один портной и все, что можно купить. И какая простота, какая спокойная свободная прелесть в нем, в его обращении, в слове, в молчании.

Вечером

Минут через 20 пойду в церковь. Только что кончился обычный вечерний приступ лихорадки с «мировой скорбью» (не знаю, куда деваться от гнетущего отчаяния, тяжести, но я не очень пугаюсь, так как заметила, что все это приходит и уходит с лихорадкой).

Как я рада, что иду в церковь! Будто в катакомбы иду, и нет ничего на свете, что казалось бы дороже этого. Когда ходишь в церковь, часто очень жалко и трудно пропускать богослужения, будто теряешь звенья, «выключаешься» из круга.

19 января

Таинство освящения воды.

Опоздала немного, но с первого же момента влилась в ритм богослужения. Причащали младенца Михаила Флоренского²⁷,

сестру его Олечку и золотоголовое чужое дитя. Руки мои, голову и сердце омыла родниковая живая вода.

Изумительной красоты и глубины пророчества Исаии и псалмы Давида об Иордане.

Младенца Михаила принесла в церковь тихая, простая дама с чистыми, ясными глазами и улыбкой матери – жена и мать детей Флоренского. Я узнала ее просто так. А потом к ней подошла Олечка Флоренская²⁸, которую я раньше видела с Огнёвой. Это-то и подтвердило мою догадку, что эта дама – Анна Михайловна Флоренская.

22 января. Сергиев Посад – Москва
В.Г. Миревич – О. Бессарабовой

Лисик, мой родной, спасибо тебе за письма и за все. Главным образом за то, что ты есть на свете. Скажи маме, что с санаторием вряд ли что выйдет и в конце этой недели я появлюсь под сергиевским небом.

Дай Бог, нам не ввергнуться снова в геенну огненную. Добрую волю к этому у себя и надежду на помощь с высоты высот ощущаю...

Милый друг, родная моя сестричка Оэлла, я очень о тебе соскучилась, и о маме тоже. Скажи ей, что сердце обливается кровью, когда думаю о том, как не умею согреть ее жизнь. Может быть, потому что сама я с некоторых пор живу в полярной стране. По приезде придется устроить санаторный режим в Быковском санатории, обливание, молочную диету, раннюю обедню, обет молчания. По временам я изнемогаю от московского обихода, но в общем выношу его без окончательного психоза. Блажен, кто живет в снежных пустынях Радонежских, в Москве слишком много лязгу и скрипа мертвых колес цивилизации и тишина духовных зачатий спугнута суматохой, звонками, мельканиями, пустыми любопытствами.

22 января

Утром после сна о брате Борисе открыла глаза и увидела сверкающее золотое кружево окна. Иней. И несколько секунд до ка-

ких-то голосов за стеной была в волшебном царстве солнечного инея, где когда-то видела Т<олсто>ва. И не успела еще вспомнить о нем, как уже проснулась.

Устала я. Устала от вечного томления, ожидания писем от братьев, от косноязычных глухонемых писем Ивана Васильевича (как я была благодарна ему за них!), от вечной настороженности и какого-то наклона, с которым всегда ждешь вестей тревожных, путаных и неясных.

Устала. Устала дышать, смотреть, быть. Замучена, будто через пепел и мглу вспоминается Дом Смерти: Голод. Холод. Сны. Тиф. Смерть.

Мама!

23 января

Флоренский не умеет иногда защищаться от внимания к нему. Беспомощно сказал однажды Михаилу Владимировичу:

— Михаил Владимирович, спасите меня от К. (одной дамы), она хочет ходить со мной в Университет! — сокрушался и горевал, что вот надо идти куда-то, обещал К.

— Не ходите, отец Павел, ведь у вас же и времени нет сейчас.

И он очень был рад, что это оказалось возможным — не ходить. В эту субботу и воскресенье он был здесь, а собирался ехать в Москву, на свадьбу Каптерева²⁹. Говорил о поездке неохотно. Софья Владимировна и говорит ему:

— Да вы не ездите.

— Вы думаете, можно не поехать? — обрадовался он.

Ему еще что-то говорили и убедили не ехать, и он остался. Софья Владимировна не утерпела и по-женски, лукаво, простодушно сказала ему: «Там будет так много народу, что и не затеряешься» (смеялась, когда рассказывала). Вероятно, она была очень хороша, и теперь еще хороша, и иногда особенно вспыхивают отблеском прежней прелести и блеска.

Одна из старушек Красного Креста на мой вопрос — когда начнется завтра обедня, ответила: «Наш поп нэ хватный, сам не знает, когда начинает». «Поп хватный», — это о Флоренском! — прозвучало очень забавно.

27 января

Не люблю я Владимира Соловьева³⁰. Почему-то кажется, что его должен не любить и Флоренский. Вот было бы интересно проверить!

«Оправдание добра!»³¹ — как будто оно нуждается в защите. Раньше не хотелось (и не захочется) читать.

7 февраля

На вечер к Бердяеву³² я надела на черное платье парчовую, отороченную соболем кофточку Тани Епифановой. Накануне вымыла голову, и волосы зазолотились, и едва сдерживались в тугой косе. Таня сказала, что от сияния волос золотится и соболь. Кофточка так красива, что, по словам Жени, «отвлекла внимание аудитории от Флоренского и его доклада». Я сама заметила, что на кофточку смотрели, и думала, что на меня оглядываются, как на чужую, потому что все там были знакомые между собою люди, а я пришла не сама по себе, а с Женей, и очень боялась, что меня уведут с доклада, и мне так было интересно слушать, — о докладе завтра.

8 февраля. Москва

Вчера у Бердяева слушала главу из будущей книги Флоренского о Бухареве³³. О поездке на озеро Переяславское³⁴, о Бухареве и о жене его, Анне Сергеевне³⁵. И о том что, и о том кто читал. И как читал, и о чем и как молчал, что и как отвечал.

Две свечи, много слушающих лиц, овальные старые портреты и овальные зеркала. Чашки старого фарфора (вероятно, Гарднер; у кого еще такой великолепный синий цвет и медалионы с цветами).

Мешала мне яркая люстра, лучше было бы, если бы горели только те две свечи.

...Когда кончились разговоры после чтения о Бухареве, я и Женя прошли через внутренние комнаты, чтобы поскорее уйти. Еще не успели одеться, как в ту же дверь проскользнул Флоренский. Ему преградили путь как раз на калошах Жени. «Честь

имею», «очень рад», «когда же вас можно застать», «Где вы в Москве», «Я рад вас видеть».

— Я в Москве — в разных местах, меня трудно застать, я только приезжаю.

...Обступили, обступают. Запахи хорошо умытых, надушенных и сигаретных волн и потоков, черные сюртуки, смокинги, дамы.

— Ой, Женя! Я уйду! — Женя догнала меня в переулке и с веселой серьезностью бесенка сказала:

— Иду почти по стопам Флоренского. Он стоял на моих калошах и прикрывал их шлейфом рысы.

Когда Женя помогала мне надеть пальто сверх парчовой телогрейки, голова моя в тесноте и коловороте была чуть ли не на плече Флоренского. Но ни за что на свете не хотела видеть его в этом душном, копошашемся клубке сюртуков и дам. Показалось, что эта крошечная прихожая — корзинка с живыми раками, и вот они возятся, шевелятся, двигают усами, хвостами, клешнями; даже страшно стало от тесноты.

Как неизбежен день сегодня. По поручению Вавочки надо быть в Госиздате и в пяти домах в разных концах Москвы — все по ее издательским делам. А вечером — с Виктором Константиновичем на «Принцессе Турандот»³⁶ в Вахтангове.

А закутаться бы в шубу и затихнуть на диване, и молчать, не разговаривать.

Но не затонуть дню и городу моего Китежа!

Не развеять глубли и сини озера!

И если от мороза станет озеро льдом, то льдом хрустально прозрачным и чистым — до весны.

Я не исключаю возможности нового, еще не ведомого имени в Весне, — почему это имя я не смею даже включить в свой лирический круг «Великих возлюбленных» — да Винчи, Идиот, Себастьян ван Строк и другие.

Ничего, день, что ты такой многолюдный и деловой, ты — под знаком светлого имени, не сказанного вслух.

3 часа дня, Воронцово поле, Введенский, 21.

В царстве старого фарфора, собранного Морозовым³⁷. Забежала туда от Людмилы Васильевны Крестовой-Голубцовой³⁸, у которой была по поручению Вавочки. Какая женственная, пре-

лестная и умная женщина. Совсем зеленые у нее глаза и очень милый голос. Вот и ученая, вот и пишет, а и дети у нее рождаются, и сама очень женственна, — и вокруг нее все изящно, и чисто, и опрятно. Много книг, чувствуется внутренний творческий поток и ритм, и тут же ребячье, младенческое вокруг, — все как-то ясноглазо, легко дышится вокруг нее.

Владелец этого музея фарфора, Морозов, бросился с крыши своего дома, когда у него был отнят этот музей. Он собирал и любил его всю жизнь. Морозов, богач и купец. От музея — впечатление сада принца (сказочного, как у Уайльда).

10 февраля. Москва

Третьяковская галерея. Старинные иконы, Суриков, Врубель, Нестеров, Левитан, Жуковский, Богаевский, Малявин, Коровин, Серов, Сомов. Старинные портреты.

Екатерина Васильевна Кудашева (Стенбок-Фермор, потом Толстая) — красавица с серебряными волосами. Она уже старая женщина, но так красива, что я поняла, что могут быть женщины красавицами до самой глубокой старости, как Нарышкина³⁹, и Нинон Ланкло⁴⁰. Она стала еще красивее, чем была в Ростове.

Николай Васильевич ее брат — Стенбок-Фермор — скандинавский феодальный сеньор. Его почему-то часто, но ненадолго сажают в тюрьму. Он неизменно любезен со всеми. И с ним неизменно любезны, так как он диктует тон разговоров (даже принудительных).

Яркие голубые глаза, и навсегда, вероятно до 100 лет, если доживет до них — будет любить женщин и вино — что-нибудь такое. Не знаю, что он делал в жизни, но, вероятно, сумел прожить жизнь с удовольствием и для себя, и для всех, кто попадался на его пути. Весь так и просится на старинное полотно. С бокалом в руке и с цветами, и с женщиной. Его можно нарядить в латы и бархат с кружевом. Общий тип лица напоминает моего отчима Ивана Васильевича — «Улыбающегося кавалера» Хальса⁴¹.

Майя Кудашева — невестка Екатерины Васильевны, вдова ее Сережи. Француженка Кювилье, поэтесса, авантюристка от природы, русская княгиня. Умная, цепкая, делает в жизни все, что

хочет. Очень странное совмещение — она и Таня Елифанова, да еще Женя в придачу. Вот уж антиподы, Майя чрезвычайно интересная собеседница, но, сохрани Бог, всех моих друзей и недругов близко приблизиться в жизни к ней. Особенно страшно было бы мне, если бы у меня в жизни был взрослый сын, вот он обратил бы внимание на нее. Как это хорошо, что сына у меня нет, а если и будет, то Майя будет уже старая. Говорю, кажется, глупости, но не знаю, как рассказать о Майе, которая может пленить, очаровать, странно заинтересовать, привлечь к себе каждого, кто подвернется ей по дороге, особенно, кто ей понадобится — поцеловать его или плюнуть на него.

Во всей моей жизни не знаю более страшных (опасных) людей — Эсфирь и она. Удивительно: от обеих я абсолютно свободна, не боюсь их. Не знаю, почему.

12 февраля. Москва

Венчание — свадьба Шурочки Добровой и Александра Викторовича Коваленского.

В запертой церкви Малого Левшинского переулка были только свидетели, шафера и Елизавета Михайловна с Филиппом Александровичем. Дома на пороге разостлали меховую пушистую шубу. Встретили Шурочку и ее мужа золотой иконой и хлебом-солью. На головы их бросали золотой дождь хмеля и ржаных зерен. Это не обряд, а обычай, но здесь даже вид хмеля и ржи был как бы священным от строгих светлых лиц Шуры и Александра Викторовича.

Шурочка светлая вся, прежняя, лучше прежней. Наконец-то!

Длинный сверкающий стол, яркий свет люстры и тяжелые канделябры по 4 свечи.

Когда готовились к ужину, было впечатление предпасхальных дней — общим тоном настроения, звоном хрусталя и серебра. За столом замкнутое каре черных сюртуков и смокингов, белые платья.

— Ты настоящая царевна, — звонко сказала Шурочке маленькая Наташа Зайцева.

Грудь царевны была закрыта старинным серебряным ожерельем (думаю — жемчугом, так устроено, удивительно!). Белое

платье, которого почти не было, но оно все-таки было вышито легкими серебряными розами. На плечах и открытых руках – белая горностаевая накидка. Фата, цветы.

Виктор Константинович за ужином несколько раз мешал мне слушать мою нечаянную радость – соседа моего, какой-то ученый, чей-то родственник, что-то такое открыл или откроет. Говорит без многоточий, каждую свою и чужую мысль непременно уж начнет и кончит не как надо. Живой образ какой-то – его я мало запомнила. Но он учился в университете с Флоренским и, что только сумел, рассказал мне о нем. (Муж сестры⁴² Александра Викторовича.) А я только слушала да подкладывала сухие ветки в костер. Дай ему Бог здоровья, хорошо горел, жаль что мало!

У Флоренского есть братья и сестры⁴³. Семья его жила в Тифлисе. Студентом Флоренский жил очень замкнуто, много занимался. Физические опыты и всякие научные занятия, отвлекающие его от главной его работы (математики), были для него отдыхом, чуть ли не запрещенным развлечением. В театр он никогда не ходил.

Сосед мой говорил еще и про ум, и про науку, и про интуицию, и про всякое такое. И во всякое такое я, а потом и Александра Алексеевна Дзбановская включили и Виктора Константиновича.

Через соседа от меня сидел и все время жмурился на свечи Сергей Соловьев (внук историка Сергея Михайловича Соловьева⁴⁴, племянник Владимира Соловьева, двоюродный брат Александра Викторовича). Я вспомнила его лицо в 16 или 17 году, в Религиозно-философском обществе он сидел за столом философов и все время (даже когда говорил) смотрел вверх на огни люстры. Дамы, мои соседки, шептали, что у него очень красивые «трансцендентальные» глаза (я не споткнулась на торжественном слове?). Он стал униатским священником.

Профессор Грушка и старичок профессор Коваленский⁴⁵ (он еще и друг Андрея Белого), отец Александра Викторовича⁴⁶, говорили невозможные вещи. Грушка – блистательно, а Коваленский – по-стариковски убежденно.

Прозрачную темную вишневую наливку свою передавала то соседу, то Виктору Константиновичу. Может быть, и наливка подливала масло в огонь моего костра, удивительное состояние

было. Острое ощущение всех присутствующих, одновременно всех и каждого отдельно. Иногда казалось, что я — бокал, и я-то уже слышала, как он пел от прикосновения к нему имени, несколько раз вспыхнувшего в разных (во всех) сторонах стола.

Почти все присутствующие знали Флоренского. Филипп Александрович видел его первый раз у Бердяева на чтении о Бухареве. Грушка, Соловьев, Александр Викторович, Филипп Александрович и еще трое — все как бы снимали шляпы с перьями, говоря о нем. Говорили о его гениальном уме, одаренности, обаянии.

Лучше всего было после ухода чужих, торжественных гостей. Шурочка будто вернулась к себе, как Беатриса⁴⁷. Но Беатриса вернулась в лохмотьях и вся скрученная всем земным, а Шурочка будто воскресла, будто вернулась из ада (сквозь муки) — светлая вся, на свет Божий. Она и ее муж так прекрасны оба, что мне показалось, что я хочу, чтобы они сразу вдруг умерли бы, чтобы быть прекрасными и чтобы жизнь не захватила их своими руками и копытами.

Красота очень ответственна. Если красота не прекрасна, она умирает, убивает, разлагается.

Муж Шурочки очень молодой, очень хрупкий и изящный. Первое, что мне пришло в голову о нем: Розенкрейцер⁴⁸ и еще: Шелли⁴⁹.

Даня очень мил. Как он вырос!

Когда засыпала, вдруг поразила меня мысль, что весь этот вечер вместились в 1922 год, в город Москву. И я, живая, оказалась в нем. Это было так удивительно и как-то непосильно для осознания, что я сразу устала и крепко заснула. И как все это было красиво, и какого высокого уровня, и как вершинно, — эти двое, как лучшее, что есть в жизни человека и страны, где они живут.

Варвара Минович

Сыпучим снегом засыпает
Мою могилу зимний сон,
И буйно вьюгами играет
Клубясь над ней, река времен.

На ледяной своей постели
Забылось сердце в белом сне,
Внимая пению метелей
Уже без грезы о Весне.

13 февраля

День рождения Саши Доброва. Опять белый сверкающий стол. Пришли Коваленские. И нельзя решить, когда Шура была светлее и красивее – в белом ли с фатой или в этом черном газе с белым горностаем. И ожерелье над черным газом, еще красивее – как волшебное какое-то <нрзб>. Или Шура такая красивая, что вещи на ней и вокруг нее делаются красивыми.

Когда Филипп Александрович и Вильгельм Юльевич Вольф⁵⁰ начали играть в четыре руки (Вагнера) – Шурочка, Александр Викторович и я ушли в комнату Шуры Дзбановской. Шурочка скоро ушла к гостям, а Александр Викторович рассказал мне Лилит, о Розе Ада, о Люцифере, о борьбе его и с ним, о предательстве за него перед Богом, о космическом значении явления в мир Христа.

Пришла Шура. Она застала конец фразы Александра Викторовича о том, что в жизни мы проходим иногда «круги ада». Александра Филипповна вышла.

Они вместе начали вспоминать и рассказывать, «как все случилось» ...«билеты на концерт Скрябина»... «подошел к окну Шуриной комнаты»... «почти ночью!»... «а в комнате был Содом с Гоморрой, нельзя было пригласить в дом... беспорядок, уборка...»

И ушла Шура из его чародейной комнаты (на том же дворе дом) в 8 часов утра. И потом каждую ночь, часу во втором он приходил за ней и уводил ее к себе («из ада»).

...«Воробьевы горы... пролетевшая птица... помнишь?» (Эсфирь в это время была у постели больной Скрябиной).

Александр Викторович пишет что-то о лимурийцах, о Люцифере, о Лилит, о грехопадении. Он последний в роде, предки его насчитывают семь веков. В роду его были кардиналы, всякие удивительные люди. Даже привидения есть, у них в доме все как следует!

По ночам кто-то будто ходит по дому. Иногда — враждебное, иногда доброе (благосклонное). В доме бывают молебны, кропят комнаты святой водой. Но пока существуют рукописи Александра Викторовича, в доме неизбежны всякие присутствия. Он их не уничтожит. Против враждебных сил молитва и крест, а светлым силам мешать не подобает.

Александр Викторович говорил свои стихи и стихи Эллиса⁵¹ — о Лилит.

На другой день я была у Коваленских. Александр Викторович читал мне записки о лимурийцах и свои стихи. Шурочка очень устала от свадебных дней и свернулась клубочком в углу дивана и радовалась, что я и Александр Викторович познакомились. У Александра Викторовича удивительные глаза. Не то детские, не то им тысяча лет. Лицо его напоминает женские лица Бена Джонса⁵², хотя сам он и лицо его совсем не похоже на женское переодетое существо. Оказалось, что он моложе меня на год. А кажется старше на много лет, а по виду совсем молодой юноша.

О Викторе Константиновиче. Теперешнего Виктора я никак не могу склеить с тем прежним, светлым, золотым Лелем. Он как-то сбился с тона, куда-то делся, полинял. Он даже говорит некстати, и весь, во всем не уверен в себе. Валю он уже не любит и уцепился за нее крепко, до смерти. Она ему нужна в жизни, он всегда будет даже любить ее каким-то особым образом, и много будет горя, да и есть.

Шура Дзбановская стиснув, зубы сказала:

— Пусть попробует причинить Вале горе, я ему покажу!

Она до того не уважает его, что даже любезна и ласкова с ним, как с болонкой. И он совсем не понимает, что даже слушать она его не умеет. Он грустит, оглядывается, ходит в какие-то театрики, рассказывает всем о каких-то женатых сослуживцах (и его никто не слушает). Все в доме зовут его дружески «Виктор» и «ты». Я все время звала его полным именем. Не позволила себе ни одной фамильярной нотки, а эти нотки уже в симфонию жизни, тона отношений к нему разрослись в окружающих.

И мне стало так остро жаль его и так больно, что я вдруг успокоилась, отложила всякое земное попечение и забрала его голо-

ву к себе. Он чуть не заплакал. Рассказал о своем смятении, распутье, о всяком трудном. Я сказала ему почти все, что сейчас вот написала о нем здесь, а о некоторых вещах даже более резко, чтобы он в возражениях укрепился бы, утвердился. И, наконец, он успокоился. Он обещал писать мне все, все, как духовнику, как сам себе не писал бы, ему это необходимо.

Я приняла его всего, каков он есть, но я была бы рада, если бы Валя оставила его. Но Валя его не оставит. Он не тот, не тот! Он отчаянно борется против какого-то «мелкого беса», комкает, мутит. В нем есть желание выпрямиться, но в глубине души я не чувствую в нем крепкого живого стебля, стержня. Так, разводы какие-то.

— Олечка, даже не думал, что мы так хорошо встретимся... — пишите, ради Бога, чаще...

Он вообще куда-то делся, развеялся. Я его не помню отдельным человеком. Он Валин муж...

Странно, совершенно спокойно было встретиться на улице со Львом Николаевичем Е.⁵³. Два года? Неужели же когда-нибудь была включена в круг моего внимания эта красивая обезьяна из «страны людей?» Тогда, когда я попала в страну людей — после несуществующей истории о Т., строителе несуществующего Города Сада!

Шла быстро. Арбат. Вдруг провалилось два года. Смотрю: Эвальд! У меня все спуталось: Воронеж, Сергиев Посад, Москва, Эвальд? Боже, да ведь он деревянный! Деревянный жук или рак, или что-нибудь такое. С любопытством смотрю, смотрю на него. Он ежится, искрится, улыбается, записал мне свой, а себе мой адрес, телефоны.

Невидимыми своими шупальцами (усиками какими-нибудь, как у рака или жука) он пошевелил в сторону: где я, что и кто я, что со мной.

19 февраля

Зина пишет: «Во Христе или во Флоренском?» — Эта строчка спокойного вопроса вызвала во мне смятение. Через Флоренского, им, о нем, именем его. Неужели и это грех и что-нибудь не так?

Я, Вавочка и Таня Епифанова были у трех сестер Розановых, дочерей Василия Розанова. Живут с матерью, вдовой Розанова Варварой Дмитриевной⁵⁴. Таня читала нам «записки умирающего Розанова» и его же «Моя семья», о Египте, Эос, «Черные воды», стихи «Прощание с друзьями», «Ночное солнце». (Он что-то хотел сказать Флоренскому о «Ночном солнце», но не успел.)

О Флоренском в его записках есть: «Флоренского благодарю за его изящество, мужество и поучение».

Запечатали домовую церковь Красного Креста.

23 февраля

Всенощная в Черниговском ските.

24 февраля

День прощения. Обедня в Рождественской церкви. Вечерня в Пятницкой⁵⁵.

27 февраля

Вечерня в Рождественской церкви. Тяжело. Странное, мучительное отсутствие. Затаилась, вырвалась из заклятого круга отсутствия и простила в сердце своем, и просила прощения у тех, кому от меня больно и от кого было горе.

27 февраля. Сергиев Посад – Воронеж
О. Бессарабова – Б. Бессарабову

Борюшка, я не приеду в Воронеж, мы не будем жить в нем вместе и с папой. И тебе не место там. Тебе надо выбраться из Воронежа в Москву и учиться художеству.

Тебя, брат Борис, никогда не забуду твоего зова в Воронеж, благословляю тебя за твою доброту и нежность.

Из Воронежа тебе надо выбраться во что бы то ни стало, ценою теперешней твоей карьеры, и пошли ее ко всем... Кто ее жаждет! Чем больше успеха в твоей «общественной линии», тем хуже для тебя, – втянешься – развеешься.

В этом году я кончу свой Институт, и заработок у меня будет тогда обеспечен. Если понадобится, мы будем жить с тобою в Москве. А если заработок устроится здесь, я буду жить здесь и держать с тобой крепкую связь. Подумай, поговори об этом с мудрым Володей, и благоразумно или неблагоразумно уезжать из Воронежа, а там будет, что будет в Москве. Что-нибудь да будет.

Вчера, в день Прощения, я от всего сердца и помышления простила В. Я. нашу с тобой вину, и его присутствие в поле нашей жизни, и все горе, которое было. И я прошу у него прощения за все, что я думала и говорила о нем, и за все, что было ему через меня болью, и за все, о чем я молчала ему. Писать ему я не буду. Для этого я еще недостаточно сильна и свободна.

Устроился ли ты с комнатой? Где живешь и как? Прочла два твои письма с вопросами о моем приезде в Воронеж и еще больше убедилась: выбирайся из Воронежа! О делах художественных мастерских твоих не имею понятия.

Как ты отнесся к «Видению» о тебе Вавочки? Она закрывает глаза и говорит вслух, рассказывает, что она видит, закрыв глаза. Я записываю вереницу образов о каком-нибудь человеке, и вот, видишь, как получается. Удивили меня «улетающие вороны», Вавочка, конечно, и понятия не имеет ни о каком твоём черном вороне. Да и я-то не знаю его, но знаю, что какой-то черный ворон у тебя был и улетает! Очень хорошо, что улетает!

Борюшка, не замолкай надолго и так ужасно, как молчал ты до декабрьской нашей встречи с тобою. Знай, мой дорогой, когда ты выберешься из болотных окон и ям Воронежа, если тебе будет это нужно и удобно в житейском плане, мы будем жить вместе. Я кончу Институт, ты учиться будешь в Москве, а жить можно и в Сергиевом Посаде, если я буду работать там. Предполагать не могу, я не знаю, как сложится мое будущее после Института.

28 февраля.

Оттепель. Валенки не пустили в церковь. Вчера — Мефимоны⁵⁶, покаяние. Никак не могу я влиться в покаяния. Я просто не чувствую, что мир греховен, во зле лежит, что все и всё грешно. Или я не про то думаю и говорю. Но все, в чем люди каются и

что называют грехом, вызывает во мне только острую жалость и боль и какое-то пронзает сочувствие, как к человеку, у которого беда. Или я очень грешный человек, или я и правда не родилась еще духом, чтобы понять про грех?

Мир во зле лежит? Мир греховен? Да не правда же это! Привыдумок много. Я еще не вошла в Церковь. И если я еще не «во Христе», то и не «во Флоренском». То, что о нем — только мое да Божье.

Может быть, и не надо, чтобы сны приходили в явь. Что им тут делать?

Хочется заступиться за мою любимую планету Землю и за всю жизнь.

28 февраля

Варвара Розанова о Флоренском

Длинные руки, глаза без улыбки,
 Волос послушный до плеч,
 Быстрый, задумчивый, знающий муки,
 Мало знакомый пришлец.
 К жизни доверчивый, не без презренья,
 К людям подходит спеша.
 С чувством раскаянья и униженья
 Мало знакома душа.
 Строго, без трепета, часто с улыбкою
 Женщину судит; всегда
 К детям относится с ласкою пылкою,
 Знает их жизнь; в чудеса,
 Веру в загробное и в предсказания
 С раннего детства таит,
 Бледных русалок и трав заклинания
 С трепетом сумрачным чтит.

28 февраля. Сергиев Посад — Воронеж

О. Бессарабова — З. Денисьевской

Зиночка, в письме своем от 19—20 января ты спрашиваешь: «Во Флоренском или во Христе?». Этот же вопрос, закруживший меня в метельный вихрь и смятение, поставила и жизнь:

закрыли, запечатали церковь Красного Креста, где служил Флоренский.

Я хожу теперь в Черниговский скит, в монастырскую Пятницкую церковь и в Рождественскую приходскую. И все больше и больше гибну, и все труднее: все кажется «не так» — каждое слово, каждый жест кажется кошунством, малейшая небрежность или равнодушие в богослужении кажется чудовищным, часто неумелым все. Очевидно, во мне еще слишком мало личного религиозного творчества, мне нужен жрец, маг, включающий меня в таинственный круг богослужения. Мне это очень не нравится, очень тяжело. Не знаю, чем кончится, куда направится все это. Невольно приходят в голову мысли, сближающие богослужение со сценическим театральным творчеством. Представь себе какое-нибудь гениальное художественное произведение (литургия и есть такое, созданное в высоком светлом экстатическом взлете), которое ты видела бы и слышала в чтении и изображении гениального актера, художника. И потом это же произведение пришлось бы тебе видеть в обыкновенном провинциальном театре... После камерных богослужений в церкви при больнице Красного Креста, где даже каждый рисунок и цвет вышивок на одеждах и вещах был тонко и глубоко обдуман и прокален вниманием гениального художника, более тщательно, чем весь коллектив и вся режиссура Художественного Театра устраивает свои новые постановки. Ну, подожди. Струсила. Я даже глаза от страха закрыла, когда представила себе, что Наташа Голубцова или даже Михаил Владимирович узнали бы, что я осмелилась сравнить богослужение с театральными постановками. Возможно, что Наташа просто потребовала бы моего изгнания из дома и из города!

И мне стало скучно, и я устала. Надоедает мне этот их грех, грех везде. Всюду грех!

А разве режиссура, — ну назови, как там следует, — духовенство мало приложило настоящего художественного творчества к внешнему оформлению богослужений? Из поколения в поколение, из веков в века, сотни лет создавалось великолепное, может быть, величайшее и современнейшее в театральном смысле зрелище, представление, изобретение — мистерия богослужения!

Ты пишешь о моем и Вавочкином «христианстве». Да Вавочка и не христианка. А обо мне, язычнице, и говорить не-

чего. Вавочка — бунтовщица, еретик, индивидуалистка до мозга костей. А в религиозной церковной жизни многое так болезненно остро для нее неприемлемого, что и тронуть нельзя.

А мне, видно и не суждено проснуться от снов и тени теней. Я все еще до добра и зла и про грех, хоть убей, ничего не чувствую и «вообще доброту» христианскую не люблю.

Я было попробовала написать христианское письмо В.Я. — и опыт не удался.

О Викторе я уже писала тебе. В Москве мы пробыли вместе пять дней. Я была бы рада, если бы Валя оставила его. Он как-то незащищен: каждая женщина может свернуть ему голову и ужасно то, кажется, что настоящая, порядочная женщина не захочет сделать это, а он просто может развеяться, распылиться. Трудно ему, бедняге, и Вале будет трудно. Он показался мне невыносимо эгоистичным, пустым, полым. Будто все золото сошло с него вместе с его золотыми волосами и аксельбантами, и остался какой-то тип человека, а не человек. Пока ничего не пишу о нем Вале. И это тяжело. Может быть, это теперь так после тифа. Что-то сдвинулось, наклонилось, переместилось в нем во время тифа и, может быть, нужно время и бережная любовь, чтобы встать ему на ноги.

1 марта. Сергиев Посад — Воронеж
О. Бессарабова — З. Денисьевской

Зина, я запечатала тебе два письма сегодня и не рассказала еще о Тане Балицкой. Я встретилась с ней в свой последний приезд в Москву. Таня одна из «Кружка Радости» 1917 года в Москве. Тихая, некрасивая, но очень легкая, изящная и милая. Как свечечка. Много никогда не говорила, всегда что-нибудь нужное и интересное скажет, если скажет. Живет она сейчас с матерью своей и своим сыном. Сыну уже три месяца. Белое, розовое, голубое дитя, очень опрятный, спокойный, жизнерадостный и круглый. В доме он неограниченный, но очень умно и твердо управляемый монарх. Отца у этого младенца нет, и никогда не было. «Отец его не тот, кого я любила. Отца у него нет, и не будет».

Таня всегда любила детей и хотела, чтобы у нее было свое дитя. И вот оно явилось к ней. Таня и ее мать так понравились мне, что я пробыла у них час, а очень спешила по делу в другие места. Но что дела? Когда-нибудь умрем, и дела будут не нужны. А этот час с двумя прекрасными матерями — мне как подарок.

В жизни Тани было что-то до того нелепое и страшное, что одна дама, слушая о ней, сказала (вслух подумала): «Да воскреснет Бог!». Отец мальчика — крестьянин, пожилой человек, хозяин дачи, где жила семья Тани. Таня любила одного человека, но что-то случилось у нее в жизни — тяжелое, едва не сломившее ее. «Было много горя. Если бы не Вася (дитя) — я умерла бы, не выдержала. Но явился Вася и стал жить, и все стало чисто и ясно. И мать свою выправил, и бабушку забрал в свои руки».

Еще я не рассказала тебе о своей встрече с Эсфирью. Я выходила из ворот дома Скрябиных. Татьяна Федоровна, вдова композитора Скрябина, красавица, поправляется после очень длительной и тяжелой болезни. Собирается в Париж, Ариадна, ее старшая дочь, хочет остаться в Москве. Не хочет уехать из России «в такое время». Я пришлю тебе ее стихи. И в крытых воротах лицом к лицу сталкиваюсь со стройным немного наглым юношей с папиросой, насвистывает, а папироса в углу рта. В одно время называем друг друга по имени: «Оля!» — «Эсфирь». Она быстро погасила папиросу и превратилась в женщину, несмотря на одежду. Как ни странно, но в этот момент я совершенно все забыла, не помнила совсем обо всех злодействах этого существа. Она довела меня до дома Добровых, и, почти уже прощаясь с ней, я вдруг сказала вслух: «Да ведь это вы, Эсфирь».

Она мрачна, печальна, кротка и тиха. Сияющими глазами, глубокими бархатными нотами грудного голоса, красивыми стихами и бесконечной, уже переставшей поражать ложью, — ложью вдохновенной, проникновенной, кружевной и искусством своим обаяния она была вполне искренна. Она рассказала мне почти все — тактично, очень умно и вероломно.

Я уверена, что многое, что приписывается ей, — легенда, но во многом она хуже, чем это могут выдумать и вообразить.

И все-таки, мне ее жаль очень. Через нее людям, и ей от людей — много наслаждения, тьмы, мрака и гибели. И где было больше всего этого — в ее ли жизни или в жизни тех, кто тянется к ней, поддается ее влиянию. И отшатнулись от нее, и выбросили ее из своего круга. (Весь круг знакомых мне людей не встречается с ней — «закрыты все двери».) И сами не погибли, не пропали. А для нее «закрыты все двери» (круга моих знакомых 1915—1917 года).

Но что бы ни было, ведь была же искра, вызвавшая стихи В.Г. «Утренняя звезда», любовь Шуры (о темной, уродливой и мучительной стороне этого я не говорю сейчас). Или я очень грешный человек, или и правда я еще до добра и зла и не родилась духом, чтобы понять грех?

Эсфирь говорила, говорила (ложь более страшная и тонкая, чем об этом говорят, и правда — более жестокая и глубокая, чем об этом подозревают). Я и говорю: «Да, что Эсфирь... Эх, вы! Трудно теперь? Много горя и вам, и от вас было», — и я поцеловала ее и потихоньку погладила по голове. И она поняла, что я все поняла — где ложь и где правда, и с другим лицом — усталым ответила: «Ах, Оля, ведь для всех них я — игрушка, они и не заподозрили, что я человек. И для вас я — отвлеченное понятие, но для вас закон не писан и хоть сами-то вы чисты. И добры».

В общем, у меня осталось впечатление, что все события последнего времени (я как-то и не соберу их в своей голове, кошмары какие-то, бреды; теряется чувство реального) ошеломили и ее самое, она взяла теперь тон мрачной печали и утонченнейшей, почему-то хочется сказать — средневековой учтивости (венецианской). А в «событиях» участвуют — кража, шантаж, деньги, ложь, сознательный обман, темные связи, кокаин и прочее.

Ариадне Скрабиной 16 лет. Она пишет мистерию, которая кончается смертью всех участвующих в ней. Настоящей смертью на костре на Красной площади. Хочет пойти к патриарху, чтобы он благословил ее на эту мистерию и смерть, добровольную жертву и искупление за все зло и весь ужас, который царствует в мире, в России, на Поволжье — всюду. И на Западе, в Европе и особенно у нас. Она очень красива.

Вот ее стихи, немного или много сумасшедшие.

Ариадна Скрябина
«Книга пророчеств»

«Имеющие уши слышать да слышат».

П р е д и с л о в и е

Люди проходят как призраки.
Мне хочется закричать на север, на
Юг, на восток, на запад: любите
Меня, любите! И не потому, что
Я сама возлюбила вас. Я
Призываю всех, но придут
Только Избранные. Счастливы
Же те, кто будут умирать со мною.

.....

Над призраком сожженного Кремля
Я венчаюсь лаврами позора.
Падут кумиры властью царственного взора,
Под светом утра уползет ночная мгла.

И со священным трепетом любви
Я принимаю дань насмешки хама
И на амвоне мной воздвигнутого храма
Усмешкой вещей ответчу на плевки —
Ведь я монарх. Не нужно фимиама.

.....

Как на суку повисший плод,
Зарей насыщен небосвод,
Земли беременное тело
Предчувствием отяжелело.

Полетом реющих орлов
Избранники придут на зов,

И даже вопли оглашенных
Не возмутят тогда священных
Величием рожденных слов.

С о б л а з н ы

Лобзанием горячих губ
Манят ночные небеса,
Меня в чернеющую глубину,
Где тает звездная краса.

Я в силах чистой устоять,
Как вызов брошу наглый взгляд
В телесно-бархатную гладь,
Где звезды блудные горят.

.....

Алчным взором я пронзаю
Небосклона синеву,
Я не вижу в небе рая
И в тоске оковы рву.

Верю, верю, умирая,
Только в лик моей звезды,
Я не вижу в небе рая,
В нем звезду увидишь ты.

Для тебя ль ее зажгла я?
Не узнаешь никогда.
Я не вижу в небе рая,
Там горит моя звезда.

.....

В лесу дремучем заблудилась ночью я.
Шумит гроза. Глаза горят от слез,

Об лес душа разорвалась на клочья.
О, где Тебя искать мне, мой Христос?

В лицо мне дождь и ветер хлещут грубо,
У всех людей есть дерево иль куст,
А у меня пень срубленного дуба,
И сердце выжала по капле грусть.

Но, окруженная травой сорной,
Я обнимаю пень мой, как мечту.
И к черному его прижавшись корню,
Изнемогаю от любви к Христу.

Р о с с и и

Ты встанешь, обливаясь золотом
Своей сияющей красы,
Над идолом своим расколотым
Венец позора примешь ты.

И призраки полузабытые
Когда-то царственных держав,
К твоим ногам падут разбитые,
Тебя во славе увидав.

Т. С. (М а т е р и)

Ты слишком прекрасна. Когда на тебя я смотрю,
Мне чудится шепот ужасный продажи и купли.
В глубоком подвале ловил он улыбку твою
И гладил твои шелковистые кудри.

Клейма его взгляда нельзя покаянием смыть,
Ни вырвать забвением. О, звук его имени страшен.
Не может твой глаз в своей тьме его образа скрыть.
О, бойся, с такими глазами бросаются с башен
Страшишь, — не свобода тогда ожидает тебя.

Он ждать тебя будет и там, неизбежный и строгий.
О, бойся! Ты слишком прекрасна и слишком горда,
Таковыми, как ты, смеют быть только дьявол и боги.

.....

Мы умрем, бесконечное небо в тебе,
Мы в пространствах твоих растворим свою душу,
Мы сольемся в глубинах твоих во Христе,
Наш порыв все миры победит и разрушит.

Мы умрем, чтоб потухшее сердце зажечь
Об вечерние звезды с сиянием кротким,
Что горят пред Христом миллионами свеч
И рассыпаны в небе, как Божии четки.

Мы умрем, чтоб взглянуть на серебряный рог,
Что Христос в день второго пришествия снимет,
И земле затрубит — приближается Бог,
И при звуке которого демоны сгинут.

Мы придем приложиться к мощам ледяным,
Что плывут по твоим неизвестным дорогам,
Мы придем, чтоб холодным дыханьем своим,
Показало ты нам бесконечного Бога.

1 марта

Сейчас я вымыла голову водой из снега. Волосы стали легкими, «как хмель». И по-прежнему стали золотиться. Прежде мама замечала, что когда я нездорова или когда плохо чувствовала себя, волосы у меня темнели и выпрямлялись.

А теперь они, может быть, радуются новым снам — вот и пушистятся, и электричатся — от гребешка сыпятся искры.

Скоро выйдут из печати детские, дошкольные Вавочкины книжки. Картинки к ним сделала художница Мария Владимировна Фаворская⁵⁷, жена Владимира Андреевича Фаворского, замечательного гравера и человека. Первое, что о нем прихо-

дит в голову – чистый сердцем и очень одаренный художник. Медленный, спокойный, с самого первого взгляда, даже как будто наскоро срублен из дерева – с деревенской бородой. А потом и вспомнить трудно это первое впечатление. Этот человек, это существо – из самого дорогого материала, тончайшей работы. Руки у него чудесные – маленькие, изящные. Прекрасное лицо. Не верится, что мог он показаться четырехугольным.

К сожалению, нигде у букинистов не могу найти «Столп и утверждение Истины» Флоренского. Говорят, что миллионов за пять ее можно случайно где-нибудь купить. Я так хочу иметь ее, что не может быть, чтобы эта книга не пришла ко мне когда-нибудь.

Про Вавочку Флоренский сказал, что в ней (или она) какая-то «окультиная топь». Вавочка смеется, что он побаивается ее. О Вавочке я ничего никогда не пишу тебе. Очень уж остро и двуостро.

Да и нельзя близкому человеку говорить о слишком личном. Тогда человек как бы на сквозняке, с непокрытой головой.

После месяца в Москве она утишалась и вся как-то прояснилась. И Михаилу Владимировичу, и Наталье Дмитриевне легче стало. У бедной милой Натальи Дмитриевны слабые легкие. Ей нельзя выходить по вечерам, ее лишили участия в тяжелых домашних работах и всячески берегут. Очень ее люблю. Наталья Дмитриевна и Михаил Владимирович живут как подвижники. Да они и на самом деле подвижники. Настоящие христиане. Бог, дай мне видеть, знать и жить вблизи таких людей, как Михаил Владимирович и особенно Наталья Дмитриевна. Захватывает дыхание, когда думаешь о них. И удивляюсь я им до того, что, вероятно, называется благоговением.

Кристалльная чистота, героизм в невидимых, незвонких, ежедневных делах, днях, во всей их жизни. Их жизнь очень бедна, тяжка и остра, но они прекрасны во всем этом.

Без тени ханжества, религиозные, терпеливые, бесконечно добрые (при высокой культуре, оба с высшим образованием, с широким кругозором, со всех точек зрения, даже чужих – полноценные люди).

Никогда у них не бывает жалоб, ропота, суда – осуждения. Очень благообразный, опрятный быт, при крайней почти ни-

шенской суровости обихода, питания, трат на себя. В их присутствии, мне кажется, невозможна ложь, грубость, нечестность. Суету жизни как-то выпрямляют, освещают светом ясной доброты, долга, трудом.

20 марта

Читаем вместе — я и Валя «Столп и Утверждение Истины». В доме сверхъестественно чисто. Были в Студийном театре Лиды Леонтьевой на «Ликах любви» (руководительница театра актриса Астар чем-то напоминает Эсфирь). Вместе были на лекции Вавочки, в лесу, в скиту, в Лавре и вокруг нее. Собираемся в Зосимову пустынь⁵⁸.

24 марта. Москва

Валя еще у меня, в Сергиеве. Мне необходимо было съездить в Москву по делам Вавочки (стихи, паек, работа в словаре, издательстве).

...Афиши о концертах и билетах, о новых постановках, плакаты с фотографическими снимками голодающих, напоминающими записную книжку Леонардо да Винчи с его рисунками; витрины нарядных кондитерских, причесок, шляп, тряпок, драгоценностей, пусяков; мужчины и женщины — множество, и количество мужчин и женщин — целый город.

Город дышит электричеством, освещается неживым светом, и жизнь, и ритм его «заведен недоброй рукой». Какое счастье — жить не в большом городе, среди камней и всего этого движущегося громкого количества, а в тихом Сергиеве, где так много неба, земли, берез и прудов.

Вчера вечером в Сергиеве встретили Флоренского. Шел он домой с поезда нагруженный, как верблюд, мешком с пайком «М.У.» («мирового ученого»). Я не осмелилась помочь. Если бы были два свертка, я все-таки расхрабрилась бы.

Не нарадуюсь на Валю.

Желания мои:

1) быть слугою Флоренского; и чтобы для этого мне сразу стало бы много лет — 45 лет.

- 2) о Вавочке; о Зине; о Вале.
- 3) о братьях (судьба, дороги, близость).

Желания Вали:

- 1) найти свой путь;
- 2) быть с Виктором;
- 3) чтобы близким было хорошо;

Боже мой, ну зачем ей нужен именно Виктор?

27 марта. Зосимова Пустынь

Дорога через леса, холмы, долины, неизбывные еще снега. Тихий рассвет. Валя.

Первый монах, у которого мы спросили, где гостиница, приветил нас пригоршней горячего картофеля и двумя солеными огурцами. Это, вероятно, какой-нибудь истопник — весь он выпачкан и закопчен сажей, как трубочист. Приветливо указал нам гостиницу. Стало сразу легко дышать, и как свечи зажглись — радость, нежность, доверие (ко всему вообще: к утру, к земле и небу, так непохожими на город).

Поднялись во второй этаж гостиницы по чистой начисто лестнице — сосновый, тихий, чистейший коридор с половичком-дорожкой посередине. Большая икона Богородицы с лампадкой и чистым расшитым полотенцем. В этих стенах чисто и легко дышать. И как чудесно тихо.

— Хорошо, что приехали.

— О, да!

Отец Тимолай, монах-гостинник, привел нас в маленькую уютную комнатку. Окно смотрит на снежные холмы и леса. На снегу путанные следы — заячьи? — легкие, с петлями, узорами по снегу. Крупными хлопьями, как белыми цветами, закружился тихий снег.

Валечка начала читать вслух тихонько главу о Дружбе (с книгой Флоренского не могли расстаться, взяли ее с собой, Валя уедет и не успеет всего прочитать, а взять с собой нельзя — книга из библиотеки). Глава о Дружбе начинается так: «Бесконечными кругами кружится метелица, тонким прахом засыпает окно». Почему-то эта фраза поразила нас, как колдовство, мы сразу вошли в волшебную музыку и ритм этой главы...

Монастырская служба имеет свои особенности, и общий тон богослужения совсем не походит на богослужение в городских приходских церквях. Пока смотрю со стороны: «У них», «Они».

Обед — почему-то два супа и редька. Валечка читала вслух. Заснули в золотой сосновой комнатке. Потолок и стены гладко обструганы, как золотой муар. Через циновку в окно просвечивал золотой свет (золотился от циновки). Ой, хорошо как.

Идем в снежный, весь заваленный снегом лес, а потом — к вечерне, в церковь. Лес начинается тут же, у стен монастыря. Елки какие-то удивительно пушистые, дымчатые, как бы кружевные, с легкой очень мелкой хвоей. Дорога вьется по холмам, ведет в далекую даль и глубь и синь лесов и снегов. Холмы, холмы, снега, леса.

Три разноцветные птички, как гарусные пушистые шарики или пуховки для пудры, как игрушечки для елки — чудесно играли, скакали по веткам. Прозвенела тонко, серебряно какая-то птичка. Вечерний звон.

Поразило среди богослужения вдруг возникшее молчание, во время которого все предстоящие в полном молчании и неподвижности молятся Иисусовой молитвой, повторяя ее (мысленно, в сердце — «умная молитва») 500 раз! Эта молитва («пятисотница») прерывается три раза или, лучше сказать — замолкают для этой молитвы три раза. Эти молчания полнозвучнее всего, что я слышала на свете. Тайнство молчания священное, таинственное, невыразимо действенное, полное... Это как бы предельная, будто бы и недоступная здесь, на земле, полнота... Вот и нет слов, не умею рассказать об этом.

Я не сумела бы сама, молча или вслух вот так молиться, как они. (Так экстатически и так глубоко и высоко.) Я не сумела, не умела этого, но не почувствовать полноты и значення этой безмолвной таинственной молитвы невозможно.

Я только слушала эту тишину (и слышала ее), и раза два, когда уставала, вспоминала свои четки-имена любимых — о них и за них. И живых, близких, и всех своих «великих возлюбленных». Если так нельзя, Господи, прости меня. И я никак не могу почувствовать грешности всего земного. И обо всех ожесточенных, темных, красных, белых вспоминала и молилась. Господи, Господи, все же, все Твои, в Тебе, о Тебе. А кто

забыл, отпал, ошибся, не знает Тебя, — помоги, позови их к себе, открой нам всем уши, глаза, сердце и ум.

...«Господи, научи меня творить волю Твою»...

...«Господи, научи меня оправданиям Твоим»...

Красивы черные широкие плащи монахов — мантии в складках, со шлейфами, и длинные креповые покрывала, спадающие до полу с высоких шапок. Прекрасные древние напевы, голоса. Манера петь, напевы несравнимо более прекрасные, чем в приходских церквях.

В три часа ночи пойдем в церковь на ночную службу. К 5 часам утра — к старцу.

Все монахи читают прекрасно, слышно каждое слово, каждая фраза. Один только читал, как водопад — нечленораздельно, сердилась на него, досадовала. Утомилась сразу и едва дождалась, когда он, наконец, замолчал.

Вспомнила всех, кого люблю, любила и буду любить, и всех, на кого не хватает памяти и любви. Тоже люди, и не виноваты, что во мне не хватает.

Из Москвы получила вчера телеграмму о смерти Татьяны Федоровны Скрябиной.

Сон: Взлет. Дерзкая радость. Что, кто это?

«О, тишина, ты — лучшее, что дано человеку в этом не совсем реальном мире» <нрзб>.

28 марта. Зосимова Пустынь

Ночная служба. Старец Алексей. Пешком 18 верст, домой пришли поздно вечером.

Валю старец благословил образом Ангела Хранителя, а меня образом Архистратига Михаила, Ангела с огненным мечом. Валя плакала у него, пришла от него потрясенная, вся светлая. Он утишил, утешил, успокоил и укрепил ее.

Я сказала старцу о своем «отсутствии» в церкви, о неверных порывистых подъемах и реакциях о том, что никак не могу понять и поверить, что все на свете, все греховно и во зле ле-

жит, и даже сержусь на это и люблю все земное. Он пристально, в молчании посмотрел мне в глаза. «Говори, говори. Это, кажется, самое главное. Слушайся своего сердца, дитя». Он положил мне на лоб руку и сделал легкое движение, всматриваясь еще раз в меня. Я не поняла, думала, что он наклоняется ко мне, и хотела поцеловать его, благодарная и радостная, что он не рассердился, а был очень добр.

«Нет, дитя, не надо, нельзя целовать монаха. Ничего и никого не бойся. Слушайся своего сердца. Оно у тебя чистое и ясное. Благослови тебя Господь». И он благословил и подарил мне образ Архистратига Михаила. «Он отгонит от тебя все темное, если оно приблизится к тебе. И ничего и никого не бойся». — «Я еще никого не боялась». — «Я вижу». И он еще раз ласково благословил меня и дал поцеловать руку. Я поцеловала и сделала земной поклон, как учила меня Наташа Голубцова, когда я спрашивала у нее, как с ним здороваться и прощаться.

Прощались и с отцом Тимолоем, гостинником и пошли домой. Вышли из Пустыни в 6 часов вечера.

Леса, снега, дорога. Туманный сумрак, все ближе подступавший к нам. Оглянулись на повороте — острова лесов на снежных холмах, колокольня Зосимовой Пустыни, дорога. Домой пришли поздно вечером. Валечка дотащила до самого дома ветвистую тощую хворостину, которую взяла на дороге от волков.

Вавочка в Москве. Завтра я и Валя едем в Москву.

Что было в этой хворостине успокоительного? Валечка крепко держала ее и ни за что не хотела бросить. Хворостина сухая, ломкая и очень тощая, хоть и ветвистая. Ах ты, милая моя Валечка!

30 марта

Днем с Валею опять у Федоровых. Вечером в комнате Лили Шик (Елагиной) актриса Астар (Бойко) читала стихи Вавочки и Блока. Лиля не захотела слушать ее и, предоставив Вавочке свою комнату для стиховного вечера, ушла. Слушали: Вавочка, Таня Епифанова, Женя Бирукова, Ариадна Скрябина и ее подруга Катя, Майя Кудашева, Владимир Августович Степун и я.

Стихи говорила Астар хорошие, но от вечера получилось чувство неловкости — от отсутствия хозяйки комнаты, от скептичес-

кого (не проявившего своего скептицизма, но очень сдержанного Степуна, и еще от чего-то, что не могу уловить и определить).

Ночевала у Анны Васильевны Романовой. Миллион приключений у меня, Майи и Танечки с ключом, хозяйкой и пилой. Майя и Таня ночевали в ледяной передней, перед запертой дверью своей комнаты, а я в час ночи явилась к Анне Васильевне. Она приняла меня прекрасно — никогда этого не забуду. Ей пришлось проснуться, встать, дать мне постельное белье.

А у Добровых столпотворение. Семья Коваленских (Шурочка, ее муж и отец и мать ее мужа) перебралась в два дня в дом Добровых. Два переполненных вещами дома совместились в один. Невероятно, как в этих дебрях вещей люди ухитряются шевелиться и передвигаться. Настроение у всего дома неунывающее, бодрое. Вряд ли выйдет толк. Но это — один единственный путь отмежеваться от террора В.В. <Веры Владимировны, свекрови Шуры Добровой — Н.Г.>.

Саша Добров все еще болен. Лежит красивый и неуклюжий, как прекрасный принц, забытый в столпотворении, — среди книг, гравюр, красивых вещей. Мечтает о юге, о даче. Может быть, скоро уедет на дачу под Москвой. По поводу столпотворения сделал выразительные страшные глаза.

— Саша, все бегают, как ветры-зефиры. У меня есть 10 свободных минут. Говорите, не нужно ли вам что-нибудь сделать, принести, устроить, принять.

— Посидите со мной эти 10 минут, а то я ошалел от топота и грохота и переселения народов.

Мимоходом, наскоро, — в комнате Шуры расточила по форматам и заковала в два больших шкафа книжные горы — непроходимые. Каких только книг там нет? Чтобы не ахать много, ахнула сразу надо всей дюной книг.

Валечка в это время помогала чистить картофель в кухне. Вера Владимировна, мать Александра Викторовича, душевно больная, по временам ножницами режет все, что ей попадет под руку. Саша комментирует:

— Этого, кажется, в нашем доме еще не бывало.

Филипп Александрович метеором промчался сквозь хаос вещей, весь как вот-вот готовый уже извергнуться вулкан. Урчит что-то, но пока еще подземно.

Шурочка к вечеру свалилась на диван и вышитые подушки как подкошенная. Но прежде, чем свалиться, ей пришлось убрать с ложа фарфор (старинный и чудный) – и какие-то картонки всех форм и величин.

Александр Викторович весь прозрачный, хрупкий, замученный и чудесный более, чем когда-нибудь. Елизавета Михайловна очень нежна и добра к нему, – какое у него прекрасное лицо и какие-то уж и, правда, звездные глаза.

Вавочка ушла ночевать к Анне Васильевне, а я и Валя к Тане и Майе. Какое невероятное соседство в комнате – Таня Епифанова, сама хорошесть, и Майя Кудашева. Она очень интересная собеседница, но сегодня я неожиданно подумала, что это же очень страшная гадина, которая приняла форму женщины.

2 апреля

С утра всякое деловое – Вавочкино. Занят был весь день сплошь. Вечером с Вале́й в церкви одного из Арбатских переулков (Валя повела меня туда, она часто ходила в нее, когда жила в Москве, у Добровых.) Очень красива, стройна, музыкальна и эстетна. В этом духе очень хорошо. Но мне больше нравятся монастырские, скитские богослужения – там строже, глубже, как-то главнее, настоящее. А после церкви – с Вале́й в 3<-ю> студию Художественного Театра (Вахтангова), где играет Лиля Елагина (Шик) и Мансурова⁵⁹, на «Принцессу Турандот». Ради студии (Вале хотелось пойти со мной) пришлось не пойти к Тане и Майе, где художник был, Н.В. Досекин (мы познакомились в Ростове, куда я отвезла к Вавочке ее слепую мать – Варвару Федоровну – в 1920 году). Он хотел встретиться со мной. Там же были Женя Бирукова и Майя Кудашева.

«Принцесса Турандот» – изящная, яркая сказка Карло Гоцци. Поставлена очень талантливо, необычно и изящно. Непохоже ни на какой другой спектакль, – сказочно и очень остроумно.

Валя во время спектакля вдруг очень покраснела и смутилась.
– Ты что?

– Ах, на кого сейчас похож был... кого напомнил китайский император... ни за что не скажу, это ужасно...

И когда я опять взглянула на доброго императора, какое-то его покачивание головой, какое-то движение, нотка в голосе — сквозь гротеск — в тонкой игре актера, напоминало каким-то образом старца в Зосимовой пустыни.

3 апреля

Наконец, Таня и Женя познакомили меня с А.А.С.⁶⁰. Они обе рекомендуют меня. Я шла к нему очень приготовленная на хорошее впечатление. Но такое смутно нехорошее, что-то почудилась мне — сама не знаю, где, в чем и почему. Душа не приняла. Не знаю даже — чего не приняла.

Не понравились его руки, искривленные, с расширенными плоскими концами пальцев. Не форма его рук, а какое-то неприятное выражение рук — не то хищное, не то еще хуже. И тусклые, поблескивающие глаза. Потом — вот уж это совсем не могу объяснить и даже понять сама — я испугалась (не испугалась, а мне стало неприятно) чего-то густого и темного. Такое было ощущение: густое и темное. А что и про что это — не знаю. Мне захотелось за руки вывести моих милых подруг из этого какого-то подвала, вроде подполья, где мыши, крысы, пауки. А комната — самая обыкновенная и даже светлая. Хотелось все время уйти как можно скорее, чтобы не дышать после.

Вечером мне и Вале предстояло идти в театр Вахтангова на «Чудо святого Антония»⁶¹, но уже разместившийся дом Добровых оставил нас у себя на весь вечер. Разговоры, встречи, рада им всем (и они!). Валя ушла ночевать к своим знакомым, а я осталась было у Добровых, но очень поздно вечером (после 12 часов) за мной пришла Таня и увела меня к себе. Полчаса говорили о том, что может перевернуть и направить в другую колею всю мою и ее жизнь. Женя, кажется, ушла уже с головой... Я прямо сказала Тане о своем смутном, неприятном впечатлении и даже про «густое и темное». И Таня вдруг почему-то очень пораженная стала допытываться про это подробнее, но я ничего не могла объяснить. Я сама не знаю, что это такое мне показалось. И совсем было сконфузилась, как Таня вдруг и говорит: «А ведь и мне что-то кажется там — “густое и темное”, только я и этих двух слов не сумела найти

для определения, а вот как услышала, так даже страшно стало: именно это самое ощущение — “густое и темное!”».

Тут мы почему-то обе рассмеялись, и я показала и «выражение его рук», и представила «тусклоту и блески» его глаз, и двести интонации его голоса, и два-три движения головой. Таня смеялась как будто и со страхом, и сказала мне, чтобы я не говорила всего этого Жене, — Женя серьезно обидится, будет задета. И еще Таня с удивлением сказала, что в моих гротесках, изображающих А.С., он «до ужаса похож».

Запись 1942 года

Этот человек — искатель Нового Бога, с учетом добрых дел и прочее, оказался провокатором на мистику, ловившим и погубившим целый круг молодежи. Таня не вошла в его паутину, а Женю спасло в то время только нервное расстройство, а то погибла бы и она.

4 апреля. Москва — Воронеж

В.Г. Мирович — З. Денисьевской

...Вы спрашиваете о христианстве Флоренского. Оно рассказано со всей полнотой в Столпе («Столп и утверждение истины»). Эту книгу и Вам, пантеисту, интересно прочесть. Она очень талантлива, очень высокой напряженности.

Сам он, сила обаяния его личного — в магическом окружении, в том, что он маг, что с ним духи, и что душа его ищет в более глубоких безднах познания, чем души других мудрецов. Он смел, заглядывает и в люциферическую бездну.

Но в жизни — это многосемейный, кабинетный человек, немного дикий, немного мизантроп, малообщительный, но в общем много дающий и, может быть, — немало и берущий. Женские души устремлены к нему, как мотыльки к свечке. Некоторые уже сгорели. На чем? Не знаю. Думаю, тут нарушалась грань учительства и ученичества безумием безнадежного Эроса. У Лиса это пока еще (при лимфатическом темпераменте) — не пожар и не пламя, только краски пламени, музыка пожара. Но не поручусь, что это и для нее безопасно.

Если бы я была молода, это и для меня была бы одна из бурно пламенных встреч: духа, души, сердца.

...Пишите мне чаще. Мне очень-очень дороги Ваши письма. Все, что о Борисе пишете — глубоко, верно и еще мягко ко многому в его существе.

Ольга уже с неделю в Москве, провожает Валу. Жду ее сегодня, соскучилась о ней. Как жестоки к ней братья. Почему никогда не вышлют ей заготовки — две пары, по ее словам. Она ходит по Москве в одних калошах. Поговорите с Володей, чтобы выслал ей заготовки. Пожалуйста, напомните об этом, Зиночка.

В.М.

5 апреля. Москва — Воронеж
О. Бессарабова — З. Денисьевской

Радость моя, Зина, я первый раз одна в комнате — за целый месяц или больше. Сейчас в доме Добровых, раннее утро (9 часов утра). Я в комнате Александры Алексеевны Дзбановской. Она уже встала и готовит утренний чай. Весь дом спит. Я хорошо вымылась в ванне.

13 марта, когда я только что вернулась из Москвы к себе в Сергиево, и только что успела поскорее стать на горячую лежанку и начала оттаивать и сушиться, вдруг вошла в комнату Валя, моя Валя Виткович, Затеплинская. Она приехала ко мне погостить недели на две, на три, а может быть, и больше. «И вообще будет, что Бог даст. Не спрашивай, расскажу сама».

Скоро пришла Вавочка с лекции, а у нас уже был приготовлен горячий чай с пышным пирогом из Екатеринбурга. Валя приехала скорым поездом, ехала 2,5 суток, пролетела Сергиево, пересела на следующий какой-то поезд и приехала в Сергиево вместе со мною. И пока она ехала ко мне на извозчике через весь город (иначе проехать нельзя), я успела дойти на своих ногах по прямой железной дороге и уже водвориться на кафельную лежанку. Я пошла зачем-то в кухню, а когда через две минуты вернулась, Валя уже поплакала с Вавочкой, но не катастрофически, а так же тихо, кротко и неудержимо, как в первые моменты около печки...

...Екатеринбург... рады... рады. Слава Богу... Виктор, брат, Наталия Иосифовна, Великий пост, церкви, скиты, лыжи, Москва, издательство, стихи, Педагогический Институт, Михаил Владимирович, Наталья Дмитриевна, Добровы, Варвара Федоровна, мы, и вы, а как, а что, а когда, о Господи, как хорошо.

— Да, а теперь, когда он явился ко мне, мы уже вместе заново будем ждать его — благословенного гостя.

— Устала? Рано лечь, да, да!

— Расскажи... Нет, ты только послушай только!

— Хорошо бы Пасху вместе — нет, нельзя. Надо вернуться.

10 апреля

Острая тоска, тревога. Будто пришла или идет катастрофа (все о братьях).

13 апреля. Чистый Четверг

В доме Флоренского. Чтение Евангелий со свечами. Была с Натальей Дмитриевной, Михаилом Владимировичем и Лилей. Зажженную свечку донесла домой. Крест на окне отметила ею.

Всенощная была век. Была, и есть, и будет.

14 апреля. Страстная Пятница

Утром испекла куличи. Приехала Анна Васильевна Романова. Служба. Погребение Христа. Свечи, пение, елочка в Красюковской церкви⁶².

15 апреля. Страстная Суббота

Обедня. Лучшее богослужение во всем году.

3–16 апреля. Пасха

В доме Флоренского. Заутреня. После заутрени обедня в Красюковской церкви.

...Красное и золотое.

...Одну секунду все закружилось от огорчения — думала, что заутрени не будет, потому что псаломщик не пришел. «Но все равно, заутреня будет», — сказал П.А. в нашу сторону, он подошел к группе на диване у темных ярких ковров, куда я сразу спаслась, и со мною была Наталья Дмитриевна, Лиля и Софья Ивановна Огнёва. Софья Ивановна разговаривала в это время со мною о семье Коваленских.

Анна Михайловна в белом платье, вся как девушка, а у нее уже четверо детей⁶³.

Красное и золотое. Свечи, огни. Ладан. Вавочка во мраке своем не пошла к заутрени. И Анна Васильевна. Я пришла домой в 5 утра. Варвара Федоровна сама приготовила пасхальный стол и ждала меня. Разговелись мы, хоть и не постились, и мирно уснули.

Ночь звездная, красная и золотая. Где мама?

17 апреля

Обедня в Красюковской церкви. Вечерня в Черниговском скиту.

18 апреля

Весна, березовая роща, холмы, леса, поля, скиты. Жарко. Опьянела от солнца, земли и неба. Была с Вавочкой.

Таня Розанова дала мне свой дневник, с 1915 по 1919 годы, о Флоренском и об отце Василии Розанове. Как это было бы интересно, если бы не истерический бредовый привкус во всем, что было и что не было со смещением граней. Жаль, что даже выписок нельзя делать

Вечером в Черниговском скиту.

Сон. Летаю высоко над водой и землей, выше облаков, над горами, долинами и городами. Приблизившись к земле, среди многих выбираю одного человека. Увидит меня тот, кого я выберу. Стоит. Увидел. Не прикасаясь к земле, остановилась перед ним. Происходит нечто, что в средние века называлось искушением. Смятенный, затаивший дыхание, он говорит что-то о клятве, о

жене. Беззвучно рассмеялась и взлетела высоко-высоко. Рванулся за мной, а крыльев нет. И я начала дразнить его. Приблизилась к нему близко, почти прикасаясь к нему, и взвивалась от него к облакам, и кружилась, и медлила, и не давалась ему.

Лицо его стало затихать, холодеть. Опрокинулся навзничь, и кровь хлынула изо рта его горячим ярким потоком. Острая незнакомая жалость пронизала меня. И прикоснулась к нему мгновенным молниеобразным касанием, легким движением прикоснувшись к нему — как бабочка, прикасается к огню крыльями. Лицо его вспыхнуло радостью — ослепительно.

20 апреля

Владимир Андреевич Фаворский⁶⁴ сделал камею из слоновой кости Флоренского в три четверти. Три эскиза на листах бумаги. Очень интересно.

В Художественных мастерских в Москве Флоренский читает лекции об антиперспективе, о четвертом измерении. Любит самоцветные камни, цвета. Владимир Андреевич: «И вовсе он никакой не Люцифер. Придет на лекцию, станет в сторонке, почти робкий, — стоит, как свечечка». «Олсуфьев увидел эскиз мой, вот этот, да и говорит: — Вот, вот, это и есть отец Павел — ум и чувственность, чувственность и ум».

Камею Флоренскому Владимир Андреевич отнесет сегодня и попытается об одномерном восприятии мира. Египетское искусство воспринимало и изображало мир двумерным, греческое — трехмерным, от Ренессанса — четырехмерное (иконопись), а наше время — одномерно (?).

— Я и сам не знаю, как это вот скажу отцу Павлу, он сначала ничего не поймет, о чем говорю, потому что я говорю как попало, все термины и всякие условности перевру, а потом как-то он уразумеет все и потом мне и расскажет. Он нас всех в Строгановском перевернул, встряхнул. Мы добиваемся в искусстве, бьемся, иногда добиваемся, но еще и сами не разберем, что и как (изображаем да чувствуем), а он хоть и не художник, да и начнет нам глаза и все в стройность и в музыку обращать, с философских и математических своих высот является прямехонько к нам и все понимает и знает.

Я к нему как-то пристал, да и говорю:

– Да как вы верите-то, батюшка?

– Грек...

– А... как же?

– А вы думаете, что греки так уж просто и были ограничены? Может быть, и они знали внемирное (бездны), но не хотели об этом думать, – нарочно.

Об искусстве, о религии, о снятии риз с икон. Владимир Андреевич радуется, что ризы сняли. Вавочка на него ополчилась: ей нужен блеск, отраженное мерцание огней. Владимир Андреевич и она очень противоположно говорили об этом, когда я была в скиту. С положениями Вавочки я не соглашалась (об искусстве в церкви – служанке религии). Я и пошла сегодня к Фаворскому, распытать, а что он говорил?

О профиле и фасе. Мария Владимировна сказала: «Когда вижу нового человека, до тех пор не успокоюсь, пока не увижу его в профиль и фас. Отца Павла я воспринимаю в три четверти и оттого, вероятно, никак не успокоюсь и не понимаю его».

Гимн Вертикали (Влад<имир> Андр<еевич> говорил о вертикали, – неповторимо – боюсь исказить, о чем. Очень «хвалил» вертикаль.

Об искусстве печатания книг, о формате книги, о полях, абзацах, шрифте, расстоянии между строк, о расстоянии между буквами и т.д. Отчего получаются приятные книги, очень хорошие и превосходные, и книги, которые неприятно взять в руки, что бы в них ни было напечатано, о значении внешнего оформления книги.

Сон: в детстве Фаворский видел во сне что-то, кажется одеяло, «страшного цвета». Во сне видел, что это за цвет, а наяву – забыл. Красный, что ли?..

21 апреля

Звон к вечерне. Вымыла пол, убрала все тщательно, накормила Вавочку и Варвару Федоровну и всю комнату украсила хвоей. Коля Голубцов⁶⁵ принес мне в подарок из леса большущий, туго набитый мешок веток елки. «Я подумал, Вам понравится». Запах хвои, открытые окна, звон.

23 апреля. Сергиев Посад
Сон Варвары Григорьевны Мирович

Синим, синим жгучим небом
Кроет душу знойный бред,
Над шатром деревьев хлебных
Ярко желт закатный свет.

Мангустаны и бананы,
Теривинф и камфара —
Все запуталось в лианы,
Не распутать до утра.

Бегемоты и тапиры
К Нилу сонному бредут,
На ветвях менуры-лиры
Песни райские поют.

А вдали — пески пустыни
И прохладный рай — Бурну.
В час, когда пески остынут,
Может быть, и я усну.

23 апреля

Вчера с утра, ночевала и весь день сегодня у меня Таня Розанова. Всю ночь не спали: говорит безостановочно.

Мне, Вавочке и Михаилу Владимировичу прочла записки свои о смерти отца (Василия Розанова) и о Флоренском. Один экземпляр рукописи отдаст в Музей на большой срок, другой сохранит у себя, а третий отдает на хранение в надежные руки. На конверте отметит, кому была прочитана рукопись.

Впечатление вихря, одержимости. Теряется чувство реальности и того, что было и не было.

Вдневнике ее <Тани Розановой> (от 1913 по 1919) есть одна замечательная фраза Флоренского: «Меня занимают и влекут только три явления в жизни (в мире) — Лик Христа, скульптура Эллады и музыка Бетховена».

Третий вечер записываю под диктовку Вавочки «Книгу о твоём отце». Написано уже 31 коротенькие главы, связанные между собою, и отдельные, как картины Чурляниса⁶⁶. Книга

посвящена тому, кого ждет Наталья Дмитриевна. Записываю и сны ее, и стихи. Она все еще нездорова. Ее часто навещают ее ученицы-дошкольницы из Института.

От Виктора письмо: «...Когда я думал, что Валя не вернется, я хотел сделать что-нибудь отчаянное, вроде холерного барака, тифозной эпидемии, голода».

Хотел и не сделал. Любит Валю. И будет изменять ей во всех случаях. Каждый случай, конечно, будет единственным в своем роде.

29 апреля

О Флоренском. Таня Розанова

С пеной у рта, с косящими глазами, почти задыхаясь, Таня Розанова: «Люди для него – отвлеченное понятие. Почему, почему его никто не любит? Все потом отходят, чураются его! Никто в Посаде не ходит к нему. Он лжет самому себе и представляется. Все носится с бытом, священным бытом, сам ведь живет вне жизни, до быта ему никакого человеческого дела нет. Он очень умный, гениальный человек, а носится с семьей для отвода глаз, – своих собственных, прежде всего. Он мог бы любить только как Уайльд, но вообразил это адским искушением, что ли, и женился, и воображает, что спасается, жену развратил. Она и всегда была неумна, но была хоть рязанской бабой, а теперь она – мать своих детей – меньше, чем кто-нибудь! Прежде всего, она наложница своего мужа, да еще мадоннится все, скромница! Одевается, просто представляется девочкой, боится базара!» (Голова болит от монолога).

Вчера был многолюдный живой день. Но закончился он нудно. Была в Доме Печати, на чтении рукописи Пантелея Романова «Русь». Председателем был Луначарский. Он и автор «Руси» – два грамотных человека изо всех, говоривших вслух. Но остальные! Ни одного человеческого лица. Все какие-то гротески, дегенеративные, гороховые, беспардонные шуты. Какие-то все журналисты, вроде Ярового-Громова. Апломб, наигранно-вдохновенный вид, жадность, уязвленность, злорадство и сплошная какая-то мелкотравчатая заросль, убогость.

В этом затоне неприятно было видеть несколько человек, попавших сюда случайно или ради имени Романова. Я вспомнила аудитории Андрея Белого, Бальмонта, Ильина, вечера Религиозно-философского общества, концертов, генеральных репетиций в Художественном театре. Там не было места этим лбам, ушам, клыкам и копытам. У этих поразительно безобразны уши, от чего это? От всего, что я видела здесь — ощущение хуже, чем от дурного запаха. Было неприятно, что я привела сюда двух своих знакомых, и долго после не могла отогнать от себя душную, нечистоплотную тягучесть этого вечера. Шура и Александр Викторович всячески старались развеять это впечатление. Очень было неприятно и больно за Луначарского среди этих образин.

Вошел сейчас в комнату Александр Викторович (кабинет Филиппа Александровича), поздоровался (третий час дня, он только что встал.) Вот ведь просто вошел человек в комнату и ушел. А как будто было какое-то значительное явление. У него дар движения, тонко сделанное прекрасное лицо, красивые руки.

Саша Добров красивый, как музейный оживленный экспонат, по всему дому ищет мундштук. «Ах, вот он где». (У него в руке). Нетверд на ногах и очень добродушен после вчерашней свадьбы «своего патрона».

Даниил Андреев изнывает от больного зуба и мелет ячмень на кофейной мельнице для пивных дрожжей. Я отобрала у него это скрежещущее сооружение и ячмень и отпустила на волю эту страдающую птицу. Он не мог опомниться от радости, застенялся, но я энергично выпроводила его из комнаты и домолола его «задание» и еще столько же в счет его будущей «работы».

Шурочка со счастливым видом что-то переставляет в своей комнате, смеется. Даже просто видеть ее — такая радость. Когда так одухотворена, да еще счастлива такая красота, как радуется, как это хорошо в жизни. Господи, жизнь, сбереги этот цветочек человеческий — не сломай его до смерти.

Старшие Коваленские опять водворились у себя в доме. И все стало на свои места.

3 мая

Изо дня в день, из часа в час острая, напряженная, уже физически ощутимая тоска о братьях, о Боре, о Всеве.

20 мая

Последнее письмо Коли с адресом — нашла в пачке писем Бориса у Марины Цветаевой. Послала письмо Коле и адрес его братьям, папе, Зине.

Я и Вавочка написали Боре — зовем его на лето в Сергиево — «отдышаться и подумать о будущем», а Ивана Васильевича устроить куда-нибудь в инвалидный дом.

28 мая

После записи стихотворения, посвященного Софье Романовне Суржаниновой, которая похоронила любимого мужа, Вавочка: «Когда люди через скорбь продвигаются к новому небу и новой земле, необходимо совершенно изменить и внешнюю жизнь — жизнь должна стать уже в другой плоскости — служением. Я знаю только двух людей, которые удержались на этой высоте, не сорвались. Епископ Дмитрий (Киевский⁶⁷) и Людмила Владимировна. Обычно люди срываются. Я сорвалась к Эсфири, Скрябина сорвалась к Эсфири. Михаил Владимирович ушел в поле и шатер. Вот и Софья Романовна года через три может выйти замуж и быть счастливой. Это неплохо, но так странно, что такая скорбь проходит, что кончается и иссякает то иное ведение, иное бытие. Епископ Дмитрий очень любил свою жену. Ему было 26 лет, когда она умерла. И на всю жизнь он остался монахом и стал таким — необычайно и высоко высветленным».

Михаил Владимирович Шик о Флоренском: «Флоренский — комета, пересекающая орбиты планет, комета, которую можно втягивать в свою орбиту. Он с необычайной легкостью забывает многолетние связи с людьми (исключая одну). О Вячеславе Иванове, об Андрее Белом, о Василии Розанове он говорит как о совершенно посторонних, чужих людях. Ему не нужны спутники. Он — комета. Самые, казалось бы, неизбежные окружения

его со стороны людей кончались быстро; он будто рванется — и вырвется из круга чужих орбит».

«О. Павел, висит над пропастью. Одной рукой держится за Церковь, другой — за пояс Анны Михайловны».

Василий Розанов: «Опавшие листья. Короб второй»⁶⁸.

«Христианство и не за пол, и не против пола, а перенесло человека совершенно в другую плоскость» (Флоренский). «Хозяин не против ремонта и не за ремонт, а занимается библиографией. Мне, кажется, дом-то развалится. И хоть библиография не противоречит домоводству, однако его съедает... Как же можно сказать: “Я никому не запрещаю, а только уйду в Публичную библиотеку “заниматься рукописями”».

...«Ничего не сказал о браке, о семье, о поле... Флоренский мог бы и смел бы сказать, но он более и более уходил в сухую высокомерную, жестокую церковность. Засыхают цветочки Франциска Ассизского».

6 июня. Москва

Надо бы записать, не успеваю. Я в очень быстром темпе, занята очень.

1) Александр Викторович Коваленский; О Ропсе, Бен Джонсе, Андрогине, снах, розенкрейцерах, об Элевсинской мистерии⁶⁹.

Шурочка, как какой-то крылатый цветок. И как она по-человечески добра и прекрасна.

2) Мария Александровна Олив⁷⁰... Палестина, Пустыня, Бедуины. Бегство от бедуинов — дочь сидела на верблюде, а она бежала, держась за хвост верблюда. Богослужение на Генисаретском озере. Среди туристов оказался православный священник с эпитрахилью в сумке. Он скромно начал богослужение, и все, кто был там, стали молиться и участвовать в богослужении. Путешествия. Встреча с Андреем Белым и его «воздушной женой». Чернигов («идеи ходят посреди зеленой улицы, я так и ахнула: никуда отсюда не уеду!») Сергиев Посад.

3) Трубецкие — пастушки Марии Федоровной Мансуровой. Старинная мебель, портреты. Картины Комаровского⁷¹. Как у них тихо и хорошо. Я была в одной их комнате, а в ней дух всего их особняка.

4) Люда Дембовская и ее муж. Муж не то шутливо, не то серьезно: «Ячейка личного счастья для строительства государства», или что-то еще более крепкое в этом духе. «Все остальное – прогрессивный паралич». Но на столе почему-то томик Блока. Все это атмосфера мужа Люды. Очень обыкновенное трафаретно-красивое лицо, какое-то отношение и к Кино, и к Партии. Но стало скучно. Хорошо, что у Люды осталось ее прелестное лицо, глаза еще лучше, и ее собственный голос.

5) Женя Бирукова.

6) Таня Епифанова, Майя Кудашева, Николай Васильевич Досекин.

7) Саша Добров, Даниил Андреев, Филипп Александрович, Лиля Шик.

8) Деловые встречи, учреждения, пайки, деньги, мешки, веревки, трамвай.

9) Троица. Духов день. Церковь. Березки. Темное платье с белой косынкой.

10) Архив Бори. Союз учащихся. Секция Изобразительных Искусств в Воронеже. Фронт.

16 июня. Сергиев Посад – Воронеж

О. Бессарабова – З. Денисьевской

Милая моя Зиночка, родная моя, так давно... Житье-бытье, отсутствие марок, неотправленные письма, частые поездки в Москву по делам Вавочки, экзамены и зачеты в Институте.

Сейчас крепко, близко, радостно с тобою.

Большая радость – работать в поле и на огороде. Даже усталость приятна и легка. Небо, земля, холмы, леса, солнце, жаворонки, дожди, – а-ах, хорошо!

Вечерами с Вавочкой с далекого кургана в поле смотрим, как заходит солнце, как горит и угасает опаловый, сапфирный купол. Кругом – бескрайняя даль, холмы, леса, скиты, поля, луга.

Однажды на кургане была комическая встреча с Александром Ивановичем Огнёвым, очень светским человеком в белом, в шляпе – о нем надо бы рассказать побольше – потом, после как-нибудь. Нам не хотелось встретиться с ним, но болота при-

нудили и нас, и его учтиво встретиться и раскланяться, хотя и он, и мы пытались уклониться... и все трое знали это и ничего не могли поделать...

Дня три-четыре гостит у нас Владимир Августович Степун (зять Л.А. Тарасевича). Жена его — молодая красивая женщина — душевно больная. Она воеет, не принимает пищи, уверяет, что все умерли и представляются живыми. Временами приходит в себя и сознает свое положение. Владимир Августович замучился.

В конце июля или в начале августа родится у Натальи Дмитриевны сын⁷² (или дочь). «Идущему в мир» пишутся стихи, шьется белье, готовятся пеленки.

Флоренский и Михаил Владимирович вместе работают над изданием рукописей Розанова. Флоренский часто бывает у Михаила Владимировича.

В прошлое воскресенье (10 июня) видела (наконец-то) Троицу Андрея Рублева, я видела раньше копии с нее, снимки, но оказалось, что не имела о ней понятия, — опустила на колени. Будто вернулось ко мне или настало «Первое утро мира».

Была в тот день в Ризнице. Какие там вышивки, пелены, платы, одежды (парча, узоры, краски; работа). Драгоценные сосуды, митры, иконы, украшения. Я была с Владимиром Августовичем, Лилей Шик, Таней Розановой и Дмитрием Ивановичем Шаховским (отцом Натальи Дмитриевны). Для Собора и Ризницы пропустила торжественный обед после пышного «выпускного акта» в Трапезной. Был день выпуска красных педагогов. По алфавитному списку дошкольного факультета от них же первый есмь аз. Нам было предложено спеть, прочувствовать Интернационал. Были речи. Две грамотных и несколько неприличных до ощущения «топор висит». Невозможно! Дышать нечем. Не добрались даже до общих фраз. Один бесконечно долго размазывал, что красные педагоги — больше даже, чем соль земли и ось мира. Одна — сладким голосом пролепетала какой-то лирический гимн врозь с паузами и восклицаниями; — на смуглой очень тонкой длинной шее — ожерелье из белого стекла или хрусталя! Хотелось сбросить ораторов с Тарпейской скалы, чтобы не портили дня. Но вместо Тарпейской скалы и выпускного обеда — была Троица Рублева. И настало — «Первое утро мира», и я простила косноязычным их попытки красноречия. Пусть себе живут!

Шмель вьется надо мною — увивается около снопа лиловых душистых цветов на окне, мешает писать. Если ужалит, — ну, будет больно! Кш-ш! Уходи отсюда!

Скоро придут дошкольницы. В моей комнате с кафельной лежанкой будет состязание на импровизации, на темы, написанные на билетиках. Придет и дама, которую называют импровизатором. Вульгарна и классически провинциальна. Дама писательница, приятная дама. Я думала, что она нарочно имитирует кого-то смешного, а она и, по правде, наяву такая. Импровизации ее жду с тревогой. Знаю уже ее приторные поучительные сказочки для детей, видела ее серьги, декольте, рот и руки.

Ну, ничего. После уйду на курган, и развеется пудра этой дамы.

Александр Викторович Коваленский и Александр Иванович Огнёв оказались товарищами детства. А Софья Ивановна Огнёва — крестная мать Александра Викторовича.

Трудно писать сейчас, — так много и так давно, — хочется обо всем, и не успеваешь. И день такой яркий, облачный и звонкий. И мысли, как облака — возникают, тают, закрывают друг друга, сталкиваются.

18 июня

Когда бываю в Москве, почти все ночи не наслушаюсь, не посмотрю на Александра Викторовича. Лицо его похоже на лица женщин Бен Джонса, но без всякой приторности. Он говорит, что за Люцифера надо предстать перед Богом. Стихи его о Люцифере, сны, рассказы, все, что он говорит — всегда интересно и чудесно.

Однажды он оделся в Шурочкины одежды — после разговора о старинных маскарадах. Он говорил, что можно и без маски переодеться неузнаваемо, надо только без утрировки, тщательно выбирать костюм, который был бы или очень несвойствен данному лицу, или более свойственен, чем обычная одежда человека. Через какое-то время, когда был уже забыт этот разговор, в комнату вдруг, без стука вошла высокая стройная красивая дама в мантию, шляпе, в драгоценностях, с ярко-рыжими волосами. Он был очень красив. И было что-то, чего никак нельзя.

Какие-то тени и светлы в глазах. Я опечалилась и ничего не сказала. Он был красивее, чем это можно, и совсем не так, как нужно. Красота, но какая-то «не такая». Плохая.

Когда он переоделся опять в свое платье, смыл грим с губ и глаз, я хотела уйти. Но он скоро прогнал ту жуткую женщину. Я была так рада ему!

Это не надо очень уж запоминать о нем, это была просто шутка. Говорили о мире монашествующих.

Один раз Вавочка видела, как пришедший к Сергею Павловичу священник — монах, подошел к нему под благословение, поклонившись ему в ноги земным поклоном, Мансуров так же приветствовал гостя. Вавочка случайно видела это в полупритворенную дверь другой комнаты. Но кто-то объяснил потом, что так принято здороваться монахам; причем младший в иерархии кланяется первый. Обычно же в общении с людьми Мансуров очень прост, спокоен и ясен. Он очень терпим, внимателен и совсем не ханжа. Несмотря на то, что он немногословен, он один из самых интересных собеседников из всех людей, кого я знаю на свете. Рассказывает поразительно просто, без всякого намека на украшение, блеск, и всегда такое чувство, как будто дышишь воздухом более чистым, чем обычно. Может быть, так бывает в горах, — так же ясно и легко. Руки у него прекрасные, — тонкие, изысканно красивые, с необычной выразительностью для человеческих рук.

Люблю жену его Марию Федоровну, — какая она красавица! Я не знаю более милого женского лица. (Напоминает Венеру или Примаверу Боттичелли.) О них говорят, что они живут в духовном браке, как бывало в первые века христианства. И быт их — без суеты — плавный, чистый, при почти уже крайней бедности, которая только что не нищета. Много книг, старых рукописей. Старые портреты, старая красного дерева мебель, иконы.

Мама. Валя. Флоренский. Мансуровы. Братья. Вавочка. Зина. В прошлом — несколько имен. О, нет, много! Мне 26 лет. Всё люблю.

Как глубоко жаль, что Боря брат не в Москве. Мне кажется, если он когда-нибудь женится в Воронеже... ну, не надо... Если

бы он приехал в Москву и стал здесь учиться, успел бы и жениться тут. Но, может быть, это его судьба — там встретить свою жену.

26 июня. Сергиев Посад

Сегодня с утра обычные дневные заботы, а потом была в поле и на лугу, в море белых крупных ромашек. Принесла большой сноп Анне Васильевне в Москву, она гостила у нас. Это ей привет от нашей земли, нашего неба, она была очень рада.

В Лавре на балконе и на лестнице Трапезной снялись дошкольницы, всей группой с некоторыми из преподавателей. Почти все с ромашками. Лида Леонтьева — невеста Гуго Арьякас⁷³, слушателя Военной Академии.

Проводила на станцию Анну Васильевну. Хороший она человек. Ждала ее на перроне с большим снопом ромашек. Пошла ей навстречу и увидела Флоренского. Повернула обратно к вагону. После встречи с Анной Васильевной я пошла в вагон, чтобы занять ей место, а она пошла за билетом. Флоренский вошел в вагон со мной. Я летела по лесенке, как птица, летит. (Это так казалось, а наяву — спокойно.) Так во сне бывает — летишь, не касаясь ногами земли. В конце вагона уже ждала меня Зина Рафф, и когда отвечала ей на дождь вопросов (и все впопад), слышала, как кто-то за тонкой стеной уступил место «батюшке». (Один из военных слушателей — академиком, что сидели у окна.) Ответный невнятный звук, — устроен. Пришла Анна Васильевна — прощание, поцелуи. Ушла домой с тремя крупными белыми ромашками на высоких стеблях. Налево к окну не оглянулась. На перроне встретила запоздавшего В.А. Фаворского и указала ему вагон с Флоренским. Владимир Андреевич охотно и быстро вошел в этот вагон.

Вчера прошло с Таней Розановой.

С часа до 10 часов вечера диктовала ей ее рукопись, тесно связанную с записками о смерти отца и Флоренском. Перепечатанную рукопись Таня прочла Лиде Леонтьевой. Лида затихла, замерла от страха. Таня отнесла эту рукопись Мансурову, оставила ее ему и пришла ко мне почти в нервном припадке.

Напоила ее компотом и чаем. Она свернулась клубочком на диване и притихла. Укутала ее и записала ее ответы на Анкету.

(Мансуров не стал читать рукопись Тани, сказал мягко: «Это очень личное».)

У усыпальницы Годуновых⁷⁴ или на ступеньках собора.

У всенощной в Черниговском скиту. Золото, серебро, мрамор, мозаика, черные мантии и креп, голубая с серебром парча.

Стремительно, бурно и очень пристально (можно ли так сказать?) приходит ко мне Таня Розанова. Сегодня она явилась в 6 ч. 30 мин утра, когда я носила воду и кончала приготовление обеда. Пробыла у меня до 10 ч. 30 мин, ушла на базар. А я вот на этот зеленый холм, на половине пути в Черниговский скит. Вижу: по плавной тропинке среди пологих холмов из Черниговского леса идут женщины и монахи в черном от обедни. Пересекая их путь, по тропинке к пруду, идут стройные обнаженные, в одних поясах, юноши. Вероятно, «электрические академики».

Небо светло-голубое, плоскодонные пышные облака, как лебеди, холмы зеленые, бархатные, а <нрзб> весь белый от крупных ромашек.

Читаю «Элевсинские мистерии» исследование Новосадского⁷⁵. Не интересно, скучно, мало.

Таня Розанова истерична, почти совсем больной человек. Говорит непрерывно. Я терпеливо слушаю — не слушаю ее, она говорит, что ей «необходимо все высказать», а мне кажется, что лучше бы заставить ее выспаться — побольше спать, — даже с помощью лекарства какого-нибудь. Но ее беспрерывные словесные потоки, может быть, то же, что невыплаканные слезы, и ей надо как бы выплакаться.

27 июня

И весь день сегодня и вечер, и ночь под знаком снопа белых ромашек. С утра до 2 часов дня с Зиной Рафф на прудах Вифании, в лесу. Искупались в Черниговском пруду. Бегали по зеле-

ным холмам и по тропинкам в долине. Земля дышит. Травы, роса, вода, солнце. Не сорвано ни одного цветка — такой день чудесный!

На огороде до вечера работала с милой Анной Дмитриевной Шаховской. Не удержалась и опять принесла домой еще сноп ромашек. Высокие, крупные, великолепные.

6 июля. Москва

Ночь вся прошла в комнате Шурочки и Александра Викторовича. Он рассказывал мне о возникновении мира по учению оккультистов.

«Знаешь ли ты, как в ясные дни за чертой привычного видимого горизонта, вдруг возникают новые полосы леса, поля, даль? Так и здесь новая, а может быть, уже и знакомая, но как бы забытая и вспоминаемая даль, глубь, ширь и высота». Это то, о чем говорит Александр Викторович.

Было уже утро, когда мы расстались. Я зашла в комнату Саши. Он тоже еще не спал. Я так была занята в этот приезд в Москву, что Сашу увидела только теперь. Последнее время мы подружились. То есть, он рассказывает мне о себе.

С утренним поездом уехала из Москвы с Лилей Шик. Она поехала к нам попрощаться с Вавочкой перед отъездом за границу. Оказалось, что утренний поезд не едет дальше Пушкино. В Пушкино в лесу на траве побыли два часа — до следующего Сергиевского поезда. Лиля говорила разные стихи. Увлечена «кованым стихом» «смальгольского барона» Жуковского. На платформе показала мне поэта Владимира Маяковского. Очень умыт, одет и держится, как игрок в теннис. Окружен молодежью, дамами. Высок, строен, крепкая шея, коротко острижен. Взрывы хохота вокруг него, а он не смеется.

Лиля <Шик. — Н.Г.> рассказала, что как-то на даче четверо мужчин несли Лилю Брик на простыне голую после купанья в реке, а Маяковский шел рядом и поливал ее водой из лейки. Эпатировали буржуа, вероятно. И зачем таким большим людям (он крупный поэт) нужны все эти эскапады? Не надоели им самим эти хулиганские веселья? Неужели так уж обязательна эта идилия с лейкой?

7 июля. Сергиев Посад – Киев
В.Г. Мирович – Л.Н. Тарасовой

Милый старый друг мой и сестра Нила, большое спасибо тебе за весть уже почти нежданную – так давно не было вестей, что я перестала ждать их и собиралась уже стороною, через Людмилу, разузнавать, кто, и как, и чем из Вас жив. Радостно было прочесть с чувством благодарности Богу, что все твои чада и мои юные друзья живы и, так или иначе, держатся на поверхности моря житейского. Лелюшка, Нина, Алла, «мой друг Юрий»⁷⁶ – как хотелось бы еще повидать их, порадоваться их цветению, поцеловать милые головы. Храни их Бог и ангелы-хранители и впредь, как было доньше во всем трудном.

Не думай, мать Леонилла, что об ангелах я так себе, по старческому благочестию. Они есть, как и многое другое, друг Горацио, о чем не снилось, воспитывавшим нас в нашу юность «мудрецам»...

...Ах, Нилочек, милый, никогда я не понимала так ясно, как теперь, напоследок дней, что нет спасения в ветхом образе, что нужно стать «новым» человеком. Об этом мы тосковали в юности. На это понадеялись во времена горделивого «самосовершенствования» «в духе современных радикалов», об этом несколько раз забывали в течение всей жизни и с этим же встретились в 12-й час жития земного. Если ты будешь читать внимательно Достоевского, ты увидишь в каждой вещи его огненное томление о том, что надо переродиться, переплавиться, преобразиться.

Перед окнами моими вот какая идиллия – козы белые, черные, рогатые, комолые в сережках и без них идут на близлежащие зеленые холмы. В окно тянет сеном свежим. А разбросано оно тут же на зеленой улице. Да, жаль, родная, что Вы сейчас на Деловой. Я повела бы Вас во все окрестные скиты лесные, Костю посадила бы у Вифанского пруда с удочкой, а если кто хром на ногу, как часто я бываю, в пяти минутах рожь и овес, а на опушках их миллионы маргариток и васильков.

Ждем Анну Васильевну. Она только что похоронила Евгению Петровну Ильинскую⁷⁷. Остается жить в ее квартире и опекать Игоря⁷⁸. Игорь (ему 20) – восходящее светило комиз-

ма, первый комический актер, по словам Мейерхольда и Комиссаржевского.

Старица моя, слепая Варвара, жива. Мы все не умеем с ней стармонизироваться, как и 40 лет тому назад. Но лучше, чем в прошлом году.

Лиля с матерью уезжают на днях в Варшаву, а оттуда, верно, и в Берлин. Я дам Лиле Аллочкин адрес.

Летом у нас нередко московские гости. Завтра ожидаем Анну, может быть, Игоря и еще двух приятельниц.

Оля работает в огороде и в полях посильно. А Михаил Владимирович там же, свыше человеческих сил. Наталья Дмитриевна через месяц ждет сына, а все говорят, что этот сын будет дочь.

Скрябины, успокоив бедненькую, замученную 9 месяцами ужасных болезней Татьяну Федоровну на Новодевичьем кладбище — уехали в Брюссель к ее теткам.

Выход «Монастырского» отложен до осени.

Может быть, на днях смогу выслать книги, какие он хотел. А Гиппиус мне не могли в Москве достать. Попроси Юрия и Нину почаще писать, тогда и буду откликаться сразу, и будет переписка, а не «оказии». Письма теперь хорошо ходят.

Господь с Вами, родные мои, милые.

Целую тебя и Костю, и Ниночку, и Юрия.

В.М.

10 июля. Сергиев Посад — Екатеринбург
О. Бессарабова — В. Затеplinской

На днях была в Москве. (Разговоры до утра — я, он и Шурочка.)

Утром из Шуриной комнаты зашла к Саше — виден был свет из-под двери — Саша еще не спал. Около часа поговорили мы с ним про жизнь и жите, и вообще. Прозрачен он, почти как Александр Викторович, но не от «предстательства» перед Богом за Люцифера, а от кокаина, анаши и прочего. И сверхъестественно красив. Что с ним будет? Неужели устоит на ногах, выпрямится? (Декоративный орнамент, а не человек.)

Была на площадке крыши высокого дома на Остоженке, у Пречистенских ворот, недалеко от Храма Христа Спасителя. Вся

Москва видна была, а за Москвой — далекие синие дали. А когда ночью Москва засветилась огнями, а небо звездами — слилась явь со снами. Хотелось полететь, хотя бы для этого и пришлось бы броситься вниз. Люди летали, летали когда-нибудь?

Ах, Валечка, крыльев у меня нет. Все хорошо, а крыльев нет. Пока не устроится судьба Ивана Васильевича. Пока не выберется Боря из Воронежской тины.

Радуюсь Марии Федоровне Мансуровой. Боже, как она прекрасна и как красива. Муж ее 12 лет добивался ее руки. Оба они совсем еще молодые. Муж ее — в мире монашествующих. И его очень люблю. Он очень хороший собеседник, добр, терпим. Отними от «Идиота» некоторое его смешное юродство, дай ему духовное и внешнее изящество и тонкий, глубокий ум (без украшения, но с необозримыми пространствами горного чистого воздуха). Не знаю, почему я вспомнила «Идиота», говоря о нем. Может быть, потому, что и Сергея Павловича можно любить так же сильно, как того, только вместо жалости — радость и восхищение. Больше всего подходит слово восхищение — легко, кристально. У него прекрасные руки, я все о чем-то не главном говорю. Он необыкновенно одухотворенный, светлый и глубокий человек. Во всей жизни я не знаю человека, более его духовного, главного, настоящего. Он ближе всех людей на свете (из тех, кого я видела на своем веку) к тому, что можно представить себе лучшего в христианстве. Он из той породы, из которой сделаны праведники, мученики, может быть, даже «угодники Божии» или какие-нибудь «святители». (По правде сказать, я не очень ясно представляю себе что такое «святитель».) И, удивительно, в нем и вокруг него нет ничего сухого, мрачного и приподнято-изолированного, как у большинства религиозных набожных людей. Почти во всех бывает что-то отталкивающее от них. Не то стесняют, не то тяготят, не то просто надоедают чем-то, и хочется чистого воздуха. А от Сергея Павловича, от самого — легко дышать. Вот уж настоящий человек!

Таня мне говорила, что Мария Федоровна как-то больна по наследству, то есть она здорова, но ей опасно быть замужем — «если вышла бы она замуж, как все люди, она пропала бы, так у них в роду». (Но не знаю, в чем дело, потому что ее сестра, Варвара Федоровна замужем по-человечески, и у нее несколько детей и муж).

В юности и ранней молодости они оба были «очень светские, много веселились, любили танцы, балы». Это меня удивило, так трудно представить себе это. У Сергея Павловича большая библиотека, которой нет цены, хотя «из библиотеки оставлен только один отдел». Что же в Сергее Павловиче главное? Высокая простота большого человека, глубокая доброта и какая-то удивительная внутренняя свобода, чистота, ясность, вера, и все это объединено чем-то общим — духовно.

Целые дни провожу на сенокосе и с сожалением ухожу с луга. Огромные поля крупной ромашки. Клевер. Лесные поляны земляники. Уже грибы. С Анной Дмитриевной Шаховской⁷⁹ хотим устроить шалаш на нашем огороде в поле.

Собираюсь пешком пойти в Зосимову Пустынь. Как преобразилась теперь наша с тобой дорога туда. Если бы я встретила Марию Федоровну в юности, я полюбила бы ее так же, как тебя.

Я так остро чувствую сейчас пространство, что мне трудно говорить с тобой. Ташкент твой кажется мне уже где-то по ту сторону, не на краю света. Пространство мешает, не дает возможности завтра же пойти мне с тобой в Зосимову Пустынь, мешает обнять и поцеловать тебя сейчас, вот сию минуту, крепко и наяву!

Время и Пространство! Вот обо что разбивается голова.

Валя, насколько невозможен твой приезд в Сергиево в это лето? Или хоть ранней (еще золотой бы) осенью? Есть ли хоть какая-нибудь надежда на это? Привет твоему дому. Люблю тебя крепко, высоко, глубоко, широко и еще не знаю как, Валечка ты моя родная.

14 июля

На тропинке горы встретила Михаила Владимировича, шел к нам за термометром. Взял у меня грибы, а я зашла в комнату Вавочки (в дом через домик от нашего, моего с Варварой Федоровной) — чтобы поздно вечером не будить ее трех парок — хозяек.

Чужой кот выпил молоко. Прогнала его и строго запретила являться.

С Михаилом Владимировичем уложила сено в маленький сарай. Получился сеновал. Сено душистое, цветочное. Запах сена —

сейчас самый любимый. Тонкий, сильный и как-то не чувственно, но головокружительный.

За вырез платья забралось сено.

15 июля

Утро — домашнее; печь, вымыла полы, убрала все. И весь день до вечера на сенокосе. В Черниговской пустыни, у все-нощной, попала уже к самому концу: «Слава Тебе, показавшему нам свет».

Передо мной среди молящихся стоял Флоренский с двумя детьми и с Огнёвым. Кирилл неотрывно прижался, прислонился к отцу.

Оказалось, что Саша, воспитанница — горничная Олсуфьевых, была потрясена, на нее оказало большое впечатление, что как-то на днях, когда я ворошила с ней сено и было очень жарко, разделась и работала в платочке на голове. Саша сначала была поражена, я послала ее ворошить сено на другую поляну. Смотрю — и Саша разделась до рубашки. («А и, правда, легче, а то жарко».) Нас начали пить оводы, и мне пришлось, как и Саше, надеть рубашку.

Потом я совсем и забыла об этом эпизоде. Но Саша не справилась с этим событием и несколько раз приступала к Софье Владимировне, стараясь узнать ее мнение об этом. Про свое раздевание она не решалась, а обо мне робко спросила:

— Ведь это грех, показывать свою плоть?

Софья Владимировна что-то не на тему ответила ей, что Ольга Александровна очень хорошая девушка.

Саша сама не выдумала бы такой постановки вопроса — это она пропиталась атмосферой дома, среды. И зачем это люди во что бы то ни стало стараются выдумать грех?

Было очень просто, было жарко. Небо, земля, сено, горячий ветер, солнце. Я и разделась. Стало легко и радостно работать («Слава тебе, Господи, как хорошо».) И в голову не пришло, что это плоть, да еще моя, да еще грешная или греховная, да еще что я показываю ее. Копне сена, что ли, или Саше?

Вавочка все старается объяснить мне, что мир во зле лежит, мир ущербен, плоть не просветлена, не преображена. Го-

ворит, что я язычница, не знаю жизни духа, мне неведомо горнее духовное восхождение, срывы, взлеты. Я живу плотской и душевной жизнью. А дух еще не летал над моим хаосом.

Смыкаются мои языческие глаза, — ночь поздняя, — до завтра.

Нет, по правде не могу я понять, что рука, нога, вся эта самая плоть — человечье тело — греховно. Все нехорошо начинается тогда только, когда весь человек, то есть как раз не физическое его тело, а именно эта самая его душа, или воля, или что там такое — ну, — просто весь человек, со всеми руками и ногами, делается разбойником, предателем, делает или думает нехорошее, тогда и греховно все. А что радуешься горячему ветру и солнцу, да легко дышать — уж это грех, это уж просто нарочно придумывают, чтобы все даже самое простое и радостное непременно нарядить в свои выдумки. Я уже начинаю сердиться.

Неожиданно на мою сторону горячо и необыкновенно живо стала кроткая, смиренная Анна Дмитриевна Шаховская, очень ясная и смиренная сестра Натальи Дмитриевны. Ученая естественница, вся живет в строении цветов, корней, стеблей. Этим напоминает Зину. Для Зины интереснее всего на свете, как устроена скорлупа яйца, и подкладка, пленка на скорлупке, и прочее. Анна Дмитриевна, полупридушена капризной, волевой матерью, очень старенькой⁸⁰.

Очень нравится мне Анна Дмитриевна, — самый скромный человек из всех, кого я знаю в жизни. Кроткая, добрая, очень умна, но до того скромна, что это не сразу замечают люди. Хорошее, милое, ясное лицо. Образованный человек, — способна на большую научную работу. Господи, дай Бог ей счастья и семью свою, радость ее слишком заполняет мать. Я не осуждаю, но я не хотела бы так — в жизни своей дочери, если она у меня будет.

16 июля

Троица Рублева, миниатюры на пергаменте старых книг, прекрасная парча, мертвые жемчуга, вышивка, покои Растрелли, колокольня.

Первый раз была в большом Успенском соборе (16 век). Тихо, торжественно, высоко, пусто. Чудесные своды, высокие узкие окна. Перед глазами и сейчас стоит София крылатая и крылатый Иоанн Предтеча и ангелы на одной иконе — вот именно такие, вот они ангелы!

Была у Фаворских. Владимир Андреевич угостил нас пирогом с черникой и рассказал об одномерном восприятии мира.

О напечатанной книге Флоренского «О мнимостях в геометрии». Вавочка говорит: «Флоренский открыл четвертое измерение».

Надо сказать не так. Он занят исследованием вопроса о четвертом измерении.

Фаворский тоже язычник, да еще художник. Дощечки и острые штучки его граверные кажутся мне таинственными приборами алхимика. Будто совсем простой, но утонченный, сложенный прекрасный человек. Глубокий — подходит к нему слово, ясный. Жена его — Мария Владимировна (Дервиз)⁸¹ — на вопрос моей анкеты о любимой геометрической форме, не задумываясь, ответила:

— Мы с Володей любим шар.

Их невозможно представить себе отдельно. Люблю их вместе.

Вавочка завербовала у Фаворских скульптора и даму, которые будут говорить об игрушках и о кукольном театре на наших дошкольных средах в Педагогическом Институте. Об этом скульпторе и о художнице Вавочка говорила с Фаворскими. Выпачкалась вся в чернике, и мы пошли домой.

Я спряталась на огороде за душистыми бревнами и из засады слышала, как приходили одни за другими по мою душу. Лида Леонтьева-Арьякас с мужем, Таня Розанова, Лида Богуцкая и еще кто-то, какие-то «дама и господин» (Ефимовы)⁸². От любопытства я чуть не показалась из своей крепости, но утерпела, и вот у меня тихий свободный час.

Вечер тихий, благословенный. В Лавре будет торжественная иллюминация с разноцветными кострами, фонтанами и прожекторами по какому-то академическому случаю. Лида, вероятно, приходила звать меня туда. Не пойду. Там будет и фейерверк.

16 июля. Сергиев Посад – Воронеж
О. Бессарабова – З. Денисьевской

Что это ты пишешь, друг мой, о «шестивии в жизни по своим особым путям через боль и страдание других»? Ко мне применить эту пышную фразу просто невозможно.

О брате — «власть имеющем» — было сказано вот в какой ситуации. Вероника сказала о Борисе:

— Он как солнечный ветер над рожью, над степными цветами, теплый, солнечный, золотой, не губительный, но вольный, ласковый и непреодолимый.

Я, шутя, и сказала тогда:

— И власть имеющий? Да. Но он не замечает этого.

Вот и все.

Ober Menschen, сверхчеловеком Борю конечно же я не считаю. Да и не надо это, если бы и повод был. Довольно было бы, если бы он был просто человеком, полноценным и настоящим.

Вообще мне неприятен вопрос в упор о праве на грех и преступление. Через боль и страдание других идти к какой бы то ни было своей цели нет ни у кого права. Пусть это право берут те, кто для цели оправдывает все средства. И вообще и оправдывать, и осуждать я отказываюсь. Вот уж, поистине, не чувствую никакого права (и вкуса к этому) — на какие бы то ни было приговоры.

Общей фразой, но мне очень понятной и живой, я скажу тебе, что мне кажется, что всякое злое, всякая беда и боль делается людьми, когда им самим плохо или когда они безответственны. Вспомни Николая Григорьевича. Он ли не был «хорошим» и он ли не делал «больно»? Он делал больно нечаянно. А было ли легче от этого? И боль, которую он приносил собою, иногда становилась богатством, а он сам оставался беднягой и нищим. И не очень ясно, кого больше жаль — Господи, помилуй всех.

О Наташе Р<ындиной>⁸³ — не знаю ничего, помимо того случая, когда она очень помогла Боре в трудную минуту.

Когда говорят о Марине Цветаевой и о Борисе, — всегда очень плохо о ней и очень хорошо о нем. И я рада за Борю, хоть ему и было трудно.

Жду вестей от Коли брата или о нем. Жив, слава Богу. Если захочешь, напиши ему и ты, мое милое «умное сердце», о маме, обо всех о нас. И может быть, не надо по возможности «делать больно»? Ах, странно, физически защемило, заболело, как-то отозвалось сейчас сердце — о братьях.

18 июля

Я спросила Таню Розанову, не нужно ли ей дать свою рукопись (об отце и о Флоренском) — Флоренскому, перед тем как отдать ее в Румянцевский музей.

Таня пришла в дикое смятение: «О, он сумеет убедить меня, что ничего не было, — у него такая власть».

20 июля. Сергиев Посад

Я и Вавочка были у Фаворских. Смотрели его рисунки, гравюры, камеи. Говорили о новой книге Флоренского «Мнимости». Фаворский делает для нее обложку⁸⁴. Я рассказала о его статье «Символика цветов» — Владимир Андреевич очень заинтересовался. Сговорились о поездке к Торбеевскому озеру за 8 верст.

...О предстательстве за Люцифера перед Богом Флоренский сказал мельком: «Это прелесть, интеллигентская прелесть». (То есть пустяки, пустые безделушки?)

Купили на базаре старинную икону — вариация рублевской «Троицы».

Вечером на сенокосе будто мама была со мной. Всю ее, всю ее жизнь вспомнила, была с нею. Какая она была солнечная и как трудна была ее жизнь.

Когда бываю в Москве, до утра не наслушаюсь, не насмотрюсь на Александра Викторовича. Он очень увлечен мыслью предстательства за Люцифера перед Богом.

Из Москвы у нас часто гости. От Коли из Америки Володя получил посылку. Писем нет, и не было. Борис отдает свой заработок на устройство Ивана Вас<ильевича>, вязнет и путается в Воронеже. Иван Вас<ильевич> пишет трогательные письма о Боре, на него только и надеется. Если Боря не выберется из Воронежа, он скоро или медленно погибнет.

Вавочка, когда болеет, чувствует себя хорошо, то есть лучше, чем когда она здорова, и начинает писать стихи. А когда не болеет, прекращаются стихи и чувствует себя совсем плохо, как-то не на месте всюду. А когда начинает помогать мне в домашних делах, то и я, и все, кто случайно подвернется, чувствуем себя без рук и без ног.

Дома я никогда не бываю одна, и это утомляет меня.

Липы цветут. Тихий вечер, косые тени и свет. От лип кружится голова.

Ах, Вавочка, родное мое дитя. Растворить бы, напоить бы вас радостью первых восьми строк. И увести, унести куда-нибудь подальше от боли, скорби, от великой тяжести земной или небесной – но ото всякой, что мешает, а не помогает просто жить. Покаяние – что это такое?

11/24 июля. День Ольги

Только что разошлись мои гости. Сегодня я сожгла мосты или построила мосты – еще не знаю. Мне сказали, что я хорошая язычница, которую можно обратить в христианство.

...Из мира спиралей, брошенных в пространство, где нет ни верха, ни низа, – из царства снов и теней мне бы только добраться (взлететь или опуститься?) – в мир вот этот, сей, где солнце, земля, вода, ветер, люди – и все, что есть.

Сергей Павлович говорит, что я говорю о мире, как будто он уже преображенный, райский. А даром скакнуть в рай нельзя. Он дается (достигается, достается) дорогой ценой преодоления мира, преображения плоти.

– А может быть, и любовью к этому миру и плоти, Сергей Павлович? – спросила я.

Мансуров задумался, только пройдя дома три, ответил:

– Есть реальности более высокой ценности, чем реальности этого мира.

– Мне кажется, что Флоренский знает и этот, и иной мир, и живет на острой тонкой грани этих двух миров.

– Да, может быть.

Владимиру Андреевичу я сказала, что мне почти мешает то, что Флоренский – живой вот этот человек. Владимир Андреевич неожиданно живо сказал:

– Мне тоже! Так же!

Это правда. Правда, и еще полное принятие его со всем, что в нем есть, и со всем, чего нет в нем – принятие вот именно этого человека, живого, смертного.

12/25 июля

Вчера я была рада гостям своим и цветам. Темно-лиловые колокольчики с легкими желтыми цветами (пахнут медом), крупный темно-красный клевер, хрупкие светло-сиреневые колокольчики. (Клевер и сиреневые колокольчики поставила отдельно каждые, а лиловые с желтыми – вместе.)

Бедная Лида в моем хитоне под огромным одеялом семьи Голубцовых почти забыла про боль на несколько часов.

Вавочка варила молочный кисель с какао в огромной кастрюле. Лида комментировала: «Кипят мои наговорные травы».

Мария Александровна (вдова монаха, которая печет нам пироги и хлебы) принесла блюдо всяких пирожков, а я чугуна гречневой каши. Малина с молоком дополнила пир. Фаворский сказал, что все это напомнило ему кукольные именины в детстве.

Гуго Арьякас – муж Лиды Леонтьевой – несколько раз пытался высказать свое восхищение и удовольствие от нашей милой семьи и от наших гостей.

Что-то не люблю я бесконечных разговоров о Добре и Зле. Наташа Голубцова в ужасе закрыла уши, когда я при Мансуровых рассказала, что однажды я разделась на сенокосе и это было «Слава тебе Господи» (за солнце, за ветер, за землю и за запах сена). И в комнатке – келье Наташи, сплошь убранной иконами и иконками, устроился настоящий суд надо мною, будто я Фрина⁸⁵ какая, прости Господи. Я рассказала о Саше, о разговоре с Софьей Владимировной, о том, что «барышня раздевалась на сенокосе», и, желая узнать мнение хозяйки об этом происшествии, сказала ей между прочим – «ведь это грех показывать свою плоть?» Об этом я и рассказала.

Наташа ахнула и закрыла уши. И выпроводила из комнатки Серафима (почти коленкой выпроваживала его, боясь отпустить руки от ушей). Сергей Павлович сидел спокойно в сумеречном лампадном свете, Вавочка была не уверена в исходе диспута и не

проявляла себя. Но Мария Федоровна Мансурова, мягко, но категорически и решительно стала на мою сторону и заставила Наташу принять участие в горячей встрече мира сего и иного. И заговорили все. Я сначала даже и духом смутилась было, но уж очень не хотелось выдавать солнце и землю, и все земное.

Сергей Павлович удивительно помог мне сказать все, что я могла и хотела сказать, помог почти безмолвно, но явно доброжелательно.

Наташа говорила искренно, фанатически и категорически, почти сплошь текстами, как бы не сама от себя, а «от церкви», (от писания), но диспут был веден такой искусной рукой (безмолвным Сергеем Павловичем, главным образом, и Марией Федоровной — моей сторонницей), что под конец и Наташа смягчилась и должна была признать, что все земное сотворено Богом, и нельзя на него махать рукой, и так далее. (Не так уж плохо!) Она даже подседа ко мне поближе и уже совсем добрым голосом уговаривала меня, что нельзя же совсем не различать, что земное, а что небесное, хоть и «все Божье», а я говорила ей, что совсем не надо чураться всего земного, что ему можно радоваться.

Сегодня к нам в поле на сенокос пришел Владимир Дмитриевич Дервиз⁸⁶ и начал косить. Вот прелесть-то! Он косит лучше всех. Его слушается и трава, и коса. Прежде он был предводителем Тверского дворянства, земским деятелем, очень помещиком и очень барином, очень богатым. Теперь он председатель комиссии по охране Лавры.

Косил траву и Олсуфьев. Живописная фигура. Длинная курчавая борода, красивое лицо с большим лбом на почти лысой голове. Напоминает сказочного гнома. В лаптях, в онучах полосатеньких, в белой рубахе тонкого полотна, в шляпе из материи. Он уже стал отвыкать от обычного своего жеста — в первый момент встречи в поле: маленькой загорелой рукой вполношенно трогает то место, где должен быть галстук и где теперь просто расстегнутая пуговица. И милая смущенная улыбка и за пуговицу, и за жест свой, и так просто.

Два богатыря, братья Голубцовы, молча прокладывали борозды между полосами картофеля. Картофель надо «окучивать» и «пропалывать».

Один из них — Павлик⁸⁷ — молча показал мне пальцем на закат (смотри, мол, красиво!) Он хорошо рисует. Я прошу его рисовать с натуры, а не с открыток.

Однажды он буркнул:

— Что вам нарисовать?

А я ему в тон (невольно):

— Лавру, — говорю.

— Ну, хорошо.

Вавочка сначала отдыхала на большой копне, потом, трогательно сгребала сено. И домой пошла с граблями на плечах — ясная и праздничная, как именинное дитя.

На огороде у нас «нехорошая беда», «червь точит злаки». Я и Анна Дмитриевна Шаховская с пышной нашей капусты собрали целую кринку этого бедового червя. Завтра польем капусту железным купоросом. Хотим устроить шалаш и будем сторожить злаки, если червь оставит нам что-нибудь.

В вагоне я слышала, что «червь упал дождем из тучи», потому что, сами посудите — вечером ничего не было, а ночью был дождь, а на утро все огороды и поля в черве. «Ах, до чего-й-то мы дожили. А все большевики».

Вечер был жемчужный, опаловый, перламутровый. Я вспомнила Валу. И так странно стало, что она не в этих синих лесах и изумрудных полях, а в тех странах, где уже не смотрят на персики, а ждут виноград и гранаты.

Расскажи мне, Валечка, о цветах, о земле, о небе, о птицах, и зверях и о людях твоей тридевятой страны.

6 августа. Сергиев Посад — Екатеринбург

О. Бессарабова — В. Затеплинской

Наталью Дмитриевну отвезли уже в больницу — завтра уже узнаем, Сергей будет или Мария (произносят Сергей). Как странно, что оттого, что будет это Сергием или Марией — так или иначе вырастет, состроится человеческая жизнь. Наталья Дмитриевна перед уходом в больницу зашла к Вавочке — светлая, легкая, чистая, как хрусталик.

С 10-х чисел июля с нами обедает Лида и ее муж — Гуго Арьякас. Они внесли в дом праздничность, молодость.

Завтра идем в театр на вечер памяти Блока, в ту студию, которую ты знаешь по «Лицам любви». Будет «Роза и Крест» и «Балаганчик». Помимо всех остальных и Вавочки, будет с нами еще человек — скульптор, родственник Фаворских и Дервиз. Я его еще не видела. Он любит кукольный театр и лес.

Сегодня в Пятницкой церкви. Я видела необычайного, удивительного человека, — он поставил свечу на канон, помолился и ушел. Меня поразило то, что мне показалось, что я будто видела его прежде.

Боже мой. Во сне. В Зосимовой Пустыни!

(Переписано из тетради 1923-го года)

«Сон в Зосимовой Пустыни». В прошлом году, когда я была там с Валечкой. Это было 27-го марта 1922 года. Я посмотрела сейчас запись об этой поездке. О сне там записано только: «Сон. Взлет. Дерзкая радость. Что, кто это?»

8 августа.

Письмо Наташе Рындиной — зову ее к себе. Брат Борис женится на Наташе — уходит от мужа, художника Вадима Рындина.

9 августа

После вечера 24 июля оказалось, что тогда на диспуте не корабли сожжены были, а построились мосты, даже Наташа Голубцова стала теплее, вышла из своего замкнутого угрюмого благочестия. Может быть, она задумала спасти заблудшую овцу и привести ее в «свое стадо». Ведь было сказано, что я язычница (хорошая до грехопадения), но что, как ни бесценны сокровища мира сего, есть и иной мир, где сокровищам нет числа, и они ценнее всего, что мы знаем и что можем знать в мире этом. И что человеку дана возможность стараться быть совершенным, как Отец Небесный, и страшно утонуть в мире преходящем.

«Принять мир», сказать «Слава Богу» при встрече с «сестрой-водой», «братом-огнем» и бережно и любовно любить насекомых в голове — может только святой. Какой-нибудь Фран-

циск Ассизский – святой, уже прошедший через воплощение этого мира.

А я еще не дошла и до земного, для меня все земное – еще рай пресветлый, странный рай, в котором много удивительных явлений, от которых и больно, и чудесно, и радостно тяжело, и очень часто – не совсем так...

Днем было много суеты – обеды, завтраки, чай на два дома (Вавочке отдельно через дом и нам всем), проводы отца Лиды, четыре часа непрерывной работы со старыми и новыми стихами Вавочки, церковь. Главное в дне – была встреча с Марией Федоровной Мансуровой. Она только что вернулась из Оптиной Пустыни. Была у нее в ее комнате, большой светлой, со старинной мебелью красного дерева. Божница, много икон и книг. Книги занимают всю стену от пола до потолка – стоят на открытых полках. Захватывает дух от одних корешков, когда мельком взглянула, и хотя книги почти все в темных переплетах, эта стена показалась мне сонмом светлых сил.

Есть портрет Серафима Саровского⁸⁸, писанный с него живого самоучкой художником-монахом, сыном управляющего именем Самариных (эта семья была когда-то крепостной Самариных), Мария Федоровна – дочь Федора Самарина. Запах чистоты, проветренной комнаты и смиренного ладана.

Рассказала мне о поездке своей в Оптину Пустынь; о старце Амвросии Оптинском⁸⁹, с чудесным вниманием спрашивала об Иване Васильевиче, о братьях, о Вавочке, о здешнем моем житье-бытье.

Жду к себе Наталью Рындицу, будущую жену Бори.

Очень люблю ездить с поля на высоком стоге сена на возу. Теперь будем возить с поля рожь. Снопки золотые, красивые (потверже, чем сено).

10 августа

Солнечный денек. Петухи распевают. Пойду сейчас с Вавочкой в поле, где уже собрана рожь в снопы и стоячие головастые ряды. А вечером в свое поле на работу с Михаилом Владимировичем.

Вчера, в субботу, несмотря на проливной, почти уже осенний дождь, я была у всенощной в Красюковской маленькой

нашей церкви. Молились о добром духе, нашего дома (Вавочка, и Варвара Федоровна, и я.)

Валечка, хоть меня и называет язычницей, которая не отличает добра от зла, но как же не видят они, эти христиане, эти люди, духовно конечно же старшие, лучшие, чем я; как они не видят, как священен быт, священна радость жизни, священна скорбь, боль, смерть и свет, и тьма, и этот, и иной мир, и все не только небесное, но и земное! И все, что есть на свете, и чего нет...

Варвара Федоровна была нездорова. И с тех пор, да нет, раньше – вот, пожалуй, со времени твоего приезда сюда, в дом наш вошел «Благословенный гость». Не его ли я ждала, и ждут все? (Ангела кроткого, тихого, мудрого.) Божья рука уже прикоснулась к нашему срывающемуся, трудному, ключевому, совсем не такому, как надо – житью-бытью. Теперь я уже не боюсь за Вавочку и молю Бога помочь и мне с Варварой Федоровной.

Вчера в церкви ко мне пришел дар молитвы – я и не знала раньше, что это такое. Это так не по заслугам, а по милости дается. А когда стала выходить из церкви, увидела рядом с Михаилом Владимировичем Флоренского. И опустилась на колени в сторонке, и ничего не думала, ничего не хотела, просто затихла и не оглядывалась, пока они не ушли. Это я знала так просто, не оглянувшись. И не ошиблась. И пошла домой.

Вавочка лежала на моей кушетке с Громобоем, нашим котом. Он чужой, но обедает у нас и всех мышей прогнал. Я подошла к столу и, увидев на окне новые цветы, сказала:

– Папоротник с красной бузиной! (красиво).

А Вавочка поправила легкой своей рукой свои волосы и медленно, плавно, продолжила – как бы отвечая:

Папоротник с красной бузиной.
Незабудок бирюзовый рой.
На кушетке черный с белым кот.
На лежанке керосинка скалит рот.
Три белеют зайца на ковре...
А вверху, в воздушной синеве
Светится Ильинского «Весна».
Белый сумрак. Вечер. Тишина.

Мне показалось, что остановилось время, остановилось и мое сердце – во время рождения этого легкого наброска этого самого момента.

(Это было 4 августа)

Эта шутка, импровизация – стихи возникли мгновенно, целиком, без поправок. Было тихое же ощущение почти чуда, (тайна творческого потока), как было в юности в Воронеже, когда я увидела своими глазами, как раскрывались бутоны белых лилий. «Кринум райского прозябания» – такое странное название этих лилий. Я и мама затихли на полуслове и не пошевелились, пока не раскрылись при нас все белые лилии.

13 августа

Как быстро бегут дни, и все какие-то очередные, норовят все «в первую очередь».

Вот сейчас только вернулась с поля, возим в Олсуфьевский сарай огромные золотые возы ржи, связанной в снопы. Уже ночь. После деятельного и людного дня и поля глаза смыкаются, и света не вижу.

7 августа родился у Натальи Дмитриевны сын Сергей. Все прошло очень быстро и хорошо. Сегодня я была у Натальи Дмитриевны в больнице и видела это – Боже, какое маленькое дитя. Уже улыбается.

Ой, не могу... кажется, уже сплю. Все какие-то волшебные, прекрасные страны вижу во сне и уже сейчас знаю, что, как только засну, там буду. И еще знаю, вся-вся до капельки – это и есть волшебная страна, вот эта самая жизнь: с солнцем, полем, со скорбью, болью, любовью и радостью вокруг; со старостью, молодостью, с рожденьями и смертью, явью и сном. Господи, Господи, Господи, как я рада жизни, мне нравится даже просто дышать!

17 августа. Сергиев Посад – Екатеринбург

В.Г. Мирович – В. Затеplinской

Флоренский написал что-то полугеометрическое, полуфилософическое, где отвергает канто-лапласовскую систему ми-

роздания и утверждает библейскую: Земля — спутник Солнца (может быть, это Ваал?), а дальше эмпиреи и те звезды, о которых говорит астрономия — научные выдумки.

Это и есть эмпиреи, а может быть, души блаженных — так мне приснилось некогда, и я была очень взволнована сном.

(Так Вавочка изложила одну из работ Флоренского, затрагивающую теорию относительности Эйнштейна.)

9–19 августа. Преображение

Через три часа будет крещение Сергия, будет крестить Флоренский. Вавочка и Михаил Владимирович у ранней обедни в Черниговском скиту.

11 часов утра. Кончила обед, печку, полы, глаженье и всякую уборку у себя, у Варвары Федоровны, у Вавочки. Пойду за цветами и ветками для украшения чертогов маленького Сергия.

Умер старец Анатолий Оптинский⁹⁰. Сергей Павлович — на его похоронах и не будет при крещении Сергеюшки, его заменит Павлик Г.

Вавочка сегодня прекрасна. Синие искрящиеся глаза (даже какие-то лиловые, как фиалки), серебряные искры волос и лица, и руки — как искры. Не лучи, не тихий свет, а искры и молнии. И как она еще молода и красива, просто по-женски красива! А ей уже 53 года!

Во всей доступной мне полноте почувствовала таинство, мистику, священность Крещения. Может быть, даже и магию его. Вспомнила обедню в доме Флоренского в праздник Крещения. Серебряное и голубое живо в дыхании осенней кристальной свежести солнечного сегодняшнего дня, в колокольном звоне.

Вокруг купели Сергеюшки собрался весь Сен-Жермен Сергиева Посада. Первый раз так случилось, что почти все близкие знакомые, живущие здесь, первый раз все вместе. А обычно жизнь так крепко и тесно загружена заботами, работой, заработком и житьем-бытьем, что люди, которые и рады видеть друг друга, встречаются только в общей какой-нибудь очередной работе — в поле, на огороде, в лавке, в церкви или в вагоне. В дома

друг к другу заходят мимоходом — всегда с чем-нибудь или за чем-нибудь.

Комнату всю (окна, двери и простенки) и особенно стеклянную веранду, где стоял приготовленный к чаю длинный белый стол, я убрала березой, ветками красной бузины и папоротником.

21 августа

Золотой, хрустальный, крепкий, как вино, денек. Бродили по лесам, принесли домой грибов, веток с гроздьями красной бузины и рябины, высоких болотных листьев аира, прозрачной красной костяники.

Уже желтеет, золотится береза, краснеет осина, тополь. Рожь убрана, жнут и складывают снопами овес. Кое-где собирают скошенное «второе сено» — отаву.

Видели сегодня поле овса, покрытое все, как грибами, еле двигающимися горбатыми старухами. Некоторые так и не могут разогнуться — так и ходят, согнувшись пополам. Это богаделки, жнут по наряду. Старухам помогают монахи. Старушки жнут овес, а монахи вяжут снопы, складывают их на возы и увозят. Развеваются на ветру длинные черные одежды, длинные волосы. Поле золотое, небо синее, облака стоячие. Монахи — старые и не очень старые — добровольно вышли в поле помочь богаделкам («инвалидам старости»), помочь выполнить работу — «наряд».

Владимир Андреевич Фаворский — большой художник, мастер, гравер, большой человек. Он из тех редких людей, в присутствии которых люди (почти все) делаются лучше, яснее, правдивее. Чистый воздух — легко дышать. Прекрасная голова, прекрасные руки. Очень люблю всю семью Фаворских.

30 августа

Пешком ходила в Зосимову Пустынь (18 верст). Была там три дня и две ночи. В церкви⁹¹ — по 14 часов в сутки. Говела после очень большого промежутка времени.

Удивительно, первые час-два в церкви провести очень трудно — сильно устаешь, а потом — все прибывают силы. Ушла из Пустыни с сожалением, по необходимости вернуться домой.

А дорога домой через леса дремучие, через поля с собранной в горы рожью, с пшеницей, овсом и гречихой, через частые деревни и села, по холмам, долинам, по тропинкам и дорогам, где часто-часто стоят рябины с красными пышными гроздьями, грибы, костяника, шиповник, брусника, последние цветы, уже золотистые березы, темная хвоя. А недалеко от Сергиева по косым лучам заката услышали колокол Черниговского скита. Казалось, что звук доплывал к нам по лучам с той стороны — бархатный, густой, но прозрачный (плотный, даже как бы весомый, но чистейше-прозрачный), как душа металла.

Я хотела было, не заходя домой, идти в скит. В день Успенья там торжественное богослужение, но глупое благоразумие помешало, и пошла домой. (Беспокоилась, что Вавочка устала от керосинок, чашек, чайников и прочее.)

Было нас семеро — четыре девушки и три девочки-подростка. Босые, с котомками за спиной, с палками, с цветами, с ветками рябины. К нам пристала и богомолка — старушка лет 80, бодрая, живая, почему-то напомнила живой, еще веселый и не съеденный колобок и Марию Дмитриевну Кривополенову⁹². На линии железной дороги за версту от дома вдруг вижу идущую нам навстречу Таню Епифанову, московскую свою приятельницу. Она приехала к нам только на сутки. Завтра утром уедет в Москву. Таня с сияющими глазами рассказала, что было сегодня в Сергиеве, у нас дома.

Без даты

Есть на свете такое диво — гром, золотой дождь, Ярило, художник, скульптор Ефимов. Когда-то он был богатым помещиком. И когда от всего, что у него было, у него осталось сколько-то тысяч, он хотел застрелиться, потому что не мог представить себе существования с такими грошами.

Жена его, художница, очень умный и творчески одаренный человек, послала его на фронт проветриться. Он «поехал, встряхнуться, дурь с него сошла»... А тем временем исчезли и двести тысяч, но это уже не казалось катастрофой на фоне событий. «А вот теперь они — петрушечники». Жена его, когда была помещицей и барыней, увлекалась кукольным театром как художни-

ца. А потом увлеклась балаганчиком, как профессией, «и втянула мужа в петрушечники». От состояния, именина, дома, павильона в парке, где были собраны его и другие работы, не осталось камня на камне. Они оба давно уже, несколько лет, не прикасаются — он к глине, она к живописи.

Он не выше высокого роста, но от широких ли плеч или от манеры держаться кажется великаном. Он очень красив, очень русский, очень барин, — из тех русских европейцев, которые по своему положению, роду и одаренности от Европы взяли все, что им нравится, самое лучшее, не потеряв самобытности и всех возможностей русского барина, да еще художника. Ему все можно. Он прежде всего художник, и от этого — все остальное.

Сыну его Адриану 16 лет⁹³. Жена его — живая, с красивым голосом, легкая, без возраста — менее заметна, чем муж, но может быть, главнее его, еще не знаю. Она племянница В. Серова, тетка Марии Владимировны Фаворской и ее сестры Елены Владимировны Дервиз⁹⁴. (Елена Владимировна — тихая, красивая девушка, обаятельная и скромная.)

Дети, молодые и старые женщины и мужчины влюбляются в него, и, вероятно, никому нет охоты ревновать — по всему небу, по всей земле грохочет солнечный Ярила. Говорят, что на него иногда находит хандра, протрация, он тогда лежит, спит по целым неделям, и никто не подходит.

Первый раз я увидела его в церкви. Он зашел, вероятно, по дороге на базар, поставил свечу на канон и ушел. И даже старушки-богаделки и нищенки оглянулись на него все, как по команде. Он как-то необычайно красив, не как просто человек, а как явление (6 августа 1922 года).

Слова, вещи, люди — даже самые скучные — все оживает, загорается, искрится, легко дышит при его появлении, от его внимания. Он очень прост и свободен, и ни тени, ни намека на грубость, самомнительную назойливость, на что-либо такое, что как-нибудь можно бы задеть, покоробить. Ну, как солнце светит, как лес шумит — Ярило.

Для Павла Александровича Флоренского устроен был кукольный спектакль петрушек на склоне плавного холма — луга в соседнем саду. Балаганчик устроили между двух березок (в начале березовой аллеи, ведущей на холм).

Вавочка и Таня моя оповестили красюковских детей, собрались и «и свои знакомые» — оказалось, в общем, более ста человек, были и случайные зрители, дачники. Как-то очутилась здесь же и бывшая миллионерша Маргарита Морозова⁹⁵ с американцем-туристом, и перс Альджи с семьей, и молодые люди с тросточкой, и туземцы с Красюковки.

Ефимовы будут читать лекции об искусстве, об играх, об игрушке в нашем Педагогическом Институте. Дошкольное мое отделение устроило себе лишний год учения («практический и общеобразовательный»). Вавочка, заведующая дошкольным отделением, делает все, что доступно и возможно, чтобы хоть немного оформить и обтесать свою дошкольную паству. Случайно или не случайно — состав учащихся дошкольниц культурнее других, внешкольники что-то очень ура-разбитные, а школьники, как безрогие коровы, и почти все в очках.

С полей наших уже убрали рожь, пшеницу, овес и какую-то вику и сено. Что-то устроили для «озими». Лошадь Машку берегут как зеницу ока. Думали, что это конь Васька, а у нее вдруг родился жеребенок, раньше времени. Конь Васька и стал лошадью Машкой. В поле теперь еще целое море картофеля.

«Михаил Владимирович купил козу, а она дает молока не столько, а вот сколько мало, и брыкается, и бодается, и сено ест». Так рассказала мне о козе Вавочка.

Софья Владимировна подарила мне перламутровую иконку на шею, из Палестины. На одной стороне Христос, на другой — Богоматерь. Ношу на черном шнурке.

Вавочка все нездорова. Подагра, ноги болят, бессонница, нервы, усталость.

Сергеюшка — обожаемый деспот всех окружающих, что-то будет из этого человечка. Уже три поэта написали и пишут стихи о нем, ему, вокруг него. Вавочка подарила Наталье Дмитриевне тетрадь для дневника о Сергеюшке, и ведется летопись по часам и дням, стихами и прозой.

13 сентября. Москва

Боря блистательно ликвидировал дела в Москве. Все мои и его друзья рады за него (и за меня). Все долги заплачены. Неве-

ста его, Наташа, до рождества будет жить у меня в Сергиеве. Отдохнет и отдышится от всех эпопей этих лет.

От Коли пришла посылка. Она даст мне и Вавочке возможность сделать самые необходимые одежды, может быть, даже и калоши, и рубашки. И она, и я катастрофически нуждаемся в этом. И еще она дает возможность не принимать помощь от Михаила Владимировича и Натальи Дмитриевны — они сами едва держатся. И стол наш сразу станет «невероятным».

Иван Васильевич устроен Борей в келье бывшего Девичьего монастыря в Воронеже. Боря заботится о нем, получаю от него хвалебные письма о Боре.

15 сентября

Утром завтра опять еду в Москву за посылкой от Коли. Может быть, застану Борю в Москве.

Он был у меня. Я ездила с ним в Москву встретиться с его невестой. Была в Третьяковской галерее. Был день ангела Александра Викторовича. Я подарила ему сноп белых астр. Был у него один философ, странный такой гномик-старичок. Он прочел нам доклад свой «О музыке сфер» Пифагора. И свой гимн солнцу, свету. Почти уродиком показался он мне в первый момент, а потом — во время доклада и гимна — прекрасным, единственным в мире. Ни о чем на свете, и ни о ком в жизни не помнила, пока слушала его.

Александр Викторович прочел свои стихи о Люцифере. Они как бы проникают в человека, растворяют в себе. Цветы. Вино. Фрукты и конфеты. К чаю вернулся Боря, проводивший Наташу домой. Я очень счастлива приветливой радости за Борю моих друзей.

За день перед этим, ночью Александр Викторович читал мне стихи А. Белого («Пепел»), рассказывал о нем. В юности А. Белый очень дружил с Сергеем Соловьевым. Одно время оба они носили большие кресты (такие, какие носят священники на груди). У Александра Викторовича есть фотографическая карточка, где они сняты с этими крестами. Рассказывал о необычайной нервозности А. Белого. Однажды кто-то

застал его дома в шубе, рыдающего от растерянности — куда ему поехать — обещал нескольким лицам, в разные места в один вечер, в одни часы. Знакомый успокоил его предложением остаться дома под предлогом нездоровья или без всякого предложения.

Без меня у Коваленских была как-то Таня Розанова. Весь дом жалеет ее. «Больной человек, истеричка, ужасное впечатление».

Александр Викторович играл на фисгармонии. Сначала было мрачно, тяжело (может быть, от посещения Тани, когда как бы не можешь выпрямиться от тяжелой усталости). Потом — борьба адových и светлых сил. Потом было то, что бывает в конце богослужения в церкви, когда круг богослужения замыкается и тает в куполе храма. А потом — светлый, плавный лёт, полет вверх, в музыку сфер...

И Шурочка, и Алекс<андр> Викторович — не насмотришься на них, очень их люблю.

Завтра надо встать к поезду в 6 часов утра. Смыкаются глаза. Спокойной ночи всем на свете.

Сегодня я счастлива от Бори-брата, за него, о нем. И от прекрасного вечера в доме Добровых. За два дня моих в Москве, в Сергиево явилась осень. Все стало золотым, красным. Вон и дождь пошел. А-ох, собьет он все мое золотое. Колотушка за окном. Гудок на паровозе. Башенные часы — музыкальные, мелодичные. Спокойной ночи.

У меня 7 учеников.

Анна Михайловна, жена Флоренского (со слов Тани Розановой): «Никто его не любит, помимо меня. Чтобы его полюбить, его надо пожалеть».

Разговор в церкви перед богослужением. Я рассказала Марии Федоровне, что одно время мне каждый другой священник казался «не таким», потому что он не Флоренский. Отойти от этого было очень трудно. Богослужение казалось чуть ли ни кошунством. Тяжело было идти в церковь, а от церкви еще тяжелее. Теперь стало иначе. Богослужение уже само по себе — и теперь не мешает ничто, кто бы его ни вел.

– И в Пустыни не мешало?

– О, там я и не вспомнила о Флоренском, – было как-то некогда, не до того. Я была рада. И как же там хорошо – не хотелось уходить из Пустыни, и даже уставать перестала – стоять в церкви.

– А вам Флоренский чужд, Мария Федоровна?

– Мне? Нет, нет! Совсем нет! С самого начала я была опытнее, старше вас. С самого начала, я знала, что я могла бы – так как вы... Знала, чем это может кончиться, и я вовремя отошла, удалилась.

Наталья Дмитриевна Шаховская: смотрю на христианский брак, как на своего рода схимничество. Происходит полная отдача своего «я», своей воли, души и тела друг другу – «нам». «Я» уже нет, есть «мы» (со слов Вавочки).

11 октября

Еду опять в Москву. Вчера из Москвы приезжала в Сергиево за нужными адресами и справками (посылка от Вали из Ташкента и посылка от Коли из Америки), и еще почему-то было беспокойно о Вавочке. И хорошо, что приехала. Ей было нехорошо (душевно). Были вместе на ее первой лекции в Институте. Записала ее стихи за два дня своего отсутствия. Стихи очень мрачные. Побывать вместе помешала Таня Розанова своими истерико-фантастическими историями. Жаль ее. Сегодня из Воронежа в Москву приедет Боря. Наташа уже поехала от меня, встретить его в Москве.

Была у Ефимовых. Ярило и его жена будут читать в нашем Педагогическом Институте (в Сергиеве) лекции про искусство. Меня околдовал и заморозил их дом, дом чудес. Много прекрасных вещей, картины, скульптура, звери из дерева, фарфоровая пума. От львиц его излучается, как и от него самого – сила, грация, власть. Звери его сказочные, хотя и очень реальные, совсем не геральдические какие-нибудь и не кубические. Знаю еще его «Бизона» в Третьяковской галерее. Когда-то, при первой встрече с этим зверем я невольно «убрала с дороги плечо» – отодвинулась, – такая мощь идет от него. А сам художник полон вечной юности, хотя ему не меньше сорока лет (46!). <44>.

Ефимовы будут ездить в Сергиево раз в две недели. Иван Семенович — за день раньше, чтобы ехать из Москвы вместе с Флоренским. Они оказались друзьями.

Я приезжала к ним окончательно закрепить их согласие — читать у нас лекции. Это удалось.

20 октября

(На лекции в институте)

Ярило, Ярило, дождь золотой, большое дитя! Оказался европейцем, хорошей, дорогой простоты и изящества. Легкими, сильными руками из заплечного волшебного мешка (на лекции) являл нам чудеса — игрушки. Больше всего понравились мне два его медведя (ваньки-встаньки) и японская музыкальная мелодичная игрушка (цилиндрическая с перезвоном). С такими музыкальными инструментами идут японцы на Фудзияму во время праздника Весны (когда цветут вишни). И коробочка с черепахой, и кормилица с ребенком (кустарная, из дерева), и конь, и птичка, и медведь с дровосеком, и немецкие гуси.

Завтра днем придут к нам волшебные гости — Ярило и его жена. С лекции из Института возвращались поздно вечером, когда было уже совсем темно. Шли по линии железной дороги, над двумя лощинами Сергиева Посада (на горе — Лавра).

Огни. Рука. Голос. Ярило, Ярило, дождь золотой, гром Божий, большое дитя! Слушает лекции Флоренского в ВХУТЕМАСе в Москве об антиперспективе и по высшей математике. Ездит в Сергиево в четверг вечером, а не в пятницу утром, чтобы ехать с Флоренским.

Дал ему Бог дар движения, прекрасную голову, «токи синих детских глаз» и что-то, чего еще никогда не знала. Вдруг ясно почувствовала греческого Пана и поняла, что христианство — это совсем еще не все на свете, разве мыслим Пан в христианстве? Вероятно, мне вообще ближе пантеизм. Я, конечно, не сказала слов, которые всю дорогу как бы наполняли весь темный купол неба над дорогой: «Великий Пан. Великий Пан». И художник он, и скульптор — Ярило, Ярило, дождь золотой, гром Божий, Божья птица, большое дитя...

30 октября

Ночью тщательно убрала дом, свою комнату в Сергиеве. Ночевала у меня Ольга Форш⁹⁶, знакомая Варвары Григорьевны, писательница; и ждала к себе на завтра Флоренского. Она оказалась его дальней родственницей по грузинской материнской линии. Наскочила на меня, как хищная птица, лорнетом разрубила гордые узлы. Раскритиковала меня в пух и прах, бранила за то, что я не пишу, гублю себя, распляюсь, «еще не подумала о себе» и так далее. Бранила меня преступной гордыней, и глаза-то у меня смотрят не так, и очень вознегодовала на то, что во мне «часть астрала» Варвары Григорьевны.

Я внимательно слушала ее и еще более внимательно приготовила своей гостье ужин, постель и все, что надо, и готовила дом для торжественного дня — посещения Флоренского, так как в 7 часов утра надо было уехать в Москву, и дом не был бы в порядке. Старалась, чтобы было тихо, быстро и не суетливо, — кругом спали. Она сначала было раздражилась, что я убираю, привожу в порядок книги, но когда я просто сказала — да ведь завтра же Флоренский придет в эту комнату, мне хочется приготовить горницу, она смягчилась и дружелюбно заинтересованно воззрилась огненными черными своими глазами. Она уже седая, старая, но красива от серебра волос, от ярких умных глаз, от живости движений.

Заснула, наконец, и гостья моя, которая, переложив почему-то гнев на милость, улыбнулась вдруг очень хорошо и сказала, что жалеет, что я уеду завтра, она была бы очень рада, если бы я осталась. Я сказала, что еще больше жалею, что я уезжаю от нее, что не могу остаться и что я вообще ее ничуть не боюсь. Она рассмеялась и совсем похорошела и помолодела. Но вообще-то — это довольно хищная птица. Но это не беда, потому что она талантлива и умна. И необычна сама по себе.

4 ноября. Сергиево

До прихода гостьи, Ольги Дмитриевны Форш, Варвара Федоровна посвятила меня во все тайны и события прошедшей недели. Ольга Форш живет у нас с четверга, все время, пока я была

в Москве, 30 октября с 11 до 12 часов дня был Флоренский. Ольга Дмитриевна «оказалась вдруг кузиной Флоренского». «Ментальный роман». Они ездили вместе в Москву. «Все время она была в общении с ним».

Вавочка опрокидывала чугуны с супами и кашами; питалась молоком, яйцами, сыром и колбасой.

Чужой рыжий котенок, который привязался к Ольге Дмитриевне, испортил три чистых одеяла и устроил себе уборную под кроватью Ольги Дмитриевны. Этот же котенок съел живого мышонка на кровати слепой Варвары Федоровны.

Когда пришла Ольга Дмитриевна, я попросила у нее ее рассказы, какие у нее есть с собою. На ночь. Прочла.

Вавочке я посоветовала сию же минуту заболеть, слечь в своей комнате. Она очень обрадовалась и пошла веселыми ногами к себе. Я принесла ей ужин, чай, выслушала «отчет о неделе здесь» и рассказала о своей неделе в Москве. Вавочка с удивлением сказала: «Я как-то не замечала, как незаметно и не суетливо и как много приходится тебе работать в доме с устройением обедов, чаев, завтраков и ужинов, и топкой печей, и с водой, и с самоварами. Как много времени отнимает все это — это ужасно. Я очень чувствовала твое отсутствие, особенно при наличии гостьи Ольги Дмитриевны. Как я устала, как устала».

5 ноября. Сергиев Посад — Ташкент
В.Г. Миревич — В. и В. Затеplinским

...Со мной что-то сделалось новое, друзья мои. Так разбушевались во мне стихии мира, что я совсем не знаю, как с этими космическими бурями быть. В молодости это имеет какой-то исход в страсти, хотя бы и в несчастной или, может быть, и не нуждающейся в телесном воплощении. В старости, по горестному и жестокому опыту знаю, — это совсем, совсем уже не нужно, — ни лица с именами, ни приблизительное воспоминание. А на мачтах — огни Святого Эльма⁹⁷. И волны встают до самого неба. Не есть ли это именно то, что смиряли отшельники долгими годами пещерных затворов, вериг, пощения и всяческого измождения плоти. Наружно все тихо (у меня). Бури только проплескиваются в стихи. Старчески «мозжит», а иногда и

воет нога, читаю и Техникуму, и Электротехникуму, что назначено судьбой.

Пристально смотрю на Олю. Она писала Вам вчера, вероятно, в этот же мой конверт вложит письмо. Ее охватили вихри, но не космические, как меня, а женские, девичьи. Но, может быть, она не захочет об этом говорить. Хотя уже говорит, но иносказательно и силясь все объяснить «дружбой». Больше, чем когда-нибудь я считаю, что тут не надо вмешиваться. У Оли не было ничего реального. Если тут ее ждет даже что-нибудь трагическое, это лучше, чем вечное пребывание в грезах.

Я говорю о трагическом, Валечка, потому что этот человек женат и очень крепко (и духовно, и жизненно — крепко), связан с женой и подростком-сыном. И он, я думаю, привык к таким бурным, поэтическим безответственным встречам. Пока они оба еще в лунном тумане, но, по-моему, недалек час, когда им надо будет расстаться или захотеть, какую бы то ни было ценою — не расставаться дни и ночи. О нем думаю, что к настоящей роковой глубине он вряд ли способен. Слишком много он тратился в этой области и устал, и слишком связан. Ему 42 года <44 года. — Н.Г.>. Я очень хорошо отношусь к нему. И если бы я была молода, вероятно, так же подпала бы под его обаяние, как все мои дошкольницы (он читает у них народное искусство, «Петрушку»).

Вот какие дела, милые мои. Оле об этом пока не пишете, то есть в том случае, если она не затрагивает сама этих вопросов. Я думаю, что она не может об этом не писать. Она вся полна, переполнена, пере-пере-полнена тем, что пришло в ее жизни.

Готовится у нас вечер Гуро⁹⁸. Бойко инсценирует и очень хорошо читает уже из «Осеннего сна» — «вот и лег, утихший, хороший». Бойко недавно гостила у нас и была милая, кроткая, обаятельно умная, и много «изображала» из Ахматовой, Блока и пьес своего сочинения.

Это очень талантливая андрогина. То, что она андрогина, язвит меня отвратительным и мрачным воспоминанием об Эсфирь. К счастью, ее андрогинство лишь в духовно-душевной области. В жизни ей нужна, увы, — как недостижное нечто — обыкновенная женская доля. Мне ее всегда болезненно жаль. Она

очень бедна — без калош, без обедов, живет космически одиноко и теряет голос не то от туберкулеза, не то еще от чего-то.

Обнимаю Вашу голову, Виктор. Нежно, нежно целую Вас, Валечка, родная моя.

5 ноября

Заболела (уже по правде) Вавочкина нога. Наташа рисовала Лиду.

Ольга-Марфа пеклась о многом.

Вечером я с Наташей у Фаворских на чтении пьесы Ольги Форш «Равви»⁹⁹. На чтении были Михаил Владимирович, Лида и Гуго Арьякас, три сестры Розановы — Таня, Варя и Надя с мужем, Аня Бронзова с мужем, Сафонова, Берсенева, три поколения Фаворских, Огнёв и Флоренский.

Флоренский во все время чтения вздыхал и упивался запахом из флакона Ольги Форш — она составила какую-то особенную «дьявольскую смесь», — говорит «очень удачно». Михаил Владимирович старался не смотреть на Флоренского, а под конец буквально даже закрыл лицо рукой и почти совсем отвернулся.

17 ноября

Лекция Ефимовых об искусстве, об игрушках, о кукольном театре. Талисман Ефимова — трехсотлетний китайский дракон или тигр — заговорный какой-то. Когда Ефимов дал мне его, — будто замкнулся круг какой-то. Что это? Жутко и радостно.

«Не бойтесь. Вам не надо бояться зверя», — сказал Ефимов тем же голосом, каким он рассказывает что-то и каким говорил со всеми в аудитории, показывая игрушки. Может быть, на какую-то долю тише, но мне показалось, что мы одни на свете.

Взглянула на зверя, и он улыбнулся мне. Деревянный. Глаза из серебряных гвоздиков. Клянусь, — улыбнулся!

С Ефимовыми на празднике Фаворских. Празднуют десятилетие их семьи (Владимира Андреевича и Марии Владимировны). Были и Флоренские. Яркий свет в больших, высоких комнатах — бывших кельях Троицкой Лавры. Приветливо, радостно, уютно, чисто. И навсегда молодо в их доме, так будет и когда они будут стариками. Художники.

Темно-красное, янтарное и, как темный мед, вино. Чудесный мед из Байдарской долины. Художественные пряники (их даже жалко было есть). Мадригалы, стихи, шуточные вирши «сороковатых годов», спич старика Фаворского¹⁰⁰, смутивший Владимира Андреевича, игра «Кто и что».

Прощание в столовой, потом в передней. Вдруг залила нежность к Владимиру Андреевичу. Такой он весь хрустальный был какой-то, светлый брат, белая птица. Но что можно было сказать (на эту тему?), лучше помолчать — всегда лучше. Я взяла и поцеловала его — через длинный нос стоявшего между нами у притолоки Флоренского. От неожиданности Фаворский крепко поцеловал меня. Вышло так просто, что я не успела смутиться от своей храбрости, и никто как будто не удивился. Я сдержанно попрощалась с Флоренским, если бы можно было — склонилась бы «белым лицом до сырой земли», но уж до этого-то не дошло. И в сенях еще было прощание: «Вы забыли попрощаться со зверем». «Прощай, зверь» (не тронула его).

Чудесная, морозная, темная, снежная ночь.

Весь вечер у них был золотистый, искристый, очень дружный, оживленный, и, вероятно, всем, кто был на нем, — было хорошо. Михаил Владимирович с доброй улыбкой сказал: «Мария Владимировна напекла пирогов во всю Ару» (ей в голову не пришло, что можно не все сразу испечь; и правда, было всего больше вдвое, чем требовалось). Я первый раз видела Флоренского в обществе приятных ему людей и друзей. Какой он блестящий собеседник, и вообще, он самый удивительный человек из всех, кого я знаю на свете. Праздничные Ефимовы, милые, чудесные Фаворские, главный Флоренский, серебряная тихая старушка Фаворская¹⁰¹, по-старинному любезный, как маркиз, Владимир Дмитриевич Дервиз, кроткая, красивая дочь его — сестра Марии Владимировны — Елена Владимировна, еще люди всякие, не было никого, кто был бы некстати, все как будто самые желанные гости. Ой, как хорошо и золотисто было все.

Об этом вечере — знаю, буду и потом помнить, как об одном из прекрасных дней жизни. Вероятно, и всем, кто был на этом вечере у Фаворских — так же этот день, как подарок. Легко дышать, золотисто дышится, светло.

18 ноября

Весь день — ощущение темно-красного, прозрачного, как вино, почти светящегося (шума или цвета?) и золотистого, как мед.

Утром рано зашел Ефимов и звал в лес. Не пошла — просто так, непочему. Дневные утренние заботы, конечно. Сказал о сегодняшнем вечернем и завтра утреннем богослужении Флоренского в Пятницкой церкви, чтобы пойти вместе.

После лекции Вавочки в военной Академии о литературе 18 века во Франции пошла с ней к Фаворским.

Игра в мнения на записках — сравнение с растениями и животными, минералами, пейзажами. И вне игры, хотя и во время игры, мне был дан белый листок и карандаш. Я написала: «Ярило — золотой дождь и гром. Божья птица». Зверь, китайский тигр или дракон, талисман утащил это в свою пещеру — в бархатный особый левый карманчик. А когда Фаворские запели русские песни, зверь вышел из пещеры и сел на палец Ефимову. Слушал. Тот курил, и зверь двигался вместе с рукой и не спускал с меня глаз. Вoroжил.

Вдруг прекратился электрический свет, — так поздно оказалось. И нас оставили ночевать. Устроили меня и Вавочку в комнате Владимира Дмитриевича Дervиза на широчайшем диване, а Ефимова с Николаем Борисовичем (Каменевым)¹⁰² за тонкой перегородкой.

Зажгли тонкие восковые свечи (одна из них была из черного воска, как из смолы), и не захотелось расходиться. На широком нашем диване приютились Фаворская с сестрой, Ефимов, я и Вавочка. Попросила Вавочку «погадать», она закрыла глаза рукой и говорила, что видит ряд зрительных образов. Я записала эти гадания обо всех нас. Вавочка сказала несколько своих стихов, и я сказала ее стихи о дочери Иаира¹⁰³, почему-то зашел о ней разговор.

И еще: после ухода сестер было еще несколько минут — много ли, мало ли, было ли, не было? Он рассказал о верховой езде, о лошадях, о ландышах в лесу. От случайного движения Вавочкиной руки, волосы мои распустились, как плащ, как лава, — тяжелые, вьющиеся тяжелыми крупными волнами, кольцами и локонами. Я сама удивилась.

«Громокипящие». «Странно видеть это вокруг кротчайшего спокойного лица». (Ефимов сказал это, как вслух подумал, — не мне и не Варваре Григорьевне, а просто так, может быть, и сам не заметил, что проговорил вслух.)

Четыре часа ночи. Башенные часы — мелодичный звон.

19 ноября

Снежное утро!

Проводили до половины пути домой Вавочку и вернулись, и пошли в церковь к обедне. Говорили о снеге, о воде, о земле, о стихиях мира. Он рассказал о своем обручении с океаном. Купался в океане, вдруг в руке оказалась раковина круглая, в виде кольца. И он «обручился с водой, с океаном» (вспомнили о венецианских дожах, обручающихся с Адриатикой).

Богослужение Флоренского и его проповедь о дочери Иаира. Слушала, боялась дышать.

Дажь-Бог, Ярило. Солнечная пронзенность. Солнечный, пронизанный солнцем мир, просвеченное солнцем тело мое. Дажь-Бог, Ярило!

И — Иной Лик (ценности высшего порядка). От креста серебряный, в отвесах огней, и холодок от серебра — больше ничего в мире не было в тот момент, и не видела будто, хотя обостренным каким-то восприятием и знала все, что вокруг.

От креста отошла уже свободная. Дажь-Бог отпустил меня.

Земным поклоном простилась с Ярилой. Слава Дажь-Богу, спасибо, что явился, был в моей жизни, и поцеловала руку, попрощалась и поблагодарила. И пока ждала завершения круга богослужения (не смотря — видела, ну, право же, не смотрела, а видела) — белым мрамором было лицо Ярилы, с закрытыми глазами, поднятое чуть-чуть вверх — минуты три? Очень долго?

...Ярило, золотой дождь и гром, Божья птица. Дитя! Никогда его не увижу. Закрылись Царские двери, завершился круг обедни. Ушла домой, молча, поклонившись в пояс, стоявшему уже в дверях художнику. У него хватило такта не останавливать меня. Снежный полдень!

20 ноября

В подземной церкви Черниговского скита у всенощной. Все богослужение для меня было «Слава Богу», — не заметила, как быстро пролетели четыре часа — совсем не устала.

Снежная дорога через лес домой. Разговоры спутниц о старце Анатолии Оптинском, о Порфирии Черниговском.

Софья Владимировна Олсуфьева и Мария Федоровна Мансурова.

Как по-разному красивы Мария Федоровна и Софья Владимировна. Мария Федоровна — Примавера Боттичелли (Боттичелли — одно и то же лицо у Весны, у Венеры и у всех его Мадонн, как будто все они написаны с Марии Федоровны).

Есть очень хороший портрет Серова — Софья Владимировна у печки (рука прислонена к печке) — высокая, тонкая, великолепные глаза с пушистыми длинными ресницами, темные волосы. В молодости, видно, была очень красива, теперь она уже немолода и всецело поглощена самой черной работой по дому, в поле, на огороде. И как главное (и отдых, и жизнь) — церковь.

Смотрю и вижу, что люди эти (Софья Владимировна, Мансуровы, Наташа Г. и многие здесь) живут в церкви, а вне ее для них — «все остальное». Вот сегодня в богослужение как бы влился, включился и снежный вечер, и лес, и <нрзб>, и дорога.

21 ноября

Реакция? Ощущение наклонной плоскости, нетерпения, впадины, оползня, — не знаю.

И на лекции Ефимова не буду ходить. И когда он будет в Сергиеве — буду нарочно уезжать в Москву.

22 ноября

Если не в Москву, то просто из дома буду уходить (к Тане Розановой, к Вавочке). К Фаворским и на лекции не ходить. В Зосимову Пустынь поехать бы...

Вечером уехала в Москву. Нарочно. А все-таки хорошо, что живой человек показался мне Ярилой. Но куда же это деть в жизни?

23 ноября. Москва

Музей фарфора (Морозовский). Китайская бронза. Торжественный вечер у Добровых — 31 год со дня их свадьбы¹⁰⁴. Стихи, фисгармония, горячая радость друг другу, разговоры, гости.

Елизавета Михайловна почему-то грустна. Видно, в добрую минуту я попросила ее показать мне семейные альбомы. Она сразу охотно со всех сторон достала много альбомов с фотографиями. Смотрели все. На всех фотографиях — как прекрасно лицо Филиппа Александровича, и странно, чем старше, тем лучше. Елизавета Михайловна в молодости была очень хорошенькая, пикантная. Маленькая Шура — в украинском костюме с веночком — прелестна. Саша в младенчестве совершенно кукольный пупс. Много старинных фотографий, очень молодой Леонид Андреев, изящная милая его первая жена (сестра Елизаветы Михайловны, урожденная Велигорская), Александра Михайловна. Очень хорошенькая Екатерина Михайловна, по мужу Митрофанова, и так далее. Со всеми нами и Филипп Александрович смотрел все карточки, многое вспоминали.

2 декабря

И на другой день, сегодня с утра, в лесу. И вечером я ждала его от Флоренского, придет за мной, чтобы пойти на вечер к Фаворским. Но он пришел и на пороге же сказал: «Уйдем лучше в лес?». И мы пошли, почти молча, тихо на ту, дневную полянку в лесу — по дороге в скиты.

На полпути вдруг увидели яркую лунную радугу. Я помолилась (ей?) о работе его. Чтобы он начал опять работать как скульптор. Он 8 лет не работал (после разорения и разгрома мастерской в имении). Он дал мне кусочек хлеба, который дал ему Флоренский «на дорогу в лес».

В сумерках, когда мы были на высоком снежном холме, увидели большую звезду на небе, взялись за руки и быстро и легко «пошли на звезду» по твердому насту снега.

А на другой день Вавочка продиктовала мне написанные вечером стихи (я еще не успела, не говорила ей о звезде).

Стихотворение Варвары Минович

Взгляни, какая бирюза
Озеленила небосклон.
Уж скоро вечера глаза
Блеснут на нас со всех сторон.
 Взгляни, вон первая звезда
 Над головой косматой ели
 Глядит, бессмертно молода,
 Упоена небесным хмелем.
И, если хочешь — побежим,
Звезде навстречу без оглядки
По этим холмам снеговым,
Дорогой белою и гладкой.

(Как будто вместо меня, за меня эти стихи сложились у Вавочки.)

4 декабря

Праздник введения во храм Богородицы. Его любил Толстов (рассказывал о картине какой-то, может быть, даже об иконе, — как старики стоят и смотрят, как идет девочка, дитя, вверх по ступенькам храма).

У обедни в Пятницкой церкви. Богослужение и проповедь Флоренского — о свышнем мире, о лазури Богоматери, о Троице Рублева. Приняла благословение у креста. Было что-то неуловимое, но несомненное, я поняла, что Флоренский знает обо мне от Ефимова. Хорошее, не плохое. Он как бы приветствовал меня? Это неуловимо, но так.

Вечером очень дружно с Борей, Наташей и Вавочкой. Разошлись очень поздно.

Ночью собрала и переписала языческие стихи и детские сказки Вавочки для издания.

6 декабря. Москва

Устроила Лиду на ночлеги и обеды и добыла две контрамарки на «Принцессу Турандот».

День и часть вечера пропали на скучное — деловое (да к тому же и неудачное; не застала троих и т.д.).

Иду уже домой, усталая, нетерпеливая. Не застала и Романовича в ВХУТЕМАСе (для Наташиного поручения о картинах). Досадовала, что вечер пропал, раскололся и отложилось необходимое дело. Мою дорожку на дворе ВХУТЕМАСа пересекала другая дорожка. По ней быстро шел Ефимов. На перекрестке двух снежных тропинок вдруг встретились. В самый первый момент я даже не удивилась (думала о нем, где-то он теперь). Тут же как-то очутилась близко какая-то загородка, перила или скамья, кажется, хотела было удивиться, но некогда было, — были рады, развеялись глупые человечесьи дела, заботы. И уже ничего сделать нельзя сегодня, все деловое — завтра, днем, а сейчас подождем Флоренского. Он сейчас придет во ВХУТЕМАС на лекцию, мы и лекцию его об антиперспективе послушаем. Хочу ли я? (А я хотела уехать в Воронеж, а я думала, что в этот приезд не пойду к Ефимову, что ничего больше не надо).

Дождались Флоренского. («А как все-таки хорошо вышло, что я раньше пришел, хоть на несколько минут!»). На лекции был и Фаворский. Мне показалось, что Фаворский был неприятно удивлен или опечален, не знаю, как-то неосудительно, но сурово и печально удивлен, что мы вместе. Я хотела было, но постыдилась объяснить, что мы встретились, по правде, нечаянно.

С лекции мы вышли вместе, четверо, но Фаворский очень скоро ушел от нас, хотя в театр ему было еще рано. Ефимов даже и не звал меня к себе особенно, как будто не пойти к нему на ужин было не естественно, а само собою разумеется, что надо идти с ним и Флоренским к Ефимовым на ужин. Как будто было заранее так условленно, — так вот вышли и пошли. Удивительно, что и для Флоренского это было как будто так и надо — ужинать у Ефимовых в доме втроем — Иоанн, он и я.

Пили вино, был тонкий изысканный ужин. И как удивительно, как странно, что совсем не боялась, не смущалась, а все принималось так, как будто так и надо, а иначе и быть не могло.

Флоренский с половины дороги поехал куда-то по другой дороге, чтобы очень скоро потом прийти к Ефимову. А мы в это время купили вместе, что было нужно для ужина, а дома Иоанн быстро и умело все приготовил, собрал, подал. Достал

старинные бокалы, какие-то драгоценные тарелки, чудные чашки... «Венецианское стекло».

«Мы будем праздновать начало моей работы. Я начал опять работать, лепить, я очень рад сейчас этому ужину с вами и с Флоренским».

Едва только приготовился ужин, как пришел и Флоренский. Говорили за ужином о значении имени, о лекциях во ВХУТЕМАСе, («Я никогда не готовлюсь к лекциям и никогда не знаю, что буду говорить, до того момента, пока не увижу перед собой аудиторию, и уже нельзя ни на минуту отложить лекцию. И тогда говорю, что там нужно... как бурсаки начинали отвечать урок, когда их несколько раз побьют палкой, чтобы вспомнили урок»), о гаданиях, о картах. Я рассказала о записях Вавочкиных видений с закрытыми глазами о разных людях. Иоанн тоже рассказал, Флоренский внимательно выслушал, расспросил. Иоанн был поражен соответствием того, что наговорила ему Вавочка, с некоторыми явлениями и событиями в его внешней и внутренней жизни (может быть, даже психики или какой-то подсознательной области). О безнравственности спирали и кругообразных линий «дурная бесконечность». О символике цветов (цвет – краска, а не цветок). (Статья в «Маковце») ¹⁰⁵.

Иоанн показал сокровища из волшебной шкатулки: граненый хрусталик, красная «капля» застывшего стекла («привезли из Венеции, капля застыла у нас на глазах»), игрушки, талисман.

Флоренского проводили до самого дома. Потом от его дома до трамвая у Красных ворот меня довел Иоанн, и по домам.

7 декабря. Москва. Сергиев Посад

Днем в Москве успела сделать все деловое, исполнить все поручения Вавочки и Наташи. А вечером дома попала на пир Бори и Наташи, и Вавочка была у них. Праздничный ужин, вино. С дороги я озябла, и мне дали вина побольше, чтобы согреться. Я выпила сразу целый стакан горячего глинтвейна. Так вот, что это такое? Красное прозрачное вино... золотистый свет. Дерзкий, радостный взлет, легкость... Что это, что это? Похоже на сон в Зосимовой Пустыни... но иначе, лучше.

Ах, хорошо бы поехать сейчас на санях быстро-быстро, в снежные леса, по снежным холмам, И-о-анн!

8 декабря

Рано утром уехала опять в Москву.

Вечером в театре на «Великодушном рогоносце»¹⁰⁶ с Лидой и Ефимовыми. (Игорь Ильинский в главной роли, постановка Мейерхольда.) Самое сильное впечатление, полученное когда-либо мною в театре. Смерч. Предельное. Мрак.

Вернулась домой к Добровым и не могла разогнуться от этой буффонады. Дом Добровых, Шура, Александр Викторович горячим вниманием и любовью сняли с меня тяжелый мрак, помогли выбраться в другой план.

«Великолепный рогоносец» — очень страшная вещь, а совсем не веселая комедия. Была поражена, что зрители смеялись и веселились в самые жуткие моменты. Ничего более жуткого и ужасного нельзя себе придумать, как чечетка — танец одинаково одетых людей, (длинная) вереница, кажущаяся бесконечной, — перед юной белокурой женщиной с раскинутыми от страха руками (она прислонилась к стене). «В очередь, в очередь» — почти сумасшедшая сцена.

Совершенно исключительный талантливый актер Игорь Ильинский — голос, каждое слово, каждый жест. На Ефимовых «Великодушный рогоносец» произвел очень сильное впечатление. Конструктивная постановка, декорации сумасшедшие, но выразительные очень. Не то тонкий лед, не то кулак по голове, но зрители в полной власти режиссера, актеров, пьесы.

9 декабря

Утром к 12 часам поехала к Ефимовым. Весь день была с ними. Нина Яковлевна починала кукол своего кукольного театра. Елена Владимировна готовила обед. У Ивана Семеновича из глины вспенилась наяда, намечен сонм морских водяных див. Смотрела (и честное слово, будто вошла в какое-то общение с его зверями) — Львицы, Зубр, Козел (страсть), кроткий фарфоровый ягненок (агнец), Пан, Медвежата, Пума. Козля (страсть) еще не видела, но и по фотографии видишь, какой он должен быть наяву.

С Шурой, Александром Викторовичем, Лидой и Ефимовыми в студии Фореггера¹⁰⁷ на «Сверхъестественном сыне». Что-

то такое грубое, глупое и неприличное, смотреть не хотелось, хотела было уйти, но меня зверь-талисман утешил, и мы не смотрели на сцену и не слушали, и помню, и знаю только, что мы были вместе, и были чудесные груши, и Шурочка была красивая, и я была рада, что Ефимовы очень понравились Шурочке и Александру Викторовичу. Александр Викторович потом попросил у меня разрешения говорить со мной, задать несколько вопросов. Можно? Ой, я знала о чем. Можно, очень можно. И он, и Шурочка сказали мне всякие чудесные вещи и о Ефимове, и вообще. То есть и я сказала, и они.

Хоть умру, хоть будет все, что тяжелее смерти, но жене его через меня и от меня не будет больно. Ни в малом, ни в большом.

(После разговора с Александром Викторовичем я случайно слышала конец фразы А.В. – Шуре: «Замечательная девушка».)

14 декабря. Четверг. Сергиев Посад

Завтра приедет Иоанн. После лекции его и Нины Яковлевны, может быть, состоится поездка в лес на санях. А если не поездка (побольше народу, Фаворские, Ефимовы, Вавочка и я), то бродить по снежным холмам и лесам в валенках.

Радоваться. Разговаривать. Молчать. Целоваться?

Завтра уеду в Зосимову Пустынь.

15 декабря. Сергиев Посад

Оттепель. Плохая дорога. Утренние заботы. С Лилей Шик была в лесу у Черниговского скита. Она и я – во мраке, в урюмости, и мы не мешали друг другу.

Снег почти талый, не по-хорошему яркий (какой-то больной, бледный, а не блестящий белый, как бывает во время мороза). Небо низкое, свинцовое, весомое, казалось тяжелее снежной земли. Казалось, что все вверх низом (ногами), наверху тяжело, а внизу, на земле – ненадежно, светло и нетвердо. Леса сосновые – черным-черны.

На лекцию Ефимовых нарочно не пошла. Позднее Михаил Владимирович сказал, что Ефимовы и не приехали на лекцию

из Москвы. Я и Вавочка зашли за Лилей к Фаворским. Владимир Андреевич показывал чудесные издания по древней иконописи и прочел стихи нового поэта Казина (хорошие), делает обложку к ним.

Два длинных долгих раза заметила, что Владимир Андреевич всматривается как-то внимательно, будто что-то понять хочет, и смотрит не враждебно, а как-то внимательно очень. Пусть не боится за Нину Яковлевну. И ничего не было и уже прошло все, от чего могло бы стать больно. И не будет никогда.

16 декабря

Что это? Как случилось, что я перестала помнить Иоанна? Работную душу его (художника) люблю, берегу, молюсь о ней, но уже нет того трепетного, радостного изумления им, о нем самом. Он ярко одаренный человек во всем, во всем, в большом и малом, в деле и безделье. «Так талантлив, что вряд ли из него что выйдет». Великолепный зверь, солнечный Ярило, художник; поистине он сын земли, воды, воздуха и огня.

Через него и им солнцем пронизана, растворена и собрана была я. Через него и им явлен был мне наяву лик Ярилы. А потом? Таинством встречи «во Флоренском» была наша встреча.

Ах, не ошиблась тогда я, бездумная, тогда же простившись с ним земным поклоном и целованием руки.

18 декабря

Ток прерван. Разомкнулся круг. А что там? Мне кажется, что и там ток прерван. Только бы работал. Помолилась о работе его.

В Гефсиманском скиту¹⁰⁸, деревянной церкви 18 века — служба, как в Катакомбах. Несравнимо красивее, лучше, значительнее напевы монастырского скитского богослужения (чем в приходских церквях).

А хорошо, что все это было, и хорошо, что прошло. Ведь он не Флоренский, не Фаворский и не Мансуров. При их имени и не придет и в голову магическое «а потом?», какое неизбежно является при всем очаровании Иоанна. Радуга, Фата Моргана,

все чудесное на свете, но какого-то веса нет. Ах, не знаю, о чем это я говорю.

Варвара Минович

Баба Яга – костяная нога

Ты у меня словно дома.
Утром взметнешься, как в поле пурга,
Жизнь разметнешь, как солому.
Днем помелом нечестивым своим
Доброе все выметаешь,
К вечеру в сердце вползаешь, как дым,
Черные думы сгребашь.

Нижешь их в нити, как нижут грибы,
К ночи разубраны ими
Все закоулки и стены избы
Черными думами злыми.

Сном не даешь позабыться ты мне,
Вьюгой в трубе завывая,
Если же к утру усну я – во сне
В ступе с тобою летаю.

23 декабря

Нездоровится. Нет сил ни на сон, ни на бодрствование. Засыпаю только, когда Вавочка положит мне на лоб руку.

Сегодня в моей комнате с кафельной лежанкой дошкольницы по очереди рассказывали сказки. Устала от них (много их). Вавочка в утешение потом прочла мне несколько баллад Жуковского (Лида заразила нас своим увлечением его «кованным стихом» в балладах, особенно в «Смальгольмском бароне»¹¹¹ и затопила печку. Чисто в комнате, тепло, тихо. Вавочка сказала сегодня, что она знала на своем веку мало людей, которые умели бы так сильно, радостно и ненасытно радоваться стихиям мира, как я. А мне все кажется, что мало, что я не знаю

какой-то полноты радости прекрасному земному. Куда уж тут до небесного, когда и на земле-то не тверда на ногах. Дал бы Бог язычницей-то сделаться по-настоящему.

Но почему же, почему мне мало Иоанна? Вот я подумала, — ну вот он — все прекрасное земное, а потом-то что же? Вот это «потом» и есть то, чего я не знаю и что я люблю в Мансурове, во Флоренском, в Фаворском, даже в Михаиле Владимировиче, (которого я совсем не люблю, между прочим, а только как-то объективно ценю, уважаю и вообще верю, что он очень хороший). Что же это такое? Какое-то движение, своя линия, свой путь (неприятно здесь слово «путь», не то теософками, не то народниками, не то какой-то пользой пахнет).

Фаворский — вот уж сам свой, монолитный и кристальный, настоящий человек (как был задуман человек, так вот он и есть, ничуть не исказился, его даже и высокая культура не испортила, а только утончила, сделала еще лучше, чем он был задуман). Богом? Его не развеешь, не разобьешь. (Может быть, даже и об угол не расшибешь в каких-то случаях). Я его почти совсем не знаю, а очень люблю. Светлый брат. И я бы хотела, чтобы он был моим другом и чтобы я была его другом. Может быть, чтобы было похоже на то, что у него есть к Наталье Дмитриевне, — конечно, не то же самое, потому что ее-то он любит, но хоть, чтобы было похоже.

А этот? Что это? Дитя, стихия, неумный Великолепный кусок прекрасного земного, по-детски потянувшегося к чему-то, чего сам не знает, а просто подвернулось ему на глаза. Дерзкий он, неумный, все сразу хочет, а выбора-то и нет! И беспомощный. Он пропал бы сию же минуту, если бы Нина Яковлевна оставила бы его. Пропал бы сию же минуту без жены, без няни, без крепкой руки, которая держит его за ухо, а сам-то огромный, кажется — двинет, шевельнется, и мир перевернет. То-то и дело, что не повернет по-своему, просто кувырнет и сам кувырнется, дай ему только волю. Сам не знает, чего хочет. Радоваться? Ну, не беда, если и не дотянется за попавшей на глаза игрушкой. Жизнь не обидит его и сейчас же пододвинет другую.

Ой, устала. Сегодня и завтра, дни и ночи самой глухой зимней поры, в понедельник день и ночь переменятся, и ночь уступит дню на две минуты, а потом будет все сокращаться и совсем отодвинется с главного места. Но сейчас глухая пора, ве-

роятно, такая самая, какая ко мне пришла, лечь бы тихонько и не двигаться. Не вижу, не слышу, не помню.

11/24 декабря. Сергиев Посад

...Если бы пришел он опять, неумный, и позвал бы опять в лес, — я бы уже не послушалась.

Хотела бы ли я, чтобы он был так же внимателен? Да, в лес я уже не пошла бы.

Больше всего на свете хочу я сейчас, чтобы он работал. Если он теперь не будет работать как настоящий художник, который не может не работать, — он пропадет, развеется и развеет по ветру данные ему дары. Нельзя же всю жизнь излучаться Ярилой, и брать, брать, брать все, что ни попадется под руку и что ему так легко достать. Молодость уже уходит от него. Нужно уже давать и уметь выбирать. А если он сделает какое-то движение (волевое!) в то, что есть в нем, есть же «Художник», — он никогда не состарится! Он вырастет так, как и сам еще не знает! Я же знаю, вижу ясно, что он сам может развеять себя и может выбрать или центробежность, или центростремительность.

Пусть он не заметит меня, только пусть не потеряет самого себя. Это было бы очень жаль. Он чудесный большой художник. Да и сам — художественное произведение. Обидно же, жалко будет, если пропадет.

Когда сегодня дошкольницы вспоминали (называли) главные свойства детской психики, то все рубрики этих свойств так и вызывали его образ, все пригодились к нему, как по мерочке.

Ну что ж, остается погладить его по голове. Он очень хороший. Но что же спросишь с ребенка? А вот ему-то все это я, может быть, и не сказала бы, я не знаю, есть ли у него щит и меч, или хотя бы палка, чтобы отбиться.

Может быть, не он, а это я стала старая, и вот как по косточкам все разобрала, вместо того чтобы просто целоваться, когда целуется?

...«Безмолвие гор и удолий порождало новое чувство: то было состояние неисповедимой тишины и покоя... то была

тихая и духовная радость, — был глас хлада тонка, где же Господь»¹¹⁰.

(Илларион Пустынный)¹¹¹.

Мне кажется, что если он перестал бы работать как художник, я неизбежно разлюбила бы его. Жалела бы, ну и все что там нужно было бы, но самого главного уже не было бы: радости, чувства, что крылья растут.

26 декабря. Сергиев Посад — Воронеж

В.Г. Мирович — З. Денисьевской

Рада была получить письмо Ваше, дорогая Зина, ко дню ангела. Не именинные были именины. С утра была в расслаблении плоти и духа. Потом пришли письма, пришли люди, и вечер был уже именинный.

Мать очень тронулась, что Вы не забыли ее поздравить, попутно оплавав, что внучки забыли и что не от самой Лиды, а от Вас она узнала о ее замужестве.

Самое трудное в моей жизни — то же, что все эти 2,5 года, неуменье, невозможность найти сносную, выносимую для меня и для матери линию поведения. Я вечно обижаю ее, мне трудно с ней разговаривать на ее языке. Меня доводят до дикого раздражения ее вопросы о тряпках, чайниках, мисках, особенно когда ей нужны биографии этих предметов. И в ощущении невылазной вины состоит суть моих к ней отношений. А нужного тепла нет, чуть накопится — еле развеется от ее тона, голоса, привычек. И выходит, что любишь не ее, а Мать, отвлеченную мать в образе, в каком хотел бы ее видеть, а не в том, в каком ее Бог послал. Это и Вам знакомо, сестрица Зиночка.

И еще это трудно по привкусу какой-то с детства постылой «прозы», точно тебя то и дело тычут в какое-то помойное ведро.

Олечка тоже не справилась с этим. У нее помягче отношения с матерью, но, может быть, еще более глухие и немые по существу.

Олечка настрочила Вам три тяжеловесных письма, но на мое предложение отослать их — ответила: «Нет, это потом». Поскольку в Олечке есть бессарабское, — мне понятно Ваше вре-

менное уединение от нее. Но в ней (для меня) есть навеки очаровательно добрый, наивный и чуткий ко всему трагическому и прекрасному ребенок, которого я навеки полюбила, когда ей, семилетней девочке, в виде сказки рассказывала иногда свою, тогда еще очень драматическую жизнь, а она слушала, не моргнув, с понимающими глазами Богоматери.

Но близок день, лампада догорает, надо кончать. У меня полная бессонница. Но зато ноги ходят. И завели даже меня (по воле трех молодых существ) в кинематограф, откуда я бежала с какой-то мистической тошнотой.

Сестра Варвара.

30 декабря

Все, все хорошо, милый. До четырех часов утра жалко было ложиться спать – вырезала <нрзб>. Зайцы, лисицы, солдаты, кони – будто с ним все еще была, и радостно было вырезать фигурки по линиям его рисунков.

Чудесны звери Нины Яковлевны. Прелестна марка с бодающим козликами, и фигурки этих же козличков <нрзб>, и ласковые лошади, ослик, дети, гномы и много других милых, до доброй улыбки.

Утром проводила Вавочку в Москву. С нею уехали и Ефимовы. Мягкий, тихий, снежный день. Суббота.

Я будто глубоко под водой. У меня здесь есть и драгоценный жемчуг, и всякие дива – сокровища. И камни. И тина. И омут. А надо мною – лед, снег, другая жизнь. Там и люди и все, что бывает – все это очень далеко.

*Письмо Мансуровой Ольге Бессарабовой*¹¹²

*<Надпись карандашом – получено 23 февраля 1963 года
Г. Боровск, дер. Высокая, ул. Хрущева, д. 58>*

Незабвенная Ольга Александровна!

Так, как Вы, никто до сих пор не дал образа † Сергея Павловича. Лучше всех, кто пытался о нем что-то сказать, сказали Вы, и ничто меня не покорило. Эти Ваши строки о нем мне очень дороги!

Простите меня за то, что я так долго держала Ваш дневник... Прочитала его, проглотила с увлечением, очень он талантлив. Не отдавала его раньше, потому что все надеялась, что будет больше сил, хотелось кроме тех листочков, какие я успела вложить, сделать еще кое-какие примечания. Хотелось сказать нечто (сколько могу понять) на тему о пути «трезвения». Мне кажется, что † Михаил Владимирович искаженно применял это понятие, слово, к тому, что разделяло отца Павла Флоренского и † Сергея Павловича. За годы Михаила Владимировича около † Варвары Григорьевны он был, может быть, утомлен ее (Варвары Григорьевны) мистическим опытом, то есть природой ее духовного устройства, и свою новую жизнь с † Натальей Дмитриевной, может быть, ощущал как освобождение от некоей мглы или «тени», по выражению Сереженьки Флоренского, может быть, этот переход был для него как протрезвление и оздоровление. Но такая трезвость, какая вошла в его жизнь, и «трезвение», то слово понятнее в устах святых отцов — это очень разные вещи, произошла спутанность понятий. Не знаю, как на самом деле чувствовал † Михаил Владимирович, но в Вашем дневнике его восприятие этих двух духовных путей звучит приблизительно так: с одной стороны — глубинное познание тайн бытия (о. Павел Флоренский), с другой — какое-то повертывание спиной к мистике ради работы над собой и устройство своего внутреннего мира больше в плане нравственном (С.П). Так? На самом деле слово «духовное трезвение» в устах святых Отцов, какие вошли в <нрзб>, означало делание глубоко таинственное, углубление в тайную клетвь сердца, где трезвящийся начинает видеть и глубину своего падения, касания к сердцу Света и Тьмы, творчески художественно участвуя с помощью благодати в своем возрождении — спасении. Делание это называется отцами искусством — искусством.

Думаю, что и отец Павел Флоренский и † Сергей Павлович в какой-то мере имели этот опыт, и не здесь это их разделяло. Отец Павел Флоренский, вероятно, видел в Сергее Павловиче присутствие тонкого монофизитства, то есть думал, что у Сергея Павловича в его познание Бого-Человека происходит перевес в сторону Божественного труда с уничтожением человеческого, как спасение наше совершилось именно через соединения Божь-

Часть II. ДНЕВНИКИ ОЛЬГИ БЕССАРАБОВОЙ

его с человеческим — если такое мироощущение бывает, то отражается, отпечатывается на всем устройении человека — стиль, вкус и т.д. Так воспринимал Флоренский. Однажды он сказал отцу Сергея Павловича, что путь Сергея Павловича «вымученный».

Было ли это так? Ю.А. Олсуфьев, тонко чувствующий людей и понимающий, что Флоренский говорил о нем: «Можно ли быть таким слепым?».

Отец Павел Флоренский просто много не знал и не мог знать о том, как сложится наш путь, и сделал торопливо выводы, сделал их он холодно, а где холод — там уже нет проникновения, им оно искажено. Сам Сергей Павлович говорил, что только в другом мире происходит между ними слияние.

До меня дошло, что, когда скончался Сергей Павлович, и эта весть дошла до отца Павла Флоренского, он был очень взволнован...

Дорогая Ольга Александровна! Знаю, что Вы очень больны, очень больна и я. Благодарю Вас за Вашу любовь к Сергею Павловичу и к нам обоим.

Господь да храни Вас. Ваша М.

Хорошо бы получить от Вас ответ.

1923

9 января

Как это до сих пор я еще жива и цела, как я еще не попалась, не ухнула с головой куда-нибудь, куда так и норовлю всю жизнь, много раз, напролом, над всеми предостерегающими вехами? «Милый Лис, Олечка», — ой, ой, ненавижу я эту кроткую овцу, которая никак не отыщет волчьей пасти и без толку бродит то к небу, то в болото, не разбирая, где какие огни...

Вчера я была на елке у Фаворских. Дети, детские игры, китайские тени, зажженная елка, вся в самодельных игрушках. Очень хороши, сделанные художником Никитой¹ (ему 8 лет) и художницей, матерью его (Мар<ией> Влад<имировной>), фигурки хоровода, нарисованные и вырезанные фигурки всяких забавных зверей, наряженных в разные одежды людей, детей, кукол, всяких дикарей, птиц и др. Все эти «гости на елке» сцеплены между собой руками, и живые гости... <пропуск 2-х страниц>

...тяжело что-то. Звери его почти уже одухотворенные, люблю его зверей. А человечина его рисунков (по словам Вавочки) — зверинее зверей, и такое зверье, которое и не знает, как любят звери, а такое, которое в следующий момент ногой толкнуть может.

Ой... не так что-то, не похоже. Встает в памяти разное о разном, что трогало, изумляло и радовало меня в общем порядке всего, что относилось к нему и говорило о нем. Может быть, я не права. Не верю? Надо бы мне самой увидеть эти рисунки. Я не боюсь.

Пусть будет как будет, но не хочу я жить с закрытыми глазами и с золотыми колокольчиками на ушах. Спирали, сны во сне, тени теней, выдумки – вот я? Не хочу так.

17 января

Письмо В.В. Розанова к дочери. Жаль, что нельзя говорить о нем. Таня просила, – неудобно и записать, значит. Рукописи, письма. Надписи на книгах. Таня подарила мне «Столп и Утверждение Истины» – последние три главы «София», «О Дружбе», «О Ревности» – первый экземпляр (еще не разрезанный).

Вчера, когда Варвара Дмитриевна Розанова просила меня сходить за монахом-священником (Отцом Ипполитом) – вместо доктора («Лечить меня уже не надо. Надо успокоиться, приготовиться»), и я отворила уже дверь, чтобы пойти за ним, – в дверях стоял отец Ипполит, который не был у них месяца четыре.

У Фаворских. Яркий свет закрытых сверху ламп. Владимир Андреевич весь в черном с белым отложным воротом работает с лупой, с чем-то острым и блестящим, и с квадратиками дерева. Делает гравюру. Когда встал приветствовать меня – стал вдруг вне времени. Был странно похож на Дюрера². Лицо, руки, он красив особенной тонкой красотой. Художник.

За другим столом с отдельной лампой, неподалеку от мужа рисует Мария Владимировна морозными узорами сказки «Морозко» и др., графически очень сказочно выходит. Тоже вся в черном, широком и с чем-то большим у ворота. Тихая сосредоточенная и милая.

За третьим столом, в стороне, – Владимир Дмитриевич Дервиз, отец Марии Владимировны – за толстыми книгами по древней иконописи.

Появился на минуту и исчез (что-то о книгах, о ключах говорил) тихий монах-священник в очках, с умным лбом.

Чтобы не отвлек их всех от работы, ушла сразу после делового повода своего посещения.

Умерла мать Сергея Павловича Мансурова³. Отец Ипполит через Таню Розанову прислал мне наивную трогательную картинку. Розы в вазе и какой-то микроскопический снимок, по-

видимому, с картины Рождения Христа или Богоматери с полужележащей фигурой на ложе и несколькими женщинами. Отец Ипполит — удивительный человек. Он был самым образованным монахом Лавры. Летом жил всегда один в крошечной избушке в лесу, «в пустыньке», жил аскетом, построил много школ в деревнях. Он — художник, у него были прекрасные книги. Ему лет 80, легкий, стройный, серебряный, кроткий. Живет в ужасном темном сыром подвале под Митрополичьими покоями, как почти и все оставшиеся в Лавре монахи. Темная конура-кеleyка и днем всегда освещена крошечной керосиновой коптилкой. Сам всегда очень опрятный, чистый.

У Розановых я увидела его первый раз и говорила с ним не больше 3—4 минут. И на другой же день через Варвару Дмитриевну (Таня пришла за мной, чтобы я зашла к ее матери) подарил мне эту самодельную картинку. Он сам делает такие картиночки и дарит их кому хочет. Меня очень тронул этот подарок — картинка, сберегу его.

19 января. Крещение

Опоздала к обедне в Пятницкую церковь. Опоздал и Флоренский с Васей. Встретила его на дороге, он мне сказал, что церковь так полна, что и на паперть войти нельзя. По упрямству и от огорчения я все-таки пошла. Конечно, пришлось вернуться. И не успев убояться, я вдруг позвонила к Флоренскому. Дверь отворил он, и не успела я сказать что-нибудь, как он быстро и приветливо сказал: «Вот и хорошо». В доме были только дети, Анна Михайловна и бабушка. Живая вода.

21 января. Зосимова Пустынь

О милом брате Владимире, о запутанном брате Борисе, о бесприютном брате Всеволоде, о далеком родном брате Николае и о покинутом отце моем Иоанне, о смятенной душе Варвары и слепой матери ее, о семье Натальи Дмитриевны, о любимой Валерии и о муже ее Викторе, о Фаворских, о Мансуровых, о Флоренских, о Ефимовых, друге моем — Зинаиде, о доме Добровых, об Александре и Александре и о всех людях.

Сергиев Посад.

С поезда из Пустыни – на парастас⁴, заупокойную всенощную к Мансуровым. Богослужение отца Павла и его хора. У меня гости – Всева, Таня Епифанова, Лева Ванин и Женя Бирукова.

22 января

Заупокойная литургия в Рождественской церкви. Похороны в Киновии (около Черниговского скита). Вечером – стихи Жени Бируковой и Вавочки.

У Флоренского и Сергея Павловича очень сложные отношения, не личные, а отношение к некоторым религиозным и церковным вопросам. Отец Павел к Мансуровым на панихиду пришел сам, я очень рада.

26 января

Вчера девятый день со дня смерти Софьи Васильевны Мансуровой. Была на заупокойной всенощной у них. В эти дни была как-то у нас Мария Федоровна, потом я у нее – днем.

Отец Павел за время стояния тела в доме был у них три раза. Однажды долго и дружно разговаривал с отцом Павлом (Рождеств<енским> свящ<енником>). Сергей Павлович подошел к отцу Павлу в церкви и поблагодарил его за проповедь «О свышнем мире» (я видела их лица, руки). Это то, что их соединяет. А когда Сергей Павлович останавливается на том, что их разделяет, она «всегда стоит» за Сергея Павловича («Защищаю его»). Отец Павел иногда подпускал шпильки Сергею Павловичу, когда они работали вместе в Комиссии по охране Лавры. Когда они серьезно говорят о своем «разном» – это хорошо (не разъединяет их), а когда отец Павел язвит и задевает Сергея Павловича, и очень больно и остроумно, – нехорошо, не так. Если бы они спелись – это имело бы большое значение не только для них, но и вообще. Но надо, чтобы это было по-настоящему, по сути вопроса, а не только через хорошее отношение друг к другу, как у нее и у меня о них, через отношение к ним обоим.

Вечером вчера на именинах Тани Розановой. Пряники Марии Федоровны. Она печет мятные пряники, кто-то пошутил,

что и у них-то вид какой-то «святой», — это и правда, они какие-то очень свежие, чистые и формы трогательно маленькой, почти круглые.

27 января. Суббота

Всенощная в Пятницкой церкви. Свете тихий. Хвалите имя Господне. Благословен еси Господи. Слава в вышних Богу.

Мария Федоровна ждала отца Павла. А ее ждал А.Д. Самарин⁵, и ей уже нужно было уходить. Мария Федоровна сказала мне «подождите» и невыразимыми, почти неуловимым движением (руки, наклоном головы, ресницами) сказала мне о том, что в церкви отец Павел.

28 января

Вчера на ночь — рубиновая лампадка. Утром обедня. Буря сорвала крест с главного купола Успенского собора в Лавре и часть крыши с Трапезной. Отнесла отцу Ипполиту книги от Варвары Дмитриевны Розановой. Всенощная. Сборы в Москву. Стихи Вавочки.

На душе тяжкий мрак (о Варваре Федоровне, о жизни человечей).

Если бы мне пришлось подробно рассказать о прошедших праздниках, я смогла бы лучше всего повторить некоторые песнопения и слова из утренних и вечерних церковных служб, и заново пришел бы ко мне праздник Рождества.

Несмотря на гостей из Москвы и суету, на прогулки, стихи, разговоры, заботы и великие события и мелочи дней, я не пропускала, кажется, ни одной службы, и у меня первый раз в жизни получилось полное, ни с чем не сравнимое ощущение праздничного цикла церковных служб, как одного целого, художественно целого (но только больше). И чем чаще и дольше бываю в церкви, тем нужнее и радостнее быть там. Завтра еду в Москву на несколько дней.

Разговор М<ихаила>В<ладимировича> и В<арвары> Гр<игорьевны>:

– Помнишь, когда-то ты называл «Столп и Утверждение Истины» «Столпотворением Истины». А я теперь по некоторым вопросам не считаю его столпотворением Истины.

– Нет. И теперь я считаю его столпотворением Истины. И вообще, у Флоренского Бог – не кроткий Христос, Утешитель, а, если и Христос, так такой, мимо которого – подай Бог – проскочить благополучно с помощью заклинаний, крестов. Недаром он все крестится и крестит, и заклиняет.

...Когда на Крещение после молебна отец Павел пошел в другие комнаты, чтобы окропить их, сказал мне, как будто шутя (но серьезно): «Надо за шиворот воды налить». Когда я осталась на минуту одна в комнате, я сделала это. Потом пришли дети и Анна Михайловна и все по очереди налили себе за шиворот воды ложкой. Дети делали это весело, но как маленькие жрецы, колдунята.

Уклонюсь от поездки в Сергиево с Ефимовыми и Флоренским. И от свадьбы Саши Доброва в это воскресенье. Я что-то в угрюмости, исподлобья сейчас. Ничего не хочу, ничего не надо. Отдам кому-нибудь и билеты, не хочу в театр. Побуду лучше вечер с Александром Викторовичем. Он болен. После свадьбы Саши Александра Викторовича залиют в гипс. Прозрачный, легкий, светлый весь.

Часто хожу в церковь, и хочется все больше. Если бы не церковь, я пропала бы. Мне очень тяжело и трудно – о Варваре Федоровне, о папе, о братьях, вообще о жизни.

Пожаловаться мне не на что. Помогите только, Господи, дайте силы жить, если обязательно надо жить, пока смерть придет.

Много слышу разговоров о книге Шпенглера «Закат Европы»⁶.

3 февраля

Вместо того чтобы ехать к Троице в адовой тесноте холодного ночного поезда – у Ефимовых. Завтра поеду домой и, может быть, вернусь в Москву – к свадьбе Саши. Ал<ександр> Викт<орович> и Шурочка хотят, чтобы в нашествии сорока иноплеменных был «оазис» своих людей. Вчера после целого дня деловой беготни и холода осталась ночевать у Ефимовых.

В доме были — Нина Яковлевна и Адриан... Отовсюду извлекли кипы листков с заметками Ив<ана> Сем<еновича>. С его «комментариями» к ним можно собрать целую книгу — очень своеобразную, в своем роде единственную. Чего только и о чем только нет на этих клочках! Листки дали в мое распоряжение. Я быстро тут же разобрала: 1) деловое, 2) об искусстве, 3) кукольный театр, планы и все, что к нему относится, 4) рисунки, 5) частное, 6) «разговоры» и т.д. (адреса, краткие и чрезвычайно выразительные фразы и много разных вещей).

Из них теперь легко выбирать нужные и ненужные. А пишет как! — буквы с вершок, и вдоль и поперек клочка.

Пишет он их большею частью после припадков молчаливого своего лежания и везде, в самых неожиданных местах встанет вдруг и пойдет писать. Таких листков накапливается иногда так много, что их жгут, выбрасывают. Нина Яковлевна иногда успеваает просматривать их и спасает случайно кое-какие.

Укладывается хандрить Иван Семенович так основательно, что однажды, когда в их многоэтажном доме случился пожар и по лестнице бегали пожарные в блестящих касках с красными пламенными факелами в руках, и в доме началась суeta и паника («все перезабыли, где что лежит»), он остался лежать и сказал, что раз уже пожарные здесь, то бояться и беспокоиться нечего.

Отец Павел часто бывает у Ефимовых, когда бывает в Москве, иногда и по два-три раза в день. «Надо бы меру знать», — говорит он смущенно. Он искренно может думать, что когда-нибудь он может быть не вовремя или слишком часто! В Москве у него нет своей комнаты. Ночует он в комнате инженера Василия Ивановича.

Однажды он повел Ивана Семеновича на лекцию какого-то инженера. Лекция была очень неудачна. Отец Павел смущенно извинился и сказал: «Ведь я уже был на этой лекции прошлый раз, он очень хорошо, очень интересно говорил. Я и хотел, чтобы вы послушали». Для этого он отложил и свою поездку домой в Сергиево. Другой раз он повел Ивана Семеновича, Нину Яковлевну и Елену Владимировну к какому-то художнику. Им всем не понравилось там, и они были как в воду опущенные гробовые камни. Отец Павел старался за всех, еле выбрались отту-

да. «Нина Яковлевна, что же и вы молчали! Ведь даме все можно говорить, чтобы ни сказала, — все сошло бы!»

6 февраля

В день свадьбы Саши Доброва (4 февраля) днем был спектакль театра Петрушек Ефимовых. Была с ними в балаганчике Петрушки. У Ефимовых переоделась в платье Елены Владимировны — серое с оборками, с косынкой из старого кружева. От них — на свадьбу Саши. Хотела было поехать на трамвае, но Иван Семенович пошел «проводить немного». И от Красных Ворот до Пречистенки дошли пешком по бульварам. Говорили о рисунках его, их не видела еще. О нем успокоилась. Так он сумел рассказать о них. Рисунки эти любит и отец Павел.

На свадьбе у Саши больше 45 человек гостей. Ужин, вино, танцы, красивые платья. Почти все гости со стороны Ирины. Не понравились. Все они очень не подходят к тону добровского дома. Танцевали «тустеп» — отвратительный танец, а вероятнее, так его танцевали три молодые женщины, очень неприятно, некрасиво.

Венчание прошло торжественно, не мешали и гости. Особенно Саша молился, весь как-то замерев. Даже страшно почему-то стало. Я никому не сказала, но почему-то страшно мне стало за Сашу на его свадьбе. Александр Викторович и Шурочка, стоявшие вместе, были самые замечательные, самые красивые.

Когда в церкви все пошли к амвону поздравлять новобрачных, было очень торжественно. Ирина Филатова — жена Саши — девочка 16 лет, легкая, тоненькая, вся кружевная. Держала себя очень тактично и на вечере дома была точкой встречи антиподов дома и гостей. Саша целовал дамам руки, очень устал. За ужином Шура шепнула Александру Викторовичу мне и Дане тост — «за просветление двух душ», и мы выпили полные бокалы.

Сегодня (6 февраля) перед отъездом в Сергиево зашла к Ефимовым за своим мешком. Была не больше получаса. Иван Семенович показал мне свои рисунки: лань, слон, крылатый тигр, козел. Нарисовал их вчера после катка на Чистых Прудах. А дома

от 8 до 11 часов у них был отец Павел, — зашел к ним прямо с поезда.

Мы сидели за столиком Адриана — я и Иван Семенович. Нина Яковлевна, Елена Владимировна и Владимир Дмитриевич были в этой же комнате чем-то увлечены около печки, все трое живо что-то рассказывали. Я случайно повернула штепсель стоящей на столе лампочки с зеленым шелковым колпачком, и она, закрывая свет от меня, осветила лицо Иоанна снизу. Он не закрыл глаз и смотрел, как и до этого на меня. И было лицо его такой нечеловеческой красоты, что нет слов рассказать. Лицо из сна в Зосимовой Пустыни! (особенно при этом освещении, а если погасить лампочку?). Я погасила лампочку. Лицо не изменилось и все так же искрилось, как потоками искр и света из глаз. Боже, да что же это. Я перестала смотреть на него и что-то ответила кому-то. Елена Владимировна принесла сверток игрушек для Никиты Фаворского. Я положила его в свой заплечный мешок и стала прощаться со всеми.

Иоанн пошел со мною. Показал мне любимый свой образ из меди — образ Иоанна Предтечи крылатого. У него целая коллекция таких старинных медных образков (литых?). Перекрестил меня образом Иоанна, я поцеловала образ. Он был очень серьезен.

Очень оставляли меня до завтра, сегодня скоро придет отец Павел и будет у них весь вечер.

...В один из первых вечеров моих в Москве. Иван Семенович был у меня — у Добровых. «Пришелся ко двору». Очень понравился всему дому. Всем и старым и молодым.

8 февраля. Сергиев Посад

С утра — приготовление к соборованию Варвары Федоровны. Лампада, чистые скатерти, пшеница, вино, елей, свечи.

...пшеница, вино и елей, свечи, одежды, «трапеза». Батюшка, Наталья Дмитриевна, Михаил Владимирович, Наташа, Вавочка и я. Устроила полочку для икон. У меня три иконы — мамина по завету прабабушек — «Скорбящих Радость», икона-благословение старца в Зосимовой Пустыни — Михаил Архистратиг и икона от Ивана Васильевича, отчима — Спаситель.

9 февраля

Завтра три года со дня смерти мамы. Утром сегодня причастилась Варвара Федоровна. Вечером перед лекцией буду у всеобщей, завтра — у ранней обедни.

Александра Викторовича забинтовали в гипсовый корсет. Какое счастье было, когда Сергей Михайлович Духовский⁷ сказал (и настоял на консилиуме), что нужен только корсет и было отменено трехмесячное лежание на гипсовой дыбе. У Александра Викторовича — спондилит — туберкулез позвоночника. В этот приезд особенно подружилась и полюбила Александра Викторовича (раньше как-то — как часть Шуры, а сейчас и не отделяла его от нее, и отдельно, как именно его). Дай Бог ему силы и здоровья.

Келья № 31 в общежитии Сергиевского Педагогического Техникума, где раньше жили лаврские монахи, монастырского духу не осталось. Дошкольницы, много громких неприятных девчонок, подростков, остроконечных шапок. (Тут же и общежитие слушателей Военной академии.) Почти везде рубят дрова, живут как беженцы, перелетные птицы, саранча. Холодно, громко, тесно, голодно. («Отменили питание».) Не уютно, не устроена молодежь.

И пока в келье 31 ждала одну из дошкольниц, чтобы дать ей своего Гомера, пока ответила на бесконечную анкету о социальном положении моих умерших родителей и об образе моей жизни (социальная чистка учащихся), прошло время на минутку забежать в церковь.

Сейчас в моей комнате с кафельной лежанкой на Красюковке будет лекция Вавочки, коллективное чтение гомеровских гекзаметров.

10 февраля

Три года со дня смерти мамы. Все, что было за девять дней болезни мамы, этот день и дни за ним помню ясно, вне времени. Тогда — теперь.

Всенощная. Свете тихий. Хвалите имя Господне. Свеча Божьей матери о маме.

11 февраля

Вчера с Вавочкой вместе дошли до Красного Креста, я ко всенощной, а она к меднику — надо починить таз.

Вечерняя заря, малиновый бархат, пурпур, персик, золотые стрелы, мечи и трубы на небе. Звонкий крепкий мороз.

Варваре Федоровне лучше. Вавочка молит Бога о мире и кротости. Умири, Господи, и меня. Нет и во мне кротости. Угрюмость, усталость, гнев, неприятие. Глухота, слепота и немота.

После всенощной была у Фаворских. Марии Владимировне размечталось рядиться на Масленице. Выяснилось, что Владимир Андреевич не сможет приехать из Москвы. Мария Владимировна огорчилась: «Кто же у нас будет самый главный? Самого главного-то и не будет — без тебя мне не будет интересно».

Как-то Иван Семенович рассказал мне о своей поездке с Флоренским из Москвы в Сергиево, на площадке последнего вагона. Родился Флоренский в вагоне⁸. Отец его — инженер, строил Владикавказскую железную дорогу. Мать его ездила с мужем в вагоне, убранном персидскими коврами и удобно устроенном. В этом вагоне и родился отец Павел. Однажды, плохо спеленатый, он как-то подкатился к краю высокого обрыва над рекой Курой и сорвался вниз. Его успели поймать. И лет до семи ему часто снилось падение с высокого обрыва.

Отец Павел диктует свои вещи Софье Ивановне Огнёвой.

12 февраля

Сон. В большом доме мне и моим братьям отвели какую-то комнату для ночлега (в пути, в незнакомом городе). Когда я, Володя и Боря (или Всева) вошли в нее, дверь плотно затворилась, и оставшийся за нею Всева (или Боря) не мог открыть ее и стал стучать и кричать. Я и Володя старались помочь открыть и уговаривали не кричать: уже ночь, спят, не надо.

17 февраля. У Флоренских

Была игра в коллективное рисование, рисовали головы и загибали листок бумаги, и передавали его соседу по кругу. Рисовалось туловище, и опять передавался соседу, так же и ноги. В игре участвовали все. Отец Павел читал об именах: Александр, Александра, София, Василий. Отец Павел задал себе урок – в неделю писать о двух именах⁹. У. поразило имя Алексей в отражении отца Павла. Он узнал в нем портрет друга своего Алексея Тольского, давно умершего. Отец Павел не знал его. Анна Михайловна сидела на подушке у ног отца Павла. «Очень хорошо». Елена Владимировна в маске кошки была домашней кошечкой, паинькой. А когда эту же маску надел отец Павел, получилась дикая кошка, не безопасная, а может быть, и дикий конь. Были еще – Мария Федоровна, Софья Владимировна, Мария Владимировна, Софья Ивановна, Таня Розанова, Т-ва.

18 февраля

Прощеный день.

У обедни в Пятницкой церкви. Мария Федоровна проводила меня до переезда, рассказала о том же вечере у Флоренского. «Я боялась идти к Флоренскому. Я ведь вообще боюсь отца Павла, и для храбрости пошла с Софьей Владимировной. Сережа приехал из Москвы поздно, но все-таки собрался к отцу Павлу, но, встретив нас на дороге от Флоренского, вернулся домой (очень устал).

Отворил дверь отец Павел. Мы пришли довольно рано. В столовой была Софья Ивановна со всеми детьми. Анна Михайловна одевалась (она сама стряпала, так как у Надежды Петровны, ее матери¹⁰, болел палец). Отец Павел был очень приветлив, но не очень знал, что с нами делать. На все звонки выходил сам отворять двери. Потом пришла Мария Владимировна Фаворская с сестрой (я не знала ее раньше, Софья Владимировна сказала, что она, кажется, жена Ивана Семеновича? – это не верно?). Елена Владимировна была в кошачьей маске, и маска и одежда были очень подходящи и красивы. Как только она вошла и поставила на стол торжественный пирог и приветливо

мякнула, тут дети с ее приходом все как-то оживились — и дети и взрослые. Было и вообще хорошо, но уже совсем празднично стало с приходом Ивана Семеновича. Я на него обратила особое внимание, он мне очень понравился. Хороший и такой, как вы мне говорили (Мария Федоровна застенчиво улыбнулась. Я говорила, что Иван Семенович — Ярило, и очень странно кажется, что он просто человек.) Понравилась ей и Елена Владимировна, и ее маска, и нрав «кошечки», и возня «дикой кошки» с детьми. (отец Павел). «Это было даже и страшновато, но мне понравилось, что отец Павел осмелился на это. Мишенька Флоренский сначала испугался было Елену Владимировну в маске, но отец Павел быстро его успокоил: «Эта киска милая, хорошая киска», — и Миша сразу заулыбался, а то и глазки его испугались, и губы обиделись, задрожали, — плакать собрался.

Об игре в рисование Мария Федоровна сказала искренно и живо: «Я очень люблю эту игру, и когда мы собрались было уходить, а Иван Семенович предложил сыграть в эту игру, я была рада». Она думала, что отец Павел более суров и замкнут в обществе, а он был очень приветлив и даже возню поднял с детьми. И Анна Михайловна была веселая, праздничная.

Я очень люблю мать Анны Михайловны — Надежду Петровну, у нее прекрасная душа, прозрачная и добрая. Люблю разговаривать с нею и слушать, как она говорит. Я и Софья Владимировна после ужина пошли к ней в кухню и помогли вымыть посуду (целые горы посуды). Мы уже кончали мыть посуду, когда нас позвали пить чай. Меня посадили очень страшно — рядом с отцом Павлом (а с другой стороны — Кира).

— Иван Семенович очень любит отца Павла?

— Да, он хороший друг отца Павла. Я очень рада.

— И я тоже.

Была я у Юрия Ал<ександровича> Ол<суфьева>. Он показал мне древний Лаврский поминальник — огромную пергаментную книгу. За два года он переписал ее всю, со всеми надписями о родах и родичах над каждым именем. Прочел мне из нее две страницы — запись о рыдании и покаянии Иоанна Грозного об убитом царевиче Иоанне и о завете его поминать царевича и грешного отца его — «пока Лавра стоит».

Книжечка «общения». Софья Владимировна звала меня пить кофе. Я спешила домой (печка, детский сад приготовить к празднику).

О гравюрах, миниатюрах, о старых иконах и разных вещах. Софья Владимировна шутя сердилась, что полгода не может меня уловить (в гости).

Взяла у Юрия Ал<ександровича> рукопись — переписать. На перекрестке по дороге из детского сада встретила остановившихся на перепутье Иоанна и Адриана, «мечтающих о чае». Я позвала их к себе. Иоанн и хотел пойти ко мне, да не знал, дома ли я и можно ли? До чая, пока вскипит самовар, пошли в лес. Над поляной у Гефсиманского скита Адриан выбрал три пенька, и мы сели отдохнуть. Лес, снега, поляна, холмы, колотушка в Сергиеве, две сросшиеся елочки на нашей поляне. Слушали тишину. Иоанну и всего этого было мало. Лег на снег — навзничь и лежал тихонько. Снега, небо, лес — все это было его царство.

Иоанн — лось, олень. Адриан — олененок, а я — молодая медведиха (вероятно, плюшевая). А может быть, и лесной оборотень, «неведома зверушка», сидит кочкой, боится, а то вдруг обернется, — напугать может. «Или заворожит».

На небе, над Лаврой стали являться световые огненные лучи, мечи, столбы от фейерверков и прожекторов. Адриан озяб, и мы пошли домой. У меня была Вавочка и Мария Федоровна. Ждал нас и чай. Разговор о фейерверке, о народных праздниках, празднествах, гуляньях в России, в Испании, в Ницце, в Париже. У нас не оказалось керосина. Зажгли лампы. Иоанн утащил меня дойти до угла, так хорошо сейчас на воздухе. Дошла до горы Флоренского. И с горы съехала на салазках. Какой-то Сережа рыцарски уступил мне свое место, кто-то подхватил меня, и у-ух, быстро, высоко, хорошо как! Сразу почти половину дороги до дома пролетела.

Адриан, Адриан, до вас никогда не дойдет моя беда, я люблю вашего отца. Но ни вам, ни матери вашей, ни отцу вашему не будет от этого никакой тревоги. Вы никогда не узнаете, Адриан, что вы стали для меня светлым стражем порога.

И (это уже мое, Адриан, и к вам не относится) — вместе с бедою пришла ко мне и гордость. И она поможет мне справиться со своей бедой, а потом и я сама. Господи, помоги мне.

19 февраля

Первый день Великого Поста.

В Гефсиманском скиту у всенощной — мезимоны.

Как резко отражается одно и то же у разных людей. Надо бы записать вдохновенный бред Тани Розановой о вечере у Флоренского (и о вечере у Фаворских). Но не хочется даже. Нехорошо.

23 февраля

Вечером Вавочка диктовала мне свою «Книгу». После этой будет другая: «О преходящем и вечном»¹¹. Таня Розанова пришла сегодня в смятении, в слезах и с таким отчаянным страхом, что она непременно помешает (а мы, и правда, только что начали писать), и с такими крайними своими бедами (личными, женскими, семейными, душевными и психическими), что я никуда не пустила ее. Спит у меня на диване, — маленькая, как чижик.

Я очень задета Иоанном. Именно в нем со всеми его свойствами оказалось такое бережное, такое — будто бережно поднял меня на руки и из дремучего леса, где он всегда был лешим, вынес меня на светлую солнечную поляну.

Ой, подожди, еще не вынес! Но он уже не леший, который кружит и путает, а рыцарь, которому, дай Бог, самому выбраться из дремучего леса.

Господи, отведи от нас все, чему не надо быть... Мама, Мария Федоровна — мои вешки. Не потеряю дороги в снегах!..

Когда мы втроем шли из леса, меня вдруг поразила мысль, что идем мы над землей (если снег принять бы) и по звездам (снежным), идем по мириадам снежных звезд. Был звонкий сверкающий мороз. Я сказала Иоанну: «Над землей идем по снежным звездам». Он обрадовался. И мы благоразумно и степенно шли домой по чинной тихой Красюковке.

Ведь Иоанну 46. <45. —Н.Г.>

Мне 26,

А Адриану 16 лет, а вместе нам

88 лет. Пора остепениться!

(«Идем по снегу над землей! Стезя. По звездочкам», — так записано у Иоанна на одном из его клочков).

11–24 февраля

День ангела Всеволода

В 12 часов ночи шла от Вавочки (из Элевзина, Афин и Константинополя). Иоанн! Скоро придет весна, а с нею, Бог знает что... А сейчас еще не ушли снега, не ушли наши, твои снега, не растаяли снежные наши звезды, Иоанн!

1 марта

На ночь вчера опять записывала «Книгу». И сегодня.

Утром в 7 часов утра выехала в Москву. Трамвайно, быстро устроила все нужное и вернулась в Сергиево с поездом 4 часа 50 минут. У кассы и в вагоне видела Ефимовых и Голубкину¹² — едут в Сергиево. Нарочно села в другой вагон. Голубкина — скульптор, старинный друг Иоанна.

5 марта

Саша Добров женился на Филатовой, 16-летней девочке, у которой очень трудное прошлое, о котором, конечно, и не подозревает ее мать и семья. Влюбленность и большая надежда с обеих сторон, что они спасутся друг другом, выпрямятся. О Саше сказано: «Лучше это, чем кокаин», и сделано все, что было можно, чтобы все было как надо. После свадьбы я не видела их. Мать Ирины настояла, чтобы Саша жил в их семье. Это сразу разрубило гордиев узел, завязанный Сашей в его родном доме.

Ирина — тоненькая, высокая, некрасивая, но очаровательная девочка. Ее можно находить очаровательной. Может быть, в каком-нибудь мопассановском смысле. А может быть, и иначе. Она ведь еще совсем девочка. На свадьбе она вела себя с большим тактом, в обществе, очень разным по своему духу. Круг ее родственников и знакомых мне очень не понравился. Нарядная, веселящаяся, пустая, и, в сущности, некультурная орава. Совершенно спокойно можно было бы представить их всех без

языка, а может быть, и без головы, но голова все-таки нужна для украшения, для соображения, — может быть, очень цепкого. Может быть, я не права — это очень с птичьего полета показалось так.

Ирине сказано: «Ириночка, в ваших руках ваша и Сашина жизнь. Из Саши вы можете сделать все, что сумеете». Ирина быстро перекрестилась и сказала: «Господи, помоги, Господи, помилуй».

Саша неожиданно для себя оказался поддержкой для нее. Это сначала очень испугало его, потом тронуло, потом стало выпрямлять и самого.

Шурочка вся об Александре Викторовиче. Александр Викторович забинтован в гипсовый корсет (на несколько месяцев) и теперь свободно может играть на возлюбленной своей фисгармонии, ходить по улице, вообще быть на ногах. Вся жизнь Шурочки — в нем, им, о нем. А его еще больше — в ней, о ней, ею. Но у него есть еще и музыка, и стихи, и сны, всякая «светлая магия». (Он не занимается магией, конечно, но она сама есть в его существе.) Он как бы родился розенкрейцером, хоть и «предстоит за Люцифера».

О семье Ефимовых. Муж (46 лет)(<45>) — художник, скульптор. Жена (48 лет)(<46>) — художница (живописец). Сын (16 лет) учится, хороший математик. Племянница Нины Яковлевны — Елена Владимировна Дервиз около 30 лет, пианистка, кончила консерваторию. Все они были богаты, с хорошим родством и связями, именами и со всем, что было нужно. Путешествовали, жили в своих усадьбах и в городах. После революции Ефимовы стали зарабатывать кукольным театром Петрушек, которых любила прежде Нина Яковлевна показывать «своим деревенским» ребятишкам и детям. Втянула в кукольный балаганчик и мужа. Он увлекся и явился «Кукольный театр Ефимовых» — Настоящий Петрушка. Куклы делаются самими художниками, и каждая кукла — художественное произведение. Репертуар очень разнообразный. «Народный Петрушка» (очень тонко и изящно отраженный). Басни Крылова, русские сказки, сказка Андерсена «Принцесса на горошине» и другие. Театр их — очень изящ-

ное и острое, тонкое и колдовское явление. Социальное положение их теперь, и положение, и звание — художники. Круг знакомых — свой прежний «хороший круг», только очень расширенный артистическим, художественным, литературным «элементом». Племянница Нины Яковлевны — Елена Владимировна зарабатывает преподаванием музыки и аккомпанирует балаганчику Петрушек. Театр очень портативен — из чемоданов расцветает в 10 минут, как волшебство какое-то. Елена Владимировна когда-то бросила свою музыкальную дорогу пианистки и после смерти матери¹³ была хозяйкой отцовского Домотканова¹⁴ — отец ее был председатель Тверской земской губернской управы, художник, очень любезный старик. Он жив и сейчас. Живет в Сергиеве с дочерью Марией Владимировной и ее мужем Владимиром Андреевичем Фаворским и внуком Никитой. То есть Фаворские живут у него в Лаврской квартире. Владимир Дмитриевич работает в Лавре, он председатель (ой, путаю: комиссии по охране музея, бывшей Лавры). А Фаворский работает в Москве во ВХУТЕМАСе, и на Мясницкой у него есть комната в общежитии, каждую неделю ездит в Сергиево к жене, сыну, матери, отцу и тестю. Он замечательный художник, гравер. Жена его, мать Ольга Владимировна Фаворская и сын Никита, — все художники. Никите всего 8 лет, но у него очень интересные рисунки. Отец Владимира Андреевича — старый старик, был адвокатом.

Живут Ефимовы в Москве в трех комнатах с передней и кухней, в огромном афремовском московском доме у Красных ворот¹⁵. В комнатах набито битком до непроворота и до невозможности убрать и просто разместить — старинная мебель, портреты, скульптура, картины, рисунки, великое множество всяких удивительных чудесных вещей. Дом чудес. Недавно Анна Семеновна Голубкина (скульптор, друг их семьи, очень старая женщина) грозно критиковала (кричала попросту, сердилась) — неустрашение их жилища. Хочет заставить их переставить вещи удобнее, придать комнатке жилой вид.

Два раза в месяц Ефимовы ездят в Сергиево. Оба они читают лекции по искусству в Педагогическом Институте в Сергиеве. Приезжают, конечно, не для лекции (хотя эти лекции и дают им «социальное положение»), но главным образом — в снега,

леса с этой противной Мясницкой улицы, из Москвы. Останавливаются они у Фаворских-Дервиз, бывают у Флоренских и у нас. И в лесах, и в снегах, конечно.

Утром сегодня Вавочка уехала в Москву на несколько дней.

11 марта. Зосимова Пустынь

Во время литургии на паперти подростки так расшумелись, что мешали молящимся. Вчера во время всеобщей перед выносом креста, среди песнопений вдруг раздался хохот и визг. Монахи не оглянулись. А вся эта молодежь не со зла, не для насмешки, а так просто. И не знают, что эти дни — последние дни этого монастыря¹⁶ и храма.

Старый, серебряный, прозрачный монах в широком длинном плаще с паперти принес к подножию Царских врат младенца Марию в пестром лоскутном одеяльце. Положил девочку на пол. Мать подняла ее. Крестом старец благословил дитя. У матери тихое светлое бабье лицо, плавные материнские движения.

После гневного усмирения подростков на паперти (молча, бледнея, посмотрела на них всех, и они почему-то убежали, притихли) в церкви потихоньку заплакала. А потом стало легко. Ни о чем не просила, и ни о ком не думала. Только слушала богослужение и как бы уже не ушами слушала, а сердцем.

Во время вечерни (утренней праздничной толпы не было уже) богослужение стройно выпрямилось, углубилось, поднялось ввысь. И как бы пришел «Свет тихий». Как тяжело и трудно, вероятно, монахам выносить праздничную шумную толпу молящихся. Молодежь (девушки особенно) ходят гуртами, стадами. Как наводнение.

Исповедовалась у отца Иннокентия. «Люблю все земное, как язычница, а на то, что не люблю, не хватает терпения». Исповедь длилась не более пяти минут. Но была полнота и глубина исповеди. Отец Иннокентий глубоко заглянул в глаза (казалось, что он видит душу мою, и понял все). Ласково притронулся ко лбу и, не касаясь волос, как бы погладил по голове, благословил: «Сохрани Бог твое чистое сердце».

Вечером Наташа, Павлик и Серафим уехали домой и в келейке гостиницы я одна. Как хорошо здесь. Тихая вечерня в почти

пустой церкви Акафист Божьей Матери. Как и год тому назад, когда я была здесь с Валею — молитвенное молчание во время «Господи, Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй меня грешного». Молчание, наполненное пламенным неотступным молением. Тишина, глубина, экстагическая сила. Слышен шелест одежд шевельнувшегося монаха, каждое движение предстоящих. После трех раз молитвы в молчании Иисусу Христу, была такая же молитва «Владычица моя, Пресвятая Богородица, помилуй мя грешнаго». Каждому такому молчанию (минут в пять) предшествует тридцатикратная молитва вслух: «Господи, Боже, помилуй нас». Одновременно — тридцать знаков креста и тридцать поясных поклонов. Это показалось мне несколько даже страшным, — экстагичность движений и голоса мне показалась более внешней и менее глубокой (менее выразительной?), чем следующее за ней молчание. Она подготавливает к молитве в молчании.

И после в темной уже церкви, освещенной одной свечой и одной лампадой, панихида об умершем игумене Германе. Тихие дружные чистые молодые женские голоса, серебряный монах в широких черных одеждах, зауспокойные напевы, ладан.

Год тому назад с Валею под Успение и с девочками после Рождества с Таней — каждый раз в Зосимовой Пустыни замечала тонко изваянное одухотворенное лицо высокого монаха-священника. Кажется, его тяготит многолюдство и внимание женщин. В этот приезд я заметила, что он очень похудел, устал, а может быть, болен или перенес болезнь. Лицо стало прозрачным, недолгие чтения по книге, видимо, стоят ему усилия.

Я никогда не смотрю на него, но всегда вижу. Уходит он всегда за несколько минут до конца. Вообще в церкви бывает особое зрение, и какое-то особенное острое восприятие, — оно замечательно соединением разного:

1) наиболее высокое, доступное мне духовное напряжение (ни о чем и ни о ком); «слава, хвала Богу», особое интимное состояние (трудно рассказать — несказанно это) — о Боге, о Духе, о Христе, о Троице, о Божьей Матери.

2) не мешая, не отодвигая это — очень обостряется ощущение толпы, ее флюидов. Остро ощущаются темные и светлые токи от отдельных людей и групп.

Никогда не оглядываясь и не всматриваясь, вижу всегда, кажется, всех — всех знакомых в церкви, и всегда потому имею возможность встретиться или обойти, кого не хочу видеть. Не могу проверить и установить точность и качество этого ощущения. Так кажется.

Тихо, чисто. Все уже смолкло, утишилось. Каждые четверть часа бьют мелодичные башенные часы. Господи, умири душу мою, дай мне терпения и любви, сохрани и помоги любимым моим. К трем часам пойду на ночную службу.

13 марта

Только что приехала из Зосимовой Пустыни и еще не успела войти в это удивительное, что называется действительной жизнью, в этом времени и пространстве. Получила письмо из Ташкента. Ах, Валечка, родная, любимая моя. Великие подвижники отступали, не преодолев того «маленького узкого кольца», которое ты захотела сразу переплавить и осветить. Да это же самое трудное — быт человеческий и мелочи. Не случайно подвижники уходили в леса, в пустыни, в странничество. Им «кольцо» это было не по силам, хоть и маленькое и тесное. Вериги подвижнику, тяга земная Микуле, — легче твоего «маленького кусочка» вот этого самого «житья».

12 сентября. Долгие Пруды¹⁷

О. Бессарабова — З. Денисьевской

Зина, почтовый мой адрес: Савеловская ж<елезная> д<орога>. Станция Хлебниково. Санаторий «Долгие Пруды».

У меня дошкольная педагогическая работа в санатории для детей, больных костным туберкулезом. Занята я от 9.30 часов утра до 1 часа дня и от 4 до 7 часов вечера. Через 4 дня еще и от 7 до 8 часов вечера. Этот день считается дежурным. В дежурный день дается очень хороший санаторный стол, а в другие дни — просто хороший. Один день в неделю свободен. Денег 8 или 10 миллионов по тарифной сетке 12 разряда, — 12 разряд полагается мне как педагогу, закончившему Сергиевский Педагогический Институт.

Дом санатория построен бывшим владельцем — голландским консулом, по профессии доктором, Германом¹⁸. Он был женат на дочери владелицы всего имения — Банзе¹⁹. Герман построил дом⁴²⁰ для туберкулезного санатория со стеклянными и открытыми террасами, балконами, множеством уборных, ваннных комнат, разными медицинскими кабинетами, помещениями для белья и комнат для жилища и для обслуживания санаторского «персонала».

Лестницы, стены, окна с разными затеями. Весь дом деревянный и стеклянный. Стекла окон стеклянных пристроек, кажется, больше, чем деревянных. Внутри дерево резное дубовое. Особенно красив огромный центральный двухсветный зал (холл) с резной широкой лестницей в два марша на верхний этаж и стеклянной стеной и с резными хорами.

Весь дом как хрустальный фонарь, замок-дворец среди леса. Через большую овальную зеленую лужайку с несколькими вековыми липами — «Старый Дом»²¹ с колоннами — очень красивый. За старым домом — великолепный огромный парк, переходящий в лес и фруктовый сад, и цепь больших «Долгих Прудов». Парк и сад объединяет собою и Старый Дом, и Санаторий, и еще третий просторный и светлый дом — усадьбу со своими отдельными службами. Там живет семья главного доктора (Поленского) и часть людей, работающих в санатории. Электрическая станция, конюшни, гаражи и разные службы. Прекрасная дорога через лес со станции (с платформы «Долгопрудная»), дорога через край имения ведет к большой шоссейной дороге.

Через мостик за одним из прудов, на горке, через березовую аллею — очень красивая церковь времени Елизаветы Петровны²². Имение давнее, принадлежало некогда роду Пушкина (до катастрофы времени Петра Великого, когда казнен был один из Пушкиных²³, связанных со старообрядцами и Софьей-царевной в заговоре стрельцов против Петра). Кто и когда строил церковь и Старый Дом, не знаю. Очень красив парк, Долгие Пруды, сам Старый Дом. В нем теперь Дом отдыха. Церковь с отдельными домами и службами тоже как отдельная усадьба. В церковь надо идти в горку, по дороге через лес, мимо большого пруда и надо пересечь шоссейную дорогу. Дорога, как стрела на том берегу; очень красив этот «тот берег» с пологими зелеными от-

косами, рошей и церковью на горе. А еще за горкой — умно, красиво и удобно (и просторно, как и все здесь) — деревня, село Виноградово.

От Старого Дома покатая открытая, окруженная лесом, лужайка-цветник спускается террасами к Большому Пруду. На пруде — пристань с лодками. Дальше (уже не видные от дома) — купальни.

Большое окно почти во всю стену моей комнаты смотрит со второго этажа санаторского дома на небо, на леса, на птичник и на тропинку, ведущую к дороге на станцию. До станции всего 15 минут ходьбы через лес. Комната моя небольшая, вся деревянная, некрашенная, напоминает кельи в монастырских гостиницах.

У окна письменный стол красного дерева, ореховая кровать с пружинным матрацем и мягким пышным наматрацником. В углу между кроватью и стеной — ночной столик с мраморной доской. Над тумбочкой — вешалка с темно-серебряными русскими витязями. На вешалке под простыней — платья из белой холстинки с бело-синей узорной набойкой, синее платье с белой косынкой, в нем я снята на дошкольной группе (на лестнице трапезной в Сергиевом Посаде 1922 г.), черная шерстяная юбка и две шелковые кофточки — ярко-зеленая и темно-синяя — мягкий крепдешин не шуршит. И еще клетчатое платье с большой белой косынкой, концы косынки завязываются на груди, шея открытая.

Тумбочка накрыта белым полотенцем, а на ней зеркало, мыло, щетки, гребешки, кустарная чашка деревянная с иголками, шпильками, нитками. В комнате еще — старинное бюро-комод, стол красного дерева (секретер), очень красивый и удобный. Рядом с ним — плетеный диванчик, прикрытый моей бабушкиной ковровой шалью. Над ним мой зайчатный кустарный ковер, работы Надежды Сергеевны Бутовой. У письменного стола — кресло с парчовым сиденьем. На столе электрическая лампа с пышным шелковым абажуром. На окне огромная расписная фарфоровая ваза и большие (во всю стену) парусиновые шторы. Стены и двери тонкие и звонкие. За стенами слышу, как дышат две соседки — с той и другой стороны. Эта эфемерность стен — единственное неудобство моего нового жилища. От меня шума нет —

книги и письма, и стихи Вавочки, которые я переписываю в томики с ее клочков и разорванных тетрадей — никому не мешают.

Уже ориентируюсь среди людей бабьего царства. Мужчины не в счет — все одинаковые, кроме доктора, далеко и официально стоящего от всех сотрудников санатория. Живут здесь люди, кажется, недружно. В таком-то лесу, в таком-то хрустальном тереме-дворце. Отметила трех женщин: одна безвредная, другая безобидная, третья уязвлена и разорена до нервного расстройства. Других еще не рассмотрела, еще не отмечаю их отдельно.

Я еще не поняла, почему так странно и неравномерно распределены дети между педагогами. У двух опытных учительниц по одной палате детей одного возраста (что удобно для занятий с ними). У меня три больших палаты девочек и мальчиков очень разного возраста. О четырех подростках случайно от няни узнала, что они «только что» переведены ко мне от двух других учительниц («потому что они беспокойные»). Все дети прикованы повязками и гипсом к постелям. На четырех учительниц — 75 детей. «Когда придут холода», разделим детей по группам, а теперь, когда детей перевозят с места на место для солнечных ванн, это неудобно.

Чувствуются какие-то острые старые счеты между учительницами, между «верхом» и «низом» (двух этажей), между учительницами и сестрами, сестрами и нянями, нянями и кухней, кухней во главе с красивой, надменной, представительной «кухонной королевой», экономкой санатория — Марией Францевной.

Мое положение новичка пока спасает меня от столкновений и трений. Я жду событий и смотрю на всех во все глаза. Сама я уже выбрала желательных сотрудниц, но ничего не принимаю до времени. В санатории работаю с 6 сентября.

В самый первый день приезда моего сюда — был у меня брат Владимир. Я была очень рада ему, и жаль, что еще не видела его жену Веру. Володя был рад «прекрасным условиям» жизни и работе моей в «этом невероятно благоустроенном особом царстве-государстве». В последние дни перед санаторием я ездила то в Долгие Пруды, то в Сергиево, то опять в Москву, и Володя не мог поймать меня.

За день до санатория я встретила с Натальей Иосифовной Виткович (матерью Вали) первый раз с 1920 года. Чтобы

поговорить без помехи, мы встретились с ней в сквере у Храма Христа Спасителя, и долго она рассказывала мне обо всем, что было за эти годы, и о чем «не могло быть и речи в письмах». И меня слушала обо всех нас (о моей семье) и о наших общих знакомых в Воронеже и в Москве. Мы так долго, дружелюбно, доверчиво никогда еще так не говорили друг с другом, она была всегда только матерью Вали, а я для нее — другом ее дочери. Теперь мы стали друзьями непосредственно, и я благодарна ей за полную доверия, и за ум, и доброту ее. Острая, глубокая жалость, сочувствие и полное понимание тяжелых сторон ее жизни. Удерживаюсь от комментария и горячего гнева. За нее. За Валу. О них, дорогих мне. Валечка и она хотят переехать в Москву из пыльного пекла Ташкента. Виктор упирается. В Москве (как и везде) у него нет друзей и близких людей, как у Вали и Натальи Иосифовны, — у него всюду множество приятелей и приятельниц. Наталья Иосифовна ничего не сказала «лишнего», но я поняла и все, о чем она не распространилась, а только упомянула, чтобы я была «в курсе событий» жизни ее и Вали.

А в самый последний день в Москве я была с Иоанном в Сокольниках. Был яркий солнечный день. Пушистая трава на лужайке среди пушистых елок. Необычайно крупные яблоки, душистые и сладкие, как липовый цвет. Аллеи, расходящиеся лучами из центра парка. Радостная, ясная, вся просвеченная солнцем, сияющая аллея ясеней. Ясени были волшебным напоены солнцем. И называются волшебным: ясени. Достать было высоко, но Иоанн сорвал мне ветку ясеня. И весь день был как ясени, ясное солнышко.

Пиши мне, Зина, в новое мое новоселье. Если придется ко двору и если тут все придется мне ко двору — поживу и поработаю здесь, долго ли, коротко ли, много ли, мало ли, счастливо или несчастливо. Теперь это мое Долгопрудное «далеко» разрубило и распутало все мои «невозможно», окружившие меня со всех сторон в Москве и в Сергиевом Посаде. (Невозможно встречаться и невозможно расстаться, невозможно лгать и быть по правде невозможно и т.д.) (Нечего и говорить, что и просто жить, ночевать в Москве, фактически быть-то негде, а «всюду и нигде» — невозможно...)

Со мной медный старинный образок Иоанна Предтечи Крылатого, маленькая иконка Черниговской Богоматери, прекрасно написанная, подаренная мне Марией Федоровной Мансуровой, и маленькая иконка Серафима Саровского, подаренная Симой П., самой милой мне дошкольной соученицей моей по Институту.

Хорошо, что ты получила от брата Николая американскую посылку. Пиши ему только о семейных делах, и то в общих чертах, без «лишних» слов, издалека.

17 сентября. Долгие Пруды

Знойный день... Подружилась с детьми старшей группы милой Юлии Николаевны.

...После разговоров о сокращении штатов в столовой разговорились сестры, сотрудницы канцелярии, фельдшерицы. Никогда в жизни не слышала таких неприличных, распущенных разговоров. И шутки... Не весело, не смешно. Страшно. Невыносимо и непристойно.

18 сентября

Дежурство. Дождь. Слезы «сокращаемой» канцелярской сотрудницы Елены Афанасьевны. Красивая женщина, бывшая смолянка. У нее взрослая дочь, лет 16–17, а ведет она себя, как совершенно распущенная женщина. Тон разговоров с ней совершенно неприличен. О ней говорят так плохо, что я уже критически слушаю говоривших и не вмешиваюсь в эти разговоры. Нравится учительница Панна Алексеевна Пальмина. Из ее сдержанного полуслова я поняла, что милая, яркая и умная сестра Раиса Алексеевна связана с этим водевильным «завхозом» — коротеньким, толстым, старым и вульгарным человеком. Как досадно, Раиса Алексеевна понравилась мне.

Вечером в стеклянной столовой — чай, гости, торты, вино (в честь Раисы Алексеевны, кажется ее день рождения). Разговоры о Москве, о выставках, о новых книгах. Ночью — буйное веселье. Пели — «налей бокал» и «иже не херувимы», и что-то слишком веселое, финальный аккорд — слезы и поздний ропот за тонкой

стеной, и энергичный шепот подруги: «Молчи! Не плачь! Нечего уж тут! Куда из столовой бутылки деть?». «Спрячь в шкаф. Накрой остатки скатертью. Завтра уберем». Все это кончилось в 5 утра. Соседка моя из-за другой тонкой стены рассказывала мне во время пира в столовой, — и когда за левой стеной никто не жаждал острых ощущений, и не передвигалось, и не падало что-то с грохотом, — рассказывала мне тихим голосом (все равно заснуть было нельзя) об Италии, о землетрясении, об Испании, Аркашоне, Биаррице и Острове Уайт в Англии, где благодаря Гольфстриму климат почти итальянский, а временами почти тропический. «На острове собиралось самое фешенебельное общество со всего мира». Отец был посланником и, когда жил в Лондоне, чтобы создать своей жене иллюзию Италии, поселил ее там — на острове Уайт. Мать ее была неаполитанка старинной фамилии, красавица (Кампади Сципионе). Она была певица с чудным голосом, конечно, не профессиональная певица, а салонная.

Остров Сицилия... Корсика... Королева Елизавета, Мария... Вечера, Рудольф... Вишни...

«Я тоскую о местах, о климате Италии больше, чем о людях, там — моя юность. Теперь я была бы в Аркашоне или в Биаррице...»

Раза три эта моя собеседница принимала валерианку (но запах эфира был несомненен) и раза два вздохнула, что нет света (электричество завтра поправят).

— Слышите, дождь, какой?

— Да. И уже рассвет. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. Я слышу, как вы улыбаетесь.

— Да, и я тоже. Спите, Анна Иосифовна, надо заснуть — завтра работать. Вы хорошо рассказываете, и я будто побывала на Лазурном берегу и на острове Уайте.

19 сентября

В среду вечером поехала в Москву. Была у Ефимовых, у Добровых.

20 сентября

В четверг была недолго на Всероссийской Сельскохозяйственной Выставке²⁴. На цоколь одного из двух огромных бы-

ков Ефимова положила сноп темно-красных роз. Проходившая вереница школьников хотела было растащить розы, но вдруг появившиеся из соседнего киоска две кепки охранили и вернули на цоколь быка жертвенные розы. Я издали видела, как одна из кепок привязала розы к ноге быка тоненькой веревочкой.

У Гизелы Яковлевны Шик в Варшаве умерли сразу три брата — один за другим — от болезни сердца.

Попрощалась с Натальей Иосифовной. Она едет в Ташкент.

За полчаса до отъезда моего в Долгие Пруды в дом Добровых примчался Иоанн со скульптором Казанцевым. «Розы!», — но тут же его внимание приковали к себе две сиамские куклы-марионетки, Шурино сокровище. Он тут же попросил Шуру разрешения привезти и «жену, и сына, и Павла Александровича (Флоренского) посмотреть, показать им этих кукол». (В его руках обе эти куклы ожили совершенно волшебным образом.) В Шуриной комнате он забыл и красные розы. Шура поставила их в высокую хрустальную вазу около сиамских марионеток. Иоанн успел только сказать, что розы, кажется, и быков его прославят, — какой-то иностранец записал какое-то интервью о розах. Он успел еще сказать: «Это вы? Я сразу подумал. О-о-о. Я не смог не залететь к Вам, хоть и спешу, Казанцев со мной, чтобы я тут не был больше трех минут... И я спешу, мне нельзя опоздать к поезду». Тут все стали прощаться.

24 сентября

Не успеваю отдыхать днем, устаю от занятий с Валею, дочерью фельдшерицы. Придется прекратить эти занятия в дневной перерыв в работе.

С Пальминой гуляем вместе. Рассказывает мне о Крыме, о семье, об исцелении своем от костного туберкулеза ног. Она не ходила 7 лет. И вдруг встала и начала ходить, когда пришлось таскать мешки, картофель — в голодные годы, после разорения. Вечерами читаю книги из здешней библиотеки. Классики, романы, историю села Виноградово, «Долгие Пруды» тоже.

26 сентября

Минут через пять придет или не придет со станции Иоанн. Посмотрела в лунное окошко, и почему-то показалось, что не придет. Но от каждого шороха за окном и в доме меняется все на свете. Дышит вдали электрическая станция. В открытое окно — чудесный, прозрачный, лунный холодок.

Нет. Не приехал. Спокойной ночи, Иоанн.

27 сентября

Приехал! Были в Ивановском монастыре — в лесу. Лес. Солнце. Земля. Небо. «Золотая руда». Золото, багрянец, лазурь и изумруд осени. Осины, березы, дубок, ели, орешник, рябины и бузина.

29 сентября

С головой захвачена работой с детьми, ими самими, <заботой> о них. Несколькими малышами особенно, самыми отчаянными. Такие всегда интереснее.

30 сентября

После монастыря был лес. В деревне пили молоко с черным хлебом. Пруды, луг и остаток старинного парка. Было уже перед вечером, и сумерки еще не пришли. На поляне вдали помню какое-то огромное торжественное золотое дерево. И необычайно напоенными солнцем, прозрачными и сияющими были золотые, красные, зеленые деревья. Ярко пронизано все солнцем, светом и световыми золотыми тенями. И весь купол неба, и все, что было на земле, было залито золоторозовым светом.

Несколько минут дома. Быстрый ужин. Показала церковь, Старый Дом, пруды.

По дороге на станцию стало холодно и лунно. Ждали поезда. Ни о чем, ни о чем и ни о ком не думалось. Просто было хорошо. В момент отхода поезда, но еще не на ступеньке вагона, он сказал тихо и быстро:

— Я не мог, не смел, не сказал, — если бы вы сказали... Я остался бы... А там — хоть потоп...

Я также быстро и тихо:

— Нет. Но все, что было и есть — хорошо...

После ужина на ночь (от 7 до 8 часов) рассказываю детям сказки, нарочно, не громко. Чудесно слушают. Этот вечерний час наш любимый. Тихий, «сказочный», уже почти сонный. «А можно, чтобы вы дежурили каждый день?».

1 октября

Спокойный, радостный день с детьми. Начало учебных занятий с мальчиками. Шитье с девочками, рисование у малышей. Пение вечером.

3 октября. Долгие Пруды — Сергиев Посад

О. Бессарабова — В.Г. Миревич

...Вавочка, не ищите и отпустите от себя всякие мысли, о каких бы то ни было своих винах... Я Вас люблю, Вавочка, крепко. Днем на работе мне здесь очень хорошо трудно. От детей, от работы с ними — хорошая усталость.

У одной учительницы — Панны Алексеевны — оказалась Ваша книжка детских стихов для малышей, и ее группа знает наизусть все стихи из этой киевской Вашей книжки. Панна Алексеевна подарила ее мне.

Работой своей и детьми я захвачена хорошо и крепко. Благословляю Вашу помощь мне и свою судьбу на этой своей дороге — работе с детьми. Живая и нужная работа. Ижма, дети, монастырь или семья — вот что хотела бы я видеть на столбе своего распутия. В работе с детьми теперь я знаю нечто и от Ижмы, и от монастыря, и от семьи. Учиться всегда можно. А любовь ко мне и от меня по Божьей милости и воли. О внутренней духовной собранности моей не сейчас и не мне судить, а внешняя колея моя — у-ух какая крепкая. Во время только поворачивайся, чтобы не подгореть или не примерзнуть с какого-нибудь бока.

О Сергиеве? Теперь (я не знаю, как еще долго) мне нельзя жить в Сергиеве. Там есть лабиринт для меня. И не минотавр в нем пугает, а зыбучий пол лабиринта. Здесь я на земле, а надо мною —

небо. Нет лжи. А там — могла бы быть. А лжи в моей жизни нет места... Без людей (моего выбора) здесь мне не трудно. Я очень занята работой. А близкие любимые люди в жизни моей есть, как были, и будут. И есть книги, как старые и новые друзья. И мне дорога каждая минута жизни, и досадно каждый вечер ложиться спать и знать, что часы за часами пройдут, а я в это время сплю и не знаю, не ощущаю, не помню их сознанием. Мне хочется крепко тронуть, поцеловать каждую минуту жизни.

Сжимается сердце печалью, тревогой, болью за Вас, за Ваш обиход. Вот в повседневности Вашей я хотела бы участвовать, беречь Вас, не давать заводиться хаосу и пыли при двух условиях: самостоятельный заработок, хотя бы самый маленький, на самое необходимое — хлеб, кров, одежда. И если бы туда не появлялся Ярило. И то, и другое — невозможно.

4 октября. Долгие Пруды — Воронеж
О. Бессарабова — З. Денисьевской

Зина, ты хотела бы понять чувственность? Да ты просто послушай само это слово: чувственность. Это — не ума дело. Я думаю, что это — радость, вызываемая другим человеком и направленная на него. Что же тут понимать? Когда она придет — радуйся. Хорошо ли растолковала? И какие нелепые (прости) вещи говоришь ты о своей старости (в 36 лет) и о своей внешности, и что не понимаешь, как это можно хотеть целовать «все это». Эх, ты! Люди, целуйтесь, когда это радостно, вот и все.

Слепые двое в колонии знали, что есть человек, которого я люблю. На вопрос, выйду ли я за него замуж? Я ответила:

— Нет, у него есть жена.

— Вы ее ненавидите?

— Нет, я ее очень люблю. А могла ли бы я стать ему вроде как женой?

— Да, если это было бы возможно без лжи. Но без лжи невозможно, а с ложью и подавно.

Один из них, Григорий Морозов, по правде полюбил меня, и не выдуманную (как другой слепой — Михаил Звездочкин), а живую, вот эту. Он видел меня своими слепыми глазами, как немногие зрячие. Он был ужасен, безобразен и знал это. Он не

усомнился во мне, поверил. И никаких претензий ко мне не имел. О нем у меня почти ничего не записано, только упомянуто в записках 1922 года. А Михаил был труден, и с ним пришлось быть очень настороже.

Адрес Вавочки все тот же — Сергиев Посад, Красюковка, дом Быковых. Там живет теперь и Варвара Федоровна.

Напиши о Веронике, пиши больше о себе.

6 октября

Вчера у Добровых мне передали учтивую записку Владимира Яковлевича Ярового, в которой он пишет, что хочет видеть меня, и просит оставить у Добровых мой адрес. Видеть его не хочу. Я не уклонилась бы только от случайной встречи на улице на 2—3 минуты. Я его не любила и считаю себя виноватой, что не устранила сразу его внимание к себе. Ему было больно от встречи со мной. От всего, что было от него, я узнала, что на свете есть (и во мне) женская власть и есть на свете страсть, которая может отнестись и ко мне. И что есть воля к гибели. Она-то чуть и не зацепила меня в Воронеже. Это человек, который почти что — воплощенная мера всего, что органически, душевно и во всех других, каких есть смыслах, — чуждо и неприемлемо для меня. В нем была и сила — рогожинское безудержное одержание тем, что ему покажется желанным. Я не хочу ему никакого зла.

7 октября

Я не сделаю ни одной попытки к встрече с Иоанном. Не хотела никогда и не хочу связывать его. Ничем. Ничего я не испугалась бы в жизни. Только лжи никакой не хочу. Если бы он стал мне близок, я не испугалась бы, но тут же мы и расстались бы совсем. К счастью или несчастью, мне удалось и ему внушить это, — что так и было бы...

10 октября

Я спокойна. Ясно, до глубины, отчетливо или как завороченная знаю я свою судьбу. А тихо, как под водой.

Не пылит дорога,
Не дрожат листы.
Подожди немного,
Отдохнешь и ты²⁵ —

была любимая моя песенка мамы. Мама пела ее чудесно. Она пела ее мне и за 10 дней до смерти, когда была еще на ногах.

Господи, как около нее становилось и было все радостно, тепло, чисто и свободно.

15 октября

Приехала ко мне Наташа, жена брата Бориса из Воронежа. Очень рада ей. Художница, красивая, умница.

17 октября. Сергиев Посад

Приехала с Наташей к 11 часам вечера. Ночевали у Лиды Леонтьевой-Арьякас в бывшей комнате Варвары Федоровны у Голубцовых. А Лида — в бывшей моей с кафельной лежанкой и с окном на Красюковку, в горку, к церкви. Комнаты оклеены новыми светлыми обоями, потолки выбелены, убраны комнаты кокетливо игрушечно, с яркими платками.

В Сергиеве я не была больше месяца. Рада этому небу с этой землей, лесами, холмами, прудами, дорогами. У Вавочки — Людмила Владимировна П. (Киевская).

18 октября

Благоустроенная, благообразная жизнь Вавочки у Быковых благодаря заботам и присутствию Людмилы Владимировны. Варвара Федоровна вместе со старушкой Варварой Николаевной Быковой живет в комнате рядом, в которой летом жили Ефимовы.

Была на базаре, в библиотеке, в Лавре у Фаворских. Встретила Варю Розанову, тут же написала записку Тане. Таня больна, замучена, собирается в санаторий (ревматизм, подагра и «мнительность»).

Встретила Марию Федоровну Мансурову, нагруженную, как верблюд, с бидоном молока. Сергей Павлович уже неделю роет картофель. Еще ему работать 5 дней. С ними живет сестра Марии Федоровны — Комаровская с тремя детьми²⁶. Комаровских выселили из их московской квартиры²⁷. Как жаль, что не могу остаться хоть на один-два дня. Заменяла бы Сергея Павловича в поле на картофельной работе. Обед у Вавочки, сборы, упаковка. Картины Наташи отыскивали на чердаке у Быковых. Горюшко мое — Вавочка потеряла силуэты-контуры зверей Ефимова. К счастью, у Лиды оказались копии с них. Я сейчас же перевела их для себя — 14 зверей.

В гостях у Натальи Дмитриевны и Михаила Владимировича. Сергеюшка уже бегаёт и умеет принести названную игрушку.

В Институте закрыто Дошкольное Отделение. Вавочке нужен заработок.

Я, Вавочка, Таня Розанова и Мария Федоровна у Натальи Дмитриевны на чтении Людмилы Владимировны о поездке ее на север, в Архангельск.

Ночевала у Вавочки, а Людмила Владимировна — у Натальи Дмитриевны. Говорили всю ночь, я записала стихи Вавочки за весь месяц.

19 октября

Утром рано с Наташей в Москву. Очень интересная дорога с Наташей, — она умна, талантлива, артистична и добра. И очень наблюдательна. Москва. У Добровых. Разговор с Шурой и Александром Викторовичем о китайском талисмане Ефимова — деревянном резном тигре-драконе. Они, в свою очередь, рассказали мне о сиамских куклах-марионетках, особенно о царевне. Вторая кукла — воин, ее служитель. О колдовских чарах вещей.

Даниил учится в Институте Слова²⁸ Бакушинского. Там собралась интересная молодежь. Для детей Даня дал мне много детских открыток и книг.

Саша Добров призывается на военную службу. Не представляю себе там этого принца на горошинке. Для него было бы очень полезно, если бы он побыл на военной службе хоть не-

много. Обязательно заболает и, к сожалению, совсем не дипломатически, а как-нибудь вполне серьезно.

26 октября

Сон: гроза в лесу и такой ураган, ветер, каких, вероятно, не бывает наяву. Смутно — домик наш на Терновой. Маму (опять). Громы, молнии, ураган. Раскальвались, ломались и падали огромные дубы, ели, липы, а березы и осины пригибались к земле. Дома все развеяны.

27 октября

Перетасовка детей. Вечером еду в Москву. Перед сном в дневные часы отдыха — успеваю вымыться в ванне. Каждый раз после сна — можно жить сначала!

Зарево в Москве. Видела его еще из Долгих Прудов. Горел павильон Моссельпрома²⁹ на Выставке сельскохозяйственной за Москвой-рекой.

28 октября

Утром с Наташей у художников Романович³⁰ в ВХУТЕМАСе. Жена Романовича — Таня Семынина (потом Елецкая). Какая она была прелестная девушка, как сноп белой сирени, а теперь от нее остались только прекрасные глаза и легкие красивые руки. И заново она понравилась мне по-новому, вместе с малышом Павлушей. Закатное зарево. Наташа забежала еще попрощаться со мной, ровно на минуту.

Шурочка и Александр Викторович с удивительной теплотой и сердечностью проводили меня до трамвая. И ни одного лишнего слова, вопроса. «Олечка горит, как костер» (думали, что я не слышала этой фразы, дорогие мои).

Иоанн дал мне в жизни так много радости. Насытил днями. Вечерами, утрами и ночами мою жизнь. Подарил мне времена года: Зиму, Весну, Лето, Осень, Радугу, снег, иней. Морозное солнце. Тепло, тепло, Морозушко!

Прочла чудесную книгу М. Пришвина «За волшебным колбком»³¹. Пришвин — старинный приятель Вавочки, о нем она

рассказывала мне еще в 1914 году, и у меня есть его портрет в молодости с подписью: «Козелом смотрю». Умный лоб, озорные глаза, лохматый.

31 октября. Долгие Пруды

Рада, что отклонила намерение сотрудников поднять на общем собрании вопрос о дежурных медсестрах. А с сестрами поговорила сама. Надежда Матвеевна и Людмила Владимировна поблагодарили меня. Как я рада, что не состоялась очередная гадость. Еду в Москву.

1 ноября

Ночевала у Тани Епифановой в мансарде старинного домика в Остоженском переулке. Таня замучена болезнью Льва В. Огорчена, что к ней не приехала мать.

Майя Кудашева рассказала мне об Аксенове³². Танечка заснула под экстравагантные пряности Майи. А утром эта же Майя (немного или много — ведьма) читала мне свои русские стихи. О доме и огне, колыбельное (о сыне) и еще несколько лирических, очень личных стихотворений. Стихи поразили меня глубокой, острой, человеческой и женской болью. Стихи очень хороши по форме, по звуку, ритму. И в это утро Майя приблизилась ко мне из очень большого далёка. Грустно видеть такую одаренную женщину, — в чем и как, и с кем, она вязнет, барахтается и втягивает людей в нехорошее болото. И какие люди поддаются ей ненадолго, но все-таки. (Даже Андрей Белый.)³³

Недолго у Добровых. О болезни Варвары Федоровны, обо всех нас, о всеобщей усталости и мрачном, тяжелом душевном состоянии. «Все мы — на каком-то самом краю не то полыньи, не то обрыва». Не надо оглядываться в заколдованном лесу жизни. Окаменеешь или растерзают чудища, если оглянуться на них.

А сердечушко — туже, да туже. И все во мне что-то холоднее и тише. Предчувствие ли это каких-то грядущих бед, усталость ли, общие ли катастрофы или личная беда, горе ли близких или отсутствие радости? Благодарю Бога и судьбу за работу с детьми. С ними — не пригорюнишься, некогда!

Таня Епифанова в Госиздате дала мне сверток бракованных детских книг с картинками (бракованных в типографии — помятых, надорванных, испачканных краской) для детей моих роскошное богатство — для вырезания. Купила несколько ножиц с тупыми концами, серые и белые листы плотной бумаги и клей. Сколько предстоит работы с вырезанием, альбомами, картинками для этих альбомов. На неделю обозначена у меня радостная, рабочая счастливая тишина в двух моих палатах с детьми, прикованными и привязанными к кроватям, с гипсом и сложной системой широких бинтов.

В субботу Танечка придет ко мне в Долгие Пруды. Обещала набрать еще пачку картинок для детей.

Острое ощущение Москвы, города, его флюидов, суеты, грохота, движения.

У Добровых. Шура и Александр Викторович читали мне стихи — много. Филипп Александрович вдруг: «Что-то наша Олечка загрустила. Устаете на работе?» Устала. Приютилась на ковровой тахте с яркими подушками Александра Викторовича. Шура читала мне стихи Эренбурга. (Дала Майя Кудашева.) Александр Викторович пришел из Университета с лекции раньше, чем нужно было, «потому что вдруг начал беспокоиться, не случилось ли что-нибудь с Тобой» (с Шурой).

И когда я уже собралась почти совсем в дорогу (стихи, книги, вещи), пришел к нам в Шурину комнату Филипп Александрович и, вдруг вспомнив, сказал: «Олечка, а вчера звонил по телефону Ефимов, спрашивал о вас и просил известить его, если вы приедете. Он, кажется, к вам собрался поехать и боялся разминуться». Я спокойно поблагодарила Филиппа Александровича, сказала, что уже уезжаю домой, но это ничего, я все-таки рада. И вышла из комнаты.

Надо было видеть — никогда не забуду Шурочку и Александра Викторовича, когда они вышли ко мне в прихожую и на лестницу проводить, поцеловать, попрощаться. И ни одного лишнего слова. Но такие оба они были чудесные!

От Вали письмо из Ташкента.

Был Михаил Владимирович (у Добровых). Привез мне письмо от Вавочки. Варваре Федоровне (ее матери) плохо. Людмила Владимировна на днях уедет. Что будет с ними?

По дороге на вокзал заехала на Арбат к Михаилу Владимировичу с письмом Вавочки и миллиардом для Людмилы Владимировны. Рада, что он оказался у меня.

Хорошо было мне ехать на трамвае и в поезде домой. Шла к санаторию через лес и поле с доктором Поленским, нашим главным врачом, бедным нашим герцогом (так его зовут медсестры). Умный, культурный человек, самоотверженный, одержимый работой, счастливый в семье. Но как замкнуто официально держится он со всей большой армией сотрудников санатория. Со мной был внимателен и любезен, но даже его хороший отзыв о моей работе с детьми и «необычном образе жизни» (он знает обо мне больше, чем я думала, и с хорошей стороны, вероятно, от Панны Алексеевны), немножко подсушил и подморозил меня. Спросил о книгах санаторской библиотеки, я сказала, что давно уже выпила ее всю до дна, как пьяница, там много встретила своих давних друзей, но мои живые друзья в Москве заботятся о книгах для меня, и в них у меня нет недостатка. «Панна Алексеевна питается вашими книгами».

Вечером, освещенный всеми своими окнами, стеклянными верандами, балконами-фонарями, башней с часами, колонами фасада, мраморными светящимися чашами-лампами на цепях над входом, весь дом этот кажется волшебным замком из «Аленького цветочка» — на поляне в лесу. Но не пришло в голову обратить его внимание на красоту дома и на его сказочность, Генрих Артурович видел весь этот дом с его огнями, светом, красотой среди леса, но, взглянув на часы, сказал: «Через 10 минут погасят все огни, кроме столовой и окон жилых комнат». И я поняла, что он был бы очень недоволен, если бы огни погасли не через 10, а через 12–15 минут или раньше, чем через 10 минут. Вероятно, в семье и в обществе своих друзей он не такой — немножко слишком официальный, не хочется сказать «человек в футляре». Может быть, ему трудно держать в руках все это бабье царство, а чтобы держать крепче — надо соблюдать какую-то дистанцию, и это, по-видимому, правильно. Сам он, несомненно, доброкачественный, вполне порядочный человек. И ему, вероятно, трудно иметь дело с людьми явно недобросовестными.

Вошла в дом через белую светлую лестницу главного входа. Сестра Раиса Алексеевна быстро сказала мне: «Вас долго ждал

ваш знакомый, и он уходит сейчас по той (другой) лестнице к подъезду».

Я подошла к верхней площадке «той» лестницы и увидела Иоанна. Он очень быстро поднялся ко мне и остался у меня. Соседка, милая сестра Надежда Матвеевна, предложила мне свою комнату, чтобы я могла устроить на ночь у себя своего гостя. А сама она ушла ночевать к кому-то из сестер. Досадно было, когда погасили свет, а у меня не оказалось свечей и пришлось разойтись по комнатам раньше, чем было бы можно. Ивану Семеновичу очень не хотелось расставаться «так рано». (Было совсем не рано, а поздно, но ему казалось, что рано.)

Театру Петрушек Ефимовых предложено играть в студии Художественного театра. Он участвует в конкурсе памятника Островскому (памятник будет стоять возле Малого Театра)³⁴.

Об «Ольге» П<авла> А<лександровича> Флоренского (значении имени).

Был в Сергиевом Посаде. Ему казалось, что там все дороги, холмы, леса и все деревья удивлялись, что меня там нет. И опять он чувствовал себя собакой, потерявшей след, и не удавалась ни одна прогулка. Был он еще в Останкине. И тоже как-то показалось, что и в Останкине «все не то и все не так».

Получила ли я письма — его и Нины? Нет. А ведь он приехал ко мне еще вчера. Приехал на вокзал утром. Утренний поезд отменили. Вернулся на вокзал к часовому поезду — опять неудача, — опоздал на 2 минуты. Заупрямился и приехал ко мне с четырехчасовым (вчера). «Тут у вас очень приветливые сотрудницы и соседки». Панна Алексеевна напоила его чаем. Анна Иосифовна со свечой помогла ему найти штепсель в моей комнате. И все были очень внимательны к нему.

2 ноября

Первый снег!

Ранним утром до работы мы были в парке, над прудами, на поляне. Ходили по первому, еще никем не тронутому снегу. Он, как нарочно, для моего гостя разостлался чудесным ковром. Ветка березы потянулась к нам с пушистой пригоршней снежных звезд. Мы приняли их одним дыханием. И снег на зеленой траве при-

няли как подарок по своему адресу. Можжевельник колючий и душистый трудно было срезать, но Иоанн острым перочинным ножом срезал его, и он наполнил всю мою комнату своей красотой и запахом.

Потом я пошла на работу, а Иоанн в лес и в поля до часа. После обеда — у меня в комнате. Уехал в четыре часа, а я — на работу. Успел рассказать мне об этом месяце своей жизни и «обо всем на свете», обо всем нарочно запоминал, чтобы рассказать мне, и даже кое-что записал, чтобы не забыть, не пропустить ничего. Потом жадно, подробно до мелочей пожелал знать, а как у меня прошел этот месяц. Я сказала — событий почти не было — работа, отдых, сон, книга, прогулки, поездки в Москву, письма. А о чем и что именно и как думалось? Помнилось? Казалось? Вспоминали ли? И что именно? И как? И т.д.

В среду поеду в Сергиево. А в следующую (свободную) среду я обещала ему приехать в Институт Детского Чтения на лекцию Шергина о Севере³⁵. А утром в четверг пойдем вместе в Исторический музей, ему хочется показать там мне его проект памятника Островскому. На ночь вчера он «благословил вас в сторону Москву» — образом Иоанна Предтечи Крылатого.

После отъезда Иоанна вечером я получила запоздавшее письмо Иоанна и Нины Яковлевны.

3 и 4 ноября у меня гостила Таня Епифанова. Ее парчовая с соболем кофточка произвела на моих детей огромное впечатление. Они попросили Таню снять халат на минуточку и не могли насмотреться на «царевний наряд». Кофточка эта очень красива.

Иван Семенович вряд ли понял, как поразил он и как потряс сердца моих сотрудниц по санаторию. Он буквально пленил сердца даже строгой и скромной Панны Алексеевны и ее очень старенькой матери. («Человек из общества».) Анна Иосифовна сказала о нем ворох комплиментов в своем стиле Аркошона и Биаррица, а когда услышала от меня, что он был там и некоторое время жил, и с какого-то мыса (в Биаррице, кажется) видел «самые высокие волны океана», Анна Иосифовна даже затряслась от восторга и от сожаления, что она пропустила возможность поговорить с человеком, побывавшим в этих чудных краях, лучших на земном шаре, и прочее, и прочее. Три сестры и две фельдшерицы были, как готовые взорваться бомбы от невысказанных

вслух вопросов — кто, что, как, откуда и всех других, какие оказались в их головах. Бомбы не взорвались...

5 ноября

Нина Яковлевна в письме Иоанна написала полстранички о том, что они все давным-давно соскучились обо мне и ждут меня, и куда это я так пропала. Через неделю я условилась с Иоанном встретиться на лекции Шергина (Архангельского сказочника, былинника, вроде бабушки Кривополеновой³⁶). Но он не только рассказывает старины, но и сам поэт, сам сочиняет сказания и великолепно говорит, почти поет их. На всех вечерах Шергина бывают и Нина Яковлевна, и Адриан, и Елена Владимировна, и, кажется, Фаворские, и Флоренский захотел его послушать. Как мне быть?

На ночь.

А так и быть. Встречаться не надо. Самой не устраивать встреч. И только если встреча случится случайно или по воле с той стороны — не уклоняться. Хорошо, что мне не о чем умолчать, если бы Нина спросила прямо обо всем, о чем бы она ни спросила. Мое дело — не вырваться до времени и не отступить перед моментом, который может прийти в свой срок, если этому суждено. Я не боюсь принять в жизни все, что может прийти в нее. Не боюсь даже и того, что «счастье» мое, которое может ко мне явиться, тут же окажется и концом этого счастья. Не хочу лжи. Не хочу ложью затенить солнце и свет своей жизни. Если сразу же не уеду и не исчезну из его поля — неизбежны будут полуправда, полулжи и всякие тени от этого.

«Почему так давно не была, почему запропала?» — «Потому что». Да. Трудно было бы выговорить: «Люблю вашего мужа и не хочу лжи доброй знакомой». Если бы мы стали близкими, ложь осквернила бы и запачкала самое дорогое и радостное мне существо. Я между Сциллой — грубой бестактностью, ненужной, может быть, ей правдой, о которой она, может быть, и не хочет знать, и — Харибдой³⁷ — ложью. Не пойду и на вечер Шергина. Может, как хочет объяснить дома — почему я не бываю у них, бывая в Москве. Я не хочу лжи. Не хочу получать от Нины Яковлевны хорошие письма и приглашения, не хочу отвечать на них, бы-

вать у них, звать ее к себе, как добрая знакомая. Каждая встреча может стать кануном его измены. А я будто здесь и ни при чем? Выйдя из круга его семьи и наших общих друзей, и близких знакомых, я могу хоть отстранить от себя неизбежность непосредственной лжи и полуправды о том, что может быть.

Принимаю явившуюся мне радость, долю, судьбу. Радуюсь, не боюсь, легко дышу. Мое дело — принять или не принять свою судьбу и не цепляться за то, чего нет. А ему даю свободу и волю знать, что ему лучше, нужнее, удобнее. Его дело. Я принимаю, люблю Иоанна со всей его жизнью, со всем, что в нем есть и со всем, чего нет. И это мое личное дело. Не навязываю и ему окончательный выбор в линии его поведения и отношения ко мне. Молю Бога, чтобы «мое личное дело» не легло тяжестью на жизнь ни его самого, ни тем более на жизнь близких ему других людей. Пока мы не связаны, и я, и он еще на воле. Я даже мысленно не разъединяю их жизнь. Он бы и сам не понравился мне, если бы через меня обидел Нину. Я не краду у них ничего... Принимаю только то, что дается мне бездумным добровольным даром, и пока еще эти караваны даров солнечны и прекрасны, и легки, как радуга, как снежные звезды, как взлеты пламени, золотой дождь, весенний ветер, тени облаков на лугу. Он подарил мне стихии мира — землю, небо, солнце, подарил мне четыре времени года: Зиму, Весну, Лето, Осень. Если бы он подарил мне дитя, я приняла бы его. И конечно же ушла бы от отца моего ребенка, потому что он не свободен. И дитя было бы мое и ничье больше. И чтобы мы никому не были нехвата, в тягость, мы уехали бы, и началась бы наша жизнь. Я могла бы взять дошкольную работу где-нибудь в провинции, как здесь, в Долгих Прудах, и года через три, может быть, и вернулись бы в Москву или Сергиево. Но что говорить о том, чего нет.

Я не сломаюсь и не умру, если все кончится теперь же, и радуга останется там, где ей полагается. Слава Богу и за то, что было. По правде сказать, и так уже много радости у меня в жизни — ни за что, ни про что.

7 ноября

Из открытого окна санатория слышала симфонию гудков в Москве.

Сон: Будто из Болгарии (?) вернулся Николай Григорьевич (брат Вавочки). Сидит в кресле за столом. Я стала на колени перед ним и заплакала от радости. Он бережно поднял меня: «Лис, Лисенок, ты мой!»

Отец Павел прочел как-то у Ефимовых еще о нескольких именах. Иоанн по памяти потом записал мне об «Ольге».

«Ольга – мировладительница. Океан блестит, и никто не меряет его нормами нравственности. Ведовство. Крепко в земле корнями. Хочет создать небесное из земного, не подозревает несоизмерности с этим миром другого мира. Тратится на мелочи, не зная своего богатства. Не просветлена христианством. Скандинавский натиск умирился в России, где все само ей удастся. Если и причиняет вред – никогда (это) не злой умысел. Двинет плечом – косяк вылетит. Красивая, крупная, как бы не женственная по современным понятиям, но очень женственна сравнительно с миниатюрными мужчинами.

Препятствие обтечет подводной рекой. Громоздит свое земное дело. (Тут как-то не так, забыл точное выражение, смысл – берется за трудное.) Высшие силы благостно ударят железным жезлом, может открыться взгляд и на горнее.

Стихийно все, не надуманно. Утоляя ближние желания, не учитывает последствия. Удачлива. Жизнь покоряется ей».

(В этом восприятии имени «Ольги» переплетается представление Отца Павла о княгине Ольге-Елене Древней Руси с некоторыми отзвуками его представления обо мне).

Текст записи отца Павла неточен, он воспроизведен по памяти Иоанном. И это очень существенно. И все-таки интересно. У меня есть записи (точные) еще об имени Иоанн, Алексей, Александр. И вольно или невольно, в них есть отражения личности Иоанна, в Александре – Александра Ивановича Огнёва³⁸, в Алексее в какой-то степени и отношения Ивана Семеновича к покойному его другу Алексею Тольскому и т.д.

Надо вложить сюда листы с (ощущениями) и представлениями об именах мои, Вавочкины и отца Павла Флоренского. У каждого человека это все неизбежно разное, и как ни стараться вслушиваться в звук и значение имени, как слова, имени человека вообще, мне кажется, что у каждого автора просвечивает

его отношение и восприятие лиц-обликов некоторых людей (любимых и неприятных), носящих те или другие имена. Особенно это все подумалось, когда я прочла запись Флоренского (через Иоанна) об имени Анна.

Переустроила всю свою комнату.

От двери направо от входа — плетеный диван, сиденье его обито кустарной очень красивой тканью (розы, листья). За диваном — одежда на стене, закрытая темно-зеленой, тоже очень красивой драпировкой, удачно совместимой с тканью обивки дивана. Этажерка с книгами и томиками записок и писем сергиевского времени в чехлах из набойки и остатков моего коврового платка. Письменный стол в углу у окна. Над ним повыше, на угольной полочке, вделанной в стены угла, — старинная моя икона и две маленькие. От полочки до стола свисает чудесная персидская, а может быть и русская, набойка с невиданными зверушками среди невиданных деревьев с темными листьями и плодами на стволах-лианах. Набойка эта великолепна. На столе — прислонен к стене замечательный рисунок (литография) Богаевского «Радуга»³⁹ (может быть, первая после потопа?) — над первозданными, омытыми скалами и пальмами до неба и на лоне спокойных вод; чернила, ручка, пирамидка из глины со лба Быка из мастерской скульптора, птица Киви, кустарная птичка, подаренная мне мамой в Москве, когда она ездила в Петроград проводить брата Николая в Америку. Коробочка с павлином, которую тогда же подарил мне Михаил Владимирович — в ней перья. Стол закрыт темно-зеленым плотным листком бумаги. Перед столом у окна с невидными трубами центрального отопления — плетеное кресло, мягкое, с такой же набойкой, как и на диване, — кресло с высокой мягкой спинкой. По левой стене от окна к двери — кровать, над ней мой коврик с зайчатами и другая большая литография Богаевского — Солнце и Земля⁴⁰. Под потоками света начинают произрастать растения. Слышно, как земля дышит в свете и первозданном воздухе. И в углу между кроватью и дверью — старинный секретер (шкаф и комод, и стол — все в одной вещи, очень красивый). На окне у стола — лампа, как фарфоровая ваза, расписная, с пышным абажуром. В этом доме очень много комнат с чудной мебелью, резными дубовыми стенами, панелями, много кустарных

тканей, полок, шкафов и просто игрушек, ковшей, ваз из кустарного музея. Есть изумительной красоты ковры, подушки, отдельные комнаты очень гармонично убранные. Все это осталось от Банзы и Германа. Вся их семья уехала за границу, кажется в Голландию. На хорах большого холла вдоль всей стеклянной стены — целый сад цветущей герани. Эти герани были там еще при Германе, и за ними ухаживает Анна Иосифовна Околович, не то хорошо знавшая семью Германа, не то жившая с ними, у них. Как-то мельком она сказала мне, что это она развела герани эти еще при... И вдруг так испугалась, что мне едва удалось внушить ей, что я не слышала, не поняла, не обратила внимания.

Да. А на верхней полке этажерки в вазе — ветки можжевельника и расписная чашка-миска, большая такая чаша с крупными антоновскими яблоками.

Зина (из Воронежа) тоже написала об именах (то, что ей кажется в звуке и значении имен).

11 ноября. Воскресенье

Не хочу так. Не хочу ждать. Хочу не ждать. Не надо ничего.

Ощущение надвигающегося, расширяющегося мрака и пустоты было резко отодвинуто приездом Иоанна. А теперь только усилилось. Я живу так, будто кто-то поворачивает выключатель электрической лампочки. Раз — яркий, почти невыносимый свет; два — тьма более непроницаемая, чем на самом деле от смены и контраста света и тьмы. Не электричества — свет мой другой природы — солнечной. Как же рассказать? Или Время сорвалось со своего русла и мигает то днем, то ночью. Больно глазам. Хочется закрыть глаза рукой.

Физически ощущаю сейчас Пространство (дальность расстояния) между собой и Валею, братьями, Вавочкой, Марией Федоровной М<ансуровой>, домом Добровых с дорогими моими друзьями. Особенно с Валею. Пространство и Время. А я пылинка, которая может раствориться, стореть или растаять в этом космическом пространстве.

Сны. Дом с комнатами по коридору без дверей. В одной из комнат прячется ветер. Мама, братья, друзья мои где-то тут же, у остатков бывшего Воронежа, город так разрушен, что похож на

скалы Богаевского, и уже не отличишь места, где были дома, улицы, площади. Обрушились стены какого-то строения — взрыв или землетрясение, вспышка огня. Кого-то из самых близких убило. Ждали еще.

После каких-то событий вышла одна в высокий каменный двор невиданного огромного мрачного дома или ограды высокой, много там было железа, и бетона, и камня. Взлетела. Но над двором этим — не то решетка, не то крыша со стеклом в клеточках из железа, как на вокзальных перронах или в торговых рядах. Мои взлеты стали никнуть к краям двора, к стенам. И я заметила (сверху), что все края пола двора доходили вплотную до стен, оставляя пространство, расщелину, щель вниз (в землю, под землю?), куда-то такое, «в другую сторону». И я полетела туда.

Очень спокойный, мирный, удачный день с детьми. Сказки, иллюстрации к ним. Игра в зверей (каждый зверь рассказывал нам, откуда он и как он жил на воле). Все звери разговаривали со своими «родичами» — медведями, тиграми, волками и прочими. Игры в фанты, красочки, в приключенческий рассказ, обрывающийся каждым рассказчиком на самом интересном или «страшном» месте и продолжающийся следующим рассказчиком.

12 ноября

Наяву. Кругом, далеко — поля и леса. В лесу большой дом, наполненный множеством горбатых и детей, больных костным туберкулезом. У кого позвоночник, у кого рука, нога, шея. Взрослые люди вокруг них. Доктора, сестры, няни, учительницы. Среди них и я.

Вот на столе яркая лампа с пышным кружевным абажуром, как пачка балерины; кресло, набойка, книги, Богаевский, икона «Скорбящих радость». Это моя комната. В ней я живу. Это не во сне, а наяву. Но так странно, что это все на самом деле, по правде. Все показалось призрачным, не настоящим, а как бы сном.

А-а! Ветки можжевельника на окне в вазе.

Это настоящее?

15 ноября

Еду через Москву домой. Вчера шла через освещенный вечерними огнями Сергиев Посад — мимо Лавры, через базар, по знакомой Вифанке (вон белый дом Олсуфьевых с садом, вон на горе домик Флоренского, а вот и Красюковка).

Вавочка была дома. Болезнь Варв<ары> Фед<оровны> после операции прошла, но с постели она уже не встает. После обязательных общих разговоров и чая у Варв<ары> Фед<оровны> я и Вавочка были вместе до 3 часов ночи. Были рады друг другу и говорили обо всем. Она говорила, что ей без меня трудно, одиноко, плохо и странно в жизни — без меня. Что только теперь она поняла, как бережно и невидимо, — без суеты охранялось мною ее житье. Еще сказала, что ей некому читать ее новые стихи и она не знает, какие они выходят. С утра сегодня привелись в порядок и переписались начисто ее стихи, нашли свои места рукописи, книги, все потерянные вещи и одежды Вавочки.

Вместе сходили к Сергеюшке. Рада была видеть милое лицо с лучистыми глазами Нат<альи> Дм<итриевны> (Мари Болконская без грима — она могла бы появиться на сцене как Мари Болконская). Хорошо было идти по березовой большой аллее. С высокого холма конца этой улицы увидела и Черниговский, и Вифанию, и леса, и холмы, и пруд. И странно потом после дня, проведенного неразлучно вместе, — странно было уезжать куда-то почему-то «домой». И «особенно странно» это казалось Вавочке. Я согласилась с ней. Если бы в Сергиеве нашлась для меня все равно какая работа, пусть с минимальной оплатой, я рада была бы жить в Сергиеве, лишь бы жить на свой заработок, не быть на чьей-нибудь заботе и как-то участвовать в житье-бытье Вавочки. Но теперь этого нельзя. Не случайно я живу теперь в Долгих Прудах. Так лучше. И работа с детьми мне дорога, и я не хочу быть в ложном положении по отношению к Нине Як<овлевне>. Не хочу, чтобы дорогие мне люди имели бы повод что-то допускать и оправдывать в моей жизни. Если бы Нина Як<овлевна> знала, как я рада ее мужу, я ни перед ней, ни перед сыном его Адрианом, и ни перед кем другим — не опустила бы глаз. Мое дело — принять или не принять теперешнюю мою судьбу «между небом и землей». Но и теперь уже многое может меня

ранить, и даже не меня, а то, что мне дороже себя самой. Мне ли быть расселиной в плотине, которая еще бережет мою Радость от моря, имеющего власть каждую минуту затопить мою страну? Внимание чужих, «все-таки» уважение близких и их естественная тревога, горечь, невысказанные вопросы обо мне и все, что есть на этом свете, и все, чего я, может быть, еще и не знаю...

Москва. Вокзал. У Добровых успела побыть минут 20. Взяла письмо Вавочки. По телефону звонил Иоанн, огорченный, что он не знал о моей поездке в Сергиево (он говорил с Алекс<андром> Викт<оровичем>).

Вчерашний вечер дня рождения Фил<иппа> Ал<ександровича> был удачный. Было много друзей добровского дома, было вино и даже танцевали кадрили и мазурку, танцевали все, даже Елизавета Михайловна.

К Варв<аре> Фед<оровне> на перевязку ходит сестра милосердия из Красного Креста Софья Сергеевна Тучкова, рожденная Татищева⁴¹ – необычайной доброты и кротости мужественная женщина. Высокая, красивая, аристократически скромная. Она так приручила к себе очень нервную, застенчивую и капризную Варв<ару> Фед<оровну>, что теперь для Варв<ары> Фед<оровны> эти мучительные перевязки как праздник. Софья Серг<еевна> сохранила свое лицо и облик аристократки и дьяконессы из Катакомб (а может быть, и женщины окружения Елизаветы Федоровны) – не то что две другие сестры из Красного Креста – Шауфус и Родзянко⁴². О них М<ихаил> Вл<адимирович> как-то сказал: обе они растворились в обожании О<тца> П<авла> Фл<оренского> – двигаются только их форменные косынки и платья.

Вавочка дает уроки Истоминам – хорошенькой девочке Ксане⁴³ и мальчику Сереже⁴⁴. За урок получает 2 миллиарда в месяц. Мать их, красавица Софья Ив<ановна>⁴⁵ (бывшая цыганка, в очень ранней юности ставшая Истоминой – помещицей, любимой женой, дамой) ждет, что «когда все вернется постарому» и она опять станет богатой, тогда она заплатит за уроки как следует. Она, конечно, не приняла бы даром труда занятий с детьми... А «пока» дети едва одеты, едва накормлены, но устроены с учением «лучше, чем эти несчастные школьники».

С ними занимаются проф<ессор> Огнёв, Тучкова, Варв<ара> Григ<орьевна>, Борис Павл<ович> М<ансуров> и другие.

За 2 часа в неделю за лекции в Техникуме Вавочка получает 3 миллиарда. Весь ее заработок там — 5 миллиардов (5 000 000 000 р). Ждет из Берлина Евг<ения> Герм<ановича> Лундберга⁴⁶, а через него — литературного заработка. А «пока» семья Нат<альи> Дм<итриевны> делится с ней чем может. Валя и Таня посылают ей по червонцу. Надо мне реже ездить в Москву и посылать Вавочке — сколько смогу.

16 ноября. Долгие Пруды

Спокойный, веселый, быстрый день с детьми. Генрих Артурович (доктор) сказал хорошие слова о моей работе с детьми. Анкета у девочек 7—8 лет, мною составленная по их возрасту. От детей вернулась счастливая от удачи, от легкости трудового, по существу *трудного*, дня.

18 ноября. Долгие Пруды

...Год тому назад у Фаворских был вечер...

Дождь. На окне сухие ветки можжевельника. Хорошо было с малышами.

Доктор Генрих Артурович (и все взрослые — учительницы и сестры) тут сначала испугались моих «игр» с детьми. Генрих Артурович хотел даже запретить их. Я не сдалась. Попросила его побыть раз-другой в холле (за дверью палаты, чтобы не мешать, не смущать детей да и меня) и послушать, как проходят наши «игры» и как ведут себя в них дети (все дети — лежачие, закованные в гипсе и в бинтах и повязках). Игры наши — это только инсценировки (в разговорах). А двигаюсь за всех актеров, за всех героев, героинь, за всех зверей и прочих только я.

«Теремок», «Короли», «Зимовье зверей», «Гуси-лебеди», многие сказки, «Колобок» и прочие приобрели права гражданства. Не забракowana ни одна моя «игра». Дети и сами придумывают «новые игры». А толчком для них служат иногда самые неожиданные вещи — кусок веревки, чистая бумага, расписной

конверт Вавочки. Очень увлеклись вырезанием фигурок из бумаги. Стада, стаи, военные полки, корабли, хороводы, герои сказок. (Хороша Баба Яга в ступе, она же на помеле.) Великолепно получилась в силуэтах сказка о царе Салтане – вырезали к ней силуэты все – до самых маленьких малышей, – и потом любовались на большой серый лист с наклеенными этими силуэтами. «Вся сказка сразу видна!» Некоторые фигурки «на листе оказались еще лучше, чем без листа». (Я осторожно, не меняя их стилия, заменила их своими вырезками).

Вчера вечером посетила меня фельдшерица Любовь Васильевна. Сегодня – сестра Над<ежда> Матвеевна. Я с удивлением узнала потом, что «этого не бывало» здесь раньше. Учительницы выше рангом (!), чем сестры и фельдшерицы. Я приняла это за шутку, а когда поняла, что это совсем не шутка, поскорее закрыла раскрытый удивлением рот. Слегка упомянула, что я даю читать книги и что угодила выбором книг своим читателям. Собеседница успокоилась. Вот дичь-то дремучая.

Так, так... Давно уже оборвалась непрерывность – стремительность вертикали, возникшая год тому назад – на вечере у Фаворских. Теперь вертикаль рассыпалась на резкие штрихи, похожие на дождь детских рисунков – связанные между собою только тем, что чертятся они все тою же рукою. Сейчас я в чистом поле среди этих линий, штрихов и спиралей. Похоже на рассыпанные ноты?

19 ноября

Понедельник.

Год тому назад, в воскресенье, было яркое, снежное, сверкающее морозным инеем утро. Мы были вместе у обедни в Пятницкой церкви за стенами Лавры – Флоренский в то утро говорил о дочери Иаира... И так странно сейчас, когда за черными стеклами окна льет туманный дождь, и грязь такая, что пройти трудно.

23 ноября. Москва

Вечер у Добровых. Сегодня 32 года, как поженились Елизавета Михайловна и Филипп Александрович. Очень их люблю и весь их дом – Дом Добровых.

24 ноября

Суббота. Весь день по Москве. В магазинах, у Тани Епифановой, у Анны Васильевны Романовой, у Вышневецких. Во дворе домика, где живут Таня Епифанова и Майя Кудашева, встретила Андрея Белого. Он очень европеец, изящный, тонкий. Поразила яркая голубизна его светлых глаз. Он почему-то низко поклонился мне, сняв шляпу. Я было испугалась, но не успела — ответила ему на поклон и прошла мимо. Может быть, он ошибся, приняв меня за какую-нибудь знакомую? День был такой солнечный, радостно было дышать, быть на свете.

Майя очень позвала к себе — вечером у нее будет Андрей Белый. А вечером я заслушалась фисгармонию — Александр Викторович играл Тангейзера⁴⁷, а потом свою композицию. Я заслушалась и забыла пойти к Майе. И почему-то и не хотелось встретить Андрея Белого именно у Майи.

Трудно было, ой, труднехонько было мне не дать знать, не позвонить в дом у Красных ворот.

Последнее время — после книги Пришвина «За волшебным колобком» — читала книги о путешествиях — Северный полюс, Южный полюс, Африка, Индия, Дальний Восток, Япония, Италия.

Зине. Ты просишь рассказать тебе о санатории, об окружении, о работе, о детях?

Дети — больные костным туберкулезом. Всех возрастов — от малышей трех лет до 15—16. Больше детей пролетарских, но есть и другие. Есть дети и с голодного Поволжья. Есть дети «обреченные», есть и с надеждой на выздоровление, есть и совсем уже выздоравливающие. Все прикованы к постелям. Почти все лежат на спинах в гипсовых формах, сделанных по форме искривленного горбатого тела и ног. Некоторым разрешается ложиться на живот во время еды и занятий (по школьной нормальной программе). Все дети привязаны к своим постелям особыми приспособлениями «фиксаторами», бинтами, гипсовыми корсетами. И изо всех этих систем и фокусов этих корсетов и сетей наши ребята ухитряются выскользывать и стремятся ходить не только на ногах и руках, но и на голове, и вверх головой, что одинаково

катастрофически нельзя. Кормят ребят более чем хорошо — изысканно, обильно, прекрасно приготовленное все поварами и кухарками высокой квалификации. Особое, усиленное питание — очень внимательное и разнообразное — одно из условий лечения. Чистый воздух, солнце, питание, неподвижность больных мест тела, «хорошее настроение» — занятость интересующими детей занятиями, играми, работой, книгами — все это на высоком уровне и помогает лечению.

Главный доктор санатория — замечательный человек, самоотверженный работник, прекрасный целитель, врач, доктор. Дети почти все, за исключением очень уж тяжело больных («обреченных»), жизнерадостны, живы, шаловливы. Дефективных очень мало. И довольно много прогенеративных, одаренных, повышено развитых. В моей группе на 19 человек — только одна недоразвитая для своего возраста девочка. У нее ужасная семья. Отец — наркоман, часто лечится на Канатчиковой даче, кажется, из следователей, явно больной человек, обожающий свою девочку. Он посещает ее, всегда заваливая дочь игрушками, всякими подарками и сладостями, которые здесь не нужны — их и так много для детей. Девочка очень добра. Раздает детям все свои гостинцы и подарки, замечает все беды и огорчения детей, плачет, когда у кого что-нибудь очень болит.

Дети все очень хрупки здоровьем, несмотря на свой цветущий вид — загорелые все, хорошо упитанные, на вид здоровые. Поражающе терпеливо переносят страшные свои «процессы» болезни — гнойники, раскрытые раны, «закрытые очаги». Некоторым делают операции (ряд операций), вскрытия, надрезы, уколы, перевязки, и легкие, и мучительно трудные. У моих детей, в моей группе нет открытых ран.

Все внимание всего медицинского и обслуживающего персонала санатория обращено на спокойствие и неподвижность их лежания — в некоторых случаях особая форма легкой гимнастики для здоровых рук, ног. Некоторые дети лежат годами. И устроены для них школьные занятия по нормальной программе, а с малышами — занятия по их возрасту — дошкольные. Старшим из моих детей — 7–8 лет. Младшим — 5–6 лет. А 3–4-хлетние в отдельной группе Панны Алексеевны Пальминой. Иногда и мне приходится дежурить у них.

Тяжело знать о дальнейшей судьбе большей части детей. Многие из приютов. После выздоровления они растасовываются всюду, где оказываются для них свободные места, некоторые и в инвалидные дома. И после исключительно высокого уровня условий жизни в санатории (питание, занятия, внимание к ним) они попадают кто куда. И не раз я слышала, как 5–7-летний философ и сообразительный человек говорит, что он и не хочет выздоравливать, так зачем же ему лежать прямо или есть котлету, когда он ее не любит.

Какое у меня жалование, заработная плата? Не знаю точно. В этот месяц получу 3½ червонца. Из каждого месяца жалования всякие вычисления — какие-то и золотые, и другие займы, союзы...

Много говорят теперь об охлаждении земной коры, перемещении земной оси, полюсов... Если все это и возможно, что же поделаешь... а может быть, это и рассказы, вроде как старинных ожиданий «конца света», бывало, что и сроки были указаны, и люди «торопились жить», раздавали и развеивали свое имущество, переставали работать и одурачивались. А может быть, не так уж и плохо — раствориться бы сразу всем вместе, вместе с любимой планетой Землей, и все сразу оказалось бы в Вечности? Не нарочно, конечно, а если бы это произошло само по себе, независимо от нашего участия в «мировой катастрофе». Возникают и потом куда-то деваются миры, планеты, звезды всякие, и разве в этом участвует воля «царя вселенной» — человека?

29 ноября

Об утре последнего воскресенья в Москве.

Я зашла к Тане (Тат<ьяне> Дмитр<иевне> Елифановой), моей ростовской знакомой, очень ее люблю. У нее застала похудевшую, но все еще огромную Шуру Дзбановскую, только что вернувшуюся из Крыма в совершенно новом аспекте, чем я знала ее. Сейчас почти молчанием прежние ее, очень разные полюсно противоположные «аспекты». Она оставила свой вульгарный демонстративный тон яростной коммунистки, утишилась, перестала говорить ругательства и какие-то жаргонные слова сквозь стиснутые зубы (о гниющих буржуях, падали, живых тру-

пах). Теперь она просто красивая, крупная женщина, крепко взявшая в крепкие (маленькие и красивые) руки встретившийся ей кусок жизни. Ярко у нее было тяготение быть «*comme il faut*»*, потом, после острого горя и трудных испытаний, разорения, крушения в личной своей семейной жизни (муж-гвардеец уехал за границу, не оглянувшись на нее), после смерти младшей сестры, она отняла у своей подруги мужа, приняла его «в свою личную жизнь как суррогат». Писала о нем Нусе Крашенинниковой: «В. — великолепный любовник, я стала совсем распутной». Потом испытала измену, неверность этого суррогата (он вернулся к своей жене) и некоторое время жила кроткой и скромной жизнью, «вроде монашенки» в Сергиевом Посаде, и не то училась, не то собиралась учиться в Педагогическом Институте там; потом она в Москве училась в Университете и одновременно работала в качестве экономки в большой семье (мне хорошо знакомой и очень дорогой); потом в острой жадности к жизни ополчилась на старый мир, старый режим, на недорезанных буржуев и эксплуататоров (сама она из семьи помещика); потом — «фешенебельная» веселящаяся курсистка в Петрограде. И стала искать «новые формы жизни», а может быть, и устройства — с ненасытной жаждой жизни, работы, деятельности, личного счастья и всего, что есть на свете, кроме бедности, разорения и «грошовых расчетов». Вот тогда-то она и «ударилась в коммунизм». И, к сожалению, я помню ее замечательную фразу, может быть, и в шутку сказанную, но она сумела сказать: «Хоть бы подвернулось встретить какого-нибудь жида или коммуниста порасторопнее. Надоело быть не одетой, не устроенной, в грошовых расчетах и заботах».

Теперь она ударилась в личную жизнь. Дама, изящно одетая. Спокойная. В этот раз у меня было чувство отдохновения от прежних слишком ярких впечатлений от ее громоздкой жизни и фигуры и от всех ее метаморфоз.

Потом пришла Женя Бирукова. Она стала очень хорошенькая. Высокая, стройная, фарфоровая, с большими яркими синими глазами, милой неловкостью движений и несоответствием своего хрупкого фарфорового лица и детских губ со своими дерзкими стихами. Она была очень хороша в васильковом си-

* Порядочной, благовоспитанной (фр.).

нем платье в темно-синей Таниной комнате. Она издает сказку за сказкой (в стихах), учится в Университете, занята в каких-то заседаниях, обещала дать мне три тетради своих стихов.

Очень разные собрались мы в Таниной красивой комнате. Шура — крупная, несколько тонкая дама в черном, низко вырезанном платье, фарфоровая, васильковая, высокая и хрупкая Женя, тихая, жемчужная, кроткая Таня в парчовой душегрейке с опушкой из меха соболя, и я в мягкой шелковой кофточке такого яркого зеленого цвета, что озимая рожь показалась бы тусклой.

Все вместе было красиво, был какой-то верный, удачный тон во всех этих цветах и красках, объединивший — синее, зеленое, васильковое, черное, ковровую парчу и соболя, васильковые тяжелые шелковые портьеры и шторы на окнах, яркие красивые диванные подушки и волосы, цветов от темного золота к более светлому, ореховому — до тихого каштанового.

Досада. Не вышла моя картина. Получился винегрет в моих строчках. А тогда в комнате было хорошо. Еще и молодость всех четырех женщин, хотя мне уже 27 лет.

5 декабря

Вечером дети пели всякие песенки, а я по их просьбе танцевала под их песни, предварительно уверившись, что меня никто из взрослых не увидит. И изображала всех зверей, птиц, бабочек, мотыльков, и ветер, и кораблик по морю гуляет. Восторгу ребят не было границ, но никто из них не шумел громко, тихо сияли, тихо смеялись, тихо пели, бесшумно хлопали в ладошки. Под конец меня застала за последними па и поклонами медведя (вот, к счастью, была эта роль) — Юлия Николаевна. Я моментально включила в «представление» и ее, и она уже вместе со мной топала ножками, хлопала ручками и кивала головой и кружилась вот сюда и вот туда. А «за это» две мои палаты ребят лежали, «как куклы», и «только тихонечко» повизгивали и сияли, как тысячи солнц. Юлия Ник<олаевна> шепнула, радуясь за меня: «Но как же они вас слушаются, это замечательно!» К концу представления я совсем утишила их «совсем тихой сказкой».

От детей, едва успев переодеться, пошли мы все в Дом отдыха (в Старый Дом с колоннами) на общее собрание.

Двухсветный белый ярко освещенный зал с колоннами и портретами композиторов. Четыре доктора, учительницы, канцелярия, рабочие всех сортов и видов, механики, кучера, мед<ицинский> персонал, много других не знаю. Рада была видеть прекрасную голову доктора с седым клоком в темных волосах. Одухотворенное живое лицо. Очень заметен изяществом и сдержанностью. Кажется, он главный доктор Дома отдыха.

8 декабря. Москва

Суббота.

Алекс<андру> Викт<оровичу> 26 лет. Он в отчаянии, что он до сих пор еще ничего не сделал в жизни и еще не стал чем-нибудь. Читает с Шурой 3-й том мемуаров Р<ихарда> Вагнера⁴⁸.

9 декабря

Смоленский рынок. Не застала дома Таню. Майя рассказала свой «роман» с Андреем Белым. Неприятно. Каждый раз – новый герой. Я молча обиделась за Андрея Белого.

У Ефимовых. Отворил Адриан, вышли ко мне навстречу и Ив<ан> Сем<енович>, и Нина Яков<левна>, и Елена Влад<имировна>. Усадили в «главное» кресло (в кухне, на обед). К чаю на стол явилась банка с вишневым вареньем, которым угощают только О<тца> Павла. Адриан начал возиться с негритятами (игрушечные, я привезла их Ефимовым), они ожили в его руках, начали играть в чехарду, танцевать, подслушивать и «вытворяться». К концу чая Ив<ан> Сем<енович> принес мне два снимка с быка (в мастерской, около быка и он сам, и Нина Як<овлевна>, и Ел<ена> Влад<имировна>). Ив<ан> Сем<енович> принес показать и шкатулку с семейными и всякими старинными и новыми фотографиями. Шкатулка оказалась сундуком, который я и поднять бы не смогла. Сундук окованный, из красного дерева, старинный, прабабушки Демидовой Сан Донато⁴⁹. Из сундука подарили мне несколько снимков: козла, львиц, зубра, пуму, агнца и несколько других, и еще карточку –

молодого Ив<ана> Сем<еновича> и Нины Як<овлевны> на фоне барельефа с пумой из времени «когда поженились».

За проекты памятника Островскому (драматургу) получили премии: Андреев, Голубкина⁵⁰ и Ефимов. Им троим назначен переконкурс. Надо отыскать газету со статьей Игоря Грабаря о проекте Ив<ана> Сем<енови>ча.

П<авел> А<лександрович> Фл<оренский> написал предисловие к книге Нины Як<овлевны> о театре Петрушек Ефимовых⁵¹. Вряд ли предисловие это не споткнется на пороге Госиздата. Сама книга Нины Як<овлевны> насыщена чарами их театра кукол, очень талантлива и своеобразна. Иллюстрируют ее Ив<ан> Сем<енович> и Нина Як<овлевна>. Скорее бы вышла она в свет.

По заказу из Ленинграда Ив<ан> Сем<енович> иллюстрировал будущую детскую книжку о Петрушках, текст к ней должна была написать Нина Яковлевна. Ив<ан> Сем<енович> свои картинки нарисовал, издатель забежал к ним за готовой книжкой, а текст еще и не начинался. Издатель «взбесился» и заставил Нину Як<овлевну> написать текст к картинкам за четверть часа до отъезда на поезд в Ленинград. И текст был готов! Издатель стоял над душой с часами в руках и грозно требовал текст. Нине Яковлевне помогал Ив<ан> Сем<енович> – книга родилась благополучно и уехала печататься в Ленинград. В дни, когда рисовались картинки к этой еще не родившейся книжке, издатель этот стоял над душой Ив<ана> Сем<енови>ча и не позволял ему оглядываться на окна. А за окнами, как нарочно, было так солнечно и снежно, что Ив<ан> Сем<енович> чуть не убежал из Москвы к Долгим Прудам и убежал бы, если бы издатель не оказался таким злым и категорическим.

«Так и уходят дни за днями, как нарочно, занятые сверх головы всякими пустяками с рисунками, текстами, книжками, как нарочно, и глина взбесилась – так и лезут из нее, так и просят воплощения всякие звери и всякая небывальщина. И Нина Як<овлевна> что-то расписалась – только успевай записывать – честное слово, поесть некогда. А тут и вы запропали – ни слуху, ни духу, ни почты – разве так можно?»

Часто бывает у них о<тец> Павел, даже ночует иногда – вот здесь, на диване в кухне, «честное слово». Через неделю по средам ходят в Инст<итут> Детск<ого> Чтения на вечера сказите-

ля архангельского — Шергина. И отец Павел ходит, слушает. «Как же вы можете пропускать эти вечера, разве же это можно?» Отец Павел еще об именах — о Николае и Екатерине (Николаю попало и Екатерине тоже попало).

Собрались в Большой театр. Торопились разобрать сокровища, фотографии в красной шкатулке, не успели. Оставили все на столе. Я накрыла эту грудку какой-то тканью. В трамвае по газете выбирали — куда, на что, в какой театр пойти. А если билетов нет уже? Ив<ан> Сем<енович>: «Для меня они всегда оказываются». Решили идти на «Фра Дьяволо»⁵². Нина Як<овлевна> вспомнила, что там есть романтические разбойники, и они крадутся ночью к кому-то за занавеской, а она не знает, ложится спать и молится перед сном, поет нежно и невинно. Разбойники очень заинтересовали Адриана, да и его отца, а мне в тот вечер были звезды вверху и звезды внизу, и мы пошли на «Фра-Дьяволо».

В фойе перед зеркалом во всю стену я пряталась за Ив<ана> Сем<еновича>, он смеялся, но не выдавал меня зеркалу. Худенькая Нина Яков<левна> была одного роста с высоким мальчиком, сыном Адрианом. Незаметно выбирали и указывали друг другу в фойе самых интересных и самых главных, и забавно единогласно, одновременно выбрали все четверо двух женщин — золотоволосую фарфоровую стройную женщину в черном, видели ее только в спину — она пила что-то у буфета, и девочку-подростка в черном бархате. А где же главные, не женщины? Я тихонько сказала Нине Як<овлевне>: «Конечно Ив<ан> Сем<енович>». Она чудесно кивнула головой, мы засмеялись. Адриан исподлобья глянул и промолчал — догадался. А тут и звонок, антракт кончился.

Завтра в Мастерскую Ив<ан> Сем<енович> принесет подаренные мне фотографии, они завернуты в газету вместе с моей книгой. В Мастерской он будет с 11 до 4 часов, да и всегда, когда я буду в Москве, и если вечером мне будет некогда заехать к ним, «запомните, пожалуйста, часы — от 11 до 4 часов дня» — я всегда застаю его в Мастерской.

10 декабря

Утром в тишине кабинета добровского дома я проснулась поздно и в первый момент испугалась, подумав, что я опоздала

на работу к детям, что соседки мои уже на работе и потому такая пустая тишина кругом. Но тут же я увидела над собой огромную раскидистую крону веерной пальмы, а против себя над диваном — «Рай» Константинова и на книжных шкафах химеры Нотрдама.

И замерла в солнечном, глубоком счастье — сегодня увижу Иоанна и могу лежать в этой прекрасной комнате, в ее просторной тишине сколько хочу, и никуда я не опоздала, а вчера был чудесный вечер, как самое невозможное чудо среди белого дня, и наяву был дружеский вечер с людьми — в этот вечер — самыми дорогими и милыми мне.

И я быстро и легко встала, вымылась, оделась, выпила кофе со всякими к нему прибавлениями и долетела до трамвая № 34, и на Рождественку, в Мастерскую ВХУТЕМАСа. Было 12 часов дня. В 2 часа из Мастерской мы пообедали в столовой Госиздата. За обедом (ждали за столиком) я успела записать комментарии к иероглифам записей в записной книжечке Иоанна. После обеда минут 20 посидели мы в условно-пустом вестибюле Госиздата (в затейном богатом купеческом особняке со всякими архитектурными декоративными причудами).

...«Это ничего, что бегут толпами люди в Госиздат и из него на улицу. Этот диван в углу — необитаемый остров, что же, что же, говорите, ради Бога. Я тут совсем сошел с ума, если он и был когда-нибудь».

Только выйдя из круга семьи, общих друзей и знакомых, я — сама своя — и все хорошо, все, что есть, и все, чего нет. Сегодня опять все спуталось и пошло по своим путям, на которых ничего не удумаешь, и не нарешешь, и не устроишь никакими планами. Понадобится месяц-два или — не знаю — чтобы все вошло опять в какую-то свою колею, чтобы было только хорошо и только хорошо, иначе же никак нельзя. Я не знаю, когда приеду в Москву. «Не знаете, когда я буду знать, что вы в Москве? Я сам приеду к вам, — и буду являться, пока не застану вас там, в ваших Долгих Прудах».

— Я люблю вас со всем, что есть в памяти, и без памяти люблю вас. Вы сегодня же, сейчас начнете делать каркас?

— Да, сейчас, сразу же, сейчас.

— Мне пора, мне нельзя опоздать.

Попрошались. (Руки были заколдованы еще в Мастерской.)

— Неужели вы не знаете, как я хотел видеть вас, быть с вами? Я не мог, не хотел начать каркас без вас. Я надоел звонками Коваленским, старшим Добровым. Хотел все бросить и поехать к вам. Но крепко держал себя. Особенно трудно было в солнечные снежные дни. И я уже начинал думать, уже боялся, что что-нибудь случилось, что меня забыли, что теперь «все другое», что кто-нибудь попался вам на глаза, и он... запомнился, что вы его заметили. Да и еще хуже — я — это я-то, черт меня возьми, я боялся, что, может быть, вы удивились бы, если бы я приехал, может быть, вы не хотите, может быть, просто нельзя поехать к вам.

— Странно сейчас. Сферическое, как круглая капля воды в Мастерской, где верх, где низ? Мир сейчас преломленный или собранный в одной точке: вы, сейчас вы. Не вы — свет в окне и в стену лбом, а через вас, сквозь вас — весь мир мой. И больше. Не знаю, что и сказать и как.

— А потом? Сейчас так? А потом?

— О, Господи, да почему же мы знаем и зачем же это, да мое ли, ваше ли дело придумывать? Без вас я могу жить. Наверное, я уже знаю это. Уж и так слишком много от вас, вами, о вас, через вас, и вы сами — ни за что ни про что. Меня, может быть, еще и не было до прошлого года, а сейчас я самая богатая во всем мире. Ни за что ни про что... И разве так уж было бы трудно, если бы в мое «поле зрения» и попали бы другие? Или кто-нибудь?

Заискрился. Стиснул зубы. И оттаял, мгновенно стал кротким от шутки: «Полный купол неба наполнен вашим именем. И кругом — за горизонтом — в волнах другого ничего не видно».

Сегодня день рождения Алекс<андра> Викт<оровича>. Принесла ему толстую тетрадь для стихов. «И полную охапку — целый сноп самых красивых душистых цветов. Это ничего, что на цветы не оказалось денег. Они все равно как будто есть, цветы здесь, в этой вазе, на фисгармонии».

Рассказала Шуре и Ал<ександру> Викт<оровичу>, что в Мастерской ВХУТЕМАСа видела много учеников его — художников с

глиняными статуями. А посреди — двух натурщиц, одну почти коричневую, другую почти прозрачную, белую, как перламутр.

Приехала Софья Ал<ександровна> Зегебардт, сестра Фил<иппа> Ал<ександровича>. Не состарится и в 100 лет, как и ее брат. В самый последний момент сборов, перед отъездом в Долгие Пруды Елизавета Михайловна дала мне выпить вина и чашку крепкого горячего чая, потому что я очень озябла после хождения по магазинам (после Госиздата). Покупала всякие учебные запасы для санатория. Шура успела еще положить в мой багаж розовую, еще горячую душистую ласковую булочку — хлебец. Елиз<авета> Мих<айловна> уложила ее так, чтобы она не помялась.

Шура выбежала проводить в холодный вестибюль и быстро сказала чудесные, горячие слова, каждое слово — радость за меня, обо мне. 30-го января по старому стилю годовщина их свадьбы.

— Не забудьте, хоть потом приезжайте!

В Долгих Прудах — с корабля на бал — прямо на собрание «высшего персонала санатория». В «текущих делах» оказалось столько нелепых глупостей, что стало остро стыдно за людей. Не хочу и говорить об этом. А живем один раз на свете. Охота же топтать жизнь грязными сапогами... Как-то физически плохо пахнет от этой моральной клоаки. Не хочу, не желаю даже становиться на чью-нибудь сторону в этих потоках из канав. Остро жаль и тех, и этих, всех сразу — удержалась от крика (буквально): «Да замолчите же и вы, и вы, нельзя же терять облик человеческий!»

10 декабря

Ни о чем не хочу думать, ни о чем не хочу знать — люблю со всем, что есть в памяти, и без памяти. Если бы сейчас хоть на 10 минут вернуться бы в Москву, или она очутилась у меня — мы были бы так рады, что ничего не успели бы и сказать другу другу. Да и не надо слов, ну их.

...Если Радуга, если Земля, Небо, Ветер, Солнце, Тень от Облака, Снег — Ты, как же бояться мне? И как все это может быть без Тебя?

16 декабря

Из Москвы теперь есть ранний утренний поезд. Ко вторнику мне достали билет в Большой театр на «Снегурочку»⁵³ и завтра я получу декабрьское жалование.

Я хотела бы собрать в горсть все, что полагается мне на всю жизнь, и подбросить вверх, в солнечный день, чтобы все это заблестело, как снег на солнце.

Снежный, мягкий лунный вечер в парке. Опять катались с горы на салазках. Как легко с милой Юлией Николаевной.

18 декабря

Москва. Ефимовы. Привела в порядок красную шкатулку с фотографиями. Нина Як<овлевна> удивилась, как все теперь легко найти – нашлись все «давно пропавшие фотографии», а они были тут же, но каждая из них была иголкой в стоге сена. А теперь все карточки разобраны и в конвертах разных форматов и цветов, с надписями. Надписи я сделала под диктовку Ив<ана> Сем<еновича> и Нины Як<овлевы>, – есть очень забавные. Они оба удивлялись, как я быстро и почти безошибочно разобрала весь этот хаос.

Из Тургеневской читальни извлекла Адриана, и с ним я пошла в Большой театр на «Снегурочку». Ив<ан> Сем<енович> и Нина Яковлевна тоже были там, но в другом месте. Мы разминулись.

В адресном столе отыскал мой (добровский) адрес в Москве инженер А.И. Дмитриев, друг брата Всеволода. Через меня он ищет Всеву. Очень хорошо говорил у Добровых о Всеволоде, о его одаренности, чистоте и доброкачественности. Может быть, будет возможность взять Всеву за границу – в Америку, в командировку. Письмо Дмитриева ко мне. Весь дом Добровых был рад за Всеву, за меня. Такие они люди. И ему обо мне наговорили с три добрых слова. И сам Дмитриев понравился всем в доме.

19 декабря. Москва

Несколько минут в Мастерской быка. Я и Таня Елиф<анова> в Большом театре на «Коньке-горбунке»⁵⁴. И опять мы

разминулись с Ефимовыми. Таня скоро увезет за границу, в Германию, лечить Леву В<ышневецкого>. Диагноз его болезни «Apatische Verbludung» – Таня не верит и везет его в Германию.

20 декабря

Была у Тани Розановой в Рихтеровской больнице на ст<анции> Ховрино⁵⁵. Она очень больна. Обрадовалась фруктам, мылу. Отвергла сладости. У Тани – спондилит, ревматизм, аппендицит, опущение матки. И надо всем – нервное расстройство, а может быть, и душевная болезнь. Завещание. Просит вызвать к ней Мих<аила> Влад<имировича>. «Он по доброте, может быть, и приедет. А то надо мною тут смеются, что меня не навестил ни один мужчина, а все женщины».

От 4^{1/2} до 6^{1/2} в Мастерской. Только что кончились экзамены учеников Иоанна. Художники, эксперты, какое-то «начальство», прощаясь с ним на лестнице, говорили комплименты, пышные слова. Иоанн был заряжен сильным током успеха – подетски был откровенно рад, как Ваня-именинник. Огорченный голос спросил его: «Вы остаетесь?»

«Да, ко мне пришла моя ученица».

В Мастерской после ответственного разговора о Тане (и о<тце> П<авле>) – сразу обо всем на свете: об учениках, экзаменах, удаче в работе с ними, о его ярости на неудачи в Большом театре.

– Как нелепо – разминулись! А утром, почему не подождала в Мастерской? Не подождала ни минуты! Он так спешил!

Вчера написал мне письмо вдогонку, хорошо, что порвал его. А утром я ушла буквально за пять минут до его прихода.

– Неужели нельзя было не убежать за 20 минут до назначенного времени!

– Вчера вздумал было сторожить вас у добровской двери после театра, и всякие глупости...

– От земли до неба, и все, что между небом и землей, все это вы и о вас...

Как мальчишка! Сума я, что ли, схожу! Ничего похожего со мной не бывало. Я сам не поверил бы, что такое со мной может быть.

— Вероятно, вам так всегда каждый раз кажется в таких случаях, во всех других случаях.

До вокзала домчал меня на извозчике в последнюю минуту. Не опоздала. И успел еще купить мне хлеба и масла. Чуть не забыл там денег заплатить — требовал отпустить скорее. Сунул деньги продавщице:

— Сдачу в кассе возьмите себе и не спорьте вы, Бога ради!
Женщины раскрыли рот и пропустили меня без очереди.

21 декабря. Долгие Пруды

История в палате девочек — с боязнью за 5 минут до «сонного звонка» попросить няню «по-маленькому». Настя попросила меня помочь ей в этой беде. Я мгновенно уладила «беду».

— Вы все равно что мама родная.
И голос Нюши почему-то басом.
— Да, как мать родная.

22 декабря

Ванна. Какое это благо, как жаль, что в Сергиеве у моих дорогих нет ее.

Вьюга улеглась в снега и сугробы, отдыхает. За окном сияющая тишина. Как хорошо отдохнуть после рабочего дня. Готовимся к елке.

23 декабря

После дневного отдыха дети были так возбуждены и раздражены, что около получаса было сумасшедшее напряжение: 1) не рассердиться на няню; 2) укротить Борю Ш. (он был вне себя); 3) быстро раздать двум палатам все, что нужно для «елочных работ» (и чтобы занять еще не расплескавшихся ребят и особенно включившихся в нервное состояние). Во время отдыха было что-то совсем неладное, и дети разнервничались. Но спрашивать и выяснять в этот момент было бы очень большой ошибкой. Умирение удалось полное,

я не сорвалась ни на минуту. Но потом едва дошла до постели и заснула мертвым сном сразу, не успев вынуть шпильки из косы.

24 декабря

Точно размеренная неизменная смена часов работы и отдыха не выпускают из своего ритма и отодвигают чувство праздника. Только когда вечером выбирала елки для двух своих палат и от рук не унимается смолистый запах хвои, пришел и праздник.

28 декабря. Москва

Утром рано из Долгих Прудов в Москву. Красное, без лучей большое замерзшее солнце в туманных облаках и месяц, ясно видимый одновременно с солнцем. Так никогда не видела. Мороз.

Быстрый обед у Добровых. В 10-й советской трудовой школе первой ступени — на представлении кукольного театра Ефимовых.

Домой к Ефимовым после спектакля собрались в одно время, хотя ехали все порознь. Нина Як<овлевна> на извозчике с куклами и «дядей Горушей», Елена Влад<имировна> и незнакомая Эсфирь на трамвае, я с Ив<аном> Сем<еновичем> и с незнакомым художником на другом трамвае. Очень скоро приехал и о<тец> Павел.

Чужие ушли сразу, меня оставили чай, вино, что-то горячее поесть. О<тец> Павел прочел нам об имени «Димитрий». Хрустальные бокалы, глиняная архаическая чашка, старый фарфор.

О елке и спектакле Петрушек в Реввоентрибунале. Вот куда забрались Баба Яга и Дед Мороз. Тосты. Портвейн с апельсинами. Проводили о<тца> Павла до самого дома. Снег, звонкий мороз. Меня оставили ночевать (было уже поздно возвращаться к Добровым). Иоанн показал мне свои рисунки. (Не все, некоторые отложил в сторону, и Нина Як<овлевна> отодвинула 3–4 листа.)

29 декабря

Утром рано хотела уйти, не разбудив дома Ефимовых. Но Иоанн быстро встал, приготовил чай.

— Ах, хоть в форточку вылезти бы на солнце и на мороз! (с 5-го этажа).

Был как белый медведь в клетке, как птица (очень большая) в неволе или как ребенок, которого не пустили погулять.

Я ушла к Добровым, Иоанн со мною, ему надо было пораньше прийти в Мастерскую. Мы шли пешком самой дальней дорогой, посидели на снежной скамейке и на каком-то церковном снежном дворе — все время в сказочно сверкающем свете морозных искр в воздухе. Видных, когда идешь лицом к солнцу. Он слушал о своих рисунках.

— Говорите. Говорите. А я боялся показать их вам. Я сам заново их вижу.

И согласился со мной, что это не «Узлы любви», а «Игры богов». Не успею сейчас ничего записать — потом.

У Добровых.

— Придется нам подраться с Ефимовым — он совсем отнял у нас Олечку.

В Долгих Прудах ждали меня письма — Иоанна, Вавочки.

На елочке в моей комнате в огнях свечей созвала гостей: мама, Иоанн, Нина, Адриан, Павел, Валя, Вавочка, Шура, Алекс<андр> Викт<орович>, Мария Федоровна, Коля, Боря, Володя, Всева, папа, Наташа, Вера, Зина.

Сочельник с Вавочкой встретим у Добровых.

30 декабря

...Когда я пришла в Мастерскую, мы поцеловались с Ниной Яковлевной (она поцеловала меня, я ответила). И тем же движением я потянулась к очень близко стоявшему Иоанну. В ту же секунду я остановила это движение. Засмеялись все трое, в то время как Иоанн спас положение, поцеловав меня в лоб.

Во всяком другом случае это было бы только смешно и забавно, что-нибудь на тему «жест-обличитель». Я сделала это

совершенно невольно, без всякого осознания. Ведь нет же привычки целоваться при встрече и прощании. Обычно он целует мне руку.

А-ах, раскачалась, как на трапеции. Звезды вверху, звезды внизу — легко сорваться...

...Трудно было Иоанну показать мне свои рисунки. Только теперь увидев их, я поняла степень трудности. В этот вечер Иоанн и Нина были как бы одно целое, и оба они не были уверены — можно ли показать мне эти его рисунки.

Потом лицо его стало сурово, строго, обострилось светлой четкостью, движения его стали точными, плавными, ритмическими (как в работе в Мастерской быка). Он вымыл руки, принял со стола книги, достал из низкого комода (вроде высокого сундука или стола), достал пласт рисунков. В молчании внятном, как откровение в музыке, вынимал из ящичков пласт за пластом и показывал рисунки, изредка откладывая в сторону некоторые из них. Нина, мельком взглянув на них...

— Да, эти и я не люблю, эти не надо.

Художник Иоанн знал и силу поднявших и растущих крыльев, и все большую глубину ранености, острой, чрезмерной трудности, видения, ведения и человеческой женской боли моей.

Рисунки Иоанна — горн. Переплавливающее пламя, а может быть, и кристальный холод. Раскаленное докрасна железо или побелевшее от мороза, невыносимое для прикосновения к живому телу. Откровение. Подлинность. Искусство высокое — ничего лишнего, все настоящее, совершенное. Не придуманное, а как явленное, как мир возник, как вода от земли отделилась. Линия одним дыханием (движением, без перерыва) возникшая и создавшая целую композицию (иногда сложную) рисунка. Некоторые рисунки явились в две-три минуты, как будто они уже были на бумаге, а художник только выявил, обвел их линией. А в некоторых рисунках не линии, а какие-то не то тени или светлы — неуловимо, чем и легко, и ярко так, и точно явлены изображения.

Странно. Художник втрое выше, чем это можно увидеть сразу, и в то же время врос в землю, может быть, до самого ее центра. Смотришь. Видишь. Знаешь. Приобщение к тайне творчества,

искусства — большего, чем можешь осознать. Но прикосновение его — человеческое — вынесла бы так, как прикосновение раскаленным железом к глазам, как какое-то время еще живут люди с ободранной кожей.

Когда кончились пласты рисунков, я замкнуто сказала: «Спасибо. Спокойной ночи». Он ушел принять давно приготовленную ему ванну. А я успела совсем овладеть своим отчаянием и состоянием неопита, введенного за священно неподвижную занавеску. И без усилия, не удивившись его приходу ко мне в комнату (а по времени я могла бы уже и раздеться на ночь — было уже очень поздно), я легко и просто встретила его и, подавая ему руку, отпустила его двумя словами: «Спокойной ночи». Он поклонился (как с разбега). Ушел.

Быстро постелив приготовленное чистое белье, вынула шпильки из косы и, тихо положив их на столик, прилегла подождать возвращения Ел<ены> Вл<адимировны> (кажется, с какого-то концерта). Позвонила Елена Вл<адимировна>. Я впустила ее, шепотом сказала: «Тише, они уже спят» и легла, погасив настольную лампу. Через окно вошел тихий зимний сумрак. Дом чудес заснул.

...Поразительно предельная земная реальность изображений его рисунков, но реальность (не натурализм) преобразенная, ставшая легкой, кристальной, как бы уже не материей, не совсем здешней, потому что предел реального перейден. Дальше некуда. Завершенное совершенство мастерства? Плавная, проникшая друг друга духовность тела, телесная духовность. Стихия. Кристалл, горн. Как это трудно все определить, назвать.

Тихонько и незаметно положила на груду рисунков ветку вереска. Ветка эта оказалась в моей книге «Potestas clavium»⁵⁶. Ветку когда-то подарила мне Валя, и я очень дорожила этим вереском. Вереск этот он видел раньше в книге.

Дети, увидев зажженную голубую елочную свечу и потом японский «холодный огонь» снежно-звездных искр елочного комнатного фейерверка, ввели меня в первое утро мира — всей двадцатиголовой ватагой.

31 декабря

Рисунки Иоанна – прикосновение огненного Ангела.

Спешу сейчас. Утро. Время работы. «Пророк» Пушкина вспомнился. Глаза, уши, сердце, язык переплавились, заново открылись, но не для пророчества, как там, а для любви к миру. Глубже, выше, чище, яснее.

На гребне Волны я сейчас, волны из глубины глубин, выше неба. Не на гребне, а как капля в этой Волне.

...Неловкую, в валенках, в смешной ушастой шапке, обыкновенную девушку – от Красных Ворот до Рождественки пронес, будто на руках, выше солнца и планет, как искру солнца и мороза, виденную только тогда, когда в морозный звонкий день идешь к солнцу, а не от него.

...Как белый медведь в клетке, как птица за решеткой, тянулся к форточке, на солнце, на мороз, на иней, в золотое, розовое, голубое и зеленое раннее утро.

Страшно стало, что имею дерзость прикасаться косноязычными словами к таинству явленного мне творчества. Но сказано было: «Через вас я заново вижу и слышу. И себя. И жизнь. И свои рисунки. И многое, о чем никогда раньше не думал и не помнил». Так он сказал. Это было первое утро мира, когда увидели Москву, озаренную солнцем и снегом, – с горы бульвара, Москву – тоже на горе и с горы.

Иней, солнце, замедлившее на верхушках деревьев. Утро. (Рождественский бульвар, шли от Красных ворот.)

Последний день 1923 года

Милый, чудесный, волшебный мой старый год. Люблю тебя и дары твои: Зиму, Весну, Лето, Осень, Радугу, Снег, Иней, Лес, Зелень, Землю, Облака, как плоскодонные корабли, и тени от облаков, бегущие по лугу и по скату холма.

31 декабря – 1 января. Санаторий «Долгие Пруды»

На моей елке горело 20 свечей о двадцати самых моих любимых и дорогих людях. В огнях свечей на елке все они совмести-

Часть II. ДНЕВНИКИ ОЛЬГИ БЕССАРАБОВОЙ

мы. Брат Всеволод у меня. Все, что говорил Всева о себе, о Воронеже и обо всем остальном, на грани бреда.

Удачно и весело прошла детская елка. Всева был на елке и был праздничным явлением на елке. Старшие дети не могли наслушаться его рассказов (после обычных песенок, стихов, разыгранной пьески). И сам Всева был с детьми простой, веселый, остроумный и занимательный.

О рисунках Иоанна. Так играли боги на Олимпе? Рисунки эти можно было бы назвать «Игры богов», потому что для людей и для зверей — это чересчур много. Или чересчур мало. Одного только рисунка я не могу принять. Я не пожелала бы указать на него. Он как-то не нужен в веренице других. Все остальные — живут, появились на свет и имеют право быть, потому что прекрасны. Странно жить на свете.

1924

3 января

Утром уехал Всева, милый и бедный мой брат. Как он недоверчив ко всем взрослым людям. А с детьми был очень милый, живой и добрый. Старшие дети в восторге от его рассказов о подводной лодке. Лежали все, как карандаши.

Тронула меня его бережность к Боре. Неблагополучно там, в его семье.

Лучше всего — устроиться мне на работу в Москве, чтобы Всева жил со мной. Он с самого детства был как-то одинок, один на свете. Тяжело на сердце от всего, что говорил Всева. Я не могу понять...

Вечером я и еще две учительницы нарядились и прошли по палатам — дети были в восторге.

7 января. Долгие Пруды

Расскажу по порядку с 5 января.

В 4 часа дня 5-го января приехала в Москву не по железной дороге, а в теплой легковой машине. 17 верст пролетели в 20—25 минут (проводила домой одну из больных девочек — в машине отца этой девочки).

С тремя туго связанными елками, с покупками для санатория (бумага, карандаши и прочее), со своим свертком — не могла попасть на трамвай и с горя взяла извозчика. Попалась хорошая лошадь. Очень быстро — сквозь мороз, движение трамваев, пред-

праздничную суету улиц, огни — к огромному дому у Красных ворот. Во дворе этого дома — железные какие-то мостки и крапы, блоки, цепи, большие бочки, доски и всякое что-то. Пахнет вином, пивом, коричневыми яблоками (склад вина Сараджиева)¹.

Отворил дверь Иоанн, оживленный, праздничный, парадно одетый.

— О, хорошо! У нас Бакушинский!

— Это не страшно?

— Нет, это очень хорошо, и хорошо, что пришли и вы.

Я озябла. Адриан и Елена Влад<имировна> закутали меня в тулуп и всячески отогрели.

На второй зов Иоанна сказала: «Нет, надо отогреться». В про свете полуоткрытой двери мелькнул бесцветный белый череп гостя, с испугавшей пристальностью внимания коснувшегося меня взглядом. Адриан распутывал одну из елок. Запах елки и снега на весь дом. Нина Яковлевна вернулась из церкви. Елена Влад<имировна> и Адриан рассказывали о вчерашнем кукольном спектакле в частном доме. Елена Влад<имировна> нарядила меня в греческую белую тунику из тонкой шерсти. Что-то чуточку изменила в моей прическе — тяжелую косу спустила пониже, к шее, получилось красиво с этой одеждой.

Чудесное вино, сразу согревшее всех. Стали показывать старинные вещи — гобелены, ткани, кружева, вышивки, камеи, табакерки, браслеты, заколки, медальоны, мозаики, брегет с музыкой, талисманы, ожерелья, веера, венецианское стекло, сабо из Голландии и другие вещи. Разговор вел Бакушинский тихим ровным голосом. Каждая фраза — отточенная художественная ворожба, о чем бы ни шла речь — о вещах, рисунках, о зверях Иоанна, о картинах, о тамбовских и елецких бабах Нины Яковлевны, о Флоренском, о рисунках Чекрыгина, о самом Чекрыгине².

Бакушинский приковал к себе общее внимание, приворожил, приколдовал. Удивительный человек.

Ой. Кончается свет, и изнемогаю от усталости после трех елок на Сочельнике и сегодняшней елки в Долгих Прудах. И от всего, что было и чего не было.

25/7 января

В доме Добровых утром рано проснулась сама и успела к утреннему поезду.

От станции в санаторий шла в глубоком рыхлом снегу — выше колен. Хорошо, что была в валенках. Со всех сторон мне дружно рассказали о веселом костюмированном вечере у доктора Поленского. Он был красивым бедуином, жена его — боярыней.

Радостная встреча с детьми. Вечером после работы сотрудники санатория нарядились кто во что горазд и явились в группу старших детей. Дети разыграли нам свою пьеску, говорили стихи, пели. Наши костюмы были для детей сюрпризом и имели большой успех. Все дети, конечно, лежали в своих гипсовых и марлевых бинтах, подвесках и весах, что не мешало им веселиться, и играть, и смеяться. Одна девочка спела вторую песенку Леля из «Снегурочки», потом пели дуэт «Уж вечер, облаков померкнули края»³ — голоса чудесны.

Устала я очень, но устала по-хорошему. И до часу ночи проговорили мы с Юлией Николаевной Визенберг, учительницей старшей группы. Она рассказывала, я слушала. Милая эта семья — и она, и ее муж, и две прелестные девочки.

8 января

Продолжаю о Сочельнике. О кукольном спектакле 5-го января в важном частном новосановном доме. Их приняли, как странствующих петрушечников. Пианист, уступая Елене Влад<имировне> место за роялем, небрежно и участливо спросил, играет ли она по нотам или без нот. Елена Влад<имировна> Дервиз кончила консерваторию, была хозяйкой Домотканова, хорошая пианистка. Адриана повели мыть руки в кухню к раковине и приободрили: «Мойте руки, не стесняйтесь» и дали ему полотенце — вот такое (показал на пыльную тряпку).

— А вы что?

— Я вытер руки своим платком.

С ними были покровительственно и бестактно любезны. А потом, когда среди приезжающих гостей оказалась одна

дама, более важная, чем хозяйка дома, очень хорошая знакомая Ефимовых (радушно встретилась с ними), хозяйка буквально разинули рты и уже совсем смешно спохватились и не знали, куда деть свою благосклонность и покровительство.

О Чекрыгине. После смерти этого замечательного художника Бакушинский устроил выставку его рисунков⁴. О ранней смерти его, как о неизбежности в условиях жизни Чекрыгина. Новгородское сказание о Рае⁵.

О запредельности творчества Чекрыгина. О «темном цикле». Вспомнили Врубеля. Еще до моего прихода в столовую Иоанн показал Бакушинскому свои рисунки и баб Нины Як<овлевны>. И своих зверей — из дерева, бронзы, фарфора. А за столом с яствами, вином — смотрели старинные вещи — бабушек, прадедов и разные.

Нина Як<овлевна> рассказала, как на Ивана Купалу (в тамбовском «Отрадном»⁶ Иоанн однажды, обернувшись из парка на старый дом, пригласил на свои именины предков и бабушек, и как предки явились на именины, и были в доме и в парке до конца дня. Нина Яковлевна, Елена Влад<имировна> и домашние нарядились в платья, кафтаны, роброны и всякие одежды из «гардеробной».

О магии вещей. О барской дворянской культуре — нужна ли она стране и почему. Тонкое внимание Бакушинского.

...Когда после трагической смерти Чекрыгина, Флоренский и Нина Як<овлевна> пошли к его вдове и за чайным столом говорили о Чекрыгине, о его работах, о его торопливости в работе в последние дни (чтобы успеть закончить), о смерти его, Пав<ел> Алекс<андрович> вдруг быстро встал, заторопился и ушел. И когда сходили они с высокой темной лестницы (крутая, узкая, бесконечная какая-то, да мы еще и спустились куда-то ниже, чем нужно, к какому-то подвалу без выхода — котельной), о<тец> Павел сказал: «Вы думаете, нас было четверо за столом? Был еще один; я думаю, что это Чекрыгин. Я ясно видел». За столом было одно свободное место — место умершего хозяина — и во время разговора о нем было острое ощущение его, как бы еще не ушедшего из жизни, из этого жилища его семьи. Мне стало страшно там, на лестнице, и как будто так и было, как показалось о<тцу> Павлу, я прислонилась к стене.

Бакушинский узнал Чекрыгина и его замечательные рисунки за четыре дня до смерти художника. Я тихо сказала Бакушинскому: «Надо, чтобы рисунки Чекрыгина не пропали⁷, их надо сберечь». — «О, да».

(Дневной отдых.)

Устала. Отдохнуть надо для вечерней работы с детьми. Открыла настежь огромное окно. Как чудесен морозный воздух в жаркой комнате. За окном глубокие снега, пурга.

После ухода Бакушинского и я стала прощаться. Надо было идти на вечер Сочельника к Добровым.

Елена Вл<адимировна> готовила ужин, Нина Як<овлевна> убирала старинные драгоценности, вещи. Адриан принес свечи, пряники, яблоки и украшал мою елочку — елочка пушистая, прелестная. Выбрали пять свечей, чтобы я зажгла их у Добровых на елке. Адриан выбрал желтую, Нина Як<овлевна> — розовую, Иоанн — красную, Елена Вл<адимировна> — белую, а я — синюю.

Иоанн пошел проводить меня до трамвая. Он попросил непременно прочесть ему запись о его рисунках. Одетая уже в шубу, в комнате Елены Влад<имировны> у рояля с большой синей фарфоровой лампой с огромным абажуром быстро прочла ему несколько отрывков записи о его рисунках.

На лестнице сказала:

— Я соберу все свои листки о вас, отберу самое главное о вас и отброшу лирику — это ведь *временное* и проходит, и когда-нибудь пройдет. Я хотела бы, чтобы в записях осталась хотя бы ваша тень, если не силуэт, и хотя бы самые приблизительные контуры.

И в молчании вышли на волю. Каждое дыхание этого молчания, — как жемчужное ожерелье.

О записях. О Бакушинском. О творчестве жизни, о «колдовстве».

Когда приеду? В какой день? В какой час? Какое это будет число по старому и по новому стилю? Пожалуйста, привезите листки, какие только можно.

На Пречистенке в Малом Левшинском ждал меня брат Всеволод. Он принят в Моск<овский> Университет на вечерний

Рабоч<ий> факультет – Рабфак. А днем будет зарабатывать как шофер. Это даст ему стол, дом и немного денег. В среду уедет в Воронеж на несколько дней. Во вторник будет в Большом театре. На вечер Сочельника у Добровых не остался, как его ни оставляли. Вся семья Добровых очень дружелюбна и приветлива к нему. И я очень хотела, чтобы он остался. Но у него может быть своя компания? Алекс<андр> Викт<орович> только что вернулся от Андрея Белого. Читал ему свои стихи. Первоначальное приветливое спокойствие сменилось всей эвритмической экспансивностью жестов Андрея Белого. Одет А<ндрей> Белый как комический персонаж, но на нем не смешна и эта одежда: серые брюки, шелковая фуфайка желтого, зеленого и еще какого-то цвета с огромным черным бантом-галстуком, серый сюртук или что-то такое, должное быть сюртуком, и на голове плотно прилегающая к черепу черная бархатная шапочка, из-под которой выбиваются совершенно седые кудряшки. Голова его совершенно лысая и только по краям кудрявые седые волосы. Как оборочка. Бархатную шапочку носит, потому что голова зябнет...

Он говорил об истерическом увлечении немцев Достоевским и всем русским. Немцев он совершенно не может выносить. Душа Германии поражена в самую твердую точку своей опоры – волю, силу, власть⁸. Ненавидят французов, а готовы ползти по мановению французского пальца. Озираются на Пуанкаре⁹ и превозносят русский коммунизм.

Париж – как нигде на континенте – проклятое место разгула цивилизованного нахала. О духовном разложении, умирании, гниении эмигрантов. О проклятости эмиграции (оторванности от почвы). Сам он готов здесь издыхать от молчания и голода, но не вернется за границу. Невыносимо и унизительно видеть за границей всю эту гниль – и тамошнюю, и привозную.

В наружности А<ндрея> Белого поражают грация, ритм, изящество и точность движений, и адекватность их с душевными вибрациями, и глаза. Нечеловеческая острота, пронизательность и нездешность взгляда, неожиданная детская чистота голубизны и многосложные перемены цвета глаз. «И что-то все-таки (тихонько А<лександр> В<икторович> постучал пальцем по лбу) есть... это».

Пришла Вавочка. В церковь проникнуть невозможно, так как много народу. Я ушла в пустую холодную комнату студентов (бывшую комнату Саши Доброва) и не знаю, сколько времени я там была. В темноте, чуть тронутой бледным отсветом снежных окон, помолилась. Никогда еще в жизни не умела так — хорошо было. Пришла за мной Вавочка, обеспокоенная холодом в этой комнате. А из церкви пришла какая-то дама и сказала, что в церкви стало свободнее, люди расходятся по домам, и Шурочка просила сказать мне, чтобы я пришла в церковь. Я и Вавочка пошли. И последние полчаса богослужения пролетели крылатыми мгновениями (очень хорошо).

Бакушинский удивительный человек. Скромный, многострунный, умный. Своеобразной прелести и обаяния некрасивый немолодой уже человек. Чуткая мгновенная восприимчивость и ответственность на всякое дыхание творчества, искусства, на всякую мысль. Большой дар внимания, видения. Пригласил нас всех — собеседников, к себе. Мне повторил приглашение отдельно. К 10 часам пришли Лиля, Саша Добров с женой Ириной, Мария Львовна Година с приятельницей, милой дамой, Ольга Ивановна, какая-то бедная учительница. Гости и вся семья сели за белый длинный нарядный добрый и щедрый вечерний стол. Были борщ, кутья с маковым молоком, медом и узваром, рыба, пирожки с черносливом и многое другое. Наш конец был молодой, под председательством старенькой Вавочки: Лиля, Шура, Алекс<андр> Викт<орович>, я, Даниил, Володя, Саша и Ирина.

После ужина зажгли елку — самый высокий на свете, красивый Саша, изящный Даниил (Вавочка сказала, что голова его похожа на голову Байрона с профилем Гоголя, Лиля сказала, что голова его скорее напоминает врубелевского Демона и немного его отца, Леонида Андреева), кто-то еще сказал, что Даниилу можно играть Гамлета без грима, а в кинофильме его сделали бы композитором Листом или, при удачном гриме — Паганини. Все это вполголоса, чтобы не смущать застенчивого Даниила, который совершенно серьезно думает, что он очень некрасив.

Вавочка из расшитого своего мешка-сумки достала мелко нарезанные бумажки с шутивными гаданиями. В одной пачке были советы, чего не надо делать в этом году, в другой — что надо делать, в третьей — что предстоит. Во время гадания (очень за-

бавного и часто попадающего в цель) убралось все со стола, и подан был чай с чайными яствами. Погасили свечи на елке. В комнате Шурочки опять было шуточное, так же в стихах и изречениях, Вавочкино гадание «более серьезное».

В шуточном мне достались записки: 1) не раскаляйся до 100 градусов; 2) лови момент; 3) придет Бука.

В другом: 1) дух многолюдных сборищ; 2) Ведиадорм, окрывающий для полетов в высь; 3) Хав, идущий наперекор всему.

После ухода всех, когда остались только трое – Алекс<андр> Викт<орович>, Шура и я – зажгли мы свечи на маленькой (мною привезенной из Долгопрудного) елочке, на письменном столе Александра Викторовича. Кроме других своих свечей, я зажгла на этой елке и свечки Ефимовых. Шура и Алекс<андр> Викт<орович> сидели в большом бархатном кресле, как сказочные существа Золотого века, прошлого или будущего. Может быть, и элои¹⁰ Уэльса... Нет, цветочные бездумные мотыльки эти не годятся здесь. Прекрасны были они одухотворенной тонкой красотой, выработанной культурой поколений, породой, освещенной человеческой высокой любовью, нежностью. «Неповторимая плоть» – воистину прекрасная, освещенная мыслью, и любовью, и пластической красотой. На елочке было много свечей и стая разных блестящих и радужных, как колибри, птичек.

Я сидела на диване Алекс<андра> Викт<оровича> с горой разных подушек. И опять заново поразила меня красота этой комнаты с ее коврами, вещами, книгами и всем, что собрано в ней, и эти двое – цветы ли, эльфы и, несомненно, прекрасные люди. Было уже около 3-х часов ночи. А до вечера Сочельника 5-го января в доме Добровых встретились все радостно.

В 2 часа ночи я пошла на Остоженку ночевать к Тане. Тани не оказалось дома. Майя Кудашева приветливо устроила меня ночевать... у себя, в своей теплой комнате французской Шехезады...

В 1916 году (или 17?) я запомнила ее худенькой девушкой в темном скромном платье на одном вечере Религиозно-философского общества – в обществе Вячеслава Иванова (поэта). Тогда мне сказал кто-то, что она автор тоненькой книжки французских стихов.

Утром на другой день (6 января) я зашла к Добровым, а от них поехала к Ефимовым. Тут и начинается ефимовский день и вечер — до более поздней елки Сочельника в доме Добровых.

9 января. Долгие Пруды — Екатеринбург
О. Бессарабова — В. Затеplinской

Валечка, как прошло у вас Рождество? Расскажи, что было в вашем доме, что было за его окнами и что было с вами, в вас и вообще.

Старый Новый год встречу у Добровых — Коваленских или в Посаде у Вавочки. А 14-го будет лекция Андрея Белого о загранице (Германия)¹¹. Буду на ней, расскажу тебе.

Обо всем, что будет тебе не понятно в моих листках — спроси. Расскажу. Так лучше, чем если бы я стала собираться написать тебе «толковое письмо». Это безнадежно.

И вот что. Пришли ты мне, Валечка, все, что есть у тебя не отосланного. Или Вавочке пришли и дай мне право прочесть. Хорошо? Напиши об этом, если и не сделаешь так.

...Если есть что неотосланное, собери поскорее и пошли. И не разбирай, не выбирай.

Хочу встретиться с тобой. Ой, Валечка, очень. Это совсем невозможно?

Письмо твое с пятью глазастыми красными печатями из сургуча Шакир подал мне на работе вечером, при детях. Печати вызвали острое внимание и почтенную любознательность. И возникла сенсационная этнографическая беседа о Ташкенте, о том, как одеваются в Ташкенте и что едят и как дошло до меня письмо. Потом почему-то беседа перешла на то, кто кем будет, когда вырастет большим (и спина будет прямая, если хорошо будет лежать). Несколько ребят захотели быть почтальонами. Один заявил, что он хочет быть отцом. Потом решил быть трамвайным вагоновожатым. А Маша сказала, что она непременно будет колдуньей, и будет делать все, что хочет. И я ей поверила, потому что и теперь она делает все, что хочет. Она атаман моей ватаги. Я ее зову «Кириз Кайсак».

Что же ты мои Долгие Пруды называешь Чистыми Прудами? Целую тебя.

16 января. Долгие Пруды

Иней исчез, а снег рассыпчатый, искристый, сверкающий алмазными россыпями. Не хочется уходить домой.

Какая умная и красивая голова у доктора в Доме отдыха. И голос.

...Недоумения: в такой день, когда так много неба, снега, солнца, — как же нет здесь Иоанна? Я и не жду его, а только шаги слушаю: нет, не его шаги.

17 января

Чудесные перламутровые сумерки.

Я не чувствую себя виноватой перед Ниной. Ни в чем. Но пусть она отпустит мне мою радость небу, земле, снегу, солнцу, всей радуге неба и земли. Во всем этом — Иоанн.

Иду в Дом отдыха на вечер, устроенный для прощания с Сергеем Константиновичем, завхозом. Вино, фрукты, много всего. Вернулись по комнатам в санаторий в 3 часа утра. Заснуть не могла и кончила книгу о Големе¹².

20 января. Москва

Вчера (по старому стилю в день Крещения 6—19/1) отворила дверь Нина.

— Никого чужого нет?

— Нет, все свои, а Адриан в библиотеке.

— Я пришла проститься с вами.

— Вы уезжаете?

— Я не приду больше в ваш дом.

— Почему?

— Потому что я полюбила вашего мужа. С этим трудно справиться, и не надо, чтобы создалось ложное положение. Весь ваш дом, и вы, и все вместе — для меня как бы священное. Все это вместе некуда деть в жизни. И не надо ничего. Так лучше.

Нина категорически оставила меня у себя. Я разделась в неосвещенной комнате Адриана, и ни я, ни Нина ничего не сказали на вопросы Ел<ены> Вл<адимировны> и Ив<ана> Сем<е-

новича>, почему говорим тихо, почему не раздеваюсь, почему не вхожу к ним. «Ив<ан> Сем<енович>, покажи свои рисунки к басням Эзопа»¹³. Смотрели все вместе. Потом они рассказали мне свои новости, я – свои, а когда я уходила, меня пошли проводить Нина, Ив<ан> Сем<енович> и Ел<ена> Вл<адимировна>.

И опять был снежный склон Рождественского бульвара, Ел<ена> Вл<адимировна> со мною поехала к Вавочке, а Нина и Ив<ан> Сем<енович> – к издательнице (чего-то).

По бульварам мы шли рука в руки – Ив<ан> Сем<енович>, Нина и я. Они были рука с рукой, значит, все хорошо и я не напортила. Этот жест и еще что-то в Нине по отношению к мужу дали мне точку опоры, покоя, взлета. Но эта крошечная точка, явная в Нине, вся же она в этот вечер неведома мне. Она сумела ничего не сказать мне всеми словами, улыбками, взглядами, голосом. При Ив<ане> Сем<еновиче> еще у них в доме я сказала:

– Нина Як<овлевна>, вы скажите Ив<ану> Сем<еновичу>, что я вам сказала. Хорошо?

– Хорошо.

– Я на воле? Совсем, совсем свободна?

21 января

Было уже после полуночи, когда к Добровым мне позвонил по телефону брат Борис, и я быстро на санях приехала к нему и его жене Наташе на Рождественку, в гостиницу «Маяк». Хорошо встретились, я рада была Боре. Утром рано я уехала в Долгие Пруды.

На склоне Рождественского бульвара Нина рассказала, как прославились за границей красные розы, положенные на цоколь ефимовского быка на С<ельско->Х<озьяйственной> выставке. Сноп красных роз случайно видел какой-то иностранный корреспондент и написал о них в Париж. Розы были мои.

Весть о смерти Ленина (21/1)

Долгие Пруды – как зачарованный остров – вне жизни и вне событий. Здесь, как всегда, точный, минута в минуту, ре-

жим, распорядок, процедуры, занятия, часы отдыха, перевязок, точно определенной работы.

24 января

Все, что пело, звучало, сияло, переливалось сверкающей радугой в моей жизни — потускнело, стало беззвучным, приостановилось и затихло.

Ритм жизни, текучесть, радость. Неужели все это — что было же и до Иоанна — все это собралось, как в фокусе кристалла лучи света, в имени его, и когда волей или неволей уклоняешься от этого фокуса — портится зрение? Вот когда пытаюсь тронуть эту завесу, опустившуюся на мою жизнь, какое-то оцепенение, враждебное или мудрое, накрывает голову мою черным платком. Закрывает глаза рукой, как сон. Пусть так и будет: было, прошло, теперь нет. Живое во мне теперь — братья, дети, Валя, Добровы, Коваленские, Зина, Вавочка.

Нехорошая пустота во мне. Надо наполнить ее работой, книгой, сном — сплю плохо. Читаю, как пьяница пьет, как курильщик курит — нехорошо. Хорошо, что попался Нансен¹⁴. Книга озонная, легко дышать. С детьми хорошо. И им хорошо со мной. Доверчивы, хорошо заняты.

27 января. (Похороны Ленина.)

Мороз. Костры. Неисчислимые толпы, вереницы. Тишина. Гудки.

29 января. Москва

Вся Москва и страна полна Лениным. Отослала червонец Володе. Отдала червонец Вавочке и вернула червонец Агаше. Шура и Ал<ександр> Викт<орович> — о театре, о «чертовщине» в нем.

Острое чувство события огромного значения — смерть Ленина. Его жизнь так тесно слита с жизнью страны. Записываю в отдельной тетради все отзвуки о нем от живых людей, видевших его, работавших с ним, слышавших его. Какая это целеустремленная, большая жизнь. Человек.

Ленин не только для нашей страны. На *весь мир*. И не только, когда он жил на свете, а *навсегда*, и на будущее, может быть, еще больше, чем при его жизни.

1 февраля. Москва – Воронеж
О. Бессарабова – З. Денисьевской

Александр Викторович Коваленский.

Что он любит? Шуру. Ему нужен комфорт, большие средства, чтобы внешняя жизнь, вернее, заботы о ней, не мешала бы его стихам, снам, музыке и его занятиям, тем, что ему нравится делать.

Он поэт, философ, математик, может быть, и изобретатель.

Чему он радуется? Шуре. И всему, что он считает прекрасным в духовной жизни человека (и в материальной). Что заставляет его страдать? Отвлеченно, но так сильно и резко, как бы физически, — «все остальное». А фактически — очень серьезная болезнь. Спондилит — тbc позвоночного столба, то, чем больны дети моего санатория в Долгих Прудах. Эта болезнь совершенно устраняет для него всякую возможность физической работы. Хорошо, что в физической работе нет категорической и неизбежной необходимости. Но зарабатывать необходимо, так как жизнь устранила от него «средства», имение и большие леса в Звенигородском уезде¹⁵. Есть возможность устроить ему переводы (он прекрасно владеет французским, немецким и польским языками). И у него несомненный литературный дар. Он большой поэт и работать он умеет. Он весь, кажется, со дня рождения и до смерти полон неиссякаемым творческим потоком, в каких бы условиях (или без всяких «условий») он ни жил. И в этом его спасение и его стержень. Я сказала, что ему «нужен комфорт», но что-то есть в этом изнеженном и даже балованном барчуке, барине, что поднимает и ставит его *вне* житейских ситуаций, где бы он ни был — на перекрестке дорог, в изоляции или во всяческом благоустройении. Теперь и он, и его жена живут всецело на средства родителей его жены. А средств-то уже и нет, кроме издавна очень благоустроенного жилища, устойчивого быта усадебного и гостеприимного московского дома, открытого для друзей и всех, кто, так или иначе, попадает под кров благосло-

венного добротой и гостеприимством этого благословенного — еще живого оазиса — добровского дома. Дом этот — еще живой кусок старой Москвы в Малом Левшинском переулке Пречистенки. Дом этот держится еще заработком отца семьи — доктора Доброва, он уже уплотнен сверх головы, набит посторонними людьми, как трамвай, но еще дышит по-своему, и еще не рухнул, каким-то чудом он еще в руках хрупкой, старой, больной хозяйки дома — Елизаветы Михайловны Добровой. Неизбежность жить «на руках» Фил<иппа> Ал<ександровича> и Елизаветы<ы> Мих<айловны> замучивает и убивает Ал<ександра> Викт<оровича> (и его жену) более, чем его болезнь. Тем тяжелее, что прежде он был богат и не было преград его желаниям, фантазиям и даже причудам. Создались привычки, которые совсем не облегчают ему теперешнего обихода, когда он не может самостоятельно купить коробку спичек. Теперь он и сам не может разобрать, что ему труднее — ждать ли, когда коробка папирос догадается сама прийти к нему, или удивиться, как же это он не может купить вот этот палантин или мантию из соболей и все, что так чудесно могла бы надеть Шура. И рубашек не хватает. И нет красок для картин. Рисует детскими карандашами — попались где-то.

Что дорого ему в его жене? Если их увидеть вместе, хотя бы на улице, мельком, этот вопрос и в голову не придет. Когда у него поднимается температура, поднимается она и у Шуры. И это не фигуральное выражение, а несомненное явление — наяву, как это ни странно. Когда у нее мигрень, у него болит голова. Стоит ей огорчиться чем-нибудь серьезным или пустяком, он прибежит, оторвавшись от работы.

— Ты где?

— Здесь.

— А что с тобой?

— А что?

— Да не знаю, я чего-то испугался, стал беспокоиться.

Как-то Шура говорила мне о тяжести их положения в семье и была очень расстроена. Его не было дома. Когда он вошел в комнату, Шура укладывала на голове огромные свои косы. А я лежала на горе подушек его дивана, закутанная в мех. Он вошел в комнату в пальто, не успев снять второго рукава пальто, подошел к Шуре и поцеловал ее в лоб — ну да надо было видеть

его. Они слиты душевно так, что не приходит в голову сравнить их с кем-нибудь. Тристан и Изольда? Паоло и Франческа? Поль и Виргиния?¹⁶ Нет надобности сравнивать их с кем-нибудь, они сами по себе. Невозможно представить, что они умрут не в одно время, не в один час. Они живут одним дыханием. *Несколько раз они видели одинаковые сны.* (Это правда.)

Что он хочет делать в жизни? Писать. (Стихи, поэмы.) Музыка, живопись, математика — он свободен и творчески одарен во всем, за что берется. Хочу подарить ему толстую тетрадь хорошей бумаги, переплету ее в красивый переплет из материи — из парчи, шелка и набойки.

Имя Шергина — архангельского сказочника я еще не узнала. Вот в среду буду слушать его в Институте Детского Чтения.

Зину «напугала» моя ярко-зеленая кофточка из крепдешина (в письме моем). Если бы она увидела эту кофточку, она порадовалась бы, так она хороша и отнюдь не вульгарна. И очень хороша на мне. Я слышала это много раз — всегда, когда надеваю ее, да и вижу это по отражению — на лицах не только дружественных мне людей, но и посторонних, и особенно женщин. Есть у меня и вторая шелковая (мягкая тонкая и непрозрачная, как и зеленая) — глубокого чудесно темного-синего цвета. Очень красивая кофточка, но зеленая более парадна, и я надеваю ее в особых случаях, как лучшее из всего, что у меня есть. И она уместна не только за парадным светлым добровским столом под люстрой и в волшебной комнате Шуры и Алекс<андра> Викт<оровича>, но и на любом концерте, и везде, где женщины хорошо одеты. Хорошо, что кофточку не портит и «главная» моя юбка, хорошо сшитая из хорошей материи (черная).

Александр Викторович многое испытал в жизни, несмотря на свою еще раннюю молодость. Не было духовных, моральных и физических преград его опытам, увлечениям, причудам. Некоторое время он был близок к нервному расстройству. В средние века он мог бы быть — и был бы, вероятно, рыцарем какого-нибудь ордена. Из прошлого своего он каким-то образом (врожденное чувство меры, порядочности, рыцарства) вышел духовно светлым, но на самом острие последнего края света.

Я знаю, со мной была одна история, когда он помог мне не попасть, а пройти мимо очень скверной истории — духовной и физической ловушки. Ко мне он был очень добр. Я доверилась ему вполне, и он помог мне осознать, что это ловушка. (Провокация.)

Я знаю и еще несколько случаев, когда людям нужна была его оценка, помощь, участие в выборе дороги на духовном пути. Он очень молод, ему 26 лет, но с ним считаются люди и значительно старше его.

Он очень хорошо играет на фисгармонии — и Тангейзера, и Моцарта, и свои композиции. Вдруг нарисовал прекрасный портрет Шуры — цветными детскими карандашами. Он носит гипсовый корсет. В нем он может ходить, сидеть, играть на фисгармонии. Но выйти из дома два раза в день он не может. Устает. И чтобы пойти в театр ему надо перед этим лежать весь день, а после театра и подавно. Он до прозрачности бледен и очень красив. И больше — у него интересное лицо. Иногда он кажется не живым человеком, а как бы приснившимся или показавшимся. Лицо его напоминает лица с картин английского прерафаэлиты Берн Джонса и даже более — женские лица Берн Джонса или рыцаря возле Мадонны Джорджоне¹⁷. У него красивые породистые руки, уши, ноги. Большой красивый лоб, прекрасные серые глаза, красоту которых не успеваешь заметить, потому что внимание поражается необычным взглядом, выражением глаз. Светло-серые, иногда синеют до черноты, иногда становятся ледяными, а то кажутся фосфорически светящимися. (Меняющийся цвет глаз я видела еще у Андрея Белого и других — двух-трех людей, но не в такой сильной степени.) От глаз по-разному, но всегда освещается лицо его и весь облик. Что-то струящееся вспыхивает и освещает его из его глаз. Изящно и тонко отточенный подбородок, вся лепка лица тонкая, искусно вырезанная из цельного драгоценного, по виду хрупкого, но крепкого материала. Не камень, не фарфор, не слоновая кость. Не знаю. Странно подумать, что он просто человек с костями, телом, кровью. Рот его — красиво вырезанный с крупными губами, хорошими зубами. Вавочка говорит, что у него чувственный рот.

Однажды меня удивила сила его маленьких рук. В юности он был очень сильный, любил спорт, гимнастику. Да это и

было обязательным в его воспитании. Была хорошая тренировка. Он высок, строен, изящен и свободен в движениях.

Был как-то у меня разговор с Вавочкой. Говорили о Вечной Женственности Гёте (в «Фаусте»). Когда я пыталась определить свое представление о Вечной Женственности, Вавочка сказала, что в средние века меня назвали бы еретичкой и сожгли бы на костре за то, что я не понимаю, зачем христианам понадобилось неестественное зачатие в культе Мадонны. Мне кажется это даже как-то обидным (нелояльным?) по отношению к материнству, священному с моей точки зрения.

Во второй половине апреля собираюсь дня на три побыть в Воронеже.

3 февраля. Долгие Пруды

Что-то недоброе за стенами. Не знаю, в чем дело, что они все так ссорятся. Жизнь здесь похожа на жизнь моряков, изолированных от всех людей морем, вот они и надоели все друг другу, потому что нет притока свежих живых впечатлений, и каждую мелочь возводят в Арарат. Гнетущая притупляющая и беспокойная настороженность, готовая вспыхнуть от каждого вдоха.

Да, так вот, об Иоанне. Мастер... Маэстро... Учитель... Голову стягивает железное кольцо.

4 февраля

Очень легкий, стройный и спокойный день с детьми. Вымыла голову. Волосы золотились, распушились, хорошо ложатся... Как плащ и как лава...

В сущности, я сравнительно спокойно прохожу через конец этой своей эпопеи. И это отвращение к яркому свету и, особенно к ярким цветам, к громким звукам, к быстрому движению, и повышенная настороженность к людям посторонним, и чувство наклонной плоскости и душевной психической не-

устойчивости — все это перекатится, если не почить на этих лаврах.

7 февраля

О. Бессарабова — В. Затеплинской

«Монастырское». Как только оно вышло, Вавочка надписала на нескольких экземплярах — мне, тебе, Зине и еще некоторым своим друзьям. Книжечки эти остались в Посаде. Пошлю твою тебе вместе со Шмаковым¹⁸, которого куплю и отошлю (если его продают) в эту свою поездку. Не брани меня, я уже побранила. Червонцев Вавочке больше не посылай. Она тебе сама напишет, и мне сказала, что ей теперь не надо.

10 февраля. Долгие Пруды

Не могу и представить себе, что когда-нибудь, где-нибудь мы можем встретиться — я и скульптор Ефимов Иван Семенович.

А если случайно, где встречаются вообще люди, мы, конечно, подойдем друг к другу, ведь мы «на той степени культуры» и т.д. И никакой ссоры, никаких теней у нас не было. Было несколько фраз моих его жене в последнюю нашу встречу в их доме. Я даже рада буду, как радуешься музейному фарфору, который стоит уже на полках за стеклом, за номером... каким? Четвертым? № 1 Ник<олай> Григ<орьевич>, № 2 Толстов, № 3 О<тец> П<авел> Фл<оренский>, № 4 Иоанн. Не фарфор, а может быть, куколка, из которой вылетела уже бабочка.

Тигр, обезьяна, сентиментальный деревянный петербуржец в счет не идут. А такие подорожники, как слепой Морозов, слепой Звездочкин и другие светлые и темные тени — кому поклон, кому молчание.

15 февраля

12-го вечером был праздник двухлетия со дня свадьбы Шурочки и Алекс<андра> Викт<оровича>.

Софья Алекс<андровна> Зеgeberдт (сестра Фил<иппа> Алекс<андровича>), Вера Евгеньевна Беклемишева¹⁹, Мария Львовна Година, Лиля Шик, я, брат мой Всеволод и все домашние.

За столом говорили о Михаиле Бакунине, о «Бесах» Достоевского, о работе Гроссмана о Бакунине и Ставрогине, о критике Полонского статьи Гроссмана²⁰. Полемические страсти разгорелись и перешли на утопии, романы, рассказы Г. Уэльса, книги которого все присутствующие, в том числе и Всевоочка, знали вдоль и поперек.

Даниил был первый раз в костюме взрослого человека. Ему уже 18 лет. Он надел изящный костюм Алекс<андра> Викт<оровича>, а Ал<ександр> Викт<орович> – Данилину черную бархатную блузу с отложным воротником. Блуза эта так хороша на нем, что Ал<ександру> Викт<оровичу> рекомендовано дома ходить всегда в такой одежде.

За этим праздничным столом первый раз я заметила, что Фил<ипп> Ал<ександрович> стареет. И уже идет за молодежью своего дома, уже не сияет фейерверками, не решает мировые вопросы за чайным столом, как прежде. Стареет. Может быть, он говорит много? Но раньше этого ему не ставилось в счет. Я помню его 8 лет тому назад. Заслушивались все, кто его слышал. Тогда он был другой. Или я была тогда другая? И время было другое. Эти годы как-то сбили его, приутишили. Изредка только бывает он громокипящим кубком, но на минуту. Но быть радушным хозяином не разучили его и эти годы.

На другой день, в день рождения Саши, когда Фил<ипп> Ал<ександрович> не смог пойти к нему и, вернувшись домой с какого-то заседания в час ночи, позвонил Саше по телефону, и, извинившись, что не смог прийти к нему, поздравил сына с днем рождения, я мысленно отдала честь Фил<иппу> Ал<ександровичу> и восхитилась формой его извинения и приветствия.

Ну, молодежь, позвони-ка так по телефону! На другой вечер, когда весь дом ушел к Саше, я, Алекс<андр> Викт<орович> и нездоровая Шурочка устроили чудесный пир в Шуриной комнате. Порадовали нас и живые мимозы, которые я принесла в их комнату еще вчера – «целый сноп!».

С детьми мне хорошо и легко.

16 февраля. Долгие Пруды

Вечером, часов в 8, когда из Москвы вернулись мои соседки по комнате, вдруг затаилось дыхание — показалось, что слышу знакомые шаги. На мгновение — острый как бы укол в сердце (физически осязаемый) и спокойствие, глубокое, прочное. Нет, не он. Не приехал.

18 февраля

Женская губернская конференция «Медикосантруд»²¹ в Колонном зале Дома Союзов (в бывшем «Благородном дворянском собрании»). Две тысячи женщин. Хрустальные люстры и канделябры еще убраны черным газом или крепом. В этом зале стояло тело Ленина. Траурное убранство зала строгое, красивое. Много молодых, красивых, хорошо одетых женщин, больше — просто одетых, спокойных, внимательных «средних» женщин, и большинство простых женщин — сиделок, уборщиц. Несколько мужчин — как иголки в стоге сена. С трибуны деловые женщины говорили о деловом — их слушали внимательно. Две старушки, как тени с того света, беззвучно что-то сказали, их почтительно почтили приветствиями. Одна лет пятидесяти, с красиво стриженной пышной головой, красивая, видно, любит пожить на этом свете... «Общественные столовые, прачечные, нам нужно время, чтобы учиться догонять жизнь, а не стряпать во время отдыха после работы, одинаковой с работой наших мужей, отцов и братьев. Да здравствует женщина всего мира!» (А кудряшки на лбу — прыг, прыг.) Убеждала аудиторию побольше рожать детей. На пользу государству. А государство должно заботиться, да уже и заботится о воспитании и образовании детей. Детские ясли, сады, дома, очаги. Увольнять женщин-матерей не могут. Дается двухмесячный отпуск. Пособия. Усиленное питание. Охрана материнства и младенчества и т.д. Она не сторонница абортот. «Рожайте, рожайте, товарищи женщины!» Это была Коллонтай²².

После нее на трибуне появился колобок, или сыр, катающийся в масле, — Семашко²³. Встретили его как отца родного, как оперного тенора. С первого же слова он всецело овладел внима-

нием аудитории и сказал яркую, сильную, живую речь о Ленине. Замелькали в тишине белые платочки, вставало величие, простота и мудрость «всемирного вождя» — Ленина.

Потом был траурный концерт — прекрасный хор, оркестр. А на экране — над эстрадой — похороны Ленина. Было особенное, сильное впечатление от сознания, что все это было именно здесь, в этих стенах. Грандиозное, многомиллионное, народное траурное действо, зрелище скорби страны, народа — траур народа, перелившийся из Москвы по всей стране. Многие плакали — тихо, безмолвно. И тут же бутерброды с колбасой и крымские румяные яблоки.

Поразили меня спокойствие и простота этих женщин, уместность их в этом пышном, старинном, царственном Колонном бальном зале. Может быть потому, что здесь их было так много, и потому, что они пришли сюда не для танцев, а на конференцию. Она устроена умно и внимательно. И получилось впечатление, что такие конференции нужны. Я с глубоким удовольствием слушала рассказ нашей поварики Марьюшки. Она рассказывала мне очень подробно, как будто я сама не была там с нею. Рассказала она несравнимо лучше меня, и я попросила Марьюшку рассказать о конференции няням и всем у нас в санатории. А я добавила кое-что, о чем Марьюшка только упомянула (содержание речей Семашко, Коллонтай, записанные мною некоторые сведения и цифры из речей других ораторов). После нашего рассказа наши няни пожалели, что не поехали на конференцию. Скотница Лиза объявила, что и она решила быть сознательной. На бутерброды и яблоки я не обратила внимание, а Марьюшка говорила о них с умилением, как о почетном угощении гостей конференции. Я прибавила тут же, что женщины на конференции были не только гостями, но скорее хозяйками. После доклада ко мне подошел человек, которого я не замечала, хотя и видела в канцелярии. Он сказал, что я с большим тактом «выдвинула» Марьюшку, как «опытного агитатора». Я ахнула (не вслух, конечно).

После конференции (от 2 часов до 12 часов ночи была эта конференция) — у Добровых. Горячий чай, что-то вкусное, теплая ванна, чистая мягкая постель под шелковым пуховым одеялом — от приветливого уюта и дружественного тепла в этом

доме (в этой семье) я сразу отдохнула, и было так хорошо, что и спать не захотела. А тут еще на столике оказалась «Маленькая хозяйка большого дома» Джека Лондона. Не удержалась и прочла этот роман (до 5 часов утра). Встала в 8 часов утра и успела попасть к 10 часам утра на работу в Долгих Прудах. (Роман увлекателен, но клондайкские рассказы и другие романы лучше.)

19 февраля

Вчера я была в Москве на конференции. А в Долгие Пруды вчера днем приезжал «высокий старик Ефимов». Няня Агаша сказала ему, что я в Москве до завтра.

Он уехал в Москву со следующим поездом.

21 февраля

...«Приезжал высокий старик Ефимов». Хорошо? Хорошо, что и не застал меня. Мне теперь легче быть свободной — и свободной не поневоле, а уже по воле своей.

Посмотрим, что скажу об этом через некоторое время.

Но я знаю, что на свете есть радость. Радостно мне. И свободно. И бывает так, что все на свете — вот в этом такте общей, мировой (космической?) гармонии. Что еще? Боль я не спрятала в сердце. Положила ее на ладонь и подняла ее к солнцу. Она и проросла какими-то новыми ростками. Это не опустошение, это новые ростки души, жизни. И еще будут другие, мне еще неизвестные. И пусть будет все, что придет в жизни.

Зачем, почему он приезжал? Я была бы рада ему, постаралась бы не удивиться, потому что, поистине, я удивилась его приезду — не ждала уже.

23 февраля

Вчера (22 февраля) Иоанн приехал в 2 часа дня. Уехал сегодня утром.

«Тревога одолела. Соскучился. Не работалось. Не мог не приехать».

Когда мы стояли в снежном шатре под ветками огромной ели, вдруг нас обвеяло снежное прозрачное крыло, пороша, снежный звездный тонкий дождь, дождь с елки. Крупные сухие кристаллы снега. Запах снега, хвои. И опять — легкая пригоршня снега, как поцелуй, как легенда. Снег целовал звездами. Тепло, тепло, морозушко! Удивительно падал этот снег, не было даже дыхания ветра, елка не шевелилась, снег падал сам тонкой сеткой, порошей, прозрачным облачком.

...«Дома часто бывает Павел Александрович (Флор<енский>). Понравился мой брат — Борис Александрович — он очень интересно рассказал о Художеств<енных> мастерских в Воронеже, как он их организовал. Недели полторы у них живет Мария Влад<имировна> Фаворская. И Влад<имир> Андреевич бывает у них очень часто.

Смерть старика Фаворского Андрея Евграфовича прошла спокойно. Он насытился годами и умер спокойно. Звонил несколько раз к Добровым. Говорил с Алекс<андром> Викторовичем, спасибо ему».

Чай пили у милой Юлии Николаевны. Дорога на станцию. Снежная тишина на платформе. За полминуты до поезда вдруг решил остаться до завтра. Дорога со станции. Листки его иероглифов-записей. Расшифровка их — получился интересный рассказ о разговорах Флор<енского>, об именах, об образке Предтечи Крылатого.

25 февраля

Солнце. Ой, зорюшки, зорюшки вечерние, зорюшки за лесом, за снегом, на ясном на небушке...

Вчера (24 февраля) был день Всевиного ангела.

1 марта

Горячая ванна. Рада своей тихой красивой комнате. За окном — выюга, метель.

...Вот наше царство, снег!

«Боже мой! Старообрядка моя, старообрядочка!»

Когда снежинки падали на лицо, на плечи (пальто теплое), выпивал их, осушая, сжигая их поцелуями. (Это все отзвуки, отсветы «снежной легенды».)

12 марта

В Москве была 7, 8 и 9 марта, кончая воскресным днем Прощения перед Великим Постом. Вечером с домом Добровых была в церкви. Молитвенно, мысленно просила прощения у всех, кому от меня больно или холодно в жизни – ведением или неведением, словом, делом или помышлением. И изо всех сил старалась вспомнить людей, кого-нибудь, кому бы я могла простить, отпустить вину, какую-нибудь обиду. И не вспомнился никто (даже сконфузилась).

В тот день Вавочка продиктовала мне свои стихи за январь – февраль – март. Даня прочел свою поэму о России, Алекс<андр> Викт<орович> – первую главу поэмы.

Была у Тани Розановой в Сокольнической больнице. Она тяжело больна после операции, хотела умереть, близка была к нервному расстройству. В Петровском парке не застала брата Всеволода. Очень жаль.

Три раза встречалась с Машенькой Полиевктовой (у нее, у Вавочки, у Ан<ны> Вас<ильевны>). У Вавочки на Остоженке в тот вечер была и Инна, и Морозов – оба актеры в Семперанто – театре импровизации²⁴. Интересно, но много и чертовщины.

Раза два в жизни меня сравнивали с Инной, находя у нас какие-то общие черты сходства. Не знаю. В основном мы разные. Она боится жизни, перемен, обстоятельств. А для меня – необходимым условием жизни является сознание, что каждую минуту я могу и умею перешагнуть черту моего настоящего и за его чертой начать жизнь сначала – взять котомку, а то и без нее, и пойти куда глаза глядят. Инна все говорит о смерти, о жутом, о страшном (и вряд ли все это настоящее, все какое-то «кажущееся»), а я люблю жизнь и все живое. А чувство *страха* во мне просто атрофировано – я не знаю его, и в этом нет заслуги, просто не знаю.

18 марта

По возвращении из Москвы три дня была занята докладом для врачебно-педагогического съезда в нашем санатории. Потом был этот съезд (кажется, 14 марта), интересно, что я набилась на язык типун от всех слов, слышанных во время съезда: Об-

мосан, тубсекция, МОНО, здравотдел и т.д. — та-ра-бар-щина, аб-ра-ка-дабра.

Валя летом собирается приехать ко мне в Долгие Пруды и в Сергиев Посад.

25 марта. Долгие Пруды

Еду в Москву. В субботу 22 марта днем приехал Иоанн. Я была отпущена от работы. Мы ушли в лес, в поля, в деревне пили молоко. В Ивановском лесном монастыре недолго были у всенощной.

Вл<адимир> Андр<еевич> сделал гравюру: Флор<енский> за столом с книгой, в просвете дерева с корнями, у ног его маленький сфинкс и где-то как-то крыло — странно, но хорошо и все кстати. Постарается, чтобы и у меня был оттиск этой гравюры.

О работе с учениками в мастерских. О конкурсе памятника Свердлову²⁵. Недавно был в Сергиеве на лыжах. На каждом шагу, на каждом повороте там — и вблизи и вдаль, везде была я, даже удивительно. (Отвернулся. Глаза блеснули влагой.)

Уехал в 4 часа.

25 марта. Москва

Совещание Педагогической комиссии Облмоссана с утра до 4 часов. Голова гудит от абракадабры и тарабара.

Поэма Ал<ександра> Викт<оровича>. Роман Дани.

Диагноз Ал<ександра> Викт<оровича> об Иоанне (!)

Встреча с Всевой на вокзале — он ехал было ко мне, а меня понесло на Облмоссан. Милый, бедный мой Всевочка.

Шура и Ал<ександр> Викт<орович> придут ко мне. Для Дани в деревне снимут комнату.

1 апреля. Долгие Пруды

Как только сошла я с лесенки вагона на весеннюю солнечную и грязную платформу, подошел ко мне доктор Герцберг²⁶ (из Дома отдыха). Дорога в санаторий через лес. Европейски

образованный человек, живой и интереснейший собеседник. Обрадовался воде в канаве — весна. Красива и умна его голова, чудесный голос, стремительная походка.

Я еще полна ощущением весны, жизни Сергиева Посада и Москвы. В Сергиеве поражает ощущение светлой, крепкой, кроткой и чистой духовной жизни, роста, пути, движения — в ряде милых и дорогих мне людей. И как страшно и горестно барахтание в мелочах, склоках, вражде, подозрительности и во всех нелепостях жизни среди сотрудников санатория. Здесь живут, как на корабле дальнего плавания, и что-то накопилось здесь не проветренное, болотное, как в затоне.

Я знаю суровость быта жизни в Сергиеве, бедность, граничащую почти с нищетой по сравнению с благоустроенностью и сытостью санаторных работников. В Сергиеве есть свои тяжести и трудности жизни, но, в общем, какая-то светлая, высокая, духовная сила и как легко дышится... Как же так пусто, глухо и внутренне бедно живут здесь — медсестры, фельдшерицы, канцелярские служащие, массажистки и прочие медицинские работники. Две учительницы — Юл<ия> Ник<олаевна> и Панна Алексеевна — люди, жаль только, что они не дружны. Порознь я им рада и охотно бываю в их обществе. Здесь почти не читают книг. И никто не интересен друг другу. И только жадное, ползучее, липкое любопытство, жажда сенсаций и какая-то ненужная, невероятная осведомленность (а может быть, и дурное воображение) о жизни друг друга, особенно кто с кем живет. Так и в санатории, так и в Доме отдыха среди сотрудников. Доктор Поленский (наш) и доктор Герцберг (в Доме отдыха) совсем другого полета, но они недостижимо далеки от сотрудников. Доктор Герцберг, как стрела, залетевшая в болото Долгих Прудов. Огненная, а по сплетням о нем, отравленная. Но на это не похоже. Просто он неизмеримо другого, более высокого уровня человек. И ему, вероятно, трудно здесь. Если и не трудно, то вряд ли приятно. Несколько интригует седина этого молодого человека. Весь он — воплощенная «эвритмия» (наука о жесте, движении) Андрея Белого. Глуховатый очень красивый голос, великолепной лепки голова, лицо, руки. Очень умен. В нем есть стремительность прямой линии. Я хотела бы знать, кто и что он за человек, но

от него самого, а не от лягушек в болоте, куда залетела эта стрела. «Стрела в ночи» — почему-то хочется сказать.

9 апреля

Вавочка, какая суета и как не нужно мне жить здесь, а в Сергиеве бывать день-два через 3—4 месяца. Здесь «хорошие условия жизни», хорошо, да не нужно. Только дети «так» и «то», а остальное все ненужное.

20 апреля

Странно. Нина Яковлевна теперь меня больше занимает, чем ее муж. Выйдет ли в свет замечательная ее книга «Записки Петрушечника». «Как она живет, чему радуется? С каким приключением ее мужа придется ей еще не раз считаться или не считаться? Кто ей дорог и близок? Я не знаю ни одного близкого ее друга, женщины около нее все очень хорошие, но вряд ли равноправны с ней — она очень своеобразна.

25 апреля. Страстная пятница

С Валею по магазинам.

Выставка Союза Моск<овских> художников в Союзе Изыщных Искусств — Портрет Адриана и силуэты Фаворского и Ефимова, работы Нины Яковлевны.

Встреча с Вадимом Рындиным в подъезде музея. Проводил меня до дома.

Екатерина Ник<олаевна> Винберг — близкий друг Нины Як<овлевны> и Ив<ана> Сем<еновича>.

Общая исповедь в белой церкви Покрова в Малом Левшинском. Была с Шурой.

Телефоны, магазины. Ландыши и нарциссы Валею.

28 апреля. Сергиев Посад

24 апреля приехали в Сергиево — я, Валя, Женя. К заутрене Женя пошла в Гефсиманский скит, а я с Валею в Красюковскую церковь.

Валя, очень усталая, не смогла пойти со мной ни в скит, ни в Пятницкую, ни в Петропавловскую церкви. В Петропавловской церкви служит священник О<тец> Сергей Сидоров.²⁷ О нем говорят необычайные и прекрасные вещи. Его очень чтут и уважают, а ему всего 26 лет.

Ушли из церкви сразу после заутрени. На обедню не остались. Валя очень устала. С нами были Лиля, Мих<аил> Вл<адимирович>, Нина Тарасова.

На первый день Пасхи муж Лиды Леонтьевой Гуго снял меня, Валю, Женю и Лиду в березовой аллее, так памятной мне, у калитки дома Голубцовых, где я жила, и в моей бывшей комнате на кафельной лежанке.

Были у Варв<ары> Фед<оровны>, там же был и Сергеюшка, и Мих<аил> Вл<адимирович>, и Нат<алья> Дм<итриевна>. Варв<ара> Фед<оровна> очень огорчена, что Вавочка не приехала к празднику из Москвы.

В комнате Варв<ары> Фед<оровны>, когда она заснула, я и Валечка поговорили — мы первый раз были одни с ее приезда из Ташкента и всего этого ужаса в Ташкенте. Помимо события с Виктором, еще и в личной их жизни «очередная драма» — этого еще не доставало!

К нам пришла Лиля, очень элегантная и очень грустная.

Я была у Нат<альи> Дм<итриевны> и Мих<аила> Вл<адимировича>, у них были Челищевы — Екате<рина> Алекс<еевна> и Нелли, а потом и Сережа Истомин. Челищева (урожд<енная> Хомякова)²⁸ как тромбон и пушка и кокетлива чрезвычайно и необычно. В сапогах, с арапником, со сворой собак путешествовала и охотилась по всей Европе и чудачила невероятно. Блестящие быстрые глаза, умный острый язык, вкус к вдохновенной сплетне.

Сегодня в понедельник 28 апреля уехала в Москву Валя.

Я была у Тани Розановой. У Лиды большой разговор с Ниной (Тарасовой). Нат<алья> Дм<итриевна> ждет второго ребенка²⁹. Фаворские переехали в новый домик на Вифанке.

29 апреля

Третий день Пасхи. Еду в Москву. Устала от этого отдыха в Сергиеве.

1924 год

15 мая

Когда я была в Воронеже, Ив<ан> Сем<енович> звонил к Добровым, спрашивал, где я.

30 декабря. Москва

1-я Градская больница на Большой Калужской³⁰.

Когда закрываю глаза, все какая-то воронка из мрака свертывается и кружится, а открою глаза — яркий свет верхней лампы. Все больно. Острое воспаление суставов — ревматизм.

Никого не ждала. Вдруг пришла Лиля Елагина (Шик) за зеленой вязаной кофтой, которую мне надела Вавочка. Принесла мандаринов, халвы. Изящная, стройная, с жемчугами на тонких пальцах. Светская девушка, актриса Вахтанговского театра. Вспомнила апельсины на снегу. Неужели они были когда-то?

Страдания больных соседок и множества других — за стенами палаты — темными и красными волнами заливают голову, сердце. Господи, пошли смерть умирающим. Успокоение.

31 декабря

Была Шурочка Доброва. Любовь, нежность, горячность друженности принесла она с собою. Принесла и книгу Вассермана «Каспар Гаузер»³¹, и всякие мелочи, и съедобное. Женя понравилась Шуре и Алекс<андру> Викт<оровичу>. У Алекс<андра> Викт<оровича> опять острый приступ спондилита.

10 вечера

Мертвенно бледные лица почти все с открытыми ртами. Ряды кроватей, запахи лекарств, дыханий, тел и больницы. В коридоре тихо двигаются няни и сестры.

Подходит Новый 1925 год. Перебираю, как драгоценные четки, имена дорогих мне людей. † Анна, † Александр, † Дарья, † Петр, † Иван.

1925

1 января

А.В. Коваленский

Под охраной серых зайцев
Видит Ольга много снов:
Видит крашенных китайцев
С Алеутских островов.

Вот летят, несутся мимо,
Шевеля крылами ель:
И Флоренский, и Ефимов
И туманный Рахмиэль.

Вот вокруг столпились братья,
Точно тени на стене;
Вспоминая про Зачатьев,
Ольга стонет в полусне.

Точно память — перевитый
Именами толстый том...
«Жизнь доходит до зенита,
Что-то ждет меня потом!»

«Боже, вновь придут отливы,
Сяду, сяду на мели!
Ах, пока я так счастлива,
Уведи меня с земли!

620

Надоела форма носа,
И фигура, и черты,
Лучше, лучше в звездных росах
Собирать Твои цветы!»

Была Елизавета Михайловна Доброва и Валечка.

2 января

Фил<ипп> Алекс<андрович> Добров принес мне письма, и сверток от Шуры, и книгу от Алекс<андра> Викт<оровича> с шуточными его стихами «Под охраной серых зайцев...»

Маленькая, раздражительная, скрюченная ревматизмами, больная раком желудка, немолодая фабричная работница мечтательно: «Я хушь не образована и не знаю, как это обтолковать, а скажу прямо – природа притягивает ка-ак магнит!» Ее собеседница – некрасивая и немолодая женщина с невероятными запасами темперамента и юдофобства, жена двадцатидвухлетнего мужа, коммунистка, «но между прочим и хиромантка, и гадалка» пылко вдруг сказала: «Лопни мои глаза, чтобы я поверила, чтобы девица, дожившая до 25 лет, не жила бы с мужчиной. Это вранье или какой-нибудь урод безносый. И не то чтобы она младенца куды дела, девицы-то опытные, не то что дуры-бабы, каждый месяц с абортами!» И разговоры о семейной жизни – еще хуже.

Женя Бирукова принесла книги, письма, яблоки и всякие сладости. Сергей Павлович Мансуров и Михаил Влад<имирович> Ш<ик> скоро будут священниками. Женя подружилась с С<ергеем> Сидоровым.

6 января

Какое большое и неудобное у меня сердце. Не дает лечь удобно, как ни укладывайся. И острые боли в суставах рук, ног.

Сочельник. Все помню: Воронеж, Москву, Сергиев Посад, Долгие Пруды. И всех любимых и дорогих.

В палатах разлагаются и умирают. А на лестницах, в ваннных и в уборных комнатах этого же Дома страдания ходячие больные, чужие друг другу люди встречаются, как если бы они были у себя дома, в ресторанах, на бульварах. И тут же к матерям приносят младенцев — кормить, и тут же умирает отравившаяся девушка, и тут же «тошшат носилки» с умершими, и тут же делаются аборт. Эта «абортная палата» всегда переполнена.

Кухарка о родах: «Крута горка, да забывчива».

7 января (по старому стилю 25 декабря)

Рождество по старому стилю. Шура и Алекс<андр> Викт<орович> принесли мне маленькую елку со свечами и серебряным дождем, узвар, кутью и всякие яства щедрого вечера Сочельника. И письма — от Дани, от Вавочки, от Тани Розановой.

Вечером в палате зажгли свечи на елочке. Все, кто могли, встали и собрались вокруг елки. Стихи (ужасные, в ужасном завывающем исполнении, но очень охотно говорили все, кто хотел). Страшные рассказы о разбойниках и привидениях и страшные были. Из другой палаты пришли и наши бывшие соседки — их перевели в хирургическую, для операции.

Запах елки напоминает снег и почки тополя, березы и осины, и горячий ветер на сенокосе. Детство, лес и много дорогих мне людей. Здесь все время меня будто поднимают и поддерживают светлые теплые волны. Может быть, это доброе слово, память, молитвы обо мне, моих близких? Это так ощутимо! Физически ощутимо, как теплые волны воздуха в холод, как свежий поток воздуха в душной смрадной комнате.

9—12-го решается судьба Вали (Виктора, а значит, и ее).

Когда Вавочка встретила с Ефимовыми в Сергиеве, Нина Яковлевна внимательно расспрашивала обо мне. Ив<ан> Сем<енович> встревожился, омрачился, растерялся.

Две больные (самые здоровые в палате) злословят и безобразно «преследуют тухлых». Никогда в жизни не слышала такой грубости и такой зоологической злобы.

Что мне здесь нужно? Ванны, лекарства, теплые световые лампы, возможность не обременять близких возней со мной.

Мне трудно держать карандаш, чайную ложку. А иногда я и совсем не шевелюсь, лежу тихо и молчу. Больница переполнена, нет возможности отделять тяжело больных и умирающих от выздоравливающих.

10 января

С беспризорными я работала только 20 дней. Меня изумило внимание колонии, профсоюза. За время болезни я получу часть заработной платы, а после больницы можно вернуться на работу. Как это замечательно. Не знала, что профсоюз может все это устроить. Эти 20 дней работы с беспризорными никогда не забуду. И я поверила, что могу делать что-то нужное и верное. Я успокоилась в самом главном — будто выросла, стала богатой.

Это настоящая работа, дело, которое на всю жизнь может захватить человека. Богатство мое началось с того, что я не повесила замка и не запирала свою комнату, и когда были утащены мои вещи, я ничего никому не сказала.

С первого же вечера я осталась ночевать с 32 мальчиками от 9 до 16 лет. В двух небольших комнатах флигеля в бывшем Зачатьевском монастыре на Остоженке¹ были стены, потолки и полы. Печи были не топлены, в окнах недоставало 6 стекол. Дети спали на полу, укрывшись своими пальто и тем, что им заменяло пальто — отрезьями, а под головы устраивали свои сапоги, а на сапогах шапки. Было несколько и одеял, и подушек. Дети спали тесными гроздьями, чтобы было теплее.

Лежу тихо. Читаю книги (их у меня достаточно, и выбор книг прекрасный). От 2 до 4 кого-нибудь жду, жду и получаю письма. Утром — ванна, обход. Вечером не благовонные натирания и разговоры. Ой-ей, какие разговоры. Наша ревматическая палата очень дружна. Долго ли буду болеть — не знаю. Что будет потом — не знаю.

14 января

У меня была Вавочка и Машенька Кристенсен, Шура, и Алекс<андр> Викт<орович>, и Фил<ипп> Алекс<андрович>.

15 января

Приуныла что-то. Усталость, головокружение, тяжесть на сердце. Острые боли по ночам — почти нестерпимые.

Пустота, оказывается, имеет вес тяжести. Пустота от печали об Иоанне.

17 января

А как еще много желаний, и снов, и неутолимой радости жизни. А с чего бы, кажется? И странно — все возрастающая тревога о ком-то из близких мне людей, такая тревога, что мне нет уже дела до себя. А о ком — не знаю. Кому же из моих близких так плохо? Неужели же это только кажется? Не может быть, есть где-то с кем-то любимым и близким беда, беда, беда.

Как блестят глаза и как раскрыт рот у живого скелета с кровотечением.

Против меня вечно качающаяся сидящая бабушка (лечь не может), а на трех соседок лучше не смотреть. Да я и так уж не нарочно. Ну что же? Не пришел и не написал. Бог с ним.

...В мяльцах мяли,
Искали кострички.
Мыкали, чесали,
Связывали в лычки.
Пряжу вили, вили,
Тоньше стали вить.
И перетоньшили,
Разорвали нить.

6–19 января. Крещение

Вчера у меня были гости. Омраченный, сияющий юностью Даня. Разочарован в друге. Рассказал подробно о процессе Виктора. Принес Даня много снеди, «Голый Год» Пильняка², «Своя душа» Мариэтты Шагинян³, «Кубок метелей»⁴.

Была и Вавочка и Женя Бирукова.

Больничные халаты все одинаковые — старые, уродливые, неприятные. Но на разных людях они кажутся все разными: капотом, подрясником, английским пальто, шутовским балахоном, домино, плащом, рубищем. На одном больном я увидела, как халат какой-то нехорошей магией превратился в гороховое пальто шпика! На мне халат застегнут наглухо, как макинтош, а широкие трубы рукавов зашиты так, как будто на запястьях есть обшлага. Не могу удержаться, чтобы не вспомнить фразы одной больной: «Кабы повязать халат веревочкой, Ол<ьга> Ал<ександровна> была бы вроде как Мария Магдалина». (Это когда я причесывалась, а волосы — почти до колен.) Я благоразумно не спросила, какая Магдалина — грешная или святая, до или после обращения?

— ...Да неужто это было на высоком весеннем холме под березами, на троне из сухого хвороста и плаща? Тогда слово о Магдалине вымолвилось по поводу глаз.

— До обращения к Христу или после? — спросила я тоном старого архивариуса или туриста.

И вопрос, и тон оценились по достоинству.

Какой был горячий, веселый ветер! И как бежали тени от облаков по холмам!

Мы — пленённые звери,
Голосим, как умеем,
Глухо заперты двери,
Мы открыть их не смеем².

Не смеем открыть и форточку, будто, и правда, забыли, что у нас «и зловонно, и скверно».

Сегодня почему-то особенно все — и больные, и няни, и сестры обращали внимание на мои волосы.

Ночью. Опять это мое ночное «не могу дышать». Странные «удушья» какие-то.

21 января

Были у меня Валечка, Виктор, Даня, Шелли, Марк Аврелий. Много книг, яств, писем. От Вавочки — бумага, конверты, тетрадь, марки.

Говорили о странничестве, о поездках по старым русским городам.

24 января

Солнечное утро, иней. Доброе утро, Иоанн! Все-таки ты был на свете.

25 января

Утром встала рано, когда окна были еще синие. Яркое утро, на небе золотые стрелы и вокруг темных облаков — золотые ободья. И помимо Иоанна может быть радостно. И не только вообще, но и в частности — от людей.

Были у меня Женья Б<ирукова> и Наталья Иосифовна. Я уснула. Гофман, Флобер, Вернон Ли, Даутендей.

26 января

Мне больно. И отвести внимание от этой боли может и тень чужого человека — в конце коридора. Даже в халате я узнала стройный силуэт с серебряным костром на голове — как у Качалова в роли Набоба (Гамсуна) — брата доктора Рахмиэля из Долгих Прудов. Что же вспомнится об этой стреле в ночи?

1) весь быстрота, движение, стремительность на почте в Хлебникове.

2) лекция его в Доме отдыха. Голос, тонкое, живое, одухотворенное лицо, красота, легкий четкий ритм движений. Только у Андрея Белого я видела такую связь движений с мыслью и словом. И как горячо заступился он за своего гуттаперчевого (почти безголового) атлета в вагоне!

3) весной 1 апреля — дорога через лес со станции (Долгие Пруды).

4) летом Блечфорд — «Страна чудес»⁶.

5) после полуторачасовой скучной мочалы лектора о строительстве нового быта в Доме отдыха в 10 минут сказал все, что было нужно. Умно, блестяще по простоте и полноте.

6) Первый разговор в вагоне о Доме отдыха. Он сказал мне свое настоящее имя — Рахмиэль. А я не знала и как его зовут все — Михаилом Осиповичем⁷.

7) Несколько минут в его комнате, где была его мать, красивая седая дама. Он был очень усталый и очень внимательный.

8) Прогулка по Долгим Прудам, по тропинке в сосновый лес, мимо березовой рощи. О его работе, о Доме отдыха. О стволе живой березы и о бревне.

9) Дорога из Москвы в Долгие Пруды — в вагоне — поздно вечером. О его работе, о нем, о коммунизме, о католическом монастыре, обо мне.

10) Короткая, но хорошая минута в ярком вестибюле Дома отдыха, когда он был оторван с делового заседания.

Он, как стрела, залетевшая в болото Долгих Прудов, стрела в ночи. «Сложная кривая» его прямой. Стрела, летящая мимо.

Больная (кухарка) жалуется: «В горле у меня что-й-то челохчет и в суставах что-й-то можжить».

31 января

Бессонная ночь — нервный припадок у новой больной. Раннее утро около печки. Горящие дрова, огонь, угли.

Даня принес мне еще два тома мемуаров Вагнера. Это все Шурочка и Алекс<андр> Викт<орович>.

2 февраля

Письмо Иоанна, написанное на клочке сорванной со столба афиши, карандашом, в трамвае. В письме рисунок летящей птички-воробушка и чистый конверт с маркой и его адресом. Отправила ответное письмо.

Очередные мои увлечения: Каспар Гаузер, Рихард Вагнер (его мемуары).

3 февраля

Собралась было уехать из больницы. Но вернулась острая боль. Опечалилась больше, чем нужно. Страх перед жизнью, прежде я не знала его.

Письмо Шурочки.

Велико очарование Иоанна и велика власть его внимания и его небрежности — в равной и в разной степени. Я рада и знаю, что он есть на свете, но из круга моей жизни он давно уже выключен.

10 февраля

5 лет со дня смерти мамы. Ночь и весь день чувствую светлую, как утренняя свежесть, сферу ее. Согрето сердце.

Мама, если можно, дай мне какой-нибудь знак о себе. И помоги мне не пропустить его в суете дневной жизни.

Сегодня у меня был Иоанн. Не ждала его, была рада. Он был больше часа. Но я была как-то рассеяна во время его посещения.

Иоанн, я не хочу прятаться за тебя от всех ветров на перекрестках жизни. Ты никогда не был для меня стеной, домом, углом теплого закоулка. Ты был для меня окном синим, как бывает в сумерки и перед рассветом. Я люблю этот синий час в утре и перед вечером. Долгие сроки занавешенного наглухо окна вызывают во мне желание разбить, распахнуть его совсем и перешагнуть через.

Я не знаю, как высоко это мое окно и что за ним — стану ли я на землю, выйдя из него, или до земли придется долететь, кувырнувшись с высокоэтажной постройки, которую Ольга нагромоздила? Живу вне жизни — в снах, выдумках, в том, что кажется, а может быть, и нет.

Утро с молодой отравившейся женщиной. Как она доверчиво потянулась ко мне. Я не позволила глумиться над ней. Обычно отравившиеся вызывают глумливое отношение больных. Это непостижимо, но именно так.

На вечер не оказалось книги. Обошла всех «книжных» больных. Удручающий выбор книг.

Острая тоска об Иоанне. Непокойное, большое, неудобное сердце. Все больно. Острое беспокойство — не знаю о ком, о чем! (Не о себе.)

12 февраля

«У вас вчера был высокий человек. Я думала, что это ваш отец. Как он красив!» (Одна больная.) Иоанн произвел сенсацию среди больных, няnek и сестер. Все говорят о его красоте.

«Таких красивых я никогда в жизни не видала. Только на старинных портретах». (Медсестра.)

14 февраля

От моего ли четверть внимания или от чего-нибудь другого И<оанн> был смущен. Он был тщательно одет. Я больше люблю его «рабочий вид» в Мастерской. Что-то в одежде его раздражало меня — мелькнуло что-то чуждое, в своей рассеянности я не успела понять и заметить, что не понравилось.

Вчера на ночь я вдруг горячо стала молиться о брате Всеве — был как бы толчок к этому, я почти уже засыпала... Вспомнил ли он обо мне, или с ним случилось что-нибудь? Было ощущение как бы тока, посылки от меня. Дойдет ли она до Всевошки? Правда, я не к нему обращалась, а помолилась о нем, как прежде просто и не умела молиться.

Больные все очень внимательны к моим гостям-посетителям. Особенно отмечены — Александр Викторович, Шурочка, Даня, Иоанн.

— Необыкновенные они люди.

— Я тоже таких не видала.

Господи, за что ко мне так много внимания и нежности от любимых моих людей? И как еще много во мне жажды, требовательных желаний, жадности к жизни.

20 февраля

Обострение ревматизма. Нестерпимая боль во всех суставах. И все свертывается из мрака какая-то воронка. И когда она свернется, я ухну в нее и не вернусь. Я понимаю, что это «кажется».

Пусть это перестанет казаться. Довольно уже! Устаю ото всего – от света, от звуков, от всех движений около. Слабость непонятная, все беспокоит, все «мешает дышать».

Алекс<андр> Викт<орович> интересно рассказал о докладе Л. Гроссмана, о работе Достоевского над Бакуниным (в «Бесах») в связи с делом Нечаева и убийством студента Иванова⁸ в 1869 году.

1 марта

Была вчера Люб<овь> Конст<антиновна> Вышневецкая – с вестью о несчастье с Женей Б<ируковой>, о женитьбе Левы и Тани. Сегодня были у меня Анна Васильевна Романова и Мария Федоровна Манс<урова>. Трагические вести о Жене Б<ируковой>, о сергиевских знакомых. Недели через две через Марию Фед<оровну> я перееду в Марфо-Мариинскую больницу⁹. Мария Фед<оровна> познакомилась с Ал<ександром> Викт<оровичем> и Шурой, они очень хорошо встретились.

2 марта

Был Иоанн и Вавочка. Она вскоре ушла.

О спектаклях Театра Петрушек в ЦЕКУБУ¹⁰, в итальянском посольстве. Принес сброшюрованный экземпляр книги Нины Яковлевны «Записки Петрушечника» с рисунками Иоанна, Нины Яковлевны и Влад<имира> Андреевича.

Смотрели вместе рисунки, читали его и мои листки. Говорили обо всем на свете, и часы пролетели светящимся крылатым полетом, легким, как падающая звезда, как взлет фейерверка или ракеты. Он был в ударе, «в полном диске», весь был насыщен золотым искрящимся, синим током глаз, солнца. Он был очень красив, и каждое его движение в свойственном ему ритме и такте, с каждым оттенком его голоса, с каждой сменой света, тени, движения его лица. Горячая нежность и неисчислимые сокровища тонких драгоценностей его внимания. Он не только художник, но и сам произведение искусства, сложная и тонкая простота, какую могли создать пятнадцать поколений его предков, культура веков. А моя «плавность, грация и неуловимость движе-

ний», какую любит во мне Иоанн, и «сжигающее его мое спокойствие» — все это от него, через него, при нем. С ним все люди становятся в своем полном диске — все женщины женственными. Он включает людей в ритм мира. А «ритмы управляют миром».

В коридоре было много народа, а будто и не было людей.

Если бы мы были в лесу, или в моей комнате, или в Мастерской, он тихонечко, крепко и нежно обнял бы меня, и было бы так же хорошо, как было хорошо и без этого.

В нем кроме всего остального есть и какая-то детскость, праздничность, радостность жизни. Надо было видеть, как он принес мне в этот день крупные золотые яблоки.

А апельсины на снегу (бросал их на твердый наст снега, и они катились по холму — безвозвратно, но сказочно красиво, в снежных искрах и блестках лунной ночи), а сферические, крупные брызги из ведра в Мастерской Быка, а вдохновенное освещение горящими стружками на листе железа в мастерской со статуями. Это было в круглой большой мастерской ВХУТЕМАСа — там стояли законченные статуи его учеников с двух натурщиц.

Однажды вечером в Мастерскую к нему пришли Пав<ел> Алекс<андрович> Флоренский, Адриан, Нина Як<овлевна>, Елена Вл<адимировна>. Света не было, перегорели электрич<еские> пробки, было темно. На полу лежали смолистые стружки, Иоанн взял лист железа, на него положил охапку стружек и зажег их. И в светах и тенях этого факела статуи с закинутыми за голову руками и другие зашевелились. Иоанн так живо рассказывал об этом, что мне кажется, будто я сама видела, как блестели глаза и зубы Иоанна, лица Павла Алекс<андровича> и всех, кто там был, и как ожили статуи от света и теней горящих стружек на железном листе, когда его Иоанн нарочно покачивал.

20 марта

Я отказалась от предложения Комаровского жить у них в семье — с его детьми. Жена его очень больна. В Сергиеве мне предлагается работа в Доме ребенка. До лета, до работы, отдохну у Вавочки. Очень люблю Марию Федоровну. В Марфо-Мариинской больнице побуду какое-то время, когда там будет место. Больница переполнена. Мария Фед<оровна> устроила, что я там кандидатка на первое освободившееся место.

28 марта

Вот уж три дня, как я уехала из больницы. В больнице и по дороге из Пскова, у Добровых был у меня брат Володя. Я была очень рада ему.

29 марта. Москва

...В больнице мне было тяжело все, что вокруг — больные, болезни, горе и жизнь всех этих женщин. С некоторыми я даже подружилась, несмотря на запойное свое чтение книг и некоторую изоляцию от распушенной несдержанности разговоров.

Но самой мне там не было плохо. Несмотря на острые боли, всякие процедуры, лечения внутренне, мне было хорошо. Три раза в жизни была я в больнице, и каждый раз время в больнице было временем высокого прилива любви к жизни, к людям, духовного подъема и осознания и понимания многого, мимо чего проходишь бездумно в сменах и суете текущих дней, в очередных делах, заботах, когда как-то некогда остановиться, оглянуться. Может быть, в больнице выключаешься из «текущих дней», и есть время для раздумья, для оглядки на себя, на жизнь, на оценку и переоценку ценностей, пустяков и главного в жизни.

В комнате Шурочки Добровой-Коваленской. У камина Шура сидит с ногами в глубоком блекло-малиновом бархатном кресле. (Я помню это кресло в комнате Надежды Сергеевны Бутовой.) В синем открытом платье, свободном и широком — это и не платье, а «одежда», свободными складками как-то драпирует стройную высокую фигуру Шуры. На груди очень низко, под вырезом, бархатный огненно-оранжевый цветок. На шее, закрывая грудь, серебряное старинное ожерелье, сделанное так, что оно кажется жемчужным — ниток в 10–12. Такое ожерелье есть на картине Россетти, не помню, кажется, на Беатриче¹¹, но там 3–4 нитки ожерелья, а здесь оно закрывает грудь от шеи до грани очень открытого выреза. Сказочно красива Шура. Что бы она ни надела, все ей можно надеть, все красиво, на что другой женщине и осмелиться было бы невозможно. Синий цвет платья я вижу на ней первый раз (ярко-синий шелк очень красивого оттенка). Обычные цвета ее одежд, если не белый и не черный — зеле-

ный, желтый, оранжевый, красный, лиловый газ на оранжевом или желтом шелке; зеленый газ — на красном шелке, красный газ с черным бархатом. Красивые шали, палантин из соболей, очень широкие шелковые длинные шарфы. Никогда не носит шерстяных платьев, всегда шелковые, а летом — легкие белые, светло-желтые, яркие. Выбор цвета, безошибочно идущий к ней, сочетание цветов необычное, но всегда красивое, верных тонов. Поразительно хороша она в черной амазонке — совершенно гладкой, с высоким воротом, длинными узкими рукавами, без всяких украшений, кроме огромной ее косы, просто и высоко заложженной на голове, а на висках два полумесяца — зачесаны так волосы от висков. И простая коса на ее голове кажется тиарой египетской или греческой, не знаю какой, царевны, не то древнего мира, не то будущего века женщины-цветка.

18 апреля. Москва.

Собираюсь на юг, в Миргород¹². Необходимо грязевое лечение.

После больницы выходила из дома раза четыре, и каждый раз — обострение болей ревматизма — суставов. Временами теряю надежду поправиться так, чтобы быть в состоянии работать. Работа в Доме младенца в Сергиевом Посаде ждет меня, как только смогу.

...Но не об этом болит душа. Не знаю, о чем и о ком. Но тревожно — будто уже случилось что-то очень тяжелое, а я еще не знаю что, но как-то на пороге близко, вот-вот услышу плохую весть *страшную*. Говорят, что это нервы, сердце и все такое. Странно.

Страстная суббота. Запах куличей, крашеные яйца, цветы, зеленый овес на плоских тарелках, выставленные зимние рамы из окон, колокольный звон. В памяти мама, братья, Ник<олай> Григ<орьевич>, Иван Вас<ильевич> и все, что было.

Очень берегут меня, много бережности, внимания, любви послал Бог для меня в доме, в семье, где я живу. В милом доме Добровых.

На минутку была в церкви у Плащаницы — в теплой шубе, в пушистом платке. На минутку выйду и к Крестному ходу Заут-

рени — церковь рядом, на перекрестке Малого и Большого Левшинских переулков Пречистенки.

27 апреля. Москва — Воронеж
О. Бессарабова — В. Бессарабову

Родной мой Володюшка, я два раза была у Всевы. (Прием по четвергам и воскресеньям.) Первый раз он был очень внимателен, спокоен и вполне сознательно и критически рассказал мне о своем состоянии, о бреде, очень внимательно спрашивал о братьях, о знакомых, обо мне. Говорил, что не надо думать о самом плохом исходе болезни, что нервное переутомление всех этих лет «перетянуло тетиву», не надо думать о самом плохом. На вопрос, хочет ли он видеть кого-нибудь из знакомых, он сказал: «Если я буду здоров, я с удовольствием сам приду к ним, а если они сюда придут, и им здесь будет тяжело, и я буду чувствовать себя как будто я больной».

Минут 20 он был очень внимателен, спрашивал, отвечал, вспоминал, рассказывал. Потом стал рассеянным, будто забыл, что я с ним. Я заметила это и попрощалась.

После этого пришлось часа полтора ждать доктора (я хотела поговорить с ним о Всеве). В это время пришли два товарища Всевы с аэродрома. Он очень хорошо встретил их и ничуть не удивился, что я еще здесь. Товарищи привезли ему жалованье. Всева дал мне 6 рублей на нужные ему вещи. Он сам записал, что ему нужно мыло, зубной порошок, щетку, что-нибудь сладкое и три шоколадки. Скоро он устал, и мы попрощались с ним. Он хорошо попрощался с нами.

Доктор сказал мне, что привезли его в припадке острого умопомешательства¹³. Он прятал лицо от людей, слышал голоса и отвечал им, часами задумывался, смотря в одну точку, и говорил о том, что он приемный сын, еврей, воспитанный в нашей семье, что он изучал древнееврейский язык (это оказалось правдой, мне потом рассказал его друг — он видел у Всевы тетрадь с буквами и словами на еврейском языке). О степени и сути болезни сказать еще ничего нельзя. Он побудет здесь с месяц, тогда что-нибудь можно будет сказать. Если ему будет лучше, его отправят в санаторий.

По дороге от Всевы его товарищи (очень внимательные к нему) рассказали мне, что с полгода уже у него были всякие странности, и месяца два уже это замечали все и берегли его. Потом все это подтвердилось. Он путал все на работе, гипнотизировал каких-то командиров, подозревал всех в антисемитизме и заговорах, арестовал двух прохожих, заподозрив их в желании проникнуть в секреты радиостанции, и т.д.

Меня поразило хорошее бережное товарищеское отношение к Всеве сотрудников его по работе.

Всева записал мне телефон и имя одного инженера, своего друга в радиолaborатории. «Если хочешь спросить обо мне там, то вот этот человек не предатель и он мой друг».

Второе посещение прошло крайне тяжело. Станный, сосредоточенный неподвижный взгляд или подозрительный недоверчивый сбоку, или яркий, гипнотизирующий, временами же мутные глаза. Он прекрасно помнит, как его принесли к нам на Холодную Гору в Харькове в корзинке. Принесла бабушка Евгения Борисовна. Он еврей. Родители его неизвестны. Среда, где прошло его детство, была крайне юдофобская! Все ненавидели евреев. Он помнит, как его принесли в корзинке, ему было несколько месяцев. Что он это помнит, он может доказать по новейшим научным данным. Ему очень жаль меня. «Они» опутали мою душу и сделали меня монахиней. «Ведь ты не можешь поклясться, что ты меня не проклинала за то, что я коммунист?» Он уверен, что я знаю все шифры. Я прекрасно понимаю, о каких шифрах он говорит. Поповские шифры, тихоновские...

Представление, что он мой родной брат, уживается в нем рядом с мыслью, что он неведомый подкидыш из корзинки.

Он заставлял меня поклясться, что я не антисемитка и ни от кого не подослана. Говорил, что он видит всех насквозь, и понимает, что я могу дать ложную клятву. Но так как моя религия запрещает мне лгать, то после ложной клятвы я решила умереть, наложить на себя руки. И стал убеждать меня не делать этого. Это ни к чему, это ни мне, ни ему не поможет.

И он очень сурово сказал...

— Ну, Олечка, все кончено. Хоть мы с тобой по крови и родные, наши взгляды так не сходятся, что дело ясно. Все кончено.

— Да, Всева, я очень рада, что мы с тобой поговорили и все разъяснили. Ты ведь понял все, мы теперь будем жить с тобой вместе, когда ты выздоровеешь. Мы с тобой снимем комнату и заведем хозяйство.

— А ты думаешь, скоро я выздоровею?

— Я думаю, что скоро. Но ты не торопись и не бойся...

— А бред пройдет?

— А то как же, конечно, пройдет. Ты не бойся бреда, только помни, что это от болезни. Так тебе принести три шоколадки и шоколадных бобов?

(Он был огорчен, что я принесла ему большую шоколадную плитку, а не три шоколадки, как он просил. Ведь это он не для себя, он хотел подарить их троим больным. Они ведь совсем сумасшедшие.)

— Да, принеси мне это.

И, глядя на меня совершенно сознательными глазами, без всех этих блесков ужаса, страха и подозрительности, без мути, но очень устало, он нежно и дружески попрощался со мной и сказал: «Ну, в четверг я буду ждать тебя, Олечка».

Я сделала вид, что ушла, и видела, что он не мог выбрать направления, куда ему надо идти. Огромный санитар звал его в одну сторону, он беспомощно не мог понять, куда ему идти. Самое тяжелое не бред его, а впечатление от взгляда его и каменной неподвижной задумчивости. Ему понравилась мысль жить со мною, после болезни. Только я «должна буду отречься от религии и от церкви». Он очень хвалил обращение персонала с больными, стол, опрятность, врачей. Он сказал, что если он не безнадежный сумасшедший, в этих условиях он поправится. Во время разговора (то есть бреда, потому что он говорил, что я подослана к нему, он знает кем) дама, сидевшая напротив, уронила сумочку или перчатки. Всева естественным свободным движением поднял вещь и вежливо подал ей. Его неприятно поразила брошенная кем-то папироса. Он поднял ее и «убрал». То есть просто переложил ее на другое место.

21 мая

Работу свою в Доме младенца (в Сергиеве) я уже начала. С детьми бываю 5 часов в день. Мне легко и приятно быть с детьми от

2 до 3 лет — девять ребятишек. Жалование — 30 рублей и обед — жить можно.

О Всеве. Доктор сказал, что еще есть надежда на поправку и даже полное выздоровление. Все дело в крайнем перенапряжении всех сил, в переутомлении в течение ряда лет — без передышки и отдыха в тяжелых условиях, с 1917 года — восемь лет!

Так же без передышки и отдыха живет и брат Борис, да и Володя. Всевочка после тропической малярии уже с полгода «катился под гору», а последние дни перед больницей совсем перестал спать; он перестал работать, у него была мания преследования, он часами сидел неподвижно, был «отделен от внешнего мира». Стало необходимым отвезти его в больницу. Он не сопротивлялся, собрался сам.

Первые дни в больнице. Бредовые идеи перемежались с острым критическим и ясным сознанием всего окружающего и своей болезни. Последние дни он беспокоен и более «отделен от мира». Бурное течение болезни позволяет надеяться на благоприятный исход болезни — на выздоровление. Страшно, что не могу навещать его именно теперь (что будет потом — неизвестно). А братья живут далеко в Воронеже, и оба заняты сверх головы. И Всевочка один.

23 июня — 5 июля. Москва

Вчера вечером у Жени Б<ируковой> слушала отрывки из мемуаров и рассказы О<тца> С<ергия> Сидорова. Обреченный он какой-то. Редкостно красивый, в 22 года священник, двое детей, влюблен в Женю. Взрослый отрок. Безупречный в поведении, неудержимо обречен гибели.

10 июля. Сергиев Посад

На другой день после Ивана Купалы (с 8 на 9) по дороге в Скит под цветущей липой я и Валя встретились с Еленой Влад<имировной> Дервиз и с ее бабушкой.

Из скита зашла к Фаворским. Видела второго их сына Иванушку¹⁴ и всех остальных. С Еленой Влад<имировной> была у Винберг в Глинкове¹⁵. Нина Як<овлевна> уехала в Москву. Не

удалось мне поблагодарить ее за чудесный подарок, только что изданную книгу ее «Записки Петрушечника».

Ефимов ушел на сенокос. Ел<ена> Вл<адимировна> и Адриан проводили меня до дома закутанную в испанский плащ Иоанна. Как он знаком мне! Дом заснул в 11 часов.

В полночь проснулась от гома часов и от голоса Иоанна, звавшего меня с балкона. Он перелез через забор, через палисадник и балкон. И почему-то ни одна собака не залаяла, а обычно все три они несносно лают при малейшем движении даже живущих в доме. Проснулась и Вавочка. Я быстро оделась и вышла на балкон. Зажгли лампу, на балконе устроили постель Иоанну. Вавочка смеялась, что она никак не могла отнести ко мне «Ольгу Александровну» — слышала, но не подумала, что это к нам идет... Мы все трое засмеялись, но никто не сказал «жених во полунощи». Иоанн дал мне душистую клейкую ветку тополя. Часа через полтора дом опять заснул.

Канун Ивана Купалы я встретила на крылечке санатория в Долгих Прудах. Смотрела, как солнце превратилось из золотого в розовое, оранжевое, красное, багровое. Встала с крылечка, когда затихли последние светы, когда в Доме отдыха зажглись огни, когда за усадьбой в деревне услышала песни и звуки карусели. В деревне Виноградово престольный праздник и народное гулянье.

Затихла вся, тосковала о чужестранце Рахмиэле. Первый раз «изменила» я Ивану Купале, забыла об этом дне — что он завтра. Батюшка Ярило, не гневайся!

С Анной Иосифовной пошла в Виноградово, посмотреть на карусель с нарядными девушками и грубоватой молодежью.

Днем через весь парк прошла процессия девушек в ярких шелковых платьях (голубых, розовых и белых) с большой серебряной чудотворной иконой Богоматери. Пели: «Не имамы иные помощи, не имамы иные надежды... Ты нам помоги...» Шли они по главным аллеям. А над прудом стройно стояли олимпийцы из Дома отдыха, приготовившись купаться, плавать, нырять. Молча смотрели на Крестный ход с чудотворной иконой. День яркий, солнечный. Колокольный звон и здесь, и там, и дальше — все с новых сторон, нет края, нет конца, изо всех окрестных деревьев.

Я издали пошла за процессией. И до самого Заболотья слышала звонкое по лесу пение девушек. В Заболотье крестьяне приветливо напоили меня молоком, угостили душистым теплым белым хлебом.

Попрощалась с березкой у дороги на опушке рощи. Волос мой, обвязанный вокруг ее ствола десять месяцев тому назад, *поседел*.

Утром (9 июля в Сергиевом Посаде) встала рано, не разбудив Вавочки, умылась, причесалась и вышла на балкон. Иоанн встал раньше меня. Потом пришли люди – Вавочка, матушка Дионисия, Виктор Константинович, Наталья Дмитриевна с Сергеюшкой и Мих<аил> Влад<имирович>, Валечка моя, Виткович-Затеplinская.

Для Вавочкиного Дома младенца и для меня Ив<ан> Сем<е-нович> нарисовал 14 контуров зверей для силуэтов. Рисунки эти, вероятно, издадутся, и эта изящная любезность художника будет и ему «на пользу». Виктор несколько скептически и юмористически спросил:

– На какую же пользу?

– Рублей 200, – спокойно ответил Ив<ан> Сем<енович>.

В конце березовой аллеи посреди улицы – а березы до неба – на склоне зеленого холма, а холм – высоко над лесами, скитами, озерами, вдали – на плаще, как на ковре-самолете, Иоанн дорисовывал зверей. Мельком зарисовал и проходящих вереницей на дальнем холме женщин с тяжелыми ношами хвороста и тонкими длинными стволами деревьев на одинаково согнутых спинах.

Перед обедом (пироги немного задержали обед) вышли опять на скат холма под тень солнечной березы – Иоанн, я, Виктор и Валя. Быстро налетала веселая гроза, грохотала издалека, потом совсем близко.

Батюшка Ярило,

Иван Купала, милый! Недаром ты говорил со мною грозами последних дней, утренними и вечерними зорями, запахом земли и неба после гроз!

Из скита шел о<тец> Сергей (Сергей Алексеевич Сидоров). Я пошла ему навстречу, пригласила зайти к нам от грозы – сейчас налетит, и пироги горячие, и мы все рады ему.

За столом диспут (не спор): Эллада, язычество, христианство первых веков и в средневековье, современный человек — интеллигенция, народ. Чудесно засветились и заискрились Иоанн и Сергей Алексеевич. Виктор приумолк, я рада была, что он не перебывал разговора шутками и что и ему было интересно послушать.

Иоанн заметил красивое движение руками о<тца> С<ергия> около протянутой на балконе веревки. Хотел незаметно показать мне — обратить мое внимание, а я, то же самое ему, и оба это поняли. Он весь вспыхнул от радости. А когда о<тец> С<ергий> уходил, я начала было, но не успела сказать (хотела, чтобы Иоанн проводил о<тца> С<ергия>). Иоанн сказал о<тцу> С<ергию>: «Я провожу вас».

Потом он вернулся, и мы вспоминали разговор за столом — то одно, то другое, не по порядку и удивлялись, как вспоминалось и говорилось одновременно.

О стихиях огня, воздуха, земли и воды. О средневековых аутодафе, ведьмах, инквизиции. О христианстве огнем и мечом. О выставке негритянских тотемов-идолов и об игрушках, вырезанных из дерева. Иоанн зарисовал почти все экспонаты этой выставки, оторваться не мог.

Об осмотре Троцким лаборатории ВЭИ — Павла Алекс<андровича> Флоренского с электрическим колесом, искусственной грозой в лаборатории, о колкости и ломкости воздуха, об опыте с «деревом»¹⁶... О книге Флоренского об электричестве. О спектакле Петрушек для Павла Алекс<андровича> и Василия Мих<айловича> (брата жены Флор<енского>)¹⁷ в доме Ефимовых. О книге Нины Яковлевны (о Петрушках). О праздновании дня Ивана Купалы в Глинкове. Пили вино в поле на сенокосе. Осы искушали всех, а Ив<ана> Сем<еновича> не трогали. Он обиделся, а потом понял — осы не кусали его, потому что он именинник. И собаки его никогда не кусали.

...«Вы и представить себе не можете, как я вам рад». Эту фразу друг другу мы начали одновременно, только он закончил ее (или остановился) на слове «рад», а я с разбега докончила: «...Рада сегодня».

И потом я поняла: как раньше была бы я растворена (потрясена), какое значение имел бы для меня этот почти дуэт — в течение всего дня — с утра на балконе и до позднего вечера.

Я и была рада, но чуточку издали, издалека. Как через чистейшее тонкое совсем прозрачное стекло.

18 июля. Старая Русса

О. Бессарабова – В. Виткович-Затеплинской

Радость моя, Валечка, я записала рассказы в преданиях о Старой Руссе¹⁸, об Ильмень-озере, Волхове, Новгороде, реке Полиссе (Полесье?). Как хотела бы я побыть с тобой в этих краях.

Я хорошо устроена – в хорошей комнате на втором этаже дома со старым садом – сад этот мне больше нравится, чем парк курорта, подчищенный и людный.

Перечитала уже напечатанную книгу Нины Яковлевны «Записки Петрушечника» – книгу, которую я знала еще в рукописи автора. Книжка, как и сама Нина Яковлевна, талантлива, умна, своеобразна. Чудесная книга.

Хожу в белую церковь на высоком зеленом холме. Как у нас умеют хорошо поставить церкви (выбрать место). Не мешает мне даже несколько фатоватый священник. Слушаю богослужение раскрытым сердцем. Я очень стараюсь, Валечка, быть «как следует». Я хотела бы, чтобы брат умер. Я слышала, что больных бьют, применяют физическое насилие. Не уныние, а непреодолимое и не проходящее ни на минуту неподъемное горе о нем. Люби меня, Валечка, очень люби меня.

В церкви я слышала от 80-летнего священника чудесный рассказ об одном монахе, который ухаживал за больными – усердно, терпеливо, неутомимо и кротко. Он пропускал иногда церковные службы, не строго соблюдал посты, братия жаловалась на его леность и небрежность к службам и постам. Старец же поклонился тому монаху и сказал ему: «Молись о нас грешных». Уход за больными старец ставил наравне с богослужением. Когда старичок говорил, сияло серебро его волос и бороды и светлым светом горели его большие черные глаза. А когда вышел с крестом в левой руке (левая рука его не поднимается), устал, весь потускнел, еле держался на ногах. Некоторые молящиеся, чтобы не заставлять его поднимать руку с крестом, земно кланялись ему, не подходя к кресту. Он несколько раз легкими движениями креста благословлял группы таких людей.

Монастырь. Огромна чудотворная древнерусская икона Богоматери. Наглый священник с бегающими глазами крикливо и митингово говорил о недостойном поведении патриарха Тихона и образовании обновленческой церкви. Я подошла к иконе. Около нее, в сторонке, в голубом с серебром облачении в золотой митре, седой, «как лунь», сидит на низенькой скамеечке старик и безмолвно плачет. Это бывший архиепископ Новгородский, очень любимый и уважаемый Новгородом, в критический момент упрощенный новгородцами пойти к обновленцам и «постоять за правду, чтобы молодежь не напутала».

В Старой Руссе он уже год. Приехал сюда с черной бородой, а теперь весь седой от горя и позора. Как попал в банду обновленцев, — и куда теперь ему податься. Его совсем затравили, им козыряют, вертят, как щепку.

«А какой был проповедник. Как заговорит — плачут, жалеют его, а все-таки не хотят молиться с ним, попрекают — зачем к обновленцам перешел, они не на правде стоят».

Во вторник — Крестный ход. Вся церковная Старая Русса раскололась: обновленцы из монастыря (где находится икона) и еще одна церковь понесут сами икону — не дадут в руки «неразумным старообрядцам».

А «новые старообрядцы» хотят нести староримскую икону сами, чтобы нечестивые «обновленцы» не касались, и не хотят идти вместе с обновленцами. Хотят взять копию с чтимой старорусской иконой и устроить отдельный Крестный ход с иконами из всех церквей.

7 августа. Старая Русса — Воронеж
О. Бессарабова — З. Денисьевской

Про грех и я не разумею... Особенно упорно не доходит до меня утверждение, что мир греховен и во зле лежит. Я старалась понять, но, хоть убей, не верю и не вижу. Какой уж там грех при такой скорби, боли, при всяких уронах, бедствиях, всяких законах «кому-нибудь быть пищей».

Против моего дома через улицу живут родители Мих<аила> Влад<имировича> Ш<ика> (мужа Наталии Дмитриевны). Я мало знала эту семью и только через призму Вавочки. Теперь я заново открыла Гизеллу Яковлевну да и Владимира Мироновича, и мне

приятно и интересно бывать с ними, тем более что мы не навязчивы и не обязательны друг для друга. Она очень добра и жива, хорошо воспитана, интересно рассказывает, в некоторых случаях умна. Ходит с палочкой (высокой тростью) и стройной элегантной фигурой, и бурбонским носом, манерой держаться и седой головой напоминает дам Версаля 18 века. Вл<адимир> Миронович добродушен, спокоен и добр.

20 августа

Тревожные сны. От брата Бориса отгоняла смерть в образе худого солдата в рваной старой шинели. А больного кроткого брата Всеволода тщательно старалась очистить от насекомых.

За ранней обедней Святому Митрофанию Воронежскому помолилась о братьях, о городе Воронеже и обо всех, кого вспомнила — там.

Дама с изумрудами подошла в церкви и просила молиться за ее сына и внучку, со слезами сказала, что сегодня в церкви она поняла, что ее сын не годится мне в мужья — и это очень жаль.

— Помолитесь о нем.

Жду денег. Здесь буду до 1 сентября. Много писем — от Вавочки, Жени, Тани, из Долгих Прудов.

Думала о браке. Брак — ограда, за которую порядочный человек и не проникает. Вне брака (в обществе, где приняты определенные условия брака) тягостна и неизбежна возможность внимания близких людей в эту сторону.

И еще — жалость и преувеличенное представление о своей роли и значении в жизни другого человека.

Сколько тягчайших драм в этих двух ловушках! Это калитки в ад на этом свете. И в ряде случаев, когда обманщики жалеют обманутых жен (или мужей), неизбежна ложь и моральная трусость с примесью корыстных, житейски удобных (иногда недоосознанных) элементов.

15 октября. Москва

С Женей Бируковой зарабатываю корректурой (из Госиздата). Не знаю, как это оплачивается. Вавочка и Алекс<андр> Викт<орович> печатают детские дошкольные книги — стихи — книги печатаются очень долго, медленно.

Вавочка живет в суровой бедности. В Доме младенца она давно уже не работает.

В Профсоюзе Работников Просвещения на площади Свердлова на перерегистрации я была застигнута врасплох вопросом дамы за окошечком перегородки.

– Чем вы живете без работы?

– В долг и надеждами.

– На что вы надеетесь?

– Ищу работы, какие попадутся. Мне обещали давать корректуру из Госиздата.

И неожиданно женщина эта (ее фамилия оказалась Землячка) спокойно сказала: «А я обещаю вам пособие по безработице из страхкассы вашего района» (15 рублей).

И оставила у себя листок с моим именем и адресом. Мне надо продержаться еще 2–3 месяца. Месяца через 3 я буду работать в Детском саду ВЦИКа в Москве. И жить там буду на Поварской улице, в масонском доме Соллогуба¹⁹. Особняк этот построен с большими затеями.

Заведующая этим садом Елена Петровна Микини попросила меня дать ей мои записи о детях в Долгих Прудах. Микини понравилась мне, заинтересовала. И она сказала мне, чтобы я подождала бы, не брала бы эти 3 месяца постоянную работу. Мне будет интересно здесь работать, и условия работы лучше, чем в Дет<ских> садах Наркомпроса. Шесть Детских садов ВЦИКа состоят в ведении Клавдии Тимофеевны Свердловой²⁰ – сады эти числятся при ВЦИКе.

С ночлегами в Москве у меня не очень устроено. Все это время я спала в спальне Елизаветы Михайловны и Филиппа Александровича Добровых за условной занавеской. Их дом и после жесткого уплотнения так и остался Ноевым Ковчегом, где такие, как я, спасаются от потока, бездомья и неустроения. Я сплю на гобеленовом диване. Тут же за дверью в проходной прихожей (приемной для больных) на диване спит Фед<ор> Конст<антинович> Константинов, художник. С мая месяца ищет и ждет светлую комнату, необходимую ему и для работы, и для жизни. И, чудак, твердо решил найти комнату непременно в милом ему районе Москвы – между Остоженкой и Поварской. Золотые

легкие волосы, большая золотая борода. Не то Пан, не то Фавн, не то Рабиндранат Тагор, а более всего — рафинированный русский мужичок, а все вместе — художник. Есть в этом варваре и доморощенный мудрец, и мечтатель о рае на земле. Он долго жил за границей — в Париже, в Италии, в Германии, но «все иностранное» как-то «не испортило» русскую его сущность.

В когда-то огромном кабинете Фил<иппа> Александровича, теперь разделенном на шесть частей, комнатушек-закутов, живут:

1) за плотной перегородкой до потолка — еврейская культурная семья, численный ее состав определить невозможно;

2) сестра Елизаветы Михайловны — Екатерина Михайловна с собакой Динкой;

3) Даниил (Леонидович Андреев) — племянник Елизаветы Мих<айловны> Добровой;

4) Владимир Павлович — племянник Екатер<ины> Мих<айловны> по мужу²¹;

5) Фимочка, девушка, которой негде жить. Три года тому назад отец ее, священник из Сибири, потерял в дороге жену — она умерла от тифа — и несколько дней жил в Москве под мостом с 8-ю детьми. Ему дали возможность служить в церкви в Левшинском переулке. Прихожане по мере сил и возможностей собирали деньги для его семьи. Он был в последнем градусе чахотки и всяких бед. Елизавета Михайловна была в церкви, обратила внимание на крайнюю его усталость и после обедни пригласила его к себе — к чаю, к завтраку. И он умер, не встав с дивана, на который прилег отдохнуть.

Всех детей удалось устроить в разные детские учреждения, старшая — Фимочка — осталась у Добровых.

Каморки, отделенные друг от друга книжными шкафами Филиппа Александровича с темными химерами наверху и резными декоративными не то звериными, не то человечьими головами. А столовую от всех этих райских шалашей отделяет тяжелая синяя портьера — занавеска на кольцах.

Через другую дверь из спальни Елизав<еты> Мих<айловны> — комната Шуры и Александра Викторовича. Дверь эта с той и другой стороны занавешена плотными красивыми коврами. Вход в комнату из коридора. Из этого длинного, через весь дом коридора двери в комнаты совсем чужих людей, кото-

рыми уплотнена квартира — студентов, стариков, старух, еще двух семей. В прихожей, где спит ночью Константинов — самый громкий в доме жилец, — телефон, а над ним электрический звонок.

В доме еще три кошки. А над головами этого ковчега топотала какая-то танцевальная школа или студия. Ее укротили (по толки стали крошиться и рушиться то здесь, то там).

В еврейской семье кроме фисгармонии Алекс<андра> Викт<оровича> и рояля Фил<иппа> Александровича поселилось еще пианино с бесконечными гаммами.

Час корректурной работы мне и Жене дает по 50 копеек. Не знаю, много или мало это, но я и Женя рады этому заработку.

У Жени Бируковой есть родственница — 22-летняя красавица, прелестное существо. В городе Серпухове у нее остался ребенок. В бывшем своем имении она скотница и уборщица. В Москву приезжала — искала заработка, пыталась организовать кустарную игрушечную артель. Она окончила «Игрушечный техникум», делает мягкие игрушки. Рисунки к ним делает сама — куклы, звери, очень талантливо, изящно, с забавной выдумкой, веселые и без гротеска. Для артели собралось 7 человек, мать Жени Б<ируковой> в их числе. Но артель не организовалась — не смогла собрать 45 рублей для оформления. Так Верочка и уехала в Серпухов на прежнюю работу. В Москве она ходила на поденную работу. За целый день стирки получала 2 рубля 50 копеек. В некоторых случаях 11 часов подряд. (Одиннадцать часов.)

Ни жалоб, ни ропота. Ее грубо обманул отец ее ребенка. Эта катастрофа не сломала ее и выплавил в чудесный чистый слиток. Нет в ней ни жестов, ни слов о своих бедах. Умна, объективна в оценках, спокойна. Она очень молода и очень красива.

28 октября

В<иктор> К<онстантинович> будет сидеть год и 8 месяцев, без строгой изоляции, с поражением в правах на 2 года. Подано прошение о пересмотре дела. Валя работает на себя, на мать, на передачи мужу.

В доме Добровых беда. Вчера Сашу отвезли в больницу нервнобольных. Предполагается не меньше, чем на полгода. 8 лет кокаина, анаши и прочих снадобий. Ужасно. И это, и все, что вокруг этого.

Алекс<андр> Викт<орович> пишет сказки в стихах. В Госиздате стихи для дошкольников, сказки его принимаются очень охотно.

Беда-горе о Саше переполнило дом, как чашу, до краев. И в такой тесноте, в таком неизбывном многолюдстве...

Мать его, как распятая на кресте.

31 октября

Умер Фрунзе. О нем хорошо говорят хорошее. Его очень любил и хвалил брат Всева.

Октябрь. Москва

Завтра я с утра начну работать в Дет<ском> саду на Поварской. Занята буду от 10 до 3 часов, по субботам — до 2 часов, 63 рубля, обед; ночевать можно там. В группе 10—12 детей от 3 до 4 лет. Очень по душе мне там две сотрудницы.

За корректуру для ГИЗа я и Женя получили по 26 рублей. Вот уж вовремя!

Вавочка больна (какая-то опухоль, может быть, понадобится операция). Детские книжки ее стихов хорошо принимаются и оплачиваются, но денег нет, накопились неизбывные долги и нужды.

Может быть, удастся устроить работу Марии Фед<оровне> Манс<уровой>. Она хорошо рисует, одно время расписывала подносы, игрушки, брошки, коробочки.

Сегодня у нас был ее муж Сергей Павлович. Оба они одни из самых дорогих мне людей на свете. Чтобы зимой иметь возможность писать свою книгу, С<ергей> П<авлович> продает свою библиотеку, исключительную по замечательному выбору книг. Как велико обаяние его и его жены, я и не пытаюсь рассказать. Семья сестры Марии Федоровны (Комаровской) в крайней нужде и бедах. Задача: помочь продать хоть несколько картин Ком<а>

ровского>. Где-то в Сибири расписывает вывески этот замечательный художник²².

Фил<ипп> Алекс<андрович> и Вольф играют в четыре руки Вагнера.

За синей портьерой Арсений – племянник Елизаветы Михайловны, сын ее сестры Екатерины Михайловны – рассказывал мне о Блоке, о Борисе Садовском²³, о старых старинных книгах (он собирает редкие антикварные книги и поэтов, главным образом, символистов), о музеях и собраниях фарфора, мебели, гравюр. Он очень болен («неопатик» – кажется, неточно я назвала эту нервную болезнь). Лечится у Хоромко. Мать еще надеется, что атрофия нервных мышц может пройти, и он будет ходить.

Алекс<андр> Викт<орович> написал прелестную сказку о гнездовье диких гусей.

К нашей общей радости, пришел Сергей Павлович М<ансуров>.

Как-то вечером была у Вали Виткович (Затеплинской). У нее была гостя, скромная на вид девушка, геолог. Она была на Урале, на Новой земле. В тот же вечер через нее познакомилась с проф<ессором> Зильберминц²⁴ (хотела этот месяц – до работы в Детском саду приходить на несколько часов в день к двухлетней девочке профессора).

Он и его жена очень милые люди. У нас оказались общие знакомые (Вавочка, семья Ш<ик>). Через них и Марусю я вполглаза и вполуха заглянула в особый мир, который знает геология. Дух захватило, как интересно. Ох, как много всего на свете, о чем у меня нет, а если и есть, то весьма смутное понятие...

А позднее вечером я узнала, что работа моя в Дет<ском> саду уже пришла ко мне. Мою долю корректуры Женя передает своему двоюродному брату – Сереже Пр<едтеченскому>. Он живет в Москве, на 20 рублей в месяц. Недавно явился к Жене рядный – сшил пальто из синей плюшевой скатерти, хорошо, что этот плюш похож на бобрник. В нем Сережа похож на плюшевого синего Мишку.

Где мой брат Владимир – в Воронеже ли или уже в Орле? Давно ничего не знаю и о брате Борисе.

Москва переполнена именем Фрунзе, его смертью, похоронами. О нем хорошо говорят все, кто знал и слышал о нем. И странные, почти невероятные комментарии о его болезни и смерти.

Дом Дет<ского> сада ВЦИКа № 6 на Поварской очень хорош. Слишком даже хорошо. Немного в стране таких оазисов для детей. В памяти так и встали мои беспризорники, убогое оборудование Дома младенца в Сергиеве и всякие другие дети в домах и без домов.

С четырех часов дом пустеет до подвала.

В канцелярии (бывшая масонская трапезная с надписями и рисунками на стенах и на потолке), в музыкальном огромном двухсветном зале с цветными окнами, с резными черного дуба стенами, потолком, великолепной лестницей и ложами или в одной из больших уютных светлых комнат с игрушками, коврами, лилипутской детской мебелью. (В каждой детской комнате, в одном из углов, занимают $\frac{1}{4}$ комнаты очень красивые персидские ковры.) Где захочу, там и буду устраивать себе ночлег на складной кровати. Буду кочевать. Первые ночлеги устрою в зале с камином выше человеческого роста. Очень уж удивительно. Две сотрудницы так и живут — я присоединяюсь к ним.

В этом замке с башнями и подземельем (есть и подземелье, где хранились масонские одежды и всякие символические вещи) мне было бы неплохо отыскать хотя бы маленький уголок, где было бы можно сложить хотя бы и на рабочий день свою шатер-складную кровать.

Все мое имущество помещается в небольшой корзинке. Да я и не хочу большего, но неприкосновенной для других полке для книг была бы рада. Деньги мне всегда нужны, и побольше. Они ко мне не прирастают.

9 ноября

Валечка через две недели носит передачи Виктору и видит его на «свидании» через двухрешетчатый коридор.

13 ноября

В воскресенье была у Всевы. Узнал меня. Сгорает. Очень похудел, очень бледен. Жалуется, что у него украли сердце. Со мной разговаривал, но быстро утомлялся. Попросил бумагу,

Часть II. ДНЕВНИКИ ОЛЬГИ БЕССАРАБОВОЙ

карандаш, хотел писать какое-то заявление, начал очень волноваться и забыл, что хотел он написать. «Это обязательно надо вспомнить».

На мое упоминание о братьях спросил рассеянно, не слушая ответа:

— А разве они живы?

В первый момент, не взглянув на меня, сурово...

— В чем дело?

— Я принесла тебе шоколад и яблок. Здравствуй, милый мой Всевошка.

— А, Олечка. Здравствуй, Олечка, садись.

Попрошался нежно, как совсем здоровый.

21 декабря

Трудовой рабочий день в Дет<ском> саду. Письмо Наташи из Воронежа. В огромной, теплой и светлой кухне разрисовала цветным сахаром дедов морозов и звезды печений. Готовимся к зимнему празднику.

КОММЕНТАРИИ

Часть 1. Марина Цветаева – Борис Бессарабов *Хроника 1921 года в документах*

Первая часть книги включает в себя материалы из архива Бессарабовых, касающиеся Марины Цветаевой и хранящиеся в архиве Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой» (ДМЦ). Здесь также представлены опубликованные тексты М.И. Цветаевой, связанные с пребыванием Бориса Бессарабова в ее доме в Борисоглебском переулке. Соединенные вместе, эти документы дают более полное представление о жизни Цветаевой в 1921 г., значительно расширяют круг лиц, с которыми она общалась, открывают новые повороты в представлении о ее дружбе с вдовой композитора А.Н. Скрябина Татьяной Скрябиной и самим Бессарабовым. Документы представлены в хронологическом порядке.

С самого начала знакомства Бориса Бессарабова с Мариной Цветаевой их отношения приняли восторженный характер. Цветаева открывала для себя «нового человека», большевика, простого русского богатыря, что, в сущности, было плодом ее воображения. Борис Бессарабов, невероятно польщенный таким вниманием, старался соответствовать созданному образу, простодушно подыгрывая ей. Он и на самом деле был простым парнем, выросшим в мещанской среде. С гимназических лет интересовался и даже сам начинал заниматься живописью, был знаком со стихами Анны Ахматовой, любимой поэтессы матери и сестры, читал и стихи Марины Цветаевой. Не окончив гимназию, Борис оказался в Красной армии на Гражданской войне. Грубые словечки и его не всегда «салонное» поведение со временем стали раздражать Цветаеву. Однако его безотказность, широта натуры, умение делиться всем стали в то время для Цветаевой и ее дочери настолько необходимой поддержкой, что она вынуждена была терпеть рядом чужого для себя человека на протяжении нескольких месяцев, когда он жил в ее доме. Не будучи особенно проницательным, Борис Бессарабов не чувствовал охлаждения со стороны Цветаевой, которую в своих письмах к сестре он буквально обожествлял.

Тексты Бориса Бессарабова существуют в архиве ДМЦ в двух видах: рукописи неоконченных воспоминаний (более позднего времени) и письма к сестре Ольге Бессарабовой (непосредственно 1921 г.). Публикуемые ниже воспоминания Бориса Бессарабова составлены в единый текст из различной величины отрывков. Часть из них написана на тетрадных листах карандашом. Все они относятся к 1960-м годам. Наибольший интерес представляют письма Б. Бессарабова к сестре Ольге, где он делится своими впечатлениями о Марине Цветаевой, ее доме, своих планах и надеждах на учение, а также письма, в которых описаны впечатления от встреч с Анной Ахматовой. По сравнению с публиковавшимися ранее воспоминаниями 1960-х годов, содержащими ошибки (указано, например, что Гумилев был расстрелян, хотя встреча происходила в апреле еще до ареста поэта), рассказы о Б. Ахматовой, обнаруженные в письмах к сестре, более достоверны.

Текст печатается по современной орфографии, с сохранением, однако, индивидуальных особенностей языка и стиля автора.

Подчеркивания в текстах Бориса и Ольги Бессарабовых выделены курсивом. Все даты до 14 февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.

¹ Рукопись незавершенных воспоминаний Бориса Бессарабова — не датирована, но, судя по остальным материалам, связанным с М. Цветаевой, Бессарабов начал писать воспоминания о ней с выходом первой в СССР книги ее стихов, т.е. в 1961 г. (*Цветаева М. Избранное*. М., 1961).

² *Филипп Александрович Добров (1869—1941)* — известный в Москве врач, работал в Первой градской больнице. См. о нем в предисловии этого издания, а также в рассказе о доме Добровых, где вырос Даниил Андреев, в книге его вдовы Аллы Андреевой «Плаванье к Небесной России» (М., 2004):

«Войдя в дом, надо было подняться по небольшой лестнице с широкими деревянными ступенями, которая упиралась в огромное, во всю стену очень красивое зеркало. Дальше большая белая застекленная дверь вела налево в переднюю. Направо из передней был вход в кабинет Филиппа Александровича, в котором позже жил его сын Саша и где Филипп Александрович раз в неделю принимал больных. Позднее, когда Саша женился и уехал жить к жене, это была комната Даниила, а еще позже наша с ним, любимая. В книге «Русские боги» она присутствует в названии одной из глав: «Из маленькой комнаты». Левая дверь из передней открывалась в зал. Я застала его уже по-советски разгороженным занавесками на клетушки, в которых ютилось все стар-

шее поколение семьи: Филипп Александрович, Елизавета Михайловна и еще одна сестра Велигорская — Екатерина Михайловна, по мужу Митрофанова. Елизавета Михайловна по профессии была акушеркой, хотя к тому времени уже давно не работала, Екатерина Михайловна — медсестрой. Она добровольно пошла работать в психиатрическую клинику, так как считала, что душевнобольным помощь нужнее всего.

В детстве Даниила зал играл важную роль. Дом Добровых был патриархальным московским домом, а значит, хлебосольным и открытым для множества самых разных, порой несовместимых друг с другом людей. Он остался гостеприимным, открытым и после революции, хотя, конечно, уже не тем, что прежде. Приходили те, кто уцелел, не уехал в эмиграцию. После уплотнения передняя часть зала стала общей для семьи столовой, и там спал Даниил. С тех пор на всю жизнь у него сохранилась привычка спать, затыкая уши двумя руками.

Из передней шел длинный коридор, упиравшийся в так называемый совмещенный санузел, как их потом стали называть. В обыкновенном туалете была установлена ванна, и это послужило местом действия одной из “удачнейших” шалостей мальчишки Даниила. Самой дальней от ванной по коридору была комната Александры. <....>

Доктор Добров — врач потомственный. Его отец был врачом в Тамбове, где его звали не “Добров”, а “доктор Добрый”. Хоронил его весь Тамбов. У Филиппа Александровича были брат юрист и сестра организатора. В семье был еще один брат, странный человек, все время уходивший из дома бродяжничать “на дно”, на Хитровку. Каждый раз, возвращаясь, он бывал принят Добровыми с величайшей любовью и терпением, но опять уходил и в конце концов там сгинул.

В семье Добровых старшему сыну полагалось наследовать профессию врача, поэтому Филипп Александрович и стал врачом, хотя страстно любил историю и музыку, которую хорошо знал, прекрасно играл на рояле. У очень музыкальных людей бывает особое глубокое и чуть отстраненное выражение глаз, а на лицах их лежит как бы тень легкого светлого крыла» (*Андреева А. Плаванье е Небесной России. С. 41*).

О Доброве в своей мемуарной прозе «Начало века» (М., 1920) в главе «Старый Арбат» вспоминал Андрей Белый: «...дом угловой, двухэтажный, кирпичный: здесь жил доктор Добров; тут сживал я, разговаривая с Леонидом Андреевым, с Борисом Зайцевым; даже не знали, что можем на воздух взлететь: бомбы делали — под полом; это открылось позднее уже» (С. 120). См. также: *Митрофанов В.П. Леонид Андреев и семья Добровых // Андреевский сборник. Исследования и материалы. Курск. 1975. С. 255–263; Андреев Л.Н. Дневник. 1897–1901. М., 2009.*

О Доме своего дяди, заменившем ему отца, Даниил Андреев написал в стихотворении «Старый дом» (Андреев Д. Восход души. Стихотворный цикл. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 3. С. 439).

СТАРЫЙ ДОМ

Памяти Филиппа Александровича Доброва

Где бесшумны и нежны
Переулки Арбата,
Дух минувшего, как чародей,
Воздвигнул палаты,
Что похожи на снежных
Лебедей.

Бузина за решёткой:
Там ни троп, ни дорог нет,
Словно в чарах старинного сна;
Только изредка вздрогнет
Тарахтящей пролеткой
Тишина.

Еще помнили деды
В этих мирных усадьбах
Хлебосольный аксаковский кров,
Многолюдные свадьбы,
Торжества и обеды,
Шум пиров.

И о взоре орлином
Победителя-галла,
Что прошел здесь, в погибель вedom,
Мне расскажет, бывало,
Зимним вечером длинным
Старый дом.

Два собачьих гиганта
Тихий двор сторожили,
Где цветы и трава до колен,
А по комнатам жили
Жизнью дум фолианты
Вдоль стен.

Игры в детской овеяв
Ветром ширей и далей
И тревожа загадками сон,
В спорах взрослых звучали
Имена корифеев
Всех времён.

А на двери наружной,
Благодушной и верной,
«ДОКТОР ДОБРОВ» — гласила доска,
И спокойно и мерно
Жизнь текла здесь — радушна,
Широка.

О, отец мой — не кровью,
Доброй волею ставший!
Милый Дядя, — наставник и друг!
У блаженных верховий
Дней начальных — питавший
Детский дух!

Слышу «Вечную память»,
Вижу свечи над гробом,
Скорбный блеск озаряемых лиц,
И пред часом суровым
Трепеща преклоняюсь
Снова ниц.

В годы гроз исполинских,
В страшный век бурелома
Как шемит этот вкрадчивый бред:
Нежность старого дома,
Ласка рук материнских,
Лица тех, кого нет.

1950

³ *Елизавета Михайловна Велигорская* (1868—1942) — жена Ф.А. Доброва, мать Шуры и Саши Добровых, тетка Д. Андреева.

⁴ *Александра Михайловна Велигорская* (Андреева; 1881—1906) — жена Л.Н. Андреева, умершая вскоре после рождения сына Даниила: «Вскоре после его рождения двадцатилетняя, совершенно здо-

ровая, любимая мужем Шурочка умерла оттого, что тогда называлось послеродовой горячкой. Во многих воспоминаниях современников остался ее милый светлый облик, осталось и описание того, какой трагедией стала эта смерть для Леонида Николаевича. Иногда он предстает просто обезумевшим от горя. Сына — причину смерти жены — он не мог видеть. Казалось, что ребенок обречен. Но новорожденного взяла к себе прекрасная московская семья Добровых» (Андреева А. Плаванье к Небесной России. С. 42). Однако Вадим Андреев считал, что бабушка забрала Даниила у мачехи А.И. Андреевой, так как та, по ее мнению, плохо обращалась с малышом (Адреев В. Детство. С. 100). О самом своем знаменитом произведении «Жизнь человека» Леонид Андреев говорил: «Эта вещь была последней мыслью, последним чувством и гордостью моей жены».

⁵ *Добров Александр Филиппович* (1900—1959) — двоюродный брат Д.Л. Андреева, по образованию архитектор, работал художником-оформителем, страдал последствиями энцефалита, кроме того, подорвал здоровье, употребляя алкоголь, а впоследствии и наркотиков, он и его вторая жена, художница Г.Ю. Хандожевская (1896—?), были осуждены по делу Д.Л. Андреева, отбывали заключение в Мордовских лагерях.

⁶ *Шурочка*. — Александра Филипповна Доброва (Коваленская). Подробнее о ней см. коммент. 3 к дневникам 1915 г. О распространенном в семье Добровых имени Алла Андреева писала: «Преизбыток Александров в семье всегда был предметом шуток, но объясняется это очень просто. Традиционными именами Добровых были Филипп и Александр. Когда первой родилась девочка, ее назвали Александрой — вдруг не будет мальчика! Но вслед за ней появился мальчик, получивший имя Александр <...> Саша Добров, брат Шурочки».

⁷ *...ее портрет написал художник Федор Богородский*. — О каком портрете идет речь, установить не удалось. Подробнее см. коммент. 30 к дневникам 1916 г.

⁸ «*Бубновый валет*». — Первоначально такое название получила выставка художников (декабрь 1910 — январь 1911), вошедших позднее в одноименное творческое объединение, с 1911 г. — Общество художников «Бубновый валет».

⁹ *Сестра Ольга*. — Ольга Александровна Бессарабова (в замуж. Веселовская), автор публикуемых дневников. Подробно о ней см.: Предисловие к наст. изд. и преамбулу к коммент. дневников О. Бессарабовой.

¹⁰ *Эсфирь (Кира) Пинес*. — Подробнее о ней см. коммент. 94 к дневникам 1917 г.

¹¹ *ВХУТЕМАС*. — Высшие художественно-технические мастерские) — учебное заведение, созданное в 1920 г. в Москве путем объединения первых и вторых Государственных свободных художественных мастерских (образованных ранее на основе Строгановского художественно-промышленного училища и Московского училища живописи, ваяния и зодчества).

¹² *Андреев Даниил Леонидович* — писатель, поэт. Подробнее о нем см. в предисловии к наст. изд..

¹³ *Скрябина Ариадна Александровна* (1905—1944) — поэтесса, дочь композитора А.Н. Скрябина, жена поэта Д. Кнута, участница французского Сопротивления. Убита фашистами в Тулузе. Ее письма и стихи см.: Дневники О. Бессарабовой, запись от 1 марта 1922 г.

¹⁴ *Зайцев Борис Константинович* (1881—1972) — писатель, был знаком с Леонидом Андреевым с юности, с 1901 г. (см. в книге Зайцева «Москва») приходил в дом Доброва, когда в нем бывал Андреев (см. об этом у Андрея Белого в главе «Старый Арбат» в мемуарной книге «Начало века»). А также часто посещал его в 20-е годы. Жил по соседству в арбатских переулках: в Спасопесковском, в Гранатном, Благовещенском, на Спиридоньевке и Большой Никитской. Последняя квартира в Кривоарбатском (дом № 4, не сохранился, отсюда Зайцевы уехали из России навсегда. Общим другом Добровых и Зайцева была Н.С. Бутова, которой он посвятил очерк «Надежда Бутова» в цикле «Москва» (Зайцев Б. Надежда Бутова // Собр. соч.: В 11 т. М., 1999. Т. 6. С. 83—88).

¹⁵ *Зайцева Вера Алексеевна* (в девич. Орешникова, 1878—1965) — жена Б.К. Зайцева, сестра Татьяны Алексеевны Полиевктовой.

¹⁶ *Бутова Надежда Сергеевна* (1878—1921) — актриса МХАТ, близкая подруга Льва Шестова, Б. Зайцева, В.Г. Малахиевой-Мирович. См. их переписку: Дневники О. Бессарабовой за 1920 г.

¹⁷ *Малахиева-Мирович Варвара Григорьевна* (1869, Киев — 1954, Москва; похоронена на Введенском кладб.) — поэтесса, критик, детская писательница. Подробнее о ней см.: Предисловие к наст. изд. и коммент. 24 к дневникам 1915 г.

¹⁸ *...нашего отчима...* — Иван Васильевич Соловкин (1872—1922) женился на овдовевшей Анне Петровне Бессарабовой (в девич. Косцова; 1872—1920), в 1905 г.

¹⁹ *В.В. Маяковский* предположительно познакомился с Мариной Цветаевой в Москве в январе 1918 г. на вечере «Встреча двух поколений поэтов», которая состоялась в доме поэта и мецената М.О. Цетлина (псевд. В. Амари). Маяковский там читал поэму «Человек» (Катанян В. Хроника жизни и деятельности. М., 1985. С. 138—139).

²⁰ До появления настоящих воспоминаний о посещении М. Цветаевой и В. Маяковским дома Добровых не было известно. Согласно Хро-

нике В. Катаняна, в этот день 13 января 1921 г. состоялось «первое организационное собрание ассоциации коммунистов-футуристов (Комфут). Присутствовали: В. Маяковский, В. Мейерхольд, В. Бобуров, Л. Брик, О. Брик, Б. Малкин, Д. Штеренберг, Е. Равдель, Н. Альтман, В. Храковский, А. Иванов, Б. Кушнер, А. Ган, Д. Аркин» (Катанян В.А. Хроника жизни и деятельности. С. 194—195).

²¹ *Скрябина Татьяна Федоровна* (урожд. Шлёцер; 1883—1922) — пианистка, по матери бельгийка, вторая жена А.Н. Скрябина. От него в этом браке у нее было трое детей: Ариадна (1905—1944), Юлиан (1907—1919), Марина (1911—1998). В 1919 г., спасаясь с детьми от голода, уехала из Москвы в Киев. Там они жили в доме Балаховского, зятя философа Льва Шестова, на Трехсвятительской улице (ныне ул. Десятинная, дом № 8, сохранился).

Впоследствии композитор Н.Л. Слонимский, который жил вместе с ними, вспоминал: «Даниил Григорьевич Балаховский, помимо своей деятельности в промышленности, был любителем музыки. Он устроил киевские концерты Скрябина в 1913-м году, и его переписка со Скрябиным была напечатана в России в 1972-м году в связи со столетием со дня рождения Скрябина. После преждевременной кончины Скрябина в 1915-м году дружеские отношения между его семьей и семьей Балаховских продолжались. Татьяна Федоровна Скрябина и ее дети Ариадна, Юлиан и Марина переехали в Киев в январе 1919 г. и поселились в доме Балаховских. Вскоре к ним присоединился Борис Федорович Шлёцер, брат Татьяны Федоровны, известный музыкальный критик, и их престарелая мать. Обитатели дома Балаховских всячески изошрялись, чтобы защитить квартиру от реквизиции военных отрядов — ведь этот дом был самым видным “на Днепре”, и как только новое “правительство” обосновалось, солдаты и офицеры пытались “национализировать” этот дом. Пользуясь присутствием семьи Скрябиных в доме Балаховских, Татьяна Федоровна и я основали “Скрябинское общество”. Я был секретарем этого общества, что давало мне возможность защищать квартиру от налетов разных военных групп. Вскоре прибыла группа советских офицеров, которая пыталась реквизировать весь дом. Нам дали 48 часов, чтобы очистить помещение. Тогда я решился на рискованный шаг. Я послал телеграмму “председателю Совета Народных Комиссаров В.И. Ленину” следующего содержания (я помню текст почти точно): “В то время, как в Москве воздвигается памятник великому композитору Скрябину, его семья выселяется представителями Красной Армии в Киеве. Я обращаюсь к Вам с просьбой принять меры, чтобы предотвратить эту опасность”. Получил ли Ленин мою телеграмму и отдал ли приказ оставить семью Скрябина в покое, сказать невозможно, но остается тот факт, что когда при-

шел срок, назначенный нам на выселение, ни офицер, ни его солдаты не появились.

Летом 1919-го года Татьяна Федоровна уехала в Москву, чтобы уладить дела. И в ее отсутствие случилась трагедия. В воскресенье 23-го июня 1919 г. киевская школьная учительница взяла группу детей, среди которых были и Скрябины, на пикник на Днепре. Когда подошло время возвращаться, Юлиана не могли найти. Он стеснялся быть в компании других детей в купальных костюмах и отошел от них. Учительница решила вернуться и, оставив детей дома, отправилась на поиски Юлиана на острове на середине реки. Но Шестов сразу сказал “Юлиан погиб”, как будто он мистически узнал, что надежды нет. Я присоединился к поискам, и мы взяли с собой двух опытных матросов. Скоро нашли бедного Юлиана — он утонул в маленькой бухточке, где вода неожиданно стала глубокой. Была печальная панихида еще до возвращения Татьяны Федоровны — говорил Глиер, директор киевской консерватории и учитель Юлиана. Юлиан унаследовал талант отца. Ему было всего одиннадцать лет, когда он погиб, но он уже сочинял фортепианные пьесы в стиле последних произведений Скрябина, с удивительно изящной гармонией. Эти пьесы сохранились и были напечатаны в России в 1960 г.

После оккупации Киева белыми (31.08.1919) были организованы страшные еврейские погромы, несравненно более зверские, чем когда бы то ни было до революции. Страницы “Киевской Мысли” были заняты траурными объявлениями с именами целых семей, с детьми зверски убитых в их собственных квартирах. Мне запомнился фельетон бывшего члена Государственной Думы Шульгина, под названием “Пытка страхом”, в котором он проводил идею, что погромы были отмщением евреям за разгром ими России, под руководством Троцкого. Учитывая обстоятельства, мне посоветовали выехать на время из дома Балаховских. Шестовы поселили меня в окрестностях Киева, где у них была маленькая дача. Таня и Наташа выглядели как идеальные женские образы русского народа, и никакой погромщик не мог заподозрить, что их отец еврей. Помню эпизод: донской казак-кавалерист остановился у дачи. Таня вышла на крыльцо. Казак вежливо спросил: “Здесь жидов у вас нет?” Таня ответила отрицательно. “Я так спросил, — продолжал казак, как бы в извинительном тоне, — потому что нам приказано жидов-то истреблять”. С этим он поклонился, легко ударил кнутом лошадь и ускакал.

Скоро стало ясно, что оставаться в России дальше было невозможно — Гражданская война перелилась на юг. Нужно было уезжать за границу. Семьи Балаховских и Шестовых уехали в Париж. Туда, в конце концов, уехал и я. Дальнейший мой путь лежал в Америку, которая

стала моей новой родиной (*Слонимский Николай*. Неизданные воспоминания)». Цит. по: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Paris: La Presse Libre. 1983. В 2 т. Т. 1. С. 161–162.

Там же жила и Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович, вместе с которой 9 сентября 1919 г., Скрыбина уехала в Новочеркасск, а затем в Ростов. Ариадна оставалась временно в Новочеркасске. (Подробнее об этом см. в Дневниках Ольги Бессарабовой). Летом 1920 г. Татьяна Федоровна с матерью, младшей дочерью и Варварой Григорьевной выехали в Москву. В Москве Т.Ф. Скрыбина поселилась в доме покойного мужа на Арбате. По всей видимости, Варвара Григорьевна и привела ее в дом Добровых. От перенесенных несчастий здоровье Скрыбиной подорвалось. Она страдала тяжелыми приступами головной боли и бессонницами. Цветаева познакомилась с ней 2 июня 1920 г. (Записные книжки. М., 2001. Т. 2. С. 197), писала: «Я была... ее единственным женским другом» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1993. Т. 6. 223. Далее — Собр. соч.). Однако это неточно; сохранились письма Скрыбиной к В.Г. Малахиевой-Мирович, в которых Татьяна Федоровна обращалась к ней, как к близкой подруге. См.: Дневники Ольги Бессарабовой.

²² *Марина Цветаева прочла свое стихотворение, посвященное В. Маяковскому.* — Какие стихи читала Цветаева 13 (1 ст.ст) января в доме Добровых, не установлено. Первое стихотворение «Маяковскому» датировано 18 сентября 1921 г. По воспоминаниям Ариадны Эфрон, «Первое свое стихотворение Маяковскому — “Превыше крестов и труб...”», написанное в 1921 году, читала ему в Москве, вспоминала, что понравилась» (*Эфрон А.* История жизни, история души: В 3 т. М., 2008. Т. 3. Страницы былого. С. 98).

²³ *В скором времени Марина Цветаева написала стихотворение «Большевик», которое посвятила мне.* — В письме к Е. Ланну от 19 русск<ого> января 1921 г. стихотворение датировано: 18 русск<ого> января 1921 г. (Собр. соч. Т. 6. С. 175).

²⁴ НАРКОМПРОС — Народный комиссариат просвещения.

²⁵ ...семье вдовы Скрыбина Наркомпрос устроил отпуск безрешивших дров, но они представляли собой метровые кряжи диаметром до 70–80 см... — 15/28 января 1921 г. Цветаева сообщает Ланну: «Т.Ф. Скрыбина получила паек — пока на бумаге. Продолжает рубить и топить, — руки ужасные, глаза прекрасные, почти все вечера забрасываемся куда-нибудь, — все равно — куда, я — устав от дня, она — от жизни, нам вместе хорошо, большое шкурно-душевное сочувствие: любовь к метели, к ослепительно-горячему питью — курение — уплывание в никуда» (Собр. соч. Т. 6. С. 173).

²⁶ В стихотворении «Большевик» и нашло отражение это дело с дровами. — «А руки — лес разносят в щепки, / Лишь за топор взялся».

²⁷ Р.В.С.Р. — Ренвоенсовет республики.

²⁸ Существует другой вариант воспоминаний Бориса Бессарабова. Этот вариант написан карандашом на нескольких листках ученической тетради.

«Жил в Москве, Мал<ый> Левшинский дом № 5 в семье доктора Доброва Ф.А. Работал в штабе Жел<езно>дор<ожных > войск Республики.

(VI отд<еление > ЦУПВОСО) Культурно-инструкторский отдел — инструктором. Дежурства в штабе ЧОН (части особого назначения) в связи с напряженным политическим положением в Москве. Эсеры и меньшевики вели бешеную агитацию и готовили переворот.

Дома за чаем познакомился с женой (вдовой) композитора Скрябина — Татьяной Федоровной. Узнал от нее, что они погибают в своей большой квартире от холода, т.к. не могут расколоть дров и наготовить их для «буржук». Я охотно предложил свои услуги дровосека и на следующий же день пошел к Скрябиным и наколол целую гору дров и разделал их на маленький размер, чтобы они без помехи входили в буржуйки”.

Татьяна Федоровна в знак благодарности начала делиться своими воспоминаниями о муже. Подробно рассказала о его трагической, преждевременной смерти, о его дерзаниях в музыке. Свои воспоминания о его композиторском творчестве она сопровождала исполнением на рояле.

Я глубоко жалею, что не записал ее воспоминаний. Они были подробны и интересны и ясно раскрывали для меня творчество Скрябина. Дрова у Скрябиных я все переколол, но вечера воспоминаний и музыки продолжались.

В доме Д<обровых> на одном из вечеров в комнате Шуручки познакомился с Владимиром Маяковским, Лилей Брик и ее мужем и Мариной Цветаевой.

Маяковский полулежит на ковре. Громким своим голосом он буквально проревел:

— «Поэты града Московского,
К вам тщетно взываю я:
Не делайте под Маяковского,
А делайте под себя!..»

Этим он закончил, о чем-то рассказывая собравшимся, когда я вошел в комнату. Общим дружным смехом все встретили это его

четверостишие. И меня поразило, что в этом шуме восторгов и одобрений Владимир Маяковский достал из правого кармана брюк довольно большой флакон с притертой пробкой и белым содержимым. Открыл флакон, извлек маленькой ложечкой или лопаточкой кокаин и громко спровадил его сначала в левую, а затем правую ноздрю своего довольно обширного носа, и закончил эту церемонию громким Э...

Я пошел проводить Марину Цветаеву в Борисоглебский пер<еулок>. Ее квартира с “буржуйкой”. Дочь. Разговоры о поэзии и поэтах, о живописи, скульптуре. Подробный рассказ Марины – как создавал ее отец Музей Изящных Искусств в Москве.

В один из вечеров Марина Ив<ановна> прочла свое стихотворение “Большевик”, посвященное мне:

От Ильмена до вод Каспийских
Плеча рванулись в ширь.
Бьет на щеках твоих Российских
Румянец богатырь*.

Моя встреча с Н.П. Крымовым, Синезубовым и т.д.

Поездка на Запад с инспекцией к польской границе. Комиссар Савин, секретарь – я. Митинг в Желдорпутях.

– Кто за Ленина?

– Кто за Троцкого?

По поводу дискуссии о профсоюзах».

Еще один вариант воспоминаний был опубликован в сборнике «Поэмы Марины Цветаевой “Егорушка” и “Красный бычок”» (М., 1995. С. 25–28):

«<...> Марина часто записывала все свои наблюдения в записную книжечку, которых, по ее словам, у нее скопилось – множество.

Однажды я зашел в ее небольшую, всю заложённую книгами, комнату, где она обычно работала за маленьким столиком. Она пригласила меня присесть. Что я и сделал. Она была нездорова – у Марины очень сильно болела голова. Я ее прервал на минуточку и сказал, что я очень неудобно сел на отшибе и пересел на диван. “Что, что, как-как вы сказали, Борис?!” – “На отшибе”, – ответил я. – “Что это значит?” – Я сказал о значении этого слова. – “Как интересно!..” – сказала Марина и тут же взяла маленькую, довольно толстенькую, записную книжечку и записала слово “на отшибе” и значение – комментарий к этому слову.

* В Собр. соч. Т. 2. С. 9: От Ильмена – до вод Каспийских / Плеча рванулись в ширь. / Бьет по щекам твоим – российский / Румянец-богатырь.

У меня, кажется, сохранилась примерная дата этой Маринойой записи, в моих записках. Марина просила меня достать всеми правдами и неправдами порошок аспирина от головной боли и см. запись — много говорила об Асе — своей сестре — о том, что они обе — несовместимы.

(посмотреть мою запись)

7. Марина вечерами читала мне главы, над которыми она работала, из своей поэмы — “Царь-Деввица”, читала свои стихотворения — разных лет и вновь написанные. Она мне прочитывала некоторые стихотворения, которые она писала для сборника стихов “Лебединый стан”, который собиралась посвятить своему мужу — Сереже Эфрону.

8. Мы часто в этих случаях говорили “о белой идее”, “о белом движении”, о его “чистоте” — по Марине и “грязи” — по-моему.

9. Весь ужас и эфемера “белого движения”, видимо, не так была заметна при наступлении денкинских войск на Москву, и нельзя было не видеть полного морального и человеческого провала этого движения при отступлении, когда белобандиты губили и расстреливали бессмысленно стариков, женщин, молодежь и детей — особенно под Белгородом было расстреляно и растерзано бегущей белой армией несколько тысяч заложников, которых они гнали, начиная от гор. Орла. Там же погибла масса и местных жителей.

10. Как приятно мне было узнать, что Марина не соблазнилась на гонорары, так необходимые для ее семьи, и не опубликовала своего подготовленного к печати сборника стихов “Лебединый стан”. Сережа — стал другим! Он стал на позиции Советской власти, на позиции идей В.И. Ленина, и он повел работу как сторонник возвращения эмигрантов на Родину. Приятно было узнать, что Сережа — Сергей Яковлевич Эфрон — был в интербригадах в Испании, и что он вернулся на Родину и ... был арестован! Кем?!

[что был арестован и расстрелян диверсантами, прибывшими в наши советские органы безопасности и отомстившие С.Я. Эфрон за сделанную им переоценку и прямую поддержку сил революции и борьбы народов за свободу]».

²⁹ С.Е.Л. Ланном Цветаева познакомилась в Москве в конце ноября 1920 г., а около 10 декабря он уехал из Москвы в Харьков.

³⁰ 18-го рус<ского> января. — Печ. по: Записные книжки. Т. 2. С. 240—243. В собр. соч. Т. 6. С. 174 письмо датировано: «19 русск<ого> января 1921 г.».

³¹ 18 лет. — На самом деле Бессарабову шел 24-й год, он был всего на четыре года младше Цветаевой. См. письмо Цветаевой Б. Бессарабову от 31-го русского января 1921 г. <31/12 февраля> «Милый мой мальчик — (простите за прорывающееся материнство, — но так очаровательно — 28-ми лет от роду иметь 24-летнего сына! и такого роста еще!..»

³² *Недавно с Крымского фронта.* – Нигде в биографических очерках Бессарабова нет упоминаний, что он был на фронте в Крыму.

³³ *В полупоповской полуинтеллигентной семье ...* – Имеется в виду дом Добровых.

³⁴ *...к кн. Ш-ским...* – Речь идет о семье князей Шаховских (Д.И. Шаховском; 1861–1939), создателе партии кадетов, члене Временного правительства, близком друге со студенческих лет В. Вернадского, после революции отдал себя созданию русской кооперации, и его дочерях – Н.Д. Шаховской (1890–1942) и А.Д. Шаховской (1889–1959), близких друзьях семьи Добровых и В.Г. Малахиевой-Мирович, которые жили неподалеку, на Зубовском бульваре, д.15. Семья Шаховского была очень скромна и аскетична. О нем см.: *Шаховской Д.* Письма о братстве: В 2 т. Звенья, 1992. С. 174–319, а также коммент. к дневникам 1917 г.

³⁵ *«Царь-Девница»* – поэма-сказка (1920), впервые издана: М.: ГИЗ, 1922.

³⁶ *...в Вес<еннем> Сал<оне> Поэтов...* – Альманах «Весенний Салон Поэтов» вышел в мае 1918 г. (Москва, книгоиздательство «Зерна»). В нем были напечатаны пять стихотворений Цветаевой: «Настает день – печальный, говорят!..» (1916), «Идешь на меня похожий...» (1913) и цикл из трех стихотворений «Москве» (1917).

³⁷ *Расстались – Ланн, похвалите – у моего дома.* – Ср.: у Бессарабова: «Сначала мы проводили Т.Ф., а затем пошел проводить М.Ц. и т.к. это было еще не очень поздно, то я принял ее приглашение и зашел к ней в дом».

³⁸ *Марина Цветаева – Евгению Ланну. 22 русск<ого> января 1921 г. <2 февраля>.* – Печ. по: Записные книжки. Т. 2. С. 248.

³⁹ *Аля – Е. Ланну.* Москва, 22-го русск. января 1921 г. <2 февраля>. – Печ. по: Записные книжки. Т. 2. С. 248–249. Ариадне Сергеевне Эфрон (1912–1975), дочери Цветаевой, в это время шел девятый год. В 1960-е гг. Б. Бессарабов нашел адрес Ариадны Эфрон, и между ними началась переписка, продолжавшаяся вплоть до его смерти в 1970 г. Наброски писем Бессарабова к А. Эфрон и ее открытка к нему хранятся в архиве ДЦМ, письма Бессарабова к А.С. Эфрон – РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 324.

⁴⁰ *Марина Цветаева – Борису Бессарабову. 31-го русск<ого> января 1921 года.* – Текст письма переписан Б. Бессарабовым в его письме к сестре О. Бессарабовой.

По одной версии, письмо (неоконченное и без подписи) случайно передала Бессарабову Анастасия Цветаева с книгой, в которую оно было вложено. Борис сообщил об этом Цветаевой, она сказала, что он может оставить письмо у себя и «что оно имеет полную силу». Бессарабов включил его в письмо к Ольге от 4 июня 1921 г.: «С этим письмом я

посылаю тебе копию с письма Марины ко мне, но попавшее мне случайно, и она об этом не знает. В книге, которую мне дала читать Ася — свою вещь: “Королевские размышления”, изданные в 1915 году, принадлежащей Марине, с надписью Асе.

В таких случаях, а он один в моей жизни, я не считал возможным не прочесть его. Мой фатализм — оправдание! Копию его я шлю для этого, чтобы ты окончательно убедилась в Марине и ее отношении ко мне с первых наших встреч.

Отдавать его подожду до отъезда и думаю, что она оставит его у меня».

По другой версии (видимо, ошибочной), о которой пишет Бессарабов в воспоминаниях: «В середине февраля 1921 г. меня включили в инспекцию жел<езно>дор<ожных>. войск по IV отделу ЦУПВОСО при Р.В.С.Р. для проверки и инструктажа по полит<ической части> ж<е-лезн>д<орожных> войск, дислоцированных на западе.

В дороге я получил от Марины Цветаевой письмо, помеченное так: «31 русское января 1921 года».

Подлинник этого письма находился в квартире Дмитрия (Мити) Марченко — самого близкого друга Бессарабова с гимназии (Марченко был секретарем Постышева, в начале в войны пошел в ополчение и погиб). Бессарабов был мобилизован. В его отсутствие архив частично погиб (1941—1943 гг.).

Об автографе стихотворения, подаренном ему Цветаевой, Бессарабов писал Ариадне Эфрон в письме от 31 июля 1966 г.: «Стихотворение “Большевик” было написано Мариной в книжечке ее стихотворений “Волшебный фонарь”, переплетенной в темно-бордовый бархат, которую она мне подарила со своим автографом — текстом стихотворения “Большевик”. Эту чудесную книжечку кто-то у меня зачитал во время моей тяжелой болезни — тропической малярии».

⁴¹ *Марина Цветаева — Евгению Ланну. Москва, 2 февр<аля> 1921 г. Сретение <15 февраля>.* — Печ. по: Записные книжки. Т. 2. С. 250—252.

⁴² *...Егорушки... — Над поэмой-сказкой «Егорушка» Цветаева работала в 1921 г., прототипом главного героя послужил Борис Бессарабов.*

⁴³ *...серафим медведя... — Отсылка к эпизоду Жития преп. Серафима Саровского, который жил в лесу и вёл дружбу с медведем.*

⁴⁴ *Марина Цветаева — Евгению Ланну. Москва, 9 русск<ого> февр<аля> 1921 г.* — Печ. по: Записные книжки. Т. 2. С. 254—255.

⁴⁵ *Марина Цветаева — Борису Бессарабову. Москва, 15 русск<ого> февраля 1921 г., вторник.* — Печ. по: Записные книжки. Т. 2. С. 255—257. Письмо сохранилось в виде чернового наброска, Борис Бессарабов, вероятно, его не видел, так как везде говорит только об одном письме.

⁴⁶ Рукопись хранится в архиве ДМЦ.

⁴⁷ *Борис Бессарабов – Ольге Бессарабовой 26 марта. Москва – Воронеж.* – Архив ДМЦ.

⁴⁸ ...*Володюшкой...* – Бессарабов Владимир Александрович (1899–1968?), брат Ольги и Бориса, впоследствии профессор кафедры птицеводства Московской ветеринарной академии.

⁴⁹ ...*«улыбке Кана»...* – Каном в доме называли Владимира Бессарабова.

⁵⁰ *Люда.* – Скорее всего, речь идет о гимназической подруге Ольги Бессарабовой Людмиле Дембовской, впоследствии эсерке (растреляна).

⁵¹ ...*рассказом о «спиритизме», «каких-то духах» ...* – См. письмо М. Цветаевой к Е. Ланну, от 6-го русск<ого> декабря 1920 г.: «...Поняв трущобность, удовлетворилась ею и ушла ночевать в приличный дом, – к знакомым Т.Ф. С<кр>ябиной. Там были одни женщины, говорили про спиритизм – сомнамбулизм – (какая нелепость! – бессмысленность! – неоправданность! – летящий стол, – стол, который должен стоять! И какое уродство: как если бы на орла напр<имер> поставили миску с супом и заставив стоять смирно, сели бы кругом обедать. Бог прав, дав орлам крылья, а столам – ноги. Не хочу – наоборот!)...» (Записные книжки. Т. 2. С. 229).

⁵² ...*Виктором и Валей.* – Речь идет о Затеplinском Викторе Константиновиче (1889–1962?), офицере царской армии, который за годы советской власти трижды арестовывался и большую часть жизни провел в ссылках и лагерях, и Валерии Станиславовне Затеplinской (урожд. Виткович; 1896 или 1897–1959), близкой гимназической подруге Ольги Александровны. В это время они останавливались в доме Добровых.

⁵³ *Борис Бессарабов – Ольге Бессарабовой. 12 часов ночи 28/29 марта 1921.* – Архив ДМЦ.

⁵⁴ ...*для инспектирования Петроградской школы военно-железнодорожных специалистов.* – В 1920 г. в Петрограде существовала Бригадная школа по подготовке и усовершенствованию военно-железнодорожных специалистов, В январе 1921 г. переименована во 2-ю Петроградскую школу по подготовке младших военно-железнодорожных техников.

⁵⁵ *Могу быть в Петрограде и все выясню о Всеволоде, убит он или жив.* – Всеволод Александрович Бессарабов, принимал участие в подавлении Кронштадтского мятежа, был контужен и лечился в госпитале, поэтому некоторое время от него не поступало никаких сведений. Борис Бессарабов, приехав в Петроград, разыскал его.

⁵⁶ ...*в тревожные эти дни Кронштадта...* – Речь идет о Кронштадтском восстании (Кронштадтском мятеже), вооруженном выступле-

нии гарнизона города Кронштадта и экипажей некоторых кораблей Балтийского флота против власти большевиков 1–18 марта 1921 г.

⁵⁷ *Николай Петрович Крымов* – художник, представитель символизма, мастер русской пейзажной живописи, в 1920-е гг. преподавал во ВХУТЕМАСе.

⁵⁸ *Б. Бессарабов. Анна Андреевна Ахматова. 1-я встреча.* – Архив ДМЦ. Описание двух встреч с Ахматовой поступило вместе с архивом О. Бессарабовой и, скорее всего, было сделано сразу после встреч с поэтом, поэтому более достоверно. Более поздние воспоминания Бессарабова, вышедшие под названием: «Мои встречи с Анной Андреевной Ахматовой в 1921 году в Петрограде» (Вопросы литературы. 1996. № 5. С. 288–292), менее точно описывают обстоятельства тех встреч.

⁵⁹ ...«Дом Искусств», что на Мойке, 54... – Правильный адрес: Набережная Мойки, 59. В угловом доме – Невский пр. / Набережная Мойки, – известном, как «Елисеевский», или «Дом Чичерина», – в 1919 г. разместился Дом Искусств.

⁶⁰ ...адрес А.А. Ахматовой. – Весной 1921 г. Ахматова жила в особняке Е.Н. Нарышкиной (Сергиевская улица, 7, кв. 12), занятый в это время под Агрономический институт. В этом доме Ахматова получила две комнаты «при службе» в библиотеке. Дом строился для Нарышкиных (архитектор Г. Боссэ), но перед революцией принадлежал С. Волконскому (уточнение Т.С. Поздняковой).

⁶¹ *В.С. Срезневская* – подруга Ахматовой.

⁶² *Шилейка...* – В.К. Шилейко – ассириолог, специалист по древнейшим культурам Передней Азии. Второй муж Ахматовой (с 1918 по 1921 г.). Шилейко был мужем Ахматовой фактически не до 1921 г., а до весны 1920-го (хотя развод был оформлен позже). От Шилейко Ахматова ушла на Сергиевскую, но потом его там приютила уже не на правах мужа (уточнение Т.С. Поздняковой).

⁶³ *Российский Институт Истории Искусств* был основан графом В.П. Зубовым в Санкт-Петербурге в 1912 г. и стал первым в России искусствоведческим научным учреждением. Институт разместился в собственном доме Зубова – на Исаакиевской площади, 5, где он находится и по сей день. В 1916 г. Институт стал высшим учебным заведением. В 1917 г. Институт вместе со зданием был передан в собственность советскому правительству. Статус института много раз менялся, а в 1992 г. он вернул свое историческое имя – Российский институт истории искусств РАН.

⁶⁴ ...своему мужу. – В.В. Срезневскому.

⁶⁵ *2-я встреча с Анной Ахматовой.* – Архив ДМЦ. См. письмо Ахматовой в ответ на послание Цветаевой:

А.А. Ахматова — М.И. Цветаевой

Петроград. 1921

Дорогая Марина Ивановна, благодарю Вас за добрую память обо мне и за иконки. Ваше письмо застало меня в минуту величайшей усталости, так что мне трудно собраться с мыслями, чтобы подробно ответить Вам. Скажу только, что за эти годы я потеряла всех родных, а Левушка после моего развода остался в семье своего отца. Книга моих последних стихов выходит на днях, я пришлю ее Вам и Вашей чудесной Але. О земных же моих делах, не знаю, право, что и сказать. Вероятно, мне «плохо», но я совсем не вижу, отчего бы мне могло быть «хорошо».

То, что Вы пишете о себе, и страшно и весело. Желая Вам и дальше дружбы с Музой и бодрости духа, и, хотите, будем надеяться, что мы все-таки когда-нибудь встретимся.

Целую Вас.

Ваша Ахматова» (РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 140. Л. 1.)

Впервые опубликовано: Марина Цветаева. Поэт и время. М., 1992. С. 99.

В черновике своего письма к Ариадне Эфрон от 28 июля 1969 г. Б.А. Бессарабов, комментируя недавно вышедшие воспоминания Миндлина о Цветаевой, в которых рассказывалось о встрече с Ахматовой и передаче ей иконки, писал: «В своих воспоминаниях о Марине — Миндлин в двух местах упоминает красноармейца Бессарабова — это меня, конечно. Но Миндлин приводит ошибочные факты. Конечно, Марина Цветаева, узнав о моей командировке в Петроград (конец марта — первые числа апреля 1921 года), непосредственно после подавления контрреволюционного кронштадтского восстания, в дни, когда город был на военном положении — просила меня “лично в руки” передать от нее и 8-летней дочери Али увесистый конверт с письмом, стихами Марины и Али, посвященными Ахматовой, и иконкой, которой они благословляли Анну Андреевну, не будучи лично с ней знакомы. Марина, передавая мне этот пакет — письмо тщательно, вернее, крепко заклеенное, в стиле, ну, скажем художественного беспорядка, с устными комментариями. Конечно, никакой старинной шали, о которой пишет Миндлин, Марина мне не передавала. Поручения Ахматовой и просьбу Марины, я, конечно, выполнил и передал Анне Андреевне письмо — пакет с устными комментариями, ничего не убавив и не прибавив.

Видимо, Марина в письме-пакете хорошо написала обо мне Анне Андреевне и она, если меня встретила с чувством тревоги, то прочтя письмо в другой комнате, куда она вошла, извинившись передо мной

для прочтения письма, то выйдя из соседней комнаты из двери в левом углу гостиной, была очень приветлива и, усевшись, подобрав под себя ноги на угловой глубокий мягкий диван, обитый темно-синим бархатом...» (письмо обрывается). Архив ДМЦ.

См. также в поздних воспоминаниях: «В те тревожные дни, полные бурных событий, в числе ряда поручений от москвичей, я имел письмо поэтессы Марины Ивановны Цветаевой для передачи лично в руки Анны Андреевны Ахматовой. Кстати, Марина Цветаева, как она сказала, «по-честному предупредила, что в свое «письмо» она вложила иконку, которой она благословляет Анну Андреевну».

⁶⁶ ...*в Казанской губернии...* — Сын Ахматовой и Гумилева Лев родился в Петербурге, в клинике на Васильевском острове в Александровском родовспомогательном приюте 1 октября 1912 г. С 1917 до 1929 г. воспитывался у бабушки Анны Ивановны Гумилевой в г. Бежецке Тверской губернии. После четырехлетней разлуки Ахматова навестила сына в конце декабря 1921 г.

⁶⁷ ...*А Гумилев — удивительно черствый человек, он живет здесь в Петербурге и ни разу ко мне не зашел.* — Не точно: Гумилев не жил все это время в Петрограде, он несколько раз уезжал в Бежецк, а летом 1921 г. отправился в Крым. В 1919 г. он часто бывал у Ахматовой. Потом, действительно, до июля 1921-го они встречались в основном в общественных местах. К сыну они вместе ездили в 1918 г., на Троицу, перед разводом. В 1919-м Николай Степанович несколько раз приводил сына к Ахматовой (ком. Т.С. Поздняя). С конца 1920 г. и до ареста 3 августа 1921 г. Гумилев жил в Доме искусств (ДИСК) на Невском проспекте, 15 в Петрограде, в 1919–1920 гг. — в доходном доме по ул. Преображенской, 5.

⁶⁸ *Марина Цветаева — С.М. Волконскому.* — Видимо, набросок неотосланного письма (*Цветаева М. Сводные тетради. М., 1997. С.17, 19*).

⁶⁹ *Борис Бессарабов — Ольге Бессарабовой. 16 апреля 1921 г. Москва.* — Архив ДМЦ.

⁷⁰ ...*«Пятницкая улица, что за Москвой-рекой» от него без ума.* — Речь идет о квартире на Пятницкой приятельницы Цветаевой поэтессы В.К. Звягинцевой и ее мужа А.С. Ерофеева.

⁷¹ *Был у тетки Веры Алексеевны Зайцевой... Она старая генеральша...* — Установить личность не представляется возможным.

⁷² *Из воспоминаний Анастасии Цветаевой.* — *Цветаева А. Воспоминания: В 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 493–494, 507.*

⁷³ *«Юношеские стихи», мне посвященные...* — Речь идет о неизданном при жизни М. Цветаевой сборнике стихов. Впервые полностью «Юношеские стихи» опубликованы в кн.: *Цветаева М. Неизданное: Стихи. Театр. Проза. Париж, 1976. Включено 35 стихотворений,*

написанных в 1913–1915 гг., одно стихотворение 1912 г. и поэма «Чародей», посвященная Анастасии Цветаевой. См.: *Цветаева М. Книги стихов.* М.: Эллис Лак 2000, 2004.

⁷⁴ *Ст<анция> Лозовая* – город в южной части Харьковской области Украины, крупный железнодорожный узел.

⁷⁵ *Борис Бессарабов – Ольге Бессарабовой.* – Из архива ДМЦ.

⁷⁶ *Китилис* – лицо неустановленное.

⁷⁷ *Синезубов Николай Васильевич* (1891–1956) – живописец, график. Близкий друг А.А. Чаброва-Подгаецкого.

⁷⁸ *Ридаль Арсений Григорьевич* (наст. фам. Ридаль-Левин; 1894–1975) – режиссер, актер, педагог. В 1913 г. окончил в Брюсселе консерваторию (класс композиции и дирижирования). В летние месяцы 1910–1912 гг. учился режиссуре в Германии. Творческую деятельность начал в театре «Кривое зеркало» (1913). Был художественным руководителем и главным режиссером театров в Воронеже, Баку, Куйбышеве, Ереване, Тбилиси, Краснодаре, Ташкенте, работал в Москве (1931–1933). В 1952–1962 гг. – режиссер Грозненского театра. В 1919–1960 гг. вел педагогическую работу в театральных училищах Воронежа, Баку, в Москве (ЦЕТЕТИС), Ташкенте.

⁷⁹ *Катя.* – Екатерина Николаевна, жена Н.П. Крымова, дочь художника Николая Васильевича Досекина. Из воспоминаний Е.Н. Крымовой: «В 1916 году мы наняли квартиру на Пречистенке (ныне ул. Кропоткина), в Полуэктовом переулке и прожили в ней 42 года. Мастерской отдельной не было. Николай Петрович писал дома, он любил, чтобы я была рядом. И раньше, когда жил с семьей, ему не мешало, если в соседней комнате его мать сидела со своими знакомыми, пила чай, разговаривала. Человек он был суеверный и не любил никаких перемен» (<http://Krimov.ru/vospominaniya28.php>).

⁸⁰ Возможно, речь идет о художнике Викторе Эльпидифоровиче *Борисове-Мусатове* (1870–1905).

⁸¹ *Арсений* – А.Г. Ридаль

⁸² ...свою вещь «*Королевские размышления*»... – Первая книга А.И. Цветаевой вышла в Москве в 1915 г. Посвящена М.А. Минцу, второму мужу Анастасии Ивановны (см.: *Цветаева Анастасия.* Собр. соч. Т. 1. М., 1996. С. 7–62).

⁸³ «*Подорожник*» – сборник стихов А. Ахматовой, впервые вышел в издательстве «Петрополис» (Пб.; Берлин) в 1921 г.

⁸⁴ «*Исповедь*» («*Умолк простивший мне грехи...*») – стихотворение А. Ахматовой, впервые опубликовано в сборнике «Четки» (СПб.: Гиперборей, 1914).

⁸⁵ «*Когда о гибели горькой моей...*» – стихотворение А. Ахматовой, впервые опубликовано в «Художественно-литературном приложении»

№ 1 к вечернему выпуску «Новых ведомостей». 1918. 1 апр. Включено в сборник «Подорожник».

«...на шее мелких четок ряд...» — стихотворение А. Ахматовой, впервые опубликовано в № 6 журнала «Северные записки» в 1914 г.

⁸⁶ *Вероника* — двоюродная сестра близкой подруги О. Бессарабовой и В.Г. Мирович — Зинаиды Антоновны Денисьевской. Работала под Воронежем на опытной станции вместе с братом Бессарабовой Владимиром. Подробнее о ней см. коммент. 1 к дневникам 1919 г.

⁸⁷ *Институт ритмического воспитания*. — В июле 1919 г. в Москве был открыт Ритмический институт, уникальное учебное, а потом и научное заведение, существовавшее в последние относительно свободные годы жизни России. В программу обучения в Институте ритма входили такие дисциплины, как сольфеджио, история музыки, педагогика, психология, художественное слово, пластика и, конечно, главным практическим предметом была ритмика, ее в разное время преподавали В. А. Гринер, кн. С. М. Волконский. Среди преподавателей был и Вяч. Иванов, который вел семинар по стиховедению.

⁸⁸ *Николай Бессарабов* в это время находился в Америке.

⁸⁹ *Леся Полянская* — приемная дочь Л.В. Полянской, сестры отчима Бессарабовых Ивана Соловкина.

⁹⁰ *Ариадна Эфрон — Э.Л. Миндлин*. — «Давайте постарайтесь еще пожить, подышать, поработать...» // Дружба народов. № 2. 1995. С. 183.

Э.Л. Миндлин свои воспоминания о М.И. Цветаевой оставил в книге «Необыкновенные собеседники» (М., 1968). К нему обращен цикл стихов М. Цветаевой «Отрок» (начинался стихотворением «Прямо в эфир...») (см.: Собр. соч. Т. 2. С. 50).

⁹¹ ...переписывал *Звезду Землю*. — Пьесу «Звезда Земля» Миндлин начал писать в 1921 г.

⁹² *Разгуляй* — площадь в Басманном районе Москвы.

⁹³ *Львов-Рогачевский* Василий Львович (1874—1930) — литературовед. Скорее всего, Э. Миндлин ходил на заседания «Литературного звена», где председательствовал Львов-Рогачевский. См.: Литературная жизнь России 20-х годов. Т.1. М., 2005. Ч. 2. С. 426.

⁹⁴ *Малоченко* — знакомый Б. Бессарабова.

⁹⁵ ...приват-доценту *Школьскому*... — Личность не установлена.

⁹⁶ *Маруся Ростовцева*. — Личность не установлена.

⁹⁷ *Марченко* Дмитрий Антонович — гимназический друг Бориса Бессарабова, впоследствии личный секретарь П.П. Постышева, погиб во время Великой Отечественной войны.

⁹⁸ *Максимов* Николай Христофорович (1892—1979) — живописец, заслуженный художник РСФСР, профессор.

⁹⁸ Романович Сергей Михайлович (1894—1968) — художник, ученик М.Ф. Ларионова. С 1919 г. преподавал в Воронежских свободных художественных мастерских, филиале Свободных художественных мастерских в Москве. В 1920-е гг. мастерские были преобразованы в Воронежские высшие художественно-технические мастерские, филиал Московского ВХУТЕМАСа, которые в 1923 г. стали художественно-промышленным техникумом. Н.Х. Максимов и С.М. Романович были членами союза художников и поэтов «Искусство-жизнь» (художественное объединение «Маковец»). Сохранились письма Романовича Бессарабову (Архив ДМЦ).

⁹⁹ Чабров (наст. фам. Подгаецкий Алексей Александрович; 1883 — ок. 1935) — музыкант, актер Камерного театра, режиссер. Был близким другом Скрябина. Он один провожал на Виндавский (Рижский) вокзал 11 мая 1922 г. Марину Цветаеву и Алю, уезжавших в эмиграцию. Цветаева посвятила ему поэму-сказку «Переулочки»: «Алексею Александровичу Подгаецкому-Чаброву — на память о нашей последней Москве» (Москва, апрель 1922). Помогал детям Скрябина (Ариадне и Марине) оформить все необходимые документы для отъезда за границу. С 1923 г. в эмиграции, в 1927 г. принял католичество, в 1931 г. стал католическим священником, получив приход на Корсике.

¹⁰⁰ *Зоя умерла?!!!!* — См. Дневники Ольги Бессарабовой. Запись от 13 июня 1921 г.: «Холерный барак (Железнодорожный). Зоя Петрова умерла в городском бараке (у холодильника) в 2 часа ночи. Не выдержало сердце».

¹⁰¹ *Батумские художественные государственные мастерские.* — Скорее всего, это фантазии Бориса Бессарабова, который хотел организовать подобные мастерские в Батуме.

¹⁰² *...последствия малярии...* — Бессарабов заразился малярией в июле 1921 г. после поездки на Кавказ.

¹⁰³ *Сейчас написал письмо Келларенку.* — В Дневнике 1916 г. О. Бессарабова упоминает среди мальчиков своего поколения, друзей брата Бориса фамилию Келлер. Возможно, речь идет о Владимире Борисовиче Келлере (1898—1954), сыне профессора Воронежского сельскохозяйственного института, ставшем впоследствии литературным критиком (псевдоним Александров), одним из первых исследователей творчества А.Т. Твардовского, в журнале которого («Новый мир») активно сотрудничал.

¹⁰⁴ *...«в вечных снегах Духа»...* — Борис Бессарабов цитирует фразу из письма Цветаевой (см. с. 32).

¹⁰⁵ *...переложить в «Сказку живых» на «Заколдованном Сундучке»...* — Отсылка к просьбе Бориса, чтобы сестра слезла с «заколдованного сундучка» и приехала из Воронежа в Москву.

¹⁰⁶ ...«роста в молчании». — Цитата из письма Цветаевой к Бессарабову (см. с. 32).

¹⁰⁷ ...наследие от создавшего хранилище для копий... — Имеется в виду И.В. Цветаев, основатель Музея имени Александра III, который был задуман на основе Кабинета (Музея) изящных искусств и древностей Московского университета.

¹⁰⁸ ...провел 3 московско-советских зимы... — Скорее всего, Бессарабов имеет в виду не годы, как это привычно было бы думать, а месяцы — январь, февраль и март 1921 г.

¹⁰⁹ ...прибежавший... из красного Крыма 24-летний Эмиль... — Э.Л. Миндлин (в 1921 г. ему был 21 год) приехал из Крыма, был знакомым Максимилиана Волошина и Анастасии Цветаевой.

¹¹⁰ ...Гоги, Наташа Табах, Танечка Семынина, Рындин... — Все ученики известного художника С.М. Романовича, преподававшего в Воронежском ВХУТЕМАСе, в организации которого принял участие Б.А. Бессарабов.

Крутиков Георгий (Гога) — товарищ и коллега Б.А. Бессарабова по секции изобразительных искусств в городском отделе Наробраза г. Воронежа. По воспоминанием современников, приехавший в Воронеж художник Романович был почти при смерти, однако его спасло семейство Крутиковых, взявшее к себе и выхотившее Сергея Михайловича. Особая заслуга в этом принадлежит матери Георгия Тихоновича Крутикова, который был студентом Сергея Михайловича, Анне Теофиловне. Георгий Тихонович Крутиков (1899—1958) — архитектор-авангардист, мастер архитектурного рационализма, который внес значительный вклад в развитие концепции этого течения и создал уникальный проект летающего города, привлечший внимание как исследователей, так и архитекторов. См. о нем: *Хан-Магомедов С.О. Георгий Крутиков*. М., 2008.

Наташа Табах. — Наталья Ивановна Табах (1895—1981) — художница, первая жена В.Ф. Рындина, а с 1922 по 1934 г. — жена Б.А. Бессарабова. Подробнее о ней см. в предисловии к наст. изд. и дневниках Ольги Бессарабовой, а также в кн.: *Попова О.С. Наталья Ивановна Бессарабова*. М., 1960.

Семынина Татьяна Георгиевна — студентка Свободных мастерских Воронежского ВХУТЕМАСа, с 1920 г. жена художника С.М. Романовича.

Рындин Вадим Федорович (1902—1974) — театральный художник, впоследствии главный художник Большого театра. Учился в Свободных художественно-технических мастерских в Воронеже (1918—1922) и во ВХУТЕМАСе в Москве (1922—1924). Член объединения «Маковец». В своих воспоминаниях писал: «Как-то раз утром в 1919 году, я

пришел в большую мастерскую ВОРВХУТЕМАСа, размещавшуюся на втором этаже (дело было зимой) и там застал высокого человека в теплом пальто, небритого, заросшего рыжеватой щетиной. Н.Х. Максимов меня с ним познакомил. Это был художник Сергей Михайлович Романович, который приехал к нам из Москвы преподавать живопись и рисунок. Н.Х. Максимов, ученик Кончаловского, рассказал мне, что Романович — ученик М.Ф. Ларионова, с которым он очень дружил и вместе выставлялся.

На следующий день я узнал, что Романович заболел сыпным тифом и слег в больницу».

¹¹¹...так как весь дом и она расположены в прекрасном месте у Москвы-реки, что недалеко от церкви... и 6-го Ростовского переулка. — Имеется в виду 7-й Ростовский пер. См. об этом в воспоминаниях Анастасии Цветаевой:

«— Ася, слушай, тут приходила такая Евгения Максимилиановна Звенигородская, они живут на Плющихе. Уезжают на лето. Узнала о тебе. Предлагает, не вселишься ли в квартиру до их приезда? <...>

Вот жизнь и понеслась снова дальше...

В 7-ом Ростовском переулке круто над Москвой-рекой стоит высокий дом. Его фасад выходит на реку; вход с заднего фасада. Мы вошли в парадное, казалось, в первый этаж, но когда подошли к одному из окон — оказались на такой высоте над берегом и рекой, что вряд ли это был второй этаж, должно быть — третий...» (Т. 2. С. 570).

¹¹²...они пришли в честь дня рождения Андрюши — сына Аси... — Андрей Борисович Трухачев (22 августа 1912 — 31 января 1993).

¹¹³...читать последнюю картину из «Лозена»... — Источником пьес «Метель», «Приключение», «Конец Казановы», «Феникс», «Фортуна» были мемуары герцога де Лозена. Первоначально Цветаева так называла «Конец Казановы».

¹¹⁴С.Ю. Жуковский.

¹¹⁵...встретил Грабаря... Игорь Антонович... — Прав.: Игорь Эммануилович Грабарь.

¹¹⁶Тalia Березникова — личность не установлена.

¹¹⁷...решил выехать в Воронеж... — В конце августа 1921 г. Борис Бессарабов уехал в Воронеж, и, скорее всего, взял у Цветаевой деньги для возможных спекуляций с продуктами. Начинаясь нэп, начало свободной торговли, к которому такие люди, как Б. Бессарабов, были плохо приспособлены. В дневнике за 6 января 1922 г. О. Бессарабова писала: «Как я рада за брата Бориса, что у него хватило мужества отчеркнуть от себя все, что связано с В. Яровым. И что я настояла, чтобы Боря поручил ему свои дела с покупкой продовольствия

для знакомых в Москве. Боре теперь очень трудно материально. Но я так рада, что Борис не пожелал иметь дело с этим господином. Это все несчастье, а не гадость. А это для меня главное. Если бы Боря не отмежевался от В. Ярового и его компании, он имел бы “большой успех” и запачкался бы на всю жизнь. С точки зрения В.Я., Боря “оказался неожиданным дураком”. А я рада и горжусь Борисом. Он не мог писать об этом по почте, и я была не в курсе дела, и эти 2,5 месяца были мне очень тяжелы. Теперь с души упал камень. И мама была бы рада. А Вавочка так и не поняла, и не вслушалась — почему мне стало теперь легко на душе. Это было большое испытание в жизни брата, и он вышел из него с честью. Я очень посетовала на Борю, что он не писал мне не о делах, о которых нельзя было писать, а о себе. Больше месяца он был серьезно болен, и ни он, ни Володя, мне ни слова об этом. Разве так можно. Мы говорили с Борей почти всю ночь. Боже мой, как ему трудно. Теперь он всецело занят выплатой денег, пропавших в афере В. Ярового. А я думала, что В. Яровой — деловой человек, и не подозревала источника, откуда у него обилие плодов земных и все эти хорошанские ковры и прочее».

¹¹⁸ *Марина Цветаева — Илье Эренбургу. Собр. соч. Т. 6. С. 212.*

¹¹⁹ Сводные тетради. С. 71.

¹²⁰ *Кудашева М.П. — знакомая Цветаевой с юношеских лет.*

¹²¹ Вариант из параллельного дневника Ольги Бессарабовой за 1922 г.:

«У Марины Цветаевой надо было взять архив Бориса брата в чемодане.

Изящно и строго одетая, любезная, учтивая. Комната опрятная, вся в коврах. Обещала собрать вещи и архив Бори, я приду за ними потом, когда приеду в Москву. Скоро Марина Ивановна уедет за границу, у нее уже есть заграничный паспорт и все, что нужно. Скоро выйдет ее новая книга “Царь-Девница”. Эту ее книгу в рукописи, писанной рукой Бориса под диктовку Марины, прочла мне Майя Кудашева. Стихи “Царь-Девница” местами хороши, но общее впечатление от книги отвратное. А сама она — наполовину ведьма и слишком женщина, до какой-то неловкости, хочется отдышаться. Взбалмошна, с какими-то сдвигами. Что бы там ни было — талантлива и умна, говорят о ней очень плохо нехорошо, особенно в связи с покойной несчастной Скрябиной. Жалеют Скрябину, о Марине Цветаевой и об Эсфири (тут же и о Майе) говорят с отвращением, неохотно.

Запомнила выражение о Татьяне Федоровне, что она “сгорела в этом костре — этих ведьм”. Майя не была в стороне от этой истории, а сама она о Марине говорит очень резко. Ну их всех совсем».

Часть II. Дневники Ольги Бессарабовой

Ольга Александровна Бессарабова (в замуж.. Веселовская 1896—1967), закончила частную Воронежскую гимназию, работала учительницей и воспитательницей в детских садах, в приютах.

С 1915 г. приезжала из Воронежа в Москву, останавливаясь по долгу в доме Добровых и актрисы Н.С. Бутовой. С конца 1921 г. по 1928 г. жила в Сергиевом Посаде. В 1927 г. вышла замуж за Степана Борисовича Веселовского (1876—1952), историка, академика АН СССР (1946); в 1930 г. родила дочь Анну. До конца жизни своего мужа была его домашним секретарем

1915

¹ *Коля*. — Николай Григорьевич Малахiev родился в Киеве в 1880 г. Окончил Московский университет, знал несколько языков. 1 февраля 1917 г. окончил Александровское военное училище в Москве, произведен в офицерское звание. Погиб в Воронеже в 1919 или 1920 г. во время мамонтовского набега при невыясненных обстоятельствах (вышел из дома и не вернулся). Одно время был женихом Ольги Бессарабовой. Младший брат В.Г. Малахией-Мирович.

² О доме *Добровых* — см. коммент. к ч. I.

³ *Шура*. — Александра Филипповна Добрава (в замуж. Коваленская; 1892—1956) — старшая дочь Ф.А. и Е.М. Добровых, двоюродная сестра Даниила Андреева. Закончила Школу МХТ, но актрисой так и не стала — у нее был страх сцены.

⁴ *Константинов* Федор Константинович (1882—1964) — друг семьи Добровых, художник, представитель русской реалистической школы, преподавал рисунок во ВГИКе до начала Великой Отечественной войны, был профессором живописи и рисунка. Рисовал Шуручку Доброву. В 1911 г. окончил Императорское Строгановское училище, откуда вышел со званием «ученого рисовальщика». В этом же году приехал в Париж, жил и работал в знаменитой колонии художников и литераторов «Улей», где обитали, в частности, Леже, Модильяни, Шагал, Сутин и др. В Париже Константинов женился на студентке парижской консерватории Лидии Балакиршиковой.

⁵ ...в *Очаге Жуковой на Остоженке*... — Очагами назывались до революции детские сады и приюты.

⁶ *Университет Шанявского*... — Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского, негосударственное (муниципальное) высшее учебное заведение, существовавшее в Москве в 1908—1920 гг.

⁷ В.О. Массалитинова.

⁸ *Дом Добровых. (Сердце Москвы)*. — Дом находился в Малом Левшинском переулке.

⁹ Арсений Николаевич Митрофанов — сын Екатерины Михайловны Велигорской (Митрофановой).

¹⁰ *Екатерина Михайловна Велигорская* (Митрофанова; 1869—1943) — сестра Елизаветы и Александры, акушерка, жила с семьей Добровых после смерти своего мужа.

¹¹ Муж — муж Ек.М. Велигорской — Николай Степанович Митрофанов (1868—1919).

¹² ...*арцыбашевской «Ревности»*... — Рассказ М.П. Арцыбашева «О ревности», представляющий собой своеобразный сюжетно-психологический и литературный комментарий к проблематике повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната», вышел в свет в 1912 г.

¹³ *Трамваи протестуют против закрытия Государственной Думы*. — 3 сентября 1915 г. после принятия Думой выделенных правительством кредитов на войну ее распустили на каникулы. Вновь Дума собралась только в феврале 1916 г. 16 декабря 1916 г. была снова распущена.

¹⁴ *Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева* (РФО) организовано весной 1905 г. группой лиц из религиозно-философской секции студенческого Историко-филологического общества, созданного князем С.Н. Трубецким в 1902 г. при Московском университете. Заседания проходили на квартирах М.К. Морозовой (Знаменка, 11; Новинский бульвар, 103; Мертвый переулок, 9) и др. Инициаторами создания общества вместе со многими поддержавшими его основание учеными, писателями и философами были о. Сергей Булгаков, Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, П.А. Флоренский. В 1907 г. стараниями В.Л. Свенцицкого, П.А. Флоренского и В.Ф. Эрнэ внутри общества был создан «Вольный богословский университет». Печатным органом стало созданное в 1910 г. издательство «Путь». Московское религиозно-философское общество вынужденно прекратило свое существование в 1918 г.

¹⁵ ...*доклад о «Ключах Истины»*. — Доклад Шестова «Ключи истины» был прочитан им в Московском психологическом обществе 14 ноября 1915 г. и представлял собой первоначально набросок будущей книги «Власть ключей», лишь в 1923 г. выпущенной в свет берлинским издательством «Скифы» (*Шестов Л. Potestas clavium (Власть ключей) // Шестов Л. Собр. соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1*).

¹⁶ *На лекции Бальмонта «Волшебство поэзии»*. — В 1914 г. К.Д. Бальмонт запланировал проехать через всю страну — от Москвы до Иркутска — с лекциями «Поэзия как волшебство». Результатом этого путешествия стала книга под тем же названием, впервые опубликованная

издательством «Скорпион» в 1915 г. В книгу поэт привлек обширный материал о мифологии Центральной и Южной Америки, Древней Индии, Египта, Скандинавии, русского народного творчества.

¹⁷ *Люда*. — Людмила Дембовская. См. коммент. 50 к ч. I.

¹⁸ *Дживелегов* Алексей Карпович (1875–1952) — специалист по искусству и литературе эпохи Возрождения в Италии. Его первая монография, посвященная этой теме, под названием «Начало итальянского Возрождения» вышла в 1908 г. Преподавательская деятельность началась в 1915 г. в университете им. Шанявского. Поэтому можно основательно предположить, что лекция, упомянутая в дневнике, была связана именно с этой монографией.

¹⁹ *А.М. Велигорская*. — См. коммент. 4 к ч. I.

²⁰ *Даня*. — Даниил Леонидович Андреев детство и большую часть жизни прожил в Москве, в семье своей тети Ел.М. Добровой (урожд. Велигорской). Подробнее о нем см. в предисловии к наст. изд.

²¹ *Бердслей Обри Винсент* (1872–1898) — английский художник. Как «гений миниатюры», оказал огромное влияние на все искусство стиля «модерн».

²² *«Мир искусства»* — художественное объединение, сформировавшееся в России в конце 1890-х гг., а также одноименный журнал, издававшийся членами группы. Основатели — художник А.Н. Бенуа и театральный деятель С.П. Дягилев. Художественная ориентация «Мира искусства» была связана с модерном и символизмом. После революции многие его деятели были вынуждены эмигрировать. Фактически объединение прекратило свое существование в 1924 г.

²³ *Михаил Владимирович Шик* — сын почетного гражданина Москвы Владимира (Вольфа) Мироновича Шика (1862–1938) и Гизеллы Яковлевны Шик (урожд. Эйгер; 1866–1952), закончил 5-ю московскую гимназию, затем историко-филологический факультет Московского университета по двум кафедрам — всеобщей истории и философии, прослушал курс философии во Франкфуртском университете. Вместе с В.Г. Малахеевой-Мирович перевел книгу У. Джеймса «Многообразии религиозного опыта» (1910). Был активным членом религиозно-философского кружка, одним из организаторов которого являлся его одноклассник по гимназии Георгий Вернадский. Во время Первой мировой войны М.В. Шик находился в армии, занимался эвакуацией населения из районов военных действий в Западном крае. После войны, в 1918 г. он принял православие. Крестной матерью была В.Г. Малахеева-Мирович, крестным отцом — художник В.А. Фаворский, с которым М.В. Шик был знаком с юных лет. При крещении он избрал своим небесным покровителем святого мученика князя Михаила Черниговского. Позднее В.Г. Малахеева-Мирович вспоминала:

«Однажды в день Ангела отца Михаила я спросила Наташу (его жену), почему он не избрал себе покровителем Архистратига Сил Небесных. Наташа ответила, что ему, по его словам, как-то по-особенному был близок образ князя Михаила Черниговского, замученного в Орде. И тогда я подумала, что в нем бессознательно, а может быть, и сознательно, говорила надежда закончить свой путь на этом свете венцом мученика» (цит. по: *Смирнова Т.В. ...Под покров Преподобного. Сергиев Посад, 2007. С. 135*). М.В. Шик стал любимым духовным сыном известного всей России старца Зосимовой пустыни Алексия (Соловьева).

В августе 1918 г. М.В. Шик женился на Н.Д. Шаховской, семья поселилась в Сергиевом Посаде. Шик вошел в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры (с апреля 1919 г.).

М.В. Шик проходил по делу так называемой «Сергиевской самаринской группировки» вместе со священником отцом Сергеем Сидоровым, П.Б. Мансуровым, П.В. Истоминым и Ф.А. Челищевым. Получил два года высылки в город Турткуль Каракалпакской АССР. Летом 1931 г. снова нависла опасность ареста. И семья из Подмоскovieвья переехала в город Малоярославец Калужской области (за 101-й км от Москвы). Отец Михаил совершал богослужения дома, тайно принимал у себя приезжавших из Москвы духовных детей и некоторых местных жителей. Среди его духовных чад была знаменитая пианистка М.В. Юдина, дочь В.В. Розанова Татьяна Васильевна и даже дочь Менжинского (председателя ОГПУ). 25 февраля 1937 г. в их дом пришли трое в штатском с ордером на обыск и арест. Обнаружили в пристройке признаки домово́й церкви и увели отца Михаила. Расстреляли его на Бутовском полигоне под Москвой 27 сентября 1937 г.

²⁴ *Вавочка*. — В.Г. Малахиева-Мирович. Ее отец Григорий Малахийев был странником, иногда надолго уходил из дома, нищенствовал, потом возвращался в семью. Мать Варвара Федоровна (урожд. Полянская; 1848—1930) вела свое происхождение от графов Орловых — ее прабабка была дочерью одного из графов Орловых и крепостной девушки. Умерла в Сергиевом Посаде, похоронена на Кукуевском кладбище. В Москве на Пятницкой семья имела «контору дилижансов».

В семье было пять детей. Брат Михаил (1871/72—1922?) погиб при невыясненных обстоятельствах. Одна из сестер — Мария — умерла от менингита, вторая — Анастасия (1874—1919), одно время невеста философа Льва Шестова, сошла с ума и умерла в 1919 г. от голода в клинике. Малахиева-Мирович окончила гимназию и Высшие женские курсы в Киеве. Зарабатывала частными уроками. В конце 1880-х гг. примыкала к кружку революционеров-народников. Была знакома с Луначарским (посвятила ему стихи). В 1891 г. совершила поездку по Западной Европе (и впоследствии бывала в Италии, Швейцарии, Париже,

Вене, Мюнхене). В 1895 г. познакомилась с Львом Шестовым (давала уроки в доме его сестры), оказавшим на нее значительное духовное влияние. Литературный псевдоним — Мирович, возможно, связан с юношеским литературным псевдонимом Шестова, которым он подписывал свои ранние рассказы (см. об этом подробнее: *Н. Баранова-Шестова. Жизнь Льва Шестова. С. 19*): «Шестов был также дружен с писательницей Варварой Григорьевной Малахиевой-Мирович из Воронежа, которая в те годы писала в киевских газетах, а позже стала сотрудницей московских и петербургских журналов. В конце десятых годов она заведовала беллетристическим отделом “Русской мысли”. Сохранилось 17 ее писем к Шестову. Из них 9 написаны в 1895 и 1896 гг. и 8 — между 1921 и 1925 гг. Тон писем весьма дружественный. В них немало рассуждений на возвышенные темы, но Варвара Григорьевна также часто обращалась к Шестову за помощью, и он ей никогда не отказывал. Можно предположить, что они познакомились в 1892—1893 гг. Потом встречались в Киеве и Москве». Об отношениях Льва Шестова и В.Г. Мирович подробно рассказано в ее дневниках (находятся в процессе обработки и подготовки к публикации). С 1898 г. жила в Петербурге, с 1901 г. — в Москве. С начала 1890-х гг. печатала заметки о литературе и театре: в «Киевском слове» и других киевских газетах, с 1898 г. — в газете «Неделя». До революции В.Г. Мирович выступала в печати как литературный и театральный критик: сначала в киевских газетах, а позже в петербургских журналах «Русская мысль» и «Мир искусства». В 1909—1910 гг. в журнале «Искусство и печать» (Киев) опубликовала статьи о М.А. Врубеле и М.В. Нестерове. Появлялись в журналах и ее стихи, а в 1923 г. вышел сборник «Монастырское» (стихи середины 1910-х гг.). Ольга Бессарабова была не только воспитанницей В.Г. Мирович, но и стала ее душеприказчицей. Внешняя и внутренняя жизнь Ольги и Варвары Григорьевны были тесно переплетены, о чем красноречиво свидетельствуют публикуемые дневники.

²⁵ *Наталья Дмитриевна Шаховская-Шик (1890—1942)* — по образованию историк, детская писательница. Дочь князя Дмитрия Ивановича Шаховского, создателя либеральной партии кадетов. В 1907 г. поступила на Высшие женские курсы в Москве. В 1913 г. заболела туберкулезом легких. Лечилась в Крыму. С 1917/1918 гг. — сотрудничала в созданном ее отцом Дмитровском союзе кооперативов. После свадьбы жила в Сергиевом Посаде, где преподавала в Сергиевском техникуме. В 1920 г. была арестована московской ЧК, но вскоре освобождена. Родила пятерых детей: Сергея, Марию, Елизавету, Дмитрия, Николая. Умерла в июне 1942 г., в Москве, в Туберкулезном институте. Похоронена на Ваганьковском кладбище.

²⁶ *Лис* — домашнее прозвище Ольги Бессарабовой.

1916

¹ *Джеймс Уильям* (1842–1910) — профессор психологии Гарвардского университета, создатель американской психологической лаборатории. Свою задачу видел в том, чтобы на основе аналитического метода самонаблюдения изучать душевные явления в их целостности. В России было переведено и издано несколько книг У. Джеймса, в частности: «Многообразие религиозного опыта» (1905). В 1910 г. в Москве эта книга вышла в переводе В.Г. Мирович и М.В. Шика. Писатель *Генри Джеймс* (1843–1916) — младший брат У. Джеймса, классик американской литературы.

² *Каиниты* — одна из гностических сект II века. Ее приверженцы чтили Каина, которого признавали «за произведение высшей силы», и почитали Иуду Искаротского.

³ *Амиель Анри Фредерик* (1821–1881) — швейцарский философ и поэт, автор «Дневника» и множества афоризмов, включенных Толстым в свой «Круг чтения».

⁴ *Вернон Ли* (наст. имя Вайолет Пэджет; 1856–1935) — английская писательница, переводчица, автор многочисленных эссе об искусстве. Много лет прожила в Италии. Прославилась своей мистической прозой, в частности знаменитой повестью «Нечестивый голос».

Горнфельд *Аркадий Георгиевич* (1867–1941) — литературовед, критик, переводчик. С 1895 г. — сотрудник редакции журнала «Русское богатство». Самым известным трудом Горнфельда до сих пор остается книга «Муки слова» (1900).

Зелинский *Фаддей (Тадеуш) Францевич* (1859–1944) — филолог, поэт-переводчик, историк античной культуры.

⁵ *Кульженко* *Наталья Николаевна* (1879/80–1920) — литератор, сводная сестра Леониллы Николаевны Тарасовой (урожд. Чеботаревой), матери актрисы А.К. Тарасовой

⁶ *Астарта Россетти*. — Астарта — греческое название богини Иштар. Поэт и художник-прерафаэлит Данте Габриэль Россетти написал знаменитую «Астарту» в 1877 г.

⁷ *Евгения Сергеевна Смирнова* (Готовцева; 1889—?) — двоюродная племянница К.С. Станиславского. См. о ней коммент. 44 к дневнику 1917 г.

⁸ *Фра Беато Анжелико* (собств. имя Гвидо ди Пьетро; 1400–1455) — итальянский художник эпохи раннего Возрождения.

⁹ «*Лукоморье*» — иллюстрированный журнал, издававшийся М.А. Сувориным. Выходил с 1914 по 1917 г. Редакция уделяла самое пристальное внимание художественному оформлению журнала. Кроме

Б. Кустодиева над журналом работали Н. Рерих, Е. Лансере, И. Библин, М. Добужинский, Г. Лукомский, Д. Митрохин.

¹⁰ *Надежда Сергеевна Бутова* (1878—1921) — актриса МХАТ (с 1900 г.) Жила в Успенском переулке. Заразилась туберкулезом, ухаживая за близкой подругой, умерла после тяжелой болезни, похоронена на Новодевичьем кладбище. Дружила с В. Г. Мирович, Л. Шестовым, Е. М. Добровой. Большой очерк ей посвятил Б. К. Зайцев (см. коммент. 14 к ч. I). В своей мемуарной книге Е. Герцык так писала о Бутовой: «Милее всех была мне Бутова, артистка Худ<ожественного> театра, высокая и худая, с лицом скитницы. Мы стали видаться и в отсутствии Льва Исааковича. Большая, убранная кустарными тканями комната с окнами на храм Спасителя. В шубке, крытой парчой, она тихо двигается, тихо говорит на очень низких нотах. От Худ<ожественного> т<еатра> культ Чехова. Потчует: “Возьмите крыжовенного — любимое Антона Павловича...” А культ Шестова? Кажется, от какой-то неисцелимой боли жизни да от жажды Бога, но в последней простоте, вне шумихи современного богоискательства. Слова скромны и просты, а внутри затаенное кипение. Зажигала в углу рубиновую лампадку. Была прозорлива на чужую боль. Глубоко трогал созданный ею образ юродивой в “Бесах” Достоевского. Когда в 22-м году после пятилетнего промежутка я попала в Москву, я узнала, что она умерла в революционные годы, что перед смертью пророчествовала в религиозном экстазе. Скитница обрела свой скит» (*Герцык Е.* Воспоминания. М., 1996. С. 107).

¹¹ «*Цветы зла*» — книга стихов Шарля Бодлера, впервые вышедшая в свет в 1857 г. и оказавшая в последующем большое влияние на развитие символизма, в частности на поэзию Рембо, Верлена, а впоследствии и многих русских символистов.

¹² *Варвара Федоровна Малахиева* — мать В. Г. Малаховой-Мирович.

¹³ *Сереза*. — Сергей Львович Листопадов, побочный сын Л. Шестова, погибший на Первой мировой войне. Дочь Льва Шестова Н. Баранова вспоминала: «К этим же годам (начало 1890-х) относится связь Шестова с горничной семьи Шварцманов, Анютой Листопадовой, и рождение внебрачного сына Сергея (вероятно, 1892). Шестов был очень привязан к мальчику и всю жизнь о нем заботился. Сереза жил в Москве с матерью, а затем в семье одного московского журналиста. Окончил московскую гимназию. Неизвестно, успел ли он поступить в университет до войны. На войну он пошел вольноопределяющимся и был награжден двумя георгиевскими крестами и произведен в прапорщики. Он был убит на войне, вероятно? весной 1917 г. Во время своих отпусков он бывал у Шестовых в Москве. В один из приездов он встретился с Борисом Пастернаком» (*Баранова-Шестова Н.* Жизнь

Льва Шестова. Т. 1. С. 21). Сергей погиб не в 1917 г., как пишет Наталья Львовна, а в январе 1916-го.

¹⁴ *Анна Петровна Косцова* (1872—1920) — мать Ольги и Бориса Бессарабовых, родилась в мещанской семье в поселке Куба на Кавказе. В 1891 г. окончила гимназию в Воронеже. В 1893 г. вышла замуж за Александра Федоровича Бессарабова (1871—1903, умер от чахотки); родила от него пятерых детей — Николая, Ольгу, Владимира, Бориса, Всеволода); преподавала в младших классах гимназии. В 1905 г. вышла замуж за Ивана Васильевича Соловкина, знакомого ее покойного мужа. Семья жила в Воронеже. В 1920 г., ухаживая за своими детьми, заразилась брюшным тифом и умерла.

¹⁵ *В.С. Виткович* (Затеplinская) — гимназическая подруга О. Бессарабовой. Училась в Петербургском психолого-неврологическом институте.

¹⁶ *Николай*. — Старший брат О. Бессарабовой (1894—1973), окончил Санкт-Петербургский политехнический институт по специальности механик. После окончания института получил предложение поехать в Америку (в 1916 г., куда он ехал через *Японию*) браковщиком снарядов, которые Россия закупала для фронта. Помогал семье, но с конце 20-х гг. его переписка с родными прервалась. Его племянница А.С. Веселовская в 1960-е гг. обнаружила в библиотеке книгу на английском языке: *Бессарабов Ник. История музыкальных инструментов*. Бостон. 1941.

¹⁷ *Готье Эдуард Владимирович* — известный врач-терапевт, работал в Первой градской больнице Москвы, его именем названа аудитория, в которой обучаются студенты Российского государственного медицинского университета.

¹⁸ *Алексинский Иван Павлович* (1871—1945) — ученый, хирург. В декабре 1906 г. стал заведующим кафедрой хирургической патологии Московского университета. В это же время он занимал должность главного врача Иверской общины и ее лечебных учреждений.

¹⁹ Пьеса Чехова *«Вишневый сад»* впервые поставлена в Московском Художественном театре 17 января 1904 г. Премьера спектакля по пьесе Бомарше *«Женитьба Фигаро»* в постановке А. Таирова состоялась в Камерном театре в 1915 г. Художником спектакля был С.Ю. Судейкин.

²⁰ Иконы, носящие название *«Утоли мои печали»*, *«Утешение сердце»*, *«Взыскание погибших»*, в русской христианской традиции считаются чудотворными. Так, наименование *«Взыскание погибших»* возникло под влиянием повести *«О покаянии Феофила, эконома церковного во граде Адане»* (VII в.). Молясь перед образом Богородицы, Феофил называл ее *«Взыскание погибших»*.

²¹ *Таля*. — Н.Н. Кульженко.

²² ...фотографии под чеховским заглавием: «Я в пяти позах»... — Аллюзия, связанная со знаменитой фразой героя рассказа А.П. Чехова «Ионыч» Ивана Петровича: «Пава, изобрази!»

²³ «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши?» — Из акафиста, читаемого на пятой неделе Великого поста.

²⁴ *Тарасова Леонилла Николаевна* (урожд. Чеботарева, 1870—1966) — гимназическая подруга В.Г. Малахеевой-Мирович, мать А.К. Тарасовой.

²⁵ *Аллочка*. — Алла Константиновна Тарасова (1898—1973) — актриса театра и кино, лауреат пяти Сталинских премий (1941, 1946 — дважды, 1947, 1949). Герой Социалистического Труда (1973), народная артистка СССР (1937). Родилась в Киеве в семье профессора медицинского факультета Киевского университета К.П. Тарасова. С 1906 по 1910 г. училась в Киево-Печерской женской гимназии, которая находилась на улице Резницкой, № 2/34, в 1910—1914 гг. — в частной гимназии Титаренко на ул. Фундуклеевской (ныне улица Б. Хмельницкого, № 10). С 1914 г. — в Москве. С 1916 г. — актриса МХАТа. Слава пришла к Алле Тарасовой в 18 лет, когда она сыграла в спектакле по пьесе З.Н. Гиппиус «Зеленое кольцо». Особенный успех А.К. Тарасова имела в спектаклях, поставленных по пьесам А.П. Чехова. По воспоминаниям Г.К. Тарасова (брата), в детстве пьесы для нее сочинялись другом их семьи литератором В.Г. Малахеевой-Мирович. «Вообще в нашем развитии и приобщении к культуре, и особенно к русской литературе, большую роль сыграли занятия, носившие характер семинарских, с В.Г. Малахеевой-Мирович, которая часто гостила у нас в Киеве, а кроме того, присылала из Москвы книги, репродукции картин с выставок, в частности Третьяковской галереи. ...В 1912 году, весной, когда в Киев приезжал на гастроли Московский Художественный театр, у нас бывали его актеры. Особенно близко познакомились мы с Надеждой Сергеевной Бутовой; Алла Константиновна позже, будучи ученицей театральной школы, жила у Н.С. Бутовой в Успенском переулке» (<http://tarasova2007/Narad/ru/Private.htm>).

²⁶ «Утро России» — ежедневная газета, орган торгово-промышленных кругов, с 1912 г. — орган партии прогрессистов. Выходила в Москве с перерывами с 1907 по 1918 г.

²⁷ ...царство элоев <...> убирается морлоками... — Герои произведения Герберта Уэллса «Машина времени» морлоки — потомки рабочих, обитающие в подземном мире и обслуживающие машины, элои — потомки прежней элиты общества, слабые, хрупкие существа, совершенно не приспособленные для труда.

²⁸ ...напоминает Иоанна Крестителя Александра Иванова. — Персонаж полотна «Явление Христа народу» А.А. Иванова. «Голова Иоан-

на Крестителя» — один из множества этюдов к этой картине, хранящихся ныне в Русском музее.

²⁹ *Федя*. — Федор Семенович Богородский, художник (1895—1959). С 1914 по 1916 г. учился в Москве в студии М.В. Леблана, проходя одновременно курс наук на юридическом факультете Московского университета. В эти же годы был артистом эстрады и цирка, писал стихи, а с 1916 г. находился на военной службе. Увлечшись футуризмом, близко знакомится с Хлебниковым и Маяковским. В 1924 г. закончил ВХУТЕМАС (мастерская Архипова), в 1925 г. входил в группу «Жар-цвет». Впоследствии действительный член Академии художеств СССР, лауреат Сталинской премии (1946).

³⁰ *Высшие женские курсы Полторацкой* были организованы в Москве в 1907 г.

³¹ *...кратер Молоха*. — Молох (греч., евр.) — почитавшееся в Палестине, Финикии и Карфагене божество, которому приносились человеческие жертвы, особенно дети.

³² *«Есть в русской природе усталая нежность...»*. — Начало стихотворения К. Бальмонта «Безглагольность» из книги «Только любовь. Семицветник» (1907).

³³ *...о декламации ...про змею...* — Речь идет о рассказе Л. Андреева «Рассказ змеи о том, как у нее появились ядовитые зубы» (1907), косвенно принадлежащем к циклу «Сказочки не совсем для детей», среди которых «Земля», «Храбрый волк», «Орешек», «Негодяй» и др.

³⁴ *Дима*. — Вадим Леонидович Андреев (1902—1976) — писатель. Сын Л.Н. Андреева, брат Даниила. После 1917 г. остался вместе с отцом в Финляндии. Жил в Париже. Автобиографические повести «Детство» (1963), «История одного путешествия» (1966) и др.

³⁵ *Сазонов Сергей Дмитриевич* (1860—1927) — министр иностранных дел Российской империи с 1910 по 1916 г. В 1919 г. во время Гражданской войны был включен в состав министерства генерала Деникина, затем стал главой МИДа в правительстве Колчака. После поражения Белой армии в эмиграции.

³⁶ *Кезмент Роджер Дейвид* (1864—1916) — участник ирландского национального движения. С конца XIX — начала XX в. находился на английской консульской службе. В ноябре 1914 г. прибыл в Германию в надежде добиться военной поддержки ирландскому движению со стороны Германии. Эта его миссия оказалась неудачной. Стремясь предотвратить ирландское восстание 1916 г., в успех которого без иностранной помощи он не верил, Кезмент высадился в Ирландии с борта немецкой подводной лодки, но был арестован, судим и в июле 1916 г. повешен.

³⁷ *Готье Теофиль* (1811—1872) — французский поэт, писатель, критик. Автор романа «Капитан Фракасс» и сборника стихов «Эмали и камеи»,

вышедшего в 1852 г. и оказавшего впоследствии заметное влияние на развитие некоторых идей русской поэзии начала XX в. (переведен и издан в России в 1914 г.).

³⁸ *Гюисманс Жерис Карл* (1848–1907) – французский романист. Первую книгу, сборник стихотворений в прозе, исполненных в духе Бодлера, опубликовал в 1874 г. После написания нескольких заметных произведений выпустил в 1884 г. роман «Наоборот», ставший в его творчестве самым известным и получивший наименование «катехизис декаданса».

³⁹ *Сюлли-Прюдом* (наст. имя и фам. Рене Франсуа Арман Прюдом; 1839–1907) – французский поэт. Первый лауреат Нобелевской премии по литературе (1901). Первый поэтический сборник вышел в 1865 г.

1917

¹ *Таня*. – *Татьяна Семеновна Лурье*, ученица В.Г. Мирович, дочь Семена Владимировича Лурье (1867–1927, эмигрировал, попал под поезд), близкого друга Л. Шестова, издателя перевода и автора предисловия к книге У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» в переводе В.Г. Мирович и М.В. Шика.

² *Машенька*. – *Мария Александровна Полиевктова* (1895–1981, в первом браке Кристенсен, во втором Краг), дочь Татьяны Алексеевны Полиевктовой (Орешниковой), сестры В.А. Зайцевой (Орешниковой). В 1917 г. вышла замуж за норвежского предпринимателя Томаса Кристенсена, жила в Осло.

³ *...видела... Березовских...* – дочерей Льва Шестова и Анны Елизаровны Березовской. *Татьяна*, родилась в Риме в 1897 г., *Наталья* – в Берне в 1900 г. Н. Баранова-Шестова автор биографической книги об отце «Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям сверстников» в двух томах (Paris: La Presse Libre, 1983).

⁴ *Он выставил на «Мир искусства» «Песнь Пана»*. – Речь идет о выставке художественного объединения «Мир искусства», открывшейся последовательно сначала в Петрограде, потом в Москве в конце 1916 – начале 1917 г. под названием «Выставка этюдов, эскизов и рисунков».

⁵ *Лиля*. – *Шик Елена Владимировна* (Елагина; 1895–1931), актриса, театральная педагог. Сестра М.В. Шика, воспитанница В.Г. Мирович. В 1911 г. поступила на Высшие женские курсы Герье. С 1914 г. в Мансуровской студии, а впоследствии актриса Вахтанговского театра. Упоминается в цветаевской «Повести о Сонечке» в связи с чтением «Метели», где должна была играть Старуху. С 1931 г. преподавала в Ленинградском театральном институте. Умерла в Ленинграде от менингита. Похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве.

⁶ «Русские ведомости» — газета, издававшаяся в Москве с сентября 1863 г. по март 1918 г. либеральными профессорами Московского университета и земскими деятелями. Закрыта в марте 1918 г. «за контрреволюционную агитацию».

⁷ *Тарасов Константин Прокофьевич* (1865—1931) — отец актрисы А.К. Тарасовой, профессор Киевского университета, работал в киевском госпитале, заведовал психоневрологическим отделением. Тарасов впоследствии приобрел специальность врача-стоматолога и стал организатором челюстного отделения в госпитале (одного из первых в русской армии во время войны 1914 г.), а при советской власти — одним из организаторов, деканом и профессором пародонтологического факультета Киевского медицинского института.

⁸ *Женя Тарасов*. — В семье Тарасовых было пятеро детей: три дочки — Елена, Нина (1892—1952) и Алла, и два сына — Евгений и Георгий (1899—1974).

⁹ *Тая*. — Н.Н. Кульженко.

¹⁰ *Владимир Ильинский* — врач-стоматолог, отец И.В. Ильинского, играл в любительском театре комические роли. Его жена Евгения Петровна (умерла в 1922 г. от брюшного тифа), мать И.В. Ильинского (1901—1987), близкая приятельница В.Г. Мирович.

¹¹ *Лиля*. — Е.В. Шик.

¹² *Леокадия Васильевна Полянская* (урожд. Соловкина, ум. 1920) — жена брата В.Ф. Малахиевой Петра Федоровича.

¹³ ...*хоть жениха и отозвали на фронт*. — Речь идет о женихе А.К. Тарасовой. Пятнадцати лет Алла познакомилась в Киеве с гардемарином Александром Петровичем Кузьминым. Три года он ухаживал за ней, а когда она приехала в Москву и поступила во 2-ю школу-студию МХТ, Кузьмин, уже в звании лейтенанта флота, сделал ей предложение, и они обвенчались в храме Никиты Мученика. Он был первым мужем А.К. Тарасовой. Работал в МХАТе с 1924 по 1930 г. От первого брака у А.К. Тарасовой сын — Алексей Александрович Кузьмин-Тарасов (р. 1920).

¹⁴ «Зеленое кольцо», «Чайка» и «Снежная королева» — спектакли МХТ, в которых была занята А.К. Тарасова. В «Зеленом кольце» играла роль Финочки.

¹⁵ *Ольга Владимировна Ильинская* — сестра И.В. Ильинского, была воспитанницей В.Г. Мирович, после революции эмигрировала.

¹⁶ *Николай Малахийев* — брат В.Г. Мирович.

¹⁷ *Свентицкая Мария Хрисанфовна* (1855—1932) — педагог, деятельница дошкольного воспитания и начального обучения. В учебно-воспитательных заведениях Свентицкой была выработана единая система, основанная на методе разумного свободного воспитания — соче-

тании естественного развития ребенка с систематическим последовательным воспитанием и обучением.

¹⁸ ...выходит замуж... — Брак М. Полиевктовой с норвежцем Томасом Кристенсеном распался, и в 1930-х гг. Мария вернулась в Россию, работала переводчицей, затем в 1939 г. выехала к старшему сыну Яльмару в Норвегию.

¹⁹ Христианией называлась столица Норвегии Осло с 1624 по 1924 г. (с 1624 по 1877 г. — Христиания, с 1877 по 1924 гг. — Кристиания).

²⁰ ...на лекции ...Шестова о «Вячеславе Великолепном»... — Осенью 1914 г. Шестов поселился в Москве, куда к этому времени съехались Вяч. Иванов, Н. Бердяев, С. Булгаков, М. Гершензон и другие участники «симпозиона», домашние заседания которого сразу же возобновились. Е. Герцык вспоминала: «Нас с сестрой особенно тешило эстетически, когда сходились Шестов и Вячеслав Иванов — лукавый, тонкий эллин и глубокий своей одинокой думой, иудей». В это время у Шестова и сложился замысел статьи о Вячеславе Иванове, которую он писал летом 1916 г. Статья была опубликована в октябрьском номере «Русской мысли» за этот же год, а 4 октября Шестов прочитал доклад под тем же названием в Религиозно-философском обществе.

²¹ Полиевктова Татьяна Алексеевна (урожд. Орешникова; 1875—1961) — сестра В.А. Зайцевой — жены Б.К. Зайцева. Александр Александрович Полиевктов — из крестьянской семьи, врач, заведующий Павловской детской инфекционной больницей в Москве на Соколиной горе, известный инфекционист, муж Татьяны Алексеевны, дочери купца Орешникова. Дети Александра Александровича и Татьяны Алексеевны Полиевктовых: сын — Петр и дочери Мария, Анна и Ольга.

²² А тете Саше Андреевой... — Александра Алексеевна Андреева (1853—1926), критик, переводчица, историк литературы; родная сестра Е.А. Бальмонт. Познакомилась с Г. Ибсенем, когда путешествовала по Норвегии, написала о нем ряд работ.

²³ ...один из братьев Бруни... — Неясно, о каком из братьев Бруни идет речь: Лев Александрович Бруни (1894—1948), известный художник, впоследствии муж Н.К. Бальмонт, и Николай Александрович Бруни (1891—1938), поэт и художник, священник и авиатор, попавший в ГУЛАГ в 1934 г. по ложному доносу как «французский шпион», в 1937 г. соорудил уникальный памятник Пушкину из гипса, кирпича, досок. В 1938 г. расстрелян.

²⁴ ...дочь Нина... — Нина Константиновна (1900—1989) — переводчик, литератор, дочь поэта К.Д. Бальмонта и Е.А. Андреевой-Бальмонт, жена художника Л.А. Бруни. В 1916—1920 гг. жила в Миасском заводе, куда приехала с матерью — Е.А. Андреева решила показать дочери «ди-

кие места» России, ее красоты, озера, горы и леса. Поселилась семья на даче в Тургояке. В 1919 г. окончила Миасскую гимназию Романовских и в этом же году вышла замуж за Л.А. Бруни. В 1920 г. уехала с семьей в Москву, работала переводчицей в различных издательствах.

²⁵ ...второй жене Елене... — Елена Константиновна Цветковская-Бальмонт (1880—1943) — третья жена (с 1916 г.) поэта.

²⁶ *Андреева-Бальмонт Екатерина Алексеевна* (1867—1950) — мемуаристка, переводчица, вторая жена К.Д. Бальмонта. Родилась и выросла в семье московского купца. Как и все ее сестры, получила хорошее домашнее образование. (Ее старшая сестра А.А. Андреева (см. выше) стала писательницей). Возглавляла в Москве комиссию по библиотечному делу в воскресных школах. Вместе с сестрой А.А. Андреевой перевела на французский язык книгу Т.А. Кузьминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне». Мемуары Андреевой-Бальмонт (а из написанного ею опубликованы только три части: «Мои воспоминания о К.Д. Бальмонте», «Князь Александр Иванович Урусов» и «Семья Андреевых» (см.: *Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. М., 1997), остальные: «Судьба моих братьев и сестер», «О патриархе Сергии», «О Максимилиане Волошине» находится в РГБ. Ей посвящено стихотворение М.А. Волошина «Возлюби просторы мгновенья...» (1908).

²⁷ *Новиков Иван Алексеевич* (1877—1959) — поэт, прозаик, драматург, литературовед. «*Ночной гость*» — неопубликованная пьеса Новикова. К драматургии писатель обращается уже в самом начале пути, однако к зрелому драматургическому творчеству можно отнести пьесы позднейшего периода «Любовь к земле» (1911) и «Горсть пепла» (1916). По рождению (Орловщина, Мценск) Новиков — земляк Тургенева, Лескова, Бунина и Л. Андреева. Круг его жизни и литературного общения был необычайно широк. Так, из публикации Е.К. Дейч «Эпистолярное наследие Новикова» следует, что адресатами Новикова были А. Блок, И. Бунин, В. Брюсов, Г. Чулков. Новиков — автор романов «Золотые кресты» и «Между двух зорь». Новиков является прототипом главного героя повести «Голубая звезда» Б. Зайцева. Он автор дилогии «Пушкин в изгнании» (1936—1942), а также перевода и исследования «Слова о полку Игореве». Был связан близкой дружбой с В.Г. Малахеевой-Мирович. Сохранилась их обширная переписка в РГАЛИ (Ф. 343). Когда он жил в Туле, по просьбе В.Г.Мирович у него останавливался на ночь в 1909 г. Лев Шестов, следующий в Ясную Поляну ко Льву Толстому.

²⁸ ...*Ольга Константиновна*... — ошибка, правильно Ольга Максимилиановна Новикова-Принц (1882—1949), жена Новикова, с которой они познакомились в Орле и в 1916 г. поженились. У нее было двое детей от другого брака: Ростислав (1906—1979) и Марина (1912—1989).

²⁹ ...портретом Марии Башкирцевой... — Мария Константиновна Башкирцева (1858—1884), художница, автор знаменитых дневников, очень популярных в начале XX в.

³⁰ «Грузинский вечер» (или «Вечер Грузии»). — Начало интереса Бальмонта к грузинской поэзии относится ко времени его путешествия в Англию, где он впервые услышал поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», изданную в Лондоне в 1912 г. в прозаическом переводе Марджори Скотт Уордроп. Вернувшись в Россию в 1913 г., он приступил к ее переводу.

³¹ Алексей Смирнов — сын В.А. Зайцевой от первого брака, был 1 октября 1919 г. обвинен в участии в заговоре и расстрелян 14 ноября 1919 г.

³² Бруни Федор Антонович (1799—1875) — художник пушкинского времени. После окончания Воспитательного училища при Академии художеств был отправлен в Италию «для совершенствования в мастерстве», где пробыл около 10 лет и где пришла к нему первая слава. К 1838 г. относится его работа «Покров Пресвятые Богородицы» для алтаря Казанского собора, а к 1840 г. — окончание знаменитого полотна «Медный змей». С 1841 по 1845 гг. выполнил 25 картонов для росписи Исаакиевского собора. В 1855 г. назначен ректором Академии художеств по отделу живописи и вааяния.

³³ Анечка. — Анна Александровна Полиевктова (1898—1958), впоследствии жена Николая Александровича Бруни, сначала он делал предложение старшей сестре — Марии Полиевктовой. В 1934 г. семья Н.А. Бруни — жена Анна Александровна и шестеро детей поселилась городе Малоярославце.

³⁴ Эос — в греческой мифологии розовоперстая богиня утренней зари.

³⁵ Чугуевское юнкерское пехотное училище организовано в г. Чугуеве Харьковской губернии в 1865 г. Юнкерские училища предназначались для военного образования юнкерами и унтер-офицерами из вольноопределяющихся перед производством их в офицеры.

³⁶ Можно предположить, что «Кружок радости», которому в дневнике Ольги Бессарабовой уделено особое внимание, был запечатлен в повести Бориса Зайцева «Голубая звезда» (впервые опубликована в журнале «Слово» в 1918 г.). В повести собрание называется «обществом «Белый голубь» и заседает оно на Поварской улице, а Ольга Бессарабова и Варвара Григорьевна Минович, скорее всего, выведены в «Голубой звезде» под именами Машуры и Натальи Григорьевны (двух других центральных персонажей сочинения Бориса Зайцева), играющих в судьбе главного героя существеннейшую роль. Отношения же Натальи Григорьевны к Машуре живо напоминают своим дружеским наставничеством реальные отношения Варвары Минович к Олечке

Бессарабовой. Как известно, по признанию Б. Зайцева, прототипом одного из трех главных персонажей повести послужил писатель Иван Алексеевич Новиков (связанный дружескими узами с В. Г. Мирович) и выведенный под именем Алексея Петровича Христофорова.

Выразительным примером реалий, персонажей и событий, описанных в дневнике и повести, может служить следующий отрывок из повести: «Жизнь осенью в Москве бывает иногда хороша. И Машура с живостью и возбуждением устраивалась на Поварской. Жизнь ее приняла предустановленное течение. Ходила Машура на курсы, где слушала философию, историю и литературу, взяла абонемент на Кузевницкого. <...> в этом году то еще явилось, что Машура вошла в общество “Белый голубь”. Оно состояло сплошь из девушек. Собирались для чтения книг, рефератов и бесед, направленных к духовному саморазвитию. Занимались религией. Искали смысл жизни. Рассуждали о поэзии, искусстве. Устраивали музыкальные вечера. Среди барышень была молодая актриса, две музыкантши, художницы».

³⁷ ...на лекцию Гершензона... — Имеется в виду эссе Михаила Осиповича Гершензона «Мудрость Пушкина», прочитанное в виде лекции в начале 1917 г. и затем опубликованное в философском ежегоднике «Мысль и слово» (под ред. Г. Шпета. Т. 1. М., 1917). Один из тезисов Гершензона в этой лекции: «Слово «свобода» у Пушкина должно быть понимаемо не иначе, как в смысле волевой анархии».

³⁸ *Ильин Иван Александрович* (1883—1954) — философ. Еще будучи студентом, Ильин вошел в научную школу П. И. Новгородцева. Работа Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» защищена в 1918 г. в качестве магистерской диссертации.

³⁹ *Шамбинаго Сергей Константинович* (1871—1948) — литературовед. С 1914 г. профессор. Осуществил научную редакцию и создал комментарии к книге «Народные русские легенды А. Н. Афанасьева», подготовил научное издание «Слова о полку Игореве».

⁴⁰ *Голубцов Иван Александрович* (1887—1966) — историк, старший сын православного богослова профессора А. П. Голубцова. И. А. Голубцов был одним из организаторов московских архивов. Целый ряд его трудов посвящен истории Москвы и Московского государства. С сентября 1912 по декабрь 1919 г. преподавал историю на Высших женских курсах Полторацкой.

⁴¹ *Орлов Александр Сергеевич* (1871—1947) — литературовед, текстолог, историк древнерусской литературы академик АН СССР (1931). С 1906 по 1931 г. преподавал в Московском университете, в 1910—1918 гг. также и на Высших женских курсах.

⁴² *Филемон и Бавкида*. — В греческой мифологии благочестивая супружеская чета из Фригии.

⁴³ *Архив Земского союза.* — Всероссийский Земский союз помощи больным и раненым воинам был основан в Москве 30 июля 1914 г. Спустя неделю был образован и подобный ему «Союз городов». Вскоре эти союзы слились, объединившись под названием «Земгор».

⁴⁴ *О.И. Судакевич* жила в Борисоглебском переулке, дом 8.

⁴⁵ *... Смирновым... дом на Басманной...* — Смирнова Наталья Сергеевна (1887—1952), художница и Смирнова Евгения Сергеевна (Готовцева; 1889—?) — двоюродные племянницы К.С. Станиславского. Мать Евгении и Натальи — Бостанжогло (Смирнова) Елена Николаевна (1861—1911) — кузина К.С. Станиславского. Смирнов Сергей Николаевич — отец Жени и Наташи, преподаватель 2-й мужской московской гимназии. В 1917 г. Смирновы жили еще в собственном доме Бостанжогло (с отцом и мачехой, Лили Гласби, своей гувернанткой) на Старой Басманной, дом 35, квартира 2.

⁴⁶ *Володя Яровой* — воронежский приятель Б. Бессарабова.

⁴⁷ *Наина на пенечке...* — Шуточно трактованный автором дневника персонаж поэмы Пушкина «Руслан и Людмила».

⁴⁸ *Эвритмия* (греч. стройность, такт, благозвучие) — равномерность ритма в музыке, в танцах, в речи. Разработана рудольфом Штейнером. Проблема ритма в художественном творчестве была постоянным предметом изучения в начале века.

⁴⁹ *Лекция Брюсова о Микенской культуре.* — Микены — позднейший после Трои результат археологических раскопок Генриха Шлимана. Последующие исследования показали, что открытая им крито-микенская культура не только предшествовала греческой, но и значительно ее обогатила. Брюсов, напротив, был сторонником единовременности и цельности этих культур или, что проще, «теории Атлантиды», которую постоянно, настойчиво и страстно проповедовал в своих статьях, книгах и публичных лекциях.

⁵⁰ *Бартрам Николай Дмитриевич* (1873—1931) — художник, искусствовед, коллекционер. Сын художника Д.Э. Бартрама. Организатор и первый директор первого в России музея игрушки, созданного в 1918 г. С 1904 г. Н.Д. Бартрам жил в Калозином переулке на Арбате. См., напр.: *Малахиева-Мирович В.* Мир игрушки (по поводу Московской выставки игрушек художника Бартрама) // *Русская мысль.* Ежемесячное литературно-политическое издание. 1909. № 12. С. 114.

⁵¹ *Зеленин Николай Васильевич* (1900—1942, погиб в блокадном Ленинграде), внук М. Ермоловой, впоследствии ученик В. Бехтерева, известный врач-психиатр.

⁵² Отсылка к стихотворению К. Бальмонта «О, Елена, Елена, Елена, / Как виденье, явись мне скорей. / Ты бледна и прекрасна, как пена / Озаренных луною морей...».

⁵³ *Мрозовский Иосиф Иванович* (1857—1934) — генерал от артиллерии, командир гренадерского корпуса, командующий войсками Московского военного округа (1915—1917), главный начальник Москвы (2 октября 1915 — 1 марта 1917). Заменил на этом посту Ф.Ф. Юсупова. 28 февраля 1917 г. в связи с волнениями и демонстрациями, охватившими Москву, Мрозовский ввел в городе осадное положение. 1 марта Мрозовский подвергнут домашнему аресту. В эмиграции в Ницце (Франция). Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г.

⁵⁴ *Протопопов Александр Дмитриевич* (1866—1917) — октябрист, член III и IV Государственных дум, товарищ председателя IV Государственной думы. С сентября 1916 г. — министр внутренних дел. Расстрелян большевиками из ВЧК. Из воспоминаний Н.П. Окунева: «...а про министра внутренних дел Протопопова говорят разное: одни, что он убит, другие — что он загадочно исчез, то есть вроде как бы “сбежал”, и его не могла найти сама подчиненная ему полицейская и жандармская власть, нуждающаяся в его распоряжениях. Впоследствии выяснилось, что Протопопов А.Д. арестован 29 февраля и отправлен в Петропавловскую крепость» (*Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917—1920. М., 1997. С. 15*).

⁵⁵ Речь идет о А.П. Кузьмине, муже А.К. Тарасовой.

⁵⁶ *Воскресенская площадь* — ныне площадь Революции — находится перед зданием бывшей Московской городской думы. Свидетелем событий, которые застала Ольга Бессарабова, был и Н.П. Окунев, описавший их в «Дневнике москвича»: «В 5 часов вечера я снова пошел на Воскресенскую площадь и видел такую же картину. Чтение телеграмм, толпа народа, в которой были даже офицеры и солдаты, и полное отсутствие полицейских. Но на Красной площади разъезжали конные — не то городовые, не то жандармы — и охраняли входы в Кремль, который был заперт, т.е. все ворота в него затворены. Тут, я думаю, преследовалась не борьба с народным движением, а сдерживание народа от хулиганских выходок» (*Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917—1920. С. 13*).

⁵⁷ *Веселовский Степан Борисович* (1876—1952) происходил из дворянской семьи. Учился в гимназиях в Москве и Тамбове. В 1902 г. окончил юридический факультет Московского университета. Доктор русской истории (в 1917 г. степень присуждена Московским университетом за труд о «Сошном письме»). С 1903 г. изучал архивные документы по социальной и экономической истории Русского государства XVII в. В 1908—1912 гг. преподавал в частной гимназии Л.И. Поливанова. С 1908 г. изучал экономику и финансы Русского государства XVI—XVII вв., с 1912-го — сотрудник Московского археологического

института. В 1917—1923 гг. — профессор Московского университета, в 1938—1941 гг. — профессор Московского государственного историко-архивного института. В 1923—1929 гг. работал в Институте истории. С 1936 г. старший научный сотрудник Института истории АН СССР. В 1919—1920 гг. — главный инспектор и член Коллегии Центрархива. Автор большого числа работ по истории феодального землевладения (в том числе поземельных отношений в Русском государстве), крестьянства и народных движений, а также работ в области вспомогательных исторических дисциплин. Одним из первых стал серьезно писать о топонимике и антропонимике в исторических исследованиях, осуществил целую серию работ по генеалогии, когда сама эта наука была почти под запретом. В частности, реконструировал историю дворянского рода Пушкиных, предков великого поэта. Занимался ономастикой — исторической дисциплиной, изучающей собственные имена различных типов. В 1948 г. был обвинен в «буржуазном объективизме», в том, что, «занимаясь десятки лет историей феодализма, он ... совершенно не пользуется широко известными работами классиков марксизма-ленинизма и их высказываниями по вопросам феодализма, иммунитета и т.п.». С этого времени публикация его научных работ была затруднена. С 1946 г. академик Академии наук СССР.

⁵⁸ *Брусилов Алексей Алексеевич* (1853—1926) — военачальник и военный педагог, генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915), главный инспектор кавалерии РККА (1923). В Первую мировую войну командующий 8-й армией в Галицийской битве. Награжден орденом Святого Георгия 4-й и 3-й степени. В 1916 г. провел успешное наступление Юго-Западного фронта, так называемый Брусиловский прорыв. Во время Февральской революции поддержал смещение Николая II и приход к власти Временного правительства. Был горячим сторонником создания «ударных» и «революционных» частей. 22 мая 1917 г. назначен Временным правительством верховным главнокомандующим вместо генерала Алексеева.

⁵⁹ *Рузский Николай Владимирович* (1854—1918) — генерал от инфантерии. Во время Первой мировой войны командовал армией, затем фронтами. Кроме военных заслуг известность ему принесло и участие в отрешении от престола Николая II. Погиб от рук большевиков в 1918 г.

⁶⁰ *Алексеев Михаил Васильевич* (1857—1918) — военный деятель, генерал от инфантерии с 1914 г., с августа 1915 г. по март 1917 г. — начальник штаба Ставки, фактической руководитель всех военных действий. После консультаций с командующими фронтами убедил Николая II отречься от престола. В марте-мае 1917 г. — верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции участвовал в создании

Добровольческой армии, весной 1918 г. стал ее верховным руководителем. Умер в Екатеринодаре.

⁶¹ *Родзянко Михаил Владимирович* (1859—1924) — политический деятель, крупный землевладелец, председатель Государственной думы третьего и четвертого созывов.

⁶² *Челноков Михаил Васильевич* (1863—1935) — потомственный почетный гражданин, владел кирпичными заводами под Москвой. Принадлежал к купеческому роду Челноковых. С 1890-х гг. — известный земский деятель Московской губернии, гласный Московской городской думы. Один из лидеров кадетской партии. Со 2 по 6 марта 1917 г. — комиссар Временного комитета Государственной думы по управлению Москвой. 27 мая 1917 г. назначен уполномоченным комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов по делам Русского музея. После Октябрьской революции эмигрировал.

⁶³ *...слухи об убийствах в Петрограде.* — С 25 февраля газеты в Петрограде не выходили, так что официальных вестей из столицы в Москве не было. Только 2 марта газеты напечатали первые новости о революции в Петрограде.

⁶⁴ В Москве возобновился выпуск газет.

⁶⁵ *...об отречении государя.* — 2 марта Николай II в связи с болезнью наследника, цесаревича Алексея, отрекся от престола в пользу Михаила. Манифест отречения закончился так: «...в согласии с Государственной Думой признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского...».

⁶⁶ *Рерих Николай Константинович* (1874—1947) — художник, академик живописи. В картине «*Ангел последний*» (1912) звучит мотив возмездия.

⁶⁷ *...все десять Дев Неразумных...* — «Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих...» (Мф. 25, 1—13).

⁶⁸ *Никулин Вениамин Иванович* (наст. фам. Олькеницкий; 1866—1953) — актер, антрепренер. В 1897—1898 гг. приезжал в Воронеж, где в 1908—1909, 1911—1918 гг. работал как антрепренер и режиссер. Эти годы по праву называются Никулинскими сезонами. С 1928 г. в эмиграции в США. В 1942 г. там вышла в свет его книга «Записки театрального директора».

⁶⁹ Бекенев Всеволод Александрович (1872—1931) — преподаватель рабфака (1920) при Воронежском государственном университете. В феврале 1931 г. арестован по обвинению в участии в контрреволюционной организации. Расстрелян.

⁷⁰ Дом Бальмонтов находился по адресу: Арбат. Б. Николопесковский пер., 15.

⁷¹ ...жизнь Распутина запечатлена на экране. — В 1917 г. образ Распутина стал появляться на киноэкране. Первым, кто воплотил образ старца на экране, стал актер Эдвард Конелли (в фильме «Падение Романовых»). В том же году вышел фильм «Распутин, черный монах», где Распутин сыграл Монтегю Лав.

⁷² Фильм «У камина» (реж. Д. Харитонов) представлял собой своеобразную экранизацию популярного романа «Позабудь про камин, в нем погасли огни», вышел на экраны в начале 1917 г. Успех его превзошел успех всех сделанных до тех пор отечественных фильмов. Об этом говорит, в частности и то, что снят с проката он был только в 1924 г. Фильм «У камина» — один из лучших фильмов Веры Холодной — талантливой русской актрисы, трагически погибшей в Одессе в 1919 г. В.А. Полонский — актер немого кино.

⁷³ Анна Васильевна Романова (1873—?) — дочь протоиерея Василия Вышневецкого, училась в епархиальном училище Воронежа. Брат — знаменитый актер Сергей Васильевич Вишневецкий (актерское имя Айдаров; 1867—1938), играл в театре Ермоловой. Близкая подруга В.Г. Мирович познакомила Романову с будущим мужем, писателем Пантелеймоном Романовым (1884—1938), который спустя несколько десятилетий (в 1919 г.) от ушел нее к балерине А.М. Шаломатовой. Из воспоминаний Е. Бируковой: «О судьбе... после трагически пережитого ею ухода мужа к “балерине, соблазнившей его коттеджем с великолепным кабинетом”, “литературоведческие” источники, насколько нам известно, не говорят практически ничего. С детских и юных годов в родительском доме в одном из сел Воронежской губернии они жили на помещичью ногу в обширном особняке с садом и надворными постройками, держали лошадей. Очень рано Анюту отдали в епархиальное училище, вероятно, в Воронеже. Уезжая, она горько плакала. Она была так мала ростом, что воспитательницы иной раз брали ее на руки. Ей делали поблажки как дочери благочинного. Анюта скучала в училище и мало что вынесла из него, ей нравилось разве петь на клиросе, и она бойко читала Псалтирь. В начале 1890-х годов мать семейства внезапно унесла холера. Восемнадцатилетняя Анюта была так потрясена, что впала в какую-то невменяемость, ходила по дому и смеялась. Едва смогли вывести ее из этого состояния. После смерти матери четверо братьев и две сестры оказались в значительной мере предоставлены самим себе.

Отец еще властвовал, наводил страх, порой учинял расправу над расшалившимися чадами, но больше был занят своими делами и упустил молодежь. Дети ушли в светскую культуру, выписывали и запоем читали толстые журналы – «Вестник Европы», «Русское слово» и другие, вели споры, слушали мастерское чтение Сергея, будущего актера. Аня пополнила чтением пробелы своего образования. Дети за глаза звали отца не иначе, как «фатер», а он их в глаза – «жидовствующими». Аня была отцовской любимицей – вероятно, он узнавал в ней себя... <...> сразу заметишь на стене выцветшую фотографию белокурого студента в белом кителе и фуражке – очень русское лицо с глазами, доверчиво открытыми миру: известный в 1920-х годах писатель Пантелеймон Романов, муж Анны Васильевны, ее великая любовь. Познакомила ее с ним та же Вава. Лет пятнадцать прожила Анна Васильевна с Романовым то в его имении Яхонтове Воронежской губернии, то в разъездах с ним по всей России, – он служил тогда агентом страхового общества. Она восторженно вспоминала их плавания по сибирским рекам среди нетронутой природы, необъятных лугов в яркой пестряди цветов. Всю веру в человека, всю преданность, все материнские чувства вложила Анна в Романова: читала его как гения, помогала ему в творческих трудах. В повести «Писатель» он вывел ее в образе молодой женщины «с правдивыми глазами» (Биукова Е.Н. Душа комнаты. Московский журнал. 2004. 1 авг.).

⁷⁴ *Евгения Николаевна Биукова* (1899–1987) – писательница, переводчик. Происходила по материнской линии из семьи филологов Миллеров. Близкая подруга О. Бессарабовой и В.Г. Мирович. В 1926 г. закончила МГУ. С 1942 г. член Союза писателей СССР. Переводила с английского, французского, румынского, бенгальского языков. Наиболее известны ее переводы пьес У. Шекспира, К. Марло, романов В. Скотта, А. Дюма, Ги де Мопассана, М. Рида, Г. Уэллса, стихотворений Р. Тагора, Т. Аргези. Написала сказки «Мика, Мака и Микуха», «Молнейка», мемуарную повесть «Душа комнаты». В последние годы жизни совместно с братом И.Н. Биуковым перевела Псалтири с церковнославянского языка на современный русский.

⁷⁵ *Лидия Евлампиевна Случевская* (1897–1980) – литературовед, племянница поэта К.К. Случевского. В ее дружеский круг входили Н. Анциферов, М. Юдина, М. Бахтин.

⁷⁶ *Би-Ба-Бо* – простейшая перчаточная кукла для кукольного театра, состоящая только из головы и платья в виде перчатки.

⁷⁷ *Митра и митраизм*. – В первые века своего существования христианству приходилось соперничать с другими «религиями спасения». Так, важным соперником христианства в эту пору был, наряду с гностицизмом, и митраизм – культ Митры, одного из индоиранских божеств, который был воспринят зороастризмом.

⁷⁸ «Кто сердцу юной девы скажет: Люби одно, не изменись». — Из поэмы А.С. Пушкина «Цыгане».

⁷⁹ *Львов Лоллий Иванович* (1888—1967) — поэт, прозаик, литературный и художественный критик, историк литературы и журналист. Сотрудничал в газете «Русские ведомости» вплоть до ее закрытия в 1918 г.

⁸⁰ *Флоренский Павел Александрович* (1882—1937) — религиозный философ, ученый. В 1911 г. принял сан священника. В 1914 г. защитил магистерскую диссертацию «О духовной истине. Опыт православной теодицеи», издал свой главный труд «Столп и утверждение Истины». В 1912—1917 гг. редактировал журнал «Богословский вестник». После Октября 1917 г. работал ученым секретарем комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, преподавал в Сергиевском институте народного образования (читал лекции по физике и математике). С 1919 г. занимался физическими и техническими исследованиями. В 1927-м выслан в Нижний Новгород. В феврале 1933 г. арестован и в июле осужден на 10 лет. Расстрелян. 26 апреля 1917 г. выступал в религиозном философском обществе на тему «О религиозных задачах, стоящих перед новой Россией».

⁸¹ *Бердяев Николай Александрович* (1874—1948) — религиозный философ. В 1922 г. выслан из Советской России, с 1925 г. жил во Франции. Февраль 1917 г. Бердяев приветствовал. Падение «священного русского царства» как лжетеократии и «мужицкого царства» воспринималось им в русле творческих задач эпохи. Однако с течением времени Бердяев становится пессимистичней. За десять дней до падения Временного правительства он пишет: «Традиционная история русской интеллигенции кончена... она побывала у власти, и на земле воцарился ад. Поистине русская революция имеет какую-то большую миссию, но миссию не творческую, отрицательную — она должна изобличить ложь и пустоту какой-то идеи, которой была одержима русская интеллигенция и которой она отравила русский народ» (см.: Русская свобода. 1917. № 24—25. С. 5). См. также коммент. 32 к дневнику 1922 г.

⁸² «*Серебряный голубь*» — повесть (1908—1909), вышла отдельным изданием в 1910 г.: *Белый А. Серебряный голубь. Повесть в семи главах.* М., Скорпион. 1910. «Примерно в 1907 году у Белого возникает замысел трилогии “Восток или Запад”. “Серебряный голубь” — первая книга замышляемой трилогии — должен был выразить начало восточное, темное, иступленно-страстное, порождавшее в России бессмысленные бунты и кровавые казни» (М. Козьменко).

⁸³ *Концерт с Рахманиновым.* — Имеется в виду один из концертов в память А.Н. Скрябина, с циклом которых Рахманинов-пианист гас-

тролировал по городам России. Эти поездки он совмещал с начавшимся вместе с первым «военным» сезоном постоянным участием в благотворительных концертах.

⁸⁴ *Кошиц Нина Павловна* (полн. фам. Порай-Кошиц; 1894–1965) — певица (сопрано). Дебютировала в 1913 г. в Московской частной опере Зимина, в 1917 г. — в Мариинском театре. «Она обладала лирико-драматическим сопрано совершенно необыкновенного, волнующего, горячего тембра. Ее называли Шалапиным в юбке» (П.А. Марков. Книга воспоминаний).

⁸⁵ *Милюков Павел Николаевич* (1859–1943) — политический деятель, историк, публицист, теоретик и лидер партии кадетов. В 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства первого состава до 2(15) мая.

⁸⁶ Речь в этой дневниковой записи идет о следующих произведениях: 1. Стихотворение Э. По «Молчание», впервые опубликованное в январе 1840 г. и в 1912 г. изданное России в составе «Собрания сочинений Э. По в переводе К.Д. Бальмонта» (М., Скорпион, 1912); 2. «Молчание» — глава из философского трактата М. Метерлинка «Сокровище Смиранных» (впервые опубликован в 1896 г.). Трактат был включен в состав Полного собрания сочинений Метерлинка в 1915 г., в переводе и под редакцией Н.М. Минского; 3. «Молчание» — рассказ Л. Андреева. Впервые — с посвящением Елизавете Михайловне Добровой — «Журнал для всех». 1900. № 12. Дек. Впоследствии выпущен отдельным изданием в «Дешевой библиотеке “Знания”» (СПб. 1906. № 53)

⁸⁷ «Да не смущается сердце ваше...» — Ин. 14, 1.

⁸⁸ *Стааль Алексей Федорович* (1873–1949) — присяжный поверенный, политический эмигрант (1906–1913), в период Февральской революции был членом главного комитета Крестьянского союза, прокурором Московской судебной палаты. После Октябрьской революции эмигрировал.

⁸⁹ *Керенский Александр Федорович* (1881–1970) — депутат IV Государственной думы (1917). Во время Февральской революции — член Временного комитета Государственной думы. С 8 июля по 25 октября 1917 г. — министр-председатель Временного правительства, с 30 августа одновременно Верховный главнокомандующий.

⁹⁰ *Цирк Ченизелли* находится в Санкт-Петербурге. Впервые открыт в 1877 г., позднее перестроен.

⁹¹ ...жена Стааля... — Инна Марковна Стааль (1875–1968), известен ее неоконченный портрет, сделанный В. Серовым в 1910 г.

⁹² *Шаховской Дмитрий Иванович* (1861–1939) — князь, общественный и политический деятель. Из знатного дворянского рода, внук де-

кабриста Федора Петровича Шаховского (позднее вспоминал: «Я — внук декабриста и всегда помнил это, насколько себя помню»). Внучатый племянник Петра Яковлевича Чаадаева. Окончил шестую Варшавскую гимназию (1880), учился на историко-филологическом факультете Московского университета (1880—1882), окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1884). Дважды арестовывался за участие в студенческом движении. Отказался от службы на кафедре и последующей педагогической карьеры. Во время учебы в университете был последователем идей Л.Н. Толстого. Член возникшего в середине 80-х годов кружка (Приютинского Братства), объединившего молодых интеллектуалов, получавших образование в Петербургском университете (среди них были также В.И. Вернадский, С.Ф. Ольденбург, А.А. Корнилов, И.М. Гревс). В 1905 г. — в числе создателей Конституционно-демократической партии (партии народной свободы), бессменный член ее ЦК, был товарищем председателя ЦК партии, секретарем ЦК. Участвовал в формировании губернских, городских, уездных и сельских комитетов кадетской партии, поддерживал связи между центральным руководством партии и ее региональными отделениями. Инициатор создания Бюро печати, постоянный сотрудник книгоиздательства «Народное право». В 1906 г. избран членом I Государственной думы от Ярославской губернии, являлся ее секретарем. Министр государственного призрения Временного правительства (1917). В ночь с 26 на 27 июля 1938 г. арестован. В ходе обыска на его квартире был конфискован семейный архив. Д.И. Шаховской содержался во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке, затем в Лефортовской тюрьме. Многократно допрашивался (по воспоминаниям сокамерников, следователи заставляли его сутками стоять без сна). Был вынужден написать заявление с признанием собственной вины в контрреволюционной деятельности (имея в виду первые послереволюционные годы), но решительно отказался давать показания против других лиц, а также о какой-либо нелегальной работе, проводившейся после 1922 г.

⁹³ Митрофанов Владимир Павлович (1896—1979) — сын Павла Степановича Митрофанова, брата Н.С. Митрофанова, мужа Ек. Велигорской. Останавливался в доме Добровых. См. также комм. 2 к ч. I.

⁹⁴ *Архистратиг Михаил*. — В христианстве главный Архангел, являющийся одним из самых почитаемых библейских персонажей. Слово «Архистратиг» по-еврейски означает «Кто как Бог», что указывает, сколь высоко он почитался святой Церковью. Именно Архистратиг Михаил низринул дьявола и все воинство падших ангелов с неба.

⁹⁵ *Злодиевка* — село в 50 км от Киева на правом берегу Днепра. Современное название Украинка (Трипольская ГРЭС).

⁹⁶ *Эсфирь (Кира) Пинес* несколько лет жила в дома Добровых, была сиделкой при Т. Ф. Скрыбиной в 1920 г. Ее отец Григорий Исаакович Пинес занимал квартиру по адресу: Басманная, 13. («*Вся Москва*» за 1917).

⁹⁷ *«Северная Симфония»* (1-я героическая) Андрея Белого с посвящением Эдварду Григу. Впервые: М.: Скорпион, 1904. Переиздана: Белый А. Собрание эпических поэм. Кн. 1. Изд-во Пашуканиса, 1917.

⁹⁸ ...«*в будуаре напудренной Нелли...*» — Стихотворение Игоря Северянина «Нелли» (1911), вошедшее в его книгу «Громокипящий кубок» (М.: Гриф, 1913).

⁹⁹ *Мафусаил*. — В ветхозаветных преданиях один из патриархов, прототип человечества, прославившийся своим долголетием; он прожил 969 лет. Смерть его наступила перед самым Потопом. Согласно Книге Бытия, Мафусаил должен вновь явиться на землю перед приходом Мессии в числе «семи великих пастырей» (Сиф, Енох, Мафусаил, Авраам, Иаков, Моисей, Давид).

¹⁰⁰ *«Дантон» Роллана*. — Ранняя историческая пьеса (1900), составляющая вместе с пьесами «Четырнадцатое июля» (1901) и «Робеспьер» (1938) своеобразную драматическую трилогию из истории Великой французской революции.

¹⁰¹ *«Кипарисовый ларец»*. — Второй сборник стихов И. Ф. Анненского (1855—1909), подготовленный самим поэтом осенью 1909 г. незадолго до своей кончины. Заглавие сборника связано с кипарисовой шкатулкой, в которой хранились тетради стихов поэта.

¹⁰² *«Прогулка в тюрьме» Ропса*, *«Баллада Редингской тюрьмы» Уайльда*. — Фелисьен Ропс (1833—1898) — фламандский художник, график и рисовальщик, представитель символизма в изобразительном искусстве.

«Баллада Редингской тюрьмы» — последнее поэтическое произведение Оскара Уайльда (1854—1900) — ирландского писателя, поэта, драматурга, эссеиста и критика, написанное им в 1898 г. в Париже, после двухлетнего тюремного пребывания в заключении по обвинению в преступлении против нравственности.

¹⁰³ *Мысль Бюффона о любви и счастье*. — Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707—1788) — французский естествоиспытатель и философ.

¹⁰⁴ *Когда ангелы разделились...* — На периферии традиций иудаизма и христианства существовало предание об ангелах, оставшихся нейтральными в час небесной битвы между верными воинами Бога и врагами Бога и ныне дожидаящихся окончательного приговора на Страшном суде (Данте в третьей песни «Ада» «Божественной комедии» отзывается о них с большим презрением).

¹⁰⁵ *Можно ли служить Богу и Маммоне?* — «Никто не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого лю-

бить или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и мамоне» (Мф. 6. 24), Лк. 6. 13. Мамона (*арамейск.*) — находящийся в безопасности. В евангельском тексте в буквальном переводе с греческого словосочетание звучит как «мамона неправедности», или «неправедное богатство».

¹⁰⁶ «Книга любви золотая...». — Имеется в виду «Любовь, книжка золотая», выпущенная в 1798 г. Ее автор Глеб Иванович Громов (1762 или 1763—1830), сын священника, писатель-любитель конца XVIII в., литературная деятельность которого была недолгой: из семи изданных им книг пять вышли в 1796—1798 гг. Главными темами книг Громова были брак и любовь.

¹⁰⁷ *...искусствоведа Бакушинского...* — Анатолий Васильевич Бакушинский (1883—1939) — искусствовед, теоретик и практик эстетического воспитания, исследователь психологии творчества и психологии восприятия искусства, знаток музейного дела, критик, организатор народных промыслов и педагог. В 1911 г. окончил историко-филологический факультет Юрьевского (ныне Тартуского) университета. Впоследствии изучал историю искусств и серьезно занимался философией. С 1917 г. Бакушинский являлся хранителем галереи — собрания русского искусства, где впервые за музейную практику России организовал самостоятельные выставки рисунка.

¹⁰⁸ «Сад Эпикура» является одним из самых своеобразных произведений А. Франса. Называя книгу «Сад Эпикура», Франс хотел воскресить дух сада, в котором древнегреческий мыслитель Эпикур, окруженный учениками, неторопливо беседовал на философские темы.

¹⁰⁹ *Лекция Бальмонта в зале Политехнического музея.* — В очерке-воспоминании «Кровавые лгуны», впервые напечатанном в газете «Воля России» за 29 мая 1921 г., Бальмонт пишет об этом: «В Политехническом музее, при многочисленной публике, когда Троцкий только еще грозился убийствами, я сказал, что в достойном обществе такого негодяя истребили бы немедленно за одну только угрозу основать правление на убийстве. Аудитория покрыла мою речь рукоплесканиями, — и только. Это было в начале большевизма».

¹¹⁰ *...чуть ли не разрушили ...«всю Москву»...* — Н. Окунев писал в дневнике 10 ноября: «Повреждений в Москве не исчислить. Они и там, где я их видел (в особенности у Никитских ворот, где разбито и сожжено дотла несколько домов, от которых остались одни полуразрушенные стены. Там все погибло в огне: много живущих там и все добро, все имущество от подвалов до чердаков. И дома многоэтажные, с сотнями квартир). В Кремле снаряды попали в Успенский со-

бор, в Чудов монастырь, в церковь 12-ти Апостолов, в малый дворец и вообще, должно быть, пострадал наш Святой и седой Кремль больше, чем от нашествия иноплеменных» (Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917–1920. С. 108).

¹¹¹ ...книга Анатоля Франса «Преступление Сильвестра Боннара». — Роман 1881 г., написанный в форме дневника героя, где Сильвестр Боннар приходит к мысли о признании мудрости и благости жизни, ее естественных требований и законов.

¹¹² Савинков Борис Викторович (псевдоним Ропшин; 1879–1925) — теоретик и практик индивидуального политического террора, проповедовавший его и как писатель-прозаик — автор «Воспоминаний террориста» (1909), повести «Конь бледный» (1909), романа «То, чего не было» (1912).

¹¹³ Ван Дейк «Портрет Вильгельма Второго Оранского-Нассау». — Сэр Энтони Ван Дейк (1599–1641) — фламандский художник, ставший впоследствии ведущим живописцем английского королевского двора.

¹¹⁴ Богаевский Константин Федорович (1872–1943) — художник-пейзажист, представитель символизма, ученик Куинджи. Был членом объединений «Мир искусства», «Союз русских художников», «Жар-цвет». Живописное творчество Богаевского посвящено поэтическим мотивам Крыма (Коктебель, Феодосия, Судак) и во многом поэтому сам дух его полотен сродни стихам и акварелям Максимилиана Волошина, где Киммерия предстает безлюдным, но хранящем память о минувших веках краем.

¹¹⁵ Каменский Анатолий Павлович (1876–1941) — писатель, драматург. Беллетристика в русле «эротического» течения (сборники «Степные голоса», 1903; «Рассказы», 1907). Роман «Люди», повесть «Студенческая любовь» (оба 1908). Пьесы, киносценарии. В 1920–1924 и 1930–1935 гг. жил за границей (Берлин, Париж). Репрессирован (1937), умер в заключении.

¹¹⁶ «Вакх» да Винчи. — Картина Леонардо да Винчи «Вакх» написана в 1510 г. и, постепенно меняя свой внутренний смысл, была окончательно завершена к 1515 г. «Вакх» принадлежит к небольшому числу созданий Леонардо, написанных на темы античных мифов.

¹¹⁷ «Я слышу взмахи крыльев смерти в этом доме». — Имеется в виду слова Иоканана из одноактной драмы О. Уайльда «Саломея» (1892): «Прочь! Прочь! Я слышу во дворце взмахи крыльев ангела смерти».

¹¹⁸ «Калиостро». — Возможно, фильм В.А. Старевича (1918, кинофабрика «Русь»), в котором играла Ольга Чехова и др.

¹¹⁹ *Каралли (Коралли) Вера Алексеевна* (1889–1972) — артистка балета и кино. Ее исполнение фокинского «Умирающего лебедя» некоторые критики считали более глубоким и ярким, чем у Анны Павловой.

¹²⁰ «*Чистилище св. Патрика*» — драма испанского классика Кальдерона (1600–1681), написанная в 1643 г. В основе ее лежит известное раннесредневековое кельтское предание о святом Патрике (ок. 389 — ок. 461), миссионере, прошедшем через рабство и ставшем вдохновителем христианизации Ирландии, а в последующей традиции и ее покровителем. В 1900 г. драма «Чистилище св. Патрика» была переведена на русский язык К. Бальмонтом.

¹²¹ «*Боги жадут*». — Этот исторический роман Анатоля Франса посвящен эпохе Великой французской революции.

¹²² *Шейлок* — герой трагедии У. Шекспира «Венецианский кулеци».

1918

¹ *Всева (Всеволод)* — самый младший из Бессарабовых. Его судьба сложилась трагично: он был талантливым изобретателем, но после контузии, которую получил при участии в подавлении Кронштадтского мятежа, а затем малярии, попал в психиатрическую больницу, где и умер в 1929 г.

² *Острогожск* — город в Воронежской области, центр Острогожского района. Расположен на Среднерусской возвышенности, на реке Тихая Сосна.

³ «*Четки*» (СПб., 1911) и «*Белая стая*» (СПб., 1917) — сборники А. Ахматовой.

⁴ *Бучкури Александр Алексеевич* (1870–1942) — художник. Родился в селе Бутурлиновка Бобровского уезда Воронежской губернии. С 1919 г. преподавал в Свободных художественных мастерских, после их реорганизации — в Воронежском художественно-промышленном техникуме. Погиб в 1942 г. в оккупированном Воронеже. В его честь названа одна из улиц родного города.

⁵ *Боева Анна Федоровна* (1889–1984) — художница, подруга Б. Бессарабова по Художественной школе.

⁶ *Восстание левых эсеров* в 1918 г. стало первой организованной массовой реакцией на установление диктатуры большевиков и социалистические преобразования в деревне.

⁷ *Мирбах Вильгельм* (1871–1918), граф — германский дипломат, с апреля 1918 г. посол Германской империи при правительстве РСФСР в Москве. Убит 6 июля 1918 г. левыми эсерами Яковом Блюмкиным и Николаем Андреевым по решению ЦК партии левых эсеров с целью

спровоцировать возобновление войны с Германией (сначала в посла стреляли, а затем бросили бомбу).

⁸...*в доме Перцова*. — Н.С. Позднякова в 1908 г. изобразил на портрете В. Серов в серии представителей великосветской и буржуазной знати. О том, как Поздняков поселился в квартиру П. Перцова, писала в воспоминаниях его дочь Зинаида: «В роскошную “номенклатурную” квартиру, освобожденную русским патриотом Петром Перцовым, сначала вселился “красный нэпман” Поздняков. Четыре громадные комнаты он полностью перестроил, причем самую большую, фактически парадную залу, превратил в... ванную комнату: пол и стены ее обтянули черным сукном, а посреди гулкого, как публичная площадь, помещения поставили на специально сооруженном помосте огромную черную мраморную ванну весом 70 пудов. Вокруг нее зажигали оранжевые светильники, а великанские стенные зеркала отражали со всех сторон тело того, кто в этой самой ванне намывался. Другую комнату превратили в зимний сад: паркет засыпали песком, оставили зелеными растениями и садовой мебелью. Гостиную застелили тигровыми шкурами и обставили изысканной мебелью из карельской березы. Хозяин принимал в ней посетителей в древнегреческой тоге и сандалиях на босу ногу, причем на ноге большого пальца сияла бриллиантовая монограмма. Прислуживал ему негр в красной ливрее, всегда сопровождаемый черным мопсом с большим красным бантом» (журнал «Круг жизни». № 7 (23). 2003. <http://www.krug-zhizni.ru/statia.asp?st=89&issue=23>). Впоследствии в «Доме Перцова» поселился Л. Троицкий.

⁹*Замятнин Сергей Николаевич* (1899—1958) — археолог, доктор исторических наук, специалист по первобытной археологии, основоположник концепции локальных различий в культуре древнекаменного века. Замятнину принадлежит открытие первых памятников древнего палеолита на территории СССР. Родился в г. Павловске (ныне Воронежская область). Специальное образование получил в Воронежском филиале Московского археологического института. Став сотрудником Воронежского краеведческого музея, продолжил раскопки в Костенках. Умер С.Н. Замятнин в 1958 г. в Ленинграде.

¹⁰*Володя Келлер*. — См. коммент. 103 к ч. 1.

¹¹*Дукельский Владимир Маркович* (1900—1983) — ученый-физик. В 1917 г. окончил Воронежскую гимназию и поступил в Воронежский сельскохозяйственный институт, работал на кафедре физики. В 1920 г. переехал в Харьков. Работал в различных музеях, в комитете по охране памятников искусства и старины, в Харьковском, а затем в Ленинградском рентгенологическом институтах. Окончил физико-математический факультет ЛГУ. Ему принадлежат исследования в области физики рентгеновских лучей, космических лучей, ионных процессов. Он со-

здал школу физики атомных столкновений. Сохранился портрет Дукельского работы З. Серебряковой.

¹² *Вертинский Александр Николаевич* (1889—1957) — артист, киноактер, композитор, поэт и певец, кумир публики в первой половине XX в. В 1920 г. эмигрировал из России. В 1943 г. вернулся в Советский Союз.

1919

¹ *Денисьевская Зинаида Антоновна* (1887—1933). — В 20-е гг. сотрудница воронежской Кольцовской библиотеки, корреспондент и друг В.Г. Мирович и О. Бессарабовой. В конце 20-х гг. работала на Воронежской опытной сельскохозяйственной станции Сельскохозяйственного института. До конца жизни вела дневник (находится на хранении в Рукописном отделе РГБ).

² *...в последнее время...* — В Киеве уже многократно сменилась власть. С 5 февраля 1919 г. войска Петлюры были выбиты из города частями Красной Армии. Украинскими частями командовал Николай Щорс. Так продолжалось с февраля по 31 августа 1919 г.

³ *Алла, Леля, Инночка* — Алла Тарасова, Леля (Елена) Тарасова, Инночка — личность установить не удалось.

⁴ *Ибсеновский кружок* — аналог московского «Кружка радости», возобновленному в Киеве.

⁵ *Юлиан Отступник*. — Первый роман трилогии Д.С. Мережковского «Смерть богов. Юлиан Отступник» вышел в свет в 1896 г. В 1901 г. была издана вторая часть — «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи». Завершающий роман — «Антихрист. Петр и Алексей» — вышел в 1905 г.

⁶ *Таня Березовская (Шестова)...* серьезно занимается философией, слушает лекции в университете и с отцом проходит Шопенгауэра (отец — философ). — «В Киев Шестовы приехали, вероятно, 5 июля 1918 г. Их приняли к себе Софья Исааковна и Даниил Григорьевич Балаховские, которые жили в великолепной квартире из 10—12 комнат на Трехсвятительской улице — теперь улица Героев Революции (вероятно, д. 41), с чудесным видом. Дом стоял на высоком берегу Днепра, недалеко от Андреевской церкви. Он был выстроен до войны отцом Даниила Гр. для семьи Балаховских. Даниил Гр. и Софья Ис. Занимали весь третий этаж. Анна Ел. с детьми поехала на летние месяцы в Крым. Осенью Наташа поступила в гимназию Жекулиной, а Таня — в Университет на филологический факультет» (*Баранова-Шестова Н. Т.* 1. С. 159—164).

⁷ «*Строитель Сольнес*» — пьеса Г. Ибсена.

⁷ ...неврастеника Коли Бруни. — В.Г. Малахиева-Мирович в своем дневнике за 1934 г. писала об Анне Бруни: «<...> жестоко сложилась ее судьба, соединившая ее с безмерно эгоистичным, легкомысленным и неудачливым человеком, вдобавок страдающим манией величия. От него у нее шесть человек детей, безысходная нужда, чернорабочий обиход и туберкулез легких. Но наружности, как и мать — из типа Мадонн. Итальянки правильное кроткое, небесной чистоты личико. В соответствии с ним и в тяжелой повседневности ангельская кротость и терпение, верность мужу “до гробовой доски”. Не единой жалобы. Одну из дочерей Анички (их пять!), самую хилую и карликового роста, Агнию, мою крестницу, бабушка Татьяна Алексеевна взяла на воспитание и тоже восемь лет убивалась над ее болезненностью. Теперь девочка стала поправляться, расти и отличается большой жизнерадостностью».

⁹ Дом Балаховского находился на Десятинной улице, 8. Хозяева покинули квартиру еще в 1918 г., уехав за границу. С июля 1918 г. до октября 1919 г. в доме Д. Балаховского жил его шурин Лев Шестов. В 1919 г. у Балаховских жила Т. Скрыбина.

¹⁰ Альфред Жюль Эмиль Фульем (Фулье, Фуйе; 1838—1912) — французский философ.

¹¹ ...студия Алочкина. — Возможно, имеются в виду части «качаловской группы», которая приехала «подкормится» в Киев, а затем оказалась отрезанной от России и гастролировала с 1919 по 1922 г. по югу России, а затем за границей. Одно время в нее входила Алла Тарасова.

¹² Речь идет о Н.Н. Кульженко. См. о ней коммент. 5 к дневникам 1916 г.

¹³ Оскольцы — имеются в виду Малахиевы, родственники В.Г. Мирович из Старого Оскола.

¹⁴ ...фронт белый... — В сентябре корпус Шкуро после ожесточенного боя захватил Воронеж. Вскоре к Воронежу подошел 4-й Донской корпус генерала Мамонтова и 19 сентября (2 октября) соединился с корпусом Шкуро. Андрей Григорьевич Шкуро (наст. фам. Шкумра; 1887—1947) — военный деятель, кубанский казак, офицер, генерал-лейтенант в армии Российской империи. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Во время Второй мировой войны сотрудничал с фашистской Германией (формировал казачьи войска для борьбы с большевиками). После выдачи СССР был приговорен к повешению за измену родине и казнен в Москве.

¹⁵ Мамонтов Константин Константинович (наст. фам. Мамантов; 1869—1920) — военачальник русской Императорской армии и Донской армии Всевеликого Войска Донского и Вооруженных Сил Юга России, генерал-лейтенант. Во время наступления на Москву провел конный рейд по тылам Красной Армии в августе — сентябре 1919 г., боль-

ше месяца действуя в тылу у противника, разрушая связь, уничтожая пункты военного снабжения и распуская мобилизованных большевиками солдат по домам.

¹⁶ *Валя, Шура* — гимназические подруги, Валя (Валерия) Виткович и Шура Дзбановская.

¹⁷ *...Круглых Рядах ...повешенных людей...* — Заняв Воронеж, белогвардейцы сразу же восстановили старые названия улиц, сбросили с домов революционные плакаты, стали проводить массовые аресты. Была восстановлена должность губернатора. 4 октября 1919 г. на площади Круглых Рядов (сейчас это небольшой сквер в начале ул. Плехановской) белогвардейцы устроили публичную казнь нескольких партийных и советских работников — активных защитников «красного Воронежа». В этот день здесь были повешены комендант города П.П. Скрибис, железнодорожный комиссар В.И. Лаврентьев, командир бронепоезда Шлегель, следователи ЧК Иванов и Петров.

¹⁸ *...части Буденного.* — 4-й Донской корпус генерала Мамонтова в ноябре 1919 г. был разгромлен конницей С.М. Буденного.

1920

¹ *Общежитие Воронежской духовной семинарии, позднее — Епархиального училища.* В июле 1918 г. здание семинарии было реквизировано, там разместились правительственные организации — *Округ путей сообщения, отдел труда.*

² *Анна* — поселок городского типа (с 1958 г. — прежнее название Аннинская слобода), административный центр Аннинского района Воронежской области.

³ *Рамонь* — село, с 1938 г. поселок городского типа, административный центр Рамонского района Воронежской области.

⁴ *Терновская церковь.* — Официальное название Церковь Святого духа на Терновой поляне. Закрыта в 1934 г., в 1964 г. разобрана на стройматериалы окрестными жителями.

⁵ *Лангшан* — мясная порода крупных, красивых кур. Родина породы — Северный Китай.

⁶ *...из Киева уехала в октябре...* — 14 октября 1919 г. красные части с севера и запада ворвались в город. Защищать Киев было практически некому: незначительные по своему составу белогвардейские части, охранявшие город, были разбиты на подступах к нему. После ожесточенного уличного боя белые были оттеснены к мостам через Днепр. Из киевских офицеров, находившихся на стадии реабилитации, был наспеш сформирован Киевский офицерский полк, который и сдерживал наступающих. Часть этого полка состояла из офицеров, посажен-

ных белыми в тюрьмы по подозрению в службе у красных. 15 октября 1919 г. началось постепенное вытеснение белыми большевистских частей, что привело к трем дням кровавых уличных боев. Ни красные, ни белые не хотели уступать Киева. И только с прибытием усиленных подкреплений белые 17 октября 1919 г. смогли окончательно изгнать из города красных.

⁷ ...жила... со Скрябиными в Новочеркасске. — Из письма Л. Шестова сестрам — Фане и Соне, Киев, 14(27).09.1919. «<...> Скрябины пять дней тому назад уехали в Новочеркасск. Как-то они доедут! Дорога ужасная! <...>» (Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. 1. С. 168). В годы Гражданской войны Новочеркасск стал одним из центров Белого движения и местом укрытия для всех, кто не хотел смириться с захватом власти большевиками. За это время население города выросло почти в два раза и составило более 100 тысяч человек. Казаки под руководством атамана Каледина предпочли занять нейтралитет, обособившись от Советской власти созданием независимой Донской области с центром в Новочеркасске. Однако под руководством Лавра Корнилова (1870—1918) и генерала Михаила Алексея (1857—1918) в Новочеркасске была сформирована Добровольческая армия. На протяжении всей войны Новочеркасск несколько раз переходил то к большевикам, то к белогвардейцам. 7 января 1920 г. Конный сводный корпус красных под командованием Б.М. Думенко овладел Новочеркасском, грозя выйти в тыл соединениям белых, которые сражались севернее Ростова-на-Дону.

⁸ ...школа смирения. — 10 января 1920 г. красные овладели Ростовом. Вооруженные силы Юга России под командованием генерала А.И. Деникина оказались рассеяны. Одна их часть отступила в Крым и на Одессу, другая — на Северный Кавказ.

⁹ Наташе... — Н.Д. Шаховской, жене М.В. Шика.

¹⁰ *Готовцевы*: Готовцев Владимир Васильевич (1885—1976) — актер, педагог. В 1908 г. пришел во МХТ. С 1913 г. участвовал в работе Первой студии, которая в 1924 г. стала МХТом-вторым. В 1958 г. В.В. Готовцева назначили заведующим труппой МХТ. Его жена, Евгения Сергеевна Смирнова (Готовцева) (см. коммент. 44 к дневникам 1917 г.)

¹¹ Анна Васильевна Романова. — См. коммент. 73 к дневнику 1917 г.

¹² ...отец Наташи <Шаховской> арестован, и прочно... — В феврале 1920 г. Д.И. Шаховской был арестован ВЧК, по амнистии отпущен 1 мая 1921 г.

¹³ Гизелла Яковлевна — мать М.В. Шика. Н.С. Бутова в письме от 3—18 мая писала, что после трех недель заключения она была освобождена.

¹⁴ Лиля. — Елена Владимировна Шик (Елагина).

¹⁵ *Татаринова Александра Павловна* — переводчица, сотрудница журнала «Русская мысль».

¹⁶ *Алексей Смирнов* — сын В.А. Зайцевой от первого мужа.

¹⁷ *Наталья Борисовна Зайцева* (в замуж. Соллогуб; 1912—2008) — дочь Б.К. Зайцева и В.А. Зайцевой.

¹⁸ Книга «*Руководство к духовной жизни в вопросах и ответах святых Варсонофия Великого и Иоанна Пророка*».

¹⁹ *Романов Пантелеймон Сергеевич* (1884—1938) — прозаик. Ранние публикации (рассказы и очерки) в «Русской мысли» и «Русских ведомостях» (1911—1917). Известность получил в начале 1920-х гг. как писатель и исполнитель собственных произведений; имел незаурядный талант чтеца-актера и с большим успехом выступал перед публикой. Тогда же начало создаваться его главное произведение, отрывки из которого Романов неизменно включал в свои устные выступления — роман «Русь» (6 частей, 1923—1936; не окончен). Работал как педагог в детской колонии имени Луначарского. Написал повесть «Детство» (1924). В середине 1920-х гг. сблизился с литературным обществом «Никитинские субботники», писал популярные пьесы («Землетрясение», «Женщина новой земли»). Его перу принадлежит большое число коротких рассказов, сатирические романы «Новая скрижаль» (1928), «Товарищ Кисляков» (1930), «Собственность» (1933). Умер от лейкемии в Кремлевской больнице, похоронен на Новодевичьем кладбище.

²⁰ *О Смирновых*. — Подробнее коммент. 45 к дневнику 1917 г.

²¹ *Старая Басманная 35, квартира 2*. — См. коммент. 45 к дневнику 1917 г.

²² «*Разлес*» — Московская трудовая артель инженеров по разнопильной разработке леса.

²³ *...отец...* — Смирнов Сергей Николаевич, отец Жени и Наташи, преподаватель 2-й мужской московской гимназии.

²⁴ *Раутенделейн* — фея из пьесы Г. Гауптмана «Потонувший колокол» (1896).

²⁵ Ольга Бессарабова в рассказе о своей влюбленности использует мотивы рассказа Э. По «Элеонора», с описанием «*долины многоцветных трав*», где герою удалось испытать райскую любовь.

²⁶ *Талдом* — город в Московской области в 110 км от Москвы. С 1918 по 1929 г. — город Ленинск.

²⁷ *Каннабих* Юрий Владимирович (1872—1939) — психиатр, психотерапевт. В 1917—1919 гг. работал ординатором Алексеевской психиатрической больницы в Москве (Психиатрической больницы имени П.П. Кашенко). В 1920—1921 гг. принимал участие в организации Туркестанского университета (г. Ташкент) и был избран профессором кафедры психиатрии этого вуза. В 1909—1916 гг. работал

психиатром в санатории «Крюково», где, видимо, с ним и познакомилась Н.С. Бутова.

²⁸ *Письма* Михаила Осиповича Гершензона (1869—1925) Льву Шестову опубликованы в сб.: *Минувшее*. Т. 6. М. 1992. С. 237—312.

²⁹ *Бахи привезли...* — Биохимик Алексей Николаевич Бах (1857—1946) — родственник Л. Шестова: его дочь Ирина Алексеевна была замужем за младшим сыном сестры Шестова Сергеем Даниловичем Балаховским (1896—1960).

³⁰ *Анна Елеазаровна Березовская* (1870—1962) — жена Л. Шестова. Дочь помещика, коллежского асессора Е.А. Березовского. Встретилась с Шестовым в 1897 г. в Риме, в том же году вышла за него замуж. Шестов скрывал женитьбу от родителей, так как отец его никогда бы не дал согласия на брак с православной. А.Е. Березовская изучала медицину в Швейцарии, жила в Цюрихе, Берне и Лозанне с дочерьми (Татьяна родилась 31 декабря 1897, Наталья — 26 ноября 1900); сам Шестов жил то в России (из-за семейных дел), то в Швейцарии. В 1908 г. Шестовы отправились в Лондон, чтобы узаконить брак, в 1914 г. — вернулись в Россию. Подробнее см. о А.Е. Березовской в кн.: *Жизнь Льва Шестова*. Т. 2. С. 291—298.

³¹ *Екатерина Васильевна Кудашева* (урожд. Стенбок-Фермор, потом Толстая) — свекровь Майи (Марии) Павловны Кудашевой (урожд. Кювилье), имела поместье в Митрофановке в Воронежской губернии, близкая подруга В.Г. Мирович. Летом 1918 г. семья Кудашевых бежала в Киев, через несколько дней в Митрофановку вошли немецкие войска, а после их отхода дом был разгромлен солдатами. Екатерина Васильевна увезла маленького Сережу к своим родственникам под Киев, а Майя конец лета и осень 1918 г. провела с мужем в Киеве, где Сергей Кудашев предпринимал тщетные попытки устроиться сначала на военную службу, потом во Всероссийский Союз Красного Креста по эвакуации военнопленных. Его планы учиться в Киеве в Ближневосточном институте (он был очень способен к языкам и мечтал стать дипломатом) или получить какую-нибудь работу рухнули, и он ушел в Добровольческую армию (погиб не позднее 27 января 1920 г.). Майя вместе с сыном и своей матерью А.Ф. Кювилье уехали в Крым к Волошину.

³² *Досекин* Николай Васильевич (1863—1935) — художник-пейзажист. С 1900 г. — член Товарищества передвижных художественных выставок. Член-учредитель «Союза русских художников». Участник выставок Московского общества любителей художеств, Московского товарищества художников, «Мира искусства», парижских Салонов (1898, 1906). Работы Н.В. Досекина находятся в Государственной Третьяковской галерее и Государственном Русском музее.

³³ *Ариадна*, Марианна Скрябины. — См. коммент. 13 к ч. 1.

³⁴ *Мария Александровна Шлёцер* — мать Т.Ф. Скрябиной и музыковеда, писателя Бориса Федоровича Шлёцера (1881—1969). Пианистка. После смерти дочери в 1922 г. с двумя внуками покинула Советскую Россию.

³⁵ *Нина Всеволодовна Миллер* — дочь Всеволода Федоровича Миллера (1848—1913), фольклориста, этнографа, языковеда, археолога.

Бируков Игорь Николаевич (1913—?) вместе с сестрой Е.Н. Бируковой переводил «Псалтырь».

³⁶ *Волькенштейн Мария Михайловна* — пианистка, жена В.М. Волькенштейна.

³⁷ *Волькенштейн Владимир Михайлович* (1883—1974) — поэт, драматург, театральный критик и сценарист. Член режиссерской коллегии и Совета 1-й студии МХТ. Печатался в «Журнале для всех», «Современном мире», «Русской мысли», «Русском богатстве», «Слове» и др. Профессор с 1923 г.

³⁸ *Чернокрыл* — мифическое существо (полуорел-полудракон), предвестник Армагеддона. В данном случае имеется в виду Эсфирь Пинес.

³⁹ *Хасан Шахид Сухраварди* (Сураварди; 1890—1965) — пакистанский поэт, историк, преподаватель, дипломат. В 1916 г. приехал в Россию для усовершенствования знаний в русском языке. Побывал в Петербурге, Киеве, Крыму, а к концу 1917 г. приехал в Москву. Работал в МХТ, где был членом коллегии режиссеров. Преподавал английский язык в Московском университете и на Высших женских курсах. В 1918 г. сотрудничал в эсеровской газете «Возрождение». Болел тифом. В 1920 г. получил командировку в Грузию и уехал из Советской России через Константинополь. Жил в Праге, где сотрудничал с так называемой «пражской группой» МХТ. В 1924 г. поселился в Париже, несколько лет жил на квартире профессора-археолога А.П. Калитинского и его жены, актрисы МХТ М.Н. Германовой. Работал в отделе искусств Лиги Наций.

⁴⁰ *Мария Николаевна Германова* (наст. фам. Калитинская; 1884—1940) — актриса, режиссер. По окончании школы Московского художественного театра принята в труппу (1902—1919). Была занята в драматических и героических ролях. С 1919 г. в эмиграции; играла в театрах Праги, Парижа и др.

⁴¹ *Наталья Иосифовна Виткович* — мать Валерии Затеplinской (Виткович).

⁴² ...не разбил алавастрового сосуда... — «И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача,

начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром» (Лк. 7. 37, 38).

⁴³ *Лида Леонтьева* (в замуж. Арькас) — чтец-декламатор, была родом из Владикавказа. Уехала вместе с В.Г. Мирович и Скрябинными из Ростова в Москву, поселилась в Сергиевом Посаде. Поступила в одну из московских театральных студий.

⁴⁴ *Сергиево-Посадский (Загорский) учительский институт* — учебное заведение с двухгодичным обучением. Образование считалось высшим и давало право преподавать в неполной средней школе (7 классов). Институт находился в Лавре.

⁴⁵ ...*при Алексее Михайловиче*. — Царские чертоги у северной стены Лавры служили покоями, в которых жил царь Алексей Михайлович во время своих приездов в монастырь. С 1814 г. и до закрытия в 1919 г. здесь размещалась Московская Духовная академия.

⁴⁶ *Надежда Марковна Гольденберг* (1891—1981) — пианистка, композитор, педагог. Преподавала в Киевской, затем в Московской консерватории.

⁴⁷ ...*очень трогательное со многими подробностями о дорогой могилке...* — Речь идет о могиле, где похоронен Юлиан Скрябин (Киев, Аскольдова могила). 23 июня исполнился год со дня его трагической гибели. Подробнее о смерти Юлиана Скрябина см. коммент. 21 к ч. I.

⁴⁸ ...*мысль об Институте...* — Старшую дочь Ариадну поместили в Смольный институт, переведенный в то время в Новочеркасск.

⁴⁹ *Ариадна* родилась 13 октября 1905 г., *Марина* — 30 января 1911 г.

⁵⁰ Это не совсем точно, см. коммент. 47.

⁵¹ *Иштар* (Иштар, Ашторет, Астарта; Анунит, Нана) — в аккадской мифологии — богиня плодородия и плотской любви, войны и распри, астральное божество, олицетворение планеты Венера; ассоциируется с пятницей. Соответствует шумерской Инанне. Иштар считалась покровительницей проституток.

⁵² *Лидия Евлампиевна Случевская*. — См. о ней коммент. 75 к дневнику 1917 г.

⁵³ *Нина Константиновна Бальмонт-Бруни*. — См. о ней коммент. 24 к дневнику 1917 г.

⁵⁴ *Анастасия Григорьевна Малахьева* (1874/75—1919) — сестра В.Г. Мирович, умерла от голода в психиатрической больнице с. Мещерское (Покровское) Чеховского района Московской области (ныне Московская областная психиатрическая больница им. Яковенко).

⁵⁵ *Наталья Николаевна*. — Речь идет об умершей в 1920 г. Н.Н. Кульженко. См. коммент. 5 к дневнику 1916 г.

⁵⁶ О *Сергее Кудашеве* см. коммент. 31 в дневнике 1920 г.

⁵⁵ *Трубецкой* Евгений Николаевич (1863–1920) – религиозный философ, умер от тифа в Новороссийске.

1921

¹ «*Бранд*» (1865) – философско-символическая, драматическая поэма норвежского драматурга Г. Ибсена.

² «*Закат Атлантиды*». – Интерес к Атлантиде сложился у Даниила Андреева еще в отрочестве, пройдя путь от этой ранней пьесы до глубин «*Розы мира*», в которой первой из главнейших в обозримой истории человечества метакультур означена именно Атлантида. О ее великой роли в книге Андреева, в частности, говорится: «Гибель Атлантиды поставила под угрозу всю духовность, достигнутую за эти невеселые столетия». Именно к 1921 г. относится воспоминание самого мыслителя о фактическом начале всего его философски-визионерского пути. Стоит сказать «о том, – пишет Андреев, – где, когда, при каких обстоятельствах были пережиты мною часы метаисторического озарения. Первое событие этого рода, сыгравшее в развитии моего внутреннего мира огромную роль, произошло в августе 1921 года. Это случилось в Москве, на исходе дня, когда мне еще не исполнилось пятнадцати лет, у храма Христа Спасителя. Был, очевидно, уже седьмой час и в церквах звонили к вечерне... Событие, о котором я заговорил, открыло передо мной, а вернее надо мной, такой бушующий, ослепляющий, непостижимый мир, охватывающий историческую действительность России в странном единстве с чем-то неизмеримо большим над ней, что много лет я внутренне питался образами и идеями, постепенно наплывавшими оттуда в круг сознания» (*Андреев Д. Роза мира. Кн. 2. Гл. 1*).

³ «*Иуда Искарот*» – рассказ Л. Андреева, впервые опубликован в 1907 г. в 16-м сборнике товарищества «Знание».

⁴ *Грузия переживает кризис...* – 26 мая 1918 г. грузинские меньшевики провозгласили независимость Грузии. 12 января 1920 г. Антанта признала «de facto» независимость Грузии и Азербайджана, которые по плану Западных стран должны были служить буфером между Советской Россией и Антантой, но к ноябрю положение Грузии осложнилось: в стране был экономический кризис, к тому же Грузия оставалась единственной несоветской республикой в Закавказье, что усугубляло ее положение.

⁵ *Московский институт народного хозяйства им. К. Маркса* – ныне Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова.

⁶ *Барышев* Ефрем Ефремович (1812–1881) – поэт и переводчик.

⁷ В.Г. Минович писала Льву Шестову: «Восемь дней назад в ночь с 12 на 13-е около полуночи скончалась Н.С., при ней была Елизавета Михайловна Доброва и та женщина из Алексеевского Братства, которая за Н.Б. во все время с чрезвычайной преданностью ухаживала. Последние дни Н.С. (болела она около 3 месяцев) были полны таких нестерпимых мук, что все, кто любил ее, ждали кончины ее, как вести освобождения. И все-таки — по Писанию — приходит день Судный, как тать в нощи, и никто не бывает в достаточной мере готов к смерти близких.

Я видела Н.С. за 3 дня до смерти. Я знала, что она тяготится тем, чтобы смотрели на ее измененное болезненное лицо, и не смотрела на нее. Она тяжело дышала со стонами и хрипами и почти не могла говорить. Но так как она позвала меня — за 2 недели перед этим не хотела видеть ни меня, ни кого другого, кроме духовника — я не уходила и ждала, что она скажет. Она сказала: “Дух ушел. Душе тяжело расставаться с плотью. Вся жизнь в неправде, все — неправда. Бог милосерд и ко мне, и к людям. Никто не знает, что такое болезнь”. А потом спросила про мою мать, про брата и меня с прежней, здоровых дней, живой заботой.

Больше я ее не видела. В первое утро после кончины она лежала в своей комнате уже с таким лицом, какого я не знала, и была не она. Ее был только отпечаток великой скорби, какая иногда появлялась на ней, с ним она и ушла от нас. Братство отпевало ее, как своего учителя жизни и свое несравненное духовное сокровище. Священники, наиболее известные в Москве, говорили над ней слова, что она знала больше их о пути к Богу.

Я тяжело заболела, и при всем этом уже не присутствовала. Каждый день те, кто навещали меня, спрашивали: “Написала ли я Вам”. Я сочла это каким-то указанием и хотя моя душа, с тех пор как мы расстались с Вами на Харьковском вокзале, онемела, как я думала, уж до конца, оказалось, что есть слова какие-то и что Вы живы в ней. Помогите Вам Бог во всем и более всего в смертный час. Москва. 20.01.1921» (*Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. 1. С. 306–306*).

⁸ ...на звезду Моир. — Употребляется в переносном смысле. Букв.: Цикл стихов Федора Сологуба «Звезда Маир» впервые был опубликован в Третьей книге стихов (1904). (Звезда Маир сияет надо мною, Звезда Маир, И озарен прекрасною звездой Далекый мир).

⁹ ...по сооружению Стадиона. — В 1920 г. в Москве был заложен Международный Красный Стадион, который строился обществом строителей Международного Красного стадиона. Идею сделать его международным выдвинули делегаты III Конгресса Коминтерна осенью 1921 г. Это был первый стадион не только в Москве, но и в России.

¹⁰ Н.Д. Шаховская-Шик была арестована в связи с закрытием Союза кооперативов и несколько месяцев провела в Бутырской тюрьме.

¹¹ Из стихотворения М.Ю. Лермонтова «К портрету»: «Как мальчик кудрявый резва; / Нарядна, как бабочка летом, / Значенья пусто слова / В устах ее полны приветом.

¹² Коонен Алиса Георгиевна (1889–1974) — актриса. Окончила школу Московского Художественного театра (ученица К.С. Станиславского) и играла в его труппе в 1905–1913 гг. В 1914 г. стала женой Александра Таирова. В этот же год Таиров открыл свой театр, назвав его Камерным, в котором Коонен стала главной актрисой. Саломея — роль в одноименной пьесе О. Уайльда, поставленной Таириным в 1917 г.

¹³ Саламбо — героиня одноименного исторического, так называемого «ориенталистского», романа Г. Флобера, вышедшего в свет в 1862 г. Отличавшаяся редкой красотой, Саламбо была названа в честь финикийской и сирийской богини, культ которой, широко распространенный в Карфагене и Сирии, был близок культу Астарты.

¹⁴ Терновое кладбище (1770–1940) считается старейшим кладбищем Воронежа, находится в слободе Троицкой на Терновой поляне — в северной части, охраняется государством, как исторический памятник. Здесь похоронены многие поколения воронежцев, в том числе участники Отечественной войны 1812 года и участники Суворовского похода.

¹⁵ ...Лима савахвани. — Слова Иисуса Христа, распятого на кресте «Или, Или! Лама савахфани!», т.е. Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил? (Мф. 27, 46).

¹⁶ Сильфида, сильфиды (лат. лесной бог) — воздушные духи женского пола. Им приписывали красоту и кроткое любовное влияние.

¹⁷ «В человеке тварь и творец соединены воедино: в человеке есть материя, обломок, избыток, глина, грязь, бессмыслица, хаос; но в человеке есть также и творец...» (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 241).

¹⁸ Ф.И. Тютчев. Песнь Радости: «Насекомым — сладострастье, Ангел — богу предстоит».

¹⁹ Цитируется Евангелие от Матфея. «Когда вошел он в дом, то Иисус, предупредив его, сказал: как тебе кажется, Симон? Цари земные с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих или с посторонних? Петр говорит Ему: с посторонних. Иисус сказал ему: итак, сыны свободны» (Мф. 17, 26).

²⁰ ...Борис куда-то уехал. — В середине февраля 1921 г. Борис Бессарабов отправился в инспекционную поездку на запад. 26 марта 1921 г. он писал Ольге из Москвы в Воронеж: «На этих днях вернулся от запада, куда мы ездили с инспекцией. Объезжали почти весь западный фронт. Были в нейтральной полосе с Польшей, Литвой, Эстонией. Видели представителей всех этих молодых «Царств».

²¹ «Вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых». — Послание к евреям св. Апостола Павла. 11. 1.

²² *Вепрь* Диониса. — Об этом см.: Плутарх. Застольные беседы: «А если уместно добавить к сказанному то, о чем говорят мифы, то вспомним, что, по преданию, от раны, нанесенной вепрем, погиб Адонис. Адонис же, как полагают, не кто иной, как Дионис, и это подтверждается многим в обрядности, связанной с посвященными им праздниками».

²³ *Анастасия Узорешительница* — христианская святая, великомученица. В период гонений на христиан при императоре Диолектиане Анастасия, будучи по происхождению знатной римлянкой и вместе с тем тайной христианкой, облегчала, страдания узников-христиан. Погибла на костре в 304 г.

²⁴ *Элементалы* — в теософии духи стихий (земли, воздуха, огня и воды). Каббалисты называли их гномами (духи земли), сильфами (воздуха), саламандрами (огня) и ундинами (воды).

²⁵ *Чернокрыл*. — См. коммент. 38 к дневнику 1920 г.

²⁶ «*Ворон*» — стихотворение Э. По, в котором рефреном проходит возглас ворона «Никогда».

²⁷ *А.А. Скрябина*. — См. коммент. 13 к ч. I.

²⁸ *Анечка*. — Анна Александровна Полиевктова, младшая дочь Т.А. Полиевктовой.

²⁹ *Татьяна Алексеевна Полиевктова*. — См. коммент. 21 к дневнику 1917 г.

³⁰ «*Иных уж нет; а те далече*, / Как Сади некогда сказал». — А.С. Пушкин. «Евгений Онегин» (XVIII, 51).

³¹ *Бартрам Н.Д.* — См. коммент. 50 к дневнику 1917 г.

³² *Кольцовская библиотека*. — Воронежская публичная библиотека (ныне Воронежская областная универсальная научная библиотека имени И.С. Никитина).

³³ Бетонный Чернавский мост через реку Воронеж построен в 1909 г.

³⁴ «*Суд над проституткой*». — «В методической литературе первой половины 1920-х годов предлагалась инсценировка судов. Их делили на общественно-политические (например, “суд над фашистами” или “суд над Гапоном”), литературные (“суд над Лопахиным”), бытовые (“суд над комсомольцем, покушавшимся на самоубийство из-за неудовлетворенной любви”), санитарно-просветительские суды (“суд над проституткой”). Эти массовые мероприятия были призваны демонстрировать и за-креплять политические, бытовые и эстетические нормы нового общества» (См.: *Андреев Д. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы / Новое литературное обозрение. 2008. № 90*).

³⁵ ...перелистывающие книгу стихов любимой женщины. — Из черновика письма Б. Бессарабова Ариадне Эфрон от 31 июля 1966 г.: «Стихотворение “Большевик” было написано Мариной в книжечке ее стихотворений “Волшебный фонарь”, переплетенной в темно-бордовый бархат, которую она мне подарила со своим автографом — текстом стихотворения “Большевик”. Эту чудесную книжечку, кто-то у меня зачитал во время моей тяжелой болезни — тропической малярии» (см. ч. I).

³⁶ ...вчера... написал тебе... — 26 марта 1921 г. Борис Бессарабов писал Ольге в Воронеж: «Буду жить в квартире любимой, бесконечно хорошей Марины Цветаевой и, главное, что меня больше всего радует в этой перемене, это — отдельная комната и полная свобода. Будет много времени, и женщина, которая меня понимает. По-настоящему у нас с ней хорошие отношения, и это ни в каком случае не нужно мыслить как “связь”».

³⁷ «Забыты нежные лобзанья» — популярный в первое десятилетие XX в. романс из репертуара певицы Вари Паниной (1872—1911). Стихи и музыка Анатолия Левина.

³⁸ *Святая Цецилия* — одна из дев-мучениц католической церкви, жившая, как считается, во II или III веке.

³⁹ ...напоить из Ключа Забвения. — См. стихотворение Пушкина «Три ключа» (1827): «...Ключ юности, ключ быстрый и мятежный, / Кипит, бежит, сверкая и журча. / Кастальский ключ волною вдохновенья / В степи мирской изгнанников поит, / Последний ключ — холодный ключ забвенья, / Он слаще всех жар сердца утолит».

⁴⁰ *Рамакришна Шри* (1836—1886) — индийский философ-мистик и религиозный реформатор, представитель неоиндуизма. Проповедовал «всечеловеческую религию», считая, что такие конкретно-исторические формы, как индуизм, христианство, ислам, представляют собой лишь отдельные устремления к единому божественному началу. В письме речь идет о книге «Провозвестие Рамакришны» (СПб., 1914).

⁴¹ *Свами Вивекананда* (домонашеское имя Нарендранатх Датта; 1863—1902) — индийский философ и общественный деятель.

⁴² Речь идет о книге русского лингвиста, философа, и мифолога Александра Афанасьевича *Потебни* (1835—1891) «Мысль и язык» (1862).

⁴³ *Миллер Орест Федорович* (1833—1889) — историк русской литературы и исследователь фольклора.

⁴⁴ ...люиневской Мадонной... — *Бернардино Луини* (Bernardino Luini; 1480/1485—1532), итальянский художник, ученик Леонардо да Винчи.

⁴⁵ ...о письме Бориса. — Вероятно, о письме Бориса от 26 марта, в котором идет речь о доме Добровых.

⁴⁶ «Своя своих не познаша» (церк.-слав.). — Ин. 1, 11.

⁴⁷ «Принаю тебя, жизнь, принимаю и приветствую»... — Неточная цитата из стихотворения А. Блока «О, весна без конца и без краю» (1907). У Блока: «Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! И приветствую звонком счита!»

⁴⁸ ...быть... Вениаминчиком... — Вениамин — один из двенадцати сыновей ветхозаветного пророка Иакова. От еврейского «беньямин» — сын правой стороны (денницы), любимый сын.

⁴⁹ ...уехал в Питер... — Об этой поездке см. письмо Б. Бессарабова сестре в ч. I: «Сегодня 29-го марта получил предписание выехать в Питер для инспектирования Петроградской школы военно-железнодорожных специалистов...» (с. 41). Во время этой поездки 4 апреля состоялась его первая встреча с А. Ахматовой.

⁵⁰ ...корреджиевскими мадоннами. — Корреджо Антонио Аллегри, итальянский живописец эпохи Возрождения (1494—1534). Имеются в виду такие его картины: ранние «Мадонна со св. Франциском» и «Мадонна со св. Иосифом» и позднейшие «Мадонна», известная под названием «Цыганка», «Мадонна с кроликом» и др.

⁵¹ *Matera dolorosa*. — Матерь скорбящая (лат.)

⁵² *Серафим Александрович Голубцов* (1908—1981) — самый младший из детей профессора Московской духовной академии А.П. Голубцова, впоследствии протоиерей. Подробнее о семье Голубцовых см. коммент. 21 к дневнику 1922 г.

⁵³ *Елена Феликсовна Усиевич* (1893—1968) — дочь польского революционера Феликса Кона; с 1915 г. член ВКП(б). Жена погибшего в 1918 г. большевика Григория Александровича Усиевича; с конца 1928 г. литературный критик, отстаивала партийные позиции в литературе. Публиковалась в журналах «Литературный критик», «Литературное обозрение» и др. В описываемый период времени Усиевич была близко связана с домом Скрябиной. Подруга А. Скрябиной Е. Жданко в неизданной целиком рукописи воспоминаний (Музей Скрябина) писала: «Елена Усиевич (ее отчество мне осталось неизвестным, окружающие звали ее просто Леночка) проживала тогда со своим малолетним сыном во 2-ом ДOME Советов в здании гостиницы “Метрополь”. Всегда веселая и жизнерадостная, Леночка оказывала благотворное влияние на больную, иногда подолгу оставаясь при ней. Ее маленький сынишка, жалуясь на постоянное отсутствие матери, как-то сказал: “Неудачная мне мама попалась...”».

⁵⁴ ...по-ставрогински... — Николай Всеволодович Ставрогин, один из главных персонажей романа Ф.М. Достоевского «Бесы» (1872).

⁵⁵ ...личико нестеровской чернички... — Черничка — центральная фигура картины М.В. Нестерова «Великий постриг» (1897). Черничка в православной традиции — девушка, отказавшаяся выйти замуж во имя служения Богу.

⁵⁶ Георгий Тихонович Крутиков. — См. коммент. 110 к ч. I.

⁵⁷ Романович. — См. коммент. 98 к ч. I.

⁵⁸ Максимов. — См. коммент. 98 к ч. I.

⁵⁹ Троице-Сергиев монастырь основан около 1345 г. Сергием Радонежским (1315—1392). Уже в XIV в. монастырь стал выдающимся духовным и культурным центром Московского княжества. В 1744 г. монастырь получил статус лавры. В 1919 г. посад преобразован в г. Сергиев, Троице-Сергиева лавра была закрыта (вновь открыта в 1946 г. на части территории).

⁶⁰ Марфа и Мария — персонажи Нового Завета, сестры Лазаря из Вифании, в доме которых останавливался Иисус Христос. Различный характер сестер — практичной Марфы и созерцательной Марии — стали символом различных установок в жизни христиан.

⁶¹ Е.Ф. Усиевич.

⁶² Церковь Марии Магдалины при убежище для сестер милосердия Красного Креста в Сергиевом Посаде. Домовый храм располагался в кирпичном здании, предназначенном для престарелых сестер. Настоятелем храма служил отец Павел Флоренский. Убежище ликвидировано в 1921 г., здание занято больницей. См. запись О. Бессарабовой от 19 февраля 1922 г.: «Запечатали домовую церковь Красного Креста».

⁶³ Катакомбы — подземная гробница. Катакомбной называется церковь, которая из-за открытых гонений вынуждена была жить тайно, скрытно, подпольно, катакомбно.

⁶⁴ Тютчева — лицо неустановленное.

⁶⁵ Родзянко Ксения Андреевна (1881—1970) родилась в Полтавской губернии, в дворянской семье, окончила гимназию. С 1901 по 1918 г. сестра милосердия Георгиевской общины Красного Креста в Петрограде. Крестная Марии-Тинатин, младшей дочери Флоренского. Позднее эмигрировала в Чехословакию.

⁶⁶ Шауфус Татьяна Алексеевна (1891—1986) родилась в Киеве, где окончила Институт благородных девиц. Во время Первой мировой войны окончила курсы сестер милосердия в Петрограде. В Чехословакии жила до 1938 г., затем уехала в США. Организатор вместе с А. Толстой фонда помощи беженцам. После Второй мировой войны основала старческие дома для беженцев в Западной Европе и в Южной Америке.

⁶⁷ Морозова М.К. — См. коммент. 14 к дневнику 1915 г. и коммент. 96 к дневнику 1922 г.

⁶⁸ «*Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. В Двенадцати Письмах*» (1914) — основное сочинение П.А. Флоренского, четвертый переработанный вариант его магистерской диссертации. Написана в форме переписки с другом по келье. Полный и окончательный текст его книги «Столп и утверждение истины» появился в 1924 г.

⁶⁹ ...дома Олсуфьевых... — Дом графа Юрия Александровича Олсуфьева и его жены Софии Владимировны (урожд. Глебовой) находился в Сергиевом Посаде на ул. Вальной. О них см: Смирнова Т.В. Дом на Вальной и его обитатели в 1920-е годы в Сергиевом Посаде // Московский журнал. 1997. № 12. С. 33—40.

⁷⁰ Мансуров Павел Борисович (1860—1932) — дипломат, духовный писатель. С 1898 г. второй секретарь Российского посольства в Константинополе. В 1899 г. первый секретарь Российской миссии в Белграде. С 1903 г. чиновник особых поручений Министерства иностранных дел (СПб.). С 1915 г. директор Московского главного архива Министерства иностранных дел. Член Российского Православного собора 1917—1918 г. В 1926 г. арестован, отбывал срок в Новгороде.

⁷¹ Анна Михайловна Флоренская (в девич. Гиацинтова; 1883—1973) родилась в крестьянской семье в Сапожковском уезде Рязанской губернии, жена Флоренского. Обвенчал их ее брат, друг и ученик Флоренского отец Александр Гиацинтов (1882—1938?) 25 августа 1910 г. в селе Кутловы Борки Сапожковского уезда Рязанской губернии). В семье отца Павла и Анны Михайловны было пятеро детей.

⁷² «Общечеловеческие корни идеализма» П.А. Флоренского. Опубликовано: Богословский Вестник. 1909. № 2,3

⁷³ Сергей Павлович Мансуров (1890—1929) — сын П.Б. Мансурова, церковный историк, член «Кружка ищущих христианского просвещения» М.А. Новоселова, священник (1926), автор незавершенных «Очерков по истории Церкви», опубликованных посмертно. В Сергиевом Посаде вместе с отцом Павлом Флоренским и Юрием Олсуфьевым работал в Комиссии по охране Троице-Сергиевой Лавры. В 1920 г. Мансуров был арестован, освободили его только благодаря хлопотам жены, в 1924 г. снова был арестован и провел в заключении два месяца. Весной 1925 г. в связи с угрозой третьего ареста Мансуровы вынуждены были скрываться, скитаясь по стране. С 1926 по 1928 г. жили в деревне Дуброво (в 12 км от г. Вереи), где он служил священником в Дубровском женском монастыре.

⁷⁴ Мать Флоренского была армянка древнего рода. Отец... — Ольга (Саломия) Павловна Сапарова (Сапарьян; 1859—1951) происходила из древнего армянского рода. Семья жила в Закавказье, возле местечка Евлах Елисаветпольской губернии (ныне Азербайджан), где и родил-

ся П.А. Флоренский Отец — Александр Иванович Флоренский (1850—1908), инженер-путеец.

1922

¹ *Огнёвы*. — Софья Ивановна Огнёва (урожд. Киреевская; 1858—1940); ее муж Огнёв Иван Флорович (1855—1928) — гистолог, профессор Московского университета. После революции, переселившись в Сергиев Посад, Софья Ивановна духовно сблизилась с другом старшего сына Александра Павлом Флоренским и стала фактически его личным секретарем, записывая и перепечатывая его работы. После смерти старшего сына и мужа, ареста и высылки П.А. Флоренского написала воспоминания.

² См. коммент. 72 к дневнику 1921 г.

³ *Августин* (Аврелий; 354—430) — христианский богослов, обычно именуется Блаженный Августин. Его самый известный теологический и философский труд «О граде Божием».

⁴ *Румянцевский музей* (1862—1925) образован на основе коллекций и библиотеки, собранных графом Н.П. Румянцевым (1754—1826). Находился в бывшем доме Пашкова (ныне РГБ). Отдел рукописей создан в 1862 г. в составе Московского публичного музея и Румянцевского музея, его фонд включал уникальное рукописное собрание, который при Советской власти передан Государственной библиотеке СССР им. Ленина (ныне РГБ). Дневники З. Денисьевской действительно находятся в Рукописном отделе РГБ.

⁵ Имеется в виду Лиля Шик.

⁶ *Лида Леонтьева*. — См. коммент. 43 к дневникам 1920 г.

⁷ ...«Красную панну Иродиаду»... — Обработка апокрифа об Иродиаде, сделанная А.М. Ремизовым, «О безумии Иродиадином. (Как на земле зародился вихорь)». Входит в цикл «Лимонарь, сиречь Луг духовный» (1907), состоит из двух частей: рождественской колядки и вертепа «Пляс Иродиады».

⁸ *Черниговский скит* расположен в трех километрах к северо-востоку от Троице-Сергиевой лавры, на северном берегу восточного залива верхнего Скитского (Корбушинского) пруда, в местности, имеющей историческое название «Исаковская роща». Сохранена келья знаменитого старца о. Варнавы (1831—1906). В прошлом Черниговский скит обычно называли «Пещеры». Возник скит в XIX в., подземную часть укрепили и над подземной церковью («пещерами») возвели надземную — Черниговскую церковь (1886—1890).

⁹ *Голубцова* Наталья Александровна (Монахиня Сергия, 1896—1977). Наташа — вторая дочь из двенадцати детей в семье Александра

Петровица и Ольги Сергеевны Голубцовых, родилась в Сергиевом Посаде 17/29 августа 1896 г. Окончила гимназию в 1914 г. С 1915 по 1920 г. работала учительницей. На ее решение стать монахиней повлияло в значительной мере общение с иеросхимонахом Алексием (Соловьевым) в Смоленской Зосимовой мужской пустыни. Трижды арестовывалась и провела долгие годы в тюрьмах и ссылках. Монахиня Сергия тихо скончалась в самый праздник Преображения Господня. Похоронена на монастырском кладбище Пюхтинского Успенского женский монастыря.

¹⁰ *Преподобный Алексей* (Соловьев; 1846–1928) – старец Смоленской Зосимовой пустыни.

¹¹ *Смидович Петр Гермогенович* (1874–1935) – член РСДРП(б) с 1898 г., государственный и партийный деятель. В России окончил университет, затем специальную электротехническую школу в Париже. В октябрьские дни 1917 г. – член Московского ВРК, затем член Президиума ВЦИК и ВСНХ. В 1918 г. – председатель Моссовета. В.Г. Малахиева-Мирович познакомилась с ним в Париже в 1896 г., дружила с его женой Софьей Николаевной (Черносвитова-Луначарская-Смидович; 1872–1934, революционерка, большевичка) еще с тех пор, когда та была женой Платона Васильевича Луначарского (1867–1904), киевского врача, доктора медицины, участника революционного движения 1904–1905 г., родного брата А.В. Луначарского.

¹³ *Варвара Васильевна Розанова* (в замуж. Гордина; 1898–1943) – дочь В.В. Розанова.

Надежда Васильевна Верещагина-Розанова (в первом браке Верещагина, во втором Соколова; 1900–1956) – младшая дочь В.В. Розанова, имевшая семейное прозвище «Пучок» и под этим именем вошедшая в книгу Розанова «Опавшие листья».

¹⁴ *Василий Васильевич Розанов* (1856–1919) – писатель, религиозный философ. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Учителемствовал, служил в должности чиновника различных департаментов. Основные произведения: «Семейный вопрос в России», «Около церковных стен», «Темный лик. Метафизика христианства», «Уединенное», «Опавшие листья», «Апокалипсис нашего времени». Скончался 5 февраля 1919 г. Похоронен на кладбище Черниговского монастыря близ Троице-Сергиевой лавры.

¹⁴ *Татьяна Васильевна Розанова* (1895–1975) – старшая дочь В.В. Розанова. Жила всю жизнь в Сергиевом Посаде. Сохранила рукописи отца. Написала воспоминания об отце: «Будьте светлы духом» (М., 1999).

¹⁵ ...в Лавре (теперь это – общежитие...). – В ноябре 1919 г. лавра была закрыта, братия выселена. В братских кельях (Предтеченский,

и Варваринский и Экономический корпуса, на юго-востоке монастыря, постройка XVII в.) расположилось общежитие учительского института и Военно-электрической академии, эвакуированной из Петрограда летом 1918 г.

¹⁶ *Покровская церковь, Богородицкая церковь* — обиходные названия Церкви Покрова Пресвятой Богородицы, что в Левшине. Построена в 3-й четверти XVII в. Находилась на углу Большого и Малого Левшинских переулков. Храм закрыт в 1930 г. (вскоре был разрушен).

¹⁷ *...У Тарасевичей...* — Тарасевич Лев Александрович (1868—1927) — микробиолог, организатор здравоохранения, академик АН УССР (1926). В 1891 г. окончил Новороссийский университет (в Одессе). В 1900—1902 гг. работал у И.И. Мечникова в Париже. Член литературно-художественного кружка. В доме Тарасевича постоянно собиралась московская интеллигенция (А. Белый, братья Н.К. и Э.К. Метнеры, Ф.А. Степун и др.). Жена Л.А. Тарасевича, Анна Васильевна (урожд. графиня Стенбок-Фермор; 1872—1921) — родная сестра Е.В. Кудашевой, профессиональная певица, вместе с М.А. Олениной-д'Альгейм основала в Москве «Дом песни». Юлия Львовна (1893—1966) — дочь Л.А. и Е.В. Тарасевичей. Ее муж Владимир Августович Степун (1898—1974), актер МХАТа. В их квартире в Сивцевом Вражке, 41, бывал М.А. Булгаков (см.: *Белозерская-Булгакова Л.Е.* Воспоминания. М., 1990).

¹⁸ *Кржижановский Глеб Максимилианович* (1872—1959) был руководителем работ и автором нескольких разделов плана ГОЭЛРО. В 1921—1923 гг., 1925—1930 гг. — председатель Госплана. П. Флоренский в 1921 г. работал в системе Главэнерго, принимая участие в разработке плана ГОЭЛРО.

¹⁹ *...издать «Монастырское».* — книга В.Г. Малахиева-Мирович «Монастырское» была издана в 1923 г. Переиздана в С.-Петербурге в 1994 г.

²⁰ *Бромлей Надежда Николаевна* (во втором браке Сушкевич; 1884—1966) — писательница, поэтесса, актриса, театральная режиссер. Играла в МХАТе, Ленинградском театре драмы им. А.С. Пушкина, была режиссером театра им. Ленсовета. Участвовала в литературных движениях, сотрудничала с группой «Центрифуга». Дружила с В.Г. Малахией-Мирович.

²¹ *Голубцовы* жили в Сергиевом Посаде, на Красюковке, дети с родителями часто бывали на службе в Троице-Сергиевой Лавре. Отец, *Александр Петрович Голубцов* (1860—1911), — доктор богословия и профессор московской Духовной академии по кафедре литургики и церковной археологии. Он читал также лекции в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Мать, *Ольга Сергеевна Голубцова* (1867—1920), — дочь ректора московской Духовной академии протоие-

рея Сергия Смирнова. Скончалась, заразившись черной оспой, когда ухаживала за больными крестьянскими детьми в Тамбовской губернии во время Гражданской войны. В традиционно церковной семье Голубцовых было двенадцать детей. Четверо из них затем полностью посвятили себя служению Церкви (протоиереи Николай, Серафим, монахиня Сергия и архиепископ Сергей). *Иван* (1887–1966) — доктор исторических наук, картограф, впоследствии принял участие в издании Актов Троице-Сергиева монастыря, подготовленных С.Б. Веселовским; *Мария* (1888–1925) — старшая дочь, по окончании Высших женских курсов по историко-филологическому отделению работала в Государственном историческом музее (по некоторым сведениям, также была монахиней); *Сергей* (1893–1930) — историк-литературовед; *Петр* (1895–1917) — студент московской Духовной академии; *Наталья* (в монашестве Сергия; 1896–1977). — См. о ней коммент. 9. *Анна* (1898–1943) стала женой священника Алексея Габрияника; *Николай* (1900–1963) — с 1949 г. священник Ризположенской церкви, отпевал Д.Л. Андреева (на отпевании были О.А. Бессарабова и А.С. Веселовская); *Алексей* (1904–1978) — инженер; *Павел* (в монашестве Сергей; 1906–1982) — художник-реставратор, архиепископ Новгородский и Старорусский; *Серафим* (1908–1981) — священник. См.: <http://www.damian.ru/news/2007-01-31/golubcov.html>. 1)

²² *Мансурова Мария Федоровна* (1893–1976) — жена С.П. Мансурова. Ее отец, Федор Дмитриевич Самарин, — член Государственного совета, вместе с М.А. Новоселовым был основателем и первым председателем Братства святителей московских. Мать (в девичестве А.Н. Трубецкая) — родная сестра философов С.Н. и Е.Н. Трубецких; сестра Варвара Федоровна была замужем за В.А. Комаровским, известным иконописцем; двоюродная сестра — Софья Владимировна Олсуфьева. В 1914 г. М.Ф. Мансурова вышла замуж за Сергея Павловича Мансурова. После смерти мужа жила в Верее, работала чертежницей, художником-графиком. 20 января 1934 г. была арестована в московской квартире А.В. Романовой, сослана на три года в Среднюю Азию (г. Бек-Буди, ныне Узбекистан, г. Карши). Весной 1937 г. вернулась из ссылки в Верею и прожила там до зимы 1947 г. Зиму 1947/48 г. М.Ф. Мансурова добровольно провела в г. Уржуме Кировской области со своей ссыльной племянницей А.В. Комаровской. 1950–1976 гг. жила в г. Боровске. Стараниями Марии Федоровны в журнале «Богословские труды» были опубликованы «Очерки из истории церкви» о Сергия Мансурова. Умерла 16 ноября 1976 г. в Москве в квартире Л.А. Соловцовой. Похоронена в Верее на городском кладбище, рядом с могилой о. Сергия Мансурова.

²³ ...купили дом. — Ранней весной 1917 г. граф Ю.А. Олсуфьев купил двухэтажный дом на Вальной улице. В нем поселились три семьи,

которые находились в родстве между собой: Олсуфьевы занимали первый этаж, Мансуровы — второй, там же размещалась мастерская художника-иконописца В.А. Комаровского, семья которого поселилась на первом этаже дома в 1923 г. С 1921 г. у Олсуфьевых жила племянница, шестнадцатилетняя сирота Катуся Васильчикова. См. также: *Смирнова Т.В.* Дом на Вальной и его обитатели в 1920-е годы в Сергиевом Посаде // *Московский журнал*. 1997. № 12. С. 3—40.

²⁴ *Сандро Боттичелли* (наст. имя Алессандро ди Мариано ди Ванни Филипепи; 1445—1510) — итальянский живописец.

²⁵ *Картины Боттичелли «Примавера» («Весна», ок. 1477—1478) и «Рождение Венеры» (1483—1484).*

²⁶ *Софья Владимировна Олсуфьева* (урожд. Глебова; 1884—1943) — жена Ю.А. Олсуфьева, художник и реставратор, внучка князя Н.П. Трубецкого, двоюродная сестра М.Ф. Мансуровой, сопровождала мужа во всех скитаниях и помогала ему в работе; была арестована в Дмитрове в 1941 г. и через два года умерла в лагере в Свияжске.

²⁷ *Флоренский Михаил Павлович* (1921—1961) — младший сын П.А. Флоренского, специалист в области бурения скважин. Погиб в экспедиции на Камчатке, переезжая через реку Озерную.

²⁸ *Флоренская Ольга Павловна* (1919—1995) — третья дочь П.А. Флоренского, жена Сергея Зосимовича Трубачева, сына о. Зосимы Трубачева.

²⁹ *Каптерев Павел Николаевич* (1889—1955) — преподаватель естествознания, ученый; сын Н.Ф. Каптерева (1847—1917), близкий друг священника П.А. Флоренского. Один из организаторов Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. В 1920 г. арестовывался по «делу Тактического центра». Во второй раз арестован одновременно с П.А. Флоренским, братом Сергеем и рядом других ученых 26 июля 1933 г. После войны преподавал в Ивановском педагогическом институте, профессор. Был женат на дочери С.К. Шамбинаго (см. о нем коммент. 39 к дневникам 1917 г.) Елене Сергеевне (1901—1983). До ареста жил в Москве на ул. Арбат, 4, кв. 36. Подробнее о них см.: *Каптерева-Шамбинаго Т.* Арбат, дом 4. М., 2009.

³¹ *Владимир Сергеевич Соловьев* (1853—1900) — философ, богослов, поэт, публицист, литературный критик.

³² *«Оправдание добра. Нравственная философия»* — книга В. Соловьева (СПб., 1-е изд. — 1897).

³³ *На вечер к Бердяеву...* — На квартире Бердяева на Арбате (Б. Власьевский, д. 14, кв. 3) в начале 1918 г. возникла Вольная академия духовной культуры (ВАДК), официально зарегистрированная в Моссовете только через год, в 1919-м. Академия просуществовала вплоть

до высылки Бердяева (1922). В Академии читали курсы лекций А. Белый, Вяч. Иванов, С. Франк, Ф. Степун и сам Бердяев. Здесь же устраивались публичные лекции, чтение и обсуждение докладов, проводились семинары.

³³ *Бухарев Александр Матвеевич* (архимандрит Феодор; 1824–1871) – богослов и философ. В 1846 г. окончил Московскую духовную академию, принял монашество. П. Флоренский в 1918 г. начал писать книгу «Архимандрит Феодор (А.М. Бухарев)».

³⁴ *Переяславское озеро* (Плещеево) — озеро во Владимирской губернии (ныне в Ярославской обл.), на восточном берегу его расположен город Переславль-Залесский (Переяславль).

³⁵ *Анна Сергеевна Бухарева* (?– после 1904) — дочь помещика Родышевского (родом из села Вашки Переславского уезда Владимирской губернии; ныне Ярославская обл.). В 1863 г. архимандрит Феодор, после того как в 1862 г. Синод запретил его труд «Исследование Апокалипсиса», снял сан, вернул себе мирское имя, а потом женился на Анне Сергеевне.

³⁶ ...на «*Принцессе Турандот*»... — Речь, вероятно, идет о посещении репетиции. Премьера спектакля «Принцесса Турандот» по сказке Карло Гоцци состоялась 28 февраля 1922 г. Последняя прижизненная постановка Евгения Багратионовича Вахтангова (1883–1922) в Третей студии МХТ (впоследствии театр имени Е.Б. Вахтангова). В спектакле были заняты лучшие ученики Вахтангова: Ц.Л. Мансурова, Ю.А. Завадский, А. А. Орочко, О.Н. Басов, Б.Е. Захава, Б.В. Шукин, Р.Н. Симонов и др.

³⁷ *Алексей Викулович Морозов* (1857–1934) — коллекционер, прославился прежде всего собранием русского фарфора. Коллекции А.В. Морозова сначала размещались в особняке, перешедшем к нему от отца, на Покровке во Введенском переулке (ныне Подсосенский пер., 21), потом (до 1929 г.) — в особняке Морозова во Введенском переулке. Ольга Бессарабова повторяет легенду о его гибели, распространенную в эти годы.

³⁸ *Людмила Васильевна Крестова* (в замуж. Голубцова; 1892–1978) — литературовед. Жена Сергея Александровича Голубцова. Окончила историко-филологический факультет Московского университета в 1914 г. Начала печататься в 1923 г. Работы Крестовой посвящены творчеству Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева. Крестова была дружна с В.Г. Малахеевой-Мирович.

³⁹ Возможно, *Мария Антоновна Нарышкина* (1779–1854) — светская красавица и фаворитка императора Александра I.

⁴⁰ *Нинон де Ланкло* (1620–1706) — французская куртизанка, хозяйка литературного салона.

⁴¹ «Улыбающийся кавалер» (1624) — картина голландского художника Франса Хальса (1580/1585—1666).

⁴² Муж сестры... — Сестра — Мария Викторовна Коваленская (в замуж. Бренева, литературное имя Коваленская; 1882—1940-е) — переводчица. (См. подробнее о ней: Эпизод из жизни Блока // Наше наследие. 1988. № 45. С. 52—53). Муж — Евгений Константинович Бренев (1883—1938), родился в Тифлисе (Тбилиси), окончил в 1901 г. 3-ю тифлисскую мужскую гимназию и тогда же поступил на физико-математический факультет МГУ, который окончил в 1907 г. (Флоренский на год старше, после окончания 2-й тифлиской гимназии поступил на математическое отделение Московского университета, окончил в 1904 г.) Работал преподавателем математики в МВТУ им. Н.Э. Баумана. Кроме преподавательской деятельности, Е.К. Бренев занимался литературной работой, в том числе переводами, вместе со своей женой М.В. Бреневой. Бреневы жили в Малом Левшинском переулке (д. 3, кв. 18) с двумя сыновьями — Евгением (р. 1914 г.), Юрием (р. 1916 г.) и сестрами Е.К. Бренева — Лидией и Елизаветой (1885—1947). В сентябре 1930 г. Бренев был арестован по делу «Ордена Света» («дочерняя» организация Ордена тамплиеров, анархисты-мистики), выслан в Среднюю Азию. 25 декабря 1938 г. приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

⁴³ У Флоренского есть братья и сестры. — Сестры: старшая Юлия (Люся) Александровна (1884—1947), самая близкая ему по возрасту, по темпераменту и интересам, врач-психиатр, логопед. Была замужем за Михаилом Михайловичем Асатиани (1881—1938), основателем научной школы психиатров в Грузии; Елизавета (Лиля) Александровна (1886—1959) — художница, педагог; Ольга Александровна (1890—1914) — художник-миниатюрист. Позднее вышла замуж за друга своего брата Павла по Московской духовной академии С.С. Троицкого, к которому обращены «Письма к другу», составляющие книгу Флоренского «Столп и утверждение истины» (1914); Раиса (Гося, Агуся, Гусенька) Александровна — (1894—1932) — младшая сестра, художник, участник объединения «Маковец». Братья: Александр (Саша, Шура) Александрович (1888 — конец 1938) — средний брат, геолог, археолог, этнограф. Арестован в 1937 г., умер от истощения в лагере г. Сусуман Магаданской обл.; Андрей Александрович (1899—1961) — младший брат, специалист по корабельным и береговым орудиям.

⁴⁴ Соловьев Сергей Михайлович (1885—1942) — поэт, переводчик, критик. Внук историка С.М. Соловьева, племянник поэта и философа Вл.С. Соловьева, троюродный брат А. Блока. Его мать О.М. Коваленская была двоюродной сестрой А. Кублицкой-Пиоттух. Окончил

классическое отделение историко-филологического факультета Московского университета (1911), позже — Троице-Сергиевскую духовную академию. В 1916 г. стал православным священником, в 1923-м перешел в униатство (в 1926 г. — епископ). Издал четыре книги стихов. Соловьев в последние годы занимался исключительно переводами, подвергался аресту; умер в эвакуации в госпитале, страдая от душевной болезни.

⁴⁵ *Грушка Аполлон Аполлонович* (1869—1929) — профессор классической филологии в Московском университете и на Высших женских курсах в Москве. Образование получил в Московском университете. Главные труды Грушки посвящены латинскому языкознанию.

⁴⁶ *Коваленский Виктор Михайлович* (?—1924) — сын Александры Григорьевны Коваленской (урожд. Карелиной; 1829—1914), детской писательницы. Математик, приват-доцент по кафедре механики Московского университета. Жена — Коваленская (Коншина) Вера Владимировна.

⁴⁷ Отсылка к пьесе *М. Метерлинка «Сестра Беатриса»*. Чудо в трех действиях.

⁴⁸ *Розенкрейцеры* (Братство Розы и Креста). — Это имя впервые было дано ученикам ученого Адепта по имени Христиан Розенкрейц, который жил в Германии около 1460 г. Он основал Орден изучающих мистику. Члены Ордена сохраняли секретность, но с тех пор их следы обнаруживаются в разных местах каждые полвека (Е.П. Блаватская. Теософский словарь).

⁴⁹ *Перси Биши Шелли* (1792—1822) — английский поэт.

⁵⁰ *Вольф Вильгельм Юльевич* (1886—1938) — консультант Инюр-коллегии при Московской городской коллегии защитников. Арестован 1937 г. Расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

⁵¹ *Эллис* — Лев Львович Кобылинский (1879—1947) — поэт, переводчик, критик.

⁵² *Бёрн-Джонс Эдвард Коли* (1833—1898) — английский живописец и иллюстратор, широко известный своими витражами. Портрет Джорджианы Бёрн-Джонс с Филиппом и Маргарет (1883).

⁵³ *Е.* — знакомый Ольги Бессарабовой по Воронежу, в которого она была недолго влюблена.

⁵⁴ *Розанова Варвара Дмитриевна* (урожд. Руднева, в первом браке Бутягина; 1864—1923) — вторая жена В.В. Розанова. Тайное венчание (поскольку первый брак с А.П. Сусловой не был расторгнут) состоялось в мае 1891 г. в Ельце.

⁵⁵ *Пятницкая* (храм Мученицы Параскевы Пятницы) — самая древняя церковь Сергиева Посада, расположена с юго-восточной стороны от Троице-Сергиевой лавры, внизу, на Подоле.

⁵⁶ *Мефимон* (греч. — с нами Бог) — великое повечерие, во время которого читается с припевом: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя». Совершается на первой седмице Великого поста и в четверг пятой седмицы (Андреево стояние). Великий покаянный канон — канон святого Андрея Критского, состоящий из 250 стихов (тропарей) и излагающий всю историю Ветхого и Нового Заветов, с нравоучительными толкованиями.

⁵⁷ *Фаворская Мария Владимировна* (урожд. Дервиз; 1887—1959) — дочь художника Владимира Дмитриевича Дервиза (1859—1937); по материнской линии Мария Владимировна была в родстве с В.А. Серовым. Ее сестра Е.В. Дервиз — племянница Н.Я. Симонович-Ефимовой.

⁵⁸ *Свято-Смоленско-Зосимова пустынь* (Владимирская область, Александровский район, Смоленская Зосимова пустынь, общежительная, в 27 верстах от Троице-Сергиевой лавры и в 3 верстах от железнодорожной станции Арсаки). «Восстановлена в 1896 году заботами наместника Сергиевой лавры архимандрита Павла, после двухвекового запустения, на месте подвигов и посмертного покоя чтимого старца, схимонаха Зосимы, подвизавшегося здесь в конце XVII и начале XVIII века (1710—1713 годы). Пустынь приписана к лавре. При ней странноприимный дом» (*Булгаков С.В. Русские монастыри* в 1913 году).

⁵⁹ *Мансурова Цецилия Львовна* (наст. фам. Воллерштейн; 1897—1976). С 1919 г. студентка, затем артистка студии Евгения Вахтангова («Мансуровская студия», по названию переулка, где она находилась; отсюда — сценический псевдоним актрисы). В историю театра Мансурова вошла как первая исполнительница роли принцессы Турандот в знаменитом спектакле (1922) Е.Б. Вахтангова.

⁶⁰ А.А.С. — лицо неустановленное.

⁶¹ «*Чудо святого Антония*» — пьеса М. Метерлинка. Премьера спектакля состоялась 13 ноября 1921 г., эта дата считается днем открытия Театра им. Евг. Вахтангова.

⁶² ... в *Красюковской церкви*. — Церковь Михаила Архангела на Красюковке в Сергиевом Посаде. Построена в 1902—1903 гг. по благословению старца Гефсиманского скита Варнавы (позднее канонизированного) попечением штабс-капитана М.Н. Красюка.

⁶³ ... *четверо детей*. — Василий (1911—1956), геолог; Кирилл (1915—1982), геохимик; Ольга (1919—1995); Михаил (1921—1961), геолог. В 1924 г. родился пятый ребенок — дочь Мария-Тинатин — химик.

⁶⁴ *Фаворский Владимир Андреевич* (1886—1964) — художник-график, мастер русской гравюры и книжного дизайнера, иллюстратор, искусствовед, сценограф, живописец-монументалист, педагог и теоретик искусства.

⁶⁵ Н.А. Голубцов. — См. коммент. 21.

⁶⁶ *Чурлянис*. — Чюрлёнис Микалоюс Константинас (Николай Константинович Чюрлёнис; 1875—1911) — литовский художник и композитор. Написал около 300 произведений в духе модерна и ар нуво, сочетающих влияние символизма с элементами народного декоративно-прикладного искусства.

⁶⁷ *Архиепископ Димитрий* (Максим Андреевич Вербицкий; 1869—1932) родился в Полтавской губернии. В 1889 г. окончил Полтавскую духовную семинарию. С 1910 г. — епископ Уманский, викарий Киевской епархии. В 1923 г. владыка Димитрий был арестован. После освобождения в 1930 г. возведен в сан архиепископа Киевского. 14 февраля 1932 г. был арестован и расстрелян. Свою мученическую кончину предсказал заранее и сам читал канон на исход души. Похоронен возле Свято-Никольского монастыря.

⁶⁸ В. Розанов. Опавшие листья. Короб первый. СПб., 1913; Опавшие листья. Короб второй. Пг., 1915.

⁶⁹ *Элевсинские мистерии* представляли собой обряды инициации в культах богинь плодородия Деметры и Персефоны, которые проводились ежегодно в Элевсине (около Афин) в Древней Греции. Из всех обрядов древности Элевсинские мистерии считались наиболее важными.

⁷⁰ *Олив* Мария Александровна (урожд. Колемина; 1850—1938, Ницца, Франция). Вдова Сергея Васильевича Олива (1844—1903), члена Госсовета.

⁷¹ *Комаровский* Владимир Алексеевич (1883—1937), граф — последний крупный иконописец, живописец, график. Учился на юридическом факультете Петербургского университета, затем перешел в Академию Художеств, которую посещал как вольнослушатель. Связан кровными и дружескими узами чуть ли не со всеми виднейшими фамилиями России. Огромную роль и в жизни, и в творчестве В.А. Комаровского сыграл его двоюродный брат и старший друг граф Юрий Александрович Олсуфьев. После революции, вынужденный неоднократно переезжать с семьей с места на место, Комаровский работает сначала учителем рисования в измалковской школе, затем художником в Комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры. Живя в Сергиевом Посаде, в 1924—1925 гг. написал ряд портретов. Сохранились портреты о. Павла Флоренского, Ю.А. Олсуфьева, П.Б. Мансурова, С.Ф. Самариной, «Автопортрет на красном фоне», «Семейный портрет с детьми», «Портрет жены» и др., хранящиеся ныне в разных собраниях. В Ишиме, куда художник был сослан в 1925 г., приходилось для заработка писать вывески, портреты, даже красить крыши. В конце 1928-го — начале 1929 г., вернувшись в Москву, работал над росписью храма Свя-

той Софии Премудрости Божией на Софийской набережной в Москве. Роспись эта (в технике фрески) частично сохранилась под слоем побелки, сделанной после закрытия храма в 1934 г. В 1920–1930-е гг. В.А. Комаровский неоднократно арестовывался, три года провел в ссылке в Ишиме. В последний раз был арестован 27 августа 1937 г. и 5 ноября расстрелян в Бутово. Родные узнали об этом только в 1989 г. (См.: *Головкина Л. Художники и Бутовский полигон*. <http://www.martyr.ru/content/view/11/18/>).

⁷² ...родится... сын... — Сергей Михайлович Шик, родился 7 августа 1922 г.

⁷³ *Арьякас Гуго Янович* (р. 1894, Ревель, Эстония) — эстонец, преподавал физику в школе в Сергиевом Посаде. При содействии П.А. Флоренского был принят в лабораторию завода «Электроугли» в качестве научного сотрудника, заведующего лабораторией. Автор книги «Введение в фотографию. Пособие для учащихся и любителей фотографии. (М.;Л., 1927). Расстрелян 20 августа 1938 г. Место захоронения: Бутово. О нем см.: *Раевский С.П. Пять веков Раевских*. М., 2005. С. 362–363.

⁷⁴ *Усыпальница Годуновых* находится с западной стороны Успенского собора, слева от парадного его крыльца.

⁷⁵ *Н.И. Новосадский*. «Елевсинские мистерии» (СПб., 1887). Николай Иванович Новосадский (1859–1941) — ученый, сочетал занятия эпиграфикой с изучением истории религии. В 1909 г. перешел из Варшавского университета в Московский, где оставался профессором вплоть до смерти.

⁷⁶ Дети Леониеллы Николаевны Тарасовой: *Лелюшка* — Елена Константиновна (1895–1961), была замужем за князем А.С. Святополк-Мирским (1895–?), участником 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Эмигрировала с Белой армией и жила в Париже; *Нина* (1892–1952); *Алла* (1898–1973) — актриса МХАТа; *Юрий (Георгий)* (1899–1974) — врач-психиатр, в 1930-е гг. заведовал отделением Преображенской психиатрической больницы.

⁷⁷ *Евгения Петровна Ильинская* умерла от тифа в возрасте около 50 лет.

⁷⁸ *Игорь*. — И.В. Ильинский. См. о нем коммент. 10 к дневнику 1917 г.

⁷⁹ *Шаховская Анна Дмитриевна* (1889–1959) — дочь Д.И. Шаховского, сестра Натальи Дмитриевны Шаховской (Шик). Окончила Высшие женские курсы В.И. Герье по естественнонаучной специальности. Литератор, секретарь П.А. Кропоткина в последние годы его жизни, с 1937 по 1945 г. секретарь В.И. Вернадского, хранитель мемориального Кабинета-музея В.И. Вернадского после его кончины.

⁸⁰ ...волевой матерью... — Имеется в виду Анна Николаевна Шаховская (Сиротинина; 1860—1951) — мать Натальи и Анны Шаховских, выпускница Бестужевских курсов, дочь московского купца (ее брат был известным московским врачом), жена Д.И. Шаховского.

⁸¹ Мария Владимировна Фаворская (урожд. Дервиз) — племянница Н.Я. Симонович.

⁸² Ефимов Иван Семенович (1878—1959) — скульптор, график, живописец, сценограф, художник декоративно-прикладного искусства. Симонович-Ефимова Нина Яковлевна (1877—1948) — художница, график, племянница художника В. Серова. Ефимовы работали над созданием русского театра кукол, основанного на народных традициях театра Петрушки. В 1918 г. они организовали первый советский театр кукол; сами делали куклы, шили костюмы, были режиссерами, кукловодами, актерами, художниками. Ефимов И.С. Об искусстве и художниках. [Биогр. очерк Н.Я. Симонович-Ефимова]. М., 1977. Матвеева А.Б. Иван Семенович Ефимов. М., 1965.

⁸³ О Рындиной см. коммент. 110 к ч. I.

⁸⁴ Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геометрии (опыт нового истолкования мнимостей) /Обложка В.А. Фаворского. — М.: Поморье, 1922.

⁸⁵ Фрина — афинская гетера, натурщица Праксителя и Апеллеса.

⁸⁶ Владимир Дмитриевич Дервиз (1859—1937) — художник, отец Марии Владимировны Фаворской и Елены Владимировны Дервиз.

⁸⁷ Павлик. — П.А. Голубцов. См. о нем коммент. 21.

⁸⁸ Преподобный Серафим Саровский (Прохор Исидорович Машнин (Мошнин); 1754—1833) — один из самых почитаемых русских старцев, канонизован в 1903 г.

⁸⁹ Преподобный Амвросий Оптинский (Александр Михайлович Гренков; 1812—1891) — единственный духовник оптинской братии и паломников после кончины старца Макария в 1860 г. Неподалеку от Оптиной пустыни в селе Шамордино трудами преподобного Амвросия была устроена женская Казанская горская обитель.

⁹⁰ Преподобный Анатолий (младший) Оптинский (1855—1922) — калужский приказчик Александр Потапов, в 1885 г., когда ему было уже тридцать лет, пришел в Оптину пустынь. Вскоре брата Александра благословили быть келейником у преподобного старца Амвросия. Был пострижен в монахи под именем Анатолий. После закрытия Оптиной к нему пришли с обыском, затем последовал арест. Вернулся он в обитель измученный и еле живой. 29 июля 1922 г. в монастырь нагрянула комиссия ГПУ. Готовились к аресту умирающего старца. Он не противился, только попросил себе отсрочки на сутки,

чтобы подготовиться. Под утро келейник нашел старца Анатолия без признаков жизни.

⁹¹ *В церкви...* — Имеется в виду собор Смоленской иконы Божией матери.

⁹² *Кривополенова Мария Дмитриевна* (1843—1924) — сказительница. Исполняла былины, исторические песни, а также скоморошины, сказки.

⁹³ *Ефимов Адриан Иванович* (1907—2000) — единственный сын Ефимовых, известный гидрогеолог, кандидат геолого-минералогических наук. Решающую роль в выборе профессии оказал на него П.А. Флоренский. Оставил воспоминания о родителях.

⁹⁴ *Дервиз Елена Владимировна* (Леля; 1890—1973) — пианистка, родная сестра М.В. Фаворской, племянница Н.Я. Симонович-Ефимовой.

⁹⁵ *Маргарита Кирилловна Морозова* (1873—1958) — дочь Кирилла Николаевича Мамонтова, вдова Михаила Абрамовича Морозова, меценатка, владелица издательства философской литературы «Путь», соучредительница московского Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева (см. коммент. 14 к дневнику 1915 г.).

⁹⁶ *Форш Ольга Дмитриевна* (урожд. Комарова; 1873—1961) — писательница, автор романов «Одеты камнем» (1924—1925), «Сумасшедший корабль» (1930), «Ворон» (1933) и др. Родственница П.А. Флоренского.

⁹⁷ *Огни святого Эльма* — разряд в форме светящихся пучков или кисточек, возникающих на острых концах высоких предметов (башни, мачты, одиноко стоящие деревья, острые вершины скал и т.п.) при большой напряженности электрического поля в атмосфере. Это явление получило название от имени святого Эльма (Эразма), покровителя моряков в католической религии.

⁹⁸ *Елена Гуро* (Елена (Элеонора) Генриховна; 1877—1913) — поэт, прозаик, художница. В 1909 г. издала первую книгу рассказов, стихов и пьес «Шарманка», в 1912 г. — второй сборник «Осенний сон», включающий одноименную пьесу, ряд фрагментов и иллюстрации автора. В начале 1913 г. приняла участие в выступлениях футуристов и в сборнике «Садок судей». Наиболее известная ее книга, состоящая в основном из стихотворений, но включающая дневниковые фрагменты — «Небесные верблюжата» (1914), — вышла посмертно. Елену Гуро связывали с В.Г. Малахеевой-Мирович дружеские отношения (в РГАЛИ сохранилась их переписка).

⁹⁹ *«Равви»* — Пьеса (в трех действиях) О. Форш. Берлин: Скифы, 1922.

¹⁰⁰ *...старика Фаворского...* — Имеется в виду отец В.А. Фаворского, Андрей Евграфович (1843—1924) — кандидат права, учился в Казанском и Петербургском университетах. С 1907 по 1912 г. — депутат III Государственной думы от Нижегородской губернии. С 1919 г. работал в Комис-

сии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры в должности бухгалтера.

¹⁰¹ ...старушка *Фаворская*. — Речь идет о матери В.А. Фаворского. Ольге Владимировне Фаворской (урожд. Шервуд) — дочери архитектора В.О. Шервуда, художнице.

¹⁰² Н.Б. Каменев (Розенфельд; 1886—1937?) — брат Л.Б. Каменева (Розенфельда), художник-иллюстратор. Был осужден вместе с женой и братом по «Кремлевскому делу».

¹⁰³ ... о дочери *Иаира*... — Воскрешение дочери начальника синагоги Иаира, одно из чудес, которые Иисус Христос творил при жизни.

¹⁰⁴ ...31 год со дня их свадьбы. — Венчались Добровы, как установила орловский краевед Л.В. Иванова, в Орле в Успенской (Михаила Архангела) церкви, 10 февраля 1891 г.

¹⁰⁵ Журнал «*Маковец*» с 1922 г. издавали члены объединения Союз художников и поэтов «Искусство — жизнь» (с 1924 г. — «Маковец») под ред. А.М. Чернышева (вышло два номера). В журнале воспроизводились работы художников, а также печатались стихи Н.Н. Асеева, П.Г. Антокольского, К.А. Большакова, Б.Л. Пастернака, В. Хлебникова и др.

¹⁰⁶ «*Великолепный рогоносец*» — пьеса бельгийского драматурга Фернана Кромелинка. Написана в 1921 г. В первом русском переводе Ивана Аксенова называлась «Великодушный рогоносец», впервые поставлена в России в 1922 г. В.Э. Мейерхольдом. Название «Великолепный рогоносец» принято в более позднем переводе Раисы Линцер.

¹⁰⁷ *Фореггер Николай Михайлович* (полное имя Фореггер фон Грейфентурн; 1892—1939) — режиссер, хореограф, художник театра. В 1920 г. в Москве создал Мастерскую Фореггера (Мастфор), где через опыты стилизации и пародии пришел к современной комедии масок. Театр помещался в Московском доме печати на Арбате, д. 7.

«*Сверхъестественный сын*» Г. Даккура и М. Вокара — комедия-буфф.

¹⁰⁸ *Гефсиманский скит* был основан в 1843—1844 гг., располагался напротив Черниговского скита. В 1856—1857 гг. была построена надпещерная деревянная церковь во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских и святого Василия Парийского.

¹⁰⁹ В. Жуковский. Замок Смальгольм, или Иванов вечер. 1822.

¹¹⁰ «*Безмолвие гор и удолий...*» (3 Цар. 19, 12) Из книги: «На горах Кавказа. Составил пустынножитель Кавказских гор схимонах Иларион». Ч. 1, гл. 1. Впервые издана в 1907 г. Переиздавалась в 1910 и 1912 гг.

¹¹¹ Схимонах *Илларион* (в миру И.И. Домрачев; ок. 1845—1916) — богослов, автор книги «На горах Кавказа».

¹¹² Это письмо от М.Ф. Мансуровой было комментарием прочитанного дневника Ольги Бессарабовой за 1922 г.

1923

¹ *Фаворский Никита Владимирович* (1915–1941) – художник-гравер. Пошел на фронт после смерти брата Ивана, имея бронь, так как был студентом художественного института. Погиб под Москвой в октябре 1941 г. У В.А. Фаворского осталась только дочь – М.В. Фаворская, сам он был участником Первой мировой войны.

² *Альбрехт Дюрер* (1471–1528) – немецкий художник и теоретик искусства эпохи Возрождения.

³ ...*мать Сергея Павловича...* – Софья Васильевна Мансурова (урожд. Безобразова).

⁴ *Парастас* – наименование великой панихиды и всенощного бдения по усопшим по особой книге того же названия, в которой излагается чин этого богослужения.

⁵ *Александр Дмитриевич Самарин* (1868–1932) – дядя Марии Федоровны Мансуровой (урожд. Самариной), государственный, общественный, церковный деятель; предводитель московского дворянства, обер-прокурор Святейшего Синода и главный уполномоченный Российского Красного Креста (с 1915). С весны 1922 г. до осени 1925 г. жил в Абрамцеве, где активно участвовал в работе музея. Умер в ссылке в Якутии.

⁶ *Освальд Шпенглер* (1880–1936) – немецкий философ и историк культуры, автор книги «*Закат Европы*» (нем. «Der Untergang des Abendlandes»). Т. 1 – 1918, Т. 2 – 1922).

⁷ *Духовский Сергей Михайлович* (1878–1926) – профессор, крупнейший ортопед, один из основателей Государственного института физиотерапии, заведовал ортопедическим отделением и курировал массаж, механотерапию и ортопедический кабинет.

⁸ *П.А. Флоренский* родился 9 января 1882 г. в местечке Евах на западе нынешнего Азербайджана.

⁹ ...*писать о двух именах.* – В 1922–1926 гг. Флоренский пишет работу, названную им в рукописи (1922–1926 гг.) «Заметки в азбучном порядке по ономотологии как науке о категориях бытия личного».

¹⁰ *Гиацинтова Надежда Петровна* (урожд. Рязанова; 1863–1940) – теща П.А. Флоренского. До 1915 г., будучи женой управляющего имением Шиловских, жила в селе Кутловы Борки Рязанской губернии. Занималась выпечкой просфор, имела четырех сыновей и дочь. Похоронена на Никольском кладбище Сергиева Посада.

¹¹ «*О преходящем и вечном*» – название дневников В.Г. Малахеевой-Мирович, которые она вела изо дня в день с 1930 по 1954 г. (179 тетрадей). Ныне находятся в Доме-музее Марины Цветаевой.

¹² *Голубкина Анна Семеновна* (1864–1927) — скульптор. Была особенно близка с семьей Ефимовых. В 1918–1922 гг. преподавала во ВХУТЕМАСе, где в эти же годы (1918–1930) преподавал И.С. Ефимов.

¹³ *Мать Елены Владимировны* — Надежда Яковлевна Симонович (в замуж. Дервиз; 1866–1907) — сестра Нины Яковлевны Ефимовой-Симонович. Владимир Дмитриевич Дервиз приобрел запущенное имение Домотканово в Тверской губернии в 1886 г. Здесь он поселился с молодой женой Надеждой Яковлевной Симонович. В конце 1917 г. владельцы были выселены, а их имущество конфисковано. Некоторое время В.Д. Дервиз жил в Москве у своей дочери Елены, затем переехал в Сергиев Посад к другой дочери — Марии Владимировне Фаворской. Преподавал рисование в педагогическом техникуме, затем работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры.

¹⁴ *Домотканово* сыграло большую роль в творчестве Валентина Александровича Серова (1865–1911) — друга хозяина усадьбы В.Д. Дервиза, двоюродного брата его жены. Он создал здесь более 30 живописных произведений, множество этюдов и рисунков. В Домотканово находится Мемориальный дом-музей В.А. Серова.

¹⁵ *Живут Ефимовы в Москве...* — Ефимовы жили у Красных ворот в доме 19, кв. 151 по Садовой-Спасской улице. Дом восьмиэтажный, построен в 1904 г. архитектором О.О. Шишковским в стиле модерн для московского водочного фабриканта Ф.И. Афремова, когда-то был самым высоким в Москве. Его называли «гучерезом», небоскребом, вавилонской башней (сохранился).

¹⁶ ... *последние дни этого монастыря...* — В 1923 г. Смоленская Зосимова пустынь, монастырь во Владимирской области, была закрыта. Деятельность монастыря возобновлена в 1993 г.

¹⁷ *Долгие пруды.* — В XVII в. в документах упоминается «деревня Виноградово на Долгом пруде» (Долгие пруды — запруда, образованная рекой Мерянкой, притоком Клязьмы). Во время Первой мировой войны Р.В. Герман вместе с врачом Г.А. Поленским устроил в своем поместье госпиталь для раненых и больных туберкулезом. Одно время в доме жил как на даче Лев Троцкий. После революции в барских домах располагался костно-туберкулезный санаторий, дом отдыха для рабочих.

¹⁸ Последний владелец усадьбы Рудольф Васильевич *Герман* упоминается в справочной книге «Вся Москва» за 1915 г. Жил в Москве в доме Банзы на ул. Воронцово поле (д. 3).

¹⁹ С 1911 по 1914 г. имение принадлежало Эмме Максимовне *Банзе*, вдове коммерческого советника.

²⁰...построил дом 4... — Напротив церкви по другую сторону пруда Э.М. Банза выстроила в 1911 г. деревянный двухэтажный дом в стиле неоклассицизма. Двухэтажный центральный корпус объединен с боковыми флигелями крытыми переходами с широкими окнами. Полуротонда парадного крыльца с открытой террасой и лестницей, спускающейся в партер. После революции в доме располагался Дом отдыха для рабочих.

²¹...«Старый дом» с колоннами... — Небольшой одноэтажный рубленый домик в стиле неоампира, разделен на две изолированные половины. В одной половине жил главврач Генрих Артурович Поленский — инициатор и организатор костно-туберкулезного санатория.

²²...церковь времен Елизаветы Петровны. — Церковь Владимирской иконы Божьей матери построена в 1772–1777 гг., архитектор предположительно Казаков или Баженов (сохранилась). Во время Великой Отечественной войны в ней был спрятан череп Сергия Радонежского.

²³...один из Пушкиных... — Первое упоминание о Виноградове относится к 1623 г. Тогда это была вотчина думного дворянина Гавриила Григорьевича Пушкина. Гавриил Пушкин — действующее лицо четырех сцен «Бориса Годунова». Пушкины владели Виноградовом до 1729 г.

²⁴Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка проходила в Москве с августа по октябрь 1923 г. Местом проведения была выбрана обширная территория у Крымского моста, включающая территорию сада Голицынской больницы, Нескучного сада и часть Воробьевых гор. В оформлении выставки принимали участие скульпторы Н.А. Андреев, И.Д. Шадр, И.С. Ефимов, С.Т. Коненков.

²⁵ Стихотворение И.В. Гёте в переводе М.Ю. Лермонтова.

²⁶...Комаровская с тремя детьми. — Дети Комаровских: Алексей Владимирович Комаровский (1914–1988), Антонина Владимировна Комаровская (1916–2002). В опубликованных материалах о Комаровских, так же как и в настоящем дневнике, указано, что в 1923 г. в семье было трое детей. Нет сведений о третьем ребенке, родившемся до 1923 г. Еще двое детей родились позже: Софья Владимировна Комаровская (Бобринская; 1924–1994), Федор Владимирович Комаровский (1929–2002).

²⁷...выселили из московской квартиры. — С лета 1917 г. Комаровские жили в Подмосковье, в усадьбе Самариных Измалково (находившейся вблизи теперешнего поселка Переделкино). В 1923 г. поместья измалковского имения отдали под детскую колонию. Бывшие владельцы усадьбы и их «постояльцы» были выселены окончательно.

Комаровских, оставшихся без крова, приютил граф Ю.А. Олсуфьев в своем доме по ул. Валовой в Сергиевом Посаде.

²⁸ ...*Институте Слова*... — Не совсем понятно, о каком институте идет речь. Даниил Андреев в своей автобиографии, написанной в 1943 г., указывал, что после окончания школы в 1923 г. он поступил «...в Литературный институт, где проучился около 3 лет. Ушел с III курса по собственному желанию (о чем жалел впоследствии)». В письме от 5 марта 1927 г. Е.М. Доброва писала Вадиму Андрееву: «Он решил, что его учение в институте слова, где он учился последние два года и был отмечен профессорами, ему лично для его будущей деятельности ничего не дает, и решил бросить учение» (Звезда. 2000. № 3 / Публ. Ольги Андреевой-Карлайл и Алексея Богданова. Скорее всего, речь идет о Высших литературных курсах (первоначально располагавшихся в доме Герцена на Тверском бульваре), закрытых в 1929 г.

²⁹ *Горел павильон Моссельпрома*... — О пожаре на выставке в своем дневнике за 1923 г. писал М.А. Булгаков: «27-го октября. Суббота. Вечер. Вечером разлилось зарево. Я был в это время в Староконюшенном переулке. Народ выскакивал, смотрел. Оказалось — горит выставка <...> 29-го октября. Понедельник. Ночь. <...> На Выставке горел только павильон Моссельпрома и быстро был потушен. Полагаю, что это несомненный поджог». *Булгаков М. Дневник. Письма. 1914—1940. М., 1997. С. 61—62.*

³⁰ *С.М. Романович*. — См. о нем коммент. 98 к ч. I.

³¹ *Пришвин Михаил Михайлович* (1873—1954) — писатель. Книга «За волшебным колобком» издана в 1908 г. (Пб., изд. Девриена).

³² *Аксенов Иван Александрович* (1884—1935) — поэт, переводчик, критик, искусствовед. С 1922 г. Аксенов возглавил Союз поэтов. В это же время сотрудничал с Вс. Мейерхольдом, являлся ректором Государственных высших театральных мастерских.

³³ *Андрей Белый* 26 октября 1923 г. после двухлетнего пребывания за границей возвратился в Москву. Прежнее знакомство с М. Кудашевой возобновилось, по свидетельству А. Цветаевой, видимо, в это время М. Кудашева: «увлеклась серьезно А. Белым и попросила меня съездить к нему с предложением. Я поехала, куда-то за город, где Белый жил. Он принял меня и ответил так: “Ну, что вы, Анастасия Ивановна, от Майи исходит женская опасность!..”» (*Айдинян С.А. Надо быть че-ло-ве-ком! / В сб. «Последний луч Серебряного века»* (находится в печати).

³⁴ ...*памятник будет стоять возле Малого Театра*. — *Ефимов И.С.* Эскиз памятника А.Н. Островскому. Набросок; л. 2 об. — 6. Рисунок к эскизу памятника. Набросок (РГАЛИ. Ф. 2724. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 7). Памятник Островскому был заложен 13 апреля 1923 г. В процессе под-

готовки прошло два конкурса — в 1923 и 1924 гг. В обоих победил скульптор Н.А. Андреев. Установлен на Театральной площади около Малого театра в 1929 г.

³⁵ *Шергин* Борис Викторович (1893—1973) — писатель, фольклорист, публицист и художник. Родился в Архангельске. В 1922 г. переехал в Москву; работал в Институте детского чтения Наркомпроса, выступал с рассказами о народной культуре Севера с исполнением сказок и был перед разнообразной, в основном детской, аудиторией.

³⁶ *Кривополенова М.Д.* — См. коммент. 92 к дневнику 1922 г.

³⁷ *Сцилла и Харибда* (Скилла и Харибда) — в греческой мифологии два чудовища, жившие по обеим сторонам узкого пролива и губившие проплывающих между ними мореходов.

³⁸ *А.И. Огнёв.* — См. коммент. 1 к дневнику 1922 г.

³⁹ *К. Богаевский.* Автолитографии. Двадцать рисунков, исполненных на камне Автором. М., 1923.

⁴⁰ ...*Солнце и Земля.* — Литографии с таким названием в оглавлении нет, вероятно, название дано произвольно.

⁴¹ *Софья Сергеевна Тучкова* (1874—1938) — из семьи графа Татищева. Окончила Сиротский институт. В 20 лет поступила в Георгиевскую общину, была сестрой милосердия во время Русско-японской войны, на которой погиб ее муж. С 1917 по 1919 г. — сестра милосердия Красного Креста в Сергиевом Посаде. 19 января 1938 г. арестована; затем расстреляна в поселке Бутово («Бутовский полигон»).

⁴² *Татьяна Алексеевна Шауфус* и *Ксения Андреевна Родзянко* — духовные дочери отца Павла Флоренского, сестры милосердия Красного Креста. 1921 по 1928 г. работали в уездной лечебнице Сергиева Посада. Подробнее см. коммент. 65 к дневникам 1921 г.

⁴³ *Ксения Петровна Истомина* (в замуж. Трубецкая; 1912—1995) — доктор биологических наук. Ее второй муж — князь Петр Григорьевич Трубецкой (1910—1966).

⁴⁴ *Истомин* Сергей Петрович (1909—1934) арестован в мае 1928 г., выслан в Казахстан. Работал в Кокчетаве преподавателем физкультуры в школе, умер от сыпного тифа.

⁴⁵ *Истомина Софья Ивановна* (1885—1962) родилась в Варшаве в дворянской семье. Познакомилась со своим будущим мужем во время Русско-японской войны, когда была сестрой милосердия на эскадре адмирала Рожественского. Ее муж Петр Владимирович Истомин (1879—1937, расстрелян) был адъютантом великого князя Николая Николаевича. После революции Истомин жили в родовом имении Самариных Измалково под Москвой. В 1922 г. переселились в Сергиев Посад. Все члены семьи неоднократно арестовывались. В 1934 г. были сосланы в Орел, затем в Кокчетав.

⁴⁶ *Лундберг Евгений Германович* (1883–1965) — прозаик, критик. С 1920 г. жил в Берлин, где основал издательство «Скифы», позднее возглавил первое советское издательство в Берлине «Бюро иностранной науки и техники», сотрудник газеты «Накануне». Вернулся в СССР в 1924 г. По философским взглядам считал себя близким Л. Шестову, личное знакомство с которым состоялось в 1905 г. в Киеве. Долгие годы дружбы, начавшейся в молодости в Киеве, связывали его с Варварой Григорьевной Малахиейвой-Мирович и с семьей Тарасовых.

⁴⁷ *«Тангейзер»* — опера немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813–1883).

⁴⁸ *Рихард Вагнер*. Моя жизнь. Мемуары. Т. 1–4. М.: Изд-во «Грядущий день», 1911–1912.

⁴⁹ Елена Петровна *Демидова* (Сан-Дonato, урожд. Трубецкая; 1853–1917) — вторая жена Павла Павловича Демидова (1839–1885), князя Сан-Дonato, потомка Прокофия Акинфиевича Демидова (1710–1786) по линии одного из его сыновей. И.С. Ефимов — потомок П.А. Демидова по линии его дочери Анастасии.

⁵⁰ *...получили премии...* — В 1923 г. А.С. Голубкина приняла участие в конкурсе на изготовление памятника А.Н. Островскому. Представила девять эскизов-вариантов, двум из которых были присуждены премии. Но первое место и право изготовить памятник получил другой автор — Н.А. Андреев

⁵¹ *Симонович-Ефимова Н.Я.* Записки петрушечника / Рис. Н.Я. Симонович-Ефимовой, В.А. Фаворского, И.С. Ефимова. М.;Л.: Госиздат, 1925. Предисловие П.А. Флоренского не вошло в книгу. Опубликовано в качестве предисловия к работе Н.Я. Симонович-Ефимовой «Записки петрушечника» в сборнике «Что же такое театр кукол?» (М., 1980).

⁵² *Фра-Дьяволо* («брат Дьявол») — опера Д.Ф.Э. Обера «Фра-Дьяволо, или Гостиница в Террачине» (1923, Новый театр, Москва).

⁵³ *«Снегурочка»* — весенняя сказка Н. Римского-Корсакова в 4-х действиях, с прологом, либретто композитора по одноименной пьесе А. Островского.

⁵⁴ *«Конек-Горбунок»* (Конек-Горбунок, или Царь-девица) — балет в 4-х актах 9-ти картинах (по одноименной сказке П.П. Ершова).

⁵⁵ *...в Рихтеровской больнице...* — Первая в России земская физиотерапевтическая лечебница для хронических больных Московского губернского земства, основана в 1907 г. в Ховрино.

⁵⁶ *Шестов Л.* Potestas clavium. (Власть ключей). 1-е изд. Берлин: Скифы, 1923.

1924

¹ *Сараджиев Давид Захарович* (1848—?) — первый производитель российского коньяка, основатель известных и поныне коньячных заводов в Кизляре, Ереване и Тбилиси.

² *Чекрыгин Василий Николаевич* (1897—1922) — художник, график, один из основателей и наиболее ярких художников «Маковца». Был близок с В. Маяковским и Д. Бурлюком. В начале 1920-х гг. создал несколько графических циклов: «Расстрел» (1920), «Сумасшедшие» (1921), «Голод в Поволжье» (1922) и «Воскрешение мертвых» (1921—1922). Участвовал в организации и написании будущего манифеста союза художников и поэтов «Искусство — жизнь» («Маковец»). В возрасте двадцати пяти лет Чекрыгин трагически погиб, попав под поезд.

³ На слова *В. Жуковского* дуэт Лизы и Полины из оперы «Пиковая дама» (музыка П. Чайковского, либретто М. Чайковского).

⁴ ...*выставку его рисунков.* — Посмертная выставка графики В.Н. Чекрыгина открыта 28 мая 1923 г. Москва. Экспонировано 151 произведение. См.: Каталог выставки произведений В.Н. Чекрыгина (1897—1922). [Вступ. статья А. Бакушинского.] М., 1923.

⁵ *Новгородское сказание о Рае.* — Возможно, речь идет о Новгородском предании, о том, как новгородцы нашли место земного рая. (Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае // Памятники литературы древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981).

⁶ *Отрадное* — усадьба в Липецком уезде Тамбовской губернии, принадлежавшая Ефимову. Его родители — Семен Григорьевич Ефимов (1823—1892) и Александра Карловна (урожд. Поггенполь, 1836—1913) — получили от родителей участок земли, построили дом, насадили парк и фруктовый сад, назвали имение — «Отрадное». Здесь прошли детство и юность Ивана Семеновича Ефимова. Сюда в 1912 г. он привез после почти трехлетнего путешествия по Франции свою жену — художницу Нину Яковлевну Симонович.

⁷ ...*рисунки Чекрыгина не пропали.* — Внучка Чекрыгина Наталья Колесникова в 1981 г. передала часть хранившейся в семье коллекции в ГМИИ им. А.С. Пушкина — 300 рисунков и 8 картин маслом.

⁸ ...*Германия поражена в самую твердую точку своей опоры.* — Андрей Белый, вернувшись из Германии, писал: «<...> Ужасна Германия: организовано, безвдохновенно, серо, и “соглашательски” тихо садится на дно. Берлин — место, где я получил тяжелейшие жизненные удары, — остается в памяти кошмаром; там я едва не погиб; и не знаю, что было бы со мною там, если бы я не вырвался вовремя; я не идеализирую современной России; но — вот: в прекрасных условиях

комфорта сердце мое истекало кровью, а душа томила в невыразимых беспокойствах, а здесь, в России, я обрел тишину и внутреннее счастье. <...>». (Андрей Белый — Иванову-Разумнику, 3 ноября 1923 г. Москва / Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 249—250. Негативные впечатления от жизни в Германии нашли отражение в очерке-памфлете А. Белого «Одна из обителей царства теней» (Л., 1924).

⁹ *Пуанкаре Раймонд* (1860—1934) — французский политический деятель, президент Франции (1913—1920.).

¹³ *Элои*. — См. коммент. 27 к дневнику 1916 г.

¹¹ *...лекция Андрея Белого о загранице...* — 14 января 1924 г. А. Белый выступил с публичной лекцией «Одна из обителей царства теней» в Театре имени Мейерхольда: «<...> на моей лекции в Москве я испытал муки Тантала; надо было ухитриться наполнить 2 часа словесной болтовней ни о чем, видеть недоумение собравшейся аудитории (увы, наивной!), думавшей, что Андрей Белый говорит свои заветные думы, и увидавшей только пустого болтуна; да, все мои нынешние и будущие выступления после всех цензур и экзаменов обречены быть пустым плясанием на кафедре — в мешке... А жаль: на моей московской лекции было не менее 1500 человек, — все молодежь: дикая, малокультурная, но — живая, и, увы, не подозревающая о тех муках, которые испытывает лектор. <...>» (Андрей Белый — Иванову-Разумнику 6 февраля 1924 г. Москва. Переписка А. Белого — Иванова-Разумника. С. 283).

¹² Роман Густава Майринка «*Голем*» — одна из версий легенды о равнине, создавшем искусственного человека.

¹³ *...покажи свои рисунки...* — И.С. Ефимов работал в области книжной графики, оформил книги «Кот, козел да баран» (1924), «Басни» Эзопа (1925), «Как машина зверей всполошила» (1927), «Мена» (1929), «Мордовский эпос» (1930-е гг.).

¹⁴ *Нансен Фритъоф* (1861—1930) — норвежский мореплаватель и путешественник, ученый-географ и этнограф, биолог, историк. В 1893—1896 гг. Нансен осуществил знаменитую экспедицию к Северному полюсу.

¹⁵ *Имение Коваленских* — Дедово Никольской волости Звенигородского уезда. Принадлежало с середины XIX в. Михаилу Ильичу Коваленскому, штабс-капитану, впоследствии действительному статскому советнику. После смерти Михаила Ильича имение перешло во владение его вдовы, Александры Григорьевны Коваленской, детской писательницы, бабушки Александра Викторовича Коваленского, затем — к дочери Александры Григорьевны, Ольге Михайловне (в замуж. Соловьевой).

¹⁶ *Тристан и Изольда* — легендарные персонажи средневекового рыцарского романа XII в. Трагическая история любви *Франчески и Паоло* произошла в XIII в. Первым о ней поведал Данте в «Божественной комедии». По его версии, Паоло и Франческа даже в аду не разомкнули объятий. *Поль и Виргиния* — герои одноименной сентиментальной повести французского писателя Ж.А. Бернардена де Сен-Пьера (1737—1814).

¹⁷ *Джорджоне*. — Джорджо Барбарелли да Кастельфранко (1476/1477—1510) — итальянский художник, представитель венецианской школы живописи. Вероятно, имеется в виду картина «Мадонна Кастельфранко» (ок. 1505).

¹⁸ Скорее всего, речь идет об одной из книг философа-мистика *Владимира Алексеевича Шмакова* (1887—1927/29?): «Священная книга Тота. Великие Арканы Таро» (М., 1916) или «Основы пневматологии» (М., 1922). Эмигрировал из России в 1924 г.

¹⁹ *Беклемишева-Копельман Вера Евгеньевна* (1881—1944) — писательница, литературный секретарь популярного в то время издательства «Шиповник» (1906—1918), одним из организаторов которого был ее муж Соломон Юльевич Копельман (1881—1944). Их сын — известный советский писатель Юрий Крымов (Беклемешев Юрий Соломонович; 1908—1941). Вера Евгеньевна Беклемишева — автор воспоминаний о Леониде Андрееве (Реквием. Под. ред. Д.Л. Андреева и В.Е. Беклемишевой. Сб. памяти Леонида Андреева. М., 1930).

²⁰ *Гроссман Леонид Петрович* (1888—1965) — литературовед, писатель. В 1923 г. биограф Достоевского Л.П. Гроссман в докладе «Бакунин и Достоевский» высказал гипотезу о том, что главным прототипом Николая Ставрогина был Михаил Бакунин, положив начало полемике о прототипах Ставрогина. Позже материалы полемики были собраны и изданы в кн.: Спор о Бакунине и Достоевском: Статьи Л.П. Гроссмана и Вяч. Полонского. Л., 1926.

²¹ *Медикосантруд*. — Профсоюз работников медико-санитарного дела. Конференция была посвящена пятой годовщине объединения российских медицинских работников в едином профсоюзе «Всемирный медикосантруд», которое произошло в марте 1919 г.

²² *Коллонтай Александра Михайловна* (урожд. Домонтович; 1872—1952) — деятель международного российского революционного социалистического движения, феминистка; первая в мире женщина-министр. В 1917—1918 гг. возглавляла Наркомат государственного призрения.

²³ *Семашко Николай Александрович* (1874—1949) — партийный и государственный деятель, один из организаторов советского здравоохранения, академик АМН СССР (1944) и АПН РСФСР (1945).

²⁴ *Семперанто* — студия импровизации, была организована в 1917 г. в Москве актером, режиссером, драматургом Анатолием Васильевичем Быковым (1892—1943) и его женой, актрисой Анастасией Александровной Левшиной (1870 или 1872?—1958). В 1919 (1921?) г. студия преобразована в театр, просуществовавший до 1938 г.

²⁵ *Выставка-конкурс проектов памятника Я.М. Свердлову* состоялась в 1924 г. в Москве. Было представлено 46 проектов. См.: Я.М. Свердлов в скульптуре. М. Огонек. 1924. № 21.

²⁶ *Герцберг* Михаил Осипович (Рахмиэль Харитонович; 1892—1968) — психиатр, доктор медицинских наук, главврач Дома отдыха в Долгих прудах.

²⁷ Протоиерей Сергей (Сидоров Сергей Алексеевич, 1895—1937) родился в Москве в семье юриста, действительного статского советника Алексея Михайловича Сидорова (расстрелян в 1919 г.). С 1921 по 1923 г. служил под Киевом в селе Почтовая Вита, с 1923 г. — в церкви Петра и Павла в Сергиевом Посаде. 5 октября 1924 г. по делу митрополита Петра были арестованы десять епископов, в том числе известный церковный деятель Александр Дмитриевич Самарин, о. Сергей Сидоров, Михаил Владимирович Шик, Павел Борисович Мансуров, Федор Алексеевич Челищев, Петр Владимирович Истомина. В последующие годы Сидоров несколько раз арестовывался, последний раз 13 апреля 1937 г. в Муроме (Владимирская обл.). Расстрелян 27 сентября 1937 г. в поселке Бутово, «Бутовский полигон».

²⁸ *Екатерина Алексеевна Челищева* (урожд. Хомякова, 1843—?) — дочь Алексея Степановича Хомякова (1804—1860) — философа, славянофила, поэта, и Екатерины Михайловны Языковой (1817—1852), сестры поэта Н.М. Языкова. Была замужем за Михаилом Николаевичем Челищевым (1815—1883), тайным советником и гофмейстером. Сестра Екатерины Алексеевны Ольга Алексеевна (1848—1929 г.) вышла замуж за сына Михаила Николаевича от первого брака — Алексея Михайловича (1847—1889). См.: *Николай Челищев*. Голос из прошлого: Стихотворения Ф.А. Челищева / Федор Алексеевич Челищев; С коммент. Н.Ф. Челищева. Лондон: Челищев, 2000. Гл. 1. В долгу у прошлого.

²⁹ *Второй ребенок* в семье М.В. Шика и Н.Д. Шаховской — дочь Маша, Мария Михайловна Старостенкова (урожд. Шик, р. 1924 г.) — биолог.

³⁶ Ныне Городская клиническая больница № 1 им. Н.И.Пирогова на Ленинском проспекте, дом 8 — одна из старейших больниц, была основана в 1802 г. *Большая Калужская улица* — ныне часть Ленинского проспекта.

³⁷ *Вассерман Якоб* (1873—1934) — немецкий писатель, автор книги «*Каспар Гаузер*» (1908).

1925

¹ *Зачатьевский женский монастырь* основал царь Федор Иоаннович в 1584 г. в надежде на избавление жены Ирины от бесплодия. После закрытия монастыря в его здании помещались тюрьма и детская колония.

² *Пильняк Борис Андреевич* (наст. фам. Вогау; 1894–1938) – писатель, автор романа «Голый год» (1922).

³ *Шагинян Мариэтта Сергеевна* (1888–1982) – писательница. Роман об интеллигенции «Своя судьба» опубликован в 1923 г.

⁴ «*Кубок метелей*» – четвертая «симфония» Андрея Белого. Его симфонии – литературные произведения, написанные по музыкальным законам и воплотившие основные идеи русского религиозно-философского, теургического символизма. «Северная» (1901), «Драматическая», «Возврат» (1902), «Кубок метелей» (1907).

⁵ Стихи Федора Сологуба из цикла «Земное заточение», вошедшего в книгу «Пламенный круг».

⁶ *Роберт Блечфорд* (1851–1943). Страна чудес. М.; Пг., 1923.

⁸ *Рахмиэль*. – См. коммент. 26 к дневнику 1924 г.

⁹ ...убийство студента *Иванова*... – Имеется в виду судебный процесс по делу Сергея Геннадьевича Нечаева (1847–1882), участника революционного движения, организатора тайного общества «Народная расправа». Был выдан Швейцарией российскому правосудию в 1872 г. по обвинению в убийстве своего товарища студента И. Иванова. Нечаев послужил прототипом Петра Верховенского в романе Достоевского «Бесы».

⁹ *Больница Марфо-Мариинской обители* считалась лучшей в Москве. В 1926 г. Марфо-Мариинская обитель была ликвидирована.

¹⁰ *ЦЕКУБУ* – Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР, создана в 1921 г. в Москве.

¹¹ *Россетти Данте Габриель* (1828–1882) – английский поэт, переводчик, иллюстратор и живописец. Картина «Беатриче благословенная» (Beata Beatrix, 1864–1870), портрет жены – поэтессы Элизабет Сиддал, умершей через два года после женитьбы от передозировки опия. Ожерелья на портрете нет.

¹² *Миргород* – город в Полтавской области Украины. Бальнеологический и грязевой курорт.

¹³ Брат О. Бессарабовой Всеволод умер от душевной болезни в 1929 г. в Подольске.

¹⁴ *Младший сын В.А. и М. Фаворских* Иван, художник. Погиб в 1941 г. 17-ти лет от роду.

¹⁵ Деревня *Глинково* расположена на берегу реки Торгоши, в 2,5 километрах к востоку от Сергиева Посада.

¹⁶ ...об опыте с «деревом»... — Павел Флоренский с 1926 г. был заместителем директора Всесоюзного электротехнического института (ВЭИ) по научной работе и заведующим созданным им отделом материаловедения. ВЭИ учрежден постановлением Совета Труда и Обороны в 1921 г. на базе электротехнической лаборатории МВТУ.

¹⁷ *Гиацинтов Василий Михайлович* (1885—1951) — брат А.М. Флоренской. С 1925 г. работал в ВЭИ, занимался испытанием трансформаторных масел.

¹⁸ *Старая Русса* — город областного значения в Новгородской области России В 1828 г. здесь был создан бальнеогрязевой курорт.

¹⁹ *Дом Соллогуба*. — Усадьба принадлежала графине Наталье Михайловне Соллогуб (урожд. Бодэ-Колычевой). Л.Н.Толстой обессмертил ее в «Войне и мире» как знаменитый дом Ростовых. После Октябрьской революции в здании перебивало несколько организаций: музей художественной культуры (Дворец искусств), 1-й литературный техникум, и, наконец, в 1921 г. дом был предоставлен только что организовавшемуся Высшему литературно-художественному институту.

²⁰ *Свердлова Клавдия Тимофеевна* (урожд. Новгородцева; 1876—1960) — общественная и политическая деятельница, педагог, вдова Я.М. Свердлова.

²¹ *Владимир Павлович Митрофанов*. — См. коммент. 93 к дневнику 1917 г.

²² *Где-то в Сибири расписывает вывески этот замечательный художник*. — В 1925 г. В.А. Комаровский был вновь арестован по обвинению в «принадлежности к монархической группировке бывшей аристократии», осужден на три года ссылки и отправлен этапом на Урал. О Комаровских см. подробный коммент. 71 к дневникам 1922 г.

²³ *Борис Александрович Садовский* (наст. фам. Садовский; 1881—1952) — поэт, прозаик, критик и литературовед.

²⁴ *Зильберминц Вениамин Аркадьевич* (1887—1939) — профессор, заведующий геохимической лабораторией ВНИИ минерального сырья. Расстрелян 21 февраля 1939 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Августин Блаженный Аврелий (354—430), христианский богослов 185, 409, 724

Агаша, няня в санатории «Долгие пруды» 602, 612

Адриан — см. Ефимов А.И.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859), писатель 233

Аксенов Иван Александрович (1884—1935), поэт, переводчик, критик, искусствовед 556, 741

Александра Алексеевна — см. Дзбановская А.А.

Александра Владимировна — см. Кривцова А.В.

Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918), генерал Добровольческой армии 156, 696, 711

Алексей Михайлович, Тишайший (1629—1676), русский царь 325, 450, 715

Алексий (Соловьев Федор Алексеевич; 1846—1928), старец Смоленской Зосимовой пустыни 681, 725

Алексинский Иван Петрович (1871—1945), ученый, хирург 107, 685

Аллочка — см. Тарасова А.К.

Альтман Натан Исаевич (1889—1970), скульптор, живописец, художник-авангардист 660

Аля — см. Эфрон А.С.

Амвросий Оптинский (Александр Михайлович Гренков; 1812—1891), священник русской православной церкви 735

Амиэль (Амиель) Анри Фредерик (1821—1881), швейцарский философ и поэт 102, 683

* Подготовлен Г.П. Мельник.

Анатолий (младший) Оптинский (Потапов Александр Алексеевич; 1855–1922), преподобный иеросхимонах 422, 490, 506, 735, 736

Андерсен Ханс Кристиан (1805–1875), датский писатель 202, 232, 537

Андреев Вадим (Дима) Леонидович (1902–1976), писатель 3, 10, 11, 123, 124, 658, 687, 741

Андреев Даниил (Даня) Леонидович (1906–1959), поэт, прозаик, философ 3, 6, 7, 10, 11–13, 19, 99, 120, 123–125, 167, 241, 242, 306, 324, 337, 369, 370, 380, 384, 410, 431, 463, 466, 556, 597, 609, 615, 621, 624, 625, 627, 645, 654–656, 658, 659, 678, 680, 687, 716, 726, 741, 746

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), прозаик, драматург, публицист 3, 6, 7, 10–12, 19, 99, 120–123, 125, 132, 193, 212, 242, 339

Андреев Николай Андреевич (1873–1932), скульптор, график 577, 740, 742

Андреев Николай, сотрудник ВЧК, убийца В. Мирбаха 706

Андреева Александра Алексеевна (1851–1926), критик, переводчица, сестра Е.А. Андреевой-Бальмонт 131, 316, 690, 691

Андреева Александра Михайловна (Велигорская; 1881–1906), мать Даниила Андреева 10, 12, 19, 99, 120, 123, 567, 657, 680

Андреева Алла Александровна (Бружес, Ивашева-Мусатова; 1915–2005), художница, жена Д. Андреева, сестра Е.А. Бальмонт 12, 654, 655, 658

Андреева, квартирная хозяйка О. Бессарабовой в Воронеже 303

Андреева-Бальмонт Екатерина Алексеевна (1867–1950), литератор, вторая жена К.Д. Бальмонта 131, 134, 152, 690, 691

Андреева-Карлайл Ольга Вадимовна (р. 1930), внучка Л.Н. Андреева, писательница и художница 741

Андреевы, булочники в Воронеже, домовладельцы 373

Андрюша – см. Трухачев А.Б.

Анечка – см. Полиевктова А.А.

Анжелико Фра Беато (1400–1455), францисканский монах 378, 404, 683

Анна – см. Веселовская А.С.

Анна Петровна – см. Косцова А.П.

Анненский Иннокентий Федорович (1855–1909), поэт, критик, драматург переводчик 223, 709

- Антокольский Марк Матвеевич (1843–1902), скульптор 265
 Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978), поэт, переводчик 737
- Анцифилов Николай Павлович (1889–1958), историк, филолог 699
- Аргези Тудор (Йон Теодореску; 1880–1967), румынский писатель 699
- Ариадна – см. Скрябина А.С.
- Арсений – см. Митрофанов А.Н.
- Арсений – см. Рудель А.Г.
- Архипов Абрам Ефимович (1862–1930), художник 687
- Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927), писатель, драматург, публицист 97, 679
- Арьякас Гуго Янович (1894–1938), фотомастер 478, 479, 483, 485, 502, 617, 734
- Асатиани Михаил Михайлович (1881–1938), врач-психиатр, ученый, муж Ю.А. Флоренской 730
- Асеев Николай Николаевич (1889–1963), поэт 737
- Астар – см. Бойко.
- Ася – см. Цветаева А.И.
- Афремов Ф.И., московский водочный фабрикант 538, 739
- Ахматова Анна Андреевна (1889–1966), поэт 4, 6, 43–48, 52, 61–63, 70, 216, 501, 654, 669, 673, 706
- Баженов Василий Иванович (1737 или 1738–1799), архитектор 740
- Байрон Джорж Ноэл Гордон (1788–1824), английский поэт 202, 232, 597
- Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), один из основателей анархизма 609, 630, 746
- Бакушинский Анатолий Васильевич (1883–1939), искусствовед 232, 554, 592, 594, 595, 597, 704, 744
- Балакирщикова Лидия Алексеевна, жена художника Ф.К. Константинова 239, 678
- Балаховская Софья Исааковна, сестра Л. Шестова 708
- Балаховские, семья киевских сахарозаводчиков 282
- Балаховский Даниил Григорьевич (1862–1931), сахарозаводчик 8

Балицкая Таня, участница «Кружка Радости» 331, 419, 439, 440

Бальзак Оноре де (1799–1850), французский писатель 121

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт 3, 98, 121, 131, 132, 134, 151, 152, 168, 169, 173, 188, 216, 219, 221, 236, 380, 463, 679, 687, 690, 691, 694, 698, 701, 704, 706

Бальмонт (Бруни) Нина Константиновна (1901–1989), литератор, дочь К.Д. Бальмонта и Е.А. Андреевой-Бальмонт 8, 131, 133, 134, 137, 139, 148, 149, 151, 161, 174, 175, 196, 330, 331, 380, 690, 715

Банза Эмма Максимовна, владелица имения Виноградово 542, 565, 739

Баранова-Шестова Наталья Львовна (1900–1993), дочь Л. Шестова 137, 282, 662, 684, 685, 688, 708, 711, 713, 717

Барбаросса – см. Фридрих I Барбаросса

Бартрам Николай Дмитриевич (1873–1931), художник, искусствовед, коллекционер 148, 150, 152, 371, 694, 719

Бартрам Стана, дочь художника Н.Д. Бартрама, участница «Кружка Радости» 148, 150, 694

Барышев Ефрем Ефремович (1812–1881), поэт 347, 716

Басов Осип Николаевич (1892–1934), актер 729

Бах Алексей Николаевич (1857–1946), химик, академик 713

Бах Иоганн Себастьян (1685–1750), немецкий композитор 194

Бах (Балаховская) Ирина Алексеевна, дочь академика А.Н. Баха 713

Бахи, семья академика А.Н. Баха 316

Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975), философ 699

Башкирцева Мария Константиновна (1858/60–1884), художница 133

Бебутов Валерий Михайлович (1885–1961), театральный режиссер 660

Бекенев Всеволод Александрович (1872–1931), преподаватель рабфака при ВГУ 166, 698

Беклемишева-Копельман Вера Евгеньевна (1881–1944), писательница 609, 746

Белозерская-Булгакова Любовь Евгеньевна (1898–1987), вторая жена М.А. Булгакова 726

Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич; 1880–1934), поэт, прозаик, философ 185, 186, 188, 194, 212, 216, 430, 463–465, 495, 556, 571, 571, 596, 599, 655, 659, 700, 703, 726, 729, 741, 744, 745

Бен Джонс – см. Бёрн-Джонс

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), художник, историк искусства 680

Бердслей (Бердсли) Обри Винсент (1872–1898), английский художник 100, 232, 680

Бердяев Николай Александрович (1874–1948), философ 69, 185, 426, 431, 679, 690, 700, 728

Березникова Таля, знакомая Б. Бессарабова 8, 91, 676

Березовская Анна Елизаровна (1870–1962), жена Л. Шестова 316, 688, 708, 713

Березовская Наталья Львовна – см. Баранова-Шестова Н.Л.

Березовская Татьяна Львовна (Шестова, в замуж. Ражо; 1897–1972), старшая дочь Л. Шестова 8, 137, 148, 175, 278, 282, 357, 708

Березовские – дочери Л. Шестова 127, 661, 688

Берлиоз Гектор (1803–1869), французский композитор 194

Берн Джонс – см. Бёрн-Джонс

Бёрн-Джонс Эдвард Коли (1833–1898), английский живописец и иллюстратор 433, 465, 468, 606, 731

Бессарабов Александр Федорович (1871–1903), отец О. и Б. Бессарабовых 5, 655

Бессарабов Владимир (Володя) Александрович (Кан; 1899–1968?), брат, О. и Б. Бессарабовых, профессор Московской ветеринарной академии 39, 42, 51, 52, 63, 70, 71, 75, 76, 78, 84, 159, 163, 166–168, 172, 173, 236, 260, 262, 266–268, 271, 285, 287, 288, 290, 292–295, 300–303, 310, 311, 332, 336, 344, 366, 371–373, 385, 389, 400, 412, 436, 481, 523, 544, 586, 632, 634, 648, 668, 685

Бессарабов Всеволод (Всева) Александрович (1901–1929), брат О. и Б. Бессарабовых 4, 5, 41, 42, 51, 52, 71, 73, 75, 76, 78, 79, 84, 159, 166, 172, 173, 260, 267, 270, 284, 285, 287, 289, 290–295, 297, 300–304, 310, 320, 332, 335, 336, 371, 382, 389, 413, 414, 419, 464, 524, 531, 536, 582, 581, 609, 615, 634–637, 643, 647, 649, 650, 668, 685, 748

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Бессарабов Николай Александрович (1897–1973), брат О. и Б. Бессарабовых 63, 75, 94, 106, 110, 178, 285, 290, 310, 389, 400, 464, 489, 495, 497, 523, 546, 590, 591, 595, 673

Бессарабова Наталья Ивановна (урожд. Табах; 1895–1981), жена Б.А. Бессарабова 5, 84, 480, 486, 487, 495, 553, 555, 586, 650, 675, 685, 735

Бессарабовы, семья 3, 290, 296, 298

Бета Джонс – см. Бёрн-Джонс

Бетховен Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор 194, 202, 461

Бируков Игорь Николаевич (1913–?), литератор, брат Е.Н. Бируковой 318, 324, 714

Бирукова Н.В. – см. Миллер Н.В.

Бирукова Евгения (Женя) Николаевна (1899–1987), писательница, переводчица 174, 175, 292, 317, 323, 324, 331, 343, 426, 427, 429, 451, 454, 455, 465, 524, 574, 575, 617, 620, 626, 630, 637, 643, 646–648, 698, 699, 714

Блаватская Елена Петровна (Ганн; 1831–1891), теософ, писательница и путешественница 731

Блечфорд Роберт (1851–1943), английский журналист, деятель рабочего движения 626

Блок Александр Александрович (1880–1921), поэт 11, 79, 121, 185, 186, 216, 451, 501, 731

Блюмкин Яков Григорьевич (Симха Янкель Гершевич; 1898–1929), сотрудник ВЧК, убийца В. Мирбаха 706

Богаевский Константин Федорович (1872–1943), художник 239, 428, 564, 566, 705, 742

Богданов А. 741

Богородский Федор Семенович (1895–1959), художник 19, 119, 135, 187, 658, 687

Богуцкая Лида, сокурсница О. Бессарабовой 479

Бодлер Шарль (1821–1867), французский поэт 97, 105, 123, 124, 202, 232, 265, 376, 684

Боева Анна Федоровна (1889–1984), художница, преподаватель Художественной школы в Воронеже 264, 706

Бойко (Астар), актриса, драматург 447, 451, 501

Большаков Константин Аристархович (1895–1938), поэт, прозаик 737

Борисов-Мусатов Виктор Эльпидифорович (1870—1905), художник 59, 672

Боссэ Геральд-Юлий Эрнестович (1812—1894), архитектор 669

Бостанжогло Елена Николаевна (Смирнова; 1861—1911), мать Евгении, Натальи и Татьяны Смирновых 694

Боттичелли Сандро (1445—1510), итальянский художник 104, 334, 469, 506, 728

Бренев Евгений Константинович (1883—1938), математик, литератор 430, 730

Брик Лиля Юрьевна (Каган; 1891—1978), адресат лирики В.В. Маяковского 4, 20, 21, 472, 660, 669

Брик Осип Максимович (Меерович; 1888—1945), литератор, муж Л.Ю. Брик 660

Бромлей Николай (Карл) Эдуардович (1862—?), русский промышленник 420, 726

Бронзова Аня, жительница Сергиева Посада 502

Бруни Иван Львович (1820—1995), художник 380

Бруни Лев Александрович (1894—1948), художник, муж Н.К. Бальмонт 131, 330, 380, 690

Бруни Николай Александрович (1891—1938), поэт и художник, священник и авиатор, муж А.А. Полиевктовой 131, 133, 278, 331, 370, 690, 691, 709

Бруни Федор Антонович (1799—1875), художник, сын Антонио Бруни 133, 134

Брусилов Алексей Алексеевич (1853—1926), военачальник 156, 162, 696

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924), поэт 121, 146, 147, 194, 691, 694

Бубликов Александр Александрович (1875—1941), в 1917 г. комиссар Временного правительства, министр путей сообщения 156

Буденный Семен Михайлович (1883—1973), маршал, командир Первой Конной армии в период Гражданской войны 287, 292

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891—1940), писатель, драматург 726, 741

Булгаков Сергей Николаевич (о. Сергей Булгаков; 1871—1944), философ, теолог, священник 186, 679, 732

Бунин Иван Алексеевич (1870—1953), писатель, поэт 691

Бурлюк Давид Давидович (1882–1967), поэт, теоретик футуризма 744

Бусенька – см. Велигорская Е.В.

Бутиков, житель Воронежа 359

Бутова Надежда Сергеевна (1878–1921), актриса МХАТ 8, 20, 104, 105, 109, 114–117, 139, 143, 146, 151, 183, 184, 229, 230, 251, 252, 263, 283, 304, 305, 308, 312, 315, 316, 322–324, 327, 329, 333, 335, 336, 343, 345, 347, 348, 352, 366, 370, 378, 404, 593, 632, 659, 678, 684, 686, 711, 716

Бухарев Александр Матвеевич (архим. Феодор; 1824–1871), богослов и философ 426, 431

Бухарева (Родышевская) Анна Сергеевна (? – после 1904), жена А.М. Бухарева 426, 729

Бучури Александр Алексеевич (1870–1942), художник 263, 706

Быков Анатолий Васильевич (1892–1943), организатор, режиссер, драматург Студии импровизации Семперантэ 747

Быковы, семья в Сергиевом Посаде 553

Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707–1788), французский естествоиспытатель и философ 703

Вава, Вавочка – см. Малахиева-Мирович В.Г.

Вагнер Рихард (1813–1883), немецкий композитор 194, 202, 432, 576, 627, 648, 743

Валечка – см. Затеplinская В.С.

Вальдштейн Маруся (Маня), сестра А.П. Залесской 152, 230

Ван Дейк Антонис (1599–1641), фламандский живописец 215, 239, 240, 705

Ваня, брат З.А. Денисьевской 311, 312

Василий Федосеевич – см. Толстов В.Ф.

Васильчикова Екатерина (Катуся) Павловна (монахиня Елисавета; 1906–1994), племянница Ю.А. Олсуфьева 728

Васса Ивановна, владелица дачи в Подосинках 217, 227

Вассерман Якоб (1873–1934), немецкий писатель 747

Вахтангов Евгений Багратионович (1883–1922), режиссер, основатель театра 427, 729

Велигорская А.М. – см. Андреева А.М.

Велигорская Екатерина Михайловна (Митрофанова; 1869–1943), акушерка 97

- Велигорская Ел.М. – см. Доброва Е.М.
 Велигорская Ефросинья Варфоломеевна (Шевченко; Бусенька), мать Е.М. Добровой 10, 11
 Велигорские, род 10
 Велигорский Павел М., сын Е.Ф. Велигорской 10
 Велигорский Петр М., сын Е.Ф. Велигорской 10
 Вениамин, священник, знакомый В.Ф. Малахиевой 129
 Вера Владимировна – см. Коваленская В.В.
 Вера, жена Владимира Бессарабова 544, 586
 Верлен Поль-Мари (1844–1896), французский поэт 124, 684
 Вернадский Владимир Ивнович (1863–1945), ученый, академик, основатель геохимии, биохимии, радиогеологии 702, 734
 Вернадский Георгий Владимирович (1888–1973), русский и американский историк 680
 Вернон Ли (Вайолет Паже; 1856–1935), английская писательница 103, 626, 683
 Вероника, двоюродная сестра З.А. Денисьевской 63, 70–73, 75, 310, 311, 359, 372, 373, 389, 390, 411, 480, 552, 673
 Верочка, родственница Евгении Бируковой 63, 71
 Вертинский Александр Николаевич (1889–1957), композитор, поэт, певец 242, 269, 707
 Верхарн Эмиль (1855–1916), бельгийский поэт и драматург 124
 Веселовская Анна Степановна (р. 1930), дочь О.А. Бессарабовой и С.Б. Веселовского 6, 7, 12, 13, 678, 685, 726
 Веселовский Борис Степанович (1903–1983), сын С.Б. Веселовского 13
 Веселовский Степан Борисович (1876–1952), историк, академик, муж О.А. Бессарабовой 9, 13, 156, 233, 238, 247, 248, 250–252, 678, 695
 Визенберг Юлия Николаевна, учительница 593
 Винберг Екатерина Николаевна, близкий друг Ефимовых 637
 Виткович В.С. (Валя) – см. Затеplinская В.С.
 Виткович Наталья Иосифовна, мать В.С. Затеplinской 320, 457, 544, 548, 626, 714
 Вишнеvский Сергей Васильевич (акт. имя Айдаров; 1867–1938), актер театра Ермоловой 698

- В.Я. – см. Яровой В.Я.
Войнич Этель Лириан (1864–1960), английская писательница 99
Волга Роза, знакомая А.Ф. Добровой 119, 201
Волкова О. 14
Волконский Сергей Михайлович (1860–1937), князь, театральный деятель 49, 66, 93, 671, 673
Волошин Максимилиан Александрович (1877–1932), поэт, художник 29, 675, 691
Волынский Аким Львович (Флексер; 1863–1926), литературный критик и искусствовед 8
Волькенштейн Владимир Михайлович (1883–1974), драматург 318, 714
Волькенштейн Мария Михайловна, вторая жена В.М. Волькенштейна, пианистка 318, 714
Вольф Вильгельм Юльевич (1886–1938), консультант Инюрколлегии в Москве 432, 648, 731
Воронин, воронежский священник 299, 311
Всева – см. Бессарабов Вс.А.
Врангель Петр Николаевич (1878–1928), один из вождей Белого движения 341
Врубель Михаил Александрович (1856–1910), художник 265, 428, 594, 597, 682
Вышневецкая Любовь Константиновна, мать Льва Вышневецкого 630
Вышневецкий Лев, муж Т.Д. Епифановой 556, 583
Вячеслав Великолепный – см. Иванов В.И.
- Габрияник Алексей – священник, муж А.П. Голубцовой 727
Гаген-Торн Нина Ивановна (1900–1986), ученый, писательница, поэт 12
Гаева, художница, преподаватель Художественной школы в Воронеже 263, 264
Галицкая Таня, участница «Кружка Радости» 127, 175
Гамсун Кнут (Кнуд Педерсен; 1859–1952), норвежский писатель 148, 626
Ган Алексей Михайлович (1893–1942), теоретик искусства, художник-конструктивист 660

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Гауптман Герхарт (1862–1946), немецкий писатель 712
Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ 138
Гейне Генрих (1797–1856), немецкий поэт 387
Гельчук Анна (Нюта) Самойловна, сестра Э. Пинес 352
Гераклит Эфесский (544–483 до н.э.), древнегреческий философ 138, 374
Герман (Гомзин, 1844–1923), схиигумен Зосимовой пустыни 540
Герман Рудольф Васильевич, последний владелец имения Виноградово 542, 565, 739
Германова Мария Николаевна (Красовская-Калитинская; 1884–1940), актриса, режиссер 319, 714
Герцберг Михаил Осипович (Рахмиэль Харитонович; 1892–1968), врач-психиатр 615, 616, 627, 638, 747
Герцык Евгения Казимировна (Лубны-Герцык; 1878–1944), переводчица, критик, мемуаристка 684
Гершензон Михаил Осипович (1869–1925), философ 138, 316, 319, 713
Герье Владимир Иванович (1837–1919), историк 688, 754
Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий поэт 27, 265, 607, 740
Гиацинтов Василий Михайлович (1885–1951), брат А.М. Флоренской 723, 747
Гиацинтова Надежда Петровна (Рязанова; 1862–1940), мать А.М. Флоренской 738
Гиппиус Зинаида Николаевна (в замуж. Мережковская; 1869–1945), поэт, прозаик, литературный критик 474, 686
Гладкая, лицо неустановленное 318
Глассби Лили, гувернантка, затем мачеха Натальи и Евгении Смирновых 694
Глиэр (Глиер) Рейнгольд Морицевич (1874/75–1956), композитор, педагог 661
Глюк Кристоф Виллибальд (1714–1787), немецкий композитор 194
Гога – см. Крутиков Г.Т.
Гоген Поль (1848–1903), французский художник 92
Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель 265, 597, 729
Година Мария Львовна, знакомая Добровых 597, 609

- Годунов Борис (1549 или 1552—1605), русский царь 13, 193, 471
Головкина Лидия Алексеевна 734
Голубкина Анна Семеновна (1864—1927), скульптор 536, 538, 577, 739, 743
Голубцов Александр Петрович (1860—1911), профессор МДА 420, 726
Голубцов Алексей Александрович (1904—1978), инженер, сын профессора А.П. Голубцова 726
Голубцов Иван Александрович (1887—1966), историк, сын профессора А.П. Голубцова 726
Голубцов Николай Александрович (1900—1963), священник, сын профессора А.П. Голубцова 460, 726, 733
Голубцов Павел Александрович (о. Сергей; 1906—1982), архиепископ, художник-реставратор, сын профессора А.П. Голубцова 485, 539, 726, 735
Голубцов Петр Александрович (1895—1917), студент МДА, сын профессора А.П. Голубцова 726
Голубцов Серафим Александрович (1908—1981), протоиерей, сын профессора А.П. Голубцова 389, 539, 726
Голубцов Сергей Александрович (1893—1930), историк, сын профессора А.П. Голубцова 726
Голубцова Анна Александровна (Габрияник; 1898—1943), дочь профессора А.П. Голубцова 726
Голубцова Мария Александровна (1888—1925), дочь профессора А.П. Голубцова 726
Голубцова Наталья Александровна (монахиня Сергия; 1896—1977) 420, 438, 451, 483, 484, 502, 506, 508—510, 529, 539, 551, 724—726
Голубцова Ольга Сергеевна (Смирнова; 1867—1920), жена А.П. Голубцова 726
Голубцовы, семья 9, 483, 484, 553, 618, 726
Гольденберг Надежда Марковна (1891—1981), пианистка, композитор, педагог 326, 715
Гомер, древнегреческий поэт 530
Горбенко, лицо неустановленное 318
Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867—1941), литературовед 103, 683
Горький Максим (Алексей Максимович Пешков; 1868—1936), писатель 12

- Готовцев Владимир Васильевич (1885–1976), актер, педагог, муж Е.С. Смирновой 711
- Готовцева Женя – см. Смирнова Е.С.
- Готовцевы – актер В.В. Готовцев и его жена Е.С. Смирнова 305, 711
- Готье Теофиль (1811–1872), французский писатель 124, 687
- Готье Эдуард Владимирович, врач-терапевт Первой градской больницы в Москве 107, 685
- Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776–1822), немецкий писатель-романтик, композитор, художник 177, 202, 232, 626
- Гофф (Мельгунова) Ирина Алексеевна, жена Б.А. Бессарабова 5
- Гоцци Карло (1720–1806?), итальянский драматург 453, 729
- Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960), художник, искусствовед 90, 676
- Гращенкова Е. 14
- Гревс Иван Михайлович (1860–1941), историк, профессор 702
- Григ Эдвард (1843–1907), норвежский композитор 194, 703
- Гринер Вера Александровна (Альванг; 1890–1992), российская ритмистка 673
- Грозный Иоанн Васильевич (Иван IV; 1530–1584), русский царь 533
- Громов Глеб Иванович (1762 или 1763–1830), писатель 704
- Громов Дм. 14
- Гроссман Леонид Петрович (1888–1965), литературовед, писатель 609, 630, 746
- Грушка Аполлон Аполлонович (1869–1929), профессор филологии в МГУ 430, 431, 731
- Гумилев Лев Николаевич (1912–1992), историк, сын А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилева 48, 49, 671
- Гумилев Николай Степанович (1886–1921), поэт, муж А.А. Ахматовой 48, 49, 216, 671
- Гумилева Анна Ивановна (Львова; 1855–1942), мать Н.С. Гумилева 671
- Гуро Елена (Элеонора) Генриховна (Нотенберг; 1877–1913), поэт, прозаик, художница 8, 501, 736
- Гюисманс Шарль Мари Жорж (1848–1907), французский писатель 124, 688

- Данте Алигьери (1265–1321), итальянский поэт 219
 Датнов Г. 14
 Даутендей Макс (1864–1918), немецкий поэт и писатель 626
 Дейч Евгения Кузьминична (р. 1919), литературовед 691
 Дембовская Людмила М., гимназическая подруга О. Бессарабовой 40, 41, 98, 99, 169, 182, 188, 189, 213, 214, 259, 341, 342, 359–361, 363, 373, 375, 376, 466, 668, 680
 Демидов Павел Павлович (1839–1885), князь Сан-Дonato, предок И.С. Ефимова 743
 Демидов Прокофий Акинфиевич (1710–1786), предок И.С. Ефимова 743
 Демидова Елена Петровна (Сан-Дonato, Трубецкая; 1853–1917), дальняя родственница И.С. Ефимова 576, 743
 Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал, главнокомандующий Добровольческой армии 285, 711
 Денисьевская Зинаида (Зина) Антоновна (1887–1933), библиотекарь, подруга О. Бессарабовой 274, 276, 277, 280, 286, 289, 290, 292, 293, 295, 297, 308, 310–312, 325, 336, 341, 344, 372, 373, 390, 400, 410, 411, 434, 439, 448, 455, 456, 466, 469, 478, 480, 517, 523, 541, 545, 551, 586, 602, 642, 673, 708, 724
 Дервиз Владимир Дмитриевич (1859–1937), художник, отец М.В. Фаворской 484, 486, 503, 504, 529, 739, 792
 Дервиз Елена (Леля) Владимировна (1890–1973), пианистка, сестра М.В. Фаворской 493, 503, 504, 511, 522, 527–529, 532, 533, 537, 538, 560, 576, 585, 593–595, 600, 631, 637, 638, 732
 Дервиз Надежда Яковлевна (Симонович; 1866–1907), мать Е.В. Дервиз 739
 Джеймс Генри (1843–1916), американский писатель 8, 102, 683
 Джеймс Уильям (1842–1910), американский психолог 680, 683, 688, 736, 739
 Дживелегов Алексей Карпович (1875–1952), искусствовед, театровед 99, 680
 Джорджоне (1476/77–1510), итальянский живописец 746
 Дзбановская Александра (Шура) Алексеевна, гимназическая подруга О. Бессарабовой 285, 320, 333, 335, 348, 351, 353, 356, 357, 359, 363, 368, 369, 378, 379, 419, 430, 433, 436, 456, 573, 575, 710
 Диккенс Чарлз (1812–1870), английский писатель 121

Дима – см. Андреев В.Л.

Димитрий (Максим Андреевич Вербицкий; 1869–1932), архиепископ Киевский, друг В.Г. Миревич 464, 733

Дмитрий (1582–1591), царевич, младший сын Ивана IV 193

Добров Александр (Саша) Филиппович (1900–1959), сын Ф.А. и Е.М. Добровых 12, 19, 97, 116, 125, 154, 166, 176, 201, 208, 224, 225, 231, 241, 261, 263, 265, 283, 306, 342, 380, 410, 432, 452, 463, 466, 472, 474, 506, 526, 528, 536, 537, 554, 597, 647, 654, 657, 658

Добров Филипп Александрович (1869–1941), врач 3, 10, 11, 17–19, 21, 42, 58, 100, 105, 107, 112, 116, 120–122, 124, 125, 140, 160, 167, 176–179, 194, 197, 199, 201, 202, 211, 212, 215, 216, 225, 229, 231, 232, 241, 242, 245, 248–250, 261, 263, 308, 312, 337, 349, 358, 369, 370, 378, 380, 419, 429, 431, 432, 452, 466, 581, 604, 609, 620, 644, 645, 648, 654, 655, 656, 659

Доброва Александра (Шурочка) Филипповна (Коваленская; 1892–1956), дочь Ф.А. и Е.М. Добровых 3, 11, 12, 13, 19–21, 65, 66, 96, 97, 99, 100, 105, 109, 116, 117–120, 122, 132, 136, 140, 146, 147, 154, 166, 167, 176–178, 180, 181, 188, 190, 191, 194, 201, 202, 204, 208–212, 214–216, 222–227, 231–233, 240–245, 249–253, 261–263, 265, 270, 283, 289, 305, 312, 315, 319, 330, 333, 334, 342–344, 346–348, 350, 352, 355, 357, 358, 369, 376, 378, 369, 376, 380, 383, 384, 418, 429–432, 441, 452–454, 457, 463, 465, 466, 468, 472, 474, 506, 511, 512, 526, 528, 530, 537, 548, 554, 555, 557, 576, 580, 581, 586, 594, 598, 608, 615, 617, 619–621, 623, 628, 629, 632, 645, 657, 658, 663, 678

Доброва Елизавета Михайловна (Велигорская; 1868–1942), жена Ф.А. Доброва 10, 11, 19, 20, 42, 65, 71, 116, 119–121, 123–126, 143, 146, 154, 167, 176, 177, 202, 215, 223, 225, 230, 231, 233, 241, 242, 245, 249, 252, 253, 261, 306, 337, 339, 346, 348–350, 366, 368, 370, 382, 385, 388, 419, 429, 453, 506, 568, 581, 604, 620, 645, 655, 657, 678, 701

Добровы, семья доктора Ф.А. Доброва 3, 4, 6, 7, 10, 12, 20, 39, 40, 42, 66, 70–72, 96, 97, 99, 105, 115, 122–124, 127, 128, 135, 140, 143, 146, 160, 167, 169, 173, 174, 178, 179, 183, 188, 194, 196, 204, 223, 226, 231, 237, 238, 240, 242, 244, 245, 248, 250, 252, 262, 263, 277, 283, 305, 320, 322, 324, 330, 335, 340, 344, 346, 347, 353, 355, 356, 358, 359, 363, 368–370, 375, 380, 382, 410, 418, 419, 452, 456, 457, 496, 506, 511, 523, 529, 547, 548, 552, 554, 557, 568, 570, 578,

582, 583, 585, 586, 593. 585, 586, 593, 595, 586, 593, 595, 596, 599, 601, 602, 611, 613, 614, 619, 632, 647, 663, 666, 678, 679, 702, 737

Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957), художник 684

Дойль Артур Конан (1859–1930), английский писатель 355

Досекин Николай Васильевич (1863–1935), художник 317, 319, 322, 453, 466, 672, 713

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель 69, 148, 186, 187, 265, 473, 609, 746

Дукельский Владимир (Володя) Маркович (1900–1983), физик, друг Б. Бессарабова, одноклассник по гимназии 269, 707

Думенко Борис Мокеевич (1888–1920), герой Гражданской войны, красный командир 711

Дунаевская Полина, знакомая А.Ф. Добровой 119, 201

Дунаевская Роза – см. Волга Р.

Дунаевские 245

Духовской Сергей Михайлович (1878–1926), врач-ортопед, профессор 530, 738

Дьякова. Нона, жительница Воронежа 270

Дюма Александр (отец, 1802–1870), французский писатель 121, 699

Дюрер Альбрехт (1471–1528), немецкий художник 522, 738

Дягилев Сергей Павлович (1872–1929), балетный импресарио 680

Екатерина II Великая (1729–1796), российская императрица (с 1762) 120

Екатерина Алексеевна – см. Андреева-Бальмонт Е.А.

Елена – см. Цветковская-Бальмонт Е.К.

Елена Афанасьевна, сотрудница канцелярии санатория «Долгие пруды» 546

Елена Дмитриевна, сотрудница ЦУПВОСО 63

Елена Феликсовна – см. Усиевич Е.Ф.

Елизавета Петровна (1709–1762), российская императрица (с 1741) 542, 740

Епифанова Татьяна Дмитриевна, сотрудница Гослитиздата 315, 316, 318, 324, 409, 413, 418, 419, 426, 429, 435, 451–455, 466, 492, 494, 524, 556, 557, 569, 571, 573, 575, 576, 582, 583. 598, 630, 643

Епифановы, знакомые В.Г. Мирович в Ростове-на-Дону 304

Ерофеев А.С. (1887–1949), муж В.К. Звягинцевой 671

Ерофеев Володя, друг Л. Дембовской 360, 375

Ефимов Адриан Иванович (1907–2000), сын Ефимовых, гидрогеолог, мерзловед 492, 526, 529, 534, 561, 567, 576, 583, 592, 593, 595, 600, 617, 631, 638, 736

Ефимов Иван Семенович (1878–1959), скульптор, график, живописец, сценограф 492, 497, 498, 502, 504–508, 510–518, 523, 526–529, 531–538, 545, 547–549, 551, 552, 554, 555, 560–562, 564, 565, 576–583, 586–590, 592–595, 599–608, 612, 615, 619, 622, 624, 626, 628–631, 638–640, 735, 739, 740, 741, 744, 745

Ефимов Семен Григорьевич (1823–1892), отец И.С. Ефимова 744

Ефимова Александра Карловна (Поггенполь; 1836–1913), мать И.С. Ефимова 744

Ефимовы 479, 495, 497, 502, 585, 739

Жанна д'Арк (ок. 1412–1431), народная героиня Франции 29

Жданко Е., подруга Ариадны Скрябиной 451

Жданов Владимир Анатольевич, художник, преподаватель Художественной школы в Воронеже 263

Женя – см. Бирукова Е.Н.

Женя – см. Смирнова Е.С.

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), поэт 514, 737, 744

Жуковский Станислав Юлианович (1875–1944), художник-пейзажист 89, 428, 676

Зайцев Борис Константинович (1881–1972), писатель 3, 6, 7, 20, 52, 68, 131, 342, 655, 659, 671, 690, 691, 712

Зайцева Вера Алексеевна (Орешникова; 1878–1965), жена Б.К. Зайцева 8, 21, 52, 131, 151, 306, 659, 671, 690, 712

Зайцева Наталья Борисовна (Соллогуб; 1912–2008), дочь Б.К. и В.А. Зайцевых 306, 429

Зайцевы, семья 23, 68, 188, 363

Зеленин Николай Васильевич (1900–1942) 151

Залеская (Слюз) Нина, подруга О. Бессарабовой 148–150, 202, 207, 208, 216–218, 220, 221, 229, 230

Залесские, семья 219, 232

Замятнин Сергей (Сереза) Николаевич (1899–1958), археолог, друг Б. Бессарабова, одноклассник по гимназии 269, 707

Затеplinская Валерия (Валя) Станиславовна (урожд. Виткович; 1896 или 1897–1959), подруга О. Бессарабовой 40, 106–108, 114, 120, 239, 244, 245, 267, 271, 272, 285, 289, 292, 320, 322, 323, 333, 335, 337, 339, 342–345, 347, 348, 351, 368, 369, 371, 374, 376–380, 382, 389, 390, 392, 400, 409, 411, 432–434, 439, 447, 448, 450–456, 462, 469, 474, 475, 485, 486, 489, 497, 500, 502, 541, 544, 545, 557, 565, 569, 588, 599, 602, 608, 617, 618, 620, 622, 625, 637, 639, 641, 646, 649, 668, 685, 710, 714

Затеplinский Виктор Константинович (1889–1962?), офицер царской армии 40, 242–245, 248, 249, 252, 253, 262, 267, 268, 271, 272, 289, 320, 324, 333, 340, 342, 344–346, 348, 350, 363, 368, 369, 380, 382, 390, 409, 431–434, 439, 448, 456, 462, 502, 545, 622, 624, 625, 639, 640, 646, 649, 668

Захава Борис Евгеньевич (1896–1976), актер, режиссер 729

Звенигородская Евгения Максимилиановна, знакомая М.И. Цветаевой 676

Звягинцева Вера Клавдиевна (1894–1972), актриса, поэтесса 671

Зегебардт Софья Александровна, сестра Ф.А. Доброва, органистка 116, 581, 609

Зеленин Николай Васильевич (1900–1942), врач-психиатр 694

Зелинский Фаддей (Тадеуш) Францевич (1859–1944), филолог, поэт-переводчик 103, 683

Землячка, профсоюзный работник 644

Зильберминц Вениамин Аркадьевич (1887–1939), профессор, геохимик 749

Зина – см. Денисьевская З.А.

Зиновьев Григорий Евсеевич (Радомысльский; 1883–1936), партийный и государственный деятель 46

Золя Эмиль (1840–1902), французский писатель 121

Зоя – см. Петрова Зоя

Зубов Валентин Платонович (1884–1969), граф, основатель Института истории искусств в Петербурге 669

Ибсен Генрик (1828–1906), норвежский драматург 148, 278, 283, 708, 716

Иванов Александр Андреевич (1806–1858), художник 118, 686

Иванов Борис Иванович, сотрудник архива Земгора в Москве 236, 245–247, 249

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), поэт 130, 464, 598, 673, 690, 728

Иванов следователь ЧК (Воронеж, 1919 г.) 710

Иванова Л.В., краевед (г. Орел) 737

Иванов-Разумник (Разумник Васильевич Иванов; 1878–1946), литературный критик 745

Ивашов-Мусатов Сергей Николаевич (1900–1992), художник 12

Игумнов Константин Николаевич (1873–1948), пианист, друг Ф.А. Доброва 18, 34

Илларион Пустынный (в миру И.И. Домрачев; ок. 1845–1916), схимонах, богослов 517, 737

Ильин Иван Александрович (1883–1954), философ и правовед 138, 248, 463

Ильинская Евгения Петровна, мать Игоря и Ольги Ильинских 161, 173, 473, 689, 735

Ильинская Ольга Владимировна, участница «Кружка Радости», сестра И.В. Ильинского 8, 129, 130, 137, 148, 161, 175, 689

Ильинский Владимир, врач-стоматолог, отец И.В. Ильинского 128, 689

Ильинский Игорь Владимирович (1901–1987), актер, режиссер 130, 473, 511, 689, 735

Инна, актриса Студии импровизации Семперантэ 708

Инна, ученица В.Г. Мирович 278, 357, 614, 708

Иоанн – см. Ефимов И.С.

Иоанн Дамаскин (675–740/753), автор энциклопедии философской мысли «Источник знания» 265

Иогансон Борис Владимирович (1893–1973), художник 5

Ипполит, сергиевпосадский священник 522, 523, 525

Ирина – см. Филатова И.

Истомин Петр Владимирович (1879–1937), адъютант великого князя Николая Николаевича 747

Истомин Сергей Петрович (1909–1934) 568, 618, 742

Истомина Ксения Петровна (Трубецкая; 1912–1995), доктор биологических наук 568, 742

Истомина Софья Ивановна (1885–1962) 568, 742

- Кзаков Матвей Федорович (1738–1812), архитектор 740
Казанцев, скульптор 548
Каледин Алексей Максимович (1861–1918), атаман белоказа-
чьего движения на Дону 711
Калелейкина Лида, гимназическая подруга О. Бессарабовой
273
Калитинский Александр Петрович (1880–1946), археолог, про-
фессор, муж М.Н.Германовой 714
Кальдерон де ла Барка Педро (1600–1681), испанский дра-
матург 99
Каменев Николай Борисович (наст. фам. Розенфельд; 1886–
1937?), брат Л.Б. Каменева, художник-иллюстратор 505, 737
Каменский Анатолий Павлович (1876–1941), писатель, драма-
тург 240, 250, 705
Каннабих Юрий Владимирович (1872–1939), российский пси-
хиатр, психотерапевт и психоаналитик 316, 712
Каптерев Николай Федорович (1847–1917), историк церкви,
профессор МДА 728
Каптерев Павел Николаевич (1889–1955), мерзловед, ученый,
друг П.А. Флоренского 425, 728
Каптерев Сергей Николаевич (1895–1969), историк, линг-
вист 728
Каптерева Елена Сергеевна (Шамбинаго; 1871–1948), жена
П.Н. Каптерева 728
Каптерева-Шамбинаго Татьяна Павловна (р. 1923), историк
искусства 728
Каралли (Коралли) Вера Алексеевна (1889–1972), артистка ба-
лета 706
Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), историк, писа-
тель, поэт 729
Катаева-Лыткина Н.И. (1918–2001), основатель, научный ру-
ководитель Дома-музея М.И. Цветаевой 6
Катанян Василий Абгарович (1902–1980), литературовед, био-
граф В.В. Маяковского 659
Качалов Василий Иванович (Шверубович; 1875–1948), теат-
ральный актер 626
Кашауров, присяжный поверенный Городской думы в Воро-
неже, начальник охраны в 1917 г. 163

Кезмент Роджер Дейвид (1864—1916), участник ирландского национально-освободительного движения 123, 687

Келларенок — см. Келлер В.Б.

Келлер Владимир Борисович (1898—1954), литературный критик, друг Б. Бессарабова 80, 269, 671, 707

Керенский Александр Федорович (1881—1970), глава Временного правительства России 197, 198, 204, 212, 701

Кельм Елизавета (Лиза), знакомая В.Г. Мирович 321

Киселева (Кристенсен) Екатерина Федоровна, мать Томаса Кристенсена 130

Китилис, художник 58

Кнут Давид (Давид Меерович Фиксман; 1900—1955), поэт, второй муж А. Скрябиной 659, 660

Кобылинский Лев Львович (Эллис; 1879—1947), поэт, переводчик, критик 432, 731

Коваленская Александра Григорьевна (Карелина; 1829—1914), детская писательница, бабушка А.В. Коваленского 731, 745

Коваленская (Коншина) Вера Владимировна, мать А.В. Коваленского 452, 731

Коваленская Екатерина Александровна, сестра Ек.М. Добровой 10

Коваленская Мария Викторовна (Бренёва; 1882—?), переводчица 730

Коваленские, семья 432, 433, 452, 458, 463, 496, 602, 627, 740

Коваленский Александр (Саша) Викторович (1897—1965), муж А.Ф. Добровой, поэт и переводчик 11, 13, 76, 238, 242—244, 247, 248, 250—252, 418, 427, 429, 430, 432, 433, 452, 453, 463, 465, 468, 472, 474, 481, 495, 511, 512, 526, 528, 530, 537, 554, 555, 557, 568, 571, 576, 581, 586, 596—598, 603—606, 608, 613, 615, 620, 621, 623, 629, 630, 643, 645—647

Коваленский Виктор Михайлович (?—1924), математик, приват-доцент МГУ, отец А.В. Коваленского 430, 431, 731

Коваленский Михаил Ильич (1817—1871), штабс-капитан, дед А.В. Коваленского 745

Козьменко М., литературовед 700

Колесникова Наталья, внучка художника В.Н. Чекрыгина 744

Коллонтай Александра Михайловна (Домонтович; 1872—1952), политический деятель, дипломат 610, 611, 746

- Коля – см. Бессарабов Н.А.
- Коля, Николай Григорьевич – см. Малахiev Н.Г.
- Коля, племянник И.В.Соловкина
- Комаровская Варвара Федоровна (Самарина, 1886–1942/43?), жена В.А. Комаровского, сестра М.Ф. Мансуровой 554, 631, 647, 727
- Комаровский Владимир Алексеевич (1883–1937), граф, иконописец, живописец, график 465, 727, 728, 733, 749
- Комиссаржевский Федор Федорович (1882–1954), режиссер, педагог, художник 455
- Кон Феликс Яковлевич (1864–1941), революционер, отец Е.Ф. Усиевич 721
- Константин Прокофьевич – см. Тарасов К.П.
- Константинов Федор Константинович (1882–1964), художник, друг семьи Добровых 96–98, 100, 104, 119, 127–129, 135, 136, 177, 187, 210–212, 216, 238, 244, 252, 257, 318, 579, 644, 678
- Кончаловский Петр Петрович (1876–1956), художник 676
- Коонен Алиса Георгиевна (1889–1974), актриса Камерного театра 718
- Копельман Соломон Юльевич (1881–1944), организатор издательства «Шиповник» 746
- Коралли Вера Алексеевна (1889–1972), актриса 252
- Корнилов Александр Александрович (1862–1925), историк, общественный деятель 702
- Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), один из организаторов Добровольческой армии 711
- Корреджо Антонио Аллегри да (ок. 1489–1534), итальянский живописец 334
- Косаговская, московская домовладелица 117, 183
- Косцова Анна Петровна (Бессарабова, Соловкина; 1872–1920), мать О. и Б. Бессарабовых 4, 24, 28, 40, 52, 62, 69, 100, 105–107, 109–111, 116, 127, 128, 142, 159, 164, 166, 167, 170, 171, 179, 187, 194, 196, 201, 202, 204–206, 214, 218, 220, 224, 227, 228, 239, 240, 245, 246, 252, 259–263, 265–272, 280, 284–299, 301–304, 308, 310, 339, 344, 347, 355, 360, 361, 371, 372, 376, 469, 530, 586, 619, 633, 659, 685
- Кошиц Нина Павловна (Порай-Кошиц, 1894–1965), певица 188, 701
- Крестова Людмила Васильевна (Голубцова; 1892–1978), литературовед, близкий друг В.Г.Мирович 427, 464, 554, 729

- Кржижановский Глеб Максимилианович (1872–1959), революционер и государственный деятель 726
- Кривополенова Мария Дмитриевна (1843–1924), сказительница 492, 561, 736, 742
- Кристенсен Китти – см. Киселева Е.Ф.
- Кристенсен Томас, норвежский предприниматель, муж М.А. Полиевктовой 130, 131, 134, 139, 175, 688, 690
- Кроммелинк Фернан (1888–1970), бельгийский драматург 737
- Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), теоретик анархизма, географ, историк, литератор 734
- Крутиков Георгий Тихонович (Гога; 1899–1958), архитектор-авангардист 84, 399, 675, 722
- Крутикова Анна Теофиловна, мать Г.Т. Крутикова 675
- Крымов Николай Петрович (1884–1958), художник 7, 42, 58, 60, 73, 87, 90, 664, 669, 672
- Крымов Юрий (Беклемешев Юрий Соломонович; 1908–1941), писатель 746
- Крымова (Досекина) Екатерина Николаевна, жена художника Н.П. Крымова 59, 60, 88–90, 672
- Кублицкая-Пиотгух Александра Андреевна (в замуж. Бекетова, Блок; 1860–1923), мать А.А. Блока 730
- Кудашев Сергей Александрович (1896–1920) князь, юнкер, подпоручик Белой армии 335, 428, 713, 715
- Кудашева Екатерина Васильевна (Стенбок-Фермор, Толстая), свекровь М.П. Кудашевой, друг В.Г. Мирович 317, 319, 324, 333, 357, 419, 428, 713
- Кудашева-Майя (Мария) Павловна (Кювилье, во втором замуж. Роллан; 1895–1985), поэтесса, переводчица 6, 94, 324, 428, 429, 451–453, 466, 556, 571, 576, 598, 677, 713, 715, 741
- Кузьмин Александр Петрович (1891–1974), первый муж А.К. Тарасовой 129, 152, 282, 689
- Кузьминская Татьяна Андреевна (Берс; 1846–1925), сестра С.А. Толстой, автор воспоминаний о Л.Н. Толстом 691, 695
- Кузьмин-Тарасов Алексей Александрович (р. 1920), сын А.К. Тарасовой от первого брака 691
- Кульженко Наталия (Тая) Николаевна (1879/80–1920) литератор, сводная сестра Л.Н. Тарасовой, подруга В.Г. Мирович 103, 113, 128, 283, 333, 335, 683, 685, 689, 709

- Купер Джеймс Фенимор (1789–1851), американский писатель 121
 Кустодиев Борис Михайлович (1878–1927), художник 104, 684
 Кушнер Борис Анисимович (1888–1937), поэт, прозаик 660
 Кьи, воронежский домовладелец 294
 Кювилье – см. Кудашева М.П.
- Лаврентьев Василий Иванович (1893–1919), железнодорожный комиссар Воронежа 710
 Ланкло Нинон де (1620–1706), французская куртизанка 729
 Ланн Евгений Львович (1896–1958), переводчик, писатель 22–35, 662, 665–668
 Лансере Евгений Евгеньевич (1875–1946), художник 685
 Ларионов Михаил Федорович (1881–1964), художник 674, 676
 Ларошфуко Франсуа де (1613–1680), писатель 102
 Леблан Михаил Варфоломеевич (1875–1940), живописец, график, сценограф 687
 Лев Николаевич Е., поклонник О. Бессарабовой 434
 Левитан Исаак Ильич (1860–1900), художник 428
 Левшина Анастасия Александровна (1870 или 1872?–1958), актриса, режиссер Студии импровизации Семперантэ 747
 Леже Фернан (1881–1955), французский живописец, мастер декоративного искусства 678
 Лелюшка, Леля – см. Тарасова Е.К.
 Леля – см. Полянская Л.
 Леокадия Васильевна, сестра И.В. Соловкина 301
 Ленин Владимир Ильич (1870–1924), политический деятель, основатель Советского государства 5, 38, 42, 181, 602, 603, 610, 611, 660, 664, 665
 Леонардо да Винчи (1452–1519), итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый и инженер 102, 144, 211, 215, 240, 319, 334, 405, 427, 447, 705
 Леонилла, Нилочка – см. Тарасова Л.Н.
 Леонтина Игнатьевна, хозяйка дачи в Подосинках 206, 207, 217, 227, 253–256
 Леонтьева (Арьякас) Лидия Семеновна, ученица В.Г. Мирovich, подруга О. Бессарабовой 322, 324, 331, 332, 338, 352, 359, 364, 367, 378, 411, 412, 416, 447, 470, 479. 483, 485, 502, 508, 511, 514, 517, 553, 617, 714, 724

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), поэт 216, 221, 248, 265, 718, 740

Лесков Николай Семенович (1831–1895), писатель 354, 355, 691
 Лиля – см. Шик Е.В.

Линцер Раиса Исаевна (1905–?), переводчица 737

Лист Ференц (1811–1886), венгерский композитор 194, 202, 597

Листопадов Сергей (1892? –1916), внебрачный сын Л. Шестова и Анюты Листопадовой 105, 684

Листопадова Анюта, мать Сергея, внебрачного сына Л. Шестова 684

Локк Вилльям Джон (1863–1930), английский писатель 271

Лондон Джэк (наст. имя Джон Гриффит; 1876–1916), американский писатель 612

Лукомский Георгий Крескентьевич (1884–1952), русский историк, искусствовед, художник 684

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), политический деятель, писатель, академик 462, 688, 725

Луначарский Платон Васильевич (1867–1904), врач, брат А.В. Луначарского 725

Лундберг Евгений Германович (1883–1965), литератор, философ, друг юности В.Г. Мирович 8, 569, 743

Лурье Семен Владимирович (1867–1927), друг Л. Шестова 316, 688

Лурье Татьяна Семеновна (1894? –1935), ученица В.Г. Мирович, участница «Кружка Радости» 127–129, 132, 175, 194, 305, 316, 357, 688

Львов Лоллий Иванович (1888–1967), прозаик, журналист 181, 191, 192, 202, 233, 238, 247, 700

Львов-Рогачевский Василий Львович (1874–1930), литературовед 64, 673

Люда – см. Дембовская Л.М.

Людмила Владимировна П., киевская подруга В.Г. Малахивой-Мирович 473, 553, 557

Магеровский Д.А., специалист по праву, профессор Московского университета, знакомый М.И. Цветаевой 28

Майн Рид Томас (1818–1883), английский писатель 121

Майринк Густав (1868–1932), австрийский писатель 745

Майя — см. Кудашева М.П.

Макарова, жительница Воронежа 298

Максимов Владимир Васильевич (1880–1937), актер немого кино 171

Максимов Николай Христофорович (1892–1979), художник 74, 80, 399, 673, 674, 676, 681

Малахиев Григорий, отец В.Г.Малахиевой-Мирович 681

Малахиев Михаил Григорьевич (1871/72–1919/22?), брат В.Г. Малахиевой-Мирович 681

Малахиев Николай Григорьевич (1880–1919/20), брат В.Г. Малахиевой-Мирович 96–98, 104, 105, 107–109, 114, 115, 117, 127–130, 135, 140–142, 144, 171, 173, 174, 178–180, 195, 218, 220, 245, 246, 252, 261, 262, 264–270, 272, 274, 275–277, 279, 287–289, 293, 296, 311, 320, 322, 323, 335, 372, 373, 359, 405, 480, 563, 608, 633, 678, 689

Малахиева Анастасия Григорьевна (1874/75–1919), сестра В.Г. Мирович 8, 196, 331, 336, 361, 681, 715

Малахиева Варвара Федоровна (Полянская; 1848–1930), мать В.Г. Малахиевой-Мирович 105, 111, 127–129, 136, 141, 173, 196, 218, 220, 221, 230, 271, 272, 276, 279, 280–282, 308, 309, 312, 315–317, 319, 322–326, 331, 336, 355, 356, 359, 364, 367, 370, 378, 385, 388, 401, 405, 497, 453, 457, 458, 460, 474–476, 488, 490, 499, 524, 529–531, 552, 553, 556, 566, 618, 681, 684, 689

Малахиевы 259, 275, 276

Малахиева Лида, родственница В.Г. Малахиевой-Мирович 293, 352, 373

Малахиева-Мирович Варвара (Вава) Григорьевна (1869–1954), поэтесса, критик, детская писательница 7–13, 20, 75, 97, 100–118, 126–128, 130–133, 135–143, 146, 148, 149–153, 159–161, 169, 173–180, 183, 194, 196, 200, 204, 213, 214, 218–221, 229, 230, 238, 245, 246, 249, 252, 267, 272, 276–278, 280, 281, 304, 305, 308, 309, 311, 312, 315, 317–319, 321, 323–327, 329, 332, 334–337, 342, 343–347, 350, 351, 353, 355–358, 361–371, 377, 378, 380, 384, 388, 390, 401, 402, 404–407, 409–411, 413, 416, 418–420, 424, 427, 435, 436, 438, 439, 441, 446–448, 451, 453, 455, 458, 461, 464, 466, 469, 473, 477, 481, 482, 485–490, 494, 497, 499–502, 504–508, 510, 512, 513, 517, 518, 514, 529, 530, 531, 534–536, 539, 543, 550–552, 554, 557, 563, 565, 566, 569, 570, 586, 597–599, 602, 607, 608, 614, 621, 623, 625,

639, 631, 638, 639, 642–644, 648, 659, 662, 666, 673, 684, 686, 688, 689, 698, 699, 708, 709, 713, 715, 716, 726, 729, 736, 738, 743

Малкин Борис Федорович (1890–1942), партийный работник; в 1918–1922 гг. заведовал агентством Центропечать 660

Малоченко, друг Б.А. Бессарабова 673

Малявин Филипп Андреевич (1869–1940), художник 428

Мамонтов Константин Константинович (1869–1920), генерал Белой армии 284, 709

Манечка, племянница И.В. Соловкина 301, 302

Мансуров Павел Борисович (1860–1932), дипломат, духовный писатель, отец С.П. Мансурова 406, 423, 681, 733

Мансуров Сергей Павлович (1890–1929), церковный историк, священник 406, 420–423, 469–471, 475, 476, 482, 483, 490, 513, 518–520, 522, 524, 525, 533, 535, 546, 554, 621, 647, 723, 727, 747

Мансурова Мария Федоровна (Самарина; 1893–1976), жена С.П. Мансурова 421–423, 465, 469, 475, 476, 484, 487, 496, 497, 506, 518–520, 524, 532, 554, 565, 586, 630, 631, 647, 727, 737, 738

Мансурова Софья Васильевна (Безобразова; ? –1923), мать С.П. Мансурова 522, 738

Мансурова Цецилия Львовна (Воллерштейн; 1897–1976), актриса 453, 729, 732

Мансуровы, семья 6, 9, 483, 524

Мария Александровна, вдова монаха в Сергиевом Посаде 483

Мария Евгеньевна, знакомая В.Г. Мирович 420

Мария Захаровна, родственница В.С. Затеplinской 346

Мария Игнатьевна, коллега О. Бессарабовой по Земскому архиву 217

Мария Станиславовна, жительница Воронежа 359

Мария Францевна, экономка в санатории «Долгие пруды» 544

Марк Аврелий Антонин (121–180), римский император из династии Антонинов 625

Марло Кристофер (1564–1593), английский поэт и драматург 699

Марченко Дмитрий Антонович (Митя), гимназический друг Б. Бессарабова, секретарь Постышева 72, 162, 163, 673

Марьяночка – см. Скрыбина М.А.

Масловский В. 14

Массалитинова Варвара Осиповна (1878–1945), актриса Малого театра 97, 98, 319, 322, 679

- Машенька — см. Полиевктова М.А.
- Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930), поэт 4, 20—22, 119, 472, 659, 660, 663, 664, 687
- Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940), режиссер 474, 511, 660, 737
- Мельников-Печерский Павел Иванович (Андрей Печерский; 1818—1883), прозаик и историк 354
- Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874—1934), партийный деятель, чекист, председатель ОГПУ 654
- Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941), прозаик, поэт 60, 708
- Метерлинк Морис (1862—1949), бельгийский драматург, поэт 103, 124, 193, 278, 701, 731, 732
- Метнер Николай Карлович (1879/80—1951), композитор и пианист 726
- Метнер Эмилий Карлович (1872—1936), философ, искусствовед 726
- Мечников Илья Ильич (1845—1916), ученый, биолог 726
- Микеланджело Буонарроти (1475—1564), итальянский скульптор, художник, архитектор, поэт 211
- Микини Елена Петровна, заведующая детским садом ВЦИК (Москва) 644
- Миллер Всеволод Федорович (1848—1913), этнограф 714
- Миллер Нина Всеволодовна, мать Е.Н. Бируковой, жена В.Ф. Миллера 318, 714
- Миллер Орест Федорович (1833—1889), историк русской литературы и исследователь фольклора, профессор 379, 720
- Мильтон Джон (1608—1674), английский поэт 265
- Милюков Павел Николаевич (1859—1943), министр иностранных дел Временного правительства 189, 701
- Миндлин Эмиль Львович (1900—1981), поэт, прозаик, мемуарист, друг М.И. Цветаевой 64, 65, 83, 85, 86, 91, 670, 673, 675
- Минина О. 14
- Минский Николай Михайлович (Виленкин; 1855—1937), писатель 701
- Мирбах Вильгельм (1871—1918), граф, германский посол в России 266, 706
- Мирович В.Г. — см. Малахиева-Мирович В.Г.

Миролюбов Виктор Сергеевич (1860–1939), литератор, редактор-издатель «Журнала для всех» и др. 10

Митрофанов Арсений Николаевич, племянник Ел.М. Добровой 97, 99, 100, 223–225, 231, 233, 241, 648, 679

Митрофанов Владимир Павлович (1896–1979), юрист, родственник Добровых 178, 201, 263, 270, 645, 655, 702, 748

Митрофанова Екатерина Михайловна (Велигорская; 1869–1943), сестра Е.М. Добровой 225, 507, 645, 655, 679. 702

Митрофанов Николай Степанович (1868–1919), муж Ек.М. Велигорской 97, 178, 679, 702

Митрохин Дмитрий Исидорович (1883–1973), график 684

Михаил Александрович (1878–1918), великий князь, младший брат Николая II 159, 162, 164, 697

Михаил Черниговский (Михаил Всеволодович; 1179–1246), князь, мученик, причислен к лику святых 681

Михайлова Елена, студентка 104

Модильяни Амадео (1884–1920), итальянский художник 678

Мопассан Ги де (1850–1893), французский писатель 121, 699

Морозов Алексей Викулович (1857–1934), коллекционер 286, 427, 428, 729

Морозов, актер Студии импровизации Семперантэ 614

Морозова Маргарита Кирилловна (Мамонтова; 1873–1958), меценатка 98, 404, 494, 722, 736

Моцарт Вольфганг Амадей (1756–1791), австрийский композитор 194

Мрозовский Иосиф Иванович (1857–1934), генерал, до 1 марта 1917 г. командующий войсками МВО 152, 157, 695

Муравьева, знакомая Добровых 240

Надежда Матвеевна, медсестра в санатории «Долгие пруды» 556

Нансен Фритьоф (1861–1930), норвежский полярный исследователь 745

Наполеон Бонапарт (1769–1821), французский полководец и государственный деятель 306

Нардов Владимир Леонардович (Книппер; 1876–1942), оперный певец и режиссер 10

Нарышкина Мария Антоновна (1779–1854), фаворитка императора Александра I 669, 729

Наталья Иосифовна, работник Округа путей сообщения 272

Наталья Николаевна – см. Кульженко Н.Н.

Наташа – см. Смирнова Н.С.

Наташа – см. Шаховская Н.Д.

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877/78), поэт 164

Нелла – см. Тарасова Л.Н.

Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942), художник 428, 682, 722

Нечаев Сергей Геннадьевич (1847–1882), организатор общества «Народная расправа» 630, 748

Николаев Вася, одноклассник Б. Бессарабова по гимназии 270

Николаев Коля, брат В. Николаева 270

Николай II (1868–1918), последний российский император 162, 288, 696, 697

Николай Алексеевич, лицо неустановленное 98

Никулин (Олькеницкий) Вениамин Иванович (1866–1953), актер, антрепренер 697

Нилендер Владимир Оттович (1883–1965), филолог-классик, переводчик 164

Ниночка, сестра А.А. Дзбановской 356

Ницше Фридрих Вильгельм (1844–1900), немецкий философ 8, 102, 695, 718

Новиков Иван Алексеевич (1877–1959), поэт, прозаик, драматург, литературовед, друг юности В.Г. Мирович 132, 137, 419, 691

Новикова-Принц Марина Николаевна (1912–1989), приемная дочь И.А. Новикова 691

Новикова-Принц Ольга Максимовна (1882–1949), жена И.А. Новикова 132, 691

Новосадский Николай Иванович (1859–1941), ученый, историк религии 734

Новоселов Михаил Александрович (1864–1938), богослов, духовный писатель 727

О. Сергей Сидоров – см. Сидоров С.А.

Огнёв Александр Иванович, биолог, доцент МГУ, друг П.А. Флоренского 468, 563, 742

Огнёв Иван Флорович (1855–1928), гистолог, профессор Московского университета 502, 569, 724

Огнёва Софья Ивановна (Киреевская; 1858–1940), секретарь П.А. Флоренского 424, 425, 458, 468, 477, 531, 532, 724

Околович Анна Иосифовна, учительница 565

Окунев Н.П., автор «Дневника москвича» 695, 704, 705

Оленина-д'Альгейм Мария Алексеевна (1869–1970), певица, организатор «Дома песни» в Москве (1908) 726

Олив Мария Александровна (Колемина, в первом браке Лобанова-Ростовская; 1850–1938) 465, 733

Олив Сергей Васильевич (1844–1903) – муж М.А. Олив 733

Олсуфьев Юрий Александрович (1878–1938), искусствовед, реставратор 421, 484, 493, 520, 534, 723, 727, 733, 741

Олсуфьева Софья Владимировна (Глебова; 1884–1943), художник и реставратор, жена Ю.А. Олсуфьева 483, 506, 532–534, 723, 727, 728

Олсуфьевы, семья 6, 9, 423

Ольга Ивановна – см. Судакевич О.И.

Ольга Ивановна, учительница, знакомая Добровых 597

Ольга Константиновна – см. Принц О.М.

Ольга Яковлевна, вдова Николая Васильевича, брата И.В. Соловкина 231, 301, 350

Ольга Яковлевна, гувернантка Даниила Андреева 242–244

Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), востоковед, организатор науки, общественный деятель 702

Орлов Александр Сергеевич (1871–1947), литературовед 138

Орочко Анна Алексеевна (1898–1965), актриса, режиссер 729

Островский Александр Николаевич (1823–1886), драматург 577, 741, 743

Отец Павел – см. Флоренский П.А.

Павел Николаевич, студент-медик 397, 398

Павлова Анна Матвеевна (1881–1931), балерина 706

Паганини Никколо (1782–1840), итальянский скрипач, композитор 202, 597

Пальмина Панна Алексеевна, учительница в санатории «Долгие пруды» 548

Панина Варвара Васильевна (1872–1911), эстрадная певица 720

- Паньшин Володя, гимназист, друг Б. Бессарабова 259
- Паньшина Катя, одноклассница О. Бессарабовой 259
- Пастернак Борис Леонидович (1890–1960), поэт, прозаик 684, 736
- Пашенька, подруга Л. Малахиевой 373
- Перелешина, лицо неустановленное 318
- Перцов Петр Николаевич, (1857–1937), инженер путей сообщения, архитектор 269
- Петров, следователь ЧК (Воронеж 1919 г.) 710
- Петрова Зоя (?–1921), гимназическая подруга О. Бессарабовой 75, 345, 391, 392, 674
- Пикассо Пабло (1881–1973), французский художник 186
- Пильняк Борис Андреевич (Вогау; 1894–1938), писатель 624, 748
- Пинес Григорий Исаакович, отец Эсфири Пинес 703
- Пинес Эсфирь (Кира), подруга А.Ф. Добровой 19, 40, 65, 208, 212, 214–217, 222–229, 233, 238, 240, 241–245, 249, 252, 305, 317, 319, 321–324, 330, 334, 337, 343, 346, 348, 350, 352, 353, 357–359, 362, 363, 367–369, 383, 384, 387, 388, 390, 402, 429, 440, 441, 447, 501, 658, 677
- Пифагор Самосский (570–490 до н.э.), древнегреческий философ и математик 464, 495
- Платон (428/27 до н.э. – 348/47 до н.э.), древнегреческий философ 282, 409
- Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), основоположник марксизма в России 716
- Плуталов Александр (Шурка), воронежский друг Б. Бессарабова 162
- По Эдгар Алан (1809–1849), американский писатель 193, 262, 265, 355, 701
- Погосский, сотрудник Архива Земгора 233
- Поздняков Костя, воронежский знакомый Л. Дембовской и О. Бессарабовой 360
- Поздняков Н.С., знакомый Б. Бессарабова по Воронежу 269, 271, 707
- Позднякова Т.С. 14, 669, 671
- Поленский Генрих Артурович, главврач детского санатория «Долгие пруды» 616, 739, 740
- Поливанов Лев Иванович (1838–1899), литературовед, директор частной гимназии в Москве 695

Полиевктов Александр Александрович, врач-инфекционист
690

Полиевктова Анна Александровна (Бруни; 1898–1958), дочь Т.А. Полиевктовой, жена Н.А. Бруни 134, 135, 139, 148, 151, 196, 219, 278, 316, 331, 370, 378–380, 690, 709, 719

Полиевктова Мария Александровна (Кристенсен, Краг; 1895–1981), дочь Т.А. Полиевктовой 127, 130–134, 139, 140, 175, 219, 279, 330, 614, 623, 688, 690

Полиевктова Татьяна Алексеевна (Орешникова; 1875–1961), сестра В.А. Зайцевой 131, 139, 175, 219, 305, 315, 316, 357, 370, 659, 688, 690, 709, 719

Полонский Витольд Альфонсович (1879–1919), актер 171, 698

Полонский Вячеслав Павлович (Гусин; 1886–1932), критик, историк 609, 746

Полторацкая В.А., основательница Высших женских курсов в Москве 120, 138, 687

Полянская Леля, племянница В.Г. Мирович 63, 105, 114, 136, 137, 142, 272, 280, 357, 673

Полянская Леокадия Васильевна (урожд. Соловкина, ум. 1920), родственница В.Г. Мирович 128, 271, 282, 296, 673, 683

Полянские, семья родственников В.Г. Мирович в Воронеже 162, 164, 172, 259

Поповы, знакомые И.В. Соловкина в поселке Анна 299–301

Потебня Александр Афанасьевич (1835–1891), лингвист, литературовед, философ 379, 720

Праздников Ленья, одноклассника В. Бессарабова 262

Предтеченский Сергей, юнкер, двоюродный брат Е.Н. Бируковой 119, 135, 136, 145, 150, 177, 178–182, 194, 240–243, 246, 648

Принц Ольга Максимовна (1882–1949), вторая жена писателя И.А. Новикова 691

Принц Ростислав Николаевич (1906?–1979), приемный сын писателя И.А. Новикова 691

Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954), писатель, друг юности В.Г. Мирович 8, 555, 571, 741

Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918), последний министр внутренних дел царской России 152, 695

Пуанкаре Раймонд (1860–1934), французский государственный деятель 596, 745

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), поэт 60, 130, 134, 150, 170, 179, 193, 216, 542, 589, 696, 700, 719, 729

Пушкин Гавриила Григорьевич, предок А.С. Пушкина, думный боярин 542, 740

Равдель Ефим Владимирович, скульптор, художник 660

Раиса Алексеевна, медсестра в санатории «Долгие пруды» 546

Рамакришна Шри (Гададхар Чаттерджи, 1836–1886), индийский философ-мистик и религиозный реформатор 379

Раменская, преподаватель института в Воронеже 263, 264

Распутин Григорий Ефимович (Новых; 1869–1916), фаворит императорской семьи 96, 171, 698

Растрелли Варфоломей Варфоломеевич (Бартоломео Франческо; 1700–1771), русский архитектор 478

Рафаэль Санти (1483–1520), итальянский живописец и архитектор эпохи Возрождения 211, 334

Рафф Зинаида, сокурсница О. Бессарабовой по пединституту 470, 471

Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943), композитор, пианист, дирижер 59, 60, 188, 193, 700

Рахмизель – см. Герцберг М.О.

Ребрих (Ребрик), московский врач 107, 112

Редькин, воронежский мещанин 298

Рембо Артюр (1854–1891), французский поэт 684

Рембрандт Харменс Ван Рейн (1606–1669), голландский художник 205, 211, 233, 263

Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957), писатель 413, 724

Ренан Эрнест (1823–1892), французский историк 102

Репин Илья Ефимович (1844–1930), художник 64

Рерберг Леля, гимназическая подруга Е.Н. Бируковой 175

Рерих Николай Константинович (1874–1947), художник 159, 697

Ридаль Арсений Григорьевич (Ридаль-Левин; 1894–1975), режиссер, актер, педагог 58, 59, 61, 66, 67, 69–71, 672

Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908), композитор 60, 743

Родзянко Ксения Андреевна (1881 – после 1970), сестра милосердия Красного Креста в Сергиевом Посаде 403, 568, 722, 742

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924), один из лидеров Февральской революции 156, 157, 697

Рождественский Зиновий Петрович (1848—1909), вице-адмирал 742

Розанов Василий Васильевич (1856—1919), писатель, религиозный философ 334, 434, 458, 461, 464, 465, 481, 522, 523, 725, 733

Розанов, профессор Воронежского университета 163

Розанова Варвара Васильевна (Гордина; 1898—1943), дочь В.В. Розанова 436, 502, 553, 725

Розанова Варвара Дмитриевна (Руднева, Бутягина; 1864—1923), вторая жена В.В. Розанова 434, 522—524, 731

Розанова Надежда Васильевна (Верещагина, Соколова; 1900—1956), дочь В.В. Розанова 502, 725

Розанова Татьяна Васильевна (1895—1975), дочь В.В. Розанова 417, 458, 461, 462, 467, 470, 471, 481, 496, 502, 506, 522, 524, 532, 533, 535, 540, 553, 554, 583, 630, 681, 725

Розенблюм Маня, участница «Кружка Радости» 148

Розенкрейц Христиан (1378?—1484?), основатель течения розен-крейцеров 431, 731

Роллан Ромен (1866—1944), французский писатель 222, 703

Романов Пантелеймон Сергеевич (1884—1938), прозаик 307, 462, 698, 699, 712

Романова Анна Васильевна (1873—?), близкая подруга В.Г. Мирович 173, 305, 307, 315, 324, 331, 338, 348, 357, 362, 363, 370, 379, 418, 420, 452, 453, 457, 458, 463, 470, 473, 614, 698, 699, 711

Романович Сергей Михайлович (1894—1968), художник 5, 74, 80, 399, 509, 553, 570, 674—676, 722

Ропс Фелисьен (1833—1898), бельгийский художник 227, 265

Россетти Данте Габриэль (1828—1882), английский поэт, художник 104, 683, 748

Ростовцева Маруся, знакомая Б. Бессарабова 71—73, 78, 673

Рубенс Питер Пауэл (1577—1640), фламандский живописец 211

Рублев Андрей (ок. 1360/1370—1427 или ок. 1430), живописец 185, 210, 211, 467, 478, 481

Рубцов, председатель домового комитета в Воронеже 299

Рубцова Оля, воронежская знакомая Ольги Бессарабовой 373

Рубцовы, воронежские соседи Бессарабовых 295

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Рузский Николай Владимирович (1854–1918), генерал русской армии 156, 162, 696

Румянцев Николай Петрович (1754–1826), граф, русский дипломат, меценат, коллекционер 724

Руссо Жан Жак (1712–1778) 102

Руставели Шота (1172–1216), грузинский поэт 134

Рынди́н Вади́м Фео́дорович (1902–1974), театральный художник 5, 84, 486, 675

Рындина Наталья Ивановна – см. Бессарабова Н.И.

Савинков Борис Викторович (псевд. Ропшин; 1879–1925), политический деятель, писатель 238, 705

Савская царица – царица Сабейского царства 152

Садовский (Садовской) Борис Александрович (1881–1952), поэт, прозаик, критик, литературовед 749

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), министр иностранных дел царской России 123, 687

Сазонова Вера, эсерка, казненная большевиками 376

Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932), обер-прокурор Святейшего Синода 738

Самарин Федор Дмитриевич (1858–1916), церковный и общественный деятель, отец М.Ф. Мансуровой 487, 525, 727

Самарина Софья Федоровна (1885–1922), сестра М.Ф. Мансуровой 733

Саночки, семья в Воронеже, знакомые Бессарабовых 162, 163

Сараджиев Давид Захарович (1848–?), первый производитель российского коньяка 744

Сафонова, жительница Сергиева Посада 502

Саша – см. Добров А.Ф.

Саша – см. Коваленский А.В.

Саша, горничная, воспитанница Олсуфьевых 477, 483

Свентицкая Мария Хрисанфовна (1855–1932), педагог 130, 689

Свенцицкий Валентин Павлович (1881–1931), богослов, философ и духовный писатель 679, 747

Свердлов Яков Михайлович (1885–1919), политический и государственный деятель 615

Свердлова Клавдия Тимофеевна (Новгородцева; 1876–1960), жена Я.М. Свердлова, общественная деятельница 644, 749

Святополк-Мирский Александр Сергеевич, полковник русской армии 734

Северянин Игорь (Лотарев Игорь Васильевич; 1887–1941), поэт 216, 242, 703

Селиванова Маргарита (Чита), участница «Кружка Радости» 129, 148, 149, 151, 152

Семашко Николай Александрович (1874–1949), академик, организатор системы здравоохранения в СССР 611, 746

Семынина (Елецкая) Татьяна Георгиевна, студентка художника С.М. Романовича, с 1920 г. его жена 84, 555, 675

Серафим Саровский (Прохор Исидорович Машнин (Мошнин); 1754–1833), русский святой 487, 586, 735

Серафима, дочь хозяйки 354, 355

Сергей Константинович, завхоз санатория «Долгие пруды» 600

Сергий Радонежский (1315–1392), русский святой, основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря 185, 388, 401, 740

Серебрякова Зинаида Евгеньевна (Лансере; 1884–1967), художница 708

Сережа, Сергеюшка – см. Шик С.М.

Серов Валентин Александрович (1865–1911), художник 428, 491, 506, 707, 732

Сидоров Сергей Алексеевич (1895–1937), протоиерей 618, 621, 637, 639, 640, 681, 747

Симонов Рубен Николаевич (1899–1968), актер, главный режиссер театра им. Е.Б. Вахтангова 729

Симонович-Ефимова Нина Яковлевна (1877–1948), художница, график 511, 512, 515, 518, 526–528, 537, 560–562, 567, 576–578, 582, 583, 586, 592, 594, 595, 600, 601, 617, 622, 631, 637, 639–641, 792, 735

Синезубов Николай Васильевич (1891–1956), художник 58, 59, 89, 664, 672

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882), военачальник 190

Скотт Вальтер (1771–1832), английский поэт, прозаик 121, 699

Скробнев, сослуживец Б. Бессарабова по ЦУПВОСО 5, 54, 57

Скрибис П.П., комендант Воронежа 710

Скрябин Александр Николаевич (1871/72–1915), композитор 4, 9, 20, 22, 59, 188, 194, 309, 327, 432, 653, 660, 700

Скрябин Юлиан Александрович (1907–1919), сын Т.Ф. и А.Н. Скрябиных 9, 327, 660–662, 714, 715, 719

Скрябина Ариадна Александровна (1905–1944), дочь Т.Ф. и А.Н. Скрябиных, поэтесса 6, 11, 20, 317, 326, 327, 369, 369, 402, 440, 441, 451, 659

Скрябина Марина Александровна (1911–1998), дочь Т.Ф. и А.Н. Скрябиных 317, 326, 327, 660, 714

Скрябина Татьяна Федоровна (Шлётцер; 1883–1922), пианистка, вторая жена А.Н. Скрябина 3, 4, 6, 8, 9, 20–22, 24, 66, 68, 304, 313, 317, 323, 325–327, 369, 402, 440, 450, 464, 474, 653, 660–663, 666, 668, 674, 677, 703

Слонимский Николай Леонидович (1894–1995), американский композитор, музыковед 660, 662

Случевская Лидия Евлампиевна (1897–1980), литературовед 148–150, 174, 175, 330, 380, 699, 715

Случевский Константин Константинович (1837–1904), поэт 699

Слюз-Залесская Н. – см. Залесская Н.

Смидович Петр Гермогенович (1874–1935), государственный и партийный деятель 419, 725

Смидович Софья Николаевна (Черносвитова-Луначарская; 1872–1934), подруга В.Г. Мирович 725

Смирнов Алексей (?–1919), сын В.А. Зайцевой от первого брака 8, 133, 151, 169, 306, 712

Смирнов Сергей Николаевич, отец Наташи и Жени Смирновых 307, 694, 712

Смирнов, сослуживец Вс. Бессарабова в Крондштадте 41

Смирнова (Готовцева) Евгения (Женя) Сергеевна (1889–?), двоюродная племянница К.С. Станиславского 104, 142, 307, 315, 321, 357, 378, 683, 694, 711

Смирнова (Наумова) Татьяна Сергеевна (1890–?), двоюродная племянница К.С. Станиславского 315, 316

Смирнова Наталья Сергеевна (1887–1952), художница, двоюродная племянница К.С. Станиславского 142, 307, 694

Смирнова Т.В., писатель 681, 723, 728

Смирновы, семья С.Н. Смирнова 128

Соллогуб (Бодэ-Колычева) Наталья Михайловна, графиня 749

Соловкин Иван Васильевич (1872–1922), отчим (в тексте – отец) Б. и О. Бессарабовых 7, 20, 70, 99, 159, 162, 170, 172, 173, 206,

224, 227, 240, 245, 246, 260, 261, 267, 280, 285, 287, 288, 290, 292, 293, 297, 299–302, 308, 310, 320, 322, 329, 332, 336, 338, 339, 343, 346, 353–355, 361, 371–375, 464, 475, 495, 529, 619, 633, 659, 673, 685

Соловкина Анна Петровна – см. Косцова А.П.

Соловкины, семья Николая Васильевича, покойного брата И.В. Соловкина 260, 300, 301

Соловцова Любовь Андреевна (Григорьева, 1908–?), музыковед 727

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), философ, богослов, поэт 102, 103, 185, 186, 426, 728, 730, 736

Соловьев Михаил Васильевич (1791–1861), священник, дед В.С. Соловьева 430

Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879), историк, ректор Московского университета 185, 430

Соловьев Сергей Михайлович (1885–1942), поэт, переводчик, критик 430, 431, 495, 730, 731

Соловьев, инженер, сослуживец Б. Бессарабова 54

Соловьева Ольга Михайловна (Коваленская; 1855–1903), художница, писательница, переводчица, мать С.М. Соловьева 745

Сологуб Федор (Тетерников Федор Кузьмич; 1863–1927), поэт, писатель 216, 221, 265, 717

Соломон, царь Израильско-Иудейского царства 152

Сомов Константин Андреевич (1869–1939), художник 428

Соня, ученица В.Г. Мирович 338

Споров Дм. 13

Срезневская Валерия (Валя) Сергеевна (Тюльпанова; 1888–1964), подруга А.А. Ахматовой 43–45, 52, 62, 669

Срезневский Вячеслав Вячеславович (1880–1942), врач-психиатр, муж В.С. Срезневской 46, 47, 52, 669

Стааль Алексей Федорович (1873–?), московский юрист 197, 198, 212, 701

Стааль Инна Марковна, жена А.Ф. Стааля 198, 701

Станиславский Константин Сергеевич (Алексеев; 1863–1938), театральный режиссер 109, 683, 694

Старостенкова (Шик) Мария Михайловна (р. 1924), биолог 682, 747

Стенбок-Фермор Николай Васильевич, брат Е.В. Кудашевой и А.В. Тарасевич 428

Стендаль (Анри Мари Бейль; 1783–1842), французский писатель 135, 355

Степун Владимир Августович (1898–1974), оперный певец МХАТ, муж Ю.Л. Тарасевич 451, 467, 726

Степун Федор Августович (1884–1965), философ, писатель, социолог, историк 726, 729

Стивенсон Роберт Льюис (1850–1894), английский писатель 121

Стрелкова (Пиковая дама), лицо неустановленное 318

Суворин Михаил Алексеевич (1860–1936), журналист, редактор-издатель журнала «Лукоморье» 683

Судакевич Ольга Ивановна, родственница Добровых 143, 694

Судейкин Сергей Юрьевич (1882–1946), живописец, график, художник театра 685

Суржанинова Софья Романовна, знакомая В.Г. Мирович 464

Суриков Василий Иванович (1848–1916), художник 428

Сутин Хаим Соломонович (1893–1943), французский художник еврейского происхождения 678

Сутырина Мария Александровна, знакомая Е.М. Добровой 215

Сухраварди (Сураварди) Хасан Шахид (1890–1965), пакистанский поэт, историк, преподаватель, дипломат 319, 322, 714

Сюлли-Прюдом Франсуа Арман (1839–1907), французский поэт 124, 688

Табах Наташа – см. Бессарабова Н.И.

Тагор Рабиндранат (1861–1941), индийский писатель, поэт, композитор, художник 96, 102, 645, 699

Таиров Александр Яковлевич (Корнблит; 1885–1950), актер и режиссер 685, 716

Таля – см. Кульженко Н.Н.

Тамара (Тамар; ок. сер. 60-х гг. 12 в. –1207), царица Грузии (1184–1207) 134

Таня – см. Епифанова Т.Д.

Таня – см. Лурье Т.С.

Тарасевич Анна Васильевна (Стенбок-Фермор; 1872–1921), певица, жена академика Л.А. Тарасевича 726

Тарасевич Лев Александрович (1868–1927), микробиолог и патолог, профессор, академик 726

Тарасевич Юлия Львовна (Степун; 1893–1966), дочь академика Л.А. Тарасевича 419, 726

Тарасевичи, семья академика Л.А. Тарасевича 419, 467

Тарасов Георгий Константинович (1899–1974), врач-психиатр, сын Л.Н.и К.П. Тарасовых 474, 686, 735

Тарасов Евгений Константинович, сын Л.Н. и К.П. Тарасовых 128, 473, 689

Тарасов Константин Прокофьевич (1865–1931), врач, профессор Киевского университета, отец А.К. Тарасовой 128, 283, 474, 686, 689

Тарасова Алла Константиновна (1898–1973), актриса, дочь Л.Н. и К.П. Тарасовых 8, 10, 116, 129, 132, 137, 141, 143, 148, 150, 152, 278, 279, 282, 283, 357, 473, 474, 686, 689, 707, 709, 735

Тарасова Елена Константиновна, сестра А.К. Тарасовой 278, 473, 689, 708, 735

Тарасова Леонилла (Нелла) Николаевна (Чеботарева; 1870–1960), мать А.К. Тарасовой 10, 222, 282, 473, 683, 686, 735

Тарасова Нина (Нина) Константиновна (1892–1952), дочь Л.Н. и К.П. Тарасовых 473, 474, 618, 689, 735

Тарасовы, семья 218, 219, 282

Татаринова Александра Павловна, переводчица, сотрудница журнала «Русская мысль» 306, 712

Татарчуков, лектор на политехнических курсах в Воронеже 303

Твардовский Александр Трифонович (1910–1971), поэт 674

Теплякова Т. 14

Тимолай, монах Свято-Смоленской Зосимовой пустыни 448

Тинторетто Якопо (1518–1594), итальянский художник 211

Тициан Вечеллио (1477–1576), итальянский художник 211

Толстая Александра Львовна, дочь Л.Н. Толстого 722

Толстов Василий Федосеевич, воронежский поклонник О. Бесарабовой 289, 292, 344, 405, 434, 508

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), граф, писатель 8, 102, 135, 334, 362, 679, 702, 749

Тольский Алексей, друг юности И.С. Ефимова 532, 563

Троицкий Сергей Семенович (1881–1910), друг П.А. Флоренского 730

Троцкий Лев Давидович (Бронштейн; 1879–1940), один из организаторов Октябрьской революции 664, 706, 739

Трубецкая Антонина Николаевна, княгиня (Самарина; 1864–1901), мать М.Ф. Мансуровой и В.Ф. Комаровской 185, 727

Трубецкие, родственники М.Ф. Мансуровой по материнской линии 465

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920), князь, религиозный философ 187, 335, 716, 727

Трубецкой Николай Петрович (1828–1900), князь, дед М.Ф. Мансуровой, В.Ф. Комаровской и С.В. Олсуфьевой 742

Трубецкой Петр Григорьевич (1910–1966), князь, муж К.П. Истоминой 742

Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905), князь, религиозный философ 679, 727

Трухачев Андрей Борисович (1912–1993), сын А.И. Цветаевой 40, 53, 66, 85, 86, 676

Тулуз-Лотрек Анри де (1864–1901), французский художник

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель 354, 729

Тучкова Софья Сергеевна (1874–1938), сестра милосердия Красного Креста в Сергиевом Посаде 568, 569, 742

Тютчев Федор Иванович (1803–1873), поэт 23, 130, 718

Тютчева, сестра милосердия в Сергиевом Посаде 403, 722

Уайльд Оскар (1854–1900), английский драматург, поэт, прозаик 97, 227, 232, 241, 428, 462, 703

Уитмен Уолт (1819–1892), американский поэт, журналист 102

Урусов Александр Иванович (1843–1900), князь, юрист, публицист, театральный критик 691

Усиевич Григорий Александрович (1890–1918), большевик, муж Е.Ф. Усиевич 721

Усиевич Елена Феликсовна (Кон; 1893–1968), литературный критик 390, 402, 722

Уэльс (Уэллс) Герберт Джорж (1866–1946), английский писатель и публицист 598

Фаворская Мария Владимировна (Дервиз; 1887–1959), художница, жена В.А. Фаворского 8, 460, 469, 493, 502–504, 521, 522, 531, 538, 613, 732, 735, 738, 739

Фаворская (Шервуд) Ольга Владимировна, художница, мать В.А. Фаворского 538, 736

Фаворский Андрей Евграфович (1843–1924), кандидат права, отец В.А. Фаворского 613, 736

Фаворский Владимир Андреевич (1886–1964), художник, график, искусствовед, педагог 3, 6, 13, 459, 460, 470, 479, 481–483, 486, 491, 493, 502–504, 506–509, 512, 515, 521, 522, 531, 538, 553, 561, 569, 615, 617, 619, 630, 732, 736, 738

Фаворский Иван Владимирович (1924–1941), художник, сын В.А. и М.В. Фаворских 637, 738, 748

Фаворский Никита Владимирович (1915–1941), художник-гравер, сын В.А. и М.В. Фаворских 521, 538, 738

Федор Иоаннович (Блаженный; 1557–1598), царь всея Руси и великий князь московский 748

Фет Афанасий Афанасьевич (Шеншин; 1820–1892), поэт 27

Филатова (Доброва) Ирина, первая жена А.Ф. Доброва 528, 536, 537, 597

Флобер Гюстав (1821–1880), французский писатель 626, 718

Флоренская Юлия (Люся) Александровна (1884–1947), врач-психиатр, сестра П.А. Флоренского 730

Флоренская Анна Михайловна (Гиацинтова; 1889–1973), жена П.А. Флоренского 406, 424, 458, 465, 496, 523, 526, 532, 533, 723

Флоренская Елизавета (Лиля) Александровна (1886–1959), художница, педагог, сестра П.А. Флоренского 730

Флоренская Мария-Тинатин Павловна (1924–?), химик, дочь П.А. Флоренского 722, 732

Флоренская Ольга Павловна (Сапарова; 1859–1951), мать П.А. Флоренского 408, 424, 531, 723

Флоренская Ольга (Валя) Александровна (1890–1914), художник-миниатюрист, сестра П.А. Флоренского 730

Флоренская Ольга Павловна (Трубачева; 1919–1995), дочь П.А. Флоренского 424, 728, 732

Флоренская Раиса (Рая) Александровна (1894–1932), художник, сестра П.А. Флоренского 730

Флоренский Александр (Саша, Шура) Александрович (1888–1938), геолог, археолог, этнограф, брат П.А. Флоренского 730

Флоренский Александр Иванович (1850–1908), отец П.А. Флоренского, инженер-путеец 724

Флоренский Андрей Александрович (1899–1961), специалист по корабельным и береговым орудиям, брат П.А. Флоренского 730

Флоренский Василий Павлович (1911–1956), геолог, сын П.А. Флоренского 523, 732

Флоренский Кирилл Павлович (1915–1982), геохимик, сын П.А. Флоренского 477, 732

Флоренский Михаил Павлович (1921–1961), геолог, сын П.А. Флоренского 423, 424, 728, 732

Флоренский Павел Александрович (1882–1937), религиозный философ, ученый, священник 3, 6, 184, 186, 187, 331, 403–406, 408, 409, 412, 416, 418, 421, 425–427, 430, 431, 434–438, 446–448, 455, 457–462, 464, 465, 467, 469, 470, 477, 479, 481, 482, 488, 490, 493, 496–500, 502, 503, 506–510, 512, 515, 519, 520, 523–529, 531–533, 535, 539, 548, 561, 563, 564, 567, 570, 576–578, 583, 585, 586, 592, 594, 608, 613, 615, 630, 640, 679, 700, 723, 724, 726, 728, 735, 736, 738, 749

Фореггер Николай Михайлович (Фореггер фон Грейфентурн; 1892–1939), режиссер, хореограф, художник театра 511, 737

Форейгер – см. Фореггер Н.М.

Форш Ольга Дмитриевна (Комарова; 1873–1961), писательница 499, 500, 502, 736

Фра Беато Анжелико (Гвидо ди Пьетро; 1400–1455), итальянский художник 104

Франк Семен Людвигович (1877–1950), философ, религиозный мыслитель и психолог 679, 729

Франс Анатолий (Анатолий Франсуа Тибо; 1844–1924), французский писатель 232, 238, 254, 704, 705

Франциск Ассизский (1182–1226), католический святой 465, 487

Фридрих I Барбаросса (1122–1190), германский король, император Священной Римской империи 289

Фрумкина Софья, участница «Кружка Радости» 133, 137, 138, 148, 174

Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925), военачальник, герой Гражданской войны 647, 649, 706

Фулье Альфред Жюль Эмиль (Фулье, Фуйе; 1838–1912), французский философ 282, 709

Хальс Франс (1580/85–1666), голландский художник 428, 730

Хандожевская Галина Юрьевна, жена А.Ф. Доброва 458

Хан-Магомедов Селим Омарович (р. 1928), академик, архитектор 12, 675

Харитонов Д. 698

Хлебников Велимир (1885–1922), русский поэт, прозаик 687, 737

Холодная Вера Васильевна (1893–1919), киноактриса 171, 698

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), философ, поэт 747

Храковский Владимир Львович (1893–1984), живописец, художник-оформитель, педагог, профессор живописи 660

Цветаев Иван Владимирович (1947–1913) – основатель Музея им. Александра III, отец Марины и Анастасии Цветаевых 83, 675

Цветаева Анастасия Ивановна (1894–1993), писательница, сестра М.И. Цветаевой 7, 29, 40, 53, 61, 64, 66–68, 85–87, 91, 666, 671, 672, 675, 676

Цветаева Марина Ивановна (1892–1941), поэт 3–7, 9, 14, 15, 17, 20–30, 61, 63, 65–68, 70–73, 75–79, 81–83, 85–87, 91–94, 342, 464, 480, 653, 654, 662–677

Цветковская-Бальмонт Елена Константиновна (1880–1943), третья жена К.Д. Бальмонта 131, 151, 152, 691

Цетлин Михаил Осипович (псевд. В. Амари; 1882–1945), поэт, беллетрист, меценат 659

Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856), философ, публицист 702

Чабров Алексей Александрович (Подгаецкий; 1883 – ок. 1935), музыкант, актер Камерного театра, режиссер 75, 76, 91, 672, 674

Чайковский Петр Ильич (1840–1893), композитор, дирижер, педагог 60, 277

Чеботарева Нилочка – см. Тарасова Л.Н.

Чекрыгин Василий Николаевич (1897–1922), художник 592, 594, 595, 744

Челищев Алексей Михайлович (1847–1889), муж О.А. Челищевой 747

Челищев Михаил Николаевич (1815–1883), тайный советник и гофмейстер 747

Челищев Николай Федорович, доктор наук, профессор, автор воспоминаний об отце Ф.А. Челищеве 747

Челищев Федор Алексеевич (1883–1942), поэт 681, 747

Челищева Екатерина Алексеевна (Хомякова; 1843—?), дочь поэта А.С. Хомякова 618, 747

Челищева Ольга Алексеевна (Хомякова; 1848—1929), сестра Е.А. Челищевой 618, 747

Челноков Михаил Васильевич (1862/63—1935), Комиссар Временного правительства по Москве 156, 697

Ченизелли (в тексте Чинезелли), основатель и владелец цирка в Санкт-Петербурге 197, 701

Чернокрыл — см. Пинес Эсфирь

Чернышев Николай Михайлович (1885—1973), художник-монументалист, график 5

Чехов Антон Павлович (1860—1904), писатель, драматург 684—686

Чита — см. Селиванова М.

Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), правовед 669

Чулков Георгий Иванович (1879—1939), писатель, литературный критик 691

Чюрлёнис Микалоюс Константинас (Николай Константинович Чурлёнис; 1875—1911), литовский художник и композитор 461, 733

Шагал Марк Захарович (1887—1985), русский и французский художник 678

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888—1982), писательница 624, 748

Шаломатова А.М. 698

Шамбинаго Сергей Константинович (1871—1948), литературовед, фольклорист 138, 728

Шанявский Альфонс Леонович (1837—1905), меценат, основатель Народного университета 97, 99, 146, 678, 680

Шауфус Татьяна Алексеевна (1891—1986), сестра милосердия Красного Креста в Сергиевом Посаде 403, 568, 722, 742

Шаховская Анна Дмитриевна (1889—1959), сестра Н.Д. Шаховской (Шик) 352, 472, 476, 478, 485, 666, 734

Шаховская Анна Николаевна (Сиротина; 1860—1951), мать Натальи и Анны Шаховских 735

Шаховская Наталья Дмитриевна (Шик; 1890—1942), историк, писатель, переводчица 100, 114, 115, 146, 160, 161, 201, 204, 213, 214, 230, 267, 278, 282, 304, 305, 309, 312, 313, 323, 325, 331, 335, 338, 352, 366, 368, 369, 379, 385, 388, 405—408, 411, 413, 423, 446,

457, 458, 462, 467, 474, 478, 485, 489, 493, 497, 515, 519, 523, 554, 567, 569, 618, 639, 666, 680, 681, 711, 716, 735, 747

Шаховской Дмитрий Иванович (1861–1939), князь, общественный и политический деятель 201, 305, 312, 467, 666, 682, 701, 711, 734

Шаховской Дм.М. 682

Шаховской Федор Петрович (1796–1829), князь, отставной майор, декабрист 701

Шевченко Варфоломей Григорьевич, троюродный брат Т.Г. Шевченко, дед сестер Велигорских 10

Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861), украинский поэт, прозаик, художник 10

Шекспир Уильям (1564–1616), английский драматург и поэт 106, 215, 283, 706

Шелли Перси Биши (1792–1822), английский поэт 202, 232, 431, 605, 731

Шергин Борис Викторович (1893–1973), писатель, фольклорист, публицист и художник 560, 561, 578, 605, 742

Шестов Лев (Шварцман Лев Исаакович; 1866–1938), философ и писатель, друг юности В.Г. Миревич 8, 9, 98, 103, 105, 116, 130, 137, 139, 175, 316, 336, 378, 659, 661, 679, 681, 682, 684, 688, 690, 691, 708, 711, 713, 716. 742, 743

Шик Владимир Миронович (Вольф; 1862–1938), отец М.В. Шика 680

Шик Гизелла Яковлевна (Егер, Эйгер; 1866–1952), мать М.В. Шика 305, 313, 368, 474, 548, 642, 711

Шик Елена (Лиля) Владимировна (Елагина; 1895–1931), актриса, ученица Е.Б. Вахтангова, сестра М.В. Шика 127, 128, 132, 305, 306, 313, 315, 411, 413, 451, 453, 457, 466, 467, 472, 474, 512, 642, 643, 711

Шик Е.М. 682

Шик Михаил Владимирович (1887–1937), философ, священник, друг В.Г. Миревич 8, 100–105, 107–110, 113, 115–118, 127, 128, 136, 140, 141, 152, 160, 167, 173, 179, 214, 219, 221, 230, 237, 245, 267, 280, 282, 3–4, 305, 313, 315, 318, 319, 321, 323–325, 331, 333, 335, 336, 338, 348, 352, 357–359, 366, 367, 370, 377, 378, 385, 386, 388, 406, 407, 409, 411, 413, 421, 423, 425, 431. 435, 438, 446, 457, 458, 461, 464, 467, 474, 476, 487, 488–490, 494, 503, 512,

515, 519, 525, 529, 554, 557, 564, 583, 617, 618, 621, 648, 680–683, 688, 711, 747

Шик М.М. – см. Старостенкова М.М.

Шик Сергей Михайлович (р. 1922), геолог, старший сын М.В. Шика и Н.Д. Шаховской 241, 467, 485, 490, 493, 567, 639, 682, 734

Шилейко Владимир Казимирович (1891–1930), ассиролог, второй муж А.А. Ахматовой 44, 46, 52, 669

Шингарев Борис Леонидович 72

Шип, доктор 318

Шишковский Осип Осипович (1870–?), архитектор 739

Школьский, москвич, приват-доцент 67, 673

Шкуро Андрей Григорьевич (1887–1947), командир конного корпуса в Вооруженных силах Юга России, белогвардеец 709

Шлёцер Борис Федорович (1881–1969), философ, музыкальный критик, брат Т.Ф. Скрябиной 660

Шлёцер Мария Александровна, пианистка, мать Т.Ф. Скрябиной 318, 714

Шлиман Генрих (1822–1890), немецкий археолог 146

Шмаков Владимир Алексеевич (1887–1927/29?), философ 608, 746

Шокарев С. 13

Шопен Фредерик (1810–1849), польский композитор, пианист 206, 207

Шопенгауэр Артур (1788–1860), немецкий философ 278

Шпенглер Освальд (1880–1936), немецкий философ и историк культуры 526, 738

Шредер Зоя Евгеньевна, сослуживица О. Бессарабовой по работе в Архиве Земгора 238, 245

Шульгин Василий Васильевич (1878–1976), политический деятель, член II–IV Государственных дум 661

Шуман Роберт (1810–1856), немецкий композитор 251, 252

Шура – см. Дзбановская А.А.

Шура, Шурочка – см. Доброва А.Ф.

Шурочка Велигорская – см. Андреева А.М.

Щорс Николай Александрович (1895–1919), красный командир, комдив времен Гражданской войны 708

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Шукин Сергей Иванович (1854—1936), предприниматель, кол-
лекционер 19, 286

Шукин Борис Васильевич (1894—1939), актер 729

Эвальд, воронежский поклонник О. Бессарабовой 280, 434

Эзоп, древнегреческий баснописец VI в. до н.э. 601, 745

Эйнштейн Альберт (1879—1955), физик-теоретик, один из ос-
новоположников современной физики 490

Эллис — см. Кобылинский Л.Л.

Энгельгардт Елена, сослуживица О. Бессарабовой по Архиву в
Земгоре 174

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967), писатель. поэт, пуб-
лицист 93, 577, 677

Эрн Владимир Францевич (1882—1917), философ и публицист 679

Эсфирь (Кира) — см. Пинес Э.

Эфрон Ариадна (Аля) Сергеевна (1912—1975), дочь М.И. Цве-
таевой 5—7, 24, 26, 29, 34, 36, 37, 40, 43, 45, 64, 66, 68, 70, 75, 82, 83,
85, 91, 94, 662, 666, 667, 670, 673

Эфрон Сергей Яковлевич (1893—1941), муж М.И. Цветаевой
25, 29, 32, 34—36, 66, 75, 665

Юдина Мария Вениаминовна (1899—1970), пианистка, педа-
гог 481, 699

Юсупов Феликс Феликсович (1887—1967), князь, граф Сума-
роков-Эльстон 695

Языкова Екатерина Михайловна (1817—1852), сестра поэта
Н.М. Языкова 747

Якушкин, сослуживец О. Бессарабовой по Земскому архиву
233, 238

Ярило — см. Ефимов И.С.

Яровой Владимир (Володя) Яковлевич, воронежский друг
Бориса и поклонник Ольги Бессарабовой 144, 226, 390, 393, 400,
412, 414, 436, 439, 462, 552, 677, 694

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть I. Бессарабов – Цветаева. 1921 год	15
Часть II. Дневники Ольги Бессарабовой	97
Комментарии	663
Указатель имен	750

Марина Цветаева — Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой. 1916—1925 / Вступ. статья, подгот. текста, сост. Н.А. Громовой. — М.: Эллис Лак, 2010. — 800 с., илл.

ISBN 978-5-902152-83-5

Ц 27

В книге приведены уникальные, ранее не публиковавшиеся материалы, в которых представлена культурная среда начала и середины XX века. В письмах и дневниках содержится рассказ о событиях в жизни Марины Цветаевой, Бориса Бессарабова, Анны Ахматовой, Владимира Маяковского, Даниила Андреева, Бориса Зайцева, Константина Бальмонта, Льва Шестова, Павла Флоренского, Владимира Фаворского, Аллы Тарасовой, Игоря Ильинского и многих-многих других представителей русской интеллигенции.

Дан развернутый комментарий, приведены редкие, впервые публикуемые фотоматериалы.

ББК 84(2 Рос–Рус)6

**Марина Ивановна Цветаева
Ольга Александровна Бессарабова**

МАРИНА ЦВЕТАЕВА — БОРИС БЕССАРАБОВ
Хроника 1921 года в документах

ДНЕВНИКИ ОЛЬГИ БЕССАРАБОВОЙ
1916—1925

Корректор *Е.И. Кортаева*

Подписано в печать 15.08.10. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 25+вкл. Тираж 2500 экз. Заказ № 3634.

Издательство «Эллис Лак 2000»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к.16
Тел. (495)605-37-97. Факс (495)605-89-47
E-mail: ellisluck@mail.ru <http://www.ellisluck.ru>

ISBN 978-5-902152-83-5

9 785902 152835

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных оригиналов в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь”» 430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а
E-mail: tko-saransk@mail.ru

